

А. С. Демин

О ДРЕВНЕРУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ТВОРЧЕСТВЕ

Опыт типологии с XI по середину XVIII вв.
от Илариона до Ломоносова

STUDIA PHILOLOGICA

S T U D I A P H I L O L O G I C A

А. С. Демин

О ДРЕВНЕРУССКОМ
ЛИТЕРАТУРНОМ
ТВОРЧЕСТВЕ

Опыт типологии
с XI по середину XVIII вв.
от Илариона до Ломоносова

Ответственный редактор
В. П. Гребенюк

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2003

ББК 83.3(2Рос=Рус)3-001.3
Д 30

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 02-04-16012

Демин А. С.

Д 30

Древнерусская литература: Опыт типологии с XI по середину XVIII вв. от Илариона до Ломоносова / Отв. ред. В. П. Гребенюк. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 760 с. – (Studia philologica).

ISSN 1726-135X
ISBN 5-94457-133-0

В книге разрабатывается новая и актуальная проблема — история древнерусского литературного творчества, интегрирующая поэтику, стилистику, текстологию, идеологию и эстетику древнерусской литературы. Рассматриваются основные типы древнерусского литературного творчества, их признаки и эволюция в течение семи с половиной веков. Материалом для наблюдений служат памятники практически всех древнерусских жанров, от сочинений митрополита Илариона и летописей до ранней русской драматургии и поэзии Ломоносова.

Книга является продолжением предыдущей большой монографии А. С. Демина («О художественности древнерусской литературы», М., 1998) и составляет двухтомник по эстетической истории литературы Древней Руси, основа которой заложена трудами Ф. И. Буслаева, А. С. Орлова, И. П. Еремина, Д. С. Лихачева.

ББК 83.3(2Рос=Рус)

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshchev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G•E•C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G•E•C GAD.

© А. С. Демин., 2003
© Ю. С. Саевич. Оформление серии, 2003

ISBN 5-94457-133-0

Анатолий Сергеевич Демин

Памяти Дмитрия Сергеевича Лихачева посвящаю эту книгу

СОДЕРЖАНИЕ

К читателям	9
Несколько слов о периодизации древнерусской литературы	11

I. Архаическое литературное творчество в XI—XII вв.

Семантика «Повести временных лет»	15
1. Персонология «Повести временных лет»	15
2. О типе литературного творчества создателей «Повести временных лет»	41
Перечисление как литературное творчество (по памятникам XI — начала XII в.)	67
Изобразительность «Сказания о Борисе и Глебе»	83
1. Герменевтика писательского высказывания (по «Сказанию о Борисе и Глебе»)	83
2. Единицы изобразительности (по «Сказанию о Борисе и Глебе»)	95
3. Виды художественной образности в «Сказании о Борисе и Глебе»	105
Облик читателя в книжных предисловиях XI—XII вв.	115
Об «архаизирующем» повествовании в «Слове о полку Игореве»	128
Гипотеза о первоначальном виде «Слова о погибели Русской земли»	142

II. Традиционное литературное творчество в XIII—XVII вв.

«Житие Александра Невского» и летописание XII в.	159
Повествовательная особенность «Хождения» Стефана Новгородца	167
«Слово о погибели Русской земли» и «Задонщина», перенесенные во вторую половину XV в.	170
Литературные черты древнерусских письменников	178
1. Обзор русских письменников XV—XVII вв.	178
2. О древнейшем русском письменнике XV в.	189
3. О письменнике в «Великих минеях четых»	201
4. Об отрывках из неизвестных прозаических посланий в письменниках	208
5. О литературном значении древнерусских письменников	212

О типе литературного творчества составителей «Псковской второй летописи»	220
Пессимистическое умонастроение составителей «Хронографа 1512 г.»	227
«Сказание о Мамаевом побоище»: роль чувств	235
«Подтвердительная» повествовательная манера «Степенной книги»	242
«Слово о полку Игореве», «Задонщина» и поздняя книжность	255
1. Отголоски «Слова о полку Игореве» в «Казанской истории»	255
2. «Слово о полку Игореве» и предисловие к «Хронографу» 1641 г.	265
3. «Задонщина» в сборнике середины XVII в.	270
Литературное значение старопечатных книг XVI—XVII вв.	276
1. Предисловия Франциска Скорины к библейским книгам — литературный цикл	276
2. Послесловие к первопечатному «Апостолу» Ивана Федорова 1564 г. как литературный памятник	281
3. Скрытая полемичность старопечатных книжных послесловий XVI в.	297
4. Литературные особенности изданий «Пролога»	315
«Казанская история»: двуликий автор	341
Литературные новации «Повести о приходе Стефана Батория на град Псков»	350

III. Новаторское литературное творчество в XVII — первой половине XVIII в.

«Новая повесть» и новая манера повествования	361
О демократических стихотворных посланиях в письмовниках	370
Челобитные Аввакума и одна из неисследованных традиций деловой письменности	374
Повествовательные новации и читательский мир в произведениях 1660-х — 1670-х годов	388
1. Стремление к ясности изложения	388
2. Афористика Симеона Полоцкого	406
Новаторство ранней русской драматургии	427
1. О понятности драматургической формы в XVII в.	427
2. Диалог «Школьное благочиние» Прохора Коломнятина	433

3. Мотив переменчивости жизни в драматургии первой половины XVIII в.	437
4. Неконтактность литературных героев в конце 1720-х — 1730-х годах	449
Стилистические опыты молодого Ломоносова	463

IV. Об исследователях и исследовании древнерусской литературы

Труды В. Н. Перетца по истории русского театра	489
Близко ли далекое? (О книге В. Ф. Переверзева)	500
Своеобразие источниковеда (Об И. М. Кудрявцеве)	505
Древнерусская литература в «Литературных памятниках»	514
Зеркало таланта (О книге Д. С. Лихачева)	522
Филологическая держава академика Дмитрия Сергеевича Лихачева	527
Древнерусская литература глазами Риккардо Пиккио	534
Для кого писать? (К 800-летию «Слова о полку Игореве»)	538
Текстолог и «пестрота» XVII в.	545
Принципы составления фундаментальной истории древнерусской литературы	553
Что делает литературовед с древнерусским произведением	561

V. Фактографические приложения

Приложения к разделу о письмовниках	569
Приложение 1. Тексты письмовников	571
Приложение 2. Археографический обзор и стеммы списков письмовников	640
Приложения к разделу о старопечатной литературе	669
Приложение 3. Новонайденный экземпляр печатного виленского «Апостола» 1591 г.	670
Приложение 4. Описание литературного состава русских старопечатных сборников XVII в. (подготовила А. Г. Мирзоян)	676
Приложение к разделу о драматургии	713
Приложение 5. Неизвестная челобитная И.-Г. Грегори	713
<i>Список сокращений</i>	715
<i>Именной указатель</i> (сост. Е. В. Зуевская)	717
<i>Указатель произведений</i> (сост. Е. В. Зуевская)	730

К ЧИТАТЕЛЯМ

В этой книге древнерусская литература изучается с той ее стороны, которая интересна для нас сейчас, а не в древности. Ведь для большинства древнерусских книжников литературное творчество вовсе не являлось главной целью. Однако обойтись без него и им было невозможно, собственно литературный феномен существовал всегда, выделять его — правомерно.

Предлагаемая книга ставит новый вопрос о вековых типах литературного творчества, сложившихся в средневековой Руси и обильно представленных в памятниках. Категория «тип литературного творчества», пожалуй, самая синтетичная — она объединяет текстологию, идеологию, стилистику, поэтику, семантику и эстетику памятников: все данные можно сводить воедино. Но для этого их надо получить и оценить у представительной массы памятников, притом без грубой и прямолинейной модернизации, а подобная работа исключительно велика и прежде всего требует конкретики, изучения семантики повествовательных форм и средств в памятниках и ее объяснений особенностями повествовательной манеры и мироотношения писателей в возможно строгом соответствии материалу. Семантические исследования испытывают хроническую нехватку доказательств однозначных, прямых, полных — это основная трудность для наблюдений и истолкований, для верного применения научной терминологии.

И все же в результате проделанного анализа складывается обобщенная картина; категорией «тип литературного творчества» древнерусская литература охватывается в самом крупном членении. Называю такие типы достаточно условно по их отношению к Новому времени: 1) архаическое литературное творчество, первоначальное на Руси и резко не похожее на наше; 2) традиционное литературное творчество, перерабатывавшее традиции и более сходное с нашим в повествовательной области; 3) новаторское литературное творчество, склонное к явственным новациям и предшествующее нашим устремлениям к художественности литературы.

К истории типов древнерусского литературного творчества исследователи даже не подступались, тем более что хронологические границы между типами размыты, типы «заходят» в чужие пределы, а древнерусская литература гораздо более едина, вопреки накладываемым на нее разного рода периодизациям. Историю типов древнерусского литературного творчества сразу создать невозможно, и поэтому предлагаемая ныне книга содержит очерки, зачастую довольно боль-

шие, пока лишь по предварительной классификации и истории типов древнерусского литературного творчества. Хотя очерки, включенные в состав книги, написаны в разное время, но теперь они, если необходимо, переработаны и вместе образуют принципиально новое связное целое; внутри каждой части книги публикуемые работы расположены по источниковедческому принципу, более приемлемому для нынешнего этапа изучения проблемы; по ходу рассмотрения источников делаются и теоретические выводы, тоже пока предварительные.

Получившаяся книга является естественным продолжением предыдущей моей большой книги — «О художественности древнерусской литературы» (М.: «Языки русской культуры», 1998) — и придерживается принятых в ней правил издания. Обе книги представляют собой двухтомник избранных работ по эстетической истории древнерусской литературы, полностью различаются составом, но взаимодополняют друг друга в пределах этой более широкой, если не сказать широчайшей, темы.

Однако эстетическая история древнерусской литературы, помогающая более глубокому познанию общих культурных процессов и более тонкому пониманию нами литературных памятников, несмотря на огромный вклад ученых в их осмысление, от Ф. И. Буслаева до Д. С. Лихачева, все же находится в подготовительном состоянии, что побуждает продолжать исследования в этой области и при этом думать о научной методике, исходных категориях, совершенствовании доказательной базы и, значит, об опыте научных предшественников, которым и посвящена одна из частей данной книги.

Вся же книга посвящается памяти крупнейшего филолога конца XX в. — Дмитрия Сергеевича Лихачева, — которого я считаю своим Учителем в науке. Его художественно-научная интуиция была просто захватывающей. Он произвел на меня самое сильное впечатление на всю жизнь.

Благодарю тех, кто читал мою книгу в рукописи и сделал очень полезные замечания — В. П. Гребенюка, В. М. Гуминского, А. Б. Куделина, В. М. Кириллина, О. В. Гладкову, М. Ю. Люстрова, а также приношу особую благодарность Б. Н. Тарасову, В. И. Федорову, Л. А. Софроновой и Т. В. Марелло.

Но вынужден закончить свое вступительное слово чистосердечным признанием: нынешняя жизнь заставляет осознать, что время романтических надежд на гуманитарную науку осталось позади; поэтому чем нужны будут в современном обществе такие книги, как эта, — не угадать; хотя так утешительна мысль о том, что в новых условиях не исчезнет потребность в эстетических впечатлениях от искусства и от литературы и, значит, в продолжении и обновлении форм и методов их изучения.

Июль 2001 г.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ПЕРИОДИЗАЦИИ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Всем знакома и сейчас, кажется, всеми критикуема прежняя периодизация древнерусской литературы — по историческим явлениям и процессам. В самом деле, что значит, например, «литература эпохи Куликовской битвы»: кончилась битва в 1380 г. — кончилась и литературная «эпоха», или она продолжалась до несостоявшейся битвы 1480 г. — «стояния на Угре»?

Попытки отойти от обедняющей и слишком дробной периодизации древнерусской литературы предпринимались неоднократно, правда, в сторону все более расплывчатого названия исторических периодов, обволакивающих свою литературу, словно жертву исторического процесса. Однако была сделана, на наш взгляд, и попытка успешная, — это когда Д. С. Лихачев предложил делить древнерусскую литературу на три крупные хронологические части: на собственно древнерусскую литературу XI — начала XIII вв. (литературу Киевской Руси); на средневековую русскую литературу XIII—XVI вв. (литературу Северо-Восточной Руси); и на русскую литературу переходного периода к Новому времени в течение XVII — первой трети XVIII вв. Плодотворность предложенной периодизации заключалась в ее неявной опоре уже не столько на внешние социально-исторические факторы, сколько на внутренние эстетические свойства самой литературы. В этом направлении, по-видимому, и надо продолжить усилия.

Эстетические принципы меняются гораздо медленнее, чем исторические явления, влияющие на литературу, и поэтому составляют основу для более крупной и органичной периодизации всей древнерусской литературы. К таким основополагающим принципам, как мне думается, относится *тип литературного творчества* древнерусских писателей и, в частности, суть их повествовательной манеры.

Наблюдения над произведениями показывают, что, по большому счету, всего лишь три важнейших типа литературного творчества были выработаны древнерусской литературой. Хронологически первым явилось *архаическое литературное творчество*, характерной чертой которого стал специфический лаконизм повествования, рассчитанного преимущественно на подразумевания, припоминания, ассоциации, возникающие у читателей и слушателей. Так, слова, выбитые в камне, не описывают, а лишь напоминают о чем-то, находящемся уже в сфере припоминаний. Архаическая литература глубоко драматична, но

не всегда нам понятна, потому что ее ассоциации давно позабыты и сверх написанных слов мы нередко мало что воспринимаем.

Второй тип литературного творчества начал формироваться в XIII в. и оставался действенным вплоть до XVIII в., — таким долгим было существование *традиционного творчества*, направленного на своего рода инвентаризацию и широкое использование огромных повествовательных традиций, доставшихся от прошлого, но с кардинальными изменениями повествования на изложение, ясно досказанное и идеологически дотошно растолкованное, не оставляющее места для домыслов. Словоохотливое традиционное древнерусское творчество, конечно, неизмеримо ближе к нашему пониманию, нежели творчество архаическое.

Наконец, третий тип творчества — *новаторский* — зародился в XVII в. как некое возвращение к архаике, к принципам ассоциативности и подразумеваемости повествования, но в действительности — к стихийно намечавшимся принципам художественности и образности. Ведь образ порождается не растолкованиями, а ассоциациями. Сравнительно недолгий новаторский тип древнерусского литературного творчества послужил пропуском для перехода к литературе Нового времени, к художественной литературе, эстетика которой уже близка нам.

Периодизация древнерусской литературы в зависимости от типов литературного творчества позволяет видеть, насколько гибки границы между «периодами», вернее, между частями литературы во времени, а также насколько развитие литературных явлений определяется типом творчества. Например, понятно, почему жанровые формы так зыбки в период архаики, так определены и мощны в период традиционализма и так потрясены и наполнены экспрессией в период новаторства. Таких соответствий можно наоблиести немало.

Однако должен предупредить, что по-журналистски складно нарисовать общую схематическую картину литературного развития совсем не трудно, особенно эффектными получаются сугубо предположительные «вавилонские башни». Я же предпочитаю делать выводы по мере анализа конкретных памятников, с неизбежной медленностью, неуклюжестью и недодуманностью возвращаясь к размышлениям об истории древнерусского литературного творчества и, значит, истории древнерусской литературы, но в данном случае все же предпочитая ее простую, даже наивную, периодизацию.

I

**АРХАИЧЕСКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО
В XI—XII ВВ.**

СЕМАНТИКА «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

1. ПЕРСОНОЛОГИЯ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

Тип литературного творчества определяется по семантике произведения, особенно по характеристикам персонажей. Это касается и коллективно созданного памятника, такого, как «Повесть временных лет»¹.

Составители летописи повествовали в основном о событиях («что ся здеа в лета си» — 17, под 852 г.), но иногда летописец переходил к рассказам специально об отдельных лицах («намену неколико мужь чюдныхъ» — 183, под 1074 г.). Прямая персонология летописца ограничивалась особыми похвальными словесами князьям и церковным деятелям. Но еще существовала косвенная летописная персонология, гораздо более богатая благодаря многочисленным рассказам и упоминаниям летописца о тех или иных лицах. В результате сформировался более или менее цельный облик почти у каждого летописного героя. Из ранних героев летописи наиболее интересны Андрей Первозванный, Кий, Олег Вещий, Игорь Рюрикович, Ольга, Святослав Игоревич, Владимир Святославич. Их литературный облик как получившееся целое и обозревается в данной работе.

Персонологии летописи касалось немало исследователей (наиболее обстоятельно — А. А. Шайкин). Ныне задача заключается в обобщении наших новых истолкований летописного текста, ведь главная повествовательная манера этого памятника состоит в том, что в его рассказах больше подразумевается, чем говорится. Естественно, наши истолкования нередко спорны, имеют предварительный характер, что объясняется также и конспективным жанром предлагаемой работы — сразу охватить очень большой материал в кратких, ясных очерках, но без чрезмерного цитирования текста, без полной доскональности доказательств и без подробных библиографических примечаний. Когда ясна общая картина, тогда легче ее детально проверять в дальнейшем. Главное, чтобы наше домысливание не противоречило авторскому.

¹ «Повесть временных лет» цитируется по изданию, которое скрупулезно, но удобно указывает разночтения списков и состояние основного списка: Летопись по Лаврентьевскому списку / Изд. подгот. А. Ф. Бычков. 3-е изд. СПб., 1897. Страницы указываются в скобках. Орфография передается с упрощениями.

Апостол Андрей

Все, рассказанное летописцем об апостоле Андрее, не было случайным, но характеризовало его облик. Ход рассказа, детали, беглые упоминания — все имело смысл.

Андрей предстал значительной персоной, солидным церковным деятелем. Летописец, конечно, недаром отметил, что Андрей являлся братом авторитетного апостола Петра. Летописец показал основательность Андрея, который не кочевал, а обосновался в Синопе, в Синопе учил вере и в Синоп возвратился после долгой поездки в Рим. Поездка, как и положено важному церковному деятелю, была вызвана необходимостью отчитаться в Риме о том, кого Андрей научил и что увидел.

В Рим почтенный миссионер Андрей не пробирался в одиночку, случайными и опасными путями, но со своими учениками спокойно, с ночевками, проследовал по знаменитому пути из Грек в Варяги, плывя на судне вверх по Днепру. Место своей удобной ночевки на берегу под холмами Андрей благословил, и не мимоходом, а с утра затеял настоящую церемонию благословения места, действуя как высокий церковный иерарх. Он обратился к окружившим его ученикам, описал будущее тех холмов, на которые они смотрели по его указанию, затем взошел на эти холмы, поставил крест на месте предсказанного им города Киева, торжественно помолился Богу и, наконец, сошел с холма, завершив церемонию. Все это показал летописец.

Значительность Андрея проявилась также в его широкой осведомленности. Андрей у летописца, придя в Крым, в Херсонес, уже достаточно знал об устье Днепра и о пути из Грек в Варяги, а затем выступил в роли пророка, провидевшего большой город со множеством воздвигнутых сияющих церквей. Все, увиденное им, Андрей с редкостным пониманием сути дела принимал к сведению. Например, удивившись странному поведению людей, Андрей сразу понял, что он наблюдает банный обычай словен, которые не просто моются, но еще и «хвощаются» (7).

Еще одно проявление значительности Андрея: прекрасное владение искусством речи. Придя в Рим, Андрей смог увлекательно рассказать об обычаях словен своим римским слушателям, тонко учитывая психологию западноевропейцев, любящих комфорт, и заставив их пребывать в бесконечном изумлении от парадоксов словенской жизни: в Риме бани каменные, а в Словенской земле — опасно деревянные; пожара следует опасаться, словены же, напротив, всю нагнетают огонь и жар; прилюдно раздеваться есть неприлично и недостойно, а словены охотно объявляются нагишом (об этом же обычае на Руси писали западные путешественники и в XVII в.); квас надо бы пить, а словены им обливаются с необы-

валой расточительностью, да еще каким ядовитым квасом «уснянномъ» — из белены (это разъяснение Т. А. Лисовой-Исаченко; такой квас обезболивает кожу); давать бить себя — позорно, да и неприятно, но словены так старательно секут сами себя, притом особенно жгучими гибкими молодыми прутьями, что еле живыми вылезают из бани; римлян на месте словен добила бы ледяная вода, а словены, окатившись ею, оживают после побоев; добро еще, если бы столь рискованные деяния допускались раз в году, но словены творят это ежедневно.

Значительность Андрея подчеркивалась вот чем еще. Для летописца, составившего летопись через полвека после открытого раскола христианства на католичество и православие и отрицательно относившегося к латинскому Риму, апостол Андрей явился не высокомерным латинянином, а, напротив, как бы «своим» человеком, который вполне лояльно отнесся к славянскому миру, а столь нелюбимых летописцу римлян выставил простофилями. Именно Андрей задал римлянам насмешливую загадку: «Что это такое, когда себя мучают и оскорбляют: оголяются, жарят, бьют себя, морозят?» Несообразительные римляне не смогли ответить, и Андрей в конце концов назвал им отгадку: «И то творять мовенье себе, а не мученье!» (8). Можно предположить, что летописец обозначил даже некоторую нелюбовь Андрея к Риму: апостол сначала «не въсхоте поити в Римъ» и предпочел плыть на север, а когда пришлось явиться в Рим, то он недолго «бывъ в Риме, приде в Синопию». Правда, в дошедшем тексте летописи сказано, что апостол как раз «въсхоте» пойти в Рим, но тут, пожалуй, искажение, ибо «всхотети» использовано в Лаврентьевском списке 9 раз (см. известный справочник О. В. Творогова), и всюду в летописи, кроме данного раза, употребляется только словосочетание с отрицанием — «не въсхоте» (в том числе: «не всхотеша бо ходити» — 165, под 1068 г.; «не въсхоте ити» — 222, под 1096 г.), а при утверждении хотения используются глаголы без приставок — «хотети», «желати» (ср.: «хоте поити» — 44, под 941 г.; «хотяше ити» — 199, под 1085 г.; и мн. др.). Да и разумно ли из Крыма плыть в Рим через Днепр?

Значительность Андрея не преуменьшили дальнейшие утверждения летописи о том, что вероучителем славянства нужно считать апостола Павла (так отмечено в летописном повествовании под 898 г.). Все это правда. Судя по летописному изложению, апостол и не учил славян, и даже никак не общался с ними, пройдя своим путем задолго до возникновения Киева и Новгорода как предвестник христианства на Руси.

Значительность Андрея ясна и по месту рассказа в общем летописном повествовании. В соответствии с историософией летописца (то есть его манерой определять значение персонажей и событий), важные исторические явления, в том числе христианство, не сами зарождались внутри общества, а извне привносились на Русь пришлыми (или возвращавшимися) героями, и эти

приходы были судьбоносными. Апостол Андрей был для Руси первым таким героем. Затем Рюрик, прибыв из-за моря, от варягов, основал русскую государственность (под 862 г.); киевская княгиня Ольга вернулась из Царьграда христианкой (под 955 г.); великий князь киевский Владимир Святославич, вернувшись из варяжского Заморья, стал единодержцем Руси (под 980 г.), потом, возвратившись из Крыма, крестил Русь (под 988 г.).

Кий

По не очень внятному и осторожному летописному изложению, к тому же, возможно, заглаженному последующими редакторами и испорченному позднейшими переписчиками, все же можно предположить, что летописец не причислял Кия и его братьев определенно к полянам. По сообщению летописца, поляне жили на своих местах «и до сее братье» (8). Братья же затем каким-то образом «сели» среди полян на трех «горах» (холмах) и построили городок во имя своего старшего брата, там все и пребывали. Поляне же, как можно далее понять, обитали и охотились около города и лишь позже появились в Киеве.

На чужеродность Кия, быть может, указывают также дальнейшие сообщения летописца о том, что Кий никогда не был перевозчиком на Днепре (то есть не относился к «местным»?); что после основания Киева Кий «княжаше в роде своем» (а не у полян?) и что Кий «възлюби место», далекое от полян, — на Дунае, воздвиг там городок и захотел в нем осесть, опять-таки «с родомъ своимъ» (9). Конечно, истолкование всех этих фраз не бесспорно.

Но самое любопытное возможное свидетельство чужеродности Кия и его братьев полянам содержится в Лаврентьевском, а также в Ипатьевском и Переяславско-Суздальском списках летописи через несколько листов после рассказа о Кие. Жители Киева утверждали, что платят дань после смерти всех трех братьев «родомъ ихъ — козаромъ» (20, под 862 г.), то есть родственникам братьев — хазарам. Правда, эта фраза считается искаженной, и нет никаких иных следов мнения летописца якобы о хазарском происхождении Кия и его братьев.

Однако некоторые мотивы в летописном изложении не позволяют полностью отвергнуть предположение о том, что летописец представлял Кия вне среды полян. Во-первых, как следовало из историософской схемы летописца, все древнейшие правители Руси пришли извне, и Кий вряд ли был исключением. Во-вторых, летописец отметил, что Кий ходил в Царьград и принял великие почести от византийского цесаря, а подобное соответствовало выходцу из более энергичного, известного и влиятельного этноса, нежели поляне. В-третьих, хазары, возможно, не случайно предложили полянам платить дань, а поляне сразу согласились платить дань именно хазарам и делали это долго: ведь прецедент уже был — Кий.

В общем, вопрос о характеристике Кия в летописи пока остается открытым.

Олег

I. Летописец постарался всячески подтвердить законность вокняжения Олега. Во-первых, летописец подчеркнул достойное происхождение героя — «отъ рода» Рюрика (22, под 879 г.); сам же Олег в рассказе летописца определил себя еще решительнее: «азь есмь роду княжа» (22, под 882 г.). Во-вторых, летописец представил Олега юридически завещанным преемником Рюрика, который, умирая, «предасть княженъе свое Олгови» (22, под 879 г.). В-третьих, как показал летописец, Византия признала Олега князем, неоднократно называя его так в договоре (под 970 и 912 гг.). Олега называли князем все, в том числе кудесники и волхвы. В-четвертых, летописец поставил Олега в ряд с известными законными правителями — с римским императором Константином Великим и византийским цесарем Михаилом III: «отъ Костянтина же до Михаила сего леть 542, а отъ перваго лета Михаилова до перваго лета Олгова, рускаго князя, леть 29» (17, под 852 г.). Наконец, сама длительность властвования Олега, отмеченная летописцем, возможно, выступала свидетельством законности его княжения: «бысть всехъ леть княжения его 33» (38, под 912 г.).

Кроме того, летописец показал законность княжеской деятельности Олега почти на каждом ее этапе. Этот герой у летописца не просто расширял свою власть, но постоянно опирался на правовые установления. Судя по летописным подробностям, которые могли бы и отсутствовать, будь изложение более сухим, вокняжение Олега в Новгороде сопровождалось возможной церемонией: Рюрик «въдавъ ему сынъ свой на руце» (22, под 879 г.). Последующее вокняжение Олега в Киеве сопровождалось более развернуто описанной церемонией: к подплывшей ладье были вызваны Аскольд и Дир; из ладьи выскочили воины, оттуда же торжественно вынесли Игоря, тогда еще младенца; Олег объявил: «А се есть сынъ Рюриковъ», и публично разоблачил Аскольда и Дира: «Вы неста князя, ни рода княжа»; Аскольда и Дира после разбирательства наказали — убили, затем, однако, продолжили церемониал — понесли и похоронили. Лишь после этих подробностей о соблюдении законности летописец сообщил, что «седе Олегъ княжа въ Киеве» (23, под 882 г.).

Последующие события в изложении летописца опять-таки направлялись приговорами героя, устно произнесенными им при той или иной государственной церемонии. Олег объединил в одно государство Новгород и Киев, ознаменовав это событие цитируемым в летописи словесным провозглашением Киева столицей и размножителем (матицей, матрицей) городов на Руси: «Се буди мати градомъ русьскимъ». Олег подчинил северян, потом радимичей, запретив давать дань хазарам, и эти законодательные запреты тоже привел летописец. Олег возвестил: «Азь имъ противень, а вамъ нечему» (23, под 884 г.), «не дайте козаромъ, но мне дайте» (23, под 885 г.).

Оформление победы Олега над Византией летописец изобразил в виде длительной церемонии и был необычно детален, показывая законность каждого шага героя. Когда Олег с войском вплотную подошел к Царьграду и греки запросили мира, то Олег, несколько отступив от города, «нача миръ творити» и, как положено, послал в город своих послов к византийским цесарям-правителям: «Имите ми ся по дань». Греки ответили: «Чего хощеси, дамы ти». Олег перечислил условия. Греки согласились, но дополнительно оговорили свои условия. И вот Олег и цесари «миръ сотвориста» и поклялись друг перед другом соблюдать мир: греки целовали крест, а Олег и «мужи» его клялись «по рускому закону» — своим оружием, богами Перуном и Велесом (30—31, под 907 г.). Еще одну церемонию упомянул летописец: Олег повесил свой щит во вратах Царьграда, «показау победу» (31). Затем был подписан договор, и текст этого обширного договора летописец вставил в летопись (под 912 г.).

Законность власти была одной из важнейших историсофских идей летописца, ей он следовал с самого начала своей летописи: Иафет с братьями правили по тому, как выпал им жребий; Кий дал имя Киеву на основании своего старшинства среди братьев; Рюрик пришел править по совместной просьбе нескольких племен; Олег же у летописца получился своего рода законником, на деле воплотившим завет племен найти князя, который бы «володель нами и судиль по праву» (18, под 862 г.), то есть управлял и судил по правилам. В частности, Олег явился тем первым законником, о ком летописец сказал, что тот не попросту «раздая грады», но «посади» (назначил наместниками) своих «мужей» по городам, и не просто брал дань, но «устави дани» — установил, с кого какую дань регулярно брать (22—23, под 882—885 гг.).

II. Второе обличье Олега в летописи — воинское. Он показан как жестокий и удачливый военачальник. Олег собрал небывало огромное войско, притом многообразное: летописец недаром впервые ввел и все увеличивал перечисление племен, служивших в войске Олега, а также указал гомерическое число кораблей во флоте Олега — 2000 (под 907 г.; у Аскольда и Дира в 866 г. было всего лишь 200 кораблей). Летописец изобразил Олега исключительно хитрым и настороженным воителем: он спрятал своих воинов в ладьях и устроил успешную засаду (под 882 г.); он поставил корабли на колеса и пустил их под парусами по полю на город, устранив противника (под 907 г.); его же обмануть, например, смиренно поданным угощением — отравленной едой и вином — противник не смог (кому суждено умереть от коня, тому не погибнуть от отравы). Олег у летописца свиреп и изобретателен в убийствах: например, около Царьграда он, по сообщению летописца, «много убийство сотвори», а пленников предал различным казням: одних порубили, других замучили, иных расстреляли, прочих в море покидали (29, под 907 г.). Разнооб-

разен Олег и в наложении дани: летописец специально перечислил, как с одних племен Олег требовал большую дань в гривнах, со вторых — «дань легьку», с третьих — черными куницами, с четвертых — монетами «щелягами» (шиллингami?) (под 882—885 гг.). Обильны и изобретательно использованы были и трофеи Олега — золото, паволоки, фрукты, вина и всякое узорочье (под 907 г.). Он даже паруса велел шить из захваченных паволок.

Во всех своих воинских делах, даже самых разрушительных, законник Олег не выходил за пределы правил и традиций — он делал, по определению летописца, только «елико же ратнии творять», то есть только то, что обычно совершают воюющие стороны (29).

Удачливость военно-государственной деятельности Олега оттенена сообщениями летописца на международные темы: в то время, как Олег расширяет Русскую землю, мимо Киева, не мешая Олегу, мирно, с востока на запад проходят венгры, они через Карпаты устремляются на другие народы и тут уже покоряют дунайских славян, воюют с греками, моравами, чехами, захватывают всю Болгарию и т. д. (под 898 и 902 гг.).

III. Летописный облик Олега получился трагически противоречивым. С одной стороны, он язычник, который держал в своих руках языческую «Великую Скифию», сжигал около Царьграда христианские церкви, клялся языческими богами и от язычников же получил прозвище «Вещий» (под 907 г.), намекающее, возможно, на жреческие функции князя. Однако, с другой стороны, этот язычник у летописца выглядел терпимо относившимся к христианству: Олег не возражал, когда греки посчитали его за святого Дмитрия Солунского; принимал их христианские клятвы и не порицал своих послов, которых греки, как сказано в летописи, «учаще я к вере своей и показующе имь истиную веру» — страсти Господни, венец, гвозди, хламиду багряную и мощи святых (37, под 912 г.). Больше того, Олег стал насмехаться и оскорбил («укори» — что по-древнерусски и означает «оскорбил») своего кудесника и вообще всех жрецов резким обвинением: «То ти неправо глаголють вольсьви, но все лжа есть» (38, под 912 г.). Олег у летописца оказался как бы между вер: с волхвами поссорился, но христианства не принял, хотя ко времени его правления, как рассказал сам же летописец, прервав повествование об Олеге, западные славяне и их князья уже крестились и получили переводы церковных книг на славянский язык, а просветитель славян Кирилл пошел учить болгарский народ (под 898 г.).

Явственно двойится облик Олега в завершении летописного повествования о нем — в легенде о смерти князя, который еще за несколько лет до похода на греков 907 г. вопрошал: «Отъ чего ми есть смерть?» (37). Как язычник Олег, естественно, обратился к волхвам и кудесникам, но, кажется, уже тогда он

слушал их без должного внимания, а больше надеялся на свой собственный ум. Во всяком случае летописец выразился не совсем обычно: Олег «приимь в уме» ответ кудесника, а не «в сердце». Ум в летописи — категория всегда неблагоприятная, заставляющая человека ошибаться: умом бывают горды, «превратны», расслаблены, простоваты, смятенны и т. д. К правильному же решению можно прийти только через сердце — вместилище веры, «приимша вь сердца своемъ», «положи на сердца своемъ» и пр. Оттого что безверный Олег лишь умом оценил предсказание кудесника, он не до конца его понял. Кудесник сказал Олегу: «Княже! Конь, его же любиши и ездши на немъ, — отъ того ти умрети» (37—38). Этот «конь» — скорее, собирательное «конье»: кудесник, высказавшись в так называемом «вечном» настоящем времени, подразумевал любого коня, на котором предпочитает или в будущем предпочтет ездить князь. (В летописи немало аналогичных высказываний с настоящим «вечным» временем глаголов, обозначающих повторение действия в будущем, и с нарицательным существительным в единственном числе, обозначающим множество объектов данного рода. Летописец иногда сам пояснял смысл подобных изречений. Например: «Не вьнимай зле жене, медь бо каплеть отъ усть ея, жены любодейци... Се же рече Соломанъ о прелюбдейцахъ» — 78—79, под 980 г.; то есть названа одна прелюбдейка, а имеется в виду все их множество. Кстати, сразу после рассказа об Олеге летописец стал рассуждать о предсказаниях различных волхвов и привел одно из их заклинаний: «Бес комара граду!» Упомянулся один комар, но подразумевались все комары: «И тако исчезнуша изъ града скоропиа и комарье» — 39.) Высказывание кудесника было тем более двусмысленным, что кудесник, как выясняется из дальнейшего повествования, предостерегал Олега не только от любимого живого коня, но и от мертвого, даже от его скелета, даже от его черепа, не говоря уже о других конях. Невнимательный к словам кудесника Олег не почувствовал сердцем свою обреченность среди коней, а умом прямолинейно решил отказаться лишь от одного своего тогдашнего коня: «Николи же всяду на нь» (38). Затем Олег лет на десять забыл о предсказании, все ездил на конях и к месту своей гибели подъехал на коне, летописец недаром подчеркнул это: Олег «повеле оседлати конь... и прииде... и сседе с коня», тем самым приблизив роковую развязку.

Дальнейшее изложение легенды летописцем, пожалуй, добавляет свидетельства о раздвоенности облика Олега и как правителя. С одной стороны, задумавшись о своей судьбе, Олег продолжал вести себя как предусмотрительный законник. Он обратился к надлежащим ответственным лицам — волхвам — и задал надлежащий вопрос: не о том, **когда** он умрет, а **от чего** ему ожидать смерти, то есть каково ему будет орудие смерти и за какую будущую вину. Олег предпринял меры, которые он понял так: нельзя убивать коня; пока конь жив,

то и князь жив. Поэтому Олег «поставил кормити и блюсти» коня, и это обстоятельство трижды отметил летописец. Как законник, Олег в конце концов вспомнил о сосланном коне, потребовал отчета у конюха: «Кое есть конь мый?» И даже возмутился, когда выяснилась ошибочность, казалось бы, вполне законного решения: «...все лжа есть. Конь умерль есть, а я живъ».

Но, с другой стороны, этот законник, оказывается, совершил роняющие достоинство князя поступки. Летописец не хотел прямо писать плохое о князе. Факты должны были говорить сами за себя. Мало того, что гадать о своей смерти — дело недоброе, но Олег нарушил свое княжеское слово. Он обязался никогда больше не видеть коня («ни вижю его боле того»), а потом все-таки поехал посмотреть: «А то вижю кости его». Тот, кто не держит слова, погибнет от своего оружия — так провозглашали, например, договоры Руси с греками, включенные в летопись под 945 и 971 гг. Оттого и Олег погиб от своего коня (как части его вооружения; это наблюдение Е. А. Рыдзевской).

Кроме того, Олег был подвержен гордыне. Он дважды «посмеяся» над тем, что ему говорили, а перед останками коня стал в позу победителя, произнеся презрительную речь и словно поправ ногой поверженные «кости» противника («рече: “Отъ сего ли лба смърть было взяти мне?” И вступи ногою на лобъ»). Гордыня никогда не доводит до добра, хитроумие и удача изменили Олегу, и он погиб не по-княжески, строго говоря, даже не от коня, а от змеи: из пустого конского черепа высунулась змея и «уклюну» Олега в ногу.

Нецельность облика Олега объясняется не только разноречием сведений, использованных летописцем, но и персонологией летописца (то есть его манерой оценивать героев), в соответствии с которой до победы христианства на Руси, где «погании, не введуще закона Божия, но творяще сами себе законъ» (13, летописное вступление), где «бяху бо людие погани и невеголоси» (31, под 907 г.), не могли появиться совершенно или преимущественно положительные русские князья.

Игорь

Летописный Игорь не выглядит как положительный правитель, несмотря на отдельные благоприятные упоминания о нем. Судя по циклу рассказов, Игорю были свойственны слабости, умалявшие его княжеское положение. Одну слабость Игоря, последовательно показанную (но прямо не названную) летописцем, можно определить как пассивность, недостаточную энергичность. Игорь не правил, в детстве его только носили, иногда выносили показывать, но оставляли не у дел (под 882 и 907 гг.). Когда Игорь вырос, он все равно не княжил, а, как отметил летописец, ходил за данью после Олега и слушался его.

Даже жену Игорю «приведоша ему» (28, под 903 г.), а не он сам «поял себе жену», как обычно делали активные летописные герои.

Игорь начал княжить лишь после смерти Олега, но выражения, употребленные летописцем в повествовании о княжеской деятельности Игоря, опять указывали на некоторую пассивность Игоря сравнительно с Олегом: Игорь всего лишь однажды «победивъ» непокорных деревлян (41, под 913 г.), в то время как Олег «примучивъ а», то есть покорил (23, под 883 г.), «бе обладая» ими (23, под 885 г.) и включил в свое войско (под 907 г.). Стремительные печенеги «составивше миръ с Игоремъ» (41, под 914 г.), в то время как Олег предпочитал сам напористо «миръ творити» с противником (30, под 907 г.), — в летописи наступательная сторона всегда «творила мир» с оборонявшейся или пассивной стороной, но не наоборот. Правда, потом Игорь воевал с печенегами, но это ничем не кончилось, результат не обозначен (под 920 г.), обычно же летописец называл результат: воевали и примучили, начали воевать и захватили землю, воевать начал и много убийств сотворил, воюя и грады разбивая и т. д.

Не очень героичной изобразил летописец войну Игоря с греками. Игорь гораздо сильнее, чем Олег, мучил пленников («гвозди железны посреди главы въбивахуть имъ» и пр.) и разрушал церкви («много же святыхъ церквий огневи предаша, монастыре и села пожьгоша»), однако войско Игоря было окружено, а флот, больший, чем у Олега, был сожжен — пришлось «убрести» (43—44, под 941 г.). Потом Игорь собрал новое войско, но из 6 или 7 племен, а не из 13, как раньше Олег, и пошел на греков, «хотя мьстити себе» (за себя). Эти слова летописца, возможно, обозначили некую мелочность желания Игоря, так как герои в летописи обычно мстили за других — за своих близких или вообще за Русскую землю, и только один Игорь думал о самом себе. Далее летописец сообщил, что Игорь, дойдя всего лишь до Дуная, а не до Царьграда, начал «думать», воевать или не воевать. Олег так никогда не поступал. И не Игорь твердо диктовал свое решение дружине, а опасавшиеся воевать дружинники — слабому князю («не бившесея, имати злато»); летописец осудил это: «Послуша ихъ Игорь». Даже не попытавшись сразиться, Игорь взял у греков дань, какую они первоначально предложили, и вернулся в Киев (45, под 944 г.). Затем летописец снова отметил слабохарактерность Игоря: не князь побудил дружину идти к деревлянам за данью, а корыстная дружина сама позвала князя, «и послуша ихъ Игорь» (53, под 945 г.).

Другая слабость Игоря, которую показал летописец, — это жадность. Главное для Игоря, важнее воинской чести и славы, — сбор как можно большей дани, «именья». В первом походе на греков Игорь «именья немало» взял (43, под 941 г.). Во втором походе Игорь отказался от сражения с греками, когда византийский император обещал ему прибавку к прежней дани («возьми

дань, юже ималь Олегъ, придамь и еще к той дани» — 45, под 944 г.). Игорь, по сообщению летописца, взял у греков золота и паволок на всех воинов, однако в следующем году дружина Игоря жаловалась: «А мы нази» (53), значит, князь не поделился с дружиной или недостаточно позаботился о ней. Затем, беря дань с подвластных деревлян, Игорь совсем потерял чувство меры. Сначала он «возложи на ня дань болши Олговы» (41, под 914 г.), потом произвольно увеличил и эту дань («примышляше къ первой дани», «хотя примыслити болшую дань»). Взял ее с разными насилиями, но захотел еще раз собрать («похожую и еще»). Летописец объяснил такое поведение Игоря корыстолюбием: «желая больша имения», то есть имущества, богатства (53, под 945 г.). Подобная фраза звучала осудительно в адрес князя. Такие обвинения в летописи относились к особо провинившимся князьям (например: «желая болше власти» — 177, под 1073 г.), а по отношению к положительным князьям эти обвинения отвергались («не желая болше волости, ни имения хотя болша» — 197, под 1078 г.). Жадность довела Игоря, в сущности, до преступления: внезапное чрезмерное увеличение дани Игорем явилось бесчестным нарушением договора или официального княжеского слова, определявшего размер дани. Деревляне так это и восприняли: «Почто идеши опять? Поималь еси всю дань». От жадности «не послуша ихъ Игорь» (54—55). Последовало наказание, развенчавшее Игоря как князя: Игорь был назван алчным, ненасытным волком, убит и погребен не по-княжески — без похорон, в чужой земле, даже не в городе, а где-то у города (под 945 г.).

Летописец избегал давать открытые отрицательные оценки Игорю, как и прочим древним князьям, даже смягчал изложение (например, поражение Игорева войска от греков обозначалось так: «одва одолеша гръци» — 44, под 941 г.; это заметил А. А. Шахматов). Умолчал летописец и о подробностях позорной казни русского князя деревлянами (сказал только, что «убиша Игоря» — 54, под 945 г.). Но все же роковые слабости Игоря ясно вырисовывались из летописного повествования. По персонологии летописца, внутренние слабости князя обозначали слабость княжеской власти на Руси, когда деревляне могли безбоязненно хвастаться убийством русского князя («се князя убихомъ рускаго!» — 54, под 945 г.), «отроки» киевского воеводы были богаче дружины князя, княжеская дружина чувствовала себя зыбко («не по земли ходимь, но по глубине морьстей» — 45, под 944 г.), в войско приходилось нанимать врагов-печенегов и для верности брать у них заложников, а также признавать равноправие язычников и христиан, и пр.

Ольга

I. В летописи Ольга охарактеризована как «смыслена» (смышлена, сметлива, сообразительна, хитроумна — 59, под 955 г.) и «мудрейши всехъ человекъ» (106, под 987 г.). Слова «мудрый», «мудрость» в летописи обозначали не только церковную, «Божью» мудрость, но и «человеческую» практическую опытность, и в определенной мере были синонимичны слову «смысленный», поэтому и употреблялись вместе — «мудрь и смыслень», «мудри и смыслени». Летописное повествование создало цельный облик «мудрой — смысленой» Ольги. Главной ее чертой летописец, по-видимому, считал не хитрость и коварство, а высокую культуру поведения, умение тонко использовать различные обряды и обычаи для соблюдения чести киевского князя как правителя. Эти черты Ольги обрисованы примерно в десяти летописных эпизодах.

Под 945 г. летописец изложил три эпизода, показав, как искусно Ольга вела себя с деревлянами, прибегая к тем или иным обрядам и церемониям. Первый обряд — дипломатический. Когда 20 деревлянских «лучших мужей» приплыли к Киеву, чтобы заставить овдовевшую Ольгу выйти замуж за деревлянского князя, то Ольга повела себя как великий киевский князь, принимающий посольство строго по этикету и тем самым соблюдающий свое княжеское достоинство. Рассказ летописца стал необычно подробным, и каждая подробность указывала на важную часть проводимой княжеской церемонии. Ольга находилась не где-нибудь, а на «горе» в каменном тереме. Ольга была заранее подготовлена: ей «поведаша» о приходе деревлян. Ольга «возва» к себе деревлян, а не они появились перед ней самовольно. Не важно, что деревляне были ей ненавистны; правилами дипломатического приема предусматривалось приветствовать посольство, и Ольга произнесла необходимую формулу для встречи гостей: «Добри гостье придоша» («Добро, гостье, придоша», то есть, «добро пожаловать»). Не важно, как отвечали деревляне; Ольга продолжала соблюдать этикет благожелательного приема и произносить традиционные фразы. Она задала положенный после приветствия уже деловой вопрос деревлянам: «Да глаголете, что ради придосте семо?» Затем с официальной милостивостью объявила: «Люба ми есть речь ваша» (54—55). Это не значило, что Ольге понравились речи деревлян. Ольга их как бы и не слышала. Недаром летописец ни разу не употребил слова «слышать» об Ольге, в том время как в других летописных рассказах персонажи постоянно, «слышавъ» нечто важное или «то слышавъ», что-то отвечали или предпринимали. Летописец же показал невозможное следование Ольги правилам дипломатической вежливости: ведь деревляне говорили нагло и фактически предъявили ультиматум княгине. Однако княгиня явилась недосыгаемой для них.

Далее вдруг оказалось, что Ольга перешла к ведению мирных переговоров и произнесла известную формулу примирения: «Уже мне мужа своего не кресити». Но мир должен быть заключен торжественно (ср. летописные рассказы о заключении мира с греками), и поэтому Ольга обещала деревяннам соответствующую церемонию — «почтити», оказать им «честь велику». Летописец показал, что, заманив деревянн обещанием почета, Ольга навязала им свои правила игры. При этом Ольга несколько унизила деревянн, указав на второстепенность ранга их посольства, — всего лишь «гости», а не полноценные послы (так, по договору Игоря с греками, «ношаху сли печати злати, а гостье — сребрени» — 47, под 945 г.).

Второй обряд, который Ольга использовала для утверждения своего превосходства, это обряд брачный. В повествовании летописца не проводилось границы между разными обрядами, один стремительно перетекал в другой, и функции Ольги менялись быстро и незаметно. Внезапно Ольга предстала в фольклорной роли то ли строгого царя, выдающего свою дочь замуж, то ли в роли злой невесты — оба персонажа во время сватовства испытывали женихов загадками. Ольга задала деревяннам нечто вроде загадки: прийти к ней не на конях, не на возах и не пешком. Брачный обряд был только начат, но летописец отметил, что Ольга целиком захватила инициативу. Не деревянне ушли, но Ольга отослала их с приема («а ныне идете..., азь утро послю по вы»), чтобы они явились уже как сваты.

Третьим обрядом, возвысившим Ольгу, явился обряд похорон. Летописец отобрал только такие детали, которые указывали на исключительно умное поведение княгини. Ольга, как свидетельствовало летописное изложение, не пошла на низкий обман деревянн (тогда бы она уронила свое княжеское достоинство), но, напротив, предупредила их о своих намерениях, правда, в скрытой форме, непонятной невежественным деревяннам и поэтому ставившей их в унижительное положение. Ольга в лицо деревяннам объявила об их похоронах, используя двусмысленное сходство обычаев почитания и похорон (это наблюдение Д. С. Лихачева). Ольга сказала деревяннам: «Но хочю вы почтити наутрия предь людьми своими» (55). Ольга имела в виду иной род почета, нежели полагали деревянне: слово «почтить» (как и словосочетание «честь велика») переносно означало «похоронить с почетом». Утро было упомянуто Ольгой потому, что хоронили, действительно, с утра, а присутствие людей упомянуто, потому что хоронили прилюдно, и Ольга собиралась хоронить деревянн перед людьми своими. Далее Ольга в тех ее речах, которые приведены летописцем, недаром стала настойчиво отсылать деревянн в ладью, в которой они приплыли: «А ныне идете в лодью свою и лязите въ лодьи, величающеся... и възнесутъ вы в лодьи», потому что так не только почитали, но и хоронили: в

ладье лежали наряженные мертвецы, «величаясь», и их «возносили» вместе с ладьей. Ольга отослала деревян на их похороны.

Судя по смыслу некоторых деталей летописного изложения, Ольга не произвольно, а на вполне законном основании назначила казнь деревяням — «отпусти я в лодью», и деревянне, послушавшись, значит, невольно признали себя мертвецами. Ольга неспроста сразу назвала деревяням отгадку на заданную ею загадку: таким образом, деревянне сами ничего не отгадали, а ведь не разгадавшие загадку сваты предавались смерти. Ольга недаром именно в такой последовательности побудила деревян сказать, что на княжеский двор они не поедут ни на конях, ни на возах, ни пешком не пойдут, а чтобы киевляне несли их в ладье. Если бы имелась в виду церемония почитания, то деревянне должны были перечислить условия в ином порядке, по степени нарастания почета: не пойдём пешком на княжеский двор, ни въедем на возах, ни даже на конях, но вносите нас в ладье. На самом же деле Ольга вложила в уста деревяням требование о похоронах: раз они мертвы, то не в состоянии ехать, сидя на конях, тем более — сидя на возах, и уж тем паче — идти пешком, мертвых надлежит нести в ладье. Деревянне сами вынесли себе приговор, который и исполнила Ольга.

Небрежное проведение похорон могло уронить достоинство их руководителя, поэтому летописец подробно рассказал, как постаралась Ольга: она велела выкопать яму великую и глубокою на дворе у терема, утром послала киевлян за деревянями, их понесли в ладье, принесли на княжеский двор и, неся, «вринуша» в яму с ладьею; Ольга, как полагалось на похоронах, «приникъши» к могиле и даже спросила, словно по обычаю задобряя мертвых: «Добра ли вы честь?» Ответа деревян — ведь они считались мертвыми — Ольга по обыкновению не слушала и повелела засыпать их, и их «посыпаша», очевидно, сделав погребальный холм.

Наконец, Ольга, как это следовало из рассказа летописца, не запятнала себя чрезмерной расправой с посольством деревян, но мудро наказала деревян соответственно их вине. Они убили Игоря — и их убили. Смерть Игоря была позорной — и смерть деревян была позорной: Ольга, как отметил летописец, повелела засыпать их живыми. За убийство князя настигла деревян даже более позорная смерть, чем Игоря, и они сами это признали: «Пуще (то есть хуже, позорней) ны Игоревы смерти» (55). Игоря похоронили не в городе, а «у града» — так и деревян похоронили «вне града» (54).

Второй эпизод из отношений Ольги с деревянями по своему смыслу аналогичен первому эпизоду. Ольга послала к деревяням, вероятно, устное послание, в котором, следуя своей линии, упомянула, что деревянне, оказываясь, не требуют, а «просят» («мя просите» — 55) ее выйти замуж, но сама Ольга вполне правомерно потребовала прислать к ней наиболее знатное брачное

посольство, чтобы, по ее словам, «в велице чти» пойти замуж, иначе за ее честь вступятся люди киевские, а это уже будет открытый конфликт с невеждами. Деревляне, вынужденные поступить цивилизованно, прислали «лучших мужей», которые управляли деревянской землей, и Ольга, следуя традиции приема послов или сватов, оказала им соответственно бóльшую честь, чем первому посольству, — почтила их баней.

Но так же последовательно Ольга у летописца продолжала соблюдать похоронный обряд как способ благородного мщения. Ольга не дала прямого обещания выйти замуж. Пришедшим деревлянам она повелела «измытяться», а ведь обмывали мертвецов. Как только деревляне влезли в деревянную баню и — главное — «начаша ся мыти» (56), то тем самым они признали себя мертвецами и дали повод Ольге совершить над ними погребальный языческий обряд сожжения (кстати, описанный во вступлении к летописи) — второй этап погребального обряда после насыпания холма и приготовления дров для костра; баня заменила ритуальную грудку дров, на которые клали мертвых.

В третьем эпизоде летописец показал совершенство поведения Ольги и вне Киева. Брачный обряд внешне выполнялся ею безукоризненно: не жених к ней, а она в качестве невесты направилась в землю деревлян, взяв с собой, как полагалось невесте, лишь мало дружины. Не справив тризны по первом муже, нельзя было выходить замуж снова, и поэтому Ольга поставила перед деревлянами условие о тризне и выполнила его: пришла к могиле Игоря, оплакала своего мужа, повелела своим людям насыпать большой погребальный холм над захоронением, как бы восстановив честь Игоря, поручила деревлянам приготовить «меды многи» и после всего этого повелела творить тризну.

При общении с деревлянами Ольга не опустила до лжи. Когда деревляне спросили у Ольги о том, где же их «дружина», то есть посольства, ранее посланные за ней, то Ольга сказала правду, но дипломатически двусмысленно: «Идут по мне съ дружиною мужа моего». Это высказывание в устах Ольги означало, что посольства деревлян, действительно, «идут» одним путем смерти с дружиной Игоря — ведь и те и другие были перебиты. Выражение «по мне» имело двойной смысл: пространственный («вслед за мной») и временной («до меня»). То есть деревляне подумали, что посольства сейчас придут вслед за Ольгой, а на самом деле же Ольга сообщила, что уже до ее прихода к деревлянам обе дружины пошли и все еще идут общим смертельным путем. Правда, подобное истолкование ответа все-таки предположительно.

Дело, естественно, не дошло до свадьбы, и Ольга, судя по смыслу упоминаемых деталей, перешла к цивилизованной мести: тризну по мужу превратила в тризну по деревлянам. Ольга отнеслась к деревлянам вроде бы как к почитаемой стороне жениха, но больше как к мертвецам: деревляне сели пить, и Ольга

велела «служити пред ними» своим слугам, потому что мертвецы на тризне не могут себя обслужить; затем Ольга велела «пити на ня»), пить не столько в честь деревлян, сколько в их память. А когда деревляне «упишася», видимо, мертвецки, последовало заключающее тризну игрище: их иссекли.

II. Четвертый эпизод из отношений Ольги с деревлянами излагается в летописи уже под 946 г. и развивает характеристику двух черт княгини, которые ранее были намечены лишь эпизодически. С одной стороны, летописец изобразил Ольгу как воинственного князя, занятого крупными делами. Ольга отомстила за оскорбление княжеской чести — за «обиду» («мьстила уже обиду мужа своего» — 57), а теперь пришла с большим войском и осадила главный город деревлян, чтобы не просто продолжить месть («уже не хоцю мьщати»), но больше того — покорить и искоренить деревлян полностью. Ольга, как приличествовало князю, использовала хитроумное приспособление (птиц) для победы, а затем занялась установлением даней и налогов по деревлянской земле, а потом и в иных местах.

Но, с другой стороны, Ольга, с точки зрения летописца, являлась женщиной, всего лишь исполнявшей обязанности князя вместо убитого мужа и не стремившейся подменить пока еще малолетнего сына: она мстила не за свою «обиду», а за «обиду мужа своего»; не одна отправилась в поход, но «съ сыномъ своимъ Святославомъ»; не одна осадила город деревлян, но опять-таки «съ сыномъ своимъ»; потребовала покорности деревлян не одной себе, а чтобы деревляне, по ее словам, «покорилися мне и моему детяти»; по деревлянской земле прошла «съ сыномъ своимъ»; и вернулась в Киев «съ сыномъ своимъ Святославомъ», и далее «пребываше с ним въ любви» (57—59).

Летописец постоянно показывал, как женское начало отражалось на военной деятельности Ольги. Говоря о сражениях, летописец не упоминал об участии Ольги, потому что войну считал не женским делом: битву начинал Святослав, хоть малолетний и слабенький, а все-таки князь. (Кстати, в предыдущем эпизоде иссечения деревлян в конце тризны летописец специально оговорил женское неучастие Ольги: «а сама отъиде кроме» — 56.)

Зато Ольга, по описанию летописца, успешно занималась тонкими словесными переговорами, умела выражаться изощренно-двусмысленно, что не было свойственно мужским персонажам летописи. Ольга не обманывала, когда заверяла деревлян, что не будет им мстить больше, и четырежды подчеркнула, какая дань ей нужна от деревлян: «...хоцю дань имати помалу, ... мало у вась прошю... сего прошю у вась мало, ... да сего у вась прошю мала» (57). Ольга использовала каламбур; по существу, она просила выдать ей деревлянского князя Мала (это наблюдение Д. С. Лихачева). Летописец раньше уже пояснил, что «бе бо имя ему Маль, князю деревьску» (54), а в речь Ольги о дани вставил

слово «сего», которое одновременно обозначало и «поэтому» («поэтому прошу»), и «этого» («прошу этого Мала»). Ольга почему-то именно просила деревлян выдать князя: возможно, вызволяла ее жениха, которым деревляне, в сущности, распоряжались как безгласным и лишенным собственной воли заложником; «держажу Деревьску землю» же иные князья (поэтому Ольга мстила деревлянам, а не Малу, который, по догадке А. А. Шахматова, вообще-то был варягом, сыном воеводы-интригана у Ольги). Так или иначе, но Ольга потребовала выдать ей деревлянского князя в качестве дани, то есть лишала деревлян символа независимости. Кроме того, Ольга двусмысленно пообещала деревлянам: получив дань, «пойду опять» (57). Древнерусское слово «опять» означало и «вспять, назад» («вернусь назад, в Киев»), и «снова, еще раз» («нападу снова»). Ольга выполнила высказанное обещание и снова напала на деревлянский город.

Загадочная и до сих пор вызывающая разные толкования «малая» дань, которую Ольга попросила у деревлян, — от двора по три голубя да по три воробья, — возможно, указывала на женские вкусы победительницы, ее интерес к птицам, птичьему двору и пр. (недаром летописец далее, под 947 г., упомянул об Ольгиных «перевесищах» — местах для ловли птиц — по Днепру и по Десне).

Подготовка Ольгой военной операции также носила «женский» характер, была связана с платками, нитками и пр.: летописец детально расписал, как Ольга раздала своим воинам кому по голубю, а кому по воробью, и повелела к каждому голубю и воробью привязывать зажигательный трут, обертывая маленькими платками и ниткой наматывая у каждой птицы (к чему приматывали трут, летописец-мужчина не пояснил). Все было рассчитано прямо-таки с женской домовитой мелочностью: Ольга, очевидно, с умыслом отказалась от дани, которую ей пообещали деревляне, — от меда и мехов (для сбора этих предметов пришлось бы выпустить деревлян в леса, а они бы не вернулись); Ольга же заставила осажденных деревлян собирать птиц именно на их дворах, а своим воинам велела выпустить собранных птиц именно тогда, когда смерклось, потому что птицам уже надо было устраиваться на ночевку, и полетели они с зажженными трутами в деревянный город, притом, как пояснил летописец, в свои городские гнезда: голуби — в голубятни, воробьи — под стрехи. От трутов одновременно загорелись голубятни, клетки, сараи, сеновалы и вообще все дворы — вот что такое женская тщательность.

III. В повествовании под 946 и 947 гг. летописец, быть может, обозначил еще одну одновременно и княжескую, и «женскую» черту Ольги — стремление все «установить» и «изрядить» до конца. Ольга полностью завершила погребальный обряд над деревлянами, ведь выпускание пойманных птиц (душ) на волю являлось заключительным элементом погребального обряда (это

отметил Н. И. Толстой). Затем Ольга навела хозяйственно-политический порядок «по всей земли» (59).

IV. Последний яркий эпизод из летописного жизнеописания Ольги был изложен под 955 г. Это эпизод о пребывании Ольги в Царьграде. Может показаться, что летописец высказался по поводу внешности Ольги, упомянув, что византийский император «видевъ ю добру сущю зело лицемъ и смыслену» (59). Однако в данном случае летописец имел в виду внутренние, интеллектуальные достоинства княгини, хотя и отразившиеся в ее внешности. Словосочетание «добра лицемъ» по смыслу было близко к эпитету «добролична», обозначающему не столько физическую, сколько духовную красоту Ольги, ведь эпитет «добрый» в летописи в применении к человеку означал персонажей с достойным поведением. Выражение же «видети ю добру лицемъ» тем более указывало на заметность внутренней содержательности княгини, ибо летописные выражения «видеть кого-то» обычно дополнялись указаниями не на внешность, а на поведение людей, а еще чаще — на внутреннее состояние человека. Поэтому-то летописец далее пояснил, что удивился царь именно и только «разуму» Ольги.

Государственный «разум» Ольги, как снова дал понять летописец через множество деталей изложения, проявился в четком соблюдении ею требований княжеской чести. Из летописного повествования следовало, что Ольга никого ни о чем не просила. Она не просила византийского императора об аудиенции, а просто, судя по сообщению летописца, прибыла в Царьград и пришла к «царю». Ольга не просила о крещении, но, «разумевши», вынудила императора крестить ее: император предложил Ольге выйти за него замуж, а Ольга ответила: «Азь пагана есмь», предоставив последующие шаги делать искателю императору, потребовав крещения, так сказать, по высшему разряду: «Да аще мя хоцещи крестити, то крести мя самъ; аще ли ни, то не крещюся».

Ольга не хотела замуж, а, как сказано в летописи, «хотящи домови» (60), однако не просила ее отпустить, но опять именно вынудила сделать это, притом с оказанием ей почета. Когда после крещения император воззвал ее к себе и уверенно объявил, что берет ее себе в жены, Ольга жестко выговорила ему за нарушение христианского закона: «Како хочещи мя пояти, крестивъ мя самъ и нарекъ мя дщерею? А въ хрестеянехъ того несть закона. А ты самъ веси». Для соблюдения своей княжеской чести, чтобы не поддаваться давлению, Ольга ловко использовала на этот раз уже христианский обычай, и императору пришлось признать ее умственное превосходство («переклюкала мя еси, Ольга»), дать ей многие дары, официально наречь ее духовной дочерью себе и отпустить, тем более что Ольга обещала императору («аще возъвращюся в Русь» — 61) как равноправный союзник тоже прислать многие дары, в особенности «вои

в помощь». Ольга тщательно следила за соблюдением престижа и, вернувшись в Киев, все-таки припомнила императору один факт ущемления ее чести: она заявила прибывшим византийским послам, что даст императору обещанные ею дары только в том случае, если император «постоит» у нее перед Киевом, ожидая допуска, так же, как она простояла перед Царьградом; со сказанным и отпустила послов ни с чем.

V. Уже в Царьграде после крещения Ольга повела себя разительно иначе; можно подумать даже, что летописец изобразил двух разных персонажей — гордую Ольгу и покорную Ольгу. На самом же деле Ольга для летописца осталась такой же законопослушной княгиней, только раньше, в Киеве, она истово придерживалась языческих обычаев, а теперь, в Царьграде, — христианских: Ольга перед патриархом стояла, склонив голову, и внимала ученью, «аки губа напаяема» (59), перед отъездом домой она пришла к патриарху, специально прося благословения.

И в Киеве Ольга, как показал летописец, жила уже только по христианским установлениям для женщин: побуждала своего сына принять крещение, часто говорила ему о радости, которую приносит христианская вера, но признавала главным все-таки князя, несмотря ни на что любила сына своего, надеялась на Божью волю и молилась за него и за всех людей «по вся нощи и дни», «кормила» сына до его возмужания и взрослости (62—63).

Далее летописец перешел к рассказам о бурной деятельности Святослава, а Ольга, судя по отдельным упоминаниям, стала как бы частным лицом, только матерью князя, смиренной и пассивной. Так, Ольга, ничего не предпринимая, затворилась со своими внуками в Киеве от печенегов и сидела в тяжелой осаде, пока печенегов не прогнал Святослав (под 968 г.). Киевляне называли ее старой, а она себя — больной.

Последний год жизни Ольги, как показал летописец, был трагичен из-за разногласий с сыном, который не захотел править в Киеве и вообще оставаться на Руси. Ольга, судя по приведенным ее словам, отчаявшись, пеняла Святославу: «Видиши мя болну сущю; камо хочещи отъ мене ити?.. Погребъ мя, иди, ямо же хочещи» (66). И через три дня Ольга умерла, завещав не творить тризны по себе. Ее оплакивали и погребали сын, внуки и все люди, но похоронил ее уже священник (под 969 г.).

Минорный конец сообщений об Ольге связан с представлением летописца об одиночестве княгини-христианки на Руси. Действительно, как рассказано в летописи, Ольга еще в Царьграде тревожилась: «Людьє мои пагани и сынъ мой, — дабы мя Богъ съблюють отъ всякого зла» (60). Ни Святослав, ни его дружина не слушали Ольгу, «творяше норовы поганьския» (62). Об общении Ольги с христианами на Руси летопись не обмолвилась ни словом. В летописной похвале

(под 969 г.) Ольгу сравнили с чем-то одиноким, — с предзвездной звездой, с луной в ночи, с жемчужиной среди грязи («аки бисерь в кале» — 67).

Однако персоналогическая позиция летописца не менялась, говорил ли летописец об Ольге-язычнице, либо об Ольге-христианке: он исходил из предпосылки, что соблюдение князем принятых законов и обычаев служит чести князя и имеет государственное значение, честь князя — это честь страны. Пусть Ольга-христианка в одиночестве придерживалась христианской веры, но недаром, сообщал летописец, было наречено имя ей во крещении Елена, как у древней царицы, матери Константина Великого (который сделал христианство официальной религией Римской империи), и Ольга действительно думала о всей своей стране («аще Богъ хоцеть помиловати рода моего и земле Руские» — 63, под 955 г.), и в результате добилась новой чести и для себя, и для своей земли: «Си первое вниде в царство небесное отъ Руси, сию бо хвалять рустие сынове... Се бо вси челоуеци прославляютъ, видяще лежащю в теле на многа лета» (67, под 969 г.) (это намек летописца на когда-то существовавший мавзолей Ольги).

Святослав

Летописные рассказы о Святославе имеют обобщенный характер и редко когда содержат подробно изложенные эпизоды, ибо летописец (по предположению А. А. Шахматова) использовал в основном болгарский эпос о Святославе, народном герое Болгарии, освободившем болгар от ига Византии.

Однако летописец, пожалуй, коренным образом переосмыслил имевшиеся в его распоряжении сведения, попытавшись ответить на важный для него вопрос: почему так плохо кончил Святослав (печенег убили Святослава, из его черепа сделали чашу и пили). Ведь Святослав так удачно побеждал разные народы: у хазар взял их главный город, а у болгар — даже 80 городов, с греков же брал дань. Святослав так удачно преодолевал трудности: прогнал печенегов в поле (под 968 г.), одолел восставших против него болгар, энергичной речью вдохновив своих воинов на смертельную битву, победил десятикратно превосходившее русских войско греков, произнес еще более яркую речь о воинской чести, наконец, пережил невиданно голодную для князя зимовку у Днепровских порогов, когда даже самая скудная мясом часть — «глава коняча» — стоила по полугривне (под 971 г.).

Однако с первого же рассказа о взрослом Святославе летописец пояснил, почему должен был погибнуть этот князь: он не слушал своей матери-христианки, ее слов избегал «ни во уши приимати» (61, под 955 г.), даже гневался на мать. Желавших вслед за Ольгой креститься он оскорблял («ругахуся тому») и возражал матери, что, если он крестится, дружина этому начнет «смеяться». «Аще кто матере не послушаетъ — в беду впадаетъ», — предуп-

редил летописец и сделал еще более зловещую отсылку на Библию: «Аще кто отца ли матери не послушает, то смерть приметь» (62, под 955 г.).

О других причинах гибели Святослава летописец сказал не так прямо, ибо писал не исторический трактат, а фактографическую хронику, однако последовательностью изложения фактов показал, что же еще привело Святослава к роковому концу. Второй причиной, как можно понять, была нерусская ориентация Святослава, который сел княжить в Болгарии, в Переяславце (под 967 г.). Летописец привел красноречивые факты странной отчужденности князя от Руси. Киевляне обвинили Святослава: «Ты, княже, чюжея земли ищещи и блюдеши, а своя ся охабивь» (65, под 968 г.). И Святослав решительно подтвердил: «Не любо ми есть в Киеве быти. Хочю жити в Переяславци на Дунаи, яко то есть середя земли моея, яко ту вся благая сходятся: оть грекъ — злато, паволоки, вина и оwoщеве розноличныя; изь Чехъ же, изь Угорь — сребро и комони, изь Руси же — скоря и воскъ, медь и челядь» (66, под 970 г.). Показательно, что в приведенной речи Святослав вставил Русь в ряд чужих стран, дающих в Переяславец нечто вроде дани, даров или экзотических товаров. И далее сообщалось, что Святослав вообще раздал Русь, включая Киев, своим сыновьям, притом сделал это равнодушно, — когда новгородцы пришли просить себе князя, Святослав небрежно ответил: «А бы пошелъ кто к вамъ», а сам же ушел в Переяславец (68, под 970 г.). Святослав даже вел себя не как русский, а как степняк, и поэтому летописец специально описал это: «Легько ходя, аки пардусь, войны многи творяше. Ходя, возъ по собе не возяше, ни котъла, ни мясь варя, но, потонку изрезавъ конину ли, зверину ли, или говядину, на углехъ испекъ, ядыше; ни шатра имяше, но подькладъ постлавъ и седло в головахъ» (63, под 964 г.). Лишь в последний момент Святослав пожалел, находясь в Переяславце: «А Руска земля далеча, а печенежи с нами ратьни, а кто ны поможеть?» (70, под 971 г.). Но было уже поздно: без помощи из Руси он и погиб.

Третья причина гибели Святослава, показанная летописцем, это чрезмерная воинственность князя. Святослав был очень груб («одебелеша бо сердца ихъ» — 62, под 955 г.). Летописец недаром процитировал типичные слова Святослава, обращенные к другим странам: «Хочю на вы ити» (63, под 964 г.) — то была неприкрытая угроза: «Обязательно нападѹ на вас» («я вам покажу»). Вот и подтверждение: когда Святослав после великой сечи с болгарями у Переяславца «взя градъ копьемъ», он послал грекам в Царьград: «Хочю на вы ити и взяти градъ вашъ, яко и сей» (68, под 971 г.), то есть довольно бесцеремонно: «Обязательно нападѹ на вас и штурмом возьму ваш город, как и тот взял». Если бы Святослав рыцарственно предупреждал о своих намерениях другие страны, он употреблял бы выражения в иной форме («иду на вы»), без древнерусского вспомогательного глагола «хотети», образывавшего форму обязательного будущего времени. С греческим

посольством Святослав также вел себя очень грубо, вопреки дипломатическому этикету: когда послы прибыли, то Святослав отрывисто распорядился: «Введете я семо»; когда послы вошли, поклонились ему и положили перед ним дары, то Святослав, глядя в сторону, так же отрывисто приказал: «Схороните» (69, под 971 г.). Это напоминает команды: «Вести!», «убрать!».

Греки считали, что Святослав «лють». И не только потому, что Святослав из принесенных ему даров принял меч и иное оружие, но не посмотрел на золото и паволоки. Святослав так разрушил византийские города, что они, по отзыву летописца, стоят и до сегодняшнего дня пусты. «Лютый» Святослав собрал с греков огромную дань, взимал даже за убитых, а еще и дары многие, а еще увел пленных без числа. Заключая вынужденный мир с Византией («николи же помышлю на страну вашу, ни собираю вой» — 71), Святослав как раз мыслил об обратном: «Да изнова из Руси, совкупивше вои множайша, поидемь Царюгороду» (70, под 971 г.). Святослав и себя не жалел, и думал об обстоятельствах, «аще моя глава ляжетъ» (69), «изъбьютъ дружину мою и мене» (70).

Из-за своей воинственной «лютости» Святослав лишил себя поддержки. У него осталось «мало дружины». Из Переяславца пришлось ему уйти. Переяславцы же, как подчеркнул летописец, были врагами Святослава, затворялись от него, выходили на сечу против Святослава и, предупредив печенегов о маршруте Святослава и о малочисленности его дружины, способствовали убийству его. В решающий момент Святослав не послушался совета опытного отцовского воеводы миновать Днепровские пороги «около» на конях, а не плыть через них в ладьях, и упрямо устремился «в пороги», обрекая себя на гибель (72).

Тут летописец приоткрыл, правда, осторожно, еще одну причину гибели Святослава — жадность к богатству, ведь именно для того, чтобы сохранить и провезти набранные богатства, Святослав не захотел пересаживаться на коней из ладей. Греческие послы, поверив инсценировке нелюбезного приема, ошиблись, когда посчитали, что Святослав «именя не брежетъ, а оружие емлетъ» (70). На самом же деле Святослав, сумевший обмануть греков, очень ценил «именя много», что немедленно доказал размахом поборов с Византии, принятием все новых и новых даров. Той же любовью к стекающимся благам сам Святослав объяснил свое пристрастие к Переяславцу.

По персонологии летописца, князья-язычники не могли иметь благополучной судьбы и сами себя вели к гибели — Олег, Игорь, Святослав: «Дела нечестивыхъ далече отъ разума» (62, под 955 г.).

Владимир

Летописец, насколько мог, отметил христианское поведение Владимира, его благочестивые чувства и поступки незадолго до крещения: Владимир «плюну на землю» и осудил мусульманские обычаи (84, под 986 г.); Владимир, «вздыхнув» о посмертном веселье праведников и горе грешников, «положи на сердца своемъ» мысль о крещении (104, под 986 г.); «возревъ на небо», пообещал креститься (107, под 988 г.), а после крещения, снова «възревъ на небо», просил помощи у Бога против дьявола (115, под 988 г.). Летописец подчеркнул благочестивость деятельности Владимира после крещения: он повелел низвергнуть языческих идолов и провести церемонию поругания их; Владимир построил много церквей — в Корсуни (под 988 г.), в Киеве, в том числе богато украшенную им Десятинную церковь, в которой молился и написал клятву давать этой церкви десятую часть от богатств своих и городских (под 989 и 996 гг.); князь построил церкви в других городах, заложил, поставил и населил новые города на многих реках, окружая христианский Киев защитой от печенегов (под 988, 991, 992 гг.); Владимир «любя словеса книжная» (122), то есть следовал Писанию, и потому не только разрешил, но даже повелел всякому нищему и убогому приходить на княжеский двор и брать все, что потребуется в питье и еде, а из казны получать деньги, а для немощных и больных повелел развозить и раздавать по городу хлеб, мясо, рыбу, фрукты, мед, квас; наконец, Владимир устраивал большие церковные празднества, во время которых раздавал людям, в том числе и убогим, многие богатства и огромные деньги (под 996 г.). Оттого, когда Владимир умер, убогие оплакивали его как заступника и кормителя, и похоронен был этот щедрейший христианин в мраморном гробе (под 1015 г.).

Однако летописец отметил, что Владимира на Руси не почитают так, как он того заслужил: «Мы же, хрестьяне суще, не въздаемъ почестья противу оного възданью» (128, под 1015 г.). Летописец, вероятно, пенял на то, что празднование памяти Владимира еще не было установлено (мысль А. И. Соболевского), и изложил факты в пользу блаженного. Но еще подробнее летописец, в сущности, показал, что же помешало сразу признать Владимира святым, хотя каждый раз летописец пытался оправдать Владимира.

Во-первых, Владимир, по изображению летописца, явился активным и лукавым язычником: он собрал и поставил на холме около своего двора «кумиры» главных языческих богов — Перуна, Хорса, Дажьбога, Стрибога, Симарьгла и Мокоши, — «творяше требу кумиромъ с людьми своими» (80, под 983 г.), и «осквернися кровьюми земля Руска и холм отъ» (77, под 980 г.). Но, поспешил примирительно добавить летописец, на том холме ныне стоит церковь святого Василия (построенная Владимиром).

Летописец вынужден был признать, что язычник Владимир «прелюбодей бысть убо» (77), «побежень похотью женьскою», «бе несыть блуда» (78). Владимир насильно захватил в жены полоцкую княжну, потом «залече не по браку» жену своего брата, затем вынудил византийскую царевну стать его женой, но ему мало было и пяти жен, он еще имел 800 наложниц, а кроме того, приводил к себе замужних женщин и растлял девиц (под 980 г.). Однако и тут летописец осторожно оправдывал Владимира: «се же бе невеголось, а на конець обрете спасенье» (78), «аще бо и бе преже на скверньную похоть желая, но после же прилежа к покаянью» (128, под 1015 г.), а все зло — в женской прелести (под 980 г.).

Христианскую веру Владимир принял, исходя из своих языческих вкусов, а не по наитию свыше — это обстоятельство летописец раскрыл вполне ясно. Владимир вовсе не был исконно предрасположен к принятию православия, но первоначально даже склонялся к мусульманству — «послушаше сладко» мусульман (83, под 986 г.). В разных верах Владимира как язычника интересовала прежде всего внешняя, физическая сторона: что положено есть и пить, как обращаться с женщинами и в особенности — каково богослужение народов. Недаром языческие же бояре и старцы посоветовали Владимиру: «испытай когождо ихъ службу» (104, под 987 г.); и Владимир направил послов, которые у народов и «сглыдаваше церковную службу ихъ» (105). Православию было отдано предпочтение именно за красоту церковной службы: «несть бо на земли такого вида ли красоты такая» (106), в то время как даже «немцы», хотя и многие службы творят, а красоты в них не видно никакой. Богословское же содержание вероисповеданий мало привлекало Владимира, и суть обращенных к нему речей об основах вер языческий князь воспринял крайне элементарно: «приходиша немци, и ти хваляху законъ свой... Се же после же придоша гръци, хуляще вси законы, свой же хваляще и много глаголаша..., суть же хитро сказаше, и чюдно слышати ихъ» и т. д. (104, под 987 г.). Или же выражался с некоторой рифмованной бесшабашностью по поводу сообщенных ему конфессиональных сведений: «Руси есть веселье питье, не можемъ бес того быти» (83, под 986 г.); «что ради отъ жены родися, и на древе распятыся, и водою крестися?» (102, под 986 г.); «на ономъ свете в огне горети» (104, под 987 г.). С принятием православия Владимир явно тянул («пожду и еще мало» — 104, под 986 г.), пытаясь получить взамен земные блага (например, породниться с византийскими императорами), и последним толчком ко крещению Владимиру послужило исцеление от глазной болезни: «Топерво уведехъ Бога истиньнаго» (109, под 988 г.) — выгода очевидная.

Летописец понимал своеобразие крещения Руси Владимиром: крещение произошло по изволению Божью, а не по нашим делам; перед крещени-

ем здесь не апостолы учили, не пророки прорекли; дьявол был побежден не от апостолов, не от мучеников, а языческим невеждой, который после крещения все-таки опять вернулся к жизни «по устроенью отьню и дедню» (124, под 996 г.).

Второй причиной, помешавшей сразу признать Владимира святым, вероятно, была его циничная хитрость, которую летописцу, стремившемуся к полноте сведений о князьях, все-таки пришлось показать. В арсенал средств Владимира постоянно входило предательство. Владимир не имел шансов стать киевским князем из-за своей низкородности сравнительно с братьями (матерью Владимира была служанка, ключница княгини Ольги). Оттого Святослав послал Владимира княжить к далеким новгородцам только после отказа его более высокородных братьев и с полупрезрительными словами: «А бы пошель кто к вамъ... Вотю вы есть» (68, под 970 г.), оттого и гораздо позже Владимира называли сыном рабыни (74, под 980 г.). Однако Владимиру удалось стать единоподержцем Руси после убийства братьев, одного из которых убил он сам вполне целеустремленно («убью брата своего»), склонив к предательству воеводу брата. Летописец, правда, пригладил эту неприглядную историю: по рассказу летописи, Владимир благородно предупредил брата о войне («пристраивайся противу биться») и обосновал свою борьбу («не язъ бо почаль братью бити, но онъ»), и именно предатель-воевода был выставлен инициатором разных коварств, что дало повод летописцу разразиться филиппикой («горьше суть бевсовъ такови») и обвинить воеводу в убийстве («се бо бысть повинень крови той»), а Владимира оставить в тени (75, под 980 г.).

Но сразу вслед за этим летописцу пришлось рассказать еще об одном предательстве Владимира, которому в отчаянный момент хорошо помогли нанятые им варяги, но Владимир их обманул — не дал обещанной платы и отправил в Царьград, тайно предупредив византийского цесаря: «Се идуть к тебе варязи, не мози ихъ держати въ граде..., но расточи я разню, а семо не пушай ни единого». Правда, и в этот раз летописец привел факты, смягчающие отступничество Владимира: варяги явились непосредственными убийцами брата Владимира, варяги хотели пограбить один из русских городов и еще «сотворили зло», а Владимир изгнал не всех варягов, но прежде избрал из варягов мужей добрых и разумных и тем раздал города (77, под 980 г.).

Далее летописец рассказал о том, как Владимир снова использовал предателя: при осаде Корсуня один из корсунцев дал знать Владимиру о слабом месте крепости (подземной водопроводной трубе к городу, которую надо перекрыть) и способствовал падению своего же города. Потом произошло также не все ладно: Владимир вывез из Корсуня множество ценностей, вплоть до статуй, а разоренный греческий город хитроумно отдал грекам же в каче-

стве выкупа за свою греческую невесту (под 988 г.); предатель же, возвеличенный Владимиром, предал русских в пользу поляков (под 1018 г.).

Неблаговидным поступкам Владимира-язычника летописец нашел противовес: Владимир у летописца одновременно представал по-христиански мягким, кротким и даже слабым князем. Небывалую кротость и уступчивость Владимир моментами проявлял еще до крещения: он, как обозначил летописец это состояние князя, «убоявся» своего брата и бежал за море (74, под 977 г.); Владимир униженно просил братнего воеводу: «Поприяй ми..., имети тя хочю во отца место» (75, под 980 г.); затем Владимир хотя и победил волжских болгар, но отказался взять дань и опасно заключил с ними вечный мир (под 985 г.); своих бояр и старцев Владимир вовсе не свысока спрашивал: «Да что ума придасте?» (104, под 987 г.). После крещения, как следовало из еще более удивительных деталей летописного повествования, Владимир и вовсе ослаб от христианского смирения: «поча тужити» оттого, что не мог справиться с печенегами (120, под 992 г.), и вообще «не могъ стерпети противу» их настолько, что спрятался от печенегов, став под мостом и обещая построить церковь за свое спасение (122, под 996 г.); с дружиной Владимир вел себя исключительно предупредительно: устраивал пиры по всем воскресеньям, и для дружины, когда услышал ее претензии, специально велел исковать серебряные ложки вместо деревянных; с дружиной князь «думал» о всех государственных делах; «миръ и любви» установились у Владимира с христианскими странами. Но, пояснил летописец, Владимир жил в страхе Божии, боясь греха, не казнил разбойников, отчего умножились разбои. Потом Владимир смиренно слушал советы епископов и старцев и по их советам стал то казнить, то вместо казни брать штрафы-виры с разбойников (под 996 г.). В это время шла беспрестанная война с печенегами, но, сообщил летописец, Владимир не мог помочь своим людям — «не бе лзе Володимеру помочи, не бе бо вой у него» (122, под 997 г.) — люди сами придумывали, как спастись.

Оправдание Владимира в летописи не привело к апофеозу, а закончилось тревожными сообщениями: летописец перечислил умерших — преставились мать, жены, сын, внук Владимира (под 1000—1011 гг.) — и закончил повествование рассказом о смерти самого Владимира. На неблагоприятие указывало и заключительное известие летописца о небывалой ссоре отца с сыном — Владимир захотел идти походом «на сына своего» (127, под 1014 г.). Летописец по обыкновению смягчил сообщение: «Но Богъ не вдасть дьяволу радости» (127, под 1015 г.). Однако от этого не исчезла острая дисгармоничность летописного повествования о Владимире — язычнике и христианине.

Летописец по-своему подводил итоги жизни князей — не по всем их делам в целом, а обычно по одному решающему деянию или обстоятельству в

жизни: Рюрика преимущественно характеризовал приход на Русь, Олега — победа у Царьграда, Ольгу — крещение, Игоря — поборы с деревлян, Святослава — непослушание матери, Владимира — крещение Руси. Прочее же отбрасывало лишь дополнительные свет или тень на главный поступок героя. Как ни хотелось летописцу, чтобы Владимир-креститель был признан святым, но этот князь оставался слишком неидеальным, и летописец выразил лишь надежду, лишь пожелание Владимиру: «Даждь ти Господь венець с праведными, в пищи райстей веселье и ликъствованье съ Авраомомъ и с прочими патриархы» (128, под 1015 г.).

Персонология «Повести временных лет» по содержанию и формам литературного выражения была явлением полнокровным, но глубоко архаическим.

1998 г.

2. О ТИПЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ТВОРЧЕСТВА СОЗДАТЕЛЕЙ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

Тип литературного творчества определяется, во-первых, по изложению писателем принципов своего творчества; во-вторых, по манере изображения или описания им объектов и явлений мира; и, в-третьих, по семантике используемых писателем форм и средств, то есть по его поэтике, отношению к структуре мира, художественному мировоззрению.

Древнерусские писатели, особенно древнейшие, обычно не рассуждали о принципах их творчества, по отдельным редким оговоркам нельзя воссоздать что-то цельное. Гораздо полезней заниматься писательской персонологией, но пользы тут извлекается больше для изучения древнерусской политологии, историософии и философии. К определению же типа литературного творчества лучше всего приближает изучение семантики повествовательных форм и средств; именно этой теме посвящена данная работа.

Выбираем лишь один памятник — «Повесть временных лет» — своего рода этап в истории древнейшего литературного творчества, достойный специального рассмотрения. Пока трудно различить вклад каждого из составителей летописи, и поэтому приходится говорить о творчестве собирательного летописца XI — начала XII вв. Наблюдения проводятся над тремя повествовательными формами, распространенными в летописном тексте и тесно связанными друг с другом, — над образительными отрывками, над компактными характеристиками летописных персонажей, над перечислениями и перечислительными описаниями. Необходимо четко различать: что мы ищем и ожидаем и что мы реально находим в летописи.

Семантика изображений

Реально было вот что: летописец рассказывал о далеком прошлом по различным источникам, стремясь излагать факты и мысли («скажем, что ся здея» — 17, под 852 г.¹), но не создавать картины и не выражать личные впечатления. Слово «образъ», употреблявшееся в летописи, не имело отношения ни к изложению, ни к авторскому и читательскому воображению, а обозначало нечто отчетливо зримое в окружающей жизни — наружный облик человека, существа или вещи; образцовые одежды и поведение людей; чудесные явления и видения.

Летописец лишь иногда отмечал степень значительности, но только чужих высказываний. О человеке совсем незатейливом и его речах летописец отзывался так: «умомъ простъ и просторекъ» (202, под 1089 г.). Экспрессивная речь: «смысль буй и словеса величава» (222, под 1096 г.). Длинное и искусное повествование определялось иначе: «хитро сказажоуе и чюдно слышати...» (104, под 987 г.). Были «словеса», — так обобщенно называл их летописец, — особо сложные по смысловой структуре, в которых летописец ощущал «многу мудрость» и особенную выразительность (60, под 955 г.; 148, под 1037 г.), — к ним летописец относил библейские и святоотческие книги («книгамъ бо есть неищетная глубина» — 148, под 1037 г.), а также «притчи» — пословицы со скрытым содержанием (11; 76, под 980 г.).

Изобразительные средства чаще всего использовались летописцем для подчеркивания значительности тех или иных мыслей и этических оценок. Например, под 1075 г. княжеская казна — «бещисленное множество, злато, и сребро, и паволокы» — была косвенно сопоставлена с мертвецом («се бо лежитъ мертво», потом, подобно истлевшему мертвецу, «расыпая розно»), чтобы поддержать мысль об ином принципе накопления богатств: живые «кметье луче — мужи бо ся доищють и болше сего» (192—193). В летописи использовались только неразвернутые или шаблонные тропы как эпизодическое подсобное средство для облуживания мыслей в наиболее важных местах больших рассказов. Например, в повествовании под 1097 г. об ослеплении Василька Теребовльского краткие изобразительные характеристики (в основном, сравнения) получили все основные герои в самый напряженный, в самый страстный момент их деятельности. Давыд перед совершением злодеяния представлен заторможенным от ужаса, как внезапный глухонемой: «Давыдъ же седяше, акы немь... и не бе в Давыде гласа, ни послушанья — бе бо ужаслся» (250); Василько представлен «яко и мертвь», почти что на том свете: «Да быхъ в той сорочке кроваве смерть приняль и сталь предъ Богомъ» (252); Владимир «приходящая к нему напиташе и напаяше, акы

¹ В скобках здесь и далее указываются страницы по изданию: Летопись по Лаврентиевскому списку / Изд. подгот. А. Ф. Бычков. 3-е изд. СПб., 1897.

мать дети своя» (255); пик событий подчеркивался таким же способом: «сбиша угры, акы в мячь, яко се соколь сбиваеть галице» (261); и т. п.

Нет оснований говорить о художественном, то есть образном творчестве летописца, заключающемся в сложении неожиданных предметных смыслов, переносе признаков одного объекта на совсем другой объект, слиянии очень разных объектов в изобразительное целое, не соответствующее исторической реальности (по известному принципу: человек + конь = кентавр).

И все же что-то похожее на изобразительное творчество у летописца обнаружить можно. Примером служит отрывок уже в самом начале летописи, где летописец перечислил длинный ряд стран и земель, доставшихся сыновьям библейского Ноя — Симу, Хаму и Иафету, использовал перечни из древнерусского перевода «Хроники» Георгия Амартола², а затем приступил к собственным перечислениям северного этнического состава: «В Афетове же части седять: русь, чюдь и вси языци, — меря, мурома, весь, морьдва, заволочьская чюдь, пермь, печера, ямь, угра, литва, замегола, корсь, летьгола, любь» (3). Здесь заметна семантическая двусмысленность. Об этносах летописец обычно писал, обозначая их территориальную прикрепленность, постоянно указывая на их «сидение»: «седше на котормь месте» (5). В данном же отрывке летописец связал с этносами еще одно качество — простираение до неких границ: «Ляхове же, и пруси, чюдь преседять к морю Варяжскому. По сему же морю седять варязи семо ко вьстоку до предела Симова, по тому же морю седять къ западу до земле Агнянски и до Волошьски» (3—4).

Простираение до границ как качество обычно связывалось у летописца не с народами, а с землями, странами. Летописец много раз упоминал этот предметный признак земель: «землю Фрачьску и Макидоньску до же и до Селуня» (25, под 898 г.); «Вифиньския страны... по Понту до Ираклия и до Фафлогоньски земли» (43, под 941 г.); «всточныя страны до моря» (227, под 1096 г.); и т. д. Так что в анализируемом отрывке о северных этносах летописец перенес на народности признак стран: каждый упомянутый народ — это как бы и страна. Однако летописец стремился вовсе не к образному изложению; понятия «народ» и «земля» он не разделял четко, для него существовал единый объект — «язык», — значительность которого летописец лишь несколько усилил, указав два признака: где «сидит» «язык» и до каких границ.

Но в летописном повествовании бывало и иначе, когда на данный объект переносились признаки действительно другого объекта, правда, делалось это очень косвенно. Например, летописец пересказал по «Хронике» Георгия Амартола историю Вавилонского столпа³, отметив, что «есть останокъ его *промежю*

² Шахматов А. А. «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ. Т. 4. С. 42—43.

³ Ср.: Там же. С. 45, 74.

Асюра и Вавилона», — «останок» столпа был сопоставлен со странами, к нему прилежащими. Летописец всегда соизмерял величины предмета, помещенного «между» другими предметами. Так, в сообщении — «Глебу же убьену бывшую и повержену на брезе *межи* двема колодама» (134, под 1015 г.) — размеры человека и двух колод явно сопоставимы; в другом сообщении — «Кытань ста *межи* валома с вои» (219, под 1095 г.) — сопоставимы размеры отряда и валов; соответственно во фразе — «прибежа в пустыню *межю* Ляхы и Чехы» (141, под 1019 г.) — сопоставлены более крупные объекты: страны и большая «пустыня» между ними; если же имелась в виду необозримо обширная пустыня, то необозримым становилось и ее окружение: «ищзлы бо суть си оть пустыня Етривьскыя *межю* востокомь и северомь» (226, под 1096 г.). Отсюда ясно, что та же пропорция присутствовала в летописном рассказе о столпе; иначе говоря, на «останок» столпа, который «есть» «*промежю* Асюра и Вавилона», летописцем был перенесен признак стран — территориально-пространственная обширность. Это, скорее всего, пусть малое, но творчество самого летописца, так как в «Хронике» упоминание об остатке столпа служило лишь логическим обозначением координат: «И есть помежи Ассура и Вавилона в лета многа хранимь останокь его», — сохранился там-то и там-то. Однако и в летописном повествовании не было создано образа — настолько слабо в характеристику «останка» столпа добавился смысловой элемент о простирающейся стране. Летописец опять-таки лишь несколько усилил значительность объекта, о котором рассказывал.

Иногда переносимый признак другого объекта обозначался немного явственней. Так, в рассказе о мести Ольги деревяням летописец упомянул «яму велику и глубоку», куда сбросили деревянское посольство (55, под 945 г.). То подразумевалась не просто яма: на нее был перенесен признак очень глубокого и отвесного обрыва, даже как бы пропасти. Летописец, во-первых, сказал, что киевляне, неся деревян, «вринуша е в яму»: употребил не обычный для таких мотивов в летописи глагол «ввергнути», а гораздо более редкий глагол «вринути», имевший оттенок бросания предмета куда-то глубоко с высоты. «Вринути» связывалось с обрывом. (О Перуне было сказано далее в летописи: «вринуша и в Днепръ» — с высокого берега — 114, под 989 г.). Во-вторых, летописец далее сказал о том, что, очевидно, к краю ямы «приникъши Ольга», обращаясь к сброшенным на дно деревяням, — не нагнулась, но приникла, как к опасно отвесному обрыву. В-третьих, летописец закончил рассказ о мести деревяням так: Ольга «повеле насыпати я живы, и посыпаша я», — исполнители «посыпаша» деревян, то есть находились высоко вверху над деревьями. И снова видно, насколько слабо выражен в летописном рассказе признак обрыва или пропасти, исподволь добавленный к характеристике ямы. И тут летописец тоже лишь несколько усилил значительность исходного объекта, но цельного образа создавать и не думал.

Однажды в летописи к объекту были открыто прибавлены признаки другого объекта — в рассказе о походе Олега на Царьград: «И повеле Олегъ воемъ своимъ колеса изделати и воставити на колеса корабля. И бывшу покосну ветру, въспяша парусы, с поля и идяше къ граду» (29, под 907 г.). В этом отрывке не случайны все упоминаемые детали. На парусные корабли перенесены признаки сухопутных повозок, которые на колесах катятся по суше — «съ поля и идяше къ граду». Получилось что-то вроде стремительных вездеходов. Но сам летописец не развил этот возможный образ, он довольствовался только сюжетом рассказа, чтобы подчеркнуть хитроумие Олега.

В отдельных случаях летописец переносил на объект признаки нескольких других объектов. Например, в характеристике болгар летописец перенес на мусульман признаки сумасшедшего: «како ся покланяють в храме, рекше в ропати: стояще бес пояса; поклонився, сядеть и глядитъ семо и онамо, яко бешень; и несть веселья в нихъ, но печаль; и смрадь великъ» (105—106, под 987 г.). Однако в этом отрывке летописец лишь один элемент прямо связал с сумасшедшим: «глядитъ семо и онамо, яко бешень». Остальные элементы не обязательно привлекались тоже как признаки сумасшедшего (странный в одежде и поведении, смурной, грязный); они могли отдавать чем-то чуждым, нехорошим (так и говорилось: «несть добръ законъ ихъ»). То есть двусмысленность облика персонажей, пожалуй, заметна у летописца в данном случае. Но это все-таки не образ. Двусмысленность облика персонажей как усилительное средство всегда входила в состав летописных характеристик иноверных или незнакомых народов.

Благодаря двусмысленности облика персонажей противоримский оттенок получил знаменитый рассказ апостола Андрея о словенах: «Видехъ бани древены, и пережгутъ я рамяно, и совлокуться, и будутъ нази, и облеются квасомъ усняномъ, и возмутъ на ся прутье младое, и бьютъ ся сами, и того ся добьютъ, едва слезуть ле живи, и облеются водою студеною, и тако оживуть» (7—8). Ряд деталей этого повествования связывался с мотивом о пытках: люди раздеты, огонь, «прутье», жидкости; битые еле живы. Ряд деталей смутно свидетельствовал о некомфортности, даже варварскости жизни словен: строения деревянные, помещения раскаленные, люди нагие, облитые квасом, да еще каким — из белены. Помимо этого, детали вводили мотив выносливости словен, закаляющих себя «по вся дни»: бьют себя сами, обливаются ледяной водой. Признаки разных явлений, особенно мученичества, перенесены на словен так неясно, потому что рассказ летописца был посвящен не столько самим словенам, сколько загадке о них, которую Андрей задал несообразительным римлянам и сам же на нее ответил («то творять мовенья себе, а не мученья»).

Множественность переносимых признаков служила усилению мотива оборотничества, но не созданию именно образов летописных героев. Так, в повествовании под 1074 г. о нападении бесов на монаха Исакия бесы представляли не в своем обличье, а в чужом, притом неприятном или отвратительном. Два беса явились в виде ангелов: «блистаста лице ею, акы солнце», но свет от них исходил вредоносный — «яко зракъ вынимая человеку» (187). Еще «единъ отъ бесовъ, глаголемый Христось» выглядел разухабистым гулякой, он предлагал: «Възмете сопели, бубны и гусли и ударяйте, агъ ны Исакий спляшетъ». Затем бесы приходили к Исакию «яко се многъ народъ, с мотыками и лыскаре» (лопатами), потом — «въ образе медвежи, овогда же лютымъ зверемъ, ово вълоть, ово змие полозяху к нему, ово ли жабы, и мыши, и всякъ гадъ» (191). Калейдоскопическая смена обликов означала неустойчивость бесов: покажутся — «и тако ищезняху»; тем более что бесы являлись только ночью и превращались в ночную тьму: как говорил им Исакий, «вы есть тма, и во тме ходите, и тма вы ять». В броскости повествованию отказать нельзя, но разработкой образов летописцев не занимался.

Одним из излюбленных летописцем способов усиления значительности было прямое столкновение объектов с противоположными качествами, видоизменявшее качество исходного объекта. Например, летописец рассказал о путешествии апостола Андрея по пути из Грек в Варяги: в частности, о том как, плывя вверх по Днепру, апостол «по приключоау приде и ста подъ горами на березе» (7). Эти «горы» (холмы) подразумевались пустынными, ибо летописец отметил, что путник остановился на ночлег лишь «по приключоау», то есть случайно, не у поселения. О самих «горах» летописец ничего не сказал, явно подразумевая «горы» безлюдными. Точно так же дальше в летописи ничего не сообщал летописец о «горах» под Киевом, если они были безлюдны: «поча ходити по дебрьмъ и по горамъ» (153, под 1051 г.), безлюдность таких ничем не характеризуемых «гор» косвенно подтвердил один из персонажей: «...хочю въ ону гору ити единъ, яко же и преже бяхъ обыкль, уединивься, жити» (154, под 1051 г.). О тех же, однако уже заселенных «горах» летописец всегда что-то сообщал: «Седяше Кий на горе, иде же ныне увозъ Боричевъ» (8) и пр.

Но тут же эти пока еще пустынные и безлюдные «горы» предстали в совсем ином виде. Апостол обратился к своим ученикам: «Видите ли горы сия?» И объяснил, что же он там видит: «яко на сихъ горахъ восияеть благодать Божья, имать градъ великъ быти и церкви многи Богъ въздвигнути имать». То есть эти «горы» будут застроены и многолюдны. Столкновение двух взаимоисключающих качеств приводило в рассказе к их слиянию в половинчатое качество, примиряющее противоположности. В данном случае будущее влияло на настоящее, и пустынные «горы» оказались уже не совершенно пустынными: в присутствии учеников Андрей провел церемонию благословения места

будущего града и на одной из «гор» «постави крестъ», — движение к постройке города как бы началось. Такова семантика рассказа.

В летописи есть еще несколько рассказов с предсказаниями, и во всех них будущее влияло на настоящее. Например, под 1096 г. говорилось о том, что где-то далеко на севере в горах плотно затворены «сквернии языци», но они, по предсказанию, выйдут из гор «в последняя же дни» (228). И будущее уже действует: они «секуть гору, хотяще высечися, и в горе той просечено оконце мало» (227) — проникновение началось.

Семантически это был не перенос предметного признака другого объекта на данный объект, а лишь способ впечатляющей материализации невидимого объекта в видимый. Вот пример гораздо более осязаемой материализации — описание одного из «знамений»: «...въ Иерусалиме случися внезапно по всему граду за 40 дний являтися на вздусе на конихъ рищющимъ, въ оружьи, златы имущемъ одежа, и полкы обоявляемы, и оружьемъ двигающимся» (160, под 1065 г.). На нечто эфемерное («являтися»), бесформенное, не имеющее названия, перенесены признаки материального войска — построившиеся полки («обоявляемы»), в сверкающих доспехах («златы одежа»), скачущие на конях («рищющимъ»), угрожающие оружием («оружьемъ двигающимся»). В результате, призрачное («на вздусе») все больше становится материальным (распространяется «по всему граду»), кратковременное («случися внезапно») — постоянным («40 дний»).

Данный рассказ был заимствован летописцем из недошедшего до нас переводного «Хронографа», но, как показывает повествование о разных знамениях в этом месте летописи, летописец не механически переписал свой источник. Вот аналогичный рассказ, уже, несомненно, созданный самим летописцем: «Предивно бысть в Полотьске, въ мечте бываше: в нощи тутънь станыше; по улици, яко человеци, рищюще беси. Аще кто вылезаше ис хоромины, хотя видети, абье уязвень будяше невидимо отъ бесовъ язвою... Посемъ же начаша в дне являтися на конихъ, и не бе ихъ видети самехъ, но конь ихъ видети копыта» (207—208, под 1092 г.), — невидимое и бесформенное понемногу материализуется во всадников с оружием, которые с топотом рыщут на конях, всюду оставляют следы, ранят встречных людей и вот-вот станут видны целиком: недаром «человеци глаголаху, яко навье бьють полочаны», то есть «бесы» должны выглядеть, как мертвецы (ср. ранее: действующие среди людей «беси... суть бо немощни и худи взоромъ» — 174, под 1071 г.).

Невидимое так и не становилось полностью видимым, однако проявляло себя материально. Например, в летописи рассказывалось, что один из монахов, взглянув на братью, поющую в церкви, «виде обиходяща беса въ образе ляха, в луде, и носяща в приполе цветкы, иже глаголется лепокъ. И обиходя

подле братью, взямая из лона лепокъ, вержаше на кого-любо. Аще приляше кому цветокъ в поущихъ отъ браться, мало постоявъ и раслабленъ умомъ, вину створиъ каку-любо, изидяше ис церкви, шедъ в келью, и усняше, и не възвратяшется в церковь до отпетья» (184—185, под 1074 г.). Цветки, которые этот лях-бес вынимал из своего «лона», были невидимы (их видел только один монах), но прилипчивы («приляше») и дурманящи (от них человек делался «раслабленъ умомъ... и усняше»).

Все это не образы, плод слияния двух разных объектов в один, а лишь накопление элементов изобразительности для усиления значительности объектов фантазмагорических, находящихся на грани реального и нереального.

В единичных случаях заметно у летописца семантическое столкновение одного объекта даже с несколькими объектами, противоположными исходному в каких-то отношениях. В результате, у исходного объекта появлялась целая серия новых качеств, промежуточных между противоположностями. Так, в уже упоминавшемся рассказе под 1074 г. о монахе Исакии на живого человека были перенесены признаки мертвеца («взяша и, мертва мняще, и, вынесше, положиша» — 187—188); мертвеца обмывают, он не ест и пр. («омываше и спряташеть и; за 2 лета лежа, си ни хлеба не вкуси, ни воды, ни овоща, ни отъ какого брашна, ни языкомъ проглагола, но немъ и глухъ лежа за два лета» — 188); у мертвеца заводятся черви («многажды и червье въкыняхуся подъ бедру ему»). Благодаря столкновению противоположных качеств — персонаж живой и мертвый — летописец изобразил полумертвеца, плохо двигающегося («раслабленъ теломъ, ако не мощи ему обратитися на другую страну, ни встати, ни седети, но лежаше на единой стороне») и почти не чувствительного ни к холоду, ни к жару («примерзняшета нозе его к камени, и не движаше ногама» — 189; «ногама босыма ста на пламени» — 190). Путем столкновения других противоположностей — человек взрослый и младенец — летописец описал нечто вроде идиота, плохо что соображающего («подъ ся поливаше, ...на ноги нача встяти, акы младенець, ...положаху пред ним хлебъ, и не възмяше его, но ли вложити в руце ему»), только потом «научися ясти» — 188—189). Наконец, на Исакия были перенесены и черты неживой куклы, которой управляют (бесы «начаша имъ играти» — 189) и которой даже ворон не боится («шедъ, я ворона и принесе» — 190), отсюда непредсказуемость юродивого. Мотив необычности, странности, ненормальности героя достаточно выражен в летописном рассказе, но единого образа на этот раз нет уже из-за неотчетливости слияния разных объектов в одно целое.

В прочих случаях объекты противопоставлялись, чтобы усилить впечатление от одного из них, но признаки с объекта на объект летописец не переносил. Например, в том же рассказе об Исакии взаимоисключающими представляли обстоятельства, в которых разворачивалось действие. С одной стороны, Исакии

физически стеснен («одра мехомъ козель, и възвлече на власяницу, и осше около его кожа сыра» — 186); келья Исакия исключительно мала, тесна («затворися в пещере... в кельици мале, яко четыре лакоть»), с «оконцемъ, яко ся вместяше рука», Исакий в этой тесноте «на ребрехъ не легавъ», но только стоял или «седаше на седале своемъ» — 186—187); там темно («на светъ не вылазя» и даже «свещю угасившю»). Эта пещерная, подземная кельица смутно напоминала то ли узкий колодец, то ли четырехлокотный гроб. И вдруг она превратилась в нечто вроде светлого, обширного, многолюдного, шумного зала: «внезапу светъ восья, яко оть солнца, в пещере», «поидоста 2 уноши», а за ними бесы «начаша садитися» около Исакия, «и бысть полна келья их», «и удариша в сопели, и в гусли, и в бубны», и заставили Исакия плясать — где только место нашлось. Благодаря контрасту ярче выглядит превращение, его внезапность: был один объект, стал другой объект на фоне предыдущего.

В рассказе о том, как обры запрягали дулебских женщин в телегу вместо коня или вола, летописец тоже вовсе не переносил признаки коней на женщин, а только противопоставил эти объекты («не... коня, ни вола, но... женъ» — 11), отчего угнетение людей обострилось до мучительства («насилъе творяху женамъ дулебскимъ... мучаху дулебы»).

Поиски художественных образов в летописи приводят к следующему выводу. Летописец заботился об изобразительности своего повествования, чтобы усилить ощущение значительности объектов, в общем, подчеркнуть качества объектов, но объекты не сливал друг с другом в некие образные «кентавры», как это стало обычным в позднейшей литературе. Перед нами элементы изобразительности, но дообразные, то есть архаическое литературное творчество.

Семантика характеристик

Тип литературного творчества летописца можно определить и на ином материале — по характеристикам внешности летописных персонажей. Эти характеристики резко отличаются от привычных явлений в литературе Нового времени.

Летопись не содержала литературных портретов⁴. Летописец не выделял внешность человека как самостоятельную категорию и не пользовался соответствующей обобщающей терминологией. Слова, которые мы сейчас готовы принять за обозначение статичной внешности, имели у летописца иной смысл. Например, слово «взоръ», которое нам кажется уместным перевести нашими современными понятиями «облик, вид», больше обозначали у летописца факт глядения героя на окружающих или же — глядение окружающих

⁴ «Литературный портрет реального человека — завоевание литературы Нового времени; для средневекового писателя начала XII в. такой портрет — задача еще явно непосильная» (Еремин И. П. Литература Древней Руси: Этюды и характеристики. М.; Л., 1966. С. 97).

на героя. Так, греки наставляли своего посла к Святославу: «Глядай взора», то есть: следи за его взглядом, на что и как смотрит Святослав; ведь греки хотели узнать, к каким подаркам князь «любъзнивъ»; далее сообщалось, что они положили перед ним дары, но Святослав «кроме зря»; и греки потом жаловались: «вдахомъ дары, и не возре на ня» (69, под 971 г.). Так что слово «взоръ» в данном рассказе было связано с глаголами «зрети, воззрети» и означало «взор, зрение, глядение, смотрение» Святослава, а не его внешность, облик, внешний вид отдельно от его действий.

Когда же в летописи говорилось, каковы персонажи «взоромъ», то тоже подразумевалась не столько их внешность сама по себе, сколько глядение на них со стороны окружающих людей. Недаром в летописи использовалось производное от существительного «взоръ» прилагательное «взоренъ» (заметный, хорошо смотрящийся со стороны: «взоренъ бываетъ во вратехъ мужь» — 79, под 980 г.); форма «взоромъ» недаром заменялась в списках словом «възоромъ» (то есть: воззрением — 196, под 1078 г., примеч. 6) или пояснялась словом «видение» (например, бесы «худи взоромъ», то есть «скверни и зли в видении» (на взгляд) — 174, под 1071 г., и 192, под 1074 г.).

Другое слово — «образъ», — которое нам может показаться полноценным обозначением внешности, тоже таковым не являлось в летописи, а больше указывало на некое действие, на «виденье» кого-то со стороны («въ образе Феодосьеве... виденье видель» — 184, под 1074 г.); «образъ» — это есть то более, то менее приемлемое зрителем «виденье», каков персонаж («въ образе Исус Христове и въ ангельстемь недостойни суще того виденья» — 191, под 1074 г.), нередко ввод зрителей в «мечтанье» принятием персонажами не своего, подлинного, а чужого, ложного облика («пременяше во иного образъ, в мечтаныи сице творяше» — 175, под 1074 г.), или принятием временного, быстро сменявшегося обманного вида («творяще в мечте... въ образе медвежи, овогда же лютымъ зверемь, ово вломъ, ово змие полозяху к нему, ово ли жабы, и мыши, и всякъ гадъ» — 191, под 1074 г.); иногда слово «образъ» обозначало отличительную для зрителей окрашенность персонажа («образомъ черни» — 174, под 1071 г.), иногда — одежду («възложилъ образъ мнишьский»), но тут же — и поведение («научивъ чернечьскому образу» — 152, под 1051 г.). Если же имелся в виду облик более стойкий, то употреблялось слово «зракъ» («примь рабий зракъ истинуоу, а не мечтаньемь» — 110, под 986 г.; «Духъ сходящъ зракомъ голубинымъ» — 101, под 986 г.), однако тут слово «зракъ» больше относилось к божественной сущности видимого зрителями, а не собственно ко внешности персонажа.

В общем, летописец не употреблял слов для специального обозначения внешности, потому что такими общими категориями не мыслил. Оттого поня-

тие красоты, которое у нас обычно относится ко всей внешности человека, летописец связывал только с отдельной его частью, как правило, с лицом («красоты ради лица ея» — 74, под 977 г.; «красень лицемъ» — 80, под 983 г., и 162, под 1066 г.). Если же летописец высказывался о красоте персонажа более общо, то и в этих случаях он имел в виду все-таки отдельные красивые детали, а не внешность в целом. Например: «поидоста 2 уноши к нему красна, и блистаста лице ею, акы солнце» (187, под 1074 г.), — ясно, что речь шла опять-таки о красивых лицах. Или: «Дасть Бохмитъ комуждо по семидесять женъ красныхъ, исбереть едину красну, и всехъ красоту възложить на едину» (83, под 986 г.), — это место означало, что у семидесяти женщин берутся разные красивые элементы и инкрустируются в одну, а не то, что внешность всех женщин накладывалась одна на другую. Летописец мыслил об элементах, а не о целом. Когда же летописец давал совсем общую характеристику вроде бы внешности человека («отроча красно» — 92, под 986 г.; «взоромъ красень» — 193 и 196, под 1078 г.), то на этот раз оказывалось, что летописец подразумевал, пожалуй, нечто более широкое и расплывчатое, нежели только внешность, — благоприятное впечатление от всего человека: «бысть отроча красно, и бысть леть 4» — милый возраст, нельзя не «любити отроча».

Об отсутствии у летописца стремления к изображению цельной внешности человека свидетельствуют сравнительно подробные летописные характеристики персонажей, очень немногочисленные. Описаний, перечисляющих сразу несколько внешних черт персонажей, буквально единицы, и все они указывают лишь отдельные частности, притом только тогда, когда те обращают внимание своей необычностью — величиной, цветом, ущербностью и пр. Поэтому в летописи есть характеристики людей, вообще не упоминающие физических деталей, которые, очевидно, ничем и не выделялись, и, напротив, преобладает множество коротких замечаний о необычности качества того или иного телесного элемента или физической черты у человека: «высокъ теломъ» (202, под 1089 г.); «превеликъ зело» (121, под 992 г.); «черевево твое тольстое» (139, под 1018 г.); «перереза ему лице, и есть рана та на Василке и ныне» (251, под 1097 г.); «язвено на главе его» (151, под 1044 г.); и мн. др. Летописец во всех случаях мыслил не целым, а фрагментами и к обобщающему представлению о внешности персонажей не приближался ни при упоминаниях частей тела, ни при упоминаниях одежды и обуви. У нормального человека обычно в той или иной форме упоминались тело и лицо. Например, Мстислав: «дебель теломъ, чермень лицемъ, великыма очима» (146—147, под 1036 г.); Ростислав: «взрастомъ же лепъ и красень лицемъ» (102, под 1066 г.). У мучающихся персонажей дополнительно к телу и лицу упоминались ноги: «опустневше лица, почерневше телесы, ...ногы имуще

сбодены...» (217, под 1093 г.); «раслаблень теломь, ... червье въкыняхуся подь бедру ему» (188, под 1074 г.). У погубляемых («кладущих главу»), естественно, упоминалась глава: «гвозди железны посреди главы въбивахуть имь» (43, под 941 г.); «взяша главу его и во лбе его съделаша чашю» (72, под 971 г.); «усекнуша главу его» (131, под 1015 г.); и др. У уродов и уродливых существ упоминался хвост или что-то вроде хвоста: «безь очью и без руку, в чересла бе ему рыбий хвось приросль»; «на лицю ему срамнии удове» (161, 160, под 1065 г.); «образомь черни, крилаты, хвосты имуше» (174, под 1071 г.). Но обязательность определенных деталей по типам персонажей не соблюдалась.

Фрагментарность или дробность характеристик выражалась еще в том, что каждый элемент внешности быстро подключался к действию, к сюжету рассказа, но не к другим элементам внешности. Упоминаемый элемент внешности вводил в ситуацию вокруг персонажа, в частности, указывал на впечатление окружающих людей. Например, печенежский борец «бе бо превеликъ зело и страшень» (121, под 992 г.) — страшен для окружающих своей «превеликостью» (ср.: «спаде превеликъ змий оть небесе, и ужасошася вси людье» — 207, под 1091 г.; ужаснулись из-за его «превеликости», от маленькой змеи не ужасались). Элементы внешности были связаны и с иными воздействиями персонажа вовне. Например: «бе бо Болеславъ великъ и тяжекъ, яко и на кони не могли седети» (139, под 1018 г.) — тяжело коню из-за «великости» седока; «бе бо великъ и силенъ Редедя» — трудно с ним бороться (143, под 1022 г.); Всеслав: «бысть ему язвено на главе его... сего ради немилостивъ есть на кровьпролитье» (151, под 1044 г.). Элементы внешности обозначали также святость персонажа в мире, приведем только один пример из многих: Ольгу «вси человеци прославляють, видяще лежащю в теле на многа лета» (67, под 969 г.), нетленность тела — признак святости. Элементы внешности персонажа служили и знаменем будущего для страны. Виды одежды всегда упоминались только как знак социальной ситуации, определенной общественной церемонии; и т. д.

Фрагментарность или дробность характеристик особенно проявилась в несвязывании летописцем внешнего и внутреннего у персонажей. Внешние и внутренние черты персонажей перечислялись летописцем как равноправные, не зависящие друг от друга качества, внешнее не связывалось причинной связью с внутренним, внутреннее и внешнее одинаково действовали вовне. Вот пример: «теломь велици и умомь горди» (11) — телом велики не оттого, что умом горды, и горды не оттого, что велики; но обры, запрягавшие дулебских женщин в телегу, мучили дулебов и своим телом (тяжело возить), и своим умом (унижали). Или: «красень лицемь и душею» (80, под 983 г.) — и то, и другое суть взаимонезависимые данности, одинаковые по производимому впе-

чатлению. Отдельные высказывания, которые, на наш современный взгляд, все-таки отражают связь внутреннего и внешнего, на самом деле такой связи не содержали. Так, наставление византийскому послу, направляемому с дарами к Святославу, можно расценить как совет догадываться о настроении князя по выражению его лица: «Глядай взора, и лица его, и смысла его» (69, под 971 г.); на самом же деле речь шла лишь о действиях Святослава вовне: «Примечай, на что смотрит, куда обращает лицо, к чему его устремление» (слово «смысль» в летописи означало «устремление, тип действий»: «Каиновъ смыслъ приимъ» — 129, под 1015 г.; «нача любити смыслъ уныхъ» — 209, под 1093 г.; «въсприимъ смыслъ буй» — 222, под 1096 г.; соответственно прилагательное «смыслении» имело оттенок «деловой, деятельный», поэтому естественным являлось противопоставление: «Бе бо Болеславъ великъ и тяжекъ..., но бяше смыслень» — хотя был велик и тяжел, но был подвижен, энергичен, первым «въбрѣде в реку, и по немь вои его» — 140, под 1018 г.).

В характеристиках летописных персонажей иногда повторялись пары качеств, одно внешнее, другое внутреннее. Крупен и воинствен: «дебель теломь, ...храборъ на рати» (146—147, под 1036 г.); «ратень, взрастомъ же лепъ» (162, под 1066 г.). Красив и добр: «чермень лицемь, ... милостивъ» (147); «красень лицемь и милостивъ убогымъ, ... взоромъ красень» (193, под 1078 г.); «взоромъ красень, ... незлобивъ нравомъ» (196, под 1078 г.). Однако это были традиционно повторяемые то рядом, то отдельно друг от друга элементы характеристик, а не причинно-следственные пары, основанные на связи внешнего и внутреннего у человека.

Нередко кажущиеся нам значимыми, самостоятельными элементы внешности на самом деле почти не являлись таковыми. Элемент внешности мог обозначать то, из чего сделан объект. Например, когда летописец описывал «Перуна древяна, а главу его сребрену, а усъ златъ» (77, под 980 г.), имелось в виду не столько то, как выглядел Перун, сколько то, что тело Перуна сделано было из дерева, голова — из серебра, а усы — из золота (ср. далее именно о материале, из которого изготовлены идолы: «начаша кумиры творити, ови древяны, ови медяны, а друзии мрамаряны, а иные златы и сребрены» — 89, под 986 г.). Элемент внешности на самом деле мог обозначать манеру поведения героя. Например, в рассказе о приходе княгини Ольги к византийскому императору, который «видевъ ю добру сущю зело лицемь и смыслену» (59, под 955 г.), словосочетание «добра лицемь» (а не «красна лицемь») указывало, скорее, не на внешность и красоту Ольги (после ее замужества, судя по датам летописи, прошло 52 года), а на ее доброликость, то есть приятность, обходительность, воспитанность, согласующуюся с ее «смысленностью» (смышленностью-опытностью-тактичностью). Недаром, как тут же сказано, «удививъся царь разуму ея», а вовсе не красоте. Лицо упомянуто, но, пожалуй, не как полноценная реалья; подобное

словоупотребление для летописи не было редкостью (ср.: «едино Божество в трех лицах» — 110, под 988 г.; «страх нападе на ня и трепеть отъ лица руских вой» — 268, под 1103 г.; и др.). В характеристиках все фрагментарно.

Фрагментарность характеристик являлась частью более широкого явления — мозаичности изображения героев в летописи. Летописные герои представляли исключительно деятельными⁵. Если летописец перечислял только внутренние качества персонажей, то и тогда имел в виду их действие вовне — активные («братолюбивь», «милостивь убогымь» и т. д.), менее активные («молчаливь», «тихь» и пр.), направленные персонажами иногда на самих себя («вздержася отъ пьянства и отъ похоти»), но всегда действия. Чувства и замыслы считались приходящими снаружи на человека⁶. Думание или чувство персонажа тут же переходило в действие, в том числе любовь: «Но обаче любяше Ольга сына своего Святослава, ...моляшеся за сына и за люди по вся нощи и дни, кормящи сына своего до мужьства его» (62—63, под 955 г.); «любяше дружину по велику, именья не щадяше» (147, под 1036 г.); «излиха же любяше черноризци и подаяше требованье имъ» (209); и др. Физиологическое состояние персонажа тоже сопровождалось действиями: Владимир «бе несыть блуда, приводя к себе мужьски жены и девице растьяля» (78, под 980 г.); еще слабый ребенок Святослав смог перебросить копьё лишь «сквозе уши коневу» (56, под 946 г.); впавшие в болезнь сразу же умирали; и т. п. Герои, пребывавшие в пассивном положении, тоже оказывались в деле: с живостью принимали великие почести или дары; делали гораздо больше того, к чему их побуждали, или энергично сопротивлялись нажиму; если тянули с принятием решения, то занимаясь различного рода испытаниями. Бесноватые доходили до крайней степени беснования и юродства. Все сводилось к мозаике деяний.

В разных эпизодах и обстоятельствах один и тот же персонаж мог быть изображен существенно иным, без обязательной для нас связи его прежних и новоявленных черт. Поэтому, например, Олег вдруг потерял присущее ему хитроумие, опасливый Игорь внезапно забыл об осторожности, коварная Ольга после крещения превратилась в кроткую и беззащитную бабушку, не любивший Киева Святослав неожиданно возлюбил Русскую землю, Владимир после принятия христианства стал вялым в воинских и государственных делах, и т. д. и т. п.⁷ Деятельность героев простиралась до определенных пространственных границ, пре-

⁵ Ср.: «Он весь в деятельности, он представитель своего положения, он как бы обращен вовне — к зрителю, к окружающим» (Лихачев Д. С. Избранные работы: В 3 т. Л., 1987. Т. 3. С. 35).

⁶ «Добрые и злые помыслы возникают в сердце человека не изнутри, но всегда от толчка извне» (Еремин И. П. Указ. соч. С. 67).

⁷ «...они у летописца меняют свой характер, как платье» (Еремин И. П. Указ. соч. С. 43).

граждаясь деятельностью других героев и договорами о «пределах» деятельности каждой из сторон. Лишь окаянные персонажи беспредельны, пока их не остановит смерть. Посмертные характеристики героев в летописи относились не ко всей их жизни, а преимущественно к последним их годам.

Мозаичность⁸ сохранялась у летописца и при описании составных веществ человека: «створилъ Богъ человека отъ земле, сставленъ костью и жылами отъ крове, несть в немъ ничто же» сверх того (171—172, под 1071 г.) — человек представлен чем-то вроде творимого склада предметов и веществ, но не в виде цельного организма, как принято его осмысливать сейчас. То же мозаичное накопление качеств содержали характеристики летописных героев по типам людей: одни качества и деяния перечислялись у «блаженных» и «благочестивых» героев, другие — у воинственных, третьи — у «неистовых» и «окаянных», и т. д.

Почему так произошло? Дробность и мозаичность характеристик и вообще рассказов о героях — это результат архаичности литературного творчества летописца⁹. Солидность, монументальность (термин Д. С. Лихачева), простота крупных целей — основа архаики; элементы изобразительности использовались летописцем для усиления значительности изложения и для развития действия в повествовании¹⁰, — вот его главные цели; а дробность и мозаичность — сопутствующие последствия в летописи, остро ощущаемые сейчас нами, но не древнерусским летописцем.

Семантика перечислений

Летописец в «Повести временных лет» постоянно перечислял составные части того или иного целого, того или иного явления. Особенность летописного изложения такова: в перечнях на одну и ту же тему летописец упорно повторял один и тот же первый элемент, а прочие перечисляемые элементы обычно не имели устойчивого места. Рассмотрим эту особенность по темам перечислений, начиная с тем широких. Так, когда летописец перечислял страны света, то

⁸ О мозаичности говорят по разным поводам и в разных выражениях разные исследователи: «Летопись — произведение монументального искусства, она мозаична» (Лихачев Д. С. Указ. соч. Л., 1987. Т. 2. С. 74); «мир... дробный в сознании летописца... Фрагментарность и связанная с нею порою внутренняя противоречивость летописного повествования... — ключ к пониманию и природы летописного человека» (Еремин И. П. Указ. соч. С. 75—76); «преобладал же в летописи рассыпанный или рассыпающийся мир — не панорама, а калейдоскоп» (Демин А. С. «Повесть временных лет» // Древнерусская литература: Восприятие Запада в XI—XIV вв. М., 1996. С. 145).

⁹ Ср. высказывание «о глубоком архаизме летописного повествовательного стиля» (Еремин И. П. Указ. соч. С. 85).

¹⁰ «...монументализм этот особый — динамичный» (Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. 2-е изд., доп. Л., 1985. С. 51).

первым, как правило, он указывал восток. Летопись начата рассказом о разделе Земли между сыновьями Ноя: «разделиша Землю... И яся въстокъ Симови... Хамови же яся полуденная страна... Афету же яшася полунощныя страны и западныя» (1—2). Рассказ о разделе Земли заимствован летописцем из «Хроники» Георгия Амартола и из какого-то недошедшего «Хронографа»¹¹, но, скорее всего, именно летописец ввел перечисление сведений по странам света и при этом первым назвал восток. Такой же порядок перечисления летописец повторил, обозревая Землю при потомках сыновей Ноя: «прияша сынове Симови восточныя страны, а Хамови сынове — полуденныя страны, Афетови же — прияша западъ и полунощныя страны» (5); восток был назван первым при упоминании легендарной пустыни: «пустыня Етревьская межю востокомъ и северомъ» (226, под 1096 г.; географическое уточнение тоже принадлежало летописцу¹²); восток упоминался первым и при перечислениях стран света по иным поводам, например, при описании небосвода: «бысть знаменье на небеси... акы пожарная заря отъ востока, и уга, и запада, и севера» (266, под 1102 г.); при обозрении территории варягов: «по сему же морю седять варязи семо ко востоку..., по тому же морю седять къ западу...» (3).

Летописец называл восток первым в своих перечислениях стран света, скорее всего, потому, что считал восток главной страной света. Хотя о главенстве востока летописец специально не рассуждал, но косвенно, пожалуй, выразил этот принцип мироописания, включив в летопись так называемую «Речь философа», где неоднократно напоминалось о связи именно востока с важными библейскими событиями: во-первых, «насади Богъ рай на востоце»; во-вторых, при рождении Иисуса Христа «вольсви придоша отъ востока, глаголюще: “...Видехомъ бо звезду его на востоце...”»; в-третьих, сам Господь обозначил все пространство Земли, начав с востока: «Тако глаголетъ Господь: “...отъ востока и до запада имя мое прославися...”» (86, 100, 96, под 986 г.).

Остальные страны света не имели определенного места в летописных перечислениях. Таким образом, можно предположить, что литературным принципом летописца было: первым указать главное, а прочее уже не так важно.

Многие перечисления подтверждают, что летописец придерживался именно такого принципа изложения. Так, первым элементом в космогонических перечислениях у летописца выступало небо: «Богъ... створилъ небо, и землю, и звезды, и луну, и солнце, и человека» (81, под 983 г.); «створилъ небо, и землю, звезды, месяцъ и всяко дыханье» (83, под 986 г.); «створи небеса, землю,

¹¹ Об отличии от источников см.: *Шахматов А. А.* «Повесть временных лет» и ее источники. С. 42—44, 72—73.

¹² Там же. С. 101—102.

море, вся видимая и невидимая» (89, под 986 г.). Но вот перечисления уже не о мироздании: «знаменья бо въ небеси, или звездахъ, ли солнцы, ли птицами, ли етеромъ чимь не на благо бывають» (161, под 1065 г.); и даже не перечень, а перечислительный рассказ развивался в той же последовательности упоминаний: «бысть знаменье на небеси, ...в луне, ...в солнци...» (266, под 1102 г.); и т. д. Небо упоминалось первым, потому что летописец считал его главным космогоническим элементом, опять-таки опираясь на Библию и ссылаясь на то, что первым было сотворено небо («искони бо створи Богъ небо, тоже землю» — 112, под 988 г.), что небо особенно почтено («Богъ есть на небеси, седяй на престоле» — 172, под 1071 г.), что царство небесное сравнительно с прочими имеет «красоту неизреченъну» (103, под 986 г.). Остальные элементы не занимали устойчивого места в перечислениях, то есть летописец и тут следовал литературному принципу — первым называть главное.

Рассмотрим летописные перечисления на различные исторические темы и литературную манеру летописца, в них отразившуюся. В перечислениях на историко-этнические темы летописец также повторял первые элементы. Если речь шла о славянских племенах, то первыми указывались поляне: «словенскъ языкъ в Руси: поляне, деревляне, ноугородьци, полочане, дреговичи, северь, бужане» (10); «и живяху в мире поляне, и деревляне, и северь, и радимичи, вятичи, и хорвате» (12); «держати почаша... княженье в поляхъ, а в деревляхъ — свое, а дреговичи — свое, а словени — свое в Новегороде, а другое — на Полоте, иже полочане» (9); дань «козари имаху на полянехъ, и на северехъ, и на вятичехъ» (18, под 859 г.); «и бе обладая Олегъ поляны, и деревляны, и северяны, и радимичи» (23—24, под 885 г.). Соответственно в перечислительных рассказах о племенах первыми также назывались поляне: племена «имяху бо обычаи свои..., кождо свой нравъ. Поляне бо своихъ отецъ обычай имуть кротокъ... А древляне живяху звериньскимъ образомъ... И радимичи, и вятичи, и северь одинъ обычай имяху... Си же творяху обычаи кривичи и прочии погани...» (12—13). Поляне в рассказах первые, потому что они главные для летописца. Предпочтение полянам летописец ясно выразил уже в начале летописи — они идеальные «мужи мудри и смыслени» (9).

Когда же летописец говорил о, так сказать, международных объединениях, то перечень открывали обычно варяги: «Афетово бо и то колено: варязи, свеи, урмане, готе, русь, агняне, галичане, волхва, римляне, немци, корлязи, веньдици, фрягове и прочии» (4); «звахуся варязи русь, яко се друзии зовутся свеи, друзии же — урмане, англыне, друзии — гъте» (18—19, под 862 г.); «поимъ воя многи: варязи, чюдъ, словени, мерю, весь, кривичи» (22, под 882 г.); и мн. др. Варяги в перечислениях первые, потому что они самые важные для

летописца: ведь «оть техъ варягъ прозвася Руская земля» (19, под 862 г.) — эту мысль летописец подчеркивал неоднократно.

При перечислении социального состава общества, управляемого князем, летописец первыми называл бояр, однако место остальных слоев не закреплял четко: «съзываше боляры своя, и посадники, старейшины по всемъ градомъ, и люди многы... и приходити боляромъ, и гридемъ, и съцьскимъ, и десяцьскимъ, и нарочитымъ мужемъ» (122—123, под 996 г.); «созва... боляры своя и старци градские... И реша бояре и старци» (104, под 987 г.); «созва боляръ и кыянь... И реша бояре и людье» (250, под 1097 г.); и т. д. При церковной характеристике общества первыми чаще всего указывались епископы: «въздая честь епископомъ и презвутеромъ, излиха же любяше черноризци... И собращася епископи, и игумени, и черноризьци, и попове, и бояре, и простии людье» (209—210, под 1093 г.); «предъ епископы, и предъ игумены, и предъ мужи отецъ нашихъ, и предъ людми градскими» (222, под 1096 г.); даже о чужой стране: «в земли Лядске... епископы, и попы, и бояры своя» (146, под 1030 г.).

Историческое прошлое как собрание умерших людей также имело свою последовательность перечислений у летописца — первыми упоминались «отцы»: «землю отецъ своихъ и дедъ своихъ» (157, под 1054 г.); «отци ваши и деди ваши» (254, под 1097 г.); «по устроенью отню и дедню» (124, под 996 г.); «на столе отни и дедни» (139, под 1016 г.); и мн. др. Первенство отцов перед дедами было безусловным в летописи. Отцы упоминались часто, притом и без дедов: следовали обычаям, законам и заповедям именно отцов, и наследовали именно отцам; деды же упоминались в летописи довольно редко и всегда в сопровождении отцов, как подкрепление отцам. Отцы важнее дедов у летописца. Есть только два исключения в последовательности перечислений: один раз Владимир Креститель упоминает «дедъ мой и отецъ мой» (124, под 996 г.), и другой раз Владимир Всеволодович Мономах отмечает, что «сего не бывало есть в Русьской земли ни при дедехъ нашихъ, ни при отцихъ нашихъ, сякого зла» (252, под 1097 г.). Оба упоминания сначала дедов, а потом отцов в речах князей выглядят случайными отступлениями от правила, потому что тут же, в этих же летописных статьях обычная последовательность восстанавливается, в том числе и в речи Владимира Мономаха. Так что нет оснований сомневаться в значимости летописных отцов для летописца.

В перечислениях на различные исторические темы летописец выдерживал один и тот же литературный принцип: первым называл главное и только главному уделял особое внимание.

Рассмотрим перечисления, относившиеся к быту, к обыденной жизни. Так, человек как единство телесного и духовного получал в летописных перечнях

характеристику, начиная, как правило, с тела: «теломъ велици и умомъ горди» (11); «съвкуплена телома, паче же душама» (134, под 1015 г.); «погыбе теломъ и душею» (176, под 1071 г.); «дебель теломъ, чермень лицемъ, великыма очима, храборъ на рати, милостивъ» (146—147, под 1036 г.); иногда первым упоминалось лицо: «добру сущю зело лицемъ и смыслену» (59, под 955 г.); «красень лицемъ и душею» (80, под 983 г.); иногда первым указывался «взоръ»: «глядай взора, и лица его, и смысла его» (69, под 971 г.); «взоромъ красень, и теломъ великъ, незлобивъ нравомъ» (196, под 1078 г.). Так или иначе, но перечислительные характеристики персонажей в летописи почти всегда начинались с физических элементов (если те вообще присутствовали в характеристике).

Первенство физического, телесного в летописных перечислениях объясняется преобладающей в летописи «плотской» тематикой, в том смысле, что летописец больше рассказывал о внешних, физических деяниях людей и лишь изредка говорил об их душе, «сердце» или уме. Поэтому и летописные некрологи князьям обычно тоже первыми поминали телесные черты или просто тело князя, а уж потом переходили к его внутренним свойствам. Даже о Владимире Крестителе летописец повествовал в той же последовательности: «...схраниша тело его с плачемъ, блаженаго князя... Аще бо и бе прежде на сквернъную похоть желая, но после же прилежа к покаянью...» (128, под 1015 г.) — тело упомянуто перед характеристикой морального облика. То же, например, о Ярополке Изяславовиче в некрологе: «...спрятавшe тело его... Такъ бяше блаженный съ князь тихъ, кроткъ, смиренъ и братолюбивъ...» (200, под 1086 г.) — сначала упомянуто тело. Среди летописных перечислений встречаются только два исключения, когда первой указывается душа, а потом тело: в обоих случаях это выражение «радовашеся душею и теломъ» (59, под 955 г.; 122, под 996 г.). Подобная перемена последовательности упоминаний, возможно, не была случайной на этот раз, так как летописец сообщал о великих благочестивых событиях — крещении Ольги и первом праздновании в Киеве праздника Успения Богородицы. Подобным же образом летописец нарушал обычную последовательность упоминаний, когда составлял некрологические похвалы личностям, безусловно христиански совершенным с его точки зрения, — тогда первой он упоминал душу человека (или его душевные качества) и лишь потом тело. Например, так поведал о Ярославe Владимировиче Мудром: «Ярославу же приспе конецъ житья, и предасть душу свою Богу... Всеволодъ же спрята тело отца своего...» (158, под 1054 г.); или же о его внуке очень набожном Глебе Святославовиче: «Бе же Глебъ милостивъ убогимъ и страннолюбивъ, тщанье имея к церквамъ, тепль на веру и кротокъ, взоромъ красень, его же тело положено бысть Чернигове...» (193, под 1078 г.) — сначала о духовном, потом о телесном. Однако первенство души и духовного обозначено

в летописи по поводу лишь нескольких идеальных лиц, в большинстве же летописных рассказов первенствовало тело.

При перечислении пищи или съестных припасов первым упоминался хлеб: «хлебъ, и вино, и мясо, и рыбы, и овощъ» (30, под 907 г.); «хлебы, мяса, рыбы, овощъ розноличный, медь въ бчелкахъ, а въ другихъ квасъ» (123, под 996 г.); «ни хлеба не вкуси, ни воды, ни овоща, ни отъ какаго брашна» (188, под 1074 г.); «ядый хлебъ сухъ, и то чересь день, и воды в меру вкушая» (153, под 1051 г.); и др. Хлеб, конечно, считался главным продуктом в летописи; он, так сказать, олицетворял собою даже всю пищу, что видно, например, по высказыванию о времени, когда «приспевшю вкушенью хлеба» (187, под 1074 г.) — имелся в виду, конечно, не только один хлеб; хлеб обозначал и вообще всякое довольствие, судя по жалобе одного из князей в летописи: «Се бо мя выгнал из города отца моего; а ты ли ми zde хлеба моего же не хочещи дати?» (228—229, под 1096 г.; ср. в летописи цитату из Псалтыри: «Яко же Давыдъ глаголетъ: ядый хлеб мой възвеличилъ есть на мя лествъ» — 75, под 980 г.).

При перечислении воинского снаряжения первым указывалось «оружье»: «покладоша оружье свое, и щиты, и золото,... изоделися суть оружьемъ и порты» (53, под 945 г.); «на оружьи и на конихъ» (124, под 996 г.); «оружье и кони» (166, под 1068 г.). Главенство «оружья» благосклонно подчеркивалось летописцем в рассказе о Святославе, который «именья не брежетъ, а оружье емлетъ» (70, под 971 г.). Первенствовало «оружье» даже в перечислении с переносным смыслом: «укрепивься оружьемъ крестнымъ и верою непобедимою» (207, под 1091 г.).

При перечислении даней, даров, трофеев, украшений и всяческих богатств первым фигурировало золото: «неся золото, и паволоки, и овощи, и вина, и всякое узорочье» (31, под 907 г.); «золото много, и паволоки, и камень драгое, и страсти Господня, и венець, и гвоздие...» (37, под 912 г.); «золото и серебро, паволоки и съсуды различныя» (60, под 955 г.); «бещисленное множество золота и серебра, кунами и белью» (167, под 1068 г.); и т. д. и т. п. Главенство золота было само собой разумеющимся у летописца.

В общем, перечисления на темы материально-бытовые подчинялись тому же литературному принципу у летописца: прежде всего обозначить главное, а об остальном — сказать как придется.

Перечисления на этические темы демонстрируют ту же закономерность. Из положительных государственных и общественных состояний важнее всех считался мир: «не преступити намъ... мира и любви» (37, под 912 г.); «имети миръ и свершену любовь» (71, под 971 г.); «бе миръ межю ими и любви» (124, под 996 г.); «жити мирно и в братолюбьстве» (145, под 1026 г.); «мирно пребы-

вати, в совокуплении и въ сдравии» (136, под 1015 г.); и др. Соответственно в ряду несчастий первой ставилась война: «избавляюща отъ усобныя рати и отъ пронырьства дьяволя» (136); «ли проявление рати, ли гладу, ли смерть проявляють» (161, под 1065 г.); «отъ рати и отъ продажъ» (211, под 1093 г.); «рать и скорбь» (217, под 1093 г.). Из череды физических страданий человека первенствовали раны: «приимаше раны, и наготу, и студень» (190, под 1074 г.); «многовещныя имуще раны, различныя печали и страшны муки» (216, под 1093 г.); и пр. Из множества нравственных человеческих недостатков возглавляли перечень грехи: «умножишася греси наши и неправды» (208, под 1092 г.); «встягнутися отъ греха, и отъ зависти, и отъ прочихъ злыхъ дель неприязнинь» (там же); «грехъ ради нашихъ великихъ и неправды, за умноженъе безаконий нашихъ» (214, под 1093 г.); «греси ихъ и безаконья ихъ» (225, под 1096 г.).

Не трудно доказать, что и тут первым указывалось главное, — летописец был сосредоточен на главном.

И последнее. В летописи не только объекты, но и наборы качеств перечислялись с повторяющимся первым элементом. Великость предмета или существа стояла на первом месте: «Земля наша велика и обилна» (19, под 862 г.); «ископати яму велику и глубоку» (55, под 945 г.); «быкъ великъ и силенъ, ...мужь... превеликъ зело и страшень» (120—121, под 992 г.); «бе бо Болеславъ великъ и тяжекъ» (139, под 1016 г.); «бе бо великъ и силенъ Редедя» (143, под 1022 г.). И в перечислительных рассказах первой указывалась великость объектов: «имать градъ великъ быти, и церкви многи Богъ въздвигнути имать» (7); «звезда превелика, луче имущи акы кровавы» (160, под 1065 г.); «церкы, юже бе создалъ велику сущю, ...и пристройи ю великою пристроюю, украсивъ ю всякою красотою» (202, под 1089 г.).

По-видимому, из всех качеств летописец больше всего ценил великость. Недаром прилагательное «великий» намного чаще всех остальных прилагательных употреблялось в летописи¹³; недаром прилагательными «великий» и «велий» летописец характеризовал Бога гораздо чаще, чем другими определениями, хотя подчеркивание преимущественно великости или величия Бога не было обязательным; обилие повторявшихся формул с прилагательным «великий» — типа «честь великая», «плач великий», «победа великая» и т. д. — тоже свидетельствовало о предпочтении, которое летописец оказывал этому эпитету, тем более что некоторые летописные рассказы местами получились даже необычно заполненными подобными выражениями, как, например, рассказ под 1103 г. о победе над половцами: «И Богъ великий вложи ужастъ велику в половце, ... велико спа-

¹³ Ср.: Творогов О. В. Лексический состав «Повести временных лет»: (Словоуказатели и частотный словарь). Киев, 1984. С. 32, 164, 211.

сенье Богъ створи, а на врагы наша дасть победу велику... И придоша в Русь с полономъ великымъ, и с славою, и с победою великою» (268—269).

Но слово «великий» чрезвычайно многозначно в летописи, и поэтому встает вопрос, какое же качество явлений летописец считал главным.

Снова обратимся к семантике перечислений со словом «великий». Вот любопытный пример: под 862 г. рассказывается о том, как четыре племени — чудь, словены, кривичи и весь — пригласили к себе княжить варягов, называвшихся русью, и от тех варягов новое государство стало называться Русскою землею. Приглашавшие сказали о себе: «Земля наша велика и обилна» (19). Значение слова «великий» не ясно в данном отрывке, но здесь вряд ли имелось в виду то, что сейчас кажется нам: будто выражение «земля велика» обозначало большую территорию; на самом же деле летописец в своем повествовании нигде и никогда не затрагивал тему великости-обширности Русской или иной земли. Он, скорее всего, мыслил иной категорией: «земля великая» у него, в первую очередь, означала «землю многолюдную». В летописи немало свидетельств этого. Летописец неоднократно связывал великость с многолюдством. Он, например, перечислил ряд днестровских племен и заключил перечисление такими словами: «Бе множество ихъ... суть гради ихъ и до сего дне, да то ся зваху отъ грекъ Великая Скуфь» (12) — великая область, потому что населена множеством людей, — так летописец пояснил греческое название области. Различные иные явления летописец называл великими из-за их многолюдности, множества или многости участников. Например, характеризовал войско как великое из-за его бесчисленности: «И оступиша печенези градъ в силе велице, бещислено множество около града» (64, под 968 г.). Сражение называлось великим из-за множества сражавшихся: «Брани же велице бывши, и мноземъ падающимъ отъ обою полку» (260, под 1097 г.). Победу летописец считал великой благодаря множеству убитых врагов: «И сдея Господь въ ть день спасенье велико,... мнози врази наши ту падоша» (224, под 1096 г.). Праздник великий предусматривал множество народу: «сотворяше праздникъ великъ, сзывая бещисленное множество народа» (122, под 996 г.). Великий плач подразумевал большое множество плачущих: «вси кияне великъ плачь створиша» (200, под 1086 г.), «во плачи и велице вопли, плака бо ся... весь градъ Киевъ» (196, под 1078 г.) — «весь Киевъ», «вси кияне» и есть косвенное обозначение огромного множества людей. В общем, если летописец так или иначе пояснял определение «великий», то всегда как множество, многолюдство. Так что выражение «земля наша велика и обилна», в первую очередь, означало: «земля наша многолюдна и обильна». Интересно, что в «Псковской второй летописи» в эпизоде

¹⁴ Псковские летописи / Изд. подгот. А. Н. Насонов. М., 1955. Вып. 2. С. 9.

о призвании варягов так и поясняются слова о великости земли: «Земля наша велика есть, и умножися людеи»¹⁴.

Итак, многолюдство летописец ставил на первое место как главное достоинство страны. Многолюдство выступало в летописи источником обилия, созидания: «умножившемся человекомъ на земли — и помыслиша создати столпъ до небесе» (4); или в более скромных масштабах: «умножившимся братъи в пещере... — и помыслиша поставити вне пещеры манастырь» (154, под 1051 г.); или означало обилие чего-то нехорошего: «умножаться — и осквернять землю» (228, под 1096 г.); или от противного, когда безлюдность — источник оскудения: «горои вси опустеша, села опустеша — преидемъ поля,... все тоще ныне видимъ, нивы поростъше...» (216, под 1093 г.) — так или иначе, но многолюдство всегда упоминалось первым как главное историческое обстоятельство.

Другие значения эпитета «великий» в перечислениях качеств объектов подтверждают, что летописец неспроста ставил этот эпитет на первое место. Короче говоря, и в перечислениях качеств у летописца господствовал культ выделения чего-то одного главного при гораздо меньшей внимательности ко всему остальному.

Опора на что-то одно главное являлась общим принципом литературного творчества летописца, повлиявшим не только на перечисления, но и на другие формы повествования в летописи. Так, например, летописец нередко приводил краткие оценки различных явлений, причем каждое явление характеризовалось только по его главной черте, обычно одной. Например, состояние страны определялось по добру или по злу, сделанному этой стране, и летопись была заполнена соответствующими лапидарными оценками: «колико добра створиль Русьстей земли» (128, под 1015 г.); «велико добро створиши земле Русьскей» (267, под 1103 г.); или, напротив: «болше зло наводитъ Богъ на землю» (136, под 1015 г.); «земле Русьскей много зло створше» (194, под 1073 г.); «сего не бывало есть в Русьскей земли ни при дедехъ нашихъ, ни при отцихъ нашихъ, сякого зла» (252, под 1097 г.); и т. д. Доброе и злое состояния страны местами конкретизировались в летописи и почти всегда упоминались как единственный главный признак в каждом случае. Например: «подающа целебныя дары Русьстей земли» (134, под 1015 г.); или же, напротив: «осквернися кровьюми земля Руска» (77, под 980 г.); и более того: «губять землю Русьскую» (212, под 1093 г.), «погубили суть землю Русьскую» (221, под 1095 г.); и пр. Эти одиночные качества страны подбирались по принципу противоположности добра и зла. Такова, например, еще пара: «бысть тишина велика в земли» (145, под 1026 г.), но «бысть мятежь в земли Лядьске» (146, под 1030 г.).

И в более детальных описаниях летописец характеризовал явления по их главной черте. Так, он сравнительно более подробно рассказывал о различных церковных службах и их первым, главным элементом неизменно указывал

пение: «пенья и службы архиерейски, престоанье дьяконъ» (105, под 987 г.); «кустави въ монастыри своемь, како пети пенья монастырьская, и поклонь какъ держати и чтенья почитати, и стоянье в церкви, и весь рядъ церковный...» (156, под 1051 г.); «бодру быти на пенье церковное, и на преданья отечьская, и почитанья книжная; паче же имети въ устехъ Псалтырь Давыдовъ подобаеть черноризцемъ» (179, под 1074 г.); и т. п. Краткие же упоминания служб сводились только к указанию пения: «стоять, поюще» (184, под 1074 г.); «со обычными песни» (210, под 1093 г.); и пр.

Иные формы повествования отражали ту же манеру летописца — опираться на что-то одно главное в характеристике объектов. Так, иногда летописец упоминал лишь самую бросающую черту какого-нибудь существа, а остальные черты отказывался перечислять. Например, описав урода: «Бяшетъ бо сиць: на лицы ему срамнии удове, иного нелзе казати срама ради» (160, под 1065 г.) — летописец мог бы ограничиться общей оценкой без деталей или, напротив, перечислить несколько деталей, однако показательно, что он посчитал достаточной только одну деталь. Летописец таким же способом передавал суть речей некоторых летописных персонажей: приводил одно их краткое высказывание и далее делал лишь общую отсылку, что «ина словеса хулная глаголаху» (225, под 1096 г.).

Когда летописец противопоставлял какие-нибудь объекты, то он опять-таки основывался только на одном главном для данного случая признаке, не следя за соотношением всех прочих сообщаемых им сведений. Лишь в начале летописи, рассказывая об обычаях племен, летописец — редкий случай — противопоставил по две позиции: «поляне бо своихъ отецъ обычай имуть кротокъ и тихъ и ...брачный обычай имяху... А древяне живяху звериньскимъ образомъ,... и брака у нихъ не бываше» (12). Далее в летописи противопоставлялось только что-либо одно. Народы — по обуви: волжские болгары «суть вси в сапозехъ» — «пойдемъ искать лапотниковъ», то есть другой народ (82, под 985 г.); человек человеку противопоставлялся по комплекции: один — «превеликъ зело», а другой «средний теломъ» (121, под 992 г.); или по учености: один «хытръ книгамя», а другой «не книженъ» (201—202, под 1089 г.); боги противопоставлялись по месту пребывания: «Какой то богъ, сеядя в бездне? То есть бесъ. А Богъ есть на небеси» (172, под 1071 г.); оружие противопоставлялось по лезвиям: «оружье обоюду остро, рекше мечъ» сопоставлялось с «оружьемъ единою стороною остромъ, рекше саблями» (16); и т. д. — каждый раз в центре внимания летописец держал, как правило, один признак.

Теперь можно определить тип литературного творчества летописца в максимально широкой исторической перспективе, то есть по сравнению с нашим временем. Пристрастие летописца к выделению главного в явлениях, особенно

когда он пользовался перечислениями, вполне сопоставимо с гораздо более разветвленной иерархичностью элементов в наших современных литературных перечислениях. На этом основании литературное творчество летописца правомерно назвать архаическим.

Далее встает вопрос об истории литературной архаики, представленной «Повестью временных лет» и ее перечислениями. Архаическая литературная манера выделять только главное, по-видимому, не уходила в глубокую древность, так как своей системой перечислений летопись уникальна и не имеет аналогий в более ранних памятниках, оригинальных и переводных, а в конкретных случаях главенство-первенство тех или иных категорий в перечислениях объяснимо самыми разными причинами, не сводимыми в единое целое, — от библейских традиций до политической реальности и быта.

Можно заметить дополнительную особенность архаичных летописных перечислений — их живую, еще не застывшую, еще не завершенную систематичность. Главные, первенствующие, повторявшиеся элементы летописец отбирал как придется — по самым разнообразным поводам: первым называл то самое крупное, большое, заметное, то самое значимое, ценное, сильное, то самое существенное, определяющее, обобщающее, то нечто старшее, начальное, исходное, подготовительное и т. д. Кстати, вся летопись составляет историю по годам, и первым указан 852 г. — год самого раннего, по расчету летописца, употребления названия «Русь» в книжности, то есть хронологический перечень у летописца возглавляет не начальное событие, а начальное название явления — эта черта также архаична.

Летописец так и не определил безусловно первый, главный элемент состава многих и многих объектов. Например, в раю для него были главными то «красота», то «веселье», то свет. Когда летописец перечислял потребительские дары, блага или запасы, то на первое место он ставил меха: «одаривъ скорою, и чалядью, и воскомъ» (53, под 945 г.); но затем первым называл мед: «ради даемъ медомъ и скорою» (57, под 946 г.); а вскоре — и челядь: «многи дары пришло ти: челядь, воскъ, и скъру, и вои в помощь» (61, под 955 г.); потом меха вообще упоминал последними: «си жито держать, а си — медъ, а си — рыбы, а си — скору» (170, под 1071 г.). Возможно, таким способом летописец тонко различал ситуацию в некоторых рассказах. Но, вернее всего, он просто немного путался. Ведь в летописи он не оставил практически ни одного перечня без колебаний первого элемента, варьировал даже привычные парные сочетания, нередко уже ставшие формулами. Вот в паре «города и села» летописец первыми обычно упоминал города, например, в рассказе о несчастьях Русской земли: «городи вси опустеша, села опустеша» (216, под 1093 г.), но в этом же рассказе однажды поменял местами элементы: «опустеша села наша и городи наши»

(215) — видимо, не придавая особого значения этой последовательности упоминаний. Так же и в сочетании «день и ночь» летописец постоянно указывал первым день, но иногда буквально в соседних строчках допускал вариации: «Водяшетъ бо я въ день столпъ облаченъ, а в нощи столпъ огнень. То се не столпъ водяше ихъ, но ангель идяше предъ ними в нощи и въ дне» (274, под 1110 г.) — сначала «въ день — в нощи», но тут же «в нощи — въ дне». Примеров таких стихийных колебаний великое множество. Система перечислений в «Повести временных лет», вероятно, только-только сложилась, но содействовала опять-таки архаической солидности или монументальности повествования: только главное, без мелочной иерархичности.

Вообще же, «Повесть временных лет» составила всего лишь эпизод в огромной и богатой истории древнерусской литературной архаики XI—XIV вв.¹⁵ Осознание типа авторского творчества служит ключом к пониманию текста памятника почти что в его первоначальной живости и крупности целей — вот в чем нужность изучения семантики произведений.

2000 г.

¹⁵ «Во многом это появление монументального стиля представляется загадочным, требующим дальнейших размышлений и изучений» (Лихачев Д. С. Избранные работы: В 3 т. Л., 1987. Т. 1. С. 101).

ПЕРЕЧИСЛЕНИЕ КАК ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО (ПО ПАМЯТНИКАМ XI — НАЧАЛА XII в.)

В произведениях очень часто используется такое всепроникающее литературное средство, как перечисления. Семантика перечислений оказывается неожиданно разнообразной в памятниках и раскрывает некоторые принципы описания явлений мира, а, значит, и тип творчества у древнерусских писателей. В предлагаемой работе из древнейших памятников рассматриваются произведения, наиболее любопытные семантикой перечислений.

Семантика перечислений в некоторых переводных произведениях

Так называемая хронографическая «Александрия» (сформировалась в III в., ее славянский перевод появился в конце XI — начале XII вв.) содержит сравнительно мало перечислений. Все они примечательны тем, что указывают только на важнейшие части того или иного целого. Например, описывается драгоценная «дщица»: «златомъ и сланомъ обложена, имеючи звездъ 7 и чястнии стражь, солныце же и луну, солнце же убо хрустально, а луна адаматина, другии нарицаемыи Зеусъ въздушныи, другии же Кронъ змиевъ, Афродитъ самъфировъ» и т. д.¹, подобная опись называет только самое важное у «дщицы», потому что всего ее состава, как оговаривается тут же, «слово указати не можеть».

Так же описан далее царский дворец — только важнейшие части его обстановки, потому что «от множества не можемъ исказати великия доброты их» (110). Как естественный и привычный, принцип перечисления важнейших частей целого зачастую использовался в «Александрии» без каких-либо пояснений: «зверие ихъ суть тигры, лвове, слонове, буююще своею силою» (81) — перечислены не все звери некоей опасной местности, а только самые сильные; или: «имение наша есть земля, древа плодносная, светъ, солнце, луна, звездъныи ликъ и вода» (85) — указаны только крупнейшие части просторного «имения» бескорыстных рахман. Нередко и название целого не ставилось при перечислении частей, например: «творити же свои нравъ, и обычая, и праздники, и тръжества, и веселия жрътвы» (70) — отмечены важнейшие элементы лишь подразумеваемого явления — жизненного уклада народов. Или, например: «и бяше видети везде огонь, и камение, и стрелы, и сулица испущаа» (52) — упомянуты самые смертоносные орудия битвы, но битва не названа.

¹ *Истрин В. М.* Александрия русских хронографов: Исследование и текст. М., 1893. Приложения. С. 8. Далее страницы указываются в скобках. Орфография древнерусских памятников передается с упрощениями.

Архаичность подобных перечислений заключалась в их неполной, по нашим меркам, литературности, они как бы еще не оторвались от хозяйственных описей.

Перечни обильны в «Слове о царствии язык последних времен» (или «Откровении») Мефодия Патарского, которое было сочинено в IV в., дважды переведено в Болгарии, причем первый славянский перевод использовался на Руси уже в самом начале XII в. Далее речь пойдет, конечно, о переводе как литературной данности на Руси. Перевод «Слова» Мефодия Патарского содержал в абсолютном большинстве даже не перечни, а парные сочетания родственных понятий, которыми повествователь в тексте лаконично обозначал всю полноту разновидностей или всю полноту состава того или иного явления. Например, когда говорилось о том, что мужи, одевшись в женские ризы «по стьгнамь града ходяще и по торжищемь пред всеми»², то, судя по оговорке «пред всеми», парное сочетание стогн и торжищ подразумевало весь град полностью, со всеми его жителями. Или когда повествователь предрекал, что, очевидно, в города «дивии осьлии приидут и сьрны от пустыня, и всяк род зверинь узрят человеце» (277), то подразумевалось нашествие всех видов диких зверей, полностью «всяк родь зверинь», а не только ослы и серны. Когда рассказчик пророчил, что род измаилтян «в руце цесаря гръчьска предань будеть оружиемь и примучениемь, и будеть ярьмь гръчьскъ съторицею на них» (279), то сочетанием «оружие и примучение» обозначил вообще весь состав насилий, который затем и обобщил понятием «ярем»; когда повествователь предупредил, что измаилтяне «наругатися начнуть и насмивати ходящиимь по Божии заповеди уродскими и буими беседами» (276), то опять-таки парой глаголов «наругатися и насмивати» обозначил обилие многообразных оскорбительных действий, то есть «уродских и буиих бесед» измаилтян по отношению к христианам. В «Слове» Мефодия Патарского содержится огромное количество парных перечислений, не развитых в аналитичные перечни и демонстрирующих архаический лаконизм в характеристиках явлений.

Однако система парности содержала заметные нарушения. Многие пары превратились в формулы, которые имели гораздо более узкий смысл. Например, формула «человеци и скоты» не означала «все живое от человека до скотов»; ее смысл теперь: «все люди». Когда повествователь писал, что «скончається печаль на человецехъ и на скотахъ, и будуть гладь и смерть, измждають человеце и распрашатся, акы персть, по всеи земле» (278), то он имел в виду только людей и даже забыл об условно упомянутых скотах. Если же требовалось обозначить все

² Памятники отреченной русской литературы / Изд. подгот. Н. С. Тихонравов. М., 1863. Т. 2. С. 275. Цитируется список XV—XVI вв., восходящий к первому славянскому переводу «Слова» Мефодия.

живое, то к формуле «человеци и скоты» делались разные прибавки: «пущень есть по всеи земле на человеки и на скоты, и на звери...» (275), «и будут вси под властию: и человеце, и скоти, и птица небесныа...» (276).

Отдельные парные сочетания не содержали однородных понятий и семантически соотносились уже с иными повествовательными формами. Так, перечисление «падут въ гресехъ и во смраде» (276) соотносилось с определительным словосочетанием «падут в смрадных грехах»; перечисление «одержими будутъ вси молчаниемъ и страхомъ» (276) тяготело к причинно-следственному высказыванию «одержими будут все молчанием из-за страха».

В переводе «Слова» наличествовали также перечисления фактически единичных элементов, которые только по формальной привычке перечислялись парами (например, «мучителе воеводы, их же имена си суть: Ориивъ и Зивъ, Изееве и Салмона» — 271).

В переводе «Слова» внешняя парность в перечнях местами начала разрушаться, и между парами стали внедряться одиночные элементы. Так, описывалось «приношение ко святымъ: любо злато буди, любо сребро, любо камение честное, любо медь, любо железо, любо ризы, любо честней хлеби темъ летию будутъ» (276) — золото с серебром и медь с железом образовывали пары, но в одиночку стояли камение, ризы, хлеба. Интересно, что в болгарском списке 1345 г. «Слова» Мефодия вместо одиночного словосочетания «честней хлеби» присутствовала, возможно, первоначальная пара: «и брашна въсе и сънеди честнии» (221).

Парные сочетания с их семантикой входили, наверное, в самый архаичный пласт собственно литературных средств (ср. «стилистическую симметрию», особенно псалмов³), но глубина их архаичности уже колебалась в переводе «Слова» Мефодия.

Во многих переводных произведениях, напротив, перечисления были довольно длинны и означали не просто полноту, но исчерпанность всех разновидностей или частей того или иного явления. Очень много таких перечислений в Евангелии. Например, Евангелие от Матфея, V, 44 по «Архангельскому евангелию»: «любите врагы ваша: благословите кльнуущая вы, добро творите ненавидящихъ васъ, молити за творящая вамъ напасти, изгонящая вы благословите»⁴ — под врагами подразумевались все возможные виды врагов: клянущие, ненавидящие, творящие напасти, изгоняющие; так же и в понятие «любити» вошли как бы все проявления любви: благословлять, добро творить,

³ Лихачев Д. С. Избранные работы: В 3 т. Л., 1987. Т. 1. С. 446—454.

⁴ Архангельское евангелие 1092 г. / Изд. подгот. Л. П. Жуковская, Т. Л. Миронова. М., 1997. С. 91.

молить за любимого. Интересно, что приписка русского писца XI в. в «Архангельском евангелии» содержала тот же вид перечисления, претендующий на исчерпанность: «отягъченъ грехы бечисльными... помышляя сластолюбие, похотение, свары, пьянство — просто рекъше, вся злая» (390—391) — писец подразумевал список грехов, исчерпывающих понятие «вся злая».

Принцип характеристики явления исчерпывающим перечислением его разновидностей или состава был провозглашен в апокрифе о Енохе, переведенном в XI—XII вв. Енох объявлял: «Тогда разреши Господь векъ человека ради и раздели е на времена и лета, на месяци, и дни, и часы... И се, чада моя, азъ правлема по измерихъ и исписахъ»⁵. И далее: «И видехъ адъ отверсть... и снидохъ, и исписахъ все суды судимыхъ, и все въпросы ихъ уведахъ» (22), «видите, азъ вся дела всякого человека написываю» (23).

Перечисления со значением исчерпанности всех разновидностей явления были распространены и в житиях. Они преобладали, в частности, в «Житии Мефодия Моравского», болгарском сочинении конца IX в., издавна известном на Руси. Так, даже в парном перечислении — «слово сильное и кроткое» — отчетливо подразумевались все качества речей, произнесенные Мефодием, что и пояснялось: «сило — на противьныя, а кроткое — на приемлющая казание». Далее дополнительно пояснялось, какую полноту качеств сочетали слова и дела Мефодия: «ярость, тихость, милость, любовь, страсть и търпение — все о всячьскихъ бывая» — подчеркивалась исчерпанность именно «всяческих» качеств⁶.

Указание «всяческих» элементов типично для большинства перечислений в «Житии Мефодия Моравского». Многие перечни в этом житии делали упор на «всяческость» перечисляемого; например, тело усопшего Мефодия провожали «мужьскъ полъ и женьскъ, малии и велиции, богатии и убозии, свободьнии и рабы, въдовиця и сироты, страньнии и тоземьци, недужьнии и съдравии — вси бывшааго всячьско въсемъ» (198). Да и беды, в которые попадал блаженный, перечислялись как вездесущие и всеисчерпывающие: «На всехъ же путьхъ въ многы напасти въпадъше от неприязни: по пустынямъ — въ разбоиники, и по морю — въ вълны ветръны, по рекамъ — въ съмъртньны незапъны» (197).

Перечисления со значением исчерпанности проникали всюду, в том числе в повести. Оттого вставки во вторую редакцию «Александрии» отличались уже иным характером перечней, обозначавших не важнейшие части целого, а

⁵ Памятники отреченной русской литературы / Изд. подгот. Н. С. Тихонравов. СПб., 1863. Т. 1. С. 20—21.

⁶ Успенский сборник XII—XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971. С. 191.

исчерпывающую полноту его разновидностей или состава, хотя части перечислялись не буквально все. Так, во вторую редакцию «Александрии» было включено сочинение Палладия Еленопольского V в. «О рахманех» с перечнями, обозначающими охват всего состава явления. Например, автор сообщал, что у рахман «несть четвероножиць, ни оратвы, ни железъ, ни здания, ни огня, ни плода, ни вина, ни ризы, ни иного ничто же, еже на дело прекланяется или на наслаждение бывающее» (109, ср. 200—201) — этим перечнем автор исчерпал все в материальной жизни, хотя перечислил далеко не все даже из главного. Иногда для исчерпанности автору было достаточно перечислить три элемента: «имамъ все — землю, воду, въздухъ» (117) — это тоже полное «все»; а, бывало, автор ограничивался и двумя элементами: «вльковъ же и лвовъ и всехъ зверии горши есте вы» (125) — «все зверии», а упомянуто лишь два. В прочих вставках во второй редакции «Александрии» перечни также имели тот же характер со значением исчерпанности.

Архаичной, по-видимому, была категоричность смысла перечислений, обозначающих безусловную исчерпанность явления. Все оттенки смысла парных и более длинных перечислений не противопоставлялись друг другу резко и составили единый архаический семантический фонд.

Однако указанными видами перечислений дело не ограничивалось. Так, «Хроника» Георгия Амартола (составлена в IX в., славянский перевод ее появился на Руси в XI в.) более чем обильна перечислениями. Судя по переводу, повествователь бесконечное число раз употреблял парные сочетания, традиционные по семантике, однако не менее часто использовал уже троичные сочетания, притом с обобщающими словами, которыми обозначал некие расширенные, более крупные явления, чем следовало из самих перечислений, что не свойственно только «наполняющей» семантике парных сочетаний. Например, в перечислении «мужеубица и тати прочая беззаконьствующая»⁷ повествователь имел в виду не только совокупность разного рода разбойников, как это обозначило бы парное сочетание («мужеубица и тати»), но всех преступников вообще, что и раскрывал третий, обобщающий элемент перечислений («беззаконьствующая»). Так же в перечислении «на пустоштво учя цесаря, на беззаконие и злобия все» (537) расширяющий смысл перечисления раскрывал третий его элемент — не отдельные нарушения, но все злое.

Расширяющий смысл троичных перечислений поясняли также обобщающие слова вне этих перечислений. Например, описание весны: «начаемамся еару, рекше весне: земля прозябаеть зело траву, и пажити цвьтуть, и древа ра-

⁷ *Истрин В. М.* Книги временныя и образныя Георгия Мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Пг., 1920. Т. 1. С. 79.

жают плоды» (220), — не просто земное изобилие, как следовало бы из парных сочетаний, а больше того — весна. Или: «начать скорбети, и улютати, и тужити, и съ уныниемъ жития си разруши» (103), — не просто огорчение, но погибель. Нередко обобщающие слова указывали на расширенный количественный смысл троичных перечислений: «пришедъшу ему в Египетъ въ силе тяжьце — на колесницах, и на слонех, и вои многыми» (200), — не просто войско, но «сила тяжка». Или: «имеюще с собою множество много от цесарских дружинъ, и от гридеи, и от чиновъ» (554), — не только отборные воины, но таких «множество много».

В переводе «Хроники» были также нередки уже не троичные, а довольно длинные перечисления, тоже с расширительным смыслом и соответствующими обобщающими словами. Например: «...недугъ приимъ, различными страстьми разделяше: огонь бо силенъ бе, сварбъ же бещисльнии по всему телу и по лицу, и въ оходъ беспрестани страсти, и на ногу струпи смердящей, утробе же горящи, и сраму гниующу черви испущаше, и къ симъ простодушья и злодушья растерзание всемъ удомъ его бяше, и сквернии смрадь из усть его исхожаше во ину... толику имяше болезнь нестерпиму» (216), — в результате, это не просто недуг, а «болезнь нестерпима». Наиболее частым смыслом длинных перечней, иногда из 10—20 и более элементов, являлся смысл количественный: мол, чего-то чрезвычайно много; поэтому завершались такие перечисления словами «и прочии прочая», «много же множайше», «и ина многа и различна и бесчислена» и т. д. Исключительно большие перечислительные описания, например, храма или града, свидетельствовали об уникальной величине или ценности объекта.

Архаичность подобных перечислений заключалась в категориальном несоответствии элементов перечисления тому целому, к которому они во фразе были отнесены, — таков был, видимо, архаический способ выделения чего-то удивительного, необычного. «Наполняющая», «исчерпывающая» и «расширяющая» семантика перечислений не всегда резко различалась и вполне уживалась даже в границах одного и того же произведения, составляя общий фонд архаических повествовательных средств.

Иной семантической особенностью (также не очень четко отсекаемой от других смыслов) обладали перечни в переводном «Мучении Иринии Мегидской». Житие было переведено рано, раз дошло в знаменитом «Успенском сборнике» XII—XIII вв., и содержало немало традиционных парных сочетаний, однако, большинство перечислений в переводе «Мучения» являлось некими сюжетами, историями, перечисляемые качества неудержимо переходили в действия. Например: принесено к Иринии «отроча 6 лет, утрапиво и зело исъхло, исхожаху бо ему из ноздрии чървие съ гноемъ, врежена ему

слуха, немо и глухо, и отинудь вьсеми болезньми одържимо»⁸ — в этой фразе перечень обозначил как бы осмотр отрока целительницей («видевъши же е святая... възъмъши отроча въ руце»). Такое же движение к сюжету наблюдается, например, в описании красоты Иринии: «лепа и прелепа видениемъ и красна тельмъ, яко чюдити ся вьсемъ человекомъ о доброте ея» (135) — изложение не замыкается на статическом перечислении «доброт» царевны, но упоминает взирание на красоту («цесарь же видевь, яко доброта ея подобляше ся лучамъ солнечнымъ»), реакцию взирающих («чюдитися... человекомъ», «цесарь ... възвести цесарици» о красоте дочери и пр.).

При перечислении существительных особенно был отчетлив переход к действию, сюжету. Вот, например, осуждаются язычники: «бысте лишающе нищая, а врази Богу живому, слугы бесомъ, прелюбодеи, блудници, лъстьци и мноземъ блазнителе, не престающе бо сверепеете» (139) — показательно, что начинается и кончается перечень существительных указанием именно действий, стремительно нарастают греховные устремления язычников, в этом заключается своеобразный сюжет этого перечня. Перечисление существительных нередко переходило в преобладающее перечисление глаголов: «ты еси сътяжание Божие и причтъ творению Исус Христову, ты своего отца не остави, ты родителя из мъртвыхъ оживи и руку ему ицели» (144—145) — похвала превратилась в напоминание о чудесных деяниях Иринии, стала явно сюжетной.

В «Мучении Иринии» даже перечисление только одних существительных все равно имело сюжетный оттенок. Например: «Народи же видевьше безаконьнымъ погубление, и отрочати ицеление, и демону явление...» (154) — это краткое изложение предыдущих событий, рассказанных в житии. Или же: «Вънезапу же бысть въздухъ и съмятение, и быша мълния и громи, и боязнь велика» (149) — сюжет разворачивается прямо на глазах. Описание составных частей некоего сооружения также превращалось в строительный сюжет: «помыслихъ... създати стълъпъ, имущъ покровъ 13 и двъри 13, одръ 6; окръсть же стълъпа быти стене, и да будут стрегущи его; сътвориве... тряпезу злату и 3 чаше, и в нем же есть злато, и вьси съсуди... да будутъ злати...; да будутъ же и престоль златъ и подьношение; вода же ключи вьсходящи до 3 на десяте премость..., да будутъ же и сади различни въ дворехъ имуще плоды цесарьскы...» (135—136) — столп последовательно обозревается извне, от входов и до внешней ограды, и изнутри, от обстановки и столовых приборов в помещении до фонтанов и насаждений во двориках.

Сюжетны в «Мучении» многие троичные и даже парные сочетания, особенно глагольные: «седающи и едущи» (136), «не дивиши ли ся и трепещеши»

⁸ Успенский сборник XII—XIII вв. С. 153.

(141), «очищает ся и хранить ся не съгрешати» (155) и пр. — развитие действия налицо в каждом сочетании. Сюжетны троичные и парные сочетания существительных: «бысть биение, и плачи, и слезы» (137), «въздвигни на мя раны и принеси мучения» (158) — действие, несомненно, развивается. Сюжетными предстают и сочетания прилагательных: «имя твое велико и дивно» (138), «горькъ и лють есть» (140), «мали дние твои и въскоре конецъ твои» (156) — как бы причины и следствия заключены в каждой паре.

Большие перечисления тем более сюжетны в «Мучении Иринии»; так, напоминание о сотворении мира стало огромным сюжетным перечислением в житии: «Богъ же... сътвори небеса, солнце и луну, звезды, яже ищьте; основа великую стену земли; повеле водамъ тещи на службу нашу; дасть же и древа различная...; сътвори же вся четверьногая, гады, птыца; съдела же человека...; положилъ есть... мълния на службу плодомъ земельнымъ; ... нарече свет день, а тьму ночь; положи години, месяца, и времена, и лета» и пр. (140).

«Сюжетная» семантика перечислений в переводных произведениях, наряду с «наполняющим», «исчерпывающим» и «расширяющим» смыслами перечислений, давала возможности для выбора повествовательных средств древнейшим русским авторам, которые, тем не менее, пошли своим путем.

«Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона: семантика перечислений и манера повествования

От анализа отдельного литературного средства не так уж далеко до определения более общих принципов повествования у писателя, особенно у автора древнего, и примером может послужить знаменитое «Слово о Законе и Благодати» киевского митрополита Илариона второй четверти XI в. Свое «Слово» Иларион, сочинитель духовный, очень идеологичный, но при этом литературно искусный, почти сплошь составил из перечислений буквально в каждой фразе.

Смысл перечислений у Илариона нередко не совсем тот, какой мы привыкли ожидать от перечислений нынешних. Так, в выражении «крепокъ и силенъ Богъ»⁹ мы привычно ищем цельный смысл, получающийся из сочетания двух синонимичных эпитетов, — то ли единое родовое понятие на основе видовых, то ли пояснение либо усиление одного понятия другим. Но ничего этого у Илариона не было. В действительности же Иларион в своем «Слове» был склонен обозначать сходные темы, мотивы в виде повторяющейся мозаики слов. Отрывок из похвалы Богу, выражение из которого приведено выше, посвящен принятию христианства народами: «Къ живущимъ бо на земли че-

⁹ Идеино-философское наследие Илариона Киевского / Текст памятника подгот. Т. А. Сумникова. М., 1986. Ч. 1. С. 13. Далее страницы издания указываются в скобках.

ловекомъ... *приде*... да... познають *посещение* свое и Божие *прихождение* и *разумеють*, яко ть есть... *крепокъ и силенъ* Богъ» (13). Обратим внимание на цепочку слов «живущий — земля — придти — посещение — разуметь — крепкий и сильный». Вот похвала уже Владимиру Крестителю, а Иларион повторил в ней словесный материал, аналогичный предыдущей похвале (курсивом выделены повторенные слова): «Сии... Влодимеръ... *укрепевъ... крепостию и силою* съвершаяся, ...*живущю и землю* свою пасущу... *приде* на нь *посещение* вышняго ... и въся *разумъ* въ сердци его, яко *разумети...*» (27). Ср. соответствия: «живущимъ» — «живущю», «на земли» — «землю», «приде» — «приде», «посещение» — «посещение», «разумеють» — «разумети», «крепокъ и силенъ» — «крепостию и силою» и пр.

Далее в «Слове» следует еще одна похвала Владимиру за крещение, и Иларион снова повторяет словесные элементы предыдущих похвал за крещение же: «славный — возмужать — крепость и сила — мужество — смысл — правда — разум — идольский — возгореть». Ср. первую похвалу Владимиру: «Сии *славныи...* Влодимеръ... *възмужавъ, крепостию и силою* съвершаяся, *мужьствомъ* же и *съмысломъ* предъспеа ... *землю* свою пасущу *правдою, мужьствомъ* же и *съмысломъ* ... и въся *разумъ* въ сердци его, яко *разумети* суету *идольскыи* лъсти... *възгоре* духом...» (27). Ср. вторую похвалу: «...*славныи... премужьственныи...* почюдимся *крепости* же и *силе...* яко тобою... лъсти *идольскыа* избыхомъ... *друже правде, съмыслу* место... како *разгореса* въ любовь Христову, како въселися въ тя *разумъ...*» (29). Повторявшиеся перечисления «крепокъ и силенъ», «крепость и сила» вместе с россыпью других повторяемых слов являлись у Илариона своего рода постоянно перебираемыми четками повествовательной темы о принятии христианства.

Указание на ту или иную повествовательную тему — вот главная семантическая функция перечислений и иных повествовательных форм в «Слове» Илариона. Поэтому повторявшиеся перечисления, как правило, включали в себя и не синонимичные, а продиктованные общим сюжетом элементы. Ср. призывы к восхвалению с цепочками синонимичных или привлеченных по смежности слов «прославить — похвалить — поклониться — подивиться — чтить», и т. п.: «къто не прославить, къто не похвалить, къто не поклониться... и къто не подивиться...» (19); «да хвалимъ его убо и прославляемъ... и поклонимся ему» (13); «чтуть и кланяются» (27); «похвалимъ... почюдимся... благодарие въздадимъ» (29); «како славять... како поклоняются...» (33); «възрадуися и възвеселися и похвали» (34); и др.

В сходных темах Иларион большей частью повторял, так сказать, ключевые слова, но не обязательно перечисления, и тогда, например, перечислитель-

ная форма «познають... и разумеють» (13) в другом месте преобразовывалась далее в неперечислительную форму «разума еже познати» (24); а, например, перечисление «будущему веку, жизни нетленней» (14) сжималось в словосочетания «вечная жизнь» (13, 14), «будущая жизнь» (29); или, может быть, напротив, именно словосочетания превращались у Илариона в перечисления, ср.: «господь Богъ» — но «господь нашъ и Богъ» (25), «господи и... Боже» (29), — важно не то, какая форма в какую переходила, а наличие конгломерата определенных слов, фразеологически представлявших повествовательную тему каждый раз, когда данная тема затрагивалась.

От семантики перечислений у Илариона перейдем к его манере повествования. В склонности Илариона к повторяющейся мозаике слов отразился его интерес к структуре событий и явлений, к разложению их на составляющие и смежные элементы. Следствий этого немало. Так, для лучшего растолкования факта Иларион стремился задавать «структурные» вопросы: «Како верова, како разгореся..., како въселися..., како възиска..., како предася... повеждь намъ... Повеждь... откуда ти припахну..., откуда испи..., откуда въкуси...» (29) и т. д. Метафоры-символы в «Слове» тоже выразили это стремление к членению: Христос не только «закалаемъ бываетъ», но и «дробимъ» (24); новое вероучение — это отделение от старой оболочки: «ново учение — новы мехи, новы языкы» (23), «съвлече же ся... и съ ризами ветъхааго человека съложи тленнаа» (27), и т. п. Но особенно «структурны» в «Слове» длинные сопоставления или противопоставления лиц и событий — последовательно по многим отдельным эпизодам.

Отсюда проясняется особенность мироотношения автора «Слова». По сравнению с привычными для нас описаниями реальности структурные упражнения Илариона имели одно существенное отличие: Иларион структурировал не свои впечатления от событий и явлений непосредственно, а чужие рассказы о них: из книжных понятий и оценок, тасуемых, как ему было надо, составлял он свое повествование, то есть, по его же разъяснениям, оперировал материалом, «преизлиха насыштышемся сладости книжнаа» (14). Это мир книжника.

Сугубая книжность мироотношения Илариона определила и его принцип составления похвал или порицаний: многократно отражать, варьировать одну и ту же тему и составляющие ее понятийные элементы, принятые в книжности. Поэтому в «Слове» были часты параллелизмы, когда сказанного один раз оказывалось мало и вторая фраза аналитично варьировала основные элементы первой фразы. Например, порицания язычества содержали параллелизмы «идольский мрак — бесовское служевание», «идольский мрак — тьма бесослугания»: «идольскимъ мракомъ одержиме быти и бесовьскимъ служеваниемъ гибнути» (13); «тогда начать мракъ идольс-

кыи от нас отходити... тогда тма бесслужаниа погыбе» (28). Еще присутствовали параллелизмы «слепой — блудящий», «слепой — ослепленный»: «бывшемъ намъ слепомъ и истиннааго света не видящемъ, нъ въ лсти идольстии блудящемъ» (24), «слепи бехомъ от бесовьскыа лсти сердечными очима, ослеплени невидениемъ» (34).

Манере многократного дробно-догматического повторения понятийных элементов соответствовали в «Слове» обширные нанизывания цитат и перифразировок на одну тему — это, как написал Иларион, «памагаеть ми словеси» (31), то есть внятности книжного изложения.

Свой принцип составления похвал Иларион прямо не сформулировал, говорил лишь о том, что надо или принято хвалить и славить, молить и призывать «беспрестани» (13): «въ всех домех... еще и еще... ото вьстокъ и до западь... вся страны, и гради, и людие...» (25—26) — все эти и многие другие высказывания подразумевали не обязательно одновременность произносимых похвал и характеристик, но всегда их книжность, множественность и повторяемость. Иларион даже привел пример одной из таких похвал, которую произносят «все людие», и она оказалась составленной из демонстративно подчеркнутых повторений и вариаций: «Единъ свять, единъ Господь... Христос победы, Христос одоле, Христос въцарися, Христос прославися...» (29).

Перечисления в «Слове о Законе и Благодати» обладали еще одной семантической особенностью, тоже непривычной для нас и, вероятно, архаической: член перечисления, чаще всего последний, нередко логически выделялся или усиливался повтором предпочитаемого слова. Например: «Безвестная же и таинаа премудрости Божии утаена бяаху аггель и человекъ, не яко неявима, нъ утаена» (15) — при перечислении двух эпитетов ударение сделано на втором, и фраза подтверждает это. Или еще: «Пусте бо и пресьхле земли нашеи суши, идольскому зноу *исушивъши ю*» (24) — благодаря словесному повтору усиление придано все-таки второму элементу перечисления. Иногда значимость последнего члена перечисления подчеркивалась сравнением: «всю землю обьять и, ако вода морьскаа, покры ю» (18) — «покры» ярче, чем «обьять», благодаря прибавке сравнения; особенно ясно видно предпочтение последнему элементу в более длинном перечислении: «Ты правдою бе облечень, крепостию препоясанъ, истиною обушь, съмысломъ венчанъ и милостынею, яко гривною и утварью златою, красуясь» (34) — заключающая перечень «милостыня» больше всех выделена. В менее ясных случаях о последнем элементе перечисления просто говорилось больше: «како верова, како разгореса въ любовь Христову, како въселися въ тя разумъ выше разума земельных мудрець» (29) — последний отрезок фразы длиннее всех предыдущих; или последний элемент, кажется, означал самую сильную степень соответствующего качества: «апо-

тольскаа труба и еуальскыи громъ» (29) — гром громче трубы; «слепыа ихъ просвети, прокаженыа очисти, сълукуа исправи, бесныа исцели, раслабленыа укрепи, мертвыа въскреси» (21) — воскрешение и есть самое сильное деяние. Гораздо реже усиление ощущалось не у последнего, а у первого элемента, например: «многыа твоя нощныа *милостыня* и дневныа щедроты... къ всемъ требующимъ *милости*» (30) — вроде бы верховенство за первым элементом, за «милостыней», раз дальше следует словесная переключка с ней; но это скорее случайность; ведь верховенство последнего элемента перечня сразу же восстанавливалось при ближайшем использовании того же ряда: «твоя бо щедроты и *милостыня*... доброприлюбныа Богомъ *милостыня*... *милостыни* мужу... блажени *милостивии*...» (31).

Некоторая неравноценность членов перечисления объясняется, в первую очередь, неравноценностью мотивов и тем, которых перечисление касалось, то есть опять-таки книжной ориентацией Илариона. Так, например, во фразе «не въ худе бо и *неведоме* земли владычествоваша, нъ въ Руське, яже *ведома* и слышима есть всеми четырьми конци земли» (27) больше других был выделен эпитет «ведом», вероятно, оттого что именно книжный мотив «ведения» являлся немаловажным для Илариона и повторялся в «Слове» по отношению к людям («въ инех книгах писано и вами *ведомо*... Ни къ *неведуциимъ* бо пишемъ» — 14; «*ведущеи* бо законъ» — 30) и по отношению к Богу («яко *уведать* мя» — 19; «яко же Самъ *вестъ*» — 20; «яко Богъ *уведеса* и познанъ бысть всеми конци земля» — 21). Примеры можно умножить.

Некоторая усиленность одного из членов перечисления была полезна для четкости похвал, помогая, по словам Илариона, славить «ясно и велегласно» (28), «съ дръзновениемъ и несуменно» (29), «яснее и вернее» (31); а преимущественная выделенность именно последнего члена обозначала завершенность перечисления: «учиняюща иже недоконьчаная твоя *наконьча*» (32). Скрупулезная аналитичность изложения — господствующая черта Илариона, мысли которого вращались в кругу книжности.

Книжный аналитизм, вероятно, был продиктован авторской ролью, избранной Иларионом в его «Слове». Это облик очень скромного книжника: «похвалимъ же и мы по силе нашей, малыими похвалами» (26) — за подобными словами стояло реальное смирение, а не лишь традиционное самоумаление: ведь Иларион, по его признанию, не хотел писать «на тыщеславие съкланяся» и являя пример «славохотию» (14); да и где уж было разглагольствовать, когда только что «бывшемъ намъ, яко зверемъ и скотомъ, не разумеюшемъ деснице и шюице» (24). Автор чувствовал себя «въ чловецехъ сихъ, новопознавшиихъ Господа» (32), и, потрясенный премудростью книжности, разработал для еще не очень изощренной русской книжной элиты самый простой и доступный

способ богословского изложения и книжного чтения — «токмо от благааго съмысла и остроумиа» (30) — структурно-растолковательный способ дробления книжного материала на элементы и мозаичного их повторения. Вклад древнейших русских авторов в литературную архаику еще недооценен.

**«Житие Феодосия Печерского» Нестора:
семантика перечислений и манера повествования**

«Житие Феодосия Печерского», созданное Нестором в конце XI в. или в начале XII в., содержит много перечислений моральных качеств главного героя и монахов вообще. У этих перечислений наблюдаются, по крайней мере, три семантические особенности.

Первая особенность: Нестор постоянно повторял сочетания названий моральных качеств; например, вместе перечислял смирение и покорение: «видевъ отрока въ такомъ *съмерении* и *покорении* суща»; «дивити ся *съмерению* его и *покорению*»; «зело дивяше ся *съмерению* его и *покорению*»; «бе же *съмерень* сердцьмъ и *покоривъ* къ вьсемъ» и т. д.¹⁰ Повторялась у него и пара «смирение и послушание»: «быти вамъ... в *съмерении* сущеиъ и въ *послушании*» (129); «*съмереньмъ* съмысльмъ и *послушаниемъ*» (96), «мнози съведетельствують о добремъ его *съмерении*... и *послуцании*» (102).

Судя по этим и многим другим упоминаниям смирения, Нестор свободно менял сочетания, например, перечислял смирение с кротостью или смирение с «простотью»: «имяше бо *съмерение* и *кротость* велику... таково ти бе того мужа *съмерение* и *простость*» (97).

Однако чаще повторялись сочетания все же определенных качеств. Видимо, Нестор в характеристиках персонажей исходил из представления об устойчивом комплексе главных достоинств монаха: «смирение — покорение — послушание — кротость — простость». Из подобного комплекса Нестор по ходу изложения составлял самые разные пары, в том числе выделял покорение и послушание: «възищемъ Бога... *покорениемъ* же и *послушаниемъ*» (92); иногда же называл вместе несколько компонентов устойчивого комплекса: «съ всякимъ *съмерениемъ*, бяше бо *кроткъ* нравом, и тихъ *съмысльмъ*, и *простъ* умьмъ» (86); «съведетельствують о добремъ его *съмерении*... и *послуцании*, и иже къ вьсемъ *покорение* сътяжа, наипаче... видевъше *кротость* его..» (102).

Набор главных качеств монаха не был жестко ограничен Нестором; к устойчивому комплексу присоединялись и некоторые другие, не столь часто повторяемые качества героя, например, «труд»: «отець же нашъ Феодосии *съме-*

¹⁰ Успенский сборник XII—XIII вв. С. 78, 80, 87. Далее страницы указываются в скобках.

ренъмь съмыслъмь и послушанимь вся преспевааше, *трудъмь* и подвизаниемь» (87); «*съмеренъмь съмыслъмь, и послушаниемь* и прочиими *труды* подвизая ся» (96); «начать на *труды* паче подвижней бивати... и делати съ всякимь *съмерениемь*» (75); еще добавлялись, например, «слезы» и «пощение»: «възищемь Бога рыданиемь, *слъзами, пощениемь, и бдениемь, и покорениемь* же и *послушаниемь*» (92); «съ *слъзами* учааше аже... о *пощениши...* и о *покорениши...*» (127); «увещавааше я съ всякимь *съмерениемь* и съ *слъзами* учааше вся» (108). В общем же, устойчивый комплекс идеальных монашеских качеств в любой момент мог быть дополнен редко повторяемыми или больше не повторяемыми качествами: «дивити ся... *съмерению* его, и *покорению*, и толику его въ уности *благоднравьству, и укреплению, и бдрости*» (80); «блаженни же вся си съ радостию приимаше, съ *мълчаниемь* и съ *съмерениемь*» (77); и т. д. Размытость границ устойчивого комплекса монашеских достоинств, вероятно, свидетельствовала об архаичной нечеткости характеристик у Нестора.

Вторая семантическая особенность: Нестор составлял большинство своих перечислений — устойчивых, полуустойчивых или как бы случайных, — преимущественно подбирая родственные, иногда даже синонимичные категории, примерами чего служат и комплекс «смирение — покорение — послушание — кротость», и единичные перечисления: «търпение и *съмерение*» (85); «покорение же его и повиновение» (75); «поубожи ся и *съмери* ся» (77); и др. Среди этих синонимичных сочетаний бывали и заимствованные (вроде цитаты из Евангелия: «крътъкъ есмь и *съмеренъ сърдцьмь*» — 79, 97), однако обычно Нестор сам составлял свои перечисления качеств и их совокупностью обозначал некое более широкое расплывчато-эмоциональное понятие, в данном случае — благочестивое душевное состояние главного героя и его учеников, которое он эпизодически называл по-разному — «спасение души», «светлыя душа», «доброе и чистое житие», «рвение», «доблеть»; и пр.

Главный смысл перечислений у Нестора: не «наполненность» качеством и не его «исчерпанность», а сдержанная экспрессия чего-то возвышенного. Именно такая манера изложения, помимо характеристик благочестия монахов, распространялась и на упоминания прочих душевных состояний людей («оть *ярости* же и *гнева...* имъши и за власы» — 76; «елико *скърби* и *печали* прияша... не мощно исповедати» — 86), на упоминания состояний и действий («*ругающе* ся ему, *укаряхут* ѱ — 77; «*уча* и *утешая*» — 125; «сицево *бдение* и *несъпанне* по вся ноци» — 118; и пр.), на описания состояния разных объектов («одежда же его бе *худа* и *сплатана*» — 74; «бе бо и тельмь *крепька* и *сильна*» — 75; «место *скърбно* суще и *тесно* и еще же и *скудно* при всемь» — 88); и т. д. и т. п. Не важно, речь шла о хорошем или о плохом, — «оно» всегда возвышенно.

Некоторую возвышенность герою придавали и одиночные эпитеты, потому что в течение изложения они постоянно повторялись, варьировались и чередовались, образуя своего рода сквозное перечисление синонимов и семантически близких слов, тоже обозначающих вкуче широкое душевное или духовное состояние того или иного лица. Например, Феодосий сначала был определяем только единичными эпитетами — святой, преподобный, богоносный, блаженный, «доблий», божественный, богословесный, божий, богодохновенный, великий, просвещенный, преславный и пр.; с массой одиночных эпитетов нарастала и торжественность повествования о Феодосии; оттого во второй половине «Жития» появились уже парные сочетания эпитетов в приложении к Феодосию — блаженный и преподобный, блаженный и духовный, праведный и преподобный, благой и богоносный, блаженный и великий; а завершилось «Житие» даже тройственным сочетанием эпитетов в адрес «преподобнаго и богоноснааго и блаженааго отца нашего Феодосия» (135). Торжественность перечисления, логическая размытость вместо обобщающей формулировки, вероятно, тоже признак архаичности изложения.

Третья семантическая особенность перечислений в «Житии»: почти все эти прямые или косвенные обозначения качеств-состояний были разнесены по социальным группам персонажей. Некоторые чувства-состояния Нестор отмечал преимущественно у Феодосия и монахов. Например, почти только Феодосий и монахи испытывали или выражали в «Житии» веселие и радость. Еще, правда, иногда веселились и радовались князья, но исключительно только от общения с Феодосием. Точно так же лишь Феодосий и монахи чувствовали в «Житии» печаль и скорбь, тужили, плакали, рыдали, лили слезы; и точно так же редкие печаль и слезы некоторых других лиц — князя, боярина, вдовы и др. — обязательно были связаны с присутствием Феодосия же. Однако автор «Жития» уделял внимание и иным лицам, кроме Феодосия и монахов, и, например, гнев и ярость были свойственны в «Житии» явно только персонажам светским — князьям, родителям будущих монахов и др.; о Феодосии же, напротив, было заявлено, что тот «николи же бе напраснь, ни гневьливь, ни ярь очима» (108). Наконец, некоторым чувствам в «Житии» были подвержены буквально все — от Феодосия до разбойников; например, все персонажи боялись, переживали страх, трепет, ужас; все персонажи чувствовали любовь, жалость, умиление. Нестор, по-видимому, действительно, делил персонажей по типам и оттого сопровождал свое повествование многочисленными замечаниями о том, кому что приличествует: «е лепо болярюмъ» (84); «лепо бо намъ есть нарекъшемъ ся черньцемъ» (92); «яко же е лепо кънязю» (123); «яко же обычаи есть унымъ» (74); или же что всем «подобаетъ намъ» (122), «яко ж обычаи есть

кръстяномъ» (73); и т. д. Все должно быть как положено. Распределение некоторых чувств жестко по социальным рангам людей, несомненно, тоже архаично.

В общем, перечисления в «Житии» свидетельствуют, что Нестор воспринимал мир идеалистически, возвышенно и с уверенностью в его справедливости, желал каждой группе персонажей «мирно жити» (133), был настроен «на успех и на устроение» (73).

Удивляет, какое неисчерпаемое и все растущее разнообразие манер изложения существовало уже в самый древнейший период истории литературы Руси, хотя преобладала все-таки интеллектуально-логическая направленность литературного творчества.

2000 г.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОСТЬ «СКАЗАНИЯ О БОРИСЕ И ГЛЕБЕ»

1. ГЕРМЕНЕВТИКА ПИСАТЕЛЬСКОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ (ПО «СКАЗАНИЮ О БОРИСЕ И ГЛЕБЕ»)

Мы снова приходим к тому, что так ценилось в Византии, — к герменевтике произведений, к их внимательнейшему истолкованию, интерпретации целого на основе его структурных элементов¹. Конечно, наши филологические усилия лишь условно можно называть герменевтикой в старом смысле: мы толкуем не Священное писание, а литературные памятники, и работаем на современную теорию и историю литературы.

Герменевтический подход помогает внимательней взглянуть на такую элементарную, но фундаментальную часть литературного произведения, как авторское высказывание. В сущности, все произведение состоит из авторских высказываний. Каждое высказывание содержит скрытые, не высказанные до конца, подразумеваемые автором мысли.

Какими бывают эти скрытые мысли? Для примеров полезно остановиться на «Сказании о Борисе и Глебе», которое отличается ясностью языка, литературностью и драматизмом (повествует об убийстве в 1015 г. двух юных братьев — Бориса и Глеба — их старшим сводным братом Святополком, стремившимся стать единоличным правителем Руси). «Сказание» относится к одним из самых ранних оригинальных древнерусских произведений (середина XI — начало XII вв.) и дошло до нас в достаточно близком к оригиналу виде (в пергаменном сборнике конца XII — начала XIII в.).

Из текста «Сказания» извлечем какое-нибудь одно простое авторское высказывание, притом не в полном виде, например, такое: «Володимиръ призвавъ Бориса... скоропослушьливааго» (43.2)². В приведенном высказывании о призвании Бориса Владимиром отразилась и скрытая мысль автора о

¹ Ср.: Теории, школы, концепции: (Критические анализы). Художественная рецепция и герменевтика. М., 1985. Одна из важных теоретических работ на нужную нам тему: *Лихачев Д. С.* К специфике художественного слова // Известия АН СССР. Серия языка и литературы. 1979. № 6. С. 509—512.

² Цитируемые произведения: Аввакум, соч. // РИБ. Т. 39; Державин, соч. // *Державин Г. Р.* Стихотворения. М.; Л., 1963; «Житие Авраамия Смоленского» // Древнерусские предания: (XI—XVI вв.) / Изд. подгот. В. В. Кусков. М., 1982; «Житие Вита», «Житие Еразма», «Житие Иова», «Житие Февронии», «Житие Феодосии», «Житие Христофора» // Успенский сборник XII—XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971. Указываются страницы и столбцы издания; «Казанская история» // Казанская история / Изд. подгот. Г. Н. Моисеева. М.; Л., 1954; Ломоносов // *Ломоносов М. В.* Избранные произведения / Изд. подгот. А. А. Морозов. М.; Л., 1965; «Повесть временных лет» // Летопись по Лаврентьевскому списку/

послушности Бориса. Автор не прямо высказал мысль («Борис являлся послушным»), а мимоходом отразил ее. Но мысль существовала. Чем это доказывается? Во-первых, присутствием слова «скоропослушливый» в высказывании. Во-вторых, контекстом высказывания, где автор уже подчеркивал то, что ранее высказал мимоходом: Борис произносил формулу послушания перед отцом («Се готовь есмь предь очима твоима сътворити, елико велить воля сердца твоего»), а сам автор прямо относил Бориса к разряду послушливых сыновей («О такихъ бо рече Притъчъникъ: «Сынъ быхъ отцю послушьливъ» — 43.2—44.1). Наличие мысли автора о послушности Бориса является несомненным.

Психолингвисты называют скрытые, неявные, неразвернутые мысли коннотациями или ассоциациями³. Термин очень заманчивый для нас, но все-таки неподходящий. Дело в том, что понятие «ассоциация» осмысляется литературоведами гораздо более узко, чем лингвистами. «Ассоциация» для литературоведа — это явно выраженное в тексте сопоставление чего-либо с чем-либо. Неразвернутую же мысль о послушности Бориса я предпочитаю называть попутной мыслью (автор говорит о главном — о призвании Бориса Вла-

Изд. подгот. А. Ф. Бычков. 3-е изд. СПб., 1897; «Повесть о Довмонте» // *Охотникова В. И.* Повесть о Довмонте: Исследования и тексты. Л., 1985; «Повесть о поплении Тройском» // Троянские сказания: Средневековые рыцарские романы о Троянской войне по русским рукописям XVI—XVII веков / Текст подгот. О. В. Творогов. Л., 1972; «Повесть о разорении Рязани Батыем» // *Лихачев Д. С.* Повести о Николе Зараском (тексты) // ТОДРЛ. Т. 7; «Повесть о святом Авраамии» Ефрема // Успенский сборник; «Повесть о Тверском Отроче монастыре» // «Изборник»: Сборник произведений литературы Древней Руси / Текст повести подгот. Р. П. Дмитриева. М., 1969; «Повесть об осаде Пскова Стефаном Баторием» // Русские повести XV—XVI веков / Текст памятника подгот. В. И. Малышев. М.; Л., 1958; Пушкин // *Пушкин А. С.* Сочинения: В 3т. М., 1974. Т. 2; «Свобождение Ливонии и Ингерманландии» // РРД. Т. 3 / Текст пьесы подгот. А. С. Елеонская; «Сказание» Авраамия Палицына // Сказание Авраамия Палицына / Изд. подгот. О. А. Державина и Е. В. Колосова. М.; Л., 1955; «Сказание о Борисе и Глебе» // Успенский сборник; «Сказание о Мамаевом побоище» // Сказания и повести о Куликовской битве / Изд. подгот. Л. А. Дмитриев и Д. С. Лихачев. Л., 1982; «Сказание чудес Бориса и Глеба» // Успенский сборник; «Слово на погребение и воскресение Христа» Григория Антиохийского // Успенский сборник; «Слово о всех святых» Иоанна Златоуста // Успенский сборник; «Слово о полку Игореве» // Слово о полку Игореве / Изд. подгот. Л. А. Дмитриев и Д. С. Лихачев. Л., 1967; «Слово о терпении» Иоанна Златоуста // Успенский сборник; «Слово о четверодневном Лазаре» Андрея Критского // Успенский сборник; «Слово похвальное на пренесение мощей Бориса и Глеба» // Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / Изд. подгот. Д. И. Абрамович. Пг., 1916; «Софийская I летопись» // ПСРЛ. Т. 5; «Софийская II летопись» // ПСРЛ. Т. 6; «Троянская история» // Троянские сказания; «Чтение о Борисе и Глебе» Нестора // Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им.

³ Словарь ассоциативных норм русского языка / Под редакцией А. А. Леонтьева. М., 1977; Български норми на словесни асоциации. София, 1984. Дельный обзор истории изучения ассоциаций: *Савранский И. Л.* Роль ассоциативности в словесном искусстве. Автореф. дис. ... М., 1970. С. 6, 15.

димиром, а попутно мыслит и о чем-то другом — о послушности Бориса). Термин «попутная мысль», разумеется, условен, метафоричен, но за неимением лучшего в какой-то степени и удобен ⁴.

Неразвернутая, попутная мысль раскрывается не только в ближайшем контексте высказывания, но и в иных местах произведения того же автора и даже в иных произведениях того же времени. Так, например, наличие авторской мысли о послушности Бориса подтверждается и тем, что на протяжении всего «Сказания» автор неоднократно и по многу раз подряд отмечал послушность Бориса, то прямо, то косвенно: «Съ убо благоверньи Борисъ... послушьливъ бе, покаяря ся при всемь отцю» (58.1), «тихъ, крътъкъ, съмерень» (45.2), «миръны» (49.1). Борис в «Сказании» постоянно обещал послушание: «Не буди ми възяти руки на брата своего и еще же и на старейша мене» (46.2), «азъ бо не противлюся» (44.2), «не у противлюся, ни въ прекы глаголю... и ничьто же умыслихъ противу...» (49.1) и т. д. О послушности Бориса говорилось и в других произведениях того времени — в летописной повести «Об убьеньи Борисове», в «Слове похвальном на пренесение мощей Бориса и Глеба», в паремийных, проложных и церковно-служебных сочинениях о Борисе и Глебе. Не остается никаких сомнений в том, что в высказывании о призвании Бориса Владимиром неполно, частично, попутно отразилась мысль автора о послушности Бориса, но эта попутная мысль была все-таки отчетливой.

Однако исследователю далеко не всегда удастся иметь дело только с такими ясными, бесспорными случаями. Попутные мысли могли оставаться неотчетливыми и даже почти не распознаваемыми в тех высказываниях, когда нужное определяющее слово отсутствовало в самом высказывании автора и лишь в контексте автор невольно мог проговориться о подразумеваемой им попутной мысли. Например, когда автор «Сказания» перечислил сыновей киевского князя Владимира, то среди них был упомянут «Святопѣлкъ, иже и убиство се зълое изьобреть» (43.1). В этом высказывании автор не употребил эпитет «окаянный» в отношении к Святополку. Значит ли это, что в данный момент у автора совсем отсутствовала мысль об окаянстве Святополка? Но посмотрим на контекст. Помянув убийство, автор сразу же заговорил о матери Святополка и при этом дважды назвал Святополка окаянным: «... и зача ... сего Святопѣлка оканьянаго ... отъ нея же роди ся сии оканьнии Святопѣлкъ» (43.1). Значит, и при первом упоминании Святополка попутная мысль об его окаянстве маячила слабо, смутно, как о человеке, совершившем нечто «зълое».

⁴ «...все находящееся в душе расположено не на одном плане, оно или выдвинуто вперед, или остается вдали» (*Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М., 1976. С. 127*).

Некоторые случаи останавливают нас в нерешительности. Например, без эпитета «окаянный» Святополк упоминался во фразе: «И яко съказаша Святопѣлку, яко «сътворихомъ повеленое тобою», и си слышавъ, възнесе ся срьдцьмъ» (53.2). Речь шла об убийцах, посланных Святополком к Борису и сделавших свое дело. В контексте, предшествующем данной фразе, эпитет «окаянный» употреблялся, но он относился к убийцам, а не к Святополку: «Тъгда оканьнии Горясерь повеле зарезати и въбързе ... оканьнии же они убоице възвративъше ся къ посылавъшюму я» (53.1—2). Убийцы, конечно, связаны со Святополком, но это все-таки не Святополк. Попутная мысль об окаянстве Святополка в этом месте была у автора или очень отдаленной, или отсутствовала.

Кроме отчетливых и неотчетливых попутных мыслей, исследователю наиболее часто приходится сталкиваться со следующими типами попутных мыслей, отразившихся в высказываниях. В авторском высказывании может отразиться, например, скрытое обобщение, попутная обобщающая мысль. Укажем такое высказывание (в неполном виде): «Съ ... Борисъ ... тельмъ бяше краснь...» (58.1). Скрытая обобщающая мысль здесь та, что Борис именно всегда был красив телом, что таким было всегдашнее достоинство Бориса. Попутная мысль, правда, неотчетлива: автор нигде не употребил слово «всегда»; оно (или что-то подобное), пожалуй, лишь подразумевалось в высказывании. Подтверждения (косвенные) существования у автора такой мысли мы находим в других местах «Сказания», где, хотя и не говорилось прямо о всегдашней красоте Бориса, зато красота тела Бориса отмечалась в самых разных ситуациях. Сам Борис «помышляше о красоте ... телесе своего» (45.2). К Борису обращались перед неминуемой его гибелью: «... красота тела твоего увядаеть» (48.1—2). Даже после смерти тело Бориса «ни беаше почърнело, яко же обычаи имуть телеса мъртвыхъ, нъ светело и красьно» осталось (55.2).

И в высказывании «Володимиръ ... призвавъ Бориса ... скоропослушьливаго» (43.2) тоже отразилась скрытая обобщающая мысль: подразумевалось, что Борис был послушен отцу не только в отмеченный момент, а всегда. Попутная мысль о вечной послушности Бориса тоже являлась неотчетливой: соответствующего обобщающего слова нет ни в высказывании, ни в контексте. Тем не менее прямые утверждения автора о послушности Бориса касались самых разных ситуаций. А одно из высказываний приближалось к прямому указанию на всегдашнюю покорность Бориса: «Съ убо благоверьнии Борисъ ... покаяря ся при всемъ отцю» (58.1). Выражение «при всемъ» уже близко подходит по смыслу к слову «всегда».

Скрытое обобщение в авторских высказываниях могло указывать не на всегдашнее, а на нечто всеобщее. Обобщающая попутная мысль о «всех» в каждом отдельном высказывании у автора «Сказания», как правило, отражалась

очень неотчетливо. Вот самый простой пример. В высказываниях «Борись рекъ», «Борись глаголааше», «Борись гласъ испущааше» можно предположить отражение очень слабо подразумеваемой обобщающей мысли: говорить могут все люди. Ведь слова «глаголати», «рещи», «сказати» и пр. автор применял ко всем действующим в «Сказании» лицам. Точно так же высказывания с выражением «испустити глас» неявно отражали обобщенную авторскую мысль о любом голосе: каждый может испускать. Глас испускали все люди в «Сказании»: «Святопѣлкъ ... испусти зѣлыи гласъ», «Борись ... жалостно гласъ испущааше», Глеб «гласъ испущааше» и т. п. (46.2—47.1, 51.2).

В одном и том же авторском высказывании могли отражаться две попутные мысли — о конкретном лице и одновременно о всех людях вообще. Так, в одном из высказываний (вернее, в очень коротком отрывке из «Сказания») можно заметить отражение попутной мысли о внешности Бориса: важными элементами считались его тело и его лицо. Оттого и соседствовали упоминания о теле Бориса и его лице: «Борись ... тельмъ бяше красень — высокъ, лицемъ круглъмъ ...» (58.1). Соседство упоминаний тела и лица повторялось и в других высказываниях автора о Борисе: «Борись начать тельмъ утѣрпывати и лице его вьсе слзъ испълни ся» (44.1). Повторялось оно и в других памятниках о Борисе и Глебе: «Телеси святою никакая же езвы имущи, нъ присно все цело, и лица бяста светле ...» («Сказание чудес Бориса и Глеба», 60.2).

И одновременно в том же отрывке о внешности Бориса можно ощутить отражение (неотчетливое) попутной мысли о внешности всех людей вообще. Ведь соседство упоминаний о теле и голове наблюдается в высказываниях автора и о других персонажах. Упоминания тела и головы соседствовали во фразе о Георгии, слуге Бориса: «И отъсекъше главу, отъвъргоша и кроме, да темъ и последъ не могоша познати тела его» (49.2—50.1). Упоминания тела и головы (точнее, седин) соседствовали и в плаче Бориса о своем отце: «... ни понесохъ красоты мужьства тела твоего, ни съподобленъ быхъ целовати добролепныхъ твоихъ сединъ» (44.2).

Сомнение только одно: в аналогичных случаях автор «Сказания» упоминал все-таки голову персонажа, а не лицо. Однако примеры из других произведений убеждают в том, что в высказывании о красоте тела Бориса отразилась (очень неотчетливо) обобщающая попутная мысль о всех людях; ведь авторы выделяли в первую очередь тело и лицо в облике людей: «Не приближи теле своемъ масла древянааго, ни же умы лица своего ... Просвещааше тело его ... такъ бе светельъ тело имущи, светельмъ лицемъ» («Житие Февронии», 231.2). В описаниях облика князей тоже соседствовали упоминания тела и лица: «Бе же Мьстиславъ дебелъ теломъ, чермень лицемъ»; «бе же Ростиславъ ... взрастомъ же лепъ и красень лицемъ» («Повесть временных лет», 146—146, 162. В

последнем случае тело обозначено косвенно через рост князя). Да и при описаниях самых разных людей тело и лицо тоже связывались постоянно: «...опустневше лица, почерневше телеса» («Повесть временных лет», 217), «да и лица зряще и телесе разуместе» («Слово о четверодневном Лазаре» Андрея Критского, 382.2), «кгде доброта лица ... кгде величество тела?» («Слово о терпении» Иоанна Златоуста, 448.1) и мн. др.

В некоторых высказываниях могли отражаться оба вида попутных обобщающих мыслей — и о «всегда», и о «всех». Так произошло в высказывании «Борись ... тельмъ бяше красьнь» (58.1): Борис был красив телом всегда (одно скрытое обобщение), но не только мученик Борис, а и все подвижники (другое скрытое обобщение). В литературе красивое тело обычно отмечалось у молодых, рано погибших святых, мучеников, князей и княгинь: «...святыимъ телеса ... крашааху ся», «телеса мученьская ... красима» («Слово о всех святых» Иоанна Златоуста, 459.1, 462.2); «телесною красотою» отличался Авраамий («Житие Авраамия Смоленского», 75); «лепотою — телом красна бе зело» Евпраксия («Повесть о разорении Рязани Батыем», 288) и т. п.

Обобщающая попутная мысль могла указывать не на всегдашнее, а лишь на характерное, частое для данного разряда людей. Например, автор «Сказания о Борисе и Глебе» однажды упомянул колени Глеба: «...преклонь колене» (52.2). Неотчетливая обобщающая мысль: мученикам свойственно преклонять колени. Колени постоянно (и не по разу) упоминались в других сочинениях о Борисе и Глебе и в житиях различных мучеников: «...протягоста колено» («Сказание чудес Бориса и Глеба», 59.2), «ставъ на колену» («Чтение о Борисе и Глебе», 13), «преклонивъ колене» («Житие Христофора», 179.2), «преклонь колене» («Житие Еразма», 216.2), «прегыбая колене» («Житие Вита», 223.1), «преклонивъши колене» («Житие Февронии», 235.2).

В «Сказании о Борисе и Глебе» как-то был упомянут безымянный вестник: «И се приде вестьникъ къ нему» (44.1). Конкретней про вестника ничего не говорилось ни в контексте этой фразы, ни в «Сказании» где-нибудь еще. И все же мы можем вывести предположение об обобщающей мысли (конечно, неотчетливой): всем вестникам свойственно приходить с вестью, это их главная черта. В других древних произведениях так приходили другие вестники: «И се вестьникъ приде къ Иову ... приде другыи вестьникъ ... инъ вестьникъ приде ...» («Житие Иова», 161.1—2), «вестникъ ... пришедь» («Повесть временных лет», 98). И в XVII в. так же: «Вестницы же его пришедше...» («Повесть о Тверском Отроче монастыре», 677). И в XVIII в.: «Приходит вестник ...» («Свобождение Ливонии и Ингерманландии», 227).

Кроме обобщающих мыслей, в высказываниях автора отражаются еще и скрытые предметные представления — важная ступенька к художественному

образу⁵. Например, отразившееся в высказывании «Борись ... тельмъ бяше краснь» (58.1) попутное представление о всегдашней красоте тела у Бориса явно было предметным: предметным содержанием отличался и контекст этого высказывания — описание внешности Бориса. А вот в высказывании «Володимиръ призывавъ Бориса ... скоропослушьливааго» (43.2) попутная мысль о послушности Бориса, несомненно, проигрывала в предметности: дальнейший контекст этого высказывания являлся довольно абстрактным.

При поисках так нужных нам предметных представлений автора «Сказания» мы можем и ошибаться. Было бы ошибкой, например, усмотреть отражение именно предметного авторского представления о руках Бориса в высказывании о том, что Борис «вое държа въ руку своею» (48.1). Фразеологическое сочетание «держат в своих руках» имело абстрактное значение «иметь в своем распоряжении».

Можно ошибиться и в другую сторону — не замечать предметных представлений там, где они есть. Дело в том, что высказывания автора «Сказания» нередко оказываются двойственными по смыслу — абстрактными и в какой-то степени предметными одновременно⁶. Например, автор отметил, что слуги видели Бориса «печалию облияна суца зело» (48.1). Отразилось ли здесь попутное предметное представление о текучей, льющейся печали? Фразеологическое сочетание «быть облитым печалью» имело переносное, понятийное значение «сильно печалиться». Следовательно, в некоей «жидкости» печаль здесь подозревать нельзя. Ближайший контекст этого высказывания также не содержит никаких намеков на материальную плотность или вязкость печали. Но в более широком контексте вокруг данного высказывания Борис постоянно и вполне материально обливаётся слезами: «... и слъзами разливая ся» (44.1), «и слъзами разливааше ся всь» (45.2), «и всь слъзами облиавъ ся» (49.1). Слабое предметное представление о текучести человеческой печали, вероятно, все же отразилось в высказывании у автора «Сказания». Аналогии из других

⁵ «Предметность — необходимое качество образа» (Виноградов В. В. *Стилистика: Теория поэтической речи. Поэтика*. М., 1963. С. 127).

⁶ «Слово может, следовательно, одинаково выражать и чувственный образ, и понятие...», «...какой бы отвлеченности и глубины ни достигла наша мысль, она не отделается от необходимости возвращаться, как бы для освежения, к своей исходной точке — представлению» (Потебня А. А. *Указ. соч.* С. 166, 198); «...слово даже в самом общем употреблении сохраняет инерцию предметного мышления» (Гей Н. К. *Художественность литературы: Поэтика. Стил*. М., 1975. С. 92); «...практически любое слово содержит в своем значении некоторый диапазон колебаний между конкретным и абстрактным» (Ковальская Е. М., Шорина М. Н. Коэффициенты конкретности, образности и эмоциональности для 51 русского существительного // *Психологические и лингвистические аспекты проблемы языковых контактов: Сборник научных трудов*. Калинин, 1984. С. 139).

древних памятников укрепляют нас в этом предположении: «Излеее печаль очима наю» («Слово на погребение и воскресение Христа» Григория Антиохийского, 400.1); «тоска разлися по Руской земли, печаль жирна тече средь земли Рускыйи» («Слово о полку Игореве», 49).

В сложных случаях помогает внести ясность одна закономерность: традиционные языковые формулы обычно указывают на абстрактную мысль автора, а нетрадиционные языковые выражения ведут к предметному авторскому представлению. В качестве примера возьмем выражение, часто употребляющееся в «Сказании о Борисе и Глебе»: «кровь пролити». Оно означало «убить», и предметного проливания крови автор не подразумевал тут даже мимолетно. Эта формула постоянно употреблялась с абстрактными синонимами «убить», «погубить» и пр.: «... кровь мою пролеетъ и на убиество мое потыщитъ ся», «погубить мя ... пролеетъ кровь мою» (44.2, 45.2). То же было и в других произведениях: «погубять и пролиють кровь» («Чтение о Борисе и Глебе» Нестора, 12), «убийству и кровопролитью» («Повесть временных лет», 163), «погыбели людския и кровопролития християномъ» («Софийская I летопись», 234) и т. д.⁷

Абстрактное значение «убить», «ранить» эта формула сохраняла и с предметными добавлениями. Например, «проливать кровь, как воду» переносно означало «убивать многих»: «... проливающа кровь християнскую, акы воду» («Софийская I летопись», 192), «таково кровопролитие, акы вода морскаа» («Сказание о Мамаевом побоище», 38), «посекающе, аки сады, руския люди, и кровь их, акы воду, проливающе» («Казанская история», 75—76). Небольшие добавления в контексте формулы также не меняли ее абстрактного содержания: «Кровь же бо всегда пред стенами царствующаго града лияшешся» («Сказание» Авраамия Палицына, 170), «не проливай еще моей невинной крови» (Ломоносов, 313). Только очень настойчивые предметные добавления в контексте помогали прорваться к представлению о реальном пролипании крови: «Да не полижетъ песь или ино чьто отъ нечъстивыхъ от пролипания кръве сея, нъ землю въскопавъ, на ней же кръвь ея пролиана есть ...» («Житие Февронии», 245.1); «а жалостно видети и гръко посмотричи челоувечьскаго кровопролитиа — акы морскаа вода, а трупы челоувечьа — акы сennyа громады ... а реки по три дни кровию течаху» («Сказание о Мамаевом побоище», 45).

Но вот мы встречаем в памятниках не совсем привычное выражение «кровь излияти». Отражается ли здесь предметное авторское представление о крови? Оказывается, нет, потому что такая формула тоже была традиционной. Долгое время она применялась строго в отношении к Христу: «... Господа нашего

⁷ Многие другие примеры из древнерусской литературы см.: Орлов А. С. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). М., 1902. С. 21.

страсть и излияние крови» («Житие Феодосии», 252.2), «Господь ... свою кровь за ны изляя» («Повесть временных лет», 216—217). Формула продержалась до XVI в.: «...Господи ... кровь свою на кресте изляял еси» («Казанская история», 77), — всегда не столько о прямом излиянии крови Христом, сколько о его убиении, мученической кончине. С XVI в. эта формула стала чаще применяться уже и не к Христу, но еще сильнее в том же значении «погибать»: «... государевы воиводы и вои ... крови своя за Христову веру изляявшя» («Повесть об осаде Пскова Стефаном Баторием», 128), «многиа крови христианьскиа изляваа» («Сказание» Авраамия Палицына, 240).

Со второй половины XV в. стала употребляться бесприставочная формула «кровь лить»: «... кровь крестьянская льется» («Софийская II летопись», 209), «и лиашеся кровь» («Сказание о Мамаевом побоище», Киприановская редакция, 64), «и кровь сильных, аки вода, льяшася» («Повесть о Довмонте», Распространенная редакция, 217). Эта форма укрепилась и широко употреблялась в XVII, XVIII и XIX вв.: «... ко кроволитию» («Сказание» Авраамия Палицына, 118), «и кровь безпрестанно льется» (Аввакум, 470), «вы льете крови вашей реки», «не лей твоей и нашей крови» (Державин, 157, 164), «кровь готов он лить, как воду», «лилася кровь царевича-младенца» (Пушкин, 166, 264). И эта формула была традиционна и всегда абстрактна по значению: «кровь лить» — убивать или быть убитым.

И вот только редкостные языковые варианты данной формулы выдают ее предметный, а не только абстрактный смысл. Например, очень нечастое выражение «кровию полить» (а не «кровь пролить») сразу указывало и на реальную кровь, реальное поливание кровью: «Чръна земля подь копыты, костью была посеяна, а кровию поल्याна» («Слово о полку Игореве», 48), «и кровми полияся варварьская земля ... намостишася черемискими костью» («Казанская история», 127). С предметным представлением о крови были связаны и иные, время от времени встречающиеся в памятниках индивидуальные варианты традиционной формулы «кровь пролить». Среди них — выражение «кровью облягтися»: «И паки кровьми облягся земля Тройская, и паки окровавлени быша Скомандровы струа» («Повесть о поплении Тройском», 12), «аз бо кровию облягхся от многих поражений меча твоего» («Троянская история», 49). Предметны и различные иные единичные варианты: «Кровь христьянская слияся с татарьскою кровью» («Сказание о Мамаевом побоище», Киприановская редакция, 68), «своею кровию отлиют, и зверие и пси поядят телеса их» («Казанская история», 91), «кровь теплая вляялась» (Ломоносов, 301).

Типы важных для нас попутных мыслей и представлений, отражающихся в том или ином авторском высказывании, не исчерпываются разными степенями обобщенности и предметности. В «Сказании» встречаются еще два довольно экстравагантных типа попутных представлений. Есть, во-первых, авторские эмоции.

Чаще всего автор «Сказания» не рассуждал о своем отношении к чему-либо, а выражал его попутно. Это были попутные эмоциональные авторские представления о чем-либо ⁸. Когда автор писал, например, что «оканьнии ... Святоплькъ ... испусти гласъ ...» (46.1—2), то тут эпитет «окаянный» передавал не просто мнение, но отрицательное эмоциональное отношение автора к Святополку. Из чего это видно? Все высказывание и его контекст выглядели так: «Тъгда призва къ себе оканьнии, трьклятии Святоплькъ съветьники всему злу и началники всеи неправде и отъвързь прескъврньная уста, рече, испусти зьлии гласъ ...» (46.1—2). Целая россыпь темпераментных отрицательных эпитетов! Эмоциональным отношением автора «Сказания» зачастую пронизаны многие его высказывания ⁹.

Другой тип попутных авторских представлений, который полезно нам различать, это впечатления языковые. В некоторых своих высказываниях автор «Сказания о Борисе и Глебе» исходил не только из мыслей о реальном мире, но и из мыслей о словах, этот мир обозначающих, об их лексическом, морфологическом, фонетическом облике. Автор, например, так отозвался о городе Вышгороде (где были похоронены Борис и Глеб): Вышгород «высокъ паче всехъ градъ русьскыхъ и вышии градъ» (57.1). Здесь открыто дана оценка значению Вышгорода. Но одновременно здесь отразилось скрытое попутное представление, которое касается самого слова «Вышгород». О том, что автор ощущал этимологию слова «Вышгород», свидетельствует контекст, где автор рассуждал о самом названии: «По истине Вышегородъ наречеса — вышний и превышии городъ всехъ» (57.1). В прочих местах «Сказания» попутное языковое авторское представление об этимологии слова выражалось гораздо менее отчетливо. Имя непосредственного убийцы Бориса — Путьша, — возможно, связывалось со словом «путь»: Святополк «призва Путьшу ... О таковыхихъ бо рече пророк: «... Сихъ путье суть събирающеи безаконие ...» (46.1—2). Слово «горький» связывалось со словом «гореть»: «Сердце ми горить ... къ кому сию горькую печаль простерети» (44.2). Слово «страсть» таило в себе слово «страшный»: «Въ печали ... страшне, како предати ся на страсть ...» (47.1)¹⁰. Таковы некоторые основные типы попутных мыслей и представлений автора «Сказания».

⁸ У лингвистов и музыковедов принято выделять как вид эмоциональные (экспрессивно-оценочные) ассоциации. Ср.: *Говердовский В. И.* История понятия коннотации // Филологические науки. 1979. № 2. С. 85; *Аухаруа А. Г.* Опыт типологии ассоциаций в музыке // Эстетические разыскания. Тбилиси, 1984. С. 71 и сл.

⁹ «Отношение автора к изображенному всегда входит в состав образа» (*Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 194).

¹⁰ Прекрасный анализ языковых ассоциаций древнерусского писателя см.: *Виноградов В. В.* Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума // Русская речь: Сборники статей. Пг., 1923. Т. 1. С. 217—293.

Почему мысли становятся попутными? В попутные переходят мысли лишь привычные, традиционные для писателя. Новое обычно выражается писателем развернуто, а старое оттесняется в область частичных отражений и подразумеваний. Вспомним пример, к которому мы уже не раз обращались: «Борись ... тельмь бяше красьнь» (58.1). В этом и во всех прочих высказываниях мысль автора о всегдашней красоте тела у Бориса (и тела всех мучеников) оказалась попутной из-за полнейшей ее привычности, традиционности.

И напротив, непривычные, новые мысли не становились попутными в высказываниях автора «Сказания о Борисе и Глебе». Так, автор отметил сходство судьбы Бориса с судьбой мученика Никиты и князя Вячеслава Чешского: «...мучение и страсть святого мученика Никиты и святого Вячеслава подобно сему бывшему убиению» (47.1). Такое развернутое сопоставление не проводилось больше никем, да и автору «Сказания» пришло в голову лишь однажды. Поэтому ни у автора «Сказания», ни у других писателей нигде не мелькало попутной связи «Борис — Никита» или «Борис — Вячеслав».

Однако бывает и так, что вроде бы старая мысль сохраняет для автора свою новизну или обновляется им и поэтому не оттесняется в область попутных мыслей. Вот, например, правило о необходимости послушания младших князей старшим. С XI в., если не раньше, эта идея неуклонно проповедовалась древнерусской литературой. В «Сказании о Борисе и Глебе» подобная мысль, как достаточно привычная, свернулась в попутную — «Борис послушный». И вдруг в «Сказании» следуют развернутые формулировки на ту же тему. В чем дело? Оказывается, каждый раз они связаны с некоторым обновлением мысли или с обновлением ситуации, в которой мысль высказывается. Борис говорит отцу: «Готовь есмь предь очима твоима сътворити, елико велить воля сердца твоего» (43.2—44.1). Мысль о послушании развернута, потому что впервые высказывается самим героем (больше ни в каких сочинениях Борис к живому отцу не обращался).

Дальше сам автор «Сказания» подтверждает: «Сынъ быхъ отцю послушьливъ» (44.1). Но и эта мысль высказана развернуто, потому что является библейской цитатой, переосмысленной по отношению к Борису («О таковыхъ бо рече Притьчьникъ»), — новая сторона знакомой мысли. Затем автор дополняет: «Такъ бо бе блаженни ть ... тихъ, крътъкъ, съмерень» (45.2) — и опять мысль выражена развернуто благодаря своей новой стороне (смирение Бориса, а не послушание). Потом Борис объявляет: «Не буди ми възяти руки на брата своего и еще же и на старейша мене, его же быхъ имель акы отца» (46.2). Мысль о послушании снова развернута, потому что говорится о послушании именно брату — переход к относительно новой стороне мысли. После Борис снова повторяет: «... не у противлю ся, ни въ прекры

глаголю ... и ничто же умыслихъ противу брату моему» (49.1). Мысль та же, но в первый раз Борис поясняет дружине свои намерения, а во второй раз он свидетельствует свои принципы перед Богом — разница немалая, особенно для средневекового автора. Оттого и принципы изложены развернуто. Наконец, завершив «Сказание», автор возвращается к старой мысли: «съ убо благоверьнии Борисъ блага корене сыи, послушьливъ отцю бе, покаяря ся при всемь отцю ... светя ся цесарьскы ...» (58.1). И снова мысль развернута благодаря новым обстоятельствам: она высказана не в основном тексте «Сказания», а в особой прибавке к «Сказанию», под особым подзаголовком. Кроме того, она не самодовлеющая, как раньше было в «Сказании», а подчинена мысли об истинной принадлежности Бориса и к благому, цесарскому роду — опять новый оттенок или поворот старой мысли. По ходу изложения в менявшемся контексте «Сказания» соответствующие мысли все время поворачивались новыми сторонами. Вот отчего автор «Сказания» многократно в развернутой форме высказывал важную мысль о послушании младшего князя старшему.

Любопытная история произошла и в другом произведении. «Слово похвальное на пренесение мощей Бориса и Глеба», составленное в 1174 г. (или позже), наставляло князей в миролюбии и послушании по старшинству. Борис и Глеб ставились в пример: «Те же два святыя ... последоваста ... кротостию, и смирениемъ, и терпениемъ, ни на когождо вражды имея ... сия же святыя вражды не иместа», «подъяли смирение и терпение и вражды не имели ни на кого же ... паче смерть възлюбиста прияти, нежели вражду деръжати», «не имея вражды ни на ково же» и т. д. (128, 129, 131). Развернутые высказывания о послушании сопровождались рассуждениями и в попутные мысли не сжимались ни разу. Насколько же нова должна быть мысль, чтобы ее выражали только в развернутых высказываниях! И в самом деле: поворот старой мысли был резко новым — смиренные князья начала XI в. ставились в пример драчливым князьям конца XII в. Еще ни одно древнерусское произведение не прибегало к таким сопоставлениям и с такой смелостью.

Наблюдения показывают, что именно привычные представления (все равно какие — обобщающие, предметные, эмоциональные и пр.) переходили в попутные, теряя предметность и эмоциональность. Явление это настолько хорошо известно, что достаточно ограничиться только одним напоминанием. Автор «Сказания» как-то пояснил, что Владимир «посади убо сего оканьянаго Святопѣлка въ княжении Пиньске» (43.2). И высказывание, и его спокойный по тону контекст свидетельствует: эпитет «окаянный» здесь являлся не эмоциональным, а понятийным и приближался к прозвищу. Автор «Сказания» просто употребил общепринятую формулу об окаянстве Святополка.

Герменевтика высказывания открывает широкое поле для разысканий, особенно в области архаических форм и смыслов, характерных для древнейших памятников, и показывает, в частности, неисчерпаемость смыслового богатства «Сказания о Борисе и Глебе».

1989 г.

2. ЕДИНИЦЫ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОСТИ (ПО «СКАЗАНИЮ О БОРИСЕ И ГЛЕБЕ»)

В 1979 г. в «Известиях Академии Наук» (Серия языка и литературы. № 6) была напечатана статья Д. С. Лихачева «К специфике художественного слова». Статья в основном посвящена «ассоциативной ауре» вокруг слова в речевых ситуациях Нового времени, но заставляет задуматься над вопросом, каковы основные единицы изобразительности для древнерусской литературы. Ответ на такой вопрос поможет проследить историю зарождения не просто литературы, а именно художественной литературы или хотя бы явлений изобразительности в Древней Руси. Мы не будем перечислять сложности предлагаемой темы. Наша работа предварительная, и наш путь таков: мы выбираем конкретный древнерусский текст и на основе его анализа делаем предположения о единицах изобразительности, какие удастся установить.

В качестве исходного памятника мы выбираем известное своими литературными достоинствами «Съказание и страсть и похвалу святыю мученику Бориса и Глеба».

Единицу изобразительности легче выделить, обратившись к подходящему фрагменту произведения. В начале «Сказания о Борисе и Глебе» есть относительно самостоятельный по теме и по форме отрывок. Борис произносит жалобную речь, в которой вспоминает о своих умерших дядях-князьях и об отце — киевском князе Владимире Святославовиче: «Чьто бо приобретоша преже братия отца моего или отець мой? Къде бо ихъ жития, и слава мира сего, и багряница, и брячины, серебро и золото, вина и медове, брашна чьстная, и быстрии кони, и домове красьнии и велиции, и имения многа, и и дани, и чьсти бещисльны, и гърдения яже о болярехъ своихъ? Уже все имъ акы не было николи же, вся съ нимъ ищезоша, и несть помощи ни отъ кого же сихъ: ни отъ имения, ни отъ множества рабъ, ни о(т) славы мира сего»¹.

¹ Успенский сборник XII—XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971. С. 45, стб. 1. Далее страницы и столбцы указываются в скобках.

Приведенный отрывок, насколько мы можем судить, не восходит к каким-либо конкретным текстовым источникам, то есть сочинен автором «Сказания». Наше современное читательское восприятие подсказывает, что этот фрагмент «Сказания» может помочь в поисках единицы изобразительности.

Разберем содержание фрагмента. В данном отрывке речь идет не о частных фактах, а о таком всеохватывающем явлении, как жизнь князей: в роли ключевых слов выступают начальные слова отрывка — «ихъ жития». Имеется в виду именно суетная жизнь князей, в которой, как поясняется непосредственно перед фрагментом и после него, «все мимоходить», «суета и суетие суетию» (45.1—2). Главным признаком суетной княжеской жизни называется «слава мира сего». Другим признаком суетной княжеской жизни указываются материальные богатства, то, «что бо приобретае» князя: «... и багряница, и брячины², серебро и золото, вина и медове, брашна чьстная, и быстрыи кони, и домове красьнии и велиции, и имения многа, и и дани...». Одновременно в данном фрагменте перечисляются и признаки княжеской суетной «славы мира сего»: «...и чьсти бещисльны, и гьрдения яже о боярехъ своихъ».

Больше того. Перечень указывает не просто на логические признаки суетной княжеской жизни, а на ее символы: жизнь князей — это багряница, жизнь князей — это серебро и золото, жизнь князей — это вина и брашна, жизнь князей — это большие и красивые дома и т. д.

И еще один смысловой оттенок перечня. Символическая характеристика княжеской жизни переходит в данном фрагменте в характеристику реальную: перечисляются одежда, которую носят князья; серебро и золото, которыми они обладают; яства, которые они вкушают; быстрые кони, на которых они ездят, и т. д.

Итак, содержателен отрывок из «Сказания». Что в нем ценно для нас с точки зрения изобразительности? Во-первых, обилие перечисленных признаков княжеской жизни. Правда, обилие признаков само по себе неизобразительно; оно лишь благодарный материал для возможной художественной обработки. Во-вторых, в данном отрывке ценна предметная символика княжеской жизни; она приближается к синекдохе или к метонимии. Однако в троп эта символика так и не превращается; она остается, так сказать, полуизобразительной. В-третьих, очень ценен переход от символической к реальной характеристике княжеской жизни; перечень приобретает черты картинности. Однако явственной, развитой, четкой картины в перечне нет; если перед нами и разворачивается скрытая реально-предметная характеристика, то лишь на грани картинного изображения.

² Брачина, брячина — шелковая ткань, род парчи. См.: Срезневский И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка. М., 1958. Т. 1. Стб. 175, 187; Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975. Вып. 1. С. 327; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964. Т. 1. С. 208—209.

Можно ли назвать изобразительным рассмотренный отрывок? Думаю, что все-таки можно. Отсюда проистекает важное теоретико-литературное следствие: критерием изобразительности древнерусского текста оказывается сочетание в нем различных «полухудожественных» смысловых явлений. По сравнению с нормами Нового времени критерий изобразительности древнерусских текстов кажется «заниженным». Но это естественно: нет единого критерия изобразительности для всех времен и народов; в приложении к древнерусским памятникам наши критерии изобразительности должны меняться соответственно объективно существовавшим фактам, и на практике они действительно меняются, тем более когда мы имеем дело с явлениями архаическими.

Анализ фрагмента из «Сказания о Борисе и Глебе» показывает, что этот небольшой отрывок семантически достаточно сложен и не является воплощением единицы изобразительности; напротив, в этом отрывке уже содержатся несколько элементарных смысловых явлений, которые каждое в отдельности надо проверить на изобразительность. Для сопоставлений со «Сказанием» мы привлекаем аналогичные по теме отрывки, характеризующие жизнь человеческую, из древнерусских и южнославянских произведений X — начала XII вв.

Первое смысловое явление, как мы уже знаем, в рассмотренном фрагменте из «Сказания о Борисе и Глебе», — это перечисление признаков суетной жизни князей. В древнерусских и южнославянских произведениях X — начала XII вв., переводных и оригинальных, в составе благочестивых призывов нередко встречалось краткое перечисление главных признаков суетной жизни — славы и богатства: «... вься презьрети вь житии семь славу и богатство ... нь блюди, чадо, да не богатство и слава мира сего възврати тя вьспячь»; «... жизни скорое съкончание разумею ... и славы времянное ... и богатства сънь...»; «желая сего житим, богатство и славу ни во что же вмени»³. Подобная смысловая структура «житие — слава — богатство» была очень традиционна и однообразна (ее языковые варианты ограничены) и неоднократно использовалась в «Сказании о Борисе и Глебе». Кроме рассмотренного фрагмента из «Сказания» вот еще пример: князя Бориса жалели за отказ от славы в суетной жизни: «Како не възхоте славы мира сего ... како не възхоте величия еже вь житии семь» (49.2). Такая смысловая структура, где бы она ни повторялась, как правило, не являлась изобразительной из-за своей абстрактности. Это не единица художественности.

К первому смысловому явлению в рассмотренном фрагменте из «Сказания о Борисе и Глебе» примыкают указания признаков других явлений. Так, в рассмот-

³ «Житие Феодосия Печерского» Нестора // Успенский сборник... С. 83, стб. 2; «Слово о десяти девицах» Иоанна Златоуста // Там же. С. 320, стб. 1; «Почтение на апостола или на мученика» Климент Охридского. По списку XIV в. // Климент Охридски: Събрани съчинения / Изд. подгот. Б. Ст. Ангелов, К. М. Куев, Хр. Кодов, Кл. Иванова. София, 1970. Т. 1. С. 106.

ренном фрагменте признаками «славы мира сего» выступают «чести» и «гърдения». Во множестве памятников X — начала XII вв. повторялась смысловая связь «слава — честь», «слава — гордость», например: «Иже хочеть славнь быти въ семь мире, ть бештьстья не търпить... Ты же славньи градъ, нъ аще разумень еси самъ, уничьжи гърдость свою»⁴. В таких традиционных смысловых структурах из-за абстрактности их элементов также не было изобразительного содержания.

Но во фрагменте из «Сказания о Борисе и Глебе» перечислялись не только абстрактные признаки, но и признаки предметные; например, предметные признаки княжеского богатства — богатые одежды, серебро и золото, яства, дома, имения, рабы и пр. Во многих памятниках X — начала XII вв. перечислялся или как-либо иначе указывался подобный же состав богатства: «... богатство ваше истьле, и ризы ваша мольми изедены бышя, злато ваше и сребро обръжаве»; «ризь мякъкыхъ не прия, ни одра, ни трапезы, ни вина добровоньаго, ни храма жилища себе»; «...имение и богатство и ины вещи ... къ сему же и рабы...», «рабъ сы имению и всякого злату пьшуя»; «всехъ благихъ мира сего испьтны ся домъ мои ... многашьды бо рабомъ моимъ устроишемъ различная и многоценьная брашня»⁵. Перечень богатств в «Сказании о Борисе и Глебе» традиционен. Такие перечисления богатств, несмотря на предметность элементов, все-таки не имели изобразительного смысла; в них подчеркивался прежде всего сам состав понятия «богатство».

И вообще перечни существительных, логически пояснявшие состав какого-либо понятия, являлись одной из традиционнейших и плодovitейших форм в памятниках X — начала XII вв. Так, например, состав понятий пояснялся перечислением с первых же строк «Повести временных лет»: «Афету же яшася полунощныя страны и западныя: Мидия, Альванья, Арменья Малая и Великая, Кападокия, Февлагони, Галат...» и пр.⁶ Перечни с подобной смысловой структурой не раз использовались и в «Сказании о Борисе и Глебе»: «Съ убо Володимиръ имяше сыновъ 12: ... Вышеславъ ... Изяславъ... Святоплькъ...» и т. д. (43.1—2). Подавляющее большинство таких перечней не имели художественного смысла. Перечни признаков или состава каких-либо понятий являлись литературными формами (или смысловыми структурами), неблагодарными в изобразительном отношении.

⁴ Поучение «еже убо правоверну веру имети» // Изборник 1076 года / Изд. подгот. В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровина, В. Г. Демьянов, Г. Ф. Нефедов. М., 1965. С. 216—217, 224—225.

⁵ Вопрос, «что есть маммонна неправедный» // Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 года. М., 1880. Л., 81 об.; «Слово на рождество Иоанна Предтечи» Климента Охридского. По списку XII в. // Климент Охридски. Събрани съчинения. София, 1977. Т. 2. С. 389; «Житие Феодора Студита» // Выголексинский сборник / Изд. подгот. В. Ф. Дубровина, Р. В. Бахтурина, В. С. Голышенко. М., 1977. С. 153—154, 341; «Житие Феодосия Печерского» Нестора, 106.2.

⁶ «Повесть временных лет». По списку 1377 г. // ПЛДР. Т. 1 / Текст памятника подгот. О. В. Творогов. С. 22.

Перейдем теперь ко второму смысловому явлению в отрывке из «Сказания о Борисе и Глебе», к символической характеристике княжеской жизни. В произведениях X — начала XII вв. оценки человеческой жизни нередко давались в предметных символах; обычно для характеристики жизни подбирался не одинокий символ, а куст символов, относящихся к одному роду понятий или к частям одного целого. Например, «житие — заря, звезды, солнце»: «...добляго отрока житие просияеть, намъ же яко же есть лепо отъ вѣстока дньница възидеть, събираючи окръсть себе ины многы звезды, ожидаючи солнца правьднааго...»⁷. Жизнь человеческую могли символизировать не только обозначения предметов, но и обозначения поступков, действий, состояний, например: «... дньсь в житии, а утро въ гробе... Къде есть онуде цесарское величание, къде княземъ власть, къде богатыхъ немилование, къде судящихъ лицемерие? ...»⁸. В «Сказании о Борисе и Глебе» символика жизни человеческой развивалась неоднократно; например, «житие — колос молочно-восковой спелости, недлинная лоза со зреющей гроздью»: «Не пожьнете мене отъ жития не съзрела, не пожьнете класа не уже съзревъша, нь млеко безълобия носяща, не порежете лозы не до коньца въздрастьша, а плодь имуща» (52.1). Обычно между символизируемым объектом и его символами пролегалa некая непереступаемая граница. Как отмечает Д. С. Лихачев, «символы вносили в литературу сильную струю абстрактности и по самому существу своему были прямо противоположны основным художественным тропам — метафоре, метонимии, сравнению и т. д., — основанным на уподоблении, на метко схваченном сходстве или четком выделении главного, на реально наблюдаемом, на живом и непосредственном восприятии мира»⁹. Но вот когда символизируемым объектом становилась жизнь человеческая, то в смысловой взаимосвязи этого понятия с символами что-то менялось. Жизнь человеческая — понятие настолько широкое, что оно без труда могло включать в себя символы одновременно и как детали реальности: небо и растения — рядом с человеком, одежда и поступки — части его жизнедеятельности. В символы человеческой жизни вкрадывались, как нам кажется, смысловые оттенки синекдохи или метонимии. И такие оттенки становились осязаемее, когда, несмотря на традиционность символизации, кусты символов сохраняли свою яркость и свежесть. Для древнерусской литературы раннего периода данное смысловое явление, пожалуй,

⁷ «Житие Феодосия Печерского» Нестора, 74.1.

⁸ «Слово о терпении» Иоанна Златоуста // Успенский сборник... С. 441, стб. 1—С. 442, стб. 1.

⁹ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., доп. М., 1979. С. 164. Ср.: «Символ не есть художественная образность...», «символичность и художественность являются совершенно различными структурами» (Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976. С. 144, 145).

можно условно принять за первичную единицу изобразительности. Однако это архаическое явление еще требует изучения.

Вспомним теперь о третьем смысловом явлении в рассмотренном нами фрагменте «Сказания о Борисе и Глебе» — о наметившемся переходе символической характеристики княжеской жизни в характеристику реальную, о тенденции к превращению символов в детали целого, о зачатке цельной картины жизни князей. По словам Д. С. Лихачева, «использование богословских символов для построения на их основе целой художественной картины не редкость в древнерусской литературе»¹⁰. При характеристике человеческой жизни такая символическая картина оказывалась обобщенно-реальной картиной; сравним, например, изображение суетной жизни знати: «Къде сильнии, къде мятежь безгоднии, къде обедъ много брашно имеи, къде вечера, къде пиущии съ трубами и съ плясаниемъ, къде плясания и пития?»¹¹. Подобные смысловые явления, а они не очень часты, также можно принять за первичную единицу изобразительности для древнерусской литературы.

Но сравним перечни символов с перечнями действительно реальных частей реального целого. В памятниках X — начала XII вв. были распространены, например, описания внешности людей; вступительное слово перечня называло объект описания, а элементы перечисления обозначали наглядные, броские части или детали этого объекта: «... кнеза видети седеща въ сраце бисромь покидыане, гривну цетаву на выи носеща, и обручи на руку, поясомъ въльръмитомъ поясана, и мьчь златъ при бедре висещь...»; «мужъ страшнъ видьмь и превеликъ... глава его, яко песья; а власи его превелици простърти; очи же его, акы звезда утрняя; и зуби его измьлять, акы вепрю дивьему»¹². Ср. дополнительную статью в конце «Сказания о Борисе и Глебе»: «О Борисе, какъ бе възъръм. Съ убо благоверьнии Борисъ ... тельмь бяше красьнъ, высокъ, лицьмь круглъмь, плечи велице, тнькъ въ чресла, очима добраама, весель лицьмь, (бо)рода мала и усь, — младъ бо бе еще...» (58.1). В определенном изобразительном эффекте таким перечням отказать нельзя, хотя чисто изобразительные задачи авторы здесь специально и не ставили. В сопоставлении со стройными перечнями деталей человеческой внешности перечни символов-деталей человеческой жизни менее последовательны, более хаотичны, а это свидетельство того, что изобразительные оттенки в перечнях символов-деталей возникали стихийно. Но именно такие «полухудожественные» явления, по-видимому, преобладали в древнерусской ли-

¹⁰ Лихачев Д. С. Поэтика... С. 166.

¹¹ «Слово о терпении» Иоанна Златоуста, 442.2.

¹² Шестоднев, составленный Иоанном ексархом болгарским / Подгот. к печ. О. М. Бодянский // ЧОИДР. М., 1879. Кн. 3. Л. 195 об. «Мучение Христофора» // Успенский сборник... С. 178, стб. 1.

тературе раннего периода. Трудность изучения подобных «полухудожественных» архаических смысловых явлений, структур, форм, единиц заключается в неотчетливой сложности их семантических оттенков и в определении меры приближения их смыслов к явственной изобразительности.

Нужно признать, что мы рассмотрели не все смысловые оттенки во фрагменте из «Сказания о Борисе и Глебе»¹³. Здесь есть два смысловых явления, которые особенно трудны для распознавания и требуют несколько иных способов их выявления. Поэтому мы анализируем их отдельно. Место первое: «... и багряница, и брячины, серебро и золото, вина и медове, брашня четьстная ...». Здесь перечисляются разновидности княжеских богатств. Но не только. Последовательность перечисления не совсем обычна. В памятниках X — начала XII вв., как мы уже знаем, прежде всего выделялся логический состав богатств и поэтому виды богатств обычно перечислялись в определенном, устойчивом порядке, по степени их ценности: золото, серебро, камни, одежды или ткани, сосуды, еда. Например: «... имати злато, и серебро, и паволоки»; «и дасть ей дары многи: злато и серебро, паволоки и съсуды различныя»; «показа имь богатство свое. Они же видевшие бецисленное множество — злато, и серебро, и паволоки ...»; «показаша ему все богатство и храмы, сътворены златомъ, и серебромъ, и каменiemъ драгымъ, и бисеромъ»; «всякою красотою украси: златом, и серебромъ, и каменiemъ драгимъ, и съсуды честными»; «дамъ же ти злато, и серебро, и ризы бесценны»; «льстити ты начьнуть златьмъ, или срьбрьмъ, или ризами, или ядьми различными»¹⁴. Сразу заметно, что в отрезке перечня из «Сказания» порядок элементов иной. Вероятно, в перечень здесь примешался и какой-то иной смысл.

Можно предполагать, что автор «Сказания» имел здесь в виду нечто вроде княжеских пиров. Но доказать это трудно. Пир прямо не упоминается в данном фрагменте. А в памятниках X — начала XII вв. при описании пиров не было традиционным, устоявшимся то сочетание элементов перечисления, которое мы находим в данном фрагменте из «Сказания о Борисе и Глебе».

Тогда обратимся к каждому элементу перечисления и к его привычным связям с какими-либо предметными явлениями (смысловая ассоциативная связь «часть — целое»). Первыми в данном отрезке перечня упомянуты «багряница и брячины». В произведениях X — начала XII вв. названия праздничных одежд не-

¹³ Например, о художественном мотиве «богатство — суета сует» см. следующую за этой работу.

¹⁴ «Повесть временных лет». Под 944, 955, 1075 гг., 60, 76, 210; «Житие Константина Философа». По списку XV в. // *Лавров П. А.* Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930. С. 10; «Слово о Законе и Благодати» Илариона. По списку XV в. // *Розов Н. Н.* Синодальный список сочинений Илариона — русского писателя XI в. // *Slavia*. 1963. Роѡ. 31. № 2. С. 168; «Житие Вита, Модеста и Крестяниции» // *Успенский сборник...* С. 226, стб. 1; «Житие Февронии» // Там же. С. 235, стб. 1.

редко связывались с обозначением торжественных пиров, обедов, вечерь, трапез и пр. Первым обычно упоминалось торжество, затем — одежды. Например: «Въ вьнешнихъ бо праздньствиихъ житиискихъ глаголу въ нихъ же много, величанье и вьнешнимъ одеаниимъ»; или: «... и бывъшу дни праздничьну, мати его начать велети ему облещи ся въ одежду светьлу на служение. Вьсемъ бо града того вельможамъ въ ть день възлежащемъ на обеде у властелина, и повелено бе убо блаженууму Феодосию... да облечеть ся в одежду чисту»¹⁵. Однако четких связей «багряница — пир», «брячины — пир» в памятниках не прослеживается. Поэтому указанные слова нельзя безусловно связывать только с обозначением пира.

Далее во фрагменте из «Сказания» упомянуты «сребро и золото». В произведениях X — начала XII вв. упоминание золотой и серебряной утвари на пирах обычно предварялось особой оценкой. Так, один из литературных персонажей поминал посуду на пиру в качестве примера соблюдения приличий: «... сьтвори хъ се красное дело ... вься съсуды златы тебе дахъ ... пирь великъ сьтвори хъ...»; другие персонажи, упоминая утварь на пиру, наоборот, сетовали на несоблюдение приличия на пиру: «Зло есть нашим головам: да намъ ясти деревянными лъжицами, а не сребряными»¹⁶. Золотая и серебряная посуда считалась приличествующим, должным признаком пиров. Упоминание золотой и серебряной посуды могло указывать на пир. Однако словосочетание «сребро и золото», употребленное во фрагменте из «Сказания», в такой форме в памятниках не обозначало серебряных и золотых сосудов или утвари; оно обозначало ценности или деньги. Так что и этими элементами перечисления пиры не подразумевались.

Затем в рассматриваемом отрывке перечислены «вина и медове, брашьна». При описаниях пиров, обедов и пр. в памятниках X — начала XII вв. чаще всего упоминались именно эти детали и, как правило, после главного определяющего слова: «... обедь много брашьно имейи»; «да не посмеются приходящи к вам ни дому вашему, ни обеду вашему ... чтите гость ... брашном и питьемъ»; «ити на трапезу ... причаститися брашьна того»; «въ пире меда не облыгаи»; «творяху пирь ... едаху и пияху вино»; «сьтвори праздник великъ, варя 300 проварь меду ... устави пирь творити ... Бываше множество от мясь, от скота и от зверины»¹⁷. Можно предполагать, что смысловая связь «вино — пир», «меды — пир»,

¹⁵ «Слово на тридневное воскресение Христа» // Супрасльская рукопись / Изд. подгот. С. Седерьянов. СПб, 1904. Т. 1. С. 491; «Житие Феодосия Печерского» Нестора, 78.2—79.

¹⁶ «Житие Иринии» // Успенский сборник... С. 143, стб. 1—2; «Повесть временных лет». Под 996 г., 140.

¹⁷ «Слово о терпении» Иоанна Златоуста, 442.2; «Поучение» Владимира Мономаха. По списку 1377 г. // ПЛДР. Т. 1. / Текст памятника подгот. О. В. Творогов. С. 400; «Житие Феодосия Печерского» Нестора, 121.1.; «О меду» // Изборник 1076 г. С. 403; «Житие Иова» // Успенский сборник... С. 160, стб. 2 — С. 161, стб 1; «Повесть временных лет». Под 996 г., 140.

«брашна — пир» была одной из привычных и прочных связей. Таким образом, только три элемента во фрагменте «Сказания» — вина, меда, брашна — остаются тесно связанными с обозначением пиров. Однако в памятниках X — начала XII вв. сочетание вин, медов, брашен само по себе не обязательно обозначало только пиры и ничего другого. Оно могло указывать и лишь на разновидности пищи, например: «... на возехъ возити брашно по граду, и овощь, и медь, и вино»; «... приимаи на пищу и вино, егда же есть, и брашны...»¹⁸. Кроме того, упоминание вин, медов, брашен могло означать утехи, веселье вообще: «Вась веселить вино»; «взя ... корчагу лагоднаго вина ... да възвеселятся днесь»; «медь въ веселие дано бысть»¹⁹. И все-таки в пользу предположения о «пировом» значении этих трех элементов свидетельствует отношение последующих переписчиков к тексту «Сказания». Что-то им подсказывало мысль о княжеских пирах, и, например, составители авторитетных «Великих миней четых» митрополита Макария при переписке «Сказания о Борисе и Глебе» ввели в данный перечень уже прямое указание на пиры: слово «брячины» они заменили словами «брачные пирове»²⁰. Любопытно также, что в лицевом списке «Сказания» XIV в. есть изображение пира, упоминаемого в дополнительных чудесах к «Сказанию», и на миниатюре нарисован стол, уставленный посудой, пожалуй, с теми же винами, медами и брашнами²¹. В общем, данный отрезок перечня в «Сказании» имел исчезающе слабое картинно-изобразительное значение пира. Перед нами не то что «полухудожественная» смысловая единица, а «четвертьхудожественная» единица или того менее. Степень изобразительности выделяемых в памятниках текстовых смысловых единиц также подлежит дальнейшему изучению.

Перейдем ко второму трудному месту в рассматриваемом отрывке из «Сказания»: «... быстрии кони, и долове красьнии и велиции, и имения многа...». Такое сочетание, возможно, означало богатые княжеские дворы, хотя дворы прямо не назывались. В произведениях X — начала XII вв. дома, строения не-

¹⁸ «Чтение о житии и о погублении Бориса и Глеба» Нестора // Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / Изд. подгот. Д. И. Абрамович. Пг., 1916. С. 5; «Житие Федора Студита», 383.

¹⁹ «Мучение Василиска» // Супрасльская рукопись. Т. 1. С. 19; «Житие и чудеса Николая Мирликийского». Третье чудо («о вине»), русского происхождения, XI в. По списку XIV в. // Житие и чудеса св. Николая Мирликийского и похвала ему / Изд. подгот. архимандрит Леонид. СПб., 1881. С. 41; «Апостола Паула» // Изборник 1076 года. С. 686.

²⁰ Из «Великих миней четых» на июль. По Софийскому списку XVI в. // Жития святых мучеников Бориса и Глеба. С. 30, сноска 43.

²¹ См.: Сказания о святых Борисе и Глебе: Сильвестровский список XIV века / Изд. подгот. И. И. Срезневский. СПб., 1860. С. 125; *Айналов Д. В.* Очерки и заметки по истории древнерусского искусства. IV. Миниатюры «Сказания» о святых Борисе и Глебе Сильвестровского сборника // ИОРЯС. 1910. Т. 15, кн. 3. С. 121.

редко мыслились частью дворов; устойчивой была ассоциативная связь «строение — двор». Об этом свидетельствует повторяемость формы их упоминания, главное слово («двор») обычно стояло первым, затем указывался признак (здание, строение): «... Человек ... пришедъ изьдалече къ преворамъ кнежю двору ... и етръ въшедь, видить на обе стране храмы стоеше»; «... сътвори дворъ близъ монастыря своего и церковь възгради въ немь»; «приидохомъ къ двору тому... и видехомъ градъ сушь высокъ зело»; «дворъ теремный, бе бо ту теремъ камень»; такой порядок соблюдался даже при самом беглом упоминании дворов: «... розьяша дворъ около него. Онъ же стояше на сенехъ»; «на дворе въ гридьнице пиръ творити»; «придоша на княжь дворъ ... сидящю на сенехъ», «токмо остана дворъ монастырьскый Печерьскаго монастыря и церкви, яже тамо есть», «приеха ... на княжь дворъ ... и идоша в ыстобку»²².

В произведениях X — начала XII вв. «имения», материальные богатства мыслились частью дворов; первым в текстах обычно назывался двор, затем упоминались или перечислялись богатства, например: «Егда крепькы въоружься хранить свои дворъ, в мире суть имение его»; «... приходити на дворъ княжь и взимати всяку потребу, питье и яденье ... хлебы, мяса, рыбы, овощь разноличный, медь въ бчелках... квась»; «дворъ же князь разграбиша, бещисленное множьство злата и сребра, кунами и белью»²³.

«Дворы» и «кони» в памятниках связывались несколько иным образом. На конях князя и знатные люди подъезжали ко дворам или въезжали во дворы. Именно эту ситуацию памятники упоминали прямо или косвенно: «И приеха въ мале дружине на княжь дворъ»; «приехавъ и съседе съ коня, — ни бо николи же еха на дворъ монастырьскый»; гостей звали на княжеский двор, а они сразу же стали перебирать средства передвижения: «Не едемъ на конихъ...»²⁴.

Однако все указанные ассоциативные связи слов «кони», «домове», «имения» не были ни очень распространенными, ни резко преобладающими. Предположение о том, что автор «Сказания» в анализируемом месте перечня мог иметь в виду княжеские дворы, подтверждается лишь следующим наблюдением. Один из князей в «Сказании», Святополк, открыто связывал, как бы приравнивая, свое княжение и дворы: «... и къняжение мое приметъ инъ, и въ дворехъ моихъ не будетъ живущааго» (50.2). Так что какое-то еле уловимое

²² Шестоднев, 195 об.; «Житие Феодосия Печерского» Нестора, 110.1, 120.1; «Повесть временных лет». Под 945, 983, 996, 1068, 1096, 1097 гг., 68, 96, 140, 184, 246, 250.

²³ «Зографское евангелие» // Жуковская Л. П. Текстология и язык древнейших славянских памятников. М., 1976. С. 23; «Повесть временных лет». Под 996, 1068 гг., 140, 184.

²⁴ «Повесть временных лет». Под 1097 г., 250; «Житие Феодосия Печерского» Нестора, 94.1; «Повесть временных лет». Под 945 г., 70.

припоминание о княжеских дворах вроде бы присутствовало в рассмотренном фрагменте из «Сказания о Борисе и Глебе».

Изучение архаических смысловых единиц древнерусских текстов с учетом исторической изменчивости категорий изобразительности — тема исключительно обширная и многообразная. В предложенной работе намечены лишь самые первые шаги в данной области, но уже видно, каким трудным для семантического анализа оказывается «Сказание о Борисе и Глебе».

1983, 1999 гг.

3. ВИДЫ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ОБРАЗНОСТИ В «СКАЗАНИИ О БОРИСЕ И ГЛЕБЕ»

Речь идет об архаических смысловых образованиях, которые мы лишь условно называем художественной образностью, а занимаемся на самом деле авторской манерой описания различных явлений мира в «Сказании о Борисе и Глебе».

Начнем с того, что же наиболее близко подходит в «Сказании» к нашему современному пониманию образности. Вот сравнение, использованное автором «Сказания»: к Глебу приближаются убийцы, «обнажены меча имуще въ рукахъ своихъ, бльщаща, акы вода» (51.2). Блеск обнаженного оружия обычно описывали в литературе того времени, и автор «Сказания» следовал этой традиции неоднократно, например: «И абие узьре текущихъ къ шатъру блистание оружия и мечное оцещение» (48.1). Но в памятниках блеск оружия, как правило, сравнивался с блеском молнии, солнца, зари. Сравнение же с блеском воды было не традиционно, во всяком случае, редко. Можно напомнить лишь один прецедент — описание копья Голиафа в Библии: «И копие в руку его, яко вода, ищищено блещася» (131 об. 1. Первая книга Царств, гл. 17)¹. В «Сказании»

¹ Цитируемые произведения: Библия // Библия. Острог. 1581. Указываются листы и столбцы издания; «Житие Николая Мирликийского» // Житие Николая Чудотворца. М., 1643. Указываются листы издания; «Житие Феодосия Печерского» Нестора // Успенский сборник XII — XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971. Указываются страницы и столбцы издания; «Изборник» 1073 г. // Изборник Святослава 1073 г.: Факсимильное изд. М., 1983. Указываются листы издания; «Повесть об убийении Андрея Боголюбского» // ПСРЛ. Т. 2. Указываются столбцы издания; «Поучение» Владимира Мономаха // Летопись по Лаврентиевскому списку / Изд. подгот. А. Ф. Бычков. 3-е изд. СПб., 1897; «Сказание о Борисе и Глебе» // Успенский сборник...; «Сказание о черноризчестем чину» Кирилла Туровского // *Еремин И. П.* Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ. Т. 12; «Сказание чудес Бориса и Глеба» // Успенский сборник...; «Слово в великий четверток» Иоанна Златоуста // Успенский сборник...; «Слово на

несколько иначе: признак воды — то, как она блестит, — был перенесен автором на меч, на целое сборище выставленных мечей — возник неожиданный образ, который производит впечатление и сейчас: здесь видится современному критику П. В. Палиевскому «серо-белый плеск и мерцание» мечей, «число значений, содержащихся здесь, нельзя описать даже в вероятностном приближении, потому что значений тут сколько угодно»². Однако этот образ полновесным считать нельзя: больше ничем, кроме лаконичного сравнения, автор «Сказания» не обозначил то, какими ему виделись мечи и каким представлялся блеск воды. Думается, толчок к созданию образа дал контекст, в котором автор рассказывал о Глебе, плывшем по реке. Убийцы, прыгая к Глебу со своей лодки, обнажили мечи над водой. Так было подсказано автору «водное» сравнение.

Образы-тропы единичны, не развиты и даже как-то случайны в «Сказании», где гораздо чаще встречается иной вид образности, который уже нельзя называть художественной. Это отрывки с более или менее выраженным изобразительным смыслом. Их только для краткости мы называем образами.

«Нагнетательная» образность

Древнерусские писатели XI—XII вв. хорошо владели таким видом перечня, как нагнетание однородных качеств объекта изложения. Нагнетание служило не столько украшающей амплификацией, сколько изобразительным средством. Простейший случай — перечисление двух синонимов. Например, в «Сказании чудес Бориса и Глеба», примыкающем к «Сказанию о Борисе и Глебе» в «Успенском сборнике», рассказывалось о том, что один человек нечаянно наступил на могилу святых, от которой изошел огонь, и стали его ноги «опалене и ожъжене» (60.1). Сочетанием двух близких определений был создан образ заметной, но поверхностной, безболезненной, так сказать, предупреждающей пораненности ног персонажа, который, действительно, «искочивъ, начать поведати и нозе показывая своеи дружине». При отсутствии общепринятой классификации образов, тем более архаических, такой «малый» образ можно условно назвать «нагнетательным».

«Нагнетательные» смыслы были особенно часты в «Сказании о Борисе и Глебе». Каждое важное явление в «Сказании» предстало подчеркнуто усилен-

упивающихся» Иоанна Златоуста // ВМЧ. Сентябрь, 14—24; «Слово о терпении» Иоанна Златоуста // Успенский сборник...; «Слово похвальное Кириллу и Мефодию» // Успенский сборник...; «Шестоднев» Иоанна Экзарха // Шестоднев, составленный Иоанном ексархом болгарским: По харатейному списку Московской синодальной библиотеки 1263 года. Слово в слово и буква в букву / Изд. подгот. О. М. Бодянский // ЧОИДР. М., 1879. Кн. 3. Указываются листы и столбцы издания.

² Палиевский П. В. Литература и теория. М., 1979. С. 104. О традиционном изображении блеска оружия см., например: Лихачев Д. С. Избранные работы: В 3 т. Л., 1986. Т. 1. С. 460.

ным, а внешне — сдвоенным. Так, застигнутый несчастьями человек мог плакать двумя плачами одновременно: «Отъ двою плачю плачю ся и стену, дъвою сетованию сетую и тужю. Увы мне, увы мне!» (51.1). Эти два «увы» Глеба не только по отдельности относились одно к умершему отцу, а другое к убитому брату, но в совокупности обозначили особенно горький плач, не в два, а во много раз сильнее обычного плача, что и отметил сам автор: «Блаженны възпы плачьмь горькымь и печалию сердечною» (50.2—51.1). Соответственно особо циничный злодей Святополк усугубил свою страшную судьбу: «И тако обою животу лиховань бысть — и съде... и тамо...» — и на земле, и на небе (54.2—55.1).

Чаще всего не счетом, а синонимичными повторами автор обозначал резко усиленную характерность качеств явлений³. Например, автор повторял: «Въ велице печали бяше Володимирь... и много печалаше ся» (43.2) — очень глубокая печаль. Положительный герой пребывал «въ мьнозе мысли ... како предати ся на страсть, како пострадати» (47.1) — эта «страсть» была у него неизбывной. Отрицательный герой был полон усиленных гнусных желаний: «А азъ ... къ болезни язву приложихъ, приложю къ безаконию убо безак(о)ние» (50.2). Характеристики героев постоянно составлялись из усиливающих сдвоений: положительные герои — «земля Русьская забрала и утверждение» (56.2), отрицательные «свьетники всему злу и началники всеи неправде» (46.1—2).

Даже о себе автор говорил в той же усилительно-сдваивающей манере. Например, о том, что он сугубо нерешителен: «ако похвалити не съвемъ или что рещи недоумею и не възмогу» (56.1). Нередко изложение велось сплошь в сдвоенных выражениях. Таков плач Бориса по умершем отце: «сияние и заре лица моего. Бъздо уности моее, наказание недоразумения моего ... отче и господине мои. Къ кому прибегну, къ кому възрю?... Увы, мне, увы мне!... Сердце ми горить, душа ми съмысль съмущаетъ. И не вемъ, къ кому обратитися и къ кому сию горькую печаль простерети» и т. д. (44.1—2) — безграничное отчаяние.

Автор сдваивал уже сдвоенное. Вот отчего появлялись, в частности, тройные сочетания — оригинальное творчество автора, а не привычные устно-фольклорные или молитвенные формулы. Например, очень сильную печаль героя обозначали не два, а три элемента: «въ тузе и печали, удручьнъмь сердцьмь» (46.2) — вероятно, потому что «туга и печаль» выступили как традиционное фразеологическое целое, к которому автор добавил уже им самим выбранное второе соответствие — «удрученное сердце».

Библейские сопоставления в «Сказании» тоже служили способом усиливающего удвоения: Святополк — это Каин, а Борис — Авель, Борис же со Гле-

³ Ср.: Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., доп. М., 1979. С. 169—175; Фрейданк Д. Повторы и их функции в Чтении о Борисе и Глебе // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985. С. 57—64.

бом — это Иосиф и Вениамин и т. д. Сопоставительная часть изложения, в свою очередь, удваивалась и утраивалась: мучение Бориса подобно мужскому мучению Никиты и Вячеслава, оно подобно мучению и женскому, Варвары (47.1).

Усиливающие сдвоения распространялись на все произведение. Праведность Бориса повторялась в Глебе: они вдвоем — «меча обоюду остра» (56.2). Вместе с Борисом переживали горе окружающие его люди — всеохватывающая печаль. Борис умирал дважды, пока не умер окончательно — так мучился. Святополк совершил два убийства — такой неистовый злодей.

Обилие и разнообразие «нагнетательных» смыслов в «Сказании» было беспрецедентным для древнерусской литературы XI — начала XII вв., включая переводную. Конкретные византийские аналогии такому насыщению пока неизвестны. Его можно объяснить особенностью повествовательной манеры автора «Сказания», который изображал мир состоящим из отчетливых явлений с сильными и яркими признаками, а в этом деле у автора уже просматриваются литературные предшественники. Целая теория индивидуальности явлений мира по их качествам была изложена в «Шестодневе» Иоанна Экзарха: «Коемуждо — качество, по нему же знати будеть, им же се от инехъ отлучаеть» (72 об. 2, 73.1), «коеждо свое отдельно иматъ качество, им же инехъ се отлучаеть, и то коеждо, яко же иматъ, то по тому се познаваетъ: вода бо свое качество, рекыше студнство иматъ, а въздухъ — влагу, огонь же — теплоту» (89.1). И еще приводились примеры разграниченности явлений мира как неписанный закон: «Колико зло есть, еже свои чинь комуждо преступати и уставные пределы без боязни миновати. Сие же уставы предельные видети есть, како ти бездушные вещи хранеть. Море, бурями мутимо и надымающи се на суседу земль, е и пориваемо, песка се стыдить и на точныхъ предель не рачить преступати... не писаныи законъ виде, пескомъ написанъ, и възпеть се възвращаеть» (3 первого счета, стб. 1—2). Признаки каждого явления вечны: Бог «вложи же въ ты твори елико же велеаше състояти се леть силу доволну. Сего цеца и земле пребываеть, яко же в испрва створена. И море не худееть, ни увеличит се. И въздухъ, яко же испрва прие естество, тако же и с досели хранитъ» и т. п. (4 первого счета, стб. 1—2).

О том же кратко упоминал Иоанн Златоуст: «Нъ и небо, и земля, и море, и все видимое и невидимое милостию Божию бысть, и състоить ся, и хранитъ ся» («Слово в великий четверток», 339.1). Краткие и невразумительные рассуждения «О лицах», то есть об индивидуальном, были включены в «Изборник» 1073 г.: «Лице же есть еже своими деиствы и своиствы явлено и отьлучено оть единоествьныхъ ему», «нерасекаемо еже собьство, рекыше лице нарекоша, собьство же и лице суштее чьястьно есть» (226 в, 228 а).

Из древнерусских писателей XI — начала XII вв. по тому же поводу рассуждал Владимир Мономах в своем «Поучении»: «Иже кто не похвалитъ, ни про-

славляет силы твоя и твоихъ великихъ чудесъ и добротъ, устроенныхъ на семь свете: како небо устроено, како ли солнце, како ли луна, како ли звезды, и тма, и светъ, и земля на водахъ положена, Господи, твоимъ промыслемъ! Зверье розноличнии, и птицы, и рыбы украшено твоимъ промыслемъ, Господи! И сему чуду дивуемъся, како от персти создавъ человека, како образи розноличнии въ чело-вечьскихъ лицахъ: аще и весь миръ совокупить, не вси въ одинъ образъ, но кый же своимъ лицъ образомъ по Божии мудрости» (235—236)⁴.

Однако эти философские размышления отнюдь не гарантировали изобразительности на практике. Судя по «Сказанию о Борисе и Глебе», широкая изобразительность была характерна для литературной манеры именно этого автора.

Стремление к изобразительности у автора выразилось в нетрадиционно частом употреблении слов «зрети», «узрети», «воззрети», «видети» в повествовании о персонажах, зрением которых все выхватывалось волнующе, конкретно, детально и резко: «узрю ли си лице брата моего» (44.2—45.1), «вижь течение слъзь моихъ» (52.2), «узре... блистание оружия» (48.1), «видеша стълпъ огньнъ» (53.2—54.1), «зря къ иконе» (47.2) и пр. Смотрели довольно долго: «Что стоите зряще?» (48.2). Рассматривали друг друга взаимно: «И яко узре я святыи... а они узревъше» его (51.2). Впитывали впечатление зрением и слухом вместе: «оного съмерение видя и слыша» (49.2), «услыши гласъ мой и призри и вижь приключыша ся» (52.2). Думали через зрение: «Си видевъ блаженыи, разумевъ» (51.2), «вижь, Господи, и суди» (53.1). Сильные эмоции мешали отчетливому зрению, очи затуманивались слезами: «И възревъ на небо съ слъзами» (48.2), «възревъ къ нимъ умиленама очима и слъзами лице си умывая» (51.2).

Автор «Сказания» был склонен к изображению эмоций. Он разделял потрясение всех, кто услышал о трагедии Бориса и Глеба, и сам готов был плакать: «Къто бо не въсплachtet ся съмръти тое пагубное, приводя предъ очи сердца своего?» (45.2), «къто бо не почюдитъ ся...?» (49.2), «съ слъзами припадающе молимъ ся» (57.2). Автор сам или устами своих героев отмечал постоянно, кто кого любит или ненавидит: «ненавидя мене» (49.1), «не любляше его» (43.1), «любимъ предъ лицемъ матери своей» (44.1). И как кто любит — то без пылкости, деловито: «приязньство имеете» (46.1), то тянется к добрым отношениям: «целованиа чаяше отъ нихъ прияти» (51.2), то чересчур проявляет благосклонность: «бе любимъ Борисемъ паче меры» (48.2). Автор благославлял подлинность чувства: «Тъкмо помощь... отъ нелицемерныхъ любве» (45.2). И сразу же разоблачал обманное предложение «любвѣ имети»: злодей «льстиво, а не

⁴ О «Шестодневе» Иоанна Экзарха и «Поучении» Владимира Мономаха см.: Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 137—139. Ср. также: «... основная идея “Шестоднева” — восхищение разнообразием мира, неповторимостью отдельных его объектов, их многочисленностью» (Там же. С. 228).

истину глаголя» (46.1). Самое горькое — когда герой не находил любовного отклика, и тогда долго передавались его жалобы: «И никто же не вънемлетъ ми...» (52.2).

Автор всегда держал в поле зрения меняющиеся настроения действующих лиц — их печаль, горе, уныние, «сокрушение сердца», радость, утешенность, умиление, веселие, «омрачение», страх, трепет, зависть, «вознесение сердцем», удивление, обиду и т. п. Их действия и раздумья изображались вместе с их чувствами «въ сердци». Каждый герой так страстно стремился к своей цели: Борис хотел «все пристрадати любве ради» (47.2), Святополк — «на братоубиство горяща» (46.1), «и на большая неистовя ся» (50.1), Ярослав — «не тьрпя сего зьлааго убиства» (54.1). Чувство даже мешало восприятию реальности: Глеб, радуясь встрече с людьми, не распознавал в них своих убийц, а Святополк от ужаса видел преследователей там, где их не было. Возможно, все это происходило в действительности, но автор «Сказания», пожалуй, первым в древнерусской литературе столь обильно и неравнодушно показал чувства героев. Причем взволнованные речи героев приводились в «Сказании» как бы полностью: такое обилие неосновано длинных речей необычно для того времени. Они короче и суше даже в риторичном «Чтении о Борисе и Глебе».

Для автора «Сказания» была характерна также напряженность в изображении хода событий, увлеченность ими. Она толкала автора к не запланированным нарушениям строгой последовательности повествования, и он отвлекался к иным фактам, правда, поправляя себя тут же: «...инде съкажемъ. Ныне же несть время. А о сихъ по ряду сице есть» (43.1), «нъ се остаану много глаголати, да не многописании въ забыть вълеземъ. Нъ о немъ же начахъ си съкажемъ убо сице» (43.2). Герои «Сказания» в своих речах тоже вдруг забежали вперед и предвидели будущее: Борис — свою гибель, Святополк — свою неудачу. Но и эти перескоки прерывал или сам герой: «Темъ же что реку или чьто сътворю?» (44.2), либо же автор: «Яко же и бысть, еже последи съкажемъ. Ныне же несть время, нъ на предълежащее възвратимъ ся» (50.2).

«Событийная» напряженность автора проявлялась еще и в нередком употреблении слова «абие» и ему подобных. «Абие» эмоционально означало не энергичность действий героев, а внезапность переломных состояний: «и абие узьре» (48.1), «и абие усъпе» (49.2), «нъ ту абие въниде въ сердце его сотона» (50.1), «и абие въсемь весла от руку испадоша и въси отъ страха омьртвеша» (51.2), «приспеша вънезапу» (51.1). Да и герои тоже мыслили события быстро наступающими: «мнехъ въбързе узьрети» (51.1), «повеле зарезати и въбързе» (53.1).

Автор, преувеличивая значительность событий, исключительно часто употреблял слово «все»: «всехъ милуя и вся набъдя» (45.2), «всю надежу свою на Господа положиль есть» (46.1), «имьи въ руку вся воя отца моего и вся лю-

бимья отцемъ моимъ» (49.1), «по вьсемъ сторонамъ и по вьсемъ землямъ преходяща, болезни вься и недуги отьгонита» (56.1), «а вы не о единомъ бо граде, ни о дьву, ни о вьси попечение и молитву въздаета, нъ о всеи земли Русьскеи» (56.2—57.1). Ср., по наблюдению О. В. Творогова, «распространенный в средневековой литературе «максимализм»: если радостен, то обязательно «зело» или «вельми», если плач, то обычно «велик»⁵.

Создатель «Сказания о Борисе и Глебе» оказался уникален напряженной изобразительностью своего повествования. В XII в. гораздо меньшей изобразительности добились те, кто писал под влиянием «Сказания». Например, автор «Повести об убиении Андрея Боголюбского», использовавший много выражений и повествовательную манеру «Сказания», лишь риторически удлинит перечни в своей «Повести», что привело к утрате образности. Так, в начале «Повести об убиении Андрея Боголюбского» рассказывалось о новопостроенной великолепной каменной церкви, и в этом одном из самых длинных описаний здания в непереваемой древнерусской литературе XI — XII вв. была подчеркнута мысль о роскоши церкви: князь «удиви ю паче всихъ церкви», «удиви ю светлостью же, не како зрети», «яко и всимъ приходящимъ дивитися, и вси бо, видевше ю, не могутъ сказати изрядныя красоты ея», «изъмечтана всею хытростью» и т. п. Обобщенно указана масса предметов, заполнивших собор: иконы, золото, камень, жемчуг, цаты, сосуды, финифть, рипиды, кадила и пр. — все они многообразные, великие и бесценные. Затем обрисовано богатство внутреннего пространства: «издну церкви, от верха и до долу, и по стенамъ, и по столпомъ ковано золотомъ, и двери же и ободверье церкви златомъ же ковано, и бьшеть же и сене златомъ украшена от верха и до деисиса» (581—582). Однако образа не возникло, потому что детали не создавали зримого целого в логически построенном описании.

То же и с изображением эмоций. Чувства героев в «Повести об Андрее Боголюбском» названы такие же, как в «Сказании о Борисе и Глебе»: «скрушеномъ сердцемъ, и уздыханье от сердца износя, и слезы от очью испущая» (583), «трепещющи» (587) и пр. Но взволнованные речи и плачи героев уже коротки и передаются одной фразой: «И нача плакати над нимъ Кузмище: “Господине мои, како еси не очютиль... или како ся не домыслиль...” — и тако плакася» (590). По сравнению со «Сказанием» в «Повести» больше выражено не непосредственных проявлений чувств, а несколько отстраненного удивления автора и персонажей: «всимъ приходящимъ дивитися» (581), «подобна быста удивле-

⁵ Творогов О. В. Стилистические особенности романа об Александре Македонском // Александрия: Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века. М.; Л., 1965. С. 173.

нию» (582), даже ангелы «удивишася» (585). Эмоции в «Повести» холоднее и слабее, чем в «Сказании».

«Событийная» напряженность «Повести» тоже проявлялась по образцу «Сказания», но урезанно и ослабленно: однажды процитирован псалом (583), однажды перебито изложение («мы же на преднее възвратимся» — 593), однажды использована игра слов — узко в традициях «Сказания» («О, горе вамъ нечестивии, что уподобистеся Горясеру» — 587). Автор «Повести» все-таки уже больше рассуждал, а не изображал. Отсюда пословичные назидания: «Аще бо не напасть, то не венець. Аще ли не мука, то ни дарове» (584), «идеже законъ, ту и обидь много» (592). Автор «Повести» находился лишь в тени «Сказания».

«Срединная» образность

Наряду с «нагнетательными» образами в «Сказании о Борисе и Глебе» были распространены также «малые» образы иного типа: каждый из них возникал в результате объединения автором двух взаимоисключающих качеств в описании объекта, но мыслимых как одновременные. В формальной логике столкновение противоположностей ведет к алогизму, в литературе же порождает некое «срединное» смысловое целое. Это видно на примере следующей мысли в «Сказании о Борисе и Глебе». Автор считал Бориса и Глеба людьми и одновременно ангелами: «Ангела ли ва нареку... человека ли ва именую?» На каждое отдельное из этих утверждений автор находил контрдоводы: Борис и Глеб — люди, но «паче всего человекьска ума преходита множьствьмъ чудесь и посещениемъ немощныхихъ»; Борис и Глеб — ангелы, «нъ плтьскы на земли пожила еста въ человекьстве». Автор испытывал недоумение и находил ответ в некоей «срединной» категории: «По истине несумьньне рещи възмогу: вы убо небесьяна человека еста, земляная ангела» (56.1—2) — полуангелы, полулюди.

Автор «Сказания» не сам открыл этот смысловой «кентавр», а скорее всего просто следовал традиции риторических похвал подвижникам. Сходные сочетания употреблялись в оригинальных и переводных житиях того времени, например, в «Житии Феодосия Печерского» Нестора: «Преподобьнии же отецъ нашъ, иже по истине земльнии ангелъ и небеснии человекъ» (88.2), в «Слове похвальном Кириллу и Мефодию»: «быста небесьяна человека и земьяная ангела» (207.1). Кирилл Туровский в «Сказании о черноризчтем чину» трезво пояснил: выражающиеся так имеют в виду «не небесных аггел... но земных аггел, сиреч преподобных муж законодавецъ, иже в ветсемь и новем законе в телесней чистоте богоугодно послужиша; таковии бо человеци аггели нарицаются» (360).

«Срединный» образ в «Сказании о Борисе и Глебе» получался особенно эффектным, когда возникал на основе «нагнетательного» перечисления. Так, автор перечислил признаки роскошной жизни князей: «И багряница, и брячины,

сребро и золото, вина и медове, брашна чьстная, и быстрии кони, и долове красьнии и велиции, и имениа многа, и и дани, и чьсти бещисльни, и гьрдения яже о болярехъ своихъ» (45). И тут же автор заявил: «Уже все имь акы не было николи же, вся съ нимь ищезоша, и несть помощи ни оть кого же сихъ — ни оть имениа, ни оть множьства рабъ, ни о(т) славы мира сего». Вот богатство есть, а вот его нет — получился «срединный» образ зыбкого, исчезающего богатства и быстро промелькнувшей богатой жизни, что автор определил, сославшись на слова Соломона: «Вьсе суета и суетие суетию буди» (45.1—2).

Разумеется, многие детали этого образа были традиционными. Ср., например, облик богача в «Слове на упивающихся» Иоанна Златоуста: «иже трапезы наслаждьшагося многоснедны, и иже ризами одеяннаго брачинными, и раб множьство водящаго, и обходяща по торжишу» (1041). Традиционен был и прием изображения суетной человеческой жизни путем столкновения противоположных соседящих повествований: о чем-то наглядном, осязаемом и вдруг исчезнувшем. Ср. в «Слове о терпении» того же Иоанна Златоуста: вот есть живой величавый человек, «доброта» его лица, ясные очи, «лепые» волосы, вознесенная шея и т. д.; и вдруг нет живого человека, лицо почернело, очи растеклись, волосы отпали, шея сокрушилась, в «пърсть бысть» — нарисован образ скоротечной жизни, «видимъ, чьто въ мале бываемъ» (447.1—448.1). Но в целом весь образ в «Сказании о Борисе и Глебе» — оригинальное творчество автора, хотя и в рамках архаической литературной традиции.

Нередко «срединный» образ не отличался отчетливостью. Так, автор «Сказания» как-то отметил, что Борис «плакаше ся съкрушеньмь сердцьмь, а душею радостною гласъ испущаше» — горе и радость сталкивались одновременно. Сочетанием противоположностей обозначалось «срединное» состояние Бориса — утешенность: «тъчию утешаше ся» (46.2—47.1). Автор нечетко выразил этот образ: рассказ о чувствах Бориса сбивчив, противоположение чувств не подчеркнуто, обозначение «срединного» результата косвенно и находимо в тексте с трудом, на границе другого эпизода.

Многие «срединные» образы в «Сказании» были еще более неотчетливыми: настолько медленно, вяло связывались противоположности в единое целое и настолько незаметно проскальзывало авторское обозначение «срединного» результата, если оно вообще присутствовало. Вот автор с прискорбием объявил о мученической смерти Бориса: «И абие усьпе, предавъ душу свою въ руце Бога жива месяца июлия в 24 день» (49.2). Но через несколько строчек автор рассказывал о Борисе нечто противоположное: Борис оказался жив и «начать въскланяти святую главу свою» (50.1). Благодаря противоречивости изложения зарождалось «срединное» по смыслу повествование автора о Борисе — не о мертвом и не о живом, а об умирающем. Образ очень слабый. Прямого авторского указания на

«промежуточное» состояние героя нет, только косвенно оно подтверждено в начале данного эпизода, когда один из слуг обращается к Борису с таким предупреждением: «красота тела твоего увядаетъ» (48.1—2) — показательное настоящее время глагола: тело «увядает», но еще не «увяло».

«Срединные» образы яснее ощущались там, где энергично сталкивались смыслы. Например, автор «Сказания» отметил, что Борис, горюя об умершем отце, «не могъи глаголати, въ сердци си начать сицевая вещати» (44.1). Привычно подразумевалось в литературе, в том числе и в «Сказании», то, что люди «вещают», «глаголят» вовне, к слушателям. Нетрадиционное же выражение «въ сердци вещати» оказывалось своего рода оксюмороном, создававшим «срединный» образ того, будто внутренняя речь Бориса напряженно рвется наружу. Этот смысловой оттенок, вероятно, ощущался автором. Поэтому длинная внутренняя речь Бориса была оформлена по правилам внешне произносимой речи, а в конце своего монолога Борис заговорил уже о внешнем выходе своих слов: «Къ кому обратити ся и къ кому сию горькую печаль простерети».

Большинство «срединных» смыслов все же являлись мимолетными для автора, их наличие не всегда доказуемо. Например, в «Сказании» были упомянуты гребцы в «лодье»: «И абие въсемь весла от руку испадоса, и въси от страха омьртвеша» (51.2) — явная противоположность обычной ассоциации о гребцах, оживленно и дружно двигающих руками и веслами. Образ в «Сказании» получился «срединный»: гребцы не двигались, но не умерли, а всего лишь «омьртвеша», то есть были полны внутреннего напряжения. Однако автор ничем не пояснил, действительно ли он вкладывал оттенок напряженной застылости в изображение гребцов. Образ, кстати, традиционный. Ср. Евангелие от Матфея, гл. 28: «От страха же его сотрясошася стрегущей и бышя яко мерьтви» (16 об., 1); «Житие Николы Мирликийского»: «яко и веслам испати из рукъ», «страх я великъ объять, и от страха падоса корабленицы» (225 об., 226).

Насыщенность «Сказания о Борисе и Глебе» экспрессивными, но несколько однообразными «нагнетательными» и «срединными» смыслами, по-видимому, относилась к одному из проявлений древнерусской архаической повествовательной манеры в XI — XII вв.

ОБЛИК ЧИТАТЕЛЯ В КНИЖНЫХ ПРЕДИСЛОВИЯХ XI — XII вв.

Книжные предисловия, тем более древнейшие, почти не изучены в литературном отношении, а между тем это сочинения специфические и, значит, любопытные. Ведь писатель прямо, а чаще косвенно описывает или обозначает два окружающих его мира: один, находящийся внутри произведения, — мир персонажей; другой же — ближний, примыкающий вплотную к произведению, читательский мир. В книжных предисловиях как раз и характеризуется мир читательский по преимуществу, разный в разные эпохи и очень неясный в эпоху древнейшую.

Прежде всего дадим источниковедческий обзор книжных предисловий, которых было довольно много в древнейшей книжности. Из 33 дошедших русских четых книг XI—XII вв. по крайней мере 14 рукописей, то есть более 40 %, содержат предисловия¹. Если учесть, что некоторые книги из числа 33 дошедших рукописей, имеющие предисловия в полных списках XI—XIV вв., имели такие предисловия в дефектных ныне списках XI—XII вв., то число книг с предисловиями увеличивается еще больше².

Правда, мы оперируем лишь небольшим числом рукописей XI—XII вв., а при подсчетах малые числа таят опасность больших искажений. Поэтому попытаемся добавить, хотя и сугубо предположительно, еще ряд крупных по объему четых сочинений, которые на Руси XI—XII вв. могли бытовать в виде отдельных рукописных книг. Это, во-первых, реально дошедшие читавшиеся на Руси рукописи болгарского и сербского происхождения XI—XII вв., например

¹ Ср.: Шеламанова Н. Б. Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР (для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, до конца XIV в. включительно) // Археографический ежегодник за 1965 г. М., 1966. С. 177—272. Указатель произведений к хронологическому списку Н. Б. Шеламановой см.: Жуковская Л. П. Памятники русской и славянской письменности XI—XIV вв. в книгохранилищах СССР // Сов. славяноведение. М., 1961. № 1. С. 57—71. О списках «Евангелия» см.: Жуковская Л. П. Текстология и язык древнейших славянских памятников. М., 1976. С. 355—366. По перечню Н. Б. Шеламановой, четыми русскими рукописями XI—XII вв. являются № 4, 5, 15, 16, 22—24, 29—32, 35, 44, 51, 57—59, 62, 65, 66, 73, 78, 79, 87, 88, 90—92, 94, 95, 119, 120, 132. Из них предисловия содержат № 4, 5, 15, 31, 57—59, 62, 65, 66, 78—79, 95 (части одной рукописи составляют № 78—79, а также соответственно № 29—30). Можно добавить к расчету четыре русские рукописи с широкой датировкой XII—XIII вв. № 136, 139, 141, 143—145, 157—160. Из них имеют предисловия № 136, 141. Итого: из 43 рукописей по крайней мере 16 книг, то есть более 37 %, с предисловиями.

² Например, «Пандекты» Антиоха дошли в полном списке XI в., с предисловиями, и еще в отрывке конца XI — начала XII в. По перечню Н. Б. Шеламановой, № 15 и 35. Ср. «Златоструй», «Паренесис» Ефрема Сирина, толковую «Псалтырь» и пр. — № 24, 29, 30, 44, 95. В дефектных списках или отрывках дошло около половины всех четых рукописей XI—XII и XII—XIII вв.

«Минеи четьи» типа «Супрасльской рукописи»³. Это, во-вторых, дефектные русские книги XI—XII вв., начало которых с известным риском восстановимо по более поздним спискам, например, сборник огласительных поучений Кирилла Иерусалимского, толковая «Толстовская псалтырь», отличающаяся от «Чудовской псалтыри», и «Пролог» за сентябрь-февраль⁴. Это, в-третьих, мелкие отрывки XI—XII вв. тех сочинений, состав которых также восстановим по более поздним русским рукописям XIII—XIV вв., например «Златоструй», «Паренесис» Ефрема Сирина, «Псалтырь», «Житие Иоанна Богослова», «Житие Саввы Освященного», толковая «Книга пророков»⁵. Наконец, в-четвертых, это рукописные книги, вероятно, существовавшие в XI—XII вв., но дошедшие только в поздних списках. Среди них толковый «Апостол», «Шестоднев» Иоанна Экзарха, «Житие Николы Мирликийского» с чудесами, некоторые «Патерики», «Хроника» Георгия Амартола, «Хроника» Иоанна Малалы, «История Иудейской войны» Иосифа Флавия, «Александрия», «Космография» Козмы Индикоплова, «Повесть временных лет»...

Предварительные дополнения вновь указывают на обилие книжных предисловий в XI—XII вв.: из 23 перечисленных нами сочинений, которые могли бытовать в виде отдельных рукописей, по крайней мере 18 содержат предисловия. Всего, таким образом, из 66 реально дошедших или предположительно существовавших четьих рукописных книг XI—XII вв. 34 рукописи (более 50 %) имели предисловия.

А ведь помимо книг предисловия содержались во многочисленных переводных сочинениях в составе сборников и в оригинальных древнерусских произведениях. Предисловия или вступительные части находим в анонимном «Сказании о Борисе и Глебе», в Несторовом «Житии Феодосия Печерского», в «Поучении» Владимира Мономаха, в «Хождении» игумена Даниила, в «Словах» Кирилла Туровского, в «Слове о полку Игореве» и т. д.

На примере дошедших древнерусских четьих рукописей XI—XII вв. можно увидеть, что предисловия мыслились относительно самостоятельной частью рукописных книг. Поэтому в роли книжных предисловий неоднократно использовались послания. Так, историко-повествовательное послание Антиоха Черноризца к Евстафию Атталинскому служило предисловием к «Пандектам» Антиоха в списке XI в., витиевато-учтивое послание Иоанна Лествичника к Иоанну Раифскому — предисловием к книге об антихристе в списке XII в.

В некоторых четьих рукописях XI—XII вв. предисловиями являлись особые пространные «прóлоги», обращенные специально к читателям, например, «Пролог умерен» в «Учительном евангелии» Константина Болгарского, «Пролог сотво-

³ По перечню Н. Б. Шеламановой, № 26.

⁴ Там же. № 34, 44, 158.

⁵ Там же. № 24, 28, 93, 94, 132 и 139.

рен Иоаномъ прозвительъмъ ексархомъ българскомъ» в «Богословии» Иоанна Дамаскина. Иногда в качестве предисловия выступало первое поучение в сборнике, обычно поучение о чтении книг, отличающееся своим содержанием от общего содержания сборника. Таковыми, например, были «Слово некоего калугера о чьтении книг» в начале «Изборника» 1076 г. или «Слово объемля сложение книг тълкование» в начале «Пандектов» Никона Черногорца. В иных же четых книгах XI—XII вв. предисловие бывало кратким, имело вид сравнительно небольшой вступительной части, все-таки особой по содержанию, как, например, предисловие о том, что «подобает ведати» читателям толковой «Чудовской псалтыри» XI в.⁶

При всем своем разнообразии предисловия и формально обозначались как особые по своей функции части книг и сочинений. Недаром они обычно отделялись от основного текста соответствующими заголовками, а иногда и специфической фразой о завершении «начатка»: «Нъ елма время ны ведеть к предълежащим, реченая бо в начатыце гонеешь...⁷, «нъ зоветь ны уже время учиновати реченья главы»⁸. Недаром некоторые «начатки» иногда переписывались и без основного текста. Так, в «Изборнике» 1073 г. среди прочих статей встречаем «Святаго Василиа в начало притъчь», «Евсевия Панфила от началословных повести» — только начала, только вступительные части сочинений. Выписки из основного текста сочинений сопровождалась иным заголовком: «Тогожде от пространних поспеении»⁹.

Будучи относительно самостоятельной частью книги, предисловие могло перемещаться с места на место. Тот же «Изборник» 1073 г. начинался с предисловия писца, которое повторялось еще раз вместо послесловия. В «Житии Феодосия Печерского» в «Успенском сборнике» предисловие также повторялось еще раз на месте послесловия. А в «Пандектах» Антиоха Черноризца в рукописи XI в. одно предисловие добавлялось к другому, происходила циклизация предисловий, и «Пандекты» открывались приписываемым Иоанну Златоусту «Словом, како подобает чтении послушати и внимати», затем шло уже упомянутое эпистолярное «Присылание Антиоха Чрьноризця» к Евстафию, а затем авторский «Пролог» к «Пандектам»¹⁰.

⁶ Два начальных листа рукописи писаны в XIV в., но восстанавливают утраченный ранний текст. См.: *Погорелов В.* Чудовская Псалтырь XI века, отрывок Толкования Феодорита Киррского на Псалтырь в древнеболгарском переводе. СПб., 1910. С. III. Рукопись — русская.

⁷ *Невоструев К.* Слово святого Ипполита об антихристе в славянском переводе по списку XII века... М., 1868. С. 11. «Гонети» — быть достаточным.

⁸ «Антиоха пролог» к «Пандектам» — «Троицкий сборник» конца XII — начала XIII вв. РГБ, собрание Троице-Сергиевой лавры, № 12, л. 65 об.

⁹ Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 года. СПб., 1880. Л. 66 об., 67, 155.

¹⁰ ГИМ, собрание Воскресенское, № 30, пергамен. См.: *Амфилохий.* Описание Воскресенской Новоиерусалимской библиотеки. М., 1875. С. 45—53. «Слово» Иоанна Златоуста писано иным почерком, но того же XI в.

Принадлежность всех этих предисловий к одной литературной форме закрепляется общностью их содержания, сходством их композиции. Во всех предисловиях особенно постоянными были три темы: прямые обращения к читателям и слушателям, рассуждения о значении чтения, пояснения о предлагаемом сочинении. Они-то и давали оценку читателям.

Читательский мир в предисловиях не так уж был прост. Комплекс предисловий XI—XII вв. ориентировался на современного читателя Киевской Руси. Это ясно из обращений к читателям. Авторы оригинальных древнерусских предисловий, бесспорно, обращались к своим современникам¹¹. В переводных же предисловиях (при переводных сочинениях) адресат переосмыслился книжниками и становился древнерусским читателем или слушателем. Внешне, из обращений к читателям, это не видно. Однако факт переосмысления косвенно подтверждается приписками писцов к переводным сочинениям. Например, переписчик XII—XIII вв. переводной «Кормчей» применил ее нравоучения даже к собственной персоне, делая пометы на полях рукописи против соответствующих мест: «О Офреме, държи си крепоко ум, грешнице», «так, Офреме грешнице, не ленися»¹². Обращение к современнику ощутимо в заметке писца XIII в. к тексту переводного «Жития Саввы Освященного»: «... не токмо послушатель буди тех словес, но и творець...»¹³. Вывод об ориентации на современников можно сделать и из такого случая: переводчики «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия выбрали предисловие античного автора, сочтя его неинтересным для древнерусских читателей; а затем было вставлено оригинальное русское предисловие¹⁴.

Переосмысление адресатов было вполне естественным проявлением «активного отношения древнерусского писца к переписываемому тексту»: «...древнерусские писцы относились к переписываемому ими тексту как к собственному достоянию»; «не только перевод с другого языка, но даже переписывание с русского списка было в условиях Древней Руси творческим актом»¹⁵.

¹¹ Вспомним хотя бы начало «Слова о полку Игореве», когда автор трижды обращается к «братии».

¹² «Ефремовская Кормчая» — ГИМ, собрание Синодальное, № 706 (227), л. 101, 246. См.: Протасьева Т. Н. Описание рукописей Синодального собрания: (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева). М., 1970. Ч. 1. С. 95.

¹³ См.: Розов Н. Н. Книга в Древней Руси XI—XIV вв. М., 1977. С. 104.

¹⁴ См.: Мещерский Н. А. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.; Л., 1958. С. 47, 71. Сошлемся также на более поздний, но выразительный пример актуализирующего отношения читателя к переводному сочинению. Иван Грозный читал «Книгу» Илариона Великого и записал: «...разгнув книгу, обретох сие послание Великаго Илариона, и прикинув, и виде, яко зело к нынешнему времени ключаемо» (Послания Ивана Грозного / Изд. подгот. Д. С. Лихачев, Я. С. Лурье. М.; Л., 1951. С. 166).

¹⁵ Жуковская Л. П. Изборник 1073 г. Судьба книги, состояние и задачи изучения // Изборник Святослава 1073 г. М., 1977. С. 31; Сапунов Б. В. «Богословца от словес» в Изборнике 1073 г. и проблема читателя на Руси в XI в. // Там же. С. 235.

Судя по отзывам о читателях, книжники представляли вполне благополучную картину: люди радостно стремятся к книге, церковнослужебной и четьей. Например, Кирилл Туровский во вступлении к «Притче о человечестве души и телеси» утверждал: «... мира сего властели и в житиских тружашеих вещех человеци прилежно требуют книжного поучения»¹⁶. «...Слухом слышав, радуешися...» — отмечалась в ином предисловии радость слушающих чтение¹⁷. «Воистину бо жадаеть душа... на слышание словес» — так характеризовали себя и слушателей авторы русских добавлений к «Житию Николы Мирликийского»¹⁸. Пользуясь сравнением Иоанна Златоуста, книжники изображали себя и слушателей как жаждущих: «...аки дети около стояща и желающа аки словесного млека слова»¹⁹. И вообще, чтение провозглашалось слаще любого питья и любой пищи: «Сладко бо медвеный сот и добро сахар, обоего же добрее книгий разум...»²⁰.

От читателей ожидалась требовательность к истинности и полезности сочинений. Поэтому авторы и книжники, извиняясь перед читателями, непременно заверяли в предисловиях и послесловиях или с полной ответственностью переписывали и повторяли такие заверения: «Не от своего сердца (или умышления) сия изношу слова, нъ творим повесть, въземлюще от святого Евангелия»; «мы бо слову несем творцы, нъ пророчьских и апостолских възледующе глагол»; «си глагола мне о сих от книг, а не от себе сказавшу»²¹. Или: «Вам написах, яко же слышах от неложных предавших ми честных мужей»; от «иных много трудившихся хронографъ, и историк, и творецъ»; «написах все, еже видех очима своима грешныма», а уж кое-что «спамятовах худости моя ради и тупости ради умныа»²². Слово «польза» повторялось в предисловиях

¹⁶ Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ. Т. 12. С. 341.

¹⁷ Невоструев К. Слово святого Ипполита... С. 2.

¹⁸ Леонид. Житие и чудеса святого Николая Мирликийского и похвала ему: Исследование двух памятников древней русской письменности XI века. СПб., 1881. С. 79.

¹⁹ Вступление к одному из «Слов» Златоуста — по списку конца XIV в. РГБ, собрание Троице-Сергиевой лавры, № 9, л. 43.

²⁰ Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ. Т. 12. С. 340.

²¹ Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ. Т. 15. С. 336, 341; ТОДРЛ. Т. 12. С. 361.

²² Послесловие к «Житию Варлаама и Иоасафа» // Житие и жизнь преподобных отец наших Варлаама пустычника и Иоасафа царевича Индийского: Творение преподобного отца нашего Иоанна Дамаскина. СПб., 1887. С. 538; предисловие к «Хронике» Иоанна Малалы // Истрин В. Первая книга Хроники Иоанна Малалы // Записки АН. VIII серия. По историко-филологическому отделению. СПб., 1897. Т. 1, № 3. С. 5; послесловие к «Хождению» Даниила // Путешествие игумена Даниила по Святой земле в начале XII-го века: (1113—1115) / Изд. подгот. А. С. Норов. СПб., 1864. С. 2; послесловие к одному из русских дополнений XI в. к «Житию» Николая Мирликийского // Леонид. Житие и чудеса святого Николая Мирликийского... С. 89.

сотни раз: «Испълнь бо есть пользы слово всем послушающим», «потребна бяху писатися и прочитати человекомь ползы ради от них бываемыа», «да ми будет доброе се прикупление иже подати ми братии ползю» и пр.²³

Но тот же комплекс предисловий XI—XII вв. одновременно рисовал и иной облик современных читателей. «Да не точию слухом слышав, радуешися, — наставлял книжник читателя, — но... и саму вещь приложив, съмотрив...»²⁴. Значит, люди больше хотели слушать чтение, чем читать сами, и такое положение не удовлетворяло книжника.

Авторы и переписчики, видимо, опасались, что читаемое может пройти мимо сердца и души читающего, и часто побуждали его делать необходимое усилие. «И да будуть словеса си... дньсь в сердци твоєм и в души твоей», — переписывал древнерусский книжник Златоустово обращение к читателю в «Изборнике» 1073 г.²⁵

«Отврьзете очи ваших срьдец», — призывали составители и переписчики житий²⁶. Владимир Мономах начинал свое «Поучение» с настойчиво выражаемого пожелания: «Да дети мои или ин кто, слышав сю грамотицю ... приметъ е в сердце свое»²⁷. Игумен Даниил в предисловии к «Хождению» пояснял: «Да и се написах ... дабы кто слышав ... потщался душею и мыслию» к описанному путешественником²⁸.

Еще более частыми в предисловиях оказывались требования книжников к читателям и слушателям «приставити ум к глаголемымь», то есть читать хотя бы с пониманием и прилежанием: «вънимати вам в умы своя», «послушати с всяцемъ прилежаниемь», «почитая прилежне с разумом», «да не ослабеют и не разленятся надлъзе почитающе многая». Ведь надо прислушиваться «раде словесе не на въздух рассыпаемааго». Ведь книгу только «попытавьше, разумеим. Не бо без ума се есть писано. Велико зъло есть еже къниг не разумевати...»²⁹.

²³ Предисловие к «Житию Феодосия Печерского» Нестора // Успенский сборник... С. 73; предисловие к «Житию Саввы Освященного» // Житие св. Савы Освященного, составленное св. Кириллом Скифопольским, в древнерусском переводе / Изд. подгот. И. Помяловский. СПб., 1890. С. XXVII; предисловие к «Египетскому патерику» — рукопись XV в. РГБ, собрание Троице-Сергиевой лавры, № 70, л. 3 об.

²⁴ Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ. Т. 12. С. 341.

²⁵ Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 года. Л. 199.

²⁶ «Мучение Феодора, Константина, Феофила, Калистра, Васоя и дружины их» // *Северьянов С. Н.* Супрасльская рукопись. СПб., 1904. Т. 1. С. 55.

²⁷ Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Т. 1 / Изд. подгот. Д. С. Лихачев. С. 153.

²⁸ Путешествие игумена Даниила ... С. 2.

²⁹ Предисловие к «Книге» Ипполита // *Невострюев К.* Слово святого Ипполита... С. 7; предисловие из «Чудовской псалтыри» // *Погорелов В.* Чудовская псалтырь XI века. С. 3; вступление к «Житию Василия и Капитона, мученных в Херсонесе» // *Северьянов С. Н.* Супрасльская рукопись. Т. 1. С. 533; вступление к «Поучению к людъм о вере и любви» из «Златоструя с

За всеми этими поучениями и увещеваниями вырисовывается облик читателя отнюдь не только с положительными чертами.

Впрочем, книжники XI—XII вв. и прямо обвиняли читателей в поверхностности: «Не тышти ся бързо иштисти до другыя главизны, нь поразумей, чъто глаголют книги и словеса та, и тришьды обраштя ся о единой главизне»³⁰; «не точию бо потребно, но и зело желанно еже писати и часто прочитати»³¹; «да не просто претecemos языком пишемая глаголюще, но с рассмотрением внемлюще...»³². Иногда книжник даже пытался пофилософствовать о том, как происходит проникновение в смысл повествования: «... ухо, слыша словеси деания и повести, к тем мысль си простърет, яко быти тому телесемь на томь месте, а мыслию на ономь, иждеже слово повестию назмаена дело»³³.

Но обычно книжники предпочитали применяться к реальным возможностям большинства современных им читателей. Поэтому чрезвычайно распространенной, почти обязательно присутствующей в предисловиях XI—XII вв. была сжатая характеристика содержания и состава предлагаемой книги или произведения, характеристика, облегчающая читательское восприятие последующих текстов.

У сравнительно небольших произведений, независимо от их жанра, предваряющие характеристики были краткими. Так, предисловие к «Алфавитному патерику» сразу сообщало: «В сей книзе списася добродетельное поучение и дивнаго житиа жизнь и речения святыхъ и блаженных отець...»³⁴. О чем «касаемся беседовати», предупреждал Кирилл Туровский во вступлениях к своим «Словам».

Произведения иного жанра — послания, — как правило, также начинались с авторского обозначения темы для адресата. «Въпрашал еси был, благородный

Торжественником» // *Срезневский И. И.* Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. СПб., 1866. Вып. 21—30. С. 12; вступление к «Житию Феодосия Печерского» Нестора // *Успенский сборник...* С. 72—73; предисловие к «Златострую» // *Срезневский И. И.* Сведения и заметки... СПб., 1867. Вып. 1—40; вступление к одному из «Слов» «Златоструя с Торжественником» по списку XII в. // *Срезневский И. И.* Древние памятники письма и языка: (X—XIV веков). СПб., 1863. С. 195.

³⁰ Вступительное «Слово некоего калугера о чьтении книг» // *Изборник 1076 года / Изд. подгот. В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровина, В. Г. Демьянов, Г. Ф. Нефедов.* М., 1965. С. 152.

³¹ Житие св. Савы Освященного. С. XXXII.

³² *Еремин И. П.* Литературное наследие Кирилла Туровского // *ТОДРЛ.* Т. 12. С. 340.

³³ Вступление к «Слову о смокви въ великыи понеделъникъ» Иоанна Златоуста // *Северьянов С. Н.* Супрасльская рукопись. Т. 1. С. 343. Ср. трактовку процесса чтения в предисловии к «Апокалипсису»: «...се душа прикладание от видимы на мыслыная наводя чтущаго» (по списку XII—XIII вв. БАН, собрание Никольского, № 1, л. 6).

³⁴ По списку XV в. РГБ, собрание Московской духовной академии, Фунд., № 58, л. 1.

княже, — писал киевский митрополит Никифор ко Владимиру Мономаху, — како отврѣжени быша латина от святыя соборныя и правоверныя церкви, и се, яко же обещавася благородству твоему, поведаю ти вины их»³⁵.

В более крупных сочинениях, в том числе в самостоятельно бытовавших книгах, эти вступительные характеристики содержания имели даже особую структуру, хорошо демонстрируемую, например, рукописной книгой Ипполита Римского об антихристе. Книга эта, говорится во вступлении, стремится «показати... чьто и каково есть, в кое же время и лето... откуда же... како же убо... и како ся... чьто же... будеть, како же... что же... и какова...» будет происходить³⁶.

Аналогичные программы предстоящего изложения, нужные не столько авторам, сколько читателям, находим в памятниках различного происхождения: в предисловии к «Прóлогу», который показывает персонажей «отечество, и житие, и конец каков име кждо, где и когда техъ памяти стваряются учинити...»³⁷; в заголовке летописи: «Се повести времяньных лет, откуда есть пошла Руская земля, кто в Киеве нача первее княжити, и откуда Руская земля стала есть»³⁸.

Специально для читателей авторы или составители часто описывали в предисловиях состав сочинений, деление на части, главы, «слова»: «яко возможно и удоб обретати полезнаа хотящимъ искати по сих» — «...сдеяхом раздельше речь сию на 20 и 4 слова, на 70 и 3 главизне, на 3 частное 20 и 4...»³⁹; «все убо ныне книг сих положение на пять частей абие разделихом...»⁴⁰ и т. п. Специально для читателей давались советы, как систематизировать читаемое, «аще хочещи приставити некоей ей же болши главе и разумети, котерии близь себе рекоша, и своя комуждо места обрести...»⁴¹.

В книгах со сложной композицией авторы или составители обязательно старались «въкратце сказати куюждо главизну повести, яже... поведаемы суть»⁴², то есть предпослать своего рода резюме каждой части. Таких «предъсло-

³⁵ *Калайдович К. Ф.* Памятники российской словесности XII века. М., 1821. С. 157.

³⁶ *Невоструев К.* Слово святого Ипполита... С. 11—12.

³⁷ Пролог по рукописи императорской Публичной библиотеки Погодинского древлехранилища № 58. Пг., 1917. Вып. 1: сентябрь — декабрь. С. 2.

³⁸ Повесть временных лет. Т. 1. С. 9.

³⁹ Предисловия к «Алфавитному патерику» и к «Апокалипсису» с толкованиями Андрея Кесарийского — РГБ, собрание Московской духовной академии, Фунд., № 58, л. 1 об.; БАН, собрание Никольского, № 1, л. 7.

⁴⁰ «Предъсловие Козмы нарицаемого Индикоплова» // Книга глаголемая Козмы Индикоплова. СПб., 1886. С. 3.

⁴¹ *Амфилохий.* Четверо-Евангелие Галичское 1144 года, сличенное с древнеславянскими рукописными евангелиями XI—XII вв. и печатными... М., 1882. Т. 1. С. XX.

⁴² Предисловие к Хронике Иоанна Малалы // *Истрин В.* Первая книга Хроники Иоанна Малалы. С. 5.

вий» и «съказаний» к основному изложению, например, в «Апостоле» или «Толковых пророках», наблюдалось значительное количество. Их присутствие, как пояснял список «Хроники» Георгия Амартола, диктовалось заботой книжников о ясности читательского разумения: «Обрящещи убо верни же, разумно же, и незавидно, купно же, и скоро, и о всякомь сугубо...»⁴³.

Постоянство и развитость данной темы в предисловиях XI—XII вв. знаменательны. Более того. Книжники были уверены, что читатели не поймут разветвленного, длинного изложения, и отказывались от него во всеуслышание. Поэтому неизвестный древнерусский автор «Сказания о Борисе и Глебе» во вступлении предупреждал, что будет говорить только «по ряду», не отклоняясь от главного: «...нъ се остаану много глаголати, да не многописании в забыть вълезем»⁴⁴.

Книжники нередко обещали в предисловиях: «бодрено сказать возможем», «много глаголати не достигаа»⁴⁵, в том числе и Нестор в «Чтении о Борисе и Глебе»: «Да не продолжю речей, нъ воскорѣ извѣщаю»⁴⁶. Или еще: «... изложу простом некымь и неухищренемь словом», «риторская оставив лестная словеса»⁴⁷. Даже такой ритор, как Климент Смолятич, декларировал простоту своих посланий перед адресатом: «Яко не искушаа твоего благоумиа, но яко просто писаь. Да аще того не могл еси разумети, то всеу приводиши на мя»⁴⁸. Другое дело, насколько простым оказывался стиль Смолятича в действительности.

В случаях более трудных книжники предупреждали: «Се убо наказание разумети не простааго разума есть...»⁴⁹. Недаром митрополит Иларион в сложном для понимания «Слове о Законе и Благодати», а затем его редакторы и переписчики обязательно сохраняли и выделяли замечание: «Ни к неведущим бо пишемь, нъ преизлиха насыштышемь радости книжныа...»⁵⁰. Читате-

⁴³ *Истрин В. М.* Книги временныя и образныя Георгия Мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славянском переводе: Текст, исследование, словарь. Пг., 1920. Т. 1. С. 28.

⁴⁴ Успенский сборник... С. 43.

⁴⁵ Житие Св. Савы Освященного. С. XXVII; *Вилинский С. Г.* Житие Василия Нового в русской литературе. Одесса, 1911. Ч. 2. С. 351.

⁴⁶ Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им // Изд. подгот. Д. И. Абрамович. Пг., 1916. С. 2. Ср. в предисловии к «Житию Феодора Студита»: «...реченая не вся ми износити, яко немощно всяко, ни времени ми подающе, яко и не подобье кде» («Выголексинский сборник» XII в. — РГБ, собрание Музейное, № 1832, л. 36).

⁴⁷ «Азбучный патерик» — РГБ, собрание Московской духовной академии, Фунд., № 58, л. 1 об.; «Златоуст» — РГБ, собрание Троице-Сергиевой лавры, № 9, л. 55 об.

⁴⁸ *Никольский Н.* О литературных трудах митрополита Климента Смолятича, писателя XII века. СПб., 1892. С. 104.

⁴⁹ Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 года. Л. 66 об.

⁵⁰ *Розов Н. Н.* Синодальный список сочинений Илариона — русского писателя XI в. // *Slavia*.

ли, в представлении древнерусских книжников XI—XII вв., гораздо чаще были «неведущими», чем «насытисьшимися».

И последнее. Книжники явно имели в виду таких древнерусских читателей, которые нуждались в возможно более быстром и незатруднительном знакомстве со всем объемом «премудрости» сразу. Поэтому при каждом удобном случае в предисловиях к «Изборникам», «Пандектам», «Патерикам», «Кормчим», «Хроникам» и пр. составители, переводчики, переписчики подчеркивали, что книжная «премудрость» подается в особо ценной для читателей облегченной форме — в виде сборников извлечений, отрывков, высказываний.

Все главное, обещали книжники, выбрано и готово к употреблению: «Събор от мног отецъ тълковании, въкратце съложены на память и на готов ответ...», «въкратце от всьех... кънигъ», «събрани истинная речения... в едино съвокупльше... на нашу ползу», «изложихом сведущих, от многа мало прострохом... с трудомъ събравъше и сложивъше» и т. п.⁵¹

Все легко использовать, как уже собранный мед: «Акы бьчела любодельна с всякого цвета писаниго събрав акы в един сът»⁵². Все легко обозреть в целом, наподобие ожерелья, сразу видимого на шее: «Едина главизна от другое приемлющи вину, яко же се некия златы чеши с драгымъ камениемъ и с жьньнюгьмъ съплетены выю хръстянску украшаютъ»⁵³. Все цельно, как здание, сложенное из разных камней⁵⁴.

1963. № 2. С. 154. Возможно, по той же причине «Слово на сбор святых отець... Никейскаго събора» Кирилл Туровский начал с оправдания украшенного стиля своего сочинения: «Яко же историци и ветия, рекше летописьци и песнотворци прикланяють своя слухи в бывшая меже цесари рати и въпылчения, да украсять словесы и възвеличатъ мужествовавъшая крепко... и тех славяще похвалами венчаютъ, колми паче нам лепо есть и хвалу приложити...» (*Еремин И. П.* Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ. Т. 15. С. 344).

⁵¹ Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 года. Л. 2; предисловие к «Пандектам» Антиоха Черноризца // Пандект монаха Антиоха: По рукописи XI века, принадлежащей Воскресенскому монастырю / Под наблюдением О. М. Бодянского. М., 1913. С. 3; предисловие к «Пандектам» Никона Черногорца // *Срезневский И. И.* Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. СПб., 1874. Вып. 55—56. С. 225; *Истрин В. М.* Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Т. 1. С. 28. Ср. также рассуждение о пользе «въкупъ събрати» материалы в предисловии к «Кормчей» (*Бенешевич В. Н.* Древнеславянская кормчая: XIV титулов без толкований. СПб., 1906. Т. 1, вып. 1. С. 3 и сл.). Характерно, что писец переводного «Изборника» 1073 г., «где мог, последовательно заглушал высокий слог перевода, приближая его к обычной деловой манере древнерусского книжника» (*Колесов В. В.* Лексическое варьирование в Изборнике 1073 г. и древнерусский литературный язык // Изборник Святослава 1073 г. С. 110).

⁵² Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 года. Л. 1 об.

⁵³ Предисловие к «Пандектам» Никона Черногорца. С. 224.

⁵⁴ Шестоднев, составленный Иоанном ексархом болгарским. По харатейному списку Московской Синодальной библиотеки 1263 года // ЧОИДР. 1870. Кн. 3. Л. 6 об. и сл.

Книжники сами и объясняли, отчего читатели и слушатели предпочитали простой стиль, простую композицию, упрощенную подачу мыслей: из-за житейских, мирских забот прежде всего. «Весте ли убо, отъкуду нам речь перьвое начася, или кгде ставися, или чим начахом, или кгде пристахом? — словами Златоуста древнерусский книжник вопрошал своих рассеянных читателей и тут же оправдывал их невнимательность. — ...Нъ вы убо, мню, забывьша, кгде ны слово устави. Аз веде и не творю вас виновьн, при томъ не укоряю. Къждо бо вас жену имать, и дети кърмить, в дому печеться вьсемь, овии в воиньстве ходять, друзии же рукодельници, и на различьныя потребы къждо вас частить...»⁵⁵.

Под пером книжников читатели в момент обращения к книге действительно представляли «смущенными», «печальными» от житейских дел. «Книгам бо есть неищетная глубина, сими бо в печали утешаеми есмы», — указывала «Повесть временных лет» и приводила примеры того, как «книгами... утешая печалныя». Владимир Мономах писал: «Взем Псалтырю, в печали разгнух я, и то ми выня: Вскую печалуеши, душе? Вскую смущаеши мя?»⁵⁶ Кирилл Туровский подтверждал: чтение «всея житискыя света сего печали отводить»⁵⁷.

Характерно, какое начало сохраняли книжники в апокрифическом «Слове о Лазаревом воскресении»: «Воспоим весело, дружино, песньми днесь, а плачь отложивше, утешимся»⁵⁸. Сочинитель русских дополнений к «Житию Николы Мирликийского» считал, что чтение «веселье приносит душам», и желал читающим и слушающим: «Да будет вы утеха велика»⁵⁹. Об утешительности чтения говорилось и в «Слове от книг святого Исисхиа»: «Травьници имуть многоразличьны цвет ово на веселие очима, ово же на ухание, ово же на исцеление, — вьсе же годиться человеку. Тако же... имать чьтения... книг»⁶⁰.

В результате, высказывания книжников о древнерусском читателе XI—XII вв. оказываются противоречивыми: с одной стороны, по их мнению,

⁵⁵ «Иоана Златоустаго слово о десяти девиць и о милости и о каязни» // Успенский сборник... С. 303—305.

⁵⁶ Повесть временных лет. Т. 1. С. 102, 137, 153.

⁵⁷ Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ. Т. 12. С. 340.

⁵⁸ Рождественская М. В. К литературной истории текста Слова о Лазаревом воскресении // ТОДРЛ. Т. 25. С. 53.

⁵⁹ Леонид. Посмертные чудеса святителя Николая, архиепископа Мир-Ликийского Чудотворца: Памятник древней русской письменности XI века: Труд Ефрема, епископа Переяславского. СПб., 1888. С. 1, 19.

⁶⁰ РГБ, собрание Троице-Сергиевой лавры, № 12, л. 14. Не имела ли косвенной связи с темой отвлечения от печали характеристика Бояна в «Слове о полку Игореве»: «О Бояне, соловию старого времени! А бы ты сия плъкы ущекотал...» (Слово о полку Игореве / Изд. подгот. Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачев. Л., 1967. С. 44). Боян «ущекотал» бы в противоположность «трудных повестий» «Слова о полку Игореве».

читатель страстно порывается к «сладо́сти книжны́», с другой же стороны, читатель не всякую «сладо́сть» может усвоить, желает чтения попроще да полегче, постоянно отвлекаемый практическими делами. Но ведь это специфическая разновидность читателя — не теоретика, а практика в жизни, преклоняющегося перед книгой, но далеко не изошренного в чтении. Перед нами облик читателя-неофита. Неофитизм соединяет эти две крайности — увлеченность новым делом и неискушенность в нем. Архаизм авторского отношения к читателям выражался в ориентации на читателя-неофита.

Предположение об авторской ориентации на читателей-неофитов нуждается в проверке по иным источникам. Вот, например, «Слово о полку Игореве». Трудно определить, кто конкретно, социально и географически, подразумевался под «братией», к которой взывал автор «Слова о полку Игореве». Ясно лишь, что это слушатели, достаточно искушенные в «словесех», в лаконичных символично-метафорических образах. Но одновременно нельзя не заметить, что «братие» поминаются в авторской речи в «Слове» только в момент пояснения этих иносказательных образов. «Братие» упомянуты в начале «Слова», когда автор разъясняет, каковы были «старые словесы» Бояна: «Не лепо ли ны бяшетъ, братие, начяти старыми словесы трудныхъ повестию о пълку Игореве», то есть начать «по замышлению Бояню», который «пущашеть 10 соколовъ на стадо лебедеи». Тут автор поясняет: «Боянь же, братие, не 10 соколовъ на стадо лебедеи пущаше, нъ своя вещиа пръсты на живая струны въскладаше, они же сами княземъ славу рокотаху. Почнемъ, же, братие, повесть сию...»⁶¹. «Братие» помянуты еще при изображении поражения Игоря, притом опять в момент пояснения образов и иносказаний: «Ничить трава жалошцами, а древо с тугою къ земли преклонилось: уже бо, братие, невеселая година въстала» (49).

Кроме того, в «Слове» есть целый ряд мест, которые можно рассматривать как авторские пояснения к образам и иносказаниям, хотя обращений к «братии» здесь нет. Например: «Тогда при Олзе Гориславличи сеяшется и растяшетъ усобицами, погибашеть жизнь Дажь-Божа внука: въ княжихъ крамолахъ вещи человекомъ скратишась» (48); «тоска разлися по Руской земли: печаль жирна тече средь земли Рускыи» (49); «лжу ... которую то бяше успиль... Святъславъ грозныи великыи Киевскыи грозою: бяшетъ притрепаль своими сильными плъкы и харалужными мечи» (49—50); «на реце на Каяле тьма светъ покрыла: по Руской земли прострошася половци» (51); «а не сорокы втроскоташа: на следу Игореве ездить Гзакъ съ Кончакомъ» (56); «тяжко ти головы кроме плечю, зло ти телу кроме головы: Руской земли безъ Игоря. Солнце светится на небесе: Игорь князь въ Руской земли» (56).

⁶¹ Слово о полку Игореве. С. 43—44.

Подобных поясняющих мест в «Слове» гораздо больше, чем процитировано⁶². Они, правда, неоднотипны и могут быть объяснены разными причинами: тем, что изложение вообще невозможно составлять сплошь из иносказательных образов; тем, что существовала некая традиция пояснений в поэтической речи XII в.; тем, что некоторые пояснения были внесены в текст «Слова» гораздо позже. И все-таки пояснительность фраз при обращении автора «Слова» к «братии» заставляет держать в запасе еще одно предположение: не так уж искушена была в старых и новых «словесех» та «братия», что слушала «Слово» и поощряла его автора. У архаического литературного творчества была мощная питательная среда.

1978, 1999 гг.

⁶² Ср. отмеченную Д. С. Лихачевым структуру одной из фраз «Слова»: «Стязи глаголють: половци идуть» (Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978. С. 173).

ОБ «АРХАИЗИРУЮЩЕМ» ПОВЕСТВОВАНИИ В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Литературное творчество древнерусских писателей развивалось вовсе не по прямой линии, новый стиль — на смену старому стилю, и примером может служить «Слово о полку Игореве», автор которого в первой же фразе своего произведения предупредил, что будет повествовать именно «старыми словесы», и это обещание сдержал. В приверженности автора «старым словесам» можно убедиться на примере фразеологических параллелей к «Слову» из других памятников. В данной работе ограничимся только тремя параллелями, из которых литературная ориентация автора «Слова» определяется достаточно явственно.

«Железные папорзи»

На предположение об «архаизирующей» ориентации «Слова» наводит темное место в обращении к князьям: «А ты, буи Романе и Мстиславле!... Суть бо у ваю железны папорзи подь шеломы латинскими. Теми тресну земля»¹. К непонятному слову «папорзи» подыскиваются две основные параллели — «повороза» и «паперси»². Первой рассмотрим параллель «повороза» — из летописной повести под 1216 г. о битве новгородцев с суздальцами на реке Липице; в тексте поздней версии повести по «Новгородской Карамзинской летописи» сообщается о князе Мстиславе Удалом: «бе бо у него топорь с *поворозою* на руце, и сечаше темь»³. Слова «папорзи» и «повороза» кажутся близкими по созвучию, тем более что в «Московско-Академической летописи», содержащей тот же поздний текст о Липицкой битве, слово «повороза» написано еще ближе орфографически к слову «папорзи»: «бе бо у него топорь с *наворозою* на руце»⁴.

О связи «поворозы» с «папорзи» свидетельствуют также неоднократные, но до сих пор не отмеченные случаи фразеологического сходства поздней версии повести о Липицкой битве со «Словом о полку Игореве», причем большин-

¹ Слово о полку Игореве / Изд. подгот. Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачев, О. В. Творогов. Л., 1967. С. 52. Далее страницы указываются в скобках. Орфография текста передается с упрощениями.

² См.: *Перетц В.* Слово о полку Игоревім: Пам'ятка феодальної України-Руси XII віку: Вступ. текст. Коментар. У Києві, 1926. С. 280; *Адрианова-Перетц В. П.* «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII веков. Л., 1968. С. 150—151; *Словарь-справочник «Слова о полку Игореве»* / Сост. В. Л. Виноградова. Л., 1973. Вып. 4. С. 53—54; *Бобров А. Г.* Папороз // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб., 1995. Т. 4. С. 11—13.

³ ПЛДР. Т. 3 / Текст памятника по «Новгородской Карамзинской летописи» подгот. Я. С. Лурье. С. 122. Далее страницы указываются в скобках. Орфография древнерусских текстов здесь и далее передается с упрощениями.

⁴ Летопись по Лаврентиевскому списку / Изд. подгот. А. Ф. Бычков. 3-е изд. СПб., 1897. С. 472.

ство параллелей встречается в том самом отрывке повести, где упомянуты «поворозы». Перечислим их по ходу летописного изложения.

1) Повесть: «А забудем, братье, дома, жены и дети» (122); «Слово»: «дорога, братие, забыв чти, и живота, ... и огня злата стола, и своя милыя хоти...» (48), — совпадают слова «забыти» и «братие», перекликаются синонимичные слова «домы» и «живот», «жены» и «хоть», а, возможно, также «честь» и «отний стол».

2) Повесть: «А коли любо умираги»; «Слово»: «хощю главу свою приложити» (44), — тут, правда, лишь смысловое сходство выражений «любо умираги» и «хощю главу приложити».

3) Повесть: «ссед с коней... боси поскочиша... полезше же с конь, тако же поидоша боси, завиваючи ноги»; «Слово»: «поскочи горнастаемъ... вьвржеся на бръзь комонь и скочи с него босымъ влькомъ... избивая гуси и лебеди» (55), — совпадают слова «поскочити» и «босый» (а «босость» — очень редкий мотив); перекликаются по смыслу «ссести с коней» и «скочити с коня»; наконец, созвучны слова «завивати» и «избивати» (в повести первоначально, вероятно, было более разумное: «боси забиваючи ноги», а не искаженное «завиваючи»).

4) Повесть: «побежени же бывше полкы силнии»; «Слово»: «бьшеть при-трепаль своими сильными плъкы» (50), — совпадает словосочетание «сильные полки», синонимичны слова «победити» и «притрепати».

5) Повесть: «се бо слава ею и хвала погыбе»; «Слово»: «усобица княземъ на поганя погыбе» (49), — совпадает слово «погыбе» в приложении к абстрактным понятиям.

Возможные переклички со «Словом» встречаются и перед рассматриваемым отрывком из летописной повести.

1) Повесть: «Одинъ есмы брат съ Ярославом» (116); «Слово»: «одинъ братъ, одинъ светъ светлыи — ты, Игорю» (46).

2) Повесть: «стояша за щиты всю ночь, кликоша бо въ всех полцех» (120); «Слово»: «дети бесови кликомъ поля прегородиша, а храбрии русици преградиша чрълеными щиты» (47).

3) Повесть: «и бишясь ти день и до вечера» (120); «Слово»: «бишяся день, бишяся другьи, третьяго дни къ полуднию...» (49).

Какой же конкретно была связь летописной повести со «Словом о полку Игореве» и соответственно слов «повороза» и «папорзи»? Фразеологическое сходство со «Словом» отсутствовало в самой ранней версии повести, находящейся в «Новгородской первой летописи» обоих изводов, а появилось оно только в более поздней версии летописной повести, восходящей к летописному своду начала или середины XV в. и дошедшей в нескольких летописях XV в.⁵, среди

⁵ О версиях повести, как называет их исследователь, см.: Лурье Я. С. Повесть о битве на

которых, кстати говоря, текст поздней версии повести в «Новгородской Хронографической летописи» конца XV в. в результате симптоматичной описки, навеянной «Словом о полку Игореве», вдруг ни к селу ни к городу упоминает даже половцев⁶. Таким образом, по крайней мере, не позднее начала или середины XV в. на летописную повесть о Липицкой битве как-то повлияло «Слово»; но, добавим, не обязательно само «Слово», а, возможно, исчезнувшая его переработка, предшествовавшая «Задонщине». Однако так или иначе, но вывод о параллели «папорзи — повороза» ясен: слово «повороза» в поздней версии летописной повести действительно коррелирует со словом «папорзи» в «Слове о полку Игореве» и оправдывает исправление в тексте «Слова» искаженного написания «папорзи» на правильное «паворзи» или «паворози», что было предложено еще Д. Дубенским, а затем Ю. М. Лотманом, правда, на основании палеографических соображений⁷.

Итак, уже можно попытаться осмыслить, что такое «папорзи — паворзи». Судя по параллели из летописной повести о Липицкой битве, «папорза», вероятнее всего, означала нечто вроде петли из ленты или ремня: с ремнем — поворозою на руке был топор у князя во время сечи⁸. Значит, некие ремни или полосы означали «папорзи — паворзи» и в «Слове о полку Игореве».

Теперь есть основания обратиться к семантике словосочетаний в «Слове». Смысл словосочетания «железные папорзи» был уже переносный — имелись в виду ремни особого рода или даже вовсе не ремни, а железные полосы или ободки, либо опоясывающие ряды железных нагрудников у воинов, когда цельной кирасы еще не изготавливали. Раз «папорзьями» обозначается совсем другой предмет — нагрудники, то, следовательно, перед нами не изобразитель-

Липице 1216 г. в летописании XIV—XVI вв. // ТОДРЛ. Т. 34. С. 96—115. Среди списков поздней версии повести первичен текст именно в «Новгородской Карамзинской летописи», см.: *Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV века. СПб., 2001. С. 100. и др. Благодарю А. А. Горского за указание на то, что так называемый свод 1448 г. (середины XV в.) на самом деле появился в 1410-х годах и что в нем эта «поздняя» версия повести о Липицкой битве, использовавшая фразеологию «Слова», могла быть как раз более ранней, чем в «Новгородской первой летописи», бытующая внелетописно уже в XIII в.

⁶ *Лурье Я. С.* Указ. соч. С. 103. Вместо «нынешние полцы» появились «нынешние половце».

⁷ *Лотман Ю. М.* О слове «папорзи» в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. Т. 14. С. 34—40.

⁸ См.: *Срезневский И. И.* Материалы для Словаря древнерусского языка. М., 1958. Т. 2. Стб. 856—857. Ср. также в «Киевской летописи» под 1147 г.: «ужемъ за ноги уворозиша», то есть обмотали (ПСРЛ. Т. 2 / Текст памятника подгот. А. А. Шахматов. Стб. 352). В книжных описях упоминается «евангелие с поворозами», то есть с лентами или ремешками. Благодарю И. А. Комарова за это указание и за консультацию по древнерусскому воинскому наряду. А. Л. Никитин полагает, что «топоръ с поворозою» — это топор с гардой, защищавшей руку. А. А. Пауткин к словам «папорзи», «поворза» добавляет еще слово «павеза», обозначающее вертикальную выпуклость вдоль щита.

ная метафора, но и не символ, а иносказание, обозначение одного предмета через другой предмет, то есть метонимия.

Такое толкование данного словосочетания наводит на предположение об одной из семантических особенностей «Слова», в котором сочетание необычного эпитета с существительным нередко являлось иносказанием: «опуташа въ путины железны» (50), — железные путины — это не обычные пути, которыми опутывают, а что-то, напоминающее цепи или гибкую проволоку⁹; «на Немизе... молотять чепи харалужными» (54), — ясно, что харалужные цепи — это в данном случае не цепи, а мечи, которыми «веютъ душу отъ тела»; «зелену паполому постла» (48) — имеется в виду не только зеленая паполома — покрывало, а трава в роли савана; и т. д. — можно умножить примеры предметных иносказаний в «Слове».

После первой параллели «папорзи — паворзи», перейдем к рассмотрению второй параллели к «папорзям», которая обнаружена В. Н. Перетцом в «Хронике» Георгия Амартола, где в одном из рассказов говорится, как византийский цесарь заботился о сохранности «предивнаго и единокаменнаго столпа... на красоту же ему и на лепоту медяны обручи прекова и мнози поперсьци»¹⁰. Параллель здесь та, что «папорзи» и «поперсьци» являются словами хотя и разными, но созвучными и одновременно сходными по смыслу, ведь «папорзи», «паворзи» и «поперсьци» означали примерно одно и то же: ремни или пояса, очевидно, нагрудные металлические¹¹. Недаром вслед за Ф. И. Буслаевым В. Н. Перетц склонялся именно к поправке «паперси» вместо испорченного «папорзи» в тексте «Слова», правда, предложил «паперси» со значением «латы»¹².

Вторая параллель позволяет высказать еще одно предположение о семантике авторских высказываний в «Слове о полку Игореве». Кажется, не так уж и

⁹ См.: *Адрианова-Перетц В. П.* Указ. соч. С. 130—132. Ср. указание Д. С. Лихачева о «Слове о полку Игореве»: «Метонимия — основной художественный троп в «Слове»... Метонимия характерна преимущественно для военного языка» (*Лихачев Д. С.* Избранные работы: В 3 т. Л., 1987. Т. 3. С. 189—190).

¹⁰ *Истрин В. М.* Книги временныя и образныя Георгия мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Пг., 1920. Т. 1.: Текст. С. 339.

¹¹ В греческом тексте «Хроники» здесь употреблено слово «*ἀβραζοι*», заимствованное из латинского *logum* — ремень. В более позднем переводе «Хроники» в XIV в. это слово переведено аналогично — как «поясы». Благодарю за консультацию В. А. Матвеевко и Л. И. Щеголеву, в переводе которых это место звучит еще и так: «для красоты и великолепия он оковал (его) медными обручами и множеством опоясок» (*Матвеевко В. А., Щеголева Л. И.* Временник Георгия монаха (Хроника Георгия Амартола): Русский текст, комментарий, указатель. М., 2000. С. 271).

¹² *Перетц В.* Указ. соч. С. 280. Один из исследователей настаивает, что «паперси, поперсьци» означали часть конского убора, ремень на нижней части конской груди (*Орел В. Э.* «Слово о полку Игореве» и его этимологическое изучение // «Слово о полку Игореве»: Комплексные исследования. М., 1988. С. 129).

важно, какие именно из созвучных слов первоначально стояли в тексте памятника, потому что не терминологическое, а переносное значение всей фразы было здесь самым главным: «Суть бо у ваю железны папорзи (паворзи, паперси) подь шеломы латинскими» иносказательно означало сплошную закованность головы и тела воинов (а, возможно, и коней) в железо. Этот-то мотив окованности воинов металлом и повторялся в данном месте «Слова» как, несомненно, важный: тут же упоминаются Ярослав Осмомысл на «*златокованнемъ*» престоле со «своими железными плъки» (52); у других князей «храбрая сердца в жестоцемъ *харалузе скована*» (51); иных — «опуташа въ путины *железны*» (50); половцы тоже предстают в виде «*железныхъ великихъ плъковъ*» (50).

Семантическая особенность «Слова о полку Игореве», наблюдаемая в данном случае, по-видимому, была вот какой: во фразы и выражения автор регулярно вкладывал настолько расширительный, переносный, иносказательный смысл, что в пределах такого смысла становилось возможным менять конкретные слова внутри фразы по созвучию, по родственности значений или как-либо еще, чем и занимались позднейшие переписчики, а затем и исследователи «Слова», а общий смысл фразы не менялся.

Приведем еще примеры словесной толерантности «Слова о полку Игореве». Так, оказывается допустимым, чтобы ошибки писцов и научные реконструкции взаимно соприсутствовали и в результате двояко звучала, например, фраза: то ли «что ми шумить, что ми звенить давечя», то ли «что ми шумить, что ми звенить далече» (48), — все равно выражается ощущение отдаленности автора от описываемых событий. Так же двояко может звучать, например, обращение к ветру: то ли «бъшеть *горь* подь облакы веяти», то ли «бъшеть *горё* подь облакы веяти» (54), — все равно где-то далеко вверху. Еще пример двоякости звучания: то ли «меча *времены* чрезь облакы», то ли «меча *бремены* чрезь облакы» (52), — и в том, и в другом случае передается представление о чем-то затруднительном для метания, но с силой метаемом¹³. Таково семантическое коварство «Слова» — плата за широкую иносказательность.

Отсюда делаем еще один, уже третий предположительный вывод о семантическом своеобразии «Слова о полку Игореве»: ассоциативная связь иносказаний, трудно уловимых ныне переосмыслений была ведущей в ходе повествования этого памятника.

И, действительно, перейдем к контексту фразы с «папорзями». Железные «папорзи — паворзи — паперси» вместе с латинскими шеломами обозначали

¹³ Про «времены» как предметы вращения, метательные диски или мячи см.: *Мурьянов М. Ф.* «Слово о полку Игореве» в контексте европейского Средневековья // *Palaeoslavica*. Cambridge (Massachusetts). 1966. Vol. 4. P. 120, 123, 127. Есть еще реконструкции: «камены» и «пламены» (Там же. С. 106), но и эти исправления остаются в тех же смысловых пределах.

закованность в металл и, следовательно, тяжкую железную амуницию воинов¹⁴ и поэтому естественно связывались с, казалось бы, непонятным непосредственным продолжением повествования в этом месте Слова: «теми тресну земля» (52), — то есть от тяжелого вооружения треск и гром шел по всей земле¹⁵. Подобные прямо и косвенно выраженные земельно-звуковые мотивы (неприятные звуки над землей или от земли) типичны для «Слова»: «*grimлють сабли... трещать* копиа харалужныя... среди земли Половецкыи» (48); «*быти грому великому... земля тутнетъ... половци идутъ*» (47); «*половци неготовами дорогами побегоша... крычатъ* телегы» (46); «*кликну, стукну земля... вежи ся* половецкии подвизашася» (55).

Но можно сделать еще четвертый, более широкий и, кажется, неожиданный вывод вообще о повествовательной манере автора «Слова», а именно — об ориентации автора «Слова» на прошлое повествование XI в., но не на современное ему повествование XII в. Ведь странно, что нет аналогий светскому иносказательному изложению, характерному для «Слова», среди произведений XII в., а вот в XI в., по крайней мере, одна аналогия есть, и какая — «История Иудейской войны» Иосифа Флавия, переведенная с греческого на Руси в середине XI в.¹⁶ Именно в «Истории» Флавия и именно в речах героев, сконструированных древнерусским переводчиком сочинения, встречается экспрессивная метонимия, причем наиболее часто в первых трех книгах «Истории», насыщенных фольклорно-легендарным материалом в отличие от последующих книг, составленных очевидцем событий¹⁷.

Ограничимся примерами, структурно близкими к «железным папорзям» «Слова о полку Игореве» — метонимическими сочетаниями существительных с прилагательными в «Истории» Иосифа Флавия: «въ единъ путь смъртныи ведошася» (путь смертный — казнь); «повемъ язычскую злобу» (языческая злоба — заговор с целью убийства); «душа наша темну храмину оставивши» (темна храмина — тело); «потят будещи серпом небесным» (серп небесный — смерть); «отъятися от римских рук» (римские руки — власть Рима); «иссуха-

¹⁴ Ср. весовое описание амуниции Голиафа в «Хронике» Георгия Амартола: «шлемъ медянь на главе его, и въброня, в ня же ся облачаше, имущи сикль 5000 меди и железа, и ножнице медяны на ногу его, ...копье 600 сикль железа, и щить медянь...» (125). Одна лишь броня весила 50-60 кг., а наконечник копья — 6 или 7 кг.

¹⁵ О значении слова «треснути» см.: *Перетц В.* Указ. соч. С. 280; *Адрианова-Перетц В. П.* Указ. соч. С. 107, 134.

¹⁶ *Мецкерский Н. А.* История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.; Л., 1958. С. 112.

¹⁷ О фольклорности первых книг «Истории» см.: *Мецкерский Н. А.* Указ. соч. С. 39—40. О метонимичности изложения Иосифа Флавия см.: Там же. С. 84—86. О конструировании речей героев древнерусским переводчиком см.: Там же. С. 82 и др.

ють сълннцемъ жатвеннымъ) (солнце жатвенное — зной); «укрепи мышцы иудейскы» (мышцы иудейские — войска Иудеи); «не терпящи буря конное» (буря конная — натиск конницы) и пр.¹⁸

Подобную иносказательную манеру старых экспрессивных речей, по-видимому, взял за образец автор «Слова о полку Игореве», но пользовался «старыми словесы» гораздо гуще и старательнее своих предшественников: «старые словесы» были для него «старшими словесами», но не устаревшими.

Повествовательная ориентация автора «Слова» на «старые — старшие словесы» подтверждается и другими схождениями с «Историей» Иосифа Флавия. Так, именно в сочинении Флавия присутствовали древние мотивы окованности войска металлом («окованы быша железомъ»¹⁹) и громающего треска оземь от тяжести вооружения («падеся ниць с великим громом, запен си о камень с тяжкымъ оружиемъ»²⁰). Иносказания в «Истории» Флавия также допускали замену конкретных слов без ущерба для общего смысла метонимии (ср.: «потят будещи серпом небесным»; а в другом списке: «пожат будещи серпом небесным»²¹). Наконец, немало фразеологизмов «Истории Иудейской войны» было использовано в «Слове о полку Игореве»²².

Ориентацию автора «Слова» на «старые-старшие словесы» можно условно назвать «архаизирующей», имея в виду само явление настойчивой обращенности к XI в. у автора конца XII в., но не подразумевая при этом, будто автор «Слова» исходил из теоретического деления сочинителей на архаистов и новаторов. Причины «архаизирующего» повествования в «Слове» еще не ясны, требуются обширные исследования, в частности, продолжение наблюдений над различными параллелями к «Слову», что мы и делаем далее.

«Что ми звенить... рано предъ зорями»

Иногда в одной только фразе обнаруживается несколько «архаизирующих» явлений благодаря параллелям к «Слову». Так, не замеченую исследователями параллель к фразе из «Слова о полку Игореве» «что ми шумить, что ми звенить давеча рано предъ зорями?» находим в «Хронике» Георгия Амартола: «Кде ми суть глаголи твоихъ трудъ? *Звьнять*» (151), — тоже вопрос и тоже непривычная для нашей современной фразеологии форма «звьнять ми», где глагол «звенети» сочетается с местоимением в дательном падеже, то

¹⁸ Там же. С. 216, 221, 239, 258, 277, 295, 300, 315.

¹⁹ Там же. С. 376. Ср. полки в «Хронике» Амартола: «все железомъ утверженомъ» (558).

²⁰ Там же. С. 402.

²¹ Там же. С. 258.

²² См.: Там же. С. 104—105.

есть предполагается, что звон адресуется определенному лицу, а не просто распространяется в пространстве²³.

Подобная параллель заставляет увидеть, что адресность звука была нередкой в «Слове о полку Игореве». Ср. далее о князе Всеславе: «*Тому* въ Полотске *позвониша* заутреннюю рано у святыя Софеи въ колоколы, а онъ въ Киеве звонъ слыша» (54), — звон был направлен и дошел до адресата. Пение в «Слове» также было направлено на персонажа, а не только посвящено ему: «*кому* хотяше песнь творити» (43); «песнь пояше старому *Ярославу*» (44); «пети было песнь *Игореви*» (44); «*тому* — припевку... рече» (54); «певше песнь *старымъ княземъ*, а потомъ — *молодымъ* пети» (56); отсюда и гусли направлены «*княземъ* славу рокотаху» (44). Клич в «Слове» временами также оказывался адресным: «Дивъ кличеть... велить послушати земли незнаеме» (46), — то есть «кличеть... *земли незнаеме*»; «Донъ *ти*, княже, кличеть» (52). Свист тоже адресно направлен: «Овлуръ свисну... велить *князю* разумети» (55) — «свисну... *князю*». Даже, кажется, и стон направлен: «нощь стонуши *ему*» (46).

Также и не подразумевавшие издавания звука самые различные глаголы в «Слове» сочетались с беспредложными существительными в дательном падеже, обозначающими именно направленность на адресата действия: «чръпахуть *ми* синее вино» (50; в переводе сейчас больше выделяется причинно-целевой смысл: «черпали для меня синее вино»); «Двина течеть *онымъ грознымъ полочаномъ*» (53; в переводе сейчас преобладает целевой смысл: «течет для тех грозных полочан»); «*обиде* порождено» (47; сейчас более опосредствованно: «порождено на обиду, в обиду, для обиды, к обиде»); «утру князю кровавыя его раны» (54; в переводе менее непосредственно, не так в упор: «утру у князя, на князе»). И это далеко не все примеры «дательного направленности» (а не дательного принадлежности) в «Слове»²⁴.

Создается странное впечатление о крайней, может быть, даже нарочитой в «Слове» архаичности выражений типа «что ми шумить, что ми звенить» и т. п. Ведь аналогии встречаем в XI в., но не XII в. Например, в «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона середины XI в. находим такое же обилие

²³ Любопытно, что редкостная метафора «ми глаголи звънять» появилась в результате неправильного перевода греческого текста «Хроники»: «звенять» вместо не понятого переводчиками слова «уходят» (см.: *Матвеевко В. А., Щеголева Л. И.* Указ. соч. С. 396).

²⁴ Уже отмечалось, что дательным падежом в «Слове» представлены «конструкции, различные в смысловом отношении» (*Булаховский Л. А.* «Слово о полку Игореве» как памятник древнерусского языка // *Слово о полку Игореве: Сборник исследований и статей.* М.; Л., 1950. С. 163). Сочетание же глагола с «ми», превращающимся из местоимения в усилительно-выделительную частицу, называют еще дательным поэтическим или дательным заинтересованного лица (*Виноградова В. Л.* К лексико-семантическим параллелям «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве»: Комплексные исследования. С. 149—152).

непривычных для нас словосочетаний глаголов с беспредложными существительными в «дательном направленности». Так, глаголы, подразумевающие звук, как правило, сочетаются у Илариона с указанием адресата этого звука: «воскликнете *Богу*... вся земля да... поеть *тобе*, да поеть же *имени* твоему... услыши ны, Боже»²⁵; «что *ти* приречемь, христороубче, ...зовемь *ти*, о блажениче» (29—30). И глаголы, не связанные с издаванием звука, тоже направляли действие к адресату в «Слове» Илариона: «закалаемь *бесомь* друг друга» (24; сейчас сказали бы: «закалываем для бесов, в честь бесов»); «*тому* поработаютъ» (25; сейчас переводится: «поработают для него, во имя его»); «*ти* припахну воня» (29); «дивна и славна *всемь* *окургъниимь* *странамь*» (33); «*еи* же и церковь... създа» (33) и т. д. В «Молитве» Илариона, присоединенной к его «Слову», также постоянны аналогичные обороты с беспредложными существительными в «дательном направленности»: «съгрешаемь *ти*» (35), «огрози *странамь*» (38); «Троицу... царствующую... *аггеломь* и *человекомь*» (39) и пр.²⁶

Сугубо предварительное, и, возможно, сомнительное предположение о нарочитой ориентации «Слова о полку Игореве» на редкостную фразеологию XI в. нуждается в серьезном обосновании соответствующими аналогиями, которые пока являются единичными и отыскиваются с трудом. Тем не менее в рассматриваемой фразе «что ми звенить...» обнаруживается еще один архаический для конца XII в. мотив: «рано предъ зорями». Почему надо было указать, что действие происходит именно рано утром? Только ли потому, что в действительности так оно и было?²⁷ В «Слове о полку Игореве» упоминаются и полдень, и вечер, и ночь, и полночь, но считанные разы, а вот раннее утро упоминается очень часто по разным поводам и семантически в основном для того, чтобы показать томительную длительность события, начавшегося или продолжающегося с утра. И в самом деле, в эпизоде «что ми звенить» несчастье разразилось не сразу, а назревало с утра первого дня до полудня третьего дня: «Что ми шумить, что ми звенить давеча *рано предъ зорями*? Игорь плъкы заворочаетъ... Бишася *день*, бишася *други*, *третьяго дни къ полудню* падоша стязи Игоревы» (48—49). Точно так же события, предшествующие поражению Игоря, начались рано и длились долго: «*Съ зарания* въ пятокъ потопташа поганья плъкы половецкыя... Другаго дни *велми рано* кровавыя зори

²⁵ Идейно-философское наследие Илариона Киевского. М., 1986. Ч. 1 / Текст памятника подгот. Т. А. Сумникова. С. 26.

²⁶ Еще одно произведение с обилием архаических словосочетаний глаголов с беспредложными существительными в дательном падеже — это служба князьям Борису и Глебу на 24 июля в списке XV в. (см.: Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / Изд. подгот. Д. И. Абрамович. Пг., 1916. С. 150—167). Однако еще надо выяснить, восходит ли список к тексту XI в.

²⁷ Сражения, действительно, начинались обычно с утра. См., например: *Перетц В.* Указ. соч. С. 210.

светь поведають... Съ зараниа до вечера, съ вечера до света летять стрелы каленныя» (46—48). Ярославна с раннего утра и, по-видимому, тоже долго плачет об Игоре: «рано кычьеть... рано плачьеть», да и сама об этом говорит: «слала къ нему слезь... рано» (54—55), — и вот только к «полунощи» Игорь совершает побег. Сам побег Игоря тоже длится долго, — ведь он бежит, избивая гусей и лебедей с утра до вечера: к «завтроку, и обеду, и ужине» (55); потом снова упомянуто раннее время — на рассвете соловьи песнями «светь поведають»; но только днем, когда «солнце светится на небесе — Игорь-князь въ Руской земли» и появляется (56). Нужно отметить, что упоминания другого времени суток, например, ночи, тоже служат изображению тревожной длительности явлений в «Слове»: «Дльго ночь мръкнеть» (46); Всеслав «въ ночь влькомъ рыскаше», пока ему не «позвониша зауреннюю рано» (54); Святослав во сне видит длинные картины: «Си ночь съ вечера одевахуть мя... Всю ноць съ вечера босуви врани възграяху...» (50).

Единичная аналогия обозначению длительности события через упоминание утра в «Слове» извлекается опять-таки из «Хроники» Георгия Амартола. Например, поход Давида начался с утра и долго длился: «Утрьни Давыдъ иде заутра стречи землю иноплемьникъ... и пришедшу Давыду въ землю ону в 3 день... и с победою возвратившюся въ 4 день» (128). Значит, снова можно вернуться к предположению о том, что автор «Слова о полку Игореве» брал редкие формы повествования, редкие даже в XI в., и применял их в своем произведении. Но дополнительные аналогии надо еще найти.

Об «архаизирующей» повествовательной манере «Слова о полку Игореве», конечно, можно спорить. Однако поддержку такому предположению находим в осторожных, но регулярно повторяемых выводах А. Н. Робинсона об идейно-политической архаичности «Слова», в котором, по словам исследователя, преобладает «идеология, направленная к возрождению архаических традиций «Русской земли», утверждение идеалов, восходящих к устаревшим (в эпоху феодальной раздробленности) традициям Киевской Руси»; и еще: «необычная для памятников русской литературы насыщенность «Слова» редкими или единственными в своем роде трудными для понимания символами... является одним из свидетельств архаичности памятника уже для своего времени (XII в.)»; «“Слово о полку Игореве” по своему содержанию и форме было архаичным феноменом второй половины 80-х годов XII в.»; «высокие идеи «Слова», как и его прекрасная поэтика не отвечали реальным политическим требованиям и эстетическим нормам эпохи феодальной раздробленности... они становились безнадежно архаичными»²⁸. Показательно, что даже Д. С. Лиха-

²⁸ Робинсон А. Н. Литература Древней Руси в литературном процессе Средневековья XI—XII вв.: Очерки литературно-исторической типологии. М., 1980. С. 241, 255, 267, 302, 308. Из представления об архаичных литературных пластах «Слова о полку Игореве» исходит А. Л. Ни-

чев выдвинул предположение о том, что «Слово» «исполняется как бы двумя певцами», первый из которых — «певец-архаист», он «предлагает исполнять песнь «старыми словесы»... в манере Бояна», а второй — «певец-рассказчик», «он предлагает петь по «былинам сего времени»; правда, отделить «старые словеса» от «былин сего времени» в тексте «Слова о полку Игореве» удается все-таки с трудом: «тема Бояна оказывается в известной мере более естественной и органичной для “Слова”»²⁹.

«Подь облакы»

По поводу «архаизации» в «Слове» добавим три наблюдения над рядом пространственных мотивов. Наблюдение первое. У героев и символических персонажей «Слова», как и во всяком произведении, конечно, есть верхний пространственный уровень, в пределах которого они действуют, но уровень несколько неожиданный. Это не небо, как обычно бывает в памятниках. Небо вообще лишь один раз упоминается в «Слове», да и то в концовке, возможно, добавленной в первоначальный текст позже; притом небо здесь служит только фоном для солнца: «Солнце светится на небесе — Игорь-князь въ Руской земли» (56). Солнце же как самостоятельное обозначение верхней границы действий персонажей наиболее часто упоминается в «Слове», и особенно деяния Игоря разворачиваются под солнцем: «Тогда Игорь възре на светлое солнце» (44); «Игорь-князь... поеха по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заступаше» (46); «Игорю утръпе солнцю светъ» (52). Воины Игоря тоже пребывают под солнцем: «Светлое и тресветлое сльнце... простре горячую свою лучю на... вои» (55).

Сопровождение героев в походе реальным солнцем — это уникальная повествовательная черта «Слова о полку Игореве», пожалуй, больше не находящая ни в памятниках XII в., ни в памятниках XI в., в которых солнце упоминается лишь в связи с космологическими и фенологическими темами или при статичных описаниях строений и вооружений, блистающих под солнцем. Удастся найти еще только один эпизод с солнцем, сопровождающим персонажей, — в «Поучении» Владимира Мономаха самого конца XI в.: «да не застанеть вас солнце на постели. Тако бо отець мои деяшет блаженный и вси добрии мужи свершени... солнцю всходящю, и узревше солнце...»³⁰. Сходство «Слова» опять с древностью...

китин в его книге «Слово о полку Игореве: Тексты. События. Люди» (М., 1998). В этой связи примечателен давний вывод языковеда, сформулированный еще в 1938 г.: «приходишь к заключению, что в «Слове» отразилась более архаическая стадия языка» (*Винокур Г. О.* К вопросу о языке «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве»: Комплексные исследования. С. 98).

²⁹ *Лихачев Д. С.* Предположение о диалогическом строении «Слова о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве». Л., 1986. С. 10, 12, 13, 25 и др.

³⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 246—247.

Наблюдение второе. Как известно, внимание автора «Слова» к солнцу, вероятно, было связано с реальным обстоятельством похода Игоря — с солнечным затмением. Но и другие повторяющиеся мотивы «Слова», реальные и символические, тоже были связаны с различными внешними обстоятельствами того похода по степи: обильные птичьи мотивы, особенно соколиные, соловьиные, галочьи и пр.; мотив бегущего волка; мотивы травы и единичного древа в степи; мотивы поля, холма и неведомости пути и т. д.

Если верна догадка о появлении стойких литературных мотивов в «Слове» в зависимости от специфических реалий действительности, то мы, может быть, опять встречаемся с «архаизирующим» повествованием в «Слове», потому что в произведениях XII в., кажется, не обнаруживается случаев стихийного возникновения художественных мотивов под влиянием предметных особенностей реальной ситуации, затрагиваемой или подразумеваемой произведением, а вот ранее хотя бы единичный случай указать можно. В «Сказании о Борисе и Глебе» конца XI — начала XII вв. в сцене нападения убийц на Глеба упомянута известная своей необычайной яркостью деталь, отсутствующая в других произведениях о Борисе и Глебе: убийцы Глеба «обнажены меча имуще в руках своих, бльщаща ся, акы вода»³¹. Сверкание оружия нередко описывается в памятниках, но необычное сравнение блеска мечей — «акы вода» — появилось, по-видимому, оттого, что мечи были обнажены над водой, на реке, когда Глеб плыл «въ кораблици» и убийцы «гребяху ся къ нему» и, нагнав, «начаша скакать... въ лодью его». Само по себе сравнение «акы вода» (особенно в связи с кровопролитием) — книжного происхождения³², но оно было напомнено автору окружающей обстановкой тех событий.

Догадка об «архаичности» отдельных литературных мотивов в «Слове» подкрепляется третьим наблюдением над верхним уровнем действий различных персонажей — под облаками. Наиболее ясно этот верхний облачный уровень обозначен в самом начале «Слова»: «Боянь бо вещи... растекашется... серымь вълкомь по земли, шизымь орломь подь облакы» (43), — земля предстает как низший уровень деятельности Бояна, а облака — как высший. В последующем тексте уровни тоже противопоставлены, хотя и не так отчетливо, друг другу: «О,

³¹ Успенский сборник XII—XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971. С. 51.

³² В Библии копьё у Голиафа блестит, как вода (Первая книга Царств, гл. 17). Ср. еще один, поздний случай — в «Хронографе» 1512 г. в статье «О Галияфе»: «в руку его мечь, яко вода, чисть» (ПСРЛ. Т. 22, ч. 1. С. 109). Не ясно, откуда это сравнение именно меча с водой (а не копья, как в Библии) попало в хронографическую статью о Голиафе, являющуюся пересказом «Хроники Георгия Амартола», — но у самого Амартола нет такого сравнения (125), а влияния «Сказания о Борисе и Глебе» в данной хронографической статье не наблюдается.

Бояне... летая умомъ подь облакы..., рища... чресь поля...» (44), — вверху облака, а внизу поля; «о, ветре... мало ли ти бяшетъ горе подь облакы веяти, лелеючи корабли на сине море» (54), — вверху облака, а внизу море; «Игорь... потече къ лугу Донца и полете соколомъ подь мъглами» (55), — внизу луг, а вверху «мглы», то есть облака. Такое же противопоставление содержит фраза со следующим упоминанием облаков: Ярослав Осмомысл «затворивъ Дунаю ворота, меча бремены чресь облаки» (52). Выражение «чресь облаки» означало область не столько выше облаков, над облаками, сколько вдоль них, а потом за ними на том же уровне; ср. аналогии: «рища... чресь поля на горы» (44) — вдоль и за пределы полей; «занесе чресь поля широкая» (44) — вдоль за широкие поля; «вьются голоси чресь море до Киева» (56) — вдоль за море. Так что во фразе о Ярославе Осмомысле тоже присутствуют два уровня действий: низший — Дунай, а высший — облака; и, значит, облака в «Слове» постоянно составляют верхний уровень развития событий, не связанный ни с небесами, ни с солнцем (кроме одного кажущегося исключения: «чръныя тучя съ моря идуть, хотятъ прикрыти 4 солнца» — 47; однако тут тучи — субъект действия, идут, куда хотят, и не являются объектом деятельности земных героев).

Аналогии «Слову», его облакам в роли самостоятельного (без неба и солнца) верхнего предела действий персонажей встречаются опять именно в очень ранних переводных произведениях — в «Александрии» («великъ орель... възлете на облакы», в другом списке — «под облакы»³³); в «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия (римляне «акы под облаком пришедше», в другом списке — «по облаком»³⁴); в «Шестодневе» Иоанна Экзарха («брези... акы до облакъ възведени беаху... до облакъ суще зрещимъ», «пенещи се море и възходещее до облакъ»³⁵); в «Хронике» Георгия Амартола («видевъ некоего висока... стояща, прикасающаяся до облака»³⁶); а также в оригинальном древнерусском произведении XI в. — в «Житии Феодосия Печерского» Нестора («въ нощи на поли... виде церковь у облака сущу»³⁷).

Позднее с мотивом облаков как мерой высоты произошли заметные перемены, не свойственные «Слову о полку Игореве». Облака стали упоминаться в ироническом контексте, например, во «Владимири-Суздальской летописи» под 1169 г. и в «Киевской летописи» под 1172 г. («сего доведоша беси, възнесше

³³ *Истрин В. М.* Александрия русских хронографов: Исследование и текст. М., 1893. Приложения, с. 34. Аналогия указана: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Вып. 4. С. 13, 36.

³⁴ *Мещерский Н. А.* Указ. соч. С. 274.

³⁵ Шестоднев, составленный Иоанном екзархом болгарским / Изд. подгот. О. М. Бодянский // ЧОИДР. М., 1879. Кн. 3. Л. 66—66 об.

³⁶ *Истрин В. М.* Книги временныя... С. 443—444.

³⁷ Успенский сборник... С. 105.

мысль его до облакъ»³⁸); а в положительном контексте — вперемешку с небесами, что видно даже в «Задонщине» (жаворонок и иные птицы то летят «под синие облакы», а то и чаще — «под синие небеса»)³⁹. Значит, кажется, есть основания вернуться к предположению об «архаизирующей» ориентации «Слова о полку Игореве» и в этом литературном мотиве.

Все, сказанное выше, побуждает к дальнейшим исследованиям. Надо проверить масштабы «архаизирующей» ориентации «Слова о полку Игореве» на гораздо большем количестве аналогий к нему из других памятников. Если явление «архаизации» подтвердится, то можно поставить вопрос о постоянстве «архаизирующих» «оглядываний назад» в древнерусской литературе на протяжении с XII по XVII вв., а не только во второй половине XIV — начале XV вв., в период так называемого Предвозрождения. В общем, история древнерусского архаического литературного творчества содержит немало неожиданностей.

2001 г.

³⁸ Летопись по Лаврентиевскому списку. С. 336; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 553.

³⁹ «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла / Тексты «Задонщины» подгот. Р. П. Дмитриева. М.; Л., 1966. С. 536, 541, 542, 548, 549, 551, 552.

ГИПОТЕЗА О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ВИДЕ «СЛОВА О ПОГИБЕЛИ РУССКОЙ ЗЕМЛИ»

К еще более загадочным и даже головоломным произведениям, чем «Слово о полку Игореве», принадлежит «Слово о погибели Русской земли». Сейчас известны два почти идентичных списка памятника: первый, более ранний, — XV в., и второй, более поздний, — XVI в.; оба списка одинаково дефектны и восходят к общему протографу, но список XV в. сохранил более древние черты¹. По не очень ясным упоминаниям князей в дефектном тексте «Слово» датируется XIII в., — то ли 1238 г., то ли временем до 1246 г., то ли более поздними годами².

Смысл «Слова о погибели Русской земли» также неясен. Недоумения начинаются уже с заголовка памятника. В раннем списке XV в. заголовок написан с буквенными исправлениями и явными искажениями и поэтому может быть прочтен по-разному: «Слово о погибели Руския земни и о о смерти великого князя Ярослава»; или же: «Слово о погибели Руския земны по смерти великого князя Ярослава»³. В списке XVI в. такого заголовка нет вообще. О какой «погибели Русской земли» идет речь, — неясно, потому что в обоих списках сохранилось только самое начало произведения, всего 2 странички. При чем переписаны они без понимания и внимания; текст настолько испорчен, что, например, в списке XV в. на все 45 строк отрывка из памятника приходится более 20 ошибочных или переправленных написаний слов, искажений фраз и словесных пропусков; даже имя Владимира Мономаха написано неверно: «Володимеру Иманаху». Естественно, что столь небольшой и искаженный текст с трудом поддается истолкованию и допускает различные догадки о его смысле. В какой-то степени прояснить смысл «Слова» помогают аналогии его темам и мотивам из других древнерусских памятников, чем и занимаются исследователи этого красивого, но маловразумительного произведения.

Понятие «погибель» в «Слове о погибели Русской земли» вызвало особенно много истолкований⁴. В дошедшем отрывке памятника это слово употреблено только один раз — в заголовке, где «погибель Русской земли» («о погибели...

¹ См.: *Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965. С. 21—44.

² Обзор датировок и уточненную датировку см.: *Горский А. А.* Проблемы изучения «Слова о погибели Русской земли» (К 750-летию со времени написания) // ТОДРЛ. Т. 43. С. 19, 23—33.

³ См. снимок рукописи: *Лопарев Х.* Слово о погибели Руския земли: Вновь найденный памятник литературы XIII века. СПб., 1892. С. 25—27. Далее текст «Слова» цитируется по снимку.

⁴ Обзор точек зрения на понятие «погибель» и уточнение его смысла см.: *Горский А. А.* Указ. соч. С. 20—23; *Бегунов Ю. К.* Указ. соч. С. 114—117.

по смерти»), как можно понять, связана со временем после смерти великого князя киевского Ярослава Владимировича Мудрого в 1054 г. Аналогичные мотивы из других памятников подтверждают связь «погибели Русской земли» с определенным историческим временем второй половины XI в. Например, в «Повести временных лет» слова «погубити», «губити», «погибать» по отношению к Русской земле постоянно употреблялись в летописных статьях с 1054 по 1097 гг. («погубить землю отец своих и дедь своих», «губять землю Русскую», «погубили суть землю Русскую», «погыбнет земля Руская», «губимь Русскую землю» и т. д.⁵). А затем, в XII—XIII вв., эти выражения использовались в летописях лишь в редчайших случаях. Так, в «Лаврентьевской летописи» под 1147 г. сказано: «Земля наша погыбаеть» (299), — но речь уже идет о Черниговской земле, а не о всей Русской земле.

В «Слове о полку Игореве» мотив «погибели» тоже был связан со временем после смерти Ярослава Мудрого: «...минула лета Ярославля, были плъци Ольговы, Ольга Святъславличя... Тогда при Олзе Гориславличя... *погибашеть* жизнь Дажь-Божа внука... Тогда *по Рускои земли* ретко ратаеве кикахуть»⁶, — тут затронута та же тема о погибании и Русской земле во второй половине XI — начале XII вв. при князе Олеге Святославовиче (умер в 1115 г.).

Если в заголовке «Слова о погибели Русской земли» мотив «погибели земли» подразумевал время второй половины XI в., то в это время «погибель» никак не могла обозначать состоявшееся или ожидаемое уничтожение либо исчезновение Русской земли.

В контексте «Слова» и других памятников выражение «погибель земли» имело, скорее всего, переносное значение «разорение, опустошение». Недаром «Слово» сразу после заголовка приступило хотя и к противоположной теме, но как раз того же хозяйственного рода, — об отсутствии разорения, об украшенности и наполненности Русской земли благами.

Аналогичные выражения о погибели или погублении Русской земли в других ранних памятниках отчетливей, чем в «Слове о погибели», обозначали «погибель земли» как ее разорение, прежде всего хозяйственное. Например, «Повесть временных лет» довольно ясно разделила компоненты погибели на ее причину, затем на собственно погибель и на следствие погибели. Так, под 1097 г. было определено: «начнетъ брать брата закалати, и *погыбнетъ* земля Руская, и врази наши половци, пришедше, возмутъ землю Русскую» (253), — причиной погибели земли являются междоусобия князей, а следствием погибели станет

⁵ Летопись по Лаврентиевскому списку / Изд. подгот. А. Ф. Бычков. 3-е изд. СПб., 1897. С. 157, 212, 220, 221, 247, 253, 254. Далее страницы указываются в скобках.

⁶ Слово о полку Игореве / Текст памятника подгот. Л. А. Дмитриев и Д. С. Лихачев. Л., 1967. С. 48. Далее страницы указываются в скобках.

пленение, захват земли врагом. Но в чем выражается сама погибель или погубление земли? На этот вопрос тоже ответила «Повесть временных лет». Под 1093 г. сообщалось: «погании *губять* землю Русьскую; ... половци... пустишася по земли, воююще, ... опустеша села наша и города наши, ... земля мучена бысть... все тоще ныне видимъ» (212—216), — то есть погубление земли состоит в ее разорении, опустошении, мучении.

В «Слове о полку Игореве» выражение «погибашеть жизнь Дажь-Божа внука» тоже означало разорение имущества русских жителей⁷.

«Хроника» Георгия Амартола, переведенная на Руси в XI в., также подтверждает, что под «погибелью» какой-либо области или города, например, Иерусалима, понималось прежде всего его хозяйственное запустение, разорение, разрушение, включая, конечно, и убийства. Как его «первое же по времени *погибелье* же и запустением... градъ бошью (полностью) пусть створивъ», так и «2-е *погибелье* Иерусалиму» толковалось как «мерзость запустению»: губитель Иерусалима «разоривъ стены градныя, весь градъ пожьже и испроверже» и т. п.⁸ Точно так же толковалось «3-ее бышью (полное) *погибение* Иерусалиму»: «народы, и грады, и царствие, еще же и страны, и воины, и дома... разрушими», «велия стена разорена, и гради раскопани, и святость (святыня) потреблена» и пр. (175, 176).

Из переведенной в XI в. же «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия достаточно привести только один пример «о *погибели* града», — он содержит пояснение, что такое «погибель»: «пременение града от светлости на пустоту, и от лепоты на многостонанный образъ, и от преславнаго создания на разорения и на зажигание»⁹.

Так что заголовок «Слова о погибели Руския земли по смерти великого князя Ярослава» имел в виду хозяйственное или хозяйственно-политическое разорение Русской земли, которое началось или последовало со смерти Ярослава Мудрого во второй половине XI в.

⁷ Адрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII веков. Л., 1968. С. 107, 104.

⁸ Истрин В. М. Книги временныя и образныя Георгия Мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Пг., 1920. Т. 1: Текст. С. 199, 202. Далее страницы указываются в скобках. Благодарю В. А. Матвеевко за указание словоупотребления в этом памятнике.

⁹ Меццерский Н. А. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.; Л., 1958. С. 444. Далее страницы указываются в скобках. Показательно также, что в «Повести о разорении Рязани Батыем» в 1237 г. слово «погибель» тоже означало «разорение». Один из оставшихся в живых рязанских князей, плача, обращался к убитым: «Меня единого оставиша в толице погибели». А перед плачем рассказывалось о разорении Рязани и Рязанской земли: «изменися доброта ея... токмо дым и пепел, а церкви все погореша... все бо лежаша, купно умроша...» (ПлДР. Т. 3 / Текст памятника подгот. Д. С. Лихачев. С. 194).

В «Слове» есть упоминание еще одного неприятного процесса и времени его бытования: «А в ты дни болезнь крестияном от великаго Ярослава и до Володимера, и до ныняшняго Ярослава, и до брата его Юрья князя Володимерьскаго», — некая «болезнь христиан» отмечена от Ярослава Мудрого до его внука Владимира Всеволодовича Мономаха и до Владимировых правнуков — до Ярослава Всеволодовича и Юрия Всеволодовича. Фраза очень неясна, не содержит глагола, она, может быть, не закончена, — но на ней и обрывается дошедший отрывок «Слова» в обоих списках.

Что такое «болезнь крестияном»? Это выражение, скорее всего, имело переносный смысл и означало горе или несчастье у христиан. Такое словоупотребление было характерным для древнейших памятников. Например, в целом ряде переводных поучительных слов отцов церкви, переписанных в «Успенском сборнике» конца XII — начала XIII вв., «болезнь», бесспорно, означала «печаль». Например: «отбеже от васъ *болезнь* и печаль, скорбь и въздыхание»¹⁰, — в данном окружении синонимов «болезнь» и есть печаль, скорбь и т. п. Далее: «обретоста острую сию, и печальную, и *болезнью* жизнь» (300. Слово Иоанна Дамаскина об иссохшей смоковнице), — «болезньныи» и есть печальный. Еще: «бе бо има печаль велика, *болезни* пълна» (375. Слово Андрея Критского о четверодневном Лазаре), — «болезнь» и составляет печаль.

Очень много раз «болезнь» в переносном смысле как печаль упоминалась в «Повести о Варлааме и Иоасафе», переведенной в XI— начале XII в.: «съхранить себе... чиста от греховъ... трудом и *болезнию*, плачемъ же и рыданиемъ»¹¹, — «болезнь» значит то же, что «труд» (то есть печаль), плач и пр. Еще пример: «душу бедою и *болезнию* разделяя» (192), — «болезнь» аналогична беде. И совершенно ясно сказано: «моя *болезнь*... несть по обычаю недугъ..., но от скорбе и печали душевныя сердцемъ *болю*» (197), — под «болезнию» подразумевается душевное, сердечное болезнование, скорбь. В «Повести о Варлааме и Иоасафе» даже употреблялось словосочетание, близкое к «Слову о погибели Русской земли». В «Слове о погибели»: «болезнь крестияном»; в «Повести о Варлааме»: «крестьянское же болезнь» (122); причем в повести тут же поясняется суть «болезни христиан»: все житейское «печаль творить... скорбь же иматъ в мире семь... Крестьянское же болезнь временна», — «болезнь» временна, преходяща, потому что это житейская печаль или мирская скорбь.

¹⁰ Повесть Поливия о скончании живота Епифана Кипрского // Успенский сборник XII—XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971. С. 278. Далее страницы указываются в скобках.

¹¹ Повесть о Варлааме и Иоасафе: Памятник древнерусской переводной литературы XI—XII вв. / Изд. подгот. И. Н. Лебедева. Л., 1985. С. 155. Далее страницы указываются в скобках.

В оригинальных древнерусских произведениях слово «болезнь» тоже нередко употреблялось в переносном значении «печаль, горе», как, например, в летописной повести об убиении Бориса и Глеба под 1015 г. в составе «Повести временных лет»: «вся напаяюща сердца, горести и *болезни* отгоняща, страсти злыя ицеляюща» (135), — «болезни» отнесены к явлениям сердечным, это горести и страсти.

На фоне многочисленных аналогий можно полагать, что «болезнь христианом» в «Слове о погибели» означала сердечное или душевное беспокойство, печаль, горе христиан.

Поводы для такой «болезни»-горя не пояснены в дошедшем отрывке «Слова», но сохранилась периодизация «болезни». Прежде всего, это время «от великаго Ярослава и до Володимера». Вряд ли здесь подразумевалось, что «болезнь» христиан длилась сплошь от начала великого княжения Ярослава Мудрого в 1019 г. и до конца великого княжения Владимира Мономаха в 1125 г. Ведь Ярослав Мудрый считался исключительно боголюбивым князем, принесшим огромную пользу христианам: тогда, как восславил то время летопись, «радовашеся Ярославъ, видя множество церквий и люди хрестьяны», «в печали утешаеми» (148—149), — не «болезнь» и печаль, а радость и утешение. Тем более не могла подразумеваться «болезнь» при Владимире Мономахе, успехи которого «Слово» восхваляло.

Для прояснения смысла выражения «от великаго Ярослава и до Володимера» полезно обратиться к аналогиям в других памятниках, в частности, к «Повести временных лет», где под 852 г. в известной хронологической выкладке по русской истории использованы практически все основные типы выражения «от... до...» с временным значением. Счет велся обычно от начала одного явления до начала другого явления; например: «оть перваго лета Святославля до перваго лета Ярополча леть 28» (17). Можно было вести счет от конца одного явления и до конца другого явления; например: «оть смерти Святославля до смерти Ярославли леть 85». Но нередко ни начало, ни конец явлений не обозначались; например: «оть Адама до потопа леть 2242». В подобных случаях основания для расчета становились расплывчатыми, и подразумевались не столько начало или окончание связываемых явлений, сколько некий момент их полной воплощенности или расцвета. Так что выражение «оть Адама до потопа» не претендовало на точность и означало нечто вроде «от Адама в расцвете его сил до потопа во всем его объеме».

Таким образом, неясное высказывание в «Слове о погибели Русской земли» о времени «болезни» христиан «от великаго Ярослава и до Володимера», вероятно, так же неточно вело отсчет по неопределенным пикам деятельности этих великих князей, — примерно, от второй половины деятельности Ярослава Мудрого и до первой половины деятельности Владимира Мономаха, то

есть с 1040-х или 1050-х годов и по 1110-е годы (Владимир Мономах стал великим князем в 1113 г.). Значит, «болезнь» продолжалась лет 60.

Но отсюда следует, что время «погибели»-разорения Русской земли и время «болезни»-горя христиан в «Слове» совпадают и относятся ко второй половине XI — началу XII в.

Однако в «Слове о погибели Русской земли» время «болезни» продолжено до Мономаховых правнуков — «и до ныняшняго Ярослава, и до брата его Юрья князя Володимерьскаго». Юрий Всеволодович княжил во Владимире с 1212 г. и до своей смерти в 1238 г.; «нынешний» Ярослав Всеволодович умер в 1246 г. Напомним, что, по мнениям разных ученых, в «Слове» имелось в виду либо время не позже 1238 г., если владимирский князь Юрий Всеволодович упоминался как живой, но был поставлен после Ярослава, который оказался «главнее», так как в этом году являлся князем киевским; или же имелось в виду время до 1246 г., раз Ярослав Всеволодович был назван «нынешним», то есть живым; наконец, могло подразумеваться время и после 1246 г., если толковать определение «нынешний» не как «живущий ныне», а просто как «современный» Ярослав в отличие от «старого, прошлого» Ярослава Мудрого. Так или иначе, но «болезнь» христиан, по периодизации в «Слове», распространялась на первую половину XIII в.

Но выражение «и до ныняшняго Ярослава, и до... Юрья» означало не непрерывное продолжение «болезни» в течение XII—XIII вв., а ее рецидив при Ярославе и Юрии Всеволодовичах. Предыдущие княжения их прадеда Владимира Мономаха, их деда Юрия Владимировича Долгорукого и их отца Всеволода Юрьевича Большое Гнездо «Слово» не могло считать подверженными «болезни», так как восхваляло этих князей. Скорее всего, в последней, оборванной фразе «Слово о погибели Русской земли» неявно наметило два этапа «болезни» христиан на Руси: первый этап — «болезнь» во второй половине XI — начале XII вв.; второй этап лет через 100 — «болезнь» в первой половине XIII в., после смерти Всеволода Юрьевича Большое Гнездо в 1212 г.

Если верно предположение о времени, на которое в «Слове» указывали понятия «погибель» Русской земли и «болезнь» христиан, то тогда в дошедшем отрывке памятника можно различить предположительно же более древний и более новый пласты текста. В самом деле, «Слово» начинается описанием красот Русской земли, и описание это ведется в настоящем времени: «многими красотами удивлена еси... всего еси исполнена земля Руская». Но так можно было восхищаться красотами Руси только в ее благополучный период, в отсутствие «погибели» и «болезни». Таких благополучных периодов, по «Слову о погибели», было два: первый — при Ярославе Мудром, в первой половине XI в.; и второй период — от Владимира

Мономаха и до Всеволода Большое Гнездо включительно, с начала XII в. по начало XIII в. В любом случае это означает, что описание красот Русской земли появилось до формирования дошедшего до нас текста «Слова о погибели» второй четверти XIII в., 1238—1240-х годов, и что к первоначальному тексту и взамен его были добавлены более поздние вставки.

Прежде чем уточнять датировку первоначального текста, надо уточнить его состав. Дальнейший рассказ в дошедшем тексте «Слова» побуждает подозревать в нем соседство раннего и позднейшего отрывков. Так, можно заметить, что в дошедшем тексте памятника присутствуют рядом два разных перечисления во многом одних и тех же народов. Перечисление народов, опасавшихся Владимира Мономаха, составлено по принципу охвата огромного пространства «крест накрест», преимущественно с юга на север, с севера на юг, с востока на запад: от половцев — к литовцам; от угров (венгров) — к заморским «немцам» (шведам, скандинавам); от буртасов, черемисов, мордвы — к царьградскому (византийскому) правителю. Перечисление же на сходную тему — «все покорено было» русским князьям — составлено совсем по иному принципу движения по «окружности»: «Отселе до Угорь, и до Ляховь, до Чаховь (чехов); от Чахов до Ятвязи; и от Ятвязи до Литвы, до Немець; от Немець до Корелы; от Корелы до Устьяга, где тамо бяху Тоимици погании, и за Дышючимь моремь (Ледовитым океаном); от моря до Болгарь (волжских болгар); от Болгарь до Буртась; от Буртась до Чермись; от Чермись до Морьдвы». Непосредственное соседство в памятнике двух принципиально разных этногеографических описаний — явление необычное и уже само по себе вызывает сомнения в их одновременности. Можно думать о большей древности этно-описательного принципа «крест накрест», хотя уверенно утверждать это нельзя из-за отсутствия ясных и близких аналогий в текстах XI—XIII вв. Разве что в «Повести временных лет» под 986 г. о выборе вер Владимиром Крестителем у разных народов летописный рассказ разворачивается, кажется, по сходному принципу «крест накрест»: предлагают свою веру болгары волжские — затем «немцы от Рима» — затем хазары — затем греки.

Перечисление же этнических областей или народов (но не географических пунктов!) по принципу «окружности» или «полукруга» имеет лишь более поздние аналогии, не ранее конца XII в. Например, в «Слове о полку Игореве» читается перечень областей по «дуге» от Волги до Крыма: «послушати... Вльзе, и Поморию (азовскому), и Посулию (Сула — левый приток Днепра), и Сурожу, и Корсуню (города в Крыму)» (46); так же по «кругу» перечисляются народы: «немци, и венецици, ту греци, и морава» (50); кстати говоря, и обращение автора к князьям, как отметил Д. С. Лихачев, тоже следует по географической «дуге» последовательно с востока на запад, — от Владимиро-Суздальского княжества

до княжества Полоцкого¹². На фоне аналогий предположение о позднейшей вставке «кругового» перечисления народов в первоначальный текст «Слова о погибели Русской земли» кажется правдоподобным, хотя все-таки шатким.

Но есть еще одно свидетельство о возможной вставке этого «кругового» перечня народов: оно извлекается из исторического содержания перечня, который завершается обобщающей фразой, правда, не очень складной и вразумительной в обоих списках «Слова о погибели»: «то все покорено было Богомъ крестияньскому языку поганьскыя страны: великому князю Всеволоду, отцю его Юрью князю Киевскому, деду его Володимеру Иманаху». Из этой фразы в обоих списках «Слова» можно понять, что «христианскому языку» были покорены не все перечисленные страны, а лишь все «поганьскыя страны»; из перечисленных же народов языческими или нехристианскими народами в XI—XIII вв. оставались ятвяги, литва, «тоимици погании» и ряд народов от волжских болгар до мордвы. Именно они, как перечислено в дошедшем тексте, были покорены якобы трем князьям: великому князю владимирскому Всеволоду Юрьевичу Большое Гнездо, отцу Всеволода князю киевскому Юрию Владимировичу Долгорукому, деду Всеволода Владимиру Мономаху.

И вот тут-то видна граница вставки. Дело в том, что, по наблюдениям ученых, каких-либо походов Владимира Мономаха на волжских болгар, на мордву или на литву вообще не зарегистрировано в летописях¹³; напротив же, успешные походы Юрия Владимировича и Всеволода Юрьевича отмечены, например, «Лаврентьевской летописью» под 1120 г. (на болгар), под 1184 г. (на болгар), под 1186 г. (на болгар и мордву). Это значит, что новый, «круговой» перечень народов и новые упоминания князей Всеволода Юрьевича и Юрия Владимировича в известной мере механически были присоединены к первоначальному тексту, к старому упоминанию о Владимире Мономахе и о народах, его опасавшихся.

Есть и третье свидетельство о вставке. Обращает внимание разница в именовании князей. Для первоначального вида «Слова о погибели», вероятно, была характерна лапидарная, без пояснений, манера названия князей: «великий князь Ярослав», «князь великий Володимеръ», или еще короче — «великий Ярослав», «великий Володимеръ», или же совсем просто — «Володимер». А во вставлен-

¹² Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве»: Историко-литературный очерк. М., 1976. С. 67. В «Ипатьевской летописи» под 1111 г. встречается самое раннее перечисление стран как будто бы по дуге: «ко всимъ странамъ далнимъ рекуше: къ грекомъ, и угромъ, и ляхомъ, и чехомъ, дондеже и до Рима проиде» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 273). Но есть сомнения в раннем происхождении этой летописной статьи и данного перечисления: предполагаются «здесь безусловные следы редакторской работы середины или второй половины XIII в.» (Никитин А. Л. Основания русской истории: Мифологемы и факты. М., 2001. С. 71). Столбцы цитированного издания «Ипатьевской летописи» далее указываются в скобках.

¹³ См.: Бегунов Ю. К. Указ. соч. С. 118—119.

ном тексте новые князья, чтобы избежать путаницы совпадающих имен, обозначались уже иначе, — с указанием их родства и области их правления. В результате, Владимир Мономах стал упоминаться еще и как «дед».

Аналогичную старую и новую манеру в именовании князей можно наблюдать, например, в «Лаврентьевской летописи». Сначала князья именуются лапидарно, только по именам. Потом, в торжественных сообщениях, князья получают родословные характеристики, вроде такой: «умре Брячиславъ, сынъ Изяславъ, внукъ Володимеръ, отецъ Всеславъ» (151, под 1044 г.). Затем появляются географические уточнения: «преставися Всеславъ, полоцкий князь» (264, под 1101 г.); «преставися Всеволодько городецкий князь» (293, под 1141 г.); «Всеволодь князь киевский приде» (295, под 1144 г.). Позднее все эти сведения начинают объединяться при торжественном упоминании князя: «преставися князь рязаньский Игръ, сынъ Глебовъ» (391, под 1195 г.) и пр. Так что старое и новое, действительно, просматриваются в дошедшем тексте «Слова о погибели».

Представить же, каков без вставок был первоначальный текст «Слова о погибели Русской земли» в пределах дошедшего текста, можно только сугубо предположительно и отрывочно, но все-таки не так уж расплывчато. В первоначальном виде «Слово о погибели Русской земли», по-видимому, содержало описание красот Русской земли (в настоящем времени), похвалу деяниям Владимира Мономаха (в прошедшем времени) и осуждение предшествовавшего Мономаху периода «болезни» христиан. Эти три отрывка из дошедшего текста «Слова», по всей вероятности, и восходят к его первоначальному тексту.

Каких-либо внешних свидетельств о существовании такого предполагаемого сочинения в похвалу Владимиру Мономаху нет. Но есть композиционные аналогии подобному изложению. Например, во введении к «Повести временных лет» цельный трехчастный рассказ составляют географическое описание общепринятого пути через Русь «изъ варягъ в греки» и описание путешествия апостола Андрея по тому же пути (6—7). Первая часть этого рассказа — обзор разных путей на Руси и из Руси — ведется преимущественно в настоящем времени: «потечеть... вьтечьеть... внидеть» и т. д. Перечисление направлений движения напоминает о принципе «крест накрест»: «Днепръ бо потече из Оковьскаго леса и потечеть на полъдне (на юг); а Двина ис того же леса потечеть, а идеть на полунощье (на север)...; ис того же леса потече Волга на вьстокъ... в болгары и въ хвалисы». Вторая часть летописного рассказа переходит к деяниям главного героя — апостола Андрея — на очерченном пространстве, а ведется уже в прошлом времени: «училь святыи Онъдрей... и проиде въ устье Днепрское...» и пр. Третья часть рассказа касается времен, даже предшествовавших Андрею, когда поясняет, «како есть обычай» у словен, сложившийся, конечно, задолго до Андрея. Этот летописный рассказ близок по структуре к первоначаль-

начальному рассказу «Слова о погибели Русской земли», где от обзора красот Руси делался переход к деяниям Владимира Мономаха на Руси и затем затрагивалось время, предшествовавшее Мономаху.

Еще одна структурная аналогия встречается в «Повести временных лет» под 1096 г. Описываются местность далеко на северо-востоке и неведомый народ, там пребывающий, — все в настоящем времени: «суть горы заидуче в луку моря... секуть гору, хотяще высечися... помавають рукою...» и пр. (227). Затем изложение переходит к деяниям героя на этой территории, — уже в прошедшем времени: Александр Македонский был здесь, «взыде на всточныя страны до моря... и виде ту человеки нечистыя» и т. д. Затрагивается и время до Александра Македонского: рассказывается о сложившихся обычаях этого народа.

Подобные повествовательные структуры, правда, в кратком виде, использовались и в других памятниках. Например, в «Хождении» игумена Даниила в Палестину начала XII в. (1104—1106 гг.). Описание местности — в настоящем времени: «И ту есть место на пригории»; рассказ о деяниях героя в этих местах — в прошедшем времени: «На то место притече скоро святая Богородица... глаголаше... и узре... и согнуса...»; заход в еще более глубокое прошлое: раскрывается «пророчество Симеона, яко *прежь* рече святей Богородици»¹⁴.

Скорее всего, то была старая повествовательная традиция. Ведь даже в «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия присутствовала та же структура изложения. Например, описание местности у Иерихона — в настоящем времени: над городом «стоит гора... противу же ей стоит гора... межю тема горама есть поле... Въ Ерихоне же есть кладязь...»; затем история — в прошедшем времени: «Тъ же градъ Исусъ, Наввинъ сынъ,... добы копиемъ...»; затем — предыстория: «О томъ же кладязи слово есть, яко *древле*...» и т. д. (345).

Предполагаемый первоначальный текст «Слова о погибели Русской земли» (то есть некое произведение в похвалу Владимиру Мономаху) вполне вписывается в эту повествовательную традицию. Напротив же, дошедший уже со вставками текст «Слова» с его, как получилось в итоге, многоступенчатым углублением в историю — от географического настоящего ко Всеволоду Большое Гнездо, Юрию Долгорукому, Владимиру Мономаху, Ярославу Мудрому — структурно совершенно необычен и находится вне традиции. Сравнительно большая вставка, пожалуй, сама была составлена по традиционной схеме, повторила хронологически трехступенчатую структуру изложения (настоящее — Всеволод — отец его Юрий), принятую в первоначальном тексте «Слова» (настоящее — Владимир Мономах — Ярослав Мудрый), и тем самым усложнила

¹⁴ ПЛДР. Т. 2 / Текст памятника подгот. Г. М. Прохоров. С. 38. Далее страницы указываются в скобках.

изложение в целом, — так можно объяснить нынешнее состояние «Слова о погибели», исходя из предположения о том, что *могло* существовать первоначальное его ядро, или первоначальная редакция.

Теперь вернемся к датировке. По сохранившимся отрывкам можно определить время появления этого гипотетического первоначального текста «Слова о погибели Русской земли» (произведения в похвалу Владимиру Мономаху). Как уже говорилось, описывать благополучие Русской земли (это первый отрывок первоначального текста) было уместно в один из двух периодов: или в первой половине XI в., либо с начала XII по начало XIII вв. Первый период, скорее всего, отпадает из-за его характеристики в «Слове». Ведь в «Слове о погибели», в третьем отрывке первоначального текста, сказано: «А в ты дни болезнь крестияном от великаго Ярослава и до Володимера...». Выражением «в ты дни» (часто с глаголом «быти») в памятниках обычно обозначали далекое прошлое. Например, в текстах «Успенского сборника»: «лето вьторое царствующю Декию... Бе некто *въ ты дни* мужь сановить...» (177. Мучение святого мученика Христофора), — речь шла о далеком времени римского императора Деция. Или: «Въ *ты же дни* бяше начальникъ священникомъ... правоверьнии обьщии отецъ нашъ Герьманъ», «*въ ты же дни* нечъстивьи Анастасии нечъстивно нача дерьжати священство» (250—252. Житие мученицы Феодосии, «мучене при Константине Кавалине»), — о времени византийского императора Константина Копронима. Выражением «въ ты годы» также обозначалось давнее прошлое. Так, в «Чтении о Борисе и Глебе» XI — начала XII вв.: «Бысть бо, рече, князь *въ тыи годы*... именемъ Владимиръ»¹⁵, — автор вспоминал о деятельности Владимира Крестителя, прежде чем перейти к его детям. И вообще, выражением «въ ты...» во временном значении обозначалось давно прошедшее время, плюсквамперфект, какие бы существительные ни употреблялись. Ср. в «Слове о полку Игореве»: «То было *въ ты* рати и *въ ты* плъкы» (48), — поминаются войны и походы давнего XI в. По-видимому, и в первоначальном виде «Слова о погибели Русской земли» (произведения о Мономахе) выражение «в ты дни» (глагол «быти», очевидно, подразумевался) указывало на давно прошедшие для первоначального автора времена «от великаго Ярослава и до Володимера» XI — начала XII в. (если только «в ты дни» не позднейшая вставка). Так или иначе, но имеется повод для догадки о том, что предполагаемый первоначальный текст «Слова о погибели» (произведения в похвалу Владимиру Мономаху) мог появиться в XII — начале XIII в.

¹⁵ Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / Изд. подгот. Д. И. Абрамович. Пг., 1916. С. 4.

Эту датировку подтверждают аналогии основным литературным мотивам в рамках первоначального текста «Слова». Аналогии обнаруживаются именно в памятниках, не переступивших за начало XIII в. Часть аналогий уже была приведена выше. Добавим еще.

Первый отрывок первоначального текста (произведения в похвалу Мономаху) — описание красот Русской земли — имеет сравнительно богатую аналогию с началом же «Шестоднева» Иоанна Экзарха, хорошо известного на Руси уже в XI в. «Слово»: «...украшена земля Руськая... реками и кладязьми... горами... холми... дубравами... птицами бещисленными... винограды... — всего еси исполнена...». «Шестоднев»: «небо... *украшено*... и земля садом и *дубравами*... и *горами*... и *реки*... рыбами *испльнены*», «*реки*... и *кладечи*» (колодцы), «*дубравы* и... *горы*», «*птице* еже *бечисмене*» (бесчисленные)¹⁶. Характер сходства элементов перечисления в обоих памятниках указывает на то, что тут произведение в похвалу Владимиру Мономаху, конечно, восходило не непосредственно к «Шестодневу», а к очень старой традиции описания природы, когда вкуче обычно упоминались украшенность, наполненность, земля, реки, колодцы и источники, горы, холмы, дубравы, сады или «винограды», птицы... Поэтому не удивительно, что природоописательные аналогии первоначальному тексту «Слова» обнаруживаются и в других, но тоже древних, предшествовавших «Слову о погибели» произведениях, как, например, в «Слове о десяти девицах» Иоанна Златоуста (один из его списков находится в «Успенском сборнике»): «тъ бо... *украшении* ликъ звездныи основа... *землю напълни*... *горы*, и *дубравы*, *хълмы*, *источъники*... *реки*... *роды садовъныя*» (315). Слабую аналогию к последовательности описания элементов ландшафта в первоначальном тексте Слова можно найти также в «Хождении» игумена Даниила: «ни *реки*, ни *кладязя*... несть... Суть *винограда* мнози...», «несть *реки*... ни *кладязя*... в *горах*...» (48, 58).

В произведениях же конца XII—XIII вв. уже не встречается специальных описаний природы, подобных произведению в похвалу Мономаху, и лишь иногда почти неузнаваемые сочетания знакомых элементов попадают в отрывках на совершенно иные темы. Например, в «Слове о полку Игореве»: «наступи на *землю* Половецкую, *притопта хълми*... *взмути реки* и *озеры*» (50). Или совсем в метафорическом значении в «Молении Даниила Заточника»: «Зане князь щедръ, аки *река*, текуща... *сквози дубравы*... А бояринъ щедръ, аки *кладяз сладокъ*»¹⁷. Но все это в лучшем случае только отзвуки старой природоописательной тра-

¹⁶ Шестоднев, составленный Иоанном ексархом болгарским / Текст памятника подгот. О. М. Бодянский // ЧОИДР. М., 1879. Кн. 3. Л. 1, 3, 5, 5 об.

¹⁷ ПЛДР. Т. 2. / Текст памятника подгот. Д. С. Лихачев. С. 392.

диции, к которой гораздо ближе оказывается произведение в похвалу Владимиру Мономаху, возможно, оттого что оно появилось еще до конца XII в.

Второй отрывок первоначального текста «Слова о погибели», посвященный Владимиру Мономаху, тоже перекликается именно со старыми памятниками. Так, мотив страха всех стран, включая «поганых», перед Владимиром Мономахом разрабатывался, кроме «Слова о погибели», только в особых летописных похвалах Мономаху под 1125 г. в «Лаврентьевской летописи» и под 1126 г. в «Ипатьевской летописи». Вошедший в похвалу Мономаху мотив металлических ворот, которыми отгораживаются или отгораживают от опасности (в «Слове» это «угры (венгры) *твердыху каменьи города железными вороты*, абы на них великий Володимерь тамо не всехалъ»), в XIII в., насколько нам известно, не встречается, а имеет некоторую аналогию только раньше, — в «Ипатьевской летописи» под 1201 г., где наминается какая-то старая легенда, посвященная «Мономаху, погубившему поганья... половци, изгнавшю... за Железная врата» (716); вне связи с Мономахом железные врата упоминаются фразеологически сходно в «Хождении» игумена Даниила: «сделано есть около *градом каменым твердо, врата же имат железна град-от*» (96); еще одна относительная аналогия, но уже с медными вратами, извлекается из «Повести временных лет» под 1096 г., где пересказана древняя легенда о «нечистых народах», которые «заклепени» Александром Македонским в горах: «и ту створишася врата медяна и помазашася сунклитомь... ни огонь можетъ вжещи его, ни железо его приметъ» (228). Так что повествование о Владимире Мономахе как первоначальное ядро «Слова о погибели Русской земли», пожалуй, обладает чертами древности XI—XII вв.

Правда, не все мотивы «Слова о погибели» подтверждают его древность, но только из-за того, что мотивы эти не находят параллелей в древнейших памятниках; хотя параллели есть в несколько более поздних произведениях. Например, высказывание о «немцах» в «Слове о погибели» — «далече будучи за синимь моремъ» — соотносится со «Словом о полку Игореве», в котором неоднократно упоминается «синее море» (49 — 51, 54); выражение «далече будучи» в «Слове о погибели» перекликается с выражением «далече залетело» в «Слове о полку Игореве» (47); а глагол «будучи» в значении «находясь» неоднократно употребляется в «Слове о полку Игореве»: «прелетети издалеча... Аже бы ты былъ», «не бысть ту (тут) брата», «князю Игорю не быть» (в плену) и пр. (51, 53, 55). Знаменитое восклицание «Слова о погибели» — «О, светло светлая... земля Руськая... всего еси исполнена...» — сходствует с не менее знаменитым восклицанием «Слова о полку Игореве» — «О Руская земле! Уже за шеломянемъ еси!» (46, 47), а также со словосочетанием «светъ светлыи» (46). Однако эти параллели в «Слове о полку Игореве» настолько дробны в каждом случае, что заставляют предпо-

лагать не влияние одного произведения на другое, а общую ориентацию обоих памятников на какую-то древнюю литературную традицию, но бóльшую близость к ней все-таки первоначального вида «Слова о погибели Русской земли», то есть произведения в похвалу Владимиру Мономаху.

Представить в цельном виде эту литературную традицию XI—XII вв. мы пока не можем, но разрозненные отголоски ее, сходные с мотивами и фразеологией первоначального текста «Слова о погибели Русской земли», можем указать, кроме «Слова о полку Игореве», и в некоторых более поздних памятниках. Например, в торжественном слове Моисея Выдубицкого, помещенном под 1199 г. в «Ипатьевской летописи», восхваляется киевская «держава», которая «не токмо и в Руских концехъ ведома, но и сущимъ в море далече» (713. Ср. в «Слове о погибели»: «далече будучи за... моремъ»). В «Похвале роду рязанских князей», завершающей «Повесть о разорении Рязани Батыем» в 1237 г., сказано, что рязанские князья у греческих царей «дары... многи взима-ша»¹⁸ (ср. в «Слове о погибели»: император «цесарегородскыи... великыя дары посылаша» ко Владимиру Мономаху). Но опять-таки первоначальный текст «Слова о погибели» богаче сочетаниями древних элементов, чем эти памятники. Все это позволяет относить первоначальный текст «Слова о погибели» (произведение в похвалу Владимиру Мономаху) ко времени даже ранее конца XII в.

Больше того, характеристика Мономаха как главное содержание второго отрывка первоначального текста побуждает резко сузить его датировку. Такая обобщающая похвала деяниям Мономаха могла появиться, вероятно, лишь после его смерти в 1125 г., во второй четверти XII в., пока в Киеве правили поочередно его сыновья. Отсюда и первый отрывок первоначального текста можно также отнести ко второй четверти XII в., ибо благополучие всей Русской земли допустимо было превозносить хотя и после смерти Владимира Мономаха, но, пожалуй, до разгрома Киева в 1169 г. Андреем Боголюбским. Подчеркнем, правда, что не обнаруживается никаких определенных следов существования указанного произведения в похвалу Владимиру Мономаху в XII в., тем более в первой половине XII в., и предположение о первоначальном виде «Слова о погибели Русской земли» остается лишь предположением.

В целом, мы еще яснее видим, что история «Слова о погибели Русской земли» свелась к погибели самого «Слова». Первоначальный текст «Слова» второй четверти XII в. (произведение о Мономахе) претерпел замены и вставки лет через 100, не ранее второй трети XIII в.¹⁹; этот новый текст XIII в., соб-

¹⁸ ПЛДР. Т. 3 / Текст памятника подгот. Д. С. Лихачевым. С. 200.

¹⁹ В частности, в первоначальный текст, изъеденный заменами и вставками, было вставлено и наименование «журь Мануиль цесарегородскыи», который якобы опасался Владимира Мономаха.

ственно «Слово о погибели», в свою очередь, был подвергнут разрушительной экзекуции, по догадкам исследователей, то ли вскоре, в 1263—1283 гг., то ли только через 200 лет, в 1450-е—1480-е годы, и в качестве строительного материала оказался присоединенным к «Житию Александра Невского», вне которого мы «Слова о погибели» и не знаем. Однако, как можно убедиться, есть некоторые основания для того, чтобы представить первоначальное ядро «Слова о погибели Русской земли» как самостоятельное произведение в похвалу Владимиру Мономаху — предшественник «Слова о полку Игореве».

2002 г.

На самом же деле, так странно названный византийский император Мануил Комнин правил гораздо позже Владимира Мономаха, в 1143—1180 гг., и к Владимиру Мономаху не имел отношения (см.: *Лопарев Х.* Указ. соч. С. 13—15). Наверняка в «Слове» имелся в виду «кюръ Мануиль». В рукописи XV в. в слове «жюръ» буква «ж» написана неуверенно, выглядит очередной опиской писца и может быть прочтена как «ік» (то есть: «и и кюръ»). В рукописи XVI в. это место совсем искажено: «и иже Рамануиль царьгородский» (см.: *Бегунов Ю. К.* Указ. соч. С. 156). О вставке упоминания Мануила как будто свидетельствуют аналогии из других памятников. Слово «кюръ» («кюр, кир» — господин) в летописных текстах стало употребляться, кажется, лишь с начала XIII в. (в «Лаврентьевской летописи» — под 1207—1208, 1217 гг.; в «Ипатьевской летописи» — под 1237 г.). Византийский император в «Слове» назван по главному городу страны «цесарегородскии», а не как обычно — «греческий», и это опять ведет к XIII в. Ср. именование иностранных правителей в «Ипатьевской летописи»: «цесарь великий Филипъ Римьский» (723. Под 1207 г.); «Иродъ Ерусалимьский и Неронъ Римьский» (869. Под 1269 г.).

II

ТРАДИЦИОННОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО В XIII—XVII ВВ.

«ЖИТИЕ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО» И ЛЕТОПИСАНИЕ XII В.

Переход книжников к старательному, компилятивному использованию сложившихся фразеологических форм, к традиционному литературному творчеству заметен на примере «Жития Александра Невского», написанного во Владимире в 1282—1283 гг.¹

Начнем анализ с рассказа о знаменитом Ледовом побоище, задавшись вопросом, в какой манере он написан. Д. С. Лихачев обратил преимущественное внимание на «круг южнорусских памятников, литературная манера которых отразилась и в Житии Александра»; подчеркнул, что «житие несет в себе западнорусскую, галицкую литературную традицию»²; и к рассказу о Ледовом побоище привел параллель из южной «Галицкой летописи» и из переводной «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, которую переписывали в составе южнорусских же компилятивных хронографов домонгольского времени³.

Итак, сопоставим уже найденные учеными сходные выражения (отмечены курсивом) в описаниях разных битв разными памятниками. «Житие Александра Невского», рассказ о Ледовом побоище: «трускъ от *копий ломления* и звукъ от сечения *мечнаго*... и не *бе видети* леду»⁴. «Галицкая летопись» под 1240 г.: «и ту *беаше видити ломъ копеины*»⁵; та же летопись под 1249 г.: «крепко *копьем* же *изломившимся*, яко от грома тресновение бысть... от крепости ударения *копеино*го» (803). «История» Иосифа Флавия: «*бысть видети лом копийны* и скрежетание мечное»⁶. Сходство есть, но очень скудное между «Житием», с одной стороны, и «Галицкой летописью» с «Историей» Флавия, с другой стороны. С «Историей» Флавия даже больше сходных элементов, чем с «Галицкой летописью».

Но добавим до сих пор еще не проводившиеся сопоставления — с «Киевской летописью». Начнем со статьи под 1174 г. Точек соприкосновения при описании битв оказывается довольно много. «Житие»: «сѣступишася *обои, и бысть*

¹ *Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Руской земли». М.; Л., 1965. С. 61.

² *Лихачев Д. С.* Исследования по древнерусской литературе. Л., 1989. С. 210—220.

³ Там же. С. 208, 214.

⁴ «Житие Александра Невского» // *Бегунов Ю. К.* Указ. соч. С. 171. Далее страницы приводятся в скобках.

⁵ «Галицкая летопись» // ПСРЛ. Т. 2. Стб. 785. Далее столбцы приводятся в скобках.

⁶ «История Иудейской войны» Иосифа Флавия // *Мещерский Н. А.* История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.; Л., 1958. С. 300.

сеча зла и трускъ от копий ломления и звукъ от сечения мечнаго... и не бе видети леду» (171). «Киевская летопись»: «смятошася обои, и бысть мятежь великъ, и гласе незнаеми, и ту бе видити ломъ копииньи и звукъ оружьиньи»⁷. Еще есть соответствия в тех же рассказах. «Житие»: «помощию Божию... гоняше» (171). «Киевская летопись»: «Бога... помочь невидимо гонящее» (577). «Житие»: «и бяше множество полоненых» (172). «Киевская летопись»: «и много колодникъ изымаша» (577). Явственные соответствия: столкнулись оба, была схватка, лом копий, звук, гонят Божьей помощью, много пленных. К «Житию» ближе рассказ из «Киевской летописи» XII в., чем фраза из «Галицкой летописи» XIII в.

Не только с одной статьёй, но с целым рядом статей именно «Киевской летописи», а не «Галицкой летописи», перекликается рассказ «Жития» о Ледовом побоище. Сравним «Житие» с «Киевской летописью» — по хронологии ее статей, начиная с 1111 г. «Житие»: «Князь же Александръ воздевь руце на небо и рече: «Суди ми, Боже...» ... и съступишася обои, и бысть сеча зла и трускъ от копий... яко видех полкъ Божий на въздусе пришедши на помощь Александрови... И даша плеща своя...» (170—171). «Киевская летопись»: «възведше очи свои на небо, призываху Бога вышняго и бывшую же сосуту и брани крепце... и посла господь Богъ ангела в помощь русьскимъ княземъ... и тресну аки громъ... и брань бысть люта межи ими и падаху обои... половци вдаша плещи свои на бегъ... невидимо бьеми ангеломъ, яко се видяху мнози человеци» (267). Ср.: «воздев на небо» — «възведше на небо»; «съступишася обои» — «бывшую же сосуту... падаху обои»; «яко видех» — «яко се видяху»; «пришедши на помощь» — «посла... в помощь»; «даша плеща своя» — «вдаша плещи своя»; «трускъ» — «тресну» и пр. И еще в конце рассказов наблюдается сходство. «Житие»: «И возвратися князь Александръ с победою славною... И нача слыти имя его по всемъ странамъ... и до великого Риму» (172—173). «Киевская летопись»: «возвратишася русьстии князи въ свояси съ славою великою къ своимъ людемъ, и ко всимъ странамъ далнимъ рекуще... и до Рима проиде...» (273). Характер сходства свидетельствует о том, что автор «Жития» обильно использовал фразеологический материал «Киевской летописи».

Но статья под 1111 г. — это все-таки еще «Повесть временных лет» третьей редакции, хотя и в составе Киевского летописного свода 1200 г.⁸ Однако если обратиться к массиву собственно «Киевской летописи», то сходства «Жития» с летописью не иссякают. Вот «Житие» о Ледовом побоище и под 1149 г. летопись. «Житие»: «и поидоша противу себе... възходящую солнцю и съступишася обои, и бысть сеча зла» (171—172). «Киевская летопись»: «и поидоша

⁷ «Киевская летопись» // ПСРЛ. Т. 2. Стб. 576. Далее столбцы указываются в скобках.

⁸ См.: Лихачева О. П. Летопись Ипатьевская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1. С. 237.

полкы своими *противу* имъ... *поидоша* полци к *собе*, *яко солнцю възсходящую, ступишась, и бысть сеча зла* межи ими» (382). Автор «Жития» явно использовал фразеологию и композицию киевского летописного повествования.

В рассказе о Ледовом побоище из «Жития» заметны также некоторые элементы сходства с последующей летописной статьей под 1178—1179 гг. «Житие»: «Князь же Александръ *въздевъ руже на небо*» (170); «сего дастъ ему Богъ в руже его» (171—172). «Киевская летопись»: «*воздевъ руже на небо... и предасть* душу свою в *руце Божие*» (стб. 609). «Житие»: «*И возвратися* князь Александръ с *победоу славную*» (172). «Киевская летопись»: «и *возвратишася* во свояси, приимше от Бога на поганья *победу славою* и честью великою» (608). Тут тоже ощутимо влияние россыпи летописных выражений на «Житие».

В целом же, рассказ о Ледовом побоище в «Житии» впитал очень много запомнившихся автору выражений из «Киевской летописи». Например, дружина в «Житии» говорит Александру перед битвой: «ныне приспе время нам *положити главы своя* за тя» (170). Подобная формула просто бродит по летописи: «хочемъ же... *головы свое сложити*» (427, под 1151 г.; 466—467, под 1153 г.), «*головы своя складаемъ*» (480, под 1155 г.), «*за тя головы свои съкладываемъ*» (605, под 1177 г.).

И иные рассказы «Жития», не только о Ледовом побоище, подтверждают ориентацию автора на «Киевскую летопись». Например, известная летописная повесть под 1185 г. о походе князя Игоря на половцев фразеологически раздробилась по разным местам «Жития». «Киевская летопись»: «*утерь слезь* своих... и *бысть скорбь и туга люта, яко же николи же не бывала...*» (645). «Житие»: «*утерь слезы*» (163), «*бысть же вопль, и кричание, и туга, яко же несть была*» (179). «Киевская летопись»: «*уполошась приезда ихъ*» (650). «Житие»: «*полошати... ркуше... едет*» (174).

Еще одно соответствие элементов повествования. «Киевская летопись» под 1152 г.: «пригна ему *посоль* от *короля*... молвить: «*Се уже сде...*» ...Изяславъ же то *слышавъ...*» (447). «Житие»: «*король... посла слы* своя... глаголя: «...*се есмь уже zde...*» ...Александръ же, *слышавъ* словеса сии...» (162).

Многочисленные одиночные фразеологические элементы, повторяющиеся в «Киевской летописи», использовал автор «Жития» то тут, то там. Например, «Киевская летопись»: «онемъ же *пакостящимся*» (404, под 1150 г.), «*начаша пакостити*» (526, под 1167 г.), «*всяко пакостити*» (541, под 1170 г.). Соответственно «Житие»: «*начаша пакостити волости Александрове*» (173). Так же многократно в «Киевской летописи» повторялись фразы о восходе солнца и о воздевании рук на небо, и сходные выражения попали в «Житие».

Мы далеко не исчерпали всех фактов фразеологического влияния «Киевской летописи» на «Житие Александра Невского»: оно, быть может, было более значительным, чем галицкое влияние, особенно в воинских эпизодах «Жития».

Обнаруживается еще один, уже не чисто южнорусский и притом совсем неизученный источник «Жития» — северо-восточное летописание, представленное «Лаврентьевской летописью». Рассмотрим летописные статьи в хронологическом порядке, начиная с «Повести временных лет», и рассказ «Жития» о Ледовом побоище. Под 1019 г. летопись рассказывает о битве: «Ярославъ... въздевь руце на небо, рече: «...Брата моя! ...помозета ми...». И се ему рекшу, поидоша противу собе, и покрыша поле Летское обои отъ множества вой. Бе же пятокъ тогда, възходящу солнцю, и сступишася обои, бысть сеча зла... яко по удольемъ крови тещи»⁹. «Житие»: «и поидоша противу себе, и покриша озеро Чюдское обои от множества вои... Князь же Александръ, въздевь руце на небо, и рече: «... помозе ми, Господи...». Бе же тогда субота, възходящу солнцю, и сступишася обои, и бысть сеча зла... яко же покры бо ся кровию» (170—171). Не трудно убедиться, что приведенный отрывок из «Жития» содержит гораздо больше элементов сходства со статьей под 1019 г. «Лаврентьевской летописи», чем со статьями «Киевской летописи» под 1149, 1174, 1178—1179 гг. и с «Повестью временных лет» под 1111 г. по «Ипатьевской летописи» (ср. выше). Та же статья под 1019 г. есть и в «Ипатьевской летописи», но она отличается мелкими разночтениями от статьи в «Лаврентьевской летописи», а «Житие» оказывается, пожалуй, ближе к тексту лаврентьевскому: в частности, в «Лаврентьевской летописи» и в относящихся к ней списках, а также в «Житии» сказано, что «сступишася обои»; в «Ипатьевской летописи» же и в относящихся к ней списках явно искажено — «совокупишася обои». Так что в данном отрывке «Житие», вероятно, восходило к «Повести временных лет» в северо-восточном летописании (или Владимирском своде) XII в.¹⁰

Перейдем к последующим воинским статьям «Лаврентьевской летописи», то есть северо-восточного летописания XII в., отразившегося в рассказе о Ледовом побоище в «Житии». Под 1149 г. «Лаврентьевская летопись»: «Яко солнцю заходящу, сступишася обои, и бысть сеча зла» (306); «Житие»: «възходящу солнцю, и сступишася обои, и бысть сеча зла» (171). «Лаврентьевская летопись»: «похвалу ему даша велику» (308); «Житие»: «подающе хвалу» (172). На этот раз тоже можно говорить о фразеологической зависимости «Жития» от большего числа элементов владимирского летописного изложения, хотя и не от конкретного летописного эпизода.

Далее сходство наблюдается между «Лаврентьевской летописью» под 1176 г. и опять-таки рассказом о Ледовом побоище в «Житии». «Лаврентьев-

⁹ Летопись по Лаврентьевскому списку / Изд. подгот. А. Ф. Бычков. 3-е изд. СПб., 1897. С. 140—141. Далее страницы указываю в скобках.

¹⁰ См. схему происхождения «Лаврентьевской летописи»: Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 58.

ская летопись»: «*Богови паки помагающую ему и оправившую предо всеми человеки. Михалко... поеха въ Володимерь с честию и с славою великою... ведуцимъ* предъ нимъ колодники... Выидоша *со кресты* противу Михалку и брату его Всеволоду *игумени и попове и вси людье*» (357). «Житие»: «победи *я помощию Божию*... Зде же *прослави* Богъ Александра *пред всеми* полкы... и возвратися князь Александръ с победою *славною*. И... *полоненых... ведяхуть... И яко же приближися... игумени же и попове и весь народ* сretoша и предъ градомъ *съ кресты*» (171—172). И еще соответствия обнаруживаются по ходу летописного изложения. «Лаврентьевская летопись»: «*головы свое положимъ... за тые князи... Се бо володимерци прославлени Богомъ по всей земли*» (359). «Житие»: «ныне приспе время нам *положити главы своя за тя*» (170; «и нача слыти имя его *по всемъ* странамъ» (173). Автор «Жития», видимо, припоминал целые блоки владимирского летописного повествования, а не только отдельные выражения.

Сравним еще одну летописную статью с «Житием». «Лаврентьевская летопись» под 1177 г.: «узреша чюдную мать *Божью* Володимерьскую... *аки на воздусе* стоящъ» (361); «Житие» о Ледовом побоище: «яко видех полкъ *Божий на въздусе*» (171). Соответствия продолжают. «Лаврентьевская летопись»: «*поидоша к собе на грунахъ обои и покрыша* поле Юрьевское... *поведоша* колодники... и наказаль по достоянью *рукою* благовернаго князя Всеволода...» (362—363); «Житие»: «*поидоша* противу себе и *покрыша* озеро Чюдское *обои...*» (170); «полоненых... *ведяхуть...* *свободи* градъ Псков от иноязычникъ *рукою* Александровою» (172). Есть еще некоторые соответствия, но и так ясно, что автор «Жития» в рассказе о Ледовом побоище больше использовал фразеологию владимирских воинских рассказов, чем киевских. В частности, сообщения «Жития» о том, что войска покрыли озеро, что на воздухе был виден полк Божий в помощь Александру, которого Бог прославил перед всеми и которого встретили с крестами, — все эти детали восходят к северо-восточным летописным воинским рассказам, а не киевским. Правда, многие соответствия встречаются в обеих летописях (летописцы читали друг друга), а единичные соответствия попадают только в «Киевской летописи», вроде выражения «даша плеща». В целом же, рассказ о Ледовом побоище в «Житии» — фразеологически сборный из разных воинских сочинений, но за основу автор взял повествование Владимирского свода.

Тесную связь остального текста «Жития», уже помимо рассказа о Ледовом побоище, с северо-восточным летописанием раскрывают некоторые летописные статьи, из которых особенно обильно автор «Жития» почерпнул довольно специфические выражения. Например, небольшая статья под 1125 г., содержащая некролог Владимиру Мономаху, пользовалась особым вниманием автора «Жи-

тия», — последуем за ее изложением. Летопись: «*прослувый в победахъ, его имене трепетаху вся страны, и по всемъ землямъ изиде слухъ его*» (279); «Житие»: «*И нача слыти имя его по всемъ странамъ*» (173); «*промчеса весть его*» (174). Немного далее в летописной статье следует фраза: «*Вся бо зломыслы его вда Богъ подь руце его*» (279); «Житие»: «*сего дастъ ему Богъ в руце его*» (171—172). Последующие фразы в летописной статье: «*добро творяше врагомъ своимъ, отпушаше я одарены, милостивъ же бяше паче меры*» (279); «Житие»: «*а инех помиловавъ, отпусти, бе бо милостивъ паче меры*» (169). Еще немного дальше в летописном тексте: «*сродникома своима, к святыма мученикома Борису и Глебу*» (280); «Житие»: «*святая мученика Бориса и Глебъ... сроднику своему князю Александру*» (165). Летопись: «*Жалостивъ же бяше*» (280); «Житие»: «*Жалостно же бе...*» (163). Затем фраза в летописной статье: «*в церковь внидашеть, и слыша пенье, и абье слезы испущаше, и тако молбы... со слезами воспущаше...*» (280); «Житие»: «*слышав словеса сии... вниде в церковь... нача молитися съ слезами*» (162). Потом следуют еще соответствия. Летопись: «*Богъ... исполни лета его в доброденстве*» (280); «Житие»: «*удольжи Богъ лет ему*» (175). Редкий эпитет повторяет «Житие». Летописная статья: «*у милое церкве*» (280); «Житие»: «*милаго Александра*» (164), — этот эпитет гораздо раньше был употреблен во владимирском летописании, чем в галицком¹¹. В конце летописной статьи: «*укрепивъся Божьею помощью, не жда иного помощи ни брата, ни другаго*» (281); «Житие»: «*нача крепити дружину свою... не съждався съ мною силою своею*» (163). И, наконец, заключительная фраза: «*победи... и тако воротися князь Ярополкъ, хваля и слава Бога*» (281); «Житие»: «*Князь же Александръ возвратися с победою, хваля и слава своего Творца*» (168). Влияние этой летописной статьи 1125 г. на повествование автора «Жития» несомненно.

Автор «Жития» был начитан и в более позднем, уже владими́ро-ро́стовском летописании XIII в. (оно тоже представлено «Лаврентьевской летописью»). Вот, например, статья под 1230 г.: Летопись: «*потрясеса земля... дивнаго того чудесе*» (431); «Житие»: «*яко и земли потрястися... чудо дивно*» (179). Далее летопись: «*такое слышахомъ у самовидецъ*» (432); «Житие»: «*се же слышах от самовидца*» (171). И вот еще какое соответствие. Летопись: «*солнце нача погыбати... людемъ всемъ отчаявшимсяъ своего житья, мняще уже кончину сущю*» (432); «Житие»: «*зайде солнце... и вси людие глаголаху: “Уже погыбаемъ”*» (178). Автор «Жития» в данном случае вольно использовал фразеологию летописного рассказа для своих тем, не схожих с летописными.

Сравнительно с последующей статьей под 1237 г. в «Житии» заметна та же временами вольная передача летописных выражений. Опять посмотрим по ходу

¹¹ Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 213.

статьи. Летопись: «отъ *Всточьные страны*» (437); «Житие»: «на *Въсточней стране*» (173). Летопись: «почаша *воевати* Рязаньскую землю, и пленоваху... попленившие...» (437); «Житие»: «посла... *повоевати* землю Суждальскую. По пленении же...» (174—175). Летопись: «*молящюся со слезами*» (442); «Житие»: «нача *молитися со слезами*» (162). Летопись: «*нудиша*... быти въ ихъ воли и *воевати* с ними» (442); «Житие»: «*нужда*... веляще с собою *воиньствовати*» (177). Летопись: «звезду *светоносну зашедшую*» (443); «Житие»: «*зайде солнце*» (178), — оба выражения имеют в виду умерших князей. Летопись: «Се бо и *чюдно бысть*... *вложиша* ю в гробъ к своему телу» (444); «Житие»: «*Бысть* же тогда *чудо* дивно... положено бысть святое тело его в раку... да *вложат* ему...» (179). И последнее, больше смысловое, чем фразеологическое соответствие. Летопись: «тотъ никакъ же у иного князя *можаше* быти за любовь его» (444); «Житие»: «добра господина не *моцно* оставити» (178). Судя по соответствиям, изложение в «Житии» могло быть навеяно этой летописной статьей не индивидуально, а вкуче со всем северо-восточным летописным повествованием XII—XIII вв.

Общая картина ясна: автор «Жития», во-первых, пользовался не только простой россыпью привычных летописных выражений (владимирских, киевских, галицких), но иногда и фразеологическим составом конкретных летописных отрывков, а в отдельных случаях и целых рассказов; во-вторых, автор «Жития» использовал вперемешку фразеологию множества иных источников (см. известные работы В. П. Мансикки и Н. И. Серебрянского о «Житии»), то есть создавал очень «густое», солидное повествование, отнюдь не пышно-риторическое.

Сборность авторского повествования привела к массе фразеологических повторов в «Житии», к невольному выделению в рассказах чего-то благоприспособно однотипного. Так, с начала «Жития» из эпизода в эпизод у автора переходят упоминания о силе: «*сила* же бе его часть от *силы* Самсоня... Възврати к граду *силу* ихъ... некто *силенъ* от Западныхъ страны... събра *силу* велику... подвигеся в *силе* тяжце... в не *силах* Богъ... съ мною *силою* своею... уведав *силу* ратных... подвигаша *силе* его... в велице *силе*... яко же... *силнии*... царь *силенъ*... в *силе* велице» (160—174) и т. д. Повторяются упоминания и о руках: «*руки* дрѣжаша... от *руки* его... имемъ его *рукама*... воздевь *руце*... в *руце* его... *рукою* Александровою... *рукама* изыма... распростеръ *руку*» и пр. (165—170). Повторяются упоминания о сердце («разгореса *сердцемъ*», «не имея страха в *сердцы* своем», «*сердца* ихъ акы *сердца* лвомъ», «урвется *сердце*» — 162—177), но особенно часто — о слышании вестей персонажами и самим автором. Повторы обычны даже внутри небольших эпизодов; например: «*святое крещение*... въ *святемъ крещении*... видети видение *страшно*... слыша шюмъ *страшенъ*... отгиде от *очю* его... радостныма *очима* исповеда...» (164—166). Однотипные эпизоды, конечно же, излагаются фразеологически однотипно: и

король «пыхая *духомъ ратнымъ*» (162), и «мужи Александровы исполнишася *духомъ ратнымъ*» (170) и т. п. Все это результаты пунктуальной приверженности суховатого и «бюрократичного» автора «Жития» к авторитетным формулам и приличествующим выражениям ¹².

«Житие Александра Невского» позволяет предположить, что довольно рано, с конца XIII в. новый тип уже традиционно-комбинаторного, компилятивно-фразеологического словесного творчества пришел на смену прошлому первооткрывательскому, яркому архаическому творчеству.

2000 г.

¹² Ср.: Демин А. С. О художественности древнерусской литературы. М., 1998. С. 278—285.

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНАЯ ОСОБЕННОСТЬ «ХОЖДЕНИЯ» СТЕФАНА НОВГОРОДЦА

Кроме персонажного и читательского миров в произведении есть третий мир — то, как автор характеризует самого себя. Обычно авторы «хождений» говорили преимущественно от первого лица — естественная форма самохарактеристики и рассказывания о своих путешествиях. Так повествовали, например, в своих «хождениях» игумен Даниил в начале XII в. и дьяк Александр в конце XIV в. В «Книге Паломник» Антония Новгородского начала XIII в. перемежались формы на «мы» и на «я». «Хождение» Агрешения 1370-х годов пронизывала в основном форма «мы» — от имени автора и его спутников. В «Хождении» же Стефана Новгородца в Царьград 1348—1349 гг. повествование от первого лица было скудным и однообразным — это повторявшиеся «идохомъ... целовахомъ, видехомъ... написахомъ». Стефан Новгородец предпочитал обильно использовать инфинитив, внося оттенки предписанности действий будущим паломникам: «внити въ двери... обратитися на западь и възрети горе» (28), «итти промеж стень» (30), «поити великою улицею» (32), «съ свещею ити» (36), «то же видети и целовати» (40) и т. д. И оттенок предписанности впечатлений: «грозно видети... много дивитися... без слезь не мощно приити» (28), «видети в них человеку лица своего образ» (30), «не възможно их видети никому же» (32), «чюдно велми зрети» (32—34) и пр.¹ «Хождение» Стефана выделяется «путеводительским» тоном.

«Хождение» Стефана по своей повествовательной особенности промежуточно среди древнерусских «хождений», которые лишь «в XIV в. впервые приобретают характер путеводителей»². С одной стороны, большинство «хождений», оставаясь записками очевидцев, не претендовало на роль явных путеводителей, сохраняло личностность рассказа и поэтому редко употребляло инфинитивную форму изложения. Пожалуй, «Хождение» Пимена в Царьград в 1389 г. несколько чаще обычного использовало инфинитив, но преимущественно во второй своей части, да и то не сплошь. «Хождение» же Стефана выглядит «нормативным», указующим произведением. Но с другой стороны, в XIV — начале XV вв. был составлен настоящий путеводитель, без всяких скидок — «Сказание о святых местех, о Константинеграде», дававшее советы только в инфинитивной форме, с прямым указанием прагматической предназначенности

¹ «Хождение» Стефана Новгородца // ПЛДР. Т. 4 / Текст памятника подгот. Л. А. Дмитриев.

² Лихачев Д. С. Новгород Великий: Очерк истории культуры Новгорода XI—XVII вв. М., 1959. С. 58.

сочинения: «правоверным крестьяном на послушание... аще кто поидет в Константинополь»³. Сравнительно с этим, уже действительно путеводителем, «Хождение» Стефана отличалось более архаическим личностным авторским отношением к излагаемому — отношением городского «вожа», или «гида», сопровождающего паломников по местам обзора.

«Гидовский» оттенок Стефан Новгородец ввел глаголами настоящего времени, иногда заменявшими инфинитив в значении обязательного действия: «И то все идет посолонь» (30), «то все посолонь водится» (34) — то есть паломникам надлежит идти посолонь, а «гид» тут как бы и показывает маршрут.

«Гидовский» оттенок вводился также последовательностью изложения, принятой именно Стефаном: вот как делают люди, так делал и он, Стефан — отсюда подразумевалось, как надлежит поступать и будущим паломникам. Например: «У того одра множество люди приходить и приемлють исцеление, — и целовахомъ его» (30) — подразумеваемый совет «гида»: поступать так же. Или: «множество народа целующе страсти Господни... и целовахомъ, грешнии» (28—30) — так и другим надо целовать. Однако позиция «гида» не была четкой, и данная композиция изложения нередко оставалась не завершенной Стефаном. Например: «Ту люди прикасаются, иде же кого болить, здравие приемлют. И ту виде нас святой патриархъ Царяграда» (30) — не упомянуто, что вслед за людьми и Стефан прикоснулся к святыням, оттого совсем отступил в тень совет будущим посетителям следовать примеру паломника-«гида».

«Гидовский» оттенок получился более ощутимым в конце «Хождения», когда Стефан прямо обратился к воображаемому путешественнику на «ты», во втором лице настоящего времени глагола, с прямым советом о том, как успешно посещать места. Надлежит быть щедрым, а не то ничего не покажут: «Скупо или убого, — не можеши видети, ни целовати ни единого святого» (40).

В конце «Хождения» Стефан показал свою готовность выступать «гидом» по Царьграду, хотя не назвал себя в таком качестве. Продемонстрировав свое знание маршрута, Стефан подчеркнул необходимость пользоваться услугами «вожа»⁴: «А въ Царьградъ, аки в дубраву велику внити: без добра вожа не возможно ходити» (40). Высказывание было заимствовано из «Хождения» игумена Даниила, но с переменной акцента. У Даниила говорилось о «воже»-знатоке памятников: «Невозможно бо без вожа добра и безъ языка испытати и видети всехъ святыхъ мествъ». Под «вожем» Даниил определенно понимал местного

³ См.: *Сперанский М. Н.* Из старинной новгородской литературы XIV века. Л., 1934. С. 104, 111, 112, 124, 125, 128.

⁴ В слове «вож» было «навсегда закреплено конкретное значение “ведущий”, “поводырь”» (*Колесов В. В.* Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986. С. 287).

знатока — он вверял себя «ведущимь добре вся святаа места въ граде и вне града, да быша ми указали все добре»⁵. Стефан же имел в виду более деятельного «вожа», не столько «ведающего», сколько «ведущего» — того, кто именно ведет, подобно леснику в дубраве, того, за кем можно энергично «ходить».

Стефан был больше склонен называть и показывать как гид зрителям объекты в природе, чем их описывать как писатель читателям. Поэтому его замечания о памятниках были кратки, конспективны, не шли в сравнение с обстоятельными Данииловыми рассказами. И хотя Стефан умел метко определить виденное, он чаще, чем обычно в «хождениях», отделялся оправданиями: «умь человек не может сказати и исчести» (32), «не възможно писати... и писцу тако не мощно исписати» (36).

В общем, Стефан стихийно и поэтому лишь неявно подступил к роли писателя-«гида». Его литературное поползновение так и осталось неотчетливым. Не ясно место Стефана в истории древнерусского литературного творчества: то ли он завершал архаику, то ли начал переработку литературных традиций, переходя к новому типу творчества на Руси.

1993 г.

⁵ «Хождение» игумена Даниила // ПЛДР. Т. 2 / Текст памятника подгот. Г. М. Прохоров. С. 26.

«СЛОВО О ПОГИБЕЛИ РУССКОЙ ЗЕМЛИ» И «ЗАДОНЩИНА», ПЕРЕНЕСЕННЫЕ ВО ВТОРУЮ ПОЛОВИНУ XV в.

Удивительное «Слово о погибели Русской земли» дошло до нас в псковском сборнике последней четверти XV в., 1486—1487 гг., и в псковском же сборнике середины XVI в., 1547—1558 г.¹

Мы рассматриваем реально дошедший текст XV в. как литературное явление уже XV в. Смысл памятника стал несколько иным в позднем списке. Вот, например, разные народы охарактеризованы в «Слове»: при Владимире Мономахе «литва из болота на светъ не выныкываху; а угры твердыху каменные города железными вороты, абы на них великий Володимеръ тамо не всехалъ; а немци радовахуся, далече будуче за синимъ моремъ»². Конкретные детали в этой характеристике наверняка связаны с древнерусской литературной архаикой³, но уже кажутся новыми какие-то опасливо-владельческие мотивы в тексте XV в.: угры — огородились в своих каменных городах с железными воротами («абы на них великий Володимеръ тамо не всехалъ»); литва — в своих болотах боится и высовываться; «немци» — «радовахуся, далече будуче» от угрозы захвата их земли у себя за Синим морем; греки — боятся потерять принадлежащий им Царьград («жюрь Мануиль цесарегородский опасъ имеа... абы подь нимъ великий князь Володимеръ Цесарягорода не взял»). И совсем уже хозяйственно-бытовые занятия указываются у остальных народов: буртасы, черемисы, веда и мордва — «бортьничаху»; а половцы — «дети своя ношаху в колыбели». Русская земля также отличается одним главным качеством — богатством материальным: «многими красотами удивлена еси... всего еси исполнена»; и части этого богатства — все превосходные хозяйственно или очень представительные: города — бесчисленные или великие, села — великие или дивные, «винограды обителные» — дивные, озера — многие, горы — крутые, холмы — крутые или высокие, дубравы — высокие или частые, поля — чистые или дивные, дикие звери — различные, разные

¹ Датировку произведения и сборников см.: *Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965. С. 122, 81, 204; *Дмитриев Л. А.* Слово о погибели Русской земли // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Л., 1987. Вып. 1. С. 433. Снимок с рукописи см.: *Лопарев Х.* Слово о погибели Руския земли. СПб., 1892. С. 25—27.

² «Слово о погибели Русской земли» // *Бегунов Ю. К.* Указ. соч. С. 154—155. Далее страницы указываются в скобках.

³ Ср.: *Горский А. А.* Проблемы изучения «Слова о погибели Руския земли» (К 750-летию со времени написания) // *ТОДРЛ*. Т. 43. С. 18—38.

птицы — бесчисленные и пр. К тому же «великия дары» посылает на Русь царьградский правитель.

Хозяйственно-материальные мотивы стали заметны сквозь привычные воинско-уважительные темы («князьми грозными... все покорено» и т. д.) именно в отредактированном, или искаженном, отрывке XV в., но эти мотивы, вероятно, были слабее или отсутствовали в «Слове о погибели Русской земли» XIII в. Предполагать это позволяет масса искажений в тексте XV в., а они-то как раз и вносят хозяйственный семантический оттенок. Самое показательное место — о половцах; фраза явно искажена: «Володимеру Иманаху, которымъ то половоци дети своя ношаху в колыбели»; в произведении XIII в. должно было быть на самом деле: «Володимеру Манамаху, которымъ то половоци дети своя полошаху в колыбели»⁴. В перечне народов — тоже какой-то сбой и пропуск, отчего тоймичи с притоков Северной Двины оказались землевладельцами «и за Дышючимъ моремъ»⁵. Особенно сильна путаница в распределении большинства эпитетов при перечислении благ Русской земли, — как первоначально располагались эпитеты, можно гадать до бесконечности, но теперь, в списке XV в., они двусмысленно могут относиться к разным соседним существительным попеременно или одновременно и тем самым усиливать хозяйственную добротность объектов: «различными птицами бещисленными», «бещисленными города великими», «великими селы дивными», «дивными винограды обителными» и т. п. Один из эпитетов читается по-разному, потому что записан под титлом универсально: «чстыми»⁶, — если дубравами, то «частыми»; если полями, то «чистыми»; так дополнительно разнообразится богатство: «высокими дубравами частыми» и одновременно «чистыми полми дивными». Другой из эпитетов, возможно, был искажен: наверное, было — «дивиими зверьми», стало — «дивными зверьми различными», — опять-таки хозяйство богаче. В общем, по отрывку «Слова» видно, как старый романтический текст в результате мелких искажений и невольных переосмыслений в XV в. наполнился материально-хозяйственными мотивами.

Аналогии подтверждают новую семантику списка «Слова», — ведь произведение было связано с четырьмя периодами. Во-первых, XII в.: с литературой XII в. перекликается, как хорошо известно, многое в отрывке «Слова», но все-таки не хозяйственно-материальные мотивы. Во-вторых, XIII в.: современная «Слову» литература первой половины XIII в. тоже не отличалась распространением хозяйственных мотивов. В-третьих, конец XIII в.: отрывок «Слова» составил вступление к «Житию Александра Невского» 1282—1283 гг.; однако, ни в «Житии», ни в

⁴ См.: *Бегунов Ю. К.* Указ. соч. С. 30—31, 183.

⁵ См.: Там же. С. 35.

⁶ См.: Там же. С. 24, 182.

других произведениях второй половины или конца XIII в. нет похожих материальных мотивов тоже. В-четвертых, XV в.: «Слово» было присоединено к «Житию» в 1450-е—1480-е годы ⁷, и вот как раз в это время обнаруживаются эстетические аналогии списку «Слова» 1486—1487 гг., так как хозяйственные и имущественные мотивы стали очень заметны в литературе именно XV в. ⁸

Самая близкая повествовательная аналогия «Слову о гибели» — Кирилло-Белозерский список «Задонщины» 1470-х—1480-х годов ⁹, содержащий тоже преимущественно начальную, к тому же сокращенную часть произведения ¹⁰, причем со знаменательным заимствованием, в сокращении же, одного места из «Слова о гибели Русской земли» ¹¹. Хотя сама «Задонщина» конца XIV — начала XV в. уже была хозяйственна своей манерой изложения сравнительно с аристократичным «Словом о полку Игореве», но список 1470-х—1480-х годов еще больше добавил обыденные и приземленные мотивы в изложение.

Особенно по изображению природы различима приземляющая направленность повествования у редактора конца XV в. Вот, например, облака трижды упоминаются в этой очень краткой редакции «Задонщины», составленной Ефросином, кирилло-белозерским монахом ¹². Первое упоминание облаков: «Жаворонокъ птица, въ красныя дни утеха, възды под синие облакы» ¹³; а между тем в других списках «Задонщины» названы небеса, а не облака (536, 541, 551), то есть облаков не было первоначально? Однако в Кирилло-Белозерском списке очень начитанного Ефросина сохраняются уникальные чтения, близкие к «Слову о полку Игореве» и первоначальному виду «Задонщины» ¹⁴; в том числе и упоминание синих облаков соотносится с фразой из плача Ярославны; «подъ облакы веяти, лелеючи корабли на сине море» ¹⁵; еще соответствия с плачем

⁷ См.: Там же. С. 81.

⁸ См.: Демин А. С. О художественности древнерусской литературы. М., 1998. С. 242—241.

⁹ Из последних атрибуций см.: Каган М. Д., Поньрко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников XV в. книгописца Ефросина // ТОДРЛ. Т. 35. С. 106; Клосс Б. М. Краткая редакция «Задонщины» по Кирилло-Белозерскому списку // Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 88.

¹⁰ См.: Дмитриева Р. П. Взаимоотношение списков «Задонщины» и текст «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла: К вопросу о времени написания «Слова». М.; Л., 1966. С. 199—263.

¹¹ См.: Бегунов Ю. К. Указ. соч. С. 135—137.

¹² См.: Лурье Я. С. Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV в. // ТОДРЛ. Т. 17. С. 164—165.

¹³ Тексты «Задонщины» / Подгот. Р. П. Дмитриева // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. С. 548. Далее страницы указываются в скобках.

¹⁴ См.: Дмитриева Р. П. Взаимоотношение списков «Задонщины»... С. 262—263.

¹⁵ «Слово о полку Игореве» // Слово о полку Игореве / Изд. подгот. Л. А. Дмитриев и Д. С. Лихачев. Л., 1967. С. 54. Далее страницы указываются в скобках.

Ярославны: «красныя дни» («Задонщина») — «слънце... красно еси» («Слово», 55); «утеха» («Задонщина») — «веселие» («Слово», 54); «жаворонокъ» («Задонщина») — «зегзица» («Слово», 54). Значит, в первоначальном виде «Задонщины» присутствовали облака; а вот небеса не упоминаются вообще ни в «Слове о полку Игореве» (кроме одного раза в конце), ни в списке Ефросина. Но к чему прилагалось слово «синий» в первоначальном виде «Задонщины», остается неизвестным. Странное словосочетание «синие облакы», скорее всего, написал сам Ефросин, и какой-то смысл в этом был, раз он потом снова повторил это словосочетание (о чем скажем немного позже).

Рассматриваемый первый отрывок с синими облаками посвящен началу сборов в поход, жаворонку предлагается: «...пой славу великому князю Дмитрию Ивановичю и брату его Володимеру Ондреевичю. Они бо взнялися какъ соколи со земли Русскыя на поля половецця». В остальных списках здесь упоминается буря, которая сносит или заносит соколов из земли залесской в поле половецкое (536, 541, 551). У Ефросина же в результате переосмысления им первоначального текста все выглядит благополучно и даже приземленно: бури нет и в помине, соколов ничто не уносит, они самостоятельно снялись с места («взнялися») да и полетели себе, притом не в поле, а на поля — как бы кормиться. Да и какая буря, если упоминаются «красныя дни»? Так что синие облака у Ефросина тоже выступают признаком благополучия, под ними поют славу князьям; тем более что в погожий день низ пухлых, кучевых облаков, действительно, синеватый.

Второе упоминание синих облаков в Кирилло-Белозерском списке: «Птици небесныя пасущесе то под синие оболока» (549). Птицы мирно пасутся у Ефросина! В других списках нет пасущихся птиц (537, 542, 552). Правда, продолжение фразы как будто указывает на тревожность обстановки: «...ворони грають, галици свои речи говорятъ, орли восклегчють, волци грозно воють...» Но, оказывается, напротив, — эти животные стерегут Русскую землю: в том числе «лисици часто брешють» (как сторожевые собаки); в других списках лисицы зловеще брешут на костях или на кости (537, 541, 552; ср. также «Сказание о Мамаевом побоище», использовавшее «Задонщину»¹⁶); Ефросин к тому же успокоительно поясняет, чего хотят животные: «чають победу на поганыхъ, а ркучи так: «земля еси Русская... буди и нынеча за княземъ великимъ Дмитриемъ Ивановичемъ»». Таких пояснений нет в других списках. Так что и тут необычные синие облака вписаны Ефросином в благополучную, притом приземленную картину, где и «солнце... светить» просто;

¹⁶ См.: *Дмитриев Л. А.* Вставки из «Задонщины» в «Сказании о Мамаевом побоище» как показатели по истории текста этих произведений // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. С. 407.

в остальных же списках — не так обыденно: солнце сияет (537, 543, 553; то же в «Сказании о Мамаевом побоище»¹⁷).

Еще раз уже другие, тревожные облака упоминает Ефросин — идут татары, и «ис тучи выступи кровавая оболочка» (549); в прочих списках выступили или пролились кровавые зори (537, 542, 552). В этом отрывке у Ефросина многое получилось более предметным, реальным и приземленным. Облака вместо зорь. Ветер, пожалуй, более обыденный: «всташа силнии ветри» (в других списках ветры возвеляли). Непогода прописана более четко, предметно и протяженно: ветры «прилежаша тучю велику», из тучи выступили кровавые облака, «а из них пашють синие молнии», то есть из облаков извиваются молнии (в остальных списках нет изобразительной цепочки «туча — облака — молнии», но кучно: тучи, зори, а в зорях трепещут сильные, а не синие молнии. То же в «Сказании о Мамаевом побоище»¹⁸). Появилось и очередное материально-владельческое объяснение у Ефросина, отсутствующее в списках: поганые татары хотят «взяти всю землю Русскую». Яркость и приземленность деталей сочетаются в ефросиновом изложении.

Другие темы «Задонщины» под пером Ефросина также приобрели оттенок некоторой приземленности. Больше всего Ефросин рассказывает о русских воинах, однако, тоже в основном приземленно переосмысливая, комбинируя или искажая свой протограф. Военачальники и воины кажутся более бравыми и основательными в списке Ефросина: у них не только «было мужество», но и «желание за землю Русьскую» (548; в других списках не упомянуто это несколько прозаическое «желание» — 541, 551); воины «под трубами поють» (549; в других списках нет такого неаристократического пения под трубами — 536, 542, 552); воинов призывают испытать «мечи свои булатныя» (549; в других списках вместо материального определения мечей — географическое: мечи литовские, 537, 543, 552); князь «приимая копие в правую руку» (549; в других списках князь более рыцарственно «взем меч» — 537, 542, 553; то же в «Сказании о Мамаевом побоище»¹⁹); у воинов «топори легкие» (549; столь приземленной детали нет больше нигде, кроме как у Ефросина — ср. другие списки, 539, 543, 547, 553; ср. «Сказание»²⁰); «хоробрыи Пересвет поскакивает на своемъ вещемъ сивце, свистомъ поля перегороди» (550; в других списках нет такой фольклорной предметности эпизода: Пересвет не имеет определения, поскакивает на коне и без свиста, а воины кликом огораживают поля — 538 и 539, 543, и 544, 547, 554; ср. «Сказание»²¹); наконец, жены боярские плачут: «... му-

¹⁷ Дмитриев Л. А. Вставки... С. 396.

¹⁸ Там же. С. 412, 414.

¹⁹ Дмитриева Р. П. Взаимоотношение... С. 260; Дмитриев Л. А. Вставки... С. 397.

²⁰ Там же. С. 228—229, 261.

²¹ Там же. С. 263.

жеи нашихъ в животе нету, покладоша головы свои... з дивными удалци, с мужескими сыны» (550; больше нигде нет этих, пожалуй, фольклорно-бытовых дивных удалцов-мужеских сынов — ср. 539 и 540, 544, 546, 554; ср. «Сказание»²²). Указанные поновления в Кирилло-Белозерском списке, правда, довольно разнородны и не всегда однозначны — ведь Ефросин без железной целенаправленности переделывал свой источник, но все-таки хозяйственно-приземленные мотивы он, кажется, предпочитал.

Завершается «Задонщина» у Ефросина в более сильных жалостно-трагических тонах: вообще «слава пониче» (550; во всех других списках поникло всего лишь «веселие» — 538, 544, 546, 554); и при этом протограф переработан в направлении приземленности персонажей, даже физической, — герои говорят о реальном, грубом падении на землю: «Лучши бы есмь сами на свои мечи *наверглися*, нежели намъ отъ поганыхъ *положеннымъ пастии*... Уже твоеи главе *пастии* на сырую землю на белую ковылу... Уже... вороны... на трупы *падаючи*» (550; в других списках этот мотив падения отсутствует или почти не заметен — 539, 543, 554; нет и в «Сказании»²³). Соответственно раны героев становятся тяжелее: «раны на сердци твоёмъ тяжки» (550; в других списках упоминаются раны на теле, великие или многие — 538, 543, 544. Тяжкие раны на сердце — не совсем бессмыслица; что-то позволило Ефросину так сказать; ср. в «Киевской летописи» под 1142 и 1147 гг.: «бысть... тяжело сердце Игореву и Святославу», «про то тяжело сердце имея»)²⁴. Далее Ефросин подчеркивает людские потери: «не одна мати чада изостала, и жены болярския мужеи своихъ и осподаревъ остали» (550; такого пояснения, нужно отметить, довольно прозаического по тону, больше нигде нет); не на что надеяться: «нелепо стару помолодиться» (550; в остальных списках, напротив, не пессимистично, а бодро: старому надобно, добре или лепо помолодеть — 538, 543, 554; то же и в «Сказании»²⁵). Плачи у Ефросина сильнее: «восплакашася *горко* жены болярини» (550; в других списках просто плачут — 538, 544, 546, 554); еще добавлены горестные и тревожащие звуки: «взопиша избииени» (550; нет в других списках такого обыденного упоминания); «води возпиша, вестъ подаваша» (549; в других списках нет страшного вопля вод — 538, 543, 553; нет и в «Сказании»²⁶); «зогзици кокують» (550; нет больше нигде этой вроде бы лиричной, но все же приземленной детали). И обращения к персонажам ласково-грустные, фольклорно-бытовые в списке Ефросина, нигде больше не встречающиеся: «Братьєца моя милая» (549), «сестрици наши» (550).

²² Дмитриев Л. А. Вставки... С. 427—430.

²³ Там же. С. 407, 410.

²⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 310, 341.

²⁵ Дмитриев Л. А. Вставки... С. 417.

²⁶ Дмитриева Р. П. Взаимоотношение... С. 226, 230.

И последнее — суровость чужой земли у Дона показал Ефросин тоже приземленно: Дон — быстрый, то есть не легкий для переправы (пять раз подряд повторил Ефросин это определение, в том числе: «пойдемь за быструю реку Донь» — 549; в других списках не очень понятно: «поедем тамо» или «пойдем тамо» — 536, 542, 551); берега у Дона — харалужные, то есть жесткие («прошелъ еси землю Половецкую, пробиль еси берези хараужныя» — 550; в других списках нет речи о берегах, Дон сквозь каменные горы течет в землю Половецкую — 538, 544, 546, 554. И опять какое-то фразеологическое припоминание навело Ефросина на выражение о харалужных, твердых берегах. Ср. в «Киевской летописи» же под 1180 г.: «бе бо река твердо текущи, бережиста», «идоша во твердая места и стояша... обаполь Дрюти»²⁷); далее у Ефросина за Доном — сырая земля и «белая ковыла», то есть печальная область (550; в других списках упоминается только «ковыла», притом зеленая — 538, 543, 554; ср. «Сказание»²⁸).

Итак, можно убедиться в том, что вольные и невольные семантические изменения в списках 1480-х годов двух ранних памятников — «Слова о погибели Русской земли» и «Задонщины» — оказались в некоторой степени эстетически сходными: проявилась предметность, обыденность, приземленность смысла поздних списков сравнительно с первоначальным высоким пафосом этих произведений.

Пожалуй, есть основания предположить, что именно у северных редакторов второй половины XV в. нужно в первую очередь искать сокращения или переделки старых памятников, вводящие приземленные и даже хозяйственные мотивы в исходный текст. Вот, к примеру, в «Псковской второй летописи» 1486 г. кратчайшим образом и со вкраплением совершенно безыскусных выражений пересказывается «Новгородская первая летопись», ее изложение начальной части «Повести временных лет», но теперь еще больше упрощенное: «А начало Руския земли бысть сице» — «три браты... поставиша град на горе... и начяша владети»; поляне «многo тщание имуще къ идолом»; племена изгнали варягов и начали «городы ставити, и бысть межю ими рать, град на град»; тогда пошли к варягам «и просиша в них князеи»; «3 (три) князи, брата себе, ...приведоша к Новугороду»; два брата умерли, «не сътворше семени, а Рюрикъ на Новегороде оживе и роди сына Игоря»; «а от тех даже и доньне великии князи влекутся... и от княгыни Ольгы псковскы расплодишася» и т. д.²⁹ — почти что бытовой рассказ.

В эту группу приземленных и хозяйственных переделок входили и нелитературные, вовсе не старые сочинения, вроде большого рассказа «О поездке великого князя въ Великий Новьгородъ», первоначально полного в «Софий-

²⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 618, 620—621.

²⁸ Дмитриев Л. А. Вставки... С. 410.

²⁹ «Псковская вторая летопись» // Псковские летописи / Изд. подгот. А. Н. Насонов. М., 1955. Вып. 2. С. 9—10.

ской второй летописи», но затем превращенного в «Софийской первой летописи» только в описание подарков, которые Иван III получил от новгородцев в 1476 и 1478 гг., остальной материал был выброшен, зато сделаны заботливые уточнения по поводу подаренных вещей. Это видно даже на мелких примерах. Ср. «Софийскую вторую летопись» под 1476 г.: «декабря 15 пирь у Казимера: даровь — ковшь золоть 2 гривенки, 100 корабленикъ, 2 кречета»³⁰. В «Софийской первой летописи» же, в списке конца XV в., более гладко и уточненно повествуется об этих подарках: «того же месяца въ день пироваль князь великий у посадника у Казимера: даровь отъ него великому князю ковшь золоть весомъ 2 гривенки злата, до 100 золотыхъ корабленихъ, да 2 кречета»³¹.

Традиционное литературное творчество второй половины XV в. с его эстетизацией хозяйства уже далеко и невозвратно ушло от благородной архаики XI—XII вв.

2000 г.

³⁰ «Софийская вторая летопись» // ПСРЛ. Т. 6. С. 204.

³¹ «Софийская первая летопись» // ПСРЛ. Т. 6. С. 16.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЧЕРТЫ ДРЕВНЕРУССКИХ ПИСЬМОВНИКОВ

1. ОБЗОР РУССКИХ ПИСЬМОВНИКОВ XV—XVII вв.

Текстология

О традиционном типе литературного творчества, книжно-компилятивном и уже не разительно отличающемся от наших литературных привычек, свидетельствуют так называемые письмовники — сборники образцов посланий к разным лицам.

Научная литература о письмовниках очень невелика, специальным предметом изучения они еще не были. Данную тему мне предложил Д. С. Лихачев. В результате, выяснилось следующее.

Исследователи подходят к письмовникам примерно с трех направлений. Во-первых, при археографической работе: найденный список письмовника описывают, иногда издают, а иногда и кратко анализируют. Во-вторых, письмовников касаются при изучении истории русского просвещения (А. С. Орлов). И в-третьих, когда исследователей интересуют эпистолярные произведения разного рода: публицистические послания (Я. С. Лурье), произведения демократической сатиры (В. П. Адрианова-Перетц), любовные письма (Д. С. Лихачев) и т. п. Так что объем предстоящей работы довольно велик: от археографических разысканий, чтобы узнать, сколько разных письмовников сохранилось, до текстологического и историко-литературного исследования каждого письмовника, каждой редакции, каждого списка.

В настоящее время (1964 г.) мне известно с письмовниками до 170 рукописей XVI—XX вв.¹ Часть их содержит следующие древнерусские письмовники: 1) древнейший «Неозаглавленный письмовник» (это научное его название, данное нами) с 6—8 образцовыми посланиями, составленный не позже конца XV в.; 2) письмовник «Посланием начало, егда хощешу кому послати: к вельможам или ко властным людям, — кому ся ни есть имярек» с 6 большими посланиями, составленный не позже 1541 г.; 3) письмовник «Сказание начертанию епистолиям,

¹ Точнее, 169 рукописей. Из них 33 известны только по описаниям, уже большей частью устаревшим (в том числе описания и частичные издания украинских, русско-молдавских, сербских, болгарских письмовников). Просмотрено в подлиннике 136 рукописей с письмовниками, из них один письмовник сербский (РГБ, собрание Григоровича, № 52). Вероятно, много списков осталось мне неизвестными. Виной этому, главным образом, неописанность большого количества сборников, неполнота описаний и малодоступность ненапечатанных периферийных описаний.

предисловиям и посланиям ко всякому человеку», или «Азбучный письменник» (научное название для краткости обозначения) с 60—70 маленькими посланиями, составленный не позже конца XVI в; 4) разные письменники XVI—XVII вв., не получившие широкого распространения: каждый из них известен обычно в одном списке.

Один и тот же письменник повторяется в списках, как правило, с разными пропусками и разными дополнениями, иногда в компиляции с другими письменниками. Так же переписываются и отдельные образцы посланий. Нестабильность текстов письменников чаще мешает в текстологической работе, сокращая материал для сопоставлений. Поэтому при относительно небольшой величине письменников и их посланий необходимо учитывать все разночтения списков и все известные случаи компиляции. Коснемся лишь вопроса крупной группировки списков.

Между списками «Неозаглавленного письменника» сразу можно обнаружить разницу в составе и «идейные» разночтения, что позволяет разделить списки на три редакции — первую, которая не дошла до нас; и дошедшие вторую, раннюю, и третью, позднюю редакции (см. стемму списков в конце этой книги). Например, для списков ранней редакции характерны образцы посланий к великому князю, ко владыке, к игумену. В поздней редакции первое послание переделано в послание к царю, а два остальных заменены посланиями к митрополиту.

Списки письменника «Посланием начало, егда хочещи кому послати» содержат мало разночтений, но обращает на себя внимание их «конвой»; по этому признаку их можно разделить на два вида. Например, один вид списков встречается только в «Великих минеях четых» митрополита Макария или в списках, как-то восходящих к «Минеям». Другой вид встречается в формулярных сборниках. Для объяснения такой закономерности, очевидно, необходимо текстологическое изучение в целом «Великих миней четых» и формулярников. Если судить по мелким разночтениям, то оба вида письменника независимо восходят к общему протографу.

Письмовник «Сказание начертанию епистолиям», или «Азбучный письменник» — самый большой из указанных, наиболее обильный по дошедшим спискам и наиболее текучий по составу и текстам посланий, здесь приходится иметь дело с частыми, но мелкими разночтениями. Списки его делятся на три вида: от общего протографа ответвляются два вида, компилируемые третьим. От третьего вида происходит новый письменник «Каким образом писати и х кому письма» конца XVII — начала XVIII вв.

Атрибуция

Датирующие и местные приметы письменников, как следовало ожидать, очень скудны и неясны: книжники ведь обычно прочили письменник на

долгое и широкое употребление, отбирая, с их точки зрения, «общие», «вечные» темы для образцовых посланий и вытравляя детали, которые осознавались ими как неуместные следы прошлого. Поэтому определять время и место составления письмовников приходится как бы вопреки воле составителей, по тем неожиданностям и поворотам истории, которых они не могли предусмотреть. Отсюда верхняя граница появления письмовников обычно более ясна, чем нижняя, а выводы необходимо делать на комплексе всех примет, проверяя их затем при историко-литературном анализе.

Наиболее ясными местными приметам «Неозаглавленного письмовника» можно считать две — происхождение сборников, его содержащих, и его «конвой» в них. Можно предполагать северное, быть может, новгородское, происхождение второй (ранней) редакции письмовника: большинство сборников бытовало в северных хранилищах, причем сборники с ранней редакцией явно новгородские, а письмовник в сборниках окружают северные, часто новгородские произведения (например, «Послание о рае» архиепископа новгородского Василия, послания других новгородских владык и к ним, «Повесть о белом клобуке», «Сказание о начале Софии новгородской» и т. д.). Из датирующих примет письмовника второй редакции наиболее бесспорно время старшего списка. Однако в данном случае в наиболее древнем списке сохранились два компилятивных послания, в которых только частично был использован «Неозаглавленный письмовник» (л. 171 об., 185—187 об. в известном формулярном сборнике № 562 Синодального собрания ГИМ). Изучение этих компилятивных посланий позволяет думать, что «Неозаглавленный письмовник» второй редакции был составлен не позже конца XV в., вероятно, не позже 1492 г. Дополнительные датирующие приметы замечаются лишь в двух посланиях к самым главным адресатам ранней редакции — к великому князю и ко владыке. При определенном толковании их можно предполагать, что письмовник второй редакции был составлен, вероятнее всего, в 1475—1477 гг. Например, великий князь (а затем и царь в поздней редакции) постоянно называется «господином», а не «государем», но только в ранней редакции просят великого князя «призрети к нам, и присетити, и ущедрити, и помиловати». Эти слова можно связывать с новгородско-московским спором о титуловании Ивана III в 1477 г., с крестным целованием новгородцев «государю великому князю» Ивану III в январе 1478 г. и с великокняжескими посещениями Великого Новгорода, особенно с походом «миром» Ивана III в конце 1475 — начале 1476 г. Или, например, в очень благожелательном послании владыку просят «помощи нам о души и телеси». Думается, что подобную просьбу ко владыке в новгородском письмовнике нельзя относить ко времени позднее января 1480 г., когда был арестован и сослан новгородский владыка Феофил, смененный крайне непо-

пулярным Сергием². «Неозаглавленный письменник» второй редакции является, по-видимому, одним из свидетельств проявления интереса к посланиям и эпистолярным формулярам в период московско-новгородской борьбы второй половины XV в., сопровождавшейся изменением формуляров официальных документов, множеством посланий и даже составлением специальных актов-эпистолярных сборников.

Поздняя редакция письменника, судя по тому же Синодальному формулярнику № 562, возникла не позже 1492 г. Местным, вероятно, опять новгородским признаком поздней редакции можно считать то, что епископ здесь представлен как фигура, по меньшей мере, равная митрополиту: на первом месте в письменнике стоит пышное послание к митрополиту или епископу и лишь на втором — менее украшенное послание только к митрополиту (от епископа).

Письмовник «Посланием начало, егда хочещи кому послати» был составлен не позже 1541 г.: он находится уже в Софийском списке «Великих миней четых». Дополнительное датирующее значение имеет одна идейная черта письменника, характерная лишь для определенного исторического периода, — превознесение «вельмож» и, пожалуй, не совсем почтительное отношение к царю. В данном случае сразу напрашивается связь с периодом малолетства Ивана IV, особенно со временем боярского правления. Так, например, в самом заглавии письменника намечен такой круг адресатов: «... егда хочещи кому послати: к вельможам или ко властным людям, — кому ся ни есть имярек». И действительно, все послания адресуются к «государям» «вельможам» светским и духовным. Но послания к царю в письменнике нет, царь словно не включен в число «властных людей». Он и упоминается в письменнике лишь дважды вскользь, например, когда в пятом по счету послании некий «служка» пишет к «вельможе»: «к Божии любви ревнителю, и к царьскому совету и ко государьскому приательству желателю». По другой дополнительной примете — титулованию духовного «вельможи» — составление письменника можно отнести ко времени митрополита Иоасафа, к 1539—1541 гг. Так, второе по счету послание письменника адресуется к «архиепископу», «святым собором избранному». Послание имеет в виду, вероятно, митрополита, так как в последней четверти XV в. архиепископы на Руси назначались, а не избирались³, а титул архиепископов носили и митрополиты⁴. Но в малолетстве Ивана IV до 1541 г. избран собором был лишь Иоасаф⁵.

² См., например: *Макарий*. История русской церкви. СПб., 1870. Т. 6. С. 75.

³ См.: *Голубинский Е.* История русской церкви. М., 1917. Т. 2, ч. 2. С. 37.

⁴ *Казакова Н. А., Лурье Я. С.* Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI века. М.; Л., 1955. С. 131.

⁵ С последней четверти XV в. до 1541 г. собором епископов были избраны лишь митрополиты Геронтий (1472—1489), Симон (1495—1505) и Иоасаф (в 1539 г.). См.: *Голубинский Е.*

Ясных признаков, где был составлен письмовник, заметить не удалось, можно лишь неуверенно предположить его новгородское происхождение: старший список письмовника находится как раз в Софийских, новгородских «Великих минеях четьих», а послание к митрополиту-архиепископу, вероятно, имеет какой-то общий источник с посланием ко владыке из «Неозаглавленного письмовника».

Датирующих и местных примет письмовника «Сказание начертанию еписистолиям», или «Азбучного письмовника» подбирается совсем мало. Составлен письмовник не позже конца XVI — начала XVII в., если судить по его самому раннему списку (РНБ, Q.XVII. 149, сборная рукопись, где находится и так называемый Коншинский список «Домостроя»⁶). Благодаря особенности состава ранних списков, время составления письмовника, вероятно, можно отодвинуть до 1589 г., до года учреждения русской патриархии: в ранних списках нет послания к патриарху, хотя есть образцы посланий к митрополиту и другим святителям. Наконец, окружение этого письмовника в списках тоже как будто свидетельствует о более позднем происхождении его по сравнению с двумя предыдущими письмовниками (чаще всего «Повести об Азовском сидении», «Хождение Трифона Коробейникова», «Азбуковники»). Нижняя граница составления «Сказания начертанию еписистолиям» остается неясной. Каких-либо очевидных местных признаков в письмовнике не обнаруживается. Опять лишь неуверенно можно предположить его московское происхождение: иначе ни к чему были бы образцовые послания к царскому постельнику, к царскому казначею, к царскому палатнику.

В нескольких разных письмовниках, известных лишь по одному списку, местных и датирующих примет обычно достаточно: это географические названия, личные имена и так далее, как еще не вытравленные следы «дописьмовниковой» предназначенности посланий. Ограничимся наиболее крупными письмовниками в следующих рукописях: 1) РНБ, собрание Петербургской духовной академии, № 430; 2) РНБ, Q.XVII.67; 3) РНБ, O.XV.2; 4) РГБ, собрание Тихонравова, № 380; 5) РНБ, F.III.124. Письмовник собрания Петербургской духовной академии, № 430 связан, вероятно, с новгородско-псковской областью: во-первых, в него включены различные послания к архиепископу новгородскому Макарию, послание архиепископа новгородского Феодосия и челобитная псковского житничного ключника с упоминанием новгородских владык; во-вторых, в его образцовых посланиях часто используются отрывки из челобитной Андрея Шуйского к новгородскому архиепископу Макарию и отрывки из «Неозаглавленного письмовника». Составился письмовник, по-видимому, в основном на материале 1540-х

История русской церкви. М., 1900. Т. 2, ч. 1. С. 516, 532, 608, 610—612, 648 и сл., 739 и сл.; Т. 2, ч. 2. С. 23; *Макарий*. История русской церкви. Т. 6. С. 149—150, 166, 205.

⁶ Датировку этой рукописи см.: *Орлов А.* Домострой по Коншинскому списку и подобным. М., 1908. С. 35, 40.

годов, но не ранее 1570 г.: в конце письмовника в челобитной житничного ключника упоминается время «после архиепископа Пимена» «вифенского» (очевидно, имеется в виду архиепископ новгородский Пимен Черный, основавший Тихвинский монастырь и попавший в опалу в 1570 г.)⁷.

Письмовник Q.XVII.67, наверное, кирилло-белозерского происхождения: подавляющее большинство его образцовых посланий направлено из монастырей и скитов этого края (например, из Зосиминой пустыни Ворбозомского Благовещенского монастыря, из Кирилло-Белозерского монастыря, из Нилсорского Кирилловского скита и т. д.). Судя по датам, упоминаемым в посланиях, письмовник был составлен не ранее 1593 г., скорее всего, в самом начале XVII в. По тем же признакам письмовник O.XV.2 можно считать вологодско-пермским: здесь упоминаются монастыри Коряжемский Николаевский, Корнилиев Введенский, Устюг-Архангельский, Пыскорский Никольский и т. д. Он был составлен не ранее 1607 г., скорее всего, в 1610-х годах: например, в одном из посланий сохранилось имя игумена Коряжемского монастыря (Исидор, 1607—1615 гг.⁸). Письмовник собрания Тихонравова, № 380, вероятно, московского происхождения 1630-х годов: наряду с несколькими посланиями к царю Михаилу Федоровичу, где упоминаются царские дети, в письмовнике содержится послание к брату патриарха Филарета по поводу смерти последнего (Филарет умер в 1633 г., его пережил лишь один брат — Иван Никитович Романов, умерший в 1640 г.⁹). Наконец, письмовник F.III.124, что прямо в нем и сообщается, написан в западносибирском городе Сургуте в 1664 г.

Источники

Источниковедческие приметы в письмовниках обычно скудны и расплывчаты: чаще всего такой приметой служит состав письмовника, но по составу можно предположить лишь общий характер использованных источников. Основная тяжесть работы переносится теперь за пределы письмовника, в первую очередь на просмотр конкретных посланий, предшествовавших письмовнику. Никаких определенных источников «Неозаглавленного письмовника» найти не удалось. Однако можно утверждать, что «Неозаглавленный письмовник» не был произведением переводным: об этом свидетельствует постоянное сходство эпистолярных схем и формул письмовника и конкретных русских

⁷ См., например: *Строев П.* Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877. Стб. 36; *Брокгауз Ф. А. и Ефрон И. А.* Энциклопедический словарь. СПб., 1898. Т. 23а (46). С. 609.

⁸ *Строев П.* Списки иерархов... Стб. 754.

⁹ См., например: *Русский биографический словарь.* СПб., 1901. Т. 22. С. 94 и сл.; Пг., 1918. Т. 18. С. 32.

посланий XIII—XV вв. Подбор посланий позволяет предполагать в первооснове письмовника какую-то местную церковно-монастырскую переписку: большинство посланий в письмовнике адресовано церковным лицам (владыке, игумену, старцу, чернецу), а одно из них сохраняет, вероятно, следы конкретной темы (в послании к старцу автор извиняется перед адресатом, что задержал послать благодарность за какое-то благодеяние).

О возможных источниках письмовника «Посланием начало, егда хощеши кому послати» можно догадываться по текстуальному сходству его посланий между собой. По-видимому, приступая к составлению письмовника, книжник-компилятор имел в своем распоряжении примерно три небольших послания (первое, начало второго и четвертое): именно их тексты почти целиком и не всегда гладко повторяются и переповторяются в остальных посланиях. Судя по ссылкам в текстах, другим источником его является какой-то самостоятельный нравоучительный материал («Толковое евангелие», учение отцов церкви, «Пчела» и т. п.), подобранный довольно заботливо: в посланиях, посвященных одной и той же теме, не повторяются ни цитаты, ни даже упоминаемые источники¹⁰. Об источниках «Азбучного письмовника» ничего определенного сказать не удастся: перед нами, пожалуй, попытка систематизировать массу разрозненных фраз и формул, ходких в переписке «высокого стиля» XVI в.¹¹ Из письмовников, не получивших широкого распространения, можно отметить кирилло-белозерский Q.XVII.67 и московский собрания Тихонравова, № 380. В Q.XVII.67, по собственному признанию составителя, были использованы разные тетради с посланиями, причем сохранилось имя автора одного из посланий, написанное тайнописью: «ничто же сый к десятосугубну двоесотно со осморичным и к шестьсотну десятично со единицею кланяюсь» (л. 212 об.), то

¹⁰ Можно думать, что отрывки из нравоучительной части пятого послания письмовника (или из общего источника) использовал благовещенский протопоп Сильвестр в своем послании 1550 г. к Ивану Грозному. О Сильвестре см.: *Голохвастов Д. П.* и архимандрит *Леонид*. Благовещенский иерей Сильвестр и его писания // ЧОИДР. 1874. Кн. 1. Отдел 1. С. 14, 81—82, 84—85; *Будовниц И. У.* Русская публицистика XVI века. М.; Л., 1947. С. 198—199; *Зимин А. А.* И. С. Пересветов и его современники. М., 1958. С. 51—53. Начало пятого послания использовал и архиепископ новгородский Феодосий в послании к Ивану Грозному 1545—1546 гг. (ДАИ. Т. 1. С. 39. № 372). То, что письмовник использовали лица, жившие в Новгороде — Макарий, Феодосий, Сильвестр — свидетельствует, возможно, о его новгородском происхождении.

¹¹ Очень сходные с письмовником места встречаются в челобитной Андрея Шуйского архиепископу новгородскому Макарию 1533—1538 гг. (ДАИ. Т. 1. С. 27. № 27) и в первом послании Андрея Курбского к Ивану Грозному 1564 г. (Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951. С. 534; РИБ. Т. 31. Стб. 1). Соотношение этих посланий и письмовника остается неясным, однако соответствующий отрывок в челобитной Шуйского более исправен, чем в письмовнике. (Е. Голубинский думал, что А. Шуйский здесь пользовался письмовником. См.: История русской церкви. Т. 2, ч. 1. С. 761, сноска 5).

есть «Исихиа». В сборнике стихотворных посланий собрания Тихонравова № 380 источниковедческой приметой являются акrostихи с именем автора: вероятно, ряд посланий написан неким монахом Савватием, одно — стряпчим Алексеем Романчуковым¹². Авторы других стихотворных и нестихотворных посланий указаны иногда в заглавиях или в конце: некто Михаил Злобин, Федор Иванович Карпов, Федор Андреевич Карпов.

Идеология

Идейную направленность письменников можно заметить, как правило, не по темам образцовых посланий, а лишь по скупым косвенным признакам: подбору и последовательности, формуляру и текстуальному сходству посланий. Все образцы новгородского «Неозаглавленного письменника» второй редакции написаны так, как положено было в официальной переписке того времени: например, послание к великому князю почти полностью соответствует официальным упоминаниям и обращениям к князю при богослужении, торжествах, в митрополичьих посланиях и публицистических произведениях XV в. Но именно расхождения с общепринятым формуляром в послании к великому князю позволяют заметить, во-первых, датирующий признак (просьбу к князю о посещении), и, во-вторых, признаки немосковского и домосковского происхождения послания: например, великого князя не называют «государем» и «великим князем всея Руси», не упоминают о его месте среди других государей (в начальном обращении к князю вообще отсутствует эпитет «славный»)¹³, в конце послания нет обычного приветствия великой княгине и чадам (а у Ивана III в то время были жена и сын), не говорится, что пишут великому князю из его «отчины», нет ни слова о радости и любви авторов к великому князю¹⁴.

Идейно-композиционная противоречивость «Неозаглавленного письменника» заставляет подозревать, что в дошедших списках его отразились уже какие-то позднейшие изменения и что первая, древнейшая его редакция до нас не дошла, дошли только списки второй, ранней, и третьей, поздней, редакций. Так, почти все послания в письменнике следуют в порядке важности адресатов, имеют несход-

¹² Об Алексее Саввовиче Романчукове см.: Русский биографический словарь. Т. 18. С. 53; Будовниц И. У. Словарь русской, украинской, белорусской письменности и литературы. М., 1962. С. 280. Известен Савватий — писец «Хронографа» 1636 г. (см. у И. У. Будовница. С. 283).

¹³ См. о трех понятиях в титуле Ивана III: Кудрявцев И. М. «Послание на Угру» Вассиана Рыло как памятник публицистики XV века // ТОДРЛ. Т. 8. С. 167 и сл.

¹⁴ О противомосковской направленности послания говорить нет достаточных оснований. Но интересно, что, например, Пахомий Серб в московской редакции «Сказания о чуде Варлаама Хутынского» именовал Василия II великим князем всея Руси, а Новгород — отчиной великого князя. В новгородской же редакции эти слова были опущены. См.: Яблонский В. Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1908. С. 230.

ные тексты и построены одинаково: похвала адресату, авторское самоумаление, пожелания адресату (обычно здоровья) и просьба помочь (обычно молитвой), концовка с упоминанием Страшного суда, Бога и пр. Но резко нарушает этот порядок послание к «властелину», которого, думается, первоначально в письмовнике не могло быть: оно стоит перед посланием ко владыке (явно поздняя черта — «властелин» поставлен выше владыки), «властелину» желают быть в милости у царя или князя (первоначально письмовник верноподданностью не отличался), сам адресат назван очень неопределенно, а сам текст послания почти целиком заимствован из предшествующего послания к великому князю и необычно краток даже для этого лаконичного письмовника. По признакам того же типа можно выявить позднейшие изменения в послании к монаху: вопреки субординации, оно стоит перед посланием к великому старцу, но заимствует из него кусок текста, отчего композиционные части повторяются. Судя по изменениям за счет именно этих посланий, для второго редактора больше, чем для первого, имели значение светские властители: одно — послание к «властелину», а другое — от властителя к монаху («иже в власти чернцу»). Наблюдая состав и последовательность посланий третьей, поздней редакции, можно не очень уверенно предположить отражение в ней теократических и антисекуляризаторских настроений. Так, например, послание к царю поставлено теперь лишь на третье место, после посланий к митрополиту и епископу, а в конце письмовника прибавлено послание к «супротивному», который хочет что-то отнять у адресата. Как раз известно об оппозиции в конце XV в. церковных иерархов Ивану III из-за его секуляризаторских планов¹⁵. Интересно, что старший из списков ранней редакции (РНБ, собрание Софийское, № 1444, первой половины XVI в.) в дополнительных образцовых посланиях к письмовнику настойчиво пропагандирует вклады в монастырь.

О боярском письмовнике «Посланием начало, егда хочещи кому послати: к вельможам или ко властным людям, — кому ся ни есть имярек» говорилось выше. Письмовник «Сказание начертанию епистолиям, предисловиям и посланиям ко всякому человеку», или «Азбучный письмовник», пожалуй, демократичнее своих предшественников: послания распределены здесь в алфавитном порядке по первой букве первого слова, как бы независимо от иерархического соотношения адресатов (эту особенность отмечают некоторые списки, добавляя в заглавии: «сотворено по алфавиту» или «азбука епистолия»). Однако многословная иерархическая система довольно полно коллекционирована в

¹⁵ См., например: *Клибанов А. И.* Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI в. М., 1960. С. 178; *Лурье Я. С.* Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI века. М.; Л., 1960. С. 241—246, 260, 418—419; *Моисеева Г. Н.* Валаамская беседа — памятник русской публицистики середины XVI века. М.; Л., 1958. С. 89—90.

письмовнике: половина адресатов церковных (от митрополита до священника или до монахини), половина светских (вплоть до «мещанина»), среди которых и военные (от воеводы до воина), и ученые (например, «книжный друг» или «философ»), и родные (в том числе вдовая мать, сестра и т. п.).

Литературность

Для литературоведческого анализа большинство письмовников дает однообразный материал: чаще всего это наборы шаблонных приложений и эпитетов в похвалах адресатам. В «Неозаглавленном письмовнике» адресаты строго официальные. Повторение сходных приложений и сравнений в разных контекстах позволяет уловить, что два главных адресата — великий князь и владыка — описаны у составителя письмовника противоположно: грозный, гневный князь и самоотверженный защитник — владыка. Например, и великий князь, и владыка предстают милостивцами своих подчиненных, но в разной связи; ожидаемая милость князя в том, чтобы он простил и помиловал авторов послания, а милость владыки — в заступничестве, покровительстве, помощи. Или, например, и князь, и владыка сравниваются с Христом-Богом, но в разных аспектах: когда сравнение применяется к князю, то Бог — это вышний царь, который милостив к людям, исполняющим определенные требования; когда говорится о владыке, то Христос — это пастырь и владыка, проливающий кровь за людей¹⁶. Несомненно, такие характеристики в новгородском письмовнике 1470-х годов объясняются впечатлениями от походов Ивана III на Новгород и от заступничества Феофила за репрессированных и казнимых бояр. Недаром в образцовом послании владыка назван «изыщным в утешении» и его просят «помощи нам о души и телеси», так как «обычай есть преосвященному ти разуму, благой твоей совести».

Лаконичному «Неозаглавленному письмовнику» стилистически противопоставлен письмовник «Посланием начало», который сосредоточился на компилировании и вариациях похвал только «вельможам». Исключительность адресатов подчеркнута здесь с разных сторон. Эпитет «сладкий» — самый ча-

¹⁶ Владыка сравнивается также с «пастырем словесного стада». Это распространенное в письменности сравнение обычно связано с представлением, что пастырь «душу свою полагает за пасомыя своя». Однако в послании это понятие связано именно с пролитием крови. Ср., например, композиционно очень сходную похвалу Кириллу Белозерскому в его «Житии», написанном Пахомием Сербом до 1462 г., и другие новгородские жития XV в. См.: Яблонский В. Пахомий Серб и его агиографические писания. С. 92, 62. Приложение. С. LXII. «Житие Сергия Радонежского» по редакции Е // ВМЧ. Сентябрь. 14—24. Стб. 1463. «Житие новгородского архиепископа Ионы» // Пам. СРЛ. Вып. 4. С. 31; Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 185—186. Ср. представление об Иване III как о «губителе» в «Послании вельможе Иоанну о смерти князя» 1494 г. (Лурье Я. С. Иосиф Волоцкий как публицист и общественный деятель // Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л., 1959. С. 35, 36, 42—43).

стый в этом письмовнике, а умение красиво говорить — одна из главных похвал адресатам («тихому в речи и красному в беседе»).

В «Азбучном письмовнике» послания из-за их краткости лучше всего рассматривать комплексами, тогда можно увидеть, какие ассоциации, темы, сравнения связывались с данным типом адресата. В этом тоже проявляется, наверное, эпистолярный этикет. Например, в образцовых посланиях к крупным церковникам встречаются обычно темы света и борьбы с ересями: «светильнику церковному, солнцу светлейшему... светло сияюще, небеснаго разуму просвещением озарительнаго великого света яснозрительных херувим блистающа». Женщины-адресаты обычно сравниваются с птицами: «ластовице благообразной», «горлице смиренной» и т. д. Когда пишут к книжникам или к ученым друзьям, то вспоминают и о природе, растениях, драгоценностях: «добролитственному и многоплодовитому древу, драгия отрасли, ветви позлащенные», «древу при исходищих водных насажденному, книжному писанию учителю, плоду зрелому воздаятелю, листвию зеленому». Послания к военным основываются на военных ассоциациях: «полки», оружие, храбрость, победа и т. п. Иногда в письмовнике говорится о внешности адресата: «авраамских сединых» старца или о «дланях» матери. Однажды упоминается вид зданий — царские «позлащенные и превысачайшие полаты». Почти каждое качество адресата подчеркивается, усиливается разными способами, например: «*всех живущих ко спасению приводителю, разорителю же всех плевел... спасителю всеизрядному и во всех благих делах совершенному*»; «орлу *высокопаривому, разуму остроумному, воину добродородному ... во оружии преизящному, в победе преславному...*» и т. п. В целом же, однообразный стилистический материал письмовника может служить некоторым подспорьем при изучении шаблонных характеристик XVII в. разным лицам в обществе.

Наконец, из узкоместных письмовников можно отметить Q.XVII.67 начала XVII в., содержащий много довольно красноречивых посланий. Письмовник собрания Тихонравова № 380 почти полностью состоит из посланий литературного характера.

Подробнее о каждом из основных письмовников скажем в последующих статьях данной книги. А наш общий обзор заключим вопросом: почему составляли письмовники? Можно заметить закономерность, правда, не всегда четко выраженную. «Неозаглавленный письмовник» появился перед падением Новгорода, во время борьбы Ивана III с новгородским боярством. Письмовник «Посланием начало» появился при малолетнем Иване IV, во время «боярского правления». «Азбучный письмовник» появился, по-видимому, после смерти Ивана IV, во время боярского засилия при Федоре Ивановиче. Некоторые местные письмовники появились в Смутное время. Все это периоды борьбы за

власть: менялись правители и правящие группировки, менялась политическая обстановка, менялись и общественные авторитеты. В такое время обострялось внимание к системе этих авторитетов. Систему авторитетов пытались обозреть и нормировать. Письмовники, видимо, ценились не как справочники, пригодные лишь для извлечения разрозненных сведений. Их воспринимали как цельные произведения, как цельные обзоры — характеристики общественных авторитетов в данный момент и для данной среды.

Все писемники, за редчайшими исключениями, это памятники, служившие для укрепления традиционного типа творчества, в них все основано на уже написанном, на переработке сочинений, на обобщении книжных традиций, на ожидаемой риторике.

1964 г.

2. О ДРЕВНЕЙШЕМ РУССКОМ ПИСЬМОВНИКЕ XV в.

Кое-что добавим о традиционном типе литературного творчества на материале отдельных писемников и, прежде всего, повторим, поясним и дополним сведения о древнейшем «Письмовнике».

Напомним, что все дошедшие списки древнейшего «Письмовника», не имеющего общего заглавия и поэтому называемого нами «Неозаглавленным», можно разделить на две редакции: раннюю (вторую) и позднюю (третью). Первоначальная редакция (первая) до нас не дошла. Для ранней дошедшей (второй) редакции характерны образцы посланий к великому князю, к владыке и к игумену. В поздней (третьей) редакции послание к великому князю переделано в послание к царю, а два остальных заменены посланиями к митрополиту. «Письмовник» этот (второй редакции) встречается в сборниках, где его окружают обычно произведения северные, новгородские: «Послание» архиепископа новгородского Василия о рае и послания других новгородских владык, «Повесть о белом клобуке», «Сказание о начале Софии новгородской», «Повесть о начале Псковского Печерского монастыря», «Сказание об иконе Тихвинской Богоматери», «Сказание о Соловецком монастыре», мелкие заметки об епископах новгородских, о продолжительности дня на Вологде и т. п. Большинство сборников, содержащих этот «Письмовник» (второй редакции), находилось в северных же хранилищах: Новгородском Софийском, Архангельском древлехранилище, Александро-Невской лавре, где-то в Белозерском крае... Можно предполагать, что «Письмовник» (второй редакции) появился на севере Руси. Северное, быть может, новгородское происхождение подтверждается и его идейно-стилистическими чертами, о которых будет сказано ниже.

Самый древний список «Письмовника» известен в формулярном сборнике № 562 Синодального собрания ГИМ¹. В сущности, здесь находится не список «Письмовника», а отрывки из него, попавшие в сборник в разное время и в разном виде. Одно из посланий «Письмовника» поздней редакции — послание к «супротивному» — полностью переписано в формулярном сборнике на л. 15 об., то есть в части сборника, которая относится к 1510—1530 гг. Куски из других образцовых посланий к митрополиту, к великому старцу и к монаху (поздней же редакции) находятся на л. 171 об.—172, 174 об., 187—187 об., то есть в части сборника, относящейся к концу XV — самому началу XVI в.² Куски эти уже с позднейшими вставками, сокращениями, искажениями и перестановками были использованы в двух пространных посланиях, включенных в Синодальный сборник и имеющих отношение к Троице-Сергиеву монастырю: в первом автор закликает адресата Сергием чудотворцем, а второе послание пишет «нищей твой с Трои-Сергеева манастыра» (187). Первое послание написано не позже 1492 г., так как автор упоминает «восьмой век», семитысячный год от сотворения мира как предстоящий: «твоим наказанием смиренне зрю на будущуа осмага века...» (172). Итак, «Письмовником» пользовались в конце XV в., до 1492 г.

В списках обеих дошедших редакций великий князь или царь постоянно называется «господином», а не «государем» (в послании к царю или великому князю и в послании к «властелину»). Обращения «господин» или «государь» на Руси XV в. различались, обозначая разную степень зависимости одной стороны от другой, тем более в великокняжеском и царском титуле. В конце XV в. называть царя «господином» было уже невозможно. Последними, кто мог это делать на Руси, были, по-видимому, новгородцы, но до падения независимости Великого Новгорода и до крестного целования «государю великому князю» Ивану III в январе 1478 г.³ Оппозиционного отношения к великому князю в древнейшем «Письмов-

¹ История «Неозаглавленного письмовника» еще далеко не ясна, тем более что его первая редакция не дошла до нас. Через двадцать с лишним лет после появления данной моей работы А. И. Плигузов и А. А. Турилов обнаружили письмовники в двух самых ранних рукописях 1410-х годов, атрибутировали и опубликовали их (см.: Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века. М., 1987. Вып. 3. С. 554—568. Рукопись ГИМ, собрание Музейское, № 1009, л. 75—77 об., 117—117 об.; рукопись Ярославского музея-заповедника, № 15231, л. 257—260 об.). Это, несомненно, списки «Неозаглавленного письмовника», однако относятся они к не к первой его редакции и даже не ко второй, а лишь к третьей его редакции. Для того, чтобы разобраться, в чем тут дело, нужны очень внимательные текстологические сопоставления, пока не сделанные.

² См. датировку сборника Я. С. Лурье в кн.: Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI века. М.; Л., 1955. С. 230—231.

³ Факты спора между Новгородом и Иваном III по поводу царского титулования известны по летописям и достаточно изучены. См., например: Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961. С. 300—302; Черепнин Л. В. Образование русского централизованного

нике» ранней (второй) редакции не наблюдается. Поэтому можно думать, что образцовые послания к великому князю и к «властелину» были написаны до 1478 г.

Великого князя в ранней редакции «Письмовника» просят «призрети к нам, и присетити, и ущедрити, и помиловати». Этих просьб нет в поздней редакции, которая появилась вскоре после ранней и отличается большей пышностью. Общие, «вечные», «абсолютные» темы в образцовых посланиях иногда непредвиденно быстро устаревают, становятся слишком частными, не подходящими к моменту и поэтому вытравливаются. Как видно, чем-то неуместным стали и эти просьбы о милости. Послание к царю в поздней редакции написано от имени одного автора, вполне верноподданного, а пожелание быть в царской милости сохранено в следующем послании к «властелину». Значит, неуместным стал не общий смысл этих просьб, а какой-то их конкретный оттенок. Великого князя в ранней редакции, по-видимому, просили не только оказать милость вообще, но и посетить, помиловать и простить⁴. В поздней редакции такая просьба к царю от лица одного автора звучала бы чрезвычайно нескромно. Письмовники, как правило, ориентируются на современную им действительность. Просьба о посещении, обращенная именно к великому князю, именно в образцовом послании, причем в северном, вероятно, новгородском «Письмовнике», можно думать, связана с каким-то историческим прецедентом. До 1478 г. включительно великие князья трижды посещали Новгород: один раз Василий II в январе — марте 1460 г. и два раза Иван III в ноябре 1475 — январе 1476 г. и в январе 1478 г.⁵ Во время визита Василия II новгородцы ходили «в стороже», Новгородская республика еще сохраняла свою силу. При первом своем походе — «миром» — Иван III занимался в Новгороде судебным разбирательством, новгородцы подавали ему челобитные. Второй поход был карательным, независимый Новгород пал. Дума-

государства в XIV—XV веках. М., 1960. С. 872—873; Очерки истории СССР: Период феодализма. IX—XV вв. М., 1953. Ч. 2. С. 280—283. См. также о разнице титулов «господин» и «государь»: *Соловьев С.* История России с древнейших времен. М., 1854. Т. 4. С. 175—176; *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси. СПб., 1889. Т. 1. С. 219—226; *Дьяконов М.* Власть московских государей. СПб., 1889. С. 134—135; *Он же.* Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. 2-е изд. СПб., 1908. С. 408—410; *Ключевский В. О.* Сочинения. М., 1959. Т. 6. С. 137; *Булахов М. Г.* Московский летописный свод конца XV века как памятник русского литературного языка // Начальный этап формирования русского языка. Л., 1961. С. 57.

⁴ Призирати — смотреть; обращать внимание; оказать милость. См.: *Срезневский И. И.* Материалы для Словаря древнерусского языка. СПб., 1895. Т. 2. Стб. 1401. Присетити — посетить, навестить, явиться, оказать милость. Там же. Стб. 1475. Помиловати — сделать добро, оказать милость; сжалиться, простить; щадить, беречь. Там же. Стб. 1158. Ущедрити — помиловать. Там же. СПб., 1903. Т. 3. Стб. 1345.

⁵ *Бернадский В. Н.* Указ. соч. С. 259—303, 315, 319; *Черепнин Л. В.* Указ. соч. С. 862—875; *Экземплярский А. В.* Указ. соч. С. 215, 225—226, 233; *Лепко И. В.* Поход Ивана III «миром» в 1476 г. // Учен. зап. ЛГПИ. 1948. Т. 78. С. 133—165.

ется, что указанные просьбы более соответствуют событиям первого посещения Ивана III, когда тот действительно мог «ущедрити и помиловати». Значит, образцовое послание к великому князю могло быть написано в предвидении первого или второго посещения Ивана III, то есть в 1475—1477 гг.

Для посланий политически важным адресатам составители письмовников обычно отбирают образцы самые современные. Поэтому можно предположить, что «Письмовник» второй редакции составлен до того, как устарело его послание к великому князю. Если так, то послание ко владыке было написано при новгородском архиепископе Феофиле. Владыку просят «помощи о души и телеси». Но Феофила арестовали и сослали в январе 1480 г.⁶ Такая просьба имела смысл лишь до его ареста. Следовательно, послание ко владыке могло быть написано до 1480 г. Этот вывод не противоречит приведенному выше предположению о наиболее вероятном времени составления древнейшего «Письмовника» второй редакции.

Напомним также, что все послания в «Письмовнике» построены одинаково. Сначала помещается похвала адресату и авторское самоумаление, затем пожелания адресату (обычно здоровья), просьбы о помощи (обычно молитвой) и концовка с упоминанием Бога, Страшного суда и пр. Наблюдается постоянное сходство эпистолярных схем и формул «Письмовника» и конкретных русских посланий XIII—XV вв.⁷ Правда, русская эпистолярная традиция сложилась под влиянием греческой и южнославянской. Так, М. Н. Тихомиров писал: «Изучение формуляров русских грамот XIV—XV вв., вероятно, также обнаружит некоторую зависимость от формуляров южнославянских»⁸. Однако со второй половины XV в., как известно, преобладает русское влияние на южных славян⁹.

⁶ Макарий. История русской церкви. СПб., 1870. Т. 6. С. 75.

⁷ Ср., например, русские послания, напечатанные в кн.: АИ. Т. 1; ДАИ. Т. 1; ААЭ. Т. 1; РИБ. Т. 6, ч. 1; Русско-ливонские акты, собранные К. Е. Нальерским. СПб., 1868; Попов А. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян: XI—XV вв. М., 1875. Ср. также литературные послания: «Послание Даниила Заточника» // Памятники древнерусской литературы. Л., 1932. Вып. 3; «Послание на Угру» Вассиана Рыло // ПСРЛ. Т. 6. С. 225 и сл.

⁸ Тихомиров М. Н. Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в. // Славянский сборник. М., 1947. С. 177. Ср., например, греческие послания, напечатанные в кн.: РИБ. Т. 6. Греческие письмовники указаны: Krumbacher K. Geschichte der Byzantinischen Litteratur. München, 1897. S. 452—454. Однако из-за неисследованности их Крумбахер ограничивается перечислением некоторых списков. Ср. также: Dölger F., Schneider A. M. Byzanz. Bern, 1952. S. 211.

⁹ См., например: Соболевский А. И. Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV—XV вв. СПб., 1894. С. 15. Мне известны 4 южнославянских письмовника, сходных с рассматриваемым. Один — сербский первой половины XVI в. и три русско-молдавских XVI — начала XVII вв. Все они восходят каким-то образом к поздней редакции данного «Письмовника», а молдавско-русские, по определению А. И. Яцимирского, переписаны с русского оригинала. См.: Яцимирский А. И. Мелкие тексты и заметки по старославянской и русской литературе. СПб., 1899—1902. Вып. 1—40. С. 28—32, 88—91, 142—148.

По-видимому, древнейший «Письмовник» не был произведением переводным. Большинство адресатов «Письмовника» — лица церковно-монастырские: владыка, игумен, монах, великий старец. В послании к великому старцу сохранились даже извинения автора по поводу того, что он задержал с передачей благодарности за какое-то благодеяние. «Письмовник» был составлен, вероятно, на каком-то местном церковно-монастырском материале. Однако ни одно из его посланий не кончается благословением адресату, а духовные авторы обычно своих адресатов благословляют. В заглавии одного послания обозначен автор: «Послание иже в власти чернцу», то есть послание властителя к монаху. Можно предполагать, что этот «Письмовник» предназначался для лиц светских. Предположение можно продолжить: быть может, это дело рук светского же составителя, имевшего доступ к церковной переписке или хорошо помнившего ее нормы. Например, результат трудов дьяка или подьячего из канцелярии новгородского владыки¹⁰.

Все послания древнейшего «Письмовника» написаны так, как это принято было в официальной переписке того времени. И особенно послание к князю, почти полностью соответствующее официальным упоминаниям и обращениям к князю при богослужении и торжествах, в посланиях митрополита и публицистических произведениях XV в.¹¹ Но наряду с этим, составитель «Письмовника» не называет великого князя «государем» и «великим князем всея Руси». Не упоминает о его месте среди других государей, — в обращении к князю вначале вообще отсутствует эпитет «славный»¹². В конце послания нет обычного пожелания здоровья великой княгине и чадам, хотя у Ивана III в то время была жена Софья Палеолог и сын Иван Младой. Не говорится, что пишут великому князю из его «отчины»¹³. Нет ни слова о радости и любви авторов к великому князю, а ведь другим адресатам в «Письмовнике» постоянно пишут о любви. Зато о зна-

¹⁰ См.: Греков Б. Д. Избранные труды. М., 1960. Т. 4. С. 40 и сл. Там же характеристика писем того времени. С. 297—298.

¹¹ Ср. послания к князьям XV в.: АИ. Т. 1; ААЭ. Т. 1; РИБ. Т. 6 и др. Причем, автор, недозвольный князем, обычно что-то меняет и опускает в формуляре послания. Ср.: АИ. Т. 1. №№ 50, 51, 53 и др.; РИБ. Т. 6. № 216. Приложение, № 21 и др. Ср., также: «Слово избранно на латыню» // Попов А. Указ. соч. С. 395; «Послание на Угру» Вассиана Рыло // ПСРЛ. Т. 6. С. 225. Ср. также служебники XII—XV вв.: Иванов И. Българското книжовно влияние в Русия при митрополит Киприан (1375—1406) // Известия на Института за българска литература. София, 1958. Кн. 6. С. 61—63; Соловьев П. И. Новгородский Софийский собор // Записки имп. Археологического общества. СПб., 1865. Т. 2. С. 150—151, 154—156, 219—221. См. также: Дмитриевский А. Богослужение в русской церкви в XVI веке. Казань, 1884. Ч. 1. С. 365—377; Голубинский Е. История русской церкви. М., 1917. Т. 2, ч. 2. С. 531—545.

¹² О трех понятиях в титуле Ивана III см.: Кудрявцев И. М. «Послание на Угру» Вассиана Рыло как памятник публицистики XV в. // ТОДРЛ. Т. 8. С. 167 и сл.

¹³ Интересно, что Пахомий Серб в московской редакции «Сказания о чуде Варлаама Хутынского» именовал Василия II великим князем всея Руси, а Новгород — отчиной великого

чении владыки в следующем послании говорится довольно пространно, причем архиереи поставлены выше царей: «... Господемь избранному, апостолом сопредстолнику, учителем съпричастнику, пастырем истинным единомысленик... многым и великим архиереем слава, царем же, и князем, и всем людем похвала и величие, нам же, грешным, заступник...». Все эти черты древнейшего «Письмовника» второй редакции объясняются, вероятно, его происхождением — немосковским и домосковским — как выражение новгородской эпистолярной нормы до 1478 г. Идеологическая борьба между Москвой и Новгородом получала оперативное отражение прежде всего в деловой письменности, в том числе в эпистолографии: меняли формуляры официальных документов, было написано много посланий, составлены специальные антиновгородские актов-эпистолярные сборники¹⁴. «Письмовник» в это время был, вероятно, одним из местных проявлений интереса к эпистолографии и формулярам посланий.

Древнейший «Письмовник» официален и лаконичен, повторение синонимов здесь служит официальности: каждое качество и действие адресата как бы отражается во множестве зеркал. К двум главным адресатам — к великому князю и ко владыке составитель обращается со сходными приложениями и сравнениями.

Князю

...еже призрети к нам, и присе-
тити, и ущедрити, и помиловати,
наставляем от вышняго царя, яко
той щедр и милостив есть, всем
молящимся приходящим к нему
благоутробие свое подает.

Владыке

...нам же грешным заступник,
помощник, и покровитель, и
посетитель, яко сый пастырь
словесных овец Христова стада,
...их же ради великий пастырь,
владыка же и Господь кровь свою излиа...

князя. В новгородской же редакции эти слова опущены. См.: Яблонский В. Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1908. С. 230. Ср.: АИ. Т. 1. №№ 73, 78.

¹⁴ «Ни один из московских походов ни в прошлом, ни впоследствии не был обставлен такой усиленной пропагандой, таким обилием всяческих посланий, как новгородские походы Ивана III» (Лихачев Д. С. Идеологическая борьба Москвы и Новгорода в XIV—XV веках // Исторический журнал. 1941. № 6. С. 54; Он же. Национальное самосознание Древней Руси. М.; Л., 1945. С. 90). См. еще: Лурье Я. С. Первые идеологи московского самодержавия (София Палеолог и ее противники) // Учен. зап. ЛГПИ. 1948. Т. 78. С. 89; Он же. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI века. М.; Л., 1960. С. 3—4; Бернадский В. Н. Указ. соч. С. 273; Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 314, 355, 357; История русской литературы. М.; Л., 1945. Т. 2, ч. 1. С. 259. О сборниках, составленных в 1470-х годах при великокняжеском дворе и митрополичьей кафедре, см.: Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. М., 1948. Ч. 1. С. 162, 351, 351, 335—346, 360, 368; М., 1951. Ч. 2. С. 18—24.

И князь, и владыка предстают как милостивцы своих подчиненных. Но милость князя связывается с понятием прощения и помилования, а милость владыки — с понятием заступничества и покровительства¹⁵.

Послания в «Письмовнике» следуют в порядке иерархической важности адресатов. Но послание к «властелину» в дошедших списках поставлено перед посланием к владыке. Во время составления «Письмовника» «властелин» не мог быть выше владыки¹⁶. Поэтому послание к «властелину» первоначально на этом месте стоять не могло. «Властелину» желают: «...да пребывает господство твое в милости Божии и господина царя или князя». Подобное пожелание, пожалуй, необычно для новгородского эписистолярного формуляра и первоначально в «Письмовнике», вероятно, также быть не могло. Послания в «Письмовнике», как правило, не повторяют друг друга. Но в послании к «властелину» почти весь текст заимствован из предыдущего послания к великому князю. Зависимостью текста символизируется зависимость адресата — в дополнение к приведенному выше пожеланию. Послания в «Письмовнике» обычно построены одинаково. Но послание к «властелину» необычно коротко и не закончено (нет концовки). Адресаты в «Письмовнике» обозначаются сравнительно точно. «Властелин» же — адресат слишком неопределенный: это может быть и посадник или боярин¹⁷, и наместник. Итак, послание к «властелину» как-то выпадает из системы данного «Письмовника». Можно предполагать, что этого послания первоначально в древнейшем «Письмовнике» не было.

Послание к монаху стоит в дошедших списках перед посланием к великому старцу, но заимствует из него часть текста. В результате, авторское самоумаление и просьбы к адресату повторяются в послании дважды, вперевивку. Итак, послание к монаху, подобно посланию к «властелину», тоже нарушает композиционную структуру и последовательность послания. Послание к монаху называется: «Послание иже в власти чернцу» (или «калогером»). Именно эти два послания связаны с «властями»: одно к «властелину», другое от «властелина». Именно они вставлены или переставлены в «Письмовнике» рангом выше и дополнены соседствующими с ними текстами. По дошедшим спискам «Письмовника» можно предполагать, что перед нами следы работы уже нового редактора, для которого большее значение имели светские властители. Если так, то предполагаемая древнейшая редакция не сохранилась, дошли списки второй, ранней, и

¹⁵ См. сноску 16 к предыдущей статье на с. 187.

¹⁶ Ср. порядок перечисления адресатов, например, в послании митрополита Феодосия в Новгород 1464 г. // АИ. Т. 1. № 78.

¹⁷ Кстати, в XV в. в Новгороде намечается бытовое сближение терминов «боярин» и «посадник». См.: Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 327.

третьей, поздней, редакции. С одной стороны, во второй редакции появляется великокняжеский «властелин», но, с другой стороны, великого князя продолжают называть «господином» и т. п. Поэтому не ясно, когда появилась вторая, ранняя редакция. Скорее всего, ее появление следует отнести к началу 1480-х годов, когда значение владыки на время резко упало, должность посадников была упразднена¹⁸, власть великокняжеских наместников не успела утвердиться, а оппозиция великому князю в Новгороде была еще велика.

Третья, поздняя редакция «Письмовника», судя по Синодальному списку, была составлена до 1492 г. На первое место в этой редакции выдвинуто иностранное послание к двум адресатам — к митрополиту или епископу. Послание же только к митрополиту (от епископа) менее пышно и поставлено на второе место. Значит, епископ мыслится как фигура, равная митрополиту. Возможно, редактор выдает этим свою местную ориентацию. Тогда поздняя редакция, скорее всего, тоже является новгородской. Послание к царю сокращено и оставлено теперь на третьем месте, после посланий к митрополиту и епископу. Итак, церковные властители, митрополит и епископ, — выше светских, царя и властелина. Можно предполагать у редактора какую-то теократическую тенденцию. Идею «священство» выше «царства» поддерживал в конце XV в., как известно, не Сергей, а архиепископ новгородский Геннадий (1485—1505), — с конца 1480-х годов¹⁹. При нем, следовательно, могли составить такую редакцию. Заглавия посланий — «к митрополиту или епископу», «к митрополиту от епископа», — пожалуй, подразумевают не рознь, а дружеские отношения между митрополитом и епископом. Вражда Геннадия и митрополита Зосимы также известна. Следовательно, до Зосимы, при митрополите Геронтии (умер в 1489 г.) редакция и возникла, — скорее всего, в конце 1480-х годов.

Заключает «Письмовник» поздней редакции новое послание к «супротивному», — образец послания к тем, которые «взятием имени претят». Послания к митрополиту или епископу и к «супротивному» появляются именно в составе новой редакции, обрамляя старое ядро «Письмовника». Можно предполагать, что добавили эти послания по какой-то одной причине. Теократические идеи церковников были тесно связаны с их борьбой против секуляризаторских мероприятий Ивана III. В послании к «супротивному» можно видеть отголоски анти-секуляризаторской темы.

¹⁸ Сам термин «посадник» сохраняется в качестве синонима к «боярину». См.: *Бернадский В. Н.* Указ. соч. С. 307.

¹⁹ См.: *Клибанов А. И.* Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI вв. М., 1960. С. 178; *Лурье Я. С.* Идеологическая борьба... С. 53—66, 238—246, 260, 418—419; *Моисеева Г. Н.* Валаамская беседа — памятник русской публицистики середины XVI века. М.; Л., 1958. С. 89—90.

В поздней редакции послания ко владыке и к игумену заменены новыми посланиями к митрополиту и епископу, то есть к более высоким церковным адресатам. Новый редактор в посланиях к этим особам не ограничивается подбором синонимов. Он выделяет и подчеркивает значимость лиц специальными словами: «наставнику, и учителю, реку же, и пастырю», «пастырь, и наставник, реку же, и строитель места того», «смирненнометание, яко же подобает и достоить честному образу твоея святости, сиречь до лица земного». Использует и тавтологию: «святости твоея и любочадиа благый нрав любопоминателне знаменает нам в сей час никако же мимо текати забвением твоеа святости еже к нам любочадные любве». Подобные послания уже не строго официальные, а пышнопомпезны.

Митрополита или епископа авторы называют «наставником града», «строителем места», к нему относят Божьи слова: «над многими тя поставлю», и соответственно отмечают: «под тобою богоданное ти стадо». Авторам теперь не важны или не доступны оттенки в положении святителя (кто он царям, кто он людям, кто он «нам грешным»), они обозначают лишь его общее верховенство. Теперь послание к великому князю сокращено в послание к царю, содержащее только новый титул и прежнее пожелание здоровья. Чувствуется, пожалуй, что облик официальных адресатов для редактора уже как-то менее конкретен, словно расстояние между сторонами увеличилось.

Митрополита или епископа, как раньше владыку и игумена, тоже сравнивают с «пастырем». Но теперь это такой пастырь, которого просят «упасти и извести на пажити», оказать «помощь и благодаание» и «благовестити нищим». Даже Бог назван «прещедрым и милостивым», а глас его «сладким». Святитель предстает не защитником от репрессий, а материальным помощником. Послание к митрополиту от епископа содержит обращение «к отцу ми и господину... владычества ти сын», напоминает о «любочадной любви». Здесь иная связь между автором и адресатом (обычная для святительских посланий), — тема отца и сына. Итак, в поздней редакции ощутима и другая тенденция: общение с официальными адресатами предполагается в «кормительном» плане. По-видимому, официальные адресаты были для редактора настолько значительны, что он уже не рискует в «Письмовнике» затрагивать темы политические.

В поздней редакции появились и адресаты неофициальные, «частные», — чей-то брат или чей-то враг. Автор желает брату и себе одинаковых благ: «обре-сти святыню твою моего смерения писанию по обоему здравствующа», «Господь молитвами святых отец помощник и покровитель купно тебе и мне да будет», «аще же есмы телом разны, но духом вкупе». Пожелания эти как бы подтверждают равенство автора и адресата. В послании к «супротивному» автор говорит о врагах, «убивающих тело, душу же не могущих убить, аще взятием имениа претять». И продолжает: «Наг изыдох из чрева матере моея, — наг и отиду тамо.

Ничто же несмы внесл в мир сей, — яве ни изнести могу. Аще ты не възмеш, — и смерть пришедши, възметь от мене. Аще бо мя ты не убиеши и сих мя лишиши, — естественный закон нашед, принесеть смерть». Итак, говорится о безуспешности усилий врагов нарушить «естественный закон». Примеры приводятся обыденные: рождение, нагота, боязнь, смерть, лишить имения, убить... Каждая фраза делится на две части: условие и следствие. Такая конструкция фраз благодаря повтору слов сразу заметна. Повтором же подобных конструкций достигается рассудительный, даже невозмутимый и нравоучительный тон авторского изложения. Таким образом, в целом поздняя редакция стилистически разнородна, однако перевешивает в ней бытовая тенденция.

Некоторые дошедшие списки древнейшего «Письмовника» интересны своими дополнениями. В сборнике РНБ Софийского собрания № 1444 конца XV — первой половины XVI в. к «Письмовнику» прибавлено три образцовых послания — послание от чернца к господину, послание от старца к господину и послание к светскому «служителю церкви». В каждом из этих посланий духовные авторы напоминают светским адресатам о вкладах в монастырь. В первом послании: «Не скрывай скровища на земли... но скрывай съкровище на небесех» (л. 453). Во втором более ясно: «... милости не забывай... и се удалихся бегаа, въдворихся в пустыни, и се удалихся бегаа во отвержение мира, раздаяв имения, и въдворихся в пустыню, в монастырь...» (л. 454 об.). Слова псалма 54-го здесь повторены дважды, как бы отражается процесс их переосмысления. В третьем послании совсем ясно: «... не токмо, господине, мирская чяди питаа, но и чернеческий чин, яже о нас твое, господине, промышление, еже в имярек обители положенныя тобою имярек аки миро благовонное испущает... ты же, господине, не скорби о расточеннем тобою богатстве, но имей съкровище на небесех...» (л. 457—457 об.). Следовательно, прибавка к «Письмовнику» была явно антисекуляризаторской. Недаром «Письмовнику» в этом сборнике предшествуют «Правила Кирилла-митрополита всея Руси» о том, чтобы «не насиловать» монастырям и церквам (л. 432 об.—433). В первом случае (л. 452—453 об.) тон послания укоряющий. Подбором нравоучений и примеров адресат представлен в виде хозяина: «... аще бы ведал дому владыка въ кую стражу нощи тать приидет, не бы дал дому своего подкопати. Не отрецися, брате, царства небеснаго, глаголя: «Жену поях или село купих и супруги²⁰ и волы иду зглядати...» — не велик сий век потрудитися лет пятьдесят или осмьдесят...» Этого хозяина и упрекают за невнимание к церкви.

Во втором послании (л. 454—454 об.) адресата уже прямо призывают «не забывать милостыни». Автор приводит себя в пример: «раздаяв имения, и въдворихся в пустыню, в монастырь...». Адресат рисуется библейско-воинскими

²⁰ Супруг — колесница. См.: Срезневский И. И. Материалы... Т. 3. Стб. 624.

красками, вступление в монастырь – как поход: «да облечь ты Бог в оружие света, да възможеша противитися в день лют, да будуть чресла твоя препоясана истинною, и облъкшеса в броня правды, и обувше нозе в уготование благовестования миру, и възприимше щит веры, в нем же възможеша вся стрелы неприазнены угасити, и шлем спасения...» (Ср. сходное поучение в чине пострижения). Адресата словно вот-вот убедят сделать вклад в монастырь: прямым призывом, чужим примером, решительной похвалой...

Третье послание (л. 455—459 об.) имеет в виду уже иную ситуацию: адресат сделал вклад. Поэтому он предстает как «кормилец». Пищевые и вкусовые ассоциации пронизывают обширное послание: «от горкаго на лучшее преложение», «сладчайши имат действо, егда ползу желающим съдевает», «яко просо растуши и гроздом уподобися», «толик сладок показывает вкус яко всяко и убо пици забеление приносится», «паче сота медвена питающи люди, паче хлеб животный раздробляя алчущим ножом духовным...» и т. д. и т. п. Адресат сопоставляется с различными милостивцами. И даже обычная метафора (мирской человек — «корабль в пучине морьстей обуреваем») в применении к адресату получает «кормительное» продолжение: «... ты, господине, мрежа словеснаа, извлекающи люди из глубины неведения, и (не) яко удищею мшениа, но словесы духовными...»

Таким образом, одной теме посвящены сразу три послания. И подобраны они для разных ситуаций: вот состоятельный мирянин, незаботливо относящийся к церкви, вот он уже на пороге монастыря, а вот он монастырю и нечто пожертвовал. Эпистолярная схема в этих посланиях не самоцель. Книжника середины XVI в. занимала пропаганда монастырских вкладов, и он дал образцы письменного убеждения и поощрения вкладчиков.

В остальных списках XVI в. древнейший «Письмовник» подвергается компилятивным изменениям. То некоторые послания монтируются в одно, как в списках РНБ собрания Санкт-Петербургской духовной академии № 270 и Софийского собрания № 1454. То фразы из «Письмовника» вставляются в «конвойное» послание, как в списке РНБ Основного собрания Q XVII.15. То, напротив, пара «конвойных» конкретных посланий (не образцов) вставляется в «Письмовник» и нарушает его цельность, как в Софийском № 1454. То, наконец, «Письмовник» разрывается «конвоем» и лишь кусками текстов напоминает о себе в разных посланиях, как в сборниках ГИМ Синодального собрания № 562, РНБ собрания Санкт-Петербургской духовной академии № 270, РГБ собрания Тихонова № 380 и БАН собрания Архангельского древлехранилища № 527.

И, наконец, сборная рукопись БАН Текущего собрания № 613 середины XVII в. Компилятивный «Письмовник» сохранился здесь в отдельной рукописи. Составлен он, вероятно, по четырем источникам. В первой части компилятив-

ного «Письмовника» (л. 270—277 об.) находятся, в сущности, не послания, а проповеди. Одно из них и названо «посланием учительным». Эти послания не обращаются к адресатам с характеристикой, а начинаются с поучительных рассуждений: «отсюда еже ума трезвение... отсюда свирепия страсти... отсюда кротость... отсюда тщание... отсюда безмерныя слезы...» — и т. д.: до десятка таких «отсюда». Они почти целиком состоят из повелительных советов, категорических правил, нравоучений в условной форме: «аще бо кто любит мир сей, несть в нем любви Отца», «дело чернью — благодарение, молитва, пение...», «возненавиди словеса сего света... возлюби молитву... сохрани язык свой...» и т. д. — подряд более двадцати таких советов.

Вторую часть компилятивного «Письмовника» составляет древнейший «Письмовник» (л. 277 об.—280). К нему примыкает третья часть, — послания, составленные, вероятно, неким Иваном (л. 280—285. Ср. тайнопись в конце «Послания от холопа к государю» на л. 280 об.—281 и имя в следующем «Послании грешного Иванны...»).

В четвертой части компилятивного «Письмовника» (л. 285—293 об.) послания составлены уже по типу акафистов, «блаженн» и т. п. богослужебных похвал. Например, в «Послании к святителем: или к патриарху, или к митрополиту, и архиепископу, и епископу...»: «... пишу твоему пречестному смирению радоваться о Бозе. Радуйся о святем Дусе... радуйся, возлюбленниче... радуйся, любиче...» — и так до десятка повторов. Затем: «... ты бо избраниче Христов... ты бо еси богозрителное око... ты еси орган...» и т. д. — до двадцати таких повторов.

Итак, для этого компилятивного «Письмовника» характерно жанровое смешение: под видом образцовых посланий прячутся уже и проповеди, и акафисты, «блаженны», и даже отрывок из повести Семена Шаховского.

В целом же вся история древнейшего «Письмовника» укладывается в пределы одного типа литературного творчества, суть которого заключалась в неустанном компилировании и переработке повествовательных традиций.

3. О ПИСЬМОВНИКЕ В «ВЕЛИКИХ МИНЕЯХ ЧЕТЬИХ»

Руководства по составлению писем в Средние века были распространены у многих народов. На Востоке и в Западной Европе их составляли с древних времен, переписывали, использовали, дополняли. В рукописях нередко смешивались руководства разного рода, — о том, как писать письма и как составлять документы, как произносить речи и как слагать поздравления. Поэтому в современной науке не для всех руководств подобраны установившиеся названия. Первые обычно называются письмовниками, вторые — формулярниками. В их составе можно найти неизвестные литературные произведения и обнаружить ценные материалы по истории эпистолярного жанра. К сожалению, письмовники изучены еще очень слабо. Что касается западноевропейских, то есть упоминания и небольшие работы, например, о письмовниках византийских, немецких, польских, болгарских, сербских. Русские же письмовники до сих пор оставались почти совершенно неисследованными ни с точки зрения исторической, ни как литературный источник, обогащающий типологию литературного творчества.

Мы остановимся только на одном русском письмовнике, наиболее интересном в литературном отношении. Он находится в «Великих минеях четых» митрополита Макария, которые, как известно, являются сводом двенадцати огромных томов, объединивших основную массу того, что читалось в России XVI в. Произведения в «Минеях четых» расположены по месяцам и числам: чтение на весь год, день за днем. Под последним днем года, под 31 августа (новый год на Руси начинался тогда с 1 сентября), помещены разные мелкие произведения, — отдел, который мы сейчас назвали бы «Разное». Среди различных образцов документов и руководств по проведению официальных церемоний есть и письмовник. Его заглавие довольно пышно: «Посланием начало, егда хоцещи кому послати: к вельможам или ко властным людем, — кому ся ни есть имярек». Очень пышны и пространны образцы его посланий, дающие в «высоком стиле» характеристики адресатам.

Прежде всего, атрибутируем письмовник: определим время и место его составления и возможного автора.

Письмовник «Посланием начало» присутствует в сборниках только двух типов. Или в «Великих минеях четых» XVI в. и в списках XVII в., к «Минеям» же восходящих. Или в некоторых формулярниках XVI—XVII вв. Самым ранним является так называемый Софийский список «Великих миней четых», — в РГАДА, в собрании рукописей Оболенского, № 51а. Список сделан не позже 1541 г.¹ Следовательно, письмовник, входящий в состав списка, тоже составлен не позже.

¹ Датировку Софийского списка см. в предисловии Е. В. Барсова к статье: Горский А. В., Невоструев К. И. Описание Великих Четых Миней Макария, митрополита всероссийского // ЧОИДР. 1884. Кн. 1. Отдел II. С. 5.

Обращает внимание заглавие письмовника, адресующее его только «к вельможам или ко властным людям». И действительно, все образцы посланий адресуются только к «вельможам», светским и духовным. Похвалы «вельможам» вполне достойны быть обращенными к царю. Так и было, когда немного позже, в 1545 г., архиепископ новгородский Феодосий использовал отрывок из письмовника, обращаясь с посланием к царю Ивану Грозному². В письмовнике же «Посланием начало» царь лишь упоминается дважды. В одном из образцовых посланий автор просит «вельможу»: «...А о том велми скорблю, что ко мне не отпишеш, как на тебя милость Спасова приходит, как еси одержим честию и любовию государською, и ты, господине, ускори писанием...» Другое из образцовых посланий адресуется «Божии любви ревнителю, и к царьскому совету и ко государьскому приателству желателю, во избранных превышшу...» Упоминания о царе не враждебны, а лояльны. Но это все-таки только упоминания, вскользь, не в первых посланиях. Образцового же послания к царю в письмовнике нет. Царь словно не включен в число «властных людей». Подобное отношение к государю-царю до 1541 г. настолько необычно, что его можно связывать лишь с одним периодом, — малолетством Ивана IV³. В таком случае, возможное время составления письмовника — 1533—1541 гг.

Одно из начальных посланий в письмовнике предназначено «Божиею милостию и святым собором избранному и святейшему государю имярек архиепископу града имярек и многих градов правителю...» Но с последней четверти XV в. архиепископы на Руси были не избираемы, а назначаемы⁴. Титул же архиепископов в XV — половине XVI вв. носили и митрополиты⁵. Учитывая также комплекс приведенных эпитетов, можно думать, что адресатом послания является

² ДАИ. Т. 1. С. 39. № 37.

³ См., например: Очерки истории СССР: Период феодализма. Конец XV — начало XVII вв. М., 1955. С. 112—114; *Смирнов И. И.* Очерки политической истории русского государства 30—50-х годов XVI века. М.; Л., 1958. С. 75 и сл. Ср. Максима Грека «Слово, пространне излагающе с жалостию неостроения и безчиния царей и властей последнего жития», написанное в 1534—1539 гг. Резкой границы между царем и «властями» здесь не проводится. Специально о царе не говорится. Властители сами почти цари, от них зависит существование и процветание царской власти: «благочестный сан царский растлевают всяческими своими неправдованиями», власть «аки лишена уж и пуста суша от царей благоверномудренных» (*Максим Грек. Сочинения.* Казань, 1860. Ч. 2. С. 327, 334 и др.). Ср. также его послание к князю Петру Шуйскому: «вернейших и благоумных князей и боярей, еже тщатися и по еже отселе отшествии своего царя и государя снискати ему излишнюю тамо славу» (речь идет о покойном Василии), «благоразумнии и вернии ему, соначальники и споспешники скипетром царским благоверныя державы Русския...» (Там же. С. 419, 420).

⁴ *Голубинский Е.* История русской церкви. М., 1917. Т. 2, ч. 2. С. 34.

⁵ *Казакова Н. А., Лурье Я. С.* Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI вв. М., 1955. С. 131.

митрополит. Однако во время малолетства Ивана IV был избран собором епископов только митрополит Иоасаф, — в феврале 1539 г.⁶ Значит, письменник «Посланием начало» составлен был, вероятнее всего, в 1539—1541 гг.⁷

Теперь попытаемся определить место составления письменника «Посланием начало». Старший список письменника — новгородский (Софийский список «Великих миней четых»). Причем этот список очень близок ко времени протографа. Вероятно, письменник был включен в новгородский список сразу же после составления. Далее, у письменника «Посланием начало» обнаруживаются общие источники с произведениями, связанными именно с Новгородом или с новгородцами: с новгородским «Неозаглавленным письменником» и с посланием новгородца Сильвестра⁸. Наконец, письменник получает отражение в одном из списков послания именно новгородского архиепископа Феодосия. Возможно, все это признаки новгородского происхождения письменника. Однако этих данных явно недостаточно для уверенного вывода.

Отметим теперь литературные особенности письменника. Отношение составителя письменника к вельможам ясно из многочисленных похвал и сравнений. Похвалы вельможам тематически довольно однообразны. Во-первых, восхваляется происхождение вельмож, их «род», а также их чин, честь и слава. Каждое послание обращено к вельможе «честного и славного к великому роду», «в велицей чести живущему», «в великом чину своего добродетельства». Родовитые вельможи сравниваются с доброй отраслью от благого корени. Начальственный вельможа непременно покровитель и заступник, он сравнивается с корабельным кормчим.

Во-вторых, восхваляется смирение, кротость, тихость вельмож, их доброта и любовь. Обращаются к вельможе «и тиху и кротку», «множайшему во смирении», «в любве и смирении», «в любве и смирении высочайшему» и т. д.

⁶ С последней четверти XV в. собором были избраны лишь митрополиты Геронтий (1472—1489), Симон (1495—1505) и Иоасаф. См.: *Голубинский Е.* История русской церкви. М., 1900. Т. 2, ч. 1. С. 516, 532, 608, 610—612, 648 и сл., 739 и сл.; Т. 2, ч. 2. С. 23; *Макарий.* История русской церкви. М., 1870. Т. 6. С. 149—150, 166, 205. Из них Геронтий был в ссоре с Иваном III. Но вряд ли при нем могли, составив письменник без послания к царю, оставить о царе лояльные упоминания. Интересно, что запись об избрании Иоасафа дважды повторяет, что избран был Иоасаф «по писанию книжному», то есть по всем правилам, см.: *Голубинский Е.* Указ. соч. Т. 2, ч. 1. С. 739 и сноска 3. Рассматриваемое послание в письменнике, быть может, отражает это: оно трижды повторяет, что святитель был избран.

⁷ Пятое послание в письменнике посвящено тому, что автор поощряет «вельможу» на женитьбу: «То тебе, моему господину, исполать, что хоцещи браку причаститися». Отсюда можно сделать предположение: не могло ли пятое послание быть как-то связано с женитьбой Василия Васильевича Шуйского на двоюродной сестре царя Ивана IV в июне 1538 г.

⁸ См.: *Зимин А. А.* И. С. Пересветов и его современники. М., 1958. С. 249. Сильвестр был новгородцем и жил в Новгороде до самого конца 1530-х годов (Там же. С. 42 и сл.).

В-третьих, восхваляется мудрость и начитанность вельмож. Постоянно зывают к вельможе «многому в премудрости»: «Ино, господине, сам считаеши божественное Писание», «а святых отец жития считаеши», «многими словеса книжными и премудростию честен и славен являеши» и т. д. Красноречие тоже похвалено: вельможа «сладок в речах», «красен в беседе» и т. п. Кроткий и начитанный вельможа сравнивается с пчелой, собирающей в соты мудрость и «сладкие» добродетели.

Наконец, в-четвертых, постоянны славословия «красоте» и «благоукрашенности» вельмож. Ученый и красивый вельможа уподобляется крину сельному, исполненному благоуханной мудрости. Неизреченная красота вельмож поражает подобно солнечному лучу или дорогой ткани, испещренной разными шелками. Итак, вельможи являются идеалом во всех отношениях, — иерархически, морально, с точки зрения образованности и внешней красоты.

Каждое послание в письмовнике написано от имени одного лица. Эти лица однотипны и сливаются в одно. Облик автора определяется его самооценками и темами посланий. В противоположность вельможе, автор — «недостаточный званием». Он называет себя «служкой» или «служебником» вельможи. В противоположность тихому и добродетельному вельможе, автор — «многгрешный». Он страждет, как корабль, носимый в волнах морских. В противоположность мудрому и начитанному вельможе, автор — «грубый», «скудоумный» и «малоумный». Автор во всем ниже и хуже вельможи.

У составителя две основные заботы. Он или откликается в посланиях на эпизоды из жизни своего покровителя: то желает ему здоровья, то восхищается его мудростью и человеколюбием, то поощряет его на женитьбу. Или выясняет свои взаимоотношения: то недоумевает на гнев вельможи, то уговаривает его быть «приятелем», то извиняется за свой проступок. И беспокоится: «А коли, государь, мне не лучится наборзе про твое государьское здравие слышети, аз же... стражу». Итак, автором образцовых посланий, каждый раз предполагается некий подданный, который временами своего господина видит, осведомлен как-то в его делах и поглощен заботой быть у него в милости.

Остальные «люди» упоминаются изредка в похвалах вельможам. Знатный вельможа — «прославленный от человек» и «почтен паче всех человек». Добродетельный вельможа проявляет «милость и к ближним человеколюбие», он изволит «благоутробен и любовен быти ко всем человеком», он исполнен плодов многих добрых «паче сверстник своих». Мудрый вельможа сладостью словес услаждает «наша душа малосмысленна» и среди людей цветет, «аки крин сельный посреди терния». Итак, вельможе нет равных. Все «люди», включая автора, царя и т. д., составляют только фон. Над всеми возышаются вельможи, — во всех отношениях идеал.

Не трудно заметить главную сторону в этом идеале. Одна тема преобладает в посланиях, отношениях лиц, похвалах и сравнениях. Все послания посвящены дружбе, негневливости, милости к друзьям. Большинство цитат подобрано на эту тему. Царь упомянут милостивым и дружелюбным к вельможам. Вельможа и автор находятся в отношениях исключительно сердечных. Например, автор так пишет к вельможе: «А к себе тя, господине, вем паче всех человек благоутробна и любовна быти». Или: «Господину моему доброму и ласковому до мене сердечное, господине, челобитие, ангельское верное слово покорное». Кротость и человеколюбие — качества у вельмож, наиболее желаемые автором и приветствуемые. Вельможу сравнивают с пчелой, собирающей человеколюбие, кротость, тишину, терпение, нелицемерную любовь. Вельможе желают иметь терпение Иова, покаяние Давида, нищелюбие Авраама, тихость и любовь, подобные Христовой. Все остальные достоинства вельмож проникнуты кротостью и добротой. Например, их родовитость и прославленность: «приятелю нашему великородному», «тихому в славе», «славнейшему в смирении велицем». Добротой и тихостью проникнуты мудрость и красноречивость вельмож: «доброму в наказании и изящному в утешении», «вем тя самого разсудна, и разумна, и тиха, и кротка». Итак, именно о кротости, тихости, доброте усиленно напоминает автор вельможам. Вероятно, потому что в бурный период «боярского правления» мечты о «тишине» и «кротости» властителей касались не только личных интересов какого-нибудь придворного, но имели социальный оттенок.

Однако можно заметить, что восхваляемые моральные достоинства вельмож — это только доброта и кротость. Других достоинств автор почти не упоминает. Например, лишь однажды хвалит у вельможи честность: «А в речи есмя, господине, крепок, а своему есми, господине, слову господарь». Нет обычных похвал вельможам за воздержание от пьянства, от чревоугодия, от разврата...

Более того, одно из образцовых посланий автор посвятил «содомскому греху» вельмож. За этот «грех» (и за разврат вообще) в середине XVI в. обличали вельмож многие писатели: старец Филофей из Елеазарова монастыря, митрополит Даниил, Максим Грек, Федор Карпов, протопоп Сильвестр Благовещенский⁹.

По-видимому, грешили вельможи так, что не умолчал об этом и автор письменника. Причем, хотя вельможи «добры» и «кротки», автор обращается к ним с некоторой опаской, даже «страхом», по его словам. Он опасается, как бы вель-

⁹ См.: *Иконников В. С.* Максим Грек и его время. 2-е изд. Киев, 1915. С. 429—430, 434—435. *Кимеева Е. Н.* «Послание митрополиту Даниилу» Федора Карпова // ТОДРЛ. Т. 9. С. 230. В послании Максима Грека и послании письменника о «содомском грехе» есть сходные цитаты. Ср.: *Максим Грек.* Сочинения. Казань, 1860. Ч. 2. С. 251—260.

мога не него «не подивил», как бы его «не избранил» и как бы «не отгонил». Отсюда предупреждения — просьбы: «По моим грехам гневаешися, господине, на меня, и яз, господине, до себя вины ныне не вем никаковы». Или: «Да не прогневаешься твоя держава на наше смирение». Вельможи, очевидно, не были так добры и кротки, как хотелось бы. И автор это не забывал.

Итак, вельможа в письмовнике словно двоится, — на желаемого и действительного.

Это противоречие автор старается преодолеть. Особенно в послании о «содомском грехе». Среди остальных посланий о добродетелях вельмож послание о «грехе» могло бы резко выделяться. Но автор поработал над темой и композицией. Вельможа у автора уже не развратник: «То тебе, моему господину, исполать, что хошеши браку причаститися, а содомский грех оставляеши». Вельможа теперь учит хорошему: «И ты, господине, сие прочет, да и многих научи не творити такового греха». Ситуацию автор ловко подменил, и вместо обличений стали уместны похвалы.

Послание о «содомском грехе» состоит из двух частей. Автор увещевает вельможу во второй части. А в первой — восхваляет его, в том числе и за целомудрие. Послание это стоит в письмовнике на довольно незаметном месте — предпоследнем. Ему предшествуют послания целиком хвалительные. Заканчивает письмовник послание, тоже восхваляющее вельможу. Так «содомскую» тему автор нейтрализует, «срам» прикрывает похвалами.

Самые заметные в письмовнике выразительные средства — сравнения, чаще всего развернутые. Автор употребляет их во всех посланиях. Одно, например, почти полностью построено на сравнении, которое указано в его начале: «Рассмотрих тя, господине, не внешними очима, но внутренними; уподобился еси, господине, пчелиному трудолюбию и любостроению, яко же бо они по полем летающе, от всякие травы и от всякого цвета собирающе прекрасная...» Сравнения свои автор выбирает, словно вспоминая детали весеннего или летнего пейзажа: солнечные лучи, «крин сельный», благоухание в поле, пчелы над цветами... Элементы «тихого» пейзажа символизируют красоту и «тихость» вельмож.

Другое средство — количественно-усилительные эпитеты или количественно-усилительные приставки в составе эпитетов. Автор повторяет их очень интенсивно (например, эпитеты «многий», «великий», «всякий» и приставки пре-, все-, благо-, веле-: превысший, преизящный, пречестнейший, велеумный и т. д.). Он иногда не удовлетворяется эпитетом «качественным» и добавляет эпитеты количественные: «множайшему и славнейшему в смирении велицем», «многими и различными шолки», «исполнен плодов многих добрых». Или предпочитает только эпитеты количественные: «многому в пре-

мудрости и множайшему в смирении». Высокому иерархическому положению вельмож соответствует высокая степень всех их добродетелей.

Выразительное значение имеет также обилие кратких цитат. Автор, в сущности, подбирает афоризмы, изречения мудрых «отцов». Ведь он пишет к начитанному и ученому вельможе.

В тексте посланий иногда встречаются авторские замечания: «и еже просто рещи», «а вкратце». Автор, видимо, следил за своим изложением. Он подбирал антитезы и синонимы. Синонимы есть уже в заглавии: «Посланием начало... к вельможам или ко властным людям...» Их много в посланиях: «сердцем радуюсь и душою веселюся», «нужно и бедно стражу», «доброму и ласковому до мене», «в законе скороразумному, борзопамятливу», «милость к ближним и человеколюбие». Нередки и антитезы: «Богу есми, господине, проступил. Ино, господине, вем тя самого разсудна»; «малые поминки, а великое челобитье», «не внешними очима, но внутренними», «первый в грешницех и последний во исповедании», «к твоему величеству от нашего убожества».

Можно заметить в посланиях повторы частей слов, рифмованные фразы и даже аллитерации. Вот повтор частей слов и аллитерация сразу в одном отрывке из шестого послания: «благородному и благоверному, боголюбивому и христолюбивому, Богом украшенному и Богом превознесенному, Богом мудрому и целомудрому, и Богом почтенному. Бог, тя, господине, почел паче всех человек... а красоту твою, господине, Христос учинил ангельским чином». Еще аллитерации из других посланий. Из второго: «вины ныне не вем никаковы». Из четвертого: «сладостию божественных словес услаждаеши душу». А вот пример глагольной рифмы: «Не чясто тя, господине, видаю, а чясто тя, господина своего, поминаю» (из третьего послания). Приведенные примеры свидетельствуют о желании автора писать красноречиво. Недаром автор упоминает о красноречивости своих адресатов — вельмож.

Поскольку адресаты писемовника сливаются в один общий тип (вельможа — сильный мира сего, добродетельный и образованный, красноречивый и красивый), то автор словно старается быть достойным своего адресата, отразить его духовное богатство богатством своего стиля. Поэтому он не ограничивается сообщением, что адресат всемогущ, учен, красив, красноречив и т. п., но и соответственно обращается к такому адресату: усилительно, — нагнетая количественные эпитеты; «учено» — с обилием цитат и афоризмов; «красиво» — с пейзажными уподоблениями; красноречиво, — с синонимами, антитезами, тавтологическими сочетаниями, рифмами...

Однако это явление можно заметить в писемовнике в целом, но не в посланиях в отдельности. Отдельно в каждом послании эпитеты, сравнения, антитезы и т. п. используются в довольно бессистемном нагромождении. Обработанность

посланий чувствуется лишь в их начальных частях. В серединах же посланий (но не в цитатах и афоризмах) встречаются иногда слова и формы как будто не совсем литературные: «видаю», «подивил», «отгонил» и т. д. По-видимому, это элементы менее «высокого» эпистолярного стиля, внесенные из речи в письменник невольно. Формуляр посланий к вельможам — правителям тогда, вероятно, еще не совсем сложился. Традиционное, обрабатывающее риторические традиции литературное творчество развивалось широко, мерно и неотвратно.

Письмовник «Посланием начало» содержит эпистолярные материалы, вращавшиеся в околоправительственной среде XVI в. Письмовники демократического характера появляются позже, в последней трети XVI в. и особенно в XVII в. Они менее связаны с литературой и прочнее входят в состав нормативной письменности своего времени.

1964 г.

4. ОБ ОТРЫВКАХ ИЗ НЕИЗВЕСТНЫХ ПРОЗАИЧЕСКИХ ПОСЛАНИЙ В ПИСЬМОВНИКАХ

Различные древнерусские эпистолярные сборники, формулярники и письменники содержат огромное количество отрывков анонимных посланий. Большая часть отрывков, представляя собой риторические образцы, довольно однообразна по своей тематике, композиции, формулам, и только в очень немногих встречаются характеризующее описание лиц и событий, заимствованное иногда из литературных произведений, и нешаблонное выражение авторских чувств.

Укажем на три типа таких отрывков, разнообразящих карту развития традиционного литературного творчества: отрывки из посланий к царям, отрывки из посланий о несчастьях и бедах, отрывки из любовных писем.

В формулярном сборнике РНБ Q.XVII.50 второй половины XVI в., на л. 101 находится небольшой отрывок из послания к царю, озаглавленный «Похвала». Адресат «Похвалы» назван по имени: «...царь мудрый, Божий слуга, князь великий Василей Иванович всея Руси». Несомненно, это Василий III, являющийся для автора современником, так как автор обращается к царю в настоящем времени и говорит о современном положении Руси: «Ты еси мудрая держава, искони бе, самодержавный государь ты еси!»; «есть бо по всем морем и островем грозная твоя и крестная херугви. Их же боятца латынстии языци — литва, ляхи, немци — и всяко бесерменское племья». Таким образом, «Похвала» относится ко времени царствования Василия III, к 1505—1533 гг.

Более узкая датировка «Похвалы» предположительна. Автор подчеркивает, что татары боятся нападать на Русь: «Еще бо грозы твоя боятца и не кочюют сильные орды на Рускую украйну, на твою вотчину государеву». Для тех лет подобное заявление вряд ли могло быть «общим местом». При Василии III татары нападали на Русь почти ежегодно. «Похвала» появилась, по-видимому, в какой-то спокойный период, когда крупных набегов татар на Русь не было. Наиболее подходящим для сочинения «Похвалы», по нашему предположению, мог быть период 1517—1521 гг.: после большого разгрома татар у Оки летом 1517 г., но до нашествия крымского хана Мухаммед-Гирея летом 1521 г., дошедшего до стен Москвы.

Литературная ценность обнаруженного отрывка заключается в том, что восхваление царя здесь осложнено зловещим образом «дикого поля» — пристанища врагов Руси: «Тии бо исчезают по темным нырицам ¹ дикаго и глубокаго поля».

Отрывок из другого послания к царю находится в формулярной части сборника РНБ, собрание Санкт-Петербургской духовной академии, № 430, второй половины XVI в., на л. 43 об. Неясно, какой именно царь мог первоначально подразумеваться в послании, но присутствие отрывка из послания к царю в данном формулярнике вполне естественно, так как целый ряд посланий формулярника посвящен борьбе с врагами Руси — с «неверными».

Оба отрывка из посланий к царям текстуально друг от друга не зависят, но композиционно полностью сходны, вплоть до отдельных выражений. Начинаются оба отрывка сопоставлением царя с Владимиром, внуком Игоревым, сыном Святослава. Затем говорят о святом крещении Руси, процветании православия с тех пор и расширении Русского царства по морям и островам. Затем касаются борьбы с татарами: так, во втором отрывке царя восхваляют за расширение православия «по улисом» (улусам) и «избавление языческаго нашествия». Наконец, оба текста, упомянув об изгнании врагов Руси, заключаются похвалой силе и мудрости власти царя.

Интересно, что обнаруживается еще один отрывок XVI в. из послания царю, повторяющий сходные темы и формулы. Это отрывок из «послания» турецкого султана к Ивану Грозному, приводимый в «Казанской истории»: «О сем же паче великий салтан турский похвалная написа ему сице: “Воистинну ты еси самодержец и царь мудрый, верный и волный Божий слуга. Удивляет бо нас и ужасает превеликая твоя власть, и слава, и огненная твоя

¹ Нырище — развалины башни, ныра, или здания. Такое старшее значение слова указано в известных словарях И. И. Срезневского, А. Х. Востокова, имп. Академии наук, Г. Е. Кочина, А. Г. Преображенского, В. И. Даля. Развалины башен или каких-то строений в первой половине XVI в. в «диком поле» действительно были. См., например: *Сыроечковский В. Е.* Мухаммед-Герай и его вассалы // Учен. зап. МГУ. М., 1940. Вып. 61. С. 5—7.

хоругов прогоняет и поплоняет воздвижющихся. Уже отныне вси боятся орды наши, на твоя пределы наступати не смеют»².

Подобное сходство наводит на предположение, что в XVI в. на Руси существовала какая-то литературная норма для посланий, восхвалявших царя за успешную борьбу с татарами, норма, которая, возможно, была частью традиции антитатарских и антитурецких произведений русской и славянских литератур XV—XVII вв.³

Послания о несчастьях, бедах, страданиях и горестях людей также охотно используются в эпистолярных сборниках, оживляя, в частности, однообразно-приветственные материалы формуляриков и письмовников. Обычно используются послания о несчастьях личного характера, чаще всего, пожалуй, письма сосланных, опальных, постригшихся в монастыри⁴.

Но встречаются, хотя и редко, отрывки из анонимных произведений об общегосударственных бедах. Так, в письмовнике первой четверти XVII в. РНБ О.XV.2, на л. 17—18 об., в образцовое послание от игумена к отцу духовному вставлен отрывок из какого-то произведения о Смутном времени. Отрывок совершенно не связан по содержанию с посланием. Написан он не позднее окончания Смуты, так как в нем оплакиваются несчастья Русской земли, еще не закончившиеся, продолжающиеся до «днесь»: «...яко же днесь збытсья по всей великой Росии ... кровь, яко вода, проливаема повсуду, ото поганых безбожныя литвы, паче же и от своих посецаеми».

Стилистически отрывок не дает ничего нового сравнительно с произведениями о Смуте. То же изображение несчастья как «поколебания и разорения» привычного, извечного порядка в жизни множества людей: монахи, постоянные затворники, убегают теперь из монастырей; мирские люди, жившие ранее оседло, бродят по «дальним странам»; чадолубивые матери лишаются чад; ранее хранимые ценности уничтожаются и т. п. То же перечисление пожигаемых, рассекаемых и отнимаемых врагами богатств Русской земли, сопровождаемое горестными восклицаниями автора, и тот же образ «поганских рук», в которые «мнози впадоша».

² Казанская история / Изд. подгот. Г. Н. Моисеева. М.; Л., 1954. С. 73. Ср. еще «Похвалу царю» (Там же. С. 175, 176).

³ Об антитурецкой теме в литературах см.: *Голенищев-Кутузов И. Н.* Итальянское Возрождение и славянские литературы XV—XVI вв. М., 1963. С. 57—58, 109, 124, 154, 178, 190, 308, 318—320 и др.

⁴ Одним из интереснейших среди посланий этого типа является послание неизвестного эмигранта к новгородскому архиепископу Макарию 1526—1542 гг., изученное В. Ф. Ржигой и А. А. Зиминим. См.: *Ржига В.* К вопросу о западном влиянии в русской литературе первой половины XVI в. // Юбилейный збірник на пошану акад. М. С. Грушевського. Київ, 1928. Т. 2. С. 231—236; *Зимин А. А.* Общественно-политические взгляды Федора Карпова // ТОДРЛ. Т. 12. С. 170—172.

Другим примером использования посланий об общественных бедах может служить небольшая выписка из неизвестного публицистического послания, приведенная в письмовнике первой трети XVII в. (РНБ, собрание Софийское, № 1546, л. 110). Автор протестует против мздоимства в приказах: «Зри ж и сего: и в приказах лукавии действуют, ваше государьское и земское дело на корысть свою променяют, и многие мздою, надеясь на лукавыя понаровки, накупаются, на горшее преспевают, на прежние свои мирогубительные обычаи безстрашно поступают. Которые и прежде для своей корысти и тщеславия разоренье вере и попрежение вере чинили, те же и ныне ухищрением и за мзду понаровлением дерзновение имут, у православных крестьян последнее богатство всячески имат, тем жратвы своя простират. А иные, завидя на лукавых, время всеу и лжу прелщаются, мир продают немерным мздоимством». Неясно, о каком времени речь идет в отрывке, — возможно, о периоде после Смуты.

В письмовники попали образцы любовных посланий, написанные прозой и датируемые началом XVII в. К ним относятся образцы посланий от отрока к отроковице — «непрестанные любве» — и от отроковицы к отроку: «...яко же огнем сердце мое поपालеши и образом прекрасным составы моя сумняеши, яко стрелюу, утробу мою уязвляеши, веселым же зрением и словесы медоточными душу мою возвеселяеши, и лепыми устами расслабляеши все тело мое»⁵.

В дошедших древнерусских любовных посланиях, как правило, нет слишком откровенных упоминаний о любви, свиданиях, поцелуях и пр. Пол адресата также зачастую неразличим, если нет соответствующего заглавия. В сборники предпочитали переписывать, по-видимому, такие послания, в которых «плотские» признания выражались не явно, затушевывались темой духовной любви. Поэтому когда автор говорит о своих сердечных страданиях, вызванных «сладостной» внешностью адресата другого пола, то нередко трудно бывает определить, любовное или только «дружеское» послание перед нами.

С этой точки зрения представляют интерес три образца посланий инока к инокине, списанных мельчайшей скорописью в кирилло-белозерском письмовнике РНБ Q.XVII.67, самого начала XVII в., на л. 212 об.—213. Последнее из этих посланий, возможно, любовное⁶.

⁵ См. сборники: БАН, собрание Никольского, № 45, начала XVII в., л. 125—125 об.; РНБ, собрание Софийское, № 1546, первой трети XVII в., л. 116—116 об.; Тверского педагогического института, № 1 (29), середины XVII в., л. 7 об.—8; РГАДА, собрание Рукописного отдела Московского гос. архива бывшего Министерства иностранных дел, № 914, конца XVII в., л. 6 об.—7. Ср. также образец послания «К невесте ко отроковице» в сборнике ГИМ, собрание Уварова, № 848, первой половины XVII в., л. 413.

⁶ К Кирилло-Белозерскому монастырю был приписан, например, женский монастырь Воскресения Христова. См.: *Никольский Н.* Кирилло-Белозерский монастырь. СПб., 1900. Т. 1, вып. 2. С. 224.

В первом послании автор, уже будучи иноком, пишет инокине о том, что он хочет успокоиться от каких-то мирских переживаний, «достигнути в пристанище зело волнящагося и возвышающагося преизлиха, паче превысоких гор, сверпаго и многмятежнаго моря мирскаго». Из второго послания узнаем имя автора. Он подписался тайнописью: «... ничто же сый к десятосугубну двоесотно со осморичным и к шестьсотну десятично со единицею кланяюсь», то есть 10, 10, 200, 8, 600, 10, 1 — *Iisuxia*. Возможно, этот Иисихия, так хорошо сказавший о «сверепом» море мирском, и написал третье, вроде бы любовное послание.

В послании восхваляется благочестие и непорочность молодой инокини, «краснейшей и сладчайшей паче всех сверстниц, в ту сущем месте иночествующих». В этом нет ничего необычного. Но конец письма производит другое впечатление. Автор заканчивает письмо, признаваясь в каком-то своем «желании», от которого ужасается его «мысль»: «К тебе же паки желание привлечит мя. Како изображу лица твоего радостное, и красоту, и честное ти хождение, старческое мудрование во юностнем теле ... Мысль моя убо ужасается, сердце же подвизается, и язык связуется. Не могу удержати сладости, побеждаюся всеми неизчетно добрыми ти и изступаю умом. Побеждает же мя желание». Подобный конец заставляет думать, что инок, кажется, не смог остановиться на изъявлениях только духовной любви к инокине, хотя дословно использовал текст Иоанна Дамаскина⁷. Прорыва к новому, однако, не произошло.

1965 г.

5. О ЛИТЕРАТУРНОМ ЗНАЧЕНИИ ДРЕВНЕРУССКИХ ПИСЬМОВНИКОВ

В качестве историко-литературного источника письмовники важны с двух сторон. Во-первых, они частично могут приближаться к литературным произведениям. В их составе обнаруживаются литературные послания — публицистические, стихотворные, сатирические, в большинстве своем неизвестные. Во-вторых, письмовники дают материалы, необходимые при изучении деятельности некоторых русских писателей XIII—XVII вв. Так что письмовники составляют разнообразные эпизоды в истории традиционного литературного творчества на Руси. Древнейший из известных русских письмовников, появившийся, вероятно, в Новгородской республике в 1475—1477 гг., с литературной точки зрения мало интересен — он сух и официален. Любопытно здесь другое: его неоднократно переделывали, дополняя новыми образцами посланий. В XVII в. один из образцов был включен даже отрывок из «Повести» С. И. Шаховского о

⁷ См.: «Слово на рождество Богородицы» Иоанна Дамаскина // ВМЧ. Сентябрь 1—13. Стб. 406.

царевиче Дмитрие¹. Самый поздний список этого письмовника относится к XIX в. Он сделан в 1841 г. в нижегородском городе Семенове П. И. Мельниковым-Печерским, тогда еще учителем гимназии².

В 1539—1541 гг. был составлен письмовник «Посланием начало, егда хощещи кому послати: к вельможам или ко властным людем, — кому ся ни есть имярек». По сравнению с предыдущим он отличается пышностью и красноречивостью. Подобная «ораторская» предназначенность письмовника имеет глубокие корни. Прослеживается явное сходство между одним из его посланий и знаменитым «Молением Даниила Заточника»: большие отрывки из обоих произведений, где приводятся высказывания Златоуста и Соломона о человеческой дружбе, уважении и помощи в беде, текстуально совпадают³.

Письмовник

Златоуст рече: «Мнози друзи дружатся со мною и многа брашна различная ядят у меня, а при напасти яко врази обретаются на мене, тако же помагаючи подразити нози мои. Очима бо плачют, а сердцем смеются. Тако же не ими другу веры, не надейся на него, — враг твой бывает».

Моление

Мнози бо дружатся со мною, погнетающие руку со мною в солило, а при напасти аки врази обретаются и паки помогающе подразити нози мои; очима бо плачются со мною, а сердцем смеют ми ся. Тем же не ими другу веры, ни надейся на брата...

Сходен с «Молением» также отрывок из другого послания рассматриваемого письмовника XVI в.

¹ Заметим, что произведения С. И. Шаховского используются в письмовниках не раз. Причина этого пока остается неясной. Дело в том, что С. И. Шаховской, писатель-лирик XVII в., изучен еще очень слабо. Отрывки из «Повести» С. И. Шаховского находятся в следующих списках письмовников: БАН, собрание Текущих поступлений, № 613, л. 273 об.—276; ГИМ, собрание Забелина, № 436, л. 458 об.—460. Послание, приписываемое Шаховскому, обнаружено в письмовнике по списку Тверского педагогического института, № 1 (29). См. об этом: *Голубев И. Ф.* Два неизвестных стихотворных послания первой половины XVII в. // ТОДРЛ. Т. 17. С. 396—403, 407—413. В письмовниках можно также встретить отрывки посланий писателя XVI в. Федора Карпова. См., например, списки: РНБ, Q.XVII.50, л. 100—100 об.; РГБ, собрание Тихонравова, № 380, л. 124; БАН, собрание Архангельского древлехранилища, № 527, л. 114 об.

² Кстати, надо отметить, что горячее увлечение молодого П. Мельникова древнерусскими рукописями, многочисленные его заметки с описаниями рукописей, напечатанные в журналах (заметку о данном письмовнике П. Мельников предназначал, по-видимому, для «Отечественных записок»), — все это предопределило темы будущих произведений писателя. Список, сделанный П. И. Мельниковым, см.: РГБ, собрание Музейное, № 7066 (30). Кроме того, известен древнерусский сборник с его пометками — РНБ, собрание Титова, № 1435 (2344). См.: *Робинсон А. Н.* Жизнеописание Аввакума и Епифания: Исследование и тексты. М., 1963. С. 121, сноска 293.

³ Ввиду большого объема совпадающих отрывков приводим лишь их начало. Отрывки из письмовника приводятся по списку РГАДА, собрание Оболенского, № 51а, л. 604 об.—605 (так

Письмовник

Яко же бо драгая приволока многими и различными шолки испещрена, неизреченную красоту являет, тако и ты, господине мой имярек, многими словесы книжными и премудростию честен и славен являешися.

Моление

Паволока бо испестрена многими шолки и красно лице являеть; тако и ты, княже, многими людми честен и славен по всем странам (явися).

«Моление» Заточника, как известно, дошло лишь в поздних сборниках, датируемых временем не ранее XVI в. Послания в древнерусских сборниках оказывали влияние друг на друга, но при изучении «Моления» это явление еще совершенно не учитывалось. Поэтому до исследования «Моления» с этой точки зрения можно только предполагать, что текстуальная близость между «Молением» по спискам XVI в. и письмовником XVI в. указывает, возможно, на какую-то пока не совсем понятную закономерность.

Письмовник «Посланием начало» связан с деятельностью целой группы писателей XVI в. Составленный в период «боярского правления» при малолетнем Иване IV, он ориентируется на бояр. В нем содержатся образцы посланий только к «вельможам» и ко «властным людям». Ценность письмовника в данном случае заключается в том, что других пробоярских произведений этого периода не сохранилось. Но интересно и другое. Сразу же после составления такой письмовник был вставлен Макарием, будущим митрополитом, в «Великие миней четьи». Там он и сохранился во всех трех списках «Миней»⁴. Это, возможно, является еще одним доводом в пользу того, что митрополит Макарий не был «последовательным защитником самодержавия»⁵.

называемый Софийский список «Великих миней четьих» митрополита Макария). Отрывки из «Моления» // Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам / Изд. подгот. Н. Н. Зарубин. Л., 1932. С. 9—17.

⁴ Письмовник «Посланием начало» встречается только в «Великих минеях четьих» (и их поздних списках) и в формулярниках. Один из формулярных списков письмовника был издан в извлечениях Н. И. Новиковым (Древняя Российская Вивлиофика. 2-е изд. М., 1790. Ч. 14. С. 210—213), который использовал в своих сатирических произведениях архаические эпистолярные нормы; ср. письмо монаха Тарасия редактору «Живописца», письмо Ермолая племяннику Фалалею (Сатирические журналы Н. И. Новикова. М.; Л., 1951. С. 356—357, 366). Имеются разногласия по вопросу, насколько точно Н. И. Новиков издавал тексты (Софинов П. Г. Из истории дореволюционной археологии. М., 1957. С. 56—57). Данные извлечения изданы им с грубыми ошибками, о чем с досадой писал в свое время П. М. Строев (Строев Павел. Описание рукописей монастырей Волоколамского, Нового Иерусалима, Саввина-Сторожевского и Пафнутиева-Боровского. СПб., 1891. С. 182).

⁵ См.: Лурье Я. С.: 1) Иосиф Волоцкий как публицист и общественный деятель // Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л., 1959. С. 33, 94; 2) Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI века. М.; Л., 1960. С. 213, 480; Зимин А. А.: 1) И. С. Пересветов и его современники. М., 1958. С. 78 и сл.; 2) Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 263 и сл.

Текстуальное сходство наблюдается также между одним из посланий письмовника и посланием благовещенского протопопа Сильвестра к Ивану IV 1550 г. Совпадения мы находим в цитатах, в тех местах, где говорится о «содомском грехе» вельмож и о церковном соборе, осудившем этот «грех»⁶.

Письмовник

Поне же, господине, пишет в божественном Писании о том злом греси содомьском тако: «Горе будет привлекающим грехи своя, яко ужем долгом и яко игом стягнутом. Горе глаголющим доброе зло, а злое добро, полагающим свет во тму, а тму в свет, помышляющим горкое сладко, а сладкое горко».

Послание Сильвестра

Яко ж пишет: «Горе будет привлекающим грехи своя, яко ужем долгом и яко стягнутом; горе глаголющим доброе зло, а злое добро, полагающих свет тму, и тму свет, и помышляющим горкое слатко, а слаткое горько...»

По-видимому, оба эти послания восходят к общему источнику. И послание Сильвестра, и письмовник выступают против «содомского греха», распространенного в ту пору среди вельмож. Этот «грех» в первой половине XVI в. обличали в посланиях также и старец Филофей из Елиазарова монастыря, и митрополит Даниил, и Максим Грек, и Федор Карпов. Таким образом, перед нами раскрывается целая традиция обличений вельмож в разврате, которая еще нуждается в историческом истолковании⁷.

В последней трети XVI в. на Руси появился новый письмовник — «Сказание начертанию епистолиям, предисловиям и посланиям ко всякому человеку». В нем широко отражен опыт эпистолярной переписки того времени. Это самый популярный из древнерусских письмовников. Послания в нем расположены в алфавитном порядке, как бы независимо от иерархического положения адресатов, большей частью незнатных и неофициальных. Письмовник переписывали, как правило, в демократической среде, дополняя посланиями на бытовые темы, содержащими множество разговорных выражений и поговорок («раздрав бумагу, верги под лавку мышем на снадение») ⁸, сравнений, пейзажных деталей бытового характера («многосуетное сие житие проходя, хто по полю вскоре теки необувен... или посреди дождя и под ним ходя, не

⁶ Отрывки из письмовника приводятся по списку РГАДА, собрание Оболенского, № 51а, л. 605 об. Отрывки из послания Сильвестра // Голохвастов Д. П., и арх. Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр и его послания // ЧОИДР. 1874. Кн. 1. Отд. 1. С. 81—82.

⁷ Ср. эту же тему в «Хронографе 1512 г.» (ПСРЛ. Т. 22, ч. 1. С. 296).

⁸ РНБ, собрание Софийское № 1546, л. 158 об. Приношу благодарность Д. С. Лихачеву за указание этого интересного сборника.

умотчитца...») ⁹. Между образцами посланий из письмовника и первым посланием А. М. Курбского к Ивану Грозному 1564 г. налицо текстуальное сходство ¹⁰.

Письмовник

Недругу. Прежебывшему общему нашему приятелю и сердечному благодателю, ныне же, грех ради наших, супротивен обретется, разумевай, совесть свою прокаженну имеши, такава же, яко же и ты, ни в безбожных языцех не обретается... К воеводе в полк. Зелному и непреклонному на враги крепкому стоятелю, и в различных битвах помощию ангела Господня прославльшему, великому и начальнойшему стратегу и воеводе превознесенному и в победе преславному... К другу в полк... за православную истинную христианскую веру в различных битвах различными язвами учащенному...

Послание Курбского

Царю, от Бога препрославленному, паче же во православии пресветлу явившуся, ныне же, грех ради наших, сопротивным обретется, разумевая да понимает, совесть прокаженну имущу, якова же ни в безбожных языцех обретается. ...но развее победы пресветлы помощию аггела Господня во славу твою поставлях... паче же учащен бых ранами от варварских рук в различных битвах, и сокрушенно уже ранами все тело имею...

Обращаясь к Грозному, Курбский пишет так, как принято было писать к «недругу». Когда же Курбский пишет о себе, он употребляет выражения, которыми в письмовнике восхваляется воевода. Это сделано сознательно. Курбский, очевидно, хорошо знал эпистолярные нормы и считал нужным их придерживаться. Об этом свидетельствует его второе послание к Грозному, где он критикует царя за «невежественное» отступление от эпистолярных норм и поучает его, как надо, например, цитировать, сочиняя письмо: «...строками ...стихами, яко есть обычай искусным и ученым, аще о чем случиться кому будет писати...» ¹¹.

Как можно установить из ответного письма царя, на Грозного это обращение подействовало. Отвечая Курбскому, он повторил схему начальной формулы послания своего врага: «...ответ бывшему прежде православного истинного

⁹ ГИМ, собрание Уварова, № 848, л. 176. Известные сатирические «Послание дворительное недругу» и «Послание дворянина к дворянину» находятся в составе только этого письмовника. Писатель Д. Мордовцев интересовался эпистолярным окружением письмовника в сборниках, изучая школьные книги XVII в. См.: *Мордовцев Д.* О русских школьных книгах XVIII века // ЧОИДР. 1861. Кн. 4. Отдел 1. С. 71—78.

¹⁰ Отрывки из письмовника приводятся по списку РНБ, Q.XVII.149, л. 192 об., 190—190 об. Отрывки из послания Курбского // РИБ. Т. 31. Стб. 1, 4; Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951. С. 534—535; Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Текст послания подгот. А. А. Зимин и Ю. Д. Рыков. Л., 1979. С. 7—8.

¹¹ РИБ. Т. 31. Стб. 113. Ср.: Переписка... С. 101.

крестьянства и нашего самодержания боярину, советнику и воеводе, ныне же крестопреступнику, ...и губителю хрестьянскому, и ко врагом крестьянским слугатаю...»¹². Далее Грозный цитирует отрывки из этой формулы, перетолковывая их по-своему и сопровождая «кусательными» вопросами: «... еже убо нас «во православии пресветлых явившеся» написал еси, а сие убо тако есть: яко же тогда, тако и ныне веруем, верою истинною, Богу живу и истинну. А еже убо «сопротивным, разумевай совесть прокаженна имущи», сия бо навацкое помышляеши... Ино се ли совесть прокаженна, яко свое царство во своей руке держати, а работным своим владети не давати? И се ли сопротивен разумом, еже не хотети быти работными своими обладанному и овладенному?...» и т. д.¹³ Отдельные выражения из этой формулы Грозный с возмущением повторяет и дальше, даже во второй половине послания¹⁴.

Литературоведческое значение письменников не ограничивается сказанным. Изучение письменников, распространенных в Древней Руси, ведет к цепи других источников, то смыкающихся с письменниками, то уходящих далеко от них. Прежде всего, это многочисленные местные письменники, каждый из которых известен обычно в одном списке. Данная группа очень неоднородна. Здесь и утилитарные руководства по составлению писем, и письменники, тяготеющие к историко-географическому справочнику, и полуформулярники с патриотически-публицистическим уклоном. Исследователь в каждом из них может натолкнуться на неизвестные литературные послания, иногда просто поразительные. Так, в письменнике XVI в. новгородско-псковского происхождения (РНБ, собрание Петербургской духовной академии, № 430), главная тема которого — борьба с врагами России, В. Ф. Ржига¹⁵ обнаружил покаянное послание 1526—1542 гг., написанное неизвестным человеком, бежавшим за границу с карьеристской целью («превзыти всех сверстник своих») и теперь горько раскаивающимся. «Беглец», сравнивая родину с раем, чужбину — с «пучиной», а себя — с отторгнутым ясеневым листком, делает выстраданный вывод: «...до дни смертнаго любезно есть не оставити свое отечество и видения рода лишитися».

Другие источники, примыкающие к письменникам, — это сборники виршевых посланий XVII в. Они важны для изучения не только истории эпистолярного жанра, но и русского стихотворства. Имена стихотворцев часто удается установить по акростихам, которыми написаны виршевые послания. Здесь и вирши по-

¹² Послания Ивана Грозного. С. 10.

¹³ Там же. С. 14—15.

¹⁴ Там же. С. 43.

¹⁵ *Ржига В. Ф.* К вопросу о западном влиянии в русской литературе первой половины XVI в. // Юбилейный збірник по пошану акад. М. С. Грушевського. Київ, 1928. Т. 2. С. 231—236. См. также: *Зимин А. А.* Общественно-политические взгляды Федора Карпова // ТОДРЛ. Т. 12. С. 170—172.

литических деятелей (например, дьяка А. С. Романчукова, о котором немецкий путешественник XVII в. С. Герберштейн отзывался как об очень образованном человеке), и неизвестных стихотворцев (например, инока Савватия). Однако виршевая поэзия уводит к иному типу литературного творчества на Руси — новаторскому.

Письмовники могут внести немало нового в изучение эпистолярного жанра, дают материал, проливающий свет на взаимодействие славянских эпистолярных традиций (некоторые русские письмовники XVI века явно повлияли на южнославянские) и т. д.¹⁶

Письмовники можно рассматривать также и как образцы нормативной письменности. К этой области относятся различные сборники образцов и теоретические руководства, предназначавшиеся на «вечные времена» и на все случаи жизни. В них рекомендовалось, как составлять документы (формулярики), что говорить в речах¹⁷ и чего «желать» в поздравлениях. Известны руководства по писанию икон («иконописные толковые подлинники»), по проведению светских и церковных торжеств (служебники, «чины», уставы), по поведению в быту («Домострой»), по дипломатическому этикету. В качестве литературоведческого источника эта область еще ждет исследования.

Древнерусские письмовники, как правило, встречаются в рукописных сборниках. При работе над письмовниками постоянно ощущается необходимость в текстологическом исследовании всей совокупности многочисленных эпистолярных сборников или эпистолярных частей сборников, их рукописной традиции в целом. В настоящее время формируется самостоятельная «отрасль» истории литературы — «сборниковедение», или кодикология. Так, в течение прошедших лет общее значение древнерусских сборников рассматривалось с разных точек зрения — текстологической¹⁸, жанровой¹⁹ и историко-культурной²⁰, определялось значение даже их

¹⁶ Украинскими письмовниками интересовался, например, писатель Б. Д. Гринченко (Старинный малорусский письмовник «Книга глаголемая листовня». Чернигов, 1901). Из другой литературы о славянских письмовниках см.: *Winniczuk L.* Epistolografia: Lacinske podreczniki epistolograficzne w Polsce w XV—XVI wieku. Warszawa, 1952. Отдельные упоминания о письмовниках см.: *Голенищев-Кутузов И. Н.* Итальянское Возрождение и славянские литературы XV—XVI вв. М., 1963. С. 213—214; *Гачев Г. Д.* Ускоренное развитие литературы: На материале болгарской литературы первой половины XIX в. М., 1964. С. 116—118.

¹⁷ Ср., например, неизвестный противостарообрядческий полемический сборник конца XVII в. в московской Фундаментальной библиотеке общественных наук (шифр В. 107. Ред. ВХ. 513, инвентарный № 214260) с образцами речей «к боярину, обитель посещающу» и «из обители отходящу» (л. 215 об. — 216 об.).

¹⁸ *Лихачев Д. С.* Текстология: На материале русской литературы X—XVII вв. М.; Л., 1962. С. 232 и сл.

¹⁹ *Лихачев Д. С.* Система литературных жанров Древней Руси // Славянские литературы: Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов. М., 1963. С. 47—70.

²⁰ *Лурье Я. С.* Литературная и культурно-просветительская деятельность Ефросина в конце

формальных элементов — в частности, переплетов, делавшихся нередко из склеенных рукописных листов²¹, экслибрисов владельцев-читателей²² и т. д.

Укажем еще на одну особенность сборников — на записи и приписки читателей²³. Читатели нередко упражнялись в эпистолярных обращениях, взятых иногда из письмовников (ср., например, сборники Института русской литературы, собрание Перетца, №№ 88, 126). Свои пометы они делали, как правило, по канону; необходима их классификация. Эти пометы воссоздают два типа читателей: «книжника», благоговееющего перед мудростью «писания» и стремящегося жить «по закону», и читателя более демократического, плутоватого балагура, а иногда и ругателя²⁴. Но это отводит нас далеко в сторону от темы. Наша же задача заключалась в том, чтобы обратить внимание на древнерусские письмовники как на источник по истории традиционного литературного творчества на Руси.

1964 г.

XV в. // ТОДРЛ. Т. 17. С. 130—168; Казакова Н. А. Книгописная деятельность и общественно-политические взгляды Гурия Тушина // Там же. С. 169—200; Кудрявцев И. М. «Издательская» деятельность Посольского приказа. (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII в.) // Книга. М., 1963. Сб. 8. С. 179—244; Мильников А. С. Культурно-историческое значение рукописной книги в период становления книгопечатания // Книга. М., 1964. Сб. 9. С. 37—53.

²¹ Мальшев В. И. Старинные переплеты и рукописные находки // Русская литература. 1960. № 4. С. 188—190.

²² Розов Н. Н. Соловецкая библиотека и ее основатель игумен Досифей // ТОДРЛ. Т. 18. С. 294—304.

²³ См.: Тихомиров М. Н. Записи XIV—XVII веков на рукописях Чудова монастыря // Археографический ежегодник за 1958 год. М., 1960. С. 11—36; Костохина Л. М. Записи XIII—XVIII вв. на рукописях Воскресенского монастыря // Археографический ежегодник за 1960 год. М., 1962. С. 273—290; Асафов К. М., Протасьева Т. Н., Тихомиров М. Н. Записи на книгах старой печати XVI—XVII веков // Археографический ежегодник за 1961 год. М., 1962. С. 276—344; Бакланова Н. А. Значение владельческих записей на древнерусских книгах как источника для истории русской культуры // Археографический ежегодник за 1962 год. М., 1963. С. 197—305.

²⁴ Вот как сердились авторы приписок. Писец сборника второй половины XVII в. не поленился киноварью сделать витиеватые замечания, осуждающие общепринятые фразы — «пробы пера», в частности, написал такое: «Стоит море на пяти столпах — пьяных, дурацких, вракомьных, безумных, еллинских, баснословных сказок. Оле всеконечнаго дураческаго безумия! Ослепи бо пьянственная мрачная слепота, еже не зрети в мудрости истинныя правды, что есть благо. Но полно и так» (РГБ, собрание Разумовского, № 16, л. 287). Один из читателей сборника конца XVII в. увидел чьи-то пробы пера на листах книги и разразился грубой бранью: «Блядин сын, так добрые люди не делают. Божую книгу избезделничал, проклятец, блядин сын»; «плуты, блядины дети так безделничают, забыв страх Божий. Изморал, блядин сын» (РГБ, собрание Ундольского, № 1079, л. 4, 8 об.). В результате, этот раздражительный читатель еще больше «изморал» несчастную книгу, в которой, кстати, есть и письмовник (л. 161—194).

О ТИПЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ТВОРЧЕСТВА СОСТАВИТЕЛЕЙ «ПСКОВСКОЙ ВТОРОЙ ЛЕТОПИСИ»

Тип традиционного литературного творчества — самый мощный и долговременный на Руси. Поздние летописные произведения вполне заслуженно относятся к этому типу творчества.

Скажем об одной из таких летописей, отличающейся своеобразной манерой повествования, — о «Псковской второй летописи», составленной в 1486 г., дошедшей до нас в единственном списке конца XV в. и большей частью рассказывающей о военных стычках псковичей с соседями. Псковский летописец XV в. или даже XIV—XV вв. (так собирательно обозначим поколения неизвестных нам, но стилистически родственных составителей «Псковской второй летописи» и их предшественников) довольно однообразно писал о немцах, поляках, литовцах, да и о русских тоже. Все они как бы на одно лицо. Однако однообразие скрашивалось сравнительно новым лейтмотивом в летописном повествовании: летописец явственно чаще, чем обычно в летописях, упоминал чувства и настроения персонажей, — то подчеркивал их злобу («тогда поганыи, възъярився и попухневъ лицом, прииде..., съкрежеща своими многоядьными зубы...» — 60, под 1480 г.¹); то описывал горе людей («и бысть плач, и рыдание, и вопль великъ» — 26, под 1343 г.); то нагнетал страх («и бысть чюдо страшно: внезапно наиде туча страшна и грозна, и дождь силенъ, и гром страшен, и мльνια бес престани блистая, яко мнети уже всем от дождя потопленнымъ быти, али от грому камением побиенымъ быти, или от мльνια сожъженнымъ» — 41, под 1426 г.).

Об этих чувствах скажем подробнее. Чаще всех упоминались отрицательные чувства, и больше всего событий летописец сопровождал гневом персонажей. Крупные нападения предпринимались во гневе или ярости: «и онъ гръдыи князь Витовтъ... възъярився, прииде к Вороначю...» (40, под 1426 г.); «князь великии Иванъ Васильевич разгневался на Великии Новъгород... прииде под Великии Новъгород...» (57, под 1477 г.) и др. Князья у летописца вообще постоянно гневались: «пъсковичи отрекошяся князю Андрею Олгердовичю... и про то разгневался велми на пскович» (26, под 1349 г.); «и псковичи... того не восхотеша... и Витовти оттоле начя гневъ великъ дръжати на пскович» (38, под 1421 г.). Общаться с гневливыми князьями было тяжело: «и биша чолом, абы вины отдал и гнева на Псковь не дръжалъ; он же съ яростию, гнева наполнився, ответъ даде...» (40, под 1424 г.); «не пусти их к собе на очи 3 дни, гневъ держа...» (52, под 1463 г.); «князь великии, яромъ окомъ възревъ, рече» (69, под 1486 г.); «с великою опалкою отвещал» (66, под 1485 г.);

¹ Псковские летописи / Изд. подгот. А. Н. Насонов. М., 1955. Вып. 2. Страницы указываются в скобках.

и пр. Власти покидали Псков неизменно во гневе: «И князь Александръ... разгневався на пскович и поеха к Новгороду» (24, под 1341 г.); «князь Андреи и Борисъ... скоро разгневавшися, поехаша из града...» (61, под 1480 г.); «архиепископъ новгородьскый Еуфимии... разгневався, поеха изо Пскова» (45, под 1435 г.); и т. д. Упоминания гнева, как видим, однообразны.

Другое чувство персонажей, которое считал нужным часто и тоже однообразно упоминать летописец, — горе от нападений и разорений: «и бе видети многымъ плач и рыдание» (60, под 1480 г.); «от многоаго недостатка и стеснения многу скорбь имеаху, плач и рыдание» (57, под 1477 г.); «и бысть... скорбь и печаль» (25, под 1341 г.); «и бяху тогда псковичи в велице скорби и печали» (60, под 1480 г.). Просьбы страдающих тоже сопровождалась горестными эмоциями: «А в то время притужно бяше велми изборяном, и прислаша гонецъ въ Псковъ съ многою тугою и печалью» (25, под 1341 г.); «и беху псковичи въ мнозе сетовании и в тузе» (61, под 1480 г.); и т. п.

Еще одно чувство, обязательно отмечаемое летописцем у персонажей, — страх, обычно при бегстве, обычно у врагов: «поганымъ вложи страх въ сердца их и обрати я на бегъ» (25, под 1341 г.); «убоявся князя великого и побеже в Литву» (51, под 1460 г.); «немци убоявшися и побегоша» (53, под 1463 г.). Страх парализует действия: «И, видевшя, немци устрашишася, а псковичи, видевшя немецъ, убояшася, и не съступишася на бои» (59, под 1480 г.); «не домышляющися о семь, что сътворити, боящися князя великого» (61, под 1480 г.); и пр. Стихийные явления, как уже можно было убедиться, летописец также сопровождал указаниями на страх; вот еще пример: «бысть туча темна и грозна... и гром страшен... и от блистанья мльниа исполнися церковь пламени, и черньцы вси падоша ниць от сътраха пламени того» (43, под 1432 г.).

Однако летописец нередко варьировал обозначения чувств и эмоциональных состояний, тоже почти всегда отрицательных у персонажей: «немилостиво имеа сердце» (42, под 1426 г.); «зли быша на ны» (24, под 1341 г.); «вложи бо диаволь въ сердца их... на пскович велику ненависть дръжаху» (33, под 1407 г.). Или: «прислаша своего посла... не с поклономъ, ни с чолобитьем, ни с молением, но з гордынею» (55, под 1471 г.); «и тако, гордяся, поиде к городу Пскову» (59, под 1480 г.). Бегство сопровождалось не только страхом, но и стыдом: «отбегоша немци съ многымъ студом и срамомъ» (23, под 1323 г.); бывал еще повод для стыда: «князь великий изополелся на Ярослава, и он вся грабленая и людеи со многымъ студомъ възврати» (56, под 1477 г.). Только в очень редких случаях летописец вспоминал о положительных чувствах персонажей: «посадники възвратишася с великою радостию» (68, под 1486 г.); «князь же Ольгердъ съжаливсьи и не остави мольбы и чолобитиа псковскаго» (24, под 1341 г.); «бысть знамение... от иконы святого Николы... и множество народа удивишася о преславномъ чудеси» (46, под 1440 г.).

Склонность летописца к упоминаниям чувств у персонажей проявилась и при использовании им источников. «Псковская вторая летопись» была начата с пересказа отрывков из «Повести временных лет», и когда псковский летописец дошел до отказа Рогнеды стать женой Владимира Святославича, то вставил указание на чувство: «Володимиръ же, *възъярився*, иде ратью к Полтеску и уби Рогволода и два сына его, а дщерь его Рогнеду поя себе жене» (10, под 980 г.); в «Повести временных лет» же чувства Владимира никак не упоминались в этом эпизоде: «Володимиръ же, собра вои многи... поиде на Рогъволода... и уби Рогъволода и сына его два, и дъчерь его поя жене»²; о ярости Владимира в «Повести временных лет» вообще не говорилось ни по каким поводам. После «Повести временных лет» псковский летописец поместил целиком «Житие Александра Невского» первой редакции и потом снова пересказал один из его эпизодов, но уже добавив указание на чувство, отсутствующее в «Житии»: «Князь Александръ... клятвою извеща псковичемъ, глаголя: “Аще кто и напоследи моих племенникъ прибежить кто *в печали* или так приедет к вамъ пожити, а не примете, ни почъстете его акы князя, то будете окаанни и наречетася вторая жидова...”» (21, под 1242 г.); о приезжающих в печали не говорилось ни во внелетописном «Житии Александра Невского», ни в его полном тексте, вставленном во «Псковскую вторую летопись»: «И рече Александръ: “О невелигаси псковичи, аще сего забудете и до правнучать Александровых, и уподобитесь жидом...”» (14). После «Жития Александра Невского» в летописи следовала «Повесть о Довмонте», в последнюю фразу которой летописец снова добавил упоминание о печали: «Бысть же *печаль* и жалость велика тогда псковичемъ» (18); эта печаль отсутствовала в ранней редакции «Повести о Довмонте»: «бысть же тогда жалость велика во граде Пскове...»³. Еще раз была добавлена печаль в «Сказание о битве новгородцев с суздальцами», тоже вставленное во «Псковскую вторую летопись», но с такой концовкой: «...Христе боже нашъ, и нас избави от всякыя *печали*, и беды, и напасти» (21, под 1169 г.); в первой редакции «Сказания» концовка иная: «Богу же нашему»⁴. В общем, псковский летописец, то менее, то более редактируя тексты, добавлял однообразные упоминания о ярости или печали персонажей.

Летописец однажды высказался так: «А еще и иного много бых писать бывшиа в тое розратие печали и скорби, но за умножение словес и не писано оставимъ» (25, под 1341 г.). Но это значит, что особого пристрастия к изображению чувств у летописца не было. И, действительно, он не упражнялся в разнообразии чувств, очень кратко, однотипно и вовсе не повсеместно отмечал их, притом упоминания чувств не всегда обозначали только эмоциональную реакцию, чаще —

² Летопись по Лаврентьевскому списку / Изд. подгот. А. Ф. Бычков. 3-е изд. СПб., 1897. С. 74.

³ Охотникова В. И. Повесть о Довмонте: Исследование и тексты. Л., 1985. С. 193.

⁴ ПЛДР. Т. 4. / Текст памятника подгот. Л. А. Дмитриев. С. 452.

общую ситуацию. Например, «печали и скорби» обозначали несчастья вообще, в том числе материальные; «разгнеवासя» означало и политическое отношение; и т. д.

Чувства, в основном отрицательные, летописец упоминал для того, чтобы придать напряженность своему повествованию об опасностях и несчастьях, — вот что главное в его повествовательной манере. Поэтому перечисления чувств у него содержали вдобавок и преувеличения, обычно в виде сравнений и метафор, например: «Многу скорбь имеаху, плач и рыдание. И всколебашася, аки пьяни» (57, под 1477 г.). Перечисления чувств нередко включали в себя и иные усилительные элементы, летописец пользовался выразительными деталями: «А Немецкая вся земля тогда бяше не въ опасе, без страха и без боязни погании живяху, *тыва мнози варяху*» (62, под 1480 г.); прибегал к словесным повторам: «*немилостивно* каменьем побиша... и тако *немилостивну* и лютую подьяша смерть» (59, под 1480 г.). Даже одиночные упоминания чувств сочетались с преувеличивающими определениями и сравнениями: «наиде туча дождевая страшна зело, и падаше з дождем камень, акы яблока, а иное — аки яйца» (38, под 1421 г.).

Перечисления чувств и упоминания единичных чувств служили лишь одним из способов придания трагедийной напряженности рассказам летописца. Тому же способствовали перечисления и вовсе не чувств, тоже с преувеличениями-сравнениями: «и наплънишася источници, и реки, и езера, акы весне» (31, под 1405 г.); «привезоша множество ратного запаса, и хлебовъ, и пива, и вологи, акы на пирь зовоми» (60, под 1480 г.); и др. Или же с усиливающими обобщениями: «много же бед в та лета претръпеша болезнями, и мором, и ратми, и всех настоящих золь...» (28, под 1370 г.); «и поидоша ко Пскову новгородци, корела, чюдь, вожани, и тферичи, и москвичи, и просто рещи, съ всеи Руской земли» (39, под 1422 г.). Втянут был и счет в эмоциональное повествование: «Бысть моръ въ Пскове, яко же не бываль таковъ: где бо единому выкопали, ту и пятеро, и десятеро положишя» (29, под 1390 г.); «бысть чюдо преславно: явися на небеси 3 месяца» (65, под 1485 г.); «и в третии ряд стала река, и сварачало лед криньемъ великим, акы хоромы» (58, под 1478 г.); «а от скоту не оставиша ни куряти» (62, под 1480 г.); «множество людии, их же не мощно исчести» (59, под 1480 г.); иногда получалось что-то вроде рифмы: «воеваша... 5 днеи и 5 нощеи, не слазяще с конеи» (25, под 1343 г.). Напряжение вносили и постоянные упоминания об экспрессивных откликах городских властей и горожан на события: «мльва многа в людех» (23, под 1330 г.); «думавше много» (24, под 1341 г.); «много томишася, биюще чоломъ» (25, под 1341 г.); «весь Псков выидоша съ кресты» (37, под 1420 г.); «непословича и многыя брани» (57, под 1477 г.); «не вемы, чего дяля... не вемы, о чемъ» (62—63, под 1482 и 1483 гг.); и т. д. и т. п.

Все это, казалось бы, можно объяснить псковской летописной традицией. Экспрессивность, даже броскость повествовательной манеры «Псковской второй

летописи» (или свода 1486 г.) точно отразила первоначальную экспрессивность, свойственную общему протографу псковских летописей и соответственно «Псковской первой летописи» (свода 1481 г.); недаром у обеих летописей много дословно сходных текстов⁵. Но сравнительно со «Псковской первой летописью» «Псковская вторая летопись», пожалуй, усилила экспрессию: в ней последовательно сокращались тексты протографа⁶, но зато последовательно же вставлялись новые, более яркие упоминания чувств, как правило, отрицательных.

Чаще добавлялись упоминания злобы персонажей. Так, во «Псковской первой летописи» говорилось: «братия наша новгородци нас повергли, не помагают намъ» (18, под 1341 г.⁷); «Псковская вторая летопись» добавляла: «братия наша новгородцы не помагают намъ, и *зли* быша на ны» (24). Часто добавлялся гнев. В первой летописи: «князь великий не пустил нас к себе на очи три дни» (63, под 1463 г.); а вторая летопись разъясняла: «не пусти их к собе на очи, *гневъ держа*...» (52). Во второй летописи добавлялись целые эпизоды с гневом, вроде такого, как «Витовти оттоле нача гневъ великъ дръжати на пскович» (38, под 1421 г.). В первой летописи нет этого эпизода (ср. 34). То же было с различными иными проявлениями ярости и ненависти — они упоминались во второй летописи, но отсутствовали в первой. Например, по «Псковской первой летописи», новгородцы «псковичемъ не помагаше ни словомъ, ни деломъ» (30, под 1407 г.); а по «Псковской второй летописи», новгородцы уже «на пскович *велику ненависть* дръжаху» (33). Или по первой летописи, «местер с немцы» просто пошел на Псков (77, под 1480 г.); но по второй летописи, «гордяся поиде... хупущесе и скрежещуще зубы» (59); и т. п.

Старательней и чаще подчеркивалась горестность событий во «Псковской второй летописи». Так, если в первой летописи сообщалось, что «псковичи много биша челомъ великому князю Василию, дабы имъ помочь» (29, под 1407 г.), то вторая летопись добавила: «...абы помогль *бедным* псковичемъ в *тошна* времени» (32). Иногда добавлялась фраза «биша чолом *со слезами*» (34, под 1408 г.; ср. первую летопись, 31).

Иногда добавлялись указания на страх, обычно во вставных эпизодах, отсутствующих во «Псковской первой летописи». Например, под 1425 г. обе летописи сообщали о том, что «бысть моръ во Пскове» (ср. 35 и 40), но вторая летопись продолжала: «А князь Федоса Патрикиевич того мору *убоявся*, поеха изо Пскова...»

Однако, в единичных случаях «Псковская вторая летопись», напротив, смягчала упоминания о печали и страхе, представленные во «Псковской первой летописи». К примеру, первая летопись под 1352 г. подробно описывала мор во Пскове

⁵ См. стемму списков: Псковские летописи / Изд. подгот. А. Н. Насонов. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. LXIII.

⁶ См.: Псковские летописи. Вып. 1. С. XLIV.

⁷ Псковские летописи. Вып. 1. Страницы указываются в скобках.

и говорила об отчаянии: «Тогда бяше мнозь плач зело и лютое кричание съ горкым рыданием... Кто бо тогда каменосердь человекъ и без слез быти...» (22). Во второй же летописи летописец ограничился только ссылкой на источник об этом море: «О семь пространне обрящещи написано в Рускомъ летописци» (27). Некоторые характеристики страха также были сокращены во «Псковской второй летописи». Так, под 1433 г. в первой летописи говорилось: «бысть страх и ужас на всех людех» (41); а во второй — «бысть страх на всех» (44). Причина всего этого — механическая: упоминания чувств исчезали чаще всего из-за сокращения или опущения эпизодов во «Псковской второй летописи», в целом же в ней благодаря вставкам были усилены мотивы агрессивной экспрессивности событий.

Сравнительно со «Псковской первой летописью» летописец обычно, если не вставлял, то делал выразительнее упоминания чувств и состояний. Например, под 1343 г. во «Псковской первой летописи» сообщалось, что при ложном известии о поражении псковичей от немцев «бысть въ Пскове плачь великъ и кричание» (12); во «Псковской второй летописи» же была усилена активность самого плача: «и бысть плач, и рыдание, и вопль великъ» (26). Иногда летописец делал чувства и состояния более масштабными. Вот, по рассказу первой летописи, псковичи уклонились от стычки с немцами, и «тогда бяхуть псковичи в сетовании мнозе и в печали» (31, под 1407 г.); во второй же летописи эта заключительная фраза эпизода превратилась в обзор отчаянного положения Пскова: «И бысть псковичемъ тогда многыя скорби и беды ово от литвы, а иное от немецъ, и от свои братья — от Новагорода, ово смерти належащи» (34).

Благодаря добавлениям во «Псковской второй летописи» появились обозначения физического напора на объекты, их охвата. Например: «бысть буря велика, и сшибе крестъ с церкви святыя Троици, и разбися весь» (31, под 1401 г.); или: «бе тогда мразы силно велици, а снегъ человеку в пазуху, аще у кого конь свернет з дорозе, ино двое али трое одва выволокут» (62, под 1480 г.). Этих, как и целого ряда подобных сообщений, нет во «Псковской первой летописи». Мотив сдавления тоже явственней выражался во «Псковской второй летописи»: «начаша прилежнее к городу лести» (41, под 1426 г.), а во «Псковской первой летописи» нет (ср. 36); «окова твердо железы» (45, под 1435 г.), а в «Псковской первой летописи» без эпитета: «окова его железы» (43); и пр.

Летописец усиливал и действия персонажей для большей напряженности своих вариантов рассказов, меняя синтаксическую структуру фраз и их смысл. Так, во «Псковской первой летописи» говорилось о крестном ходе около одной церкви, где «попове моляхуся за град и за люди, живущая в немъ, с кресты ходяще, моляхуся Богу» (41, под 1433 г.); а во «Псковской второй летописи» уже хождение с крестами распространялось на весь град: «священници начаша, по граду съ кресты ходяще, Богу молитися» (43). Или в первой летописи говорилось о новгород-

цах, что «не быша имъ Божия пособия» (53, под 1456 г.); во второй же летописи сообщалось гораздо энергичнее: «Новгородци же видевшѣ неспособность свое» (49). Во «Псковской второй летописи» добавлялись усилительные эпитеты и метафоры, например: «положиша въ святеи Троици честно и великолепно» (26, под 1349 г.); в первой же летописи без прикрас: «положиша и во святеи Троици» (20). Так же без прикрас в первой летописи: «почаше пушками бити» (77, под 1480 г.); но с изыском во второй летописи: «начаша огненныя стрелы на град пущати» (58). Из слова вырастали целые фразы, — если в первой летописи: «немцы прочь побегоша во свою землю» (76), то во второй летописи: «И никым же гоними, разве Божию силою съвыше, въскоре от града побегоша не своими дорогами, многая своя вещи пометавше, и тако разблудишася по лесомъ» (58).

Тут уже можно говорить об особом настроении псковского летописца: во второй половине 1480-х годов появилось у летописца тревожное ощущение недостаточной политической значительности сообщаемых псковских событий. Возможно, поэтому во «Псковской второй летописи» стало экспрессивней и напряженней изложение и были проделаны многочисленные сокращения уже излишне фактичного протографа⁸: опущены или сокращены упоминания о совсем уж мелких псковских происшествиях; обобщены подробности местных церемоний, переговоров, речей, молитв; убраны замечания об исключительности каких-либо случаев для истории Пскова; кроме того летописец постарался не слишком переводить внимание на врагов и соседей Пскова и сократил некоторые относящиеся к ним эпитеты и эпизоды. Зато летописец ввел отсылки на «Русский летописец» и на далекие международные события — в земле Волынской, — хотя и не мог сказать, какое значение они имеют для Пскова: «не вемы, что срящеть ны по сих» (65, под 1485 г.).

Боялся же летописец того, «какъ бы еще нашему граду до конца не погыбнуть» (61, под 1480 г.), и надеялся: «да не погыбнете зле до конца» (63—64, под 1684 г.). Таких высказываний нет во «Псковской первой летописи». «Псковская вторая летопись» отразила творчество летописца, жившего «в опасе» перед грядущим «Псковским взятием» 1510 г.

По своему типу литературное творчество летописца во «Псковской второй летописи» относится к традиционному литературному творчеству, не только продолжавшему, но и развивавшему в экспрессивном направлении сложившиеся в XV в. повествовательные традиции.

1999 г.

⁸ Ср. беглые замечания об этом А. Н. Насонова и В. П. Адриановой-Перетц в кн.: Псковские летописи. Вып. 1. С. XLIV; История русской литературы. М.; Л., 1946. Т. 2, ч. 1. С. 395.

ПЕССИМИСТИЧЕСКОЕ УМОНАСТРОЕНИЕ СОСТАВИТЕЛЕЙ «ХРОНОГРАФА 1512 Г.»

Крупнейшим памятником традиционного, компилятивного литературного творчества является «Хронограф 1512 г.», созданный, как установил Б. М. Клосс, в 1516—1522 гг.¹ и в определенной мере получившийся цельным произведением, с главной идеей, которая ясно выражена в характеристиках различных стран, или «царств», и большой массой повторяющихся мотивов.

Прежде всего рассмотрим, какова в изложении «Хронографа» «Римская страна и живущии в ней латыни»². Античного, «ветххаго и престараго Рима» (325) касается значительный комплекс рассказов в «Хронографе» (в основном на с. 224—267), и рассказы эти неизменно подводят к отрицательной оценке Рима, несмотря на, казалось бы, пестроту их сюжетов.

Уже с описания происхождения Рима ощутим этот неблагоприятный оттенок в повествовании, ибо не очень приятные животные стоят у римских истоков: рассказчик называет «вола заблудивша», «свинию чревату», «юньца тверда», участвуют также «лисица же некаа лукава», «волчица... отягчена имуци сосца млечнымъ множествомъ» и пр. (225—227). Далее отрицательный тон преобладает в бесконечной череде рассказов о римских правителях. Незаконных правителей немало из них: «ничим же ему прилежаще приимъ царство» (227); «родися отъ рабы» (227); «его же воинство избра и венчаша царемъ» (245); «суща отъ прелюбодеяния возложи венецъ на нь» (258). В итоге совсем гнусны почти что все римские правители: «сей ярь бе и гневливъ, въскоре изрица осужение, потомъ же в раскаание прихожаше и кротость» (230); «сей бе сверепь, и величавъ, и скверножителень, и убийственъ, и всеми образы золь» (240); «бе бо желая имениа, и закланиа, и крови, и раздробляя человеки на уды, и сосецая немилостиво, и по всему блудень с женами и съ мужи» (254); «со игреци бо веселяся выну, и позоричными зрении, и с женами злодетелными и мужьми пианьчивыми, и мечь имяше готовъ заклати силныя и добре живущая» (255) и т. д. и т. п. Зависть господствует в Риме: «Оле зависти! Что твориши, лютый зверю, не щадяй всякого!» (229); «о зависти, зверю лютый, разбойниче, гонителю, скорпии многожалная, тигру человекоснедный, былка смертная! О, доколе, злодею, житие смущаеши?» (297).

¹ См.: Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980. С. 157—169. См. также: Творогов О. В. Хронограф русский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2, ч. 2. С. 500—501. Хотя А. Д. Седельниковым и Б. М. Клоссом было выдвинуто предположение о Досифее Топоркове как составителе «Хронографа 1512 г.», мы все-таки говорим более осторожно и неопределенно — о составителе его вообще.

² «Хронограф 1512 г.» // ПСРЛ. Т. 22, ч. 1. С. 224. Далее страницы указываются в скобках.

Усугубляют отрицательную характеристику Рима многочисленные описания кровопролитий, несчастий, смертей. Пророчество о «заклании и пролитии многих кровей» (227) было высказано еще в начале римской истории и постоянно подтверждалось. Кровопролитные обширные сражения следовали, как стихийные бедствия: «и множеством обоих вой покры море... яко воде морьстей с кровию смеситися и волнамъ кровавымъ являтися» (229); «кровию наполни... поля и варь-варьскими мертвечи землю покры» (296); «поля... сотвори телесы избиеньхъ настълана» (254); «лодиями постлавъ всю текущую реку... и с вой своими погрязну... и исполнися река всадники со оружиемъ и коньми» (269) и пр. Катаклизмы периодически происходили — не только «гладь великъ», но и извержения: «горы... верхъ разседся, и огонь велий изыде, яко попалити прилежащаа страны и грады... изыде огонь... отъ геоны» (254); а то и мор: «ветромъ нужнымъ износимо дыхание смрадно, яко гной мертвыхъ телесъ. От сего тяжкия и неисцельныя болезни, рыдание же, и въздыхание, и погибель человекомъ. И не бысть храма, иде же не бе мертвецъ смердящъ, зане же не мощно ихъ погребати» (259). Непрерывные и тяжкие гонения на христиан, с мучениями и убийствами, также усиливали картину римского неблагополучия, но особенно зловещими были почти обязательные насильственные смерти самих римских правителей — неисчерпаемо разнообразные убийства их: «закланъ убо бысть окаянне» (229); «кровь точка ноздряма своима, зело изнемогъ, и, еще дышюшу ему, во гробъ вложи его братъ его» (253); «в ровъ земный и пропасть окаанне низриновень» (254); «отравлень умре» (255); «утопе въ блате» (259); «одравше кожу его» (260); «мечемъ выа того отсечется» (297); а то «самъ себе умори... ишедь кровию» (260) и мн. др.; страшные смертельные болезни постигали царствовавших в Риме: «бысть червми изыадець» (240); «его языку изгнившу и червемъ кипящимъ» (262); «ото утробы убо его и отъ мозговъ яко пламень лють возгореся... очи ему изскочиста и плоть его согни и... отъ костей отпаде, червеми повсюду кипящимъ» (267) и пр. Плохой конец неизбежен, потому что тот или иной царь «месьт Божию приять» (240), «кончину обрете достойну живота своего» (255), «блудства ради и нечистыхъ деяний убиень бысть» (258), «достойную казнь приять своего злочестиа» (261) и т. п. В общем, Рим — плохой: «Оле терпению ти, Христе! ... кое зло не бысть тогда?» (260).

Правда, отдельные римские правители изредка оказываются хорошими в хронографических рассказах: «добродетельный и кроткый мужъ и даролюбивый — раздовая имениа и власти, достоинъ по достоинству и господству» (253); «благъ мужъ и милостивъ и огражень многими дарьми» (254); «мужъ воиничень и победоносень, терпеливъ и храбрь, в судехъ праведень и неуклонень, мерило правде» (254); «сей въ книгахъ веселящеся еллинскихъ, и всехъ премудрыхъ любляше, и многими дарми часто почиташе ихъ... и всю землю исполняше нескудными дарми, всемъ же бе любимъ» (255) и пр. Один-два из

них даже доживают до старости и своею смертью умирают (240, 253). И все же преобладающей мрачной картины это не меняет: как ни хорош был царь, «но и сей убо изчезе отъ жития» (254), «но провосхити недугъ смертный... царствовавъ точию 3 лета» (353) или был убит опять-таки; и при благих правителях разражались катастрофы и кровопролития, ставили языческие кумиры, казнили христиан; «собравыше вся книги, хотяху сожещи» (260) и т. д. Короче говоря, языческий Рим не мог быть хорошим. Даже когда Константин Великий принял христианство и ушел из Рима, основав Константинополь, то в Риме все продолжали править плохие цари, и затем «Римъ дръжавы царьския до конца лишися» (285), «престарый Римъ к Фругомъ приложися» (317).

Далее в «Хронографе» совсем немного говорится о Риме, но резко отрицательно опять: «многы ереси», «злое учение еретическое» развратили римлян, «и тако латыни все удобно приаша злое учение», «и врази быша православнымъ христианомъ», и стали «всяко скверно ясти и со псы изъ единехъ сосудъ» (325—326) — с животных началась и животными закончилась связанная римская история в «Хронографе». Потом тлетворное влияние Рима в основном и упоминается: «латыне... пришедше из Рима... угри къ своей прелести приложиша, тако же и ближняя ихъ языки, и уны, и пиды, и немьци, и поляне и ины, прилежащаа к Риму, приложиша к своей прелести, и Вретанийский островъ... и того приложиша къ своей прелести» (368).

Для общей повествовательной манеры «Хронографа» типично то, что православная Византия представлена не в лучшем свете, чем языческий и католический Рим. Хорош только первый христианский царь — Константин Великий, а последующие византийские цари большей частью плохие, даже окаянные. Приведем только некоторые характеристики: один царь «бьяше бо нравы убийца, сладостолобивъ, свирепобразень, пианица, скорогневливъ, кровопийца» (302); другой — «мръский... скипетры приемлетъ царствия... змий, другый Валтосаръ бестудный и ненавистный кровопийца волкъ... человекъ чародейца, отравникъ... въ кале валяющеся свиня, чревный рабъ» (318); еще один царь — «сей бе злонаравень и човекоубийца, рабъ злату, златолюбець, лють, худословъ» (327); следующий — «в пищахъ и питиахъ упражняся и ничто же достойно власти ни рекъ, ни сотвори» (355); другой царь — «въ пищахъ упражняшеся присно и плотьскыхъ трапезахъ и о женахъ радовашеся присно безстудныхъ и игреливыхъ... седь и престаръ» (370) и т. д. и т. п. Немало царей, если не большинство, еретики: «прельщень, приать ересь» (306); «корение храня лукавое изначала злочестивыа ереси учащихъ» (309); «всеми восточными церквами возмете» (315); «лукавый злодей... изрыгаеть ядь злыа ереси» (316); «наскочи на власть, мясоядецъ лютый Христовыхъ овецъ... бысть сей иконоборецъ» (331); «злотворнымъ зловериемъ недуговаше» (336) и пр. Цари постоянно сравниваются со свирепыми

хищниками, а временами с глупыми животными: «кесарьскимъ венцемъ скотънаго украшаетъ, точьнаго свинии умомъ» (371).

Пространных, безусловно положительных характеристик византийским царям в «Хронграфе» нет. Хороший царь все равно становится плохим: «иже изначально являешся благочестивъ, по мале же изверже злый ядь, бе бо имый сокровена въ сердци злая семена... ереси окаяннаго» (290); «ревнитель сый благоверию... аще последи прельщенъ бывъ некими скверными и приаль злую веру» (297); «по укреплении благочестиа... примесивъшимся ему лукавымъ лестьемъ и снедающимъ сердце его блазньми... царь же бе на всяко зло готовъ» (323); «дондеже бе еще... младъ... вся творяше добре, правяше красне корабль многобременный скипетродержания. Егда же достиже... до юнотства, явися сластожителень, яко другий Неронъ, пианица, страстодушень, блудникъ, все издаваа имениамъ множество согрещемъ своимъ... свиньскы живый... на горшее житие преспеваа день дне» (342). У хорошего царя всегда есть порок: «позавиде убо доброненавистникъ сатана добродетели и благочестию великаго царя... вверже его в сурово и безъчеловечно кровопролитие» (281); «сей убо... въ другихъ убо благоразумень, радостень, великодаровитець, въ книгахъ присно упражняся, имяше же некий золь плевель, еже есть се: аще убо кто приносяще ему хартию, еже знаменати ю, он же, не смотривъ, что есть писано в ней, червьлеными шарьми сию назнаменоваше, и отъ сего людемъ многа беда» (287); «кротокъ, сладокъ, весель, окорадостень... яко аще не бы скверною убийства осквернился» (363); примеры можно умножить. Редко когда у плохого или никчемного царя мелькнет и что-то полезное: «золь бе и богоборецъ, въ царьскихъ же вещехъ пребывая правъ и бодро строя таковая» (334); «при немъ же греческое военачалие оскудеваше, яко при старцей немощи, во иныхъ же добронравень и изящень бе» (375).

Картину глубокого неблагополучия Византии, как и Рима, усиливают описания почти всегда насильственных смертей ее правителей, и хороших, и плохих, — все равно. Бывает, сообщается кратко, что убили царя, «изверже скверную душу» (276), «сгоре окаянный» (278), «пожать бысть Божиимъ судомъ» (315), однако обычно «убиваютъ его немилостивно» (362): «руце и нозе ему усекнути, потом же отъ раму ремение кроити, таже удъ срамный отрезати... потомъ и главу его отсеци и тело его, влекше на волуу торгу, огню предати» (303); или: «удару мечемъ царя, обе руке ему отсець... мечь водрузи въ сердце... и чрево его разреза... и видеша внутреняя его, излиана на землю» (350); или совсем непочтенно убивают: «мывшуся ему теплыми водами, единъ отъ престоящихъ ему удари его кадию во главу, и тако умре» (310); «царю плоть упокоевающу банею и утешающу, мужие неции... нападше и удавивше его, яко змиа обвившеся о выи его» (371). Ужасные болезни также умерщвляют царей: «умре... зане же чрево ему оходомъ не исхожаше» (289); «лице убо его оскверняшеся скверною воденаго прохода... егда убо хотяше воду

ниспустити, тску положаше на чрево, зане же вода не исхожаше, и отъ сего обраща-
шеся ему срамный удъ и воду на лице его испущаше. И протягшися болезни зело
нужно, в ней же и умре» (306); или так: «нападе скорое разрушение... чревнымъ
недугомъ ять бывъ... и бе видети страшно, яко уста его разверзошася и челюсти
расторгънушася, яко и внутреняя видети... и помалу исчезаетъ отъ житиа» (340)
и пр. Редко кто из царей умирает своею смертью, и то — в темнице, в монастыре
или в ссылке (например, «насладився власти не надолго... по мале увяну лютыми
недуги... одевся в ризы чернозрчныя... и добродетелною кончиною житие сконь-
чаваеть» — 376); иногда — внезапно и безвременно («по мале же скончася преже
времен и преже часа, ни старости прикоснуся, ни же видевь клась возраста своего
зрель и требующъ серпа» — 300); только в одном-двух случаях сравнительно бла-
гополучно завершается царствование византийского правителя из длиннейшей
череды цесарей («самъ преиде отъ житиа, добре царство правивъ» — 283).

Тревожный тон в повествование также вносят постоянные сообщения о сти-
хийных несчастьях: «трусъ бысть страшень... великий градъ... весь падеся и
гробъ бысть живущимъ в немъ; инии же подъ землю погребошася, елици же
сущи живи — огнь изшедъ из земли и позже ихъ; тако же и ото аера огонь исходя,
яко молния, и обретающаяся пополяше» (292—293); «моръ бысть... внезапу
умираху, ничто же глаголюще. Быша же и громи велици и молния... И трусь
велий бысть по вселеней, яко всему миру пастися. И море изыде отъ предель
своихъ... и слышашеся скрежетъ с небеси страшень, и умроша, падающе другъ
на друга, тысящъ десять» (295), — и так почти на каждом листе хронографичес-
кого повествования о византийской истории, насыщенного к тому же метафори-
ческими высказываниями о трагической бурности жизни: «в море житейстемь...
напрасно дохну, яко буря, вражда» (287); «облакъ темень, и буря свирепа, и вол-
ны тяжкиа корабль сотрясоша православиа» (290); «буря востаетъ... царство семо
и онамо и люте волнуемо» (356); «паки проседошася нашествиа варъварьскаа и
паки дохнуша вихри отовсюду и шумы воспущаху» (380) и мн. др. В конце кон-
цов Царьград захватывают турки — «яко же садъ оцепенель мразомъ зимы лю-
тыя и увядъ и бысть в поношение и уничижение языкомъ» (438).

Основное умонастроение составителей «Хронографа» достаточно ясно.
Из огромного собрания рассказов «Хронографа» следует, что жизнь в общем
беспросветна, — и в Ассирии, и в Риме, и в Византии, и в иных странах и
землях, начиная с Адама, когда он даже еще до создания Евы «успе горкимъ
сномъ, сномъ — начатъкомъ ниизвержению и всегубителныя вражды» (26).
Главная причина горести жизни заключена в ее непостоянстве: «Но увы, увы,
убо боязнено есть ради времени преобращения и случая непостояннаго... Сто-
яти убо долъго ни царство, ни сила, ни честь, ни образъ, ни же векъ, ни богат-
ство въ преходящемъ семъ миру не довлеють... Никоя убо сила, никоя власть,

никое царство подь небеснымъ кругомъ быти продолжено можетъ. Ни которому леть есть на единой всегда стояти степени. Ничто же человеку утвержено, еже и время потомъ не попустить» (327). Правда, этого рассуждения нет в основном списке 1538 г., по которому издан «Хронограф», а есть оно в более позднем списке XVI в., сохранившем многие первоначальные чтения оригинала, утраченные в основном списке³. Но другие, аналогичные по духу высказывания о всеобщей жизненной переменчивости попадают и в основной список вкупе с остальными списками: «таковы ти суть твоя игры, игрече, коло житейское!» (377); «сице самодръжества и имениа коло, горе и долу превращаяся, рассыплеть» (372). Отношение к жизни глубоко пессимистично в «Хронографе», потому что в ней движущей силой мыслятся несчастья и пороки, прежде всего сама царская власть: «царствие — вина вражде и кровопролиту» (331); затем — все люди: «Но убо непорочень никто же отъ земленородныхъ человекъ, аще и на верхъ добродетели постигнетъ» (361); «сице неисправлено есть земленородныхъ житие!» (372); многие плохие стороны в человеке портят жизнь: «Оле, оле, доброненавистная душе! Увы, увy, разумъ зверовидный» (317); «оле, страсти властолюбиваа» (324); «оле именнолюбю» (327); «о злато, предеръзый предателю, о злато, другопродателю и родоубийца» (313) и пр. Наконец, смерть меняет все постоянно и к худшему: «О смерти, всехъ не щадящи! ... О безна, иже и добра естства не милуеши, но вкупе всехъ полагаеши во гробе погребены!» (299); «не щадить никого же адъ всеядецъ» (370) и т. п.

Явственный пессимистический настрой выдают и признания рассказчиков в «Хронографе»: «препобежаетъ мя страсть, и смущаетъ мя плачь, и призываетъ слезы изъ мою очию... горестъ бо душевнаа глаголати принужаетъ» (297); «азъ же, избравъ ото всехъ сихъ гаврана чернейшаго, отъ черьности покажю» (317), — речь идет не о воронах, а о хронографическом принципе отбора фактов, притом самых «черных», создающих гнетущую историческую картину.

Прочие материалы «Хронографа», посвященные православным странам — Болгарии, Сербии и России, — хотя и менее пессимистичны, однако все-таки продолжают привычный горестный лейтмотив, несмотря на различность источников, использованных в «Хронографе». Болгары предстают воюющими непрерывно со всеми своими соседями и обычно терпящими поражения от соседей. Сербские правители — благочестивы, строят города, церкви и монастыри, но запустение постигает Сербское царство в результате нападения турок: «Внезапу вся в мерзость запустения быша, вся горести исполнишася, храми разоряхуся и сожигяхуся, людие изгоними бываху... вся земля Сербские, еже не по мнозе бысть отъ безбожныхъ турокъ» (435).

³ См. предисловие С. П. Розанова к изданию: ПСРЛ. Т. 22, ч. 1. С. I—II.

Россия же благополучна: «Сиа убо вся благочестиваа царствиа — Греческое и Серпское, Басанское и Арбанаское, и инии мнози — грех ради наших Божиимъ попущениемъ безбожнии турки поплениша, и въ запустение положиша, и покориша подь свою власть. Наша же Росиская земля Божию милостию и молитвами пречистыя Богородица и всехъ святыхъ чудотворецъ растеть, и младеть, и возвышается, — ей же, Христе милостивый, дажь расти, и младети, и разширяться и до скончания века» (439—440), — эта фраза особенно бодра по сравнению с аналогичной уже известной исследователям фразой из болгарского перевода «Хроники» Константина Манассии — основного источника «Хронографа» (ср. о Болгарии: «нашь же новии Цариград доить и растить, крепит ся и омлажает ся, буди же ему и до конца расти... приемшу... великаго царе блъгаром») ⁴) — тем более что этой фразой завершается собственно «Хронограф»; однако вовсе не так оптимистично в нем предшествующее изложение о Руси, доведенное до 1451 г. и состоящее в основном из хронологического перечисления событий, в подавляющем большинстве из кратких сообщений о княжеских междоусобицах и татарских нападениях, убийствах и кровопролитиях бесконечных. Даже в кратком хронографическом изложении русских событий сохраняются горестные признания рассказчиков: «хощу рещи, о друзи, повесть, иже и самехъ безсловесныхъ можетъ подвинути на плачь и глаголати “горе и увь”» (396); «хощу глаголати повесть еже не точию человеки, но и нечювьственное камение и самыа стихиа творить плакати» (437). После смерти Владимира Мономаха сжатое хронографическое изложение, чем дальше, тем чаще упоминает зловещие знамения на Руси: «учинися все, яко кровь... явися ино знамение велие на небеси: три солнца на востоце, а четвертое — на западе» (390); «знамение бысть въ солнци черно, а само, какъ кровь, и мгла стояла поль лета» (412); «явися на небеси знамение в вечернее время на западе, яко огонь, звезда копейнымъ образомъ» (424); «бысть знамение... иде кровь ото иконы святыя Богородица» (425); «на небеси явишася три столпы огнены... мгла стояла 6 недель, солнца не видали, и рыбы в воде мерли, и птица на землю падали — не видели летать» (431) и т. д. Естественно, мор регулярно отмечается: «морь бысть... въ граде осталось 10 человекъ точию» (416), «морь бысть на люди силенъ... всякое жито подь снегъ полегло, некому жати, люди померли» (426); «морь бысть великъ зело на люди во всей земли Русской, мерли прыщемъ... И после того мора, какъ после потопа, толико летъ люди не почали жить» (430); последний из сравнительно подробных рассказов «Хронографа» — это описание болезни и смерти князя Дмитрия Юрьевича Красного, как «болячка в немъ движесея» (433). Но как бы то ни было,

⁴ Среднеболгарский перевод «Хроники» Константина Манассии в славянских литературах / Текст памятника подгот. М. А. Салмина. София, 1988. С. 152.

Россия — последняя надежда, что Бог «паки возставит благочестие и царя православныа» (439). Отсюда вперемешку с бедами — сообщения о чудесах на Руси: «явишася чудеса ото иконы пречистыя Богородица . . . иже и до сего дни чудеса творить» (425); «у гроба чудотворца Петра чудо бысть», «у гроба Петра-чудотворца исцеление бысть» и пр. (425, 410).

И все же давящий пессимизм преобладает в «Хронографе 1512 г.», и объяснения такому умонастроению еще предстоит найти. Может быть, предчувствие неминуемых бед от крепнущей государственной власти повлияло на работу составителей «Хронографа 1512 г.»? В таком случае «Хронограф» продолжил тревожные ожидания «Повести о Дракуле» и «Стефанита и Ихнилата», а также, пожалуй, Максима Грека и Федора Карпова. Традиционное литературное творчество в XIV—XV вв. неотделимо от писательского отношения к проблемам государственности.

2000 г.

«СКАЗАНИЕ О МАМАЕВОМ ПОБОИЩЕ»: РОЛЬ ЧУВСТВ

Самое детальное, написанное в традиционной повествовательной манере древнерусское произведение о подготовке и проведении Куликовской битвы было составлено, судя по новейшим научным данным, в 1521 г. коломенским епископом Митрофаном¹ и первоначально, вероятно, не имело заглавия (что было в порядке вещей). Сочинение начиналось примерно с такого торжественного авторского вступления: «Хощу вам, братие, начати повесть новья победы, како случися брань на Дону православным христианом з безбожными агаряны, како възвысися род христианский, а поганых уничижи Господь и посрами их суровство...»². На основе этой вступительной фразы и стали формироваться заголовки уже в ранних списках повести. В одних заголовках ключевым стало слово «победа»: «Начало повести, како дарова Богъ *победу*...»³. В других заголовках ключевым выступило слово «брань»: «Сказание о *брани*...»⁴. Но возобладали в списках заголовки, упоминающие «побоище»: «Повесть о *побоищи* Мамаеве...»⁵; «Сказание о Мамаевом *побоище* и похвала...»⁶. Позднее, не ранее XVII в., получил распространение и несколько иной заголовок: «Сказание о Донском *бою* и похвала...». Еще позже, но еще в XVII в., произведение иногда называли: «Сказание известно о *нашествии* Мамаеве...». Многие списки повести имели индивидуальные заголовки или по-разному контаминировали выражения из старых заголовков. Все это показывает, как настойчиво книжники пытались определить суть данного, казалось бы, совершенно понятного памятника.

А суть памятника, особенно его повествовательная манера, действительно, была не такой уж простой. Рассмотрим лишь одну литературную особенность «Сказания». Произведение рассказывало о сильных чувствах персонажей. Напри-

¹ Клосс Б. М. Избранные труды. М., 2002. Т. 2. С. 341—345.

² Ср. начала разных списков XVI—XIX вв.: Дмитриев Л. А. Описание рукописных списков Сказания о Мамаевом побоище // Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 480—509 (№ 1 — 3, 11, 12, 15, 19, 20, 23, 28, 30, 32—34, 36, 37, 40, 42—44, 47, 48, 53—56, 59, 60, 62, 68, 72, 77, 81, 84 и пр.); Клосс Б. М. Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского) // Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 136 (№ 2), 137 (примеч. I, 1); Зимин А. А. Сказание о Мамаевом побоище Основной редакции по Ермолаевскому списку // Там же. С. 224, 226.

³ Дмитриев Л. А. Указ. соч. С. 481 (№ 1). Список конца 1520-х — начала 1530-х годов. Его датировку см.: Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 2. С. 334—335.

⁴ Дмитриев Л. А. Указ. соч. С. 486 (№ 21). Список 1530-х годов. Его датировку см.: Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 2. С. 335, 347.

⁵ Дмитриев Л. А. Указ. соч. С. 482 (№ 2). Список XVI в.

⁶ Дмитриев Л. А. Указ. соч. С. 486 (№ 19, 20). Списки XVII в.

мер, великий князь московский Дмитрий Иванович предстал преимущественно печальным, унылым, горестным, тужащим, плачущим: «пригнувь руце к персем своим, источник слезь проливаючи»⁷; «слезы, аки река, течаше от очию его» (41); «слезами мыася» (47) и т. п. Русское войско, напротив, выглядело, как правило, бурно радующимся: «мнози же сынове русские възрадовашяся радостию великою... правовернии же человеци паче процъветоша радующесея» (38); «грядуще же весело, ликующе, песни пояху» (47) и пр. Мамай постоянно пребывал в дьявольском гневе и ярости: «диаволомъ палим непрестанно,... акы неутолимая ехыдна, гневом дыша» (26); «неуклонно яряся... неуклонным образом ярость нося» (28); «и паки гневашесея, яряся зело» (48). Второстепенные персонажи «Сказания» также были подвержены чувствам. Положительные персонажи глубоко печалились. Так, русские княгини стояли «въ слезах и въ склицании сердечнем... слезы льющи, аки речную быстрину; с великою печалию приложывь руце свои къ персем своим» (33). Отрицательные персонажи — страшно злились: татары всегда «злые», союзник Мамай Ольгерд Литовский — «нача рватися и сердитися» (36) и т. д. Все это проявления так называемого литературного этикета.

Но за пределы литературного этикета вышло то, что в большей мере именно чувства стали определять деятельность персонажей в «Сказании». Например, Мамай не просто продумал свой поход и напал на Русь, но побудила его сделать это, в первую очередь, внутренняя сердечная страсть: Мамай — «злый христьянский укоритель; и начать подстрекати его диаволь и вниде въ сердце его напасть роду христьянскому» (25). Сердечная страсть заставила Мамай ставить самые радикальные цели: «наусти его, како разорити православную веру» — «сядем и Русью владеем», «обогаедемъ русским златом» (25—26). Страсть подвигла Мамай к публичности: «начать хвалитися... и нача подвижен быти... нача глаголати къ своим еулпатом, и ясаулом, и князем, и воеводам, и всем татаром». Страсть толкнула Мамай на немедленные, быстрые действия: «И по малех днех перевезесея великую реку Волгу со всеми силами». Но — самое примечательное — страсть затмила Мамай разум: «ослеплени же ему умомъ».

Точно так же действовали чувства, и не обязательно злоба, у других отрицательных персонажей в «Сказании». Например, Ольгерд Литовский «велми рад бысть», и уже от радости разрастались его намерения: «А мы сядемъ на Москве и на Коломне; ... княжение Московское... разделим себе» (27). От радости он стал быстрым: «И посылает скоро посла к царю Мамаю». И точно так же страсть делала таких людей безумными: «Не ведаху бо, что помышляюще и что се глаголюще, акы несмыслени младые дети».

⁷ Сказания и повести о Куликовской битве / Текст Основной редакции подгот. В. П. Бударгин и Л. А. Дмитриев. Л., 1982. С. 31. Далее страницы указываются в скобках.

Однако и на положительных персонажей чувства воздействовали сходным образом. Так, под влиянием эмоций великий князь Дмитрий Иванович действовал быстро: «по всей Русской земли скорые гонци разославъ» (30), «и въскоре посла вестъ» (37); регулярно превращался в пылкого оратора, иногда наедине, но чаще публично произносившего многочисленные и большие речи: «велми печались... и пад на колену свою, нача молитися» (28); «из глубины душа нача звати велегласно... Коемуждо полку рече» (39); «сердцем боля, кричаше...: “Братиа, рускыя сынове, князи и бояре, и вьеводы, и дети боярьские!”» и др. Чувства в данном случае не мешали уму, подстегивали память. Даже жена Дмитрия Ивановича великая княгиня Евдокия от горя «сяде на урундуце» и вспомнила о давней несчастной Калкской битве с татарами: «От тоа... великого побоища татарскаго и ныне еще Русскаа земля уныла» (33). В общем, чувства персонажей выступили в «Сказании» важнейшим фактором развития событий.

Такая особенность повествовательной манеры «Сказания» была достаточно необычной для древнерусской литературы. Ранее двигателем событий служили мысли героя или вести, им услышанные. Но ни в одном из предшествующих древнерусских произведений, включая многочисленные источники «Сказания» и различные воинские повести, роль чувств не получилась такой большой, как в «Сказании».

По изображению чувств ближе всех к «Сказанию о Мамаевом побоище» стоит подробная «Летописная повесть» о той же битве, созданная лет за сто до «Сказания», в 1430-х годах, и в «Сказании» затем использованная. В «Летописной повести», как и потом в «Сказании», Мамай тоже гневался, великий князь Дмитрий Иванович и жены русские тоже проливали слезы и пр. Однако в отличие от «Сказания» в «Летописной повести» чувства персонажей не выступали постоянным двигателем событий. Вот, например, Мамай «възбуйвся и възгордяся и гневаяся, и стоя три недели со всемь своимь царствомъ»⁸, — Мамай никуда не кинулся под влиянием чувств, а хоть и в гневе, но стоял три недели на одном месте. В «Летописной повести» чувство зачастую одолевало персонажа лишь после какого-нибудь события, а не перед поступком. Так, «Мамаи же, слышавъ приходъ великаго князя Дмитрия Ивановича со всеми князи рускыми и со всею силою к реце к Дону и сеченя своя видевь, и възьярися зракомь, и смутися умомь, и распалися лютою яростию, и наполнися, акы аспида некая, гневомь дышуще» (35), — ясно сказано, что ярость Мамаи была вызвана действиями Дмитрия Ивановича; но эта ярость не выступила причиной действий самого Мамаи; упомянуто только, что он сказал: «Двигнемъся всею силою моею темною», однако рассказа об этом деянии Мамаи нет, чувство осталось вне последующего события.

⁸ Памятники Куликовского цикла / Текст «Летописной повести» подгот. В. А. Кучкин. С. 32. Далее страницы указываются в скобках.

Обычно же в «Летописной повести» упоминания чувств персонажей только как декор сопровождали описания событий. Типична, например, такая сценка: «И се поиде великая рать Мамаева и вся сила татарская. А отселе поиде велии князь Дмитрии Иванович со всеми князи русскими, изрядивъ полкы противу поганых со всеми князи русскими, со всеми ратми своими. И възревъ на небо умиленыма очима, и въздохнувъ из глубины сердца, и рече слово псаломское: «Братие! Богъ намъ прибежище и сила». И абие съступиша обои силы велици на долгъ час вместо...» (37) и т. п., — «умиление» Дмитрия Ивановича стоит тут как бы не на месте (сначала пошел на татар, а потом, словно спохватившись, стал молиться); без «умиления» можно было бы и обойтись, не нанеся ущерба изложению; «умиление» — это всего лишь положенное украшение такого рода эпизодов.

Между тем в «Сказании о Мамаевом побоище» чувства персонажей заняли более четкое и определяющее место. Эта нетрадиционность повествовательной манеры «Сказания» свидетельствует о каких-то изменениях в мироощущении автора первой четверти XVI в. сравнительно с его предшественниками.

Чувства активно включились в ход рассказов, оттого что описываемый мир представлялся автору «Сказания» гораздо более разнообразным, чем прошлым сочинителям. Отсюда многие следствия. По причине разнообразия мира разнообразней стали переживать персонажи в «Сказании». Так например, великого князя Дмитрия Ивановича автор изобразил охваченным одновременно разными, противоположными или сложными чувствами: Дмитрий Иванович «нача сердцемъ болети, и наплънися ярости и горести, и нача молитися: "...подобаетъ ми тръпети..."» (29), — подобное сочетание ярости, горести и смирения героя было невиданным в литературе, тем более в предыдущих сочинениях о Куликовской битве.

И далее в «Сказании» Дмитрий Иванович одновременно и «плача и радуся: о убиеных плачется, а о здоровых радуется» (47), — это сочетание чувств также было не совсем обычным. Кроме того на протяжении изложения у Дмитрия Ивановича неоднократно и сильно менялись настроения: вот «князь же великий прослезися», но ему говорят: «просвети си веселиемъ очи сердца» — и князь «нача утешатися» (29—30); но снова «великому же князю нужно (тревозно) есть», и затем снова «князь же великий обвеселися сердцемъ» (31); вот «князь же великий нача думати» в нерешительности, но ему советуют «оставити смертнаа, буйными глагола глаголати», и князь «възехавъ на высоко место» и пр. (37—39), — Дмитрий Иванович в «Сказании» выглядел гораздо изменчивей, чем в других произведениях о Куликовской битве.

Чувства прочих персонажей в «Сказании» тоже стали необычно неоднородны. Так, лютый Мамай «скрегча зубы своими, плачуще гръко» (45), — и злится, и досадует, и горюет. Олег Рязанский «начать боятися ... нача опалатися и яритися» (35), — боязнь смешалась с яростью.

Конечно, сочетания и перемены чувств у персонажей «Сказания» не отличались большим разнообразием. Например, подобно Дмитрию Ивановичу Дмитрий Ольгердович тоже «нача радоватися и плакати от радости» (36); «мнози же сынове русские възрадовашся радостию великою», но затем «унывають» (38), а потом «аки лютии вльци... начаша... сеци немилостивно» (45), — радость сменяется горем, а после гневом; эти небогатые наборы чувств характерны для «Сказания». Но раньше в произведениях и их не было или почти не было.

В описаниях общей обстановки, особенно в серии батальных сцен «Сказания» давало знать о себе авторское ощущение не только разнообразия, но и парадоксальности мира. Странно описывается, к примеру, выезд русского войска из Москвы. С одной стороны, погода благостна и войско спокойно: «Солнце... на вьстоце ясно сияеть», «солнце добре сияеть, ... кроткий ветрець вееть», «синии небеса», «урядно убо видети вьйско...»; а, с другой стороны, как раз нет ни благостности, ни тихости у выезжающего войска: «аки соколи урвашся... и възгремеша своими златыми колоколами и хотять ударитися на многы стада... хотять наехати на великую силу татарскую» (33), — сочетаются и кротость и агрессивность. Противоречивость повествования можно было бы объяснить неудачным пересказом «Задонщины» автором «Сказания», если бы такие случаи не повторялись в «Сказании» неоднократно. Далее войско продолжает свое чинное шествие «по велицей шыроце дорозе... успешно, яко медвяныя чяши пити»; но одновременно и с вызывающей энергией, так что «стукъ стучить и громъ гремитъ по ранней зоре» (34), — тут отнюдь не неумело, а осмысленно использована «Задонщина» автором «Сказания» для создания живых, неоднотонных картин.

Затем в «Сказании» рассказывается о смотре русского войска накануне сражения, и противоречивые мотивы особенно выразительно переплетаются в этом рассказе. С одной стороны, ясная тихость свойственна собравшемуся на поле русскому войску: знамена «аки некии светилници солнечнии светящися въ время ведра; и стязи ихъ золоченыя... тихо трепещущи, ... шоломы злаченыя... аки заря утренняя въ время ведра светящися». С другой же стороны, некая бурность пронизывает войско: «стязи... ревуть, ... хоругови аки жыви пашутся, доспехы же... аки вода въ вся ветры колыбашеся, ... яловци (флажки) же шоломовъ их аки пламя огненное пашется» (39), — и полностью ведрено, и сильно ветрено одновременно. И смотрящие на это войско испытывают очень разные чувства: «Умилно бо видети и жалостно зрети таковых русскихъ събрания... Сему же удивишся...», — умиление, жалость, удивление, потому что все видимое стало неожиданно разнообразным.

Авторское представление о парадоксальном разнообразии мира отразилось и в многочисленных развернутых параллелях между русскими и татарскими войсками в «Сказании». Так, глубокой ночью перед завтрашней битвой со стороны

татарского войска доносится «стукъ великъ, и кличь, и вопль... и аки гром великий гремитъ, ... вольци выють грозно велми» и пр., а со стороны русского войска «бысть тихость велика». Затем персонаж, находящийся в поле между двумя войсками, слышит «землю плачущую надвое»: татарская сторона «аки некаа жена напрасно плачущися о чадах своихъ еллинскимъ гласомъ», а русская сторона — «аки некаа девица единою възопи велми плачевнымъ гласомъ, аки в свирель некую» (40), — это прямо-таки симфоническое многоголосие.

Еще одним повествовательным отражением авторского представления о разнообразии и неожиданности жизни была фактичная детальность «Сказания». Действительно, как в таком непредсказуемом мире добиться желаемой цели, все-таки свое «хотение съврѣшити» (36)? Автор взялся раскрыть этот секрет — «поведати... како сътвори Господь волю боящихся его» (25) — и показал, что свою «волю» положительные персонажи «Сказания» сотворили путем исключительной старательности в делах, ибо подобает «деати съ всякимъ усердиемъ» (29—30) и не поддаваться «худу разумению» (35), но искать, когда «время приспе и часъ подобный прииде» (44). Вот почему автор «Сказания» подробно повествовал о заботах Дмитрия Ивановича и русского войска: как «перебирали», «уряжали», «учрежали», «утвержали» полки и как «велми уставиша плъци по достоанию, елико где кому подобаетъ стояти», что очевидцы поражались: «Нестъ было преже нас, ни при насъ, ни по насъ будеть таково въинство уряжено» (39); подробно автор рассказывал, как организованно двигалось войско — какими дорогами, перевозами, бродами; пояснял автор, насколько внимательно военачальники обдумывали и учитывали разные конфиденциальные свидетельства, почерпнутые у тайных советчиков, у прибывших вестников, у захваченных «языков», из «примет», знамений и видений. А потом как обстоятельно считали убитых и оставшихся в живых — для того понадобился даже специальный человек, который «росчетливъ бысть велми» (48). Столь большого свода сведений о Куликовской битве нет ни в одном из источников «Сказания»; подробности эти далеко не всегда исторически верны; их роль — больше идейно-эстетическая: «Вам подобаетъ тако служыти, а мне — по достоанию похвалити вас» (47).

Несмотря на обилие косвенных отражений, ощущение разнообразия и неожиданности мира не созрело в четкое умопредставление у автора «Сказания», оно как бы «сквозило» при описании чувств персонажей и в рисуемых картинах, но лишь иногда формулировалось, притом очень расплывчато — в виде кратких отсылок о непредвидимости Божьей воли: «господь же нашъ Богъ... елико хочеть, ть и творить..., како Господу годе, тако и будеть» (25); «господь Богъ можетъ живити и мертвити» (27); «господу Богу вся възможна» (40); «велий еси, Господи, и чюдна дела твоа суть: вечеръ въдворитъ плач, а

заутра — радость!» (46); или о судьбе персонажа: «възнесе бо ся высоко — и до ада сшелъ еси!» (45) и т. д. Однако показательно, что этот мотив многообразия и непредопределенности Божьего выбора совершенно отсутствует в памятниках Куликовского цикла, предшествовавших «Сказанию о Мамаевом побоище»; близких литературных аналогий «Сказанию» в этом отношении, кажется, нет вообще (очень слабую аналогию составляет, пожалуй, лишь «Повесть о взятии Царь-града турками» Нестора Искандера).

Указанная уникальная литературная особенность «Сказания», сводившаяся к непривычной и тогда еще неясной идее о разнообразии и неожиданностях жизни, в которой может случиться все, возможно, сбивала с толку древнерусских книжников, которые поэтому и давали популярному произведению столь разные названия. Вообще же описание чувств имело большое значение для развития традиционного литературного творчества на Руси и для перехода к творчеству новаторскому.

2002 г.

«ПОДТВЕРДИТЕЛЬНАЯ» ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНАЯ МАНЕРА «СТЕПЕННОЙ КНИГИ»

«Книга степенна царского родословия», составленная в течение 1560—1563 гг. в Москве царским духовником и протопопом кремлевского Благовещенского собора Афанасием¹, — явление титаническое в истории традиционного древнерусского литературного творчества. Этот труд известен риторичностью своего повествования, разработанного по неким четким принципам, которые особенно хорошо видны по последней части книги — «семнадцатой степени», излагающей события, только что произошедшие накануне завершения памятника, — даже 1563 г. упоминается здесь: «потомъ же въ лето 7071...»². «Семнадцатую степень» в первую очередь и рассмотрим.

В семнадцатой части книги 26 глав, автор характеризует персонажей скупой и единообразно, обычно с настойчивым повторением прямых оценок — это одно из его главных повествовательных средств. Заголовок и первая фраза каждого отдельного рассказа в каждой главе — обычно самые резкие и экспрессивные, а дальше повторяемые автором оценки лишь подтверждают уже сказанное. Например, в главе 6-й о военных стычках русских с литовцами первую оценку литовцам содержит сам заголовок: «*О сугубо лукавственномъ мире литовскаго краля*». Эту оценку повторяет первая фраза вслед за заголовком: «литовский же краль Жигимантъ, гордостию взимаяся, и начать лукавая умышляти» (631). А дальше уже довольно редки и слабы прямые нападки автора «на зачинающихъ рать»; автор лишь поддерживает первоначальный отрицательный тон высказываний о литовцах, но не более.

В главе 18-й о борьбе с ливонскими немцами тоже крайне резко первое упоминание о них: «Потомъ же *богомерзцыи* немьцы... самочиниємъ *возгордешася*» (655). Последующие оценки звучат, как эхо первого упоминания: «...восколебашася... возбеснешася... *гордостнии* немьцы... *богомерзцыи* же немьцы» (656—657). Но глава велика, состоит из двенадцати подглавок, и вторая подглавка добавляет свои оценки: «немьцы *льстивно*... умыслившие, ... злословесное их *коварство*» (656); и пятая подглавка добавляет еще: «о *лукавстве* немьцевъ» (658). Эти оценки тоже продолжают повторяться в последующих подглавках: «*лукавии* же немьцы» (658, шестая подглавка), «*льстивно*... *лукавство* ихъ» (659, девятая подглавка), «о *лукавстве*... ливоньскаго маистра...

¹ См.: Покровский Н. Н. Афанасий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 74—75.

² ПСРЛ. Т. 21, ч. 2. С. 662. Далее страницы указываются в скобках.

лукавствено коварствуя» (661, десятая подглавка), «лукавства злокозненных немец» (661, одиннадцатая подглавка). Составитель текста опять-таки не нагнетал, а только сохранял общий отрицательный тон высказываний о немцах.

Не только о литовцах, немцах или шведах, но, например, и о татарах в такой же манере повествовал автор. Вот глава 20-я о борьбе с крымскими татарами. Заголовок с оценкой: «О лукавномъ послании крымскаго царя» (662). Первая фраза повторяет оценку: «...о злохитромъ умирении съ лукавствомъ». Далее следуют повторы оценок дословно или вариации синонимичные: «льстиваго коварства... безбожнаго царя» (662), «безбожный царь... лукавнуня... его злокозненное пронырство» (663) — отрицательный тон автор не усиливал, но соблюдал его всюду.

Самые разные явления автор описывал, не ища новых слов, а довольствуясь многократными повторами уже высказанных оценок. Например, в главе 9-й о большом московском пожаре 1547 г. повторялись оценки «великий», «зельный» и пр.: «О страшныхъ и сугубейшихъ пожарехъ... попусти Богъ были зельнейшему пожару... о велицемъ пожаре... быти великий пожаръ... пламы же зельнаго огня, великия горы... пламени же велику... отъ зельнаго огня... великий той пожаръ и огненныя пламы» (635—637). И еще — повторы «многий», «весь», «всюду» и пр.: «разыдеся огонь на многия улицы, Богу же тако попустившу... всюду... ношахуса и везде... разливахуса и многия... пожигая. И выгоре все... и вся... испепелишася... все выгоре... вся сия огнемъ потребишася... вся сия безъ вести быша... всюду палящу... всюду вся пожигающи» (636—637). В других летописях совершенно иначе, без излишних словесных повторов сообщалось об этом пожаре (см., например, прибавления к «Хронографу 1512 г.»³).

Все эти цепи многократных словесных повторов в «Степенной книге» нельзя объяснить только так называемым литературным этикетом. Автор с исключительной настойчивостью повторял свои оценки в рассказах обычно для того, чтобы подтвердить: да, этот персонаж или это событие именно такие-то.

В сценах предсказаний и знамений это стремление автора к подтверждению рассказываемого проявилось особенно широко благодаря демонстративным фразеологическим повторам. Например, если Никола Чудотворец обещает, что «христианству не имать быти некоего же озлобления отъ поганыхъ», то так и получается: «человеколюбивый Богъ не попусти поганымъ врагомъ озлобити христианство» (672); если Никола предупреждает, что «предаетъ Богъ градъ сей Казань въ руке» российского царя, то затем дословно так и происходит: «въ руке благочестивому царю Богомъ предана быша» (646—647). Или в других эпизодах многие провидцы призывают казанских татар: «Повинуйтеся безъ лукавствия московскому государю», «поспешите умолити московскаго царя» — и дальше так в

³ ПСРЛ. Т. 22, ч. 1. С. 526—527.

точности и случается: татары «православному царю и *государю*... во всемь *повинны* себе творяху», «начаша *молити*» (640, 641, 648); когда предсказывают Казани: «быти на томь *месте*... *церквамъ*» — это свершается тоже дословно: «еже и *бысть* благодатию Христовою», «на томь *месте*... *церкви* поставлены быша» (641—647); пожелание: «Богъ... место сие да *просветитъ* *благочестиемъ*» — и результат: «вся *благая*, яже даруеши намъ... земля Казаньская ныне *благочестиемъ* *просвещаемъ*» (645 и 648) и т. д. Естественно, не только о Казани автор рассказывал с подтверждающими фразеологическими повторами. Так, во время московского пожара некто видит в видении Богородицу, «*уталяющи*» огонь, и тут же повествователь сообщает, что, действительно, «нача гневъ Божий *уталятися* и пламы огненные *умалятися*» (637). Или одни из персонажей заклинает и дословно по заклинанию то же и получает: «Самъ Владыко пречистыми усты рекль еси: «... аще кто и смертно испиеть, *не вредитъ* ихъ». И выпивъ сосудъ зелия, и ста *ничимъ же врежень*... *ничимъ же не вредимъ* силою и действиемъ святаго Духа» (665). Даже оговорка подтверждается дословно. Персонаж оговаривается мельком: «Бога... ради... аще и... *раздроблень* буду» — это же и случается с ним: «кости его *надробно* разметаша... пострада за Христа» (649—650). Наконец, не только в сценах предсказаний, вольных или невольных, но и в сообщениях, например, о разных повелениях и просьбах автор следовал своей заверительной манере повествования и неукоснительно вводил подтверждающие повторы слов и выражений. Так, один персонаж велит другому: «*звони скорее*», и другой «*скоро* шедъ, *позвони*» (643); или некрещеный знатный татарин просит митрополита, «дабы *умолилъ* о немъ государя *царя*... *милости* прося и... *крестити* бы его *повелель*. Боголюбивый же *царь* *моления* ради святительска и боярска *милость* показа ему и *крестити* его *повелель*» (650) — как будто сделана выписка из юридического документа, дотошно повторяющего формулировки для точной фиксации фактов.

И уж совсем навязчив был автор в своем стремлении к подтверждению и закреплению характеристик явлений на протяжении больших рассказов. Он, например, на одну и ту же тему целыми сериями излагал знамения и предсказания — одно за другим, с повторяющимися толкованиями (если повторить, например, семь прорицаний о покорении Казани, вот тогда-то, по авторской логике, можно «разумети есть по всему», что произойдет — 639—640). Многократно повторялось у автора даже отдельное чудо или знамение: если персонаж вдруг слышит загадочный колокольный звон, то «въ коемъждо оконьце храмины своя слыша тако же звонъ — тако по Бозе *благонадежень бивъ*» (646); если вода в сосуде, стоящем на лавке, чудесным образом закипает, то и вторично сама собой закипает она и потом еще «три кратно чюдесно кипяще» — «сие Божие милосердие» (652); привидевшийся персонажу Никола Чудотворец «глагола... и вторичею то же рече» — «оть Бога посланъ» (672). Автор обязательно подтверждал

богониспосланные явления многочисленными свидетелями и свидетельствами: «услышася повсюду», «мнози поведаху», «мнози виде», «многимъ людемъ показуя», «мнози узреша» и т. п.; или же делал характерную для него ссылку: «прочее же о сихъ довольно писано есть во известныхъ летописаниихъ, zde же вкратце явлено есть великаа Божия чудодействія» (651) — таких подтверждений тоже немало. В общем, почти в каждом своем рассказе автор последовательно стремился к определенности, подтвержденности, непоколебимости оценок и характеристик и не любил ничего «непостоятельнаго» (642), «непостояннаго» (637).

Исключение, правда, есть. В маленькой главе 7-й о событиях Смуты вначале уважительно упоминаются «благонадежнии боляре великаго князя и прочии вельможи», но дальше, напротив, рассказывается как раз об их неблагонадежности и коварстве, в которые они «вражиимъ наветомъ... уклонишася» (634). Это другой тип изложения, не подтвердительный, а саркастично-противопоставительный, и проник он из письменных источников Смутного времени, которые здесь пересказал составитель «Степенной книги». Однако всюду в остальных местах автор прочно придерживался навязчиво подтвердительно-закрепительной манеры изложения.

Но зачем с такой обязательностью составителю надо было подтверждать, поддерживать, закреплять те или иные мотивы в каждом своем мало-мальски риторическом повествовании, хотя он ни с кем не полемизировал своими подтверждениями? Причина — в авторском мировоззрении. К подтвердительному изложению, по-видимому, привел принцип, последовательно проведенный автором, считавшим, что буквально все события, от великих до мельчайших, происходят «Божиимъ хотениемъ... а не человеческимъ самочиниемъ» (643): плохие события и дела — «попущены» Богом, гневом Божиим, а хорошие — дарованы, утверждены, поручены, споспешествованы, водимы Богом, его благоволением, помощью, заступлением, благодатию, хотением, силою, милостию, пособием, промыслом и мн. др. — подобными авторскими замечаниями, разъяснениями и восклицаниями обильно заполнено все изложение, каждый эпизод, — «Богъ... везде сый и вся исполняя отъ небытия в бытие» (628). До «Степенной книги» повествователи, кажется, нигде так часто не ссылались на Бога. Раз «Богъ своею крепкою десъницею всегда и всюду наставляя» (630), то «крепко» надо писать о том, с усиленными подтверждениями соответствующих тем и мотивов.

Верой в непрестанность богоучастия в человеческих делах были порождены не только особая «подвердительная» манера повествования в «Степенной книге», но еще и авторское пристрастие к различным возвышающим мотивам в его исторических рассказах. Благодаря повсечасному и повсеместному участию Бога в событиях мир «Степенной книги» выше обыденного, свойства персонажей — исключительные. Оттого прилагательными в

превосходной степени начинил составитель текст семнадцатой части: царь — божественнейший, святейший, крепчайший, самодержавнейший, мужественнейший, кротчайший, возлюбленнейший и т. д. (666—668), «сладчайшее имя Ивань» (629). Плохое, «попущенное» Богом, — тоже в превосходной степени: пожар — зельнейший, сильнейший, сугубейший (635); иконоборцы — злейшие (656, 662) и пр. Еще чаще в тексте употреблялись прилагательные с приставкой пре-: царь — Богом преславнейший, пресветлейший (666); митрополит — хриstopодобно превысочайший (634); Христа ради юродивый — сугубо «преукрашенный» (635); храм во имя Богородицы — «преудивлень» (651); видения — предивные (637); победы — преславные (633, 649) и т. п. Сравнениями автор тоже повышал статус персонажей и их деяний как богоподдерживаемых: царь — «яко же Давидь» (643), «подобно Моисею» (646), «яко же бо второе солнце» (666); царскими детьми — «яко райскими цветы крася» (652); александрийский патриарх — «лице его, яко лице ангелу» (665); юродивый — «яко бесплотень» (635); русские воины — «яко львы рыкающе» (646), «въ малыхъ челнехъ, аки въ кораблехъ» (673); чудесное — «светь необычень, яко великъ пожарь» (643), «звонь... яко большого колокола глась» (646) и мн. др.

К возвышающим относятся также мотивы материального «изообилования» и довольства в повествовании: Москва — «милосердый же Богъ... всякая требованья и богатства и утвари драгия сугуба дарова имь... и различная имения ихъ усугубишася и всякаго блага исполнишася, тако же и торговая купля *преизобиловала*» (638); поход — «многое воинство всюду, яко Богомъ уготовану, пищу обретаху... всякимъ благовоннымъ овощиемъ *довляхуся*... все бесчисленное воинство не трудно *довольяшеся*. И тако всеильный Богъ пищу и всякую потребу... всюду готову и *преизобильну* устраяя... всякими потребами *изообиловаху*» (643); митрополит — «многимъ имениемъ *изообилова* его» (630); «хриstopлюбий же царь... милостынею *издовали* его» (665); монастырь — «благочестивый самодержецъ монастырь той имениемъ же... *удовли*... исполни... преисполнено украси» (652).

Наконец, к возвышающим мотивам относится всюду ощущаемая чудесность явлений. Традиционный мотив света и сияния, привычный в чудесах, знаменьях и видениях, у автора перешел и на обыденную земную реальность, но благодаря участию Бога она тоже не совсем обыденна: например, перед падением Казани «разливашеся *светь* надъ всемъ градомъ, во *свете* же мнози столпове *пресветли* блестяхуся» — «хриstopанское знамение» (646); а после казанской победы все «ведрано и *светло*... небеса — *светлость*... *светлу* и преславну победу нося... и все паче солнечнаго сияния *просвещахуся*» (647—649); у александрийского патриарха, избежавшего отравления, «*просветися* лице его» (665); царь «намъ *светлейший* явился еси... твое благочестие *светится*... и Божию помощию... яко же... отъ солнычнаго сияния греми бываху» (666—667) и т. д.

Кроме того удивительно беспрепятственно и «скороустремительно» передвижение богозащищенных персонажей у составителя «Степенной книги»: не только «мнози святии... по воздуху ходяху» (644) или юродивого «видеша его по морю ходяща, яко по суху» — «такову благодать приять отъ Бога великихъ чудодееаний» (635—636), но и «легцыи же воеводы» (632), и обыкновенные воины «скороустремительно поидоша... Богомъ подвигаеми... преидоша реку, яко ангеломъ носими» (658) или «Божиимъ хотениемъ... не трудно, яко играюще, преидоша» (643), «Богомъ подвигаеми... яко облакомъ носими, скороустремительно на градныя стены и на самый градъ скакаху» (646) и пр.

В общем, всеми относительно скромными красотами своего повествования составитель выразил представление о неотступном участии Бога в событиях везде и всегда. Такое доведенное до крайности представление еще не встречалось у древнерусских авторов.

Идея богоучастия постоянно смыкалась у автора «Степенной книги» с идеей богозащищенности. Автор, по-видимому, напряженно желал, непрерывно надеялся на помощь, защиту и покровительство Бога стране и в свои дни. Поэтому началась семнадцатая часть с цитаты: «... просите... и будетъ вамъ» (628); оттого человеколюбивым и милосердным автор часто называл Бога; повторял и более развернутые определения Бога как покровителя: «иже... отъ века и до века вся строя на пользу человеческому роду», «иже вся на пользу строяй человекомъ», «иже искони все на пользу строяй человеческому роду» (628, 630, 644); недаром автор затронул тему «невидимаго покрова Божия, всегда пребывающаго на верующихъ Богу» (645) и далее: «да будетъ покровъ и сохранение всемъ» (669); и даже молил (вместе с персонажами): «мы же непрестанно вопиемъ ти: “О, ... Боже нашъ, яко же ныне, тако и всегда не остави насъ и не отступи отъ насъ, помагая намъ, и милуя, и спасая насъ въ настоящей сей жизни и въ веки бесконечныя!”» (648); и подтверждал с надеждой: «и до ныне чудеса содеваются — тако насъ пречистая Богородица преславно избавляя отъ всяческихъ бедъ и чудесно спасая» (638), «пречистая Богородица... преславно и избавляя насъ отъ предлежащихъ бедъ» (637).

Литературный результат: тему Божественной защищенности России и православных автор на разные лады повторял в рассказах семнадцатой части. Защищенность обретали города: например, Себеж обстреливало литовское войско прямо у города, однако «Божиимъ же заступлениемъ и посещениемъ пречистыя Богородица и чудотворьца Сергия ни едино ядро пушечное и пищальное не прикоснулося ко граду, но чрезъ градъ летаху... иные же ядра предъ градомъ падаху» (633). Защиту получали и самые незащищенные персонажи, например, юродивый ходил полностью нагой и под знойным солнцем, и в лютый мороз — потому что «душевною же добротою неизреченно одяенну ему... его же ни огонь, ни мразь не врежаше, Божия бо благодать греяше его» (635).

Буквально все упоминания о Боге у составителя были так или иначе связаны с темой защищенности, помощи и поддержки, автор не отвлекался от этой темы, даже когда говорил о всяческих несчастьях: «сими скорбьми хотя ихъ очисти-ти Господь, ово же утверждая Богъ совершенно и непоколебимо царство...» (630); «человеколюбивый же Богъ... не хотя конечной пагубе предати нась» (635); «сама бо Богомати... всего мира покрывая и защищая отъ всякаго зла» (637); «всячески по Бозе благонадежно спасение имуще» (652) и пр.

Теперь охватим в целом всю «Степенную книгу». Для ее остальных частей типична та же подтверждающая повествовательная манера, настаивание на тех или иных мотивах, хотя все-таки в меньшей степени — из-за включения множества разнотипных больших источников в общее повествование. Но рассмотрим самое начало — вступление к «Степенной книге», составленное в виде пространного жития княгини Ольги, которое написал Сильвестр, священник Благовещенского собора в Кремле⁴. Здесь составитель тоже все повторял один и тот же мотив. Например, сплошь подтверждал премудрость Ольги, начиная с заглавия: «...житие... въ премудрости пресловущия великия княгини Ольги», и далее: «*премудрости* и разума исполнена» (6); затем автор и персонажи постоянно упоминали «Ольгу премудрую» (8): «Кто не удивится сея блаженныя Ольги *премудрости*, и мужеству, и целомудрию? ...бе мо *мудра* паче всехъ, *премудростию* уразуме...» (11); в большинстве эпизодов персонажи удостоверялись в премудрости Ольги: «видевъ ю царь... въ беседовании смыслену, и разумомъ украшену, и въ *премудрости* довольну... и вельми царь почюдися великому разуму ея... глубокий въ *премудрости* умъ ея...» (13), «дивляше бо ся великия ея... тоя *премудрости* величеству» (16), «имеша ю яко едину отъ *премудрыхъ* и разумнейшу» (24), «ея же въ нашихъ родехъ никого же не бысть *мудрейшии*» (26) и т. д.

Автор бесчисленно подтверждал премудрость Ольги, потому что за всеми проявлениями этого качества всегда присутствовал Бог: даже когда Ольга «еще не ведущи Бога и заповеди его не слыша, такову премудрость... обрете от Бога» (8), «отъ Божия промысла свыше светомъ разума осияема» (12), а уж после крещения тем более «яко святыи Духъ вселися въ душу ея и научи ю тако мудрствовати» (16), «отъ Него же неизреченную премудрости благодать обрете» (25), действовала «от Бога данную ти премудростию» (29), так что «дивити же есть... богодарованной премудрости и разуму блаженныя въ женахъ Ольги» (34), которую автор к тому же часто называл «богомудрой».

И другие качества Ольги настойчиво подтверждал автор, проводя идею всепроникающей богоданности: так, много раз автор возвращался к теме мужества и целомудрия Ольги — ведь она «богоизбранныи сосуде целомудрия» (29); посто-

⁴ См.: Булакин Д. М., Колесов В. В. Сильвестр // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 323—333.

янно связывал с ней мотив света и сияния, потому что она «богосиянная русская звезда», «Господь... приведе ю въ познание истиннаго света» (29, 16) и пр.

Множество фразеологических элементов переносил составитель жития из эпизода в эпизод. Например, рассказ о встрече Ольги с Игорем своими обозначениями и оценками перекликался с последующими рассказами, особенно о встрече Ольги с Цимисхием, да и с иными эпизодами, — их почти десятков, и словесно они изложены резко иначе, чем в «Повести временных лет». Вот заголовок рассказа: «О великомъ князе Игоре, како *сочьтася* со блаженною Ольгою»; и вот конец: «и тако *сочьтана* бысть ему закономъ брака» (7—8); а вот уже о Цимисхии: «умышляше ко *считанию*» с Ольгой (13), «не получишь *считатися*» (16), «прельщаше ся... о *считании* брака» (18—19).

Или другой мотив — «коварство». Сначала оценка домогательств Игоря: Ольга «уразумевше глумления *коварство*» его (7); потом та же оценка брачной интриги Цимисхия: Ольга «уразумевши, яко... симъ *коварствомъ* поколеблетъ душу ея... *коварство* всячески тщася упразднити» (13); и снова о том же в речи Ольги: «О царю, несогласная тогда умышления *коварства*... *коварство* твое упразнися» (18—19).

Повторялись в житии обозначения еще одного мотива: Ольга с Игорем — «пресекая *беседу* неподобнаго его умышления» (7); то же происходит с Цимисхием, который «составляет *беседу* тщетну», но Ольга возражает: «ты, о царю, всуе о семь *беседуеши*», «прекратимъ *беседу*» — «и душетленную его *беседу* мужествене отсече» (15—16).

Окончания рассказов также держались на повторях оценок — Ольга стыдила Игоря: «*студная* словеса износиши», «уязвень будеши всякими *студодееши*», и тогда Игорь «со *стыдениемъ* своимъ и съ молчаниемъ преиде» (7—8); Цимисхий тоже «съ *студомъ* въ чувство прииде... *студа* гонзнути» и признался: «срамъ и *студъ* приобретохъ си» (16), и «со *студомъ* отъ таковыхъ умолче» (19).

И другие рассказы заполняли повторения мотивов, как например: «отъ всякого вреда вражия *избавляемся*» (7), «спасеть и *избавитъ* от лукаваго» (17), «Божий же промысль вестъ благочестивыя отъ напасти *избавляти*» (22—23), «чистота бо древле Иосифа *избави*... Сусану... *избави*...» (25), «девьство... воздыхания *избавительно*» (31), «да *избавитъ* насъ господь Богъ отъ всякихъ напастей и бедъ» (38) и т. д.

Все это множество повторов культивировалось потому, что автор пунктуально выступал как идеолог: побуждал «прилежно искати разумъ къ Божии воле» в событиях (35) и повсеместно и по каждому поводу внушал, что все происходит «не отъ человеческого научения, но отъ вышняго премудрости» (29): «всесильный Богъ своимъ неизреченнымъ промысломъ по чину строить» (35), «сице благодать Божия действуя древле и ныне овогда въ мужехъ, а овогда в женахъ» (37) и пр.

С идеей богоучастия сочеталась идея богозащищенности. Составитель жития надеялся на Божью защиту уже и в его время. О защите просила не только Ольга («помощи отъ Него требуя: “помощникъ ми буди и не остави мене, Боже”» — 13, 21), но и сам автор: «молитесь безъ вреда сохранити и спасти державу... самодержьца царя и великого князя Ивана... и со всеми христоименитыми людьми, яко... даруетъ имъ Господь везде и всегда, во всякомъ времени и месте на вся супротивныя... победу» и т. д. (30—31). Начальная часть «Степенной книги», таким образом, оказывается особенно сходной с последней, семнадцатой, частью книги «подтвердительной» повествовательной манерой и доведенным до крайности богоуповающим умонастроением авторов.

И далее повествовательное сходство время от времени наблюдается в оригинальных рассказах в «Степенной книге», отклоняющихся от ее летописных источников. Например, история о любовных домогательствах великого князя Юрия Святославича Смоленского к чужой жене — к Ульянии Вяземской (в тринадцатой части книги) хотя и не так уж пространно изложена, но и не так лаконично, как, например, в «Софийской второй летописи» под 1406 г.⁵, и содержит много повторяющихся оценок и соответственно пронизывающих текст мотивов. Ульяния объявляется целомудренной, что бы с ней не случилось: «та бяше *целомудрена*... ея же *целомудреному* благоумию позавиде древний врагъ диаволь... Она же... о *целомудрии* подвизашася... видя... такову крепкодушну о *целомудрии* ревность... *целомудренья* княгини Ульянеи» (445); а князя сопровождают слова «блуд», «стыд» и «срам»: «узавень бысть на ню *блудною* бранию и... *безстыднымъ* устремлениемъ... Онъ же *срама* исполнися... паче приложи къ *блудному* устремлению... Князя же Юрья Святославича отвсюду обыде сугубъ *стыдъ* и поношение, сугубо же *срамота* и укоризна... не могый терпети *срама* и поношения...». Все это совершено под неотступным Божьим наблюдением и потому фразеологическими повторами подчеркнуто автором.

Чтобы понять историко-литературное место «Степенной книги», совершим небольшой экскурс в предшествующие годы в обратном хронологическом порядке. Специфическое «подтвердительное» повествование появилось еще до «Степенной книги»; уже в конце 1550-х годов оно использовалось, например, в «Житии Нифонта Новгородского», которое в 1558 г. по разым источникам составил плодовитый агиограф псковский священноинок Василий-Варлаам⁶. Словесно-фразеологических повторов очень много в сочинении Василия, особенно в местах, им самим написанных, начиная со вступления: «Благословень

⁵ ПСРЛ. Т. 6. С. 133—134.

⁶ См.: Дмитриева Р. П. Василий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 1. С. 114.

Богь-Отець *вседержитель*... всехъ составление *содержай*... *содержавная* славою... содетель и *содержитель*...»; тут же параллельно следуют и другие повторы: «*творецъ*... всяя твари *сотвориша*... *животворящи*» и т. д.⁷ Или: «отъ *благочестну* и святу и милостиву родителю рождьяся... токмо вемы, яко отъ *благочестну* родителю и святу рождьяся... Бяху же *благочестнии* родители святаго отрока... во *благочестии* живуще... сей мужь *благочестивый* и съ супругою... отроку отъ такову родителю *благочестну*» и т. д. (2).

И дальше изложение вязко тянулось повторами сюжетно значимых слов: «родителие же... моляху Бога..., чтобъ имь послалъ Богъ *плодь чревнии*... И услыша Богъ чистую молитву ихъ и *дасть имь плодь чреву*... понеже Бог не презри молитвы родителей онехъ и *дасть имь плодь чрева*... яко же древле Иоакима и Анну услыша Богъ... и *дасть имь плодь чреву*... тако же и сего святаго отрока родителей не презре Богъ моления ихъ и... *дасть имь плодь чрева*» (2).

Но в отличие от «Степенной книги» не идеей о доскональной богоуправленности всего в мире было проникнуто «подтвердительное» повествование у Василия в «Житии Нифонта», а желанием постоянства и незыблемости, помогающим благополучно переплыть «море жития сего, лютаго миродержца непостоянную пучину» (7). Все персонажи «Жития Нифонта» имеют касательство к идее постоянства в мире. Например, родители Нифонта, если кормили нищих, то «трапезу имь поставляше *множицею* и тако творяху... и до исхода души своя еже от телеси и паки *всегда* хождаху въ церковь» (2), так и отошли «въ *вечный* покой» (3), — образец постоянства. Сам Нифонт: «молитва бяше во устехъ его *всегдашняя*» (3), «вельми *крепостию* себе *утвердивъ*» (5), «душею *крепкии*» (6), «и паки восприятъ... *вечное* наслаждение» (5) — идеал постоянства. Вообще все святые — «молятъ *непрестанно*» (6), «творятъ *непрестанно*» (8), обращаются «къ *незаходимому* солнцу Христу» (8) — все у них постоянно. Грешникам суждено впасть в «муку *безконечную*» (7), даже сам сатана связан «*нерешимыми* узами железными *во веки и на веки*» (3) — отрицательный мир тоже пребывает в постоянстве своих черт.

Перейдем к более раннему времени — концу 1540-х годов, когда выходец из Пскова и затем протопоп московского дворцового собора Ермолай (позднее в монашестве — Еразм) написал «Повесть о Петре и Февронии»⁸. «Повести о Петре и Февронии» тоже свойственна «подтвердительная» манера повествования. Например, даже в одном небольшом эпизоде Петр трижды повторяет: «мне же не *коснешу никамо же*, вскоре пришедшу... и *нигде же ничесо же помед-*

⁷ Пам. СРЛ. Вып. 4. С. 1. Далее страницы указываются в скобках.

⁸ См.: Дмитриева Р. П. Ермолай-Еразм // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 1. С. 220—225.

лив, приидох... Приидох же паки, ничто же нигде паки помедлив»⁹. И еще повтор: «чюжуся, како брат мой напред мене обретесе... и чюдяхся, како напред мене обретесе... не вем, како... напред мене обретесе». Много других повторов в этом же небольшом эпизоде: «разуме быти пронырьство лукаваго змия...се есть, брате, пронырьство лукаваго змия» и пр.

В других эпизодах другие персонажи тоже, можно сказать, прилепились к повторам: «вниде в дом... и вниде в храмину... внидох к тебе... прииде в дом сий и в храмину мою вниде» (214). Изложение толчется на месте: «...иде чрез ноги в нави зрети... глаголя, чрез ноги в нави зрети... иде... чрез ноги зрети к земле... рех, яко иде чрез ноги в нави зрети».

Вся повесть переполнена повторами повсеместно и во множестве, но на этот раз выдают они не потребность автора в богозащищенности или хотя бы в стабильности мира — такое потребуется позже, — а желание понять загадочный мир. Поэтому герои повести все время пытаются в чем-то разобраться и что-то уразуметь, о том и признаются: «не свем и чюжуся» (213); «не внят во ум глагол тех... не разуме глагол ея... глаголы странны некаки, и сего не вем, что глаголеши... и ни единого слова от тебе разумех» (214); «не вемы... да того ради вопрошаем... хотя в ответех искусити» (215); «яко же рчет, тогда слышим» (218) и пр. За надоедливый «подтвердительный» повествованием скрывается постоянная сосредоточенность и вдумчивость персонажей: «в сердци си твердо приимши, умысли во уме своем... добру память при сердцы имея... в сердцы си твердо сохрани» (212); «нача мыслити... бяше в нем мысль, яко не ведьи... искаше подобна времени» (212); «во уме своем держаше» (218); «приим помysl» (219) и т. д.; даже сам автор говорит о своей вдумчивости: «трудихся мыслми» (223), а общий его вывод таков: «ум же началствует» (210), «пребывает в человецех ум, яко отец слову». Думание это особого рода — о будущем, герои пытаются предусмотреть будущее: «мысляше, что... сотворити, но недоумеяшесе» (211); «не ведуше будущаго» (218); только у Февронии «есть прозрения дар» (219).

В общем, получается, что в течение лет 15, с конца 1540-х по начало 1560-х годов, «подтвердительное» повествование выражало нарастающие степени озачленности авторов, — от их напряженных раздумий о ближайшем будущем (в «Повести о Петре и Февронии») до поисков постоянства в этом мире («Житие Нифонта») и, наконец, до страстного желания, чтобы Бог защищал нас непрерывно («Степенная книга»). Через год была введена опричнина.

Но пойдем дальше в прошлое. В еще более ранние годы, в начале 1540-х (наверное, и несколько раньше), «подтвердительное» повествование использо-

⁹ Повесть о Петре и Февронии / Изд. подгот. Р. П. Дмитриева. Л., 1979. С. 213. Далее страницы указываются в скобках.

валось, как правило, сугубо в документально-юридических целях — при официальной фиксации хода различного рода переговоров сторон: что стороны предлагали, о чем договорились и что выполнили. Например, в конце «Воскресенской летописи» 1542—1544 гг.¹⁰, под 1514 г., помещен избыливающий фразеологическими повторами рассказ о походе Василия III на Смоленск. Смольняне просили, чтобы «*князь великий государь пожаловаль... бою престаи повелель... чтобы великий государь свою отчину и дедину пожаловаль, опалу свою и гневъ имъ отдалъ, а очи свои велель имъ видети и служити имъ себе велель*». Так оно и стало: «и князь великий государь въскоре повеле бою престаи... и великий государь свою отчину и дедину пожаловаль... свою опалу и гневъ отдалъ имъ, и очи свои велель имъ видети, и служити имъ себе велель» и т. д.¹¹ Далее в рассказе видно, как точная, юридическая «подтвердительность» переходит в более вольную, повествовательную: «боляры и воеводы и съ всеми людьми... *радующеся...*, такожде и жены межи себе и дети *обрадовашася...* и *възрадовашася...* и бе тогда *радость* видети... въ всемъ граде Смоленске промеже обоих людей *радость* и веселие» (256).

Если проследживать совсем ранние истоки «подтвердительного» повествования, то можно предполагать, что в глубь истории оно не заходило, а сформировалось на основе официальных идеологических писаний последних десятилетий XV в. К самым ранним предшественникам «подтвердительного» литературного повествования можно отнести, например, «Послание на Угру» Вассиана Рыло Ивану III 1480 г.; кстати говоря, послание это включено в «Степенную книгу» (в 15-ю часть). Вассиан в своем послании побуждал царя быть твердым в борьбе с татарами и оттого беспрестанно повторял соответствующие слова царю о необходимой крепкости: «хочу вспомянути... на *крепость* и утвержение твоей державе», «слышаще доблести твоя и *крепость*»¹²; «еже како *крепко* стояти», «обещавшую *крепко* стояти», «*крепко* вооружився» (522, 524); «мужайся и *крепися*», «господь Богъ *укрепитъ* тя», «той же *укрепит*» (524); «ты, о *крепкий*, храбрый царю», «твердое, и честное, и *крепкое* царство дасть господь Богъ в руце твои» (530, 534). Соответственно те, кому надлежит подражать, библейские и исторические герои, тоже крепкие в призывах и цитатах Вассиана царю: «возмогай о Господе, о державе и *крепости* его», «Господь дасть *крепость* князем нашим», «князю подобает имети... на супостаты *крепость*» (526, 528); Дмитрий Донской — «сей боголюбивый и *крепкий*», его сподвижники — «яко победите-

¹⁰ О ней см.: Левина С. А. Летопись Воскресенская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. С. 39—42.

¹¹ ПСРЛ. Т. 8. С. 255.

¹² ПЛДР. Т. 5 / Текст памятника подгот. Е. И. Ванеева. С. 522, 536. Далее страницы указываются в скобках.

ли *крещи* врагом явишася» (528, 530) и т. д. Однако в отличие от более поздних произведений настоятельные повторы в послании Вассиана являлись узко прагматичными, употребляемыми для данной конкретной политической темы и не отражавшими авторского мироотношения широко.

Снова вернемся в XVI в. В течение XVI в. хозяйственно-деловое «подтвердительно» повествование существовало параллельно, не замещаясь «подтвердительным» литературным повествованием. Например, в «Домострое» так называемой Сильвестровской редакции уже в середине XVI в. «подтвердительно» повествование выражало не напряженную экспрессию, а лишь деловитость автора. Вот хотя бы отрывок из главы «о столовом обиходе»: «покласти в суды *чистые*... А столовые суды... — всегда бы было *чисто*... И столъ бы былъ *чист*... и огурцы, и лимоны, и сливы — также бы *очищено*... и на столе бы было *чисто*... А рыба... и капуста — *очищено*... А питье бы всякое — *чисто*... А ключники бы и повары... устроилися *чистенко*, а руки бы были мыты *чисто*... все бы было мыто и *чисто*» и т. д.¹³ Только нормативный смысл имели повторы в этой мелочной инструкции по ведению хозяйства.

История «подтвердительно» повествования показывает, насколько идейно изменчивым было традиционное литературное творчество при внешнем однообразии рассмотренной повествовательной формы.

2000 г.

¹³ ПЛДР. Т. 7 / Текст памятника подгот. В. В. Колесов. С. 138.

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ», «ЗАДОНЩИНА» И ПОЗДНЯЯ КНИЖНОСТЬ

1. ОТГОЛОСКИ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» В «КАЗАНСКОЙ ИСТОРИИ»

Вот апофеоз традиционного типа творчества. Составление образов из литературных элементов предшествующих произведений достигло апогея в XVI в., в «Казанской истории», источники которой были настолько многочисленны, что обнаруживаются все новые¹.

Укажем на мелкие и поэтому малозаметные соответствия «Слову о полку Игоре» Их можно разделить на три типа. Первый тип — совпадение выражений. Так, в 12-й главе «Казанской истории» упомянуто о том, что казанский царь «в казну свою насыпа полату полну до верха рускаго злата и сребра» (59)². Словосочетание «насыпа... рускаго злата» соответствует выражению «рускаго злата насыпаша» в «Слове о полку Игоре» (50). Такого соответствия нет в памятниках, в том числе ни в «Задонщине», ни в «Сказании о Мамаевом побоище»: в Основной редакции и в Печатном варианте ее встречается иное словосочетание — «злата наплньися» (26, 104). В Киприановской и Распространенной редакциях нет и этого словосочетания.

¹ Об источниках «Казанской истории» см. работы Т. Ф. Волковой (там же — библиография предыдущих исследований): 1) «Казанская история» и историко-публицистическое повествование Московской Руси второй половины XVI века: Автореф. дис. ... Л., 1982; 2) «Казанская история» и троичские литературные памятники о взятии Казани. (К вопросу об историко-литературных особенностях «Казанской истории») // ТОДРЛ. Т. 37. С. 104—117; 3) Комментарий к одному фрагменту «Казанской истории». (Сюжет «Сергиева видения» в сочинениях XVI в. о взятии Казани) // ТОДРЛ. Т. 38. С. 179—184; 4) Работа автора «Казанской истории» над сюжетом повествования об осаде и взятии Казани // ТОДРЛ. Т. 39. С. 308—322; 5) Казанская история // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 450—458.

² Цитируемые произведения: «Задонщина» // Тексты «Задонщины» / Подгот. Р. П. Дмитриева // «Слово о полку Игоре» и памятники Куликовского цикла: К вопросу о времени написания «Слова». М.; Л., 1966; «Казанская история» // Казанская история / Изд. подгот. Г. Н. Моисеева. М.; Л., 1954; «Плач великой княгини по мужу» // *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития: (Обзор редакций и тексты). М., 1915. Приложения; «Сказание о Мамаевом побоище» // Сказания и повести о Куликовской битве / Изд. подгот. В. П. Бударягин, Л. А. Дмитриев, Л. А. Чурикина. Л., 1982; «Слово о полку Игоре» // Слово о полку Игоре / Изд. подгот. Л. А. Дмитриев и Д. С. Лихачев. Л., 1967. Издания других списков первой редакции «Казанской истории», подготовленные соответственно Г. З. Кунцевичем и Т. Ф. Волковой, см.: ПСРЛ. Т. 19; ПЛДР. Т. 7. Так как во всех приводимых ниже примерах между списками не наблюдается важных по содержанию разночтений, то мы взяли за основу список, изданный Г. Н. Моисеевой, — старейший, конца XVI в., и лексически менее поновленный, чем иные списки первой редакции памятника. Страницы изданий указываются в скобках.

В 84-й главе «Казанская история» сообщает: «много есть было в Казани сечей и боев великих, а такова сеча и бои не бысть никогда же... Ни от прадед своих слышахом, ни писания же наша имеют сицевых» (156). Соответствующий отрывок из «Слова о полку Игореве»: «То было въ ты рати и въ ты плъкы, а сицеи рати не слышано» (48). Фразеологическое и лексическое сходство выражений несомненно. Их тоже нет в других памятниках.

В 59-й главе «Казанской истории»: «Блата... намостишася черемискими костями» (127). В «Слове о полку Игореве»: русичи «начаша мосты мостити по болотомъ» (47)³.

Второй тип соответствий — самый многочисленный: это сходство специфических слов и выражений в эпизодах «Казанской истории» и «Слова о полку Игореве». Например, 26-я глава «Казанской истории», описание неустройства в казанском царстве: «воста брань..., в велможях его крамола... не хотят бо казанцы меншие болших слушати... и вси бо творяхуся велики» (83). «Слово о полку Игореве», описание последствий поражения Игоря: «Въстала обида... И начяша князи про малое се великое мльвити, а сами на себе крамолу ковати» (49). Цепь специфических соответствий «Слова» и «Казанской истории»: «въстала обида» — «воста брань», «начяша князи... крамолу ковати» — «в велможях... крамола», «про малое се великое мльвити» — «меншие... творяхуся велики». В других памятниках нет таких соответствий.

В 19-й главе «Казанской истории» рассказано о бегстве казанского воеводы Аталыка от русских воинов. Часть повествования восходит к «Сказанию о Мамаевом побоище» и «Повести о взятии Царьграда турками» Нестора-Искандера⁴. Но часть повествования имеет некоторые соответствия «Слову о полку Игореве». Вот элементы эпизода в «Казанской истории»: «Тут же наскочишы воины руския силнаго варвара Аталыка... Ему же спящу... в шатре своем, ... скоро вскочи... на конь свой, и без пояса, и бос, и хоте во град убежати. И понесе его конь... на поле, ... конь его реку перелете. Он же... спаде с коня своего... бос, бегающе по траве... и убивающе птицу или зверя» (70). Обратимся к аналогичному эпизоду «Слова о полку Игореве» — бегству Игоря от половцев: «Игорь спить... поля... за рекою... въшуме трава, вежи ся половецкии подвизашася... А Игорь поскочи... вьвржеся на ... комонь, и скочи съ него босымъ влькомъ, и потече... и полете..., избивая гуси и

³ В других памятниках встречаются высказывания лишь о мощении мостов перед сражением или мощении трупами в результате битвы. См.: Орлов А. С. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). М., 1902. С. 23—24. Ср. также: Насонов А. Н. Новые источники по истории казанского «взятия» // Археографический ежегодник за 1960 год. М., 1962. С. 17.

⁴ См.: Орлов А. С. 1) О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики. СПб., 1909. С. 10—11, 13, 15, 18; 2) Героические темы древней русской литературы. М.; Л., 1945. С. 121—122.

лебеди» (55). Есть сходство элементов. Но одни элементы могут быть просто неизбежны для рассказов о бегстве — упоминания поля, реки, коня: «поскочи... ввѣржеся на... комонь» («Слово») — «вскочи... на конь свой» («Казанская история»), «скочи съ него» — «спаде с коня», «потече» — «бегающе» и пр., а есть элементы более или менее специфические — упоминание сна перед бегством (здесь и далее сопоставляем элементы сначала из «Слова», потом из «Казанской истории»): «Игорь спить» — Аталыку «спящу»; упоминание травы, само по себе очень нечастое в памятниках: «въшуме трава» — «бегающе по траве»; упоминание шатров: «вежи ся... подвизашася» — «спящу... в шатре своем». Но самое главное — упоминание того, что герой был бос: «босымъ влькомъ... потече» — «бос, бегающе», а также упоминание полета: «полете» — «перелете», а еще — упоминание избиения птиц: «избивая гуси и лебеди» — «убиваше птицу». Нет больше нигде такого набора элементов. Этот эпизод вообще не отразился ни в «Задонщине», ни в «Сказании о Мамаевом побоище». «Казанская история» здесь опирается именно на эпизод из «Слова о полку Игореве».

Еще одно соответствие эпизодов наблюдается в самом начале обоих памятников. В «Казанской истории»: «Красныя убо новыя повести сия достоин нам радостно послушати, о христоименитии, яже содеяшася преславная дела... во дни наша... Начну же сице» (43). В «Слове о полку Игореве»: «Не лепо ли ны бяшетъ, братие, начяти старыми словесы трудныхъ повести... Начати же ся... по былинамъ сего времени... красному Романови... славу рокотаху. Почнемъ же, братие, повесть сию» (43—44). Часть лексических совпадений естественна для начала многих произведений: обращение к слушателям («братие» — «людие»), упоминание начала действий («почнемъ же... повесть сию» — «повести сия... начну же сице»). Но специфичны — указание на пристойность рассказа: «лепо ли ны» — «достоит нам»; упоминание современности: «сего времени» — «во дни наша»; упоминание славы: «славу» — «преславная»; упоминание красоты: «красному Романови» — «красныя... повести». Кроме того, некоторые понятия соответствуют по контрасту: «старыми словесы трудныхъ повести» — «новыя повести... радостно послушати». В «Задонщине» же начало «Слова» использовано гораздо беднее, тем более бедно — в «Сказании о Мамаевом побоище»⁵.

Остальные сходства не столь значительны. Например, оба памятника рассказывают о несчастьях Русской земли. «Казанская история» в 21-й главе: «Не

⁵ Наблюдения над соответствующими параллельными местами «Слова о полку Игореве», «Задонщины» и «Сказания о Мамаевом побоище» см.: *Дмитриева Р. П.* Взаимоотношение списков «Задонщины» и текст «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. С. 209, 243; *Творогов О. В.* «Слово о полку Игореве» и «Задонщина» // Там же. С. 295—296, 313—315, 335; *Творогов О. В.* О композиции вступления к «Задонщине» // Там же. С. 526—532.

брегушим от супостат своих Руския земли: везде погании крестьян воеваху и губяху... И умножишася обиды» (73). «Слово о полку Игореве»: «Въстала обида... Усобица... на поганые погыбе... а погании съ всехъ странъ прихождаху... на землю Рускую» (49). Специфично упоминание обиды: «Въстала обида» — «и умножишася обиды». Менее ярки другие соответствия: «погании съ всехъ странъ» — «езде погании», «на поганые погыбе» — «погании губяху», «на землю Рускую» — «Руския земли». В «Задонщине» же и «Сказании о Мамаевом побоище» данный эпизод не нашел отражения.

В 22-й главе «Казанской истории» описывается внешность воинов: «шлемы, железныя одеяние на всех... бреши земля своя от всех стран» (74). Соответственное описание в «Слове о полку Игореве»: «Суть у ваю железныи паворзи подь шеломы латинскими. Теми тресну земля, и многи страны...» (52). Перекликаются «железныи паворзи» — «железныя одеяние»⁶. Такое употребление слова «железный» в отношении к доспехам отсутствует в «Задонщине», в «Сказании о Мамаевом побоище» и в других памятниках. В «Задонщине» слово «железный» вообще не относится к доспехам: «железная забрала» (544, 546, 554). Другие лексические соответствия эпизода «Казанской истории» «Слову» тоже показательны: «земля и многи страны» — «земля... от всех стран»; «подь шеломы» — «шлемы».

В 23-й главе «Казанской истории» говорится о несчастьях Руси: «И всем тогда беда и тоска... от очию слезы текут, ...з женами ...бежах во глубину Руси... Велик бо плач, и скорбь, и беда, и стонание» (76—77). Соответствующий отрывок в «Слове о полку Игореве» тоже повествует о несчастьях Руси: «Жены... въсплакашася, ...ни очима съглядати... А въстона бо... Киевъ туюю, а Черниговъ напастьми. Тоска разлися..., печаль...тече средь земли Рускыи» (49). Соответствия: «тоска..., печаль...тече» — «тоска... слезы текут»; «въстона... туюю, ...напастьми» — «скорбь, и беда, и стонание»; «средь земли Рускыи» — «во глубину Руси»; «жены» — «з женами»; «очима» — «от очию». Этот эпизод не отразился ни в «Задонщине», ни в «Сказании о Мамаевом побоище». И хотя отдельные элементы повторяются при описании несчастий в иных древнерусских произведениях, однако сам комплекс этих элементов, особенно упоминания жен, тоски, стона, течения печали или слез, все-таки остается специфичным только для «Слова о полку Игореве» и «Казанской истории» — их связь снова подтверждается.

В 19-й главе «Казанской истории» рассказывается о сражении: «Уже зорям утренним... восходяху..., воеводы же ударився в острог с шумом... всех избиша... И падоша телеса их» (69—70). «Слово о полку Игореве»: «Что ми шу-

⁶ Принимаем толкование слова «паворзи» как часть доспехов. См.: «Слово о полку Игореве» / Примечания О. В. Творогова и Л. А. Дмитриева. Л., 1967. С. 510; *Лухачев Д. С.* «Слово о полку Игореве»: Историко-литературный очерк. М., 1976. С. 66. См. также нашу работу «Об «архаизирующем» повествовании в «Слове о полку Игореве»» в предлагаемой книге.

мать... предь зорями?... Бишася день, бишася другьи, ...падоша стязи Игоревы» (48—49). Сходны следующие элементы в «Слове» и «Казанской истории»: «шумить» — «с шумом», «предь зорями» — «зорям», «бишася» — «избиша», «падоша стязи» — «падоша телеса». Сочетание упомянутых элементов, пожалуй, не слишком шаблонно для описаний битв в памятниках, хотя в отдельности каждый элемент встречается нередко. Смутную параллель между «Словом» и «Казанской историей» можно наметить и здесь. В «Задонщине» и «Сказании о Мамаевом побоище» этот эпизод не отразился.

В главах 22-й и 73-й «Казанской истории» встречаются интересные для сравнения со «Словом» места: «и глав своих не щадяще, а в нужное время отецъ своих, и матерей, и жен, и детей своих забывающе... и силно бяхуся, и кладаху главы своя... за любовь к ним царскую, забывая жены своя и дети» (74); «красоты и любве жен и детей своих не забывати» (144). Эти места напоминают об эпизоде с Яр-Тур-Всеволодом в «Слове о полку Игореве»: «камо, Турь, поскочяше... — тамо лежать... головы половецкия... Ярь Туре Всеволоде... забывь... отня злата стола и своя милья хоти, красныя Глебовны» (47—48). Лексические соответствия: «забывь... своя милья хоти, красныя» — «за любовь... забывая жены своя», «красоты и любве жен... своих не забывати»; «лежать... головы» — «кладаху главы»; «отня» — «отець»; «милья хоти красныя» — «красоты и любве жен». Вероятно, и тут «Казанская история» перекликается с эпизодом именно «Слова о полку Игореве». Подобных соответствий (сразу вместе) в «Задонщине» и «Сказании о Мамаевом побоище» нет, хотя одиночные выражения о забывании жен воинами встречаются в некоторых памятниках ⁷.

Есть еще третий тип соответствий: когда довольно большой отрывок «Слова» сжато отражается в одном эпизоде «Казанской истории». Например, в 14-й главе рассказано об очередном военном происшествии и его результатах: сначала «русским же всем спящем», затем началась стычка — казанцы «нападе на полки руския», «поле... кровию очервленишася», в результате «Волга утопшими людьми загрязе... аки по мосту, ездити... И обогатися казанский царь велми узорочьи» (62). В «Слове о полку Игореве» этому соответствует повествование о подготовке русичей к сражению, победе и результатах победы: сначала «щекоть... успе», «русичи... поля чрьлеными щиты прегородиша», потом — «потопташа поганыя плъки», а в результате — «начаша мосты мостити по... грязивымъ местом... всякими узорочьи» (46—47). Соответствуют многие элементы. Наиболее специфично упоминание мостов по грязи: «мосты... по... грязивымъ местомъ» — «загрязе... по мосту». Этот эпизод не отразился ни в «Задонщине», ни

⁷ Адрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII веков. Л., 1968. С. 96.

в «Сказании о Мамаевом побоище», ни в других памятниках. Специфично также упоминание чего-то червленого в поле: «поля чрьлеными» — «поле... очервленнишася». Менее точные и менее специфичные соответствия показательны в комплексе — упоминание о сне: «щекоть... успе» — «воем... спящем»; упоминание потоптавших и утопших, слов одного корня: «потопташа» — «утопшими»; упоминание полков: «поганья плькы» — «полки руския»; упоминание узорочья: «всякими узорочьи» — «велми узорочьи». В целом, соответствие отрывка «Слова» и эпизода «Казанской истории» кажется несомненным.

Сон Святослава отразился, хотя и слабо, в «Казанской истории». В 62-й главе рассказывается о двух снах — казанского царя и казанского сеита: «В... ночь... виде сон страшен сам про себе казанский царь. Легшу ему с печалию..., яко взыде... месяц... темен. Другий же месяц... яко крылат, полете... В ту же ночь сеит казанский сон же виде, яко стекошася... пардуси» (130). Соответствующий, довольно длинный отрывок из «Слова о полку Игореве» содержит такие фразы: «А Святъславь мутень сонъ виде... Си ночь... съ трудомъ смешено... Се бо два сокола слетеста... Уже соколома крыльца припешали... Два месяца... тьмою ся поволокоста, ...прострошася половци, аки пардуже гнездо» (50—51). Не только мотивы сходны — сны, их истолкование, два месяца, — но и лексика: «мутень сонъ виде... си ночь» — «в ночь... виде сон страшен», «съ трудомъ» — «с печалию», «слетеста... крыльца» — «крылат, полете», «месяца... тьмою ся поволокоста» — «месяц... темен», «пардуже» — «пардуси». Этот специфичный подбор элементов мог перейти только из данного отрывка «Слова о полку Игореве», сон Святослава не использован ни «Задонщиной», ни «Сказанием о Мамаевом побоище».

Мелкие отголоски «плача» Ярославны обнаруживаются сразу в трех местах «Казанской истории» — в главах 40-й, 52-й и 72-й. Все это три женских «плача» — казанской царицы, русской царицы и казанских жен. Прямые источники «плачей» известны — «Повесть о взятии Царьграда» Нестора-Искандера, «Слово о житии Дмитрия Ивановича», «Хронограф», а также троичное сочинение середины XVI в. о взятии Казани⁸. Но есть не замеченные исследователями соответствия «Слову о полку Игореве». Во всех плачах «Казанской истории» упомянуты летящие птицы. О плаче казанских жен сказано: «И еще бы им мочно птицею... летети» (144). Русская царица плачет: «кая птица... прилетет... возвестити ми» (118). Казанская царица тоже плачет: «Увы мне, где ныне возму птицу борзолетную» (102). Мотив повторяется одинаковый, хотя слова различаются, — вероятное соответствие словам Ярославны: «Полею...

⁸ См.: Орлов А. С. 1) О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики. С. 15—16; 2) Героические темы древней русской литературы. С. 125; 3) История русской литературы. М.; Л., 1945. Т. 2, Ч. 1. С. 467, 469. Раздел написан А. С. Орловым. См. также: Насонов А. Н. Новые источники по истории казанского «взятия». С. 14.

зегзицею» (54). Правда, в «плаче» жен «Задонщины» также упоминаются птицы, но поющие, а не летящие, — о полете их тут не говорится, образ летящих птиц в «Задонщине» и «Сказании о Мамаевом побоище» применяется только к воинам, а не к женщинам⁹. Нет мотива летящих птиц и в «плачах» иных памятников, например, в «Плаче великой княгини по мужу» (157—163).

В плачах «Казанской истории» наблюдаются и такие специфические лексические соответствия «плачу» Ярославны, которые отсутствуют в «Задонщине», «Сказании о Мамаевом побоище» и троицком сочинении о казанском «взятии». «Казанская история»: «и облачахуся в трисветлая своя одеяния» (144). «Плач» Ярославны: «Светлое и тресветлое слънце» (55). Перекликаются специфические слова «тресветлое» и «трисветлая». «Казанская история»: «орудие... непредкьновенно да исправится ему, ...да перестанут от ...туги» (118—119). «Плач» Ярославны: «тугою имь тули затче» (55). Перекликаются «тугою» — «от туги»; «тули затче» — «орудие... непредкьновенно» («заткнуть» и «предткнуть» — слова одного корня). В «Казанской истории»: «птицу борзолетную, глаголюще языком человеческим, да послю... ко отцу моему» (102). В «Слове»: «Полечю, рече, зегзицею... а быхъ не слала къ нему» (54—55). Перекликаются: «быхъ... слала къ нему» — «да послю ко отцу моему», «рече» — «глаголюще».

Сопоставления, а они не исчерпывающие, показали, что по меньшей мере 12 эпизодов «Слова о полку Игореве», в том числе почти все минорные эпизоды «Слова», отвергнутые «Задонщиной», отразились в «Казанской истории», чаще в 10 — 26-й главах и реже — в 40 — 84-й.

Теперь попытаемся выяснить, в каком виде «Слово о полку Игореве» было использовано автором «Казанской истории». Рассмотрим три варианта.

Первый вариант. Если бы автор «Казанской истории» пользовался непосредственно списком «Слова» или наизусть хорошо помнил его, то даже при переработке фразеология «Слова» отразилась бы обильно — как в «Задонщине». Кстати, именно так отразились другие памятники в «Казанской истории», в том числе древние — «Повесть временных лет», «Сказание о Борисе и Глебе», «Повесть о разорении Рязани Батыем» и др. Соответствующие отрывки узнаваемы. А вот «Слово»

⁹ Наблюдения над соответствующими параллельными местами «Слова о полку Игореве», «Задонщины» и «Сказания о Мамаевом побоище» см.: *Дмитриева Р. П.* 1) Взаимоотношение списков «Задонщины» и текст «Слова о полку Игореве». С. 205—206; 2) Приемы редакторской правки книгописца Ефросина (к вопросу об индивидуальных чертах Кирилло-Белозерского списка «Задонщины») // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. С. 287—288; *Творогов О. В.* «Слово о полку Игореве» и «Задонщина». С. 306; *Дмитриев Л. А.* Вставки из «Задонщины» в «Сказании о Мамаевом побоище» как показатели по истории текста этих произведений // Там же. С. 437—429; *Демкова Н. С.* Заимствования из «Задонщины» в текстах Распространенной редакции «Сказания о Мамаевом побоище» // Там же. С. 465—466.

отражено слишком бедно, скупо, дробно. Значит, автор «Казанской истории» не помнил «Слова» отчетливо, тем более не имел его текст перед собой.

Второй вариант. Если бы автор «Казанской истории» лишь смутно помнил когда-то читанное «Слово о полку Игореве», то он употреблял бы лишь отдельные яркие выражения, запавшие в память, но вряд ли отражал бы второстепенные элементы эпизодов. Однако многочисленные соответствия именно второстепенных элементов в эпизодах как раз типичны для «Казанской истории» и «Слова о полку Игореве», и связь текстов не похожа на результаты отдаленного припоминания.

Остается третий вариант. Автор «Казанской истории» мог не знать самого «Слова», а переработал не дошедший до нас памятник, отражавший «Слово о полку Игореве». Тогда в текст «Казанской истории» все-таки должны были проникнуть отголоски «Слова», но какие-то случайные, немотивированные, ослабленные и раздробленные: не эпизод в целом, а изолированные его части; не связанные выражения из эпизода, а цепочки отдельных слов, вероятно, так же, как отголоски «Слова» через «Задонщину» проникли в «Сказание о Мамаевом побоище».

Что это был за источник «Казанской истории»? Ничего определенного утверждать нельзя: он появился до 1564—1565 гг., времени создания «Казанской истории», использовал «Слово о полку Игореве», но не так, как «Задонщина», а до нас не дошел.

В научной литературе уже высказывалось предположение о недошедшем до нас сочинении конца XIV в., в котором использовалось «Слово о полку Игореве». А. А. Шахматов условно назвал этот памятник «Словом о Мамаевом побоище». Предполагается, что автором «Слова о Мамаевом побоище» являлся Софоний и что затем его сочинение было использовано «Задонщиной» и «Сказанием о Мамаевом побоище»¹⁰. Не это ли сочинение привлек и автор «Казанской истории»? Вопрос остается открытым.

Специальное исследование также потребует и для выяснения вопроса о влиянии собственно «Задонщины» на «Казанскую историю». Мы ограничимся только несколькими наблюдениями. В 59-й главе «Казанской истории» говорится: «И быша убиения человеческая велика, и кровми поляися варварская земля; блага, и дебри, и езера, и реки намостишася черемискими костми» (127). В «Слове о полку Игореве»: «Чръна земля подь копыты, костью была посеяна, а кровию поляна» (48). В «Задонщине»: «Черна земля под копыты, а костми татарскими поля насеяша, а кровию ихъ земля пролита бысть» (538, ср. 543, 549, 553). Есть это место и в некоторых списках «Сказания о Мамаевом побои-

¹⁰ См.: *Дмитриева Р. П.* Был ли Софоний Рязанец автором «Задонщины»? // ТОДРЛ. Т. 34. С. 18—25; *Шахматов А. А.* Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище». СПб., 1906 // Отчет о двенадцатом присуждении императорскою Академиею наук премий митрополита Макария в 1907 г. СПб., 1910. С. 180—192.

ще»¹¹. Обратим внимание на глагольные формы. Для «Слова о полку Игореве» индивидуально причастие «полянна». Для «Задонщины» в обоих изводах характерно иное причастие — «пролита». В «Сказании о Мамаевом побоище» изменения продолжились дальше — «улита», «льющесея», «льется». Глагол «полияся» в «Казанской истории» ближе всего к причастию «полянна» в «Слове о полку Игореве». Но в Кирилло-Белозерском списке «Задонщины» употреблена форма «кровьми полиано» (549) — форма, восходящая непосредственно к «Слову о полку Игореве» или же к архетипу «Задонщины»¹². Значит, полностью исключить влияние «Задонщины» все-таки нельзя.

В «Казанской истории» четырежды использовано место, соответствующее одному из начальных эпизодов «Слова» — о подготовке Игоря к походу. В 11-й главе сказано: «И наполнився всякого добра... и вознесся сердцем, и возгордесея умом... и крепости ему никакая имуща» (52—53). Соответствующий эпизод «Слова»: «истягну умь крепостию своею и поостри сердца своего мужеством, наплньнися ратного духа» (44). То же в «Задонщине»: «истезавше ум... крепостью и поостриша сердца... и наполнися ратного духа» (536, ср. 541, 548, 551). В «Сказании о Мамаевом побоище» нет этого места. Однако точно определить, «Слову» или «Задонщине» соответствует «Казанская история», трудно.

В 10-й главе «Казанской истории» употреблены следующие выражения: «Он же... ожесточив сердце свое... и господином называше великаго князя... надеяся на Бога и на... умение свое ратное» (52). «Задонщина»: «помолися Богу... и поостриша сердца свои... и наполнися ратного духа, ... и помянуша... великаго князя» (536, ср. 541, 547, 548, 551). Соответствия: «помолися Богу» — «надеяся на Бога», «помянуша... великаго князя» — «называше великаго князя». В данном случае «Казанская история», пожалуй, ближе к «Задонщине», чем к «Слову о полку Игореве».

Затем, в главе 77-й «Казанской истории» читаем: «послужите... всею крепостию вашею... и поминаеми будут» (148). В «Слове»: «истягну умь крепостию своею» (44). Однако и здесь у «Казанской истории» больше соответствий с «Задонщиной»: «истезавше... крепостью... и помянуша» (536, ср. 541, 548, 551).

¹¹ Наблюдения над соответствующими местами в «Слове о полку Игореве», «Задонщине» и «Сказании о Мамаевом побоище» см.: *Дмитриева Р. П.* Взаимоотношение списков «Задонщины» и текст «Слова о полку Игореве». С. 230—231; *Творогов О. В.* «Слово о полку Игореве» и «Задонщина». С. 302, 327; *Дмитриев Л. А.* Вставки из «Задонщины» в «Сказании о Мамаевом побоище»... С. 414, 438; *Демкова Н. С.* Заимствования из «Задонщины» в текстах Распространенной редакции «Сказания о Мамаевом побоище». С. 465—466.

¹² См.: *Дмитриева Р. П.* Взаимоотношение списков «Задонщины» и текст «Слова о полку Игореве». С. 210—237, 242—263; *Творогов О. В.* «Слово о полку Игореве» и «Задонщина». С. 302—312.

Наконец, в 80-й главе «Казанской истории» встречается еще одно выражение из того же эпизода: «воеводы великаго полка... наполнишася духа храбра... Царь же ярости наполнися... вопияше воеводам» (150). В «Слове»: «наплънився ратнаго духа» (44). «Задонщина»: «и наполнися ратнаго духа, уставиша собе храбрья воеводы» (536, ср. 541, 548, 551). Соответствие как будто в пользу «Задонщины»: только «Задонщина» и «Казанская история» упоминают здесь воевод.

Приведенные отрывки из «Казанской истории» больше тяготеют к «Задонщине», чем к «Слову». Однако лексические соответствия «Задонщины» настолько дробны, что воздействие на «Казанскую историю» сомнительно. Вероятно, они восходят к общему источнику — не к сочинению ли Софония?

Опыт показывает, что небезнадежны поиски прямых и опосредствованных отражений «Слова о полку Игореве», а также сочинения Софония и «Задонщины» и «словоподобных» включений «Сказания о Мамаевом побоище» в памятниках XIV—XVII вв., однако отражения эти сильно измельчены и рассыпаны, иногда до неузнаваемости¹³.

В XV—XVI вв. литературно-эклектическая работа с чужим словом и чужими сочинениями велась с небывалым и все нараставшим, даже государственным размахом: переработка житий в стиле «плетения словес», широкое использование древних произведений, в том числе «Повести о разорении Рязани Батыем»¹⁴, литературно-фразеологические мозаики «Сказания о Мамаевом побоище» и «Казанской истории», своды литературных материалов, включая «Великие миней четьи» митрополита Макария и «Степенную книгу», начало «книжной справы» в «Апостоле» Ивана Федорова, окнижничество Ермолаем-Еразмом легенды о Петре и Февронии и пр. Тип традиционного литературного творчества главенствовал в литературе при всем разнообразии и даже противоположности идей у книжников.

1990 г.

¹³ Ср.: Дмитриев Л. А. Реминисценция «Слова о полку Игореве» в памятнике новгородской литературы // Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. М., 1976. С. 50—54; Демин А. С. «Слово о полку Игореве» и предисловие к «Хронографу» 1641 г. // «Слово о полку Игореве». Памятники литературы и искусства XI—XVII вв. М., 1978. С. 87—94; Рождественская М. В. Об одной записи к «Зерцалу богословия» Кирилла Транквиллиона // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 190—194. Надо бы проверить «Хронограф 1512 г.» и так называемые западнорусские летописи.

¹⁴ См.: Лихачев Д. С. Литературная судьба «Повести о разорении Рязани Батыем» в первой четверти XV в. // Он же. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 264—280.

2. «СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» И ПРЕДИСЛОВИЕ К «ХРОНОГРАФУ» 1641 г.

Традиционный тип литературного творчества продолжал активно существовать и в XVII в., ведь и тогда с размахом перерабатывались древние источники. Вот пример.

Круг текстов, косвенно связанных со «Словом о полку Игореве», неожиданно пополнился еще одним сочинением. Речь идет о предисловии к «Хронографу» 1641 г. (РГБ, собрание Музейное, № 7751).

Этот «Хронограф» особого состава поступил в РГБ в 1927—1937 гг.¹ и, следовательно, известен ученым давно. Предисловие составителя к огромной рукописи привлекалось для точной атрибуции: составитель, он же писец, сообщил, что зовут его Федот, по-гречески Феодотиос, или Федоттос, и что писал он книгу в августе 1641 г.

При более внимательном чтении предисловия Федота одно место сразу заставляет вспомнить о вступлении к «Слову о полку Игореве».

Вот этот текст: «Давыду убо сыну Осееву некогда пасущу овцы отца своего, и сотворивъ себе гусли, и накладая на многогласныя струны свои многоочитыя персты, и ударяя в них своими персты, и испущаху многоразличныя гласы. Немысленнии ж скоти приходяще и слушающе. Мы ж ныне приемлемъ чисту бумагу, и накладаем пером и черниломъ слаганием четыре десятых писмен древняя деяния и повести рода человека, и устрояем, аки на гуслех, струны, и, егда устроятся сия духовныя гусли или орган, и начнем играти, накладая очитыя персты на чернилныя струны. Устне бо движа, языком со гласом своим яко же бряцалом бряцаше, и громогласно звеняше, и прочим человекомъ в слухи преподавая бытειαкия деяния истории сия. И егда ж Давыду над Саулом в гусли гудяше, и отгоняя от Саула давившему его духу нечистому. Егда ж и мы начнем в сия духовныя гусли или орган играти или пети и Бога хвалити, и начнут и от нас отбегати беси и нечистыя мысли. И тако пояше Давыдъ в гуслехъ и органехъ своих, хваляще Бога...» (л. 4). Далее следует длинная молитва Давида, уже ничем не напоминающая о «Слове о полку Игореве».

Цитированный отрывок, несомненно, не является плодом только самостоятельного творчества Федота, но восходит к каким-то источникам. Весь «Хронограф» 1641 г. — большая компиляция, что подчеркнул сам составитель: «Аз же недостойный Феодотиос елико во многоиспытном трудолюбстве своем снисках древних историк историй и святых философ собрати, и вся совокупих зде воедино, и извещена бысть сия история многими книгами» (3 об.); «то же слагаем, аще где видим» (25 об.).

¹ См. машинописное описание рукописи: Музейное собрание, фонд 178. Русская (и славянская) часть. Опись. М., 1969. Т. 4. С. 404—408.

Компилятивно и все предисловие Федота. Оно состоит из пяти частей, четко выделенных составителем. В первой части Федот рассказывает об обстоятельствах создания рукописи, используя при этом одно из старых предисловий к «Хронографу»². Во второй части он сравнивает свой труд с игрой Давида на гуслях, коротко излагая хронографическую и библейскую историю о Давиде и больном Сауле³, и приводит молитву Давида — из «Псалтыри». В третьей части составитель воссылает моления к Богу, а в четвертой упрощает читателей о снисхождении — в традиционной манере книжных предисловий и послесловий. Наконец, пятая часть представляет собой обычный колофон, называющий время написания рукописи и имена писца и заказчика.

Откуда же Федот во второй части своего предисловия мог заимствовать знаменитый мотив наложения перстов на струны? Отрывок, трижды повторяющий фразу о наложении перстов на струны, уже не связан с хронографическим и библейским рассказом о Давиде и Сауле. Этот мотив содержат, насколько мы знаем, четыре древнерусских произведения: «Сказание о составлении Псалтыри Давидом»⁴, «Слово о Лазаревом воскресении», «Слово о полку Игореве» и «Задонщина». Каков же был источник данного отрывка в предисловии Федота?

Небольшое «Сказание о составлении Псалтыри Давидом» переписано Федотом как одна из глав «Хронографа». Однако само «Сказание» вряд ли послужило непосредственным источником Федоту, ибо в «Сказании» говорится о наложении перстов на струны совсем по-иному: у Давида «бъаше убо десная убо рука бряцало обращает, левая ж свыше персты прелагаше и осязаше струны» (цитируем по «Хронографу» Федота, 411—411 об.).

Можно утверждать лишь, что в источнике Федота были элементы, сходные со «Сказанием о составлении Псалтыри». Федот написал: «...яко же бряцалом бряцаше». А упоминание «бряцала» — в связи со струнами — встречается только в «Сказании о составлении Псалтыри» и нигде больше.

Наиболее же интригующие фразы в послесловии Федота — «... и накладая на многогласныя струны свои многоочитыя персты», «накладая очитыя персты на чернильныя струны» — оказываются ближе всего к соответствующему вступ-

² Ср., например, текст предисловия начала XVI в. по «Хронографу» РГБ, собрание Румянцева, № 454 // *Востоков А.* Описание русских и словенских рукописей Румянцовского музея. СПб., 1842. С. 734—735.

³ Ср. в том же «Хронографу» Федота главу «О пришествии Давида к Саулу»: «И реша отроцы Сауловы к нему: Се ныне дух лукавый от господа давит тя. Да идем и възыщем господину нашему мужа ведуща в гусли пети. И внегда будет дух лукавый на тебе, и тогда да поет в гусли своя... И егда бияше Саула дух нечистый, и приимаше Давыд гусли рукама своима и пояше...» (394). Эта история повторно рассказывается на л. 397, 397 об., а также «От книги Криницы»: «...егда гудяше дух злый на Сауле, и приим Давыд гусли, воспеваше, и отступаше от него злой дух» (404).

⁴ На это сочинение указала мне Г. Н. Моисеева. Текст см., например: *Пам'ятки українсько-руської мови і літератури.* Львів, 1896. Т. 1. С. 274.

лению в апокрифическом «Слове о Лазаревом воскресении», притом в его более поздней, пространной редакции: «... накладая очитыя персты на живыя струны»⁵. Здесь совпадают две особенности: слово «накладая» и слово «очитыя», которые вместе больше нигде не встречаются. В ранней, краткой редакции «Слова о Лазаревом воскресении», в «Слове о полку Игореве» и в «Задонщине» певец не «накладает», а «воскладает» персты, и не «очитые», а «вещие», «живые», «гораздые», «златые» и т. п.⁶

И все-таки нельзя считать вступление к поздней, пространной редакции «Слова о Лазаревом воскресении» источником предисловия Федота к «Хронографу». Больше никаких специфических сходств между ними нет. Очевидно, в источнике Федота была фраза о наложении перстов на струны, подобная вступительной фразе «Слова о Лазаревом воскресении».

Отсюда следует, что в неведомом нам источнике Федота объединялись черты «Сказания о составлении Псалтыри» и «Слова о Лазаревом воскресении». И, действительно, в анализируемом отрывке предисловия Федота присутствует деталь, характерная только для «Сказания о составлении Псалтыри» и «Слова о Лазаревом воскресении». Федот пишет, что Давид накладывал персты на струны, «ударяя в них своими персты». Эту деталь упоминает «Сказание о составлении Псалтыри»: Давид осязает струны, «ударяя псалтырь» (псалтырью здесь называется музыкальный инструмент типа гуслей, 411 об.). Сходную деталь видим в «Слове о Лазаревом воскресении»: «Удари бо Давид в гусли, въскладывая прьсты своа на живыя струны...»⁷.

Примечательно, что Давид ударяет в гусли только в ранней, краткой редакции «Слова о Лазаревом воскресении»; поздняя пространная редакция об этом умалчивает. Следовательно, Федот обращался к источнику, в котором, наряду с элементами «Сказания о составлении Псалтыри», наличествовали фразы, сходные со вступительными фразами обеих редакций «Слова о Лазаревом воскресении».

⁵ Ср. тексты апокрифа по двум спискам пространной редакции: *Рождественская М. В.* «Слово о Лазаревом воскресении». (Характеристика редакций) // ТОДРЛ. Т. 24. С. 67; *Порфирьев И. Я.* Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. СПб., 1890. С. 229.

⁶ Правда, слово «накладывая» встречается еще в двух случаях. В особом для ранней редакции списке «Слова о Лазаревом воскресении» (БАН 32.2.22): «... накладывая многочестныя персты на живыя струна». В списке «Задонщины» (ГИМ, собрание Синодальное, № 790): «... буиныя накладывает свои белыя руцы на злотыя струны». Однако это сходство, единичное, не такое полное по языковой форме, могло возникнуть случайно. Издания текстов см.: *Рождественская М. В.* К литературной истории текста «Слова о Лазаревом воскресении» // ТОДРЛ. Т. 25. С. 59; Тексты «Задонщины» / Подгот. Р. П. Дмитриева // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла: К вопросу о времени написания «Слова». М.; Л., 1966. С. 554.

⁷ *Рождественская М. В.* К литературной истории текста «Слова о Лазаревом воскресении». С. 53.

Самое ценное для нас в предисловии Федота заключается в том, что между данным отрывком Федота и началом «Слова о полку Игореве» наблюдается ряд словесных соответствий вокруг текста о наложении перстов на струны. У Федота: «... и сотворишь себе гусли ... и испущаху многоразличныя гласы ... четыре *десятых* писмен древняя деяния и повести... и начнем играти ...». Во вступлении «Слова о полку Игореве»: «... *начати старыми* словесы трудныхъ повестий ... *песнь творити* ... Тогда *пущаешь* 10 соколовъ ... Почнемъ же, братие, *повесть* сию отъ *старого* Владимирера ...»⁸.

Точки соприкосновения предисловия Федота и вступления к «Слову о полку Игореве» довольно слабы, но вряд ли случайны. Ведь только два эти произведения, прибегая к образу перстов, налагаемых на струны, используют в ближайшем контексте такие слова, как «творити», «пущати», «десять», «начати», «повести», «древний» или «старый».

Более того. Еще два места в истолковании Федотом метафоры о наложении перстов на струны могут быть связаны со «Словом о полку Игореве». Федот пишет: «... бряцалом бряцаше и громогласно *звеняше*...». Нечто отдаленно похожее ощущается именно в начале «Слова о полку Игореве» (а вслед за «Словом» и в «Задонщине») при цитировании песни Бояна: «... *звенить* слава ... трубы трубять ...»⁹. В «Сказании о составлении Псалтыри» инструмент не звенит, а «звяцает»: «... стройне звяцаю ...» (411 об.). А в «Слове о Лазаревом воскресении» не упомянуто ни звона, ни звяцания.

Другая параллель. Федот употребляет эпитет «несмысленный»: «*Несмысленнии ж скоти приходяще и слушающе*». И в этой фразе замечается словесная и смысловая переключка с одним из мест «Слова о полку Игореве», и только его: «Всеславъ князь ... *влькомъ* путь *прерыскаше* ... *звонъ слыша* ... Тому вещей Боянь ... *смыслены* рече ...»¹⁰. «Несмысленнии» — «смыслены», «слушающе» — «слыша», «скоти» — «влькомъ», «приходяще» — «путь прерыскаше».

Разумеется, предисловие Федота не восходило прямо к «Слову о полку Игореве». Однако в источнике Федота некие отголоски, сходные именно со «Словом о полку Игореве», когда оно поминает Бояна, явно были.

Таким образом, таинственный источник, которым пользовался Федот и откуда он заимствовал метафору о наложении перстов на струны, объединял элементы «Сказания о составлении Псалтыри», элементы вступления к обоим редакциям «Слова о Лазаревом воскресении» и элементы, по крайней мере, вступления к «Слову о полку Игореве». Переосмысляя и поясняя по-своему старинную метафору, Федот еще больше перемешал все эти элементы.

⁸ Слово о полку Игореве / Изд. подгот. Л. А. Дмитриев и Д. С. Лихачев. Л., 1967. С. 43—44.

⁹ Там же. С. 44.

¹⁰ Там же. С. 54.

Больше ничего определенного об источнике Федота сказать пока нельзя. Не ясно и то, как появились отмеченные элементы в источнике Федота: но не обязательно из «Слова о полку Игореве» и прочих названных памятников. Более вероятно, что источник Федота, повествуя о царе Давиде, донес древнюю традицию сопоставлять сочинителя с певцом, налагающим персты на струны, а эта древняя традиция влияла в свое время и на «Слово о полку Игореве», и на «Слово о Лазаревом воскресении». Тут требуются дальнейшие поиски, и предисловие Федота к «Хронографу» 1641 г. позволяет наметить конкретные их пути.

Во-первых, крайне необходимо провести текстологическое исследование неизученного «Сказания о составлении Псалтыри Давидом», которое использовалось в качестве предисловия к «Псалтыри», включалось в «Хронографы» и иные сборники. «Сказание», вероятно, поможет проследить истоки вступления к «Слову о полку Игореве» и к «Слову о Лазаревом воскресении».

Во-вторых, полезно обратить внимание на рукописи, писанные в Великом Устюге и окружающем районе. Дело в том, что «Хронограф» 1641 г., по сообщению Федота в предисловии, был составлен им и написан для великоустюжского купца Ивана Якимова Усова-Грудцына: «... повелением Ивана Якимова, от человек звателна по нарекованию Усова и Грудцына» (5 об.)¹¹. И хотя престарелого Федота застали «в некоей веси малолюдной и неисходна за многолетнюю старость», но затем он был приглашаем к «оному же прежереченному купцу» и почитаем на его «многобогатых трапезах» (2—2 об.). Значит, в районе Великого Устюга в первой половине XVII в. имелись рукописи, сохранявшие косвенную связь со «Словом о полку Игореве».

В-третьих, желательно обнаружить конец «Хронографа» Федота, где могут оказаться важные дополнения и послесловие составителя. До нас дошла только первая книга. Это видно из оглавления, доводящего изложение до присылки ризы Христовы от персидского шаха Аббаса к царю Михаилу Федоровичу. Книга же обрывается на древнем Ромодане Дарии Персидском. Искать пропавший второй том целесообразней в РГАДА, ибо на форзаце первой книги наклеен экслибрис: «Государственного древлехранилища памятники письменные. 5-й отдел, рубрика II, № 40»¹²; а на л. 298 об.—304 первой книги сделана запись: «Москов-

¹¹ О Иване Якимове Усове-Грудцыне см.: *Скритиль М. О. Повесть о Савве Грудцыне* // ТОДРЛ. Т. 2. С. 193; *Бакланова Н. А. К вопросу о датировке «Повести о Савве Грудцыне»* // ТОДРЛ. Т. 9. С. 445, 448. Нельзя ли поставить вопрос о литературном меценатстве семьи Грудцыных-Усовых в Великом Устюге?

¹² РГАДА, фонд 135, Государственное древлехранилище хартий и рукописей. Ср. также многочисленные «Хронографы» в фонде 181 Рукописного отдела библиотеки Московского Главного архива Министерства иностранных дел. См.: *Шумилов В. Н. Обзор документальных материалов Государственного архива древних актов СССР по истории г. Москвы с древнейших времен до XIX в. М., 1949. С. 49.*

ского Главного архива Министерства Иностранных дел. К. М. Оболенский»; или же искать в собраниях РГБ.

Но и первая книга «Хронографа» Федота добавляет новые подтверждения неодинокости «Слова о полку Игореве» в литературе Древней Руси, особенно в условиях господства традиционного типа литературного творчества.

1978 г.

3. «ЗАДОНЩИНА» В СБОРНИКЕ СЕРЕДИНЫ XVII в.

Зададим такой вопрос: как в XVII в. книжники относились к «Задонщине», памятнику XIV—XV вв., в котором отразилось «Слово о полку Игореве»? В качестве примера внимательно рассмотрим один сборник повестей, который содержит и «Задонщину»¹. Любопытной (и до сих пор не замеченной исследователями) особенностью сборника, писанного одним почерком середины XVII в., является повторение сходных фраз и выражений в «Задонщине» и в окружающих ее повестях. Отчасти такие повторения можно объяснить тем, что переписчику нравилось возвращаться к одним и тем же штампам воинских повестей. Например, выражение «сечь без милости» писец повторял в различных повестях; в «Задонщине»: «и нача их ... сечи горазно без милости» (188 об.); в «Повести о Давиде и Соломоне» перед «Задонщиной»: «... секите ... милости не кажите» (158 об., 163 об.); в «Повести о Дракуле»: «... нача их без милости сечи» (275 об.). То, что редактор или писец данного сборника любил вставлять воинские формулы, подтверждается не менее любопытной деталью: во всех прочих списках «Задонщины» нет этого выражения «сечь без милости».

С текстологической точки зрения, очевидно, нельзя доверять древности текста «Задонщины» в сборнике Ундольского № 632, хотя слой возможных переделок и добавлений XVII в. еще предстоит выяснить из перекрестных сопоставлений «Задонщины» и повестей. С точки зрения же стилистической знаменателен сам факт сходства фраз: независимо от того, добавлял или нет что-либо писец в «Задонщину», он прежде всего ценил в ней отдельные формулы и выражения, в то время как цельный смысл памятника для писца не был достаточно вразумительным².

¹ РГБ, собрание Ундольского, № 632. Полное описание сборника см.: Орлов А. С. Исторические и поэтические повести об Азове: (взятие 1637 г. и осадное сидение 1641 г.). Тексты. М., 1906. С. 12—13. «Задонщина» и другие произведения цитируются непосредственно по этому сборнику, листы указываются в скобках, орфография упрощена.

² Характерна здесь описка, так сказать, воинского содержания. Певец воскладал персты не на струны, а на струпы: «...воскладоша горазныя своя персты на живыя струпы» (172).

Наше предположение о подходе книжника середины XVII в. к «Задонщине» как к своего рода вместилищу эффектных формул и выражений укрепляется, если присмотреться к сходным фразам в «Задонщине» данного сборника и в окружающих ее повестях того же сборника. Оказывается, что в подавляющем большинстве выражения эти взяты именно из «Задонщины» и перенесены в окружающие повести. Приведу некоторые примеры в порядке следования повестей в сборнике.

Сборник Ундольского № 632 начинается с «Повести о взятии Царьграда турками», далеко отстоящей от «Задонщины» в сборнике, но тем не менее уже как будто имеющей вкрапления из «Задонщины» по списку Ундольского же. Чудно называется в «Повести» византийский царь, — по имени и отчеству. В этом списке «Повести» мы встречаемся «с православным царем Костянтином Ивановичем» (10). Сразу вспоминается аналогичное именование героев «Задонщины», среди которых главный герой тоже «Иванович», — великий князь Дмитрий Иванович. В том, что «Иванович» навеян «Задонщиной», окончательно уверяемся из конечной части «Повести»: «Тако страда благоверный царь Костянтин Ивановичь за Божия церкви и за православную веру християньскую» (65 об.). Это же рефрен из «Задонщины», сходный в своем последнем повторении в «Задонщине» с приведенной выше цитатой из «Повести»: «И рече князь великийи Дмитрии Ивановичь: «... положили есте головы своя за святыя церкви, за землю за Рускую и за веру крестьяньскую» (193—193 об.).

Еще одно выражение в списке «Повести»: «... и страшно и грозно слышати ... и падаху с высоты ... дрeвеса» (27 об.—28). Ср. в «Задонщине»: «... и страшно и грозно и жалостно слышати ... а дрeвеса туюю к земли приклонишася» (184). Здесь совпадают не только сами словосочетания, но и сходятся соседствующие упоминания о «древесах». По всей вероятности, уже начиная сборник, при переписке «Повести» писец (или его предшественник) то тут, то там использовал фразы из «Задонщины».

В трех последующих повестях заметных заимствований из «Задонщины» нет, но кое-что, обычно в концовках повестей, все-таки напоминает об этом произведении. Например, «Повесть о Григории папе римском» неожиданно заканчивается следующим обращением к «братии»: «Се же бысть нам, братие, на ползу всем слышашим» (99). Конечно, необходимо знать историю текста повести, прежде чем считать слово «братие» занесенным из «Задонщины». Но на перенос очень похоже: нигде больше в сборнике «братия» не присутствуют. В следующей за «Повестью о Григории» «Повести о Дмитрии Басарге и сыне его» концовка опять заставляет припомнить «Задонщину». Герой назван по отчеству: «... вси кликнуша от млада и до велика: “Много лет государю нашему новому царю богом венчанному Дмитреевичю!..”» (118). Интересно, что этого царя «Дмитреевича», то бишь малолетнего сына купца Дмитрия Басарги,

только что величал его отец редким эпитетом, взятым из «Задонщины»: «...чадо мое поломянное» (105). Ср. «Задонщину»: «поломянные вести» (185). А сын Басарги все призывал, «чтобы ся вам, крестьяном, поганой не смеялся» (111, 112, 113 об.). Ср., как в «Задонщине» Дмитрий Иванович говорит: «... ни да посмеют ми ся враги моя мне» (187 об.). Так что, хоть и слабое, влияние «Задонщины» чувствуется в данной части сборника.

Чем ближе в сборнике к «Задонщине», тем больше выражений из нее проникает в окружающие повести. «Повесть об Акире Премудром» и «Повесть о царе Давиде и сыне его Соломоне» в сборнике примыкают к «Задонщине» и явно оказываются в сфере ее фразеологического влияния. Укажу лишь на самые крупные соответствия. В «Повести об Акире» читаем необычный для повести отрывок «воинского» содержания: «... повеле отроком своим седлать коней быстрых и приготовить пардугов борзых и повеле отроком своим на себя воскладовать златокованные доспехи, и потом скоро поиде ...» (125, то же 136). Подобная схема изложения, — «седлать коней — иметь доспехи — выезжать», встречается в «Задонщине»: «...громят удалцы руские злачеными доспехи ... Седлаи, брате Андреи, свои доброй конь ... выедем» (177). Причем, сочетание «кони — доспехи» в «Задонщине» повторяется не раз: «... а под собою имеем добрые кони, а на собе злаченыи доспехи» (180—180 об.), «поскакивает на своем добре коне, а злаченым доспехом посвельчивает» (183). «Златокованные доспехи» в этом месте «Повести об Акире» (еще однажды — «златокованные» пояса — 129) находят аналогию в часто упоминаемых «злаченых доспехах» «Задонщины», а также в — «окованные рати» (177, 180, 190 об.). Редактор «Повести об Акире», несомненно, пересказывал здесь выражения из «Задонщины». Еще о пересказе фраз из «Задонщины» свидетельствуют, возможно, выражение в «Повести» — «... возверзи на Господа печаль свою» и концовка: «Слава совершителю Богу. Акиру премудрому похвала и слава добрая во веки, и дослужился чести по-прежнему...» (142). Ср. в «Задонщине»: «... возверзем печаль на восточную страну в Симов жребии и воздадим ... великому князю Дмитрею Ивановичю похвалу ...» (171—171 об.); «похвала», «слава» и «честь» в «Задонщине» поминаются неоднократно; последние слова «Задонщины» по списку Ундольского: «... а чести есми, брате, добыли и славного имени. Богу нашему слава» (193 об.). Использование элементов «Задонщины» в «Повести об Акире» в рассматриваемом сборнике представляется очень вероятным.

В «Повести о Давиде и Соломоне» также немало возможных вставок из «Задонщины». Например, в «Повести» Соломон велит: «... в кой час труба вострубит, и вы седлайте добрых коней» (168—168 об.). В «Задонщине» же Дмитрий Ольгердович распоряжается, когда «трубы трубят»: «... стук стучит, а гром гремит... седлаи, брате Андреи, свои доброй конь» (176 об.—177).

Сходство фраз налицо и, судя по приведенному и по последующим примерам, оно идет именно от «Задонщины» к «Повести». Вот фраза из «Повести»: «... и узрил ясных соколов и белых кречат, то ти своих силных воевод» (163 об.). Здесь использованы из «Задонщины» не только сравнение, но и характернейший оборот «то ти»: «... соколы и кречаты за Дон борзо перелетели..., то ти наехали русские князи» (180 об.—181). Слова Соломона — «в животе меня не будет» (158 об.—159) — восходят к плачу жен в «Задонщине» о мужьях, которых «в животе нету» (185). Соломон обращается к войску: «... простите меня и благословите. — А сам царь Соломон пошел во царство ...» (159). И это место в «Повести» пересказывает «Задонщину», когда Дмитрий Иванович говорит войску: «... простите мя, братия, и благословите в сем веце и в будущем. И поидем ... во свою Залескую землю» (193 об.). Даже отрывок из «Повести», который я уже цитировал, возводя к формуле воинских повестей, все-таки ближе всего оказывается к «Задонщине», помещенной в данном же сборнике. В «Повести»: «... секите и топчите, живота не давайте, милости не кажите, поворотите свирлу к земли» (163 об., ср. 158 об.). В «Задонщине»: «... вспять поворотили, и нача их бусорманов бити и сечи горазно без милости» (188 об.). То есть только в этих двух произведениях находим индивидуальное сочетание «сечь без милости, поворотити», сочетание, вернее всего, появившееся в «Повести» под воздействием «Задонщины». Не буду перечислять более мелких и менее ясных случаев пересказа редактором сборника фраз из «Задонщины» в «Повести о Давиде и Соломоне». Пристрастие редактора к своего рода «обкатке» фраз и выражений, запомнившихся из «Задонщины», кажется почти несомненным.

После «Задонщины» в сборнике степень ее фразеологического воздействия на тексты падает. В начале «Повести о Темир-Аксаке», переписанной в сборнике непосредственно за «Задонщиной», еще можно найти несколько случаев возможного использования фразовых схем «Задонщины». Самое интересное совпадение таково. В «Повести» великий князь Василий Дмитриевич «пойде с Москвы к Коломне ... ста на брезе у реки Оки» (200 об.). В «Задонщине»: «... на Москве кони ржут ... в трубы трубят на Коломне ... стоят стязи у Дунаю великого на брезе» (173 об.—174). Повторяется схема: Москва — Коломна — «на брезе». Не воздействие ли тут «Задонщины» на «Повесть»? Тем более, что рассуждение о Темир-Аксаке, который «хотел взяти Рускую землю ... и проиде всю орду свою земли татарские», и сопоставление Темира с Батыем (200—200 об.) весьма напоминают слова «Задонщины» о татарах, которые «хотят проити воюючи всю Рускую землю» (178), и такое же сопоставление Мамаю с Батыем (190 об.—191).

В последних повестях сборника следы влияния «Задонщины» единичны. Так, в «Сказании о Вавилонском царстве» попадает уже отмеченный нами

эпитет «златокованный»: «... и убрався царь во свои златокованныи царьскийи воиньскийи брони» (221—221 об., еще 226). В «Повести об Азовском взятии» часто употребляется формула «под меч клонити», возможно, взятая из «Задонщины». Ср. в «Повести»: «... православное християнство под мечь клониша» (234, 241, 244, 245 об., 248, 253); в «Задонщине»: татары «главы своя подклониша под мечи руские» (190). С «Задонщиной», быть может, перекликается и концовка «Повести»: «... сия написахом впред на память ... и в похвалу...» (255); ср. в «Задонщине»: «... списах жалость и похвалу» (171). Наконец, два места, сходные с «Задонщиной», обнаруживаются в «Повести о двенадцати снах царя Мамера», завершающей сборник. Первый сон Мамера толкуется как зловещее предзнаменование: «... и пролиется кров человеческая» (302 об.); ср. сходное предзнаменование в «Задонщине»: «... пасти трупу человеческому ... пролитися крови» (177 об.). В шестом сне Мамера появляются «крегчущие» зубами персонажи: «... а иные зубы своими крехчют» (308); ср. татары в «Задонщине»: «... скрегчюще зубами своими» (189).

Конечно, не все факты фразеологического сходства «Задонщины» и повестей в сборнике Ундольского правомерно толковать как влияние непосредственно «Задонщины» на окружающие тексты: например, выражение «зубы скрегчюще» употреблялось в «Паренесисе» Ефрема Сирина, в «Слове о трех мнисех» и других памятниках и могло быть использовано «Повестью о двенадцати снах Мамера» и «Задонщиной» независимо друг от друга. Однако в целом можно не сомневаться в воздействии «Задонщины» на списки повестей в рассмотренном сборнике; а отсюда можно думать, что книжник, он же и писец сборника (или его протографа) в особенности ценил в «Задонщине» отдельные фразы и выражения и эти запавшие в память фразеологические «кирпичики» разносил и пересказывал по текстам своего сборника, притом в разные повести вносил разное; а чем ближе к «Задонщине», тем гуще.

Формально-фразеологический подход книжника к переписываемым текстам заметен и на примере других повестей сборника, таким образом, взаимодействовавших друг с другом. «Задонщина», в свою очередь, также не избежала их обратного влияния. Напомню о странном и до сих пор недостаточно объясненном месте в тексте «Задонщины» по сборнику Ундольского: «... Руская земля, то первое еси как за царем за Соломоном побывала» (178 об.). При чем тут царь Соломон? Упоминание о Соломоне проникло, вероятно, из примыкающих к «Задонщине» в данном сборнике и часто поминающих Соломона «Повести о царе Давиде и сыне его Соломоне» и двух статей о Соломоне. Или еще одно индивидуальное чтение «Задонщины» в сборнике Ундольского: «... Уподобился еси милому младенцу у матери своеи» (191 об.). Вероятно, имеется в виду великий князь Дмитрий Иванович (в рукописи написано под

титлом — «млдцу» — и может быть прочитано и как «молодцу»). Этой фразой «Задонщина» связывается с предшествующими ей в сборнике повестями, почти все из которых рассказывают о «детищах» — молодцах, добившихся высшей чести после тяжких несчастий. Прочитанное, вероятно, имело большую власть над книжником-писцом сборника и отзывалось иногда в неожиданных местах. Недаром в «Задонщине», притом только в сборнике Ундольского, писец пояснил, что он «восписах ... прочее от кних приводя» (171), то есть, как можно понять, что-то «приводил» из других сочинений³. Книжник середины XVII в. растаскивал «Задонщину» на «кирпичики», одновременно вставляя иные «кирпичики» и в нее. Да и в пределах «Задонщины» по списку Ундольского сильно чувствуются повторы и пересказ одних и тех же выражений. Таков дробяще-фразеологический подход к древнему памятнику, своего рода практическая филология — изощренное проявление традиционного литературного творчества, заходящего далеко в XVII в.

1976 г.⁴

³ Под «книгами» могли пониматься сочинения, произведения. См.: *Творогов О. В.* О композиции вступления к «Задонщине» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла: К вопросу о времени написания «Слова». М.; Л., 1966. С. 531.

⁴ Работа до сих пор не публиковалась.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗНАЧЕНИЕ СТАРОПЕЧАТНЫХ КНИГ XVI—XVII вв.

1. ПРЕДИСЛОВИЯ ФРАНЦИСКА СКОРИНЫ К БИБЛЕЙСКИМ КНИГАМ — ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЦИКЛ

Для характеристики типов древнерусского литературного творчества полезен выход за «русские» пределы к жанровым или иным литературным предшественникам вне Руси. А непосредственный славянский предшественник русских первопечатников — Франциск Скорина.

В данной работе говорится о предисловиях Франциска Скорины в составе «Бивлии русской» 1517—1519 гг., — самых ранних, но и самых многочисленных произведениях в скорининском наследии. До сих пор исследователи лишь чисто практически (при обзорах того или иного рода) подходили к предисловиям в «Бивлии русской» как к некоему единству, но специально их поэтикой занимались редко. Издание предисловий и послесловий Скорины отдельной книгой в 1969 г. могло подтолкнуть исследователей к новому подходу, однако быстро этого не произошло, и, пожалуй, впервые лишь в 1985 г. В. Дышиневич продемонстрировала осознанное отношение к предисловиям в «Бивлии русской» как к относительно самостоятельному литературному целому¹. В предлагаемой же ныне работе такой подход продолжен, сделана попытка определить сложную литературную форму, которую, как мне представляется, образовали все вкупе предисловия Скорины в «Бивлии русской».

25 предисловий «Бивлии», с одной стороны, отличаются от массива ветхозаветных текстов, которым они предпосланы², а, с другой стороны, предисловия текстуально связаны между собой. Их объединяет целый ряд сквозных тем и мотивов (отнюдь не сквозных для книг Ветхого Завета). Это темы мудрости, разума и науки (в смысле «научения»). Соответствующие высказывания и формулы, как нетрудно убедиться, переходили из предисловия в предисловие в порядке их издания Скориной. Не стану анализировать все оттенки смысла, которые Скорина вкладывал в эту фразеологию: в данном случае важно уже само ее повторение. Итак, «мудрость», «наука», «добрые обычаи», «разум» и пр.; раньше всех предисловие к «Псалтыри» объясняло, что «притчи ... пре-

¹ Дышиневич В. Н. Аб крыніцазнаўчым аналізе спадчыны Ф. Скарыны // Весці Акадэміі навук БССР: Сэрыя грамадскіх навук. Мінск, 1985. № 3. С. 89—97.

² Ср. одно из высказываний о скорининских предисловиях: «Содержание этого «обрамления» чаще всего не имеет с текстом Священного Писания ничего общего» (Владимировас Л. И. Франциск Скорина — первопечатник вильнюсский // Кнуготуге: Книговедение. Vilnius, 1979. (7) 14. С. 15).

мудрых учителей добрых обычаев... наставляють» и что это «початок всякое доброе науки»³. Затем предисловие к «Притчам Соломона» призывало «имети добрые обычае и познати мудрость и науку» (22). Вслед за тем предисловие к «Книге Иисуса Сирахова» тоже склоняло читателей «к мудрости и к добрым обычаем путем разуму» (25). Предисловие к «Екклезиасту» упоминало пребывание людей «в мудрости и в науце» (26). Разумеется, и в предисловии к «Книге премудрости Божией» Скорина призывал «к познанию премудрости путем разума» (31). И в предисловии к первой «Книге Царств» Скорина рассуждал «о мудрости, о разуме и о науце...» (33). Предисловие к «Иудифи» снова обращало мысль «к нашему научению ... для посполитого доброго» (45). Потом и предисловие ко всей Библии, помещенное перед «Бытием», конечно же, называло и «науку», и «мудрость», и «посполитое доброе», и «науки и мудрости добрых нравов», и «разум» (47). И до последних предисловий, изданных Скориной, доходили эти темы «всякое науки и мудрости» (предисловие к «Книге Даниила-пророка», 67), «к науце всякого доброго» (предисловие к «Есфири», 71), «к науце нам, христианом» (предисловие к «Судьям», 76).

Наряду с этой магистральной, несколько рационалистической темой, в предисловиях повторялись и иные, уже более мистические мотивы: например, обозначения «многих скрытых тайн», упоминания о «тайнах Божиих», взгляд на «толико тайн Божиих», изложение «для великих тайн», указания на «премногия тайны веры Христовы», «на знамя тайны живоначалное Троицы» и т. д. (предисловия к «Псалтыри», 18; к «Книге Иова», 19; к «Притчам Соломона», 21; к первой «Книге Царств», 33; ко всей Библии, 46; к «Бытию», 51; к «Исходу», 53; к «Плачу Иеремии», 73). Кроме того, в предисловиях нередко повторялись однотипные выражения надежды на воскресение мертвых и вечную жизнь.

Предисловия перекликались не только тематически, но и литературно, повторениями структуры⁴ и излюбленными Скориной несколькими способами повествования (которые в такой же степени вовсе не преобладают в книгах Ветхого Завета). Так, в трети своих предисловий много места Скорина уделил истолкованию ветхозаветных событий как предзнаменованиям событий евангельских.

Больше всего и повсеместно Скорина использовал перечисления, классификации, счет. Можно подготовить специальную работу о том, каким изощренным

³ *Францыск Скарына*. Творы: Прадмовы, сказанні, пасляслоўі, акафісты, пасхалія / Падрыхтоўка тэкста А. Ф. Коршунава. Мінск, 1990. С. 17. Далее ссылки на страницы этого издания указываются в скобках.

⁴ Подробнее см.: *Конан У. М.* Прадмова // *Францыск Скарына і яго час: Энцыклапедычны даведнік*. Мінск, 1988. С. 460—462. О «личном элементе» как постоянной структурной части предисловий Скорины см.: *Владимиров П. В.* Доктор Франциск Скорина: его переводы, печатные книги и язык. СПб., 1888. С. 120.

мастером перечня был Скорина. Сюда относятся и ряды переведенных и истолкованных им еврейских, греческих и латинских слов, а иногда и фраз — их более ста во всех предисловиях «Бивлии русской». Скорина мог искусно превращать перечень в развернутое сравнение или в цепь взаимосвязанных сравнений, как это он сделал, например, в предисловии к «Песни песней», прибегнув к сравнению со свадьбой и к характеристике ее обязательных участников, начиная с жениха и невесты (27, 29). Перечни у Скорины нередко ритмизированы и временами приближаются к стихам⁵.

Ведущим литературным элементом скорининской прозы являлся афоризм или афористическое выражение — на это обращали внимание многие ученые. Скорина неизменно использовал (и перерабатывал) краткие выразительные цитаты, притом чаще из Нового Завета, чем из Ветхого, нередко — из «святых отцов», а однажды даже из Аристотеля⁶. Собственные афоризмы Скорины, обычно завершающие рассуждение или фразу, также основывались на параллелизмах или на неожиданных, беспокоящих противопоставлениях: «Доброе добрым, а злое злым» (предисловие к «Псалтыри», 17); «И кого караеть, того милуеть» (предисловие к «Книге Иова», 19); «Людская кохания и мысли суть собь противна», то есть желанья противоречивы (предисловие к «Екклезиасту», 26); «Колико слов имуще, толико тайн в собе замыкающе» (предисловие ко всей Библии, 50), — можно десятками выписывать афоризмы из мастерски составленных скорининских предисловий, которые в тематическом и литературном отношении действительно сцеплены в единое целое.

Однако организованность этого единства у книгоиздателя Франциска Скорины не стоит преувеличивать. Предисловия очень разнятся по содержанию⁷. Они не только повторяют, но в еще большей степени варьируют и взаимодополняют просветительские темы друг друга; Скорина не только регулярно пояснял то, как возникли ветхозаветные книги, но охотно отвлекался к самым разнообразным темам: то размышлял о роли терпения в жизни (предисловие к

⁵ Подробнее см.: *Беркаў П. Н. Ф. Скарына і пачатак ўсходнеславянскага вершаскладання // 450 год беларускага книгадрукавання. Мінск, 1968. С. 245—261; Царанкоў Л. А. Франциск Скарына і яго час. Мінск, 1975. С. 43; Коришун А. Ф., Чемерицкий В. А. Франциск Скорина // История белорусской дооктябрьской литературы. Минск, 1977. С. 117; Чемерицкий В. А. Франциск Скорина и становление белорусской литературы // Белорусский просветитель Франциск Скорина и начало книгопечатания в Белоруссии и Литве. М., 1979. С. 75—76; Дарашкевич В. Вялікі ўсходнеславянскі першадрукар і асветнік-гуманіст // Франциск Скарына: Зборнік дакументаў і матэрыялаў. Мінск, 1988. С. 29; Немировский Е. Л. По следам Франциска Скорины: Документальная повесть. Минск, 1990. С. 251—255.*

⁶ Подробнее см.: *Дышынэвіч В. Н. Аб крыніцазнаўчым аналізе спадчыны Ф. Скарыны. С. 90 и сл.*

⁷ «Гэтыя прадмовы маюць досыць рознастайны характар» (*Піотуховіч М. Францішак Скарына і яго літаратурная дзейнасць // Чатырохсотлецце беларускага друку. С. 173*).

«Книге Иова»), то удивлялся столкновению противочувствий в душе человека (предисловие к «Екклезиасту»), то рассказывал о великих законодателях у разных народов (предисловие к первой «Книге Царств»), то характеризовал семь свободных наук — философию, грамматику, риторику, музыку, арифметику, геометрию, астрономию, а дополнительно еще литературу, историю и этику (предисловие ко всей Библии), то Скорина рассуждал о типах приносимых жертв и типах законов в обществе (предисловия к «Левиту» и «Второзаконию»), вдруг сообщал состав еврейской азбуки (предисловие к «Плачу Иеремии») и т. д. Перед нами не единообразная система, а именно цикл произведений, созданных Скориной по поводу книг Ветхого Завета.

О свободе этого литературного цикла свидетельствуют сильные жанровые различия предисловий, словно не один человек их составил. Объем предисловий все время колеблется: они то сравнительно средние по величине (1—1,5 страницы современного печатного текста), то сравнительно большие и даже пространные (до 2—3 и даже более 4 страниц), то очень краткие (0,5 и 0,3 страницы). Изменчива и литературная форма предисловий. Ими не выдерживается однотипный композиционный формуляр, разве что в окончаниях и концовках. Одни предисловия напоминают похвалу (к «Псалтыри», к «Левиту»), другие — более похожи на поучение (к «Книге Иова», к «Песни песней», к «Исходу», к «Второзаконию»), третьи служат своеобразным библиографическим обзором (к «Притчам Соломона», к первой «Книге Царств», ко всей Библии), четвертые — относятся, пожалуй, к отрывкам исторического содержания (к «Сираху», к «Навину», к «Иудифи», к «Числам», к «Судьям»), пятые — филологичны (к «Екклезиасту», к «Есфири»), а нередко предисловие резко разнородно в своих собственных частях (например, к «Плачу Иеремии») и поэтому не относится к какому-либо определенному трафарету. К циклу могли присоединяться и послесловия к книгам, и замечания о языке книг в начале и конце отдельных глав и т. п.

Думается, что свободой цикла и допускались те многообразие, изобретательность и смелость применения традиционных литературных тем и средств, какие мы находим в предисловиях Скорины. Перечни, ритмическую речь и афоризмы он разнообразил самыми различными, подчас броскими способами. Однажды — для разнообразия — Скорина привел огромный перечень почти из 30 элементов подряд (предисловие к «Книге Сираха», 24). Сравнения быстро сменяли друг друга и обычно сохраняли неожиданность. Например, Библия, читаемая и простыми людьми, и учеными, по выражению Скорины, «яко река дивная: мелка — по ней же агнецъ брести можеть, а глубока — слон убо пливати мусить» (предисловие ко всей Библии, 46).

Как и свойственно литературному циклу, он у Скорины не замкнут и не подчинен жесткой схеме. Этому способствовало то, что Скорина публиковал

ветхозаветные книги и предисловия к ним вовсе не в библейской последовательности, а, как можно предполагать, в последовательности циклической: в первую очередь он отобрал 5 книг Давида и Соломона, затем последовал второй цикл — «Книги Царств», а потом третий цикл — 5 книг Моисея. Четвертый цикл, по-видимому, был только начат и остался не закончен — книги пророков (или же был издан полностью, но не дошел до нас ⁸). Попутно с каждым циклом Скорина издавал, примерно, по две небольшие книги, посвященные отдельному ветхозаветному лицу.

Сам Скорина явно ощущал связь своих предисловий и поэтому постоянно ссылаясь в последующем послесловии на предыдущие — «яко есм написал есми ширей в предословии, еже ест» в ранее вышедшей книге (26), «ширей в предословиях от мене на кожный раздълне положенных выписано знайдеши» (33), «о том кратце ткнул есми во предословии своем» раньше (64), «о том более дотъкнул есм в предмолве своей» более ранней (71) и т. д. Связь послесловий Скорина ощущал как свободный порядок, и оттого он иногда ссылаясь на предисловие не предыдущее, а на последующее — «положил есми ниже в предословии своем» (33), а иногда — на последующее предисловие, которое так и не вышло (72), а однажды — и вообще на чужое предисловие (24, 25).

Ориентация Скорины на создание свободного литературного цикла, возможно, побудила автора предисловий к самому частому у него сравнению — с зеркалом. «Зерцало жития нашего» «пред очима» (20, 45, 47), действительно, содержит нечто вроде цикла отраженных в нем предметов.

Однако предисловия у Скорины все же не отпочковались от ветхозаветных книг в особый сборник. Скорина создал лишь предтечу большой литературной формы. Как явление, ясно еще не оформившееся, комплекс предисловий в «Бивлии русской» допускает разные истолкования потенциальных возможностей его развития. Большинство исследователей видят в них публицистику ⁹. Но уже ощущается недостаточность такого взгляда ¹⁰. Высказано мнение о тяготении комплекса скорининских предисловий к книжным обзорам, аннотациям, рефератам ¹¹, — и это тоже верно, но все-таки узко. Отмечено и превращение комплекса предисловий «в своеобразную литературную хрестоматию, своего рода

⁸ См.: *Неміроўскі Я. Л.* Спіс перекладаў Францыска Скарыны 1575—1577 гг. // *Весці Акадэміі навук БССР. Серыя грамадскіх навук.* Мінск, 1990. № 2. С. 89—95.

⁹ Ср.: «Скарына, такім чынам, заснаваў у беларускай лitarатуры навуковаасветніцкую, філасофскую, маральна-дадактычную публіцыстыку» (*Дарашкевіч В.* Вялікі ўсходнеславянскі першадрукар і асветнік-гуманіст. С. 28).

¹⁰ «...жанравыя рамкі публіцыстыкі сказываюцца недастатковымі» (*Конан У. М.* Прадмова. С. 462).

¹¹ *Дышыневіч В. Н.* Аб крыніцазнаўчым аналізе спадчыны Ф. Скарыны. С. 96—97.

энциклопедию»¹², — это кажется более близким к существу дела. Мысль о приближении скорининских предисловий к литературному циклу, быть может, более полно помогает определить их литературное значение.

В течение XVI—XVII вв. предисловия Скорины, как известно, неоднократно переписывались (в том числе в списке Геннадиевской Библии, датированном до 1570 г.¹³), но всегда только в составе той или иной Библии и никогда как отдельный монолитный цикл, — дальше Скорины никто не пошел и о литературном цикле никто не думал. В русской письменности явственный сборник предисловий был составлен более чем на век позже — в 1630-х годах¹⁴, но он не имел отношения к предисловиям Скорины и к направленности его литературного творчества. Стихийное литературное открытие, которое и самому Скорине не понадобилось доводить до осознанной отчетливости, так и осталось не востребуемым, потому что не подошло еще время, тем более в России XVI в., где прочно господствовал тип традиционного литературного творчества, а духом новаторства не веяло.

1994 г.

2. ПОСЛЕСЛОВИЕ К ПЕРВОПЕЧАТНОМУ «АПОСТОЛУ» ИВАНА ФЕДОРОВА 1564 г. КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПАМЯТНИК

Если иметь в виду русские печатные книги XVI—XVII вв., то предисловия и послесловия к ним, почти совершенно не изученные с литературной точки зрения, составляют около пятисот отдельных текстов и, собранные вместе, могут составить толстую книгу. Таков основательный массив этих произведений, тем более ценных, что на фоне печатной продукции средневековой Москвы, в ряду бесконечных апостолов, миней, часовников, псалтырей и прочих церковных книг, предисловия и послесловия относятся к текстам более или менее светского содержания и дают материал для суждений о типе литературного творчества их авторов.

¹² Владимировас Л. И. Франциск Скорина — первопечатник вильнюсский. С. 15.

¹³ Дышыневич В. Н. Аб крыніцазнаўчым аналізе спадчыны Ф. Скарыны. С. 96—97; Владимиров П. В. Доктор Франциск Скорина. С. 242.

¹⁴ См.: Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 61—62; Былинин В. К. Стихотворные «Предисловия многообразна» в рукописях первой половины XVII в. // Записки Отдела рукописей РГБ. М., 1983. Вып. 44. С. 5—38.

Однако с тех пор как 130 лет назад П. М. Строев издал — с сокращениями — большое количество русских старопечатных предисловий и послесловий¹, к этому своеобразному жанру почти никто не обращался. Исключение составляет лишь статья общего характера И. Баса, в которой исследователь рядом примеров из текстов иллюстрировал мысль о публицистическом характере послесловий Франциска Скорины, Ивана Федорова, послесловий к некоторым южнославянским изданиям XVI в. и московским XVII в.²

В небольшой работе невозможно дать удовлетворительную литературную характеристику всем русским старопечатным послесловиям и предисловиям. Естественно начать изучение послесловий со знаменитого первого печатного послесловия на Руси, которое появилось в «Апостоле» Ивана Федорова в 1564 г. Упоминания об этом послесловии в научной и научно-популярной литературе, можно сказать, необозримы, как, впрочем, и о самом Иване Федорове. Однако нельзя не заметить, что послесловие в первопечатном «Апостоле» интересовало ученых преимущественно с точки зрения сообщаемых в нем исторических сведений о подготовке и выходе книги. В частности, оживленно обсуждался вопрос о датах организации книгопечатания в Москве, указываемых федоровским «Апостолом»³.

Я не буду останавливаться на полемике по этому поводу, так как меня интересует другой вопрос — он до сих пор, к сожалению, даже не ставился — вопрос о месте в древнерусской литературе, которое занимает послесловие к «Апостолу» Ивана Федорова 1564 г. как произведение, имеющее относительно самостоятельную литературную ценность.

За последние сто лет исследователи, чаще мимоходом, чем специально касались вопроса об источниках и авторе послесловия к федоровскому «Апостолу». В 1872 г. В. Е. Румянцев, археолог и одновременно инспектор Синодальной типографии, опубликовал сборник снимков с русских старопечатных изданий, сопроводив его предисловием, которое является одной из самых содержательных работ об Иване Федорове⁴. При желании можно усмотреть даже некую иронию судьбы в том, что важные сведения о старопечатных послесловиях и предисловиях через триста лет были сообщены в предисловии же.

¹ Строев П.: 1) Обстоятельное описание старопечатных книг славянских и российских, хранящихся в библиотеке... Федора Андреевича Толстова. М., 1829; 2) Описание старопечатных книг славянских, находящихся в библиотеке... Ивана Никитича Царского. М., 1836.

² Бас И. Предисловия и послесловия старопечатных книг // Исторический журнал. 1941. № 4. С. 54—57.

³ Некоторые из последних работ, затрагивающих эту тему: Тихомиров М. Н. Начало книгопечатания в России // У истоков русского книгопечатания, М., 1959. С. 13—20; Немировский Е. Л. Возникновение книгопечатания в Москве: Иван Федоров. М., 1964. С. 283—285.

⁴ Румянцев В. Е. Сборник памятников, относящихся до книгопечатания в России. М., 1872. Вып. 1.

В. Е. Румянцев указал на заимствования в послесловии к первоначальному «Апостолу» из «слов» Максима Грека⁵. Вскоре после В. Е. Румянцева П. В. Владимиров в одном из подстрочных примечаний к своему большому исследованию о деятельности славянского первопечатника белоруса Франциска Скорины упомянул о сходстве между послесловием федоровского «Апостола» 1564 г. и послесловием к «Молитвослову» 1520 г., изданному в Венеции черногорским эмигрантом Божидаром Вуковичем⁶. Характерно, что упоминание о столь интересном сходстве было сделано в примечании. Этим основная литература об источниках послесловия к федоровскому «Апостолу», в сущности, исчерпывается.

В дальнейшем делались лишь небольшие дополнения к наблюдениям В. Е. Румянцева и П. В. Владимирова. Так, уже упоминавшийся И. Бас кратко перечислил южнославянские и венецианские издания 1494—1552 гг., послесловия которых близки к московскому «Апостолу» 1564 г.⁷ Академик А. С. Орлов привел еще одно место из сочинений Максима Грека, сходное с фразой в федоровском послесловии⁸.

Гораздо важнее, на наш взгляд, то обстоятельство, что за последнее двадцатилетие была предпринята попытка найти не только прямые источники послесловия к «Апостолу» Ивана Федорова 1564 г., но и связать его со стилистически сходными древнерусскими произведениями. Впервые это сделал академик А. С. Орлов, специально не ставя такой задачи, но занимаясь поисками возможного автора послесловия к федоровскому «Апостолу». «Едва ли Иван Федоров или Петр Мстиславец могли составить текст такого замечательного Послесловия, — писал А. С. Орлов. — Не принадлежит оно и Афанасию, который был митрополитом после Макария; в литературном отношении он был неизвестен. Строгая официальность тона как будто позволяет здесь видеть творчество митрополита Макария, осторожные послания которого не противоречат стилю Послесловия. Впрочем, подобный текст мог заготовить и Сильвестр»⁹. Вот главная аргументация академика А. С. Орлова и, что интереснее для нас,

⁵ Там же. С. 6, 10.

⁶ См.: *Владимиров П. В.* Доктор Франциск Скорина: Его переводы, печатные издания и язык. СПб., 1888. С. 174, примечание 2.

⁷ *Бас И.* Предисловия и послесловия... С. 54, примечание 2.

⁸ *Орлов А. С.* К вопросу о начале печатания в Москве // Иван Федоров первопечатник. М.; Л., 1935. С. 18.

⁹ Там же. Следует упомянуть также: *Сапунов Б. В.* Первопечатник Иван Федоров как писатель // ТОДРЛ. Т. 14. С. 268—271. Исследователь считает Ивана Федорова автором послесловия 1564 г., однако специально рассматривает не это послесловие, а действительно сочиненное первопечатником послесловие ко львовскому «Апостолу» 1574 г.

тот круг памятников, с которым он связывал это знаменитое послесловие. К сожалению, А. С. Орлов этим и ограничился.

Сравнительно недавно академик М. Н. Тихомиров указал еще на один памятник XVI в. — «Стоглав», формулы которого имеют сходство с некоторыми выражениями послесловия 1564 г.¹⁰ Более подробно это сходство было прослежено Е. Л. Немировским, но лишь в связи с вопросом об Иване Грозном как инициаторе русского книгопечатания¹¹.

Таким образом, вопрос о литературном месте послесловия к федоровскому «Апостолу» 1564 г. не ставился, но ряд материалов на эту тему уже накоплен.

Прежде всего, рассмотрим, как заимствовано послесловие к «Молитвослову» Божидара Вуковича в послесловии первопечатного русского «Апостола». Послесловие этого венецианского «Молитвослова» 1520 г.¹² наиболее близко к федоровскому¹³; послесловия же в остальных славянских изданиях, упомянутых И. Басом (цетиньском «Осмогласнике» 1494 г., венецианском «Служебнике» 1519 г. и белградском «Четвероевангелии» 1552 г.), если и сходятся с федоровским, то лишь отдельными общими фразами.

О южнославянском и итальянском влиянии на московский «Апостол» Ивана Федорова писали довольно много¹⁴, и не это нас сейчас интересует. Примечательно то, что влияние венецианского послесловия на московский «Апостол» имеет фрагментарный характер. Заимствованы начальная и конечная формулы и еще два выражения о распространении печатных книг и о щедрости царя. Из этих заимствованных у более раннего издателя фраз нельзя составить связного рассказа, какой мы видим в издании Ивана Федорова. Связный рассказ федоровского послесловия о самом главном — о том, что делал царь, вводя книгопечатание в России, — остается вне соответствий с послесловием «Молитвослова» Божидара Вуковича. Таким образом, первопечатное послесловие Ивана Федорова (называем его так условно, потому что остается неясным, кто был его автором) ни по «букве», ни по «духу» нельзя свести к венецианскому послесловию — мелкому произведению почти полувековой давности сравнительно с «Апостолом».

¹⁰ См.: Тихомиров М. Н. Начало книгопечатания... С. 21—22.

¹¹ См.: Немировский Е. Л. Возникновение книгопечатания... С. 25.

¹² См.: Новаковић С. Божидара Вуковића зборници за путнике издана позната и непозната // Гласник српског ученог друштва. Београд, 1877. Књ. 45. С. 133—135.

¹³ Ср.: Апостол. М., 1564. Л. 260—261.

¹⁴ Ср.: Тихомиров М. Н. Русская культура X—XVIII веков. М., 1968. С. 311—313, 325—326.

Теперь уместно вспомнить об отмеченных В. Е. Румянцевым и А. С. Орловым заимствованиях из сочинений Максима Грека.

Максим Грек

...в них же растлешася ово убо от препи-
сующих их ненаученых сущих и неискус-
ных в разуме и хитрости граматикийстей,
ово же и от самех исперва сотворших кни-
жный превод приснопамятныхмужей...¹⁵

Всяко даяние благо и всяк дар совер-
шен свыше есть исходяй от Отца светом,
богодохновенное писание учит ясне...¹⁶

Апостол 1564 г.

...прочии же вси растлени от препи-
сующих ненаученых сущих и неискусных в разуме,
ово же и неисправлением пишущих...

...глаголаше, яко от Бога извещение
приемшу и свыше дар сходящ...¹⁷

Первое заимствование было замечено В. Е. Румянцевым, второе — А. С. Орловым. Но сам А. С. Орлов отметил, что перед нами «литургическая цитата, и поэтому мало показательна»¹⁸. И, действительно, это цитата не из Максима Грека, а из послания апостола Иакова, I, 17, напечатанного, кстати говоря, в том же «Апостоле» Ивана Федорова: «...всяко даяние благо и всяк дар совершен, свыше есть сходя от Отца светом»¹⁹.

В целом, сопоставление послесловия к «Апостолу» 1564 г. с творчеством Максима Грека мало что дает, так как из всего громадного литературного наследия Максима Грека в изданиях Ивана Федорова использована, насколько известно, лишь одна фраза (первый раз — в первопечатном «Апостоле», второй раз — в послесловии ко львовскому «Апостолу» 1574 г.: «...яко ж обычай есть злонравных и ненаученых и неискусных в разуме человек, ни же грамотическия хитрости навывкше, ни же духовного разума исполнени бывше») ²⁰. К тому же нельзя быть полностью уверенным, что эта фраза принадлежала перу именно Максима Грека и была заимствована именно у него. Возможно, Максим Грек, в свою очередь, использовал «ходкую» фразу. Так или иначе, но отсюда следует, что главным «фоном» для федоровского послесловия было что-то иное, чем сочинения Максима Грека.

¹⁵ «Слово отвещательно о исправлении книг русских» // Сочинения Максима Грека. Казань, 1862. Ч. 3. С. 62.

¹⁶ Послание к царю Василию III // Там же. Казань, 1860. Ч. 2. С. 296.

¹⁷ Апостол. М., 1564. Л. 260 об.

¹⁸ Орлов А. С. К вопросу о начале печатания в Москве. С. 18.

¹⁹ Апостол. М., 1564. Л. 56 об.

²⁰ Апостол. Львов, 1574. Л. 260.

Направление поисков подсказывают замечания академиков А. С. Орлова и М. Н. Тихомирова, связывавших послесловие 1564 г., по сути дела, с официальной письменностью того времени.

Памятников русской официальной письменности и литературы середины XVI в., к сожалению, немного. Главными являются: 1) «Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича» 1553—1555 гг., 2) «Никоновская летопись», 3) «Степенная книга», 4) «Стоглав», 5) «Великие минеи четьи» митрополита Макария, 6) послания и речи Ивана Грозного, 7) послания митрополита Макария. Фактически же число памятников официальной литературы, сопоставимых с послесловием к первопечатному «Апостолу», еще меньше. «Степенная книга», с ее «подтвердительным» стилем, не обнаруживает прямого сходства с первопечатным послесловием, где, по словам академика А. С. Орлова, «все умеренно, все обладает наибольшим тактом — и цитация, и само изложение — как будто бы сделано для гравировки на монументальном памятнике. Все содержательно, строго, просто, и ничего лишнего»²¹. Из посланий и речей Ивана Грозного и митрополита Макария имеют черты сходства с послесловием лишь те, которые входят в состав «Летописца начала царства», включенного, в свою очередь, в «Никоновскую летопись». Следовательно, основное внимание предстоит обратить на «Летописец начала царства», некоторые статьи «Никоновской летописи», «Стоглав» и «Великие минеи четьи».

Послесловие к московскому «Апостолу» Ивана Федорова 1564 г. является своего рода повестью о царе. По повелению Ивана Васильевича, как повествует послесловие, воздвигают многие церкви; царь украшает их, велит в церквях полагать купленные святые книги, узнает о неисправности книг рукописных и помышляет, «како бы изложить печатные книги»; возвещает свою мысль митрополиту Макарию и после его одобрения повелевает изыскивать мастеров печатного дела и устраивает дом, «иде же печатному делу строитися». Таково основное развитие повествования в федоровском послесловии, не находящее никаких аналогий — о чем уже было сказано — в послесловиях изданий Божидара Вуковича.

Аналогичное развитие повествования зато находим в двух памятниках официальной литературы XVI в. — в «Летописце начала царства» и в «Стоглаве»; причем в «Летописце» сходство наблюдается не однажды, но в двух отрывках. Покажем это в таблице (подчеркиваем, что речь идет не о текстуальном, а о «повествовательном» сходстве).

²¹ Орлов А. С. К вопросу о начале печатания в Москве. С. 18.

Апостол 1564 г.	Летописец начала царства	Статья о пренесении мошей святых в Сви- яжск, под 1552 г.	Стоглав
<p>...повелением благо- честиваго царя и ве- ликаго князя Ивана Василиевича ...мно- гия святыя церкви воздвизаеми бываху ...он же начат помыш- ляти, како бы изло- жити печатныя книги. ...И тако возвещает мысль свою преосвя- щенному Макарию митрополиту всея Русии. Святитель же слышав, зело возра- довася... царю гла- голаше, яко от Бога извещение приемшу и свыше дар сходящ. И тако... начаша изы- скивати мастерства печатных книг... пове- ле устроити дом... иде же печатному делу стро- итися... даяше... дия- кону... на составление печатному делу...²²</p>	<p>Великий во благо- честии царь госу- дарь князь вели- кий Иван Василь- евич всея Русии виде... многим церквам святым запустение... и почал мыслити, чтобы город поста- вити на Свяжс- ком устье... И мысль свою ми- трополиту сказал. ...И митрополит царя государя бла- гословляет, а гово- рит государю... И начинает госу- дарь и делу ка- саетса, призывает к себе диака своего...²³</p>	<p>...крепкий душею государь и храбр в мысли речет: всяко бо даяние благо и всяк дар свершен исходяй Отца светом. ...И приходит царь в соборную церковь ...и возвещает митро- политу настоящая. Советует митропо- лит государю... Царю же благоче- стивому... делу касаются... и из- бирают царь и святитель мужа изрядна...²⁴</p>	<p>...царь Иван под- вижася... о много- различных церков- ных исправлений, и возвещает сие от- цу своему преосвя- щенному Мака- рию митрополиту всея Руси и собор Божиих слуг сово- купити повеле вскоре... сиа слы- шавыше, всея Рус- киа земля архие- реи с радостию неизлаголанною объяти бывше...²⁵</p>

²² Апостол. М., 1564. 260—261.

²³ ПСРЛ. Т. 29. С. 59—60. См. также: ПСРЛ. Т. 13, ч. 1. С. 163; ПСРЛ. Т. 13, ч. 2. С. 463—464. Тексты отрывков из ранней редакции «Летописца», приводимые здесь и далее, ничем принципиально не отличаются от соответствующих текстов «Летописца» поздней редакции и текстов его в составе «Царственной книги».

²⁴ ПСРЛ. Т. 29. С. 74. См. также: ПСРЛ. Т. 13, ч. 1. С. 179; ПСРЛ. Т. 13, ч. 2. С. 478—479.

²⁵ Царския вопросы и соборныя ответы о многообразных чинех: (Стоглав) / Изд. подгот. Н. Субботин. М., 1890. С. 17—18.

Как видно из таблицы, речь идет о разных эпизодах из жизни Ивана Грозного: он вводит книгопечатание, возводит город Свияжск, содействует перенесению мощей святых, занимается церковными исправлениями. Но о всех этих эпизодах разные по жанру памятники рассказывают, тем не менее, сходно отражая официальные нормы, литературный этикет в описании деяний царя ²⁶.

Отражение этой официальной манеры повествования в «Апостоле» 1564 г. заметно не только по «сюжету» его послесловия, но и по отдельным формулам и выражениям в нем.

Для того, чтобы найти параллель начальной формуле послесловия «Апостола» — «Изволением Отца, и споспешением Сына, и совершением святого Духа, повелением благочестиваго царя и великаго князя Ивана Василиевича...», — не нужно обращаться к изданиям Божидача Вуковича. Сходной формулой начинались русские официальные документы и выступления торжественного характера. Например, речь царя Ивана Грозного к митрополиту Макарию и к царской семье о взятии Полоцка, внесенная в «Никоновскую летопись» под 1563 г.: «А говорити ... велел государь царь и великий князь ...: Благоволением Бога и Отца, и споспешением Сына, и действием святого Духа» ²⁷. Так же начиналась, например, и соборная грамота о белом клобуке 2 февраля 1564 г., тоже включенная в «Никоновскую летопись»: «... благоволением Отца, и споспешением Сына, и действием святого Духа ... приахом скипетры Российскаго царства мы, государь царь...» ²⁸.

Другое выражение федоровского послесловия — о щедрости царя по отношению к печатникам — «и нещадно даяше от своих царских сокровищ делателем» — тоже имеет свою аналогию в «Никоновской летописи», например, в статье «О позлащении верха у церкви в Сергиеве» под 1556 г.: «... позлащен бысть верх у церкви ... в обители преподобнаго чудотворца Сергия повелением благовернаго и христоролюбиваго царя великаго государя Ивана Васильевича всея Руси самодержца ... нещадною десницею украшение церковное любяше» ²⁹. Аналогичное выражение о «нешадной» щедрости встречается и в ином официальном памятнике середины XVI в., — в «Великих минеях четых» митрополита Макария, в предисловии к кото-

²⁶ О литературном этикете, в том числе XVI в., см.: Лихачев Д. С. Литературный этикет Древней Руси // ТОДРЛ. Т. 17. С. 5—16; Творогов О. В. Задачи изучения устойчивых литературных формул Древней Руси // ТОДРЛ. Т. 20. С. 29—40. Об официальном характере «Летописца начала царства» см.: Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 362—370; Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники: Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М., 1958. С. 29—41.

²⁷ ПСРЛ. Т. 13, ч. 2. С. 360; см. также: ПСРЛ. Т. 29. С. 315; АИ. Т. 1. С. 321.

²⁸ ПСРЛ. Т. 13, ч. 2. С. 378; см. также: ПСРЛ. Т. 29. С. 330; АИ. Т. 1. С. 331—332. То же и в «Стоглаве»: «Иже вседръжителя Бога и Отца благоволением иже к нам ... Сына его ... и споспешением и действием пресвятаго ... Духа» (Царския вопросы... С. 21).

²⁹ ПСРЛ. Т. 13, ч. 1. С. 273; см. также: ПСРЛ. Т. 29. С. 249.

рым митрополит всяя Руси сообщает: «... а писал есми и събирал и в едино место их совокуплял дванадесять лет многим именем и многими различными писари, не щадя сребра и всяких почестей, но паче же многи труды и подвиги подъях»³⁰.

Любопытно, однако, что аналогии к послесловию «Апостола» 1564 г. отыскиваются преимущественно в «Летописце начала царства», причем в статьях, посвященных созидательной работе царя: строительству города Свияжска, созданию других городов, возведению церквей, литью колоколов и пр.

Где, например, находим эпитет, аналогичный употребленному в послесловии к «Апостолу» — «в новопросвещенном месте во граде Казани»? В «Летописце начала царства», в статье о приходе и пребывании царя в только что построенном городе Свияжске, «в новопросвещенном месте», «в Богом дарованней ему отчине и в новопросвещенном месте»³¹. Так дважды повторяет это словосочетание статья «Летописца».

Или где, например, можно найти аналогии одной из формул, использованной в конце московского первопечатного «Апостола» — «начаша печатати сия святыя книги ... в лето ... совершени же быша в лето...»? Это часто повторяющаяся формула летописных статей о созидательной деятельности Василия III и Ивана Грозного в особенности характерна для «Летописца начала царства». В тексте до «Летописца» «Никоновская летопись» обычно сообщает лишь дату завершения работы; в «Летописце» же указывается на целый процесс, с его началом и концом: «В лето ... начаша делати раку святым, и доделаша раку святого ... в лето...», «почал град делати ... месеца ..., а доделаша его того же лета, месеца...», «а церковной мастер почал делати и съвршил...» и мн. др.³²

Интересно было бы сопоставить надписи русских мастеров на зданиях и изделиях XVI в. с федоровским послесловием к московскому «Апостолу» и тем самым выяснить его отношение к нормам торжественных граффити мастеров-ремесленников XVI в., очевидно, тоже восходящих к официальному стилю. Ведь Иван Федоров был очень высокого мнения о своем деле. Но, к сожалению, надписи XVI в. не собраны; такая работа проделана лишь с надписями по XV в. включительно³³.

С созидательной деятельностью царя как будто связана еще одна официальная формула в первопечатном послесловии: «И сие доиде и царю в слух, он же начат помышляти...». Так же «доходит в слух» царю весть о чудесном пении и звонах,

³⁰ ВМЧ. Сентябрь 1—13. С. II. Приношу благодарность Я. С. Лурье, любезно указавшему мне на это предисловие, а также на текст «Летописца» в «Царственной книге».

³¹ ПСРЛ. Т. 29. С. 94; ПСРЛ. Т. 13, ч. 1. С. 201.

³² ПСРЛ. Т. 29. С. 16, 18, 25, 26 и др.; ПСРЛ. Т. 13, ч. 1. С. 91—92, 95, 109, 110, 11, 145, 161 и др.

³³ См.: Орлов А. С. Библиография русских надписей XI—XV вв. (С дополнениями М. П. Сотниковой). М.; Л., 1952.

знаменующих место постройки Свяжска, в «Летописце начала царства»: «Се же убо и вниде слухом и до самого царя благочестиваго государя нашего; государь же помышляюще...»³⁴. Так же «доходит в слух» царю и известие о неправильных церковных звонах в изложении «Стоглава»: «Некогда вниде в слухи боговенчаннаго и христоролюбиваго царя ... что по многим святым Божиим церквам звонят и поют не во время ... Он же боголюбивый царь о том таковая слыша...»³⁵.

Пусть отдельные из приведенных формул и выражений, может быть, используются иногда и в других памятниках XVI в., но в комплексе приведенные примеры убеждают, как мне кажется, в том, что послесловие к московскому «Апостолу» Ивана Федорова 1564 г. было написано в стиле официальных произведений 1550—1560-х годов. Недаром ту цитату из послания апостола Иакова, которая в послесловии вложена в уста митрополита Макария («свыше дар сходящ»), повторяют в сочинениях XVI в. лишь цари, митрополиты и церковные соборы, например, Иван Грозный — в «Летописце начала царства» и в «Стоглаве» («государь ... речет: всяко бо даяние благо и всяк дар свершен исходяй Отца светом»³⁶; «светолучными своими зарями осия в сердца благочестиваго царя ... всяко бо даяние благо и всяк дар съвершен, свыше есть сходяй»³⁷). Аналогию сравнению дел Ивана Грозного с деяниями «великаго Константина, и Устиниана, и Михаила, и Феодоры, и прочих благочестивых царей» (260) можно указать, например, в «Послании» митрополита Макария Ивану Грозному 1552 г., включенном в «Летописец начала царства»: «... яко же благочестивый царь Константин, и благочестивый царь Феодосий Великий, и Феодосий Юный, и прочии гречести цари...»³⁸, а также в других статьях «Летописца начала царства», например, под 1556 г.: «И такова его Бог яве царя... подражателя прежним и благочестивым царем и храбрым государем»³⁹.

Само единоначатие фраз в первопечатном послесловии также напоминает о произведениях торжественно-официального стиля: «И тако благоверный царь... повеле... И тако возвещает... И тако повелением благовернаго царя...» (260—260 об.). Ср. в «Степенной книге» почти во всех небольших рассказах об отдельных эпизодах царствования Ивана Грозного: «Милостивый же государь не хотяше... И тако отпущени быша... И тако повелением государевым начаша...». Или:

³⁴ ПСРЛ. Т. 29. С. 66.

³⁵ Царския вопросы... С. 75—76.

³⁶ ПСРЛ. Т. 29. С. 74; ПСРЛ. Т. 13, ч. 1. С. 179.

³⁷ Царския вопросы... С. 17—18. Ср.: этой цитатой начинаются «Деяния» Виленского собора 1509 г. // АИ. Т. 1. С. 524; послание киевского митрополита Иосифа 1518 г. // Собор, в богоспасаемом граде Вильни бывший. Львов, около 1614. Л. 1.

³⁸ ПСРЛ. Т. 13, ч. 1. С. 195. См. также: АИ. Т. 1. С. 290—293. № 160.

³⁹ ПСРЛ. Т. 13, ч. 1. С. 268. Ср. также «Послание» Максима Грека, сравнивающего заслуги Василия III с заслугами Устиниана, Константина «и прочих... архиереев и царей» (Сочинения Максима Грека. Ч. 2. С. 297, 318).

«... и тако же... побиша. И тако немьцы ничто же успешие... И тако многих немьць победиша... И тако маистр... отидоша...»⁴⁰.

С памятниками официально-торжественного стиля федоровское послесловие роднит еще следующая стилистическая черта. Нетрудно заметить, что важное место в послесловии занимают довольно длинные перечни, перечисления, нанизывание однородных членов: «Изволением Отца, и споспешением Сына, и совершением свягаго Духа, повелением ... царя ... и благословением ... митрополита ... церкви воздвизаеми бываху во царствующем граде Москве, и по окрестным местом, и по всем градом царства его, паче же в новопросвещенном месте во граде Казани и в пределех его. И сия вся ... царь украшаше честными иконами, и святыми книгами, и сосуды, и ризами и прочими церковными вещами по преданию и по правилом свягых апостол и богоносных отец и по изложению благочестивых царей ... великаго Константина, и Устиняна, и Михаила, и Феодоры, и прочих благочестивых царей» и т. д. Чтобы указать все случаи перечисления, в сущности надо переписать все послесловие.

Склонность к подобного рода перечислениям не является индивидуальной особенностью первопечатного послесловия. Такое нанизывание однородных членов — характерная черта официальных посланий, торжественных по своему тону, особенно митрополичьих посланий к царю. Покажем это на примере послания митрополита Макария к царю, в котором он благословляет царя и русское воинство «на брань» с казанскими татарами в 1552 г. и которое опять-таки включено в «Летописец начала царства»: «С своими о Христе детми и сослужебники нашего смирения, — обращается Макарий к царю, — со архиепископы и епископы, со архимандриты и игумены, и со всеми священными соборы руския митрополия, соборне, вси тебя, государя благословляем ... подвизатися ... за всех православных христиан, неповинне в плен веденных, и разхищенных, и всяческими бедами от них томимых, и многообразными страстьми оскверненных; и сих ради всех жалостий». Макарий желает царю покорить врага — «... молитвами свягаго и великаго Иоанна Предтечи, и свягых верховных апостол Петра и Павла, и возлюбленного апостола Иоанна Богослова, и 12-ти и семидесяти свягых апостол молитвами ... (далее перечисляется еще 19 свягых) ... и всех благочестивых сродник ваших и прочих всех свягых молитвами ..., — продолжает торжественно Макарий, — ... да пребудете в чистоте, и в смирении, и в мудрости, и в целомудрии, и покаянии, и в прочих добродетелех... в любви, и в послушании, и в страсе, и в мире, и в соединении, и в союзе на враги ... и прославлены и спасены быша: яко же благочестивый царь Костянтин, и благочестивый царь Феодосий Ве-

⁴⁰ ПСРЛ. Т. 21, ч. 2. С. 657, 661. К повтору подобных фраз, вероятно, прибегали в случае краткого изложения событий в официальном сочинении. Ср. замечание в одном из кратких же рассказов «Степенной книги»: «... и тако вся добре и безмятежно тамо управляхуся благодатию Божию, прочее же о сих довольно писано есть во известных летописаниях, zde же вкратце явлено» (Там же. С. 651). Значит, послесловие к «Апостолу» 1564 г. принадлежало к разряду кратких официальных статей.

ликий и Феодосий Юный, и прочие гречести цари православнии...»⁴¹. Думается, нет нужды приводить новые примеры, так как торжественный характер перечисления в послании Макария и в федоровском послесловии вполне ясен.

Из всего сказанного ясно, пожалуй, и место послесловия «Апостола» 1564 г. в русской литературе того времени: оно написано в стиле официальных произведений середины XVI в., и этот стиль послесловия находится в соответствии с общим торжественно-официальным внешним видом первой русской печатной книги. (Приходится с сожалением отметить, что связь «Апостола» 1564 г. с произведениями русского искусства XVI в., прежде всего, с произведениями и изделиями торжественно-официального характера, прослежена еще далеко недостаточно и составляет особую тему).

Но сравнительно с официальными историческими произведениями середины XVI в. послесловие 1564 г. отличается краткостью или сокращенностью. Там, где в официальной литературе следуют очень длинные перечни, большие цитаты из Библии, большие речи царя и митрополита, перемежающие изложение их деяний, в первопечатном послесловии перечни умеренны, формулы кратки, библейская цитата единственна и сокращена, речь митрополита лаконична и состоит буквально из шести — семи слов. Отсюда впечатление какой-то особой стройности и «подтянутости» послесловия московского «Апостола» Ивана Федорова, которое возникает при чтении его в наше время.

В федоровском послесловии соблюдены все нормы и до мелочей сохранена принятая в официальных сочинениях композиция рассказов о деяниях царя, однако каждый элемент композиции сжат и нередко выражен минимумом словесных средств. Послесловие 1564 г. фактически представляет собой «выжимку» обычного официального рассказа о царе середины XVI в. и из-за этой черты, которую можно назвать краткостью или «сокращенностью», стоит особняком в древнерусской литературе, так как «сокращенностью» не отличаются другие произведения, написанные в указанном стиле.

Более того, «сокращенность» роковым образом усугубила одинокость федоровского послесловия, способствуя непопулярности этого произведения в древнерусской письменности и, если можно так выразиться, в печати Древней Руси. Влияния федоровского послесловия мы не находим нигде, даже в сказаниях XVII в., посвященных истории книгопечатания на Руси и пересказывающих некоторые факты из федоровского же послесловия⁴². Из-за недостаточной риторичности, — что

⁴¹ АИ. Т. 1. С. 290—293; ПСРЛ. Т. 29. С. 86 и сл.

⁴² См. послесловие к «Трефологиону» за март-май (М., 1638. Л. 408 и сл.); см. также «Сказание известно о воображении книг печатного дела», изданное Т. Н. Протасевой и М. В. Щепкиной, в кн.: У истоков русского книгопечатания. М., 1959. С. 198—214. Фразу о неисправности книг, помещенную в послесловии 1564 г., через сто лет использовал патриарх Иоаким, касаясь той же темы исправления книг в одном из своих поучений. Ср.: список РНБ, собрание Софийское, № 1503, л. 31—33.

на наш современный вкус является, скорее, достоинством, чем недостатком, — это произведение не привлекало к себе внимания древнерусских книжников.

Если в послесловиях к изданиям ближайших последователей Ивана Федорова — печатников Андроника Тимофеева Невежи и Ивана Андроникова Невежи — изредка можно найти мелкие реминисценции из послесловия к «Апостолу» 1564 г.⁴³, то все заимствованные фразы сильно распространены. Лаконичность федоровского послесловия явно не удовлетворяла печатников.

⁴³ Федоровское послесловие было использовано: в послесловиях к «Псалтыри» 1568 г. Никифора Тарасиева и Андроника Тимофеева Невежи; к «Триоди цветной» 1591 г. того же Андроника Невежи и, наконец, к «Триоди цветной» 1604 г., напечатанной сыном Андроника Иваном Невежей. Все заимствования относительно мелки, касаются отдельных фраз федоровского послесловия. Например, в «Псалтыри» 1568 г. это упоминание о «ненаученых книгописцах», а в «Триоди» 1604 г. о «делателях печатного дела»

Апостол 1564 г.

... в растлени от преписующих ненаученых суших и неискусных в разуме, ово же и неисправлением пишуших (260 об).

Апостол 1564 г.

Благодарный же царь повеле устроити дом от своя царския казны, иде же печатному делу строитися, и нещадно даяше от своих царских сокровищ делателем... (260 об).

В «Триоди цветной» 1591 г. заимствования из «Апостола» 1564 г., с переделками и перестановками, несколько больше. Но если в «Апостоле» обращение царя к митрополиту за советом и ответ митрополита являются центральным эпизодом, то заимствованное в пространном послесловии «Триоди» упоминание об обращении царя и ответе церковников тонет среди иных сообщаемых фактов и в риторике общих рассуждений. Приводим только непосредственно соответствующие места.

Апостол 1564 г.

... в растлени от преписующих ненаученых суших и неискусных в разуме, ово же и неисправлением пишуших ... и тако возвещает мысль свою преосвященному Макарию митрополиту всяя Русии. Святитель же, слышав, зело возрадовался и, Богови благодарение воздав, царю глаголаше... (260 об).

В речи церковников царю «Триодь» 1591 г. заимствует также некоторые выражения «Апостола» 1564 г.: «Пресвятаго Духа благодать и вас свыше осени...» (247. Ср. в «Апостоле»: «... и свыше дар сходящ» — 260 об.); «... паче же в новопросвещенных землях, которая вам Бог дал: во граде Казани ... и во окрестных их градах и местех» (247. Ср. в «Апостоле»: «...и по окрестным местом ... паче же в

Псалтырь 1568 г.

... ко очищению и ко исправлению ненаученых и неискусных в разуме книгописец... (ненумерован. 290 об).

Триодь цветная 1604 г.

... и свое царское безчисленное сокровище... изъобилно простирая ...делателей же преславнаго сего печатнаго дела преизъобилне своими царскими уроки повсегда удовляя и дом превелик устроити повеле, в нем же ... печатному делу совершатися... (2 об. послесловия).

Триодь цветная 1591 г.

... и то благое желание мысли своя возвещают отцу своему святейшему Иову патриарху московскому и всяя Русии..., дабы ... святых книги свидетельствованы и исправлены были и печатного дела писмены исполнены, поне же во многих летех от преписующих неученых человек не правлены. Сия же они слышавше, вси вкупе Богу благодарение воздаша ... цареви рекуще... (246 об).

Недаром — в противоположность судьбе первопечатного послесловия — тексты менее «знаменитых» послесловий и предисловий к изданиям Ивана Федорова после 1564 г., уже намного более многословные, нравились древнерусским авторам гораздо больше. Например, риторичное послесловие к «Часовнику» Ивана Федорова, вышедшему в Москве через год после «Апостола», в 1565 г., целиком было использовано в ряде изданий последующих русских печатников. Или, например, конец предисловия к острожской «Библии» Ивана Федорова 1581 г. был перенесен затем в известное «Сказание» Авраамия Палицына⁴⁴. Использовалось и послесловие ко львовскому «Апостолу» Ивана Федорова 1574 г.⁴⁵

новопросвещенном месте во граде Казани и в пределах его...» — 260). В общем же, «Псалтырь» 1568 г. и обе «Триоди цветные» 1591 и 1604 гг. используют из послесловия первопечатного «Апостола» Ивана Федорова лишь незначительные отрывки и отдельные фразы, и этим исчерпываются все известные нам случаи влияния федоровского послесловия в древнерусской письменности и печати.

⁴⁴ Ср. соответствующие тексты: предисловие к «Библии», написанное Герасимом Даниловичем, и концовку окончательной редакции «Сказания» Авраамия Палицына.

Предисловие к Библии

Сие предсловице прозрев, мой господине читателю благочестивый, приемли, яко же хощещи; токмо молю: мене, недостойнаго ненаучения ради не възненавиди, ни поноси но паче, яко праведник, покажи милостию и обличи; готов есмь прияти паче, нежели грешника елеом главу мою мастяща. Вем убо, вьистинну вем, яко сия вся превьсходящая вещь требоваше кратших глагол, множайшаго разума. Аз же състави, елико могох умалением си смысла, ибо училища николи же видех. Но понеже людие мол чат, камение вопити понудися. И аще своею волею дръзнул бых на сие, безъответен убо был бых, но повеления благочестиваго князя отрещися отнудь не възмогах. Обаче же сицевая вещь искусных понуждает показати образ лучшаго, ненаказанных же влечет к учению, нерадивых же и сомнливых ничто же ползует. (Библия. Острог, 1581. Л. нумерованн. 7).

Сказание Палицына

Вы же, о избрании о Христе по предуведению Божию сея пречестныя и великие лавры отцы и братие священствующии иноцы и вси согласующиися к соединяющиися православию всякого чина христоименитые людие, сию книжицу прочитающе, примете, яко же хоцете, но убо спасения вашего путь избобрегайте, ко господу же и Богу и святым его и избранным хвалу воздавайте. Мене же недостойнаго и ненаказаннаго не възненавидите, ни поносите, но но паче яко праведницы милостыни покажите и обличите, готов естъ прияти, нежели грешника елеом главу мою мастяще. Вем убо воистинну, яко сия предлежащая вещь требоваше кратких словес, множайша же разума. Аз же изложих, елико възмогах, умалением си смысла убо и училища николи же видех, понеже глаголемо естъ: «Аще веления Божия человецы умолчат, камение вопити понудитца». Обаче сицевая искусных понуждает показати образ лучшаго, ненаказанных же влечет ко учению и от зол возражанию, нерадивых же и сомнливых ничто же ползует, яко же и аз, — увы! (Сказание Авраамия Палицына / Изд. подгот. О. А. Державина и Е. В. Колосова. М.; Л., 1955. С. 249).

Взаимоотношения Авраамия Палицына с русскими печатниками и справщиками Печатного двора, в частности, с Иваном Наседкой, — особая тема.

⁴⁵ Ср. список этого послесловия в сборнике XVII в. Владимирского историко-художествен-

Развитие жанра русских старопечатных предисловий и послесловий к книгам пошло иным путем; послесловие, напоминающее своего рода краткую повесть о царе, больше в истории русского книгопечатания не повторялось. До середины XVII в. намечилось две линии развития послесловий и предисловий. У последователей Ивана Федорова, печатников Андроника и Ивана Невежи, послесловия имеют справочно-пояснительный характер, по мере усиления которого послесловия и предисловия превращаются в своеобразный общий комментарий к содержанию выпускаемой книги. Другая линия развития послесловий как жанра представлена изданиями печатников Смутного времени — Онисима Радишевского и Никиты Фофанова, у которых послесловия становятся проповедями, похвальными словами, как бы произносимыми по поводу бурного времени, когда появились их книги.

В середине XVII в., во время патриаршества Никона, руководившего, как известно, большой работой по исправлению церковных книг, форма предисловий и послесловий получает большее единообразие. Окончательно побеждает, если так можно выразиться, линия Андроника и Ивана Невежи, а не эмоциональная линия Радишевского, слишком тесно связанная с временем Смуты. Предисловия и послесловия становятся более деловитыми и сухими. Но зато к некоторым изданиям прилагаются стихотворные предисловия, сочиненные по украинскому образцу, так как в украинских изданиях практика послесловий и предисловий была гораздо более разнообразной и они носили более литературный характер, чем в изданиях русских.

Однако с начала 80-х годов XVII в. полностью побеждает прикладная, деловая линия в развитии предисловий и послесловий. Послесловия уже почти не употребляются. Все заменяют предисловия, которые сжимаются в небольшие тексты, составленные по единообразной форме и уместающиеся на титульном листе книги.

В чем же причина одиночества послесловия 1564 г. в литературе и в «печати» Древней Руси? Думается, в том стиле середины XVI в., которому следовало послесловие, но который довольно быстро устарел.

Не свидетельствует ли «сокращенность» послесловия о том, что уже в начале 60-х годов XVI в. несколько переменилось отношение к стилю официального повествования середины XVI в. и он стал представляться менее авторитетным, чем раньше? Чтобы ответить на этот вопрос, требуется специальное изучение эволюции стиля официальных исторических произведений XVI в.⁴⁶; пока же это

ного и архитектурного музея-заповедника № 5636/396, л. 208—212 об. Приношу благодарность О. А. Белобровой, любезно сообщившей мне о существовании этого списка.

⁴⁶ Пока мы не располагаем подробной картиной развития официального литературного стиля XVI в. Общие наблюдения см.: *Лихачев Д. С.* Человек в литературе Древней Руси. М.; Л., 1958. С. 107—114. Что же касается «сокращенности» послесловия к «Апостолу» 1564 г., то она объясняется и явно формальными соображениями Ивана Федорова. Дело в том, что первопе-

только предположение; в связи с ним необходимо ответить на вопрос о возможных редакциях первопечатного послесловия: существовала ли первая, более пространный редакция послесловия, которую затем сократили, или же послесловие было написано в том виде, в каком вошло в «Апостол» 1564 г.? Этого в настоящее время мы не знаем: нет данных. Но бесспорно одно: самое раннее оригинальное печатное произведение на Руси было оригинальным и стилистически. Однако при всей своей оригинальности послесловие к «Апостолу» 1564 г. полностью принадлежало к типу традиционного литературного творчества, богатому самыми разнообразными способами варьирования и переработки риторических традиций и очень чуткому к идейным веяниям.

1971 г.

чатник очень заботился о конструкции своей книги. Все тексты его «Апостола» четко разделяются на главные и на вспомогательные. Первые — апостольские деяния и апостольские послания — выделены богатыми украшениями: большими заставками, вязью, инициалами. Вторые — преимущественно так называемые «Сказания» к апостольским посланиям, играющие роль кратких предисловий к посланиям и поясняющие, когда и кем писано послание и каково его основное содержание, — украшены гораздо скромнее. Они выделены только малыми заставками. Других украшений «Сказания» не имеют: это тексты вспомогательные. Кстати, отсюда понятно, почему знаменитый фронтиспис, изображающий апостола Луку, помещен в «Апостоле» не в начале книги, что было бы привычнее для нас, а лишь через несколько листов: фронтиспис следует после всех вспомогательных текстов и служит украшением к главному тексту — апостольским деяниям. Послесловие к «Апостолу» было для Ивана Федорова таким же вспомогательным текстом, как и «Сказания». Как и «Сказания», оно выделено только малой заставкой и сходно со «Сказаниями» по величине (полтора — два листа). Официальность издания требовала соответствующей соразмерности всех его частей. Недаром, по наблюдениям Е. Л. Немировского, Иван Федоров устранил из «Апостола» 1564 г. многие служебные материалы, входившие по традиции в рукописные тексты апостолов; избрал сокращенный вариант «Сказания» к апостольским деяниям; опустил некоторые вспомогательные данные, если они не помещались на листе и пр. (Немировский Е. Л. Возникновение книгопечатания в Москве. С. 278—279, 281). Формальные соображения, когда дело касалось вспомогательных текстов, перед Иваном Федоровым явно стояли на первом плане. Интересно, что послесловие к менее официальному по оформлению львовскому «Апостолу» 1574 г., которое Иван Федоров написал, бесспорно, сам и которое уже не являлось произведением официальным и узко вспомогательным, занимает в книге более важное место. Оно не только раза в три больше московского послесловия, но — и это знаменательно — выделяется большой заставкой и инициалом и имеет особое заглавие: «Сия убо повесть изъясляет, откуду начася и како съвершился друкарня сия» (Апостол. Львов, 1574. Л. 260). Теперь это целая повесть.

3. СКРЫТАЯ ПОЛЕМИЧНОСТЬ СТАРОПЕЧАТНЫХ КНИЖНЫХ ПОСЛЕСЛОВИЙ XVI в.

Тип традиционного литературного творчества вовсе не предполагает спокойных и даже застойных условий его существования — как раз наоборот: отражение напряженных общественных настроений XVI в. можно заметить, изучая, например, старопечатные тексты.

С начала заведения книгопечатания России во второй половине XVI в. издавались только церковные книги. Однако в них печатники добавляли послесловия, являющиеся для нас ценнейшим источником: ведь это произведения уже более или менее светские по содержанию и рассчитанные именно на чтение, а не на употребление в церковной службе.

В нескольких печатных книгах, вышедших в 1550-х годах, послесловий или предисловий нет. Поэтому наши наблюдения мы начнем с первого старопечатного послесловия на л. 260—261 в знаменитом московском «Апостоле» Ивана Федорова и Петра Мстиславца 1564 г. О послесловии к первопечатному «Апостолу» написано огромное количество научных работ¹. Но, как ни странно, до сих пор не ставился вопрос о том, собственно для чего печатники предназначали свои послесловия. Цель автора (или авторов) первопечатного послесловия становится понятной при сопоставлении с использованными ими традициями и источниками, а именно при сопоставлении: 1) с древнерусскими рукописными предисловиями и послесловиями к книгам и сочинениям XV—XVI вв.; 2) с произведениями официального стиля середины XVI в.; 3) с предисловиями и послесловиями некоторых южнославянских печатных изданий XVI в.

Древнерусская традиция

Традицию древнерусских рукописных предисловий и послесловий никто специально не изучал. Мы провели предварительные наблюдения над довольно представительным материалом². Общий порядок изложения в первопечатном послесловии, как и следовало ожидать, сопоставим с обычным формуляром пос-

¹ См.: Начало книгопечатания в Москве и на Украине: Указатель литературы / Составитель Е. Л. Немировский. М., 1975.

² Для выявления рукописей с предисловиями и послесловиями нами просмотрены: каталог датированных рукописей Рукописного отдела РГБ, подробные печатные и машинописные описания крупнейших собраний РГБ — Музейного, Румянцевского, Троице-Сергиевой лавры, Ундольского, Рогожского кладбища, Вологодского, Общества истории и древностей российских, Иосифо-Волоколамского монастыря, Прянишникова и др., а также печатные описания Синодального собрания ГИМ, Софийского собрания РНБ и исторических сборников БАН. Кроме того, просмотрены справочники по истории древнерусской литературы в целом, по источниковедению истории России, по комплексам сочинений летописных, житийных, публицистических, естественно-научных, медицинских, переводных.

лесловий к рукописным книгам: «В лето... месяца... на память святого... при благоверном царе... и при митрополите... и при архиепископе... и при епископе... благословением... и повелением... списана бысть сия книга... а писал сию книгу многогрешный...»³.

Подобные послесловия повторялись с древности⁴ и легли в основу прочих разновидностей послесловий, включая и первопечатное. В зависимости от своего тона послесловия к рукописным книгам разделялись на обыденные и торжественные. Начальная фраза обычно сразу указывала на характер послесловия. Торжественные послесловия начинались с упоминания о Боге. Например: «Слава сътворителю в троици единому Богу, съверъшивъшуму по начале конец. В лето...»⁵. В XV—XVI вв. эта фраза со «славой» Богу перекочевала в конец торжественных послесловий, начинаемых уже более пышно: «Божиею милостию и пречистыя Богоматери...»⁶; или: «О Отце и Сыне и святем Дусе...»⁷; или: «Изволением Отца и Сына...»⁸.

³ Ср., например: «Псалтырь с толкованием». Список 1564 г. РГБ, собрание Румянцевское, № 331; «Измарагд». Список 1557 г. РГБ, собрание Большакова, № 27; «Златоуст». Список 1555 г. РГБ, собрание Румянцевское, № 182; «Евангелие-тетр». Список 1551 г. РГБ, собрание Рогожского кладбища, № 128; «Пролог», на июнь — август. Список 1550 г. РГБ, собрание Музейное, № 3757; сборник житий и поучений 1541—1542 гг. РГБ, собрание Музейное, № 6456; и др.

⁴ Ср., например: «Апостол-апракос». Список 1309—1312 гг. Послесловие писца: «В лето 6000-ное на память святого пророка Авдия доконцаны быша книги си при архиепископе новгородском Давыде, при великом князи новгородскомъ Михаиле, а пльскомъ Иван Федоровици, а посадниче Борисе. А писал...» и т. д. (*Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1855. Отдел 1. С. 295).

⁵ «Служебная минея», на март — апрель. Список 1539 г. РГБ, собрание Румянцевское, № 274. Послесловие писца // *Востоков А.* Описание русских и словенских рукописей Румянцовского музея. СПб., 1842. С. 595—596. Ср. также рукописи XV—XVI вв. РГБ, собрание Большакова, № 182; собрание Музейное, № 4720; собрание Румянцевское, № 118; собрание Троице-Сергиевой лавры, № 90, 157, 687; ГИМ, собрание Синодальное, № 202 и 326; и др.

⁶ Сборник житий 1537 г. РГБ, собрание Иосифо-Волоколамского монастыря, № 629. Послесловие писца // *Иосиф.* Опись рукописей, перенесенных из библиотеки Иосифова монастыря в библиотеку Московской духовной академии. М., 1882. С. 277. Ср. также рукописи XV—XVI вв. РГБ, собрание Иосифо-Волоколамского монастыря, № 462 и 534; собрание Троице-Сергиевой лавры, № 466; собрание Вологодское, № 19; и др.

⁷ «Толковый апостол». Список 1514—1515 гг. РГБ, собрание Рогожского кладбища, № 32. Послесловие писца // *Машинописная опись: Собрание Рогожского кладбища, фонд 247.* М., 1968. С. 31. Ср. также рукописи XV—XVI вв., РГБ, собрание Троице-Сергиевой лавры, № 568; ГИМ, собрание Синодальное, № 275; и др.

⁸ «Евангелие-тетр». Список 1552 г. РГБ, собрание Румянцевское, № 125. Послесловие писца // *Востоков А.* Описание... С. 192. Ср. также рукописи XV—XVI вв. РГБ, собрание Амфилохия, № 16; собрание Музейное, № 4720; собрание Румянцевское, № 209; собрание Троице-Сергиевой лавры, № 79; собрание Иосифо-Волоколамского монастыря, № 8; ГИМ, собрание Синодальное, № 331 и 997; РНБ, собрание Софийское, № 45, 1255 и 1327; и др.

С подобной формулы и начинается послесловие к «Апостолу» Ивана Федорова: «Изволением Отца, и споспешением Сына, и совершением святого Духа...» (260). Значит, торжественность тона входила в намерения составителей первопечатного послесловия.

Но рукописные послесловия подразделялись еще на два других вида — краткие и распространенные. В пространственных послесловиях формуляр был развит писцами за счет вставки летописных или автобиографических сведений. В древности летописные сообщения вставлялись в послесловия преимущественно псковско-новгородских рукописей, и известная, цитирующая «Слово о полку Игореве» запись в псковском «Апостоле-апракос» не была чем-то из ряда вон выходящим: «В лето... месяца... на память святых... написах... Сего же лета бысть бой на Русьской земли... сеяшется и ростяше усобицами, гыняше жизнь наша... А писал...»⁹. В XV—XVI вв. местные границы размылись и историко-летописные послесловия стали встречаться и в рукописях московского и околomosковского происхождения: «Лета... написана бысть сия книга... при благоверном цари... и при епископе... а писал многогрешный... повелением... А в те поры государь был православный царь лет тридцати без двою...» и пр.¹⁰

Автобиографические сведения вставлялись в предисловия и послесловия преимущественно к большим житиям. Авторы или переводчики рассказывали о своих сомнениях и трудностях при составлении сочинения. Таково, например, предисловие Нестора к «Чтению о житии и о погублении Бориса и Глеба» конца XI — начала XII в. В XV—XVI вв. автобиографические рассказы присутствовали в предисловиях и послесловиях к произведениям уже разнообразных жанров: к «Повести о новгородском белом клобуке» (предисловие Дмитрия Герасимова), к «Хронографу» (предисловие Досифея Топоркова) и т. д.¹¹

Интересно, что в практике древнерусских авторов и писцов до XV в. летописные и автобиографические вставки почти никогда не соседствовали, никогда не встречались одновременно в одном и том же предисловии или послесловии. Однако в XV в. начала складываться новая разновидность распространенных предисловий и послесловий, связавших воедино сведения государственного и частного характера. Прежде всего в предисловиях и послесловиях разрослись

⁹ «Апостол-апракос». Псковский список 1307 г. ГИМ, собрание Синодальное, № 722. Послесловие писца // Горский А. В., Невоструев К. И. Описание... Отдел 1. С. 293. Ср. псковские рукописи ГИМ, собрание Синодальное, № 837, 838, 210; РГБ, собрание Ундольского, № 719; и др.

¹⁰ «Апостол». Прилуцкий список 1558 г., РГБ, собрание Отдела рукописей, № 405. Послесловие писца // Машинописная опись: Собрание Отдела рукописей, фонд 218. М., 1955. Т. 5. С. 1—2. Ср. также рукописи РГБ, собрание Троице-Сергиевой лавры, № 466; ГИМ, собрание Синодальное, № 755.

¹¹ Пам. СРЛ. Вып. 1. С. 287 и сл.; ПСРЛ. 22, ч. 1. С. 18 и сл. Ср. также послесловия к некоторым волоколамским сборникам XVI в.: // Дмитриева Р. П. Волоколамские четьи сборники XVI в. // ТОДРЛ. Т. 28. С. 213—215, 217.

сообщения о том, как власти поощрили книжника создать произведение или сборник. Так, в предисловии к «Житию Зосимы и Савватия Соловецких» его составитель Досифей привел целый диалог с новгородским архиепископом Геннадием: «Сие написах, понужену ми бывшу архиепископом Геннадием... Он же рече: «Напиши ми о житии и чудесех...». И аз рекох: «Господине мой архиепископе, аз человек к тому не таков...». Архиепископ же рече: «Елико вразумееш вся помня, напиши ми...». И тако понужен бысть архиепископом»¹².

Даже самые традиционные автобиографические рассказы доводились теперь до развязки в государственных верхах, как, например, предисловие Саввы Крутицкого к «Житию Иосифа Волоцкого» первой половины XVI в.: «И о сем тръпети ми не могущу, известих сиа великому святителю пресвященному Макарию митрополиту всея Русии; он же повеле ми и благослови. Аз же грешный... дерзнух по благословению и по повелению великаго святителя мало нечто изъявити...»¹³.

Казалось бы, частное явление — труды и дни отдельного книжника, но представляли они в странной постоянной связи с деяниями уже самого царя. Ср. в одном из предисловий: «В лето 7042-го постригся Варлаам... и пришел государь царь... ис Казани... и взя его... в царствующи град Москву и послал его... на игуменство... и игуменил 6 годов... и отпустил царь», и тогда написал Варлаам эту книгу¹⁴.

В результате, к середине XVI в. явственно выделилась новая разновидность распространенных послесловий и предисловий — с единообразными добавлениями к старому формуляру, изображавшими процесс создания книги или произведения как значительный государственный акт. Сцена совета царя с митрополитом появилась уже в предисловии Максима Грека к переводу «Толковой псалтыри». Максим Грек писал о Василии III: «... воздвиже твою державу к предложению толкований псалмов... и душею божественныя ревности испол-

¹² ВМЧ. Апрель 8—21. Стб. 586—588.

¹³ ВМЧ. Сентябрь 1—13. Стб. 453—454. Ср. рукописи XV в. ГИМ, собрание Синодальное, № 321 и № 326. Послесловия писцов. Ср. также «Житие Саввы Звенигородского». Предисловие // ВМЧ. Декабрь 1—5. Стб. 68; «Житие Михаила Клопского». Тучковская редакция. Послесловие // Повести о житии Михаила Клопского / Изд. подгот. Л. А. Дмитриев. М.; Л., 1958. С. 166—167.

¹⁴ «Следованная псалтырь». Списание 1540-х годов. РНБ, собрание Софийское, № 76. Предисловие писца // *Абрамович Д. И.* Описание рукописей С.-Петербургской духовной академии: Софийская библиотека. СПб., 1905. Вып. 1. С. 120. Ср. патериковый сборник 1553 г. ГИМ, собрание Синодальное, № 216. Послесловие: «... бысть бо тогда повеление от царя великого князя Иванна по многим градом писати святыя книги... К сему же и не по воли вдаша ми властеле Новагорода списати сию святую книгу... и бысть ми тогда прещение велико с яростию...» и т. д. (*Протасьева Т. Н.* Описание рукописей Синодального собрания: (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева). М., 1970. Ч. 1. С. 42). Ср. также «Казанскую историю». Вступление: «Мне же, — пишет автор, — живущи в Казани, часто и прилежно от царя во веселии... бе бо царь по премногу зная мя и любя мя; велможи же его паче меры брежаху мя. И слышах словом от самого царя изо уст многожды и от велмож его...» (Казанская история / Изд. подгот. Г. Н. Моисеева. М.; Л., 1954. С. 44).

нено, сообщает абие совет пресвященнейшему о Господе отцу своему господину Варлааму митрополиту всея Руси и, молитву и благословение прием, скорейше... призывал... священник...»¹⁵.

Подобная же сцена появилась и в предисловии к новой редакции «Жития Александра Невского», включенной в «Великие минеи четии»: «Егда же достигшу лет, в ня же скипетры Русскаго царства дрѣжашу благочестивому царю и великому князю Ивану Василиевичю всея Руси, и сему вложи Бог в сердце мысль благу, еже прославити угодника Божиа... Правяшу же престол рускиа митрополиа преосвященному Макарию митрополиту всея Руси, и повелением самодрѣжца оному о сем подвигшуся вседушьне с всем священным собором и изыскавшѣ...»¹⁶. То же читается и в предисловии к «Житию митрополита Ионы»: «... дондеже прииде время в лето 7055, внегда божественною ревностию подвижем, благочестивый и Богом венчанный царь и великий князь Иван Васильевич... осиаваем благодатию святаго Духа, возжеле от всея душа... иже в Русской земли царския ему державы премирное богатство взыскати и собрати... И сего ради христоробивый царь и великий князь Иван възвещает боголюбознейшему митрополиту Макарию всея Руси и совета блага просит от него... Преосвященнейший же митрополит Макарий возрадовася душею, ведый, яко Божиим хотением сицево бысть тщание и вера благочестиваго царя, и в купе Богом подвизаеми созывают» собор и т. д.¹⁷

Послесловие к «Апостолу» Ивана Федорова не заимствовало какой-либо конкретный текст, однако композиционно и фразеологически относилось к новому виду распространенных послесловий и предисловий «государственно-го» содержания: «...повелением благочестиваго царя и великаго князя Ивана Василиевича... многия святыя церкви воздвизаеми бываху... И сия вся... царь украшаше... он же начат помышляти, како бы изложити печатныя книги... И тако възвещает мысль свою преосвященному Макарию митрополиту всея Руси. Святитель же, слышав, зело возрадовася и, Богови благодарение воздав, царю глаголаше, яко от Бога извещение приемшу и свыше дар сходящ. И тако... начаша изыскивати мастерства печатных книг... повеле устроити дом... иде же печатному делу строитися...» (260—260 об.).

Все подобные послесловия и предисловия не только отражали реальные факты проявления царем и митрополитом внимания к тем или иным произведениям, но и своей литературной формой подчеркивали особую значительность предлагаемых сочинений. Очевидно, и автор послесловия к «Апостолу» Ивана

¹⁵ Сочинения Максима Грека. Казань, 1860. Ч. 2. С. 299.

¹⁶ ВМЧ. Ноябрь 23—25. Стб. 3225.

¹⁷ *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 460—461.

Федорова своим рассказом о заведении книгопечатания стремился внушить читателям — служителям церкви представление о значимости печатной книги, которую торжественно одобрили сам царь и митрополит.

Официальные сочинения

Сопоставление первопечатного послесловия со второй группой его источников — с сочинениями официального стиля — проделано в предыдущей статье данной книги. Добавлю лишь, что основы официального стиля были заложены, разумеется, до середины XVI в. Ср. с повествовательными приметами этого стиля, например, «Иосафовскую летопись» первой половины XVI в. Под 1518 г.: архимандрит «възвестил тоя... Сия же чудеса слышав... приидоша... и възрадовася радостию великою зело, и въздохнув из глубины сердца, глаголя...»¹⁸.

Влияние официальной манеры изложения сказалось и при переработке в XVI в. более ранних произведений. Ср. «Житие Варлаама Хутынского», Особую редакцию: «В лето 6973-го... господь Бог вложи в сердце святителю, архиепископу Феофилу, помысл благий. И помысли же... и призывает... архимарита... игуменов... священников и повелевает... чтобы, совет сотворив, послали бы послов бити челом государю великому князю Ивану Васильевичю...»¹⁹. Недавно, проанализировав фактическую основу этого рассказа, Л. А. Дмитриев пришел к выводу о том, что источником эпизода «служили не какие-то ранние, неизвестные нам записи или устные предания, а те летописные записи и повести, которые отражали официальную московскую точку зрения на эти события»²⁰.

Целесообразно проверить воздействие официального стиля XVI в. на редакции княжеских «Уставов». Например, поздняя редакция «Устава святого Владимира» содержала типичные для официального стиля фразы: «Во имя Отца, и Сына, и святого Духа. Се аз княз и великий... згадав аз с своею княгинею Анною и с своими детми...»²¹. Показательно, что «Устав Владимира» находится в сборнике 1560-х годов БАН, собрание Архангельское Д., № 193, составленном только из материалов времени Ивана Грозного — «Летописца начала царства», «Похвалы Грозному» и пр.²²

¹⁸ Иосафовская летопись / Изд. подгот. А. А. Зимин. М., 1957. С. 177—178.

¹⁹ Дмитриев Л. А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв.: Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л., 1973. С. 75—76.

²⁰ Там же. С. 78.

²¹ Сборник XVI в. ГИМ, собрание Синодальное, № 951, л. 198 и сл.; Горский А. В., Невоструев К. И. Описание... М., 1862. Отдел 2, ч. 3. С. 577—578.

²² См.: Копанев А. И., Кукушкина М. В., Покровская В. Ф. Исторические сборники XV—XVII вв.: Описание Рукописного отдела БАН АН СССР. М.; Л., 1965. Т. 3, вып. 2. С. 132 и сл.

Если сравнить первопечатное послесловие с произведениями официального стиля в целом, то станет заметным его особое свойство — густота насыщения официальными формулами. Ведь, например, и в «Летописце начала царства», и в «Степенной книге» есть относительно краткие статьи, но они не содержат такой тесной мозаики официальных формул. В небольшом же послесловии к «Апостолу» представлены все важнейшие официальные выражения, относящиеся к культурно-строительной деятельности царя. Послесловие к «Апостолу» официознее любых других официальных послесловий и предисловий. Если оно — результат подгонки пространный текста к малому объему, то тогда как искусно и целенаправленно было произведено сжатие текста!

Так или иначе, но ясно, что густой концентрат официальных выражений в послесловии 1564 г. предназначался автором для особо веского, авторитетного, даже подавляющего заверения в том, что печатные книги «повелением царя и благословением митрополита» «изложилися праведне» в противоположность большинству «растлених» рукописных книг. Вот в чем автор предисловия заверял читателей, прежде всего служителей церкви.

Южнославянские издания

Подобное понимание авторской цели поддерживается сопоставлением с третьей группой основных источников послесловия к московскому «Апостолу» Ивана Федорова — с предисловиями и послесловиями некоторых южнославянских изданий первой половины XVI в. Как известно, одним из наиболее вероятных конкретных источников русского первопечатного послесловия послужило послесловие же к «Молитвослову», изданному по повелению черноморского эмигранта Божидара Вуковича в Венеции в 1520 г.²³ В них сходен ряд тем. Совпадают начальные формулы: «Изволением Отца, и съспешением Сына, и съвършением светаго Духа» («Молитвослов»²⁴); «Изволением Отца, и споспешением Сына, и совершением святаго Духа» («Апостол», 260).

Близки не находящиеся больше нигде аналогии упоминания о книгопечатании в иных странах: «... видехъ, — сообщает Вукович, — съставляющтиих божьствъннаа писаниа на типарех Фруги же, и Грькы, и иные езыки, желаниемъ въждеলেখъ и наша срьбьскаа же и блъгарьскаа такожде на типарех състави-ти...» («Молитвослов»). Ср.: Иван Грозный «начат помышляти, како бы

²³ Впервые об этом см.: *Владимиров П. В.* Доктор Франциск Скорина: Его переводы, печатные издания и язык. СПб., 1880. С. 174.

²⁴ Молитвослов. Венеция, 1520. Послесловие // *Каратаев И. П.* Описание славяно-русских книг, напечатанных кирилловскими буквами. СПб., 1883. Т. 1: с 1491 по 1652 г. С. 53. В более ранних южнославянских кирилловских изданиях послесловия начинались несколько иначе. Ср.: Псалтырь. Цетинье, 1495. Послесловие: «Благоволениемъ Отца...» (*Каратаев И. П.* Описание... Т. 1. С. 19).

изложить печатные книги, яко же в Греках, и в Венеции, и во Фригии, и в прочих языках... на составление печатному делу...» («Апостол», 260 об.—261). Знаменательно, что автор московского послесловия добавил здесь ссылку на Венецию — свидетельство его обращения к венецианскому изданию.

Сходны у обоих послесловий и упоминания о щедрости покровителей: «Не дахь себе ни мала покоя, — объявляет Вукович, — ... ни поштедехь от имени(й) моихь... дондеже извести ми дело на съвршение...» («Молитвослов»); Иван Грозный «нещадно даяше от своих царских сокровищ делателем и к их упокою, дондеже и на совершение дело их изыде...» («Апостол», 260 об.—261).

Еще ближе к «Апостолу» 1564 г. звучит последняя фраза в послесловии «Соборника», то есть «Праздничной минеи», изданной по повелению того же Божицара Вуковича в Венеции в 1538 г.: «... и от богоданнаго ми имени не пощадех, дондеже приспех на съвршение делу»²⁵. А с предисловием именно к этому «Соборнику» 1538 г. перекликается и другая фраза в первопечатном русском послесловии: «... Богъ благоизволили украсити святую церковь свою различными кнѣгами» («Соборник»²⁶); «... церкви... царь украшаше... святыми кнѣгами» («Апостол», 260).

Но опять видим своеобычные послесловия к федоровскому «Апостолу». Места, заимствованные из изданий Божицара Вуковича, имели в «Апостоле» Ивана Федорова иной смысл: там, где Вукович говорил о себе или о Боге, у Федорова говорилось только о царе. Царь замыслил завести книгопечатание на Руси, «яко же в Греках, и в Венеции, и во Фригии»; царь не щадил казны на совершенные этому делу; царь украшал церкви кнѣгами. Автор послесловия к «Апостолу» Ивана Федорова подчеркивал не роль печатников, а роль царя. Печатная книга, стремился внушить автор читателям, замыслена, изготовлена и распространяется исключительно по повелению и под покровительством царя.

Послесловие к «Апостолу»

Заимствования из разных типов источников были переплавлены в послесловии к «Апостолу» 1564 г. настолько, что одно и то же место иногда может относиться сразу и к древнерусской традиции послесловий, и к фразеологии южнославянских изданий, и к стилю русского официального повествования XVI в. Но отбор или переработка разнообразного материала (классическое воплощение традиционного литературного творчества) неизменно направлялись у автора первопечатного послесловия к одной главной цели. Сопоставление с источниками помогает заметить ускользавший от нас ранее существенный от-

²⁵ Соборник. Венеция, 1538. Послесловие // *Каратаев И. П.* Описание... Т. 1. С. 93.

²⁶ Там же. С. 89—90. Ср., однако, «Церковный устав». Список 1438 г. ГИМ, собрание Синодальное, № 331. Послесловие писца: тверской епископ «желание имяше на съвокупление книжное и на украшение церковное» (*Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание ... М., 1869. Отдел 3, ч. 1. С. 313).

тенок в содержании послесловия к «Апостолу» Ивана Федорова. Автор послесловия вовсе не пытался пояснить особенности нового на Руси дела — книгопечатания. По отношению к книгопечатанию он нигде не употребил и слова «новый». Главная его цель состояла в другом. Автор послесловия постарался изложить множество доводов вообще в пользу русского книгопечатания как такового: рукописных книг на Руси не хватает, и они почти все неисправны; печатных же книг можно сделать много и соблюсти единообразие; книги уже печатают у греков и у других народов; сам царь Иван Васильевич задумал нововведение, а митрополит Макарий с радостью это благословил, назвав «извещенным» от Бога; именно по повелению царя искали и нашли мастеров печатного дела; сам царь из казны оплачивал расходы на типографию; печатал же данную книгу диакон такого авторитетного заведения, как кремлевская церковь Николы Гостунского... Слишком значащи, слишком сконцентрированы на единой цели все эти сведения, чтобы считать первопечатное послесловие нейтральным объявлением о выходе книги в свет. Ни в одном из известных нам официальных послесловий и предисловий нет такого скопления сведений в роли доводов, нет такой непрерывной цепи доводов в столь небольшом произведении. Автор первопечатного послесловия, очевидно, очень хотел убедить читателей, прежде всего из среды церковнослужителей, в допустимости книгопечатания, в дозволенности и полезности печатной книги.

Скрытая полемичность внешне объективного исторического повествования примечательна для многих официальных произведений, начиная как раз с середины XVI в., — для «Никоновской летописи»²⁷, для «Царственной книги»²⁸, для «Казанской истории»²⁹, для обработки судебных списков по делу Максима Грека³⁰, для проповедей, житий, повестей³¹. Полемичны и некоторые ру-

²⁷ Часть «Никоновской летописи» «явно составлена в противовес критическим высказываниям Максима Грека» (Клосс Б. М. Никоновская летопись и Максим Грек // ТОДРЛ. Т. 30. С. 124—131).

²⁸ В 1563—1564 гг., «распорядившись включить в официальную летопись подробный рассказ о заговоре и мятеже Старицких в 1553 г., Грозный руководствовался не литературными, а политическими целями. Официальная летопись вполне заменила и судебное разбирательство, и даже судебный приговор» (Скрынников Р. Г. О времени работы Ивана Грозного над Лицевым сводом // Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. М., 1976. С. 154—161).

²⁹ «В противовес старым русским боярско-княжеским фамилиям Иван IV выдвигал знать иноземного, в частности татарского, происхождения; официозная Казанская история вопреки исторической истине приписывала поэтому решающую роль в войне... татарским «царевичам»... а также деятелям опричнины». (Лурье Я. С. Судьба беллетристики в XVI в. // Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970. С. 431—432).

³⁰ О «литературно-публицистической обработке судебных списков Максима Грека» см., например: Казакова Н. А. Очерки по истории русской общественной мысли: Первая треть XVI века. М., 1970. С. 192 и сл.

³¹ В XVI в. «формы деловой письменности становятся формами публицистики, в Великие

кописные книжные предисловия, как, например, предисловие Нила Курлятева к переводу «Псалтыри», сделанному Максимом Греком в 1552 г.; полемично предисловие к раннему варианту «Азбуковника» второй половины XVI в.³² Неудивительна поэтому и открывающаяся нам убеждающая энергия послесловия к «Апостолу» Ивана Федорова 1564 г., родственная «подтвердительно» манере повествования «Степенной книги» 1563 г. Изучение способов скрытой полемики в памятниках, относящихся к традиционному типу литературного творчества, — одна из интереснейших задач.

По тому, как автор послесловия к московскому «Апостолу» усиленно пытался убедить читателей, прежде всего церковников, можно предполагать, что он еще в процессе издания ожидал недоверчивого или даже недоброжелательного отношения к печатной книге. Прямых высказываний на этот счет в послесловии 1564 г. нет. Но два места в этом памятнике косвенно подтверждают наше предположение. Оба места — довольно точные скрытые цитаты. Полный смысл цитат становится ясным, если знать контекст цитируемых источников.

Когда автор послесловия к «Апостолу» упоминает, что рукописные книги «растлени от переписующих ненаученых сущих и неискусных в разуме» (260 об.), то он цитирует «Слово отвещательно о исправлении книг русских» Максима Грека. Сам факт цитации был замечен давно³³, но дополнительное смысловое

Четьи-Минеи митрополита Макария... внесена сильная публицистическая, злободневная струя... Назидательное, публицистическое начало преобразует летопись в Степенную книгу... Выдумка входит сильнейшим элементом в Степенную книгу, в Летописец начала царства, в Казанскую историю и в Лицевой свод Грозного. В уста исторических героев вкладываются измышленные речи... В летопись проникает полемика — в Псковскую, в Новгородскую, в Ростовскую и т. д. ... Следует подчеркнуть особенное развитие в публицистике таких старых жанров церковной литературы, как проповеди, слова, поучения» (*Лихачев Д. С.* Иван Пересветов и его литературная современность // Сочинения Ивана Пересветова. М.; Л., 1956. С. 50). По поводу «Степенной книги» см. также: *Альшиц Д. Н.* Легенда о Всеволоде — полемический отклик XVI в. на Слово о полку Игореве // ТОДРЛ. Т. 14. С. 64—70; о бытине о Вавиле-скоморохе 1560—1580-х годов см.: *Лихачев Д. С.* Возможный случай скрытой полемики фольклорного произведения // Из истории литературных отношений XVIII—XX веков. М.; Л., 1959. С. 335—336.

³² Предисловие Нила Курлятева «было направлено на поддержку усилий самого Максима в реабилитации его переводческой деятельности. Для этого надо было раскрыть, в чем заключаются достоинства переводов ученого Грека, противопоставить их недостаткам прежних переводов и тем самым обосновать полезность сделанного им и уберечь его новый перевод, соавтором которого был Нил, от упреков в ереси и от исправлений. Цель Предисловия была конкретной, а стиль изложения полемическим» (*Ковтун Л. С.* Лексикография в Московской Руси XVI — начала XVII в. Л., 1975. С. 93—94; см. еще С. 67—70). В «Азбуковнике» тоже «все Предисловие проникнуто духом полемики.. в духе взглядов Максима Грека: "...понеже мнози от неискусных книжник и писцевь многи иностранныя речи пишут и глаголют криво"» (Там же. С. 225—226).

³³ Впервые об этом см.: *Румянцев В. Е.* Сборник памятников, относящихся до книгопечатания в России. М., 1872. Вып. 1. С. 6, 10.

значение такого цитирования как-то не учитывалось. В контексте же сочинения Максима Грека это место связано с упоминанием как раз о враждебном отношении читателей к книжной деятельности автора: «А яко не порчу священныя книги, яко же клеветуют мя враждующии ми всеу, но прилежне, и всяким вниманием, и Божиим страхом, и правым разумом исправливаю их, в них же растлешася ово убо от преписующих их ненаученых сущих и неискусных в разуме...»³⁴. По-видимому, недаром автор послесловия к «Апостолу», говоря о заведении книгопечатания, использовал фразу именно из этого отрывка. Кстати, эту же цитату из Максима Грека Иван Федоров использовал и в послесловии ко львовскому «Апостолу» 1574 г., притом в открытой связи с порицанием недоброжелательства читателей. Но об этом несколько ниже.

Пока же перейдем ко второй цитате в послесловии 1564 г., тоже давно замеченной. Когда царский замысел начать книгопечатание на Руси одобряется в послесловии как «свыше дар сходящ» (260 об.), то тут автор цитирует первое Соборное послание апостола Иакова, I, 17. Но в апостольском послании эти слова соседствуют с увещанием к читателям освободиться от гнева и злобы. Вот текст по первопечатному же «Апостолу»: «Всяко дание благо и всяк дар совершен свыше есть сходя от Отца светом... Тем же, братие моя возлюбленная, да будет всяк человек скор услышати и косен глаголати, косен во гнев. Гнев бо мужу правду Божию не содевает. Сего ради отложыше всяку скверну и избыток злобы, в кротости примите всажденное слово...» (56 об.—57)³⁵.

Совпадение скрытого смыслового оттенка двух очень разных цитат — а в послесловии к московскому «Апостолу» нет ни одного случайного, механического заимствования — побуждает нас с большей уверенностью предполагать, что автор первопечатного послесловия 1564 г. думал об «избытке злобы» у читателей, особенно у церковников, «враждующих» к предлагаемой печатной книге³⁶.

³⁴ «Слово отвещательно о исправлении книг русских...» // Сочинения Максима Грека. Ч. 3. С. 62.; ср. еще: «...писарей неведение растли» (Там же. Ч. 2. С. 312).

³⁵ Ср., как далее в послании определяется этот дар свыше, эта «премудрость свыше низходящи»: «А яже свыше премудрость, первее убо чиста есть, потом же мирна, смотрелива, кротка, благопокорлива, исполнь милости и плодов благих, несуменна, со смирением сеется творящим мир. Откуда брани и свары в вас?...» (59). Знаменательно, что те же отрывки из «Послания» Иакова цитировал Иван Грозный в первом «Послании» А. М. Курбскому 1564 г., рассуждая о сварах и вражде людской. См.: Послания Ивана Грозного / Изд. подгот. Д. С. Лихачев, Я. С. Лурье. М.; Л., 1951. С. 21.

³⁶ Если Иван Федоров ожидал недоброжелательного отношения к своей книге, то тем продуманнее должно было быть послесловие. И все-таки в нем допущена хорошо известная сейчас несообразность в датах: «И тако повелениемъ благочестиваго царя и великаго князя Ивана Васильевича... начаша изыскивати мастерства печатных книг, в лето, 61, осмыа, тысящи, въ 30, е, лето государства его. Благоверный же царь повеле устроити домъ от своая царския казны, иде же печатному делу строитися» (260 об.; передаем запятые и точки подлинника). По поводу дат в этом месте высказывались разные предположения; их обзор см.: *Немировский Е. Л.* Возникновение книгопечатания в Москве: Иван

Подобное прямо не высказываемое мнение издателей первопечатного «Апостола» о читателях-церковниках, несомненно, было связано с реально существовавшим недоброжелательством по отношению к печатной книге. Опасения издателей подтвердились. Ведь сам Иван Федоров, вспоминая через десять лет об обстоятельствах заведения книгопечатания в Москве, не мог забыть «презелнаго... озлобления... от многих начальник, и священноначальник, и учитель, которые на нас... многия ереси умышляли... слово зло пронесоша»³⁷. На Украине, где публиковались эти строки, первопечатник уже прямо называл вещи своими именами.

Приведенные хорошо известные слова Ивана Федорова из львовского «Апостола» 1574 г. послужили основанием многим ученым для указания на вспышку недоброжелательства у церковников и населения Москвы к новозаведенной типографии. Прделанный нами анализ послесловия к московскому «Апостолу» 1564 г. заставляет думать не о вспышке только, а о длительной атмосфере недоверия и враждебности к печатной книге, прежде всего в среде церковных и светских «начальников».

После «Апостола»

Обратимся к последующим изданиям. В течение почти тридцати лет книги выпускались с послесловиями, разительно отличавшимися от послесловия к первопечатному «Апостолу» 1564 г. Менее чем через год тот же Иван Федоров в Москве напечатал «Часовник» с послесловием, совершенно иным по ха-

Федоров. М., 1964. С. 284, 285. Мы считаем, что обе даты относятся к словам «начаша изыскивати»; а затем в данном месте после точки подлинника начинается новая фраза («Благоверный же...»), ибо слова с частицей «же» встречаются в послесловии 11 раз и всегда как первые слова предложений, главных и придаточных. Объединение в одном предложении даты от сотворения мира с датой от начала царствования царя вполне соответствует обычной манере повествования того времени, в том числе и концовке федоровского послесловия: «... совершени быша в лето 7070 второе, марта в 1 день, при архиепископе Афанасие митрополите всяя Росия, в первое лето святительства его» (261). В послесловии «Апостола» на самом деле нет противоречия между датами: «в лето 61 осмыа тысящи», то есть прошло 7 тысяч лет, пошла восьмая тысяча, значит, 7061 = 1553 г.; соответственно «въ 30-е лето государства его», то есть прошло два десятка лет после венчания Ивана Васильевича на царство, в 1533 г., пошел третий десяток, значит, 1533 г. + 20 = 1553 г. (Эта мысль о народном счете десятками, когда «первый год третьего десятка» — это 1 + 20 = 21 год, была подсказана мне одним студентом Литературного института). Если же следовать нашей нынешней манере прибавления десятилетий, то тогда приходится идти навстречу явному алогизму в обозначении годов: «изыскивати мастерства печатных книг» начали в 7061 г. (в 1553 г.), но в 30-е лето государствования Ивана IV (1533 г. + 30 = 1563 г.).

³⁷ Апостол. Львов, 1574. Л. 260—260 об. Печатаемая в Москве именно «Апостол», Иван Федоров также шел против настроений в церковных верхах. Ср. известное в науке свидетельство бежавшего в Литву бывшего игумена Троице-Сергиева монастыря Артемия, который в середине XVI в. в «Послании» Ивану Грозному писал: в России «слова глаголются о неких, мнящихся быти учителей: «Грех простым чести Апостол и Евангелие!» И мнози от ненаказанных боятся и в руки взяти» (РИБ. Т. 4. Стб. 1383).

рактору, чем в «Апостоле»: лапидарное изложение фактов было заменено расплывчатой, витиеватой риторикой. В таком же нравоучительно-риторическом стиле были написаны послесловия к книгам, в печатании которых Иван Федоров уже не участвовал, — к «Псалтыри» 1568 г. и «Псалтыри» 1577 г. Только в послесловии к «Цветной триоди» 1591 г. была восстановлена внешняя канва изложения, принятая в послесловии первопечатного «Апостола».

Важные сведения обычно переходят из послесловия в послесловие независимо от названия и формата книг. Отказ от такой манеры в печатных послесловиях 1565—1577 гг. показывает, что в 1560—1570-е годы первопечатное послесловие чем-то не угодило читателям, печатникам и их высоким заказчикам. Могла вызвать раздражение допущенная в послесловии 1564 г. резкость противопоставления «растленных» рукописных книг «праведности» книг печатных. И действительно, во всех последующих послесловиях это противоположение было максимально смягчено. В «Часовнике» 1565 г. о неисправности рукописных книг уже не упоминалось. В послесловии к «Псалтыри» 1568 г. книгопечатание примирительно объявлялось подмогой книгописцам: «... дело печатных книг ко очищению и ко исправлению ненаученых и неискусных в разуме книгописец...»³⁸. В послесловии же к «Псалтыри» 1577 г. слово «печатный» употреблялось как можно реже и изложение велось так, будто речь идет о книгах и рукописных, и печатных, равно служащих «ко очищению и исправлению плодов правды»³⁹. Лишь в послесловии к упомянутой уже «Цветной триоди» 1591 г. вернулось прямое обвинение в адрес рукописных книг, которые «во многих летех от преписующих неученых человек неправлены»⁴⁰. По-видимому, в 1560—1570-е годы у читателей-церковников и у неких «начальников» вызывала сопротивление претензия на особое превосходство печатных книг над рукописными.

Вероятно, по этой же причине в послесловиях книг, вышедших после «Апостола» 1564 г., были опущены все свидетельства об особом внимании царя к книгопечатанию. Например, в «Часовнике» 1565 г. уже не повторялись столь выигрышные напоминания о первоначальных приготовлениях и обнадеживающей щедрости царя по отношению к печатному делу. В послесловии же к «Псалтыри» 1577 г. не повторялись даже слова о царском желании наполнить государство именно печатными книгами. Печатную книгу предлагали читателям не с открытыми похвалами в ее адрес, а как бы исподволь, наравне с рукописной.

Резкая перемена в содержании и стиле послесловий после апологии книгопечатания в «Апостоле» 1564 г. была вызвана, надо думать, как раз сохранением на Руси неблагоприятного отношения к печатным федоровским и

³⁸ Псалтырь. М., 1568. Л. нумерованн. 290 об.

³⁹ Псалтырь. М., 1577. Л. нумерованн. 275.

⁴⁰ Цветная триодь. М., 1591. Л. 246 об.

послефедоровским книгам, причем недоверие сохранялось не год и не два, а не менее четверти века. Свидетельством тому может послужить и сама редкость выхода печатных книг: в 70-е годы XVI в. были выпущены лишь две книги — «Псалтырь» и «Часовник»⁴¹; в 80-е годы — одна книга — «Постная триодь». Между тем книгописная деятельность не иссякла. Итальянский путешественник Антоний Поссевин, побывавший в России в 1581 г., отметил эту разницу: «А все книги они переписывают, но не оттискивают литерами; разве когда для самого лишь государя кое-что кладется под печатный пресс, в местечке, которое зовется Слобода Александровская, где у него есть типография»⁴². Другой иностранный автор, французский историк Андре Теве, в 1584 г. подтверждал: «...москвиты... очень подозрительны... из страха, что печатные книги могут принести какие-либо изменения в их убеждения и религию»⁴³.

К сожалению, нам неизвестны русские рукописные источники XVI в., которые содержали бы высказывания по поводу заведения книгопечатания на Руси. Прочие же данные, как правило, косвенны. Так, можно предположить, что печатные книги не занимали в сознании читателей XVI в. равноправного положения с книгами рукописными, ибо, по наблюдениям Г. И. Коляды, федоровские издания длительное время не принимались писцами — «это видно из того, как медленно прокладывают они себе путь в рукописную книгу»⁴⁴; влияние печатных книг на рукописные в XVI в., как продемонстрировала М. В. Кукушкина, проявилось только в редчайших единичных случаях⁴⁵.

⁴¹ О недавно обнаруженном «Часовнике» 1577—1580 гг. см.: *Каменева Т. Н.* Неизвестное издание московской печати XVI века // Книга. М., 1967. Т. 14. С. 133—144. Правда, епископ Дамаскин (Дмитрий Семенов-Руднев) в библиографическом труде 1785 г. указал еще две книги, якобы печатанные в 1577 г.: «Копия с трактату перемирнаго меж его величеством царем и великим князем Иоанном Васильевичем самодержцем всероссийским и королем шведским Ирином 14, учиненнаго 1564 года» и «Книга о победе над враги». Неизвестно, видел ли эти книги сам описатель. Во всяком случае, первое заглавие очень напоминает заглавия изданий договоров в XVIII в. См.: *Дамаскин.* Библиотека российская, или Сведение о всех книгах в России, с начала типографии на свет вышедших. СПб., 1881. С. 21.

⁴² *Possevinus Antonius.* De Moskovia // *Historiae Ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI / Colleg. et edit. A. Starczewski.* Berolini et Petropoli, 1842. Vol. 2. S. 278. Перевод с латинского сделан А. Г. Мирзоян. Стилистически несколько иной перевод А. И. Малейна см.: Иван Федоров первопечатник. М.; Л., 1935. С. 62.

⁴³ *Сапунов Б. В.* К вопросу о прекращении деятельности первых типографий в Москве // ТОДРЛ. Т. 12. С. 434. Стилистически несколько иной перевод этого места: *Новосадский И. В.* Возникновение печатной книги в России в XVI в. // Иван Федоров первопечатник. С. 60.

⁴⁴ *Коляда Г. И.* Работа Ивана Федорова над текстами Апостола и Часовника... // ТОДРЛ. Т. 17. С. 246.

⁴⁵ *Кукушкина М. В.* Монастырские библиотеки Русского Севера: Очерки по истории книжной культуры XVI—XVII веков. Л., 1977. С. 91, 110—111.

Можно предположить далее, что в 1560—1580-е годы отношение к безвыходным, дофедоровским изданиям как-то отличалось от отношения к первым книгам Ивана Федорова. Любопытна особенность, замеченная Е. Л. Немировским: на дофедоровских изданиях встречается немало вкладных записей 1559—1573 гг.; светские и церковные лица дарили эти книги церквям. Следовательно, дофедоровские издания принимались безоговорочно. Но вот на известных ныне экземплярах «Апостола» 1564 г., за одним исключением, нет записей старше 1591 г., что может указывать на иное к нему отношение в 1560—1580-е годы ⁴⁶.

Правда, в одном экземпляре «Апостола» 1564 г. есть вкладная запись от 26 октября 1570 г. некоего псаломщика в несколько церквей Чудовского монастыря. В этой записи не совсем обычен конец: «И кто сию книгу возьмет насильством, орхимандрит или иные хто, и он в том со мною судица пред Богом» ⁴⁷. Почему именно от монастырского архимандрита в первую очередь ожидалось «насильство» по отношению к федоровскому «Апостолу»? Не из-за неприязни ли «священноначальников» к федоровскому изданию?

Пока не найдено документов, которые с бесспорностью являли бы чье-то уважение в 1560—1580-е годы к книгам Ивана Федорова. В известной «Деловой памяти» от 5 июня 1578 г. о разделе книг в семействе Строгановых в Соли Вычегодской из 229 книг 86 названы «печатными», то есть почти 38 % ⁴⁸. Но как толковать здесь слово «печатный»? Еще Н. Д. Чечулин писал: «... можно еще сомневаться, не назывались ли тогда «печатными» книги, имевшие какую-то печать, — быть может, как знак того, что книга была подвергнута той проверке, о которой говорит Стоглав»; ведь в самом «Стоглаве» упомянуты «печатные служебники» на самом деле явно рукописные, а в книжных описях того времени названы «печатными» «Триоди» харатейные, то есть пергаменные ⁴⁹. Таким образом, опись книг Строгановых не обязательно имела в виду книги напечатанные.

В общем, есть основания предполагать, что в 1560—1580-е годы большой слой древнерусского общества, особенно церковники, с недоверием, даже с враждебностью относился к федоровским и послефедоровским печатным

⁴⁶ Немировский Е. Л. Возникновение книгопечатания в Москве. С. 149, 176, 196—198, 232, 275.

⁴⁷ РГАДА, собрание Библиотеки Московской синодальной типографии // Долгова С. Р. Уникальный экземпляр Апостола 1564 г. // Книга. М., 1973. Т. 27. С. 176.

⁴⁸ Подсчет см.: Сапунов Б. В. Изменение соотношений рукописных и печатных книг в русских библиотеках XVI—XVII вв. // Рукописная и печатная книга. М., 1975. С. 42—43.

⁴⁹ Чечулин Н. Д. Несколько данных о книгах по городам Московского государства в XVI веке. СПб., 1889. С. 16. Однако см. замечание Б. В. Сапунова о том, что опись Коряжемского монастыря 1586 г. и некоторые другие описи особо выделяли книги Ивана Федорова и что в то время «никто из печатников такой чести не удостоился» (Сапунов Б. В. Книга и читатель на Руси в XVI в. // Книга. М., 1983. Т. 46. С. 71).

изданиям. Недостаточность источников позволяет лишь слегка приоткрыть эти общественные настроения.

Естественно, что наши последующие социально-исторические объяснения остаются гипотетичными. Основываясь на результатах изучения периода второй половины XVI в. российскими историками, книговедами и фольклористами. Мнение, впервые высказанное, кажется, Н. М. Карамзиным, будто писцы боялись соперничества типографии, сейчас обоснованно признано ошибочным. Печатная книга получалась гораздо дороже рукописной. Предполагаем поэтому, что недоверие или даже нелюбовь массы читателей-церковников и «начальников» к печатной книге были вызваны не вытеснением старого новым и не столько невежеством или психологическим консерватизмом, сколько имеющей политическую окраску неприязню различных слоев общества к царским нововведениям. Иные причины второстепенны.

В подтверждение можно указать на общее соответствие между «оппозицией» читателей по отношению к царской новопечатной книге и оппозицией общества по отношению к иным мероприятиям Ивана Грозного. В 1550—1560-е годы кто только прямо или косвенно ни выступал против царских установлений, разумеется, с разной степенью неприятия их: светские и церковные авторы поучений и наставлений царю⁵⁰; еретики⁵¹; церковное руководство с его стремлением «сохранить свое полунезависимое положение в государстве» и с резким противодействием попыткам правительства «включить его в централизованный аппарат власти»⁵²; боярство, ибо «образование удельной фронды стало важнейшим фактором политической истории начала 60-х годов... столкновение монархии с аристократией достигло критического момента»⁵³; отдельные, казалось бы, вполне лояльные лица из царской администрации, вроде Ивана Висковатого, кото-

⁵⁰ См.: *Синицына Н. В.* Послание константинопольского патриарха Фотия князю Михаилу Болгарскому в списках XVI в. // ТОДРЛ. Т. 21. С. 100. Здесь и ссылки на литературу вопроса. См. еще: *Казакова Н. А.* Максим Грек и идея сословной монархии // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 151—158.

⁵¹ «Иван Федоров, несомненно, был и в курсе религиозной полемики своего времени: церковь Николы Гостунского, где он служил дьяконом, — место религиозного диспута между протопопом Николы Гостунского Амосом и Перфиром, единомышленником Матвея Башкина...» (*Клибанов А. И.* Реформационные движения в России в XIV— первой половине XVI в. М., 1960. С. 393).

⁵² История СССР: В 12 т. М., 1966. Первая серия. Т. 2. С. 190—191. Ср., как «провал на Стоглаве программы реформ, намечавшейся правительством, вызвал открытое недовольство Ивана Грозного» (*Зимин А. А. И. С.* Пересветов и его современники. М., 1958. С. 100). Так как «инициатива в книгопечатном деле шла не из церковных, а из правительственных кругов», то «борьба церкви с книгопечатанием была длительной» (*Прошин Г. Г.* Введение книгопечатания в России и православная церковь // Вопросы преодоления религиозных пережитков в СССР. М.; Л., 1966. С. 204, 210—211).

⁵³ *Скрынников Р. Г.* Самодержавие и опричнина. (Некоторые итоги политического развития России в период опричнины) // Внутренняя политика царизма: (Середина XV— начало XX в.). Л., 1967. С. 73, 77.

рый о новонаписанных по царскому указу «святых честных иконах сомнение имел и вопил и взмущал народ православных хрестьян в соблазн и в поношение многим»⁵⁴. Недаром в царской грамоте от 3 января 1565 г., объяснявшей введение опричнины, в неповиновении царю обвинялись все, кроме купцов и посадских людей: «... и в чем он, государь, бояр своих, и всех приказных людей, также и служилых князей, и детей боярских похочет которых в их винах понаказати и посмотретьи, и архиепископы, и епископы, а архамандриты, и игумены, сложася с бояры, и з дворяны, и з дьяки, и со всеми приказными людми, почали по них же государю царю и великому князю покрывати»⁵⁵.

В это время оппозиция начала ощущаться и в простом народе: «В конце 60-х или начале 70-х годов XVI в. в народном сознании совершился определенный поворот. Критике стали подвергаться уже не только опричники, но и сам царь...»⁵⁶; появились фольклорные памфлеты на царский двор⁵⁷.

От противоофициальных настроений вели свое начало, возможно, и некоторые явления в искусстве. «Внимательный наблюдатель литературы и живописи этого времени, — пишет Д. С. Лихачев, — может обнаружить следы совсем особых настроений, не созвучных требованиям жестокости, идеалам непреклонности, насаждаемым государством Грозного... Совсем не свойственных тем идеалам, которые насаждались сверху, или тому ужасу, который внушала вся внешняя обстановка царствования Грозного... Перед нами своеобразная интеллектуальная оппозиция всему духу времени»⁵⁸.

Неблагополучие общей обстановки сказалось даже на риторических печатных послесловиях 60—70-х годов XVI в. В них содержались призывы к миролюбию и отказу от злых деяний, не повторяющиеся при более поздних переизданиях тех же книг. Например, только в послесловии к «Часовнику» 1565 г., но не в последующих его изданиях, выражалось желание «во вся роды человека, да... тех... утвердит в любви... и во всяком чувствии, со отложением злых деяний... о... взыскании... благодати надо всеми, ко очищению

⁵⁴ ААЭ. Т. 1. С. 244. Ср. также дерзкие граффити «доносу, пожалуй!», которые в 1564—1565 гг. появились на стенах Архангельского собора в московском Кремле и явно имели в виду атмосферу доносов, насаждаемую Иваном Грозным. См.: Сизов Е. С. Граффити в усыпальнице Ивана Грозного // Археографический ежегодник за 1968 год. М., 1970. С. 120—123.

⁵⁵ ПСРЛ. Т. 13, ч. 2. С. 392.

⁵⁶ Крут А. А. Предания о времени Ивана Грозного // Русский фольклор. Л., 1976. Т. 16. С. 212. Ср. былинку о Вавиле-скоморохе, в которой «нельзя не видеть отображения в поэтической форме репрессий, чинимых опричниками в 60—80-х годах XVI века» (Зимин А. А. Скоморохи в памятниках публицистики и народного творчества XVI века // Из истории русских литературных отношений XVIII—XX веков. М.; Л., 1959. С. 342).

⁵⁷ История русской литературы. М.; Л., 1945. Т. 2, ч. 1. С. 482—483.

⁵⁸ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков: Эпохи и стили. Л., 1973. С. 136.

земленных»⁵⁹. Только послесловие к изданию «Псалтыри» 1577 г., но не позже, желало, «да явятся непорочна чада посреде рода»⁶⁰.

Все это, как нам кажется, хотя и неясные, но симптоматичные намеки издателей на отсутствие «благости» и мира в русском обществе тех лет. Ср. мнение английского посла Джильса Флетчера, посетившего Россию в 1588 г.: дела Ивана Грозного «так потрясли все государство и до того возбудили всеобщий ропот и непримиримую ненависть, что это должно окончиться не иначе, как гражданским пожаром»⁶¹.

Отсюда представляется очень возможным наличие именно политической подоплеку недоверия читателей к печатной книге во второй половине XVI в. Знаменитые официальные «обобщающие предприятия» XVI в. (термин А. С. Орлова), включая и заведение книгопечатания, создавались высшей властью не для покойного и благодарного любования современников, а как идейный и, надо сказать, все-таки шаткий противовес в томительной борьбе с массовой явной и скрытой оппозицией. Тип традиционного литературного творчества отличался внутренней напряженностью соответственно условиям, внутренне напряженным.

1985 г.

⁵⁹ Часовник. 2-е изд. М., 1565, октябрь. Послесловие. Экземпляр РНБ. Л. нумерованн. 170—171 // У истоков русского книгопечатания. Фотоснимки. С. 222—223. В первом издании этой книги фраза «со отложением злых деянии» отсутствует в послесловии. Наиболее вероятная причина того — пропуск, ошибка печатников, в результате чего данное место в первом издании получилось синтаксически нескладным из-за отсутствия предлога «со»: «...и утвердит... в разуме и во всяком чувствии и восприятием духовных плодов» (Часовник. 1-е изд. М., 1565, сентябрь. Послесловие. Экземпляр бельгийской Королевской библиотеки. Л. нумерованн. 170—171. Цитирую по брюссельскому фототипическому воспроизведению 1967 г., с которым ознакомил меня Ю. А. Лабынцев). Во втором издании правильная структура этой фразы восстановлена: «...и утвердит... в разуме и во всяком чувствии, со отложением злых деянии и восприятием духовных плодов». В первом издании вообще допущен целый ряд пропусков и ошибок, исправленных во втором издании. См.: Зёрнова А. С. Книги кирилловской печати, хранящиеся в заграничных библиотеках и неизвестные в русской библиографии // Труды Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина. М., 1958. Т. 2. С. 10; Немировский Е. Л. Возникновение книгопечатания в Москве. С. 316.

⁶⁰ Псалтырь. М., 1577. Л. нумерованн. 275.

⁶¹ Цит. по: Лурье Я. С. Переписка Ивана Грозного с Курбским в общественной мысли Древней Руси // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 245. См. также: Флетчер Дж. О государстве Русском. СПб., 1906. С. 31—32.

4. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗДАНИЙ «ПРОЛОГА»

Обзор «Прόлогов»

Можно ли взглянуть на «Прόлог» как на цельный памятник? Именно как сборник характеризовали «Прόлог» В. Н. Перетц¹ и Д. С. Лихачев, который очертил следующую общую картину. В Древней Руси существовало множество различных типов и подтипов литературных сборников, предназначенных для чтения: хронографы, летописи, палеи, патерики, минеи четьи, прологи, цветники, измарагды, златоусты, торжественники, азбуковники и прочие сборники устойчивого и неустойчивого литературного состава, объединившие гигантское количество отдельных произведений².

Среди четьих сборников «Прόлог» отличался своеобразной композицией. Весь материал для чтения — повести, сказания, жития, поучения — был относительно равномерно распределен в «Прόлоге» по всем 366 дням (считая и 29 февраля) древнерусского года, с 1 сентября по 31 августа.

Уже с давних пор филологи стали подчеркивать собственно литературную ценность «Прόлога». В одной из первых научных заметок о «Прόлоге» В. М. Ундольский писал, что перед нами «книга, всего чаще употребляемая во всем греко-русском христианском мире и всего менее исследованная нашими учеными, между тем содержащая множество истинных драгоценностей... и для светского ученого не только в рукописях, но и печатных изданиях»³. Ф. И. Буслаев указывал, в частности, на литературную влияние «Прόлога». Ученый писал: «Вообще влияние прологов на нашу литературу, доселе еще не объясненное, было чрезвычайно значительно. Прологи были для наших предков настольною книгою, по которой, как по сборнику, в извлечении, они знакомились почти со всеми важнейшими произведениями древнехристианской литературы, перешедшими к нам из Византии... Наши древние писатели, собираясь что-нибудь сочинять, естественно находились под влиянием прологов, потому что читали

¹ «Пролог принадлежит к числу древнейших переводных сборников более или менее определенного состава» (Перетц В. Н. К истории славяно-русского Пролога // Записки Неофилологического общества. 1914. Вып. 8. Отдельный оттиск. С. 2).

² О том, как «произведения группировались в громадные ансамбли», о типах и подтипах сборников и об иерархии жанров в древнерусской литературе см.: Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 2-е изд., доп. Л., 1971. С. 42—71; Он же. Развитие русской литературы X—XVII веков: Эпохи и стили. Л., 1973. С. 49—62.

³ Ундольский В. М. Библиографические разыскания по случаю выхода описания Библиотеки имп. Московского общества истории и древностей российских, составленного П. М. Строевым... // Москвитянин. 1846. № 11—12. С. 206.

их ежедневно, располагая свое чтение по дням и месяцам Пролога»⁴. М. Н. Сперанский утверждал, что «уже в XIII в. Пролог является одной из распространеннейших и одной из любимых книг на Руси»⁵. М. О. Скрипиль, подводя итоги предшествующего изучения «Прóлога», подтвердил, что «Пролог на русской почве быстро теряет значение книги узкоцерковного обихода и становится одной из любимейших книг древнерусского читателя», что «не теоретическо-богословские, а нравственно-воспитательные задачи преследовались Прологом» и что «Пролог в целом — своеобразный литературный гербарий, сохранивший и передавший новым литературам огромное собрание сюжетов»⁶.

Об обилии произведений и сюжетов, использованных в «Прóлоге», довольно много сказано в научных работах. Ф. И. Буслаев перечислил важнейшие византийские сочинения, взятые в «Прóлоге»⁷. Н. И. Петров составил целую книгу на сей предмет, широко сопоставив с «Прóлогом» апокрифические, патериковые и прочие византийские и западноевропейские сочинения⁸. Разнообразные славянские и русские материалы «Прóлога» были указаны Н. И. Петровым⁹, Сергием¹⁰, Н. И. Серебрянским¹¹, а в последнее время Н. Д. Бубновым¹². Обзор содержания «Прóлога» сделал А. И. Пономарев¹³. Таким образом, теперь нет

⁴ Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 2. С. 126—127. Характеризуя «Прóлог» даже в церковной периодике, один из авторов вынужден был признать, что две трети произведений, например в печатном «Прóлоге» 1675—1677 гг., имеют «в виду не одних монахов, а людей вообще, людей разного возраста, звания и положения» (Пономарев А. И. Славяно-русский Пролог в его церковно-просветительном и народно-литературном значении // Христианское чтение. 1890. № 3—4. С. 534).

⁵ Сперанский М. Н. История древней русской литературы: Введение. Киевский период. 3-е изд. М., 1921. С. 213.

⁶ История русской литературы. М.; Л., 1941. Т. 1. С. 102—104. Известный книговед Н. П. Киселев как-то не без юмора отозвался о русском печатном «Прóлоге»: «Печатали книгу для назидательного чтения (Пролог), а в ней оказывались повествования самого соблазнительного свойства» (Киселев Н. П. О московском книгопечатании XVII века // Книга. М., 1960. Сб. 2. С. 137).

⁷ Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 2. С. 126—127.

⁸ Петров Н. И. О происхождении и составе славяно-русского печатного Пролога: (иноземные источники). Киев, 1875. Автор основывается на издании «Прóлога» 1817 г.

⁹ Там же. С. 222—223 (о русских переделках греческого материала).

¹⁰ Сергий. Полный месяцеслов Востока. М., 1875. Т. 1. С. 287 (о русских и славянских материалах в издании «Прóлога» 1642—1643 гг.).

¹¹ Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития: (Обзор редакций и тексты). М., 1915.

¹² Бубнов Н. Д. Славяно-русские прологи // Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1973. Вып. 1. С. 295—296 (о русских и славянских материалах в списках «Прóлога» XIII—XV вв.).

¹³ Пономарев А. И. Славяно-русский Пролог в его церковно-просветительном и народно-литературном значении // Христианское чтение. 1890. № 3—4. С. 527—568; № 5—6. С. 574—595 (по изданию «Прóлога» 1675—1677 гг.).

необходимости специально доказывать главную предпосылку наших рассуждений о том, что «Прóлог» вполне правомерно изучать как сборник литературного характера, как крупнейший источник по типологии литературного творчества.

Выделение же печатного «Прóлога» XVII в. как особого объекта исследования обусловлено его историей. Древнерусский «Прóлог» вовсе не был неизменным. Основные этапы его эволюции в общих чертах прослежены учеными. В XII в., может быть, даже ранее первой половины XII в., была переведена с греческого первая, краткая редакция сборника — с «Синаксара» Ильи Грека и Константина Мокийского, содержащая биографии византийских деятелей и тут же дополненная памятями южнославянских и древнерусских святых. По предисловию к «Синаксару» — *Prólogos* — сборник получил название «Прóлог». Затем, где-то ранее середины XIII в., первая редакция «Прóлога» стала претерпевать резкие изменения: в конце книги памятней были приставлены поучения, которые во второй половине XIII в. вместе с памятями распределились по дням года. В середине или в конце XIII в. с греческого же была переведена вторая, распространенная редакция «Прóлога», отличавшаяся по составу и величине статей от первой редакции, в том числе и от видоизмененной первой. Наконец, в XIV в., был переведен с греческого так называемый стихной «Прóлог», содержавший стихи почти перед каждой статьей и тоже отличавшийся своим составом от первых двух редакций ¹⁴.

В XVII в. в Москве «Прóлог» был издан. В печатный «Прóлог» «взошли сказания из всех трех редакций древних прологов славянских»; печатный «Прóлог» превосходил рукописные полнотой и пространностью ¹⁵. Печатный «Прóлог» явился, в сущности, новой редакцией «Прóлога», что позволяет видеть в нем самостоятельный объект изучения.

Но почему мы ограничиваемся печатным «Прóлогом» именно XVII в.? Дело в том, что печатный «Прóлог» требует обширных наблюдений, ибо его также

¹⁴ История древнерусского рукописного «Прóлога» подробнее всего изложена в кн.: *Сергий*. Полный месяцеслов Востока. Т. 1. С. 216—273; *Сперанский М. Н.* История древней русской литературы. С. 205—213; *Он же*. История древней русской литературы: Московский период. 3-е изд. М., 1921. С. 165—166; *Бегунов Ю. К.* Козма Пресвитер в славянских литературах. София, 1973. С. 41—50. О различиях в составе разных редакций «Прóлога» см.: *Бубнов Н. В.* Славяно-русские прологи. С. 276, 280, 286—294. Перечень списков «Прóлога» XII—XVII вв. см.: *Петухов Е. В.* Материалы и заметки по истории древней русской письменности. 1. К истории древнерусского Пролога // Известия Историко-филологического института князя Безбородко в Нежине. Киев, 1893. Т. 12. Новые наблюдения по начальной истории рукописного «Прóлога» на Руси см.: *Фет Е. А.* О Софийском Прологе конца XII — начала XIII в. // Источниковедение и археография Сибири. Новосибирск, 1977. С. 78—92.

¹⁵ *Сергий*. Полный месяцеслов Востока. Т. 1. С. 281, 283. См. также: *Петров Н. И.* О происхождении и составе славяно-русского печатного Пролога. С. 2.

нельзя считать единой редакцией. От издания к изданию он изменялся, и изменения эти в общем шли в русле традиционного типа творчества весь XVII в. Чтобы четко выделить объект нашего нынешнего исследования, предлагаем краткий обзор истории старопечатного «Пролога». В XVII в. «Пролог» издавался 8 раз, а в XVIII в. — 9 раз. Первое издание было начато в 1641 г., но напечатали только первую половину «Пролога». Второе, на этот раз полное издание, вышло в 1642—1643 гг. Третье издание появилось в 1659—1660 гг. Четвертое — в 1661—1662 гг. Пятое — в 1675—1677 гг. Шестое — в 1685 г. Седьмое — в 1689 г. Восьмое — в 1696 г. Переиздавали «Пролог» в 1702, 1718 и прочие годы.

В подготовке первого издания «Пролога» 1641 г., по-видимому, были заняты справщики Московского печатного двора Савватий Тейша, Иван Селезнев, Шестачко Мартемьянов, Михаил Рогов, Иван Наседка, Иоаким Александро-Невский¹⁶. Рукописные источники первого издания «Пролога» еще не установлены. Несомненно, ими послужили очень древние, пергаменные списки, ибо, например, в Кирилло-Белозерский монастырь 11 марта 1640 г. была послана царская грамота, требовавшая к «книг печатному делу для справки и свидетельства взять прологов и миней четьих добрых старых переводов харатейных книг», которые отослать в Москву¹⁷. Непосредственно использовались харатейные списки «Пролога» из новгородских Юрьева и Ковалева монастырей¹⁸. Близким к изданию 1641 г. оказывается, в частности, «Пролог» в списке конца XIV в. ГИМ, собрание Синодальное, № 248¹⁹.

«Пролог» 1641 г. — стишной. Но сравнительно с рукописным стишным «Прологом» в печатном были опущены многие из мелких статей, которые представляли собой только перевод кратких греческих стихов, обычно уже малопонятный²⁰. В общем же, в «Прологе» 1641 г. наблюдается множество искажений и ошибок различного происхождения в содержании, языке и композиции²¹. Такова печатная редакция «Пролога» в момент ее возникновения.

¹⁶ Перечень справщиков за 1640—1641 гг. см.: *Мансветов И.* Как у нас правились церковные книги: Материал для истории книжной справы в XVII столетии. (По бумагам архива Типографской библиотеки в Москве.) М., 1883. С. 25; *Николаевский П. Ф.* Московский печатный двор при патриархе Никоне // *Христианское чтение.* 1891. № 1—2. С. 151—152.

¹⁷ Впервые обратил внимание на грамоту: *Савва.* Указатель для обозрения Московской патриаршей (ныне Синодальной) ризницы и библиотеки. 3-е изд., доп. М., 1858. С. 5. Текст грамоты: ААЭ. Т. 3. СПб., 1836. С. 438.

¹⁸ См.: *Белокуров С.* Московский печатный двор в 1649 году // *ЧОИДР.* 1887. Кн. 4. Отдел 4. С. 31: «А, по скаске справщиков, взяты те книги на Печатный двор для переводу, как делали прологи».

¹⁹ См.: *Бегунов Ю. К.* Козма Пресвитер в славянских литературах. С. 49.

²⁰ *Сергий.* Полный месяцеслов Востока. Т. 1. С. 282.

²¹ Там же. С. 283—284, 286.

Ко второму изданию «Прóлога» приступили необычайно быстро — через три месяца после выхода первой половины «Прóлога» (в августе кончили, в декабре начали), так и не закончив первое издание, но снова напечатав эту первую половину с большими изменениями.

Во-первых, в «Прóлог» 1642 г., а эта книга всего лишь на одно полугодие, добавили более 20 довольно длинных сказаний о русских деятелях, в том числе об известных князьях. Например, в материалы для чтения на один только сентябрь вставили сказания об Иоанне Новгородском (7 сентября), Киприане Московском (16 сентября), Федоре Смоленском (19 сентября), Михаиле Черниговском (20 сентября), Сергии Радонежском (25 сентября), Савватии Соловецком (27 сентября). Много дополнений было сделано на ноябрь, среди которых теперь читались повести о князе Александре Невском (23 ноября) и о битве новгородцев с суздальцами (27 ноября). Вставили, например, даже два разных сказания о князе Всеволоде Псковском (27 ноября и 11 февраля). Для того, очевидно, чтобы «Прóлог» не распухал, составителям пришлось исключить около 40 небольших сообщений о лицах иностранных — о Мартине Римском, Исакии Кипрском, Дорофее Тирском, Павле Фивейском, Ипатии Гангрском, Феодорите Киринейском и т. д. Выключения делались по большей части механически — обычно в днях с русскими добавлениями или в ближайших соседних. В общем, русские добавления в «Прóлоге» стали заметно вытеснять западнохристианские статьи.

Во-вторых, в «Прóлоге» 1642 г. было выброшено большинство стихов перед статьями, кроме единичных случаев, когда какой-либо персонаж упоминался только в стихах. Печатный «Прóлог» перестал быть стихным. Составители «Прóлога» 1642 г. постарались последовательно завершать последние рассказы каждого дня особыми концовками — единообразными фразами, отделяющими один день от другого. В «Прóлоге» 1641 г. о словесных концовках нередко забывали. В новом же издании «Прóлога» ощущалось больше четкости в подаче текстов.

Наконец, в-третьих, в «Прóлоге» 1642 г. была трудолюбиво проведена правка языка. Сравним, например, тексты за сентябрь — октябрь соответственно в книгах 1641 и 1642 гг. Во втором издании несколько поновлены грамматические формы. Ср.: «И судив людем израилевым за 28 лет... погребен бысть честно» («Прóлог» 1641, л. 3 об.); «и судив людем израилевым 28 лет... погребен бысть честно» («Прóлог» 1642, л. 3 об.). Или: «Идыста от пустыня... Не отрину... пришедшия блудницы» (1641, л. 60); «идыста от пустыни... Не отрину... пришедшую блудницу» (1642, л. 60—60 об.). Или еще: «Носима бе никим же... Ни служити бо с вами могу» (1641, л. 77); «никим же носима бе... Служити бо с вами не могу» (1642, л. 80 об.); и т. п.

Настойчиво были проведены лексические поновления; их больше, чем грамматических. Ср.: «Иже тако все злое содеяв» (1641, л. 27); «яко таковое зло соде-

яв» (1642, л. 25 об.). «Водворяется в небесных обителех» (1641, л. 28 об.); «водворяется в небесных селениих» (1642, л. 27). «Испадши крови» (1641, л. 84 об.); «кистекши крови» (1642, л. 89). «Горй подаде» (1641, л. 88 об.); «и вящши подаде» (1642, л. 92 об.). «Исцели разслабленика лежима» (1641, л. 93 об.); «исцели разслаблена лежаща» (1642, л. 101). «Исчадие бывши» (1641, л. 183 об.); «сроднику ему бывшу» (1642, л. 193 об.).

Нередко вставлялись добавочные слова — для ясности изложения: «Иже во всю вселенную безбожеством жесток» (1641, л. 105); «всю вселенную смущати безбожеством жестоким» (1642, л. 112 об.). «Но сего не сотвори» (1641, л. 117 об.); «но сего девица не сотвори» (1642, л. 127). Чаще всего вставлялись пояснительные слова «рече», «сушу», «име» и т. п.

Были исправлены многочисленные, замеченные издателями пропуски и искажения: «Селение мысленаго солнца» (1641, л. 34 об.); «сияние мысленаго солнца» (1642, л. 35). «Мечем скончася» (1641, л. 61 об.); «во огне скончася» (1642, л. 61 об.). «Отечество видети и стол» (1641, л. 109); «отечество ведети и стол» (1642, л. 118 об.). «Наказан от мудраго Ерофея» (1641, л. 128 об.), «наказан от апостола Павла» (1642, л. 138). «Безмолвника Хоривита» (1641, л. 133); «безмолвника Исихия Хоривита» (1642, л. 142 об.). «Въшедшу Аввасу» (1641, л. 175 об.); «въшедшу авве Амосу» (1642, л. 186 об.); и мн. др.

Правку языка в «Прологе» 1642 г., однако, нельзя представлять сделанной только для ясности и точности. Примешивались и другие тенденции. Так, одновременно с поновлением проводилась, пожалуй, некоторая славянизация повествования. Ср.: «Еще и дети бяху» (1641, л. 76); «еще има в детстве сущема» (1642, л. 79 об.). Двойственным числом заменили множественное всюду, где только можно было по смыслу²². В целом «Пролог» 1642 г. стал явственнее более «русской» книгой, чем «Пролог» 1641 г.

Вероятно, той же потребности отвечала и книга за второе полугодие — «Пролог» 1643 г. Недаром впервые в практике русского книгопечатания крупноформатное издание 1643 г. было набрано заметно более мелким шрифтом: чтобы в книгу уместилось больше материала для чтения, включая добавления о русских исторических деятелях. Оригиналом для издания, возможно, послужил список «Пролога» ГИМ, собрание Синодальное, № 241²³; однако это еще предстоит проверить. При всем том в «Прологе» 1643 г. было допущено много ошибок и опечаток²⁴. В целом, второе издание «Пролога» 1642—1643 гг. можно рассматривать не как вариант печатной редакции, а как вторую печатную редакцию «Пролога».

²² Ср. сходное явление в «Уложении царя Алексея Михайловича» 1649 г.: *Уорт Д.* О языке русского права // Вопросы языкознания. 1975. № 2. С. 68—69, 74—75.

²³ См.: *Сергий.* Полный месяцеслов Востока. Т. 1. С. 281.

²⁴ *Перетц В. Н.* К истории славяно-русского Пролога. С. 3.

В третьем издании «Пролога» 1659—1660 г. активно участвовал справщик Московского печатного двора Евфимий Чудовский, обращавшийся для исправлений непосредственно к греческим спискам «Пролога»²⁵. Сохранился корректурный, «кавычный» экземпляр издания с пометами Евфимия (РГАДА, библиотека Московской синодальной типографии²⁶). Среди прочих справщиков были Захар Афанасьев, Иосиф старец, Арсений Суханов, Александр Печерский²⁷.

Третье издание «Пролога» продолжило тенденции второго издания. Было еще добавлено не менее 20 сказаний о русских лицах и событиях, например, о Гурии Казанском и Варсонофии Тверском (4 октября); об избавлении Руси от «ляхов» (22 октября); об Иакове Боровицком (23 октября); об избавлении Руси от Ахмата Ордынского (23 июня); о Филиппе Московском, с упоминанием живых людей — патриарха Никона и боярина И. Н. Хованского, — факт для статей «Пролога» совершенно необычный (9 июля); о даре персидского шаха Аббаса в Москву (10 июля); о смерти великого князя Василия Московского (2 августа); и пр.

Индивидуальной особенностью состава «Пролога» 1659—1660 гг., характерной, однако, и для иных изданий тех лет, являлось добавление пространных греческих слов и житий, в том числе новопереведенных или недавно опубликованных в Москве. Было вставлено, например, чрезвычайно популярное на Руси и безусловно занимательное «Житие Николая Мирликийского» с циклом из 15 повестей и похвального «слова» (6 декабря и 9 мая), издававшееся отдельно уже дважды — в 1640 и 1641 г. Добавили в «Пролог» и литературный шедевр — «Житие Алексея человека Божия» (17 марта), причем тут же, на поле, красным шрифтом напечатали объявление: «Сие слово преведесе с еллинска языка на славенский монахом Арсением Греком лета... 1659». Этот перевод почти одновременно печатался и в «Анфологионе», сборнике переводов Арсения Грека, в 1660 г. «Слово» Ефрема Сирина о соблазнившемся монахе в новом издании «Пролога» заменили более распространенной редакцией из напечатанного в 1647 г. сборника сочинений Ефрема Сирина. Всего в «Пролог» было добавлено не менее 17 больших сказаний и поучений греческого происхождения²⁸.

Все прочие изменения шли привычным порядком. Чтобы не слишком увеличился объем книг, составители были вынуждены не только исключать из «Пролога» мелкие греческие материалы, но и сокращать или заменять краткими редакциями отдельные сказания (например, о Дионисии Ареопагите, 3 октября) и выпускать

²⁵ Петров Н. И. О происхождении и составе славяно-русского Пролога. С. 6.

²⁶ Сергей. Полный месяцеслов Востока. Т. 1. С. 285.

²⁷ Мансветов И. Как у нас правилась церковные книги. С. 27.

²⁸ Перечень новых статей, добавленных Евфимием Чудовским по греческим источникам, см.: Петров Н. И. О происхождении и составе славяно-русского печатного Пролога. С. 106—107.

целые поучительные «слова» (например, «Слово от Патерика о двою пустыннику», 13 июня; «Слово Феодорита Студийского о ярости», 13 июля; и др.).

Продолжалось, притом более решительно, поновление, упрощение языка. Ср.: «Нужною болестию и дымною лютынею скоро издъхнет» («Прóлог» 1642, л. 11 об.); «нужною болезнию и дымною лютостию скоро издхнет» («Прóлог», 1659, л. 20). «Спасеное смотрение» (1642, л. 12 об.); «спасителное смотрение» (1659, л. 22). «Сестричишне» (1642, л. 31); «сестре двоюродней» (1659, л. 59). «О кленущихся во лжу» (1643, л. 63 об.); «о кленущихся ложно» (1660, л. 118). «Иоанн воинственник» (1643, л. 724 об.); «Иоанн воин» (1660, л. 152 об.). Иногда менялись целые фразы. Было: «Не яко вещь подаде, яко же похвалами прострети себе, в долнем и попираемем отечестве хотя некто того похвалити» (1642, л. 15 об.). Стало: «Не терпяше бо чести сущих мимо текущих» (1659, л. 27). Хоть и непоследовательно, начали заменять архаический дательный самостоятельный и различные старые формы: «и» на «его», «си» на «свой», «его»; опускать частые «еже». Введены были скобки, в которых пояснялись архаические слова и формы.

Продолжалась работа по более четкой, единообразной подаче текстов. В третьем издании «Прóлога» были убраны лишние выражения в заголовках статей (типа фраз «благослови, отче»), появились разделительные заставки между днями и предречия в конце каждого листа (то есть слово на нижнем поле листа, указывающее, каким будет первое слово следующего листа, и, таким образом, помогающее чтению). При всем том в «Прóлоге» оставались многообразные неисправности и опечатки, на что тогда же жаловался в челобитной царю Савватий Тейша²⁹. В целом же есть веские основания признать третье издание 1659—1660 гг. третьей редакцией печатного «Прóлога».

В подготовке четвертого издания «Прóлога» 1661—1662 гг. участвовали, очевидно, те же справщики, что и в третьем издании³⁰. Четвертое издание было уже близким к третьему, вплоть до полного повторения местами печатных полос. При всем том составителям удалось добавить в новое издание более 30 статей о русских деятелях и событиях, но статей кратких: об Иосифе Волоцком (9 сентября), о княгине Евфросинии Суздальской (25 сентября), о князе Михаиле Ярославиче Тверском (22 ноября), о великом князе Данииле Александровиче Московском (4 марта), о князе Игоре Ольговиче Киевском (5 июня), о Евдокии, супруге великого князя Дмитрия Донского (7 июля), о разорении Рязани Батыем (28 июля), и пр. Источником новых русских добавлений послужили «Книга степенная» и, возможно, «Минеи четьи» Иоанна Милютина. Кроме того, в «Прóлоге» были заменены

²⁹ См.: Русский биографический словарь: Сабанеев-Смыслов. СПб., 1904, С. 24.

³⁰ Ср.: Кучкин В. А. Первые издания русских Прологов и рукописные источники издания 1661—1662 гг. // Рукописная и печатная книга. М., 1975. С. 140.

иными, кажется, более пространными редакциями некоторые сказания греческого происхождения, например, об Иоанне Златоусте (13 ноября) и о Феодоре Стратилате (8 июня). О последнем сделали печатное примечание: «Новопреведено от греческаго языка во славенский» (1662, л. 31 об.). Взамен дополнений были опущены единичные поучения, вроде «Слова о еже не имети злобы» (13 января)³¹.

Продолжалась умеренная, но последовательная правка языка; в частности, слово «мних» везде было заменено словом «монах» и т. п. Исправлялись типографские недоработки и погрешности в единообразной подаче текстов, а в заголовки статей начали вводить различные мелкие пояснения.

Если первые три издания «Прóлога» оставляют отчетливое впечатление трех разных редакций, то с четвертым изданием пока не ясно, как поступить. Оно представляется нам скорее лишь вариантом, завершением третьей печатной редакции.

В пятом издании «Прóлога» 1675—1677 г. вставки нового материала были единичными и краткими: о Ниле Столбенском (7 декабря), о Федоре Писанном (27 декабря), о Кассиане Римляnine (28 февраля), об Ионе Московском (15 июня), о явлении Тихвинской иконы Богородицы (26 июня). «Слово о непокоряющихся монасах» было заменено иной редакцией (17 июня), а «Слово Иоанна Златоуста на усекновение главы Иоанна Предтечи» заменено «Словом» Григория о том же (28 августа). Продолжалось поновление языка и исправление фактических ошибок: например, статья, в предыдущем издании посвященная Иринею Лугдунскому, теперь имела в виду Иринея Сирмийского (23 августа). В конце «Прóлога» был напечатан указатель имен и тем, выдержанный в приблизительном алфавитном порядке.

Главным же для издателей «Прóлога» 1675—1677 г. являлось стремление к формальной компактности книги, к экономному заполнению всего свободного пространства листа. Шрифт стал заметно более убористым. Вязь и пышные заставки между месяцами убраны, разделительные заставки между днями опущены; заголовки статей напечатаны не с новой строки, а сплошь; появилось больше слов под титлами. В самих текстах нередко выброшены мелкие союзы и частицы («то», «и», «же» и пр.), а иногда сокращены и словесные концовки. С литературоведческой точки зрения пятое издание — это вариант все той же третьей печатной редакции.

Шестое издание «Прóлога» 1685 г., седьмое 1689 г. и восьмое 1696 г. уже мало чем отличались друг от друга³². Правда, в конце «Прóлога» 1685 г. было приложено «Слово патриарха Иоакима против раскольников»; но в 1689 г. оно

³¹ Подробнее о составе и источниках «Прóлога» 1661—1662 гг. см.: *Кучкин В. А.* Первые издания русских Прологов... С. 141—154. Некоторые замечания по составу «Прóлога» 1661 г., но сравнительно с «Прóлогом» 1641 г., см.: *Сергий.* Полный месяцеслов Востока. Т. 1. С. 181—191.

³² Ср.: «Пролог 1689 г. уже почти буквально сходен с Прологом 1677 г. за весьма малыми исключениями» (*Сергий.* Полный месяцеслов Востока. Т. 1. С. 184—185).

больше не перепечатывалось. В общем, издания «Прóлога» с шестого по восьмое лишь варианты или повторения одного из вариантов третьей печатной редакции.

Таким образом, после 20 лет значительных изменений, с 1661 г. наступил более чем сорокалетний период стабилизации текста печатного «Прóлога». Затем вновь пришло время перемен. На издания «Прóлога» в течение первой четверти XVIII в. стали влиять уже «Минеи четьи» Димитрия Ростовского³³, а в 1723 г. «Прóлог» был подвергнут коренной правке с позиций рационалистического взгляда на мир³⁴. Изложенные наблюдения убеждают нас в том, что изучение печатного «Прóлога» XVII в. действительно является естественно выделяющейся особой темой, а наибольший интерес для историка литературы представляют издания 1641, 1642—1643, 1659—1660, 1661—1662 гг., которые свидетельствуют о постоянстве и долговечности традиционного типа литературного творчества, меняющего лишь свою интенсивность и размах.

О первом издании «Прóлога»

До выпуска «Прóлога» в 1641 г. Московский печатный двор издавал и перепечатывал сугубо церковнослужебные книги. «Прóлог» стал первой на Руси печатной четьей книгой. С публикации «Прóлога» в Москве началось регулярное печатание различных четьих сборников, то есть, с точки зрения нашей современности, началось издание и литературы.

Столь любопытное положение первопечатного «Прóлога» побуждает внимательнее присмотреться к его составу. Издатели «Прóлога», очевидно, намеревались положить в основу предпринимаемого издания древние, пергаменные списки «Прóлога», в связи с чем по крупнейшим монастырям были разосланы царские указы об отсылке имевшихся там «харатейных» «Прóлогов» в Москву, «к печатному делу». Из древних рукописей издатели могли использовать: списки первой, краткой редакции «Прóлога», появившейся на Руси еще в XII в.; списки второй, распространенной редакции, появившейся в XIII в.; списки так называемого «Стишного прóлога», ставшего известным на Руси в XIV в. К сожалению, конкретные протографы первопечатного «Прóлога» точно так и не установлены³⁵.

³³ См.: *Петров Н. И.* О происхождении и составе славяно-русского печатного Пролога. С. 6—7. О составе и языке «Прóлога» 1702 г., но сравнительно с изданием 1662 г., см.: *Пекарский П.* Наука и литература при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 2. С. 59—61; см. также: *Сергий.* Полный месяцеслов Востока. Т. 1. С. 288.

³⁴ *Перетц В. Н.* К истории славяно-русского Пролога. С. 4—17; *Он же.* Отчет об экскурсии семинария русской филологии в Нежин // Известия Университета святого Владимира. Киев, 1914. № 11. Научная хроника. С. 9—11.

³⁵ Сводку данных по истории рукописного «Прóлога» на Руси см.: *Фет Е. А.* Новые факты к истории древнерусского Пролога // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980. С. 53—55.

Предварительное, беглое сопоставление состава «Прóлога» 1641 г. с типичными списками распространенной редакции и «Стишного прóлога» все же позволяет заметить, что первопечатный «Прóлог» получился явственно полнее отдельных рукописных списков и вобрал сведения о множестве мучеников за веру — античных, византийских, ближневосточных и изредка славянских. Издатели, по-видимому, хотели сделать свой «Прóлог» возможно более полным. Но нельзя не отметить, что в первопечатном «Прóлоге» обычно выкидывались те перечни мучеников, которые, хотя и встречались в рукописных редакциях «Прóлога», однако не пояснялись повествовательным материалом. Издатели стремились не к каталогизационной полноте имен, наподобие «Святцев», а к повествовательной полноте книги.

Этот вывод подтверждается послесловием к печатному «Прóлогу» 1641 г. Издатели для своего проложного послесловия несколько переработали текст послесловия к «Святцам» В. Ф. Бурцева 1639 г. и, в частности, подчеркнули, что «Прóлог» не перечисляет, а именно «поведает»: людей «многочисленны тысяща и тмы... разноличныя муки претерпеша и многи крови своя пролияша... о всем о том поведает сама сия настоящая книга Пролог» (898 об.). Издателей «Прóлога» привлекало не только максимальное насыщение книги традиционным повествовательным материалом, но и создание сборника по своему систематизированных сведений по мировой истории.

Чтобы яснее представить эти литературные устремления, обратимся к печатным и рукописным сборникам, современным «Прóлогу» 1641 г. Книги, изданные в России в первой трети XVII в. и в начале 1640-х годов, известны; рукописи же тех десятилетий совершенно не собраны. Однако привлечение даже самой небольшой части рукописных сборников позволяет хотя бы в предварительном порядке наметить общую картину. Мы пользовались точно датированными рукописями, указанными в подробных печатных описаниях рукописных собраний Синодального и Уварова ГИМ и собраний Московской духовной академии, Музейного, Общества истории и древностей российских, Румянцева, Троице-Сергиевой лавры РГБ. Использовали также очень неполный хронологический каталог Рукописного отдела РГБ.

Уже со второй половины 1620-х годов на Руси можно заметить некоторое повышение интереса к сбору и систематизации сведений о множестве лиц христианского пантеона. Ярким ранним примером могут служить новые, после макарьевских, и тоже огромные «Минеи четьи», составленные троице-сергиевским иноком Германом Тулуповым в течение 1626—1632 гг. «Минеи» его, к сожалению, изучены мало в литературном отношении, но и сам факт их появления знаменателен.

Усилия в создании подобного рода сборников прилагали не только лица духовные. В 1640 г. некто Михаил Дмитриевич Крабов создал любопытный

«Саборьник»³⁶. Это и «Прѡлог» и «Чѣтьи минеи», а точнее — черновая агиографическая энциклопедия. М. Д. Крабов объединил по дням года разные, писанные не им, проложные, минейные и житийные сборнички и тетрадки XVII в.; стал править их язык, поновлять пропавшие листы; добавлять новые сведения, переписывать и вписывать новые тексты, в том числе на чистых листах и на полях, иногда мельчайшим почерком; давать новые заглавия и пр. Материал стал выходить из рамок строгого членения по дням года и в конце концов был просто пронумерован по главам.

Столь странный, непривычный сборник отражал осознанное стремление составителя к энциклопедической полноте: «...сия книга... трудолюбствующих веселит сердце», «дает хотяще что уведат им», — заявлял он в «Предисловии главам»³⁷. Именно со второй половины 1620-х годов стало усиливаться тяготение к полноте сбора материалов о каждом из популярных исторических или легендарных лиц. Говоря о «Минеях чѣтьих» Германа Тулупова, В. О. Ключевский отметил новую манеру его работы: «Он не только переписывал памятники целиком, — даже охотно помещал рядом разные редакции одного и того же памятника»³⁸.

Аналогичное явление находим, например, в печатной книге. В 1640 г. в Москве впервые издали, а в 1641 и 1643 гг. переиздали «Службы, стихиры, каноны, житие и чудеса Николы Чудотворца». Издатели собрали воедино все доступные им списки «Жития»: «...от многих древних преводов... снискахом; елико обретохом, и в тиснение печатнаго дела произведохом»³⁹. В результате, по определению В. П. Адриановой-Перетц, «издание в 1640 г. жития Николая-чудотворца представляет по тому времени научную работу: здесь даны четыре редакции этого жития, существовавшие в рукописной традиции»⁴⁰.

Сопоставление списков произведений при печатании книг проводилось в широких масштабах. Издатели с небывалым размахом собирали древние рукописи по всей Русской земле: царь Михаил Федорович «повеле от градов книги харатейныя добрых переводов древних собирать»⁴¹, «отвсюду Русския земля повеле, он, государь царь, собрати в царствующий град Москву и принести в штанбу же печатного дела... и в книги сия вчинити...»⁴². В уже упомянутом

³⁶ Расшифровку имени составителя см.: *Востоков А.* Описание русских и словенских рукописей Румянцовского музеума. СПб., 1842. С. 544—545.

³⁷ РГБ, собрание Румянцева, № 369, л. 1.

³⁸ *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 298.

³⁹ Службы и житие Николая Мирликийского. М., 1640. Предисловие издателей к «Житию». Л. 65 об.

⁴⁰ История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 16.

⁴¹ Потребник мирской. М., 1639. Послесловие. Л. 2.

⁴² Трефологион: декабрь — февраль., М., 1638. Л. 726 об.

рукописном сборнике М. Д. Крабова 1640 г. тоже были собраны, например, под 6 декабря писанные разными почерками и из разных рукописей «Житие Николы Мирликийского», «Рождество Николы», «Чудеса Николы», «Память Николы»⁴³.

В 1641 г. в Москве издали «Маргарит», объединив в нем все важнейшее, связанное на этот раз с другим популярнейшим лицом — с Иоанном Златоустом. Печатный московский «Маргарит» сделали полнее его основного источника — острожского «Маргарита» 1595 г. — и безусловно полнее «Маргаритов» рукописных. Сравнительно с рукописными в печатном «Маргарите» сверх обычного 31 «Слова» Иоанна Златоуста добавили еще 14 его «Слов», справочную статью о причинах прозвания Иоанна Златоустом, два послания Златоуста и «Слово о пренесении мощей Златоуста». Сравнительно же с острожским изданием в московском издании добавили огромное «Житие Иоанна Златоуста», сочиненное Георгием Александрийским⁴⁴.

В 30—40-е годы XVII в. явственно усилилось тяготение к систематизации сведений не только о лицах, но и о явлениях — космологических, исторических, культурных и пр.

Так, гораздо шире и насыщеннее стали «Шестодневы», излагавшие историю сотворения мира и человека. Именно в списке середины 1640-х годов было сделано множество справочных добавлений: введены вопросы и ответы, а также пояснения на полях о разных невразумительных словах и выражениях (например, «Вопрос. Что есть ексарх»); добавлены выписки из «естественнонаучных» сочинений о причинах смены дня и ночи, о лунных и солнечных месяцах и т. д. и т. п.; приложены изображения знаков зодиака, планет, круга ветров с названиями по-гречески и по-славянски; сделаны ссылки на печатные издания, в том числе на московские до 1644 г.; предпринята попытка свести воедино сходные мысли разных авторов и книг. Такого полного и систематичного «Шестоднева» ранее не появлялось⁴⁵.

Усилившимися потребностями в систематическом и полном описании мира, вероятно, был вызван и перевод на русский язык в 1637 г. «Космографии» Г. Меркатора. «Всякому убо человеку свойственно... обретающихся

⁴³ РГБ, собрание Румянцева, № 369, л. 148—199 об.

⁴⁴ Ср. «Маргариты»: М., 1641; список 1499 г. ГИМ, собрание Синодальное, № 126; список XVI в. ГИМ, собрание Синодальное, № 127. О списках см.: Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. М., 1859. Отдел 2, ч. 2. С. 119—132. Ср. также: Маргарит. Острог, 1595. Об экземпляре острожского издания, по которому текст набирался в Москве, и о добавлениях в московское издание см.: Исаевич Я. Д. Русско-украинские связи в области книгопечатания в конце XVI — первой половине XVII в. // Книга в России до середины XIX века. Л., 1978. С. 164—165.

⁴⁵ ГИМ, собрание Синодальное, № 58. Сопоставление списков XIII—XVII вв. см.: Горский А. В., Невоструев К. И. Описание... Отдел 2, ч. 1. С. 38—42.

всяких вещей... разныя во едино совокупляти и к большему выразумению всем человеком явственню пред очима представляти...» — подчеркивалось в предисловии это стремление к полноте и систематизации⁴⁶. Правда, предисловие к книге переводное, но показательно, что переводчик Богдан Лыков сохранил его, не заменив своим и не сделав добавлений.

Во второй четверти XVII в. авторы и редакторы очень преуспели в создании небывало полных историко-культурных сборников на общемировые темы. Так, составили пространнейшую третью редакцию «Хронографа», куда, кстати говоря, включили и «вновоизбран от книг», заново скомпилированный «Шестоднев»⁴⁷. О своем гигантском собирательском и систематизаторском труде составители третьей редакции «Хронографа» писали: «Тако бо и матери всегда овощи, или орехи, или ино что таково в пазуху детям вложат, яко да не преложением детей испадет что от данных им в пазусе, и восприятавше, отовсюду одежду им истянут поясною твердостию крепко. Сие же и мы сотворихом zde во книзе сей Гранографе...»⁴⁸.

Мало того, переписчики и владельцы книг, содержавших третью редакцию «Хронографа», в 1630—1640-е годы продолжали ненасытно пополнять его, «еже бы написати не с единого переводу»⁴⁹. Изготавливались и «Хронографы» особого состава, из которых отметим, например, компилятивный «Хронограф», писанный в 1641 г. неким Федотом из «некоей веси малолюдной» для великоустюжского купца Ивана Якимова Грудцына-Усова. Составитель «Хронографа» 1641 г. «устремився неразсудным своим дерзновением образ всего мира списанием во книзе сей» дати, но тоже «ни от себе замыслив или составив, но древних святых философ и премудрых ритор и от многих древних и новых историк воедино совокупляя... елико во многоиспытном трудолюбстве своем снисках древних историк историй и святых философ собрати, и вся совокупих zde воедино, и извещена бысть сия история многими книгами»⁵⁰; «то же слагаем, аще где видим»⁵¹. Даже поля рукописи Федот заполнил множеством пояснений и справок к отрывкам текста и к отдельным словам и выражениям. Есть и рисунок⁵².

В конце 1620-х — в 1630-х годах появились необычайно полные и обширные «Алфавиты» новой редакции, где учитывалось и пояснялось буквально все — от явлений географических и зоологических до имен человеческих, от событий истории до названий дней, цифр и букв разных народов. В новых «Ал-

⁴⁶ Цит. по кн.: Попов Андрей. Обзор хронографов русской редакции. М., 1869. Вып. 2. С. 190—191.

⁴⁷ Там же. С. 155.

⁴⁸ Там же. С. 172.

⁴⁹ Там же. С. 176.

⁵⁰ РГБ, собрание Музейное, № 7751, л. 3—3 об.

⁵¹ Там же, л. 25 об.

⁵² Там же, л. 23 об., к статье — «Святого Феодорита, како подобает креститься рукою».

фавитах» было использовано гораздо больше письменных и печатных источников, чем ранее, и притом делались обильные ссылки⁵³. Естественно, что «Алфавиты» отражали интерес не только к самим фактам и явлениям, но и к наукам, особенно к грамматике, риторике, логике, диалектике, философии. В новых «Алфавитах» делались большие экскурсы «о осми частех слова», «о грамматикии», о просодиях, «о верхней силе еллинской» и т. п.

Поэтому не случайно появление в это время и больших «Риторик», и риторико-«грамматикийных» сборников. Например, в первой половине XVII в. рядом лиц был составлен справочно-повествовательный сборник — из «Риторики», «Диалектики», «Космографии», «Сказания о семи свободных мудростях», заметок по философии и пр.⁵⁴ «... Потщахся сию святую премудрую философскую книгу восписать... собирая на справу многи иныя сей подобныя книги и к сим прилагая», — писал составитель в 1640 г. в одном из своих послесловий⁵⁵. А поясняющих предисловий и послесловий в указанном сборнике было вставлено немало, особенно к тетрадкам, писанным до него, не им самим. Составитель не преминул давать и лексические пояснения: «... рисис бо по еллински глаголение или речение толкуется»⁵⁶; сообщал о Демосфене, Платоне, Аристотеле, Соломоне и пр. Полнота такого монографического сборника о науках была достижением именно 1640-х годов.

Таким образом, во второй четверти XVII в., особенно с 1630-х годов, все отчетливее стало проявляться тяготение к созданию историко-культурных энциклопедий и повествоательно-справочных сборников сведений о лицах и явлениях общемирового значения. Все это тот же тип традиционного литературного творчества, только в крупномасштабных проявлениях. Составление и издание печатного «Пролога» в 1641 г. принадлежало к этому же направлению литературных трудов.

Содержание печатного «Пролога» не сводимо только к собранию систематизированных сведений о христианских мучениках. Нельзя представлять богатство печатного «Пролога» в виде механического скопления гигантского количества литературных, фольклорных, исторических сюжетов, фабул, моти-

⁵³ Ср. списки РГБ, собрание Московской духовной академии, Фунд., № 199; РГБ, собрание Румянцевца, № 2. О них см.: *Леонид*. Сведение о славянских рукописях, поступивших из книгохранилища св. Троицкой Сергиевой лавры... М., 1887. Вып. 2. С. 353—375; *Востоков А.* Описание русских и словенских рукописей Румянцовского музеума. С. 3—6. О содержании «Алфавитов» см.: *Карпов А.* Азбуковники, или Алфавиты иностранных речей по спискам Соловецкой библиотеки. Казань, 1877. С. 160—283.

⁵⁴ ГИМ, собрание Синодальное, № 933. О сборнике см.: *Бабкин Д. С.* Русская риторика начала XVII в. // ТОДРЛ. Т. 8. С. 326 и сл.

⁵⁵ Цит. по: *Бабкин Д. С.* Русская риторика начала XVII в. С. 327.

⁵⁶ Там же. С. 337.

вов, занесенных в одну большую книгу. Несмотря на изобилие использованных материалов, «Прóлог» не только идейно, но и эстетически не хаотичен; он по-своему, можно сказать, даже строен и воздушен.

Внешне своеобразие «Прóлога» заключается в том, что отдельные повесть или сказание обязательно выступают здесь в составе больших смысловых комплексов. Повторяющуюся часть печатного «Прóлога» составляет не повесть или сказание, а день года, то есть цепь из 4—10 разных повестей, сказаний, поучений, выделенных для прочтения на один день, семантически так или иначе вступавших в связь друг с другом и вкупе создававших для читателя «облик дня», то есть, выражаясь нашим языком, облик мира на данный день.

В качестве примера обратимся к первому же дню «Прóлога» — к статьям, собранным под 1 сентября. В первом издании «Прóлога» 1641 г., которое послужит нам основой для последующих сопоставлений, под 1 сентября читалось 10 статей: о начале нового года; об иконе, утопленной в озере Азурове; об удивительной жизни Симеона Столпника; о матери Симеона Столпника; о ратных подвигах Иисуса Наввина; об Аммоне-диаконе и сорока девах; о замученных Калисте, Евводе, Ермогене; о легкомысленном добровольном расстриге Мине-диаконе; о полном выздоровлении парализованного; о священнике, который без жалости зарезал серну и лань.

Содержание перечисленных статей пестрое. К тому же они резко отличаются по объему: то идут небольшие статьи — в половину печатной страницы, то совсем краткие — из одной-двух фраз, напоминающих о событии; то следуют пространные рассказы на нескольких листах. И тем не менее все изложение под 1 сентября содержит ряд сквозных мотивов.

Прежде всего, изложение имеет явственный исторический оттенок. Речь постоянно идет о земных лицах и делах, тогда-то и там-то бывших: «Славный Симеон бе от Антиохии сирьския» (3⁵⁷); «сей Исус беяше сын Наввин снастолник... иже Иерихон град прият» (3 об.); «сии бяху из Андрияна града макидонскаго» (4). Икону утопили «в езере Азурове, обители же миасиньския» (2 об.). Сообщается даже, что новый год «празднует... от древних приемши, за еже положитися от римлян начатку лету быти» (1). Почти все рассказываемое или упоминаемое оказывается, хотя и в широких пределах, приуроченным исторически и географически. В повествовании ощущается и легкий бытовой фон: Симеон Столпник «пасяще овца» (3); другой персонаж «седашу во един от дний в притворе церковнем и чтушу» книгу (5 об.); иной персонаж «изшед от своего села и идяше во ино село» (6 об.) и пр.

⁵⁷ Пролог. М., 1641. В скобках указываются листы издания.

Но эти беглые вступительные упоминания об обстоятельствах дела вводят не в спокойный, а в крайне напряженный человеческий мир. Главные герои проложных рассказов находятся в долгих и тяжких муках и «потах». Так, у одного пресвитера «возложися аки клобук на главу его, и взяся свет его, и ум его отъяся, и разслабеша вся кости его, и не можаше глаголати, и... обретоша его, яко мертва... не могий обратити себе на другую страну, аще кто не обращаше его... и пребысть в той язве лет 9» (5 об.). Другой пресвитер «вострепета весь, и абие прият болезнь сердца его, и люте мучим» (6 об.). Третий герой «свое тело алканием, и жаждею, и озлоблением удручив... дней... двадесять стояше не седая» (3); четвертый «повешен же бысть... и по ребром строган» (4); у пятого «абие напрасно истече око его» (5). Подобное повторяется из статьи в статью. Люди гибнут десятками и сотнями: «Во огонь ввержени быша... посечени быша... мечи по устом и по сердцу събодени... ножи съдроблени быша... железа разжжена во устех приемше» (4—4 об.). Недаром под 1 сентября «Прóлог» упоминает также нищих, пленных, сокрушенных сердцем, слепых — словом, тех, кто надолго или навсегда лишен спокойной жизни. В «Прóлоге» нет благополучных людей; их существование тягостно.

Ощущение напряженности конфликта усугубляется и оттого, что правители, выводимые «Прóлогом», — это мучители, они страшны, злы, беспощадны: люди «оболгани быша князю... он же ... мечную смерть на них осуди» (4 об.). Даже мелкий духовный руководитель «слушаше клеветник, осужающа тай ближняго своего и без вины оскорбляюща» (6). Напряжение усиливается от явления людям страшных потусторонних сил и неестественных событий: «...архистратига Михаила виде в держаща мечь» (3 об.), «и се дух неприязнен идяще к нему во образе облака темна и мрачна» (5 об.), «и ста солнце от своего шествия» (3 об.), «и абие повешен бысть на воздухе иерей идольский» (4).

Слово героя в этом тяжком мире чрезвычайно веско и тут же вызывает дело: «...и рече, яко да станет солнце от течения своего. И ста солнце от своего шествия» (3 об.). К диким зверям «возопи презвитер гласом велиим, глаголя: ...да не отидете, дондеже прииду к вам. Дивия же животная сташа, дондеже прииде презвитер» (6 об.). И случай с другим пресвитером — парализованным: «...и рцы ему: востани, и остави одр свой, и прииди ко мне своима ногами... И воста презвитер здрав весь и пришед...» (6).

Однако лейтмотив проложного дня не безысходно трагичен. Физическое и психологическое напряжение персонажей обязательно сменяется облегчением, отдохновением. Обещается «пленным отпуст и слепым прозрение» (2 об.); обещается: «Да не горее тебе что будет» (7). И действительно, персонажу «шлем разжжен на главу ему возложиша — и от того избавлен бысть» (4); тяжело болел — «исцелев же от болезни» (7) и «отошед с радос-

тию» (6 об.); трудился — «упразднившижеся» (3); опасался бесчестия, «срама», но по обещанию — «тихима очима приимут тя и радость им будет и веселие», — действительно, «прияша его отцы простертыма рукама» (5 об.), а умер — «погребен бысть славно», «погребен бысть честне» (3, 4).

Дух жестокого переживания в проложном дне смягчается мотивом безбоязненной увлеченности, которым охвачены массы людей, окружающие героев. Эти люди слышат вести об удивительных событиях и не остаются равнодушными, идут к удивительным личностям, собираются вокруг них. Например, Симеон Столпник «четыредесят лет работав» на высоком столпе неисходно, и многие «слышавше же... яже о святем Симеоне и поидоша ко святому Симеону» (5 об.) и «бяху же мнози около столпа стояще» (5). Отрывки из разных статей дня создают единый облик людского окружения, отзывчивого на впечатление от героя. Герой обращается ко всем предстоящим: «...исповедаю пред всеми, яже сотвори» (6 об.); и масса слушающих и смотрящих дивится: «почюдився о словеси» (5), «...яко дивитися народом о словесах... исходящих от уст его» (2 об.), «вельми дивен бысть всем человеком» (3), «и тии славяще...» (6 об.).

Стихи же, предваряющие в «Прóлоге» 1641 г. почти каждую статью, вносят в изложение ноту торжественной радости, указывают на некую внутреннюю симметрию в развитии событий — обязательно к лучшему: «Оле ветхий человек, родился новый!» (2); «на земли приемлет Марфа Христа... тебе же, Марфо, Христос приемлет в вышня!» (3 об.); «телесное покрывало радостию совлече» (4); «поистине обрете конец добрый!» (4 об.) и пр. В общем, в проложном дне мотивами облегчения и умиротворения заключаются картины мучительной напряженности людской жизни; волна напряжения то поднимается, то опадает.

Мы обозрели сквозные мотивы только одного дня «Прóлога» — за 1 сентября. Можно убедиться, что они присутствуют и в прочих днях. Многообразны лишь вариации: то меньше выделен напряженно-трагический фон и больше выпячена облегчающая радость излагаемых событий; то несколько ошутимее быт; то томительнее нагнетание неблагоприятных обстоятельств. Вероятно, несколько различается семантика и разных месяцев «Прóлога». Но эмоциональный «обертон» сборника в целом составляет это сотни раз повторяемое резкое сочетание напряжения и облегчения, злого и затем доброго, мрачного и все-таки радостного.

Комплекс сквозных мотивов «Прóлога» 1641 г. не был заимствованным; он отличался от, так сказать, сквозного содержания других рукописных и печатных сборников устойчивого состава, распространенных на Руси в первой половине XVII в. и тоже состоявших из серий законченных рассказов или характеристик разных лиц. Например, так же по дням года и тех же лиц, что и «Прóлог», поминали «Служебные минеи» и «Праздничные минеи»; но их лейтмотив проявился не в напряженном рассказе о людях, а в песнопениях, выражавших непрерыв-

ные умиления, радость, восторг по поводу поминаемых лиц и событий: «припадаем верно, вопиюще прилежно», «радостно днесь восхваляем... вашу память», «кий язык человек довлеет когда к похвале исповедати» и т. п.⁵⁸

Собственно рассказы о людях, сгруппированные в причудливом порядке, заполняли различные «Патерики». Сюжеты, например, из «Синайского патерика», или «Лимонаря», нередко использовались в «Прόлоге». Однако содержание этих двух сборников явственно различилось: в частности, в рассказах «Лимонаря» гораздо красочнее, чем в «Прόлоге», была представлена обыденная жизнь людей. Так, в «Лимонаре» можно прочесть повесть об авве Кононе, который испытывал непреодолимый соблазн к девице-персиянке: «яже бе доброзрачна зело, и сицевыя бе красоты, яко не мощи презвитеру наготу ея зрети». Конон сердито пенял святому Иоанну Крестителю на то, что он никак не освободит его от похоти: «Се бо уже многажды обещаю ми сие и не сотворил еси». Наконец, Конону явился святой Иоанн, «посади его и, открыв ризы его, прекрести... под пупом... И возвратився в монастыр презвитер... персянныню никако же ощутив жене ей быти... Яко никаковаго внутр оущеваше пристрастия и подвизания плоти, зрый и касайся жен»⁵⁹. Рассказ с такими деталями был нелепым в «Прόлоге».

Повествование в иных «Патериках» еще сильнее отличалось от проложного. Например, в «Азбучном патерике» и «Скитском патерике» повести «дивны» и «душеполезны» имели характер анекдотов, притч, неожиданных ответов персонажей на задаваемые им вопросы; резкая напряженность и резкие эмоциональные перепады, обычные для проложного изложения, были редки для ровных патериковых рассказов. «Иерусалимский патерик» же полностью явился поучительным; его «слова» были соответственно и озаглавлены: «О молчании», «О воздержании», «О нестяжании», «О умилении» и т. д.⁶⁰ А например, «Киево-Печерский патерик» представлял собой не столько серию рассказов о лицах, сколько летопись создания Киево-Печерского монастыря и событий, в нем происходивших, вперемешку с нравоучениями: «О пришествии мастеров церковных от Царяграда Антонию и Феодосию», «О еже когда основана бысть церкви Печерская», «Нестера мниха обители монастыря Печерскаго сказание, что ради прозвася Печерский монастыр», «О прихожении разбойник...» и пр.⁶¹

Труднее различать своеобразие сквозных мотивов именно печатного «Прόлога» 1641 г. по сравнению с современными ему рукописными «Прόлогами» и «Че-

⁵⁸ Трефологион. М., 1637. Песнопения на 1 сентября. Л. 7 об., 8 об., 17. Ср.: Служебная минея: сентябрь. М., 1636. Л. 1—25 об; Общая минея. М., 1637.

⁵⁹ Лимонарь, сиречь Цветник... Софрония патриархи Иерусалимскаго. Киев, 1628. Л. 3—3 об.

⁶⁰ Ср. список 1628 г. РГБ, собрание Троице-Сергиевой лавры, № 702, л. 4 и сл., л. 97 об. и сл.

⁶¹ Ср. список 1634 г. РГБ, собрание Музейное (Большакова), № 417, л. 7 об., 11, 22, 82 и пр.

тьими минеями». Обратимся к типичному и для XVII в. списку «Стишного прѳолога» в составе «Великих миней четьих» митрополита Макария. Сразу бросается в глаза, что сравнительно со «Стишным прѳологом» в печатном «Прѳологе» 1641 г. отсутствует множество стихов, служивших в «Стишном прѳологе» самостоятельными статьями. Так, например, под 25 сентября уже нет стихов о Павле и Фатии, о Саватине, Павле и Татте, о Феофиле Ефесском⁶²; под 7 декабря нет стихов о Неофите, о Доментие, об Исидоре, Акепсимае и Леоне, об Амоне Нитрийском, о Гайане и Гайе, о трехстах мучениках, об Игнатии, о Приске, Мартине и Николе⁶³. Во всем объеме печатного «Прѳолога» подобных отличий набирается, видимо, очень много. В результате, в печатном «Прѳологе» ослаблена восклицательная «умилительность» повествования и усилена жесткая непрерывность смены мрачного радостным. Не случайно в печатном «Прѳологе» есть статьи, отсутствующие или сжато изложенные в рукописном «Стишном прѳологе» (например, о Евводе и Онсифоре под 7 сентября, о Симеоне Столпнике под 1 сентября)⁶⁴.

Вот, далее, один из типичных списков второй, распространенной редакции рукописного «Прѳолога», писанный в 1632 г. Германом Тулуповым. Сравнительно с ним в печатном «Прѳологе» читается множество дополнительных мелких рассказов-сообщений. Посмотрим хотя бы под теми днями, которые мы уже упоминали. Так, под 1 сентября в печатном «Прѳологе» добавлены краткие рассказы об иконе на озере Азурове и о Калисте, Евводе и Ермогене; под 7 сентября — статеечки о Евводе и Онсифоре и о Стефане Римском; под 25 сентября — «Повесть о страшном трусе», то есть о землетрясении; под 27 ноября — рассказ о Романе Чудотворце; под 7 декабря — статья о Павле Повиннике⁶⁵ и т. д. и т. п. В общем, в рассказах печатного «Прѳолога» чаще повторяется и несколько резче выделяется то сочетание мотивов напряжения и облегчения, мрачного и радостного, о котором мы говорили раньше.

Еще большей массой небольших статей, а отсюда энергичностью и контрастностью чередования мотивов темного и светлого, отличается печатный «Прѳолог» от «Миней четьих», содержавших пространные, медлительные, местами огромные сказания и поучения⁶⁶. В печатном «Прѳологе» острее, чем в житийных сборниках, проявилась тенденция переплетать благостное и тягостное. Эта эмоционально-смысловая особенность, пожалуй, больше приближала

⁶² ВМЧ. Сентябрь 25—30. Стб. 1579—1581; Прѳолог. М., 1641. Л. 88—89 об.

⁶³ ВМЧ. Декабрь 6—17. Стб. 746—752; Прѳолог. Л. 450—455.

⁶⁴ ВМЧ. Сентябрь 1—13. Стб. 120—125, 347—349; Прѳолог. Л. 2—6 об., 28—29 об.

⁶⁵ РГБ, собрание Троице-Сергиевой лавры, № 727, л. 3—7 об., 25 об.—27, 83 об.—89, 380—383 об., 415 об.—418 об.; Прѳолог. Л. 2—6 об., 28—29 об., 88—89, 405 об.—408, 450—455.

⁶⁶ Ср. «Великие миней четии» Макария за сентябрь — декабрь, где под каждым днем переписаны и «Миней четьи», и «Стишной прѳолог».

«Прóлог» к историческим повествованиям и, кажется, осознавалась. Недаром автор «Повести о внезапной кончине царя Михаила Федоровича» 1647 г. включил «Прóлог» в следующий ряд книг: «Еще же возмет самую матицу — книгу Библию, и древния Гранографы, и Летописцы, и пролетную книгу Пролог и да смотрит, яко не все и тамо радостно и стройно писано, но много скорбнаго, и печалнаго, и мятежнаго, и стропотнаго времени такоже было»⁶⁷. Традиционное литературное творчество со временем пришло к обостренной эмоциональности повествования.

Однако отмеченная тенденция первопечатного «Прóлога» не была продолжена московскими издателями. Известно, что первое издание «Прóлога» оборвалось на половине: первая часть книги (на сентябрь—февраль) вышла в августе 1641 г., а через три месяца, в декабре, эту половину стали снова переиздавать с большими изменениями. При переработке с прежней литературной тенденцией не считались, будучи заинтересованы в полноте и систематичности сведений о борцах за веру, скомпонованных под несколько иным углом зрения, чем в первом опыте публикации «Прóлога».

О втором издании «Прóлога»

Самым существенным тематическим недостатком печатного «Прóлога» 1641 г. являлось почти полное отсутствие статей о русских деятелях. А такие статьи присутствовали, между тем, уже в «Стишном прóлоге» и в распространенной редакции рукописного «Прóлога». Например, в «Стишном прóлоге» под 7 сентября читалось сказание об Иоанне Новгородском, а в распространенной редакции под 25 сентября — сказание о Сергии Радонежском. В печатном «Прóлоге» же 1641 г. их нет. Возможно, составители первопечатного «Прóлога» готовили дополнительную часть, составленную уже преимущественно из русских материалов. Во всяком случае, именно так в 1637 г. издали в Москве «Трефологион» («Праздничную минею») — напечатали основную книгу и одновременно книгу дополнительную, посвященную преимущественно русским лицам и событиям⁶⁸. В рукописях также уже имели хождение особые «Минеи четьи», в дополнение к обычным составленные из русских сказаний⁶⁹. Так или иначе, но лишь во втором издании «Прóлога» был исправлен изъян первого издания. Первую половину книги второго издания напечатали в 1642 г.,

⁶⁷ Памятники прений о вере, возникших по делу королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны, собранные А. Голубцовым // ЧОИДР. 1892. Кн. 2. С. 16.

⁶⁸ Зернова А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII веках: Сводный каталог. М., 1958. С. 50.

⁶⁹ Ср. список 1627 г., писанный Германом Тулуповым, РГБ, собрание Троице-Сергиевой лавры, № 665.

а вторую половину — в 1643 г. Второе издание «Прóлога» благополучно завершилось. В первую и во вторую половины книги были внесены многочисленные статьи из русской истории. Русские материалы выделили в «Прóлоге» 1642—1643 гг. и сквозную тему прославления «великой России», Москвы, русских подвижников, князей и царей⁷⁰. Для 1640-х годов столь почтенная тема являлась глубоко традиционной.

Систематическое обогащение нового издания «Прóлога» русскими сказаниями, во-первых, придало новый идейный смысл всей книге. Русские статьи всегда вставлялись в конец проложного дня и, таким образом, венчали в «Прóлоге» большие и малые события культурной и религиозной истории мира. Даже огромное «Житие Михаила Малеина», греческого святого, было включено в «Прóлог» благодаря тезоименитству с царем Михаилом Федоровичем и в конце поминало российского царя⁷¹.

Во-вторых, новодобавленные жития русских подвижников, особенно северных, свидетельствовали об устойчивости развития христианства на Руси и о неотклонении его в ереси. Иоанн Новгородский в «Житии», включенном в самое начало «Прóлога» 1642 г. (под 7 сентября), даже побеждал и унижал дьявола.

В-третьих, «Прóлог» стал рассказывать о широкой борьбе Руси в мире с иноверными врагами, о чем повествовали вставленные сказания об Александре Невском, Михаиле Черниговском или о бегстве Темир-Аксака и многие другие.

Сравним новые идейные тенденции второго издания «Прóлога» и иных книг тех лет. Первая тенденция, конечно же, «прорусская». Как в «Прóлоге» 1642—1643 гг., так и в рукописных сборниках 1630—1640-х годов общемировые и общехристианские сведения обязательно дополнялись или венчались более или менее обильными сведениями русскими. В «Шестодневах» стали чаще упоминаться славянские и российские области и реки⁷²; в «Алфавиты» начали включать значительные выписки по русской истории, в том числе из «Повести временных лет»⁷³; рукописные «Прóлоги» и четьи-минейные сборники составители стремились во все увеличивавшейся степени обогатить русскими статьями — пример тому «Миней четьи» Германа Тулупова; в «Хронографах» русские статьи стали появляться

⁷⁰ Подробнее см.: *Елеонская А. С.* Политические цели второго издания Прóлога 1642—1643-х годов // Литературный сборник XVII века Прóлог. М., 1978. С. 78—95.

⁷¹ Там же. С. 87—90. Ср. в челобитной Войска донского к царю Михаилу Федоровичу 1644 г.: «...вели, государь, своим государевым иконникам образ... своего государева ангела Михаила Малеина... написать» (РИБ. Т. 24. Стб. 580).

⁷² Ср. список ГИМ, собрание Синодальное, № 58: «...а от средняго востока течет Днепр, Двина, Висла... к сим же и Дунай» (*Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание... Отдел 2, ч. 1. С. 39).

⁷³ Ср. список РГБ, собрание Московской духовной академии, Фунд., № 199.

не только в конце, но и в начале, вроде такой: «О утверждении православныя веры и поучение пред Гранографом князем русским и сыновом их»⁷⁴.

Активность проникновения русских материалов в сборники общемировой и общехристианской тематики в 1630—1640-е годы иллюстрируется также примером старопечатных книг, помимо «Пролога». В 1630-е годы в Москве приступили к изданию длинной серии ранее не издававшихся церковнослужебных справочных сборников. К таким сборникам, как «Канонник» (М., 1636), «Трефологион» (М., 1637—1638), «Святцы» (М., 1639), «Потребник мирской» (М., 1639) и «Потребник иноческий» (М., 1639), издатели стали добавлять новые для печатных книг предисловия или послесловия справочно-культурного содержания. Например, в послесловии к «Трефологиону» на декабрь — февраль обосновывалось присовокупление русских материалов к традиционному составу книги; к «Трефологиону» на март — май было присоединено оригинальное послесловие, которое начиналось с рассказа о сотворении мира, излагало целую историю о том, как «начашася книги быти печатным воображением» в России и как со временем «многое число обретется печатнаго дела книг разными имень»⁷⁵.

То же происходило и в нецерковных печатных книгах. Например, В. Ф. Бурцевым в 1634 г. в Москве впервые была издана «Азбука». Ход изложения в предисловии и послесловии к изданию был характерен для тех лет: сначала сообщалось о еврейских, греческих, латинских и прочих «писменах и грамотах», а затем о составлении «русской грамоты» Кириллом Философом и о предложении им греческих книг «на наш русьский язык... о именах же тех книг не у время писати»⁷⁶. В саму «Азбуку» было включено более подробное «Сказание, како состави Кирил Философ азбуку по языку словенску и книги преведе».

В общем, явления русской жизни мыслились на одном уровне с общемировыми. В этом заключался главный смысл постоянного присоединения и продолжения мировых событий русскими событиями в рукописных и печатных книгах. Делалось так, правда, издавна. Но в 20—40-е годы XVII в. отмеченная тенденция стала проводиться более настойчиво и широко, чем в начале века.

Коснемся второго идейного направления в книжности 1630—1640-х годов, где внушалось, а нередко и прямо проповедовалось разделение мира на правых и заблудших, правоверных и еретиков. Русь принадлежала, конечно, к

⁷⁴ Ср. список 1640 г. ГИМ, собрание Уварова, № 1363 (16); список 1641 г. РГБ, собрание Музейное, № 7751, и др.

⁷⁵ Трефологион: декабрь — февраль. М., 1638. Л. 726 об.; Трефологион: март — май. М., 1638. Л. 405—408 об.

⁷⁶ Азбука. М., 1634. Л. нумерованн. 3, 64 об.—86. В предисловии и послесловии к «Общей минее» также упоминался «Кирил Философ, учитель словяном и болгаром, иже преложи русскую грамоту с греческия в 38 слов...» (Общая минея. М., 1635. Л. 1, 203 об.).

правоверной части мира. Типична, например, схема уже упоминавшегося послесловия к «Трефологиону» на март — май: вначале сказано о сотворении мира и о том, как погибельно веруют и действуют «латыни, и лютори, и кальвини, и прочии», а потом показано, как успешно идут дела на Руси ⁷⁷.

Подробнее это разделение было проведено «Иноческим потребником», обращенным в своего рода историко-культурный сборник, непосредственно в состав которого наряду с неизбежными церковнослужебными текстами были включены повествовательно-справочные материалы: сначала «Соборное изложение» истории «ересей» у римлян, «в латинех», у иудеев и пр.; затем очерк, каковы «во округ страны наша земля великия Росии живущии языцы», верующие по-иному; потом перечисление книг, которыми желательно пользоваться, и замечания о «неких переводах», которых русскому читателю необходимо «блюстися», и т. п. ⁷⁸ Еще основательнее делил мир на еретическую и правоверную части большой сборник о почитании икон. В нем, «от многих святых отец воедино собравше», напечатали двенадцать «Слов» о еретиках всего мира, «иже велику брань... на святых иконы воздвигоша», включая и гигантское русское «слово обличительно на ересь... Лютора, глаголю и Кальвина, и на Феодосия чернца, рекомаго Косого», сочиненное Зиновием Отенским ⁷⁹.

Данная тема обязательно присутствовала и в рукописных историко-культурных сборниках второй четверти XVII в. Выписки из Зиновия Отенского вставлялись даже в «Шестоднев» ⁸⁰. Стихотворные сборники поэтов так называемой приказной школы 1630—1640-х годов давали образцы стихотворных предисловий к «Прению Григория Амиритского с еретиком Ерваном», к собранию противоеретических «Слов» отцов церкви и т. п. Один из поэтов приказной школы — Савватий — мечтал о том, что составленный им стихотворный историко-культурный сборник «повелит государь и в печатное изображение положить» ⁸¹. А сочинил Савватий для сведения читателей и «Предисловие к Царьственной книге, сииречь к Гранографу», где специально говорил об иноверцах, о магометанах — «о прочих же таковых врагов не у время писати» ⁸².

В другом сборнике 1640-х годов стихотворные предисловия приказных поэтов к «Шестодневу», «Хронографу» и пр. переписывались вместе с книгами «Логика», «Диалектика», «Грамматика», со «Сказанием вкратце же, от коего

⁷⁷ Трефологион: март — май. М., 1638. Л. 406 и сл.

⁷⁸ Иноческий потребник. М., 1639. Л. 1 и сл., 322—323, 409—423 об.

⁷⁹ Сборник о почитании икон. М., 1642. Послесловие. Л. 166, 165 об., 1 второго счета.

⁸⁰ См. список ГИМ, собрание Синодальное, № 58.

⁸¹ Цит по кн.: Ланченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 56.

⁸² Там же. С. 59—62.

колена поидоша словяне», упоминая севернорусские реки. Составитель сборника делал многочисленные замечания о науках, пытался дать «текстологическую» характеристику разных известных ему книг «Логики», систематизировал различные исторические выписки, с древности до царя Федора Иоанновича включительно, но неукоснительно переписывал и статьи «О латинех», «О варварех», «О Махмете», «Из книги на люторы», «Предисловие на еретики»⁸³. Конечно, прения с «еретиками» велись на Руси с давних времен, большие сочинения по этому поводу появились в 1610—1620-е годы. Но, пожалуй, именно в сборниках 1630—1640-х годов в единую систему были увязаны мировая история, наука, «еретики» и «еретическое», русская история и пути «правоверия» на Руси.

Перейдем к третьему идейному направлению, возвышающему Россию, в историко-культурных сборниках общемировой тематики 1630—1640-х годов. Неисчислимое количество сведений, сообщаемых сборниками, не только уверяло читателей в глобальном разделении мира на народы правые и неправые, но и указывало на их противоборство и на грандиозность масштабов борьбы России с «агарянами» и прочими «неверными». Новые дополнения к «Хронографам» обзоревали перипетии этой борьбы в XVII в. Сравнительно частные, местные события приобретали значение мировых.

Возведение ко «всемирности» хорошо видно на примере новой по типу «Есиповской летописи» 1636—1638 гг. Перед нами своеобразный монографический сборник сведений о Сибири с древнейших времен до ее покорения русскими. Автор летописи, бывший новгородец, подьячий Савва Есипов не столько описывал военные события, сколько через библейские параллели раскрывал их общее значение. Заключительная глава «Есиповской летописи» вся посвящалась разъяснению значимости присоединения Сибири к России. Если летописи старого типа лишь время от времени поминали борьбу с «агарянами», а рассказы о конкретных исторических эпизодах были выдвинуты на передний план, то «Есиповская летопись» целиком была пронизана многочисленными подчеркиваниями того, что Сибирь «взята бысть от православных христиан» у неверных, что еще в одной области мира потеснены идолопоклонники и «бесермене». И кончал свое сочинение С. Есипов таким восклицанием: «Упразнимся, братие, паки на Божия чудеса, еже содеяшеса во дни наша в новопросвещенных местех!»⁸⁴.

В 1630—1640-е годы идею противоборства мировых сил проповедовали разные авторы, творившие в разных местах Русского государства. Так, сравнительно частный факт взятия города Азова донскими казаками в 1637 г. в «По-

⁸³ РГБ, собрание Андропова, № 2. Со сборником ознакомила меня Л. В. Тиганова.

⁸⁴ Список, сделанный в 1649 г. соликамским посадским человеком И. А. Сычевым, РНБ, Q.XVII.33 // Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 170.

вести об Азовском взятии», сразу же вставленной в «Хронографы», тоже был интерпретирован в масштабах мировой истории: «Сей убо бяше град Азов поставлен бе... от греческаго языка в прежнее лета от древних родов при апостоле Павле», но «агаряне» захватили Иерусалим, потом Царьград, и вот уже «около Белово и Чернаво моря и Синего моря же православная христианская вера... поплена до основания». Однако «все великое донское войско прежних воин Александра царя Макидонскаго... себе вмениша» и вернуло Азов. «И сия написахом впредь на память роду христианскому»⁸⁵.

Пожалуй, в 1630-е годы тема мирового противоборства России и мирового значения ее борьбы стала энергично развиваться в русской литературе, особенно в историко-культурных сборниках. В предыдущие десятилетия эта тема излагалась менее масштабно. Объяснение столь широко распространившегося в 1630—1640-е годы общественного интереса к месту России в мировой истории и культуре прежде всего подыскивается во внешнеполитических обстоятельствах. Оправившись после несчастий Смутного времени, Россия вновь выступила на мировой арене как значительная сила. Смоленская война 1632—1634 гг., присоединение Сибири, взятие Азова 1637 г., коренное переустройство южных границ, постоянный нажим на Крым и Турцию, представительные соборы, проводившиеся в Москве по внешнеполитическим вопросам, — все это, видимо, питало и развивало новые представления авторов о наступательной позиции России в мире, сумевшей «избавити православных христиан от плену и разхищенья», «от варварскаго нахожения» и могущей воздать «мечь врагам за их бусурманския неправды»⁸⁶.

Второе издание «Прόлога» 1642—1643 гг. в отличие от ущербного первого издания уже достаточно полно отразило «международные» культурные запросы российских книжников. Тип традиционного, эклектического литературного творчества вовсе не исключал расширения содержательности произведений. История древнерусского традиционного литературного творчества таит много неожиданностей, ее еще только предстоит написать.

1978, 1985 гг.

⁸⁵ «Историческая» повесть о взятии Азова в 1637 г. // Воинские повести Древней Руси / Текст памятника подгот. А. Н. Робинсон. М.; Л., 1949. С. 47, 50, 56.

⁸⁶ Документы Собора 1642 г. // СГГД. Ч. 3. С. 386.

«КАЗАНСКАЯ ИСТОРИЯ»: ДВУЛИКИЙ АВТОР

Во второй половине XVI в. традиционное литературное творчество оказалось сопряжено с появлением невиданных феноменов. Один из таких любопытных памятников, который предстоит рассмотреть на этот раз целиком, называют по-разному: «Сказание», «Повесть», «История о Казанском царстве», «Казанская история», «Казанский летописец». Сочинение посвящено взятию Казани Иваном Грозным и является очень дельным и подробным обзором исторических событий, слегка приправленным соответствующей риторикой. Творение это огромно и содержит 101 главу, которым предшествует небольшое авторское вступление. По косвенным данным памятник удастся датировать 1564—1565 гг., но автор его так и не установлен¹.

Уже сразу со вступления выделяется тема, одна из главнейших и самая интересная в «Казанской истории», — изображение Казанского царства и казанцев. Во вступлении автор дает общую характеристику Казани, обращая свои взоры «на *презлое* царство сарацинское, на *предивную* Казань»². Может озадачить совершенно откровенная противоречивость характеристики: Казань — одновременно и «презлая», но и «предивная». Эта положительная оценка Казани как «предивной» (не «дивной», а «предивной») тем более необычна, что дана она, так сказать, по высшему разряду: ведь эпитетом «предивный», не таким уж частым в древнерусских произведениях, обозначалось нечто, из ряда вон выходящее в области христианских ценностей, — предивные чудеса, предивные знамения, предивные чудотворцы (именно таково словоупотребление от «Успенского сборника» XII—XIII вв. до «Степенной книги» XVI в.), а иногда так обозначались предивные строения Царьграда (например, в «Повести о взятии Царьграда турками в 1453 г.», послужившей, кстати говоря, одним из источников «Казанской истории»). И этот-то «христианский» эпитет в «Казанской истории» вдруг оказался примененным к мусульманской Казани.

Еще более ясен подобный перенос «хорошего» символа на «плохой» объект в последующей общей характеристике Казани. Автор следующим образом говорит о расцвете Казанского царства как наследнике Золотой Орды: «И паки же возрасте царство и оживе, яко древо измершее от зимы солнцу обогревшу и *весне*. От злого древа, реку же, от Златыя Орды, злая ветвь произыде — Казань» (326, гл. 11). Казань — злая ветвь, — это понятно. Но вот сравнение с весной всегда прилагалось

¹ См.: Волкова Т. Ф. Казанская история // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2, ч. 1. С. 451.

² ПЛДР. Т. 7 / Текст памятника подгот. Т. Ф. Волкова. М., 1985. С. 300. Далее страницы указываются в скобках.

к явлениям только положительным; да и в «Казанской истории» автор только что сходным образом выразился о Руси: «И тогда наша Руская земля освободится от ярма и покорения бусурманского и начать обновлятися, яко от зимы и на тихую весну прелагаться» (310, гл. 5). И вдруг «весна» перенесена на Казань.

Этот феномен не так-то прост и не охватывается каким-либо одним объяснением. В столь странном словоупотреблении нельзя только видеть отмеченное Д. С. Лихачевым «разительное нарушение литературного этикета» в «Казанской истории»³, потому что разрушение это произошло не стихийно, не механически, но и не из-за стремления автора к парадоксам. Разрушение этикета очень даже целенаправленно: на казанцев автор чаще всего переносит то, что пишет именно о русских. Так, например, «Казанская история» в разных ее главах содержит внешне не связанные друг с другом характеристики двух выдающихся воевод — казанского воеводы Аталыка и русского воеводы Симеона Микулинского. Хотя характеристика казанского воеводы, конечно, в общем, отрицательна, но она при всем том неожиданно пронизана массой положительных мотивов, перекликающихся с возвышенной характеристикой русского воеводы. Автор начинает характеристику казанского воеводы с особого эпитета, — упоминания «*силнаго*» Аталыка (352, гл. 19), как потом и Симеон предстает «*силенъ*» (384, гл. 26); автор вспоминает «*похвалнаго* воеводу казанского» (352), и так же им оценен потом «*прехвалны... воевода князь Симеон*» (492, гл. 67). Подобные эпитеты можно было бы принять за объективные, не экспрессивные оценки качеств персонажей, если бы не совпадали и явно экспрессивные детали в их характеристиках, выражающие даже восхищение автора. У обоих воевод кони летают, словно крылатые: Аталыка «понесе конь его... аки *крилатъ*, конь его реку прелете» (352); у Симеона «коня его мнети, аки змия *крылата*, летаючи выше знамень» (492). Обоих воевод автор хвалит за меткость: Аталык «стреляше версты дале в примету (попадал в цель больше чем за версту)» (354); и Симеон мог «на обе руки стреляти в примету и не погрешити» (384). Обоим воеводам никто не может противостоять: Аталык таков, что обычный «русский воевода или воинъ противъ его выехати и с нимъ драться не смеяху» (354); Симеон тоже таков, что «противнии же... не могуще ни мало стояти противу его» (492). Обоих воевод страшатся: от Аталыка «страх наших обдержа» (357); от Симеона казанцы «страхом одержими» (492).

Однако автор «Казанской истории» вовсе не подчеркивал специально сходство Аталыка и Симеона. Напротив, эти воеводы в конечном счете получились

³ Лихачев Д. С. Избранные работы: В 3 т. Л., 1987. Т. 1. С. 365, 369. Современная исследовательница отмечает в «Казанской истории» «ценностные оксюмороны» и «проявление несогласованного многоголосия» (Плюханова М. Б. Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995. С. 179, 199).

противоположны обликом: у Аталыка «очи же его бяху кровавы» (354), а Симеон «радостень очима» (384); Аталык напоминает «буявола» (354), а Симеон — «аггела Божия» (492) и пр. Автор «Казанской истории» ввел в характеристику Аталыка специфические мотивы, напоминавшие не столько о Симеоне персонально, сколько о типично русских богатырях, вроде тех богатырей, которые изображены в «Повести о разорении Рязани Батыем», тоже использованной в «Казанской истории». Аталык в «Казанской истории» «наезжал... на сто человекъ удалых бойцов... и, многихъ убивъ... разсецаше *надвое* и *до седла*... Величина же его и ширина, аки *исполина*» (354); все это созвучно «Повести о разорении Рязани», где каждый из дружинников Евпатия Коловрата «езда, бьяшеся един с тысящею», а сам Евпатий Коловрат, «*исполин* силою», «богатырей Батыевых побил, ових *на полы* пресекоша, а иных *до седла* краяше»⁴.

Если автор все же и находил общие черты у Симеона и Аталыка, то вовсе не обязательно было так повторять сходные детали и выражения в их характеристиках. Причина подобной манеры повествования, то есть переноса «русских» мотивов на казанцев, заключалась не в слепом разрушении литературного этикета, а в двуликости автора, в новизне представления автора о некоем сходстве русских и казанцев. Отражения этого представления многочисленны в повести. Поэтому некоторые положительные черты воеводы Симеона (да и прочих русских персонажей) автор не менее настойчиво отмечал хотя и не у Аталыка, но у казанцев тоже. Симеон «силень в *мужестве*» (384), «ратникъ бе велий и *мужественне* зело» (494, гл. 67); но и казанцы — «мало таковых людей *мужественных*... во всей вселенней обреташеся» (472, гл. 59). У Симеона красиво блестят доспехи и оружие: его видят «аки огненна всего яздыща на коне своемъ и мечъ и копие его, аки пламень, метающися...» (492); но и казанцы предстают «со блещашимся оружиемъ» (376, гл. 25). И, напротив, некоторыми отрицательными чертами Аталыка и казанцев хотя и не Симеон, но русские обладают тоже. Аталык и казанцы свирепы, вид у Аталыка «аки у *зверя* или человекаядца» (354), казанцы выглядят «яко *зверми*... ис *пустыни* пришедшими» (368, гл. 23); но свирепы и русские воины, которые «рыскаху, яко *зверие* по *пустынямъ*» (524, гл. 83). Казанцы на войне грешат пьянством: «*затывахуся* до пияна и *спяху* сномъ крепким», это свойственно и Аталыку: «*упившуся* виномъ и не успевшу ему скоро от *сна* востати» (354); но и русские воины не прочь «*упиватися* без воздержания... и *спати*, яко мертвы» (336, гл. 14).

Представление автора повести о сходстве казанцев и русских не ограничивалось военной сферой. Фразеологически сходно и со сходными деталями описывал автор и совсем не воинских персонажей, — казанских и русских,

⁴ ПЛДР. Т. 3 / Текст памятника подгот. Д. С. Лихачев. М., 1981. С. 192.

например, казанскую царицу Сумбеку (Сююн-Бике) и русскую царицу Анастасию (первую жену Ивана Грозного). Обе они горюют из-за ужасов войны, и в непосильном горе их поддерживают под руки: Сумбека «поддержима под руке рабынями ея» (412, гл. 38); Анастасию «сам царь супружницу свою рукама своима поддержалъ» (452, гл. 52). Обе царицы горько плачут. Обеих цариц пытаются утешить: Анастасию царь «утешив... своими словесы» (452); Сумбеку тоже «увещеваху... ласковыми словесы» (416, гл. 39), «едва отляша ю водою и утешаху ю (ее)» (412). Кстати, эпизод отливания рыдающей казанской царицы, которую «похватиша... от земли... мало не мертву», скорее всего, восходит к «Повести о разорении Рязани», где рязанского князя, от плача «лежаща на земли, яко мертвъ... едва отльеяша» (194). И тут «русский» мотив также перенесен автором на казанского персонажа.

Далее обе царицы обращаются к «драгим» своим мужьям. Сумбека, хотя говорит и причитает «речью варварскаго языка своего» (412), но, в передаче автора, совсем по русской традиции: «Кто... горкая слезы моя утолит...?» (414, гл. 38); так же плачет Анастасия: «кто ми утолитъ мою горкую печаль?» (452). Обе царицы мечтают о почтовой птице, приносящей вести. Сумбека: «где возму птицу борзолетную... да возвестит случившаяся...?» (420, гл. 40); Анастасия: «кая птица во един час прилетит... и возвестит ми...» (452). Обе царицы не хотят видеть дневного света: Сумбека «в дому сидела... света дневнаго не зря» (420); Анастасия «припокрывся в полате своей... света дневнаго зрети не хотя» (452). Каждая из этих цариц напоминает птицу в гнезде: Сумбека напоминает «яко смирну птицу въ гнезде... в полатах ея» (410, гл. 38); Анастасия «возвратися в полаты своя, аки ластовица во гнездо свое» (452). Женщины казанские вместе с Сумбекой плачут «яко многия горлицы» (412, гл. 38); но и Анастасия плачет «яко печальная горлица» (552, гл. 95). И т. д.

Представление автора о сходстве казанцев и русских распространялось на самые разные области, подчас неожиданные. Например, в повести сходно описывались редкостные события у казанцев и у русских. Так, о небывало дорогом изделии — о шитом золотом и драгоценностями шатре казанского царя — автор сообщил, что «велицны купцы заморстии... дивящиеся хитрости его, глаголюще, яко: “Нестъ в наших заморских странахъ... узорочия такова, не слышено и не видено ни у коегождо царя или кроля”» (340, гл. 15). Но и о небывало торжественном шествии русского царя и его вельмож, одетых в золотые украшения и драгоценные наряды, автор сказал примерно то же: «вси послы же и купцы тако же дивляхуся, глаголюще, яко: “Нестъ мы видали ни в коих царствах, ни в своих, ни в чюжих, ни на коемъ же царе, ни на королех сицевыя красоты”» (548, гл. 93).

Автор «Казанской истории» время от времени и логически довольно прозрачно выражал свое представление о сходстве обеих сторон — казанцев и русских: «страш-

но бе видети *обоих* храбрости и мужества» (518, гл. 80); «мнози от *обою* страну падоша, аки цветы прекраснии» (468, гл. 58). Чаще всего это сходство понималось автором как некое равновесие сторон: «овогда убо мало державнии (правители) наши побеждаху казанцевъ, овогда же сами от нихъ болши сугубо побеждаеми бываху» (362, гл. 22); «яко не токмо спомогает Богъ христианомъ, но и поганымъ способствуетъ» (324, гл. 10). Казанский персонаж, в трактовке автора, мог обращаться за поддержкой к обеим верам вместе: так, казанский царь «втай небеснаго бога моляше по вере своей, но и русских святыхъ на помощь призываше» (376, гл. 25); другие мусульманские персонажи ссылались на учение обеих вер, на то, как сходно «пишют бо наши книги и христианския» (424, гл. 41). Иногда автор и сам не знал, чья вера воздействовала на события: «или Богъ тако сотвори, или волхование казанских волхвовъ сие бысть, — не вемъ» (388, гл. 27).

Казанские персонажи, по утверждениям автора, дорастали до русских: наши могут посочувствовать врагу-правителю, впавшему в несчастья, но «милуетъ бо и варваринъ, видя державнаго (русского правителя) злостражуща» (328, гл. 11); русские верно служат своему самодержцу, но ему же может быть так же верен и иноверный: «много добра и велику помощь сотвори, служа и помогая самодержцу своему, аще и поганъ есть» (426, гл. 42).

Больше того, в отдельных случаях, по оценке автора, казанцы даже превосходят русских в верности: «и неверный варваръ паче (лучше) нашихъ верныхъ сотвори» (346, гл. 17). Превосходят, бывает, и в военном искусстве: «учени бо суть измаилтяне от начала своего бранем, учатся от младенства сицевым... Темъ (поэтому) силно не можемъ противитися и много смиряемся пред ними» (364, гл. 22); ведь было и так, что «разгневся Господь на русских вой, отъят от них храбрость и мужество и даде поганымъ храбрость и мужество» (336, гл. 14). Наконец, еще одна область казанского превосходства — женская красота: так, казанская «царица та зело красна и в разуме премудра, яко не обрестися таковой красной в Казани в женах и в девицах, но и в русских во многих на Москве во дщерях и в женах боярских и княжых» (416, гл. 38).

Столь высокое и открыто высказываемое мнение автора об иноверных, о казанцах, и о взаимном сходстве казанцев и русских, особенно сходстве положительных черт у обеих сторон, совершенно необычно для древнерусской литературы и, в свою очередь, объясняется несколькими причинами. Одна причина — биографическая. Автор каким-то образом попал в плен к казанцам, долгое время, 20 лет, в привилегированном положении жил в Казани, о чем он не без удовольствия сообщил сам: «Грех же моихъ ради случи ми ся пленену быти варвары (то есть казанцами) и сведену в Казань. И данъ бысть в дарех (в подарок) царю казанскому... И взять мя к себе царь с любовию служити во дворъ свой и сотвори мя пред лицомъ своимъ стояти. И удержану ми бывшу

тамо у него двадесять (двадцать) летъ в пленении... часто и прилежно от царя вопрошахъ (распрашивал царя) в веселии (при развлечениях) и при беседе со мною и мудръствующих честнейшихъ казанцев. Бе бо царь по премногу и меня любя, и велможи его паче меры брегуще мя» и пр. (302, гл. 1). Читал автор, вероятно, принявший ислам, и казанские летописи. Все это, надо думать, способствовало многочисленным благоприятным его оценкам Казани и казанцев.

Но авторские похвалы казанцам отнюдь не чрезмерны в произведении, которое гораздо больше осуждает иноверных, чем их хвалит. Автор, по его дальнейшему признанию, после взятия Казани возвращенный из плена, вновь принявший православие, определенный на царскую службу и пользовавшийся покровительством и любовью воеводы Симеона Микулинского, явно следил за соотношением акцентов в своем произведении и временами оправдывался перед читателями: «Да никто же мя осудит от вас о семь, яко единоверных своих похуляюща и поганых же варварь похваляющи» (492, гл. 67). То был слуга двух враждующих господ, обязанный уважительно говорить об обеих сторонах.

Похвалы Казани и казанцам допускались в большей степени все-таки не по биографической, а по идейным причинам. Ведь Казань и казанцы — это своего рода богатейший военный трофей Ивана Грозного, есть чем похвалиться: «в лета православнаго, и благочестиваго, и державнаго царя и великаго князя Иоанна Васильевича... всеа великия Росии самодержца, ему же дарова Богъ... предивную Казань» (300). Богатство этого трофея автор всячески живописал. Например, во время штурма Казани один из русских «некий же юноша воинъ... оружие наго держа в руках своих, кровию варварскою красеющися» вбежал «в мерское святилище Махметово, в мечеть цареву (то есть казанского царя)... чая тамо некое себе налести (обнаружить) богатство, еже и бысть. И... виде по стенамъ златотканныя запоны (занавеси), на царских гробех — покровы драгия, саженыя жемчюгомъ и камениемъ драгимъ,... до верха наставленных великих ларцевъ и коробей с рухломъ (добром) драгих (богатых) казанских велмож» и т. д. (528, гл. 85). Эти и иные дивные богатства Иван Грозный похвалил, «яко велика бе слава и красота царства сего», и лично осмотрел «очима своима самъ», велел переписать и «печатью своею запечатати» и поставил охрану (534, гл. 87). Хваленый трон казанского царя отослан в Москву, прекрасная Сумбека — тоже.

Еще одна идейная причина допущения положительных оценок в характеристике Казани была более широкой, чем прямолинейное любовование автора военными трофеями, и относилась уже к авторским историческим взглядам. Автор и без обращения к теме трофеев восхвалял Казань, потому что это прекрасное место, по его мнению, исконно находилось на Русской земле и лишь затем было захвачено «погаными»: то «место на Волге, на самой украине Руския земли,... зело пренарочито (совершенно исключительное) — и скотопажно

(пастбищно), и пчелисто, и всякими земляными семяны (злаками) родимо, и овощами преизобилно, и зверисто, и рыбно, и всякого угодия житейского полно — яко не обрестися другому такому месту по всей *нашей Руской земли* нигде же точному (похожему) красотою, и крепостию (целебностью), и угодием человеческим» (314, гл. 7). И далее в произведении неоднократно повторялась та же идея географической русскости Казани. Например: «И уведа царь и великий князь Иоань Васильевич, яко издавна стоить *на Руской его земли* царство срацынское Казань, по рускому же языку — Котель златое дно... казанстии царие тоя страны много *Руския земли* отъемше до сего нашего самодержца» (362, гл. 22).

Можно также предположить, что автор «Казанской истории» исходил из какого-то кодекса рыцарственности, который он распространял на обе стороны — казанцев и русских — в рассказах о делах воинских (эта догадка Э. Кинана⁵).

Однако в «Казанской истории» автором все же так густо, но не нарочито и без привязки только к рыцарственным или к иным определенным темам или лицам, использованы фразеологические параллели в рассказах о казанских и о русских персонажах, что объяснить такое всепроникающее явление лишь биографическими, политическими или сословными причинами оказывается недостаточно. Сходство казанских и русских персонажей ведет к более широкому явлению в мировоззрении автора повести, к его своеобразному «человековедческому» подходу к описываемым событиям, к его представлению о единой человеческой природе поведения всех людей вообще. Вот суть двуликости автора. Сходство казанцев и русских явилось у автора самым частым, однако, как бы частным случаем общего человеческого сходства, которое составляют еще и упоминаемые в повести черемисы, ногайцы, турки, «фряги» (западноевропейцы), поляки, литовцы, немцы, датчане, шведы, англичане, греки, вплоть до совсем уж «иноземцев далних».

Автор и в самом деле постоянно думал об общечеловеческой основе поведения своих персонажей, неважно — русских или казанцев, и оттого он регулярно насыщал свое повествование о тех же русских или казанцах множеством философских сентенций о людях вообще. Хотя в подобной сентенциозности изложения у автора «Казанской истории» были серьезные предшественники, вроде «Хронографа 1512 г.», но все-таки эти обильные сентенции автор сочинял, цитировал или пересказывал, применяя к нужным случаям, сам. Автора интересовали преимущественно две, как сказали бы мы сейчас, проблемы человеческого поведения.

⁵ См. об этом: *Лихачев Д. С.* Указ. соч. Т. 1. С. 368—369; *Плюханова М. Б.* Указ. соч. С. 180—181.

Первая — это проблема верности или же, напротив, предательства. У автора даже царь Иван Грозный возвещает общечеловеческий принцип: «Сладко бысть всякому человеку умерети за веру свою, паче же кому за христианскую святую» (446, гл. 48), — то есть поощряется благородная верность каждого человека своей вере, причем, не обязательно вере христианской, хотя, конечно, лучше бы христианской. Сюда же относятся и использованные автором сентенции о верности, вроде такого высказывания: «И болши сея любви несть ничто же, еже положити душу свою за господина своего или за друга» (382, гл. 25), — показательно, что эта мораль выведена автором из изложения внутриказанских дел, но по существу касается всех людей, включая и русских, и казанцев.

Немало сентенций автор направляет против всех русских и казанских предателей и изменников; например: «*всемь* изменникомъ, с лестию (коварством) и неправдою служащимъ государемъ своимъ, — им же да буди вечная мука» (534, гл. 86). Автор выясняет универсальные мотивы предательства, касающиеся и русских, и казанцев, — это женская хитрость и подкуп: «И всегдашняя капля дождевная и жестокий камень пробиваетъ вскоре, а лщение женское сненаетъ премудрыя человеки» (330, гл. 12), — имеются в виду «премудрыя человеки» как у русских, так и у казанцев; «и намъ мнится, яко сильнейши есть злато вой безчисленных, жестокаго бо умяхеваетъ, мяхкосердое ожесточеваетъ, и слышати глуха творить, и слепа — видети» (354, гл. 19), — опять-таки, хотя и неявно, речь идет о всех людях вообще. Предательство и усобицы ведут к гибели государства; тут автор ссылался на Евангелие: «Божие слово рече во Евангелии: “Аще кое царство станеть само на ся, то вскоре разорится”» (382, гл. 26), — автор подразумевал любое царство, подчиняющееся этому всеобщему закону. Однако надо сказать, что предательство автор осуждал не абстрактно, а переживал, конечно, больше по отношению к Руси и христианству и общечеловеческие истины чаще выводил на основе русских обстоятельств: «несть мочно и лзе просту *человеку* со змием дружитися, и кормити его от руку своею всегда... и приучити в пазусе (за пазухой) носити и не снену быти от него... Тако и от злаго слуги своего, невернаго раба иноязычнаго, не мочно есть ухранитися и убрещися у него» и пр. (428, гл. 43).

Вторая проблема, которой автор посвятил многие свои сентенции, это общие основы деятельности всех людей. В делах главное — угодить Богу. Автор снова ссылается на святые книги: «Писано во святых книгахъ: “Во всяком языке творяи волю Божию и делаи правду, приятень ему есть”» (428, гл. 42); «но что может *человекъ* сотворити, аще не Богъ попустит его» (498, гл. 69), — речь опять идет о любых народах и любом человеке, но, правда, Бог подразумевается христианский. По автору «Казанской истории», общечеловеческая основа поведения — прежде всего христианская. Но в этих пределах находится боль-

шое поле общности самых разных народов и людей: «*всяк бо человекъ, иже в скорбехъ возрасте и в бедахъ множественных, всемъ искусень бывает и можетъ многотражущим в напастех спомогати*» (360, гл. 22); «*и весте сами боле мене: кто венчается (ублагодворяется) без труда? Земледелец убо тружается с печалию и со слезами, жнетъ бо веселиемъ и радостию. И купец тако же...*» и т. д. (490, гл. 66). Деятельную жизнь всех людей пресекает смерть: «*Но, о прегоркая смерти злая, не милующа красоты человека, ни храбра мужа шадящи, ни богата почитающи, ни царя... но вся равно от жития сего поемлющи и в трилукотнемъ (трехлокотном) гробе темнем полагаше*» (492, гл. 67), — все это верно для всех, но упоминание именно гроба свидетельствует опять-таки о христианах.

Автор «Казанской истории» не только писал большой исторический труд, но многое видел, много читал и размышлял по поводу событий; эти размышления привели его к некоей несистематизированной «философии» общечеловеческого сходства, тем не менее, определившей беспрецедентные литературные особенности его произведения, — смелое преобразование литературного этикета и этническое расширение содержания традиционных сентенций и символов ⁶.

За сто лет до автора «Казанской истории» тоже надолго оказавшийся в иноверной среде Афанасий Никитин лишь метался в своем «Хождении за три моря» от православного отрешенного взгляда на чуждые народы и веры к выказываемой им по-тюркски более дружественной точке зрения на буддистов и мусульман и, кажется, склонялся к смутной идее единого бога для всех народов. На этом фоне видно, насколько изощреннее в литературном отношении, опытнее, зрелее был автор «Казанской истории», который хорошо вписался в начавшийся с XV в. на Руси процесс литературного приятия явно чуждых, даже враждебных нам правителей и народов поездившими за рубеж, бывальыми людьми, состоявшими на царской службе («Сказание о Дракуле воеводе мутьянском» Федора Курицына, «Сказание о Магмете-Салтане» Ивана Пересветова). На «Казанской истории» в XVI в. этот процесс не закончился (ср. «Повесть о прихождении Стефана Батория на град Псков»). Нараставшая активность контактов, по-видимому, способствовала упрочению в России XVI в. писательских представлений о том, что страшные «иноземные злодеи» и «отвратительные иноверцы» в чем-то такие же люди, как и мы.

2002 г.

⁶ Ср. подразумеваемый автором «символический статус Казани как источника русского царения» (Плюханова М. Б. Указ. соч. С. 188).

ЛИТЕРАТУРНЫЕ НОВАЦИИ «ПОВЕСТИ О ПРИХОЖЕНИИ СТЕФАНА БАТОРИЯ НА ГРАД ПСКОВ»

История древнерусского литературного творчества и, значит, художественного видения мира древнерусскими писателями — сравнительно новая область изучения (в отличие, например, от исторической поэтики, от чисто текстологической, либо от преимущественно «идейной» истории древнерусской литературы). Место многих древнерусских памятников в истории типов литературного творчества и в эволюции писательского мироощущения еще не определено достаточно ясно. Среди литературно-исторических произведений XVI в. представляет интерес большая повесть об ожесточенной осаде Пскова в 1581 г. польско-литовским королем Стефаном Баторием; она была написана («списана») в 1580-х годах неким жителем Пскова иконописцем Василием, возможно, состоявшим при канцелярии воеводы И. П. Шуйского¹.

В тексте «Повести о приходе литовского короля Стефана Батория на град Псков» обращают на себя внимание многообразные по содержанию фразеологические совпадения между рассказами о противниках — о персонажах русских и о персонажах польско-литовских. Вполне обычно, например, когда благонамеренная радость отмечается у положительных персонажей — псковичей, которые время от времени «неизреченныя радости исполнятся» (452), «радости исполнишася» (462). Но явно отклоняется от древнерусской литературной традиции употребление тех же выражений по отношению к врагу — Стефану Баторию, — он тоже «несказанныя радости наполнится» (438). Похвалы, обычно своему русскому войску, распространяются у автора повести и на войско вражеское. Так, храбрыми в повести названы и те, и другие: русские «сударевы воиводы и вои... храбро мужествоваше» (408); но тот же эпитет обращен и к польским «храбрым паном» (472); никак не опровергая оценок, автор излагает речь Стефана Батория с теми же определениями «храбрых литовских вой» (408): «Вы же... храбрыя воя... моего Полского королевства и великого княжества Литовского» (412). Еще: «Сия же християнененавистьцы... яко желателни елени, по Писа-

¹ См.: Охотникова В. И. Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков // ПЛДР. Т. 8. С. 617—618, 620, 625; Орлов А. С. Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков // История русской литературы: В 10 т. М.; Л., 1946. Т. 2, ч. 1. С. 523—527; Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков / Изд. подгот. В. И. Малышев. М.; Л., 1952. С. 24, 27. Однако есть также указания на другого автора повести — иеромонаха Псковского Елеazarова монастыря Серапиона: Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 315—316. Отрывки из Основной редакции повести далее цитируются по изданию: ПЛДР. Т. 8 / Текст памятника и перевод подгот. В. И. Охотникова. Страницы указываются в скобках.

нию, ... иудейским советом... *тщательне же и изрядно* к литовскому королю приходят» (406), — выделенные курсивом выражения обычно входили в рассказы о «своих» героях, а тут автор имеет в виду злейшего врага.

Особенно удивительно в повести одинаковое приложение сочувственных авторских выражений и к русским, и к их врагам. Например, «царь государь и великий князь Иван Васильевич... *великою кручиною* объят бив» (408), но и польский «король *великую кручину*... впад» (454), и «поляк канцлер... в *великую кручину* впад» (472). Или автор отмечает не только «начало *болезнем* Русские земли» (408), но и что «литовские люди... начало своим *болезнем* предпозаваше» (428). Псковичи горюют «с *плачем*... и *воплем* многим» (436), точно так же и у литовцев «*плач* велик... и *вопл* мног» (454). И т. д. В отдельных случаях жалостное повествование автора относится к врагам, как будто это страдающие русские: «*бедные* литовские градоемцы... от *нужи сердца* с плачем глаголаху» (464).

Соответственно одни и те же осудительные слова относятся к обеим сторонам, а не только к врагам. Так, автор повести называет «беззаконными» не только врагов («в *беззаконной* своей ереси» — 444), но и русских («ради ума *беззаконного* нашего» — 410); обе стороны у автора «свирепые»: Стефан Баторий совершает на русских «*свирепое* его *нашествие*» (408), но и русский царь устраивает против «немцев» «*свирепое* ополчение» (406), «царское на них *нашествие*» (402).

Можно указать три разных причины подобных фразеологических совпадений в повести. Первое объяснение — из области стиля — лежит на поверхности: все это риторика; автор повести предпочел описывать развитие хорошо известных ему событий не столько реально-изобразительными, сколько искусственно-риторическими средствами. Предметных картин или ярких зарисовок противостояния русских полякам и литовцам в повести фактически нет, зато условных, абстрактно-риторических сцен борьбы в изложении, со сравнениями, противопоставлениями и иными книжными тропами, более чем достаточно.

Литературный образец угадывается сразу: автор повести старался следовать повествовательной манере официальных исторических сочинений XVI в., тяжеловесно подчеркивавших государственную величественность излагаемых событий. Поэтому и автор повести выступал ритором и государственным: верноподданно начинал повесть и все ее эпизоды обязательно с описания действий и распоряжений русского царя и соответственно «государевых бояр и воевод»; упоминал и цитировал официальные документы; подчеркивал общегосударственную значимость псковских событий: «многия же орды и многия земли» пошли с литовским королем на град Псков и тем самым «на Рускую землю» (418, 420), а от врагов избавил «свою государеву вотчину градъ Псковъ» лично «христоробивый царь государь и великий князь Иванъ Васильевичъ всеа Русии» (470).

Но есть и второе, более глубокое, уже идейное объяснение фразеологическим совпадениям в повести. Все же необычным не только для старой литературной традиции, но и для сравнительно нового официального повествовательного стиля XVI в. является в повести употребление универсальных выражений одинаково по отношению и к русским, и к их врагам, — это не только фразеологическая модификация официального стиля, но и нечто особенное идейно на фоне традиционного отношения к врагу. Автор повести проявил необычно пристальное внимание к врагам, рассказывая о них как бы с эффектом присутствия в чужом стане. Если русские персонажи в повести, включая царя, как правило, краткоречивы, то Стефан Баторий, его «первосоветники» и дворяне произносят в повести большие речи на советах и обедах, словно бы подслушанные автором, который тем более в курсе их переписки и обильно приводит тексты вражеских посланий и грамот друг другу и русской стороне (послание же русской стороны цитируется в повести лишь однажды, и то как ответ на грамоту Стефана). Автор информирован о врагах: осведомлен о составе Баториева войска, о том, как король «разряжал» полки — поименно, по панам; знает, кто из панов потом был убит (о русских таких сведений автор не сообщает). Автор, будто его услышат, даже обращается лично к Стефану Баторию и к его канцлеру с длинными саркастическими речами (авторских обращений непосредственно к русским деятелям в повести нет). Автор так регулярно и помногу рассказывает о врагах, что повесть расщепляется фактически на два параллельных изложения — о «своих» и о «чужих».

Причина внимания к врагам заключалась в расширении политического авторского кругозора. Несмотря ни на какие авторские проклятия и сарказм, именно противник представлял для автора значительный этический интерес. Стефан Баторий был интересен, в частности, необычно широкой публичностью своих планов («розослав многогорделивое... свое послание во многия страны и языки», «во всю вселенную прославимся» — 418). Обратили, пусть и неблагоприятное, авторское внимание необычно любезные и ласковые взаимоотношения короля и его подданных (король постоянно называл их «друзьями», проводил с ними «мудродруголюбныя советы», обращался к ним с «милостивою ласкою», «яко к своим братом»; те отвечали «любезно» и «сердечно», с искусными похвалами — 418, 434, 440 и мн. др.). Стефан Баторий представлял также интерес как громогласный ценитель Пскова (см. высказанную королем публично характеристику города: «четвероградень всекаменными стенами, многославен же в земли той и многолюден... богатством же паче меры сего сияти... великого и славнаго града Пскова... многолюдный же и благородный...») и пр. — 418). Баторий же выступал ценителем и русского оружия («ни у меня с собою нет, ни в Литве остася хотя едина пищаль, еже столь далече шествия пути кажет», то есть такая же дальнобойная, как русская пи-

щаль, — 430). Литовские гайдуки тоже служили рупором уважительного мнения о русском войске («зело бо и до горла крепце горазди... битися руские люди и изрядне горазда мудры начальныя их гетманы...» — 464).

Откуда взялась у автора псковской повести склонность к развернутому изображению врагов, особенно их поведения? Близкий образец известен. Нечто похожее находим в произведении, которое появилось лет на 20 раньше повести о Стефане, — в «Казанской истории», — начиная с того, что здесь «формулы, описывающие действия врагов, применяются к русским, а формулы, предназначенные для русских, — к врагам... Русские и враги ведут себя одинаково, произносят одинаковые речи, одинаково описываются действия тех и других, их душевные переживания»². В «Казанской истории», как потом в повести о Стефане, автор много места уделяет повествованию о врагах, приводит множество их речей, рассказывает об их прошлом и внутренних делах. Автор, несомненно, стремился именно изобразить татар, — в немалой степени потому, что 20 лет наблюдал их в Казани, попав в плен.

Однако вряд ли «Казанской историей» было всецело predeterminedено расширение политического авторского кругозора в «Повести о прихождении Стефана Батория», — с вытекающей отсюда манерой равноценного повествования как о русских, так и о поляках с литовцами (хотя некоторые выражения из «Казанской истории» автор повести о Стефане и использовал³). Повесть о Стефане гораздо суше и деловитее «Казанской истории», автор повести в плену не был, и поляки с литовцами были интересны ему все-таки иначе, чем татары своей рыцарственностью автору «Казанской истории»⁴.

Широта кругозора и, так сказать, «двулагерность» повествования автора «Повести о прихождении Стефана Батория» восходят, пожалуй, больше к повествовательной манере «Хронографа», чем «Казанской истории» и воинских повестей. Как раз для «Хронографа» характерны неограниченность политического кругозора и одинаковая подробность изложения попеременно о каждой из противостоящих сторон: то о язычниках, то о христианах, или то о врагах, то о сторонниках православия; о русских и нерусских, — и все это с их речами, диалогами, посланиями⁵. Ориентация на повествовательную манеру «Хронграфа»

² Лихачев Д. С. Избранные работы: В 3 т. Л., 1987. Т. 1. С. 365.

³ См.: Орлов А. С. Повесть о прихождении Стефана Батория на Псков // История русской литературы. М.; Л., 1946. Т. 2, ч. 1. С. 526—527.

⁴ О рыцарственном этикете в «Казанской истории» см.: Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 368—369. Со ссылкой на наблюдения Э. Кинана.

⁵ Ср.: «Автор Повести знал польские грамоты, был знаком со специальной польской терминологией» (Орлов А. С. О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI—XVII вв. // ИОРЯС. СПб., 1908. Кн. 4. С. 362).

прямо проявилась в повести о Стефане — не только в обилии специфических сложных слов и тавтологических выражений ⁶, но и в исторических, скорее всего, взятых из «Хронографа», параллелях при описании событий: Стефан «превознесся на град Псков, яко же древний горделивый Сенахирим, царь асирский» (далее следует рассказ о Сеннахириме, 420, 422); возможное вшествие Стефана во Псков сопоставляется со вшествием Александра Македонского в Рим (440): упоминается «о пленении Иерусалима Титом, царем римским» (правда, со ссылкой на «Писание», 470). Риторические укоры автора повести Стефану и кличка, данная ему автором (а еще и Темир-Аксаку — 446), также напоминают экспрессивные авторские обращения к героям и указания их прозвищ в «Хронографе» (кстати, кличка Стефана в повести — «Обтур» (444) — могла соотноситься как с диалектным словом «абатур, оботур», обозначающим упрямого, упорного человека, так и с латинским словом «обатер» — почерневший, помрачневший: ведь король и его войско «черны образом и деды» (446), да и от досады). Возможно, хронографична и частость подзаголовков по ходу повести.

Независимо от того, какой конкретный «Хронограф» или иной источник послужил повествовательным образцом для автора повести, важна эта «хронографичность», то есть расширение авторского внимания на «чужих», на врагов, на Запад, за стены своего родного Пскова. Аналогий такому расширенному кругозору автора повести в русской литературе конца XVI в. нет. Автор повести, оставаясь в пределах традиционного литературного творчества, уже приблизился к будущим мироописательным новациям XVII в.

Однако у фразеологических повторов в повести о Стефане есть еще третье объяснение, вытекающее из двух предыдущих, и, самое главное, — на этот раз из области художественного видения мира сочинителем. Фразеологические повторы (не важно — официально-стилистической или хронографической природы) выражали представление автора повести об энергичности, истовости, даже испуленности всех героев во всех их делах, прежде всего военных. Поэтому автор одинаково называл одни и те же этапы или элементы именно активных воинских действий как у русских, так и у противника: стороны одинаково собирают военный совет, потом организуют войско («царь государь... на враги *воополчаетца*» — 402; немцы и литовцы «воинством на новоприемныя государем грады *воополчаютца*» — 406; и т. п.); затем сходно инструктируются начальники («бояр своих и воивод государь царь... *наказует* их своими царскими наказаньи» — 410; «своих великих панов розрядивъ и *наказав* литовский король Степан» — 422); далее одинаково начинается поход («царь го-

⁶ О хронографической искусственности языка повести см.: Орлов А. С. Повесть о приходе... С. 526.

сударь... *пути ся касает*» — 402; «король Степан... *пути ся касает*» — 422); обе стороны устремляются друг на друга («все воинство христианское... *устремившася на литовскую силу*» — 448; «литовский король... на Рускую землю *устремися*» — 406); происходит столкновение как бы равновеликих «обеих» сил («И бе яко гром велик, и шум многъ, и крикъ несказанень от множества *обоиво* войска и от пушечного звуку, и от ручного *обоих* войскъ стреляния и крика» — 438; «кровопролитное торжество свершися *обоих* стран» — то есть сторон, 448); обоюдна крепкость сражающихся («литовскому войску *крепко* и дерзостно на стену лезущим... Государевы же бояре, и воиводы, и все воинские люди со всем христьянским воинством противу их непрестанно и безоотступно *крепко* стояще» — 438; «псковичи противу их *крепко* и мужественно стояху... Литовскому воинству *крепце* и напорне... стреляюще безпрестанно» — 440); не только крепкостью, но, например, и скоростью обладают обе стороны в один и тот же момент («на тех же *скорых* литовских гайдуков *скорогораздыя* псковские стрельцы... изготовлены» — 464); напор равносильный («против русских... *отстояти не могут*» — 402, но и против польского короля «*никая* же твердость *отстоятися может*» — 420). И т. д.

Весь мир, по представлениям автора, поглощен неустанной деятельностью. Все герои повести действуют в каждый момент с полной отдачей сил и чувств. Враги: «*крепце* вооружаютца» (400), «*тщателне* же и *изрядно*... приходят» (406), «*всяко тщание* показоваше» (430), «*скоро* и *спешне*» (436), «*торопливейше*» (452), «по *возбешенному* своему обычию» (460) и т. д. и т. п. Стефан Баторий максимально истов: «*неистовый* зверь» (406), «*всячески* сердцем... надымашеся» (416), «*всячески* умом розполашеся» (428), «*велием* учреждением учреди» (434), «мало сердцу его не треснути» (440) и пр. Истово действует и русский царь: «*изрядно* на враги стояще» (400), «в воинстве *крепко* силна» (402), «паки наказует *всякими* царскими наказанми и ученми» (414), «умилне и богомудрене свои царьские грамоты пишет» (424), «слезы же, яко струя, ото очию испущающе» (404) и мн. др. Истово борется русское войско: «битися... от всея душа и сердца и *от всея крепости* на враги стояти» (410), «*всяко тщание* показоваше» (416), «*всячески* *неослабно* укрепляя» (422), «*всем* сердца на подвигъ возвари... все телеса адаманта утвержая» (426), «своя дела *безпрестанно* творяше» (428), «*изрядне* же и мужественно бьющеся... *неослабными* образы» (438) и т. п. Даже русские женщины, если молятся, то «кричаще и гласы ревуще, и в перси своя бьюще, ... о забрала же и о помость убивающеся, молебне вопиюще» (422); если же им приходится участвовать в военных действиях, то они «оставивше немощи женские и в мужскую крепость оболочшеся, и все вскоре... оружие носяще... *тщание* скоростию показующе» (448, 450). И у каждой из сторон истовы «вкупе вси» (426), «все

вкупе... во едино сердце... яко единими усты... и во единъ глас» (448) и пр. Обе стороны одинаковы, симметричны в своих изматывающих усилиях.

Напряжение сил настолько велико, что и русским, и врагам время от времени требуется отдых, о котором регулярно сообщает автор повести: «великую ослабу приемлют» (404), «упокоиватися распутившу» (406, 410), «розъежается... кони упокоевайте» (412), «оттрада... явися» (446), «ретивыя их сердца водою утолеваху» (450), «и от великого своего труда мало некако отдохнувъ» (452) и т. д. Обе стороны опять похожи.

По представлениям автора повести, мир заполнен людьми, энергичными до мозга костей, в том числе энергичными в умственной деятельности; герои в повести умственно и душевно предусмотрительны, все цели они заботливо продумывают, так как все в этом мире требует предварительного «умышления»; участники событий постоянно что-то замышляют и просчитывают: «умышление творяше» (432), «великое *умышление* умышляют» (472), «всячески *размышляюще*» (454), «всяко *размышляюще*» (468), «богомудрене... *смышляху*» (434), «*помыслы* воополчаютца» (406), «*помысль* изрыгну» (408), «разгордесе во *помысле*» (420), «всемудре *разсудительне* усмотрех» (418) и пр. Без истового «умышления» или «помысла» ничего не делается: персонажи размышляют «всякими хитростми и мудрым умышлением» (420), «злоумышленно же и люте лукаво» (432), «всякими своими разными размышлении» (468) и т. д.

Мир вовсе не рефлексивен. Предваряющие помыслы героев, а также их размышления вслух — распросы, совещания, речи, клятвы, послания, приказы — тут же переходят в дело: «розпрашивает..., како... укрепилшася..., и колищему и наряду и в коех местех угодно стояти, и для которыя обороны коему от которого места быти» (412) — и тут же «всяким строением тшачесе» (414); «усоветовав — и смотрев места» (430); «розмышляюще, коими образы... и коею хитростию и мудростию уловим... И тако совет составляют... Паки же по совету своему... устремления... начинают» (456). Для деловитости замыслов героев показательно, что слово «умышление» нередко означает в повести умственное усилие вместе с его материальным воплощением или материальным разрушением: «градоемного умышления места искаше» (430), «сие их умышление всячески разрушилшася» (462).

В повести разворачивается борьба деятельных «умышлений»: «кий домысль таковъ будет в руских во Пскове воивод или всяких хитрецовъ, иже домыслитца *против* твоего [Батория] великого разума и твоих великих гетмановъ мудроумышленного ума?» (420); «королевские его первосоветников умышление... доведывашесе и тако *противу* умышлений их готовящюся» (458); «изрядне горазда мудры начальныя их [русских] гетманы *противу* всяких наших

[литовских] замыслений» (464); «благоразумный разум в государевых делах против... всех королевских умышлений» (474).

Самому сильному унижению в повести подвергается герой за несоответствие «умышления» и дела: «Что же твоего ума, польский кралю? Что же твоего еще безбожного совету, князь великий литовский? Что же твоего замыслу, Степане? Яко ветра гониши...» (468); «затеял еси выше думы дело» (474). И сам король пеняет своим помощникам за недостаток проницательности и старательности: «Кто ли водители мои, иже на Псковь ведяху мя, иже глаголаху, яко во Пскове болшого наряду нет... Что же се вижу и слышу?» (430).

В общем, можем сделать вывод: все люди у автора оказываются схожи, потому что во главу всего автор повести ставит энергию людей и их энергичное «умышление», «замышление», «помысл», умение интенсивно «размышлять», — так следует из его повествования о «своих» и о «чужих». Однажды автор даже теоретически высказался на этот счет: «понеже не множеством владеец исправляютца начинании, но добрым советом» (434), то есть тем же активным «умышлением». Однако представление об энергичности людского мира еще не стало полнокровным у автора и не выразилось разнообразно, как это произошло в литературе значительно позже.

В конце же XVI в. тему обязательной истовости деяний персонажей и интенсивности «разума — умышления», пожалуй, больше никто и не затрагивал. Раньше, в 1540-е годы, родственной темы трезвого «разума» касались Иван Пересветов и Ермолай-Еразм. Затем события Смуты обогнали разум. И только к 1620-м годам вопрос о проницательном «разуме» был поднят вновь (появилась даже «Повесть о разуме человеческом»); а в 1660—1670-е годы «разум» объединился с темой деятельной «живости» человека, возникло ясное представление об энергичности мира. «Повесть о прихождении Стефана Батория» в литературном отношении, очевидно, занимает промежуточное место, — продолжая старое, она предвосхитила новое; это не только одна из вершин традиционного, компилятивно-комбинаторного литературного творчества XVI в., но и предтеча новаторского литературного творчества XVII в.

III

НОВАТОРСКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО В XVII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.

«НОВАЯ ПОВЕСТЬ» И НОВАЯ МАНЕРА ПОВЕСТВОВАНИЯ

В XVII в. произошло обновление самого типа литературного творчества — не резко, но ощутимо.

В так называемое Смутное время, в 1611—1612 гг., неизвестным автором была сочинена «Новая повесть о преславном Росийском царстве и великом государстве Московском», призывавшая к решительной борьбе с оккупантами и отличавшаяся обильной изобразительностью, которая заставляет вспомнить о типах образности еще времен литературной архаики.

Автор «Новой повести» рассказал, в частности, о польском короле, предвкушающем полный захват России: «Но зело зель возрадовася во злокозненном сердцы своем и воскипе всеми уды своими... а хошет сие великое наше государство и в нем безчисленное богатество взяти и владети, и радуется, и кипит злым своим сердцем, чаяти, яко и на месте мало сидит или тако же мало и спит от великия тоя своея радости» (193)¹. Автор впустил в характеристику польского короля два разных смысла — о человеке радующемся и о человеке злобном. От злобы король дергался, вскакивал, «кипел удами», напоминал «лютаго и свирепаго и неукротимаго жребца», храпящего, рвущегося из уздечки, готового занести и сбросить всякого в «неисходный ров» (196). Одновременно автор говорил, что король «возрадовася во... сердцы своем», «вельми рад бысть в сердцы своем», «радуется... своим сердцем». Высказывания о «кипящих» движениях злобы и сердечных проявлениях радости при сложении семантически не взаимоуничтожались, а создавали некое единое, «среднее» смысловое целое, переходное между двумя крайностями, — о короле, который в радости не затихает, но и в злобе не устремляется куда-то, а, в результате, от чувств «кипит» на месте, еле сдерживается. Образность несомненна.

Это одно из проявлений «срединной» образности автора повести, который был склонен оперировать сдвоенными, противоречащими, взаимодополняющими категориями, объединять контрастные черты в облике персонажей. Все действующие лица «Новой повести», вплоть до адресатов и самого автора, о которых тоже говорит повесть, являли двойной и тем самым обогащенный лик. Даже люди, предавшиеся польскому королю, выступали у автора не совсем предателями. «Того не вем, — пишет автор о них, — все ли от желаннаго сердца к нему приклонилися, или будет втайне искренное к нам и ныне-де, жжаты, с нами же за веру стояти хотят?» (195). Автор и у жестоких врагов находил проявления жалостливости:

¹ Дробленкова Н. Ф. «Новая повесть о преславном Росийском царстве» и современная ей агитационная патриотическая письменность. М.; Л., 1960. Страницы указываются в скобках.

«...мню, от иноверных или от тех же врагов, мало-мало кто мяжок и жалостив сердцем, ино и тот, аще не заплачет, и он воздохнет» (207—208). Сам автор, призывавший народ к решительной борьбе с поляками, между тем, служил полякам, в чем и признавался: «Грехом своим великим и слабостию и славою мира сего прельстился и к ним, ко врагом, прилепился... Явно мне не мощно от них отстать... Аз же у них ныне зело пожалован» (208). И адресаты повести сложны — хотели бороться и не могли: «Како сами себе презираем и нерадим о себе... А аще и плачем, аще и рыдаем, аще и в перси бием, аще и от сердца въздыхаем, и зельно ему досаждаем, а подвигу и радения не сотворяем. И к Богу не прибегаем, и его не умоляем, и над ними, враги, ничем не промышляем...» (206).

В «Новой повести» особенно значительна образность в характеристике патриарха Гермогена, который сравнен со столпом и одновременно с богатырем: «...яко столп, непоколебимо стоит посреди наша великия земли... И стоит един противу всех их, аки исполин-муже, безо оружия и безо ополчения воиньскаго, токмо учение, яко палицу, в руку свою держа противу великих агарянских полков и побивая всех» (195). В отрывке о Гермогене и в других местах повести автор неоднократно пояснял семантику столпа и богатыря, их сходные предметные качества. Столп тверд, как «адамант», стоит непоколебимо, «крепко водружан»; на огромном столпе держится вся «великая палата»; столп возвышается среди стен, «един уединен стоит и всех держит»; столп стоит молчаливо — не дожидаться, «чтобы... великий тот столп... своими усты изрек» (195—197, 200—204). Богатырь тоже «крепкий»; он тоже «стоит един противу всех»; он тоже возвышающийся «исполин»; ему тоже не до «словеснаго повеления и ручнаго писания» (200—202, 205). Сложение сходных смыслов породило «нагнетательный» образ молчащего мощного гиганта — патриарха Гермогена.

Но в авторских пояснениях о богатыре и столпе замечается взаимодействие и противоположных смыслов. Однообразный, гладкий, неподвижный каменный столп — и в противоположность ему живой, активно действующий богатырь в воинском снаряжении, с колчаном, мечом, шлемом, копьем, «палицу в руку свою держа», «неким изрядным оружием препоясався», стреляющий «острыми стрелами» (195, 201—202). Сложение противоположных смыслов привело к некоему «среднему», переходному смысловому результату: Гермоген мыслился не неподвижным столпом и не ввязавшимся в сражение богатырем, но как бы ожившим богатырским столпом, мускулисто ощетинившимся своим оружием на борьбу. В результате сложения сходных и противоположных смыслов возникло изображение монументального, энергичного, напряженного, колючего стояния Гермогена перед лицом врагов.

Можно еще привести отрывки из повести, аналогичные в изобразительном отношении рассмотренным выше. «Срединные» и «нагнетательные» образы

повести по своей семантической структуре в принципе не новы. Они встречались и в глубокой древности (ср., например, «Сказание о Борисе и Глебе»). Но автор «Новой повести» уже гораздо более «разговорчив» и детален, его образы развернуты. Вот в чем проявилась новая манера повествования, не резко порывающая с традициями, но эволюционно перерастающая их.

Образы, аналогичные рассмотренным по структуре, встречаются в русской литературе начала XVII в., современной «Новой повести». Вот, например, произведение, совершенно не похожее на «Новую повесть» ни жанром, ни стилем, ни темой, — «Писание о преставлении и о погребении воеводы Михаила Васильевича Скопина-Шуйского», сочиненное в 1610—1612 гг. В повести описывается внешний вид Михаила, смертельно отравленного винным зельем на пиру. Воевода выпил ласково поднесенную ему отраву и еле доехал до дома: «И усмотрела его мати и возрила ему во ясные очи. И очи у него ярко возмутились, а лице у него страшно кровию знаменуется, а власы у него на главе, стоя, колеблются» (1334)².

Автор показал устрашающе встрепанного человека: недаром мать во все глаза смотрит на сына — так сильно изменился его облик. Не случайно автор рассказывает, как это случилось: выпита чара, «и не долг час у князя Михаила во утробе возмутилося» (1334). Слово «возмутилося» в данном случае означает не «помутнело», а «взбунтовалось», «полезло наружу». Как бы взбунтовалась и внешность Михаила.

Автор называет состояние Михаила болезнью, но странная «сия болезнь его страшная» (1335). Ее проявления больше похожи на гнев: мутные, горящие глаза; налитое кровью лицо; стоящие дыбом волосы. Весь эпизод отравления оказывается косвенно связанным с темой гнева. Когда Михаилу на пиру наливают чару, то «в той чаре в питии уготовано лютое питье смертное... злое питье, лютое смертное» (1384). Слова «лютый», «злой» имеют здесь много смысловых оттенков: и «плохой», и «жестокий», и «гневный». Лютость и злоба как бы вливаются, переходят в Михаила. Когда же Михаил бросает пир и возвращается домой, то мать вопрошает: «Для чего ты рано и борзо с честнаго пиру отъехал?.. Любо тебе в пиру место было не по отечеству? Или бо тебе кум и кума подарки дарили не почестные?» (1334). То есть мать предполагает, что Михаил гневается. Отравленный человек напоминал автору человека, находящегося вне себя от гнева. В описании внешности Михаила складывались два разных смысла — о болезни и о гневе, что и привело к созданию образа потрясенного, опоенного воеводы.

Повествовательная манера авторов «Новой повести» и «Писания о преставлении» все-таки различалась. Если автор «Новой повести» тяготел к

² РИБ. Т. 13. Столбцы указываются в скобках.

изображению человека в его противоположных чувствах и состояниях, то автор «Писания» больше любил нагнетать хотя и разные, но все-таки однотипные явления. Чаще всего у него плохое сопоставлялось с плохим же, как, например, болезнь с гневом — два неприятных состояния. Продолжая описание мук отравленного воеводы, автор снова связывал плохое с плохим, тяжелое с тяжелым: «Он же на ложе в тосках мечущаяся, и биющаяся, и стонущая, и кричащая люте зело, аки зверь под землею» (1335). Большой напоминал автору люто мучающегося зверя, а болезнь — давящий, душащий пласт земли.

И дальше несчастья сопоставлялись с несчастьями же. Вот изображаются похороны героя: «...безчисленное множество отовсюду стекаются мужие и жены и... старцы со юнотами, нищие, слепии и хромии... И тако торжыща истощишася и купилища быша порозни оставльше, и раби — господей своих службы, и домы порозни быша житей своих: всяк возраст стекается на погребение его» (1341). Похороны далее связывались у автора повести с представлением о поголовном бегстве от какого-то стихийного бедствия — землетрясения или наводнения: «...ако и воздуху потупнути, и земли стонати, и камению колебаться, не токмо церкви стенам, но и граду... и мост же церковный наводняшася пролитием слез от народа» (1341—1342).

Или, например, оплакивают умершего Михаила мать и жена: «И те же княгины, мати его и жена, пришедше же в дом свой, и падше на стол свой ниц, плакахуся горце, и захлебающе, стонущи, и слезами своими стол уливая, и слезные быстрины, аки речныя струя, на пол с стола пролияшася...» (1345). Здесь складывались смыслы о слезах и о речной воде, которой в палате заливают стол и проливают на пол, словно моют столы и полы, похоронив умершего. Слезы и вода речная — это горестное в сочетании с горестным же, все-таки нечто однородное материально и семантически.

«Нагнетательные» образы «Писания о преставлении» сравнительно с древностью (опять же и со «Сказанием о Борисе и Глебе») так же более развиты, детальны, подробны, настойчивы. Это новый шаг в литературном творчестве, открытие нового пути.

Перепрыгнем лет на 30 вперед и обратимся к «Повести об Азовском осадном сидении донских казаков», написанной в 1642 г. и опять-таки совершенно не похожей на «Новую повесть». «Повесть об осадном сидении» (так называемая поэтическая) рассказывала о защите Азова казаками от турецкого войска. Первое же в повести упоминание азовской степи отличалось изобразительностью: «Все наши поля чистые от орды нагайския, где у нас была степь чистая, тут стали у нас одним часом людьми их многими, что великия непроходимыя леса темные. От силы их турецкие и от уристания конского земля у нас под Азовым погнулась и реки у нас из Дону вода волны на берегу показала, уступи-

ла мест своих, в водополи» (551)³. Чистая и светлая степь стала темной, просторная и пустая — непроходимой и тесной, ровная — погнулась, сухая — залилась, спокойная — стала зыбиться волнами и т. д.

В последующих отрывках добавлялись новые детали. Степь грозно потемнела: «Как есть стояла над нами страшная гроза небесная, будто молнии...» (551), «как есть наступила тма темная» (552), «черные бе знамена» (552), «воздух... отемниша» (564). Степь тесно заставлена: турки «стали... в вось рядов от Дону, захвата до моря рука за руку» (552), «не могут... очи... видеть другова краю сил... Не перелетит через силу... турецкую никакова птица парящая...» (554). Степь от тяжести войск начала проваливаться: «...подкопы... все обвалились: не удержала силы их (то есть турок) земля» (559). Тихая степь огласилась шумом: «Почали у них в полках их быти трубы большие в трубы великия, игры многия, писки великия несказанные, голосами страшными их бусурманскими. После того у них в полках их почала быть стрельба мушкетная и пушечная великая...» (551), «набаты у них гремят, и в трубы трубят, и в барабаны бьют» (552), «рати великия топеря в полях у нас ревут...» (556). Тусклая, потемневшая степь засверкала огнями: «Фитили у них у всех янычар кипят у мушкетов их, что свечи горят... И все у них огненно, и платье на них всех яныческих златоглавое, на янычанях на всех по збруям их одинакая красная, яко зоря кажется. А на главах у всех янычаней шишаки, яко звезды кажутся» (552), «на обе стороны лишь огонь да гром... огонь да дым...» (559). Блеклая степь вдруг расцветила красками: шатры «великие, яко горы страшные, забелелися» (551), «у нас в полях... хлечнут орлы сизые и грают вороны черные... брешут лисицы бурые...» (556), «знамена... зацвели на поле и прапоры, как есть по полю цветы многия» (559).

Изображение азовской степи складывалось другим путем, чем, например, изображение польского короля в «Новой повести». Главное отличие сводится к тому, что в характеристике короля связывались в половинчатое целое качества очень разных объектов, а в описании степи наслаивались противоположные ожидаемым качества одного и того же объекта. Первый способ создания образа («срединного») — быстрый, лаконичный, взрывчатый. Второй же способ («нагнетательный») — медленный, растянутый, прорастающий нередко через все произведение. Он предполагает у автора особо детальное знание объекта описания, умение выделять у объекта новые, необычные качества.

«Нагнетательный» способ изображения с исключительной плодотворностью развился в русской литературе XVII в. «Срединные» образы уступили в

³ «Изборник»: (Сборник произведений литературы Древней Руси) / Текст «Повести» подгот. О. В. Творогов. М., 1969. Страницы указываются в скобках.

активности образам «нагнетательным», но теперь нагнетающим непривычные, нетрадиционные, неожиданные черты у объектов.

Этот «нагнетательный» образ явственно выразительней своих предшественников в литературе. Новая изобразительная манера стала уверенней, однако развитие шло за счет «размельчения» массы традиций, что и привело в конце концов к новому литературному явлению — художественной детальности повествования. «Новая повесть» — это одно из произведений, стоявших у истоков нового явления.

У «Новой повести» есть еще одна новая литературная особенность. Автор постоянно гиперболизирует физические проявления чувств и состояний персонажей. Злоба: «И начат, аки безумный пес, на аер зря, лаяти и нелепыми славами, аки... каменiem... метати» (200—201). Горе: «Како не восплачемся, како не возрыдаем, како от сердца не въздыхаем, како в перси не бием?» (206). Стыд: «стули лице свое» (201). Ожесточение: «на сердцах наших стоят» (190); «ни за главу, на за руце, ни за нозе, но за самое злонравное и жестокое сердце держит» (196).

Какому большому стилю или направлению свойственно это гиперболизированное изображение чувств? В крупных произведениях украинской, польской, немецкой литератур конца XVI — начала XVII вв. пока не обнаружено ничего похожего. Некоторое сходство «Новой повести» можно найти с немецкой литературой периода Крестьянской войны 1525 г., с русскими произведениями экспрессивно-эмоционального стиля XIV—XV вв. и с отдельными литературными явлениями середины XVI в. Ср. в «Казанской истории» экспрессивное изображение чувств: «от радости не може уседети в палате своеи, но скоро истек», «трясыися злобою убийственною и трепеща весь от радости»⁴. «Новая повесть» имеет общие черты и с литературой развитого барокко, отличавшейся обостренной экспрессивностью⁵, а также с русскими «чувствительными» повестями начала XVIII в. и стихотворной лирикой Петровского времени. «Растяжка» возможных сопоставлений, расплывчатость сходства свидетельствуют о том, что «Новую повесть» целесообразно рассматривать не как явление барокко и не как

⁴ Казанская история / Изд. подгот. Г. Н. Моисеева. М.; Л., 1954. С. 66, 158.

⁵ Ср. суждения о «повышенной экспрессивности и эмоциональности» европейского барокко, о его «склонности к необузданной экспрессии» (*Bunneп Ю. Б.* О «семнадцатом веке» как особой эпохе в истории западноевропейских литератур // XVII век в мировом литературном развитии. М., 1969. С. 54, 56). Ср. еще: «атмосфера трагических страстей и внутренних коллизий», «страстная выразительность барокко»; «пристрастие к... экспрессивным и динамическим художественным средствам», «необычайная впечатлительность барокко»; «художественный экстаз и стремление к напряженной выразительности», «барочное пристрастие к конкретным до осязаемости деталям, которые служат для создания экспрессивной живописности и эмоционального напряжения» (*Морозов А.* Проблема барокко в русской литературе XVII — начала XVIII века // Русская литература. Л., 1962. № 3. С. 10—12, 25).

его зародыш, а как предвестник барокко в добарочном материале, точнее же — как сравнительно новое повествовательное явление в русской литературе.

«Новая повесть» не одинока. Сходна гиперболизация внешних проявлений внутренних состояний в «Писании о преставлении и о погребении Михаила Васильевича Скопина-Шуйского». Горе участников его похорон: «главами своими о землю бьющися, плачущися и жалостно причитаху» (1340) и т. д. и т. п.

Экспрессия преувеличения использовалась в разных по жанру литературных памятниках начала XVII в. Уже в документально-официальном сочинении — «Грамоте утвержденной» 1598 г. об избрании Бориса Годунова царем — были введены эпизоды сильнейших плачей народа, патриарха, царя: Борис Годунов «со многим рыданием и плачем паде на землю... и, лежа, слезами землю мочаше на мног час... слезы теча от очию, яко же реки»; люди же «толик плачь, и вопль, и рыдание испущаху, яко и воздуху наполнитися вопля и рыдания от неутешного плача и от стонания», «от многого сетования жены сущих своих младенец на землю слезным рыданием пометаху»⁶.

В полуисторической «Повести, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов» 1606 г. также экспрессивно изображались отчаяние: «начаша, яко трубы, велегласно посреде народа вопити»; злоба: «нача отверзати лукавая уста своя и изблювати, яко змея, смертоносный яд»; страх: «и вонзи страх и трепет в сердца человека» и мн. др.⁷

Экспрессивное преувеличение проявлений чувств не характерно для фольклора того времени. Только в одном случае удается заметить нечто похожее — в песне об убийстве царевича Димитрия:

Не вихрь крутит по долинушке,
Не седой ковыль к земле клонится.
То идет грозный Божий гнев
За православную Русь⁸.

Гнев, сопоставляемый с вихрем, проявляется преувеличенно масштабно, как в литературных памятниках начала XVII в. И это не случайно: песня имела официально-литературное, а не фольклорное происхождение⁹.

Распространение новой манеры повествования о чувствах во многом было обусловлено сложившейся тяжелой обстановкой, породившей в стране ощущение

⁶ ААЭ. Т. 2. С. 31—33.

⁷ РИБ. Т. 13. С. 162, 149, 163.

⁸ Песня об убийстве царевича Димитрия // Исторические песни XVII века / Изд. подгот. О. Б. Алексеева, Л. И. Емельянов, А. Н. Лозанова. М.; Л., 1966. С. 26.

⁹ См.: Соколова В. К. Русские исторические песни XVI—XVII вв. М., 1960. С. 104, 108; Криничная Н. А. Народные исторические песни начала XVII века. Л., 1974. С. 32—34, 47—48, 177.

ния неуверенности, недоверчивости и страха: «говорите усты, а в делех ваших Господь весть, что у вас будет» («Новая повесть», 204); «то все стало премоенно, а непостоятелно» (Письмо боярина Михаила Салтыкова 1610 г.¹⁰). Авторы использовали преувеличения, чтобы разоблачать тайное и раскрывать скрытое. Таким способом «Новая повесть» показывала действительные намерения польского короля, боярских правителей, патриарха Гермогена и других персонажей. Даже в документах упоминания о преувеличенных проявлениях чувств, например, обильных слезах, считались своеобразным доказательством истинности высказываний. Так, в «Грамоте утвержденной»: раз Годунов «отрицаешься со многими слезами и рыданием» стать царем, то, значит, действительно он того не хотел; раз народ рыдал, уговаривая Годунова, то, значит, действительно желал воцарения Бориса и т. д. Недаром в воззвании 1611 г. московских людей к российскому народу делалась знаменательная ссылка на плач: «не презрите беднаго и слезнаго нашего рыдания... Поверте тому нашему писму»¹¹.

Настроения неуверенности и беспокойства отразились также в иконописи конца XVI — начала XVII вв., например, в иконах Емельяна Московитина, Никифора Савина, Прокопия Чириня с их неустойчивыми, привставшими на носки, суетливо жестикулирующими хрупкими фигурками людей¹².

¹⁰ АИ. Т. 2. С. 361.

¹¹ ААЭ. Т. 2. С. 298—299. Вот как исследователи характеризуют общественные настроения Смутного времени: «необыкновенная неустойчивость политического настроения, ведшая к постоянному двуличию... такое «ползкое естества пременение» сознавали сами современники»; «не могла для народа оставаться тайною общая шатость политического настроения в знати, раздвоение в среде боярства и высшей администрации» (Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв.: Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время. СПб., 1910. С. 108); «среди общего шатания, сомнений, нерешительности и прямой измены» (Назаревский А. А. Очерки из области русской исторической повести начала XVII века. Киев, 1958. С. 49). Настроения, выраженные в «Новой повести»: «в произведении, написанном в ту переходную минуту, когда положение дел начинало меняться, но неясно еще было, какой оборот примут события, какого направления держаться, что делать» (Платонов С. Ф. Сочинения. СПб., 1912. Т. 1. С. 60); «автор “Новой повести”, еще не избавившийся от сомнений» (Солодкин Я. Г. К датировке и атрибуции «Новой повести о преславном Росийском царстве» // ТОДРЛ. Т. 36. С. 113).

¹² В этой связи представляют интерес суждения искусствоведов: «В конце XVI века и особенно в первой половине XVII столетия святые зачастую изображаются в виде подавленных своим ничтожеством просителей... Во всех фигурах сознание слабости человека, звучат нотки тревоги. Повествование о тяготах, претерпеваемых человеком, было новым явлением в древнерусской живописи. Изменение эмоциональных акцентов дает о себе знать во многих иконах того времени. Недаром и выражение лиц в иконах интересующего нас периода «страдное», как позднее говорится в «Сийском иконописном подлиннике». Не только в лицах, но и в характере композиции икон, в их приглушенном колорите чувствуется тревожная напряженность: основная тема художников начала XVII века — слабость и беспомощность человека» (Данилова И. Е.,

Однако мотивы неуверенности и преувеличение чувств в литературе исчезли довольно быстро. Их нет уже в более поздних повествованиях о Смуте — в «Сказании» Авраамия Палицына и в произведениях 1620-х годов. А в 1630-е годы русская литература перешла к иному, смягченному характеру изображения жизни. Примером может служить «Повесть об Улиянии Осорьиной». Чувства героини приглушены писателем, а происходящее смягчено. Прошло время, и барочный поэт Симеон Полоцкий тоже оказался сторонником смягченных, а не преувеличенно резких изобразительных средств. Гиперболизация внешних проявлений чувств в атмосфере общественной тревоги и неуверенности начала XVII в. осталась эпизодом в русской литературе. Не всем новациям была суждена долгая жизнь.

1987, 2000 гг.

Мнева Н. Е. Живопись XVII века // История русского искусства. М., 1959. Т. 4. С. 346, 354. Ср.: *Мнева Н. Е.* Искусство Московской Руси: Вторая половина XV—XVII вв. М., 1965. С. 185). Икона «Никита-воин» Прокопия Чирина: «Тонкие, тесно сдвинутые ноги воина в золотых сапожках придают его позе неустойчивость и некоторую манерность», «фигуры преувеличенно удлиненные, с маленькими головами и руками, тонкими ногами»; икона «Чудо Дмитрия Солунского»: «фигуры изящны, легки», «всадники в стремительном движении... С головы Дмитрия... падает шишак»; икона «Иоанн Предтеча в пустыне»: «Фигура Иоанна тонкая, несколько хрупкая» (*Мнева Н. Е.* Живопись XVII века // *Антонова В. И., Мнева Н. Е.* Каталог древнерусской живописи XI — начала XVIII в.: Опыт историко-художественной классификации. М., 1963. Т. 2. С. 323, 329, 335—336, 348, 354).

О ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ СТИХОТВОРНЫХ ПОСЛАНИЯХ В ПИСЬМОВНИКАХ

Вот пример естественного сочетания традиций и новаций. Стихотворные, то есть явно новые по форме произведения XVII в. накапливаются в письмовниках и в сборниках виршевых посланий. Можно разделить их на три типа: произведения придворного происхождения; произведения, возможно, связанные с фольклором; и произведения демократической сатиры и юмористики. К придворному относятся, например, стихотворные послания, написанные стихотворцем 1620-х—1630-х годов иноком Савватием и сохранившиеся в сборниках виршевых посланий¹. К произведениям, как-то связанным с фольклором, может быть отнесено, например, интересное стихотворение в письмовнике середины XVII в.:

На великом добре не погибают ли,
А на малом худе не проживают ли,
Безумными Бог не промышляет ли,
А с умом по дворам не ходят ли,
На мори и на реках и на озерах Бог
не сохраняет ли,
А на малых источниках не утопают ли...²

К произведениям демократической поэзии XVII в., встречающимся в письмовниках и сборниках виршевых посланий, относятся стихотворные сатирические, иронические и осудительные послания к друзьям и покровителям. Эти преимущественно мелкие сочинения и выступали самыми вызывающими и самыми «заразительными» носителями нового.

Стихотворные послания сатирического характера, в том числе известные «Послание дворянина к дворянину» и «Послание дворительное недругу», обычно включались в состав или в непосредственное окружение популярного «Азбучного

¹ См., например, послания Савватия к царю Михаилу Федоровичу, дяде царя Ивану Никитичу Романову, стряпчему Алексею Саввичу Романчукову и др. в сборниках: РГБ, собрание Тихонравова, № 380, первой половины XVII в., л. 102—104 об.; ГИМ, собрание Барсова, № 470, конца XVII в., л. 28—29 об.; ГИМ, собрание Чудовское, № 359—57, конца XVII в., л. 13—15. Не этот ли Савватий в качестве иеромонаха подписался в 1636 г. в «Хронографе» БАН 19.2.8 на л. 213 об.? Не совсем ясно, можно ли сюда присоединить стихотворное любовное послание около 1669 г., найденное Д. С. Лихачевым в письмовнике из сборника РНБ, собрание Титова, № 112 (*Лихачев Д. С.* Любовное письмо XVII в. // Ученые записки ЛГПИ. Л., 1948. Т. 67. С. 38—39). Добавлю, что послание содержит акrostих с именем автора — Митрофан.

² Сборник Тверского педагогического института, № 1 (29), середины XVII в., л. 10 об. Это стихотворение опубликовано А. Лопаревым по более позднему списку ГИМ, собрание Чудовское, № 359—57. См.: *Лопарев А.* Описание рукописи Московского Чудова монастыря № 57—359 // ЧОИДР. 1886. Кн. 3. Отдел V. С. 1—20.

письмовника». Так, в сборнике РНБ, собрание Софийское, № 1546 ³, первой трети XVIII в., к «Азбучному письмовнику» прибавлено большое количество прозаических и стихотворных посланий. Среди них неизвестное рифмованное послание сына, «от наготы гневного» (120 об.). Сын обращается за помощью к состоятельному милостивцу-отцу. Однако тон его письма не гневный и не униженный, а бесшабашно-веселый. Сын, нагой и «тощий», обращается, как попрошайка, привыкший побираться и не стесняющийся своего грязного и «бурого» тела: «свитченко у меня одно, и то не бывало с плечь давно», «хожу гол, что бурой вол». Он требует от отца: «Одень мою спинку, вели дати свитку». Но ни о какой покорности родителю в письме нет и речи. Это не добрый молодец из «Повести о Горе-Злочасти». Сын не живет и не думает жить с отцом: «тощим» ли, со «свиткой» ли, он намерен тотчас «отйти» и «размыть горе». Такая «голь перекатная», независимая и насмешливая, — характерный образ демократической сатиры XVII в. Сын, пожалуй, сродни бражнику из «Повести о бражнике», стучащемуся в ворота рая.

Кстати, в традициях нового виршевого балагурства о голоде и нагоде написано просительное послание 1762 г. (год устанавливается по датированной записи тем же почерком), гораздо позже приписанное к «Азбучному письмовнику» в сборнике начала XVIII в.:

В цыдульке прошение.
Ох мне, нужда притужает,
а стыд уста моя заграждает,
а неволя вопити ми повелевает.
От ближних просити стыждуся,
но нужда весма одолевает,
а стыд к тому отлагает,
кричать велегласно повелевает.
Ныне не к тому требуя горелки или других напитков,
но хлеба суха или мало нечто от прихлебок,
не ушных различных или напитков разных,
но кваса проста.
Не оное брашно уничижая,
но вам, господам, что зело не докучая,
а оное от себя не отревая,
аще что вам Господь по сердцу положит.
Писавший сие прошение имярек ⁴.

³ Приношу благодарность Д. С. Лихачеву, любезно указавшему мне этот интересный сборник. Далее листы рукописи указываются в скобках.

⁴ РГБ, собрание Ундольского, № 1072, л. 120 об.

В уже упомянутом Софийском сборнике № 1546 обращает на себя внимание еще одно послание из окружения «Азбучного письмовника». Оно не имеет заглавия, и адресат его нарочито неясен: не то монах, не то заключенный в тюрьму. При более внимательном чтении оно может быть понято как ироническое послание к приятелю, у которого испортился желудок: «Неславная и нелепослышная достойнодивство учинил еси, его же несмысленни младенцы стыдятся действовати». Пострадавшему «черньцу» не советуют пить молока, «да не залетит за оболока», и желают неисходительно пребывать там, где «четвероугольные стены преподобное твое тело огражают» (155—155 об.). Стихотворные отрывки перемежаются в послании прозаическими, а церковнославянские выражения — просторечными, причем в конце даже приводится искаженная цитата из Евангелия. (Цитирование было замечено Н. А. Мещерским, которому приношу благодарность. См.: Евангелие от Матфея, гл. 5, стих 26). Все это создает впечатление пародии на послание, использующее Писание и церковнослужебные тексты.

Пародирование Библии и церковнослужебных текстов, как известно, тоже явление новое, характерное для демократической сатиры и юмористики XVII в., и дополнительные примеры этого можно привести из посланий того же Софийского сборника. В одном из его прозаических посланий сын, приводя библейские параллели, уговаривает отца не идти в монахи, а, в сущности, предлагает ему пображничать: «... и ты, имярек, облещься во одежду праведнаго царя Ахава Израилтескаго, и положи на главу венец Елесфана, царя ефиопскаго, и всяд на столе царя Манасея, и напийся вина Иосифа Прекраснаго, и възприими гусли царя Давыда, и воспой песни в пустыни, яко Моисейски, и възрадуется душа твоя, отче» (113 об.). Или в других прозаических посланиях библейские параллели привлекаются для того лишь, чтобы описать, как адресат одевается или как он выходит из дому (96 об., 116 об.).

Сама богословская премудрость в такого рода посланиях также низводится в быт; ее можно щипать, как виноград; по ней можно скакать, как по мураве: «хощу щипати словом винограда твоих мудрых речей, и не вем, кое первое гроздие»⁵, «по мурове... упитенного коня в поле играюща ослабив узду, убо везом на коне доброречьства по полем философским»⁶.

Осудительные послания к друзьям и знакомым отличаются не столько иронией или юмором, сколько энергичным порицанием поступков друзей и даже бранью по их адресу. Осудительные послания входят в «Азбучный письмовник» («к другу преждебывшему»), но чаще попадают в сборники виршевых посланий: послание к человеку, который «недобрым словом поносит» своих

⁵ РГАДА, собрание Рукописного отдела Московского гос. архива бывшего Министерства иностранных дел, № 914, л. 41; ср.: РГБ, собрание Шибанова, № 431. 3, л. 15 об.

⁶ РГБ, Собрание Троицкое, № 808, л. 278 об.—279.

друзей⁷, «Послание на обличение другу бестудному, непотребну»⁸, «Послание к звавшим, а самим себя дома не оказавшим»⁹.

Осудительные послания к друзьям составлены преимущественно из укоров, которыми обычно обмениваются в быту во время неприязненных перебранок, ссор и т. п.: «ты лстив нам тогда, аки некий злый лукавый лис, и всегда еси убогаго нашего дому вис», «себе выше всех людей похваляешь, а нас де кабы и не по делу охуждаешь», «слышим, что сам хвалишися своими усты и никого не поставиш против своая версты», «и все, что ни глаголеш, то лжешь»¹⁰.

«Послание к звавшим, а самим себя дома не оказавшим» написано безыскусными виршами от имени неудачливого гостя, который не застал хозяев дома, хотя его приглашали. Повторения и возвращения к одним и тем же эпизодам в послании выражают досадливое ворчанье человека, который вспоминает все обиды, до мелочей, но не по порядку. И деталь за деталью рисуется бытовая сценка: некая слобода, грязь, избы, немые окна, запертые и заложенные ворота. С опаской приходят гости в сапогах из соседней слободы: на чарку вина. Хорошо, если домой вернутся «не драны».

Ср. также следующие вирши середины XVIII в., восходящие уже к новой традиции стихотворных посланий о взаимоотношениях хозяев и гостей и написанные на обороте задней обложки сборника:

Зде пришед молитву сотвориай,
Без аминя дверей не отвориай.
Аще и видиши во дверях ключь,
То, пожалуй, постой, не поскучь.
Не видеv же во дверях ключа,
Изволь возвратитися, не стуча.
Не приемли себе всеу труда,
Без дела вперед не ходи сюда.
Буде же имаши до нас дела,
То изволь толцати во двери смело.
А ежели хочещи в гости к нам,
То позови прежде нас к себе сам.

Новое вошло в литературу первой половины XVII в. россыпью, но густо.

1965 г.

⁷ РГБ, собрание Тихонравова, № 380, л. 115 об.—118 об.

⁸ ГИМ, собрание Забелина, № 436, л. 465 об.—466. Сборник второй четверти XVII в.

⁹ ГИМ, собрание Барсова, № 470, л. 26—27 об.

¹⁰ РГБ, собрание Тихонравова, № 380, л. 116—116 об.

ЧЕЛОБИТНЫЕ АВВАКУМА И ОДНА ИЗ НЕИССЛЕДОВАННЫХ ТРАДИЦИЙ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

В данной работе речь пойдет лишь об одной традиции деловой письменности XVII в., использованной Аввакумом. Полезный материал для иллюстрации того, как новое неторопливо набирало силу, содержится в его первой челобитной царю Алексею Михайловичу.

Первую челобитную, которая дошла до нас в автографе, протопоп Аввакум написал, как известно, весной 1664 г., вернувшись в Москву из сибирской ссылки. Патриарх Никон к этому времени уже отказался от патриаршества, и протопоп в челобитной пытался убедить царя отменить никоновские реформы. Кроме того, Аввакум ввел в челобитную большой рассказ о своих мучениях за веру, которые он терпел в течение двадцати лет от бывшего патриарха Никона, а в сибирской ссылке — от бесчеловечного воеводы Пашкова.

К первой челобитной приложен другой документ Аввакума, написанный его же рукой, — записка о мучениях и надругательствах Пашкова над иными людьми, кроме ссыльного протопопа. Если последовательно просмотреть, что говорится о Пашкове в челобитной и записке, то создается впечатление, будто о Пашкове рассказывает не один Аввакум, а несколько разных авторов, каждый со своей точки зрения. Разберем подробнее это явление и его истоки.

В челобитной Аввакум повествует царю о своих муках, «обливаясь многими слезами»¹; восклицания, эмоциональные эпитеты, уменьшительные существительные, повторы и прочий арсенал средств, выражающий взволнованность и возмущение челобитчика, употребляется почти непрерывно: «Увы, души моей бедной!.. во одиннатцеть лет на хрепте моем делаша язв незаконнии за имя Христово... на пути постигоша мя вся злая. По лицу грешному воевода бил своими руками... везено с собою в запас хлепча, и тот хлеб он, Афонасей, у меня отнял... У меня же, грешника, в той нужде умерли два сына...» (724—727). Это один облик Аввакума в челобитной.

Но в конце челобитной вслед за просьбой наказать Пашкова («А время ему и постричься, да же впред не губит, на воеводствах живучи, христианства») следует «слезная», теперь уже защитительная речь Аввакума к царю о снисхождении к тяжко провинившемуся воеводе: «Токмо, государь, за мою досаду не вели ему мьстити. И паки тебе, государю, глаголю, слезы от очию мою испущая: не вели ему мьстити!... Аще стропотное, но мое он чадо, Афонасей Пашков, — и чадо

¹ РИБ. Т. 39. Столбцы указываются в скобках.

мое, и брат мне по благодати... Аще и досаждают, но любовию их нам приимати. Помилуй, государь царь православной, не оскорби бедную мою душу: не вели, государь, ему, Афонасью, мстить своим праведным гневом царским; но възыщи ево, яко Христос, заблуждшее овча, Адама. Твое бо, света, миловати и спасати всегда, и ныне, и присно, и до кончины» (730). Это уже иной облик протопопа.

Далее в записке, приложенной к челобитной, рассказ о Пашкове продолжается, но таким канцелярским языком, выделяющимся на фоне предыдущего повествования, словно о Пашкове пишет не страдавший от него человек, а некое «третье», приказное лицо, которое прежде всего печется о государевой казне и с необходимыми подробностями и цифрами сообщает царю об установленных фактах ее «протори»: «Да он же, Афонасей, увез из Острошков от Лариона Толбозина троих аманатов: Гаврилка, Алешку, Андрюшку. Да он же увез 19 человек ясырю у казаков: Бакулайко, да две ево дочери — имен их не помню — Марица, Анютка, две Овдотицы, четыре Маринки, две Палашки, и третья Овдотица ж, три Анютки ж, Офроска з братом с Ывашком. И те все люди у него. А та земляца без аманатав и досталь запустела, государевым людям быть не у чево, лише государеве казне напрасная проторь» (701—702). Таков третий облик автора.

После канцелярского донесения Аввакум во второй половине записки вновь возвращается к более эмоциональному тону изложения; но теперь перед царем предстает не страдалец за веру, а лишь свидетель злодеяний Пашкова, очевидец, с умеренной жалостью к жертвам рассказывающий о тех надругательствах над людьми, которые сам видел, но сам им не подвергался: «И он, Афонасей, ево, Иякова, за то, бив кнутом, жжег до смерти. И к моему, протопопову, зимовью мертваго кинул под окошко... А иных двух человек повесил, ей, безвинно... А иные ево, Афонасьевы, ругательства сказат странно и страшно: при смерти их и причащат мне не давал...» (702—704).

В целом получается, что Аввакум показывает деяния одного и того же преступника с четырех дополняющих друг друга точек зрения: жертвы, защитника, канцеляриста и свидетеля.

Тексты с разными точками зрения одного автора на одного и того же человека оказываются в соседстве в основном благодаря тому, что Аввакум к своей челобитной приложил записку о Пашкове. Действительно, без добавления записки не произошло бы изменения стилистического облика автора, рассказывающего о безжалостном воеводе то как бывший ссыльный, то как посторонний канцелярист. Но записка была добавлена совсем не для того, чтобы, так сказать, «рельефно» обрисовать фигуру злодея. Предположить это можно было бы, например, если бы челобитная с запиской ясно выражали стремление протопопа инсценировать воображаемый судебный процесс над Пашковым, где судьей мыслился царь, а функции истца, защитника, официального

докладчика и привлеченного по делу свидетеля одновременно выполнял Аввакум. Но такого намерения у Аввакума совершенно не заметно. Факты, приведенные в записке, помогали лишь полнее обосновать виновность воеводы.

То, что, добавляя записку, Аввакум не ставил перед собой цели создать литературный, «многоплановый» рассказ о жестоком начальнике, видно по тому, как разрозненны сведения о Пашкове, как, встречаясь в трех разных местах, они отделены друг от друга текстом иного содержания и занимают подчиненное место в общем ходе изложения. Так, свидетельства о жестокостях воеводы являются частью относительно цельного и самостоятельного рассказа Аввакума «о своих бедах и напастях», четко выделяющегося в составе челобитной, или служат дополнением к нему. К иной теме относится просьба протоппа к царю о разрешении постричь воеводу Пашкова, не наказывая его более жестоко. Она примыкает — также лишь в качестве добавочной — к основной просьбе Аввакума в челобитной: «...а время отложит служебники новые и все ево, Никоновы, затейки дурные!» (729).

Кроме того, тексты челобитной и записки, характеризующие даурского воеводу, стилистически различаются не настолько резко и последовательно, чтобы Аввакуму в данном случае можно было приписать сознательную «игру стилями». Этого здесь не ценили ни сам Аввакум, ни его читатели. Недаром в следующих редакциях первой челобитной записка о Пашкове была без жалости отброшена и пропал весь возможный эффект «многоплановости»².

² В записке в тесном соседстве находятся тексты, рассказывающие о Пашкове то с точки зрения служилого человека, производящего ревизию, то с точки зрения частного свидетеля. Но и это соседство не отражает стремления Аввакума связать в изложении разные точки зрения на человека. Можно заметить, что первая половина записки напоминает, в сущности, пересказ Аввакумом «чужой» челобитной. Перечисляя несправедливости Пашкова по отношению к «иноземцам», Аввакум как бы пересказывает челобитную «иноземцев», сохраняя некоторые специфически челобитные формулы и выражения: «...и оне и по се время, плачючи живут, мучая у него во дворе, пособит себе не могут. А бьют челом великому государю, чтобы их свободил от порабощения и пожаловал в свой чин государев» (701). В деловой письменности «чужие» документы пересказываются другим автором обычно «холоднее», чем они написаны. Нетрудно убедиться в этом на множестве примеров, в том числе на примере пересказа первой челобитной Аввакума в челобитной царю Ивана Неронова в том же 1664 г. (Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1875. Т. 1. С. 200—201), или на примере пересказа записки Аввакума о том, как постились пустозерские узники (719; пересказ предшествует самой записке). Отсюда понятно, почему, рассказывая о мытарствах «иноземцев», Аввакум в записке меняет тон повествования на более сухой, канцелярский. В некоторой степени аналогичное изменение тона встречается во второй челобитной Аввакума царю 1664 г. Протопоп сообщает о «содомском» преступлении архимандрита «греченина» Дионисия и требует разбора этого преступления. В обычном эмоциональном тоне протопоп называет Дионисия «ззорным человеком» и возмущенно вопрошает царя: «Мала ли беда, содомская сия скверна, во святылищи содеяна?» (751). Но непосредственно о самом преступлении Аввакум упоминает сухо, потому что, по-видимому, пересказывает факты из письма некоего отрока: «...прилучися ему (Дионисию) и во алтари скверну деяти со отроком, облекши детище во святительския ризы и во амофор. И те вины детищ написаны дал...» (751).

Но почему Аввакум не осознавал того, что, казалось бы, было перед его глазами? Почему он ставил целью добавление лишь голых фактов там, где мы склонны связать все в единое повествование? Объяснение этому надо искать в одной неизученной традиции деловой письменности XVII в., которую Аввакум в данном случае использовал.

До сих пор записка о Пашкове рассматривалась исследователями как документ, в известной мере случайно присоединенный Аввакумом к первой челобитной. В изданиях сочинений Аввакума записку то издают отдельно от первой челобитной, то вместе, то вообще опускают. Отношение к записке как к «случайному» документу при первой челобитной особенно ясно отразилось в наиболее полном издании сочинений Аввакума — в 39-м томе Русской исторической библиотеки. Обычно послания и письма издаются здесь в составе тех произведений Аввакума, к которым они были приложены или с которыми были посланы. Например, ряд писем и посланий к боярыне Морозовой, княгиням Урусовой и Даниловой, а также послание «ко всем горемыкам» и поучительные «ответы» протопопа по церковнослужебным вопросам, — все эти произведения, столь отличные от «Книги бесед», издаются вместе с «Книгой бесед», с которой они в свое время были посланы в качестве приложения (939—424). Что же касается первой челобитной, то, вопреки принятому в РИБ правилу, записка, подклеенная Аввакумом к первой челобитной, издается отдельно, в другом разделе книги, как самостоятельное произведение³.

В том, что такое разъединение неправильно и что первая челобитная и записка о Пашкове объединены Аввакумом не по случайной прихоти, убеждает широко распространенная в деловой письменности XVII в. традиция приложений.

Прежде всего, необходимо различать разные традиции приложений и дополнений, существовавшие в разных жанрах древнерусской деловой письменности. Например, в частных письмах и посланиях второй половины XVI—XVII вв. повсеместно была распространена непринужденная манера добавлять к уже законченному письму забытые ранее краткие замечания, поручения, сведения и пр., так и оставляя их вне основного текста. Аввакум тоже следует этой удобной традиции почти во всех своих многочисленных письмах, начиная с самого раннего известного нам письма 1653 г. к Ивану Неронову: «...со всеми нами во веки аминь. А писанейце, сказывают, от тебя ко мне пришло, да ко мне не дошло. А дом твой ни то, ни се, без меня и пуци пропал: сказывают, пьянствуют да бранятся. А жена моя терпела, да и з двора збежала. А братья разбрелася вся. А подголовок и ныне в церкви, не ведомо цел, не ведомо нет, а ключ у меня лежит»⁴.

³ Отношение к записке как к «случайному» документу отразилось и в издании сочинений Аввакума Н. К. Гудзием, который опубликовал первую челобитную вообще без записки о Пашкове. См.: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., 1934.

⁴ Материалы для истории раскола... Т. 1. С. 26.

К иной традиции у протопопа Аввакума восходят добавления в посланиях церковно-поучительного содержания. Здесь основной, резюмирующий совет или наставление для большей выразительности иногда может переноситься за концовку послания. Например, в послании «рабом Христовым» 1660-х годов, в котором протопоп учит братию, как подобает бороться против никонианского учения и соблюдать в чистоте правую веру, заключительное, обобщающее наставление следует не перед, а после концовки послания: «Посем прости. Мир ти и благословение, и всем верным о Христе любовное целование и поклон от всех. Аминь. Не могу много говорить; одно говорю: не можешь ли явно воинствовать Христу и последовати по нем, яко апостол Петр и прочие мученицы, и ты буди, яко тайный ученик Никодим жидовский, — в день со архиереи в соборе жидовском, а в нощи прииде ко Иисусу научиться истинне...» (828—830). Перенос завершающего совета или нравоучения за концовку относится к традициям поучительных посланий от духовных лиц и нередко встречается, например, в писаниях патриарха Никона⁵.

Но записка о Пашкове, приложенная к первой челобитной Аввакума, ведет к традициям официальной деловой письменности, а именно к традиции приложения цельного документа к документу. Приложение документа к документу, казалось бы, существовало «вечно», с тех пор как возникла деловая письменность. Однако в действительности традиция приложения документа к документу в русской деловой письменности появилась лишь со Смутного времени, с самого конца XVI — начала XVII вв., а ранее ее у нас не было. Проследим историю ее развития вплоть до Аввакума.

С начала 1600-х годов разнообразные документы в качестве приложений часто стали добавляться, подклеиваться к отпискам — этому новому документальному жанру, сформировавшемуся в Смутное время. Пишут ли устюжане вычегодцам, или нижегородцы вологжанам, или вологодский воевода пермскому воеводе, — постоянно к их отпискам — для пояснения и дополнения сообщений о ходе событий, для обоснования призывов бороться с иноземными оккупантами — подклеиваются прилагаемые отписки, челобитные, письма, распросные речи, грамоты, крестоцеловальные записи, воззвания, списки переговоров и т. д. и т. п.

Прилагаемый документ не являлся повествовательным продолжением главного документа. Роль приложения заключалась в том, чтобы добавить факты и сведения, степень авторитетности которых подчеркивалась формой прилагаемого документа. В отличие от «дела», где многочисленные самостоятельные документы, подклеенные в один столбец, тоже не составляют единого повествования, приложение документа к документу имело свои особенности: обычно прилагается

⁵ Ср., например, челобитную Никона царю 1663 г. // *Гиббенет Н.* Историческое исследование дела патриарха Никона. СПб., 1884. Ч. 2. С. 591.

один, редко два документа (и очень редко несколько приложений) и о прилагаемом документе обязательно предупреждается в конце главного документа.

Например, архангельский воевода Юрий Буйносов сообщает царю в своей отписке 1647 г. о том, по каким причинам, по чьему велению и как построили в Архангельске каменную палатку для пороховой казны. К отписке приложена «роспись» этой палатки, о чем воевода и предупреждает в конце отписки: «А какова, государь, ныне в Архангельском городе под твою государеву зелейную полата сделана совсем наготово, и что каких заводов и снастей в остатке, и тому, государь, роспись под сею отпискою послали к тебе, государю...»⁶.

Приведенное сочетание документов отличается от того, что приложено к челобитной Аввакума. Но мы не случайно привели в пример отписку 1640-х годов с «росписью». По нашим наблюдениям, с 1640-х годов наиболее частым приложением к воеводским отпискам становятся «росписи» хозяйственного содержания, то есть перечни необходимых или имеющихся в наличии вещей, материалов, людей и т. п.

Однако если в конце XVI — начале XVII вв. документы прилагались в основном к отпискам и в единичных случаях к царским и патриаршим грамотам⁷, то затем традиция приложений (в той же функции: не для продолжения изложения, а для добавления фактов) распространяется и на иные виды публичных актов — указы, памяти, справки и др.⁸, а со второй половины — конца 1640-х годов документальные приложения появляются и у челобитных и сопровождаются такими же обязательными предупреждениями, какие были нормой для отписок. Приложения к челобитным в данном случае интересуют нас больше всего.

Так, к челобитной 1651 г. ленских служилых людей царю прилагается послужной список, о чем и указывается в конце челобитной: «...и кто тебе, государю, на тех приступех служили... а иных испереранили... и в которые места, и тому имена в послужном списке под сею челобитною за нашими руками»⁹. К челобитной бывшего патриарха Никона царю 1666 г. прилагаются распросные речи. Сообщая о приложении, Никон — и это примечательно — называет свою челобитную отпиской: «...и с того ево писма и с распросных речей списав список, послал я, богомолец твой, к тебе, великому государю, под сею отпискою»¹⁰. Примечательно также, что к челобитным, как и к отпискам, особенно

⁶ ДАИ. Т. 3. С. 112—113. № 31.

⁷ См., например: ААЭ. Т. 2. № 1, 48, 67, 81; РИБ. Т. 2. № 60.

⁸ Например: ДАИ. Т. 3. № 65, 74; РИБ. Т. 29. С. 127.

⁹ ДАИ. Т. 3. С. 321. № 87.

¹⁰ Гиббенет Н. Указ. соч. Ч. 2. С. 971.

часто прилагаются «росписи»¹¹. Теперь мы подходим к примерам, близким записке, приложенной к аввакумовской челобитной.

К воеводским отпискам и царским грамотам мог быть приложен практически любой официальный документ, в том числе грамоты и отписки. К челобитным же, а тем более к посланиям и письмам, грамоты и отписки, как правило, не прилагались. Круг официальных документов, которые могли быть приложены к челобитным, был явно сужен. Для писем же правилом было вообще отсутствие документальных приложений¹².

В соответствии с этой иерархией приложений, к челобитным в отличие от отписок могли прилагаться документы менее официального характера, отличавшиеся большей субъективностью повествования и меньшей установленностью жанровых признаков: «росписи вин» или «росписи улик», не имеющие какой-либо строго установленной формы изложения. Примером челобитной, к которой приложена большая «роспись улик», может служить челобитная царю соловецкого архимандрита Варфоломея 1666 г. Архимандрит прилагает к челобитной список неблаговидных и уголовно наказуемых поступков семи соловецких старцев. Например, «Улики на старца Герасима Фирсова», раскольничего публициста: «Он же, старец Герасим, у старца своего Исаии украл денег сто двадцать рублей... Он же, Герасим Фирсов, украл у брата своего келейного, у старца Нектарья, денег семьдесят рублей... Он же, Герасим, ...рыбу продавал без монастырского указа... Да он же... дважды обманул болничного старца Меркурья слепово», и т. д. и т. п.¹³

Записка Аввакума, приложенная к первой челобитной, отчасти напоминает «роспись вин» специфической «перечневатостью» изложения: «...Да он же, Афонасей, увез из Острошков от Лариона Толбозина троих аманатов... Да он же увез 19 человек ясырю у казаков... Да он же, Офонасей, государевых служилых двух человек взял во двор к себе сильно... Да он жо, Афонасей... переморил болши пяти

¹¹ Один из ранних примеров: Челобитная царю старосты московской суконной сотни 1649 г. // ДАИ. Т. 3. С. 156. № 47.

¹² Если возникала нужда добавить к письму, например, челобитную, то добавлялась не сама челобитная, а лишь ее изложение. Так, Иван Неронов, закончив письмо к Стефану Вонифатьеву 1654 г. («Прочее же, кождо вас обывая, целуя»), добавляет послание, или челобитную, которую он хотел бы подать царю через Стефана; но не непосредственно ее текст, а ее изложение: «Болезнь же сердца моего возвести государю-царю, что верую в господа Иисуса Христа, и во истину равноапостолну. Рцы ему, государю: Иоанн протопоп скорби на тя не имать, но церковь. Внимай, государь, полно спать! Аще и аз милости не получих: поне братия; ако да долготен будеши на земли. Прости, молюся, Христа ради... Прочее де воля Господня да будет» (Материалы для истории раскола... Т. 1. С. 104). Характерно, как Неронов переходит к прямым обращениям к царю, хотя пишет к Стефану.

¹³ Материалы для истории раскола... М., 1878. Т. 3. С. 85 и сл.

сот человек голодною смертию... Да он же, Афонасей Пашков, двух человек... бил кнутом» и т. д. (701—702). Но на этом аналогии не кончаются.

К челобитным в отличие от отписок могли прилагать и документы явно не официальные — так называемые записки. Трудно выделить четкие жанровые признаки записок, которые как самостоятельный вид документов начали употребляться поздно, по-видимому, со второй трети XVII в., и жанрово не успели оформиться. Можно лишь заметить, что записка — это не нормативная, а повествовательная запись «для памяти» или «для вестей», нередко от имени частного лица или же безымянная, рассказывающая о событиях в приблизительном хронологическом порядке и обычно начинающаяся с обозначения даты («В таком-то году, месяца такого-то, в такой-то день...»). Записки обычно не имеют особого заглавия, одиночные их названия неустойчивы (иногда «список со списка», иногда «записка», иногда, если писано из Украины, — «вестовое письмо»), но, пожалуй, чаще записку называют «рописью»¹⁴.

Записки, прилагаемые к документам, также не продолжают изложения главного документа, а предназначаются для добавления фактов. От жанра прилагаемого документа зависит степень авторитетности, официальной подтвержденности добавляемых фактов, и записка в этом отношении наименее официальна.

Один из ранних примеров использования записки в качестве приложения находим в послании протопопа Ивана Неронова царю 1653 г. Оправдываясь перед царем, сосланный Неронов подробно вспоминает, о чем у него был разговор с патриархом Никоном, и свою записку об этих «речах» прилагает к посланию. Предупреждая в конце послания о приложенной записке («А что моих словес с ним, государем святителем, было, написах вкратце и послах к тебе, государю царю благочестивому»), Неронов называет ее «рописью», хотя на «ропись» эта записка совершенно не похожа, повествуя об участии Неронова в споре между Никоном и протопопом Логгином: «Бысть, государь, собрание нынешняго времени, июля месяца у отцначальника в крестовой первой...». И далее следует рассказ о том, что сказал Логгин, что ему отвечали в крестовой палате, что отвечал Логгин, что сделал Никон и т. д.¹⁵

¹⁴ «Списком со списка» названа записка 1654 г. некоего Акима Недовескова о том, «отчево на Городецке почался мор» (*Гиббенет Н.* Указ. соч. Ч. 2. С. 484—485); «запиской» и «запиской о вестях» называются записки дьяков 1648—1649 гг. о казацкой войне в Польше (АЮЗР. СПб., 1861. Т. 3. С. 278. № 243; С. 392. № 301); «вестовым письмом» названа записка подьячего о виденном и слышанном в Украине в 1651 г. (АЮЗР. Т. 3. С. 465. № 328); «рописью» названа записка конца 1665 — начала 1666 гг. подьяка Федора Трофимова: «Ропись, за что я, Фетка, Никона патриарха и учеников ево еретиками и отступниками называл и называю». Но это типичная записка, что видно по ее началу: «В 165-м году был, я Фетка, у нево, Никона... И в то время пришел к нему дьяк ево Иван Кокошилов, и он с ними говорил от книг многия речи» (Материалы для истории раскола... М., 1848. Т. 4. С. 285).

¹⁵ Материалы для истории раскола... Т. 1. С. 40 и сл.

Аналогичный случай встречаем в первой челобитной протопопа Аввакума. Приложение к первой челобитной удачно назвал запиской Н. Субботин, в 1879 г. впервые издавший собрание сочинений Аввакума¹⁶. И действительно, как обычно для записок, записка о Пашкове не имеет особого заглавия, начинается с даты («В 169 году Афонасей Пашков увез из Даур Никанские земли два иноземца...») и повествует в относительно хронологическом порядке о злоупотреблениях Пашкова сначала на пути в Даурию, затем в самой Даурии.

Итак, приложение записки к первой челобитной Аввакума — явление не единичное; протопоп следовал традиции приложений, уже более полувека бытовавшей в русской деловой письменности и предназначавшейся не для продолжения изложения одного документа другим, а для добавления документально засвидетельствованных фактов и сведений, которых по каким-либо соображениям нельзя было включить в основной документ. Отсюда понятно, почему Аввакум рассматривал свою записку не как повествовательное продолжение челобитной, а как фактографическое дополнение к ней¹⁷.

Традиция приложений явно наталкивала авторов на «многоплановое» изображение человека или событий, но одновременно мешала этому тем, что приложение и основной документ не мыслились как единый повествовательный комплекс. Так получилось, например, задолго до Аввакума, в «Сказании известном» 1619 г. о поставлении русского патриарха Филарета Никитича.

К «Сказанию» — с соответствующим предупреждением — приложена благословенная грамота иерусалимского патриарха Феофана, рассказывающая частично о тех же фактах, что и «Сказание». Но если о возвращении Филарета из польского плена и о его избрании патриархом «Сказание» повествует в торже-

¹⁶ Материалы для истории раскола... М., 1879. Т. 5. С. 133.

¹⁷ В первой челобитной Аввакума нет обычного предупреждения о приложении. Это отступление от нормы вполне согласуется с состоянием традиции приложений в деловой письменности 1660-х годов. В челобитных и посланиях этого времени предупреждают о приложениях далеко не всегда; особенно часто не предупреждают в тех случаях, когда прилагаются «росписи вин» или «записки», писанные лицами, не имеющими официального положения, опальными, заключенными, ссыльными. Например, отсутствует предупреждение о «Росписи уликам на черного дьякона на Агафаггела грека», которая приложена заключенным в тюрьму дьяконом Моисеем к его челобитной царю 1666 г. по поводу пересмотра наказания (*Гиббенет Н.* Указ. соч. Ч. 2. С. 787—792). Нет предупреждения о приложении в челобитной Ивана Неронова 1667 г. вселенским патриархам, которая вместе с запиской о Никоне была послана Нероновым из заключения, из Спасокаменного монастыря (*Материалы для истории раскола... Т. 1. С. 233 и сл.*). Нет предупреждения о приложенных «речах» Никона и в челобитной царю бывшего строителя Воскресенского монастыря Аарона, посланной в 1663 г. вместе с запиской из Богоявленского монастыря, куда был заточен Аарон (*Гиббенет Н.* Указ. соч. Ч. 2. С. 640). Не удивительно, что и у Аввакума, только что вернувшегося из ссылки и не занимавшего никакого официального положения, тоже нет предупреждения о приложении записки к его первой челобитной.

ственном, официально-безличном тоне (Филарета «царь Михаил срет далече от царствующего града... течаху вси, на лицо сего зряше с радостию...»), Феофан собирает митрополитов, чтобы уговорить Филарета согласиться быть избранным в патриархи: «И сих ради святейший патриарх Иеросалима града совет составляет с преосвященными митрополиты...» и т. д.¹⁸), то о том же Феофан в своей грамоте вспоминает в торжественном, но более живом тоне очевидца и непосредственного участника событий, который шел в толпе встречавших и беседовал с Филаретом лицом к лицу («Ему ж в сретение изыде благочестивый и святопомазанный царь, того сын, и вси людие... с толикою радостию, яко же слышах и зрех... Его же и очима моима видех, и видев и возрадовахся, к нему же и беседах и прежебывших тому скорбий; также помалу разсмотрех мужа... начаша молити оного к восприятию патриаршества...»¹⁹).

Но совершенно ясно, что составители «Сказания» не стремились разносторонне, под разными «углами зрения» показать избрание русского патриарха. Соответствующие места в «Сказании» и грамоте никак не связаны. Грамота Феофана нужна была составителям не как продолжение или дополнение повествования «Сказания», а скорее лишь как торжественное, официальное заверение или подтверждение всего изложенного в «Сказании» об избрании Филарета. Недаром, предупреждая о приложении, составители «Сказания» подчеркнули роскошный внешний вид грамоты Феофана — «на хартии написану златом и червлеными шарми...»²⁰. Получившийся же элемент «многоплановости» остался совершенно неосознанным.

Отношение к приложениям только как к справочно-обосновательному материалу до конца XVII в. мешало авторам заметить возникающую у них «многоплановость» изложения, какие бы разные авторские точки зрения на события и как бы тесно ни соседствовали. Это хорошо видно в некоторых житиях второй половины XVII в., на которые распространилась традиция документальных приложений. Например, в одном из соловецких сборников житий к повествованию о чудесах Ивана и Логгина Яренгских приложено много крестьянских распросных речей 1624 г., не только пополняющих сведения о чудесах святых, но вносящих в житийный тон рассказа о чудесах деловой стиль приложенных записей о высказываниях очевидцев и свидетелей²¹. Однако подобный эффект в то время не был осознан.

В том же сборнике помещено «Житие Германа Соловецкого» с приложением разных документов, в том числе копии грамоты 1690 г. холмогорского архиепископа Афанасия, отражающей более сдержанный, чем в житии, даже

¹⁸ ДАИ. Т. 2. С. 199—200. № 76.

¹⁹ Там же. С. 204.

²⁰ Там же. С. 202—203.

²¹ РНБ, собрание Соловецкое, № 182, л. 126—141 об.

несколько скептический взгляд Афанасия на степень святости Германа, которого соловецкие монахи просили канонизировать как святого²². Приложенные документы используются лишь для того, чтобы показать ход рассмотрения дела о полагающихся Герману церковных службах — и только.

Но в рассматриваемой традиции довольно рано, хотя и медленно, стали развиваться тенденции к повествовательной связи приложения с основным произведением, к объединению их в единое повествование. Заметный шаг к этому был сделан примерно в 1640-х годах, когда в качестве приложений особенно часто стали добавлять «рописи», а затем и «рописи вин», и записки, то есть документы, составленные обычно в одно и то же время и одним и тем же автором, что и основной документ, а своей неопределенной документальной формой (особенно записки) не так резко отличавшиеся от формы повествования основного документа. С отражением этого явления мы как раз и встречаемся в первой челобитной Аввакума и приложенной к ней записке о Пашкове.

Почему же Аввакум, несмотря на сравнительно тесное соседство текстов с разным обликом авторов, рассказывающих о Пашкове, и несмотря на начавшееся преодоление оторванности приложения от основного повествования, так и не заметил получившейся у него «многоплановости» изложения в целом? Несомненно потому, что тенденция к повествовательному объединению проявилась еще слишком слабо и формально.

В дальнейшем тенденция к более тесной связи приложения с основным текстом усиливается²³. Однако только лишь в конце XVII в. в некоторых документально-исторических и летописных сочинениях и компиляциях можно отметить

²² РНБ, собрание Соловецкое, № 182, л. 14—16. Ср. например, как в 1648—середине 1650-х годов, составляя «Житие» троице-сергиева архимандрита Дионисия, Симон Азарин лишь для полноты сведений о преподобном прибавил несколько документов в качестве приложения: послание-записку Ивана Наседки, речи Дионисия, послания восточных патриархов и пр., которые с разных точек зрения касаются личности Дионисия. См.: *Ключевский В.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 352—353.

²³ Например, в пятой челобитной Аввакума, написанной через несколько лет после первой, в 1669 г., отражается процесс формального превращения самостоятельного документа — приложения — в обычное эпистолярное добавление, естественно продолжающее повествование основного документа. К основному тексту пятой челобитной, разбирающей вопросы веры и отношения царя к раскольникам, добавлено три больших рассказа о видениях Аввакума — для подтверждения его правоты перед Алексеем Михайловичем. Если два рассказа являются добавлениями эпистолярного характера, то один рассказ (о видении Аввакума, будто его тело распространилось и охватило весь мир) имеет стертые черты как бы отдельного документального приложения. У него особое вступление-заголовок («царь-государь Алексей Михалович, — начинает рассказ Аввакум, — хошу тебе сказать, яко мнит ми ся, не коснит Господь о кончине моей... Послушай, державне, побеседую ти, яко лицом к лицу» — 763); рассказ начинается с даты, напоминая о начальной формуле записок («Нынешняя 177 году в великий пост, на первой неделе по обычаю

слабые литературные результаты развития данной тенденции, выражающиеся в том, что прилагаемые документы могут получать особые смысловые оттенки благодаря тесной связи с текстом основного произведения²⁴. Этим отличаются, кстати, самые «сухие» документы среди приложений — «рописи».

Существует, например, записка о польском походе Алексея Михайловича в 1655 г. с приложенной росписью покоренных царем городов²⁵. В одном из более поздних списков этой записки, относящемся к 1680-м годам и до сих пор не опубликованном²⁶, прилагаемая роспись городов звучит более торжественно, так как настраивающие на торжественное восприятие слова специально добавлены в

моему хлеба не ядох в понеделник...»), в то время как рассказ о другом видении начинается в более обычной манере («Некогда мне моляшуся...» — 761). Соответственно различается и дальнейшее повествование в обоих рассказах. Если в одном Аввакум говорит о своем состоянии перед видением в высоком стиле («... и от труда своего аз многогрешный падох на лица своем, плакахся и рыдая горко, и туги великия забыхся»), то о том же в интересующем нас рассказе сообщается в конкретно-документальном плане («в пяток же... прииде на мя озноба зело люта, и на печи зубы мои розбило з дрожи... прости, царю, за невежество мое, от дрожи тоя нападе на мя мыт»), то есть понос, и т. д. — 763). В остальном же рассказ ничем не отличается от эпистолярного добавления.

²⁴ Литературные черты в самих прилагаемых документах, вне связи их с основным произведением, встречаются, конечно, раньше, в особенности примерно со второй четверти XVII в., когда приложения стали добавлять иногда не столько со справочно-обосновательной целью, сколько ради интересных для читателя сведений или выразительных деталей. Например, к известной «Повести» Ивана Катырева-Ростовского 1626 г. автор приложил нечто вроде любопытной «рописи» русских царей под названием «Написание вкратце о царех московских, о образех их, и о возрасте, и о нравех» (РИБ. Т. 13. Стб. 619—622). Примечательно, что Катырев-Ростовский, в свое время служивший тобольским воеводой, по-видимому, хорошо знал традицию документальных приложений к воеводским отпискам. (За указание сведений о тобольском воеводстве Катырева приношу благодарность Е. К. Ромодановской). Другие примеры: к «Повести о писании известном» 1647 г. о сватовстве датского королевича Вальдемара к дочери царя Михаила Федоровича Ирине приложен «Летописец и родословец вкратце. По чему блаженныя памяти царь и государь и великий князь Михаил Феодоровичь всяя России самодержец имался внук царю Иоанну Василиевичу всяя Руси» (*Голубцов А.* Памятники прений о вере, возникших по делу королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны // ЧОИДР. 1892. Кн. 2. Отдел 2. С. 21—22). К посланию 1652 г. царя Алексея Михайловича Никону приложен статейный список царя о смерти патриарха Иосифа, изобилующий чрезвычайно выразительными, иногда даже натуралистическими наблюдениями царя над тем, как болел и умер Иосиф (ААЭ. Т. 4. С. 77—87). В «Хронографе» 1679 г. к статье о моровом поветрии в Москве в 1612 г. приложена отписка царю о несчастье, добавляющая наглядные детали: «... мертвых тела во граде и за градом лежат псы влачмы... и ямы копать некому... А приказы, государь, все заперты...» и т. п. (*Попов А.* Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в Хронографы русской редакции. М., 1869. С. 282). К некоторым спискам конца XVII—начала XVIII в. «Повести о начале Москвы» прибавлены сообщения о надписях на Спасских воротах Кремля (Повести о начале Москвы / Исследования и подготовка текстов М. А. Салминой. М.; Л., 1964. С. 180, сноски V. 2. С. 187).

²⁵ Издана по списку из архива Ф. Волконского в ААЭ. Т. 4. С. 129. № 89.

²⁶ РНБ, собрание Погодина, № 1403, л. 655.

этом списке в заглавие росписи: «Роспись городом, которые имал... Алексей Михайлович... своим походом и царским величеством и счастьем и грозою».

Иногда авторы добиваются особой значительности росписи за счет контекста произведения, к которому роспись приложена. Например, в «Двинской летописи» в списке конца XVII—начала XVIII вв. к статье под 1691 г. об освящении соборной Преображенской церкви на Холомогорах приложена хозяйственная «смета» — «Сколько же к тому строению принято... припасов и что куплено... и по какой цене...»²⁷. Но это не простая, а, так сказать, торжественная роспись, рассчитанная на то, чтобы произвести впечатление на читателя сведениями о количестве затраченных средств. Пусть этих средств затрачено относительно и не так много, но в тексте перед «сметой» летописец постоянно подчеркивает исключительность мероприятия: подробно говорит о ходе строительства, высчитывает с точностью вплоть до одного дня, сколько времени строили церковь, перечисляет ее особые признаки («...каменная, первая, самим создателем преосвященным Афанасием архиепископом» освященная), указывает подробно ценности, в ней хранящиеся. На этом фоне «смета» — очень подробный перечень количества железа, кирпичей, извести и пр. — приобретает особую значительность.

Сходный эффект находим в одном из списков «поэтической» «Повести об Азовском осадном сидении» (БАН. 32.11.7), в котором после слов, заканчивающих повесть, — «Будет во веки славна лавра Предтечева» — добавлена роспись: «И после тех же атаманов и казаков, что им надобно в Азов для осадного сидения: 10 000 людей, 50 000 всякого запаса, 20 000 пуд зелия, 10 000 мушкетов, а денег на то на все надобно 221 000 рублей»²⁸. Но на фоне фантастических цифр повести и эта роспись выглядит фантастической.

Своеобразное осмысление получает роспись в одной летописной записке конца XVII в. о стрелецком бунте²⁹. К статье под 19 мая 1682 г., рассказывающей о судьбе К. П. Нарышкина, приложена «Роспись, каторые по стрелецкому приговору розосланы были по розным городам». Речь идет о сосланных боярах и боярских детях, но роспись имеет не просто справочное значение, так как перечисляет сосланных в сибирские города бывших «сильных мира сего» в контексте общего рассказа о том, как неожиданно круто повернулась судьба богатых и знатных: дьяка пытаются стрельцы («дьяка Михайла Вешнякова по доводу людей ево пытали стрельцы»), боярин земно кланяется стрельцам («боярин Кирила Полуехтович трожди стрельцам в землю челом»), боярское иму-

²⁷ Титов Л. П. Летопись Двинская. М., 1889. С. 58—61.

²⁸ Русские повести XVII века / Составитель М. О. Скрипиль. М., 1954. С. 73.

²⁹ Тихомиров М. Н. Записки приказных людей конца XVII в. // ТОДРЛ. Т. 12. С. 448—456.

щество ценится самой дешевой ценою («А которых баяр и думных стрельцы порубили и животы их... переписаны и оценены самую дешевою ценою»), отрубленные боярские головы носят со всякими гадинами («и голову...нося, на копье взоткнули на долгой же шест, где висели не знама какие гадины, иные называли морския рыбы о семи хвостах и о пяти»³⁰). Роспись наравне с основным текстом продолжает тему поворота в судьбе знатных людей.

Итак, литературным итогом углубления связей прилагаемого документа с основным произведением было то, что в конце XVII в. на приложение иногда стал как бы падать повествовательно-стилистический отсвет основного произведения. Такой литературный результат, несомненно, менее значителен, чем «многоплановое» изображение человека или событий, к которому, казалось бы, вела традиция документальных приложений. Но для того, чтобы при использовании рассмотренной традиции деловой письменности была открыта «многоплановость» как литературное средство, вероятно, требовалось большее: не только преодоление чисто делового, фактографического характера традиции, но и какие-то изменения во взглядах на произведение и на автора. Литературная история традиции приложений началась лишь с конца XVII в. Все, что было до этого, в том числе и то, что сделал Аввакум, относится к литературной предыстории традиции, как ни парадоксально, более яркой, чем история ее последующего литературного использования.

Заметим в заключение, что нельзя рассматривать односторонне процесс взаимодействия литературы и деловой письменности только как влияние первой на вторую, только как постепенное превращение делопроизводственных традиций в литературные. Нельзя исходить из предпосылки, будто литературные тенденции всегда или в конечном счете преобладали над деловыми. Так, еще предстоит выяснить, какое из встречных движений во второй половине XVII в. стало преобладающим: литература осваивала деловую письменность, но и деловая письменность проникала во многие жанры литературы, не поддаваясь или очень туго поддаваясь последней. Один из примеров этого показан в данной работе. Думается, что накопление подобных явлений к Петровскому времени способствовало своеобразному «отливу» литературы в сторону канцелярско-деловую. Далеко не все новации в XVII в. были резки, быстры и литературно плодотворны.

1970 г.

³⁰ Там же. С. 451, 453.

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЕ НОВАЦИИ И ЧИТАТЕЛЬСКИЙ МИР В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ 1660-х — 1670-х ГОДОВ

1. СТРЕМЛЕНИЕ К ЯСНОСТИ ИЗЛОЖЕНИЯ

Печатные произведения

XVII в. — время не только обновления литературных форм и авторских представлений о мире в произведениях, но и небывалого расширения мира читательского, уже постоянно проглядывающего за новыми литературными формами.

Прежде всего, стоит обратиться к московским печатным книгам второй половины 1660-х — начала 1680-х годов. Для них характерна необычная четкость новых литературных форм. Вот, например, «Жезл правления» 1667 г., составленный Симеоном Полоцким, — высокоорганизованное изложение полемики с расколоучителями Никитой Пустосвятом и Лазарем. Книга ведет спор в своей первой части с «Челобитной» Никиты, обличавшей никоновские реформы, а во второй части — с сочинением Лазаря, но не вперемешку с обоими. Высказывания расколоучителей пронумерованы и рассматриваются строго по ходу следования в их сочинениях, а не в произвольном порядке. Цитаты четко отделены от сопутствующего разбора, никогда не смешиваются: цитата — «Обличение Никитино 1-е», затем разбор — «Возобличение», затем снова цитата «Обличение Никитино 2-е», затем «Возобличение» и т. д.¹ Если в приводимых цитатах Никита или Лазарь, в свою очередь, цитируют «Писание» или что-либо еще, то их цитация выделена другим шрифтом; если в цитате что-либо необходимо пояснить автору «Жезла», то пояснение печатается в квадратных скобках. Если в собственном тексте Полоцкому требуется что-то пояснить, то добавляется особый раздел с подзаголовком «Разум словес предиреченных». Все в «Жезле правления» оформлено исключительно четко.

¹ Цитируемые произведения и старопечатные издания: Библия. М., 1663; Букварь. М., 1679; «Вертоград многоцветный» // Симеон Полоцкий. Избранные сочинения / Изд. подгот. И. П. Еремин. М.; Л., 1953; Жезл правления. М., 1667; «Житие» Аввакума // Пустозерский сборник: Автографы сочинений Аввакума и Епифания / Текст «Жития» подгот. Н. С. Демкова. Л., 1975; Извещение чудесе о сложении триех первых перстов. М., 1667; Кириллова книга. М., 1644; «Книга о сивиллах» Николая Спафария — РГБ, собрание Румянцева, № 227; Обед душевный. М., 1681; печатные листы // Ровинский Д. Русские народные картинки. СПб., 1881. Т. 2—3; Псалтырь рифмотворная. М., 1680; «Рифмологий» // Симеон Полоцкий. Избранные сочинения; «Служба кабаку» // Русская демократическая сатира XVII века / Изд. подгот. В. П. Адрианова-Перетц. 2-е изд., доп. М., 1977; «Статир» — РГБ, собрание Румянцева, № 411. Листы рукописей и старопечатных книг указываются в скобках.

Полемическая книга с такой выразительно расчлененной композицией на Руси еще не появлялась. В сравнении с «Жезлом правления» предшествующие большие сочинения и разборы, написанные, например, Максимом Греком, или справщиками Московского печатного двора, либо проповедниками раскола, выглядят просто хаотичными. При составлении «Жезла правления» Симеон Полоцкий использовал манеру спора из католических полемических трактатов, но подошел к делу сугубо творчески. Ведь борьба с российской старообрядческой агитацией никакими католическими трактатами не предусматривалась. К конкретному материалу приходилось применяться самому. При всем том составитель «Жезла» не излагал новых идей; «Жезл» ортодоксален. Новая четкая форма предназначалась для максимально ясного выражения мыслей старых. Симеон Полоцкий и прочие составители и издатели книги добивались вразумительности изложения для множества читателей. Это была их главная литературная цель. Недаром в предисловии к «Жезлу» Полоцкий с определенностью обещал читателю: «Разум удобь возмеш» (нумерованн. 4). Композиция книги, по замыслу Полоцкого, должна была облегчить труд читателя настолько, что читатель мог словно на «позорище духовных брани... смотрети очима» (18).

Продолжая спор с расколом, другая печатная книга — «Извещение чюдесе» 1677 г., случившегося с царским ясельничим Федором Вышеславцевым, — также отличалась некоторой новизной литературной формы. Не о только что происшедшем «чуде» в основном рассказывалось, а о процессе его документального засвидетельствования: кто поименно из родных и знакомых Федора и в какое время видел «чудо»; какое и кому «даде свидетелство о чюдеси бывшем не точно устно, но и писанием»; «руки ко скаскам приложиша» ли; что подтвердили свидетели на допросах; какие документы вновь подписали и пр.

С 1620-х—1630-х годов материалы деловой письменности стали широко вводиться в житийные чудеса и в повести о перенесении мощей, но столь длинное, скрупулезное, мелочное оглашение свидетельств «чуда» в повествовательном памятнике предлагалось, пожалуй, впервые. Причина обращения к данной литературной форме та же, что и в «Жезле правления», — стремление авторов книги к особенно убеждающей ясности в общем-то старой идеи. Как и составители и издатели «Жезла», авторы «Извещения» надеялись, что благодаря форме повествования смысл его станет для многочисленных читателей убедительным до физической очевидности: «...многим видети внешними очима светло, тако благоволи дати всем внутренними зеницами зрети разумно...» (8 об.).

Нова была литературная форма и других «убеждающих», хотя и не полемических печатных книг, например, «Обеда душевного» Симеона Полоцкого. Проповеди, распределенные в этом сборнике по неделям года, строились по единообразной четкой схеме: заголовок; цитата из «Писания»; пояснение, при

каких обстоятельствах появилось это высказывание, которому посвящается проповедь; предупреждение о реальной нравоучительной цели проповеди; и, наконец, сама проповедь, как правило, ортодоксальная, небольшая и просто изложенная. Автор не без гордости отметил, что в предлагаемом «писании слова, яко во орологии (часах) колеса, чинно составляются» (9 об.).

Ничего подобного по строго целенаправленной выдержанности формы среди древнерусских поучительных сборников XVI—XVII вв. еще не появлялось. Даже напечатанный в 1665 г. в Москве сборник поучений отцов церкви в переводе ученого теолога Епифания Славинецкого был очень громоздок и малопонятен. Епифаний, правда, снабдил тексты массой печатных же пояснений на полях книги, но и сами пояснения нередко оказывались невразумительными. Епифаний больше старался для многоумных комментаторов, чем для широкой массы читателей. Симеон Полоцкий же рассчитывал на гораздо более обширную аудиторию и соответственно переработал рукописные экземпляры своих уже произнесенных проповедей, когда готовил их к набору.

Сравнительно простой язык проповедей Полоцкого тоже был обдуманым нововведением. Ведь еще недавно, в 1644 г., в «Кирилловой книге» издателя перед читателями извинялись как в недостатке в том, что «въпросто сие предисловие вам плетено» (12). Симеон Полоцкий же в предисловии к своей книге уже настаивал на простоте языка, нужной для ясности изложения: его «Обед душевный» «несть яко иностранными земли хитростми ветийскими довлеукрашен... Не украсих же... яко удобее простое слово уразумеваемо есть в писании, неже красотами художественными покровенное. Яко удобее ядро снедается излученное, нежели в коже си содержимое» (7 об.). Симеон в предисловии привел много цитат из отцов церкви в пользу простоты языка и ясности сочинений и заключил: «А поне же сие простоту слова толицыи столпи церкви ублажиша, ты, благочестивый читателю, приими любезно обед сей простоуготованный» (8). «Простота слова» Полоцкого служила преимущественно целям литературным. Полоцкий старался довести свои проповеди до исключительной ясности, надеясь, что здесь все «удобь узрит» читатель (6 об.).

Предназначенность новых литературных форм для ясности разумения наблюдается и в вовсе не полемической и не поучающей «Псалтыри рифмотворной» 1680 г. Симеона Полоцкого. Впервые на Руси Полоцкий переложил всю «Псалтырь» на силлабические стихи, но не из подражания известной ему польской стихотворной «Псалтыри»: «...известую, яко не подражах преводника полскаго во украшении пиитическом». Полоцкий сочинял, «снисходя обычаю рода и страны» российской (5 об.).

Первостепенное значение у Полоцкого имело стремление к вьщей ясности смысла псалмов. Свое «благохотение ко совершению того дела предприятаго»

Симеон подтверждал многократно: «Намерение мое... стихотворно превести я (Псалтырь) с толиким изяснением, елико вместится может»; «во мнозех местех толк зде положиися, еже во сущем (то есть в канонической Псалтыри) глубоко сокрыся»; «сия бо суть во исполнение разума... светлейшаго ради истолкования псалмов»; «да ся от чтущих удобь уразумевают»; «да сущаго неудобное откровенно будет» (2 об., 4, 6, 7).

Стремление к ясности смысла печатного текста стало своего рода увлечением издателей 1660-х—1670-х годов, в особенности «лакомо желающего» Симеона Полоцкого. В своем «Букваре» 1679 г. Симеон даже восхвалял в стихах смысловую ясность «писания», то есть текста писанного: «Что сердце мыслит и ум рассуждает, то писание удобь возвещает. Безгласно убо, но зело явственно... Яко зеркало зрящему являет, каково лице его пребывает... Подобие книги елма ся читают, лице совести светло проявляют» (нумерован. 3). В предыдущих изданиях «Букваря» о ясности «писания» ничего не говорилось.

Судя по разнообразию использованных новых литературных форм, писатели и издатели спешили испробовать разные способы и пути для достижения желанной ясности, но ни в каких преобладающих формах это стремление не концентрировали. Напротив, новых форм появлялось все больше и больше. Чтобы максимально обеспечить ясность смысла книг и печатных листов, издатели второй половины 1660-х — начала 1680-х годов постоянно прибегали сразу к нескольким различным приемам. Какая бы новая литературная форма не использовалась, изложение при этом обязательно расчленялось на удобовоспринимаемые части и кусочки, нередко с заголовками и подзаголовками. Подзаголовки использовались даже на настенных печатных листах (№ 1209).

В «Предглаголании» к «Книге о сивиллах» 1672 г. Николай Спафарий так объяснял это пристрастие к разделению текста: «...яко да чиновне и несмешена будет повесть наша. Чин бо свят есть, по философу, всех вещей сего ради: что нечиновно пишется, то зело темно и не удобь разумно является; что же чиновне и во своих местах положено, — удобь разумно и безтрудно есть» (лицевой список, который «издася» для царя, 15 об.)².

Излюбленным способом членения текста служил счет, ранее никогда в таком обилии не употреблявшийся. Нумеровались не только главы, главки, стихи, цитаты, но и сами рассуждения, казалось бы, не подвластные счету. Так, постоянно нумеровались доводы, разъяснения, причины, или «вины», качества, обстоятельства и пр. На печатных листах нумеровались единообразные четырехстишия, двустиишия, афористические выражения (печатные

² Несколько иначе расставляем знаки препинания, чем в издании этого текста. См.: *Николай Спафарий. Эстетические трактаты* / Изд. подгот. О. А. Белоброва. Л., 1978. С. 54.

листы № 778, 797, 1317—1320). Ясность смысла нумерованных перечней приравнивалась к очевидности рисунка: «яже на листе суть изображенны те словом сице» («Обед душевный», 2). Ясность нумерованных «вин» считалась максимальной: «...их же словес может ли что светлее во сведетелство быти?»; «сия вины благословныя тому суть не доволны во утверждение истины, кто не разумом яко человек, но упорством яко дивий зверь водится» («Извещение чудесе», 11—11 об., 14; печатный лист № 797).

До назойливости часто употреблявшимся видом членения и пояснения изложения в изданиях второй половины 1660-х—1670-х годов были развернутые сравнения и сопоставления. Ведь, как обосновывал Симеон Полоцкий, «подобием вещь яснее изьявляется», «еже да яснее уразумеется» («Жезл правления», 21 об., 27). В своих изданиях Симеон Полоцкий набрал огромную коллекцию необычных для того времени, причудливых сравнений и сопоставлений, которыми он впечатляюще пояснял предмет изложения. Вот, например, начало одного из таких сочинений: «Во градах великих, богатая и умная жители имущих, чинныя обыкоша и предоволныя устроятися апофеки, всякая врачевства на различныя роды болезней содержащая, слушателие православнии: да всяк, коим либо недугом одержимый, по совету и прописанию врача искуснаго полезное в них обрящет былие во исцеление недуга свое» («Обед душевный», 43). Оказывается, речь идет о пользе проповедей. Проповеди — это аптека. И до Симеона Полоцкого сравнивали иногда поучение пастырское с врачевством. Но сопоставление с таким непривычным и новым на Руси заведением, как общедоступная аптека, — это уже нововведение и изыск самого Симеона.

Желание издателей второй половины 1660-х—1670-х годов все расчленить и пояснить переходило далеко за прежние границы. Пояснения в книгах стали «вылезать» за пределы основного текста. Например, печатная «История о Варлааме и Иоасафе» была не только разделена на многочисленные главы, но и начинена обилием внетекстовых пояснений: тексту каждой главы, обычно у верхнего поля, предшествовало краткое изложение ее содержания, а на боковых полях мелким шрифтом методично пояснялась тема каждой части главы. Хотя здесь Полоцкий использовал кутеинское издание «Истории о Варлааме» 1639 г., но опять-таки не бездумно, не механически, а с многообразными исправлениями и с добавлением новых материалов³. В результате, был предложен текст древней повести с новой, небывало подробной и всепроникающей системой пояснений, как бы конкурирующей с основным изложением: ибо можно было пробегать глазами пояснения, не вчитываясь в саму повесть.

³ См.: Итигина Л. А. Редакторская работа Симеона Полоцкого над изданием «Повести о Варлааме и Иоасафе» // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980. С. 259—265.

Но сверх того издателям понадобились еще дополнительные пространные пояснения, которые совсем оторвались от основного текста и составили самостоятельные разделы, постоянно присутствовавшие в печатных книгах второй половины 1660-х—1670-х годов. Имеем в виду циклы предисловий и послесловий. Правда, в «Извещении чудесе» совершенно нет дополнений к основному тексту (книжка небольшая), но зато в 7 четых книгах Симеона Полоцкого 1660-х—1670-х годов вместе содержится 33 предисловия и послесловия. В одной только «Псалтыри рифмотворной» фактически 8 предисловий и еще 2 послесловия к разным разделам; в «Истории о Варлааме» и в «Обеде душевном» — по 7 предисловий и одному послесловию; в «Жезле правления» — 6 предисловий и еще одно предисловие ко второй части книги и т. д.

Вкус к циклизации предисловий русские издатели постепенно приобрели от книг «литовской», то есть в основном украинской печати, но не копируя их, а действуя творчески. Первые, единичные проявления новой манеры в русских книгах различимы во втором издании «Азбуки» В. Бурцева 1637 г. (вставка стихотворного предисловия), в «Кирилловой книге» 1644 г. (несколько оригинальных предисловий, включая стихотворное), в «Рае мысленном» 1658 г. (герб со стихами и предисловие). Однако только с издания «Библии» в 1663 г. циклизация разнообразных предисловий прочно вступила в свои права.

В циклы предисловий были втянуты ранее нейтральные, особые элементы книг — титульные листы и оглавления. Издатели стали обогащать титульные листы различными пояснениями и объяснениями. Например, титульный лист «Псалтыри рифмотворной» уже и по литературной форме выглядел наподобие вступительного послания или грамоты, начинаясь характерной для тех формулой «Во славу господя Бога, в Троице лиц, в единстве естества славимаго» и заканчиваясь авторской подписью, напечатанной с соответствующим отступом: «Стихотворил иеромонах Симеон Полоцкий». Такого рода титульные листы, а также оглавления в виде подробнейших поглавных рефератов книги (например, в «Истории о Варлааме» и в «Обеде душевном») являлись уже не чем иным, как предисловиями.

Предисловия по многу раз, но в разных вариантах поясняли содержание и значение книги. Форма предисловий обязательно чередовалась. За обычным прозаическим предисловием могли следовать стихи, за стихами — описание церемонии или службы на темы книги, затем снова прозаическое послание или посвящение, за ним — стихотворный диалог, потом снова проза — и все об одном и том же и для одного и того же: «удобнейшаго ради познания» ортодоксального содержания книги.

Однако циклизация предисловий объяснима не только стремлением издателей к пояснениям и разъяснениям. Способ пояснения содержания книг целой цепью предисловий в какой-то мере противоречил принципу максимальной ясности,

ибо большой цикл предисловий, поставленный на первое место, «заслонял» собственное содержание книги, отодвинутое на второе место. Ясность книг все-таки не была для издателей единственной литературной целью. Издатели обряжали старые идеи в новые одежды и для большей привлекательности, «сладости» книг для читателей: «...сокровенное открыти и неявленное явити... и потоком сладости... жаждающих сердца... народа усладити» («Библия», 2); «яко всяк хотяй душевнаго усладения... довольны себе обрящет» («Вертоград многоцветный», 206).

Небывалое разнообразие литературных форм, в том числе использование метафор и стихов, по замыслу издателей, должно было усиливать приманчивость книг для читателей, «ибо услаждает рифм слух и сердце, чести понуждает», помогает «приятно... здраво и весело читати» («Псалтырь рифмотворная», 6—7); «присвойственную себе сладостию сердцам читателей приятнейшим суще, аки нуждею влекут я ко читанию частейшему» («Вертоград многоцветный», 208). Были рассчитаны на привлечение читательского внимания непривычные лаконично-метафорические названия книг; многозначительные афористические высказывания, напечатанные на первых листах книг или на гравюрах; загадочные симметричные буквенные таблицы. Важнейший, а иногда и единственный смысл этих новых словесно-образительных и эмблематических элементов заключался в приглашении, приохочивании читателей к чтению предлагаемой книги. Например, большая буквенная таблица в «Псалтыри рифмотворной» Симеона Полоцкого заключала в себе легко расшифровываемый призыв, который повторялся множество раз в причудливом расположении: «Псалмы пойте Богу нашему» (8). Или, например, метафорическое название книги «Обед душевный» тоже имело в виду разжигание читательского аппетита: «Обед сей любезно ядите», «яже вся, аще вы прежуετε разсуждения зубами, сладкий мед устам вашим будет» (8 об., 688 об.).

Старые идеи, но в привлекательной форме, повторялись и иллюстрированными печатными листами — «Семь смертных грехов», «Лествица подвижничества», «О сложении перстов», «Коло в мире превращает» и т. д.: «Зряй, человеце, сию главу, сердцем умилися» (№ 799). «Умиленно зрение» служило здесь главной приманкой для читателя (№ 773).

Мы не исчерпали всей новизны литературных форм в изданиях второй половины 1660-х — начала 1680-х годов, но проследили за теми, которые с большей или меньшей определенностью свидетельствуют о стремлении издателей к ясности и привлекательности изложения для множества читателей.

Почему так старались московские издатели? Ведь еще начиная с XI—XII вв. в древнерусской литературе бытовала традиция составления особо простых и доступных сочинений для необразованных, малограмотных слушателей. Однако издатели второй половины 1660-х — начала 1680-х годов к по-

добной традиции почти не обращались, разве только в букварях. Издатели думали преимущественно об иных, небукварных читателях. Комплекс литературных форм, использованных издателями, исключительно разнообразен и нетрадиционен. И ясность их изложения тоже иная — изощренная и нарядная.

В своих литературных целях московские издатели не следовали и за современными им украинскими изданиями. Возьмем для сравнения две типичные украинские книги Иоанникия Галятовского — «Ключ разумения» (Киев, 1659) и «Месиа правдивый» (Киев, 1669). «Ключ разумения» — это сборник проповедей, сопоставимый с «Обедом душевным» Симеона Полоцкого, а «Месиа правдивый» — книга полемики, сопоставимая с «Жезлом правления». В названных украинских книгах, как и в ряде прочих украинских изданий, задача ясности и привлекательности изложения не ставилась так остро, как в московских изданиях. У Иоанникия Галятовского предисловие к читателям обычно одно, и притом максимально краткое; послесловие предупреждает только об опечатках; вопроса о том, что читателям или слушателям что-то может быть непонятным, даже не возникает. Проповеди Иоанникия Галятовского менее тщательно и менее наглядно расчленены на части, чем у Симеона Полоцкого. Нумерация доводов, причин и т. п. применяется гораздо реже и не так четко, как у Симеона Полоцкого. Таким образом, московские издатели выбирали себе цели не по моде, а по необходимости.

Добавочным свидетельством тому служат сами же украинские издания. Как только печатавшаяся в Украине книга предназначалась для русских читателей (в этом случае она имела посвящение царю и печаталась на русском языке), в ней сразу же чувствовалось повышенное внимание составителей к ясности и понятности повествования. Таковы, например, сборник проповедей Лазаря Барановича «Меч духовный» (Киев, 1666) и книга рассуждений Иннокентия Гизеля (нередко полемика по поводу церковных догматов) «Мир с Богом человеку» (Киев, 1669). Здесь помещены уже пространные предисловия к русским читателям, с подробными объяснениями метафорических названий книг; вслед за одним предисловием следует иное — «Увещения предословная к удобнейшему разумению всего учения сего». Подробнейше объясняются гравюры, фронтисписы. Скрупулезно нумеруется разнообразный материал — доводы, причины, качества и пр. Четко, до мелочей, как затем у Симеона Полоцкого, членятся проповеди. Условия именно российской действительности заставляли издателей заботиться о ясности и доступности их книг.

Ставку на ясность и привлекательность изложения московские издатели делали и не столько по приказу властей, сколько по собственной инициативе. Симеон Полоцкий неизменно заявлял о сочинении невиданных новопечатных книг по его личному желанию: «Написах, жителствуя в... граде Москве... вне-

гда ми... впаде во ум псалмы покаяння преложити стихотворне», «аз труды сия... начах писати, рифмы слагати» («Псалтырь рифмотворная», 4, 127); «труды трудом ово по повелению началствующих, ово по моему свойственному благохотению... прилагая» («Вертоград многоцветный», 209).

Главной побудительной причиной стремления издателей к ясности и привлекательности изложения было их читательское окружение, каким они его ощущали. Мнение издателей раскрывает множество их обращений к читателям и высказываний о читателях. Издатели, конечно же, считали российских читателей менее подготовленными и знающими, чем читателей, например, украинских. Однако упреки в отсталости допукались с большой осторожностью. Основной акцент делался на ином. Перед взором издателей второй половины 1660-х—1670-х годов русская читательская масса представляла досадно половинчатой в своих настроениях. Читатель, по мнению издателей, хотя и желал ясного изложения различных тем, но так неотчетливо, что самим издателям приходилось постоянно понуждать читателя к ясности понимания: «Ты же, о читателю, изволь чести умно... внимая разумно»; «но буди правый писаний читатель, не слов ловитель, но ума искатель... токмо прилежно разсуждати тебе»; «изволи ума словес поискати» («Жезл правления», нумерованн. 4; «Псалтырь рифмотворная», 7 об.; «Рифмологион», 219).

Та же половинчатость и какая-то нерешительность отмечались издателями в читательском отношении к новым литературным формам. С одной стороны, читатели вроде бы начали отвергать старые формы и приветствовать формы новые. Во всяком случае, Симеон Полоцкий от имени всех читателей пожаловался на неясность привычной формы даже самой «Псалтыри»: в ней «разум сокровенный спону содевает, чтый бо ли поющ псалмы со трудом — то знает» («Псалтырь рифмотворная», 2 об.). В «Вертограде многоцветном» Симеон Полоцкий тоже от имени читателей осуждал старые формы и приветствовал новые: у старой формы мысль «не скоро ищущым обретаема бывает», а благодаря новой форме «по благочинию вся устроишася» (206, 207). Издатели, по-видимому, не сомневались в том, что новые формы нравятся читателям. Недаром Симеон Полоцкий в «Псалтыри рифмотворной» пояснял: «Не еже теми мысленными богатствы единому ми красоватися и богатети» (4). И затем прямо свидетельствовал о популярности на Руси аналогичного стихотворного переложения «Псалтыри», хотя и на польском языке: «...яко мнози во всех странах малыя, белыя, черныя и червонныя России, паче же во велицей России, в самом царствующем и богоспасаемом граде Москве возлюблше сладкое и согласное пение полския Псалтыри, стиховно преложенныя, обыкоша тоя псалмы пети... о сладости пения увеселяющесе...» (5—5 об.). В другом произведении Симеон Полоцкий констатировал: «Рифмотворное писание распространяется в нашем славенстем книжном языке, — еже во инех волею честь имать и ублажение» («Вертоград многоцветный», 208).

С другой же стороны, издатели как раз предвидели, что новые формы и приемы будут непривычны для читателей. Так, Полоцкий признавал: «Мало словенских стих доселе бяше... отчаеваю, — рачителей бо тоя мало знаю», «в тме незнания любим пребывати» («Рифмологион», 158, 159); «зде зрится ново дело», «труды сия... в России новыя» («Псалтырь рифмотворная», 7—7 об.). И поэтому неизменно насыщал предисловия «к благочестивому читателю» повторяющимися пояснениями о стихотворной форме, о числе слогов, о рифмах, о смысле метафорических заглавий и пр. В печатных листах также попадаются симптоматичные пояснения. «Зде являем делателно седьмь смертныя грехи», — предупреждал Симон Ушаков о сейчас нам совершенно понятном, а тогда диковинном факте «живописного» изображения, а не словесного изложения сюжета на листе (№ 778).

Издатели и авторы старались смягчить читательское недоверие разными, тоже многократно повторявшимися оправданиями. Например, в предисловиях к «Псалтыри рифмотворной» варьировались заверения в том, что «художество стихотворения» — не новейшая выдумка, а искусство, употребляемое с древнейших времен; что стихотворные труды вовсе не странны, но народам «иным — обычны»; что они угодны церкви и одобряемы царем; что надо и «нашим славенским в рифмах миру дати»; что сложение «славенских» стихов — большой труд, достойный уважения почти наравне с трудами библейскими. «Под трудами Давида мой аз полагаю» — так оценивал свое дело Полоцкий. Так что «ни же да удивишия тому, читателю благочестивый», если стихотворное изложение отличается от привычного, «здравым умом да судиши труд»: здесь «разум един есть, речение ново» (2 об.—7 об.) и т. д. и т. п. Сходные доводы приводились в «Жезле правления», «Обеде душевном» и «Вечере душевной» в отношении новых прозаических форм. Читательская масса, по мнению издателей второй половины 1660-х — начала 1680-х годов, по-видимому, весьма неопределенно тяготела к конкретным формам новым, хотя уже и отталкивалась от старых литературных форм. Для того, чтобы перетянуть колеблющихся читателей на свою сторону, так старались издатели вводить новые, более ясные или более привлекающие внимание формы изложения.

Рукописные произведения

Сравним теперь печатные произведения с «Житием» Аввакума, с последней авторской редакцией «В» 1675 г. Известно, что «Житие» составлено из отдельных эпизодов, по новому для житийной традиции принципу: «тово всево говорить много, разве малое помянуть» (26). Каждый эпизод необычно краток, примерно одна-две странички рукописи «в осьмушку», но с отточенными внутренними связями. Вот схема первого же эпизода в «Житии»: «А в нашей Росии бысть затмение солнцу в 162 году... В то время Никон-отступник веру казил...

Паки потом минув годов с четырнатцеть, вдругоряд затмение солнцу было... Протопопа Аввакума, беднова горемыку, в то время... остригли...» (14). Хотя сжато и четко излагались разнообразные сюжеты и в стихотворениях «Вертограда» и «Рифмологиона», в проповедях «Обеда» и «Вечери» Симеона Полоцкого, однако там, где благопристойный Симеон обязательно что-то сказал бы или пояснил, Аввакум смело перескакивал через целые пласты повествования.

Аввакум в «Житии» любил, например, сжимать или обрывать цитаты и пересказы речей. Так, по изложению Аввакума, царь, прочивший Никона в патриархи, «пишет к нему послание навстречу: “Пресвященному Никону, митрополиту новгородскому и великолуцкому и всеа Русии, радоватися”, и прочая» (22); библейский Иов «в язве лежа... и сниде Бог к нему, и прочая» (30); «я идучи говорю: “Не надейся... на сыны человеческия, в них же несть спасения”, и прочая» (47). Или: «Он же вздохнул и иное говорил кое-што» (43); «и с ним кое-што говоря про меня, да и поехал домой» (47); «много кое-чево говоря, с криком розошлись... Я после ево написал послание... к царю послал: кое о чем многонок поговоря... И много тех присылок было. Говорено кое о чем не мало» (54—55). Сами эпизоды Аввакум обрывал еще чаще: «Полно тово говорить плачевнова дела» (27); «што тово много и говорить» (28); «полно тово» (36); «полно о сем» (41); «да што много разсуждать» (54) и т. д. Такое свертывание изложения вряд ли можно объяснить нехваткой бумаги или писательским неумением Аввакума, который великолепно владел пространной украшенной речью (см., например, его послания к отдельным лицам). Нельзя думать и о каком-то украинском влиянии. Перед нами индивидуально разработанный писателем способ повествования. Аввакум намеренно обрубал все ответвления в рассказе, оставляя голый, укороченный, ясно различимый ствол. Да при этом еще сомневался: «Иное было, кажется, и не надобно говорить» (59).

В общем, и издатели книг, и Аввакум стремились к вящей четкости, прямоте, ясности своего изложения, хотя Аввакум специально и не распространялся о таких литературных целях «Жития».

Максимально простые и ясные эпизоды «Жития», несомненно, предназначались именно для «правоверных» читателей. Но Аввакум достиг гораздо большей лапидарности, чем, например, Симеон Полоцкий. Значит ли это, что, по мнению Аввакума, множество старообрядческих читателей сильнее всех прочих нуждались в ясности сочинений? В «Житии» нет прямых характеристик читателям. Поэтому о желаниях «правоверных» можно догадываться лишь по косвенным свидетельствам. Так, в конце одного из эпизодов Аввакум поучает всякого «правоверного»: «Писанное внимай: “Се полагаю в Сионе камень и камень соблазну; вси бо не сходящиися с нами о нем претыкаются или соблажняются”» (28). Далее он толкует цитату из апостольского послания, потому что

уверен, что читатель ее не поймет: «разумеешь ли сие?.. Внимай-ко гораздо и слушай, что пророк говорит со апостолом». Но, судя по толкованию, Аввакум знал, что читателю будут непонятны старая форма, старый язык евангельского высказывания; поэтому цитату Аввакум пояснил в своем знаменитом просторечном стиле: «Просто молить, дьяволу волю творят, а о Христове повелении не радят. Но аще кто преткнется — о камень сей сокрушится, а на нем же камень падет — сотрыет его... что жернов, дурака в муку перемелет» (28).

К подобному пересказу старых текстов на новый, почти на другой язык Аввакум в «Житии» прибегал неоднократно: «А инде писано: “Славящая мя — прославлю”... Вот смотри, безумне, не сам себя величай, но от Бога ожидай» (76). «В Деяниях зачало 36 и 42 зачало: “...Мнози же от веровавших прихождаху, исповедующе и сказующе дела своя”... Сказывай, небось, лише совесть крепку держи» (80). Целая «Книга толкований» написана Аввакумом в таком духе.

Все это позволяет предположить, что читателям, по ощущению Аввакума, уже стал неясен старый библейский язык. Если Симеон Полоцкий жаловался на неясность Псалтыри для читателей и переделал ее в стихи, то Аввакум, как видим, поступил еще радикальнее.

Однако Аввакум не надеялся и на полное понимание «правоверными» читателями новых, введенных им форм повествования. В начале «Жития» он даже как бы извинялся за необычную сокращенность своих пересказов: «Посем создася Адам, и прочая. Аще хощеши пространно разумети, чти Маргарит. Аз кратко помянул, смотрение показуя» (17). По всему «Житию» рассеяны отсылки на более подробные сочинения — для тех «правоверных», кого озадачит аввакумовская сжатость: «Чти книгу Дионисиеву, там пространно уразумеешь» (15); «что Житие Феодора Едесского, там обрящеши» (35); «в послании... тамо чтый, да разумеет» (56).

Время от времени Аввакум чувствовал необходимость пояснить быстро законченный эпизод. Так, нарисовав картину возвышения Никона, Аввакум по своему обыкновению резко оборвал рассказ: «Егда же приехал, с нами, яко лис: челом за здорово! Ведает, что быть ему в патриархах и чтоб откуля помешка какова не учинилась. Много о тех кознях говорить». Но затем все-таки стал объяснять: «Царь его на патриаршество зовет, а он бытго не хочет, мрачил царя и людей, а со Анною по ночам укладывают, как чему быть, и много пружався со дьяволом, взошел на патриаршество Божиим попущением, укрепя царя свои кознованием и клятвою лукавою» (22—23). Видимо, не всегда простота и краткость эпизода удачно сочетались с его понятностью для «правоверных» читателей.

Аввакум все же рассчитывал на большую близость своих читателей, чем, например, Симеон Полоцкий. У Аввакума нет оговорок об ожидаемой настороженности или враждебности «правоверных» читателей к тому, как он пишет; нет

длинных разъяснений, нет оправданий формы. Он даже уверен, что «верные» будут понятливей всех остальных людей: «Верный да разумеет, что делается в земли нашей... Говорить о том престанем, в день века будет познано всеми» (14).

В общем, Аввакум, как и книгоиздатели, тоже предполагал половинчатую настроенность читательского множества по отношению к литературе: отталкивание от старых литературных форм, но еще неопределенность в предпочтении форм новых. Правда, по «Житию», масса старообрядческих читателей кажется все-таки более решительной в отвержении старого и приятии нового, чем масса «благонамеренных читателей»; и поэтому Аввакум был более смел в своих литературных новациях.

Прямое подтверждение нашей гипотезы о существовании хотя и у очень разных авторов, но сходного мнения о половинчатых вкусах читательской массы находим в рукописном сборнике проповедей соликамского священника Потапа Прокофьева Игольнишникова 1684 г. под названием «Статир».

В предисловии к сборнику автор описывает вкусы простых соликамцев. Им неясны, даже темны и новые, и старые формы изложения: «Человецы обычай имуть всегда новая слышати. Обед же и Вечерю люботруднаго и премудраго мужа отца Симеона Полоцкаго слог и тая простейшим людем за высоту словес тяжка бысть слышати и грубым разумом не внимателна, а божественнаго Златоуста беседы его и нравоучения... зело неразумително не точию слышашим, но и чтущим. Велми бо препросты страны сея жители, в ней же ми обитати, не точию от мирян, но и от священник, иностранным языком тая Златоустаго писания нарицаху. И по таковой вине аз, грубы, начах простейшия беседы издавати» (5—5 об.).

Соликамские жители недоверчиво относились и к совсем новым литературным формам, еще более простым. Автор, пытавшийся сочинять проповеди совсем простые, сетует: «Зело бо невежества исполнени жители страны сея, яже впрод рекох. Велми бо мя укоряху, и порицаху, и сопротивляху ми ся, и посмеявахуся, и всякими хухнателмисми имяны укоряху... мнящи, яко бы яз ново ввожу... едва не вси ненавистию дыхаху» (7 об.). И добавляет в послесловии к читателю: «Иже ты твердя пищи не можеш, почто мягкаго вкушати не хочеш?» (203).

Показательно, что к попыткам упростить язык и стиль проповеди и толкования Священного писания «благонамеренный» читатель, как видим по «Статиру», относился гораздо жестче, чем читатель старообрядческий; поэтому «Статир» и был написан более традиционно, чем сочинения Аввакума и Симеона Полоцкого.

Проверим наше предположение на произведении, которое предназначалось не для «благонамеренных» и не для «правоверных» читателей, а в первую очередь для опустившихся, спивающихся, для, как мы сказали бы сейчас, деклассированных людей. Казалось бы, нельзя многого ждать от такого сочинения — от «Службы кабаку» (по списку 1666 г.). Однако небывало смелая

пародия на церковную службу уже предполагала раскованность восприятия тех, кто «не пекущиеся о житейских», «Христа помянул, а собак подразнил», «вместо же молитвы к Богу сатанинския песни совершаху» (43, 49). Притом форма и смысл «Службы кабаку» гораздо сложнее и прихотливее, чем только пародия на службу с прямолинейной издевкой над пьяницами и кабатчиками. Сюда примешано и сострадание к пьющим.

Но пародия, составленная с полной внешней серьезностью, хотя и с некоторой жалостливостью, оказалась бы недостаточно доступной ее потребителям. Поэтому автор (или авторы, редакторы) ввел целый ряд пояснений, чтобы текст был сразу понятен именно кабацким засегдатаям. Почти каждый кусок пародии на церковную службу сопровождался раешником: «Дом потешен, голодом изнавешен, робята пишать, ести хотят, а мы право божимся, что и сами не етчи ложимся», «с ярыжными спознался, и на полатях в саже поваялся, взявши кошел, и под окна пошел» (38) и пр. Каждый раздел обычно пересыпался и заключался пословицами: «Глядение лихое пуще прошенья бывает» (37, 46), «Каеты много, а воротить нелзе» (38, 46); «Когда сором, ты закройся перстом» (40); «Говорят: без дениг — вода пить» (45) и т. д. Одновременно вставлялись и привычные, составленные по старинке короткие поучения: «Правдивый человек, аще пьет и по корчмам водится, в позор будет. Старость его не честна, ни многолетна, и в силе воровство его лишит, седины же его срам ему приносят, старость бо жития его с позоры... злоба покрывает разум его и лесть пьянства превратит душу его. Рачение бо злое губит добрая, и желание бо похоти прелагает его в ров погибели. Скончавшуся ему от воровства никто по нем не потужит, исполнит лета своя в питии, и угодна бы бесу душа его» (42).

Думается, что кабацкие слушатели, по ожиданию автора «Службы кабаку», тоже пребывали в уже знакомом нам половинчатом состоянии отстраненности и от старого и от нового. Старые литературные формы уже были для них неэффективны, а новые — недостаточно усвоены⁴; оттого так и дерзка, и причудлива «Служба».

Проявления половинчатых настроений, кстати, можно найти и в изобразительном искусстве. Так, например, показателен рисунок художника Василия Кондакова, исполненный где-то между 1666 и 1690 гг. Художник четко, но несколько неуверенно нарисовал молодого модника в новом светском костюме XVII в. и без бороды. В данном случае важно, как В. Кондаков в качестве представителя своей современности отнесся к новой моде: «Пафос рисунка и надписи к нему не в насмешке и осуждении человека с позиций собственной безгрешности, а в на-

⁴ Раздражение, даже ненависть «ярыжек» к «Службе кабаку» возникли гораздо позже, чуть ли не сто лет спустя. Свидетельство об этом появилось лишь в списке середины XVIII в., в особом предисловии к «Службе кабаку». Его текст см.: Русская демократическая сатира XVII века. С. 156—157.

зидании и нравственной помощи», «по сравнению со старообрядческой культурой, в этом вопросе радикальной и резко осудительной, рисунок Василия Кондакова исполнен скорее тревоги за человека и мягкого назидания»⁵. Типичное состояние половинчатости: не цепляться за старое, но и не поддерживать новое.

О двойственности общественных настроений второй половины XVII в. писал В. О. Ключевский⁶. В русской литературе же эта половинчатость проявилась в разных, еще пока не исследованных формах. Так, М. Н. Сперанский отметил, что, например, две исторические сказочные повести второй половины XVII в. о византийском царе Михаиле II («Слово» об убийстве Михаила московским «извоздником» лошадей Василием и «Сказание» о смерти Левтасара, сына Михаила, последовавшей по пророчеству золотого попугая) породила «группа средних и низших классов грамотных людей», «которая, тесно связанная в своих литературных интересах с предшествующим временем (как, впрочем, и вся литература половины XVII в.), но не примыкающая открыто к новизне, в то же время реагирующая на оживление литературного движения половины века, создает в области повествовательного жанра нечто своеобразное...»⁷. Половинчатость — лазейка для новаций.

Вопрос о барочности

Что барочно в творчестве писателей 1660-х—1670-х годов?⁸ Отчетливой связи с барокко почти ни у чего нет. Несомненно барочны лишь некоторые литературные формы у Симеона Полоцкого⁹. Но с такой же уверенностью уже нельзя утверждать барочность форм в произведениях Аввакума и демократической сатиры. Кроме того, использование барочных форм даже у Симеона Полоцкого не имеет барочного характера. Правда, если исходить из общих рассуждений, то стремление Полоцкого сделать изложение привлекательным для читателей еще можно считать слабой аналогией желанием барочных писателей «потрясти взбудораженное воображение, изумить и подавить, все равно чем...»¹⁰.

⁵ Сергеев В. Н. Литературный источник рисунка XVII в. работы Василия Кондакова // ТОДРЛ. Т. 32. С. 336, 337.

⁶ Ключевский В. О. Сочинения. М., 1957. Т. 3, ч. 3. С. 316—317.

⁷ Сперанский М. Н. Эволюция русской повести в XVII веке // ТОДРЛ. Т. 1. С. 138.

⁸ Это часть того «общего типологического ряда» для сравнения литератур, о котором писала И. Г. Неупокоева: последовательно разыскивается «сходство внутри идейно-художественных структур сравниваемых литературных явлений или процессов, которое зависит от сходства определенного комплекса исторических условий и проявляется как в сходстве основных художественных задач и решений, так и в сходстве своих общественных функций» (Неупокоева И. Г. История всемирной литературы: Проблемы системного и сравнительного анализа. М., 1976. С. 155).

⁹ См.: Еремин И. П. Поэтический стиль Симеона Полоцкого // ТОДРЛ. Т. 6. С. 125—148.

¹⁰ Указание на эту барочную черту см., например: Морозов А. А. Проблемы барокко в рус-

Но главное стремление Полоцкого и других русских писателей второй половины 1660-х—1670-х годов — стремление к ясности изложения — выпадает из круга барочных явлений. Ведь, по мнению многих исследователей, для барокко типичны «отречение от понятного», преобладание «темного стиля», «отвращение к ясности выражения идей», «культ тайн и загадок», желание «парализовать интеллектуальный контроль со стороны читателя», «зыбкость образа, его преднамеренная неопределенность» и т. п.¹¹ Стремление к ясности изложения можно отнести к явлениям, предвосхищавшим классицизм. Но и подобная связь достаточно условна. Результаты авторских устремлений второй половины 1660-х—1670-х годов оказываются не определено классицистическими и не определено барочными.

Ни к чему не удастся подключить и писательское мнение о половинчатом отношении массы русских читателей к старым и новым формам литературного изложения. С большой натяжкой, на абстрактной основе, без конкретики, можно зачислить это мнение о половинчатом отношении в слабые начальные проявления барочной антиномичности, когда «человек мечется среди сомнений и противоречий, кажущихся ему неразрешимыми»; когда «отношение к миру... как бы эмансипировано от личного чувства. Это «видение со стороны» не означает ни нейтральности, ни безучастности, в нем выражено трагическое восприятие мира, перед ужасом которого человек как бы перестает ощущать самого себя»; когда «художественно отражается процесс «отчуждения» человека в обществе от своей общественной природы»; когда «прежняя вера уступает место скепсису» и преобладают «ощущения растерянности и смятения», «сомнения в разумности мира и человеческого существования», «со специфическими оттенками холодной отчужденности и истерического надрыва»¹².

ской литературе XVII — начала XVIII века. (Состояние вопроса и задачи изучения) // Русская литература. 1962. № 3. С. 11.

¹¹ См.: *Вельфлин Г.* Ренессанс и барокко / Перевод с нем. Е. Лундберга. СПб., 1913. С. 86; *Морозов А. А.* Проблемы европейского барокко // Вопросы литературы. 1968. № 12. С. 115—116; *Чижевский Д.* Барокко в русской литературе // *Československá rusistika*. 1968. № 1. С. 11; *Самарин Р. М.* Проблема реализма в западноевропейских литературах XVII века // XVII век в мировом литературном развитии. М., 1969. С. 64; *Кланицаи Т.* Что последовало за Возрождением в истории литературы и искусства Европы? // Там же. С. 93, 101; *Лихачев Д. С.* Развитие русской литературы X—XVII веков: Эпохи и стили. Л., 1973. С. 185; *Софронова Л. А.* Некоторые проблемы поэтики польского барокко // Сов. славяноведение. 1974. № 1. С. 73.

¹² *Морозов А. А.* Проблема барокко в русской литературе XVII — начала XVIII века. С. 10, 11; История немецкой литературы. М., 1962. Т. 1. С. 417. Текст А. А. Морозова; *Пинский Л.* Испанский плутовской роман и барокко // Вопросы литературы. 1962. № 7. С. 148; *Аникст А. А.* Ренессанс, маньеризм и барокко в литературе и театре Западной Европы // Ренессанс. Барокко. Классицизм: Проблема стилей в западно-европейском искусстве XV—XVII веков. М., 1966. С. 213; *Вунтер Ю. Б.* О «семнадцатом веке» как особой эпохе в истории западноевропейских литератур // XVII век в мировом литературном развитии. С. 57; *Кланицаи Т.* Что последовало

Однако мнение писателей и издателей о половинчатой настроенности русских читателей в дальнейшем не развилось в барочный скепсис, да и с самого начала не тяготело к барочному комплексу. Напомним, что несомненно барочные печатные украинские книги второй половины XVII в.¹³ совершенно не касались темы половинчатости читателя. Этот мотив возникал только тогда, когда книга предназначалась для российского читателя: «Читателя молим, дабы, аще что ново и странно в сей книзе мнетися ему будет, не абие ся того ради отвращал...»¹⁴.

Подтверждаются слова Ю. М. Лотмана и Д. С. Лихачева о барокко в России: «В русской культуре барокко как значимая эпоха отсутствует, скорее давая себя чувствовать как некоторая тенденция, чем в качестве структурного целого»¹⁵; «речь может идти только о некотором сходстве форм, отчасти заимствованных, при решительном различии в содержании»¹⁶. Барокко в русской литературе 1660-х—1670-х годов проявилось лишь поверхностно, формально, частично, во внешних элементах. Барочность творчества отдельных писателей в России второй половины XVII в. отвергать нельзя. Но творили они в небарочной среде. Заметная новация XVII в. — та, что издатели и писатели стали постоянно думать о читательском множестве. Но вряд ли это признак барокко. Наша же попытка установить более глубокие и конкретные соответствия с барокко приводит не к отрицанию существования барочности, а к озадачивающей неопределенности: в целом русскую литературу XVII в. нельзя от барокко резко отмежевать, но и к барокко нельзя вплотную присоединить.

Думаю, есть объективная, главная причина неопределенности: принципиальная несводимость друг к другу литератур, в которых были развиты литературные направления, и литератур без развитых направлений. Это два разных состояния литературы, два разных типа литератур. Литература с развитыми направлениями и литература без развитых направлений разнородны. В

за Возрождением в истории литературы и искусства Европы? // Там же. С. 92; *Сигал Н. А.* Тенденции барокко во французской драматургии 30—40-х годов XVII века // Там же. С. 243; *Свидерская М. И.* Становление нового художественного видения в итальянской живописи на рубеже XVI—XVII веков // Там же. С. 397.

¹³ О барочности книг И. Галятовского, Л. Барановича, А. Радивиловского см., например: *Иваньо І. В.* Про українське літературне барокко // Радянське літературознавство. 1970. № 10. С. 52.

¹⁴ *Иннокентий Гизель.* Мир с Богом человеку. Киев, 1669. Л. нумерованн. 14 об.

¹⁵ *Лотман Ю.* Замечания к проблеме барокко в русской литературе // *Československá rusistika.* 1968. № 1. S. 21.

¹⁶ *Лихачев Д. С.* Человек в литературе Древней Руси. М., 1970. С. 147. Ср. также замечание о «непроявленности» русского барокко, см.: *Чернов И. А.* Литературная культура русского барокко: (Пути и методы изучения). Автореф. дис. ... Тарту, 1975. С. 8; *Он же.* Из лекций по теоретическому литературоведению. I: Барокко. Литература. Литературоведение. (Специальный курс). Тарту, 1976. С. 8.

подтверждение нашей мысли сошлемся на книгу И. Г. Неупокоевой. И. Г. Неупокоева указывает на «неравномерность исторического развития и связанную с этим несопоставимость исторической и эстетической сущности и функций многих процессов», на «многотипность регионального и зонального развития в пределах одного синхронного среза», на «различную степень развитости», «степень зрелости и широты» литературных явлений. Один из важнейших выводов И. Г. Неупокоевой: «Наряду с литературами «классического» типа развития, проходящими последовательно все основные его этапы, история всемирной литературы включает в себя и процессы, условно говоря, «не классические», для которых характерен либо «пропуск» отдельных стадий, либо их «симбиоз», резкое убыстрение или, напротив, замедление процесса по сравнению с тем, который считается «классическим». Нередко можно наблюдать и иную функциональную значимость этапов, по видимости сходных с этапами «классического» типа развития»¹⁷. Русская литература XVII в. с ее новациями непосредственно входит в группу литератур, отличающихся неразвитостью направлений; с такими литературами (в том числе не только славянскими) прежде всего и следует сравнивать русскую литературу XVII в.¹⁸

1981, 2000 гг.

¹⁷ Неупокоева И. Г. История всемирной литературы: Проблемы системного и сравнительного анализа. С. 269. О многотипности развития литературы см. с. 101, 105, 148, 203, 232, 319 и др. См. также: Гачев Г. Д. Ускоренное развитие литературы: (На материале болгарской литературы первой половины XIX в.). М., 1964.

¹⁸ Примечательно, что И. А. Чернов, обозревший гигантскую научную литературу о барокко, обозначает 1730-е—1750-е годы как «эпоху развитого барокко в России», подразумевая, следовательно, XVII век как время неразвитого барокко в России. См.: Чернов И. А. Из лекций по теоретическому литературоведению. С. 140.

2. АФОРИСТИКА СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО

«Жезл правления»

Книжный авторский афоризм XVII в. принципиально нов, он обычно дает скрытую характеристику некоему множеству читателей, тем более у Симеона Полоцкого, новаторское литературное творчество которого общепризнано.

Начнем с «Жезла правления»¹. В целом «Жезл правления», разумеется, не принадлежит к сочинениям художественным. Но у него есть интересная литературная особенность: необычайное обилие афоризмов. В «Жезле» ровно сто главок, и каждая из них начинается с афоризмов и далее приводит немало афористических выражений².

Нет общепринятого и пригодного для всех случаев определения, что такое афоризм³. При определении афоризма мы опираемся в первую очередь на материал «Жезла правления». Афоризм в «Жезле» — это законченное высказывание Полоцкого (или иного автора, на которого он ссылается) в виде отдельного предложения или в виде относительно самостоятельной части сложного предложения⁴. Таково, например, высказывание-предложение в третьей главке «Жезла»: «Зряй в солнце помрачается» (23)⁵. Мы используем это высказывание в роли основного примера для пояснений.

Как известно, афоризм может быть близок к загадке и пословице; может быть близок к высказыванию, содержащему сравнительный оборот. Однако в

¹ Об истории создания и печатания «Жезла» см.: Демин А. С. «Жезл правления» и афористика Симеона Полоцкого // Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность. М., 1982. С. 60—66.

² Впервые это отметил Л. Н. Майков, но как недостаток изложения: «В сухом внешнем однообразии Симеоновых возобличений было много отталкивающего; каждый параграф его полемических ответов... обыкновенно... начинается с какой-нибудь общей, нередко бессодержательной сентенции, смысл которой применяется к данному случаю...» (Майков Л. Н. Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII столетий. СПб., 1880. С. 32).

³ Ср.: «Точного же терминологического значения у слова «афоризм» нет» (Пермяков Г. Л. От поговорки до сказки: (Заметки по общей теории клише). М., 1970. С. 12). См. также: Крикманн А. А. Опыт объяснения некоторых семантических механизмов пословицы // Паремнологические исследования: Сб. статей. М., 1984. С. 149—151.

⁴ Ср. «В паремнологической литературе этим словом обычно обозначают авторские изречения...» (Пермяков Г. Л. От поговорки до сказки. С. 12).

⁵ Цитируемые произведения Симеона Полоцкого: «Вертоград многоцветный» — ГИМ, собрание Синодальное, № 288; Вечера душевная. М., 1683; «Два поучения» // Поучение... М., 1674; Жезл правления. М., 1667; «Книга о исхождении свягата Духа» — ГИМ, собрание Синодальное, № 289; «Книга приветствы» — ГИМ, собрание Синодальное, № 229; «Комидия притчи о блуднем сыне» и «О Навходоносоре царе» // РРД. Т. 2. / Тексты памятников подгот. А. С. Демин; Обед душевный. М., 1681. Листы рукописей и старопечатных изданий указываются в скобках.

отличие от них афоризм прям по смыслу. Он прямо называет главный объект в отличие от загадки и пословицы и прямо называет качество этого объекта в отличие от высказывания со сравнительным оборотом⁶. Например, в приведенном выше предложении нет загадки и нет сравнения; объект и его качество названы непосредственно.

От всякого рода иных неафористических высказываний в «Жезле правления» афоризмы отличаются отточенностью формы и подчеркнутостью содержания. Во-первых, афоризмы кратки, насчитывают не более 7—10 полнозначных слов. Степень их краткости бывает разная. В приведенном нами афоризме всего лишь три полнозначных слова. Во-вторых, афоризмы парадоксальны, содержат открытое или скрытое противопоставление, указывают на неожиданную связь⁷. Степень парадоксальности афоризмов тоже бывает разная. В афоризме, взятом нами за пример, парадоксальность противопоставления не очень сильна, но все-таки ощутима: чем светлее предмет, тем, оказывается, хуже, а не лучше его разглядывать. В-третьих, афоризмы обозначают некие истины, верные всегда и для всех⁸. Поэтому глаголы в афоризмах стоят, как правило, в настоящем времени. В приводимом афоризме высказана «вечная» истина об опасности для зрения человека смотреть на солнце: «Зряй в солнце помрачается».

Сверх обязательных признаков афоризмы в «Жезле правления» обладают еще дополнительными чертами: форма и содержание афоризмов не всегда, но часто бывают добавочно обострены. Так, краткость афоризма нередко усугубляется неполнотой предложения; некоторые слова лишь подразумеваются. Например, в цитированном афоризме подразумевается еще столько же слов, сколько присутствует. В полном виде данное предложение выглядело бы приблизительно так: «Человек, зряй в ослепительное солнце, помрачается очима». Парадоксальность смысла афоризмов также усиливается от неожиданно возникающих в них смысловых, звуковых, ритмических переключений слов. В данном

⁶ Ср.: афоризмы «как раз чаще всего имеют прямой смысл» (*Пермяков Г. Л.* От поговорки до сказки. С. 12). Ср. также: «...афоризмы (в узком смысле), т. е. паремии, обладающие прямой мотивировкой значения», составляют противоположность образной мотивировке значения в пословицах (*Черкасский М. А.* Опыт построения функциональной модели одной частной семиотической системы: (пословицы и афоризмы) // *Паремнологический сборник: Пословица. Загадка.* (Структура, смысл, текст). М., 1978. С. 36).

⁷ Сюда можно отнести следующее замечание: «...свойство афористичности подразумевает способность высказывания восприниматься как имплицитно содержащее более широкую информацию, чем та, которая эксплицитно выражена непосредственно в его тексте» (*Черкасский М. А.* Указ. соч. С. 37).

⁸ Ср.: «свойство сентенциозности» у афоризмов (*Черкасский М. А.* Указ. соч. С. 38); «...морали-афоризмы, излагающие некоторое положение вещей (как правило, в обобщенном виде)» (*Падучева Е. В.* О семантических связях между басней и ее моралью (на материале басен Эзопа) // *Паремнологические исследования.* С. 227).

афоризме намечена хотя и не слишком выразительная, но явственно контрастная связь слов («солнце» — «мрак»), отчего эффектнее выглядит конец высказывания. Значительность смысла афоризмов возрастает и от того, что афоризмы обычно стоят в ответственных или заметных местах произведения. Например, цитируемый афоризм стоит в самом начале главки, с него начинаются рассуждения. В общем, высказывание «Зря в солнце помрачается» с той или иной степенью яркости демонстрирует все важные качества афоризма.

В настоящее время существуют два основных метода в изучении древнерусских афоризмов и пословиц. Один метод, выработанный очень давно, пришел в литературоведение из фольклористики: пословицы и афоризмы изучают как самостоятельные минимальные «произведения» (см., например, серию статей В. П. Адриановой-Перетц о взаимосвязях пословиц и книжных афоризмов в Древней Руси и об их «человековедческой» тематике⁹ и статью Л. Н. Пушкарева о социальном содержании древнерусских пословиц¹⁰).

Другой метод, более поздний, сформировался в самом литературоведении: афоризмы и пословицы изучаются в контексте произведений (см., например, работы Д. С. Лихачева и Б. А. Рыбакова о социально-психологическом облике Даниила Заточника и о возможном круге его афористических сочинений¹¹). Мы также стремимся анализировать афоризмы и пословицы в контексте сочинений Полоцкого.

Афоризмы в «Жезле правления» имели тройной смысл. Первое и главное — они служили, так сказать, подстегивающим элементом в системе антираскольнических рассуждений «Жезла». Афоризм сразу же, обычно с самого начала рассуждения, ставил читателя перед крайним, категорическим, абсолютизированным выводом о пороках раскольников. Например, в уже упомянутой третьей

⁹ *Адрианова-Перетц В. П.*: 1) Пословицы // Русское народное поэтическое творчество. М.; Л., 1953. Т. 1: Очерки по истории народного поэтического творчества X — начала XVIII века. С. 443—446; 2) Из истории русской афористической речи // Проблемы современной филологии: Сб. статей к семидесятилетию академика В. В. Виноградова. М., 1965. С. 301—303; 3) Афоризмы Изборника Святослава 1076 г. и русские пословицы // ТОДРЛ. Т. 25. С. 13—19; 4) Библейские афоризмы и русские пословицы // ТОДРЛ. Т. 26. С. 8—12; 5) Человек в учительной литературе Древней Руси // ТОДРЛ. Т. 27. С. 4—68.

¹⁰ *Пушкарев Л. Н.* Пословицы в записях XVII в. как источник по изучению общественных отношений // Исторические записки. М., 1973. Т. 92. С. 312—335.

¹¹ *Лихачев Д. С.* Великое наследие: Классические произведения литературы Древней Руси. М., 1975. С. 205—221; *Он же.* Социальные основы стиля Моления Даниила Заточника // ТОДРЛ. Т. 10. С. 105—119; *Рыбаков Б. А.* Даниил Заточник и владимирское летописание конца XII в. // Археографический ежегодник за 1970 год. М., 1971. С. 66—89. О силе модального воздействия «Александрии» благодаря афоризмам см.: *Творогов О. В.* Стилистические особенности романа об Александре Македонском // Александрия: Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века. М.; Л., 1965. С. 177—179.

главке «Жезла» Полоцкий не только обвинял раскольников в неверном истолковании конкретных мест «Скрижали», но и вступительным афоризмом «Зряй в солнце помрачается» утверждал нечто большее, а именно вообще непосильность для раскольников понимать правильные книги. Подобный абсолютизирующий смысл афоризма Полоцкий тут же разъяснял: «Выше силы стремление погубляет силу», «так и ум свой возводя в предлоги вышесилныя обезумляется» (23).

Широко, гиперболически обвиняющих афоризмов в рассуждениях «Жезла» было предостаточно. Раскольники, обобщал Полоцкий, действуют без разума: «Благо есть ревновати по Бозе, но с разумом» (20 об.). На раскольников нельзя полагаться ни в чем: «...слепый есть вождь сам погибаяй и иныя ведый в погибель» (22 об.). Раскольники все воспринимают искаженно: «...поврежденное имеяй чувство вкушения — и сладокопишия желчию именует» (151). Учение раскольников зыбко: «Основанию здания подвигнуся, вся храмина бедствует и ко еже пасти преклоняется» (71 об.). Внимать учению раскольников противоестественно: «...солнце не приемлет от луны света» (93). Заметить раскольника легко: «Птица и зверь от гласа познавается» (24). Учение раскола надо уничтожить: «...злое древо посекается и во огонь вметается» (49).

В контексте главок «Жезла» афоризмы наряду с полемическим смыслом нередко имели и второй смысл — философско-этический. Например, высказывание «Лукавый человек от лукаваго сокровища износит лукавая» (48 об.) означало не только то, что раскольники — это «лукавые», но и то, что вообще все плохое неотвратимо рождает плохое же. Полоцкий тут же старательно пояснял эту мысль: «И никто же, зол сущь, может добрая глаголати... И злое древо плоды злы творит: не может бо злое древо плод добр творити; убо от злаго плода злое древо познавается».

Наконец, афоризмы в «Жезле» имели и третий постоянный смысл, сами по себе, вне контекста и вне системы полемических рассуждений. Это смысл «естественнонаучный». В «Жезле» преобладали «естественнонаучные» афоризмы, указывавшие на связи разнообразных природных явлений и особенности, касавшиеся солнца, света.

Острота и свежесть всех трех смыслов у афоризмов в «Жезле» несомненны. Полоцкого никак нельзя обвинить в бездумном повторении чужих изречений или стершихся выражений. Он, применяясь к моменту, чаще всего по-своему излагал знаменитые изречения или придумывал афоризмы сам. Приведем лишь один пример. Очередную главку в «Жезле» Полоцкий начал с поговорки: «Безумных полна суть вся» (40 об.). Что могло быть более стертым по смыслу, не привлекающим внимания, чем примелькавшаяся поговорка? Но у Полоцкого эта сентенция выразительно и даже с некоторым юмором указывала и на «безумство» раскольников, и вообще на глупость слишком мудрствующих, и просто на обилие дураков вокруг.

Так получилось оттого, что Полоцкий предупредил о поговорке, сделав ссылку на ее общеупотребимость: «Безумных полна суть вся, — обычно глаголется». Но еще и оттого, что он превратил поговорку в новый афоризм, зрительно, буквенно срифмовав обе части фразы («вся» — «глаголется»).

«Жезл правления» в определенной степени «держится» на афоризмах, и притом оригинальным образом. Никакому отдельно взятому русскому, украинскому, белорусскому, польскому или латинскому произведению Полоцкий в «Жезле» не следовал точно. Что же касается каких-либо национальных жанрово-стилистических традиций в полемике, то по такому малоизученному вопросу мы в предварительном порядке можем сказать следующее. В данном случае нельзя отдать предпочтение влиянию специфических традиций украинской или польской полемической литературы. Украинские полемические памятники всегда конкретны и деловиты. Для них насыщение афоризмами как раз не было характерным. Афоризмы лишь эпизодически встречаются, например, в украинских полемических произведениях конца XVI — начала XVII в., включая сочинения Петра Скарги и Ивана Вишенского. Почти нет афоризмов и в напечатанных в Украине полемических и учительных книгах 1650-х—1660-х годов Лазаря Барановича, Иоанникия Галатовского, Иннокентия Гизеля.

Но одну из русско-украинских литературных традиций Полоцкий, действительно, мог использовать. Эта традиция зародилась на Руси в публицистике примерно XV—XVI вв. Русские авторы посланий и челобитных любили ссылаться на общие, вечные истины и от них вести свои рассуждения. Так, заметную роль играли сентенции-афоризмы в писаниях 1540-х годов Ивана Пересветова, поданных Ивану Грозному. Афоризмы использовались и в посланиях Ивана Грозного, например, в первом послании Андрею Курбскому.

Во второй половине XVI в. подобная традиция перешла границы Руси и стала типичной для ожесточенных посланий православных авторов ко врагам. Например, много афоризмов присутствовало в посланиях старца Артемия, бывшего игумена Троице-Сергиева монастыря, бежавшего в Литву. Ту же опору на афоризмы имело изданное отдельной брошюрой в 1598 г. полемическое послание анонимного клирика острожского к униату Ипатию Потею (в ответных же посланиях Курбского к Грозному или Ипатия к клирику почти нет афоризмов). Той же манеры не чуждались во взаимной переписке раскольники и «никониане»...

Полоцкий оказался более оригинальным писателем, чем его обычно оценивают сейчас. Если он в «Жезле» и использовал отмеченную выше литературную манеру (так сказать, не латинскую, а греческую), то значительно ее обогатив и усилив. Столь четко и разнообразно выраженного тройного смысла афоризмов, кроме как у Полоцкого, не находим ни в одном из только что перечисленных сочинений.

Полоцкий-афорист все время думал о читателях. Главная цель Полоцкого была полемической, и все в «Жезле» служило цели активного воздействия на читательскую массу, ее церковно-политическому просвещению. Полоцкий использовал разнообразные способы убеждения читателей — от «ругательных» эпитетов и возмущенных восклицаний по поводу раскольников до тщательного, построчного исторического и филологического комментирования раскольнических сочинений. Своими афоризмами, особенно афоризмами «естественно-научными», приводящими в пример неоспоримые явления природы, Полоцкий систематично стремился внушить читателям «Жезла» крайние, самые радикальные мнения о раскольниках.

Вторая цель Полоцкого была собственно просветительной. Для широкого круга читателей печатались на полях в «Жезле» упрощающие пояснения к некоторым архаическим или малопонятным словам и выражениям: «утвердिति» пояснялось как «укрепити», «щуд» пояснялось как «исполин», «досады» пояснялись как «ругания», «вселися чреву» — «вселися во чрево», «енфимема» — «нанесение», «метафорически» — «преносне» и т. д. (5 об., 9, 12, 30, 39, 55 об.).

Полоцкий не остановился только на элементарных просветительных задачах. Многочисленные и многообразные «естественнонаучные» и философические афоризмы в «Жезле» составляли своего рода разрозненный курс морали, богословия и природоведения для читателей. Полоцкий живо и энергично просвещал своих читателей. Только о вялом, нетворческом следовании традиционным целям у Полоцкого говорить нельзя. Ведь просветительные цели не составляли большого и важного пласта в традициях русских и украинских полемических сочинений XVI—XVII вв., в подтверждение чего ограничимся лишь одним примером из украинской полемической литературы — уже упомянутым «Отписом» анонимного клирика острожского. Афоризмов в «Отписе» немало, но их главный смысл не полемический, не философический, не естественнонаучный, а логический. Из афоризмов конструировались сами рассуждения. Вот первые же фразы «Отписа», представляющие собой серию афоризмов: «Малый хмары оболочок кгда под на-светлейшее солнце подступит, мало не весь свет потемняет. И мал квас все вмещение квасит, — светчит голос Божий. И наменшее прилучившися доброму злое всю доброту псует...» и т. д. Вся эта цепь афоризмов служила для плавного перехода от одной темы к другой и в конце концов к теме о дьяволе: «Обычай бо неприятеля оного сердца и мысли людские с пилностью выпатровати...» и пр.¹² Цель автора «Отписа» была вовсе не глубинно-просветительной, а поверхностно-орнаментальной. Афоризмы вместе составляли цель быстрых вступительных силлогизмов, посылок и следствий, бегло напоминаемых читателю.

¹² РИБ. Т. 19. Стб. 384—385.

Более детальное проникновение в повествование Полоцкого позволяет судить, каким он мыслил свое читательское окружение. Правда, в «Жезле» нет прямых высказываний Полоцкого о читательской массе. Наши выводы о мнении Полоцкого о читателях сделаны исключительно по косвенным, зато обильным данным. Мы исходим из той предпосылки, что, например, чем больше Полоцкий повторял или пояснял свои афоризмы, тем, следовательно, меньше он был уверен в читателях «Жезла».

Так, можно предполагать, что Полоцкий не был уверен в бескомпромиссной настроенности «благонамеренных» читателей «Жезла» против раскольников. Поэтому всеми средствами он предпринял сильнейший противораскольнический напор на читателей в «Жезле»: «Не буди сие в тебе, православный народе российский, еже верити клеветником» (60 об.); «о, православнии людие... да не к тому колеблетесь. Оставьте вожды слепыя» (82) и т. д. Полоцкий объявил, что в первую очередь «подпор есть Жезл немощным» (ненумерованн, 4). Так что скептическим было мнение Полоцкого о большинстве читателей.

Предполагаем, что Симеон Полоцкий признавал лишь житейскую опытность своих читателей, но почти ничего сверх того. Эталоном понятности для читателей «Жезла» служили афоризмы на житейски самые очевидные темы. Их Полоцкий использовал обычно без каких-либо пояснений: «Солнце хотевый соглядати стези не видит» (23); «в нощи ничесо же совершенно познаваем телесныма очима» (21); «слепый не токмо в нощи не видит, но и в светлом полудне» (32 об.). Полоцкий явственно ощущал, что всякое отвлечение от зримого быта в области более абстрактные сразу затрудняло читателям понимание содержания афоризмов и сентенций. Все афоризмы, кроме бытовых, Полоцкий всегда пояснял. Например, после высказывания с богословским содержанием — «Вещественное солнце естеством своим есть пресветло» (21 об.) — Полоцкий долго распространялся о необходимости различать свет видимый, физический, и свет невидимый, мысленный, божественный. Точно так же прямое философическое высказывание о двух типах перемен в мире — «Сугубо (двойко) есть изменение» — потребовало разъяснений, раз в пять длиннее главного предложения: «Сугубо есть изменение: или от совершенства в несовершенство, или противне — от несовершенства в совершенство. Сие (первое) есть похвално, оное (второе) же гаждения достойно» (149 об.). Добавочными изречениями пояснялись и афоризмы со скрытым общефилософским смыслом. Например, более общий смысл афоризма «Злато цену си имеет, аще и от блата возмется» раскрывался через нагнетание однотипных изречений: «Злато цену си имеет, аще и от блата возмется. Бисер, от прокаженных рук изшедый, не губит цены своя. Крест или образ Спаса нашего, аще бы и от жида был чинно соделан, не имамы не почитати или не творити поклона» (54 об.).

О скептическом отношении Полоцкого к уровню московской образованности исследователи, начиная с Л. Н. Майкова, писали немало. Но вот любопытный нюанс. С особой охотой и неустанной изобретательностью Полоцкий разъяснял и повторял в «Жезле» следующий философский парадокс: одно и то же — не для всех одно и то же. Подобная философическая идея для нас примитивна и неинтересна. Но Полоцкий явно считал, что она плохо знакома массе современников. Афоризмов на эту тему в «Жезле» больше всего: «Орел светлая очеса своя в солнце зрением исправляет. Нощная же птица сова и нетопырь в конец светлыми солнца лучами помрачаются» (26); «солнечное сияние здоровым зеницам есть свет, недугующим же — помрачение» (115 об.); «птица неискусная плаванию выну гаждает глубокия воды, но не суть того ради оны гаждательны» (147) и пр.

Полоцкий, очевидно, надеялся, что читатели в конце концов будут в состоянии воспринять непривычную диалектическую мысль о том, что одно и то же — не для всех одно и то же. В ней он прямо-таки старался натаскивать читателей, прибегая к подробнейшим предметным сопоставлениям и истолкованиям. Например, рассуждал о разной проницаемости стекла: «Скло дебелости плоти есть заключенно, ибо дебелая плоть проникнути его не может, не разтлив е. Тонкости же лучей солнечных и остроте зрения человеческого есть отверженно, ибо и лучи и зрение проходита скло кроме повреждения его целости» (34). Или, например, разворачивал целую серию поясняющих рассуждений: «Здравое сырище (желудок) всякую пищу добре варит и ползу деет плоти. Немощное паки и здравотворными ядами повреждается, не могуши их сварити. Тако и ум благоразсудный, всякое писание душеполезно читая, благоползуется. Ум же неискусный...» и т. д. (33—33 об.).

Оттенок надежды во взглядах Полоцкого на российское общество лишь слегка затронут исследователями¹³. В целом же, на примере «Жезла» ясно видно, что ощущение малой просвещенности российской читательской массы было выражено у Полоцкого гораздо сильнее и определеннее, чем надежда на ее успехи в просвещении. Вот характерный пример. Афоризмы «Жезла» во всей их совокупности подводили ко всеобщей идее о противоречивости мира. Но Полоцкий лишь однажды отметил: «Обаче в предивном согласи устроения

¹³ Ср.: «Постоянно отмечая разрыв между «аристократами духа» и толпой, силлабики надеялись этот разрыв сократить с помощью просвещения» (Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 189). В «Жезле» Полоцкий показал себя «в постоянной конфронтации с познавательными способностями читателя и с развивающимся уровнем его познаний» (Матхаузерова С. Две теории текста в русской литературе XVII в. // ТОДРЛ. Т. 31. С. 274). В «Жезле» обнаружилось авторское «стремление преодолеть традиционный догматизм мышления» читателей (Елеонская А. С. Русская публицистика второй половины XVII века. М., 1978. С. 151).

чюдное естеств обретаемо есть противство. Кто не созерцает светом зеницу своюю, яко огонь воде весма есть вопреки; и кто не известия искусством, яко тма свету прекоходне шествует...» (16). Этот важнейший тезис Полоцкий в «Жезле» больше нигде не пытался ни развивать, ни проповедовать, ни, тем более, просто повторять, отнеся его, как видно, к разряду то ли рискованных, то ли недоступных для читательской массы.

Думаем, что Полоцкий не находился в плену украинских и польских полемистов. В «Жезле» афоризмы разжевывались так, как это не делалось в украинских и польских книгах, предназначавшихся для массового читателя. Полоцкий ориентировался на впечатления от российской реальности. Недаром у него в разных произведениях меняется характер изложения в зависимости от типа воображаемых читателей. Например, по своему церковно-полемическому характеру, активной обращенности к читателям и обилию сентенций была близка к «Жезлу правления» «Книга о исхождении святаго Духа и о иных святых вещех», составленная Полоцким в 1677 г. Из одиннадцати обширных бесед в книге восемь сочинены Полоцким (остальные переведены) и наполнены огромным количеством богословских «свидетельств» против учения протестантов. Однако, в отличие от «Жезла», «Книга» предназначалась очень узкой группе избранных читателей. Полоцкий адресовал «Книгу» особому, привилегированному, «люботрудному» читателю, который «хотя и о исхождении Духа святаго препиратися со суперники», то есть с протестантами (9 об. и др.). Соответственно к уровню знаний такого предполагаемого читателя приравнивались и афоризмы. Те афоризмы, которые в «Жезле правления» обязательно пояснялись бы, в «Книге о исхождении святаго Духа» следовали без каких-либо пояснений. В качестве сразу понятных «люборачитателям» Полоцкий употреблял такие богословские афоризмы, как «Бог скорей есть еже воздати мзду благу добрым, нежели злыя казнити» (37 об); «Христос не равно всем пособствие деет» (64 об.); «и худая вещь изыщнейшая знаменовати может» (103—103 об.) и т. д.

В «Жезле правления» же Полоцкий адресовался к российской читательской массе, не ахти как образованной, к тем читателям, которые «не во Афинех родились, ни у мудрых философ учились». Но одновременно эта масса читателей внушала Полоцкому кое-какую надежду на лучшее будущее.

Другие сочинения Полоцкого

Вслед за «Жезлом правления» остановимся на изданиях проповедей Симеона, а также на «Вертограде многоцветном» и «Рифмологионе». Эти книги мы будем анализировать менее подробно, чем «Жезл правления»: картина почти что та же.

Хорошо известны два толстых тома проповедей Полоцкого — «Обед душевный» и «Вечеря душевная», — вышедшие после его смерти в 1681—1683 гг.

Меньше четко установленных сведений имеется о прижизненных изданиях проповедей Полоцкого, и к их атрибуции придется отвлечься. До нас дошли экземпляры небольшой книжки в 24 листа (4°), содержащей две проповеди: «Поучение о благоговейном стоянии во храме Божии и слушании божественных литургий» и «Поучение от иереев сущим под ними в пасстве их о еже пребывати им по всяком благочестии, и не пети бесовских песней, и не творити игр и всякаго безчинства, паче же не ходити к волхвом и чародеем, ни же призывать их в дома». У книги нет титульного листа, нет предисловия или послесловия. Ни автор, ни дата выхода не названы.

Библиографы с давних пор и вполне справедливо приписывают книгу Симеону Полоцкому на том основании, что обе проповеди в той же последовательности и под теми же заглавиями были переизданы в «Вечере душевной» (8—23 второго счета). Кроме того, исследователи знают, что на церковном соборе 1690 г. патриарх Иоаким, критикуя покойного Полоцкого, говорил: «Он же Симеон Полоцкий написа особое в образе о благоговейном в храме стоянии...»¹⁴. И затем Иоаким разбирал положения именно данной проповеди.

Однако датировка издания вызывает разногласия. Одни книговеды (В. С. Сопиков, Евгений) так и не обозначили даты. Другие (П. М. Строев, И. П. Сахаров, В. М. Ундольский и даже А. С. Зернова) без каких-либо разъяснений относят издание книги ко времени около 1668 г. Мы считаем правильной датировку, обоснованную в работах И. А. Татарского и В. Е. Попова. Они учли пометы Симеона Полоцкого о времени составления этих проповедей в одном из черновых списков «Вечери душевной»¹⁵. Против начала «Поучения о благоговейном стоянии» помечено: «1671 Aug. 3 dla I-mo M. P.», то есть писано «1671 августа 3 для митрополита Павла». В конце же «Поучения от иереев» помечено: «Pisano anno 1670 may 27 na roskazanie Preosw. Metrop. Paula», то есть «писано 1670 мая 27 для произнесения преосв. митроп. Павла»¹⁶. Таким образом, книга с двумя поучениями могла быть напечатана не ранее августа 1671 г.

Не могла книжечка выйти после «Вечери душевной», ибо в «Вечере», например, «Поучение от иереев» переиздано с различными мелкими исправлениями первоначальных неясностей или неудачных выражений. Например, пер-

¹⁴ *Родосский А.* Описание старопечатных и церковнославянских книг, хранящихся в библиотеке С.-Петербургской духовной академии. СПб., 1891. Вып. 1. С. 317.

¹⁵ *Татарский И. А.* Симеон Полоцкий (его жизнь и деятельность): Опыт исследования из истории просвещения и внутренней церковной жизни во второй половине XVII века. М., 1886. С. 173, 278; *Попов В. Е.* Симеон Полоцкий как проповедник. М., 1886. С. 63.

¹⁶ ГИМ, собрание Синодальное, № 657, л. 525, 534 об. Издание помет см.: *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. М., 1862. Отдел 2, ч. 3. С. 218.

воначально было напечатано: «...ему же яко первейшему словесныя паствы пастырю и пастырей всех началнику аз подражая, глаголю вам тожде...» («Два поучения», 12). К кому глаголет проповедник: и к Богу, и к слушателям тоже? Эта неясность исправлена в «Вечере»: «...его же яко первейшаго словеснаго стада пастыря и пастырей всех началника аз подражая, глаголю вам тожде...» («Вечеря душевная», 15 об. второго счета).

Две проповеди, сочиненные Полоцким для митрополита сарского и подонского Павла, вышли отдельным изданием, скорее всего, при жизни митрополита. Павел умер 7 сентября 1676 г. Значит, рассматриваемое издание появилось где-то между августом 1671 г. и сентябрем 1676 г. По древнерусскому календарю август был последним месяцем года, а сентябрь — первым. В таком случае самое вероятное время выхода книжечки — 1672—1675 гг. По уточнению М. Н. Сменцовского, издание обеих проповедей было осуществлено до 13 сентября 1675 г., ибо в «Чиновнике» патриарха Иоакима под этим днем записано, что патриарх «давал на всякую церковь поучение вновь напечатано о стоянии в церкви со страхом Божиим»¹⁷.

Можно еще точнее определить время выхода книжечки с двумя проповедями, если учесть запись в упомянутом черновом списке «Вечери душевной». «Почтение о благоговейном стоянии» занимает здесь л. 525—528 об., а «Почтение от иереев» — л. 531—534 об. Между двумя поучениями находятся два пустых листа — л. 529—530 об. На л. 530 написано только три строчки: «Сие слово напечатано А (нно) 1674 iulii и списано против печати». Независимо от того, относится ли эта запись к предыдущему «Почтению о благоговейном стоянии» или к следующему «Почтению от иереев», она позволяет сделать вывод, что книжечка с двумя проповедями Полоцкого была издана в июле 1674 г.¹⁸

До нас дошли экземпляры еще одной проповеди, изданной в виде отдельной книжечки, с пагинацией не по листам, а по страницам (всего 27 страниц). Книжечка также в 4°, без титульного листа, без предисловия или послесловия и без указания выходных данных. По шрифту, заставке и концовке издание это, несомненно, московское. Так как проповедь называется «Почтение о благоговейном стоянии во храме Божии», то, очевидно, по аналогии, издание тоже приписали Симеону Полоцкому и так же отнесли ко времени около 1668 г. В действительности же текст этого «Почтения о благоговейном стоянии» совер-

¹⁷ Сменцовский М. Братья Лихуды: Опыт исследования из истории церковного просвещения и церковной жизни конца XVII и начала XVIII веков. СПб., 1899. С. 112, сноска 5. На это сведение обратил мое внимание Ю. А. Лабынцев.

¹⁸ Об этой важной записи сообщил мне Ю. А. Лабынцев и дала соответствующие консультации Ж. Н. Иванова. «Почтение от иереев» затем было переписано Евфимием Чудовским в сборнике поучений, составленном до 1697 г., ГИМ, собрание Синодальное, № 245, л. 483 и сл.

шенно другой, чем в книге двух проповедей Полоцкого. Оно отсутствует в «Вечере». Требуется специальные разыскания для достоверного установления автора и даты выхода этого загадочного «Поучения».

Для последующих наблюдений мы используем в основном книжечку с двумя поучениями и бегло «Обед» и «Вечерю».

Афоризмы в проповедях Полоцкого были соответственно более спокойно-однообразны, чем в полемическом «Жезле». Обычно это евангельские, библейские, святоотческие и тому подобные цитаты. Различался и преобладавший смысл афоризмов в «Жезле правления» и в книгах проповедей. Так, афористические цитаты в проповедях Полоцкого употреблялись несколько в ином контексте, чем в «Жезле правления». Если в «Жезле правления» афоризмы, как правило, имели в виду качества не автора и не читателей, а, так сказать, третьих лиц — раскольников, то в проповедях афористические цитаты относились в начале проповеди обычно к проповеднику, а во всем остальном тексте — к его слушателям.

Рассмотрим тот случай, когда, употребляя афористическую цитату, Полоцкий имел в виду себя. Так, в книге, содержащей два поучения, «Поучение от иереев» начиналось со знаменитого евангельского афоризма о мире и мече. «...Не мните, — предупреждал Полоцкий слушателей, — яко приидох воврещи мир на землю вашу. Не приидох воврещи мир, но мечь» («Два поучения», 12). Евангельский афоризм был своеобразно переосмыслен Полоцким. Смысл евангельского афоризма стал очень узким: Полоцкий всего лишь грозился обличить грехи слушателей¹⁹.

Применение Полоцким евангельской цитаты для обозначения своих собственных действий не входило в традиции древнерусских поучений. Цитатами древнерусские авторы обычно не описывали, а лишь оправдывали или объясняли свои действия. Полоцкий же здесь, вероятно, следовал манере украинских или польских проповедников. Но в отличие от них, он старался подробнее пояснить русским слушателям новый, узкий, метафорический смысл афоризма. «Мечь же не железный, — пояснял Полоцкий, — но духовный, иже есть глагол Божий; мечь, посекающий не тело и душу, но страсти душевныя и телесныя... Мечь, злобу убивающий...» и т. д. («Два поучения», 12—12 об.).

Пояснение нового смысла афоризма заняло в книге Полоцкого почти две страницы печатного текста. А ведь это выражение вступительное, не связанное непосредственно с главным содержанием поучения. Полоцкий вряд ли ув-

¹⁹ Ср.: «... иносказательное толкование Писания — это излюбленный метод силлабиков. Симеон Полоцкий настойчиво пропагандировал этот метод уже в первом своем большом труде московского периода — в “Жезле правления”...» (Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. С. 187).

лекся и забыл о слушателях. Скорее всего, он был уверен в том, что прием личностного переосмысления евангельской цитаты нов для слушателей и не без трудности может быть понят ими. Подобных примеров в проповедях немало. Книги проповедей не с богословской, а с более обыденной стороны, чем «Жезл правления», раскрывали мнение Полоцкого о его аудитории.

Обратимся к тем случаям, когда афористические цитаты в проповедях употреблялись в контексте, подразумевавшем аудиторию, ее действия и нравы. Например, в книге, содержащей две проповеди, в «Поучении о благоговейном стоянии» Полоцкий использовал известное евангельское выражение в даваемом слушателям совете: каждый «да воздаст божия Богови и кесарева кесареви» («Два поучения», 9). Но все изложение в этой части проповеди показывает: в афористическую цитату Полоцкий вложил только тот смысл, что в церкви надо кланяться иконам и не надо кланяться хлебу и вину; что разные предметы богослужения должны быть почитаемы в разной степени. Смысл евангельской цитаты стал у Полоцкого узким, утилитарно-обрядовым.

Таких остроумно переосмысленных цитат в проповедях Полоцкого очень много. Но он всегда ставил их в конце пространных рассуждений и наставлений, чтобы постепенно подвести слушателей к пониманию нового смысла афоризмов. Вероятно, Полоцкий ощущал, что всякое свободное переосмысление евангельских цитат будет непривычно для его слушателей. Сравнительно с «Жезлом правления» проповеди несколько больше отражали мнение Полоцкого о недостаточной книжной искушенности его слушателей.

Проповеди приоткрывают и взгляд Полоцкого на языковую культуру его аудитории. С одной стороны, язык проповедей Полоцкого, видимо, отвечал привычным ожиданиям самих слушателей. Выберем, например, тот редкий случай, когда Полоцкий использовал в проповеди афоризм бытового содержания. Так, в упомянутом уже «Поучении о еже не пети бесовских песней» Полоцкий говорил слушателям: «Реку вам нечто смешное, и никто же да поречет безвременству: хотяй бо тину очистити, первее своя руки да покаляет», то есть: скажу вам нечто неподходящее, и никто же да не попеняет на неуместность: хотящий грязь очистить только свои руки испачкает («Два поучения», 20). Здесь Полоцкий извинялся перед слушателями за слишком «низкий» афоризм, по-видимому, исходя из того, что слушатели традиционно настроены на высокий лад.

Укажем еще более редкий случай, когда Полоцкий в проповеди использовал предметную по языку поговорку. Например, одно из поучений «Вечери душевной» Полоцкий начинал так: «Общенародное есть присловие: правда очи колет, — слушателие православнии...» (517). Здесь ссылка на общеупотребимость служила своего рода оправданием обращения Полоцкого к поговорке; Полоцкий полагал, что слушатели ожидали в проповеди более отвлеченного выражения.

С другой же стороны, Полоцкий ощущал, что не все в выпренном языке проповедей понятно слушателям. Выразительный пример находим в приписываемом Полоцкому «Поучении о благоговейном стоянии во храме», изданном отдельной книжечкой. В проповеди процитировано высказывание Иустина Философа: «Яко же бо отлучившейся души телесе мертво тело и зловонно, и нечисто, тако отлучившейся страха Божия души мертва есть душа, и зловонна, и нечиста» (16). Непосредственно перед цитатой проповедник вставил свой афоризм: «В нем же бо страх Божий не обитает, того душа мертва бывает». В результате дважды повторялась одна и та же мысль, но краткий, живой, рифмованный афоризм явно предназначался для разъяснения цитаты из Иустина Философа. Разъяснялось не ее переосмысление, а именно прямой смысл цитаты, которая по своему языку была, вероятно, не совсем доступной слушателям проповеди. (Такие разъяснения смелее делал Аввакум).

Другой пример на ту же тему: собственный афоризм Полоцкого о «покалении» рук тиной мы уже приводили, но добавим, что на поле книги в этом месте печатно пояснялось, что словом «тина» обозначена грязь, — то есть когда о самой низменной вещи Полоцкий, соблюдая приличия, говорил довольно отвлеченно, то он принужден был пояснить свое высказывание, так как знал, что слушателям проповеди и читателям книги абстрактные выражения все-таки недостаточно ясны.

И наконец, третий пример на ту же тему. Часть одного из рассуждений Полоцкого составляло афористическое высказывание об огне. Но афоризм звучал для слушателей так туманно, что Полоцкий прервал рассуждение и попытался конкретизировать сначала сам отвлеченный афоризм: «Огненнаго родство естества неудобь в тесноте вмещается, православнии слушателие, ибо всячески ищуще себе исхождения, вещь теснящую силне растерзывает. Терзает твердая орудия стрелбишная, стены же, и великая разоряет здания, исхождению си деющая препинание...» и т. д. («Обед душевный», 25).

Короче говоря, где бы ни находились отвлеченные афористические высказывания в проповедях, Полоцкий в той или иной мере всегда ощущал недостаточную понятность их языка для слушателей. В книгах проповедей отчетливо отразилось мнение Полоцкого о недостаточной языковой образованности его аудитории.

Выход из положения Полоцкий предложил в «Предисловии к читателю благочестивому» в «Обеде душевном»: «Ово яко удобнее простое слово уразумевается в писании, неже красотамаи художественными покровенное» (7 об.). Изречение имело только прямой смысл, и не надо было пояснять его смысл переносный. Язык изречения также сравнительно прост. Однако и это высказывание Полоцкий подкрепил добавочным, максимально ясным «бытовым» сопоставлением («яко удобнее ядро сдается излученное, нежели в коже

содержимое») и серией ссылок на отцов церкви. Полоцкий, несомненно, понимал, что для «благонамеренных» читателей, притерпевшихся к неудобопонятной риторике и не желавших языковых новаций, утверждение о нужности простоты изложения могло выглядеть парадоксальным и неубедительным.

На быстрые перемены в читательских вкусах надеяться не приходилось. Поэтому, несмотря на защиту простого языка, Полоцкий к своим абстрактным изречениям в проповедях делал пояснения чаще всего в том же отвлеченно-возвышенном стиле. Слушатели и читатели должны были привыкать к стилю Полоцкого, к чему их и призывали книжные предисловия.

Данному явлению аналогичны в «Жезле правления» попытки Полоцкого приучить читателей к диалектическим размышлениям. И в книгах проповедей, и в «Жезле правления» перед Полоцким стояла хитроумная задача: составлять сочинения, соответствовавшие самым высоким требованиям данного жанра, но доступные для читателей и слушателей, не доросших до таких требований. В общем, и в проповедях, и в «Жезле» убеждение Полоцкого в малой просвещенности своей аудитории проявлялось гораздо более весомо, чем надежда на возможность интеллектуального роста этой массы читателей и слушателей.

Привлечем к кругу сопоставлений рукописную книгу Полоцкого «Вертоград многоцветный» 1677 г. Исследователи уже давно отмечали, что в этом огромном сборнике нравоучительных стихотворений почти каждое стихотворение напоминает маленькую проповедь, с примером и моралью.

Сопоставим степень давления афоризмов Полоцкого на аудиторию в «Вертограде» и в ранее рассмотренных книгах. На первый взгляд кажется, что афоризмы в «Вертограде» попадают на каждом шагу, что их там небывало много²⁰. Отчего возникает такой эффект? В предисловии к «Вертограду» Полоцкий сформулировал задачу своего стихотворного изложения так: «...в немнозех пространстве многшая заключающася удобнее памятию содержатися могут» (3 об.). В стихах Полоцкий стремился к краткости высказываний, и оттого задачи стихотворного и афористического изложения у него совпадали. Вот отчего стихотворения «Вертограда», строчка за строчкой, афористичны.

Действительно ли афоризмы все это? Например, стихотворение о епископе, который в наказание за сожжение нищих сгнил заживо и сам, содержит такие строчки: «...злomu делу зла казнь Богом сотворися», «от праведна судии прав суд сотворися». Подобные высказывания кратки, выразительны, однако

²⁰ Ср.: «...те афоризмы, которые действительно принадлежали или только приписывались Аристотелю, Платону, Аристиппу, Фалесу и, разумеется, пророкам и апостолам, занимают видное место в стихотворной продукции силлабиков. Не случайно многие тексты “Вертограда многоцветного” находят аналогию в сборнике Апофегмата, где собраны “цветы красноречия” античных мудрецов» (Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. С. 185).

они относятся только к данному сюжету, к данной конкретной ситуации, описанной стихотворением. Всеобщих истин эти высказывания не обозначают. Они приближаются к афоризмам, но законченными афоризмами не являются. Легко убедиться в том, что в «Вертограде» преобладают такого рода итоговые высказывания. Настоящие афоризмы в «Вертограде» встречаются гораздо реже, не во всяком стихотворении.

В «Вертограде» меньше афоризмов и меньше непосредственных обращений к читателям и слушателям, чем в книгах проповедей Полоцкого. Соответственно и степень обращенности к аудитории слабее в «Вертограде», чем в проповедях.

Подавляющее большинство действительных афоризмов в стихотворениях «Вертограда» имело четкий, прямой нравоучительный смысл. Например: «Правый сын отеческия нравы сохраняет, теми в себе умерша отца изъясляет» (19 об.); «благодарствие дары людем умножает, неблагодарствие же и малых лишает» (41 б.), «яко тело без души труп смрадный бывает, тако без благодати душа истлевет» (42 об.); «бисер под ноги вепром посыпает, наблагодарным кто благо творят» (46) и т. д.

Каждый афоризм в стихотворениях «Вертограда» обычно занимал строчку в двустихии и пояснялся всего лишь одной строчкой. Только более трудные по языку афоризмы пояснялись несколькими предварительными строками, вроде следующего афоризма с неологизмами, заключавшего краткое стихотворение:

Агарь Аврааму сына Исмаила
 скоро и удобно, но злаго родила.
Сарра же не скоро, но чадо святое
 Исаака роди, чадо преблагое.
Тако мы пред Богом во злях агарствуем,
 но благих паки делех обычно сарствуем (20).

Полоцкий знал, что его стихотворные афористические нравоучения легче усваиваются читателями и требуют лишь краткого пояснения или легкого напоминания. Главная цель Полоцкого в «Вертограде» заключалась уже не в пояснении афоризмов, а в объединении их в некую гигантскую систему. Читатель, видимо, не был силен как раз в охвате целой нравоучительной системы. Если в «Жезле правления» и книгах проповедей Полоцкий тянул читателей и слушателей к еще недостаточно изведенным ими новым мыслям, то в «Вертограде многоцветном» он в основном старался закрепить в их сознании невиданно полный свод истин старых. Но в общем, и «Вертоград», и книги проповедей, и «Жезл правления» были ориентированы на читателей, не имевших широкого и систематичного образования.

Необходимо еще указать в «Вертограде» на явления гораздо менее заметные. Иногда афоризмы в стихотворениях «Вертограда» имели несколько необычный смысл. Таков, например, афоризм в первом же стихотворении книги. В отдельности этот афоризм выглядит привычно категоричным: «Уне бяше умрети телом, не душею» (18). В составе же стихотворения смысл афоризма заметно меняется:

Аарон в пустыни телца сотворил есть,
смерти боялся плоти, тяжко согрешил есть.
Уне бяше умрети телом, не душею:
но смерть страшна комуждо косою своею (18).

Это извиняющее, сострадательное «но» в последней строке стихотворения смягчает, делает каким-то не абсолютным смысл афористического вывода: да, лучше умереть, чем согрешить... но не всегда.

Приведенное стихотворение стояло первым в цикле из четырех стихотворений под общим названием «Аарон». В последующих стихотворениях цикла Полоцкий продолжал оправдание подобного отступления от жесткого правила: «и грешащих не люте судом исправляют», потому что можно согрешить «за страх», «не охотою», в силу обстоятельств. Весь цикл стихотворений вводил и разъяснял гуманистическую альтернативу, очевидно, вовсе не привычную, но все-таки доступную для читателей «Вертограда».

Констатация невежественности массы фактически была главной темой в «Вертограде» у Полоцкого²¹, но заблуждения и малую просвещенность читательской массы он все-таки не считал безнадежными и даже как-то верил в способность российских читателей к интеллектуальному развитию.

Добавим к кругу сопоставлений две пьесы Симеона Полоцкого — о блудном сыне и о Навуходоносоре. Обе пьесы находятся в составе огромного рукописного «Рифмологиона», который состоит из множества малых и больших приветственных и панегирических стихотворений Полоцкого, адресованных царю, тому или иному члену царской семьи, тому или иному царскому приближенному.

Афоризмы в пьесах почти всегда имели строгий нравоучительный смысл, почти никогда не пояснялись, будучи, следовательно, совершенно ясными и привычными для слушателей, и вместе тоже составляли своего рода нравственный кодекс, преподнесенный зрителям пьес. Все это напоминает афористику

²¹ Ср. в «Вертограде» стихотворение «Глас народа»: этот глас «наипаче от правды далеко бывает», «никоя правды в себе заключает», «не веруй убо гласу общему народа» и пр. (*Панченко А. М.* Русская стихотворная культура XVII века. С. 188—189; *Он же.* История и вечность в системе культурных ценностей русского барокко // ТОДРЛ. Т. 34. С. 191).

«Вертограда многоцветного». Однако нужно отметить и дополнительную роль афоризмов в пьесах. Так, в пьесе о блудном сыне первый же персонаж, появившийся на сцене, Отец, высказывал афористическое правило и тут же приводил в пример самого себя:

Кто несуменно в Него уповае,
того никакo Господь оставляет.
Сам искусих се во всяцей потребе,
егода уповах на живуца в небе.
Он мою юность добре ест управил,
на живот честный в мире мя наставил.
Он ми науку дал и разум благий,
даде богатства Господь мой предрагий (139).

Отец выступал как олицетворение общего принципа.

Подобное сочетание афоризма с олицетворением общего принципа и практическим претворением было характерно для пьес. Например, Блудный сын высказывал общее правило и тут же переходил к делу:

Не добро богатому мало слуг имети.
С ким имам ясти, пити? Кто нам будет пети?
Прискорбно ми ест без слуг... (145).

Слуги Блудного также руководствовались некими общими положениями, сразу же выполняемыми. Так, один из слуг говорил промотавшемуся Блудному:

Злато и разум слуг собирает.
Кто буй, то трое купно погубляет.
Доволно служих, заплаты не чаю,
тем же от тебе днесь ся отдаляю (149—150).

Встреченный изголодавшимся Блудным Купец тоже быстро переходил от общих слов к делу:

Глад мощно хлебом скоро утолити.
Аз продам хлеба, изволи купити (151).

Почти каждый персонаж в пьесах Полоцкого изрекал афоризмы и иллюстрировал их своими действиями.

Все вместе афоризмы в пьесах Полоцкого не столько образовывали свод однотипных правил, сколько демонстрировали столкновение разных жизненных принципов у разных действующих лиц. Выразителен в этой связи перечень разных мотивов поведения персонажей в пьесе о Навуходносоре. Воины, приговаривая, вьжут отроков, не подчинившихся Навуходносору. Но один делает это потому, что он ярый службист:

Кто врага царска хошет пошадити,
сам есть достоин смертно казним быти.

Другой воин вяжет отроков, потому что он шкурник:

Аз и две коже готов есмь издрати
с единого хребта, а сам не страдати.

Следующий воин вяжет потому, что он юдофоб:

Мне евреина толь сладко убити,
яко же меда сладка чашу испити (167).

То, как «живяше» люди, сочетание и столкновение их жизненных принципов старались «аки вещь живу» показать и одновременно растолковать зрителям пьесы Симеона Полоцкого.

Сравнительно с «Вертоградом многоцветным» в пьесах Полоцкий ставил перед аудиторией более сложные задачи, ибо круг зрителей пьес мыслился более узким, более избранным, чем круг читателей «Вертограда». Однако в целом мнения Полоцкого о большей или меньшей российской аудитории в принципе оказывались одинаковыми: он с неумолимой определенностью осознал главную слабость своих читателей, слушателей, зрителей — необразованность, — но без громких деклараций надеялся побудить их к более широкомасштабному мышлению.

Афоризмы в пьесах Полоцкого использовались и в иной, менее заметной роли, чем только что охарактеризованная. Например, Блудный просил своего отца:

Бог волю дал есть: се птицы летают,
зверие в лесах волно пребывают.
И ты мне, отче, изволь волю дати,
разумну сущу, весь мир посещати (141).

Судя по пояснениям к изречению о воле, Блудный подразумевал под волей безграничную свободу. Отец соглашался с самим изречением, но в понятие воли вкладывал ограничительный, дисциплинарный смысл:

Не хощу тебе аз воли отъяти,
юже всякому Бог изволил дати.
Точию в дому вящше приучися,
странству удобен пред нами явися (142).

Понимание воли Блудным отец осуждал: «...юности воля сия несть спасенна» (142). Пьеса предлагала две теоретически противоположные трактовки понятия «воля», но утверждала половинчатое правило: истинная воля бывает в пределах «неволи». Когда старший брат Блудного обращался к отцу: «... не преступаю воли твоя», то отец откликнулся: «Моя твоя суть, вся свободна тебе» (157—158).

Полоцкий в пьесе старался подвести аудиторию к правильному пониманию афоризма о воле. Обсуждение и разъяснение вопроса о воле человека проходили через всю пьесу. Они начинались с полемики Блудного и отца. Затем Блудный решительно отвергал порядок в отцовском доме, где «ничто бяше свободно по воли творити... не свободно играти...» (144—145). Но после пережитых злоключений признавал волю, строго отмеренную каждому в его пределах:

Мерилом правым вся суть размеренна,
вся по естеству в чине положенна.
Горè прекрасно светила сияют,
землю пространну плоды украшают.
Рибами море зело исполнися,
воздух птицами красно удобрися (158).

И в эпилоге пьесы звучал совет зрителям:

...да юных добре наставляють,
ничто на волю младых не спущають (160).

Незрелое понимание воли молодыми и предлагалось исправлять наставлениями.

Если истолкованию воли в пьесе было уделено столь много места, то, значит, для зрителей подобное истолкование было не совсем привычным или же совсем непривычным. Половинчатое, неабсолютное, диалектическое истолкование изречения «Бог волю дал есть» в пьесе напоминает о похожем подходе к истолкованию изречения «Уне бяше умрети телом, не душею» в цикле стихотворений «Аарон» в «Вертограде многоцветном». И там, и тут Симеон Полоцкий обращался к аудитории, по его мнению, привышей к резким, крайним утверждениям, а не к золотой середине. И все-таки Полоцкий надеялся, что его читатели и зрители окажутся восприимчивыми к более глубоким и диалектическим размышлениям над явлениями жизни: «токмо изволите прилежно внимати» (138).

Анализ афористики Полоцкого подводит к следующему выводу: и в начале и в конце своей деятельности в Москве в течение 1660-х—1670-х годов Симеон Полоцкий выразил одно и то же мнение о малой просвещенности российского общества; к этому примешивалось гораздо более неопределенное ощущение, что массу читателей и слушателей, кажется, можно подвигнуть на успехи в богословском, филологическом, философском, историческом и ином гуманитарном познании.

Но нигде у Полоцкого не находим проявлений острого чувства несоответствия, противоречия, пропасти между читателем реальным и читателем желаемым, должным. Книги Полоцкого были литературой великого терпения. Атмосферы конфликта не было. Позиция Полоцкого кажется нам не похожей на типично барочную. Логичные и стройные книги Полоцкого лишь отдален-

но и глухо предчувствовали нового читателя и новую литературу в России, хотя и отличались значительным формальным и содержательным новаторством.

Отсюда следует, как нам думается, любопытное теоретическое предположение. Между барочной русской литературой XVII в., литературой «предчувствий» нового, но все еще средневековой, и западноевропейской литературой XVII в. оказывается стадияльная разница: наша медленно, ощупью приближалась к порогу в Новое время, а та — уже давно переступила этот порог. Перед нами два разнородных пути литературного развития, не сводимые друг к другу.

1981, 1985 гг.

НОВАТОРСТВО РАННЕЙ РУССКОЙ ДРАМАТУРГИИ

1. О ПОНЯТНОСТИ ДРАМАТУРГИЧЕСКОЙ ФОРМЫ В XVII в.

Драматургия — явление новое в русской литературе и, казалось бы, вполне уместно обращение к ее истокам, которые были раскрыты в трудах Алексея Веселовского и В. И. Резанова, — во-первых, к русским народным обычаям и церковным обрядам и, во-вторых, к традициям украинского и западноевропейского театров.

Свыше ста лет тому назад А. Веселовский, сопоставляя историю западноевропейского театра с русским, выделил народные «игрища» и церковные «действия» в качестве истоков отечественного театра, отметив при этом, что «пагубные условия народной жизни не допустили развития русского театра из народных основ» и что «особенность условий православной церкви не содействовала развитию литургической мистерии» на Руси¹. А. Веселовский имел в виду, в частности, то обстоятельство, что богослужение на Руси совершалось на понятном народу церковнославянском языке, а не на латинском, как в католических странах, и не требовало поэтому специальных наглядных иллюстраций.

В последующих работах других авторов, вплоть до трудов С. С. Данилова и В. Н. Всеволодского-Гернгросса, указания на истоки русского театра в народной обрядности и в церковной жизни стали общим местом. Народные и церковные обряды, действительно, оказали воздействие на те или иные драматические произведения и их сценическое воплощение.

Однако, когда речь идет о возникновении русского театра, то приведенные объяснения оказываются малопригодными. Народные обряды и церковные «действия» не имели почти никакого отношения в русскому театру 1670-х годов. По этому поводу совершенно определенно писал В. Н. Перетц: «Попытки возводить начало русского театра, сложившегося в самом конце XVII в., к народному хороводному действу или к церковной службе — невозможны. О деятельности носителей «народной драмы», скоморохов — до XVIII в. мы знаем очень мало, а то, что знаем, — не укрепляет нас в мысли искать в их играх и импровизациях зародыш первых сценических представлений на русской почве... История нашего старинного... театра шла... через более или менее полное заимствование чуждой литературной и художественной традиции... Отсюда вытекает тесная и неизбежная связь изучения старинного русского театра и

¹ *Веселовский А.* Старинный театр в Европе. М., 1870. С. 303, 326.

драмы — с изучением театра европейского, без чего всякая речь о прошлом театра в России будет праздным пустословием»².

Слова В. Н. Перетца требуют уточнения в одном: какую роль сыграло иностранное заимствование для начальной драматургии 1670-х годов? Первые пьесы русского театра, включая и драмы Симеона Полоцкого, исследователям не удалось отнести к каким-либо конкретным западноевропейским или украинским источникам. Пьесы 1670-х годов являлись оригинальными произведениями, как отмечали в своих исследованиях П. О. Морозов и В. И. Резанов, хотя это и не исключало их тяготения к тем или иным западным театральным традициям. Главные истоки — иные. Как отметил П. Милюков, «двор... сразу переходит к самой сложной форме иноземной забавы: к театральному спектаклю (1672—1675). Форма была нова, но все ее составные элементы стары, так что переход к этой форме не вызвал особого протеста»³.

Зачаточные элементы драматургии, а их видят преимущественно в различных диалогических формах⁴, бытовали в русской литературе с древнейших времен. В литературе XVII в. все эти драматургические элементы особенно усиливаются. Широко распространяются сатирические и юмористические повести, написанные в форме диалога. Примером может служить известное антиклерикальное «Сказание о Кура и Лисице», сочиненное не позже 1630-х годов. Оно целиком построено на диалоге святоши Лисицы и ее жертвы — Кура, на том, что «рече Кур Лисице» и что «отвеща Лисица к Куру»; с ремарками почти что сценическими: «Лисица же скрежеташе зубы и, глядя на него немилостивым оком, аки диавол немилостивы на христиан...», «отвеща Лисица к Куру с великим гневом и яростию» и т. д. Драматический элемент повести усилен тем, что к концу «Сказания» их диалог превращается как бы в диалог людей, и Лисица, опасаясь доноса со стороны своего собеседника, прямо называет Кура человеком: «...И ты, лихой человек, — говорит Лисица Куру, — огласишь меня митрополиту небыльными словами, а я тогда от тебя, злого человека, и от небыльных твоих неправедных словес и до конца погибну»⁵.

В другом сатирическом произведении демократической литературы, в «Повести о бражнике», написанном тоже в диалогической форме, высмеиваются

² Перетц В. Н. К постановке изучения старинного театра в России // Старинный театр в России XVII—XVIII вв.: Сборник статей. Пг., 1923. С. 16—17.

³ Милюков П. Очерки по истории русской культуры. 3-е изд. СПб., 1909. Ч. 3. С. 101.

⁴ Ср.: Державин К. Болгарский театр: Очерк истории. М.; Л., 1950. С. 18: «Некоторые зачаточные элементы драматургии в средневековой болгарской литературе можно усмотреть лишь в дидактических и назидательных диалогах».

⁵ Русская демократическая сатира XVII века / Изд. подгот. В. П. Адрианова-Перетц. 2-е изд., доп. М.; Л., 1954. С. 59, 61.

святые, причем местами в повести вообще опускаются обозначения действующих лиц и остается лишь сам диалог: «Бражник же рече: А ты, господине, кто? Глас твой слышу, а имени твоего не вем. — Аз есмь Павел апостол, крестил Ефиопскую землю. — Господине Павел, помниши ли, коли тебе дана власть при Темире-царе архиерей побивати [за] веру Христову, и ты, господине, первомученика Стефана камением побил; о чемь ты в раю? — Павел отиде посрамлен»⁶.

Элементы драматургической формы в демократической литературе постоянно использовались в целях разоблачения и обличения. Любопытен в этом отношении пример сатирических сказаний о птицах. Сказания затрагивают вопросы общественного устройства Древней Руси и в диалоге, вернее, в «многоголосии» птиц, аллегорически передают неразбериху беседы, своеобразный птичий гомон представителей разных сословий. Сказания эти обычно начинаются со взаимной перебранки птиц, в том числе и орла-боярина. Другие птицы хотят их утихомирить, но вызывают еще большую перепалку. В разговор вступают уже самые «низшие» из птиц. «Синица молвит: Я жонка разумная и дородная, я дома сижу и вас разсужу. Воробей молвит: Ой ты, синица, блядь! Не доведетца тебе нас, мужей, судити; знай ты свой гребень да охлопки. Синица молвит: Никшни ты, воробей, не почирикивай!..» и т. д. В конце концов одна из птиц заявляет: «Говорите, братцы, а слушать у вас нечево...»⁷.

Есть основания предполагать, что в русской демократической литературе XVII в. появились уже некоторые «малые» драматургические жанры, в частности, интермедии — короткие сценки сатирического и юмористического характера с определенной социальной направленностью. Если в дальнейшем интермедии включались в состав больших спектаклей, где они разыгрывались в перерывах между действиями, то ранее и притом в демократической среде интермедии, возможно, исполнялись как самостоятельные сценические создания.

Итак, демократическая литература XVII в., главным образом сатирическая, уже стояла на подступах к созданию какой-то своей драматургии. Сходный процесс наблюдается и в письменности иного рода. В огромном богословском послании 1653—1658 гг. Герасим Фирсов даже пересказывает элементы сюжетов, «яко же во игралищи бывающих»⁸. В XVII в. возникает раскол в русской церкви и появляется литература раскольников. Писатели-раскольники сразу же используют драматургические элементы в своих сочинениях. Появляются старообрядческие «прения», написанные преимущественно в диалогической

⁶ Там же. С. 85.

⁷ Древнерусские сказания о птицах / Изд. подгот. Х. Лопарев. СПб., 1896. С. 7, 16.

⁸ *Никольский Н. К.* Сочинения соловецкого инокa Герасима Фирсова по неизданным текстам. СПб., 1916. С. 133.

форме и рассчитанные на убеждение читателей в правоте «старой веры». Об одном из них следует сказать подробнее.

В 1668 г. один из расколоучителей, сподвижник протопопа Аввакума, дьякон Федор Иванов написал «Прение с Афанасием, митрополитом иконийским». Федор описал свой острый спор с Афанасием о сложении перстов, действительно бывший в Москве, в Богоявленском монастыре, куда власти заключили дьякона. Митрополит, «хотя его прельстити», велел привести Федора. Разговор, состоявшийся между ними в присутствии «старцев», и передал Федор. Диалог в сочинении Федора имеет некоторые формальные признаки, приближающие произведение к драматическому жанру. Речи действующих лиц в «Прении» отделяются от автора словами «митрополит вопросы», «отвеща дьякон» и сопровождаются как бы особыми ремарками. «Митрополит рече: Како ты крестишься рукою и персты слагаеши? — Диякон же (тут следует в виде ремарки описание ритуального жеста), сложа персты руки своея три, палец со двема последними вкупе, два же, указательный и великосредний, совокупив и един пригнув, рече: Сице аз слагаю персты и знаменую лице свое, крестяся». Затем жесты становятся экспрессивными, что также указывается в диалоге: «Митрополит же, ударив по бедре своей, рек: У, пропал Христос, — несть его! — Противу же сего его богоборства диякон укори его сице: Зле, отче, глаголеши! Беснуешися!..» Концовка «Прения» напоминает, пожалуй, комическую интермедию. Спор коснулся имени церковного писателя древности Дамаскина. «Отвеща митрополит: Есть имя ему, — потом скажу. — И велел принести книгу. И брат ему подал книгу письменную в полдесть, по их греческому языку, и он долго искал, и всю книгу ту от начала и до последнего листа перебрал, а имени тому Дамаскину не нашел. И стало ему стыдно. Рек: Дияконе, опять поищу; а топерва очи болят. Поиди, дияконе! — и велел его стражем взять. И тако конец совершися прению их»⁹.

Добавим, что не один только Федор приближал свои сочинения к драматическому жанру. Другой расколоучитель, инок Авраамий, в 1670 г. тоже написал сочинение на ту же тему — о своем «прении» с «властями» в Чудовом монастыре — и в такой же диалогической форме с ремарками. Некоторые из ремарок не уступают федоровским по выразительности и пластичности. «И власти, — вставляет Авраамий замечание в диалог действующих лиц, — просвиру соловецкую, вынятую, передвигая по столу, ругаяся, говорили мне: Такие вы враги, еретишки худыя, что соловецкие старцы...»¹⁰.

⁹ Материалы для истории раскола за первое время его существования / Изд. подгот. Н. Субботин. М., 1881. Т. 6. С. 51, 57, 59.

¹⁰ Материалы для истории раскола... 1885. Т. 7. С. 406. В начале 1670-х годов было написано еще одно старообрядческое прение в диалогической форме. См.: *Сарафанова Н. С.* «Прение верного инока с отступником». (Из истории старообрядческой литературы XVII в.) // ТОДРЛ. Т. 17. С. 287—289.

Появлению русского придворного театра в 1670-х годах непосредственно предшествовал период овладения драматургическими элементами в демократической среде, что, возможно, помогло бытованию пьес при дворе.

Предисловие к «Артаксерксову действу» дает нам основание судить о том, какое впечатление при царском дворе произвел новый жанр. Зрители, по-видимому, испытывали острое чувство «живости» показанных им героев, как бы существующих наяву. Известно, что на представлении одной из пьес царь, не вставая, просидел десять часов подряд. Авторы пьесы, начиная с Грегори, в своих предисловиях предупреждали царя и зрителей о «живости» персонажей как об особенностях нового развлечения. Грегори представлял Артаксеркса царю следующим образом:

Сей есть потентат пред вами жь, о царю, себя хотя явити,
иже вящше лет двутысящ во гробе заключен есть...
Се предстоит Артаксеркс, пришед от Мидии и Персии...
Что же есть дивно,
яко Артаксеркс, аще и мертв, повелению твоему последует?
Твое убо державное слово того нам жива представляет...¹¹

Если Грегори, лстя царю, ловко объяснял, что «живость» Артаксеркса появилась в результате повеления царя, то в «Темир-Аксаковом действе» подобная черта персонажей уже объявлялась достоинством, вытекающим из самой природы «комедий». «Велеможнейший монарх, — обращается автор или авторы в предисловии, — ... и для того комедия нарицается мастерством, потому что она... живых персон в речении и ризах показывати... приводит»¹².

Подобное впечатление «живости» персонажей позволяло автору «Жалобной комедии об Адаме и Еве» трактовать пьесу как зеркало, отражающее поступки людей, — «в зеркале рассмотримся...»¹³, а Симеону Полоцкому совершенно недвусмысленно говорить, что все описываемое как бы происходит на самом деле:

О блудном сыне вся речь будет наша,
аки вещь живу, узрит милость ваша.¹⁴

Так обещает он зрителям «Комидии притчи о блудном сыне». То же повторяет он в пьесе «О Навходоносоре царе»:

То комидийно мы хошем явити
и ако само дело представити...¹⁵

¹¹ РРД. Т. 1 / Текст памятника подгот. О. А. Державина и В. П. Гребенюк.

¹² РРД. Т. 2 / Текст памятника подгот. В. П. Гребенюк. С. 59—60.

¹³ РРД. Т. 2 / Текст памятника подгот. О. А. Державина и А. С. Демин. С. 116.

¹⁴ РРД. Т. 2 / Текст памятника подгот. А. С. Демин. С. 138.

¹⁵ РРД. Т. 2 / Текст памятника подгот. А. С. Демин. С. 162.

Отличие «Артаксеркова действия» от остальных пьес выражается в том, что Грегори, будучи первым, постарался убедительнее оговорить непривычную для царя и царского двора «живость» персонажей. Он не только сослался на якобы имевшее место «повеление» царя, но тут же и развенчал «живого» Артаксеркса, чтобы не возникло нежелательного впечатления о соответствии между персидским владыкой и русским царем. Грегори счел нужным специально подчеркнуть казалось бы самоочевидное: то, что «живой» Артаксеркс — это «отрок», исполняющий роль монарха. Очевидно, в то время подобное пояснение было необходимым.

Сего же Артаксеркса власть, аще бысть велика,
 обаче ныне несть подобна,
 Яко же бе прежде, весь его сигклит ныне суть дети,
 дело бо его величества, власть, славу и чин
 есть, о царю, по изволу твоему сему заимоданно...
 твое убо державное слово того нам жива представляет
 во образе отрока... (103).

Вместе с тем постановка «Артаксеркова действия» свидетельствовала о некоторой подготовленности русских зрителей к ее восприятию. Довольно сложная драматургическая форма, с рядом ее условностей, оказалась вполне доступной, хотя зрителям, конечно, помогало и знание библейского сюжета.

Приведем пример, показывающий не только драматургическое мастерство Грегори и его помощников, но и определенный уровень культуры восприятия у русских зрителей. Действие в пьесе отнюдь не целиком развивалось на глазах у зрителей. О многом им приходилось догадываться по ходу пьесы: одного знания Библии было недостаточно. Например, в первом действии «Артаксеркова действия» непрерывную линию в развитии событий можно было понять, усвоив, что по ходу пьесы не все речи персонажей сообщаются зрителям. Артаксеркс, лишив царского венца гордую царицу Астинь, посылает «спальников» известить царицу о своем приговоре, но соответствующей речи «спальников» к царице в пьесе нет. Следующая «сень» (явление) пьесы начинается так, словно «спальники» где-то за сценой уже передали царице слова царя, и она, выйдя на сцену, лишь переспрашивает:

А с т и н ь
 Сие ли я, Астинь, пребуду отверженна?
 М е г у м а н
 Изверженна еси ты и всеми посмеянна (117).

Можно было бы заподозрить дефект (пропуск) в этом месте текста пьесы, если бы подобный прием не использовался многократно на всем протяжении «Артаксеркова действия». Например, во втором действии отсутствует речь Мардохея к друзьям о том, что Есфирь увезли в царский дворец. Новая «сень» как бы вводит в середину беседы Мардохея с друзьями.

А с а р и й
Что глаголеши, Мардохей?
И Есфир ли взята есть ко двору царя нашего?
М а р д о х е й
Увы мне! Взята есть! Мне увы! (131).

Сходным образом начинается несколько «сеней» в третьем действии. Так, Артаксеркс спрашивает: «Любимая супруга, кто ти сие открыл есть?» (169), и зрители должны были догадываться, что Есфирь где-то за сценой уже предупредила Артаксеркса о готовящемся убийстве его.

В четвертом действии одна из «сеней» также начинается не с речи вестника, а с вопроса того лица, которому уже передана весть.

М а р д о х е й
И наша царица к царю ся подвигла?
Г а т а х
Есть так, аз видех. Меня к тебе послала
и в своем шествии сказати велела... (203).

Количество примеров подобного рода можно увеличить. Для Грегори и его помощников такой способ намеренных «умолчаний» являлся, по-видимому, излюбленным приемом усиления занимательности и динамичности пьесы, встречавшим несомненное понимание царя и придворных, раз постановка пьесы повторялась неоднократно. Ново, но доступно.

1972 г.

2. ДИАЛОГ «ШКОЛЬНОЕ БЛАГОЧИНИЕ» ПРОХОРА КОЛОМНЯТИНА

Новаторское литературное творчество XVII в. понемногу подготовляло литературу Нового времени. Укажем один из таких случаев новаций формы и функций произведения.

Большое стихотворное сочинение XVII в. «Школьное благочиния всеспасительное учение» введено в научный оборот уже очень давно. По различным спискам этот диалог учителя с учениками пересказывали и издавали разные

ученые¹. В настоящее время учтен еще один его, седьмой, список начала XVIII в.², открывающий нам имя автора, до сих пор неизвестное.

В отличие от всех предыдущих, этот список сохранил стихотворное предисловие к диалогу — «Послание просителное» от заказчика произведения к автору — и «Послание отвечающее» от автора к заказчику. Имена обоих зашифрованы в акrostихе, но по более сложной системе, чем обычно. Если в первом послании прочесть начальные слоги только нечетных строк, а затем только четных, то получается: «Ди | о | ми | д | Яко | вле | в | Про | хо | ру | ие | ре | ю |». Следовательно, заказчик произведения — Диомид Яковлев, а автор — Прохор-иерей.

Второе послание содержит не менее замысловатую тайнопись. В «краегранесии» стихов автор «отвещает»: «Про | ше | ние | твоe | в | се | испол | нев |», а в самих стихах называет буквы, составляющие его имя:

Простираю руку сипавы третий, о дружe благий.
Шествуют к тебе грозный вторый, нравом драгий.
Ничто же препинает и пятому гласному,
Еже по господае Бозе житию согласному.
Твое благоденствие вторым натужным здраво буди.
Вторым же громным подобне и возразительным
окончалным многолетен пребуди (л. 1 об.).

¹ Было известно шесть списков диалога: 1) в сборнике конца XVII в., принадлежавшем саратовскому епископу Афанасию, затем переданном в Казанскую духовную академию и позднее утерянном. Большие отрывки диалога по Афанасьевскому списку изданы: *Мордовцев Д.* О русских школьных книгах XVII века. М., 1862; 2) в сборной рукописи конца XVII в., принадлежавшей Н. П. Дурову, РГБ, собрание Н. П. Дурова, фонд 96, и утерянной; отрывки диалога по Дуровскому списку изданы: *Хмыров М. Д.* Училища и образованность на Руси допетровской // Народная школа. 1869. № 10. С. 41—45; 3) в сборнике конца XVII в. библиотеки Флорищевой пустыни, также исчезнувшем; текст диалога по списку Флорищевой пустыни полностью издан: *Буш В. В.* Памятники старинного русского воспитания: (К истории древнерусской письменности и культуры). Пг., 1918. С. 88—99; 4) в сборнике конца XVII в. РНБ, Q.III.6; 5) в сборнике конца XVII — начала XVIII в. РНБ, собрание Михайловского, № 521; 6) в сборнике конца XVII в. БАН, 33.15.137. Тексты диалога по последним трем спискам изданы В. В. Бушем в виде разночтений к списку Флорищевой пустыни. Описание списков см.: *Буш В. В.* Указ. соч. О «Школьном благочинии» см. также: *Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. М., 1915. Т. 1, ч. 2. С. 625, сноска 1.

² РНБ, F.XIV.73. Без переплета, 2°, 31x20,4 см., 13 лл. Чистый л. 13 об. Бумага с филигранью «Seven provinces» с буквами «PD» и «VG» (ср.: *Клепиков С. А.* Филиграния и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX века. М., 1959. №№ 1288, 1389, 1390. 1706 г.). Почерк — полуустав. Впервые этот список «Школьного благочиния» был упомянут: *Розов Н. Н.* Материалы по истории русского драматического театра в рукописных фондах Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (XVII в. — 1940-е годы) // Театр и музыка: Документы и материалы. М.; Л., 1963. С. 59. Палеографические сведения о рукописи сообщены мне В. И. Лукьяненко, которой приношу благодарность. Далее листы рукописи указываются в скобках.

Обозначения букв не совсем обычны. Подобных названий нет, например, в «Грамматике» Мелетия Смотрицкого. Однако «конвой» диалога в Афанасьевском списке помогает разгадать и эту загадку. В этом сборнике «Школьному благочинию» предшествовал «Азбуковник» с такой классификацией согласных звуков: «грубы» — б, в, г, д; «шепетливы» — ж, ч, ш; «сипавы» — с, з, п, с; «немы» — л, м, н; «громны» — к, р, т, ц; «натужливы» — ф, х, ө; «ясны» — щ, џ, ѓ; «возразительные» и «накончальны» — ь, Ъ. Порядок гласных следующий: а, е, и, і, о, у, ю, ы, ѿ, ѣ, ю, я³.

Отсюда имя сочинителя диалога — «Прохръ» («сипавый третий» — п; «грозный» или «громный второй» — р; «пятый гласный» — о; «второй натужный» — х; опять «громный второй» — р; «возразительный окончальный» — џ).

Еще одно указание на имя автора находим уже в тексте самого диалога. Здесь прямо сказано: «Вышепомянутом убо словеси слагателево имя, чин же и отечеству совершися. Зде его же ради писася о имени и чине ведомость положися» (10). Исследователи недоумевали, где же записано имя автора. Оказывается, для этого надо было проделать непривычную операцию и, пропуская монологи учителя и учеников, читать лишь речи третьего участника — «слагателя». Тогда складывается акrostих: «Тво|ре|ни|е|че|р|на|го|по|па|Про|хо|ра|ко|ло|мня|ти|на|сие|на|пи|са|в|по|сла|л|до|детскаго|учи|те|ля|Ди|о|ми|да|Яко|вле|ва|с|то|ва|ры|щи».

В диалоге, возможно, еще есть тайнопись. Но и расшифрованных мест достаточно: «Школьное благочиние» сочинил черный поп Прохор из Коломны. До сих пор этот поэт XVII в. не был известен.

О поэтической деятельности Прохора Коломнятина можно судить, изучив сборники, где находится «Школьное благочиние». Так, например, комплекс из «Школьного благочиния», несколько стихотворных азбуковников и письмовников, занимавший в Афанасьевском сборнике почти 200 листов, 4°, завершался тайнописным свидетельством о составителе: «Начато в Соловецкой пустыне, что в Морчуках под Москвой, тожде совершено в Костроме в Ипатской честней обители тем же первостранником в лето миробытия 7191»⁴.

Прохор и «первостранник» — это одно и то же лицо. В предисловии к «Школьному благочинию», извещая Диомида Яковлева о получении его послания, Прохор называет себя «первостранником»: «Первостранником послание твое буди приятно. Во нем же писано су усердием внято. Готовый за посещение твое Бога молю...» (1 об.). Можно привести дополнительные дово-

³ Мордовцев Д. Указ. соч. С. 47—48.

⁴ Тайнопись прочтена: Петров А. Н. Об Афанасьевском сборнике XVII в. и заключающихся в нем азбуковниках. СПб., 1896. Приложение 4. С. 98.

ды за то, что под «первостранником» подразумевается Прохор. Например, в одном из азбуковников того же Афанасьевского сборника словом «первостранник» толковалось имя «Прохора — первостранника, первошественника, або спевака, або клиросник». Знаменательно, что сразу же вслед за Прохором в азбуковнике разъяснялось имя «Диомида — благ советник, светел совещатель»⁵.

По записям Прохора Коломнятина в Афанасьевском сборнике в какой-то мере прослеживается его биография. Свою писательскую работу он начал в Морчуках (или Марчугах), недалеко от Коломны⁶. В 1682—1683 гг. продолжал сочинять в Костроме, в Ипатьевском монастыре, а в 1683—1684 гг. этот странствующий поп дополнил старый азбуковник по поручению келаря Псково-Печерского монастыря. О последнем факте сообщали заглавие («новоприписася» неким иеромонахом в 7192 г.) и тайнописная запись в предисловии к азбуковнику: «Псковопечерския обители келаря иеродиакона Феодосия повелением вновонаписася убогим первостранником»⁷. Афанасьевский сборник, по-видимому, был составлен из произведений, отредактированных или сочиненных Прохором Коломнятином не позднее 1683—1684 гг.⁸. Диалог «Школьное благочиние» был написан, вероятно, в начале 1680-х годов. Других сведений о Прохоре Коломнятине пока нет⁹.

Нетрудно заметить, что «Школьное благочиние» и окружавшие его в сборниках произведения были тесно связаны с регламентацией и утверждением новых школьных обычаев в России конца XVII в. Если диалог о благочинии был посвящен началу занятий учителя с «младоумными и маловозрастными отрочатами», объясняющего ученикам, как вести себя в школе, то другие диалоги показывали, что и как нужно отвечать посетителям, приходящим в школу; в иных диалогах к ученикам обращались Мудрость и различные науки¹⁰.

⁵ Текст см.: *Петров А. Н.* Указ. соч. С. 100. Ср.: *προχοροεΐω* — плясать впереди.

⁶ О Морчуках см.: *Иванчин-Писарев Н.* Прогулка по древнему Коломенскому уезду. М., 1844. С. 34—37. Во второй половине XVII в. пустынь в Морчуках числилась за Соловецким монастырем и поэтому называлась Соловецкой. См.: *Зверинский В. В.* Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях... СПб., 1892. Т. 2. С. 310—311.

⁷ Тайнопись прочтена: *Петров А. Н.* Указ. соч. С. 85.

⁸ Афанасьевский сборник, вероятно, был составлен не ранее 1682 г., так как В. В. Буш, читавший сборник Флорищевой пустыни, аналогичный Афанасьевскому, нашел в нем упоминание об уже покойном царе Федоре Алексеевиче. См.: *Буш В. В.* Указ. соч. С. 27—28. Состав сборника Флорищевой пустыни ср. по описанию: *Викторов А. Е.* Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России. СПб., 1890. С. 267—268.

⁹ Сведения о «детском учителе» Диомиде Яковлеве совсем скудны. Не он ли во второй половине XVII в. переписал книгу «Крины сельная», хранившуюся в Кириллове Новозерском монастыре, а в 1696—1697 гг. сборник сочинений Симеона Полоцкого? См.: *Викторов А. Е.* Указ. соч. С. 159.

¹⁰ См.: *Мордовцев Д.* Указ. соч. С. 6, 8, 17, 40—41, 55—65; *Петров А. Н.* Указ. соч. С. 90; *Буш В. В.* Указ. соч. С. 100—102.

Торжественная церемония начала обучения и чтения книг получила заметное отражение в книжности. Недаром «Букварь языка славенска», составленный Симеоном Полоцким и изданный в Москве в 1679 г., начинался с изложения порядка «благословения отроков во училище учиться... идущим». Учебный «Часослов», вышедший в Москве в 1683 г., также предусматривал диалогическую церемонию передачи книги учащемуся отроку, к которому сначала обращались с речью родители, затем учитель ¹¹. Даже издание «Истории о Варлааме и Иоасафе» 1680 г. начиналось с диалога отроков, предвещающего чтение книги ¹².

Развитие школьных обычаев побуждало к созданию все новых произведений. Не случайно в русские буквари и учебные сборники начали включать праздничные «приветства», которыми учителя должны были поздравлять родителей и благодетелей; образцы писем, посланий и челобитных, которые ученики должны были уметь писать разным лицам; многочисленные афоризмы и поучительные выражения, которые учащиеся должны были вспоминать к случаю. Карион Истомина составил ряд стихотворных книг на темы воспитания и обучения — «Домострой», «Полис» и знаменитый «Букварь». Появилась положенная на ноты речь учителя пения к ученикам ¹³.

С конца 70-х — начала 80-х годов XVII в. в России наблюдается интенсивный рост литературы, связанной со школой и школьными делами. В Петровское время школьная литература и драматургия станут выдающимся явлением русской культуры. Произведения Прохора Коломятина, в частности, диалог «Школьное благочиние», стоят в начале этого пути.

1976 г.

3. МОТИВ ПЕРЕМЕНЧИВОСТИ ЖИЗНИ В ДРАМАТУРГИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в.

Изображение переменчивости жизни (но уже не суетности ее!), без сомнения, сродни позднейшим литературным явлениям. Картины меняющегося мира и размышления по поводу многообразия перемен в жизни человека мы найдем у русских писателей и поэтов XVIII—XX вв. — от Кантемира, Радищева до Бунина

¹¹ Единственный сохранившийся экземпляр этого «Часослова» имеется в ГИМ, собрание Синодальное, № 204, л. 4 об.—6.

¹² История о Варлааме и Иоасафе. М., 1680. Л. 1—3 об.

¹³ «Поучение учителево ко учеником на виршу» — РГБ, собрание Большакова, № 385, л. 37—39 об. Это переделка стихотворения писателя XVII в. Тихона Макариевского, так как в стихотворении заметны искаженные остатки акростиха: «Трудился о сем монах Тихон Макариевский».

и Шолохова. По такому признаку, например, русскую драматургию 70-х годов XVII в., как нам кажется, можно связывать с литературой Нового времени.

Новаторское литературное творчество вело к новой, еще невиданной на Руси изобразительности. А «рост изобразительности», по наблюдениям Д. С. Лихачева, тоже являлся признаком перехода к литературе Нового времени; ибо «принципиально важен был переход к детализированному видению»¹. Но переход к литературе Нового времени совершился отнюдь не просто.

Можно ли пьесы и круг произведений 60-х—70-х годов XVII в. причислить к новой литературе? Думаем, что все-таки нельзя. Перед нами явление именно переходное. Изображение переменчивости жизни недостаточно четко отделилось у авторов от церковной идеи бренности мира. Авторы, включая протопопа Аввакума, еще нередко сбивались в традиционную колею поучений о скоротечности и ничтожности сей жизни. «Время жития сего суетнаго сокращенно: яко дым исчезает и вся сия минует», — писал Аввакум (933)². Поэт и монах Симеон Полоцкий мог в драме прославлять красоту и многообразие мира и одновременно сочинять стихотворение «Житие наше пара», то есть жизнь наша — пар: «Пара тонка и едва видится, тако жизнь наша кратка и в немнозе зрится» (128). Один из персонажей «Повести о цесаре Оттоне» признавался: «И тща бысть надежда моя в познании вещей мира сего, яко все суета и стень...» (10—11). Живое приятие мира еще долго будет перебиваться рецидивами его аскетического отвержения.

Изображение переменчивости жизни не было достаточно глубоким в XVII в. Оно в основном охватывало события вокруг человека, внешнее положение героя, его настроения, но не связалось вплотную с изображением человеческих характеров. В нем было много механистического. В драматургии, по словам Д. С. Лихачева, «движение действующих лиц — это какая-то замена настоящей внутренней жизни героев. Театр — кукольный, где действующие лица много жестикулируют потому, что нет иных средств выразить душевную жизнь. А душевная жизнь — потому так экспрессивна, что она еще не доходит в своих тонких и сложных проявлениях. Кричать надо глухому, жестикулиро-

¹ Лихачев Д. С. XVII век в русской литературе // XVII век в мировом литературном развитии. М., 1969. С. 304, 311; *Он же*. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1971. С. 318, 383; *Он же*. Развитие русской литературы X—XVII веков: Эпохи и стили. Л., 1973. С. 146, 153.

² Цитируемые произведения: «Акт в Калеандре» // РРД. Т. 5 / Текст памятника подгот. З. Т. Лихтман; «Артистона» // *Сумароков А. П.* Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе. М., 1781. Ч. 3; «Повесть о российском кавалере Александре» // Русские повести первой трети XVIII века / Изд. подгот. Г. Н. Моисеева. М.; Л., 1965; «Повесть о цесаре Оттоне» / Повесть зело душе полезна... М., 1848; сочинения Аввакума // РИБ. Т. 39; сочинения Симеона Полоцкого // Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. / Изд. подгот. А. М. Панченко. Л., 1970; «Сципио Африкан» // *Тихонравов Н. С.* Русские драматические произведения 1672—1725 годов. СПб., 1874. Т. 2. Страницы или столбцы изданий указываются в скобках.

вать и много двигаться — тому зрителю, который не привык к тесноте сценической площадки. Историю, битвы, судьбы людей надо втиснуть в размеры комнаты; вот и выход «рвать кулисы», как говорили в старину. Движение — эрзац размеров»³.

Произведения 60-х—70-х годов XVII в., в которых наиболее ясно выразилось ощущение всеобщей переменчивости мира, занимали место, промежуточное между древней и новой русской литературой. Эта «промежуточная зона» довольно заметна⁴.

60-е—70-е годы XVII в. дали яркие примеры «прорыва» к литературе Нового времени. Но затем переход замедлился. После 60-х—70-х годов, в последней четверти XVII в. наблюдается определенный художественный спад. Нельзя указать такие произведения конца XVII в., в которых мотивы переменчивости жизни и энергичности человека воплотились бы с такой же изобразительной силой, как ранее. Нет Аввакума, нет Симеона Полоцкого, нет драматургии. Зато получают распространение сочинения в церковном духе о суетности мира, близости смерти и пр., различные вирши о смерти, «лестницы к небеси»; изображают ад и орудия адских мучений, как, например, в «Пентатеугуме» Андрея Белобочко⁵. Лишь с начала XVIII в. замечается возвращение к прежней изобразительности, в частности, в повести о Фроле Скобееве и в переводных драмах театра Кунста—Фюрста. Но в промежутках между 70-ми годами XVII в. и началом XVIII в., в последние десятилетия XVII в., пожалуй, происходит спад развития в сторону Нового времени. Характерно, что в предисловие к сборнику «Грешных спасение», переведенному с новогреческого в 1693—1705 гг. и утверждавшему ту же тему бренности и суетности земной жизни, был помещен призыв к читателям забросить все «истории, комедийския и ина душевредная словеса творческая»⁶.

³ Благодарю Д. С. Лихачева за это замечание, высказанное им в письме ко мне в мае 1973 г. по данной теме. Ср.: «Внутренняя жизнь человека интересовала писателя только в ее внешних проявлениях» (*Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков. С. 206*).

⁴ Ср. высказывания Д. С. Лихачева о XVII в.: «...век этот был веком постепенного перехода от древней литературы к новой соответственно переходу России от средневековой культуры — к культуре нового времени»; «...из двух борющихся и смешивающихся литературных систем литературная система нового времени не одержала еще в XVII в. полной победы»; «...барокко в истории русской культуры послужило мостом к новому времени»; «...оно служило переходом от средневековья к новой литературе» (*Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков. С. 139, 164, 207, 212*). Характеристику пьес 1670-х годов см.: *Демин А. С. Русская литература второй половины XVII — начала XVIII века. М., 1977. С. 27—57, 118—190*.

⁵ Об этих темах в поэзии последней четверти XVII в. см.: *Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 202—207*.

⁶ См.: *История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 418*. Раздел написан В. П. Адриановой-Перетц. Ср.: *Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903. С. 336—338*.

«Сципио Африкан»

Сопоставим с пьесами 1670-х годов пьесу начала XVIII в. из репертуара театра Кунста—Фюрста — «Сципио Африкан, вождь римский, и погубление Софонизбы, королевы нумидийския». Эта пьеса с развитым сюжетом, на тему из древней истории, о древних царях, их подданных и возлюбленных, об интригах и обидах, и пр.; с идеями и представлениями, сходными, вплоть до языкового выражения, с представлениями драматургов 1670-х годов. Вот один из персонажей неоднократно требует от окружающих употреблять время с пользой, не тратить его напрасно: «Что пользует, что мы здесь слова и время потеряем?», «... вотще ... что мы и слова и время потеряем?» (68, 86). Внешне эти высказывания почти полностью совпадают с призывами энергичных драматических героев 1670-х годов.

Декларациями о переменчивости жизни прямо-таки изобилует пьеса о Сципио Африкане. Герои часто говорят о переменах в их судьбе с радостных на печальные и, напротив, с печальных на радостные. «По се время еще моя счастливая звезда сияла, ныне вовсе погибла», — сетует героиня (48). А вскоре она же восклицает в радости: «О счастливое время, еже мою печаль в радость и в утешение переменил!» (59). В коротких промежутках между поворотами судьбы герои живут надеждой, ощущением, убеждением в непрерывности перемен. «Ныне небо нашу печаль повратит в радость», — уверен один персонаж (47). «Время и счастье все переменит», — вторит другой (48). Неизбежность перемен выглядит как закон природы, как чередование погоды: «Солнце, еже под темными громовыми облаки ухоронится, по бывшему ненастию светлее паки приходит» (72).

Что поделаешь — «противная перемена, непостоянна тако...» (49), «такое всегда счастье играет» (36). Поэтому герои никогда не уверены в том, как окончатся события. «Неизвестность кончины человеческих дел суть непрестанное смятение мое по се время сладкия душевном покои», — признается один из главных героев (39). «Понеже конец всех человеческих дел неизвестный и сумнительный есть», — констатирует другой главный герой (75).

Любытно, что благополучное течение событий в пьесе, когда, казалось бы, ясен близкий конец, отнюдь не сглаживает у героев ожидания неожиданной перемены. «А я ведаю, что сахар напоследок не без перца будет», — замечает персонаж в предпоследнем действии пьесы и оказывается прав (82).

Нетрудно увидеть близкое, иногда даже фразеологическое сходство всех этих восклицаний, деклараций, поучений о переменчивости жизни в пьесе начала XVIII в. с пьесами 1670-х годов. Это, конечно, не означает, что пьесы 1670-х годов использовались в качестве источников в театре Кунста—Фюрста; но несомненно, что драматурги 1670-х годов и некоторые драматурги (и переводчики) 1700-х годов вращались в сфере одних и тех же мотивов.

Однако есть и различия, правда, не очень существенные. Семантика пьесы о Сципио Африкане явственно беднее пьес 1670-х годов. Во-первых, авторские характеристики мира в пьесе о Сципио Африкане выражаются более односторонне, однообразно, как правило, «в лоб», в виде прямолинейных философических высказываний героев. Во-вторых, мысль о переменчивости жизни очень выпячивается, а прочие мотивы уходят в тень, теряют определенность. Так, авторские упоминания о энергичности человека в первой половине пьесы о Сципио Африкане отсутствуют; к концу пьесы попадает несколько высказываний персонажей, два из которых мы уже цитировали: герой говорит о нежелании терять время попусту, однако только в деле любви. Да и то не все персонажи с ним согласны, расхолаживая любовный напор: «Зело скорое намерение не часто удается» (84). Одно из порицаний в пьесе: «Ты прямой торопливый человек» (63). Торопливость теперь осуждается. Так что мысль о необходимости быть энергичным для пьесы о Сципио Африкане уже не характерна и для героев даже неприятна.

По сравнению с 1670-ми годами ново в пьесе лишь одно. Переменчивость жизни толкуется более широко и становится совсем безграничной. Закону переменчивости полностью подчинены судьбы царей в ряду всех смертных. Уж эту мысль герои стремились довести до слушателей со всевозможной старательностью. Лишенный престола король заявляет: «Падение и возстание всем смертным людям общее есть» (41). Он же через некоторое время повторял: «Зри на мое злополучение и подумай, что счастье и несчастье всем смертным обще» (67). Затем даже выставлял себя в качестве примера для всех смертных: «Вы, смертные! Научитесь от меня: ... тогда часто бывает, иже днесь в железах, вчерась Крезус был...» (70—71). Герои неизменно возвращались к мыслям о парадоксальной зыбкости власти. «Наш король окован есть, иже до сего корону носил на главе!», — ужасались придворные (41). Королева смиренно констатировала, что она «игрушка фортуны ... За час королева была, а ныне ... служебница» (68). В пьесе мгновенно и притом многократно изменялось положение коронованных особ — это было главным в содержании пьесы начала XVIII в. В драмах 1670-х годов еще не могли утверждать подобную прихотливую, беспокойную, всеобщую изменчивость в судьбе царей и королев, абсолютное отсутствие твердых гарантий для сохранения трона и т. п. В самом начале XVIII в. же (вспомним о смутном начале царствования Петра) эта идея уже открыто, демонстративно подчеркнута высказывалась в пьесе, шедшей публично в театре на Красной площади. Недаром репертуар театра Кунста—Фюрста не нравился Петру: репертуар, как оказывается, отнюдь не аполитичный.

В понимании авторов (или переводчиков) пьесы мыслилось ли хоть что-нибудь постоянным, чем можно было бы руководствоваться в этом зыбком мире? Пожалуй, никакой твердой опоры не было. Один из героев призывал надеяться

на разум: «Солнцу разума надлежит такой туман отнимати», «учитесь вовремя разумным быти» (43, 40). Он обращался к своему разуму: «Вы, мои верныя мысли, советуйте мне» (70). И тут же эту разумность терял. Партнеры обвиняли его в «безумии»: «ты безумом зачинал», «перестань; ныне вовсе ты безумным стал» (96, 102). Нет, разум не был опорой в зыбком мире.

Может быть, постоянство любви внушало героям чувство уверенности? «Само небо тех казнит и ненавидит, иже вскоре верности забывают, скоро они того, скоро инаго обнимают» (75). «О, твердая верность по алмазову подобию! О, пример непремный!» (78). Однако риторические восхваления верности, к тому же единичные, пьеса ничем не подтверждала. За свою верность герой не получал ничего. Верный герой погибал, а неверный, изменчивый герой неожиданно торжествовал. Поистине в безбрежной переменчивости не было видно ни малейшего островка постоянства и сохранности.

Сравнительно с пьесами 1670-х годов мотив переменчивости жизни в пьесе начала XVIII в., став внешне шире, не стал глубже. Этот мотив касается множества ситуаций, дробится, но не развивается. Иными словами, в начале XVIII в. спад развития в направлении к литературе Нового времени продолжается ⁷.

Повести 1720-х годов несколько углубили художественное представление о переменчивости человека, но оно относилось преимущественно к изображению любви и любовных переживаний. Героини жаловались: «О проклятое непостоянство ковалерское!» А герои отвечали: «Нет конца непостоянству и злости злых жен» («Повесть о российском кавалере Александре», 229, 285).

«Акт о Калеандре»

Перенесемся через двадцать с лишним лет. Сравним с первыми пьесами огромный «Акт о Калеандре и Неонилде», «скомпанованный» в Москве в 1731 г. Эта «историческая комедия» о цесарях, королях, их детях, их возлюбленных, с прихотливо выющимся сюжетом, в общем, не дает ничего принципиально нового. Сетования, предупреждения, восклицания героев о переменчивости жизни уже полностью традиционны: «Вот моя то радость в печал пременилась», «пременитца печал вам на радость», «будет вам премена, радостна измена», «печал моя ныне уже пременилась», «не так учинитца, вскоре пременилца» и т. д. и т. п.

⁷ Разумеется, это наблюдение, сделанное над одной, хоть и типичной пьесой, нуждается в проверке всем литературным материалом начала XVIII в. и не только с точки зрения эволюции художественных представлений. Но ср. известное положение Д. С. Лихачева: «Петровская эпоха — это перерыв в движении литературы, остановка... само развитие литературы ничем новым в Петровское время не ознаменовалось... театр Петровского времени не внес существенных перемен в характер репертуара...» (Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1971. С. 20).

Подобных высказываний чрезвычайно много, персонажи повторяют их в каждом явлении по многу раз, и в пьесе их можно собрать добрую сотню.

Высказывания о переменчивости судьбы, жизни, обстоятельств превратились в общее место, в назойливо повторяемую и слегка варьируемую формулу. Теперь переменчивость жизни не вызывает у героев никакого удивления, никаких эмоций, никаких раздумий, воспринимается как общеизвестное правило, как закон каждого дня, как принадлежность ежедневного обихода. Все «нечаянно» — и радость, и печаль, и смерть, и передаваемые вести. Эпитет «нечаянный» — один из самых часто употребляемых в «Акте», в котором, кстати, участвует и самостоятельный символический персонаж — «Премена» (181). По сравнению с пьесами 1670-х годов в «Акте о Калеандре» ново то, что когда-то сложное, волнующее представление о переменчивости жизни превратилось в абсолютно привычную плоскую мысль, сжалось в афоризм, часто и однообразно повторяемый.

Значит ли это, что в «Акте о Калеандре» отразился процесс «усыхания», обеднения, отмирания представления о переменчивости мира? Думаем, что перед нами свидетельство не отмирания этого художественного представления вообще, а свидетельство кризиса механистической стороны в данном представлении. Действительно, механистическое мелькание жизненных перемен в «Акте о Калеандре» доведено до крайнего количественного предела. Перемены происходят на сцене буквально ежеминутно. Перемены очень резки. Герои дают слово, «верный парол», и мгновенно отказываются от него. Герои восхваляют друг друга и мгновенно переходят ко взаимным ругательствам. Благополучие мгновенно сменяется несчастьем, радостная жизнь — смертью: «Полно веселитца. Пора в гроб лажитца» (181) и т. п. Автора «Акта о Калеандре» привлекала уже не столько идея переменчивости жизни, сколько сам прием перемены сценических ситуаций; разрабатывалась не идея, а искусственный, формальный прием, неестественно гиперболизовавший лишь одну сторону мотива — перемены, перемены, перемены как можно чаще. Далее в таком направлении усиливать мотив было невозможно. Недаром ничего подобного «Акту о Калеандре» в этом отношении не появилось.

«Артистона» А. П. Сумарокова

Перенесемся еще через двадцать лет, к пьесам А. П. Сумарокова, одного из общепризнанных зачинателей новой русской литературы. В качестве примера выберем малоизученную трагедию А. П. Сумарокова «Артистона» (1750), которая как раз наиболее подходит для сравнения с пьесами 1670-х годов. «Артистона» посвящена событиям в древней Персии (вспомним «Артаксерксово действо»), показывает персидского царя, его подданных, его возлюбленную, их взаимоотношения с неожиданными поворотами, а все «действие есть в цар-

ском доме» (186). Герои трагедии также повторяют традиционную мысль о переменах в жизни с радости на печаль и с печали на радость: «надежды не лишайся и возвращения приятства дожидайся» (195). На фоне этого общего сходства трагедии 1750 г. с пьесой (или пьесами) 1670-х годов рельефней выделяются ее принципиальные отличия.

Исследователи уже отметили существенную особенность трагедий Сумарокова, характерную для литературы Нового времени: перенос авторского внимания с изображения внешних событий на внутренние, душевные переживания героев. Это важное наблюдение подтверждается и при изучении творчества Сумарокова (на материале «Артистоны»). Мы видим решающий поворот: уже ставший традиционным мотив внешней преме́нчивости жизни преобразился у Сумарокова по-преимуществу в мотив психологической подвижности человека, текучести человеческих чувств и настроений.

Персонажи трагедии обычно кратко упоминают о свершившейся за сценой перемене ситуации, но зато со сцены подробно говорят о вызванной этим перемене и противоборстве своих чувств. Мысль о переменчивости счастья выражается по-новому. Вот знатная персиянка Федима, узнав, что ее жених персидский царь Дарий полюбил другую, отнюдь не пеняет на «пременность» счастья, как это могло быть в пьесах 1670-х годов. Федима рассказывает о движении своих чувств (и чувств каждого, кто очутился бы в ее положении) — от радости к горю, от горя к надежде, от надежды к еще большей печали: «так страждущ в горестях... || в изнеможении сомкнув слезящи очи, || когда увидит то, чево желает он, || и как то унесет опять с собою сон, || грустит зляй прежняго, почто ему то снилось» (188). Это размышление не о «пременности» счастья, а о «пременности» ощущения счастья — разница знаменательная.

В «Артистоне» Сумарокова тема «пременности» чувств героев проведена необычно глубоко. Драматург исходит из идеальной предпосылки, что сердце «ищет благ своих в едином постоянстве» (229), но постоянства нет в душах героев. Новая грань переменчивости открыта Сумароковым в том, что противоположные чувства не просто сменяют друг друга в душе героя, но противоборствуют в душе одновременно, прежде чем одно вытеснит другое. Теперь уже не мир находится в состоянии крайнего неравновесия, а смятенная душа героя. Вот как та же Федима характеризует свои чувства к Дарию: «Когда б готова я была его пить кровь, || в тот самый час к нему я чувствую любовь. || Смотри, Малмира, ты на состоянье злое, || и разсуждай, могу ль уже я быть в покое!» (191). Малмира — это наперсница Феди́мы, и показательно, что не только сама Федима раздумывает о своем противоречивом состоянии, но предлагает «разсуждать» о том же и подруге. Если в 1670-х годах драматических героев удивляла и побуждала к размышлениям «чюдная и пречюдная» внешняя

переменчивость жизни, то в 1750 г. их озадачивает и заставляет думать противоречивая переменчивость душевная.

Почти все герои «Артистоны» пребывают в этом беспокойном, напряженном состоянии борьбы чувств. Федиму в начале томит сочетание любви и злобы, затем мстительности и раскаяния. «Я злаго своего намеренья гнушаюсь, || — признается она, — но к добродетели уже не возвращаюсь. || Вся внутренна моя мятется и дрожит» (236). Ощущения раздвоенности испытывает и соперница Федимы Артистона. Она любит и боится любить: тот, «за ково мне страсть велит страдать, || тому должна я сим неверность показать. || И должно несть и в гроб сие с собою бремя» (206). Подобная раздвоенность до гроба не обязательно связана с известной в классицистических драмах борьбой долга и страсти в душе героев. В конце пьесы, когда все заканчивается для нее благополучно, Артистону продолжают разрывать противоположные чувства, например, радость и печаль, веселие и жалость: «В середине радостей и щастья утверждена, — констатирует она, — с веселием моим днесь жалость сопряженна» (253). Противоречивость чувствований — самостоятельное свойство героев, она отмечается также у персонажей, которые не борются со страстями и даже не появляются на сцене. Так, сообщается о пребывающих за сценой «гражданах» Персии, что их тоже тянет «к смешенью радости и плача несказанна» (244). В пьесах 1670-х годов персонажи тоже чувствовали радость или печаль, но не одновременно, а в безусловной смене одного чувства другим. Сумароков же явно стремится указать на новое, подвижное психологическое состояние героев, на текущие, неустойчивые, переменчивые процессы в человеческой душе, которые ранее не были засвидетельствованы русской драматургией.

В пьесах 1670-х годов могли, правда, скрывать одно чувство под личиной другого, например, непомерное тщеславие и гордость маскировать видом преданности и покорности, как вельможа Аман перед царем Артаксерксом. Однако и в подобных ситуациях драматические герои XVII в. чувствовали что-то одно, лишь скрывали это чувство. Иначе ведут себя драматические герои 1750 г. Так, Федиму, возненавидевшую царя Дария, предупреждают: «Ты, злобу чувствуя, не можеш притвориться» (245). Также и Артистона пытается скрыть свои чувства перед Дарием (жалость и любовь к Орканту), но Дарий легко замечает ее настроение. В отличие от драматических персонажей 1670-х годов герои трагедии 1750 г. испытывают действительно двойственные чувства. И если герою удастся ввести в заблуждение другого, то только потому, что он говорит, воображая несуществующую ситуацию и начиная переживать воображаемое. Например, вельможа Гикарн обманывает Федиму в том, будто он исполнил ее поручение и заколол кинжалом Артистону; но обманывает благодаря тому, что реально терзается переживаниями: «Подвигнут жалостью боролся сам с собою, || но наконец сего

себя я победил || и, очи отвратив, убийство совершил» (239). Двойственность, текучесть чувств была обязательным свойством горев «Артистоны».

Сумарокову в «Артистоне» иногда удавалось настолько тонко уловить и обозначить момент столкновения и перехода чувств, что эти места трагедии представляют поэтический интерес и поныне. Вот, по крайней мере, три таких места. Первое: отвергнутая Дарием Федима много плачет от тоски и досады, но затем эти слезы постепенно превращаются в слезы ярости. «Плачу, но не от жалости... || От ярости одной текут потоки слез», — отмечает Федима такой поворот в ее настроении (199). Слезы внешне те же, но «жалость» обернулась яростью. Второе место еще более изящно обозначает переход чувств. Артистона сравнивает свои переживания с чувствами утопающего: «Он руки томные повсюду простирает... || Трепещется, еще к надежде устремлен, || когда ево уже скрывают волны люты» (208). Вольно или невольно Сумарокову удалось подметить тонкий переход, когда чувство, только что вполне естественное и безошибочное, становится ошибкой. Третье место аналогично второму по смыслу и, пожалуй, наиболее художественно. Возлюбленный Артистоны, молодой Оркант узнает о ее смерти: «Уже скончалась ты, любезная царевна! || Скончалась! О злой день! А я еще живу! || И уж едину тень любовницей зову!» (250). На наших глазах в этом стелении меняются оттенки любви. Горячая любовь к живому человеку обращается в щемящую любовь к тени, к человеку умершему. Приведенные примеры еще раз убеждают в том, что Сумароков был увлечен передачей душевных, эмоциональных переходов и в этом был новатором в русской драматургии.

Разумеется, новаторство Сумарокова было относительным. С одной стороны, он, как известно, немало заимствовал из классицистической и современной ему французской драматургии, в том числе, по-видимому, перенял склонность к описаниям переходных и противоречивых душевных движений героев. Но известно также, что Сумароков пытался самостоятельно разрабатывать опыт западноевропейской литературы. В частности, трагедия «Артистона» не была переводом или переделкой каких-либо западноевропейских пьес, но явилась сочинением самого Сумарокова, вместе с другими его трагедиями прокладывавшим новые пути в русской литературе.

С другой стороны, относительность новаторства Сумарокова заключается в том, что введенный им в русскую драматургию способ описания душевного беспокойства и душевной борьбы героев в известной степени все еще оказывается механистическим, если сравнивать сумароковские трагедии с новой русской драматургией вообще. Переходы чувств у Сумарокова не изображались непосредственно через сценическое действие, а лишь описывались в монологах, в рассуждениях героев. Источник этих душевных перемен и противоречий мыслится чисто внешний — некий злодей или внешние обстоятельства. От них

следовал толчок извне в души героев, и уж тогда, как круги по воде, распространялись в душах героев противоборствующие чувства. В «Артистоне», например, таким первоначальным толчком служили действия тирана Дария, персонажа совершенно схематического, даже условного, ибо из бесчувственного злодея в абсолютно добродетельного героя он превращался мгновенно, без всяких усилий. Дарий выступал в роли, как мы сказали бы сейчас, «пускового устройства» душевных переживаний у окружающих героев: с его превращением в олицетворение добродетели затихали душевные бури всех персонажей. Условность облика Дария сказывалась и в том, что причина его жестокости или доброты, в свою очередь, переносилась куда-то вовне. «Не я, но рок моих жестокостей содетель», — объяснял свою роль Дарий (224). Конечная причина оказывалась абстракцией. Принцип изображения психологической противоречивости человека и текучести его чувств не был проведен Сумароковым последовательно, полно, многообразно; но ведь вряд ли возможно это было сделать сразу. Заслуга Сумарокова-драматурга заключается в том, что он впервые в русской литературе сознательно и с большим старанием приступил к описанию переходных, текучих, противоречивых состояний человеческой души.

Новая душевная черта драматических персонажей стала важнейшим элементом трагедии и определяла развитие внешних событий в произведении. Так, например, в «Артистоне» описание чувствований и вытекающих отсюда намерений героев занимало примерно четыре действия из пяти, и лишь в последнем, пятом действии разворачивались бурные события и происходили внешние перемены в положении героев. В пьесах же 1670-х годов то, что изображалось в пятом действии трагедии Сумарокова, как раз и было основным, а прочее являлось третьестепенным.

В «Артистоне» Сумарокова и понимание энергичности человека уже иное. Персонажи «Артистоны» внешне гораздо менее подвижны, являют намного меньшую двигательную «живость», чем драматические героини 1670-х годов. В их речах (а также в авторских ремарках) очень редко можно встретить указания на движения, жесты, мимику. В трагедии Сумарокова Артистона лишь как-то раз говорит Дарию: «Не отвращай очей и речь мою внимли» (223), — и это, пожалуй, единственное упоминание внешнего движения действующего лица во всей пьесе. Внимание Сумарокова направлено на другое, — на изображение борьбы и переходов чувств. Поэтому в трагедии провозглашается энергичность иного рода — энергичность чувствований. Значителен тот человек, чья душа способна переносить сильные и противоборствующие переживания. «Когда угодна жизнь по радостям катится, || великия души тогда еще не зрится... — поясняет один из персонажей. — Но как чувствительно наш разум огорчится, || тогда коль бодр наш дух, тогда лишь объявится» (190). «Бодрость» человека —

в «бодрости» его духа. Еще определеннее это формулирует другой персонаж: «Чтоб горесть крайнюю подать спокойствам зреть... || не дев и не мужей, одних героев дело» (208). Герой — тот, кто может чувствовать себя спокойным в горести (а не лицемерно показывать вид спокойствия). Понимание энергичности передвинулось у Сумарокова в сферу психологическую.

Любопытно, что в «Артистоне» можно обнаружить проявления и старых взглядов на мир, но опять-таки в знаменательной трансформации. В трагедии Сумарокова персонажи иногда требуют былой внешней энергичности, однако только персонажи отрицательные. Например, вельможа Отан, отец Орканта, задумал убить царя Дария. Он непреклонен, он пытается склонить к участию своего мятущегося сына и, наконец, кончает речь такими словами: «Стени и воздыхай, — я к делу приступаю» (197). По сравнению с пьесами 1670-х годов здесь все наоборот: стенивший и воздыхающий — положительный, а желающий немедленно приступить к делу — отрицательный. То же и в другом случае. Федима готовит на дело будущего убийцу Артистоны: «Будь скор и будь свиреп в назначенную минуту» (234). Скорость в деле выступает опять в отрицательном контексте.

Кстати, если в приведенных высказываниях можно усмотреть осуждение автором прямолинейной скорости и энергичности, то по иным поводам, нежели те, по которым чрезмерная старательность осуждалась в древнерусской литературе. В древнерусской литературе до XVI в. осуждалось рвение в мирских делах, отвлекающее от церковных благочестивых занятий. У Сумарокова, конечно, совсем иная точка зрения. Прямолинейная энергичность вызывает отрицательное отношение автора, вероятно, потому, что не оставляет места для изображения противоречивых, двойственных, переменчивых чувств героев. Стихия действий у Сумарокова в значительной мере замещена стихией чувствований.

Резкая замена одного настроения другим, напоминающая о способах изображения романтических героев 1670-х годов, также иногда встречается в «Артистоне» у Сумарокова, но теперь опять-таки обычно в применении к отрицательным персонажам. Напомню для сравнения об Артаксерксе и Астинь в «Артаксерксовом действе». Чувства Артаксеркса резко перескакивают от любви к яростной враждебности: то он не может в любовной тоске «пребывати» без Астинь, то тут же называет ее «неблагодарной скот» и принимается за обсуждение ее казни. Между тем Артаксеркс — герой положительный. У Сумарокова же сходное явление замечаем в отношениях Федимы и Дария. Федима говорит: «Приятствы Дария днесь стали суеты, любовь моя — враждой» (197). Или: «Он мною был любим, теперь он мне злодей, и вышли нежности из памяти моей» (199). У Федимы механическая, контрастная замена чувств наиболее подчеркнута, а Федима и является главным отрицательным героем трагедии. Такого вида соответствия заставляют предполагать, что человек, изображае-

мый устаревшими способами, ассоциировался у Сумарокова с «плохим», недостойным героем.

Меняется и смысл традиционных деклараций о переменчивости жизни. Артистона говорит Дарию: «Забавы, шастие преходят так, как тень, || и весь наш краткий век минется так, как день. || А есть ли в животе мы чем себя прославим, || мы имя сим свое надолго жить оставим» (224). Слава человеческая — отнюдь не кратковременна и не суетна. Это ново. В драмах XVII — первой трети XVIII в. герои, наоборот, часто поминали суетность своей славы и величия. Исключением может служить лишь одно место в «Артаксерковом действе» — панегирическое обращение авторов к царю Алексею Михайловичу перед началом пьесы: «...слава твоя бессмертна имать пребывати». Но это лишь строчка. В самой пьесе Артаксеркс и другие персонажи достаточно рассуждают о суетности славы. По-видимому, у панегириков и у пьес были разные задачи. Панегирики утверждали особую исключительность восхваляемого конкретного лица; пьесы же показывали, как вообще бывает в жизни и как жизненным законам подчиняются и правители. Поэтому приведенную строчку из панегирического вступления к «Артаксеркову действу» можно не принимать во внимание, а слова сумароковских персонажей о длительности и несуетности славы можно считать выражением новой точки зрения на переменчивость в мире⁸. Переход к литературе Нового времени свершился.

1977 г.

4. НЕКОНТАКТНОСТЬ ЛИТЕРАТУРНЫХ ГЕРОЕВ В КОНЦЕ 1720-х — 1730-х ГОДАХ

Для первой трети XVIII в. характерно резкое новаторство не только в литературных формах, но еще большее — в содержании произведений. Время дворцовых переворотов, как его называли раньше, представляется «темным периодом» в истории русской литературы. На первый взгляд кажется, один А. Д. Кантемир писал в это время. В. К. Тредиаковский только начинал. О А. П. Сумарокове и М. В. Ломоносове еще не было слышно.

⁸ Поэтому нам кажется не совсем точным наблюдение Е. А. Касаткиной, которая, приведя подобные цитаты из трагедий Сумарокова, в том числе из «Артистона», пишет: «Эти размышления о скоротечности жизни отчасти напоминают лирическое сетование житий и проповедей... средневековые представления еще имели место в мировоззрении самого Сумарокова» (*Касаткина Е. А.* Сумароковская трагедия 40-х — начала 50-х годов XVIII века // Учен. зап. Томского педагогического института. Томск, 1955. Т. 13. С. 232, 260). Работы Е. А. Касаткиной побуждают внимательнее присмотреться к, казалось бы, «средневековым» местам в «Артистоне».

Но обратим внимание на малоизвестную анонимную драматургию конца 20-х—30-х годов XVIII в. Объем дошедших до нас драматических текстов намного превосходит все, созданное в это время в поэзии и прозе. Достаточно сказать, что гигантский «Акт о Калеандре и Неонилде» 1731 г. остается самой большой пьесой в русской литературе. Драматургия являлась ведущим жанром в 20-е—30-е годы XVIII в. Без нее это время, действительно, выглядит темным и скудным. Благодаря же анонимной драматургии конец 20-х — 30-е годы XVIII в. выделяются как один из примечательных периодов.

Характерно поведение литературных героев указанного периода. Вдруг нарушается взаимопонимание людей в произведениях. Их контакты друг с другом часто прерываются. В пьесах регулярно повторяются ситуации, когда один герой не хочет слушать другого. Например, в уже упомянутом «Акте о Калеандре и Неонилде» трапезонтский цесарь Атигрин время от времени теряет желание внимать речам своей дочери Неонилды и своих подданных. «Не слушаю никого... — твердит он, словно затыкая себе уши. — Не смотрю на девичьи оныя рассказы, не слушаю сицевой пакосной проказы». Так отвечает он и различным персонажам: «Вашим же рассказам и не мало внемлю» (144, 185)¹. И он на самом деле не слушает того, что ему говорят.

¹ Цитируемые произведения: «Акт о Калеандре и Неонилде» // РРД. Т. 5 / Текст памятника подгот. З. Т. Лихтман; «Акт о преславной палистинских стран царице Дияне» // РРД. Т. 5 / Текст памятника подгот. Л. А. Итигина; «Акт о царе перском Кире» // РРД. Т. 4 / Текст памятника подгот. В. Д. Кузьмина; «Анфитрион» // *Тихонравов Н. С.* Русские драматические произведения 1672—1725 годов. СПб., 1874. Т. 1; «Артакерсово действо» // РРД. Т. 1 / Текст памятника подгот. О. А. Державина и В. П. Гребенюк; «Гистория о гишпанском королевиче Дикаронии» // *Николаева М. В.* «История о гишпанском королевиче Дикаронии» (первая половина XVIII в.) // ТОДРЛ. Т. 21; «Гистория о храбром российском ковалере Александре» // Русские повести первой трети XVIII века / Изд. подгот. Г. Н. Моисеева. М.; Л., 1965; «Грациан, придворной человек» // Грациан, придворной человек. СПб., 1742; «Действие в персонах о короле Гишпанском» // РРД. Т. 5 / Текст памятника подгот. В. Д. Кузьмина; «Действие о Фониалде и Фелдегмере» // *Георгиевский Г. П.* Две драмы Петровского времени // ИОРЯС. СПб., 1905. Т. 10, кн. 1; «Действо о страдании святыя мученицы Праскевии» // РРД. Т. 4 / Текст памятника подгот. З. Т. Лихтман; «Драгыя смеяныя» // *Тихонравов Н. С.* Русские драматические произведения... СПб., 1874. Т. 2; «Записки» И. И. Неплюева // Записки Ивана Ивановича Неплюева (1693—1773). СПб., 1893; интермедия // РРД. Т. 5 / Текст памятника подгот. В. Д. Кузьмина и В. П. Гребенюк; «Истинная политика знатных и благородных особ» // Истинная политика знатных и благородных особ. СПб., 1737; «Историческое описание оного театрального действия» // Примечания к Санкт-Петербургским ведомостям. СПб., 1738. Ч. 17; «История о Париже и Вене» // *Виноградов Н. Н.* История о Париже и Вене: Переводная повесть в стихах Петровского времени. СПб., 1913; «Иудифь» // РРД. Т. 1 / Текст памятника подгот. Е. К. Ромодановская; «Комедия об Индрикке и Меленде» // РРД. Т. 5 / Текст памятника подгот. О. А. Державина и В. Д. Кузьмина; «Комидия притчи о блуднем сыне» Симеона Полоцкого // РРД. Т. 2 / Текст памятника подгот. А. С. Демин; «О должности человека и гражданина» // Самуила Пуфендорфа о должности человека и гражданина. СПб., 1726; «О позоричных играх» /

Почти каждый из множества главных и второстепенных героев огромной пьесы отказывается выслушивать чужие речи. «Не слушаю сего, того не внимаю» — говорит Неонилда (346). Какие-нибудь эпизодические турецкий султан Туркоман или египетский царь Силодон тоже прерывают обращенные к ним монологи: «Не слушаю тебе, что говоришь много», — обрывает Туркоман только что встреченного персонажа. «Не говори ж много предо мною тако... Никто в сей године мне не досаждайте», — велит всем Силодон (323, 330). Подобные случаи в «Акте о Калеандре» повсеместны.

В других пьесах действующие лица также нередко лишаются охоты выслушивать кого-либо. В «Акте о царе перском Кире и о царице скифской Тамире» Кир, например, заявляет: «Что бы кто ни глаголал, ни на кого взираю» (565).

Контакты между литературными героями в произведениях 20-х—30-х годов XVIII в. заметно нарушаются. Они часто то не расположены слушать, то не хотят отвечать. Когда один драматический персонаж спрашивает о чем-либо других, то те избегают ответа: «Не мешай, человече...» («Акт о Калеандре», 282); «не вопрошай», «не могу о сем объявити, не может мой и язык возвести» («Комедия об Индрике и Меленде», 526, 529) и т. д.

В других литературных жанрах 20-х—30-х годов XVIII в. герои тоже предпочитают промолчать или по крайней мере ответить на вопросы не сра-

Примечания к Санкт-Петербургским ведомостям. СПб., 1733. Ч. 45; «О пользе театральных действий...» // Примечания... СПб., 1739. Ч. 85; «О Сарпиде, дуксе ассирийском» // РРД. Т. 5 / Текст памятника подгот. А. С. Демин; «О Франталпее, короле эфирском» // *Богоявленский С. К.* Московский театр при царях Алексее и Петре. М., 1914; «Повесть о Франце-Имензолеусе» // *Николаева М. В.* Повесть о Франце-Имензолеусе Гишпанском. (Из истории рукописной литературы XVIII века) // Учен. зап. ЛГПИ. Л., 1959. Т. 198; «Повесть о шляхетском сыне» // Русские повести первой трети XVIII века / Изд. подгот. Г. Н. Моисеева. М.; Л., 1965; «Принц Пикель-Гяринг» // *Тихонравов Н. С.* Русские драматические произведения... СПб., 1874. Т. 2; «Разговор о пользе наук» В. Н. Татищева // *Татищев В. Н.* Разговор о пользе наук и училищ / Изд. подгот. Н. Попов. М., 1887; «Разсуждение» Феофана Прокоповича // *Феофан Прокопович.* Разсуждение о книзе Соломоновой, нарицаемой Песни Песней... М., 1774; речи Феофана Прокоповича // *Феофан Прокопович.* Слова и речи... СПб., 1761. Ч. 2; СПб., 1765. Ч. 3; речь Феофана Прокоповича о смерти Петра I // *Феофан Прокопович.* Сочинения / Изд. подгот. И. П. Еремин. М.; Л., 1961; «Своеручные записки» Н. Б. Долгорукой // Своеручные записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой... СПб., 1913; сочинения А. Д. Кантемира // *Кантемир А. Д.* Сочинения, письма и избранные переводы. СПб., 1867. Т. 1; «Старик скупой» // *Перетц В. Н.* Итальянские комедии и интермедии, представленные при дворе императрицы Анны Иоанновны в 1733—1735 гг.: Тексты. Пг., 1917; стихотворения В. К. Третьяковского // *Третьяковский В. К.* Избранные произведения / Изд. подгот. Л. И. Тимофеев. М.; Л., 1963; «Сципио Африкан, вожь римский» // *Тихонравов Н. С.* Русские драматические произведения... СПб., 1874. Т. 2; «Умозрительство» П. Буслаева // *Буслаев П.* Умозрительство душевное, описанное стихами... СПб., 1734; «Шутовская комедия» // РРД. Т. 3 / Текст памятника подгот. А. С. Демин. Страницы изданий указываются в скобках.

зу. Таково обычное свойство лиц, изображенных, например, в прозаической «Истории о гишпанском королевиче Дикаронии». Эта повесть содержала целую сцену молчания. Вот приходит французский король и обращается к своей дочери, но принцесса «ничего не говорит, и король не дождал от принцессы никаких ответов» (293).

Даже во вторую сатиру А. Д. Кантемира проник отмалчивающийся, не сразу вступающий в общение герой. Напомним, что сатира начинается с многократных вопросов Филарета к Евгению. Но ответа нет, и Филарет недоумевает: «Что же молчиши? Ужли твои уста косны стали?» (33).

В автобиографических сочинениях тех лет иногда мелькает и образ автора, не желающего или не могущего продолжать беседу. Феофан Прокопович в 1730 г. публично признается в том, как сорвался его разговор с В. Н. Татищевым: «...не могли мы придумать, что сказать» («Разсуждение о книзе Соломоновой, нарицаемой Песни Песней», 4). Какой-то рок тяготеет над всеми! Что-то затрудняет людям легко и гладко общаться друг с другом.

Мало того. В русской литературе 20-х—30-х годов XVIII в. умножаются персонажи, которые полностью отключены от общения с кем-либо или периодически впадают в состояние неконтактности. Они ничего не видят, не слышат, не помнят. Невероятное число обмороков в повестях так называемого Петровского времени отмечено уже давно. Почти нет такой героини, которая бы не «безумна явися и на землю паде, мраком поразися» («История о Париже и Вене», 141). С такой же силой «приходят в нечувствие» и мужчины, как, например, королевич Дикароний: «...стал яко изумленный. И в горести той обмер. И... был более часа аки мертв» (291—292).

В стихотворениях 30-х годов XVIII в. персонажи тоже часто впадают в беспомощность. В «Умозрителстве» П. Буслаева у всех «телесны очи от слез слепы»; все, «растворя уста, стали безумным подобны»; «у иных, чай, память пропала» (2, 15, 18). В элегиях В. К. Тредиаковского сама богиня Паллада «падает, обмирает... мутится очима, бездыханна, как мертва, не слышит ушима, всех чувств лишена» (58). Да и автор чувствует себя на грани безумия: «Мысли, зря смущенный ум, сами все мутятся... разум от меня бежит» (400).

Пьесы продолжают этот почти бесконечный ряд образов людей, потерявших контакты с окружающим миром. Саксонский королевич Индрик сразу чувствует: «Се уже ум мой помрачается» («Комедия об Индрике и Меленде», 52). Достаточно от тех лет сохраниться небольшому отрывку исчезнувшей драмы, чтобы в нем можно было найти беспомятого или обезумевшего человека. Так, в дошедшем до нас отрывке из «Действия о Фониалде и Фелдегмере» неведомая Фелдегмера предупреждает: «И беспомяства кроме не бе мысль мне инна», «уста онемели, и, мню, за безумну что вси мя возимели» (306—307).

Описание нарушений общения людей, очевидно, стало очень распространенным в 20-х—30-х годах XVIII в. В речах и проповедях встречаем знакомый образ оглохшего, ослепшего, обеспамятевшего героя. В одной из речей Феофана Прокоповича даже императрица Екатерина I «говорити не умеет; и слезити, яко изсохшая, не может; сидит ни жива, ни мертва; и аки бы в камень претворяется» (Ч. 2. 195).

Интересно, что, как только авторы биографических записок и мемуаров XVIII в. вспоминают о 20-х—30-х годах, то тут же живописуют обмороки. «Обеспаметавала... отступили от меня уже все чувства на несколько минут», «аслабела, все мои чувства анемели», «кажитца, в те дни и сонца не светила», — пишет Н. Б. Долгорукова («Своеручные записки», 21, 25, 36). «Находился тогда... вне себя и как бы помешанным», «и ей-ей не лгу, был более суток в безпамятстве», — рассказывает И. И. Неплюев («Записки», 112, 122).

Разумеется, литературные герои не непрерывно избегают общения друг с другом и не сплошь падают в обмороки. В произведениях рассматриваемого времени действие нередко развивается без сучка и задоринки, при полном взаимопонимании героев. И все-таки нарушение контактов и взаимопонимания изображаемых людей — очень заметная черта литературы 20-х—30-х годов XVIII в. Об этом свидетельствует еще одно обильное проявление «патологии» общения — толпы обманутых и заблуждающихся персонажей.

Действующие лица драм и повестей находятся в плену искаженных представлений о действительности и об окружающих их людях и поэтому нелепо ведут себя. В ответ на искренние заверения в преданности и любви повелитель заточает или изгоняет своих подданных или близких (например, в пьесе «О Сарпиде, дуксе ассирийском»). Герой принимает живого за мертвого («Комедия об Индрике»), мужчину за женщину, и наоборот (особенно часто в «Акте о Калеандре»); подставное лицо он не отличает от знатного («Комедия о графе Фарсоне»); истинного наследника престола путает с незаконным претендентом («История о царе Давиде и царе Соломоне»); воду считает ядом («Гистория о Дикаронии») и т. д.

Герой общается с другими, но в странном помрачении. Обычно лишь к концу произведения герои, если остаются живы, прозревают. «Вижду аз ваша многи ко мне верности, — говорит, наконец, Сарпид своим друзьям. — Отсель уже не может никто мя смутити» (125). Но надолго ли?

Хотя герои, поразмыслив, не всегда поддаются обману и заблуждениям, однако в довершение всего они затрудняют себе жизнь сомнениями там, где это не нужно. Между персонажами возникает еще одно препятствие. Ассирийская княжна Леонора, видя своего возлюбленного, не может говорить с ним, не верит: «Ах, кое се привидение мне ныне... Что за мечтание... Ах, стень образует персо-

ну Ореста...» («О Сарпиде», 122). Действующие лица иногда сомневаются в собственных речах: «Что верно ль я с вами разговоры дею» («Действие о Фониалде», 237). Так происходят нарушения в общении героев и затягиваются пьесы.

Различные нарушения в общении, контактах, взаимопонимании героев — широко разветвленное литературное явление 20-х—30-х годов XVIII в. Оно затрагивает и сюжетно-жанровые стороны произведений, в особенности драматических. Чем меньше взаимопонимания между основными персонажами, тем длиннее пьеса. В «Акте о Калеандре и Неонилде» приступами неконтактности страдают еще деды и родители этих героев (действие пьесы начинается с дедов, а завершается лишь в третьем поколении, когда живут уже только внуки и на сцене появляется даже правнук). События в таких пьесах и повестях развиваются столь неожиданно и прихотливо, что авторам приходится регулярно прибегать к помощи особых монологов, в которых герои, условно не слышимые своими собратьями по сцене, специально для зрителей напоминают о прошедших и ожидаемых перипетиях (драмы о Сарпиде, о Калеандре, о Петре Златых Ключей, отчасти — повесть о Париже и Вене).

Думается, нет необходимости добавлять новые примеры, так сказать, хронически повторяющейся некоммуникабельности литературных героев 20-х—30-х годов XVIII в. Посмотрим теперь, какова причина этого явления в памятниках.

В большинстве случаев герои «отключаются» от действительности, испытывая горе, печаль, «жалость нестерпимую», «отяхчение крайнее». «Одна толко болезнь сердечная их к тому приводит», как засвидетельствовано врачом в «Гистории о Дикаронии» (292). От горя не хотят отвечать и разговаривать. «Все от жалости и печали со страхом молчали», — поясняет, например, П. Буслаев в «Умозрителстве душевном» (1); «Тяжко... своя печали словом сказати», — говорит Индрик (529). Печаль неотделима от обморока. «От великой жалости из памяти отошла», — подобные объяснения встречаются во множестве повестей и пьес. «Несравненная печаль, как зверь лют, терзает», — пишет В. К. Третьяковский (400).

Но почему так грозна печаль в трактовке 20-х—30-х годов XVIII в.? Потому что человек от горя теряет разум, память, здравый рассудок. «Что ты без рассудка ся днес сокрушаеш, в таковой печали ум свой помрачаеш?» — спрашивает один персонаж другого. И тот подтверждает: «моего же ума днес горко иступаю» («Акт о Калеандре», 282, 283). Печальные и горюющие герои в произведениях того времени это одновременно «безумные», «глупые», «вне себя».

Такие же последствия имеет гнев, ярость, «прелютая злоба». «В злобе стоиш, а рассудку не употребляеш», «ум свой глупый весма помрачаеш», «напрасно мятешися в уме своем всяко», — предупреждают гневающихся героев, впрочем, без пользы. Персонаж все равно остается «без ума, нача порицати...

неутолимым гневом» («История о Париже и Вене», 167). В одной из проповедей Феофана Прокоповича даже Александр Македонский выглядит «бешеным»: «...мало ли такового безумия, каковое показал на себе Александр Македонский, который услышав, что другой негде свет обретается неприступный ему, восплакася бешеным, как пишут историки» (Ч. 3. 78).

Чувства, в основном отрицательные, — горе, гнев, страх, нетерпение — помрачают разум людей. Помраченный разум, как изображают литературные творения 20-х—30-х годов XVIII в., в конечном счете оказывается главной причиной нарушения людских контактов и взаимопонимания. Авторы исходят из представления о непримиримой противоположности чувств и разума у человека. Данной мыслью они руководствуются вполне сознательно. Поэты и драматурги пускаются в специальные рассуждения по этому поводу. Момент «болезни сердечной и печали... — комментирует свои же стихи П. Буслаев, — все делает без рассуждения слабость человеческая, и здравья проявления ума потмеваются» (12). У А. Д. Кантемира можно найти очень много высказываний о противоборстве разума и чувств: «Когда скорбь сердце теснит, ум мыслить не знает» (298).

По словам Кантемира, «людей много и страстей, ей, в людях не мало». Вот почему в его сатирах мир парадоксален, все подвержены страстям, «народ весь как без ума», «в темноте век бродите... глупые злодеи» (75, 107, 125).

Произведения тех лет наполнены призывами мыслить здраво, не поддаваться страстям. Герои «Акта о Калейндре» повторяют: «Изволь рассуждать о сем толко здраво» (185). Образец правильного поведения показывает царица Тамара в «Акте о царе перском Кире». Оплакивая убитого сына, она откладывает раздумия на утро: «Весьма есть слезны... Не могу аз ничто мыслити... Утре лучше рассужду во уме моем здоровом» (574). Автор «Истории о Париже и Вене», почувствовав печаль или усталость, систематически прерывает повествование. «Не прогневайся на мя, — разъясняет он читателю, — отдохну zde мало. И в мысли, пройдет егда тень, непогода, лутшая к складу сему придастся охота» (65 и мн. др.).

Развивая мысль о противоположности чувств и разума, составители пьес и повестей, несомненно, основываются на современном им общественном и «ученом» мнении по этому предмету. Достаточно бросить беглый взгляд на большую серию переводных сочинений и их обработок в России 20-х—30-х годов XVIII в., чтобы убедиться в такой связи. «Естественным ума употреблением человек сильнейший от оных страстей быти может», — утверждает переведенная в 1726 г. книга «О должности человека и гражданина» (18—19). «Без рассудка ж ничего ти б не начинати», — переводит не позднее 1735 г. В. К. Тредиаковский «Стихи, научающие добронравию человека» (385). Он же в 1737 г. переводит объемистый сборник, где не раз подчеркивается, что «облаки, которые делаются от страстей и от ложных застарелых мнений, мешают нам ви-

дети ясно то, что прямо, и то, что праведно» («Истинная политика знатных и благородных особ», 191—192). В другой книге, «представленной» в 1735 г., разбирается тот же вопрос: «Человек, обладающий страстью, всегда о делах развращенно разсуждает», «за страстью многия правде места не дают» и т. п. («Грациан, придворной человек», 215, 230). Соответствующих переводов было много. Ср., например, переведенные в 1730-е годы, но не изданные: «Цвет добродетели» (РГБ, собрание Большакова, № 58), «Мировулия Тассалина причты нравоучителны о добродетели...» (РГБ, собрание Румянцева, № 280).

Русские авторы также пишут трактаты о «страстях, воюющих с разумом». Основательно разрабатывает эту тему Феофан Прокопович: «Естественныя наши страсти, которыя огню уподобляются, о коль неукротимы суть звери! Каких страшилищ не показывает гнев? Чего не делает любовь?» (256. Ср. его: Рассуждение о безбожии... М., 1774; Богословское учение о состоянии неповрежденного человека... М., 1785). В. Н. Татищев в «Разговоре о пользе наук» рассуждает о том, что страсть «есть глубочайшая глупость», «того ради нужно человеку прилежать, чтоб ум над волею властвовал» (15, 34). Анонимные сочинения касаются той же проблемы.

Наиболее выразительно прослеживается зависимость драматургов от современного им общественного мнения на примере «театроведческих» статей в «Санкт-Петербургских ведомостях» 1730-х годов. «Позорищные игры к увеселению и ободрению разума служить должны», — заявляет первая в русской периодике статья о театре («О позорищных играх, или о комедиях и трагедиях», 179). «Представления наисильнейшия к тому способы подают, чтоб мы собственных страстей боялись и с возможнейшим прилежанием их береглись», — формулирует другая статья («О пользе театральных действ и комедий к воздержанию страстей человеческих», 338). Третья статья определяет, что «комедия» показывает «неразумныя поступки и дерзостное безумие» («Историческое описание оногo театрального действия, которое называется опера», 67).

Но, как это обычно бывает, художественная практика оказывается богаче теоретических рассуждений. Литературные герои настолько часто подвергаются натиску то одних, то других страстей, что выглядят неустойчивыми, непостоянными, слабыми. «Были безпамятны, слабы и часто в алтерацию или оморок впадали», — замечает П. Буслаев о своих персонажах (18). В повести о Дикаронии принцесса даже в течение нескольких минут, «пришед в память, неоднократно приходила в безпамятство» (292). В «Акте о Калеандре» пребывание людей в здравом рассудке многие годы чередуется с «безумием».

Психическая неустойчивость героев выражается в быстрой смене желаний. Например, трапезонтский цесарь Атигрин в «Акте о Калеандре» обещает свою дочь в жены «любезному зятю» татарскому шаху Агролиму, с гневом при-

нуждая дочь к браку, и вдруг в последний момент меняет свое решение: «Аз того давно желал, кто б мог учинити и яже бы Агролима всячески убити» (170). О подобных случаях А. Д. Кантемир писал: «Безсчетных страстей рабы... Вдруг одно желание другому противно» (124). Не менее часто персонажи нарушают данное слово, лгут. В пьесе «О Сарпиде» почти каждый лжет другому, и самому лживому из героев говорят: «Полно, полно, перестань более лгати» (93). Внутренняя устойчивость дается человеку лишь крайним напряжением сил, как, например, в драме о подвиге Иудифи.

Правда, следует отметить, что в памятниках почти нет рассуждений о непостоянстве человека. В лучшем случае можно встретить реплику: «В уме своем оны есть непостоянны». В. Н. Татищев сравнивает одержимого страстями с младенцем («Разговор», 139). Главным предметом изображения в произведениях конца 20-х—30-х годов XVIII в. является борьба страстей с разумом.

Сравним рассмотренную нами литературную особенность с более ранней манерой изображения поведения людей. Нарушение человеческого взаимопонимания как постоянно повторяющееся явление впервые было показано в пьесах русского театра 70-х годов XVII в. Эта тема прежде всего драматическая и появляется в русской литературе вместе с возникновением драматургии. Герои первой же пьесы, «Артаксерксова действия», время от времени неверно понимают друг друга. Например, персидский воевода Аман, слушая обращенную к нему речь царя: «Есть некто человек... его же аз люблю», ошибочно предполагает: «Царь мя хошет чтити...», хотя царь имеет в виду совсем другого человека (223). В свою очередь, слова Амана не в том смысле понимает палач. Опальный Аман, стоя у виселицы, говорит: «Житья моего древо весмя искореняется!» Палач подтверждает иное: «Зде стоит твое древо с надлежащим бревном». Аман вспоминает о своем возвышении; палач просит его взойти на возвышение под виселицу. Аман говорит о своем низвержении; палач успокаивает: «...будеш тако укреплен, что скоро загниеш, неже быть свержен» (241).

Нетрудно заметить, что непонимание героев тут чисто словесное и страсти в этот момент не омрачают их разум. То же происходит в других пьесах XVII в. Если один персонаж призывает горожан к защите от кровожадного Олоферна: «Но клеюся при сем, егда Олоферн, тою кровиею не насыщенный пес, точию к нам да придет, тогда уведати имать, что многажды кошка, в утеснеи суши, вредителнее драги, нежели пес кусати», — то пафосный стиль этой речи вызывает у его слушателей недоумение. «О возлюбленныя друзи! — отвечает другой персонаж. — Ныне не о драках, ниже псах и кошках да глаголем» («Иудифь», 401—402).

Особенно большое распространение словесно-стилистические недоразумения получают в переводных пьесах начала XVIII в. Их герои, руководствуясь здравым разумом, отказываются понимать пышные метафоры и указывают

на неясность употребления самых невинных слов. «В начале я у вашего величества был секретариус», — представляется Октавиан Жоделету. «Аль тот человек, который единожды в секрет упал?» (то есть в нужник), — осведомляется Жоделет («Принц Пикель-Гяринг, или Жоделет», 141). Придворный Оттониас спрашивает на охоте: «Увы, где король толико мешкает? Знатно, далече за кабаном приехал? Димас, не видал ли ты его?» Димас пространно отвечает «о нем» — о кабане («О Франталпее», 180).

Герои пьес начала XVIII в. постоянно переспрашивают друг друга и пеняют на неясность: «Очюнь ты мне утомляешь разумь» («Анфитрион», 455), «ничто могу поняти в глаголах», «какий дьявольский выговорный есть и возвышенный есть сей стиль!» («Драгыя смеянья», 257, 258). В соответствии с этим пьесы дают саркастические советы о стиле речи: «Тако надобно подобными украшенными речами, реторице, говорить, дабы не всяк разумел» («Сципио Африкан», 39).

В интересующий нас период, 20-х—30-х годах XVIII в., подобные «филологические» недоразумения между героями становятся довольно редкими. В 20-х—30-х годах смысл фраз своих собеседников не понимают преимущественно комические персонажи — Гаер, Херликин, различные «глухие», а также действующие лица комедий, привезенных итальянской труппой. Ср. перевод пьесы «Старик скупой». Панкрат кричит: «Моя дочь, горло мне ножом перехватили... вырвали у меня сердце и вымотали все кишки!» Служанка Фиаметта недоумевает: «Я этова ничево не вижу... Как то? Я, право, вас не разумею». Панкрат поясняет: «Ваш Фикет меня обокрал» (146). Позднее, к середине XVIII в. обыгрывается новый вид словесного непонимания. Герои говорят на иностранном языке, обычно произнося тарабарщину, как, например, турецкие посол, визирь и султан в «Действии в персонах о короле Гишпанском». «Батька мой, — жалуется героиня одной из интермедий, — не знаю, что ты болтаешь, только вить ты один и знаешь. А я по-немецкому не обучена, а от тебя бутто как отлучена» (639—640). Но в литературе 20-х—30-х годов, напротив, преобладают, вытесняя все остальное, нарушения контактов, вызванные бурными чувствами и омрачением разума героев.

Правда, люди впадают в эмоциональное «безумие» не исключительно в 20-х—30-х годах. В русской литературе XVII в., опять-таки в драматургии, можно обнаружить соответствующие проявления этого. В «Артаксерковом действе», например, Артаксеркс в ярости не хочет вникать в речи Амана: «Не едино слово слыша не хощу!» Царица Астинь в порыве «гордости женской» не слушает обращенных к ней просьб: «Не слушаю!» (112, 140). В «Комидии притчи о блудном сыне» Симеона Полоцкого блудный сын, находясь в состоянии то крайнего нетерпения, то пьяного веселья, неточно воспринимает наставления

своего отца и не осознает неприкрыто издевательских тостов своих слуг. Однако для литературы XVII в. такие случаи единичны.

С начала XVIII в. «безумие» литературных героев вызывается любовью — факт широко известный². Даже в школьной пьесе о христианской мученице Праскевии действует влюбленный злодей Геммон, который в промежутках между мучительствами признается: «И от мене разум мой весьма удался... сердце же мое весьма трепетно бывает» (234). В начале XVIII в. персонажи теряют голову только от любви, иногда от радости, значительно реже от горя, печали и почти никогда от гнева или страха. Недаром Феофан Прокопович писал сразу же после смерти Петра I: «Скорбим и сетуем, но не яко окамененныи; плачима и рыдаем, но не яко отчаяннии; тужим от горести сердца, но не яко немии и чувств лишившиися» (129).

В произведениях же 20-х—30-х годов XVIII в. расширяется палитра чувств, от которых у героев «ум исчезает». Узколюбовные переживания отходят на второй план. Стенания «ум мой смутися, Купида мне приключися» остаются уделом песен; в других жанрах частота их повторения падает. Иногда персонаж только притворяется обезумевшим от любви: «...претворил себя, якобы изумленный стался» («Гистория о храбром российском ковалере Александре», 218). Собственно влюбленность выглядит как физическое «распаление».

Зато теперь любовь растворяется в более широкой эмоции. Женщины приходят в возбуждение от красивой музыки и пения. Один из персонажей так «спевал многие амурные любительныя спевания, что нежели от предстоящих дам ум умрачен тогда был... из дамских же персонь тако ж пот излися» («Повесть о шляхетском сыне», 307). От пения другого героя «жены и девицы сердцем распалились так жестоко, что и в беспамятство пришли» («Повесть о Франце-Имензолеусе», 6).

Разум людей чаще всего страдает от любви к родителям и детям, друзьям и благодетелям. Это хорошо видно в «Акте о Калеандре», «Акте о Кире и Тамире», «Умозрителстве душевном» П. Буслаева и других сочинениях.

Но в 20-х—30-х годах не только вырастает само количество чувств, способных омрачить разум литературных героев. Драматическая неустойчивость человека усиливается от преобладания отрицательных потрясений — горя, печали, гнева, ужаса. Даже в забавной «Шутовской комедии» Шут несколько растерян: он не знал, что «при женидбе столко печали будет» (395). Кстати говоря, шуты и гаеры в пьесах не так уж бесшабашно веселы, как можно ожидать. На их долю приходится немало побоев и разочарований, например, в пьесе «Гаерская свадьба».

² Формулы любовного «безумия» описаны в кн.: *Перетц В. Н.* Очерки по истории поэтического стиля в России: (Эпоха Петра Великого и начало XVIII ст.). СПб., 1905—1907. Вып. 1—8.

Подведем итоги. Обзор памятников первой половины XVIII в. показывает, что в 20-е—30-е годы наиболее интенсивно нарушаются контакты и взаимопонимание литературных героев и сильнее всего их разум омрачается страстями, по преимуществу отрицательными. «Нападение» чувств на разум — характерная черта русской литературы конца 20-х—30-х годов. К середине XVIII в. соотношение разума и эмоций в изображении людей меняется. На человека уже действуют страсти чисто интеллектуального характера.

Следует оговориться, что период конца 20-х—30-х годов не имеет резких границ. Его жесткому выделению препятствует значительное количество анонимных произведений, не поддающихся точной датировке. Однако по единодушному мнению исследователей, почти все анонимные источники относятся к Петровскому времени, предпочтительно к 20-м—30-м годам. Они в сочетании с памятниками, точное время появления которых не вызывает сомнений, образуют хронологическую группу с указанной отличительной чертой.

Здесь нет возможности подробно сказать о датировке памятников. По этому вопросу издано много работ. Но нам хотелось бы обратить внимание на «Акт о преславной палистинских стран царице Дияне». Мы намеренно не цитировали пьесу, которую на основании общих «социологических» соображений почему-то относят к 1711—1712 гг.³ Между тем пьеса все-таки выпадает из числа произведений 1710-х годов и, пожалуй, приближается к памятникам 1720-х—1730-х годов, потому что в ней нормальное общение между героями неоднократно нарушается из-за гнева или печали. «Приходит царь в палату яростен» и не хочет слушать оправданий царицы: «Не вем, что глаголеш, ни же вспоминаю... Напрасно глаголеш...» Изгнанная царица от глубокой печали «без ума, безмерно» перестает ясно воспринимать окружающее и спрашивает встреченного человека: «Человек ли еси ты нынешнего века или стень во образе жива человека?» и т. п. (409, 413, 414, 421, 419)⁴.

В пределах конца 20-х—30-х годов XVIII в., естественно, не абсолютно все произведения изображают людей, омраченных страстями. Контакты между героями не нарушаются в придворно-панегирических стихотворениях и драмах, например, в пьесе «Образ победоносия» 1728 г., посвященной вступлению Петра II на престол. Но таких исключений явное меньшинство.

Если не считать официальных сочинений, написанных «на случай», то связь памятников тех лет с политическими событиями обычно завуалирована. Мы можем с большей или меньшей степенью уверенности предполагать, что, на-

³ Щеглова С. А. Неизвестная драма Петровской эпохи о царице и львице // Труды Комиссии по древнерусской литературе. Л., 1932. Т. 1. Страницы указываются в скобках.

⁴ Ср.: Итигина Л. А. К вопросу о репертуаре оппозиционного театра Елизаветы Петровны в 1730-х гг. // XVIII век. Л., 1974. Сб. 9. С. 329.

пример, в драме о воцарении Кира выведен Петр II или что пьеса «О премудрей Иудифе» и ранние басни А. Д. Кантемира намекают на обстоятельства воцарения Анны Иоанновны. Однако полной уверенности нет. В смутное время дворцовых переворотов авторы, очевидно, соблюдали повышенную осторожность. Хотя сочиняли, вспоминает один из современников, «и проповедовали, однако ж с великим страхом и опасением, чтобы кто за слово какое не вхопился, а вхопясь, тотчас безсовестным образом какое-нибудь словце к интересному делу прицепил»⁵.

Появление внутренне неустойчивых литературных героев, которым страсти регулярно затмевали разум и мешали правильно воспринимать действительность, вероятно, вызвано общественной атмосферой дворцовых переворотов. Несколько позднее эти годы в один голос называли «темными»: «...была година и область темная»⁶. Даже в само это неустойчивое и полное подозрительности время Феофан Прокопович говорил: «Но посмотрим, однако, не являются ли некия по сторонам мраки и облаки? А я усмотреваю, и не малыя, и зело смутныя, не на воздухе, но во многих безумных сердцах и помышлениях» (Ч. 3. 175).

К сожалению, общественные настроения конца 20-х—30-х годов XVIII в. изучены слабо. Поэтому предположение о связи описанных выше качеств литературных героев с обстановкой антипетровской реакции нуждается в дальнейшей разработке.

Остается еще один вопрос, вернее постановка вопроса: в каком отношении литература конца 20-х—30-х годов XVIII в. находится с такими крупными культурными явлениями, как классицизм, барокко, становление новой русской литературы? С одной стороны, памятники 20-х—30-х годов с их трактовкой проблемы разума как будто свидетельствуют о подготовке классицизма. Но это еще не классицизм, когда автор изображает героев «беспрестанно анализирующими себя, пытающимися осознать до конца свое душевное состояние»⁷. С другой же стороны, эмоциональная неустойчивость литературных персонажей 20-х—30-х годов напоминает о «необычайной впечатлительности барокко», о его «непрестанной смене чувственных впечатлений», о «взбудораженном сознании людей, живших в обстановке непрекращающихся общественных потрясений»⁸.

⁵ Это говорил Тимофей Щербацкий. Цит. по: *Воскресенский Г.* Придворная и академическая проповедь в России полтора столетия назад // *Душеполезное чтение.* 1891. № 1. С. 25.

⁶ Высказывание Димитрия Сеченова. Цит. по: *Попов Н.* Придворные проповеди в царствование Елизаветы Петровны // *Летописи русской литературы и древности, издаваемые Николаем Тихонравовым.* М., 1859. Т. 2. Отдел 3. С. 13.

⁷ *Мокульский С.* Французский классицизм // *Западный сборник.* М.; Л., 1937. 1. С. 32.

⁸ *Морозов А.* Проблема барокко в русской литературе XVII—начала XVIII века (состояние вопроса и задачи изучения) // *Русская литература.* 1962. № 3. С. 11, 15, 25.

В соединении подобных черт нет противоречия. Напомним слова Д. С. Лихачева: «Между русским барокко и русским классицизмом нет такой отчетливой грани, как в Западной Европе. Поэтому-то мы часто не знаем, относить ли того или иного автора XVIII века к барокко или классицизму»⁹. Переходу от литературы Средневековья к литературе Нового времени и содействовало новаторское литературное творчество.

1977 г.

⁹ Лихачев Д. С. Барокко и его русский вариант XVII века // Русская литература. 1969. № 2. С. 42; см. также: Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков: Эпохи и стили. Л., 1973.

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОПЫТЫ МОЛОДОГО ЛОМОНОСОВА

Мотив меда и мух в «Стихах на туюсок»

В непосредственном повороте от древнерусских традиций к литературе Нового времени молодой Ломоносов успел принять участие. Он сам упомянул древнерусские «врата своей учености» — «Грамматику» Мелетия Смотрицкого, «Арифметику» Леонтия Магницкого и «Рифмотворную псалтырь» Симеона Полоцкого. За 200 лет исследователи разыскали почти всех, кто имел отношение к формированию Ломоносова, — от поморских крестьян до европейских знаменитостей. Учтено и большинство книг, читанных Ломоносовым, рукописных и печатных, русских и иностранных. Ясно, какие из литературных традиций он использовал¹.

И все-таки у хорошо разработанной темы открывается новая перспектива для изучения: элементарные представления автора, или его устойчивые ассоциации, то есть связи объектов с предикатами, привычные для Ломоносова и неоднократно выраженные им в отдельных фразах или небольших отрывках произведений. Таких мелких семантических структур огромное количество. Исторически изменчивы и сами ассоциации, и языковые формы их выражения в литературе, что позволяет новыми наблюдениями дополнить обзор литературных истоков ломоносовского творчества, особенно в самый ранний период, когда Ломоносов учился в Славяно-греко-латинской академии. Об этом периоде до сих пор удавалось мало что сказать. От тех лет до нас дошло в списке, а не в автографе, только одно, притом маленькое, стихотворение — так называемые «Стихи на туюсок», сочиненные Ломоносовым в промежутке между 1732—1734 гг. — тогда ему было 21—22 года:

Услышали мухи
Медовья духи,
Прилетевши, сели,
В радости запели,

¹ Особенно содержательны исследования: *Моисеева Г. Н.* Ломоносов и древнерусская литература. Л., 1971; *Морозов А. А.* М. В. Ломоносов: Путь к зрелости. 1711—1841. М.; Л., 1962; *Воскресенский Г.* Ломоносов и Московская славяно-греко-латинская академия: (К 125-летней годовщине Ломоносова). М., 1891; *Будилович А. С.* Ломоносов как писатель. СПб., 1871. О фольклорных, библейских и литературных традициях в творчестве Ломоносова см., например: *Русская литература и фольклор: (XI—XVIII вв.)*. Л., 1970. С. 118 и сл. Раздел написан Ю. В. Стенником. Здесь же литература вопроса; *Солосин И. И.* Отражение языка и образов св. Писания и книг богослужбных в стихотворениях Ломоносова // *ИОРЯС*. 1913. Кн. 2. С. 238—293; *Покотилова О.* Предшественники Ломоносова в русской поэзии XVII и начала XVIII столетия // *М. В. Ломоносов. 1711—1911: Сборник статей*. СПб., 1911. С. 66—92.

Егда стали ясти,
 Попали в напасти,
 Увязли бо ноги.
 Ах! — плачут убоги,
 Меду полизали,
 А сами пропали (7)².

Анализ авторских ассоциаций, отразившихся в стихотворении, позволяет увидеть целую систему языково-литературных традиций, использованных молодым Ломоносовым.

В «Стихах на туясок» можно выявить более 20 устойчивых авторских ассоциаций (и это не предел), относящихся в основном к меду и мухам. В стихотворении отложилось примерно четыре слоя средств выражения ассоциаций: 1) старинные литературные, 2) довольно поздние фольклорные, 3) сравнительно новые литературные и 4) новейшие литературные формы.

Преобладают в «Стихах на туясок» старинные, но, так сказать, «вечные» формы выражения. Например, ассоциация о том, что в радости обычно поют — «в радости запели», — по своей языковой форме восходила к очень древней литературной традиции. Аналогичные формы можно найти в «Псалтыри»: «радуйтесь и пойте», «возьрадуяся о тебе, пою» (Библия. 243 об. Псалмы 97, 9), в «Минях служебных»: «воспою, радуяся», «радующеся, поем» (14 об., 17 об. и мн. др.), в сочинениях Кирилла Туровского: «веселяться... поющи песнь» (1957. 417). Однако в данном случае нельзя делать вывод о приверженности Ломоносова к старине. Сочетание «радость — пение» повторялось многие века во многих произведениях, не устаревая и не заменяясь какой-либо новой словесной формой. Ломоносов высказался так, как обычной всего можно было выразиться в литературном сочинении того времени.

Такой же «вечной» являлась ломоносовская ассоциация «мед — ядят» (именно «ядят»!). По отношению к меду как изделию пчел глагол «ясти» употреблялся в Библии и во множестве ее перефразировок вплоть до XVIII в.: «яждь мед», «ясти мед», «мед... ял еси», «ядый... мед», «от пчел сот... яст» и др. (259, 260 об., 288 об., 336 об., 416, 437 об.). В литературе мед «яли», а также «снedaли», «вкушали», им «питались» и «насыщались» — примеры можно привести с XI в. по XVIII в., но примеры традиционные, без каких-либо заметных новаций. Ломоносову не пришлось выбирать между старой и новой традицией, потому что отсутствовали новые, ясно оформившиеся языковые варианты.

² Список цитируемых произведений ввиду его обширности см. в конце данной работы. Произведения М. В. Ломоносова и других плодовитых авторов см. в этом списке на слово «Сочинения». Далее страницы или листы изданий указываются в скобках.

Пожалуй, только лишь позже сочинения «Стихов на туясок» стали использоваться просторечные глаголы при обозначении едения меда: «В неприкрытую кринку меду налетело великое множество ос и шершней, которые, там сидя, так обожрались» (Басни Эзопа. 1747. 364), «и мы видали, как бояре мед едали» (Пословицы. 1955. 2. 313) — все это более поздние литературные и фольклорные примеры. Ломоносов снова высказался так, как это было принято в момент создания стихотворения.

К «вечным» нужно отнести ряд ассоциаций о грешниках. Все стихотворение фразеологически перекликается с девятым псалмом о грешных людях (Библия. 229 об.—230).

Псалом 9
 возрадуются... пою
 Сел еси... и погибе...
 Углебоша... в пагубе...
 ...увязе нога их...
 ...убогих услышал еси

Стихи на туясок
 В радости запели...
 ...сели... пропали...
 Попали в напасти...
 Увязли бо ноги...
 Услышали... убоги

Конечно, этот псалом не был прямым источником стихотворения. На Ломоносова воздействовала манера повествования о грешниках, обычная для псалмов и песнопений. Написанные студентом Славяно-греко-латинской академии «Стихи на туясок» имели библейскую, псалтырную лексическую основу, вполне естественную и ничем не заменимую в то время.

Отразились в «Стихах на туясок» и более поздние, возникшие не ранее XVII в. книжно-фольклорные формы ассоциаций — например, ассоциация о том, что мухам свойственно летать: «мухи... прилетевши». Старинная форма выражения этой ассоциации была иной — содержала глагол «падать» в значении «лететь». Например, в «Пандектах» Антиоха по списку XI в.: «въпадъшая мухы»³, в пословицах: «муха — падко» (1899. 120), в сочинениях Симеона Полоцкого: «нападающыя мухи» (1681. 615 об.). Но примерно с XVII в. мухи стали и «летать» в литературе. В «Сказании» Авраамия Палицына: «мухи... прилетающе»⁴, Аввакум в сочинении «О сотворении мира» назвал мух «летающими по аеру» (666), Симеон Полоцкий и Стефан Яворский писали: «муха прилетети не может» (1682. 25 об.), «прилетают мухи», «муха... прилетаючи» (1804. 1. 184; 2. 83). О прилетевших мухах Ломоносов выразился по-новому, в лексической манере XVII—XVIII вв.

Ломоносовская ассоциация о том, что мухам всегда суждено погибнуть — «мухи... пропали», — по форме своего языкового выражения также была ближе

³ Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1982. Вып. 9. С. 316.

⁴ Там же.

к книжно-фольклорным и литературным произведениям XVII—XVIII вв., чем к более раннему времени. Ломоносовское просторечное «пропали» означало «погибли». Именно так толкуется это слово в «Лексиконе трехязычном» Федора Поликарпова: «Пропадаю, зри: погибаю» (62). Глагол «погибать» применялся к мухам в книжном фольклоре и литературе XVII—XVIII вв., но не раньше, — в песне о мухах: «Ах! Как бедно погибаю» (1960. 156), в переводе Федором Гозвинским басни Эзопа о мухах: «ради пищи погибаем» (1975. 84), в переложении Третьяковским другой басни Эзопа, упоминающей муху: «бедно погибает» (1. 88). До XVII в. же мухи в литературе «умирали», «мерли». Молодой автор «Стихов на туясок» ориентировался на устную и письменную словесность более позднего времени, не ранее XVII в.

В некоторых случаях речь может идти не просто о поздних книжно-фольклорных формах, но и о поздних взглядах вообще. Например, у Ломоносова проглядывает какое-то тепло и снисходительность в отношении к мухам: «Ах!.. убоги». Ранее писатели относились к мухам сухо и презрительно. Мухи считались все портящими. Примеры находим в литературе, начиная от Библии. Лишь в цикле песен книжного происхождения XVII—XVIII вв. о мухах стало говорить иначе, да в записях пословиц XVIII в. стали проскальзывать даже уважительные нотки. Например, в сборнике пословиц 1741 г.: «Муха невелика, да ворчит» (1961. 96). В издании пословиц 1770 г.: «И муха набивает брюхо» (119). Стефан Яворский различал у мух «ножки и крыльца» — с уменьшительно-ласкательным оттенком (1804. 1. 184), а Кантемир, можно сказать, умилялся: «Все меня удивляет, даже до последней мухи... не постижно в маленькой мышке то же сыщешь, что в слоне и в ките: голова, ноги, тело и внутренняя части, жилы, кишки, кровь, дух», «маленькая муха во всем сотворении больше хитрости и искусства являет, нежели лучший дом на свете» (1868. 43, 84). Сумароков тоже проявил благосклонность: «Зрение, слух, обоняние, вкус и осязание имеет и муха, и бабочка» (6. 273). Муха и бабочка — приравнены. Ломоносов застал смягчение в отношении к мухам в конце XVII — первой половине XVIII в., что отразилось и в его «Стихах на туясок».

Еще один пример довольно поздней ассоциации. Мухи в стихотворении Ломоносова ведут себя как люди и звери — «услышали», «стали ясти», «полизали», «плачут». Возьмем, например, слово «полизали». В русской литературе с древности и до Ломоносова лизали что-нибудь те, у кого есть язык, — люди и звери, а не насекомые. Лизали псы: «полизаша пси кровь его», «полизаша свиный и пси кровь его» (Библия. 138 об., 139), «полизать псы... от пролияния крове сея» (Успенский сборник. 245. 1. «Житие Февронии»), «яко пси гладни языки землю да лижут» («Послание на Угру» Вассиана Рыло. 534), «лочьть воду языком своим» («Великие минеи четии». 75; «Хронограф 1512 г.». 95).

Лизали звери: «а звери кровь полизаша» («Слово о полку Игореве». 53). Лизали люди: «и врази его перьсть полижут» (Библия. 239 об. Псалом 71), отшельник «росу лижуще» («Повесть о Басарге». 576), «росу лизаше» («Книга бесед» Аввакума. 303, 305).

Где культивировались символические и метафорические соответствия между мухой и человеком? В фольклоре XVII—XVIII вв., преимущественно книжного происхождения, например, в цикле песен о мухах — «Стукнуло-грязнуло в лесе», «Три дня бани не топила», «Собирался комарик жениться», «Таракан дрова рубил», «Комарик к мухе убирался», «Восколебалося море», «Мызгирь» и пр. (1960. 140—156; 1936. 334—340). В отдельных упоминаниях мух некоторыми школьными песнями и некоторыми пословицами: «Ставися мені... люди, як мухи» (1956. 293), «люди мрут, как мухи» (1955. 2. 319), «старушка — Божья мушка» (1899. 213). И еще в литературе второй половины XVII—XVIII вв.: у Аввакума — «яко паучина мизгирева от мухи бывает протерзаема, тако и твое гордоусие» (946), у Симеона Полоцкого — «муха есть знамя бестудия, яко множицею отгоняема паки возвращается и стужает. В нас таковы суть похоти и желателства» (1683. 25 об.), у Феофана Прокоповича — «священников и монахов... как мушек, давили» (1880. 357), у Кантемира — «спины своей не жалел, кланяясь и мухам, коим доступ дозволен к временщичьим ухам» (1867, 46), в баснях Тредиаковского и Сумарокова. С ранних лет Ломоносов сочинял явно в новом духе. В «Стихах на туясок» влияние поздних литературных традиций ощущается наравне с воздействием круга старых, «вечных» ассоциаций.

Следы старинного фольклора в стихотворении найти не удастся. Так, ломоносовская ассоциация о поющих мухах — «мухи... запели» — находит аналогии только в поздних народных произведениях. В вологодской балладе о пауке «мухи... песенки попевают» (1936. 339). Другая песня поминает «муху, преславную воспеваху» (1960. 156). Каких только звуков не издает муха в литературе: она жужжит, пищит, брызжит, ворчит, бречит и т. д., но не «поет» (сочинения Аввакума, 567; Яворского, 1805. 56; Тредиаковского. 1. 187; Сумарокова. 7. 156). Однако истоком ломоносовской ассоциации послужил не древний и не «чистый» фольклор. Баллады о мухах, как известно, появились в XVII—XVIII вв. и имели книжное происхождение. Выражение «мухи поют» распространилось поздно, не ранее XVII в., и в основном в книжно-народной поэзии. Недаром оно встречается в интермедиях: мухи «поют, шумят» (1976. 579).

Сходны истоки и ломоносовской ассоциации «мед — лизать», которая встречается только вне литературы, в пословицах: «Лизав медок, заглянешь и в гробок» (1770. 159), «кто-то у меня полизывает медок», «лизать мед с ложки» (1955. 3. 260; 2. 251). Показательно, что все примеры — поздние и опять-таки не чисто фольклорные: из обыденной народной речи или из окниженной записи пословиц.

Правда, в «Стихах на туясок» содержится выражение «медовья духи». Представление о том, что мед пахнет, очень давнее. Уже в древнем переводном «Житии Иоанна Милостивого» встречается косвенное обозначение запаха меда: «хотели поне обоняти мед»⁵. Ломоносовская форма высказывания «мед — духи» была больше похожа на фольклорную, а точнее, на народно-речевую, диалектную. Слово «дух» во множественном числе употреблялось не в литературе, а в северных и северо-восточных говорах и означало «ветры, дуновения ветра, запах, приносимый ветром»⁶. Тот же речевой исток у ломоносовского выражения «услышали — духи». Высказывания о том, что запах можно «услышать», встречались издавна, например, в северном «Житии Евфимия Новгородского» XV в.: «слышаху благоухание некое» (17). Но, вероятно, лишь в народной (северной?) речи обычным было сказать «услышали духи». Народно-речевые истоки «Стихов на туясок» все же скудны.

Самыми же слабыми в «Стихах на туясок» предстают связи с новейшими литературными явлениями конца XVII—XVIII вв. К сравнительно отчетливым относится лишь один пример: упоминание о том, что в меду у мух «увязли бо ноги». Это косвенное обозначение вязкости меда. Подобная ассоциация выражалась в разных языковых формах. Издревле бытовала форма «мед — липкий». Например, «Слово о трех мнисех» по списку XIV в.: «слипахуся устне наша яко от меду» (138). В переводе басен Эзопа по списку 1650-х годов: «соту медвеному бывшу и прилепившеся... мухи» (1975. 83). Загадка о меде и сотах: «ества липка, посуда не крепка» (34). Бытовали также указания на прилепленность — прильнутость. Список 1660-х—1680-х годов перевода басен Эзопа: «соту медвеному пролившуся, налетевше мухи... Волнувшимся их ногам» (175. 83). Пословицы и поговорки: «Будь лишь мед — мух много нальнет», «как муха к меду льнет» (1955. 2. 313, 362). Увязливость же меда стала отмечаться позже — например, в проповеди Стефана Яворского: «К меду прилетают мухи, пчелы, осы, шершни... в патоке ножками и крыльцами своими так увязают» (1804. 1. 184—185). Более ранних примеров с корнем -вяз-, а не -лип-, или -льн-, и связанных именно с медом, а не с паутиной, найти не удалось. Форма «мед — вязкий» у Ломоносова тяготела к литературной манере конца XVII — начала XVIII в.

Остальные новейшие формы труднее обнаружить в «Стихах на туясок». Так, употребленное Ломоносовым словосочетание «попали в напасти» (попали в беду) по его оттенкам можно толковать двояко. Здесь можно указать дополнительное отражение звуковой связи слова «напасть» с разными формами слова «пасть» (напасти — попали, пропали) или отметить дополнительное отражение простран-

⁵ Срезневский И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка. М., 1958. Т. 2. С. 229.

⁶ Словарь русских народных говоров. Л., 1972. Вып. 8. С. 275.

ственного смысла о напасти-падении куда-то вниз (напасти — сели, попали, увязли). Вероятно, оба семантических явления присутствовали в стихотворении. Но словесно-звуковая ассоциация «напасть — пасть» была церковно-риторической по происхождению. Примеров очень много. Библия: «вьпадают в напасти» (496. Первое послание Павла к Тимофею, гл. 6), «во время напасти отпадают» (428. Евангелие от Луки, гл. 8). «Минея служебная»: «В напасти многоплетенныя впад» (31, 35 об.). «Пролог»: «В напасть некую впадша» (652. «Слово» Иоанна Златоуста). «Изборник» 1076 г.: «в напасть впадет» (392). «Успенский сборник»: «в многы напасти впадъше», «паде напасть на нею» (197. 1, 196. 1. «Житие Мефодия Моравского»). И только с XVIII в. стала развиваться дополнительная ассоциация о напасти как о реальном пространственном падении. Ср. переложение псалма Сумароковым:

Меня напасти окружали,
разверзлась бездна подо мной.
Твои мя руки удержали
над самой пропастью земной (1. 95).

Напасти — бездна, пропасть. Ломоносовские «Стихи на туясок», вероятно, тяготели к этому новому смысловому явлению.

Можно предполагать, что в «Стихах на туясок» отразились также формировавшиеся литературно-стилистические нормы сочинений «средних» жанров. Главными героями подобных сочинений могли быть насекомые, у Ломоносова — мухи. В «высоких» жанрах такие герои не допускались. Началом стихотворного произведения «среднего» жанра обычно служил глагол, по контексту — третьего лица; у Ломоносова стихотворение начиналось: «Услышали мухи». Такие начала sporadически встречались у Симеона Полоцкого; с осознанной частотой — в баснях Тредиаковского: «Стоял Волк при реке», «Подавился костью острою Волк», «Нашел Мужик ужа», «Впросился в нору Юж к Ехидне», «Сек некто при реке дрова», «Набрала Ворона перышек» и многие другие (1. 220, 223, 228, 242). Завершалось же стихотворение «среднего» жанра просторечной концовкой; у Ломоносова: «А сами пропали» — тоже явление, по-видимому, новейшего времени.

Показательна ассоциация о меде, находящемся именно в туюске, возможно, принадлежавшая не Ломоносову, а тем, кто гораздо позже озаглавил «Стихи на туясок»⁷. Собранный из ульев мед всегда мыслился в какой-то посуде. В Библии это некие отвлеченные сосуды: «возмите... в сосуды своя... мед», «внесоша сосуды... и мед», «сосуд меду» (16 об., 121 об., 134. Бытие, гл. 43; Вторая книга

⁷ Блок Г. П. Примечания. 1 // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений: В 10 т. М.; Л., 1959. Т. 8. С. 864—866.

Царств, гл. 17; Третья книга Царств, гл. 14). То же, например, в поучении XI в. и в повести XV в.: «Простъри... съсуд, да накаплють ти... меду» («Изборник» 1076 г. 160—161), «имеяше у себе в неких сосудех мед» («Стефанит и Ихнилат». 43, 97). В «Повести временных лет» встречается «мед в бчелках» и «меду лукно» (140, 142). Однако лишь с XVIII в. сосуды с медом стали называться очень разнообразно и реально: «Купил 5 бочек меду» («Арифметика» Магницкого. 96), «мед... карчагами» («Книга о скудости и богатстве» И. Т. Посошкова. 89), «блюдо сотовова меду», «кринку меду» (Басни Эзопа, 1747. 362, 264), «мед и сот кладет сам в кади» (Тредиаковский. 2. 184). Появление туеска в заглавии ломоносовского стихотворения было связано с новой литературной тенденцией XVIII в. Но в целом ориентация Ломоносова на XVIII в. была зыбкой.

Можно подвести общий итог. «Стихи на туесок» не были сочинены с нарочитой опорой на архаичную традицию или, напротив, с предпочтением новейшей моды. Ломоносов непринужденно соединил то, что являлось живым в его время: старые литературные традиции, еще не замененные новыми; не очень давние традиции литературы, книжного фольклора и народной речи XVII в.; кое-какие новые тенденции литературы первой половины XVIII в. Молодой Ломоносов придерживался стилистически «средней» линии, — вот его выбор, сделанный скорее стихийно, чем сознательно. Поэтическая практика не совсем укладывалась в теорию трех стилей⁸. Формировался новый литературный язык.

Мотив меда и мух в дальнейшем творчестве

«Стихами на туесок» было положено начало одной из постоянных линий в поэзии Ломоносова — поискам «среднего» пути. Ассоциации о меде и мухах, отразившиеся в «Стихах на туесок», затем повторялись во все годы ломоносовского творчества — примерно в трети его литературных сочинений: почти во всех написанных им эпиграммах, баснях, шуточных, лирических и естественнонаучных стихотворениях, в половине всех од, а также в отдельных произведениях иных жанров — в трагедии, в героической поэме, в «надписи», даже в прозаическом «слове похвальном».

Рассмотрим сначала старые формы выражения ассоциации о меде и мухах. Ломоносов в течение более чем тридцати лет своей литературной деятельности продолжал повторять те традиционные формы, которые не вызывали протеста, не старели. Например, ассоциация о меде как жидкости отразилась

⁸ Из латинской «Риторики» 1733—1734 гг. своего академического преподавателя Порфирия Крайского Ломоносов уже знал, что «способ выражения разделяется на стили, или характеры речи» и что «способ выражения мыслей разделяется на стиль высокий, средний и низкий» (Волперский В. П. Стилистическое учение М. В. Ломоносова и теория трех стилей / «Риторика» перевела с латинского Е. П. Тверковкина. М., 1970. С. 201).

после «Стихов на туясок» и в одной из од Ломоносова, но в форме «мед течет»: «земля... в которой мед с млеком течет» (45). Сразу же вспоминается библейское выражение: «земля, из нея же течет мед и млеко» (43 об. Левит, гл. 20). В литературе XI—XVIII вв. это выражение повторялось очень часто и в разных вариантах, в том числе так: «земля, истачающи мед и млеко» («Хроника» Георгия Амартола, 454); и в ином варианте: «текущую млеком и медом»⁹. В данном случае Ломоносов полностью следовал библейской традиции, форме, которая оставалась неизменной нормой выражения в течение многих веков.

Недостаточно устоявшимся новым формам выражения ассоциаций Ломоносов обычно предпочитал формы старые, привычные. Так, ассоциация о сладости меда нашла многообразное отражение в сочинениях Ломоносова после «Стихов на туясок». В стихотворениях и одах поэт писал о наслаждении медом: «Сей забавой наслаждаюсь, — нектаром сим» (11), «наслаждаешься медвяной росой» (736). Эти высказывания, в конечном счете, соотносились с Библией: «мед... наслаждает твой гортань», «яждь мед... да насладися гортань твой» (252 об.—253, 259. Притчи Соломона, гл. 5, 24). Подобные выражения были очень распространены в литературе, они повторялись в XII в.: «съти медвьи... ими же насладиста» (Успенский сборник. 207. 2), в XIV и XV вв. «ослажени... яко от меду» («Слово о трех мнисех». 138), «медом услажены» (Рассказ о смерти Пафнутия Боровского. 488), в XVI в.: «медоточными плоды наслаждает гортань» (Максим Грек. 1862. 264), и т. д. вплоть до XVIII в.: «обрете... мед и усладився от него... Услаждайся... нектаром» (Прокопович. 1760. 46—47). Не трудно убедиться, что Ломоносов следовал общепринятой традиции.

Правда, среди словосочетаний подобного рода удастся выделить один, кажется, более поздний вариант — «мед услаждает» (а не «наслаждает»). Слово-сочетание «мед услаждает» встречается в памятниках, пожалуй, не ранее XVII в., хотя с абсолютной уверенностью это утверждать все-таки нельзя. Во всяком случае, не удалось найти более ранних примеров: «Медвеня убо сотове гортань услаждают» — стихи первой половины XVII в. («Предисловия многообразна». 3), «мед... яже... гортань твой услаждает» — цитата из Библии в виршевом «Торжественнике» конца XVII в., но со знаменательной переменной глагола (67), «мед... услаждает» — проповеди Стефана Яворского (1804. 1. 184), «медовна убо сладость много услаждает» — старообрядческое стихотворение (286) и пр. Показательно, что у Ломоносова нет этого робкого нового варианта: мед у него не «услаждает», а «наслаждает» — прочная старая традиция.

Можно говорить даже о некоторой консервативности поэта. Ломоносов однажды использовал словосочетание «меда сладость»: «пролейся, меда сла-

⁹ Срезневский И. И. Материалы... Т. 2. С. 122.

дость» (34). Обращает внимание порядок слов: не «сладость меда», а «меда сладость». Оба слова легко можно было поменять местами, не нарушая стихотворного размера, и легко зарифмовать. Но Ломоносов предпочел поставить мед на первое место, сладость — на второе. В таком виде словосочетание имело книжно-архаический характер. Ср. сходные выражения, например, из поучения митрополита Даниила: «сота сладости» (а не «сладости сота», 58), из поучения митрополита Димитрия Ростовского: «паче меда и сота сладости» (3. 73).

В других стихотворениях Ломоносов писал: «по мед летать... сладости собирать» (690), «И ветви, медом орошенны... Какая сладость льется в кровь?» (130). Мед упомянут на первом месте, а сладость — на втором. Данная последовательность упоминаний традиционна. Вот известная библейская фраза: «Сотове медовнии словеса добра, сладость же их исцеление души» (256 об. Притчи Соломона, гл. 16). В подобного рода фразах сладость упоминалась после меда. Так повелось с древности, например, в «Словах» Иоанна Златоуста: «мед на языке... услаждахуся тем сладостию» («Великие минеи четии». 418). В «Повести о Варлааме и Иоасафе»: «Медвенная же капля сладость пробовляеть» (204), в «Словах» Кирилла Туровского: «медвены соты отваряють, да человеком сладость... подаеть» (1957. 417), в «Молении Даниила Заточника»: «совокупля медвенный сот... и събирая сладость» (398), в «Слове о житии Димитрия Ивановича»: «сот съплетаа, да клетца сладости... испльнить» (222, 224). В «словах» Максима Грека: «Меда глаголют врачевстии сынове с естественною сладостию своею» (1860. 235). Ср. также примеры в «Слове похвальном» Фомы XV в., в «Грамматике» Мелетия Смотрицкого (300) и мн. др. Сходная последовательность упоминаний сохранялась и в первой трети XVIII в., если изложение велось на богословские темы. Например, у Стефана Яворского в «Слове похвальном на святую великомученицу Екатерину»: «и под ея языком мед и млеко требующим сея сладости подает» (1805. 33), в «Слове в неделю всех святых»: «меду, который... содержит сладость» (1804. 1. 183).

Но примерно с начала XVIII в. произошла перемена, и сладость иногда стала упоминаться первой, а мед и его синоним — вторым. У того же Стефана Яворского в «словах» на военно-политические темы, например, в «Жатве торжественной»: «Кто когда виде сладость... Кто виде... мед..? ... О сладосте... яко... от улия пчельнаго... истекаеши» (1874. 118). Может быть, не случайна конструкция фразы и в «Поучении на память Димитрия Солунского» Димитрия Ростовского: «Сладость же... аки сот медвенный имел в себе». Показателен порядок понятий в старообрядческом стихотворении: «в сладость дивно предлагает... медвенный языче» (28). Даже с поясняющим местоимением сладость стала упоминаться раньше меда. Это демонстрирует текст интермедии: «приими сию сладость... (и мажет медом...)» (1972. 280). При перечислении сла-

дость также опередила мед, например, в «Слове на похвалу виктории под Лесном» Стефана Яворского: «весь в сладости, весь медом изобилует» (1867. 110). Упомянув мед и сладость, Ломоносов оставался в пределах старой, но еще не одиозной традиции.

Однако к явно застарелым ассоциациям Ломоносов относился иначе. Прежде всего он старался преобразовать привычную форму их выражения. Вот, например, вечная тема: от радости поют. После «Стихов на туесок» у Ломоносова трудно найти прямые отражения этой ассоциации. Гораздо больше косвенных связей радости с пением. Например, радуются люди, а поют иные существа, передавая радость людей:

И муз поющих ныне речь
...нашей радости сравнилась (61).
В шумящих берегах балтийских
Веселья больше, нежели вод.
...Играя, нимфы...
...воспевают песни новы (95).

Радуются главные герои, а поют прочие персонажи:

Приятной день нам радость умножает,
Под ветвьми соловей свой свист усугубляет,
Завидуя в лугах поющим пастухам (278).
Со свистом птицы воспевают,
От сна к веселью возбуждают... (397).

Или радость обозначается только в переносном смысле, как в одном из ломоносовских обращений: «Моя... радость... позволь... петь стих тишайшей» (35). То содержится лишь косвенное указание на пение от радости:

Ликуй же светло, хор наук,
...Чтоб слышен был веселой звук (58).
Везде ликуют безопасно,
Всего народа весел шум,
Как глас вод многих, в верх восходит (60).

Нередко пение и вовсе заменяется радостными кликами:

Девиз и юнош красных лики,
Вносите радостные клики...
Пусть глас веселый раздается (129).

Ломоносов старался разнообразить слишком прямолинейную и надоевшую связь пения с радостью. После 1751 г. Ломоносов исключительно редко

пользовался ассоциациями «радость — пение» и «радость — клики», хотя продолжал писать оды на радостные события. Видимо, он окончательно отказался от этого штампа. Недаром «Надпись на оказание высочайшей милости ея величества в Москве 1753 года» Ломоносов закончил парадоксом: «Веселие мое безмерно — я молчу» (526).

В некоторых случаях Ломоносов вносил нечто новое в содержание старых представлений. Например, в «Стихах на туясок» отразилось представление о круговороте радости и печали в жизни, о том, что радость обычно сменяется горем: «в радости запели — пропали в напасти». Традиционное представление о смене радости горем очень отдавало церковной поучительностью в древнерусской литературе, даже несмотря на некоторую секуляризацию этого представления в XVII в. Ломоносов же развил именно светские мотивы:

Иной усмешкою отца повеселил
И очи вдруг пред ним во веки затворил.
Готовому вступить во брачныя чертоги
Пронзает сердце смерть и подсекает ноги.
В середине лутчих лет иной, устроив дом,
Спокойным говорит, льстясь здрав пребыть, умом:
«Отныне поживу и наслажусь трудами».
Но час последний был, скончался со словами (731).

Ожидание несчастья за счастьем (светского!) легло в основу даже эпиграммы:

Женился Стил...
И, не дождавшись первой ночи
Закашлявшись, оставил свет (211).

Когда Ломоносов перевел эпиграмму Марциала, он выразил то же представление:

В тополовой тени гуляя, муравей
В прилипчивой смоле увяз ногой своей (171).

Но здесь описание стало почти совсем бытовым. Ведь в эпиграмме Марциала муравей не «гулял» и не «увязал ногой», а всего лишь ползал:

Ползал пока муравей в тени Фазтонова древа,
Капнул янтарь и обвил тонкое тельце его (170).

Показательно, что Ломоносов совсем отказывался только от таких старых форм, которые неразрывно были связаны с церковными оттенками. Например, кроме «Стихов на туясок», больше нигде не повторялись выражения «мед ясти» или традиционная характеристика грешников — «напасти», «увязли ноги», «убогий» и пр. Ломоносов избегал слишком архаичных, слишком церковных,

слишком окостеневших форм выражения. Из старого наследия он принимал в основном стилистически нейтральные формы и обновлял их осторожно.

Кажущимся исключением подтверждается правило. Есть мнение, что в «Стихах на туясок» отразилось старинное представление о меде как символе сладких речей и премудрости. Отсюда делается вывод, будто эти «шуточные стихи Ломоносова против невежд, бестолковых людей которые завязли в “меду”, то есть в науках»¹⁰, или будто стихотворение подразумевало какой-то проступок Ломоносова в учении¹¹. Однако такое допущение не отвечает смыслу «Стихов на туясок» в том виде, в каком они дошли до нас. Мед здесь подразумевается только как реалья, и нет намека на его символику.

Правда, в последующих сочинениях Ломоносов четырежды высказывался о меде — речи или премудрости. В примере в «Кратком руководстве к красноречию»: «Льстивый человек мед на языке, яд в сердце имеет» (1962. 207). В стихотворном «Письме к г. В...»: «Подобно как пчела собирает мед с цветов, так сладость мудрости сberi из их трудов» (1983. 183). В двух стихотворениях: «И чтоб их безгласна речь показала медом течь» (765), «по мед летать... Из губ подъяческих там сладости збирать» (690). При ближайшем рассмотрении оказывается, что первые три высказывания — это цитаты из других авторов (например, третья цитата — из перевода анакреонтического стихотворения), а четвертое, собственно ломоносовское, высказывание проникнуто саркастическим отношением к символу «мед — сладкая речь»: «мед — из губ подъяческих». Ломоносова никогда не увлекал символ «мед — мудрость», видимо, также из-за его архаичности. «Среднее», относительно нейтральное было больше по душе Ломоносову.

Вот отчего диалектно-речевые формы, вроде «услышали... медовая духи», как слишком местные, уже никогда не повторялись в сочинениях Ломоносова. Он выражался только литературно: «С полудни веет дух смиренный» (67). Фольклорные же формы тоже не прижились и использовались в единичных случаях. Например, лишь в одной из эпиграмм повторно отразилось фольклорная ассоциация о поющей, а не жужжащей мухе: «Муха! ...ты пой», «пой во весь заход» (539). Там же мухе грозило быть убитой обухом:

Однако ж осержусь! Я встал, ишу обуха.

Уж поднял, я махну! А кто сидит тут? Муха! (539).

Орудовали обухом — только в фольклоре, в пословицах: «За мухой не нагоняешься с обухом» (1770. 100; 1899. 108); «мухи с обуху, клопы — с осло-

¹⁰ История русской литературы: В 10 т. Л., 1941. Т. 3, ч. 1. С. 19. Раздел написан Д. К. Мотольской.

¹¹ Блок Г. П. Примечания. 1. С. 865.

пы» (1899. 121. Ср. также полуфольклорное «Сказание о роскошном житии и веселии»). Исток этого ломоносовского выражения был фольклорным, возможно, не ранее XVII в. Но подобные случаи редки у Ломоносова. «Средний» путь был им избран прочно.

Оттого формы не слишком старые, возникшие не ранее XVII в., использовались Ломоносовым обильно. Напоминаем, что речь идет не о словах, лексике только, а о формах, средствах выражения авторских ассоциаций. Слова могут быть старыми, а словосочетание для выражения данного представления может оказаться новым. Относительно новая форма для выражения ассоциации о летающих мухах — «мухи летают» — кроме «Стихов на туясок» повторялась у Ломоносова и позднее: «Муха!.. ты летай» (539). Даже в научной работе — «Первые основания металлургии, или рудных дел» — Ломоносов называл мух «летучими гадинами» (1954. 609). Слово «гадины» употреблено, конечно, без эмоционального оттенка, это термин. Сохранялся и уничижительно-сочувственный взгляд на мух как на безвредных тварей: «Муха!.. Бедняшка... мне нет вреда» (539).

Традиции XVII в. стилистически являлись самыми нейтральными: не бросалась в глаза ни их архаичность, ни новомодность. Характерное предпочтение форм XVII в. видно на примере ассоциации о сладости меда. Ломоносов явственно предпочитал формы XVII в. формам фольклорным и книжно-церковным. Он использовал, например, форму «сладкий мед» и высказывался соответственно: «мед... слаще стал» (510), «сладка роса» (281), «сладостны соты» (804) и пр. Между тем у ассоциации о сладком меде можно различить несколько языковых форм выражения, разных по происхождению. Например, словосочетание, где прилагательное «сладкий» выступало в краткой форме в роли сказуемого, было характерным преимущественно для пословиц: «Мед сладко, а муха падко», «сладок мед, да брюхо жмет» (1899. 120. 196), «мед сладок в меру» (1961. 95), «сладок мед, да не по две ложки в рот» (1955. 2. 313). Подобные пословицы были употребимы с древних времен. Недаром уже в XII в. Кирилл Туровский приводил соответствующий афоризм: «Сладко бо медвенный сот и добро сахар» (1956. 340). Такая архаическая форма выражения ассоциации не оказала воздействия на Ломоносова.

Другой вариант словосочетания с эпитетом «сладкий» также был безусловно фольклорным и также не отразился у Ломоносова. Это случаи, когда «мед» употреблялся во множественном числе в песнях:

Матушка, с гор меда текут!

Сударыня моя, меда сладкие (1911. 325).

Воспитался Предотеча
Сладки меда и акриды (1861. 230).

Носите, пчелы, солодкие меда (1863. 37).

Словосочетания со сравнением «яко мед сладок» и «сладок, яко мед» тоже имели древнее, но уже книжное происхождение. Они употреблялись, например, в Библии: «даждь ми книжицу... во устех ти сладка будет, яко мед... и бе во устех моих, яко мед сладкий», «напита мя свитка сего... и бысть во устех моих, яко мед сладок» (505 об., 332. Апокалипсис, гл. 10; Иезекииль, гл. 3). И повторялись многие века, и встречались у множества авторов, включая Симеона Полоцкого (168. 8, 8 об.), но только не в сочинениях Ломоносова. Правда, один раз Ломоносов употребил сходное выражение: «О имя... ты сладко, как... мед Иблейский и как блаженный нектар на Олимпе» (159). Но то был точный перевод из Марциала. Здесь Ломоносов вспомнил архаичную формулу.

Просмотр множества фольклорных произведений и литературных памятников XI — первой трети XVIII вв. оставляет впечатление о преимущественно книжном бытовании и о сравнительно позднем распространении привычного для нас словосочетания «сладкий мед». В единичных случаях это словосочетание с полным прилагательным употреблялось издавна, например, в «Житии Авраамия Смоленского» XIII в.: «пчела, вся цветы облетаючи и сладкую себе пищу приносящи» (76). Но с заметной частотой словосочетание «сладкий мед» начало повторяться, пожалуй, в сочинениях Симеона Полоцкого, не раньше: «Пчела мед сладкий из цвет собирает» (1935. 116), «сладкий из цветов мед людем сбирают» (1970. 160), «сладкий мед устам вашим будет» (1681. 8 об.) и др. В первой трети XVIII в. это словосочетание стало преобладающим, когда речь шла о меде. Его нередко употребляли Димитрий Ростовский: «да приложат сладкий мед любве божественныя» (2. 123 об.), Стефан Яворский: «Мед устам сладкий» (1804. 1. 184), Гавриил Бужинский: «пчели сладкий мед собирают» (10), Феофилакт Лопатинский: «сладкий мед сочиняющий»¹², Тредиаковский: «пчела слаткий мед собирает» (1, 14), Сумароков: «потребно в сладкий мед» (1. 334). Можно предполагать, что в данном случае Ломоносов опирался на не очень старую традицию.

На усвоение относительно новых явлений указывает еще один отрывок из Ломоносова:

Сладкой думой без кручины
Веселится голова.

¹² Быкова Т. А., Гуревич М. М. Описание изданий гражданской печати: 1708 — январь 1725 г. М.; Л., 1955. С. 289.

Сей забавой наслаждаюсь,
Нектарем сим упиваюсь (11).

Ассоциация о сладости меда была настолько прочной, что при упоминании меда в контекст проникло и упоминание чего-то сладкого наряду с медом. Подобная традиция сформировалась на основе пересказывания мест из Библии. «Моление Даниила Заточника»: «глас твой сладок и образ твой красен, мед истачают устне твои» (392). Гавриил Бужинский: «Сладко бяше воспоминати израилтяном землю, текущую медом и млеко» (240). Можно привести огромное количество примеров с древности и до XVIII в. включительно. Пожалуй, только в XVII в. сладость стала часто упоминаться не обязательно при пересказе библейской цитаты о меде. У Симеона Полоцкого: «Иисуса пресладкаго, яко сот меда, изъял есть» (1683. 173 об.), «яко пчелами от цветов сладкий мед, тако нами от его учения сладкое утешение» (1681. 402). В интермедии:

Паче медовова усладихся сота.
Сладкая будут словеса из рота. (1972. 280).

В элегии Стефана Яворского:

Идите от моих, любезны книги, рук,
Из коих почерпал я сладости наук,
Идите, и других умы уже питайте,
И в них сладчайший свой вы нектар изливайте (1805. 138).

Именно с такими внебиблейскими связями слов «мед» и «сладкий» мы встречаемся в поэзии Ломоносова. Привычные средства изложения — старые, но не устарелые, а если более новые, то не режущие слух новизной, — вот основа ломоносовской поэтической речи.

Новейшие литературные традиции конца XVII — начала XVIII в. играли активную роль преимущественно при маркировке жанра того или иного произведения Ломоносова. Например, и после «Стихов на туясок» употребление хлесткого просторечного, бытового слова или выражения постоянно связывалось у Ломоносова с концовкой произведения «среднего» жанра — басни, эпиграммы, шуточного послания или элегического стихотворения, но никогда не оды. «За грош один купить капусты лишь кочан» — заключительная фраза эпиграммы на Шишкина (407). «Стократ полезнее твоих нескладных врак» — конец сатирического стихотворения «К Пахомию» (658). «Везде в своем дому. Не просишь ни о чем, не должен никому» — окончание элегических «Стихов, сочиненных на дороге в Петергоф...» (736).

Такие стихотворения вовсе не были составлены только из просторечной и бытовой лексики. Даже в кратких «Стихах на туясок» в середине отмечены

славянизмы: «Егда... ясти...». Или, например, эпиграмма «Злобное примирение» содержала в середине совсем не просторечные строки:

А ныне объявил любовь ему и верность,
Дабы Пробиновых хвалу унижить од,
Которы вознося российской чтит народ.
Чего не можеш ты начать, о зависть злая,
Но истина стоит недвижима святая.

Тем не менее эту эпиграмму завершали совершенно просторечные выражения:

Здружиш с сей парочкой: кто хочет с ними знаться,
Тот думай, какво в крапиву испражняться (660).

Начало стихотворных произведений тоже имело жанровое значение. Напомним, что «Стихи на туясок» начинались словами «услышали мухи». Самое первое слово — глагол в прошедшем времени в роли третьего лица — означало, что перед нами сочинение «среднего» жанра, повествование о некоей истории, преимущественно обыденной. Ср. позднее: «Случились вместе два астронома в пиру» — глаголом в прошедшем времени в роли третьего лица начиналась юмористическая притча о Копернике и Птолемею (695). «Надела на себя Свиныя Лисицы кожу» — глаголом в той же форме начиналась басня (737). «Женился Стил» — начиналась эпиграмма (211).

Нередко в ломоносовских баснях, притчах, эпиграммах и пр. глагол уступал свое первое место, но всегда оставался в первой строке, во всяком случае в первой фразе. Начала некоторых эпиграмм: «Я мужа бодрого из давних лет имела» (543), «С Сотином — что за вздор? — Аколаст примирился!» (659), «Мышь некогда, любя святыню, оставила прелестной мир» (769). Глагол в той же функции использовался в начале переводов и вольных переложений Ломоносова: «Лишь только дневный шум замолк, надел пастушье платье волк» (188, басня Лафонтена), «Ночною темнотою покрылись небеса» (190, анакреонтическое стихотворение), «Я долго размышлял и долго был в сомненьи» (645, из сатиры Клавдиана). Глагол в прошедшем времени и в функции третьего лица в начале стихотворного произведения служил сигналом определенного жанра — басни, эпиграммы, шуточного или элегического стихотворения.

В произведениях «высоких» жанров Ломоносов начинал изложение, как правило, уже в настоящем времени. Правда, редко, в единичных одах, торжественных «надписях» и драматических монологах, речь тоже начиналась с глагола прошедшего времени. Но здесь Ломоносов сразу же переходил на настоящее время. Глагол прошедшего времени лишь кратко вводил в обстановку. Таковы, например, начала двух од:

Восторг внезапный ум пленил,
 Ведет на верьх горы высокой (16).
 Уже врата отверзло лето,
 Натура ставит общий пир (103).

Глагол в функции третьего лица прошедшего времени верно служил Ломоносову началом произведений «средних» жанров, как это и было принято с конца XVII — начала XVIII в.

Зато в области ассоциаций новейшие формы их выражения использовались Ломоносовым с гораздо меньшей определенностью и охотой. Например, в ассоциации о напасти как беде была утеряна старая дополнительная звуковая связь «напасть — впасть», но продолжилось развитие смысла в сторону пространственную: напасть мыслилась как бедственное падение вниз. Так, в трагедии «Тамира и Селим» слово «напасти» употреблялось в следующем контексте:

Мамай повержен был внезапно под ногами.
 И ближним потряслись падением древа.
 ...Он... вскричал: «Теперь спасите от напасти!» (354—355).

Напастью здесь названо не только поражение Мамаю, но и его физическое падение под ноги и падение деревьев тоже. Или пример из поэмы «Петр Великий»:

Извне коль многия напасти окружают:
 Потопы, бури, мор, отравы, вредный гад,
 Трясение земли, свирепы звери, глад,
 Падение домов и жрущие пожары.
 И град, и молнии гремящие удары,
 Болота, лед, пески, земля, вода и лес
 Войну с тобой ведут и высота небес (731).

Напасти-беды здесь связывались, кроме всего прочего, с падением, погружением, ползанием и пр.

Самый частый в сочинениях Ломоносова синоним меда — нектар, — стал наиболее употребимым именно с первой трети XVIII в. Тут Ломоносов тоже следовал новейшей манере.

То же с эпитетом «сладчайший» — «сладчайший нектар» (83). С начала XVIII в., не раньше, в литературе появились словосочетания с определением — прилагательным в превосходной степени: «сладчайшая медоточивая струя» — в письмовнике начала XVIII в. (181). Такую новомодную форму употреблял, например, Стефан Яворский: «собирал еси мед сладчайший», «мед, вещь

сладчайшую», «сладчайший нектар» (1867. 142; 1804. 1. 182; 1805. 138). У Сумарокова «различныя цветы сладчайший произносят дух» (1. 256—257). И здесь у Ломоносова налицо использование новейшего средства.

Один раз в «Кратком руководстве к красноречию» у Ломоносова сказано: «меда сладчайшая» (1952. 139). Превосходная степень прилагательного выступила в качестве сравнительной степени. Столь пышная форма прилагательного в словосочетании с медом употреблялась издавна, но редко: «сладчайша паче меда и сота» — в «Физиологе» (30), «медвена сладчайши сота» — в «Сказании о Леонтии Ростовском» (131), «меду суть сладчайши» — у Иоанна Златоуста («Великие минеи четии». 418). Это словосочетание можно встретить в первой половине XVII в.: «Что убо сладчайше медвенок сотов?» («Предисловия многоразлична». 33). Особенно же часто такая форма стала использоваться с конца XVII в. и в первой трети XVIII в. — в стихах и «орациях» Кариона Истомина: «Словеса его сладчайша зде сота», «сладчайшая паче меда и сота» (334, 472), в переводных сочинениях, в частности, в «Златом иге супружества»: «истинный мед и... манная небесная, ея же ничто же суть сладчайшее» (337), в лирических песнях книжного происхождения: «Адамант дражайший, паче меда сладчайший» (1858. 59), в проповедях Димитрия Ростовского: «Гласе... паче меда сладчайший!», «досяже тем сладчайшия паче меда и сота сладости» (3. 29, 73), в проповедях Гавриила Бужинского: «вкушение сладчайшее... всяку амбросию и нектара превышающею» (241). Писатели первой трети XVIII в. проявили явное пристрастие к слову «сладчайший». Отражение этого явления обнаруживается и у Ломоносова.

Но в пределах ассоциаций о меде пополнение новым не было активным, а чаще как бы сквозило через старое. Вот типичный пример. Ассоциация о сладости меда косвенно выражалась в литературе в форме противопоставления меда чему-то заведомо горькому — желчи, полыни, яду и пр. Древней, библейской являлась форма противопоставления — сладко, а потом горько, например, в одном из посланий XIII в.: «мед бо каплет от уст ея, а после же горяче золчи и чемери» — желчи и яда (Послание Димитрию Борисовичу, Якова. 456. Ср. Притчи Соломона, гл. 5). И в песнях первой трети XVIII в. такие «днесь — после» нередки: «Друг... днесь медоточны слова весма сеет, утро желчью оное содеет», «в очах медом зрится, посем желчь явится» (1958. 63, 71).

Другой вариант противопоставления — вместо меда горечь — тоже был старым. Он встречался в «Пчеле»: «и мед пельнем ся творит» (Розанов. 48). И конечно, дожил до XVIII в., например, до проповедей Стефана Яворского: «Воинская школа есть едина горесть, меду там не найдешь, одна только полынь» (1867. 110). Применялись и иные варианты противопоставления меда и горечи, в том числе и в фольклоре, когда мед и горечь мыслились насильственно

смешиваемыми, — известная пословица о ложке дегтя в бочке меда, восклицание Стефана Яворского: «О меда, горькими слезами раствореннаго!» (1804. 1. 186) и др. Но все эти варианты не нашли отражения у Ломоносова.

Ломоносов в «Кратком руководстве к риторике» тоже противопоставлял мед и горечь: «мед с желчию вкусом разнится», «горькая желчь» (1952. 32, 56). Но в «Кратком руководстве к красноречию» противопоставил их несколько иначе: «Льстивый человек мед на языке, яд в сердце имеет» (1952. 207). В этом высказывании мысль сложнее, чем в предыдущих примерах: мед и горечь подразумеваются существующими одновременно, соседствующими, но не смешивающимися. Подобные афоризмы были характерны именно для писателей первой трети XVIII в., а раньше, пожалуй, не употреблялись. Димитрий Ростовский: «В устах мед, в сердце желчь» (5. 34 об.). Стефан Яворский: «мед в устах, а в сердце желчь прегорькую носят» (1804. 1. 183). Антиох Кантемир: «Мед держи на языке, а желчь всю прячь в грудях» (1867. 89). Переводной афоризм: «Под медом желчь» («Символы и эмблемата». 20). Пословица в оформлении XVIII в.: «злые мед во устах носят, а яд всякому приносят» (1770. 111). Ломоносов в данном случае следовал форме выражения XVIII в., а не более ранней традиции, но делал это нерезко, использовал не вызывающе новую форму.

Остальные случаи были еще менее определены по своей внешней новизне. Так, Ломоносов нередко выражал ассоциацию «пить мед» или «быть напоенным медом»: «сладкую росу пьют» (1952. 33), «нектарем сим упиваюсь» (11), «нектар пьет» (34), «медом напоенны» (67), «сотом напоены» (218), «нектар пить» (795). Неожиданно оказывается трудным определить фразеологическую ориентацию Ломоносова из-за редкости подобных выражений в доломоносовской литературе и фольклоре. Но все-таки если в старинной русской литературе эти выражения о природном меде совершенно не употреблялись, то в первой трети XVIII в. уже можно найти подходящий пример в пьесе о воцарении Кира: «Аз тя напоих сладка от камене меда» (310). Значит, Ломоносов и тут тяготел, кажется, больше к новому, чем к старому.

Употреблял Ломоносов и форму «лить мед»: «пролейся, меда сладость» (34), «нектар лей» (83). Подобные формы использовались в литературе издавна и вплоть до XVIII в. без особых новаций: в XII в. — «мед проливаем»¹³, в XV в. — «и пролияся мед» («Стефанит и Ихнилат». 98), в XVII в. — «соту медвенному пролившуся» (Басни Эзопа. 1975. 83) и т. д. На этом фоне у Ломоносова не совсем обычно употребление повелительного наклонения глаголов — «пролейся», «лей».

¹³ Срезневский И. И. Сведения и заметки о малоизвестных или неизвестных памятниках. СПб., 1874. Вып. 55—65. С. 229.

Но именно это находит параллель в элегии Стефана Яворского, не раньше: «нектар изливайся» (1805. 138). И здесь можно ощутить какое-то воздействие новой тенденции, но нечеткое. В целом, судьба ассоциаций, отразившихся в «Стихах на туясок», знаменательна: и в дальнейшем творчестве Ломоносова формы их выражения неохотно поддавались влиянию XVIII в.

Теперь мы можем оценить значение «Стихов на туясок». Молодой Ломоносов искал свой путь языково-поэтического выражения ассоциаций, или устойчивых представлений. Он отбирал не слишком устаревшие, но и не слишком новомодные литературные средства. Хотя в ранних «Стихах на туясок» это стремление к стилистически «средней» сфере проявилось и не так последовательно, как позднее, но эти непритязательные «Стихи» живо ознаменовали начало нового отношения к литературным традициям. Поэтому они запомнились современникам, поэтому их переписывали, поэтому они дошли до нас.

Цитируемые произведения

- «Арифметика» Леонтия Магницкого — *Магницкий Л.* Арифметика, сиречь наука числительная. М., 1703.
- «Басни Эзопа» 1747, 1975 — Езоповы басни с нравоучением и примечаниями Рожера летранжа / Пер. свёл С. Волчков. СПб., 1747; *Тарковский Р. Б.* Старший русский перевод басен Эзопа и переписчики его текста: (Спецкурс). Л., 1975.
- Библия — Библия. М., 1663. Указываются листы издания.
- «Великие минеи четьи» — ВМЧ. Сентябрь 1—13.
- «Грамматика» Мелетия Смотрицкого — Грамматика Мелетия Смотрицкого. М., 1648. Указываются листы издания.
- «Житие Авраамия Смоленского» — Древнерусские предания: (XI—XVI вв.) / Текст памятника подгот. В. В. Кусков. М., 1982.
- «Житие Евфимия Новгородского» — Пам. СРЛ. Вып. 4.
- Загадки — Загадки / Изд. подгот. В. В. Митрофанова. Л., 1968.
- «Златое иго супружества» — *Панченко А. М.* «Златое иго супружества» и его источник // ТОДРЛ. Т. 37.
- «Изборник» 1076 г. — Изборник 1076 года / Изд. подгот. В. С. Гольщенко, В. Ф. Дубровина, В. Г. Демьянов, Г. Ф. Нефедов. М., 1965.
- Интермедии 1972, 1976 — РРД. Т. 2 / Текст памятника подгот. А. С. Демин; Т. 5 / Текст памятника подгот. Л. И. Сазонова.
- «Книга о скудости и богатстве» И. Т. Посошкова — *Посошков И. Т.* Книга о скудости и богатстве и другие сочинения / Под редакцией Б. Б. Кафенгауза. М., 1951.
- «Лексикон трехязычный» Федора Поликарпова — *Поликарпов Ф.* Лексикон трехязычный. М., 1704. Указываются листы издания.

- «Минеи служебные» — Минея служебная: октябрь. М., 1692. Указываются листы издания. Именно из этого издания юный Ломоносов переписывал тексты.
- «Моление Даниила Заточника» — ПЛДР. Т. 2 / Текст памятника подгот. Д. С. Лихачев.
- Песни 1861, 1863, 1911, 1936, 1958, 1960 — *Бессонов П.* Калеки переходные: Сборник стихов. М., 1861. Т. 1, вып. 1; М., 1863. Т. 2, вып. 4; *Киреевский П. В.* Песни: Новая серия. М., 1911. Вып. 1; Русская баллада / Под редакцией В. И. Чернышева. М., 1936; Пісні та романси українських поетів в двох томах. Київ, 1956. Т. 1; *Поздеев А. В.* Рукописные песенники XVII—XVIII вв.: (из истории песенной силлабической поэзии) // Учен. зап. Московского гос. заочного педагогического ин-та. М., 1958. Т. 1;
- Народно-поэтическая сатира / Тексты памятников подгот. Д. М. Молдавский. Л., 1960.
- Письмовник — *Пекарский П.* Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 2.
- «Повесть временных лет» — ПЛДР. Т. 1 / Текст памятника подгот. О. В. Творогов.
- «Повесть о Басарге» — ПЛРД. Т. 5 / Текст памятника подгот. Я. С. Лурье.
- «Повесть о Варлааме и Иоасафе» — ПЛДР. Т. 2 / Текст памятника подгот. И. Н. Лебедева.
- Послание Дмитрию Борисовичу, Якова — ПЛДР. Т. 3 / Текст памятника подгот. В. В. Колесов.
- «Послание на Угру» Вассиана Рыло — ПЛДР. Т. 5 / Текст памятника подгот. Е. И. Ванеева.
- Пословицы 1770, 1899, 1955.2, 1955.3, 1961 — Собрание 4291 древних российских пословиц. М., 1770; *Симони П.* Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий. СПб., 1899. Вып. 1; *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1955. Т. 2, 3; Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII—XX вв. / Изд. подгот. М. Я. Мельц, В. В. Митрофанова, Г. Г. Шаповалова. М.; Л., 1961.
- «Предисловия многообразна» — *Былинин В. К.* Стихотворные «Предисловия многообразна» в рукописях первой половины XVII в. // Записки Отдела рукописей РГБ. М., 1983. Вып. 44.
- «Пролог» — Пролог: декабрь—февраль. М., 1718. Указываются листы издания. Этим изданием пользовался Ломоносов в юности.
- «Пчела» — *Розанов С. П.* Материалы по истории русских Пчел. СПб., 1904.
- Пьеса о воцарении Кира — РРД. Т. 4 / Текст памятника подгот. А. С. Демин.
- Рассказ о смерти Пафнутия Боровского — ПЛДР. Т. 5 / Текст памятника подгот. Л. А. Дмитриев.
- «Символы и эмблемата» — Символы и эмблемата... Амстердам, 1705.

- «Сказание о Леонтии Ростовском» — Древнерусские предания: (XI—XVI вв.) / Текст памятника подгот. Г. Ю. Филипповский. М., 1982.
- «Слово о житии Дмитрия Ивановича» — ПЛДР. Т. 4 / Текст памятника подгот. М. А. Салмина.
- «Слово о полку Игореве» — Слово о полку Игореве / Текст памятника подгот. Л. А. Дмитриев и Д. С. Лихачев. Л., 1967.
- «Слово о трех мнисех» — Пам. СРЛ. Вып. 3.
- Сочинения Аввакума — РИБ. Т. 39.
- Сочинения Бужинского Г. — *Бужинский Г.* Проповеди / Изд. подгот. Е. В. Петухов. Юрьев, 1901.
- Сочинения Даниила — *Жмакин В. И.* Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881. Отдел приложений.
- Сочинения Димитрия Ростовского, 2, 3, 4, 5 — *Димитрий Ростовский.* Собрание разных поучительных слов и других сочинений. М., 1786. Ч. 2—5. Указываются листы издания.
- Сочинения Кантемира А. Д. 1867, 1868 — *Кантемир А. Д.* Сочинения, письма и избранные переводы / Под редакцией В. А. Ефремова. СПб., 1867. Т. 1; СПб., 1868. Т. 2.
- Сочинения Кариона Истомина — *Брайловский С. Н.* Один из пестрых XVII столетия. СПб., 1902.
- Сочинения Кирилла Туровского 1956, 1957 — *Еремин И. П.* Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ. Т. 12; Т. 13.
- Сочинения Ломоносова М. В. (литературные) — *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений: В 10 т. М.; Л., 1959. Т. 8 / Изд. подгот. Г. П. Блок., В. Н. Макеева.
- Сочинения Ломоносова М. В., прочие 1952, 1954, 1983 — *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений: В 10 т. М.; Л., 1952. Т. 7 / Изд. подгот. Г. П. Блок., В. Н. Макеева. М.; Л., 1954. Т. 5 / Текст «Первых оснований металлургии, или рудных дел» подгот. Г. А. Андреева, В. Н. Макеева. Л., 1983. Т. 11 / Текст «Письма к г. В...» подгот. Р. Б. Городинская, Г. Е. Павлова, Н. В. Соколова.
- Сочинения Максима Грека 1860, 1862 — *Максим Грек.* Сочинения. Казань, 1860. Ч. 1; 1862. Ч. 3.
- Сочинения Прокоповича Ф. 1760, 1880 — *Прокопович Ф.* Слова и речи... СПб., 1760. Ч. 1; *Морозов П.* Феофан Прокопович как писатель: Очерк из истории русской литературы в эпоху преобразования. СПб., 1880.
- Сочинения Симеона Полоцкого 1681, 1683, 1935, 1970 — *Симеон Полоцкий.* Обед душевный. М., 1681. Указываются листы издания; *Симеон Полоцкий.* Вечеря душевная. М., 1683. Указываются листы издания; *Вирши: Силлабическая поэзия XVII—XVIII вв.* / Тексты произведений Симеона Полоцкого подгот. Я. Л. Барсков. М., 1935;

- Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. / Изд. подгот. А. М. Панченко. Л., 1970.
- Сочинения Сумарокова А. П. 1, 6, 7 — *Сумароков А. П.* Полное собрание всех сочинений... М., 1787. Ч. 1, 6, 7.
- Сочинения Тредиаковского В. К. 1, 2 — *Тредиаковский В. К.* Сочинения и переводы как стихами, так и прозою: В 2 т. СПб., 1752. Т. 1, 29.
- Сочинения Яворского С. 1804. 1; 1804. 2; 1805, 1867, 1874 — *Яворский С.* Проповеди. М., 1804. Ч. 1—2; М., 1805. Ч. 3; *Чистович И. А.* Неизданные проповеди Стефана Яворского // Христианское чтение. 1867. Июль; *В. П.* Слова Стефана Яворского, митрополита рязанского и муромского // Труды Киевской духовной академии. Киев, 1874. Июль.
- «Торжественник» — *Орлов А. С.* Сборник Златоуст и Торжественник. СПб., 1905.
- «Успенский сборник» — Успенский сборник XII—XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971.
- «Физиолог» — *Карнеев А.* Физиолог. СПб., 1890.
- «Хроника» Георгия Амартола — *Истрин В. М.* Книги временныя и образныя Георгия Мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Пг., 1920. Т. 1.
- «Хронограф 1512 г.» — ПСРЛ. Т. 22, ч. 1.
- Эпиграмма Марциала — *Марциал Марк Валерий.* Эпиграммы / Перевел с латинского Ф. Петровский. М., 1968.

1987 г.

IV

**ОБ ИССЛЕДОВАТЕЛЯХ И ИССЛЕДОВАНИИ
ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

ТРУДЫ В. Н. ПЕРЕТЦА ПО ИСТОРИИ РУССКОГО ТЕАТРА

Основная задача предлагаемой работы заключается в попытке выделить в истории изучения раннего русского театра и драматургии особый, «перетцевский» период, отличающийся от периода предыдущего, «тихонравовского». Важнейшим для нас является не перечисление соответствующих работ В. Н. Перетца в хронологическом, тематическом или каком-либо ином формальном порядке, но выяснение особенностей этого ученого как историка театра и драматургии. В этом случае, конечно, нельзя обойтись без хотя бы самых кратких сопоставлений работ В. Н. Перетца с исследованиями и взглядами других ученых.

Изучение русского театра и драматургии началось в России с середины XVIII в. В течение двух с половиной веков, протекших с того времени, методы составления истории театра неоднократно менялись. Отношение исследователей к драматическим памятникам прежде всего определялось их точкой зрения на задачи истории литературы в целом. Крупные изменения в историко-литературных взглядах обуславливали, в свою очередь, перемены в разработке такой относительно более частной проблемы, как история русского театра и драматургии.

Например, в XVIII в. историко-литературные представления, как известно, сводились к представлениям о словаре или библиографии. И поэтому первые историки русского театра, очень разные по уровню своих знаний и по положению в обществе, — актер И. А. Дмитревский, академик Я. Штелин, митрополит Евгений, издатель Н. И. Новиков, — излагали его историю в удивительно одинаковой форме: или в форме словаря, по алфавиту драматургов и актеров, или в форме летописно-библиографической, по хронологии отдельных фактов и изданий.

Новый период изучения русской драматургии и театра начался со второй половины XIX в., когда в литературоведческой науке России получили значительное развитие сравнительный и культурно-исторический методы. Понимание задач истории литературы усложнилось; и вот как понимал их в то время, например, М. И. Сухомлинов. «Библиографы описывали книги по группам и отделам, — характеризовал М. И. Сухомлинов предшествующий период, — и сообщали сведения об авторах в азбучном порядке. История литературы должна связать явления не одною только внешнею, но и внутреннею связью, руководствуясь определенным выбором, а не помещая все без разбора. В истории литературы неизбежно обнаруживается то или другое направление, преобладает то или другое начало»¹.

Н. С. Тихонравов был одним из первых, кто понял и сформулировал новые задачи истории литературы и почти сразу же реализовал это при изучении ста-

¹ Сухомлинов М. О трудах по истории русской литературы // ЖМНП. СПб., 1871. Ч. 146. Авг. Отдел 2. С. 159—160.

ринной русской драматургии. В 1859 г. Н. С. Тихонравов писал: «В настоящее время история литературы... вышла на широкое поле положительного изучения всей массы словесных произведений, поставив себе задачей уяснить исторический ход литературы, умственное и нравственное состояние того общества, которого последняя была выражением... Отдельное литературное произведение эта наука перестала рассматривать как явление исключительное, вне всякой связи с другими... С изменением задачи изменилось и значение историко-литературных источников и пособий...»².

В 1859—1861 гг. Н. С. Тихонравов создал первый удачный очерк истории русского театра XVII—первой половины XVIII вв., сохраняющий свое значение и поныне; им же был опубликован и прокомментирован почти весь репертуар ранних русских пьес, к которому позднейшие издатели прибавили лишь немного³.

Знаменательно, что наряду с Н. С. Тихонравовым и независимо от него довольно большие работы по истории русского театра были написаны П. П. Пекарским⁴ и А. Н. Веселовским⁵. Притом трое ученых рассматривали историю русского театра на фоне широких связей с театром западноевропейским: сопоставлялись народный театр в России и в Европе, древнерусские пьесы и средневековые мистерии, русские пьесы XVII—начала XVIII вв. и так называемые «английские комедии», и т. д.

Эти работы положили начало новому периоду в изучении ранней русской драматургии и театра, периоду, называемому нами «тихонравовским», так как сделанное Н. С. Тихонравовым осталось наиболее крупным и наиболее важным вкладом того времени в изучение старинной русской драматургии.

«Тихонравовский» период продолжался и после смерти ученого, до самого конца XIX в. И хотя в 80-е—90-е годы XIX в. появились многочисленные исследования и публикации по истории русского театра, однако новизна их была значительно меньшей. Они лишь в той или иной степени стремились до-

² Тихонравов Н. С. Объявление (о начинающемся издании «Летописей русской литературы и древности») // Библиографические записки. 1859. 2. С. 55—57.

³ Тихонравов Н. С. Начало русского театра // Летописи русской литературы и древности, издаваемые Николаем Тихонравовым. М., 1861. Отдел 2. С. 7—47; *Он же*. Первое пятидесятилетие русского театра: Речь, произнесенная в торжественном собрании Московского университета 12 января 1873 г. М., 1873; *Он же*. Русские драматические произведения 1672—1725 гг. СПб., 1874. Т. 1—2. 23 марта 1875 г. Тихонравов Н. С. на заседании Общества любителей древней письменности прочел доклад «Московская школьная драма первой половины прошлого века» (см.: Гудзий Н. К. Николай Саввич Тихонравов. М., 1956. С. 79).

⁴ Пекарский П. П. Мистерии и старинный театр в России. СПб., 1857. Ср.: Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 372—373.

⁵ Алексей Веселовский — брат великого ученого Александра Веселовского (см.: Веселовский Алексей. Старинный театр в Европе. М., 1870; A. Wesselowski. Deutsche Einflüsse auf des alte russische Theater. Prag, 1876).

полнить сделанное Н. С. Тихонравовым. Так, например, П. О. Морозов, автор самой большой работы по истории русского театра, написанной в конце 80-х годов XIX в., подчеркивал, что его главная цель «представить подробный литературно-исторический и бытовой комментарий к текстам», опубликованным Н. С. Тихонравовым, дать «систематический свод... материала», в значительной степени уже подготовленного Н. С. Тихонравовым ⁶.

Если одни ученые систематизировали накопленные Н. С. Тихонравовым материалы, повторяя тихонравовские же мысли, как это сделал П. О. Морозов, то другие исследователи, а их было большинство, не претендуя на обобщения, занимались публикациями отдельных найденных ими пьес, оставшихся неизвестными Н. С. Тихонравову. Пожалуй, наибольшее количество текстов добавил И. А. Шляпкин ⁷.

В целом же в 90-е годы XIX в. «тихонравовское» начало в изучении русского театра и драматургии было сильно ослаблено, и преобладал фактографический, археографический подход. В это время и развернулась научная деятельность В. Н. Перетца.

Отсюда понятна разнородность работ В. Н. Перетца в первые годы его занятий историей русской драматургии. Само время не давало ясного представления о главном направлении работ, и В. Н. Перетц то изучает творчество раннего И. А. Крылова-драматурга ⁸, то пишет большую статью о кукольном театре на Руси с параллелями от античности до XIX в. ⁹, то по отдельным спискам публикует некоторые русские и украинские драматические памятники XVII в. ¹⁰

⁶ Морозов П. О. Очерки из истории русской драмы XVII—XVIII столетий. СПб., 1888. С. III, 4—5.

⁷ Ср.: Шляпкин И. А. Ужасная измена сластолюбивого жития с прискорбным и нищетным: (Вновь открытая комедия XVII в.). СПб., 1882; *Он же*. Царевна Наталия Алексеевна и театр ее времени. СПб., 1898. Часть материалов, обнаруженных И. А. Шляпкиным, была опубликована гораздо позже (см.: Старинные действия и комедии Петровского времени, извлеченные из рукописей и приготовленные к печати И. А. Шляпкиным // СОРЯС. СПб., 1921. Т. 97, № 1). Ср. также публикации М. И. Соколова, Н. М. Петровского, Г. П. Георгиевского.

⁸ Перетц В. Н. Иван Андреевич Крылов как драматург // Ежегодник императорских театров: Сезон 1893—1894 гг. СПб., 1894. Приложения, кн. 2.

⁹ Перетц В. Н. Кукольный театр на Руси: (Исторический очерк) // Ежегодник императорских театров: Сезон 1894—1895 гг. СПб., 1895. Приложения, кн. 1. Позднее В. Н. Перетц называл эту работу «мало оригинальной» (см.: Перетц В. Н. Отзыв о сочинении Н. И. Петрова «Очерки из истории украинской литературы XVII—XVIII вв. Киевская искусственная литература XVII—XVIII вв., преимущественно драматическая». Киев, 1911 // Отчет о пятнадцатом присуждении императорскою Академией наук премий митрополита Макария в 1913 г.: По Отделению русского языка и словесности. Пг., 1915. С. 22).

¹⁰ Перетц В. Н. Скоморошья вирши по рукописи половины XVIII века // Ежегодник императорских театров: Сезон 1896—1897 гг. СПб., 1888. Приложения, кн. 2.; *Он же*. «Властотворный образ человеколюбия Божия». Соч. иеромонаха Митрофана Довгалецкого. 1737 г. // Ежегодник императорских театров: Сезон 1897—1898 гг. СПб., 1898.

Однако вскоре наступает перелом, и деятельность молодого ученого приобретает четкую целенаправленность. Можно предполагать, что важную роль для формирования В. Н. Перетца как историка литературы сыграла известная дискуссия о задачах истории русской литературы, развернувшаяся в самом начале XX в. В ней приняли участие А. И. Соболевский (один из учителей В. Н. Перетца), Н. Никольский, В. М. Истрин и др.

Дискуссия свидетельствовала о том, что сравнительно с тихонравовским временем к началу XX в. уже несколько изменилось и усложнилось понимание задач истории литературы. Пафос сопоставления русской литературы с литературами западноевропейскими в значительной мере иссяк. Исследователи пришли к выводу, что прежде всего надо собрать достаточное количество данных, касающихся самой русской литературы. Как заметил В. М. Истрин, «каждая литература должна изучаться из себя самой»¹¹.

А. И. Соболевский писал по тому же поводу: «Научная история литературы Московской Руси XVI и XVII веков (с Петровскою эпохою), по нашему мнению, возможна. Правда, не все, имеющее значение, издано; историку необходимо работать (и много работать) по рукописи... Историк должен и привести в известность этот материал, и сколько-нибудь обработать его критически, и указать каждому произведению подобающее место»¹².

О том, что эти и подобные им высказывания крупнейших знатоков древнерусской литературы оказали влияние на В. Н. Перетца, свидетельствуют его неоднократные ссылки на материалы этой дискуссии и, в особенности, его дальнейшая деятельность. С начала 1900-х годов В. Н. Перетц с редкой неутомимостью принимается за систематическое разыскание и комментирование новых источников по истории русского театра и драматургии XVII—XVIII вв. Он в изобилии находит их (в основном мелкие произведения) в рукописных хранилищах Москвы, Петербурга, Киева, Львова и других городов. Его работы уже не выглядят случайными археографическими заметками, но составляют циклы, состоящие из многих выпусков и подводящие вплотную к созданию истории некоторых драматургических жанров, а тем самым существенно дополняющие то, что сделал Н. С. Тихонравов. Напомним, например, о двадцати выпусках работы В. Н. Перетца «К истории польского и русского народного театра», регулярно печатавшихся на страницах «Известий Отделения русского языка и словесности Академии наук» в течение почти семи лет, с 1905 по 1911 г., и, в частности, посвященных рассмотрению «малых» драматических

¹¹ *Истрин В. М.* «Древняя русская литература Киевского периода XI—XIII веков» П. В. Владимирова. Киев, 1900 // ЖМНП. 1902. Ч. 340, март. «Критика и библиография». С. 216.

¹² *Соболевский А. И.* Несколько мыслей об древней русской литературе. СПб., 1903. С. 18—19.

жанров — декламации и диалога, — которые совершенно ускользнули от внимания Н. С. Тихонравова и его ближайших продолжателей¹³.

В конце концов, статьи, комментирующие, казалось бы, отдельные памятники, под пером В. Н. Перетца превращаются в небольшие работы по истории русского театра. Образцом такой работы может служить, например, статья о пьесе «Акт о Сарпиде, дуксе Ассирийском», в действительности же дающая характеристику русской драматургии Петровского времени¹⁴. Это был новый жанр научных работ о драматургии, не мыслимый во времена Н. С. Тихонравова и принципиально отличающийся от простого издания или узкого комментирования памятника. Циклы, нумерованные и ненумерованные серии статей В. Н. Перетца были призваны служить непосредственной основой, переходной формой к цельной, но более глубокой, чем тихонравовская, работе об истории русского театра и драматургии.

Однако подобно тому, как Н. Никольский считал, что «для составления научной истории древнерусской литературы не наступило еще время»¹⁵, В. Н. Перетц говорил то же об истории русского театра и драматургии: «Строить общую схему этой отрасли искусства в России несколько преждевременно»¹⁶. Поэтому обобщающих, теоретических работ по истории театра, «оторванных» от публикации источников, у В. Н. Перетца сравнительно немного; они невелики по объему и посвящаются лишь отдельным общим вопросам, вернее, постановке некоторых вопросов, но не их разрешению.

Но при всем том В. Н. Перетцем сравнительно с Н. С. Тихонравовым были намечены новые подходы и новые проблемы истории раннего русского театра в целом. Прежде всего, В. Н. Перетц поставил вопрос об эстетических особенностях старинной русской драматургии. Подобного рода проблематика совершенно отсутствовала у Н. С. Тихонравова; больше того, он ее избегал и даже

¹³ См., например, выпуски 11—12 и 15—17 «К истории польского и русского народного театра» // ИОРЯС. СПб., 1903. Т. 14, кн. 1. С. 142—148; 1910. Т. 15, кн. 4. С. 150—175; а также дополняющую их статью: *Перетц В. Н.* Украинский диалог и трены на успение Богородицы // ИОРЯС. 1913. № 18, кн. 2. С. 2 и сл.

¹⁴ *Перетц В. Н.* «Акт о Сарпиде, дуксе Ассирийском». (Из истории театра эпохи Петра I) // ИОРЯС. 1921. Т. 26. С. 103—123 (том вышел в 1924 г.). Кроме того, В. Н. Перетц сделал фундаментальный вклад в текстологию ранней русской драматургии. См.: *Лихачев Д. С.* Об изучении древней русской литературы в Академии наук за 250 лет ее существования. (Несколько общих наблюдений) // Русская литература. 1974. № 2. С. 9 и сл.

¹⁵ *Никольский Н.* Ближайшие задачи изучения древнерусской книжности. СПб., 1902. С. 32.

¹⁶ *Перетц В. Н.* [Рецензия на книги В. И. Резанова.] // ЖМНП. Новая серия. 1911. Ч. 31, янв. «Критика и библиография». С. 177. В. Н. Перетц был «весьма скромного мнения о своих работах по истории русского театра», — это слова из его письма от 25 ноября 1922 г. П. Н. Сакулину в Общество любителей российской словесности (Рукопись РГБ, н/с, № 10, ед. 13. Л. 1).

считал вредной в пылу борьбы с антиисторической «эстетической» школой. У В. Н. Перетца же вопрос об эстетике старинного русского театра возник уж в первых теоретических статьях и оставался в центре внимания до конца жизни.

Главные литературные черты пьес русского театра XVII — первой половины XVIII в. были указаны В. Н. Перетцем в 1907 г. в его работе «Очерки поэтического стиля в России»¹⁷, и затем в течение более пятнадцати лет их характеристика расширялась и углублялась. По мнению В. Н. Перетца, зрителей пьес того времени «эстетически волновала» «не одна пестрота невиданного дотоле зрелища, а игра, переливы трагического и комического, высокого и шутовского, вырисовывавшегося на фоне драматизации библейского, давно знакомого тогдашним образованным людям сюжета; смена подъемов жалости и смеха — вот на чем была основана сценичность пьес тогдашнего репертуара, в общем поражающих нас своими длиннотами и отсутствием драматического движения». Русский театр «знал два основных контрастирующих тона, две краски: пафос и бесцеремонную, не знающую удержу и границ шутку... Чередование их и составляло действие на фоне довольно примитивно развертывающейся фабулы, которая и не стремилась быть новой, неожиданной, сенсационной; она бралась из запаса старой библейской, исторической, вернее, псевдоисторической литературной традиции, но разрабатывалась в определенном ритме, обусловленном указанной сменой, не оставляя зрителя спокойным, заставляя его то почтительно созерцать и слушать героев, радоваться и плакать с ними, то смеяться над нелепыми выходками “шутовских персон”»¹⁸.

В. Н. Перетц объяснял указанное явление, с одной стороны, влиянием стиля так называемых «английских комедий», а с другой стороны, схематизирующим взглядом авторов пьес на жизнь, которая «была несложна и комбинировала ряд вариаций в одном зачарованном круге»¹⁹.

Разумеется, В. Н. Перетц не считал, что им открыто все, относящееся к литературно-эстетической стороне старинных пьес. Наоборот, он постоянно подчеркивал предварительность своих наблюдений, призывал в этой связи обратить внимание на «сюжетность драмы», на «литературный стиль пьес», на собственно театральную их сторону, на изучение «приемов игры» актеров и их взаимодействия со зрителями. «Здесь историк театра соприкасается с историком культуры вообще, с психологом», — замечал В. Н. Перетц²⁰. Им были пред-

¹⁷ Перетц В. Н. *Очерки по истории поэтического стиля в России. (Эпоха Петра Великого и начало XVIII в.)* // ЖМНП. Новая серия. 1907. Ч. 9, июнь. «Отдел наук». С. 326 и сл.

¹⁸ Перетц В. Н. *Театр в московской России 250 лет тому назад* // Старинный театр в России XVII—XVIII вв.: Сборник статей / Под редакцией акад. В. Н. Перетца. Пг., 1923. С. 37—38.

¹⁹ Перетц В. Н. *Несколько мыслей о старинном русском театре* // Ежегодник Петроградских государственных театров: Сезон 1913—1919 гг. Пг., 1920 (на обл.: 1922). С. 223.

²⁰ Там же. С. 223—225.

приняты оригинальные попытки выявления «теоретических понятий русских «авторов» (условно) и читателей о драме в досумароковский период русского театра» (по поэтикам и редким печатным изданиям)²¹; были собраны наблюдения над театральными эффектами того времени²².

Если не считать нескольких работ учеников В. Н. Перетца, продолживших предложенное им направление в изучении истории русского театра, то нельзя не обратить внимание на «драматическую» особенность: В. Н. Перетц разрабатывал это новое направление, в сущности, один. Другие исследователи в лучшем случае лишь публиковали документы, имеющие отношение к эстетике театра, с самой скромной систематизацией содержания документов, как, например, это было сделано С. К. Богоявленским в книге «Московский театр при царях Алексее и Петре» (М., 1914) и В. Н. Всеволодским-Гернгроссом в книге «Театр в России при императрице Анне Иоанновне и императоре Иоанне Антоновиче» (СПб., 1914)²³. Правда, нужно заметить, что историко-эстетический подход к памятникам древнерусской литературы всегда проявлялся лишь как редкая индивидуальная особенность некоторых филологов, начиная с Ф. И. Буслаева. Из современников же В. Н. Перетца этой способностью был наделен, например, А. С. Орлов, который в 1902 г. опубликовал известную работу «Об особенностях формы русских воинских повестей (конца XVII в.)» (М., 1902).

В. Н. Перетцу удалось существенно дополнить работы Н. С. Тихонравова постановкой и другой важной, традиционной проблемы — о происхождении русского театра и драматургии. Последователи сравнительно-исторической школы, по аналогии с историей западноевропейского театра, считали, что русский театр зародился из театра народного и церковных «действ». Против этого возражал В. Н. Перетц. «Попытки возводить начало русского театра, сложившегося в конце XVII ст., — писал В. Н. Перетц, — к народному хороводному действу — невозможны. О деятельности носителей «народной драмы» — скорморохов — мы знаем очень мало, и то, что знаем, — не укрепляет нас в мысли искать у них зародыша первых сценических представлений на русской почве»²⁴.

²¹ Перетц В. Н. Из начального периода жизни русского театра // ИОРЯС. 1907. Т. 12, кн. 3. С. 181—225.

²² Перетц В. Н. Театральные эффекты на школьной сцене в Киеве и Москве XVII и начала XVIII веков // Старинный спектакль в России: Сборник статей. Л., 1928. С. 64—98. Ср. также: Перетц В. Н. Театральні ефекти в старовинному українському театрі // Україна. Науковий двохмісячник українознавства. 1926. Кн. 1. С. 16—33.

²³ Книга В. Н. Всеволодского-Гернгросса была издана в количестве 200 экземпляров. Экземпляр с авторскими рукописными и машинописными добавлениями, иногда довольно значительными, хранится в РГБ под шифром W 462/857.

²⁴ Перетц В. Н. Несколько мыслей о старинном русском театре // Ежегодник Петроградских государственных театров: Сезон 1918—1919 гг. Пг., 1920. С. 217. Ср.: Перетц В. Н. К постановке изучения старинного театра в России // Старинный театр в России XVII—XVIII вв. Пг., 1923. С. 16.

В качестве путей возможного решения вопроса о происхождении русского театра В. Н. Перетц указывал, во-первых, на то, что «история нашего старинного, а вслед за ним и народного театра шла... через заимствование чуждой литературной и художественной традиции» Западной Европы²⁵; во-вторых, на влияние польского и украинского театров, в частности, на то, что «быть может, со временем обнаружатся и промежуточные, связующие звенья между русским народным диалогом и польской интермедией»²⁶; в-третьих, на роль русских авантюрных повестей — «романов» XVII — первой половины XVIII в., «обилие диалогов в которых способствовало их превращению в форму драмы»²⁷; и, наконец, в-четвертых, на значение социальных потребностей — «эстетических запросов прежде всего царствующих особ и их придворного круга» — для заведения и бытования театра в России²⁸.

Мы не будем в данном случае рассматривать, насколько прав был В. Н. Перетц. Но несомненно, что та картина возникновения и развития русского театра и драматургии, которая вырисовывалась из его трудов, была намного сложнее, чем у Н. С. Тихонравова, и требовала учета гораздо большего количества различных связей, влияний и взаимодействий.

В результате увеличился разрыв между старыми и новыми методами исследований. Если во времена Н. С. Тихонравова мирно уживались историко-литературный и формально-архивный подходы к истории русского театра, то теперь они противопоставляются. По методологическим трудам В. Н. Перетца и по его рецензиям на работы исследователей видно, как иной раз беспощадно он отличал действительных историков литературы от ученых, «более склонных к трудолюбивому, но бесплодному коллекционерству»²⁹.

В этом отношении характерна полемика между В. Н. Перетцем и В. И. Резановым. Сам В. Н. Перетц не пытался создать общую историю раннего русского театра; мы уже знаем, по каким причинам. Зато В. И. Резанов в короткий срок, с

²⁵ Перетц В. Н. К постановке изучения старинного театра в России // Старинный театр в России XVII—XVIII вв. С. 16—17.

²⁶ Перетц В. Н. К истории польского и русского народного театра. (Несколько интермедий XVII—XVIII столетий) // ИОРЯС. 1905. Т. 10, кн. 1. С. 89.

²⁷ Перетц В. Н. [Рецензия на книгу:] «И. А. Шляпкин. Царевна Наталья Алексеевна и театр ее времени. 1898» // ЖМНП. 1899. Ч. 324, авг. «Критика и библиография». С. 546 и сл.; *Он же*. Из истории старинной драматургии // «Северный курьер». 1899. № 39, 9 (21) дек. С. 2; *Он же*. Памятники русской драмы эпохи Петра Великого. СПб., 1903. С. X; *Он же*. «Акт о Сарпиде, дуксе Ассирийском» // ИОРЯС. 1921. Т. 26. С. 116 и сл.

²⁸ Перетц В. Н. [Рецензия на книгу:] «В. Всеволодский-Гернгросс. Театр в России при императрице Анне Иоанновне и императоре Иоанне Антоновиче. СПб., 1914» // ЖМНП. Новая серия. 1915. Ч. 55, янв. «Критика и библиография». С. 207.

²⁹ Перетц В. Н. К вопросу о сравнительном методе в литературоведении // ТОДРЛ. Т. 1. С. 333.

1907 по 1910 г. написал несколько больших книг по истории русской драмы XVII—XVIII вв. Эти книги по своему объему превосходили то, что В. Н. Перетц написал о русском театре за всю свою жизнь. Однако книги В. И. Резанова не содержали никакой новой концепции; вернее, они не содержали вообще никакой концепции, являясь сборниками материалов, текстов, выписок, расположенных в формальном порядке: по темам пьес, по странам и областям, где ставились пьесы и др. Формально-справочное построение книг было «замаскировано» их общей повествовательной формой и внешней солидностью и пр.

Рецензия В. Н. Перетца на книги В. И. Резанова была — неожиданно для многих — чрезвычайно резкой, по существу, даже уничтожающей. Рецензент упрекал автора в том, что, «классифицируя свой материал, автор очень редко пускается в исследование, предпочитая повествование»; что под словом «анализ» автор подразумевает «пересказ», а не «нечто более, выражающее генезис и характер состава пьесы, чем изложение ее содержания»; поэтому его работа «есть сборник полуобработанного материала», построенный по «примитивному плану»³⁰.

В. И. Резанов не понял суть претензий В. Н. Перетца и в ответе на рецензию писал, что в своей работе он «предпочел в расположении материала самый простой, естественный план, при котором избегается всякая тень подтасовок, натяжек и т. д.; внимательный читатель волен группировать свои впечатления по каким ему угодно категориям»³¹. Из этой цитаты видно, насколько далек был Резанов от историко-литературного подхода.

И даже в 1926 г. в рецензии на очередную книгу В. И. Резанова Перетц справедливо отмечал, что для данной и для предыдущих книг этого исследователя характерна «банальность», «малая самостоятельность и обилие выписок», «своеобразное понимание «сравнительного метода», сводящегося к примитивному подбору параллелей». «Претендовать же на серьезное научное значение, на новизну — эта книга не может», — заканчивал В. Н. Перетц³².

Таков был приговор наиболее плодovитому исследователю раннего русского театра. Немало аналогичных замечаний было сделано В. Н. Перетцем в рецензиях на работы других ученых; эти замечания в совокупности дают пред-

³⁰ Перетц В. Н. [Рецензия на книги:] «1) В. И. Резанов. К истории русской драмы. Экскурсе в область театра иезуитов. Нежин, 1910. 2) В. И. Резанов. Из истории русской драмы. Школьные действия XVII—XVIII вв. и театр иезуитов. М., 1910. 3) В. И. Резанов. Памятники русской драматической литературы. Школьные действия XVII—XVIII вв. Нежин, 1907» //ЖМНП. Новая серия. 1911. Ч. 31, янв. «Критика и библиография». С. 182, 186—188, 205.

³¹ Резанов В. И. Замечания на рецензию проф. В. Н. Перетца. СПб., 1911. С. 8.

³² Перетц В. Н. [Рецензия на книгу:] «Проф. В. Резанов. Драма українська. У Київi, 1926, I, III» // ИОРЯС. 1926. Т. 31. С. 380, 381, 383.

ставление о том, как непримиримо относился В. Н. Перетц к устаревшим методам составления истории театра, когда автор «в хронологическом порядке, летописным способом, без особых претензий излагает находящиеся в его распоряжении документы», «валит все в кучу, без разбора» и не идет «в технике построения истории театра далее своих предшественников»³³.

Все сказанное нами позволяет с несомненностью выделять «перетцевский» период в изучении раннего русского театра, пришедший на смену «тихонравовскому» и отличающийся большей сложностью ставимых историко-литературных задач.

Полной научной истории ранней русской драматургии так и не появилось до сих пор. Причина этого заключается, как можно предполагать, не только в трудностях методического характера, но и в том представлении о второстепенности русской драматургии в истории литературы, которое, по-видимому, являлось общим для исследователей.

Характерен тот факт, что ни один исследователь не начинал свою работу непосредственно с изучения драматургии. Историки литературы подходили к ней лишь после того, как принялись за изучение жанров, с их точки зрения, более важных в литературном процессе. Поэтому, например, Н. С. Тихонравов обратился к драматургии лишь после того, как им было предпринято большое исследование об апокрифах и отреченных книгах; П. О. Морозов занялся историей театра, сначала основательно изучив творчество Феофана Прокоповича и проповедников Петровского времени; В. Н. Перетц перешел к исследованиям драматических памятников после обширных разысканий в области русского стихотворства. Изучение драматургии как бы дополняло у исследователей общую картину развития древней русской литературы и литературы Петровского времени, созданную, однако, на основе разысканий в области других, более важных литературных жанров.

Представление о второстепенном значении ранней русской драматургии (очевидно, небезосновательное) в известной мере замедляло разработку ее полной научной истории. После революции встал вопрос о коренном пересмотре концепций дореволюционного литературоведения, и решался он опять-таки на примере других жанров. Лишь в 1930-е—1940-е годы, когда этот длительный процесс в основном уже заканчивался, возникла необходимость дополнить новую картину анализом и ранней русской драматургии. Появились новые работы В. П. Адриановой-Перетц, С. А. Щегловой, П. Н. Беркова, В. Д. Кузьминой, И. М. Кудрявцева и др., посвященные отдельным вопросам истории

³³ *Перетц В. Н.* [Рецензия на книгу:] «В. Всеволодский-Гернгросс. Театр в России при императрице Анне Иоанновне...» // ЖМНП. 1915, янв. С. 207, 212.

театра в России, а в первой половине 70-х годов коллектив исследователей подготовил серию книг о ранней русской драматургии.

Создается отчетливое впечатление, что сейчас мы находимся на грани нового периода в изучении русского театра. Как было показано, В. Н. Перетц занимался преимущественно аналитическими темами; ныне же, после завершения пятитомного издания академической серии книг «Ранняя русская драматургия (XVII — первая половина XVIII в.)», уже различимы контуры будущей истории русского театра, не фактографической, а теоретической. Почти все источники по истории ранней драматургии, за исключением единичных, собраны воедино, опубликованы и прокомментированы. Отдельные темы, на которые писал В. Н. Перетц, теперь развиты и смыкаются друг с другом. Достаточно заметить, что в названном труде были рассмотрены вопросы происхождения русского театра, его идеологическое и эстетическое значение, его место в мировой культуре. По-видимому, создаются реальные предпосылки для создания широкой, комплексной истории русского театра и драматургии. Для этого открылись возможности в самих научных жанрах предпринятых работ. Комментарии к пьесам превратились в указанном издании в цельные статьи. Так называемые вступительные статьи к сборникам публикуемых текстов, основанные на специальных исследованиях, во многом стали предвосхищать главы будущей синтетической истории русской драматургии. А разнообразные указатели к книгам по драматургии начали выступать в роли тематических словников будущей энциклопедии раннего русского театра. Все проблемы и конкретные формы предпринятых работ укрупнились и взаимосвязались. Есть основания думать, что предвидение В. Н. Перетца о первоначальном периоде истории русского театра, написанной по-новому, может осуществиться.

1976 г.

БЛИЗКО ЛИ ДАЛЕКОЕ?

(О КНИГЕ В. Ф. ПЕРЕВЕРЗЕВА)¹

Мы привыкли к иным книгам о русской старине: или к очень большого объема исследованиям, или к очень большого формата альбомам. Что дает нам скромная на вид (созданная в ссылке!) книга В. Ф. Переверзева? Прежде всего, автору удалось «показать читателю, что... произведения древнерусской литературы представляют не менее интересный материал для чтения и заслуживают не меньшего внимания с его стороны, чем охотно поглощаемая читателем новейшая беллетристика» (5). Почти половину книги, если собрать вместе, составляют выразительные цитаты из памятников и красочные пересказы их содержания (нередко по памяти: в ссылке невозможно было пользоваться изданиями текстов). Давно не появлявшееся популярное пособие для чтения древнерусской литературы — вот, на первый взгляд, жанр работы В. Ф. Переверзева. Однако не только в этом ее достоинство.

В книге привлекает внимание оригинальность анализа памятников. Оказывается, у исследователя был еще один, гораздо более сложный, замысел: попытаться перенести на древнерусскую литературу один из важнейших признаков современного искусства — создание художественных образов. В. Ф. Переверзев намеревался, «пройдя путь по галерее художественных образов древнерусской литературы», нарисовать цельную картину ее развития за 600 лет.

Автор выработал стройную концепцию, которая вкратце сводится к следующему. Литература Древней Руси изобразила трех основных героев, три главных социальных характера — монаха, дружинника и путешественника (самые ранние примеры: «Житие Феодосия Печерского», «Слово о полку Игореве» и «Хождение Даниила-игумена»). Эти три основных литературных героя претерпели длительную эволюцию под влиянием изменявшихся общественно-политических условий. Например, дружинного витязя в произведениях постепенно сменил князь-праведник («Житие Александра Невского», «Слово о житии Дмитрия Ивановича»), а затем грозный самодержец («История о Казанском царстве»). Дружинник превратился в служилого человека («Житие Леонтия Ростовского», «Житие Стефана Пермского») и в конце концов потерял монашество, оставшись лишь мирским подвижником («Повесть об Ульянии Осорьиной»). В XVII в. литература перешла к изображению совершенно новых демократических героев — казачества («Повести об Азове») и деклассированных элементов, «путешествующих» по разным социальным слоям русского общества («Повесть о Горе-Злочастии», «Повесть о Савве Грудцыне»).

¹ *Переверзев В. Ф.* Литература Древней Руси. М., 1971. Страницы указываются в скобках.

Небольшая книга В. Ф. Переверзева удивляет насыщенностью новыми наблюдениями. Автор излагает не одну лишь историю образов древнерусской литературы, а по меньшей мере три параллельные истории — образов, жанров и стиля. Исследователь считает, что в древнерусских произведениях, подобно нашим современным, литературный герой определяет все — жанр, стиль, язык произведения и даже облик повествователя. Поэтому автор постоянно стремится объяснить литературную форму памятников. В качестве примера процитируем лишь некоторые интересные высказывания В. Ф. Переверзева. Так, он пишет о жанре знаменитого «Поучения» Владимира Мономаха: «Образ князя-книголюба нашел свое выражение в дидактической автобиографии, более соответствующей природе этого образа, чем форма лирически песенной воинской повести» (75). Или объясняет, например, появление пейзажа в «Житии Сергия Радонежского»: «Видения подвижников, отгородившихся стенами монастырской кельи от всех впечатлений внешнего мира, страдают бедностью красок и скудостью мистического воображения. Мистика уединившегося в лесной глуши пустынножителя блещет живыми красками окружающей его природы, в ней есть поэзия действительной жизни... Перед нами видение, представляющее собой особый род пейзажной живописи — мистический пейзаж; в житиях подвижников до Сергия таких видений не было» (134).

Неожиданны по своей новизне замечания В. Ф. Переверзева о напыщенности стиля «Слова о погибели Русской земли» (91), о потускнении образов в «Великих mineях четых» (115); о том, что в облике Афанасия Никитина «мы имеем русский вариант типичного для всей Европы XV в. героя географических открытий» (149); или о том, что бес в «Повести о Савве Грудцыне» — «не просто традиционный бес средневековых легенд. Он является как бы носителем и пропагандистом новых веяний, представителем молодого поколения, взявшего под сомнение мудрость отцов... он предстает вырвавшимся на волю из богатого купеческого дома дерзким отрицателем патриархальных устоев, своего рода Мефистофелем» (263). Перечень находок В. Ф. Переверзева может быть очень большим.

Стройностью концепции и обилием новых наблюдений книга В. Ф. Переверзева отличается от обычных популярных работ по русской старине. Это особого рода научно-популярная монография, которая выдвигает новую точку зрения раньше специальных историко-литературных исследований. Такие будящие мысль научно-популярные монографии довольно редки. Но потребность в них, несомненно, есть. Напомним, например, об изданной в научно-популярной серии книге Д. С. Лихачева «Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого» — книге, в которой была выдвинута мысль о русском Предвозрождении (первое издание книги вышло в 1946 г.).

Однако монография В. Ф. Переверзева далеко отошла и от историко-литературного жанра. В популярных работах историки литературы обычно довольствуются относительными, общими аналогиями между древностью и современностью. В. Ф. Переверзева это не удовлетворило. Главным его желанием было максимально приблизить древнерусскую литературу к современному читателю. Исследователь попытался демонстративно приложить категории новейшей литературы к литературе Древней Руси. И поэтому в анализируемых памятниках он почти сплошь находит «образы», «характеры», «героев своего времени», уподобля средневековых авторов писателям Нового времени. Заметим в этой связи, что известная книга Д. С. Лихачева, выходящая в 1958 и в 1970 гг., называется «Человек в литературе Древней Руси», а не «Образ человека в литературе Древней Руси», и термин «образ» употребляется в ней в считанных, обычно мотивированных случаях.

В. Ф. Переверзев открыто отказывается быть историком литературы и стремится оставаться только литературным критиком, «взглянуть, — как заявляет он, — на памятники древнерусской литературы не глазами историка, а глазами литературного критика, подойти к ним так же, как подходит критик к явлениям современной ему литературы» (5). Критику кажется, что старинные произведения достаточно читать так же, как мы читаем современные, только, пожалуй, более внимательно. Тогда можно заметить то, что «оказывает на читателя волнующее впечатление», кто «перед читателем стоит как живой», кого «почеловечески читателю жаль» и т. д.

Историки литературы знают, каким обманчивым может быть впечатление от такого изолированного чтения памятника. Истинный смысл произведения нельзя верно определить без подробных сопоставлений с конкретной исторической и литературной обстановкой. Иначе мы неизбежно начинаем модернизировать памятник. Именно так получилось у В. Ф. Переверзева. Характернейшим примером этого является его разбор «Жития Сергия Радонежского». Исследователь ни словом не упоминает о стиле второго южнославянского влияния, которому следовал творец «жития» Епифаний Премудрый, превознося знаменитого подвижника. Критик, в сущности, предлагает описывать жизнь пустынножителя так, как это сделали бы писатели Нового времени. «Пустынножителю, выражаясь языком русской поговорки, “не до жиру, быть бы живу”», — говорит критик, и, следовательно, стиль жития должен быть скромнее: «Уединение пустынножителя... плохо вяжется с музыкой витийственного красноречия». Отсюда следует вывод: Епифаний «сделал ошибку, слишком усердно используя приемы повествования... отнюдь не гармонизовавшие, однако, с психологическим обликом пустынножителя» (132, 138, 137). Как будто для Епифания обязательны стилистические требования Нового времени!

Модернизация памятников, подстановка современных категорий и норм делают некоторые выводы исследователя слишком парадоксальными и субъективными. Так, в одних случаях он отказывается рассматривать памятник как цельное для своего времени произведение и видит в нем лишь неудачную смесь разных жанров. Например, он считает, что «Повесть о Петре и Февронии» «в жанровом отношении является гибридом, помесью жития с народной сказкой... А из чисто механической спайки жития со сказкой нового жанра не получилось» (140). В других случаях исследователь преувеличивает церковность произведений и, например, «Хождение Даниила-игумена» присоединяет к житиям. Если сопоставлять это сочинение с описаниями путешествий Нового времени, то в нем, конечно, много церковного. Но если сравнивать с современными ему произведениями, то впечатление резко меняется. Сам В. Ф. Переверзев в конце своего разбора все-таки отметил в «Хождении Даниила-игумена» «существенные отличия от традиционной формы жития, обусловленные спецификой темы этого произведения», и, в частности, тем, что «паломник становился политическим бойцом на арене международного дипломатического соперничества» (50—51).

Наконец, в иных случаях исследователь модернизирует социальный смысл древнерусских памятников. У него, например, «Моление Даниила Заточника» превращается в «политическую декларацию “служилого” слоя, в своего рода петицию о проведении в жизнь предлагаемой социально-политической программы» (108). Правда, через сто страниц автор мимоходом скажет гораздо правильнее: «У Даниила в сущности нет никакой теории. Его аргументация сводится к подбору изречений из Священного писания» (207). «Челобитная» Ивана Пересветова, по мнению В. Ф. Переверзева, «приближается к жанру политического романа, является зародышем той его формы, которая представлена политическими романами русского классицизма XVIII в.» (212). Герой «Повести о Савве Грудцыне» «немножко сродни героям романов Ф. М. Достоевского» (271). Ограничимся этим. Примеры большей или меньшей модернизации памятников в книге многочисленны.

Работа В. Ф. Переверзева является сложным сплавом. Как видим, это не только пособие для чтения древнерусской литературы и не только популярная историко-литературная монография, но одновременно собрание критических очерков, блестящих эссе о древних памятниках. Для этого жанра вполне правомерно изложение исследователем своих личных ассоциаций и впечатлений, вызванных чтением или созерцанием памятника. В последние годы такого рода эссе о старине стали появляться на страницах наших журналов.

В книге, таким образом, объединены три различных жанра. Думается, что перед нами не эклектическое их соединение, а угаданное автором начало нового синтетического научно-популярного жанра. Современному читателю уже

мало элементарного истолкования памятников. Интересы его намного расширились в наше время. Под влиянием усложнившихся читательских потребностей формируется новый научно-популярный жанр. Свидетельством этого, быть может, служит труд В. Ф. Переверзева. Ученый, к сожалению, не успел дописать книгу до конца. Изданная в незаконченном виде, она пополнилась большой работой А. Н. Робинсона об эволюции взглядов покойного ученого и о его концепции в сравнении с точкой зрения медиевистов на древнерусскую литературу. Следовательно, жанр данной книги осложнился еще добавлением биографического и историографического очерка-рецензии.

В умении угадать «жанровую» потребность сегодняшнего дня заключается, по-видимому, основная ценность книги В. Ф. Переверзева. Однако способы приближения древности к нам многообразны и неравноценны. Предпочтение следует отдать, конечно, строго научным популярным книгам. Но даже прямолнейное приближение древности к современности тоже полезно, оно играет роль «приглашения к танцу», — так академик А. С. Орлов называл начало ознакомления читателя со средневековой культурой.

1972 г.

СВОЕОБРАЗИЕ ИСТОЧНИКОВЕДА

(ОБ И. М. КУДРЯВЦЕВЕ)

Обозревая филологические работы И. М. Кудрявцева по древнерусской письменности за двадцать с лишним лет, нетрудно определить их основную специфику как литературоведческое источниковедение. Перечисление памятников, открытых и изученных И. М. Кудрявцевым, заняло бы много места, да и не в перечне суть. Основательность трудов И. М. Кудрявцева выражается в том, что по ним можно проследить своеобразие источниковедческого подхода, увидеть даже целую систему задач, решаемых источниковедом истории литературы, а именно: что им изучается, как и для чего.

Итак, вопрос первый: что изучает источниковед? Для сравнения вспомним о привычном виде литературоведческих статей, посвященных каким-нибудь древнерусским памятникам: большие историко-литературные объяснения с более или менее подробным текстологическим исследованием и с немногочисленными археографическими сведениями. У И. М. Кудрявцева, когда он характеризует отдельное произведение, статья выглядит иначе. Важнейшее место занимает доскональное исследование самой рукописи.

Вот, например, вступительная статья к книге «“Артаксерксово действо”. Первая пьеса русского театра XVII в.»¹. Общие рассуждения о причинах возникновения театра в России здесь минимальны. Зато треть вступительной статьи, почти 30 страниц, отведена рассказу о Вологодском и Лионском списках «Артаксерксова действия». Детальность описания рукописей выходит за пределы принятого в литературоведении археографического формуляра: даже мелкие элементы тиснения на переплете и расположение пятен на листах принимаются во внимание. Восстанавливается история создания списков. Раскрывается их дальнейшая судьба вплоть до наших дней. Сама древняя рукопись для автора статьи значит почти столько же, сколько и литературное произведение.

Нет никаких сомнений в том, что И. М. Кудрявцев великолепно может разрабатывать историко-литературные темы без привлечения детального анализа рукописей. Так, в его первых больших опубликованных работах (о памятниках, посвященных нашествию татарского хана Ахмета в 1480 г.) отсутствует описание рукописей, исследователь все внимание сосредоточил на историко-литературных проблемах. Но затем не появлялось ни одной его статьи, которая не была бы отмечена исключительным вниманием к рукописям, к материаль-

¹ Артаксерксово действо: Первая пьеса русского театра XVII в. / Подгот. текста, статья и коммент. И. М. Кудрявцева. Л., 1957 (далее — Артаксерксово действо).

ному воплощению произведений слова. Ясно, что это делалось и делается не под «гипнозом» рукописей, а вполне намеренно.

Такое внимание к рукописям отчасти объясняется существенным культурным значением издаваемых текстов. Раз обнаружена первая пьеса, известная ранее только по названию («Артаксерксово действо»), то не безразлично, как она переписана, как переплетена и как реставрирована. Однако И. М. Кудрявцев так же пристально обследует рукописный облик произведений и гораздо менее значительных. К примеру, в сообщении о двух небольших любовных песнях, записанных в конце XVII в., И. М. Кудрявцев с исчерпывающей подробностью указывает все о том листке, на котором были торопливо нацарапаны тексты песенок: какова бумага, что на ней еще написано (а писан черновик документа об ограблении рейтар, — текст расшифровывается и тоже издается), чьим именно почерком писано, какова история этого листка². Текст литературного произведения для И. М. Кудрявцева, по-видимому, неотделим от рукописи.

Подтвердим это наблюдение тем, как И. М. Кудрявцев публикует произведения. В своих публикациях текстов XV—XVII вв. исследователь постоянно стремится «приблизить» читателя к рукописи. Предлагаются снимки отдельных страниц и почерков. Подстрочные примечания И. М. Кудрявцева к издаваемому тексту выглядят своего рода путеводителем по списку произведения. Отмечаются цифры, кружки, черточки и прочие знаки на полях и между строк; подмечаются мелкие буквенные ошибки и пропуски, исправленные самим же писцом, перемены чернил и пр. В подстрочных примечаниях часто поясняется, каким образом писец в процессе переписки допустил оплошность. Литературоведческие издания, как правило, не столь тщательны; для них главным является конечный результат, то есть «окончательный» для данного момента текст памятника, донесенный до нас рукописью. В публикациях же И. М. Кудрявцева тексты памятников мыслятся в связи с реконструируемым процессом их переписки, строка за строкой, буква за буквой.

Тяготение И. М. Кудрявцева к рассмотрению произведений в слитности текстов и рукописей проявляется и в собственно историко-литературных частях его работ. Укажем на некоторые любопытные детали. Исследовательская манера иногда ярко выражается именно в деталях. Как И. М. Кудрявцев называет изучаемые произведения? Много или мало говорит исследователь о каком-либо сочинении, пусть даже упомянет сочинение мимоходом, он склонен приводить именно то заглавие произведения, которое имеется в рукописи, и процитировать все варианты заглавия по соответствующим спискам. И. М. Кудрявцев перечисляет, например, заголовки «Послания на Угру» Вассиана Рыло по разным спискам³;

² Две лирические песни, записанные в XVII веке // ТОДРЛ. Т. 19. С. 380—386.

цитирует пространные и даже огромные названия «Титулярника», «Хрисмологона», «Повести о Мелюзине», «Зрелища жития человеческого» и т. д.⁴ — все по рукописям и современным документам. Литературоведы обычно предпочитают пользоваться условным, кратким, принятым в науке названием памятника, иногда забывая при этом, как памятник назван в рукописях, а у И. М. Кудрявцева представление о памятнике во время анализа, можно сказать, ни на минуту не отвлекается, не отрывается от рукописного бытования произведения.

Ну, а если произведение хорошо известно по изданиям и нет нужды выписывать рукописное название произведения? Но и в таком случае И. М. Кудрявцев вызывает стойкую потребность ощущать, видеть произведение как рукопись.

Следует отметить еще одну особенность работ И. М. Кудрявцева: он «освежает» свое исследование, обращаясь непосредственно к спискам, обычно не опубликованным. Например, касаясь как-то идей «Казанской истории», исследователь приводит большую выдержку по списку из собрания Московской духовной академии (РГБ), а отдельные выражения — по спискам из собрания Ундольского⁵.

Тот же подход ощущается даже при самом беглом упоминании сочинений, даже при самом кратком цитировании памятника, так как И. М. Кудрявцев считает своей обязанностью указать другие списки произведения, особенно в тех случаях, когда они еще не введены в научный оборот. Отрывки из «Хождения архимандрита Грефения в Иерусалим»? — Кроме РГБ, есть в БАН. «Венчание на царство царя Мануила»? — Это коротенькое сочинение существует в четырех списках, рассеянных по московским и ленинградским собраниям. Даже упоминание древнерусской загадки с «толкованием» И. М. Кудрявцев сопровождает ссылкой на разные рукописи, содержащие тот же текст⁶. Принцип единства текста и рукописи соблюдается в работах И. М. Кудрявцева во всеобъемлющем постоянстве.

Мы сталкиваемся, по всей видимости, со специфическим источниковедческим подходом к изучаемому материалу. Конечно, никто в научных штудиях не хочет абсолютно оторвать текст памятника от рукописи; однако в работах разных специалистов в силу необходимости на первый план выдвигается то одно,

³ «Послание на Угру» Вассиана Рыло как памятник публицистики XV в. // ТОДРЛ Т. 8. С. 165.

⁴ «Издательская» деятельность Посольского приказа. (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII века). (Далее — «Издательская» деятельность Посольского приказа) // Книга: Исследования и материалы. М., 1963. Сб. 8. С. 183, 191, 222, 223.

⁵ «Угорщина» в памятниках древнерусской литературы. (Летописные повести о нашествии Ахмата и их литературная история) (далее — «Угорщина» в памятниках древнерусской литературы) // Материалы и исследования по древнерусской литературе. М., 1961. С. 63.

⁶ Сборник последней четверти XV — начала XVI в. из Музейного собрания. Материалы к исследованию (далее — Сборник последней четверти XV — начала XVI в.) // Записки Отдела рукописей РГБ. М., 1962. Вып. 25. С. 270, 253, 275.

то другое. У археографа на первом плане — рукопись, сборник, «единица хранения»; текст на втором месте. Археограф может сказать: «Сборник, содержащий повести, жития и прочее», и тем ограничиться. Рукопись учтена. У текстолога, историка литературы на первом месте, разумеется, текст произведения. Историк литературы в ряде случаев приходится «абстрагироваться» от рукописей, у источникововеда же мы наблюдаем гармоническое сочетание: ни рукопись, ни текст не «заслоняют» друг друга, но всегда мыслятся в двуединстве. Работы И. М. Кудрявцева ясно показывают нам эту особенность источниковедческого объекта изучения.

Теперь второй вопрос: как источниковед обследует свой объект изучения? Источниковедческая черта, которую можно выделить на примере работ И. М. Кудрявцева, относится к манере доказательств. Различие между археографом, источниковедом, текстологом и т. д. состоит не в резком разграничении их научных тем и задач, а в том, как каждый из них эти задачи решает. Обследуя произведения, И. М. Кудрявцев более всего ценит доказательную силу самих рукописей. Поэтому он по преимуществу развивает те научные темы, где можно основываться на конкретных сопоставлениях конкретных рукописей: о редакциях произведений, об их источниках, о взаимовлиянии сочинений и т. п. Исследования И. М. Кудрявцева щедро наполнены сравнительным материалом. При этом источниковед точно чувствует пределы своей области: в текстологические сложности он не вдается, базируясь на наглядном сходстве текстов по дошедшим спискам и старопечатным изданиям. «Попытка строить свои догадки на предполагаемых, а не реальных текстах была бы менее убедительна», — поясняет исследователь ⁷.

Но упор на пристальное изучение и сравнение рукописей, на доказательство, которые можно «пощупать», создает и определенные трудности. Можно широко, последовательно и до мелочей разгадать источники произведения (например, вплоть до того, откуда, из каких конкретных изданий Библии взяты имена действующих лиц в «Артаксерксовом действе»). Однако на прочие вопросы рукописи дают ответ, притом неполный, лишь от случая к случаю. Иногда можно предположить, кто автор обнаруженного сочинения, потому что в рукописном предисловии упоминается «написавый ... недосътойный во иноцех черный поп Тихон много грешный» ⁸. Иногда можно заметить как будто участие нескольких человек в создании текста, потому что со сменой почерков в рукописи резко меняется общее число стихотворных строк и, кажется, меняется характер

⁷ Сборник последней четверти XV — начала XVI в. С. 243.

⁸ Сборник XVII в. с подписями протопопа Аввакума и других пустозерских узников: Материалы к исследованиям (далее — Сборник XVII в.) // Записки Отдела рукописей РГБ. М., 1972. Вып. 33. С. 167

расхождений с переводимым оригиналом (имеется в виду Вологодский список «Артаксерксова действия» и немецкий текст Лионского списка)⁹. Иногда по составу и источникам произведения можно предположительно указать место его создания¹⁰. Но нужно прямо сказать: относительно полное изучение произведения не гарантируется даже самым внимательнейшим обзорением рукописи.

И. М. Кудрявцев находит опять-таки источниковедческий выход из затруднительного положения. Он не углубляется в анализ идей, стиля, жанров и т. п., как это сделал бы в обычном случае литературовед. Он ищет прямые свидетельства о произведении в других рукописях, — в современных произведению сборниках и особенно в документах. Кто, например, перевел популярный сборник повестей «Великое Зерцало»? Оказывается, сохранились записи о свечах, выданных переводчикам. Переводом «Великого Зерцала» денно и нощно были загружены Семен Лаврецкий, Григорий Колчицкий, Иван Гуданский, Гаврила Дорофеев и Иван Васютинский (или Васятинский)¹¹. Огромное число дошедших документов помогает И. М. Кудрявцеву составлять подробную летопись создания отдельных произведений в XVII в.

В результате, тексты памятников в работах И. М. Кудрявцева рассматриваются в своеобразном источниковедческом окружении, куда могут быть включены все рукописи, издания и документы, непосредственно (текстуально и документально) связанные с историей написания и бытования изучаемых памятников. Понятие «источниковедческое окружение», естественно, не совпадает с понятием текстологического «конвоя». Например, в текстологическом «конвое» «Повести о нашествии Ахмата» числятся три самостоятельных летописных приписки по поводу борьбы с татарами, а в «источниковедческое окружение» повести попадает уже иное сочинение — «Послание на Угру» Вассиана Рыло¹². Источниковедческое окружение не смешивается и с идейно-стилистическим окружением памятника: достаточно напомнить, что документы, освещающие историю появления, к примеру, «Хрисмологиона», входят в первое окружение, но не во второе. Но приходится признать, что понятие источниковедческого окружения нуждается в пояснении. Мы условно вводим этот термин, чтобы обозначить некий цельный и ценный для литературоведения результат, к которому приводит соблюдение И. М. Кудрявцевым двух принципов изучения произведения, изложенных выше: опора на постоянное двуединство «текст + рукопись» и вы-

⁹ Артаксерксово действие. С. 75—78.

¹⁰ Сборник последней четверти XV — начала XVI в. С. 248—252.

¹¹ «Издательская» деятельность Посольского приказа. С. 223.

¹² Послание на Угру. С. 184—186; «Угорщина» в памятниках древнерусской литературы. С. 29, 56.

текающее отсюда предпочтение наглядных доказательств, представляемых самими рукописями воочию.

Остается ответить на наш третий вопрос, для чего источниковед исследует произведения, или, иными словами, в какой научной перспективе он видит свои работы? Здесь пути ученых резко расходятся. Объемистыми или маленькими памятниками занят литературовед, конечную цель он обычно провидит в составлении истории литературы, уточняемой и обновляемой по мере развития науки. Отдельные памятники у литературоведа связываются в литературу эпохи. Для источниковеда же предмет изучения решительно иной, и литературное произведение для него — это в первую очередь лишь часть сборника или книги, исследуемых специально.

И. М. Кудрявцев пишет о многих произведениях, но в связи с тем, что он обстоятельно определяет состав сборников, историю их создания и бытования. Недаром заглавия статей у И. М. Кудрявцева выглядят подчеркнуто как выдержки из археографического обзора: «Сборник последней четверти XV — начала XVI в. из Музейного собрания», «Сборник XVII в. с подписями протопопа Аввакума и других пустозерских узников». Сборник, рукописная книга, а не литературное произведение — в центре внимания исследователя.

Но, позволительно спросить, ведь И. М. Кудрявцев написал фундаментальную работу и об отдельном памятнике драматургии — «Артаксерксовом действе»? Да, ответим мы, но потому, что «Артаксерксово действо» — это одновременно и отдельная книга, созданная в Посольском приказе. И продолжил данную тему И. М. Кудрявцев особым образом, — изучением вообще «книгоиздательской» деятельности Посольского приказа. Перед нами не столько литературовед, сколько, так сказать, «сборниковед» (или «рукописевед», как в беседах сам себя называет И. М. Кудрявцев).

Об отдельных перспективах источниковедения, пока лишь набирающего силу, исследователь рассуждать не любит, но вот как однажды он очерчивает избранный им круг задач: «... изучение рукописной книги обычно не выходит за рамки анализа произведений, заключенных в нее, и в нашей науке очень редки работы, посвященные вопросам истории создания той или иной книги или группы их, вопросам изучения отдельных деятелей или “издательств”, которые осуществляли “строение” этих книг, наконец, вопросам изучения той исторической обстановки, в которой появлялись эти “издательства” рукописных книг»¹³.

¹³ «Издательская» деятельность Посольского приказа. С. 179. Ср. еще: «... рукописи, по нашему глубокому убеждению, должны обследоваться и изучаться и как самостоятельные факты ... в истории культуры вообще. Комплекс статей, тексты и краткие отрывки и записи рассказывают нам о далеком прошлом подчас более ярко, чем то или иное произведение, взятое в отдельности» (Сборник последней четверти XV — начала XVI в. С. 223).

Пути в разработке истории русской книжности могут быть разными, что демонстрируют сами же работы И. М. Кудрявцева. Но главный его путь представляется характерным для источниковеда, а не для книговеда-теоретика: накопление фактов в процессе систематического, полного описания рукописных собраний РГБ; попытка через собрания рукописных книг, реально сложившиеся ныне или давно, разглядеть истинную историю возникновения книжных «фондов» Древней Руси XV—XVII вв. Статьям предшествует многолетняя научная работа по описанию собраний и раскрытию содержания сборников. Вот почему статьи И. М. Кудрявцева нередко начинаются с общей оценки какого-либо неизученного собрания (например, собрания Е. В. Барсова) или с отсылки на печатное описание фонда, уже обработанного (например, архива Пазухина). Нередко обзор фонда становится самостоятельной статьей (например, статьи о собраниях Музейном и А. С. Норова¹⁴). И буквально все статьи, заметки, комментарии, начиная с самых ранних, пропагандируют рукописные фонды РГБ, так как сопровождаются попутными сообщениями, обычно в подстрочных примечаниях, о тех или иных рукописях из различных фондов отдела¹⁵.

Благотворная для нас особенность деятельности И. М. Кудрявцева заключается в том, что он не только археограф, что он не поглощен формальным описанием рукописей или статистическими расчетами из истории книжности, но постоянно ощущает и учитывает литературное значение рукописей, проходящих через его руки. Когда он перечисляет книги, составленные, переведенные, переписанные работниками Посольского приказа, то в самостоятельные разделы выделит литературные и драматические тексты. Когда характеризует сборник (например, собрание Музейное, № 3271), то особо скажет о произведениях, в которых «литературный» вкус составителя отразился, пожалуй, наиболее ярко». Если обращается к отдельному произведению, то никогда не упустит возможности отметить его образные или (для пьес) сценические выразительные места. Даже из мелких отрывков, записей, заметок приведет «образные слова и выражения».

Можно заметить, на какие качества литературного произведения чаще всего отзывчив И. М. Кудрявцев. Его издавна привлекает лирическое начало в древне-

¹⁴ Музейное собрание рукописей: Описание. Т. 1. № 1—3005 / Под ред. И. М. Кудрявцева. М., 1961. С. 3—11; *Кудрявцев И. М.* Рукописное собрание А. С. Норова / Записки Отдела рукописей РГБ. М., 1956. Вып. 18. С. 48—63. См. также небольшие обзорные статьи, предвещающие описания собраний Оптиной пустыни, Костромского и пр. (машинопись).

¹⁵ И. М. Кудрявцев в устных консультациях указал ценнейшие списки для публикаций — «Временника» Ивана Тимофеева (О. А. Державиной), «Московского летописца» (В. И. Корецкому), «Хождения» Агрефения (Н. И. Прокофьеву), писем Аввакума (В. И. Малышеву и Н. С. Демковой), кратчайшей редакции «Жития» Аввакума (В. С. Румянцевой), программы пьесы «Страшное изображение» (В. Д. Кузьминой) и т. д.

русских памятниках: «смена высокого стиля глубоко лирическими возгласами» в публицистических посланиях, лирические песни «в среде служилого дворянства», склонность драматургов «к чувствительным речам», выразительность жалоб в челобитных боярина А. С. Матвеева, образцы «лирической теплоты» в новонайденных писаниях Аввакума и т. д. Этой чуткостью к лирике в первую очередь питается способность исследователя вообще подмечать смысл литературных форм, — различные идеи, кроющиеся за «риторической изукрашенностью» XV в. или пышной титулатурой XVII в. (например, наблюдение И. М. Кудрявцева: знакомясь с «Титулярником», где были собраны официальные обращения к царям, королям, князьям, шахам, султанам, ханам, «читатель... должен был проникнуться уважением к своему государству и правящим кругам, ведущим такую широкую политическую деятельность на международной арене») ¹⁶.

Пониманием эмоциональной выразительности формальных элементов объясняется устойчивое внимание исследователя к ритмике произведений, прозаических и стихотворных, к вопросам стихосложения (см. соответствующие анализы текста в работах об антитатарских сочинениях XV в. и в особенности об «Артаксерковом действе»).

С литературоведческой точки зрения И. М. Кудрявцев может обозревать не только произведения, но и целые сборники. Так, в сборнике, который рядовому литературоведу представился бы как собрание разрозненных, малопонятных и неинтересных выписок из религиозных книг, источниковед И. М. Кудрявцев совершенно справедливо увидел «список архивных материалов» протопопа Аввакума, дающий редкую возможность «уяснить его замыслы, интересы, приемы работы и многое другое, т. е. проникнуть в творческую лабораторию одного из самых замечательных писателей XVII в.» ¹⁷. Удивительная находка!

Наконец, при описании древнерусских делопроизводственных документов И. М. Кудрявцев обязательно учитывает интересы литературоведов, восстанавливая или пополняя биографии деятелей литературы и театра, в частности, И.-Г. Грегори, П. Долгово и ряда переводчиков ¹⁸. Исследователь не только формально «расписывает» собрания, состав сборников, документы, но, когда возможно, аргументированно вводит их в научный литературоведческий оборот. Так рождается литературоведческое источниковедение.

И заключительные наблюдения, вероятно, спорные. По работам И. М. Кудрявцева видно, что источниковедение многолико. Нет резких границ между ис-

¹⁶ «Издательская» деятельность Посольского приказа. С. 183—184.

¹⁷ Сборник XVII в. С. 153.

¹⁸ Недавно И. М. Кудрявцев указал мне неопубликованные документы, касающиеся театральной деятельности И.-Г. Грегори, в собрании Музейном, № 8424, л. 38 об., 113 об.—114. (см. далее в данной книге приложение к разделу о драматургии).

точниковедением литературоведческим и историческим. Ведь в зависимости от содержания рукописей И. М. Кудрявцев открывает их ценность то для политической истории, то для истории общественных идей, а то и для истории изобразительного искусства. Все дело в том, перед какой научной отраслью особенно остро чувствует свою ответственность за рукописные фонды «приставленный» к ним источниковед. На наше счастье, И. М. Кудрявцев любит древнерусскую литературу...

Однако та область, в которой исследователь трудится, кажется, имеет тенденцию выступать как самостоятельное целое, обслуживать свои собственные интересы, вне зависимости от истории литературы. Эта дисциплина имеет свой особый объект изучения (сборник, рукопись) и свой особый предмет изучения (книжность). В этом случае она заслуживает название уже не литературоведческого источниковедения, а, скорее, кодикологии¹⁹. Противоречий здесь нет. Все зависит от позиции наблюдателя. Мы оценивали работы ученого с точки зрения историков литературы. И. М. Кудрявцеву удалось добротнo сделать многое в литературоведческом источниковедении.

1977 г.

¹⁹ Ср.: *Лебедева И. Н.* Кодикология — наука о рукописных книгах // *Вспомогательные исторические дисциплины*. М., 1972. Вып. 4. С. 66—76. Напомним, что еще достаточно неясностей во взглядах на источниковедение, кодикологию и пр., чтобы быть категоричными в наших суждениях. См.: *Источниковедение: Теоретические и методологические проблемы*. М., 1969; *Источниковедение отечественной истории: Сборник статей*. М., 1973. Вып. 1.

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В «ЛИТЕРАТУРНЫХ ПАМЯТНИКАХ»

Дать характеристику серии «Литературные памятники» за тридцать лет ее существования — значит дать периодизацию серии. В основу предлагаемой ниже периодизации я кладу связь «Литературных памятников» с некоторыми идейными потребностями нашей современности.

Да простят меня участники «Литературных памятников»! В этой заметке отходят в тень индивидуальность ученых, их научные цели и достижения в серии «Литературные памятники». Все это требует специального большого исследования.

Я же пишу не об облике ученых, а об облике издания, и притом лишь об одной черте его многогранного облика — черте даже не самой главной, но зато общественно важной: о прямом созвучии «Литературных памятников» духу нашего времени. Так можно быстрее увидеть пусть прямолинейную и одностороннюю, но цельную схему всего пройденного пути.

Отпечаток общественных настроений нашего времени выглядит особенно парадоксальным, когда наталкиваешься на него в книгах, повествующих о далеком прошлом. Я ограничусь примером книг, посвященных литературе Древней Руси. В составе серии «Литературные памятники» выпущено 16 книг по древней русской литературе XI—XVII вв. К ним примыкает еще 8 книг по русскому фольклору и 3 книги по средневековому фольклору и литературе других славянских народов.

Первый краткий и яркий период в истории «Литературных памятников» охватывает 1948—1950 гг. Тогда в данной серии вышло четыре книги по древнерусской литературе: «Хождение за три моря Афанасия Никитина»; «Воинские повести Древней Руси» (изданы «Повесть о разорении Рязани Батыем», «Задонщина», «Повести об Азовском взятии и осадном сидении»); «Повесть временных лет»; «Слово о полку Игореве». Основные авторы названных книг — В. П. Адрианова-Перетц, Д. С. Лихачев, А. Н. Робинсон, Б. А. Романов.

В эти послевоенные годы весь наш народ испытывал подъем патриотических чувств, и поэтому «Литературные памятники» широко отмечали патриотический пафос и патриотическую целеустремленность древнерусских произведений разных веков и разных жанров.

Родину и служение ей наше общество ставило превыше всего, и подобные же настроения «Литературные памятники» выявляли и у древнерусских авторов. Даже забредший далеко на чужбину, одинокий русский купец Афанасий Никитин, по словам Б. Д. Грекова и В. П. Адриановой-Перетц, «горит же-

ланием послужить своей родной земле» (Хождение Афанасия Никитина, 77)¹. Наш народ был полон гордости за Родину-победительницу, а отсюда и «Литературные памятники» с особой охотой и подробностью раскрывали стремление древнерусских писателей видеть единую и сильную Русь перед лицом внешней опасности, кровный интерес древнерусских писателей к теме обороны Родины, оптимистический и героический дух их сочинений. «...Летопись до краев наполнена звоном военной славы», — писал, например, Д. С. Лихачев (Повесть временных лет, 27).

«Литературные памятники» старались почти исчерпывающе показать, как древнерусские писатели использовали живую устную речь, богатый фольклор от Новгорода до Причерноморья, усваивали народное отношение к политическим событиям. «...Народ неотступно стоит перед глазами автора», — утверждала В. П. Адрианова-Перетц (Слово о полку Игореве, 294).

Откликом на это умонастроение явилась и первая книга по русскому фольклору в серии «Литературные памятники» — «Сказки и легенды Пушкинских мест» (подготовил В. И. Чернышев). Книга предлагала материалы «о месте и роли народной речи в работе А. С. Пушкина над художественным языком» (267).

События Великой Отечественной войны привели наше общество к рельефному ощущению цельности исторических судеб России с древности и до нашей современности. Соответственно и «Литературные памятники» истолковывали столь многозначашее историческое содержание древнерусских произведений. В четырех книгах серии было прокомментировано колоссальное количество событий и явлений русской истории X—XV вв., в основном политических и военных, притом, где можно, с прозрачными аналогиями нашему времени.

Наконец, в обстановке послевоенного возрождения почин «Литературных памятников» выглядел как своего рода попытка восстановления разрушенных ценностей. Недаром в каждой книге тщательно прослеживалась трудная история рукописных произведений, авторские списки которых исчезли безвозвратно. Текст «Задонщины», например, давался в реконструкции.

Конечно, само содержание древнерусских произведений, а также традиции их изучения в советской науке 30-х годов как-то обусловили трактовку произведений в «Литературных памятниках». И все-таки по сравнению с 30-ми годами

¹ Цитируемые издания: Александрия. М.; Л., 1965; Временник Ивана Тимофеева. М.; Л., 1951; Избранные сочинения Симеона Полоцкого. М.; Л., 1953; Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979; Повести о Куликовской битве. М., 1959; Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 2; Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951; Русская демократическая сатира XVII века. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1977; Сказки и легенды Пушкинских мест. М.; Л., 1950; Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950; Стефанит и Ихнилат. Л., 1969; Хождение за три моря Афанасия Никитина. М.; Л., 1948; 2-е изд. М.; Л., 1958. Страницы указываются в скобках.

общая направленность книг новой серии получилась особенно патриотической. «Литературные памятники» 1948—1950 гг. отразили горячий патриотизм нашего общества, по-преимуществу связанный с победоносным окончанием Великой Отечественной войны.

Новый, несколько более долгий период в эволюции «Литературных памятников» приходится на 1951—1955 гг. Было выпущено пять книг по древнерусской литературе: «Временник Ивана Тимофеева», «Послания Ивана Грозного», «Избранные сочинения Симеона Полоцкого», «Русская демократическая сатира XVII века», «Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки». Основная работа по подготовке этих книг была проделана В. П. Адриановой-Перетц, О. А. Державиной, И. П. Ереминым, Д. С. Лихачевым, Я. С. Лурье.

Кроме того, была издана первая в серии книга по средневековой украинской литературе — «Сочинения Ивана Вишенского» (подготовил И. П. Еремин). А также продолжено издание книг по русскому фольклору: «Русская сатирическая сказка в записях середины XIX — начала XX века» (подготовил Д. М. Молдавский).

В первой половине 50-х годов в направленности «Литературных памятников» произошел определенный сдвиг. Культурно-идеологические процессы, происходившие в нашей стране, переключили центр внимания «Литературных памятников» на идейную борьбу в Древней Руси, на древнерусскую публицистику.

Книги серии стали делать упор на публицистических, полемических, сатирических, панегирических и просветительных сторонах памятников, прослеживали их роль в развитии древнерусской литературы. Так, публицистику Ивана Грозного высоко ставил Д. С. Лихачев: «Никогда еще русская литература до Грозного не знала такой эмоциональной речи, такой блестящей импровизации и, вместе с тем, такого полного нарушения всех правил средневекового писательства» (Послания Ивана Грозного, 466).

Использование писателями устной речи и народного языка расценивалось теперь по преимуществу с точки зрения формирования стиля древнерусской публицистики.

Интерес к публицистике — это интерес к политике. Теперь «Литературные памятники» больше всего говорили о классовом отношении древнерусских писателей к феодальному государству, царской власти, боярству, народу. Например, писатель XVII в. дьяк Иван Тимофеев был представлен как деятель, «занятый внутриклассовой борьбой боярства с идущим ему на смену дворянством» (О. А. Державина. Временник Ивана Тимофеева. 398), а Симеон Полоцкий как один из «выдающихся деятелей новой, передовой для того времени, еще только складывающейся дворянской культуры» (И. П. Еремин. Избранные сочинения Симеона Полоцкого, 224).

Социально-политические конфликты старательно распознавались и при текстологическом изучении рукописей. Например, среди очень разрозненных списков сочинений Ивана Грозного Я. С. Лурье удалось выделить любопытную группу — «списки враждебной традиции», с антицарской переработкой (Послания Ивана Грозного, 533).

В книгах серии прямо подчеркивалось, что произведения древнерусских авторов представляют собой «действенное орудие классовой борьбы» (В. П. Адрианова-Перетц. Временник Ивана Тимофеева, 349).

Таким образом, за периодом «патриотическим» последовал период «публицистический». Третий период в жизни «Литературных памятников» наступил во второй половине 50-х годов и длится вот уже почти двадцать пять лет. За это время в составе серии было выпущено, правда, всего лишь восемь книг по древнерусской литературе, но они связаны с новыми идейными потребностями нашей современности.

Примерно со второй половины 50-х годов произошло решительное расширение и упрочение международных связей нашей страны. И знаменательное соответствие: «Литературные памятники» так же энергично обратились к подобной тематике в сочинениях Древней Руси.

Шесть книг из восьми вышедших посвящены проблеме культурных связей Руси с Западом и Востоком: «Повесть о Скандербеге», «Хождение за три моря Афанасия Никитина» (второе издание, дополненное и переработанное), «Александрия. Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века», «Стефанит и Ихнилат. Средневековая книга басен по русским рукописям XV—XVII веков», «Троянские сказания. Средневековые рыцарские романы о Троянской войне по русским рукописям XVI—XVII веков», «Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским». Основные авторы книг — В. П. Адрианова-Перетц, Л. А. Дмитриев, И. М. Кудрявцев, Д. С. Лихачев, О. П. Лихачева, Я. С. Лурье, В. Ф. Ржига, Н. Н. Розов, Ю. Д. Рыков, О. В. Творогов, М. Н. Тихомиров.

Нельзя отрицать, что и раньше «Литературные памятники» касались темы международных связей Руси. Подобная тематика присутствовала в «Посланиях Ивана Грозного» и в «Путешествиях русских послов». Эти книги составили мост к следующему периоду. Однако именно со второй половины 50-х годов международная тематика стала очень заметной в изданиях «Литературных памятников» по древнерусской литературе.

Перемещение акцентов в серии отчетливо демонстрирует второе издание «Хождения» Афанасия Никитина. Во втором издании говорится уже не столько о патриотических, сколько о, так сказать, международных устремлениях Афанасия Никитина: о его интересе к жизни и быту зарубежных стран, особенно индийского Бахманидского государства, описание которого составляет главное

содержание «Хожения»; о знании Никитиным многих языков; о точности и объективности его описаний, сделанных «под свежим впечатлением виденного» (Хожение Афанасия Никитина, б).

Переработанное издание «Хожения» XV в. служило явным откликом на события нашей современности, ибо на первых же страницах книги упоминалось об обстановке развития советско-индийской дружбы и укреплении культурных связей между советским и индийским народами.

Еще отчетливее видна разница между «Литературными памятниками» начала 50-х и конца 70-х годов при сопоставлении двух однотипных книг — «Посланий Ивана Грозного» и «Переписки Ивана Грозного с Андреем Курбским». Хотя исследователи «Посланий» те же, что и «Переписки», но во второй книге преобладающим стал широкий международный подход к предмету изучения.

Историко-мировая перспектива хорошо проглядывает в статьях исследователей «Переписки». Полемика Грозного с Курбским оказывается связанной с теоретическим вопросом о путях развития Европы и России. «...Вопрос о двух возможных путях развития Русского государства был в основном решен к середине XVI в. ...Рост городов и возникновение капиталистических отношений в Европе были главной предпосылкой развития западного абсолютизма, а затем и буржуазной революции (в Англии и Франции). Россия по этому пути не пошла», — пишет Я. С. Лурье. В России произошло «подавление предбуржуазных элементов — и в социальном, и в идеологическом, и в политическом плане... развитие Московской Руси уже двинулось по той наклонной плоскости, которая неизбежно вела к опричной диктатуре» (Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским, 247—248).

Андрей Курбский, показывает Я. С. Лурье опять-таки на интернациональном фоне, не находился «среди русских, порвавших с властью Ивана Грозного» и одновременно «воспринимавших и развивавших политические идеи западно-европейской реформации». В широком плане между взглядами Курбского и Грозного не было принципиальных различий. Оба они одобряли военно-феодальную диктатуру в стране, только разные ее этапы или виды (там же, 238).

В данной книге, так сказать, международный привкус получает и сопоставительный анализ стиля сочинений Грозного и Курбского. Их стиль, по наблюдению Д. С. Лихачева, определялся позицией авторов по отношению к Родине. Один, Грозный, творил у себя, на Руси, свободно пользуясь «замечательной способностью его к художественному перевоплощению, к умению менять стиль изложения, подделываясь под избранную им позицию (униженного человека, смиренного черноризца, обиженного царя), принимать обличие вымышленного автора». Главное же начало другого сочинителя, Курбского, «состояло в его типичной психологии эмигранта»: «как человек, неоднократно

менявший свое поведение, а вместе с тем и стиль своих произведений, Курбский был лишен строго творческой цельности. В известной мере он был «перевертнем», вынужденным приспособляться к меняющейся обстановке и даже изменять характер своего языка, системы аргументации и жизненной позиции» (там же, 200—201, 204, 203).

Международная тема очень весома и в комментариях книги, где исследователи пишут о внешней политике Руси, о взаимных сношениях разных лиц через рубежи Руси, Литвы и Польши, об историко-мировом кругозоре русских писателей XVI в. В библиографии упоминается немало новейших иностранных работ о Руси XVI в. Через всю книгу проходит полемика с современным американским ученым Э. Кинаном, в 1971 г. выпустившим монографию, в которой он подвергает сомнению подлинность всей переписки Грозного и Андрея Курбского.

Во всех перечисленных книгах серии 1957—1979 гг. усиленно подчеркивался постоянный интерес древнерусских книжников к западноевропейской и византийской культуре и отмечалось многообразие путей обогащения русской культуры. Международная тенденция стала одной из долговременных содержательных тенденций тех книг серии, которые посвящены литературе Древней Руси.

В связи с этим в серии нашли отражение еще две идейные тенденции нашей современности.

Одна тенденция — военная. Забота об обороноспособности нашей Родины была и остается актуальнейшей. Ею в определенной степени был стимулирован выпуск такого издания, как «Повести о Куликовской битве» («Задонщина», «Летописная повесть о побоище на Дону», «Сказание о Мамаевом побоище»).

Тенденция эта преобразована в новом, «международном» духе. В книге говорилось, конечно, о патриотическом единении Руси под руководством Москвы в борьбе против татар. Но теперь, Куликовская победа рассматривалась в международном контексте: поход Мамаю, по определению М. Н. Тихомирова, «был крупнейшим военным предприятием, которое только видела Восточная Европа в XIV в.»; в победе русских «были заинтересованы славянские страны», «славянские страны на Балканах упорно сопротивлялись туркам, и русская победа на Куликовом поле призывала их бороться с завоевателями» (Повести о Куликовской битве, 344, 375).

Даже появление различных рукописных редакций памятников объяснялось международной обстановкой. Таковы, например, по характеристике Л. А. Дмитриева, начальные редакции «Сказания о Мамаевом побоище», в которых по внешнеполитическим соображениям произведена замена имен литовских князей.

За последние четверть века тема защиты народами своей Родины от агрессии ошутимо присутствовала и в других изданиях «Литературных памятников». Достаточно посмотреть, например, «Эпос сербского народа» (подгото-

вил И. Н. Голенищев-Кутузов) или «Жизнеописание Софонрия Врачанского» (подготовили Н. М. Дылевский, А. Н. Робинсон).

Еще одна интересная тенденция в «Литературных памятниках» — народоведческая. Общество достигло такого уровня развитости, что появилась реальная возможность различать настроения отдельных социальных слоев и групп населения нашей страны. Тонкое соответствие этому процессу в книгах «Литературных памятников» проявилось в общем тяготении к анализу различных народных, неофициальных, неправительственных точек зрения на мир, выраженных в Древней Руси не прямо, не в откровенной публицистике, а в сочинениях по преимуществу документальных или сатирико-беллетристических.

Наблюдения такого рода рассеяны в различных книгах «Литературных памятников». Например, «отражение мнений, мыслей и чаяний русских горожан XV в., не приспособленных ни к какой официальной точке зрения» заметил Я. С. Лурье в «Хождении» Афанасия Никитина: это утопические «надежды на будущую “справедливость”, которая воцарится в Русской земле» и черты «религиозного свободомыслия и терпимого отношения к нехристианским религиям» (136, 142, 178).

Продолжение этих взглядов прослеживается в «рискованной» русской редакции «Александрии»: «...В России конца XV в. существовали люди, которые больше всего мечтали о “своей воле”, когда не будет ни царей, ни вельмож, ни церковных храмов, не будет заодно ни ссор, ни зависти, ни воровства, ни разбоя...» (Я. С. Лурье. Александрия, 166).

Повесть же о Стефаните и Ихнилате представляется целиком как памятник XV в., «философия морали» которого расходится с традиционной. В нем мы встречаем выраженное «недоверие к традиционным моральным заповедям», «ироническое отношение к “высоким словам”» и постоянно внушаемую мысль: «хитрость — вот единственное, что может спасти слабое существо в таком мире». В Древней Руси место этой «Повести» определилось: «Люди XVI в. относили “Стефанит и Ихнилат” к осуждаемому господствующей идеологией жанру “баснословий”» (Я. С. Лурье. Стефанит и Ихнилат, 165, 185, 186, 188).

К народоведческой теме относится и последняя в серии книга по древнерусской литературе «Русская демократическая сатира XVII века» (издание второе). Переиздание труда В. П. Адриановой-Перетц с дополнениями Н. С. Демковой органично перевело книгу из группы работ о древнерусской публицистике в группу работ о мировоззрении русского народа. Недаром Н. С. Демкова завершила книгу симптоматичным выводом: «Постоянный интерес В. П. Адриановой-Перетц к народной культуре, глубокий филологический анализ помогли ей услышать в поразительном многоголосии “пестрого” и “бунтующего” XVII в. голоса русского посада и крестьянства...» (252).

Материалы о мировоззрении народа также накопили издания по русскому фольклору: «Древние российские стихотворения, собранные Киршеем Даниловым», «Илья Муромец», «Лирика русской свадьбы», «Добрыня Никитич и Алеша Попович», «Новгородские былины». Однако систематического очерка народных взглядов пока нигде не встречаем.

Особенность всех книг в серии, касавшихся народоведческой темы, — та, что они не замыкаются только в национальных рамках, но рассматривают проявления идейной жизни русского народа XV—XVII вв. на фоне мирового Средневековья. В этом опять ощутима широта международного кругозора тех книг «Литературных памятников», которые посвящены древнерусской литературе.

В общем, за тридцать лет своего существования «Литературные памятники» живо были связаны с горячими проблемами нашей современности и, если судить по прямым откликам на современность, пережили три периода; сначала «патриотический», затем «публицистический», а теперь «международный».

Быть может, полезным будет в составе серии издать как цельные литературные памятники некоторые древнерусские рукописные сборники, например известный сборник середины XVII века (РГБ, собрание Ундольского, № 632), содержащий «Задонщину», повести о борьбе с татарами и турками. Надо бы издать «Моление Даниила Заточника», «Житие» пророка Аввакума.

Интернационализм целей редколлегии «Литературных памятников», ориентация на интеллектуальные потребности нашей читательской массы обеспечивают интересное продолжение этой уникальной серии.

1980 г.²

² Статья предназначалась для «Вопросов литературы», прошла корректуру, но затем без объяснения причин была исключена из номера журнала.

ЗЕРКАЛО ТАЛАНТА (О КНИГЕ Д. С. ЛИХАЧЕВА)¹

Двойной интерес вызывает книга Д. С. Лихачева. Как читателей нас привлекает то новое, что сказано о «Слове о полку Игореве». В качестве же исследователей мы испытываем интерес к тому, как это новое найдено. В книге много нового высказано по поводу поэтики «Слова» и его связи с общественной мыслью Древней Руси, а также в истолковании отдельных мест памятника. Она может помочь исследователям самого разного уровня — это итог наблюдений ученого за сорок лет, а самое главное, в ней отражается талант крупнейшего современного филолога. У таланта есть чему поучиться.

Более внимательное осмысление книги раскрывает один из творческих «секретов» Д. С. Лихачева: умение синтезировать противоположности. Закономерность такова: два относительно противоположных качества дают неожиданное целое, им объясняются. Вот, например, Д. С. Лихачев заметил, что в «Слове» «соединены два фольклорных жанра — “слава” и “плач”: прославление князей с оплакиванием печальных событий» (19). Эти два противоположных качества рассматриваются в синтезе, и отсюда открывается своеобразие «Слова» в целом: «Народная поэзия не допускает смешения жанров. Это произведение книжное, но близкое к этим жанрам народной поэзии» (22). Далее автор снова находит противоположности: в «Слове» «слиты фольклорные элементы с книжными». И снова их интегрирует. Их слиянием и объясняется оригинальная композиция «Слова о полку Игореве»: «Больше всего книжные элементы сказываются в начале “Слова”. Как будто бы автор, начав писать, не мог еще освободиться от способов и приемов литературы. Он недостаточно еще оторвался от письменной традиции. Но по мере того как он писал, он все более и более увлекался устной формой. С середины он уже не пишет, а как бы записывает некое устное произведение» (20). Вся книга Д. С. Лихачева основана на объединяющем изучении контрастов в «Слове».

Все, над чем размышляет ученый, проходит те же стадии: разделяется на противоположности и вдруг предстает необычайно метко обрисованным, ярким, верным. Например, особенности древнерусской культуры XI—XIII вв. вытекают из взаимодействия ее разных, почти противоположных качеств: «Дело в том, что новая явившаяся на Русь культура была хотя и очень высокой, создав первоклассную “интеллигенцию”, но налегла тонким слоем — слоем хрупким, ломким. Вследствие этой хрупкости и ломкости образование новых форм,

¹ Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1985. Страницы указываются в скобках.

появление вне­традиционных произведений было очень облегчено... Таким образом, для XI—XIII вв. характерно, что многие более или менее талантливые произведения отличаются младенческой неопределенностью форм» (14). Вы­сокость культуры, но слабость ее слоя как противоречащее качество, и в результате внежанровость шедевров как цельная примета того времени.

Самые широкие исторические темы рассматриваются Д. С. Лихачевым с точки зрения синтеза противоположностей. Заходит, например, речь о древне­русском обществе вообще, и ученый опять видит положительные и отрицательные факторы в их единстве: «Поражение обычно служило в Древней Руси стимулом для подъема общественного самосознания, для начала новых действий, реформ, введения новых установлений. Это была до известной степени реакция здорового, полного сил общественного организма, признак его жизнеспособности и уверенности в своем будущем» (10). Поражение как отрицательное явление, патриотизм как положительная черта и здоровье общественного организма как основа действующих противоположностей.

Даже вопросы научной методики излагаются Д. С. Лихачевым с тем же со­четанием противоположностей. Например, вопрос о точности или неточности исторического источника: «Всегда и в любом источнике сказывается в какой-то степени его историческая ограниченность, односторонность или даже то или иное искажение исторической действительности... Нет вообще исторического источника без какой-либо “тенденции”, без отражения в нем однобоких или ограниченных представлений своего времени» (178). Точность вкупе с неточностью заиграла новыми красками: «Если “Слово” — “сплошное вранье”, то и это, как ни парадоксально это звучит, представляет собой источник чрезвычайного значения: “вранье” — свидетельство психологии своего времени, свидетельство даже общественной мысли своего времени (ибо в каждом обмане есть своя тенденция: общественная или просто эстетическая)... В последнем плане любой памятник как остаток прошлого неисчерпаем» (178—180). В книге можно найти аналогично развивающиеся суждения и по поводу подготовки памятников к изданию, и по поводу правильности оценки научных работ, и по иным поводам. Д. С. Лихачев виртуозно владеет методом мышления противоположностями.

Конечно, философам давно известен этот диалектический принцип. Однако ему не научишься, повторяя в уме соответствующие формулировки. Метод Д. С. Лихачева вызван чувствами, живостью ощущений, непредвзятой наблюдательностью, когда исследователю открывается в памятнике и то, и другое — совсем иное, противоположное, даже взаимоисключающее. Недаром в книге Д. С. Лихачева мы не найдем прямых методологических советов оперировать противоположностями. Лишь в одном месте ученый отмечает: «...Противоположность дает... обширный диапазон...» (20), — да и тут говорится о «Слове»,

а вовсе не об исследовательском подходе. Способность синтезировать противоположности является результатом особого психологического состояния, которое сродни вдохновению в его пушкинском определении — «расположение души к живейшему принятию впечатлений и соображению понятий, следовательно и объяснению оных». Нужно учиться подобному чувству, видению памятника прямым и боковым зрением одновременно.

Ясно, что такая душевная настроенность вырабатывается не сразу. Даже в данной книге иногда встречаются однообразные места: масса доказательств к одному и тому же тезису без взаимодействия противоположностей. Но это всегда части ранних работ о «Слове», вставленные в книгу. Перелом у Д. С. Лихачева наступил в начале 1950-х годов, и с тех пор его новый подход развивался непрерывно.

Признаком овладения «чувством противоположностей» (а не сухими логическими манипуляциями) служит разнообразие и блеск научного изложения.

Д. С. Лихачев, скажем, не стремится буквально все раскладывать на триады — на две слагаемые противоположности и открывающееся целое. В темах незаконченных, ответвляющихся, затрагиваемых мимоходом элементы триады лишь подразумеваются в скрытом виде, но зато подчеркивается неожиданная связь противоположных явлений. Таково, например, построение высказываний: «Историзм — это одна из форм художественного обобщения в древней русской литературе», автор «Слова» «обобщает историю в конкретных поэтических образах» (112, 142). Подобных примеров можно привести немало.

Книга Д. С. Лихачева подсказывает: держите в голове целое, но будьте внимательны к мелочам — странным, неясным, беспокоящим.

Мелочи способны перевернуть представление о целом. Так, внимание ученого зафиксировало применение новгородской денежной системы в «Слове» (ногата, резана, бела). Южный памятник, а деньги новгородские? Анализ показал, что ряд исторических событий рассказан в «Слове» по новгородским версиям, а некоторые темные упоминания становятся понятнее, если привлекать историю Новгорода.

Синтез противоположных, северных и южных, черт «Слова» базируется на совершенно неожиданных объяснениях. Оказывается, автор «Слова» хорошо знал черниговскую летопись — родовой летописец главного героя «Слова» князя Игоря Святославича (части этого летописца сохранились в составе «Ипатьевской летописи»). Родовой летописец Игорь в свою очередь включал в себя летописец отца Игоря — Святослава, который был новгородским князем и женился на новгородке. В летописце отца Игоря использовались новгородские летописи. Таким образом новгородские сведения дошли до автора «Слова о полку Игореве». Объяснения наталкивают на ряд попутных, но важных пред-

положений о том, что автор «Слова» являлся любимым певцом — «хотем» — князя Игоря, участником его похода, и что «создание “Слова” не может быть отнесено ко времени ранее 1188 г., но не должно и слишком отступать от этой даты» (172). А ведь все началось с мелкого упоминания, «неудобного» для привычных воззрений на «Слово» в целом.

Способностью соотносить целое и «неладную» деталь, вероятно, отличается исследователь от неисследователя. Д. С. Лихачев всегда остро чувствовал противоречащие детали в объекте изучения. Уже в сравнительно ранних работах (вошедших в эту книгу) за красочными и, напротив, за сравнительно обыденными выражениями «Слова» ученый обнаружил забытый мир образной устной русской речи XI—XII веков — речей перед войсками, на пирах и тризнах, на улицах, на княжеских съездах и переговорах, в посольствах и пр.

По мелким орфографическим различиям между первым изданием «Слова» и писарской копией «Слова» (для Екатерины II) ученый восстановил по крайней мере четыре неизвестных этапа в подготовке рукописи памятника к печати и дал характеристику целей издателей. Примеров можно привести много, вплоть до самых недавних лаконичных статей Д. С. Лихачева (в конце книги), в которых указываются любопытные, непривычные элементы «Слова» и параллели к ним и как бы самому читателю предлагается подумать о следствиях для трактовки «Слова» в целом. Книга Д. С. Лихачева имеет и учительную устремленность. Недаром ее завершающий раздел называется: «Несколько замечаний в помощь начинающим изучать “Слово о полку Игореве”».

Автор не дает наставлений о том, как отличить существенную деталь от несущественной, когда еще только приступаешь к исследованию. Однако сама книга содержит ответ и на этот сакраментальный вопрос. Развернуть исследование помогает чувство несогласия — несогласия с общепринятыми представлениями или с выводами авторитетов. По поводу оценки «Слова» Д. С. Лихачев не боится полемизировать даже с Пушкиным, и остается прав. Отталкивание от устоявшихся мнений позволяет наметить новые темы. Например, общеизвестно, что «в русской литературе XI—XVI вв. не было поэзии, лирики как обособленных жанров, и поэтому, — пишет Д. С. Лихачев, — вся литература проникнута особым лиризмом... лиризм имеет в древней русской литературе по преимуществу гражданские формы» (7—8), — тут обозначено целое направление в изучении древнерусской литературы с беспроегрышным вниманием к специфическим деталям. По всей книге рассыпаны подобные предложения новых тем.

И последнее. Прийти в нужное исследовательское состояние помогают не какие-то трудноуловимые оттенки личных чувств, а четкая общественная позиция ученого — чувства гражданственные. Выработке новой точки зрения Д. С. Лихачеву помогает неудовлетворенность подходами других исследовате-

лей, например, несогласие с узкоисторическим подходом к «Слову» без учета эстетических факторов, а также возмущение невежеством некоторых отечественных «любителей» «Слова»: «“Слово” можно не только срубить на корню, но и подточить его отдельными исправлениями многочисленных “старателей”, пытающихся добыть в нем “золотую руду” эффектных гипотез» (4). Толчком для эмоциональных раздумий Д. С. Лихачева служат попытки тех, кто стремится «увеличить в “Слове” весомость своего этноса» (333), и случаи злостного истолкования «Слова» за рубежом. Д. С. Лихачев выдвинул и по сей день продолжает развивать плодотворную идею о принадлежности «Слова» к стилю монументального историзма XI—XIII вв., которым была проникнута вся великолепная культура в колоссальном по тем временам древнерусском государстве. Книга свидетельствует, что воспитание ученого — это воспитание чувств, в особенности гражданских.

1986 г.

ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕРЖАВА АКАДЕМИКА ДМИТРИЯ СЕРГЕЕВИЧА ЛИХАЧЕВА

Не так давно академик Д. С. Лихачев предупредил: «Подводить итоги моей работы еще рано» (Т. 1. С. 23)¹. И мы, конечно, поостережемся подводить такие «итоги»... Но если позволительно сформулировать главное в данный момент впечатление, то это ощущение, словно Д. С. Лихачев создал некую державу.

Действительно, это «держава» богатейшая: Д. С. Лихачев написал огромное количество трудов. Точное их число даже указать затруднительно, несмотря на изданные библиографии его работ. Его последнее «пятикнижие» знает, наверное, каждый гуманитарий. Это монографии «Человек в литературе Древней Руси», «Текстология: На материале русской литературы X—XVII вв.», «Поэтика древнерусской литературы», «Развитие русской литературы X—XVII вв.: Эпохи и стили», «Великое наследие: Классические произведения Древней Руси». Хотя у каждой монографии Д. С. Лихачева (а их около 20) свой «цвет» и свой тон, однако они связаны тематически, теоретически, методически, в конечном итоге — концептуально и поэтому продолжают друг друга и укладываются в цельное собрание сочинений. Пока издан только трехтомник избранных работ Д. С. Лихачева, но можно собрать и шесть, и семь больших томов — интеллектуальную державу со своими областями, районами.

Тут представляется многонаселенная страна. В том смысле, что у разных кругов современных читателей и зрителей «свой» Д. С. Лихачев и свой набор ценных трудов. Есть строгий Д. С. Лихачев для ученых и филологов, многочисленных его сотрудников, помощников, учеников, последователей, подражателей, да и оппонентов. Есть изящный, даже щеголеватый Д. С. Лихачев для искусствоведов. Есть сочувствующий Д. С. Лихачев для архивистов, библиотекарей, педагогов и деятелей культуры. Есть щедрый издатель Д. С. Лихачев — инициатор и руководитель серии «Памятники литературы Древней Руси» (вышло 12 томов, а всего будет 20). Есть «телевизионный» и «газетный» Д. С. Лихачев, поднимающий вопросы этики и политики. Есть Д. С. Лихачев — писатель и мемуарист. Есть и свой Д. С. Лихачев для заграницы. В общем, человеческое окружение Д. С. Лихачева небывало широко для представителя филологической науки.

В чем секрет «державного» феномена Д. С. Лихачева? Не будем касаться истории его идей и открытий, эволюции его взглядов и интересов. На этот пред-

¹ Цитируемые труды Д. С. Лихачева: Заметки и наблюдения: Из записных книжек разных лет. Л., 1989; Избранные произведения в трех томах. Л., 1987. Т. 1—3; Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986; Слово о полку Игореве. Л., 1990.

мет появилось немало статей и рецензий. Но есть личные свойства у этого ученого, еще недостаточно оцененные. А личные свойства основателя и правителя державы интересуют всех.

«Державность» Д. С. Лихачеву придает его стремление к научному синтезу, он особенно силен в синтезе качеств исследуемого объекта. Обстоятельность обобщений он проявляет уже в самых обычных условиях — при анализе сравнительно небольших, но ярких и чаще всего читаемых у нас памятников. Тут исследователей подстерегает искушение ограничиться одним броским наблюдением в характеристике произведения. Но Д. С. Лихачев внимательнейшим образом обследует все (или почти все) факты. Казалось бы, элементарное правило. Но как трудно его выполнить в максимальном объеме практически! Вот где сила Д. С. Лихачева. Ученый приходит к глубокому пониманию идейной основы памятника, оттого что он сопоставляет все авторские формулировки. Ему не скучно это делать. Так он в свое время раскрыл стержневую политическую мысль «Слова о Законе и Благодати» митрополита Илариона — памятника старейшего, высокочтимого, но трудного для нашего восприятия и даже не совсем вразумительного. Д. С. Лихачев вдумался в связный смысл высказываний Илариона и их композиционную последовательность, и ему стало ясно, что «истинная цель “Слова” Илариона не в догматико-богословском противопоставлении Ветхого и Нового заветов, как думали некоторые его исследователи», а в ином — все «Слово» Илариона от начала до конца представляет собой стройное и органическое развитие единой патриотической мысли (Т. 2. С. 35, 36). Патриотизм Илариона — высокоинтеллектуальная система.

Обобщения Д. С. Лихачева «плотны» — обычно он сплавливает характеристики одну с другой, прослеживая, например, за всеми извивами сюжета в памятнике, даже не слишком известном. Так, в «Повести о Тверском Отроче монастыре» XVII в. (о любви князя и его слуги-«отрока» к незнатной, но вещице девице), несмотря на прихотливый ход повествования, все, по трактовке Д. С. Лихачева, складывается в лучезарную картину доброго и добродетельного мира (Т. 1. С. 194, 195; Т. 2. С. 297—307). Мир произведения всегда слитен и выразительно детален у Д. С. Лихачева. Именно по пронзительным деталям в стихотворной «Повести о Горе-Злосчасти» ученый уловил единую, драматическую, прямо-таки музыкально развиваемую тему фатума, типичности нерадостной судьбы простого грешного человека в этом мире (Т. 1. С. 184, 185; Т. 2. С. 321—341; Т. 3. С. 143—146). Общие выводы Д. С. Лихачева о памятниках трудно опровергнуть, потому что в поле зрения ученого находятся фразеология, особенности выражений, стиль автора (или авторов) произведения. Д. С. Лихачев как филолог досконален. Поэтому ему удалось, в частности, определить тип подражательности «Задонщины», перебрав буквально всю ее языковую инкрустацию (Исследования... С. 288—317).

Д. С. Лихачев в состоянии вообще не ставить пределы синтезу для характеристики памятника, особенно если дело касается такого выдающегося и неисчерпаемого произведения, как «Слово о полку Игореве». «Словом о полку Игореве» Д. С. Лихачев занимается, можно сказать, всю жизнь. Он написал книгу «“Слово о полку Игореве”: Историко-литературный очерк» (М., 1976), после этого — большую книгу «“Слово о полку Игореве” и культура его времени» (Л., 1978), затем переиздал ее с существенными дополнениями (Л., 1985) и продолжает дополнять свою концепцию новыми работами. «Слово о полку Игореве» представляется Д. С. Лихачеву зрелым воплощением величественного стиля монументального историзма или динамического монументализма. Дополнения, сделанные Д. С. Лихачевым же, неожиданны, вроде его «Предположения о диалогическом строении “Слова о полку Игореве”» (Т. 3. С. 198—220).

Очерки сравнительно небольших памятников у Д. С. Лихачева сочетают гибкость обобщений и обилие фактов. Ученый точно уловил современную читательскую потребность в углубленном знакомстве с самыми любопытными древнерусскими сочинениями.

А вот анализ больших произведений, разнообразных по составу и почти необъятных по содержанию, ставит перед исследователями иные задачи. В научных работах нередко подбирается лишь россыпь наблюдений над большим сочинением, а цельного впечатления о нем нет. У Д. С. Лихачева же, напротив, больше выпячивается синтез, а стихия фактов отходит в тень. Последовательное движение к синтезу представлено работами Д. С. Лихачева о «Повести временных лет». Ученый сначала, в 1947 г., опубликовал предварительные данные (Русские летописи и их культурно-историческое значение) и, в 1950 г., огромный том комментариев (Повесть временных лет. Ч. 2), а потом — стройный очерк со строгим отбором фактов (Т. 2. С. 43—133). Автор очерка заново продумывает массу эпизодов «Повести временных лет»: «К ее спокойному изложению мы не раз возвращаемся и всегда находим в нем новые и новые, не замеченные нами прежде глубины содержания» (Т. 2. С. 44). «Глубины содержания» позволили Д. С. Лихачеву прийти к более глубокому, чем у его предшественников, синтезу и дать более цельную, но многогранную оценку летописи: «Повесть временных лет — это не только произведение русской исторической мысли, но и русской исторической поэзии. Поэзия и история находятся в ней в неразрывном единстве. Перед нами произведение литературное и памятник исторической мысли» (Т. 2. С. 59). По Д. С. Лихачеву, в летописи естественно связаны политика и литература — они спаяны «всепроникающим патриотизмом содержания» (Т. 2. С. 74), связаны военное дело и эстетика: «...летопись до краев наполнена звоном военной славы» (Т. 2. С. 57); Д. С. Лихачев подчеркивает в летописи «соединение философско-исторической схемы, по которой

Русской земле отводилось первое место, с публицистическими тенденциями и страстной злободневностью» (Т. 2. С. 116).

Работы Д. С. Лихачева о «Повести временных лет» — это синтез, идущий навстречу потребности широкого круга современных читателей, интересующихся Древней Русью, но далеко не всегда имеющих время (да и охоту) дотошно вникать в суть большого древнерусского сочинения. Д. С. Лихачев как правитель своей научной державы — демократичен: он дает суть.

Когда Д. С. Лихачев переходит от отдельного памятника к изучению целого цикла произведений или собрания сочинений одного древнерусского автора, обобщенность его изложения усиливается (так легче воспринимать суть дела интересующемуся читателю). Это видно на примере рассмотрения ученым даже минимального цикла — из двух или трех произведений Владимира Мономаха (его известного «Поучения», его автобиографии и его письма к князю Олегу Святославичу). Статья о сочинениях Владимира Мономаха сжата, и синтез в ней проведен совершенно откровенно: в небольшой статье настойчиво повторяется и варьируется основная характеристика творчества писателя, а цитаты из памятников приводятся только самые выразительные (Т. 2. С. 133—154). Д. С. Лихачев говорит об этической системе (именно системе) Владимира Мономаха, о слиянии этической системы с эстетической, о содержательной системе «печалования» Мономаха, проповедовавшего политическое братолюбие и взаимоуважение князей. Ученый находит возможность для широких историко-политических объяснений и для сопоставлений времени Мономаха с будущими эпохами, включая эпоху Ивана Грозного и эпоху Аввакума; называет пока еще не существующую научную дисциплину, оставляя открытым вопрос о месте Мономаха не более и не менее как «в истории человеческой Совести, если только эта История Совести будет когда-либо написана» (Т. 2. С. 137).

Апофеозом обобщенности являются рассказы Д. С. Лихачева о периодах развития древнерусской литературы. В сущности, это научная медитация. Ученый излагает свою систему идей о том или ином периоде и совсем редко прибегает к цитатам из памятников, разбору фактов и пр. К наиболее разветвленному относится характеристика древнейшего периода истории древнерусской литературы — периода, особенно излюбленного Д. С. Лихачевым. Исследователь размышляет о «стиле монументального историзма» X—XIII вв. и рисует картину крупных, можно сказать, стратегических устремлений литературы и культуры того времени. Главное у писателей он обозначает как «чувство вселенной, общечеловечности» и поясняет его составляющие: «... господствуют одинаковые приемы “сокращения” огромного окружающего человека мира, превращения мира в четкий и лаконичный геральдический знак божественной воли, и одновременно монументализм, стремление воздействовать на человека размерами, четкими

соотношениями крупных масс, торжественностью, парадностью изображаемого, стремление “преодолевать время”, противопоставляя вечную сущность временной суете... Каждое произведение искусства стремится в той или иной мере объять мир: произведения литературы поражают своей энциклопедичностью, стремлением рассказать сюжет от начала и до конца, передать мировую историю от Адама или от Вавилонского столпотворения до настоящего времени, рассказать об устройстве мира в целом и т. д.» (Т. 2. С. 92, 93).

Иногда Д. С. Лихачев бывает более подробен, но преобладает в его характеристиках больших периодов все-таки теоретический способ изложения. Д. С. Лихачев дает запись своих общих, отложившихся впечатлений, опровергая расхожие, зачастую бедные и однообразные представления о том или ином периоде истории древнерусской литературы. В державе Д. С. Лихачева читателям даруется свобода самим находить и продумывать дальнейшие конкретные подтверждения намеченной автором исторической перспективы.

Вершинами синтеза выступают у Д. С. Лихачева высказывания о древнерусской литературе в целом, о ее многовековом пути. Это — спрессованные результаты исследований и тезисная программа изучения на будущее. Вот что, например, вкладывает ученый в понятие патриотизма древнерусской литературы: «Русская литература уже с древнейшего периода отличалась высоким патриотизмом, интересом к темам общественного и государственного строительства, неизменно развивающейся связью с народным творчеством. Она поставила в центр своих исканий человека, она ему служит, ему сочувствует, его изображает, в нем отражает национальные черты, в нем ищет идеалы. В русской литературе XI—XVI веков не было поэзии, лирики как обособленных жанров, и поэтому вся литература проникнута особым лиризмом. Этот лиризм проникает в летописание, в исторические повести, в ораторские произведения. Характерно при этом, что лиризм имеет в древней русской литературе по преимуществу гражданские формы...» (Слово... С. 5). Ясно, что же изучать дальше.

Подобные слитные характеристики Д. С. Лихачев дает разным сторонам древнерусской литературы — и политической, и исторической, и изобразительной, и смеховой, и прочим ее граням. Таким же способом он высказывается о литературе средневековья в целом и о литературе как искусстве, о фольклоре и о других искусствах, о современных вкусах, о культуре и науке, о жизни вообще. Перед нами мыслитель, философ, если угодно. Достаточно напомнить лишь одно из обобщений Д. С. Лихачева — об интеллигентности и гуманизме: «Чем интеллигентнее человек, тем больше он способен понять, усвоить, тем шире его кругозор и способность понимать и принимать культурные ценности — прошлого и настоящего. Чем менее широк культурный кругозор человека, тем более он нетерпим ко всему новому и “слишком старому”, тем более он во власти своих

привычных представлений, тем более он косен, узок и подозрителен... И это развитие понимания других культур в известной мере сливается с историей гуманизма. Это развитие терпимости в хорошем смысле этого слова, миролюбия, уважения к человеку, к другим народам» (Т. 1. С. 649).

Д. С. Лихачев уже почувствовал необходимость, скажем так, книги высказываний и заметок, накопленных за долгие годы. В этой книге среди прочих тем открыто объявляется о праве и обязанности ученого двигаться к синтезу. Здесь помещены рассуждения, по сути дела призывы, ко всеохватности научного синтеза, вроде, например, такого афоризма: «Наука заключает в себе связь всех, всего человечества» (Заметки... С. 252). Здесь же подчеркнуто, что обобщения — это дело все-таки единоличное: «Синтез не может быть сделан в исторических работах коллективно» (Заметки... С. 236). То есть ученый, приверженный синтезу, сам создает свою державу. Такой «державный», синтезирующий подход осмыслен Д. С. Лихачевым давно, и в его работах постоянно встречаются советы о том, как «не боясь самых широких обобщений, объединить в единое целое чрезвычайно сложные и постоянно меняющиеся литературные факты...» (Т. 3. С. 108), как «характеризовать древнерусскую литературу, пользуясь методом “больших скобок”» (Т. 1. С. 272), «как некоего макрообъекта» (Т. 1. С. 27). В осознании и усвоении принципов синтеза помогают критические замечания о других исследователях, рецензии и историографические статьи Д. С. Лихачева, в особенности же его разбор методики академика А. А. Шахматова (Исследования... С. 391—398) и поддержка идей академика Н. И. Конрада (Т. 1. С. 32, 33 и др.).

Успешному научному синтезу способствует целый ряд дарований Д. С. Лихачева, о которых в данном случае придется сказать очень кратко и поневоле перечислительно. Этот ученый прежде всего обладает даром теоретика. А теоретики, к тому же состоявшиеся, редки в академическом литературоведении, где традиционно преобладают все-таки фактографы и историки литературы. Д. С. Лихачев склонен к различительной градации общих категорий и к изобретательному обозначению таких различий. Из уточненных им понятий образуется словарь: недаром некоторые из книг Д. С. Лихачева не совсем привычно для «древников» заключаются предметными указателями. Даже при самом поверхностном просмотре только первого тома его «Избранных работ» видно, как много больших и малых понятий им разграничено (влияние и трансплантация, Возрождение и Предвозрождение, вольнодумцы и еретики, стиль и умственное течение, этикет и шаблон, характерное и типизированное, метафора и символ, симметрия и параллелизм, стилизация и подражание и т. д. и т. п.).

Д. С. Лихачев делает то, что, по его словам, «требуется научного остроумия» (Заметки... С. 148): он может сочетать противоположные понятия в единое

целое, связывать в едином объяснении ранее не связывавшиеся понятия, перемчиво включать в свою систему чужие доводы и контрдоводы. При подобной гибкости Д. С. Лихачев убеждающе внятен для отнюдь не бедных разумом читателей. Теоретическое обустройство филологической державы — великое дело.

А ведь Д. С. Лихачев отличается еще и своего рода инженерным даром в конструировании изучаемого целого из частей, блоков, объемов. Не случайно он временами прибегает к технической, физической, биологической и военной терминологии. Его труды являются искусными фортификациями.

Д. С. Лихачев еще и художественный критик, и художник слова, насколько можно применять эти определения к ученому. Его художественные ассоциации обильны, проникновенны и отобраны в меру. У теоретиков, лишенных художественного таланта, синтез обычно превращается в логическое или бюрократическое упражнение. Синтез Д. С. Лихачева же превращается в образы, картины. Держава Д. С. Лихачева многообразна.

Наконец, Д. С. Лихачев — это политик, понимающий социальную направленность своих обобщений... Однако не будем вдаваться в эту слишком горячую тему. Ощущение такое, что филологическая держава Д. С. Лихачева основана на романтической вере в гуманность прошлого и будущего, но и на трагическом чувстве неуютности настоящего.

Д. С. Лихачев пришел к своей манере синтеза примерно к 50-ти годам и обогатил его за последние 30 лет. Теперь приоткрываются новые горизонты — возможно, уже не через увлечение общей схемой культурного развития общества, а через изучение творчества древнерусского автора в широком контексте, через то направление поисков, которое Д. С. Лихачев назвал «конкретным литературоведением».

Благодаря работам Дмитрия Сергеевича Лихачева интереснее жить.

1991 г.

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ГЛАЗАМИ РИККАРДО ПИККИО ¹

Приходится писать нечто вроде запоздалой рецензии на книгу более чем сорокалетней давности, раз она только что переведена для русских читателей, притом не без пользы для них, потому что эту книгу читать интересно, больше того, она доставляет неожиданное удовлетворение.

Казалось бы, что же может дать нам сейчас старая книга тогда еще молодого итальянца о неродной и очень далекой для него древнерусской литературе, когда у нас своими маститыми авторами создано множество разных «историй» древнерусской литературы? Конечно, Р. Пиккио хорошо осведомлен в соответствующих историко-литературных фактах и теориях, но ведь изложение их всех, к тому же более подробное, мы можем прочесть и в наших апробированных «историях», учебниках и пособиях.

Все дело в том, как талантливо написана книга Р. Пиккио. Это систематизированное собрание университетских лекций, превращенных в научно-популярные очерки, в которых сохранена манера свободного рассказа поэтически настроенного лектора перед аудиторией. Этот лектор рассказывает о предмете с живым чувством и увлечением, он стремится передать свое личное впечатление от материала, поэтому его высказывания настолько выразительны и эффектны, а повествование местами настолько картинно (особенно об умонастроениях, биографиях и литературных трудах монахов), что гладко перевести эту книгу с итальянского на русский как научный текст оказывается довольно трудно: мы привыкли к деловитому, сухому, даже суконному языку наших нынешних учебников и пособий, и на этом фоне фразеология Р. Пиккио может показаться слишком цветистой, выпренной и расплывчатой. Здесь нужен переводчик именно художественной прозы, чтобы передать оттенки содержания ярко эмоционального сочинения Р. Пиккио.

Однако наряду с увлекательной художественностью изложения книга Р. Пиккио обладает гораздо более существенными достоинствами для вдумчивых русских читателей, буде таковые еще сохранились или появятся новые: книга панорамна, ее автор, говоря о Руси, держит в поле зрения всю Европу, глобальные процессы на континенте, докатывающиеся до Руси, автор живо, без натуги, когда ему само бросается в глаза, указывает латинские, романские, итальянские, французские, германские факторы воздействия на Русь и разнообразные литературные и идейные параллели. Древнерусские памятники и

¹ Пиккио Р. Древнерусская литература. М., «Языки славянской культуры», 2002.

книжников, напрямую связанных с Западом, Р. Пиккио обсуждает с несомненным удовольствием: вот он — симбиоз с Западом. О связях Руси с западными и особенно южными славянами в книге, естественно, говорится больше всего, а непрменные ассоциации автора уже с нашей современностью превращают рисуемую им культурную панораму, можно сказать, в «геополитическую» историю древнерусской литературы. Подобные широта и цельность взгляда, желание оценить значение каждого факта в общей картине давно уже утеряны в наших внешне систематичных, но узких учебных пособиях по древнерусской литературе, предпочитающих выкладывать отдельные аккуратные «кирпичики» известных данных, не дай бог допустив какую-нибудь неточность, а хотя бы силуэт получающегося единого сооружения даже не угадывать.

Какое же содержательное целое получилось у Р. Пиккио? Прежде всего, отметим, что широта подхода, наверное, уберегла ученого от излишней пристрастности в истолковании литературы Древней Руси и от присоединения к каким-либо крайним точкам зрения драчливых медиевистов. Р. Пиккио миролюбиво и без предубеждения излагает различающиеся научные гипотезы и предпочитает руководствоваться своим ощущением материала, которое его и не подводит: так, например, в объективной оценке взглядов «норманнистов» и «антинорманнистов» Р. Пиккио предвосхитил сегодняшнее исторически компромиссное решение этой проблемы.

Самое приятное то, что Р. Пиккио — не совсем европоцентрист, и, хотя он понимает, как проигрывает древнерусская литература от прямого сопоставления с литературами Западной Европы, он все-таки отдает должное восточным славянам; древний восточнославянский мир полон для него очарования и таинственности; итальянского ученого интригует резкое своеобразие этой, по его словам, самой далекой окраины Запада; разгадке самобытности восточных славян Р. Пиккио и посвящает свои усилия.

Разумеется, не сугубо теоретическую монографию собирался написать исследователь, но, судя по постоянным возвращениям к определенному кругу выводов в его книге, Р. Пиккио исходил из уважительного и одновременно несколько досадливого представления о нескольких кардинальных психологических константах древнерусских и славянских писателей (воспользуемся отчасти фразеологией самой книги); во-первых, это общинность, хоровой принцип творчества, коллективность эволюции стиля (теперь теория русской «сборности» одна из наимоднейших); во-вторых, незыблемая и проникновенная надгосударственная верность православию, основам, заложенным Кириллом и Мефодием. Остальное менялось — культурные фазы, центры и пр.

Отношение к Западу выступает у Р. Пиккио в некотором роде как тест на своеобразие. Русь, по замечанию автора книги, не была замкнутой крепостью;

всегда что-то просачивалось туда с Запада и оттуда на Запад. Но и раньше, и позднее самобытность Руси оставалась непоколебимой, особенно ее местных культурных очагов; затем и вовсе наступило отчуждение от европейской культуры, а эпизодические поползновения к единению славянства под эгидой католичества пресекались (да и чего можно было ждать, например, от «заносчивого гуманизма Польши?»).

И тут в панорамное зрение ученого вкрадывается, по нашему мнению некий дефект, наподобие дальтонизма. Нельзя не заметить, что большая часть симпатий Р. Пиккио относится к древнейшим славянам и к литературе Киевской Руси, а вот Москву и Московскую Русь он не любит и обвиняет во многих грехах. Москва в его трактовке чужда гуманизму, замкнута в себе, бюрократизирована, спесива, носится с имперскими идеями своей вселенской миссии, создает мифы о необходимости подчинения людей высшим государственным интересам, подвергает грубой идеологической переработке предшествующие памятники, поощряет прямолинейную полемику, а не литературу, и т. п. И вообще, весь русский XVII в. проникнут новосредневековым московским духом и мракобесием; это второе, еще более суровое Средневековье, время затяжного кризиса, заката культуры, духовной пустоты и примитивности. Такова культура государства, протянувшегося к Азии, — так утверждает итальянский ученый из своего прекрасного, как бы возрожденческого далека.

Крайнюю парадоксальность и односторонность выводов Р. Пиккио (мыто ведь прославляем централизованное государство за поддержку культуры, а XVII в. — за литературность) можно оправдать временем появления книги: конец 1950-х—1960-е годы характерны, если можно так выразиться, научно-политическим романтизмом гуманитариев (у нас — Д. С. Лихачев), их любопытством и толерантностью к чужому, к забытому, идеализацией глубокой старины, благой верой в скорую всеобщую победу гуманизма, но ненавистью к тоталитарности и бюрократии. Что ж поделать, панорамный обзор, как крона дерева, предмет остро необходимый, однако сезонный, и все же могущий прослужить не один сезон.

Долговечности книги Р. Пиккио способствует его прилежная внимательность не столько к идеологии, сколько к языку, стилю, образности древнерусских памятников, или, говоря его словами, к «человеческому содержанию в эволюции форм». Правда, тут ученый действует немного по-старому, в манере добротных славистических «историй» XIX в., с огромными цитатами и пр. Р. Пиккио, в сущности, составил историю русской словесности (и это ныне тоже модно) и оттого добавил в конце книги главу о русском фольклоре (в конце книги, потому что фольклор сохранился преимущественно в очень поздних записях). Особых новаций в эстетических характеристиках памятников нет, но

Р. Пиккио — читатель со вкусом, нередко он прозорливо точен (например, в определении стиля «Слова о полку Игореве» как маргинального), иногда — поверхностен (в частности, в истолковании летописей, «Жития Александра Невского» и «Повести о Петре и Февронии»). Но не будем придираться: создание эстетической истории древнерусской литературы становится актуальной задачей только сейчас, а Р. Пиккио изящно предвосхитил многое в своей незаурядной книге.

2001 г.

ДЛЯ КОГО ПИСАТЬ?

(К 800-ЛЕТИЮ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»)

А, знаете, дилетантов надо пригреть. Нужно сочувствовать их скрытой потребности. Вначале кажется: вот человек хочет объявить, что он живет на свете. Придумывает открытие. Например, по «Слову о полку Игореве». Стремится напечататься во что бы то ни стало. Дабы получить свою долю общественного уважения. Встречает холодный прием в научных институтах. Чувствует какой-то заговор против себя. Пишет в высшие инстанции и хранит почтовые квитанции.

Но на самом деле этот человек жестоко нуждается в профессиональном образовании. Вот его объективная потребность. Хроническая потребность. А он о ней иногда даже не подозревает. Берется за критику сложных научных работ. Переводит и комментирует «Слово», — не боги горшки обжигают. Так длится 5-10-20 лет.

Встречаются дилетант и научный работник. Между ними лежит, допустим, клеенчатая тетрадь с новым истолкованием «Слова». Встречаются — и не находят общего языка. Не удовлетворяют друг друга. Что нужно дилетанту? Стаж у него уже большой, и книг прочитано много. Он ждет частных замечаний. А ему говорят общие слова: «Учиться надо». Дилетант, если не слишком раздражен, тут же пытается выяснить, чего же он не знает. Ну, например, что такое аорист. Всплывают целые научные отрасли, на которые дилетант не обращал внимания. Расстаются эти собеседники. В другом научном учреждении у другого сотрудника дилетант узнает еще что-то. Товарищи научные сотрудники! Он ведь у вас стихийно, неосознанно хочет научиться основам профессии — сразу, побыстрее, методом вопросов-ответов. Не кончая институтов. Утилитарно, без всякой системы. Конечно, возиться с ним некому.

И все-таки дилетантство — это вид самообразования. Надо бы писать для дилетантов тоже. У нас часто появляются популярные книжечки о «Слове о полку Игореве» и регулярно готовятся его издания с комментариями, — читайте и просвещайтесь. Можно замахнуться на создание большого справочника, даже энциклопедии «Слова о полку Игореве». Просветительные работы полезны для всех. Но для дилетантов недостаточны. Ах, как важно дилетанту вовремя увидеть практическое пособие о методике научной работы филолога или историка! Сократится срок дилетантства, иногда пожизненный. Но, кроме давней книги П. Н. Беркова (редкость!), что-либо подобное не припоминается. Научные сотрудники охотнее пишут общетеоретические труды по методологии литературоведения и истории науки о литературе, — стреляют, так сказать, мимо дилетантов.

Еще есть классическая «Текстология» Д. С. Лихачева. Но не для дилетантов же, а для тех, кто кончил филфак или истфак, для соискателей ученых степеней и так далее. Да и зная одну «Текстологию», никому не управиться со «Словом о полку Игореве». Может быть, подготовить коллективный труд о методике изучения «Слова»? А фактически — о психологии научной работы? Рассказать, какие пути плодотворны, а какие ошибочны, основаны на алогизме, заводят в тупик. Тут можно будет показать, как подходить, например, к проблеме датировки «Слова» и определения автора памятника, но в особенности — как толковать смысл отдельных мест «Слова» и каких принципов придерживаться при его переводе. Сравнить дилетантство и профессионализм. Их типичные недостатки и достоинства. Их взаимосвязи и границы. Все мы вышли из дилетантов. Польза будет и себе, и другим.

Но, конечно, не одни только профессионалы и дилетанты живут на свете. Мало ли кто не занимается филологией, но нуждается в ее результатах, а конкретнее — в научных консультантах. Например, режиссеры, актеры, художники. Когда юбилей «Слова о полку Игореве», — консультанты нарахват. Юбилеев много. Накапливаются поводы для дискуссий между филологами и творческими работниками. Все громче звучат упреки кинорежиссерам в произволе при экранизации классики. А много ли мы пишем специально для актеров и режиссеров? Они теперь сами публикуют свои анализы. А чаще — практически воплощают свое понимание предмета, как бы неизвестно откуда взятое. И иногда как даровито!

Вот самый свежий пример — на темы декламации. Вспомним опять-таки «Слово о полку Игореве». Сразу в голову приходят слова: «Не лепо ли ны бяшет, братие...», — а потом все остальное: даты, события, реалии. И это закономерно: «Слово» прежде всего именно звучит для нас, а уж потом живописует и поясняет. Так было всегда. Ведь для слушателей автор произносил «Слово о полку Игореве», а не предназначал его для молчаливого прочтения подобно летописцу. И позднее в древнерусской литературе «Слово» цитировали как бы по слуху, наизусть. После того как в 1780-х годах «Слово» было открыто заново, поэты интуитивно стали продолжать традицию его устности. «Слово о полку Игореве» зазвучало живым языком XIX и XX вв. в виде поэтических переводов и переложений.

Но почему с какой-то неутоленной страстью поэты стремятся ввести «Слово о полку Игореве» в нашу современную речь? Берedit душу само «Слово». Оно не описательно, не повествовательно, как летопись. Оно все целиком состоит из публичных речей автора и его героев. Не всегда ясно, где в тексте «Слова» кончается выступление автора и начинается речь очередного героя, где отговорит один герой и вступает следующий голос. Тут много загадочного.

Недавно Д. С. Лихачев открыл неизвестное явление: оказывается, «Слово о полку Игореве» с начала и до конца содержит непрерывный диалог автора с Бояном. Автор «Слова» то поддерживает, то опровергает, то переосмысляет высказывания своего знаменитого предшественника. В разные времена по-разному раскрывается застывшее многоголосие «Слова». Вот отчего поэты испытывают потребность выразить новое слышание, новую мелодию «Слова». Например, 170 лет назад В. Жуковский воспринимал «Слово о полку Игореве» более однотонно, чем 40 лет назад Н. Заболоцкий. А для И. Шкляревского теперь оно пронизано рваным, нервным ритмом.

Но реально воплотить звучание «Слова» в нашей жизни по силам лишь актеру, теще. Народный артист России Олег Павлович Табаков взялся читать «Слово о полку Игореве» для записи на пластинку во Всесоюзной фирме «Мелодия». Только по выходным для него дням — понедельникам. Других дней, к сожалению, нет. Зачем же ему понадобилось выкраивать время для «Слова о полку Игореве»? О. Табакова угнетала раздавленность, высушенность, безголосость «Слова о полку Игореве» в нашей средней школе. Он ощущал яростную современность этого памятника для нас. Множество голов и эмоций обрушивается на сегодняшнего слушателя «Слова», как в жизни современного большого города.

О. Табаков выбрал поэтический перевод Н. Заболоцкого. Хороший перевод, интеллектуальный, пока самый лучший из всех имеющихся. Однако на каждом шагу перед актером вставала творческая задача: от чьего лица говорить, от какого характера, от какого настроения? Тут актер выступил истолкователем «Слова о полку Игореве». Прочтение каждой части явилось находкой. Не сразу, конечно, — иногда после пяти дублей.

Вот она, «концепция» О. Табакова. Вступление в «Слове» читалось привычно — от лица автора: «Не пора ль нам, братия, начать О походе Игоревом слово...» Певец многое знает, и тем, что решил упомянуть, «завлекает» слушателей. Следующая часть — «Игорь-князь с могучею дружиной Мила брата Всеволода ждет» — вдруг зазвучала голосом дружинника средних лет, грубоватого, понаторелого в сражениях. Половцев он знает как облупленных, крови — навидался. Новая часть — «Славный яр тур Всеволод! С полками В обороне крепко ты стоишь...» — читалась уже как эпический глас дружины, как мнение благородного рыцарского « хора » о событиях. А потом — жалующийся голос уже не дружины, а тех незнатных людей, которые так много терпели горя от половцев и от княжеских раздоров: «А князя дружин не собирают, Не идут войной на супостата...» Голоса меняются, и слышен даже злорадный говорок «гостя земли немецкой»: «Игорь-князь в Каяле половецкой Русские богатства утопил».

О. Табакову удалось ввести в «Слово» неожиданные и все-таки желанные оттенки. Автор «Слова» выступает у него изысканным, изощренным «песнотворцем», знающим толк в роскошных эпитетах и в выразительных паузах: «...И погасли в небе два столба. Два светила в сумраке пропали». В стиле своего времени автор слагает несколько условные стихи о поражении. А затем «Златое слово» держит немощный, но возмущенный до глубины души князь Святослав: «О сыны, не ждал я зла такого!.. Что ж вы, дети, натворили мне...» И после Святослава в уши врзается резкий, сильный голос молодого дружинника, раздраженного поражением. Он не кричит, а орет: «Князь великий Всеволод! Доколе Муки нам великие терпеть?»

Есть в чтении О. Табакова и угрюмый голос истории, которая помнит все, и голос Ярославны, — нет, не голос Ярославны, а высокий голос отрока, который присутствовал при плаче Ярославны, с сердечным откликом запомнил его и сейчас пересказывает. Заканчивается «Слово о полку Игореве» здравицами и славками, произносимыми как бы с высокой горы, над всей Русской землей. Русич, набирая полную грудь воздуха, провозглашает: «Слава князю Игорю, Буй тур Всеволоду, Владимиру Игоревичу! Слава всем, кто, не жалея сил, За христиан полки поганых бил!»

Особенности чтения О. Табакова, конечно, не описать полностью. В данном случае лучше раз услышать, чем сто раз увидеть. Главное достижение О. Табакова: талантливый артист верно ухватил стиль «Слова о полку Игореве», хотя пользовался переводом. Ведь можно изучать древнерусский текст «Слова», а стиля не почувствовать. По определению Д. С. Лихачева, «Слово о полку Игореве» принадлежит к стилю монументального историзма или динамического монументализма XI—XIII вв. О. Табаков создал соответствующую такому стилю многосмысленную эпическую композицию, которая энергично сочетает большое и малое, государственное и личное. Душа, жаждущая эстетического наслаждения, откликнется.

Пример творческого подхода О. Табакова к «Слову» убеждает в том, что актерам, режиссерам, художникам в первую очередь нужны эстетические разработки памятников. В том числе работы об идейно-художественной стороне «Слова». О его образности, изобразительности, эмоциональности. О глубоком смысле его текста. Об этом исследователи пишут мало, кроме Д. С. Лихачева. Но и монография Д. С. Лихачева «“Слово о полку Игореве” и культура его времени» удовлетворяет лишь часть потребностей такого рода. Создание настольной книги для режиссеров и актеров — впереди.

В этой связи хотелось бы перейти к собственно научной теме. Мне кажется, что пониманию художественности «Слова» способствует изучение авторских ассоциаций. Что такое ассоциации? Категория ассоциативности берется из

психологии. Возможности такого подхода еще мало использованы в литературоведении, в том числе и для изучения древнерусской литературы. Пока нет определения ассоциации, пригодного для истории литературы. Но есть чрезвычайно полезные труды — давняя работа В. В. Виноградова и сравнительно недавняя — Д. С. Лихачева¹. Исследователи «Слова о полку Игореве» неизбежно касались тех или иных авторских ассоциаций. Но специально с ассоциативной точки зрения «Слово» еще не изучалось.

Ассоциация — это авторское представление. Авторские представления выражаются в двух формах: полной, развернутой и краткой, «свернутой». В «свернутых» высказываниях сохраняется только самое главное, самое основное из полных, развернутых высказываний. «Свернутые» высказывания — это и есть ассоциации. Ассоциации отражаются преимущественно в виде связей двух-трех слов в составе предложения или небольшого повествовательного отрывка. В качестве примера обратимся к знаменитой фразе о Бояне: «Боянь бо вещей, аще кому хотяше песнь творити, то растекашется мыслию...» В этой фразе со словом «песнь» неявным образом связано слово «мысль». Можно предположить, что в данной фразе в «свернутом» виде отразилось примерно такое авторское представление: песнь творится мыслью, на основе мысли, песнь содержит мысль. Это авторская ассоциация «песнь—мысль».

Кроме «свернутости», у ассоциаций имеется еще и другое свойство: они относятся к обобщающим представлениям. Например, в рассматриваемой фразе автор «Слова» выразил представление о связи пения вообще с мыслью вообще, а не только у одного Бояна.

И третье свойство ассоциаций: они обычно бывают устойчивыми, то есть становятся литературными мотивами. У особенно устойчивых ассоциаций (мотивов) формируются устойчивые же способы их словесного выражения. Например, насколько устойчивой была связь «песнь—мысль», наблюдаемая во фразе о Бояне? Совершенно близких аналогий не обнаруживается ни в «Слове», ни в других памятниках XI—XIII вв. Но в «Слове», непосредственно перед рассматриваемой фразой, автор предупреждал: «Начата же ся тый песни... не по замышлению Бояню». Связывались слова «песнь» и «замышление» — «песнь по замышлению». Автором неявно была выражена ассоциация о том, что песне свойственна опора на «замышление» или сопровождение «замышлением». Выражена хотя и не связь «песнь—мысль», но сходная связь «песнь-замышление».

В других памятниках XI—XIII вв. встречаются относительно близкие аналогии этой ассоциации «песнь—мысль». Например, канон Борису и Глебу по

¹ Виноградов В. В. О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопопы Аввакума // Русская речь: Сборник статей / Под редакцией Л. В. Щербы. Пг., 1923. Т. 1; Лихачев Д. С. К специфике художественного слова // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1979. № 6.

списку XII в. призывал: «Въспоймъ песнь благочъстивьну прославленными целомудръными съмысльми». «Въспоймъ целомудръными съмысльми» — воспоем целомудренными мыслями или с целомудренными мыслями. Несомненно, выражена ассоциация о сопровождении пения мыслями. Ассоциация «воспеть песнь—смысл» близка ассоциации «творить песнь—мысль» из «Слова о полку Игореве».

В «Житии Феодора Студийского» по списку XII в. говорилось о молениях исповедника к Богу: «Никъда же престава яже къ нему пения и паки похваляти оного и дълга пети въ помысле и непрестанна». Налицо словосочетание «пети въ помысле». «Пети въ помысле» не означало «петь в мыслях, мысленно». В тексте пояснялось, что исповедник «на всякъ день сему испущашеть глас», то есть пел вслух, но как бы погруженный в мысли. В словосочетании «пети въ помысле» отражалась ассоциация о сопряжении пения с «помыслом», мыслью. Связи «песнь—мысль», «песнь—замышление», «петь—помысл» можно признать близкими. Они выражения одной ассоциации.

И в «Слове» Иоанна Златоуста по списку XII—XIII вв. также есть аналогия: «Приобъщити ся... песни, да навькнете же иже Моусии и инемъ пророкомъ на помысле». Связь слов «песни на помысле», пожалуй, указывает на ассоциацию «песнь—помысл». В XI—XIII вв., видимо, существовала довольно прочная ассоциация «песнь, пение, петь — мысль, мыслить, помышлять, замышлять».

В «Слове о полку Игореве» подобная ассоциация давала о себе знать в разных словесных вариациях. Например, автор говорил о Бояне еще и так: «...припевку, смысленый, рече...». Данная синтаксическая форма предполагает перенос «смысленности» на припевку: «смысленность» как бы качество и самой припевки. Скрытый смысл данного выражения снова выводит к ассоциации о свойственности мысли песне, пению, припевке.

В другом месте «Слова» автор обращался к Бояну: «О Бояне, соловию стараго времени! Абы ты сиа плъкы ущекоталь, скача, славию, по мыслену древу...» В этой фразе присутствуют слово «ущекотать» (в значении «воспеть») и слово «мысленый». Можно предположительно сформулировать один из скрытых смыслов фразы: Боян воспевал, направляемый мыслью, основываясь на мысли. Думается, что связь пения и мысли косвенно выразилась и в этой фразе.

Нужно добавить, что в памятниках XI—XIII вв. гораздо шире была распространена не ассоциация «песнь—мысль», а ассоциация «песнь—ум», «пение—ум», «петь—ум» и т. д. Однако и у автора «Слова о полку Игореве» мелькала ассоциация «песнь—ум», хотя в ослабленном виде. Ведь приводившееся уже обращение к Бояну имело продолжение: «О Бояне, соловию... Абы ты... ущекоталь, скача, славию, по мыслену древу, летая умомъ...» «Ущекоталь...

летая умомъ» — воспел, думая. Пение и ум связаны. Ассоциация о том, что ум как бы вился вокруг пения, также была свойственна автору «Слова».

Что дают подобные наблюдения? Они помогают проникать в творчество автора «Слова». Они дают информацию не только для разума, но и для сердца. Благодаря им отчетливей становится образ автора «Слова» и образ его произведения. Поэты, актеры, режиссеры, художники прежде всего нуждаются в той научной информации, которая будит чувства и воображение. Значит, прежде всего на пользу творческим работникам пойдет изучение ассоциаций, или литературных мотивов у автора «Слова о полку Игореве». Общественная потребность рождает научную тему. В настоящее время исследователь сам должен «вычислять» своего широкого читателя, не дожидаясь популяризаторов, и соответственно строить свое исследование.

1985 г.

ТЕКСТОЛОГ И «ПЕСТРОТА» XVII ВЕКА

Работа над текстами произведений XVII в. ощутимо отличается от работы над более ранними древнерусскими текстами. Об этих отличиях и идет речь в данных заметках: обозначается круг всех основных забот текстолога произведений XVII в. — своего рода его «один день», растягивающийся на месяцы и на годы.

Прежде всего текстолог выступает в роли библиотекаря или музейного работника. В его распоряжении фонды текстов XVII в., неизмеримо возросшие по сравнению с собраниями текстов более ранних времен. Русские тексты XVII в. вездесущи. Они собраны не только в знаменитых столичных хранилищах, но «расползлись» (вернее, сохраняются) почти по всем городам России; много их в селах Севера, Средней полосы, Сибири; встречаются они на юге, включая Закавказье и Среднюю Азию. Немало вывезено далеко за рубеж... Обилие материалов XVII в. радует, обнадеживает, но одновременно и подавляет, ибо учесть его исчерпывающе пока оказывается невозможным. Многие фонды еще ждут своего часа; нередко их из россыпей еще лишь необходимо превратить в фонды. Со второй половины XVII в. в России стали появляться рукописи двуязычные и даже трехязычные, с добавлениями текстов на греческом и латинском языках — их тоже надо учитывать.

Текстологу произведений XVII в. приходится иметь дело и с совершенно новым для Руси видом источников — с текстами старопечатными. После заведения книгопечатания было издано в России в течение второй половины XVI в. и особенно в течение XVII в. более 500 книг, не считая настенных листов, грамот и пр. В конце XVII — начале XVIII вв. выходили и гравированные издания, в том числе буквари и гравюры с обширными текстами. Старопечатный материал учтен библиографами гораздо скрупулезнее, чем рукописный. Но ощущение неполноты не проходит. Из года в год обнаруживаются неизвестные русские издания XVII в., правда, небольшие. Печатные же грамоты, листы и листки фактически никто регулярно не разыскивает. Когда текстолог, занятый в основном подбором нужных рукописей, встречает, к примеру, в начале рукописной книги бесед и переводов Симеона Полоцкого (ГИМ, собрание Синодальное, № 660) вплетенный печатный лист с набором на одной стороне и пустой на обороте, то мелькает озабоченная мысль: что за неведомое издание Верхней типографии Полоцкого перед нами? Но мысль эта тут же забывается из-за других, неотложных, «рукописных» дел.

Текстологу нужно помнить также о лавине внебумажных текстов XVII в. — рисованных, вырезанных, литых, выбитых на дереве, металле, камне. Сравни-

тельно с прошлыми веками в XVII в. таких текстов стало больше, а сами тексты стали длиннее, вроде, например, текстов на многочисленных иконах с «житиями», уникальных русских и латинских надписей 1691 г. на Спасских воротах Кремля, любопытных изречений и пожеланий на кубках. Над этим несобраным богатством текстолог-медиевист работает редко (а текстолог произведений Нового времени — в редчайших случаях, когда коллекционирует, скажем, надгробные надписи). В общем, у текстолога, занимающегося древнейшим временем, и у текстолога переходного периода разные поводы для беспокойств. Один сожалеет о безвозвратных утерях за многие века, но спокоен за собранное. Новые открытия сенсационны. Хорошо учтены даже граффити XI—XV вв. Специалист же по XVII в. постоянно чувствует реальную возможность пополнения материалов. Буквально ежедневно происходят счастливые находки.

Однако превратиться полностью в археографа, коллекционера, библиографа или «музейщика» текстолог не имеет права. Это лишь вступительная его роль.

Следующая задача текстолога — чтение текстов «пестрого» XVII в. Тут характерно парадоксальное сочетание большей легкости с большей трудностью. Читать отчетливый шрифт старопечатных книг — одно удовольствие. Язык произведений XVII в. стал понятней настолько, что временами вообще не требует перевода, за исключением пояснения отдельных слов и некоторых выражений. И одновременно перед текстологом — трудно читаемая русская скоропись XVII в. в разнообразнейших ее вариациях, вплоть до примешивания украинских и польских начертаний, головоломные сокращения, особенно в черновиках; исключительно неудобопонятный, искусственный язык, например, в сочинениях Ивана Тимофеева, в переводах Епифания Славинецкого с греческого, в транслитерациях с польского, в переложениях с латинского. Знакомящийся с текстами XVII в., как никто другой, должен быть готов к резкой неравномерности усилий в чтении даже одного и того же памятника. (Кстати говоря, при чтении текстов Нового времени подобная неравномерность возрастает). К сожалению, палеографические справочники и альбомы по XVII — первой половине XVIII вв. сейчас не выходят. В лучшем случае переиздаются очень старые палеографические пособия. Полных и точных словарей русского языка XVII — первой половины XVIII вв., активно помогающих в научной работе, также, по существу, нет. Тем не менее современный текстолог ухитряется усвоить необходимые сведения (чаще всего через собственный практический опыт). Искушенного текстолога тянет, кажется, именно на трудные памятники: например, на внимательнейшее чтение интересных, но маловразумительных переводных «Римских деяний» или на чтение черновых записок русских старообрядцев.

Наконец, текстолог втягивается в долгожданную исследовательскую работу. Это и есть главное его дело. Первая задача — выделить изучаемый текст

как целое с определенными границами в составе сборника. Семнадцатый век и тут преподносит контрасты. Для специалиста по древнерусской литературе привычным объектом изучения служит памятник, так сказать, среднего объема, не очень большой и не очень маленький, — повесть или житие. До XVII в. исключения не часты. Но в рукописях XVII в. массовой продукцией становятся мелкие и мельчайшие сочинения, внезапно начинающиеся и вроде бы не имеющие конца; в сборниках мелькают повестушки, стихи, нравоучительные отрывки, афоризмы. В одной только рукописи 1679 г. (БАН, 45.12.237) содержится и окончание юмористической «Притчи о старом муже и молодой девице», и рифмованные нравоучения («Добро млодому отрочати перед старым молчати, а старому ко отрочати падко отвещати и на ум его поучати»), и псевдобылинная «Повесть царя Волота Волотовича да царя Давыда пророка Осеевича» («Голубиная книга»), и загадки (о комаре: «Ворон, а не конь. Крылат, а не орел»), и многое другое. Походя занимались сочинительством и сами писцы. Один для пробы пера мог переписывать старую притчу-присказку о море на 5 столпах или о граде с 10 стенами и 50 башнями, а другой — раздражаться ругательствами по поводу таких проб пера. Примеров можно привести сотни, тысячи, и не только из рукописей, но и из печатных книг, настенных листов и пр. Новое время уже не так пестро на этот счет.

Кроме того, XVII в. отличается необозримым обилием сборников. Конечно, и в XV—XVI вв. сборников было создано множество. Но XVII в. не превзойден ни раньше, ни позже бесчисленностью сборников, разнообразием их состава и шириной распространения. В ряде случаев сборники можно рассматривать не как объединения разнохарактерного материала, но как цельные памятники. К цельности вели и сборники сочинений одного писателя или нескольких авторов-единомышленников. В XVI в. переписывались, например, сборники сочинений высокоученого Максима Грека, а в XVII в. — сборники сочинений Антония Подольского, Семена Шаховского, Симона Азарьина, Симеона Полоцкого, Николая Спафария, протопопа Аввакума и его сподвижников и др.

Неожиданную цельность представляли сборники то одного, то другого составителя, компановавших сочинения разных авторов. Таков, например, сборник середины XVII в., РГБ, собрание Ундольского, № 632, известный тем, что содержит самый полный список «Задонщины». Кто и когда составил и переписал его, — неизвестно. В сборнике одним и тем же писцом вперемешку переписаны большие, средние и мелкие произведения преимущественно на тему борьбы с турками и татарами и на тему посещения сказочных стран Востока — огромная «Повесть о взятии Царьграда турками» Нестора-Искандера, повествования о царе Давиде и сыне его Соломоне, собирающихся на битву, повесть о неудачном походе Тамерлана на Русь, большие повести о взя-

тии Азова донскими казаками и об их героическом осадном сидении, повести о путешествии в Вавилонское царство, «Сказание об Индийском царстве», повесть о поездках купца Басарги и т. д. Составитель не просто вставил «Задонщину» в этот увлекательно-«восточный» ряд произведений, но выражения из «Задонщины» вкраплял в окружающие сочинения, а кое-что из окружающих сочинений использовал, переписывая «Задонщину». «Восточный» сборник получился относительно цельным сложносоставным памятником, требующим изучения. Таких сложных памятников — «восточных», «западных», «естественно-географических», «исторических», «документальных», «сказочных», «бытовых», «панегирических», «риторических», «полемических» и т. п. — чрезвычайно много в XVII в. Сборники XVII в. (в том числе старопечатные) как цельные памятники изучены лишь в единичных случаях. Поле деятельности беспредельное. Надо становиться специалистом в области кодикологии, книговедения, даже истории журналистики (ср. изучение альманахов, антологий, журналов и рукописных альбомов Нового времени). Поворот в сторону цельного подхода к сборникам XVII в. осуществляется медленно, но все же происходит. Одним из пионеров здесь был И. М. Кудрявцев.

Следующая задача текстолога — датировка текстов, определение места их возникновения, установление авторов, редакторов, переписчиков. В чем можно увидеть разницу между изучением текстов XVII в. и текстов более ранних? Ведь сходств тут гораздо больше. Если говорить о датировке, то для XVII в., пожалуй, опять характерен небывало резкий разброс текстологических явлений. С одной стороны, авторы, редакторы, писцы, читатели, книжники XVII в. словно шли навстречу нашему пристрастию к точным датировкам. Указания на год, месяц и даже день написания, перевода, переписки, переделки, издания сочинений охотно вносились в тексты, особенно в предисловия, послесловия, примечания. XVII век — это век дат. Чувствуется близость Нового времени. И одновременно для XVII в. нередки произведения, точная датировка которых находится на грани безнадежности. Действительно, к какому времени отнести знаменитую «Повесть о Горе-Злосчастии», дошедшую в списке первой половины XVIII в.? В повести не то что не упомянута дата создания, но нет и бесспорно датирующих реалий. Памятник прикрепляют и к первой половине, и к середине и ко второй половине XVII в. — и все как-то непрочно. Датирующие признаки проскальзывали в древнерусские произведения зачастую помимо воли авторов, а исчезали не случайно. Создается впечатление, что составитель «Повести о Горе-Злосчастии» как бы намеренно вытравил из текста возможности для явных хронологических догадок. Больше того. Ощущается, что подобных недатированных или не твердо датированных сочинений XVII в. чересчур много. Когда появились любовная «Повесть о Тверском Отроче монастыре», волшеб-

ные повести о легендарном византийском царе Михаиле, приключенческие повести о купцах, разнообразные сатирические и юмористические повести, в их числе сказания о птицах небесных, повести о хмеле и пьяницах, не говоря уж о мелких произведениях, вроде стиха о злой траве шихе? Когда появился сборник изречений «Цветы сельные»? Некоторые из упомянутых памятников бытовали и до XVII в., даже задолго до XVII в., правда, в ином виде. Текстолог, изучающий сочинения XVII в., находится в очень неудобном положении. Тем отраднее, что последнее время молодые текстологи проявляют повышенное внимание к «плавающим» памятникам XVII в.

Такие же контрасты — в определениях авторства. Когда автор не назван прямо, то благодаря датировке и всяческим реалиям (а иногда по стилю) текстолог вполне правдоподобно сужает круг подозреваемых авторов до одного человека. Подобных поучительных случаев для текстов XVII в. много. Удастся почти с ювелирной точностью различить вставки соавтора или редактора в основной авторский текст (вставки, сделанные Епифанием, в автографе «Жития» Аввакума — оба писали в ссылке в Пустозерске). Бесценным средством атрибуций стали акrostихи стихотворений XVII в. Система акrostихов к концу XVII в. граничит с хитроумной тайнописью, но все равно разгадывается текстологом. Поток имен забытых русских поэтов XVII в. — достижение последнего времени (см. работы А. М. Панченко).

Но с массивом больших и малых памятников, четко атрибутированных, соседствует обширный зыбкий мир сочинений без конкретных дат и авторов. Между этими двумя текстологическими мирами находятся произведения, предполагаемые авторы которых «двоятся» или «троятся». Кто написал «Повесть книги сея от прежних лет» 1626 г. (дата указана в заглавии) о событиях Смутного времени — Иван Катырев-Ростовский, Сергей Кубасов или Семен Шаховской? Дискуссия ведется до сего дня. За фигурой Сильвестра Медведева, признанного автора «Созерцания краткого» о стрелецком мятеже 1682 г., ныне угадывается силуэт еще одного сотрудника — Федора Шакловитого. Шаг, и мы вступаем в мир без атрибуций. К примеру, кто и когда составил «Тетрадь науки татарского языка с руским переводом для знания преложено» (РНБ, Q.XVII.7, сборник конца XVII — начала XVIII вв.)? Пока этого сейчас никто сказать не может. Но в отличие от исследователей текстов более раннего времени, погружившийся в XVII в. текстолог всюду остро чувствует неиспользованные богатейшие возможности атрибуций, помогающих одна другой. Плодотворной работы хватит не одному поколению текстологов.

Есть у текстолога свой звездный час в исследовательской работе — это установление авторского текста и воссоздание его дальнейшей истории. С произведениями XVII в. работаете легче, уверенней, чем с более ранними мате-

риалами. Ведь от XVII в., особенно от второй половины его, в отдельных случаях сохраняются представители всех или почти всех этапов истории памятника. Вот авторский черновик, вот авторский беловик, вот копия с авторской правкой, вот вторая авторская редакция, вот третья авторская редакция, вот авторское же издание, вот несколько последующих, уже не авторских редакций и т. д. Беспокоиться о языковой сохранности памятника не надо — все налицо (воссоздание языкового облика также составляет особую проблему для текстологов, изучающих древнейшие памятники. Ср. работы Л. П. Жуковской). Можно проникнуть в творческую лабораторию писателя XVII в., в творческую историю произведения. В последующую историю восприятия памятника (ср. рукописи сочинений Симеона Полоцкого и Аввакума). У старопечатных изданий сохраняются корректурные экземпляры, выделяются редакции, в течение XVII в. многочисленные (ср. печатный «Прóлог»). Даже у одного и того же издания за один год различимы печатные варианты, иногда не поддающиеся точному подсчету (ср. хотя бы «Жезл правления» 1667 г.). Значит, историю подготовки изданий XVII в. также можно проследить с небывалой подробностью. Все это напоминает заботы текстолога произведений уже Нового времени.

Неисчерпаемая дробность материалов XVII в. доставляет и новые хлопоты. История текстов в XVII в. стала виднее, но обобщать стало труднее. Разнотечения между списками или изданиями бывают настолько трудно объяснимы или, напротив, объясняются таким множеством причин сразу, что можно потеряться в мелочах и проглядеть важное. Текстолог с увлечением «борется» с текстологическим обилием XVII в. и добивается успехов (см. работы О. А. Белобровой, А. П. Богданова, Н. С. Демковой, М. Д. Каган, Л. Н. Пушкарева, А. Н. Робинсона, Л. В. Соколовой, Я. Г. Солодкина). Однако задач, за которые текстологи еще не брались, оказывается еще больше.

В рамках текстологии главнейшая задача сводится к созданию текстологической истории русской литературы XVII в. Ведь текстуально были связаны не только редакции одного рукописного или печатного произведения, но и разные памятники. Каких только неизвестных и малоизвестных фактов тут нет! Например, Авраамий Палицын, написавший в 1620-е годы свое «Сказание» о Смутном времени, использовал предисловия из печатной «Библии» Ивана Федорова 1580 г. Аввакум, возможно, знал сочинения Андрея Курбского. Афанасий Холмогорский в своем печатном сочинении «Увет духовный» 1682 г. издал предисловие из «Великих миней четьих» митрополита Макария XVI в. Факты не сплетены воедино. Задача их сцепления тем масштабней, что в конце XVII — первой половине XVIII вв. древнерусская литература пришла к своему естественному завершению (мысль, высказанная Д. С. Лихачевым на защите кандидатской диссертации Н. В. Поньрко о старообрядческой выговской литературе), и, следова-

тельно, текстологическая история русской литературы XVII в. уходит назад далеко в глубь веков. Так, текстологическое изучение старопечатного «Прóлога» нельзя ограничивать только связями с рукописными и печатными текстами XVII в.; связи, в том числе непосредственные, доходят до самых ранних времен древнерусской литературы и даже переходят в византийскую литературу.

Совершенно не изучены текстологические связи сборников как цельных памятников. Из сборника в сборник переходили «блоки» произведений, то монолитно, то крошась. Возможно, возникали редакции рукописных сборников, а к ним присоединялись редакции печатные. Собрания надписей на вещах перекочевывали в рукописные и печатные сборники.

В заключение следует сказать еще и о других ролях, в которых выступает текстолог произведений XVII в. Закончив намеченное исследование, он вступает в права издателя. Для текстов XVII — начала XVIII вв. дело издания оказывается очень неблагоприятным. Неиссякаемый ручей новых находок быстро подтачивает прежние издания. Недаром у нас практически не сохраняется стабильных публикаций текстов XVII в. Ведь сколько раз публиковали писания Аввакума, а нужны все новые издания, измененные и дополненные (например, на данный момент самым точным можно признать издание «Жития» Аввакума, вышедшее в Иркутске). Умудренный опытом текстолог отдает себе отчет в преходящем характере публикаций, как бы капитально они ни выглядели, и, кажется, находит выход из положения. Сейчас текстолог-литературовед или историк делает упор на мобильное, то есть регулярное, экономное, научно-популярное переиздание памятников XVII в., с учетом новейших текстологических данных. Текстолог-лингвист же предпочитает максимально научно издавать тексты XVII в., но в основном те, что существуют в заведомо единственном списке, например, письма и грамотки. «Пестрота» XVII в. заметней всего сказывается именно на публикациях текстов.

Еще об одной ответственной роли не должен забывать текстолог произведений XVII в. Вольно или невольно он становится популяризатором и пропагандистом текста. Для оригинальных памятников XVII в. эффект популяризации действует сильнее, потому что они понятней текстов переводных и текстов более ранних. Современный текстолог предпочитает заниматься светскими текстами XVII в., издание которых представляет не только узко академический интерес, и пока в довольно редких случаях обращается к текстам, называемым церковными (см. работы Л. А. Дмитриева). Церковные памятники XVII в. исследуются без публикации текста, но с описанием его и выдержками из него.

И последнее. Текстолог — это и науковед. Одна из науковедческих проблем касается места текстологии в системе гуманитарных дисциплин. Здесь остается еще много неясного, но совершенно очевидно, что текстологическая работа над

памятниками XVII в. гораздо живее смыкается с источниковедением, стилистикой, поэтикой и историей литературы, чем текстология памятников более раннего времени. Оттого поначалу строго текстологические работы по XVII — половине XVIII вв. затем обычно становятся комплексными. «Пестрота» переходного времени обогащает текстологию, сферу ее практической применимости.

1986 г.¹

¹ Работа входила в состав сборника ИМЛИ по проблемам текстологии, готовившегося под редакцией А. И. Овчаренко, после смерти которого сборник так и не был опубликован.

ПРИНЦИПЫ СОСТАВЛЕНИЯ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Произошли любопытные изменения в периодичности появления обобщающих работ по истории древнерусской литературы. Древнерусская литература изучается в течение двухсот с лишним лет. Начиная с первой трети XIX в., все более полные истории древнерусской литературы составлялись в среднем каждые двадцать лет. С 1940-х годов все более глубокие исследования по истории древнерусской литературы стали появляться гораздо чаще. Сейчас такие исследования издаются примерно раз в два-три года. Есть основания предполагать, что российское литературоведение стоит на пороге создания особого, фундаментального труда по истории древнерусской литературы.

Какое конкретное содержание вкладывается в понятие «фундаментальная история»? Всякий подход к истории литературы определяется подходом к отдельному литературному памятнику. Суть фундаментального подхода к памятникам древнерусской литературы сжато мы формулируем так: не эклектическая подробность, а связная многосторонность характеристик. Отсюда следует наш первый важнейший принцип — принцип многостороннего подбора памятников для создания фундаментального труда по истории древнерусской литературы.

Обычно в обобщающих трудах по древнерусской литературе за господствующую, «нормальную» единицу литературного процесса молчаливо принимается светская или церковная «повесть», «сказание», «житие» — произведение, так сказать, среднего объема, вроде «Слова о полку Игореве», «Жития Александра Невского» или «Повести о Савве Грудцыне». История древнерусской литературы в таком случае строится как хронологическая цепь «повестей», «сказаний», «житий». Классическим образом работы подобного рода являются первые два тома, посвященные древнерусской литературе, в десяти-томной академической «Истории русской литературы» (Т. 1. М.; Л., 1941; Т. 2, кн. 1. М.; Л., 1945; Т. 2, кн. 2. М.; Л., 1948).

В обобщающих историко-литературных работах по древнерусской литературе к древнерусским «повестям» среднего объема эпизодически пристраиваются и памятники, не типичные по величине: единичные огромные «повести», как, например, «История Иудейской войны» Иосифа Флавия или «История о Казанском царстве»; единичные огромные сборники «сказаний» и «житий» вроде «Киево-Печерского патерика» или «Великих миней четьих» митрополита Макария; и напротив, совсем мелкие повестушки наподобие апокрифического «Сказания о сотворении Адама» или сатирической «Повести о бражнике». Кро-

ме того, история древнерусской литературы дополняется некоторыми не очень большими памятниками, не относящимися к «повестям», — поучениями, посланиями, пьесами и пр. В общем, в традиционных трудах главенствуют источники среднего объема.

Но фундаментальный подход к источникам требует иного: брать привычный объект не только сам по себе, но и в составе более крупного целого, то есть укрупнять исходную историко-литературную единицу. Какая это единица? Академик Д. С. Лихачев неоднократно указывал на «анфиладный», «ансамблевый» способ создания литературных произведений, преобладавший в Древней Руси: мелкие сочинения присоединялись к более крупным или вместе с крупными составляли продолжение сборника; сборник подкладывался к сборнику, образуя более объемистое целое, и т. д. Древнерусские произведения почти никогда не распространялись и не становились фактом культурной жизни общества вне реальных, конкретных рукописных или старопечатных сборников. Древнерусская литература жила сборниками, книгами. Сборник, книга — вот главная единица фундаментального труда по истории древнерусской литературы.

При указанном подходе история древнерусской литературы вовсе не превращается в хронологическую череду сборников. На первый план при таком подходе выступают крупные древнерусские произведения, бытовавшие в виде отдельных, самостоятельных книг, — от «Хроник», «Космографии», «Хронографов», летописей, от так называемой Сербской «Александрии», от сборников определенного состава типа «Прологов» и «Измарагда» до, например, «Сказания» Авраамия Палицына, «Рифмологиона» Симеона Полоцкого, сборника новелл «Великое Зерцало» и пр. История древнерусской литературы — это история сложения грандиозных комплексов из тяготевших друг к другу крупных произведений-книг. Именно такой подход при изложении истории древнерусской литературы был испробован в недавно подготовленном ИМЛИ однотомном труде «История русской литературы XI—XX веков: Краткий очерк» (М., 1983).

Выделение сборников в качестве главной историко-литературной единицы ставит историков древнерусской литературы перед острой необходимостью заниматься такими чрезвычайно многочисленными и изменчивыми сборниками, которые не имели заглавия, но тем не менее в каждом отдельном случае представляли собой некое тематическое целое, некое сложное «произведение». Это, например, сборники воинских повестей патристического содержания, сборники полубытовых житий севернорусских подвижников, сборники эпистолярные, сборники философско-энциклопедические, сборники старообрядческие и т. д. — даже удовлетворительно перечислить их типы пока нет возможности: многое нам еще неизвестно.

Активные поиски и литературоведческое изучение подобных сборников началось со второй половины 1950-х годов и продолжается поныне (очень перспективные работы Я. С. Лурье, Н. А. Казаковой, И. М. Кудрявцева, Р. П. Дмитриевой, Г. М. Прохорова, Ю. Д. Рыкова). Последовательное введение сборников в историю древнерусской литературы на равных правах с произведениями-книгами, надо надеяться, будет равносильно внезапному открытию большой массы первоклассных источников, существенно меняющих наши взгляды на развитие древнерусской литературы.

Практика анализа древнерусских сборников показывает также, что исследователям приходится иметь дело с более или менее устойчивыми и нередко причудливыми группами произведений, кочующими из сборника в сборник. За счет таких то «рыхлых», то сцементированных «блоков» произведений зачастую собирались и варьировались древнерусские сборники. «Блок» произведений, таким образом, более мелкая историко-литературная единица, чем сборник. Выдвинутое Д. С. Лихачевым понятие «конвой» произведения вплотную подводит к понятию «блок» произведений. Но сами исторически сложившиеся «блоки» произведений почти совсем не систематизированы исследователями. Например, полезно было бы выяснить, всегда ли «Задонщина», «Сказание об Индийском царстве» и «Слово о двенадцати снах царя Шахаиши» переписывались в сборниках вместе; или, например, с какими именно статьями «Хронографа» составляла некий «блок» Псевдокаллистен «Александрия».

Фундаментальный, синтетический, «сборниковедческий» подход при составлении истории древнерусской литературы помогает и традиционным поискам произведений среднего объема. Вот только два примера. Во-первых, исследование сборников и «блоков» произведений неизбежно заставляет держать в поле зрения неисчислимые россыпи мелких произведений, обычно ускользающих от изучения. В сборниках это какие-то на первый взгляд странные повествовательные отрывки, исторические заметки, поучающие рассуждения, афоризмы и пословицы, какие-то типичные начала и концовки рассказов, эпистолярные обращения и т. п. Такой материал оживляет историю древнерусской литературы. Недаром внимание, казалось бы, к бессвязным отрывкам привело И. М. Кудрявцева к редчайшему открытию — к атрибуции сборника черновых, подготовительных выписок протопопа Аввакума.

Во-вторых, исследование сборников и «блоков» произведений помогает увидеть отдельное произведение как объект, многократно дающий о себе знать в истории литературы. История древнерусской литературы обычно представляется в виде истории появления все новых и новых произведений. Но ведь даже один и тот же текст, одна и та же редакция произведения, в разные века включенная в разные сборники и в разные «блоки» произведений, становится разным

литературным фактом. «Сборниковедческий» подход позволяет нарисовать более многостороннюю историю древнерусской литературы, с непрерывным сплетением старых и новых произведений. Попыток такого рода ученые-русисты еще не предпринимали.

В общем, фундаментальная история древнерусской литературы — это история и произведений, и «блоков» произведений, и сборников (может быть, еще и книжных собраний и библиотек Древней Руси, когда они образовывали некое содержательное единство). Ключом к фундаментальному историко-литературному подходу служит изучение сборников, цельных книг. Такова источниковедческая база будущего фундаментального труда по истории древнерусской литературы. Составление фундаментального теоретического труда по истории древнерусской литературы, как видим, неизбежно расширит горизонты практической деятельности в области археографической, библиографической, публикаторской.

Мы рассмотрели первое следствие из нашего главного тезиса о фундаментальности как о многосторонности. Из этого же тезиса вытекает и второй наш важнейший принцип: надо не только многосторонне выделять древнерусские литературные источники, но и многосторонне их объяснять. Для включения древнерусского памятника в его эпоху исследователи используют целую иерархию объяснений. Каждая область объяснений выявляет в памятнике какую-либо специфическую сторону и предопределяет «свой» вариант истории древнерусской литературы. Сжато очертим основные «объяснительные» подходы исследователей к источникам, а отсюда и к составлению истории древнерусской литературы. Конечно, всего не учесть. Основой служит опыт работы ленинградских и московских исследователей.

Пожалуй, самым старым является цельный взгляд на памятник как на объект с одной сутью или одной главной темой. Общее содержание многих (но не всех) древнерусских литературных произведений обычно легко объяснимо событиями и обстоятельствами социально-политической действительности. Прямую связь источников с реальностью прослеживает великое множество работ. Группировка литературных произведений по зеркальному отражению исторических событий чаще всего ложилась и ложится в основу построения исследователями истории древнерусской литературы. Однако сейчас оперирование только общим содержанием памятников справедливо считается слишком поверхностным для создания полноценного труда по истории древнерусской литературы.

Другой подход — текстологический. Текстологов в первую очередь интересует происхождение текста памятника и его редакций: не заимствован ли данный текст из других конкретных сочинений, заимствован ли весь текст, или хотя бы отрывки, или хотя бы отдельные выражения. Следует напомнить, что текстологические исследования памятников имеют прочную традицию в рус-

ской филологии. Особенно обильное количество текстологических работ выпущено ленинградским Сектором древнерусской литературы ИРЛИ, а его главой Д. С. Лихачевым написана широко известная методологическая «Текстология. На материале русской литературы X—XVII вв.» (М.; Л., 1962. 2-е изд., перераб. М., 1983).

С текстологической точки зрения история древнерусской литературы представляется сложнейшим переплетением бесчисленных связей памятников: произведений, текстов, списков. Каждая из текстологических работ обычно освещает лишь кусочек из общей картины. И таких «кусочков» подобрано очень много. Довольно неожиданные текстологические связи разных памятников прослежены, например, в работе В. П. Адриановой-Перетц о «Житии Дмитрия Донского» (ТОДРЛ. Т. 5) и в работе Д. С. Лихачева о литературной судьбе «Повести о разорении Рязани Батыем» («Исследования и материалы по древнерусской литературе». М., 1961). Однако капитального труда, охватывающего всю текстологическую историю древнерусской литературы хотя бы в важнейших связях, не создано. И думается, что узкотекстологический обобщающий труд по истории древнерусской литературы вряд ли появится. Ведь такой труд получился бы слишком формальным.

Ученые пошли по пути углубления текстологического подхода. Один из путей — своеобразное размельчение источника методами литературной поэтики. Когда исследователю становится ясно, насколько в целом оригинален текст, созданный древнерусским автором, то разнообразные элементы этого текста можно возводить к жанровым нормам и лингвостилистическим традициям средневековья. О жанровых и лингвостилистических особенностях произведений древнерусской литературы повествует большое количество научных работ; особенно много их вышло за последние три десятилетия. Появился и первый хронологический обзор явлений поэтики, выдержавший уже три изменявшихся издания, — высоко оцененная «Поэтика древнерусской литературы» Д. С. Лихачева (последнее издание — М., 1979).

С точки зрения поэтики история древнерусской литературы есть связанная история смыслоносущих жанров и приемов, порожденных и заимствованных древнерусской литературой. Специалисты по древнерусской литературе с энтузиазмом продолжают накапливать соответствующие наблюдения. Ср., например, коллективную монографию Сектора древнерусской литературы ИРЛИ «Истоки русской беллетристики» (Л., 1970).

Но чисто «формоведческий» труд по истории древнерусской литературы также вряд ли получится удачным. Нельзя не видеть, что старание возможно более полно и тонко дифференцировать и классифицировать литературные формы и приемы как минимальные содержательные элементы превращает ра-

боту в структуралистскую схему, в лучшем случае уводит к другим отраслям науки — к семиотике, теории информации и пр., но мало что дает собственно истории литературы. Ни текстология, ни поэтика не могут сами породить фундаментальную историю древнерусской литературы.

После работ академика А. А. Шахматова ученые особенно остро поняли, что текст памятника надо обязательно связывать с сознанием древнерусского автора. И факт заимствования текста или литературной формы, и факт возникновения оригинальных текстов или форм в памятнике — все это можно объяснить целями, мыслями и чувствами древнерусского автора. Так действительно можно углубить текстологический подход и выйти за пределы замкнутого круга текстов и их элементов. Недаром и «Текстология», и «Поэтика» Д. С. Лихачева гораздо шире их заглавий; Д. С. Лихачев неизменно доводит данные текстологии и поэтики до объяснений из области сознания древнерусских авторов¹. Без подобных объяснений не обходится сейчас ни одна серьезная текстологическая работа.

В настоящее время именно богатейшая история идей кладется в основу обобщающих трудов по истории древнерусской литературы. Одних исследователей интересуют преимущественно логические, сформулированные доктрины древнерусских писателей (см., например, работы Я. С. Лурье, А. Н. Робинсона). Другие филологи склонны заниматься стилистикой, искусствоведением в широком смысле, исторической психологией, то есть образно-эмоциональными представлениями и настроениями древнерусских авторов, читателей и целых общественных групп Древней Руси (см., например, серию коллективных монографий Группы древнерусской литературы ИМЛИ о русской старопечатной литературе). Некоторые историки древнерусской литературы расширяют базу наблюдений за счет изучения памятников изобразительного искусства (см. особенно работы Д. С. Лихачева) или явлений древнерусской культуры вообще (работы А. М. Панченко). Ряд молодых историков древнерусской литературы проявляют вкус к прослеживанию идейных связей Востока с Западом (в том числе, по вопросу о существовании барокко в литературе Древней Руси). Наука вплотную подошла к реальной возможности составления глубокой «идеоведческой» истории древнерусской литературы. Путь в этом направлении проложен выдающимися книгами опять-таки Д. С. Лихачева «Человек в литературе Древней Руси» (2-е изд. М., 1970) и «Развитие русской литературы X—XVII веков. Эпохи и стили» (Л., 1973).

¹ Сейчас Д. С. Лихачевым подготовлено второе издание «Текстологии». В связи с этим Д. С. Лихачев 3 февраля 1982 г. писал мне: «В своей “Текстологии” я всячески выступаю против формализма, текстология у меня превращается в историю литературы, или в литературную (идейную и текстовую) историю».

«Идееведческий» труд по истории древнерусской литературы обладает высокой степенью синтетичности, так как аккумулирует данные текстологии и поэтики, втягивает в свою орбиту синтетические источники, принадлежащие одновременно и истории литературы, и истории театра (например, пьесы в их постановке), и истории изобразительного искусства (например, тексты на иконах или миниатюры с подписями), и истории декламации (например, речи). И все-таки «идееведческую» историю нельзя отождествлять с фундаментальной историей древнерусской литературы. Оригинальное начало в авторских идеях, представлениях, отношениях к действительности, не сводимое к повторению чужих идей, конечно же, нужно объяснять явлениями социально-политической действительности. Только так достигается подлинный историзм в изучении произведений древнерусской литературы как органической части жизни общества, историзм, о котором в недавно вышедших работах немало пишет Д. С. Лихачев: см. раздел в его книге «Литература — реальность — литература» (Л., 1981) и его статью в коллективной монографии «Взаимодействие наук при изучении литературы» (Л., 1981). Но надо прямо признать: при огромном многообразии и многоуровневости явлений социально-политической действительности, воздействовавших на древнерусскую литературу, при недостаточной обследованности этих явлений историками законченно «историческую» историю древнерусской литературы создать пока очень трудно.

Но, допустим, мы прошли все указанные этапы изучения литературного источника — от его текстологии и поэтики до исторического объяснения идей и представлений его автора. Что же, теперь нам останется спокойно собрать воедино аналогичные наблюдения над другими источниками, и вырастет желаемая фундаментальная история древнерусской литературы? Как бы не так! В творчестве многих древнерусских писателей нередко вычленяются и такие идеи, представления и настроения, которые непосредственно не адекватны социально-политической действительности. Это именно образы, результат деятельности писательского воображения и чувства. Когда, например, Аввакум в своих сочинениях изображал черта по-бытовому надоедливом, то в таком необыкновенном для Древней Руси образе воплощалось и собственно художественное творчество Аввакума; причину этого надо искать в типе его литературного творчества, наконец, в его способностях, характерологических чертах.

Из специалистов по древнерусской литературе мало кто доходил до личностно-психологических объяснений; пожалуй, только академик В. В. Виноградов в своей ранней, но, можно сказать, гениальной статье о языковой психологии Аввакума в сборнике «Русская речь» (Пг., 1923. Т. 1). Психологический (точнее, семантический) подход помогает раскрыть художественное ядро или художественную сторону древнерусских литературных памятников, нетрадиционный

образный смысл слов и выражений, а, в конечном счете, поможет создать труд не по истории литературы вообще, а по типологии литературного творчества и по истории именно художественной литературы в Древней Руси. Вот когда чрезвычайно пригодятся данные о биографии древнерусских писателей, их социальном окружении, их участии в общественной жизни и т. д. Тогда же встанет вопрос о задатках, нейрофизиологических особенностях писателей, отразившихся в их сочинениях (ср. работы Л. С. Выготского, А. Р. Лурия, тбилисской школы психологов). Но это для нас уже слишком отдаленное будущее...

В настоящий момент мы можем заключить следующее: труд по фундаментальной истории древнерусской литературы нельзя создать законченным раз и навсегда; неизменно будут открываться не только новые факты, но и новые важные перспективы изучения литературы. Суть фундаментального подхода состоит в охвате всей известной нам в данный период системы источников и всей прояснившейся системы их объяснений. В настоящий период для составления фундаментальной истории древнерусской литературы, по нашему мнению, первоочередную важность имеет изучение древнерусских сборников, раскрытие художественных представлений древнерусских писателей, определение настроений общественных слоев Древней Руси. Созданный многолетними коллективными усилиями фундаментальный труд по истории древнерусского литературного творчества будет иметь не только научное, но и общественно-просветительное значение.

1985 г.

ЧТО ДЕЛАЕТ ЛИТЕРАТУРОВЕД С ДРЕВНЕРУССКИМ ПРОИЗВЕДЕНИЕМ

Вашь бо умъ есть языкъ, и при устнахъ смыслъ
«Александрия»¹

Уяснение своего опыта — дело специфическое, личное, не хочется навязывать его другим исследователям, особенно фактографам, но посоветоваться по поводу научной методологии, наверное, можно — с теми, кто интересуется эстетикой древнерусской литературы. Лучше быть конкретным, опереться на конкретное произведение и на избранные задачи его изучения. Это произведение — «Повесть временных лет», а изучается лишь одна его сторона — повествовательная манера создателей этой летописи, семантика их произведения, их мироощущение.

Очередность задач по изучению семантики памятника и взглядов автора представляется следующей.

Все начинается с текстологии. Летопись формировалась почти век, у нее было много авторов и редакторов, известных и еще не известных нам, и литературовед рассчитывает на работы текстологов, которые растолкуют, каких авторов и какие их тексты следует изучать по отдельности. Достижения тут классические, и все-таки постепенно утрачивается надежда на быстрое подспорье текстологии. Да, к примеру, Никон и Нестор были разными людьми, и летописные произведения у них получились разные, однако текстологические пласты летописи можно уточнять до бесконечности, положить на это всю жизнь, а текстологический «рельеф» «Повести временных лет» так и останется неотчетливым. Литературоведу не хочется отложить свои интересы и ждать, он находит выход в том, чтобы считать составителей летописи неким собирательным летописцем с едиными эстетическими принципами, и, кажется, не ошибается, — такой подход уже проверен.

Теперь можно приступить к главному делу — к герменевтике, то есть к истолкованию произведения и повествовательной манеры древнерусского писателя. Есть опасность сбиться с объективного академического исследования семантики памятника на капризную критику или на модернизирующую журналистику, если не выставлять своим безусловным судьей древнерусский текст и педантичный учет всех фактов, содержащихся в тексте.

¹ *Истрин В. М.* Александрия русских Хронографов: Исследование и текст. М., 1893. Приложения. С. 112.

Древнерусский текст подсказывает три направления герменевтической аналитики. Одно направление: надо правильно понимать оттенки значений слов и выражений в древнерусском произведении. Например, какой круг значений содержали в летописи слова «смысленный» или выражение «люди новые», с чьей стилистикой связывалась фраза «испроверже зле живот свой», и т. д. Литературоведы обычно не занимаются такими вопросами специально, это сфера не их профессиональной деятельности, поэтому они полагаются на работы историков русского языка или историков общественной мысли, но чаще — на свою начитанность в памятниках, потому что лингвисты и культурологи приготовили ответы далеко не на все вопросы, которые встают перед литературоведом в каждый данный момент. Конечно, можно увлечься изучением системы понятий отдельного древнерусского автора или произведения либо углубиться в семантику того или иного слова, в категориально-философские дебри, но важна мера, а литературовед все же сторонится лингвистической и терминологической герменевтики, иначе он не дойдет до своего главного дела.

Второе направление герменевтических исследований литературоведы выбирают чаще всего: изучают характеристики различных объектов в тексте у автора, смысловые оттенки характеристик, то есть писательские идеи, темы и мотивы в древнерусском произведении — частные и обобщающие, осознанные и не осознанные автором, — какие интересны исследователю. Например, какой представлена в летописи княгиня Ольга? А князя вообще? А человек вообще? А мир вообще? Тут огромное поле для новых разысканий по древнерусской, как говорят сейчас, картине мира.

Однако тот исследователь, кого интересует поэтика и больше того — история литературного творчества, выбирает третье направление — герменевтику повествовательных средств и форм, самых разных, от мелких, фразовых, до крупных, жанровых. Никто, кроме литературоведов, и не станет изучать семантику литературных средств и форм, их давно забытые смысловые оттенки. Так как перспективы и терминология этого герменевтического направления еще не очень ясны, то полезно сказать о нем специально, хотя и конспективно, а в качестве примера опираться на наблюдения над «Повестью временных лет».

Предлагаемая система эстетического изучения памятника четырехступенчатая: форма — семантика — мировоззрение — тип творчества. Кратко по этому поводу скажу следующее.

Форма. Исходный материал для герменевтики литературной формы появляется, когда обнаружены особенности ее структуры. В «Повести временных лет» можно выделить обыденное, но тем не менее примечательное повествовательное средство: летописец постоянно перечислял составные части того или иного целого, того или иного явления. Структурная особенность летописного

перечисления такова: в перечнях на одну и ту же тему летописец упорно повторял один и тот же первый элемент, а прочие перечисляемые элементы у него обычно не имели устойчивого места.

Так, когда летописец перечислял стороны света, то первым, как правило, указывал восток. В космогонических перечислениях (земля, луна и пр.) первым элементом выступало небо. Если речь шла о славянских племенах, то первыми представляли поляне, а если летописец говорил, так сказать, о международных объединениях, то перечень открывали обычно варяги. При перечислении предков первыми упоминались «отцы», а не «деды». У человека как существа первым обозначалось тело и лишь потом — душа. Из пищевых припасов первым называл летописец хлеб. Перечисления воинского снаряжения начинались с «оружия», перечни даней и трофеев — со «злата». При перечислении качеств прежде всех отмечалась «великость» объекта и т. д. и т. п. (подробнее, с развернутыми доказательствами, см. в данной книге работу «О типе литературного творчества составителей “Повести временных лет”»).

Семантика. Теперь исследователю необходимо заняться семантикой повествовательной формы, объяснить склонность летописца к повторению первых элементов в своих перечислениях. Объяснение, по-видимому, такое: первым летописец называл то, что считал главным. Текст летописи и эпизодические замечания летописца подтверждают, что, действительно, летописец выделял как главную составную часть, например, из сторон света — восток, из космогонических объектов — небо, из славянских племен — полян, из пищи — хлеб, и пр.

Мировоззрение. Изучение семантики даже одной литературной формы выводит на широкие обобщения о семантике всего произведения, о специфике летописного повествования, о литературной манере летописца, его взглядах, излюбленных мотивах и ассоциациях. Оказывается, опора на что-то одно, главное, являлась единым принципом повествовательной манеры и мировоззрения летописца, повлиявшим не только на перечисления, но и на другие повествовательные формы в летописи — на различные характеристики и описания, в том числе, и на противопоставления: в центре внимания летописец каждый раз держал один, с его точки зрения, главный признак объекта.

Тип творчества. Если за темами и мотивами произведения кроется авторская картина мира, авторское выделение неких качеств мира, то литературные средства и формы выдают авторское отношение уже к структуре мира. «Структурное» мироотношение автора, в данном случае, летописца XI — начала XII в., позволяет определить тип его литературного творчества: тяготение летописца к выделению главного в явлениях, но без отчетливой иерархии всего остального, указывает на архаичность летописного повествования.

Архаическая литературная манера летописца выделять только главное, тем не менее, не уходила в глубокую древность, а, вероятно, только-только сложилась: система летописных перечислений не имеет широких аналогий в более ранних памятниках, а в летописи все время колеблется. Главные, первенствующие, повторявшиеся элементы летописец отбирал как придется — по самым разнообразным основаниям: первым называл то самое крупное, большое, заметное, то самое значимое, ценное, сильное, то самое существенное, определяющее, обобщающее, то нечто старшее, начальное, исходное, подготовительное и т. д. Кроме того, летописец так и не определил безусловно первый, главный элемент состава многих и многих объектов, и последовательность элементов в летописных перечислениях варьировалась тоже нередко.

Перспективы. Перечисления «Повести временных лет» составили всего лишь эпизод в огромной и богатой истории древнерусской литературной архаики. Дальше можно увидеть следующие перспективы для исследования: у древнерусской литературной архаики было много признаков и еще больше истоков в мировой литературе. Их надо изучать, но какому специалисту? К сожалению, литературовед-русист не может полностью превращаться в «традициеведа», он становится им от случая к случаю и вынужден работать поверхностно, особенно когда касается традиций других средневековых литератур. Исторически настроенный литературовед может сократить свое пребывание в мире литературы и сразу перейти к объяснениям, например, семантики перечней, огромных миров внелитературной реальности. Так, летописная манера характеризовать целое по его главной части, наверное, может быть объяснена общественной привычкой держаться за главное, отстраняя второстепенные детали, в культуре, искусстве, эстетике, идеологии и практической жизни начала XII в. Широка возможная картина, но она еще не воссоздана, с ней не справится литературоведу в одиночку, без встречных работ историков, культуроведов и философов, а попытка подменить собою всех специалистов или, например, систематизировать выводы только чужих работ, не вдаваясь в текстовые факты, приводит к псевдообобщениям, к которым особенно склонны разного рода любители. Настоящая стыковка наук все еще впереди, литературоведу же пока приходится в основном пребывать в своей области.

Более уверенно чувствует себя литературовед, когда за объяснениями обращается, как он думает, к психологии древнерусского автора, вернее, к психологии групп авторов, связанных одним делом и близких по времени, вроде составителей «Повести временных лет». Наверное, увлекательно порассуждать, например, об установке или воображении летописца, однако все это своего рода самообман, потому что ни у литературоведа, ни у психолога нет прямых психологических свидетельств относительно натуры и способностей летописца, а

живых лабораторных данных получить о древнем авторе вообще невозможно. Литературовед, как оказывается, употребляет психологическую терминологию в литературоведческом смысле и в действительности ведет речь о смысле текста, о тех же оттенках смысла, об авторских темах и мотивах, формах и средствах, писательской манере повествования, в конце концов — о писательском мироотношении, умонастроении.

Пока самое плодотворное для «древника» с эстетическими запросами — это продолжать заниматься повествовательной манерой писателей, древнерусской картиной мира и древнерусским отношением к структуре мира, а отсюда — историей типов литературного творчества как самых крупных частей истории литератур. Категория «литературное творчество» — самая синтезирующая: она интегрирует идеологию и поэтику, текстологию и стилистику и пр. Широта задач побуждает постоянно держать в памяти предупреждение самому себе: скудоумие и малодоказательность — главные враги исследования. Надо общаться и советоваться... и перечитывать произведения в поисках их литературного, образного, художественного, эстетического смысла. Сначала — впечатления от памятника, потом — мысли о нем, а доказательств — однозначных, прямых и полных — увы, не хватает...

1999 г.

V

ФАКТОГРАФИЧЕСКИЕ ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЯ К РАЗДЕЛУ О ПИСЬМОВНИКАХ

СОДЕРЖАНИЕ

Приложение 1. Тексты письмовников

Правила публикации	571
«Неозаглавленный письмовник»	574
II редакция (основной список — РНБ, собрание Софийское, №1444) ..	574
III редакция (основной список — РНБ, Q.XVII.15)	576
Компиляции из образцов посланий (в разных списках)	579
«Посланием начало» (основной список — РГАДА, собрание Оболенского, № 51а)	580
«Азбучный письмовник»	588
По основному списку РНБ, Q.XVII.149	588
Некоторые образцы посланий, отсутствующие в основном списке	598
Послания литературного характера из письмовников	601
Послание-похвала Василию III	601
Послание-похвала Ивану Грозному	601
Отрывок о Смутном времени	602
Послание сына «от наготы гневнаго» (стихотворное)	602
Послание заключенному (стихотворное)	603
«Послание к звавшим, а самим себя дома не оказавшим» (стихотворное)	603
Разночтения	605

Приложение 2. Археографический обзор и стеммы списков письмовников

Правила описания	640
«Неозаглавленный письмовник»	641
Списки II редакции	641
Списки III редакции	642
«Посланием начало»	644
Списки I вида (минейные)	644
Списки II вида (формулярные)	644
«Азбучный письмовник»	646
Списки I вида	646
Списки II вида	647

Списки компилятивного вида	649
Списки XVIII—XIX вв.	650
«Каким образом писать и к кому письма»	651
Местные письмовники	653
Дополнительные сведения	656
Разные иные письмовники XVIII—XIX вв.	656
Письмовники, перечисляемые только по печатным описаниям российских и украинских хранилищ	659
Некоторые славянские и русские письмовники в европейских хранилищах	661
Стемма списков «Незаглавленного письмовника»	663
Стемма списков письмовника «Посланием начало»	665
Стемма списков «Азбучного письмовника»	666

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. ТЕКСТЫ ПИСЬМОВНИКОВ

Правила публикации

Публикуются: 1) тексты «Неозаглавленного письмовника», 2) тексты письмовника «Посланием начало», 3) тексты «Азбучного письмовника», 4) тексты неизвестных литературных посланий из письмовников.

Тексты передаются по правилам ТОДРЛ¹. Сделаем лишь следующие замечания. Наречия на -о пишутся слитно с существительными и прилагательными, но раздельно от глаголов и причастий («крепкостоятель», но «крепко стоиши»). Частица «же» пишется отдельно (кроме местоимения «иже» и частицы «даже»). Частица «не» пишется отдельно только от глаголов. Слово «имярек» пишется слитно.

Текст письмовника (или его редакции) приводится по основному списку с разночтениями по спискам XVI—XVII вв. Списки XVIII—XIX вв. отличаются только поздними разночтениями и поэтому к работе не привлекаются. Однако список РГБ, собрание Музейное, № 7066 является копией списка XVI в. и в разночтениях учитывается. При подведении разночтений списки привлекаются в той последовательности, в какой они перечисляются в Археографическом обзоре (см. Приложение 2).

Условные обозначения списков несколько отступают от общепринятых — буквенных. Причины этого следующие. Во-первых, списки письмовника часто находятся в одном и том же собрании. Например, в Софийском собрании есть два списка «Неозаглавленного письмовника» и два списка «Азбучного», в Синодальном собрании — три списка «Посланием начало» и т. д. и т. п. В этих случаях рядом с буквенным обозначением списка (по первой букве из названия собрания) придется употреблять и дополнительное цифровое обозначение (по номеру списка), что громоздко.

Во-вторых, очень часто совпадают первые буквы в названиях собраний, содержащих списки письмовников: Софийское и Синодальное; Уваровское и Ундольское; Барсовское, Большаковское и Беляевское и т. д. Большинство списков придется обозначать уже не одной, а двумя и более буквами, а некоторые — двумя буквами и цифрами. Это очень длинно.

Думается, более экономным и последовательным будет обозначение всех списков по первой букве из названия собрания и по первой цифре из номера списка (иногда по двум-трем цифрам, если первые цифры совпадают).

¹ См.: *Дмитриева Р. П.* Проект серии монографических исследований-изданий памятников древнерусской литературы // ТОДРЛ. Т. 11. С. 494 и сл.; *Лихачев Д. С.* Текстология: На материале русской литературы X—XVII вв. М.; Л., 1962. С. 497 и сл.

Тогда обозначения получают следующий вид: **A1** — БАН.16.17.29; **A2** — РНБ.СПб.Дух.Ак.270; **A4** — РНБ.СПб.Дух.Ак.430; **A5** — БАН.Арх.Д.527; **B1** — ГИМ.Барсов.181; **B3** — РГБ.Большак.38; **B5** — РГБ.Беляев.56; **34** — ГИМ.Забелин.456; **K1** — Калинин.пед.ин-т.1(29); **Q14** — РНБ.Q.XVII.149; **Q15** — РНБ.Q.XVII.15; **Q19** — РНБ.Q.XVII.192; **Q3** — РНБ.Q.XVII.305; **Q5** — РНБ.Q.XVII.50; **M1** — РГБ.Муз.1842; **M7** — РГБ.Муз.7066; **H4** — БАН.Никольск.45; **O51** — РГАДА.Оболенск.51а; **O58** — Одесск.науч.б-ка.582а; **O9** — РНБ.ОЛДП.Q.96.6; **П1** — РНБ.Погодин.1606; **P1** — РГБ.РО.101; **P9** — РГАДА.РО МГАМИД.914; **C144** — РНБ.Соф.1444; **C145** — РНБ.Соф.1454; **C148** — РНБ.Соф.1480; **C15** — РНБ.Соф.1546; **C18** — ГИМ.Соф.Син.183; **C5** — ГИМ.Син.562; **C7** — ГИМ.Син.791; **C9** — ГИМ.Син.997; **T2** — РГБ.Троиц.297; **T3** — РГБ.Тихонр.380; **T6** — БАН.Тек.613; **T8** — ГБЛ.Троиц.808; **У1** — РГБ.Унд.1842; **У6** — ГИМ.Увар.616; **У84** — ГИМ.Увар.848; **У87** — РГБ.Унд.876; **F1** — РНБ.F.III.126-125; **F2** — РНБ.F.XVII.23; **Ш4** — РГБ.Шибан.431.3; **Щ43** — ГИМ.Щук.433; **Щ46** — ГИМ.Щук.468.

Далее. Отступления от общепринятого допущены в примечаниях с различиями. Дело в том, что состав каждого письмовника в списках очень нестабилен. Одно и то же послание-образец встречается не во всех списках письмовника. Нередко разночтения к разным образцам посланий в одном и том же письмовнике подводятся по разным спискам. Поэтому текст основного списка письмовника целесообразно давать целиком, но пронумеровав все образцы посланий и соответственно при подведении разночтений подходить к каждому образцовому посланию как в какой-то степени отдельному произведению; оттого в примечаниях указываются номер и списки у каждого эпистолярного образца.

В нумерации разночтений тоже приходится применяться к материалу. В письмовниках целесообразнее иметь самостоятельный счет разночтений для каждого образца послания. Нумерация проставляется в конце слова или охватывает начало и конец выражения, но не относится к знакам препинания. Например: учитель²²; ²⁸ превелик разумом²⁸. В примечаниях эти разночтения соответственно обозначаются: ²²; ²⁸⁻²⁸. Однако и такая система требует видоизменений, когда характер текстов резко меняется. Мелкие образцы посланий «Азбучного письмовника» имеют разночтения почти к каждому слову. Поэтому здесь удобней ставить надстрочную цифру сплошь после каждого слова и, следовательно, избегать охватывающего обозначения разночтений к тому или иному выражению. Например, выражение: превелик¹⁷ разумом¹⁸. Разночтение выражения обозначается: ¹⁷⁻¹⁸.

Наконец, об отборе разночтений. Приводятся смысловые, стилистические и грамматические разночтения (то есть разные слова и разные морфемы). Из грамматических разночтений не отмечается очень частая в списках путаница

окончаний родительного, дательного, винительного и творительного падежей единственного числа женского рода прилагательных и причастий (как правило, это не имеет смыслового значения). Не приводятся орфографические разночтения (варианты морфем), но все-таки некоторые орфографические разночтения указываются: 1) если они четко распределяются по группам списков, 2) если список содержит явное поновление окончания, 3) если в списке последовательно отражается разговорное произношение или намеренная архаизация орфографии, 4) если описка, ошибка в написании позволяет подозревать переосмысление слова, 5) если описка в данном слове повторяется в списке неоднократно.

Разночтения приводятся в виде особого раздела после всех текстов письмовников.

Неоаглавленный письменник

СПИСКИ I РЕДАКЦИИ НЕ ДОШЛИ

II РЕДАКЦИЯ «НЕОЗАГЛАВЛЕННОГО ПИСЬМОВНИКА»

Основной список — С144.

Разночтения — Q3. Разночтения A2 не приводятся, так как это копия С144.

Нумерации образцов посланий нет в списках.

(л. 447 об.) 1. **Послание к князю.** К пречестному, и боговенчаному, и Богом хранимому, благочестному, иже в всякой чести роженному, благоверному, и христоролюбивому, и господем Богом возлюбленому великому князю имярек челобитье до лица земь // (л. 448) наго и моление. Мы, худии и недостойнии, аще и многими грехи обложени, но обаче молим господа Бога и того пречистую Матерь о многолетии живота и здравии святаго ти царства, и великаго господства, и державнаго, и славнаго, велика ти княжения, еже призрети к нам, и присетити, и ущедрити, и помиловати, наставляем от вышняго царя, яко той щедр и милостив есть, всем молящимся, приходящим к нему благоутробие свое подает. О сем воспоминаем. Всеблагий Бог в святых¹ да умножит лета летом живота твоего, и да украсит // (л. 448 об.), и възвысит, и удръжавит великое ти царство, и мир глубок и неотъемлем дасть ти господь Бог, и покорит под нозе твои всякого врага и супостата.

2. **Послание к властелину.** Благородному, и Богом почтенному, и Богом възлюбленому, и украшеному в добрых делех христианства молебник Божий онъсица метание. Молю иже в Троици славнаго¹ Бога и того всенепорочную Матерь, яко да пребывает господство ти в милости Божии и господина царя или князя, тако же и сужительницею господствовать² и бо // (л. 449) годарованными ти чады*. О сем воспоминаем.

3. **Послание к¹ владыце².** Преосвященному, и пречестному, и Господемъ избранному, апостолом сопрестолнику,³ учителем съпричастнику³, пастырем истинным единомысленик, и⁴ мног⁵ в мудрости⁶, и множайшему в смирении, доволному в наказании, изящному в утешении, высокому в разуме и в смиреномудрии,⁷ многым и великим архиереем слава, царем же, и князем, и всем людем похвала и величие, нам же грешным^{7 8} заступник, и помощник, и покровитель, и посетитель, // (л. 449 об.) яко сый пастырь словесных овец⁸ Христова стада,⁹ Богом поставленому, сице вящшему⁹, иже¹⁰ ради великий пастырь,

* Слово над строкой.

владыка¹¹ же и Господь кровь свою излиа¹², моему възделенному владыце, отцу и ¹³святому господину¹³ имярек, метание владычеству ти до лица земли¹⁴. ¹⁵Мы, худии и недостойнии, молим, приступающе величеству твоеа святости, нужу бо некую имуще, принужаем твою святость помощи нам о души и телеси. Обычай есть пресвященному ти разуму, святым духом благой твоей съвести. На память възлагаем, еже есть се¹⁵. ¹⁶Благый же Бог да сподобит // (л. 450) нас, грешных и недостойных¹⁶, ради великих и¹⁷ божественных ти¹⁸ молитв получи-ти ¹⁹оставление грехом¹⁹ в день Страшнаго суда.

4. Послание ко игумену¹. В пречестную обитель святаго имярек отцу отцемь, пастырю ограды великаго храма имярек радоватися о Господе. Аще и недостойни есмь, но обаче уповаем и молим господа Бога и того всенепорочную Матерь, съюза ради любве влекущая ны, иже пребывати твоей святости и всегда в всяком просвещении душевнем и телеснем. Яко же уповаем, тако и глаголемь. И по сугубому ти человеку просвещену быти. Имуще ти о нас // (л. 450 об.), грешных, молитися, и всегда прощати нас, и покрывати твоими святыми молитвами. И твоего стада не отлучай любве ради, данныя ти свыше святым Духом. К сему же ведомо буди святыни ти. О сем же нам слово. Господь же Иисус Христос твоих ради святых молитв да сподобит нас присно в деяниих и делех благих о твоей святыни всегда слышати всяка угоднаа и полезнаа, нам вкупе по предпеванию единомыслено простиратися к царьству Христову. Аминь.

5. Послание иже в власти чернцу. Иже в велицей чести и благодати святаго Духа живу // (л. 451) щему, всечестнейшему, и достойнопочтенному, и преукрашенному, в иноцех¹ же преподобнейшему старцу имярек, онсица смирение метание честному образу твоеа святости. Многим си достоинством и отягченою леностию съдържим, но обаче дерзаю и ** молю всещедрого и благога Бога и того пречистую Матерь, о еже целу быти, и здраву, и исполнену дний благих твоему преподобию, яко ²да по² данной ти благодати³ простирати к нам, нищим, о добродетели слово Божие, яко же лепо есть и достойно. Аз же, аще в мнозе унынии и слабости // (л. 451 об.) духовней, вешне преминую сию жизнь, Богу благоволящу преходя, аще ли и отъинудь недостаточен есмь. И Бог смирения, и любве, и благодати да не лишит мя святых ти молитв.

6. Послание к велику старцу. Преподобнейшему, и всечестному, наипаче добродетелию преукрашенному, мне же всяко¹ възделенному отцу и господину старцу кир имярек, смиренометание с любовным харатиписанием честному образу твоеа святости, отче, онсица. Прочее же молю твою всекрасную свя-

** Слово над строкой.

тость и еже к нам превъжделенный твой образ неуклонен быти еже к мо // (л. 452) ей худости посещением² и молитвою святою. Бог смирения помощник и покровитель купно тебе и мне да будет. Аминь.

III РЕДАКЦИЯ «НЕОЗАГЛАВЛЕННОГО ПИСЬМОВНИКА»

Основной список — Q15.

Разночтения — У1, М7, С145, Т6, С5, А4, Т3, А5.

Нумерации образцов посланий нет в списках.

(л. 381) **1. Послание к митрополиту или к епископу**¹. Иже по божественней² благодати обладающему³, из чрева⁴ матерья освященному и избранному от⁵ божественна благодати⁵ в еже быти наставнику и учителю, реку же, и пастырю прославленнаго⁶ и Богом покрываемаго⁷ града⁸ имярек, в еже проповедати евангелие Божие и⁹ еже¹⁰ благовестити¹¹ от добродетели¹¹ спасение и пленником¹² еже¹³ от бесов свобожение¹⁴, яко да сподобишия и ты сам паствы ради твоя услышати сладкаго¹⁵ оного гласа¹⁵: «Верный¹⁶ рабе и * добрый¹⁶, в мале бысть верен, // (л. 381 об.) над многими тя поставлю». Освященна главо¹⁷, прещедраго¹⁸ и милостиваго Бога¹⁹ и ветхаго деньми моля, яко иже под тобою богоданное²⁰ ти стадо възможеша упасти и извести²¹ на пажити в²² пребывание благых овец²², иде же глас его²³ слышится и познавается²³, яко же²⁴ сподобился еси благодатию Христа его и подаанием святого Духа быти²⁵ пастырь и наставник²⁵, реку же, и строитель²⁶ места того²⁶. Смея и не смея²⁷, въсприношу твоему²⁸ владычеству, грешный онъсица, смиреннометание²⁹, яко же подобает и достоить честному образу твоя святости, // (л. 382) до лица земнаго, и прошу еже³⁰ от тебе³¹ помощь³² и благодаание³³, и еще³⁴, да ми простиши и³⁵ да ми не зариши. Въспомановению конецъ. Всеблагый же³⁶ Бог³⁷ в благых да сътворити молитвы святого ти величества³⁸ действены яже³⁹ о нас. Аминь.

2. Послание к¹ митрополиту от епископа. Иже божественною² благостию изъявленному² в достоинство апостольскаго жребиа, и в бодрости настояй³ Богом порученному⁴ ти таланту, и иже о нем⁵ духовными трудяся поты⁵, яко да же⁶ и о того сугубстве⁷ сподобишися⁸ оного спасенаго⁹ гласа: «Благый рабе вер // (л. 382 об.) ный». Иже¹⁰ по сем, святейшему архиепископу богоспасенаго¹¹ града¹², отцу ми¹³ и господину имярек, ¹⁴от Бога порученнаго¹⁴ ти¹⁵ порождения в церковное ти¹⁶ оправдание, малейший¹⁷ и смиренный¹⁸ владычества ти¹⁹ епископ Божии²⁰ церкви града²¹ имярек в благодарении²² припадаю²³ святости владычества ти²³. Конецъ²⁴. Молить же тя²⁵ наше недостаточество твоя святости о

* Слово над строкой.

Христе съвършенне²⁶ помянутися и²⁷ нам в священных ти молитвах. Святости²⁸ твоя и²⁹ любочадиа благый нрав любопоминаетелне знаменаеть нам³⁰ ³¹в сий час³¹ никако же мимо текати забвением твоя свято // (л. 383) сти³² еже к нам любочадныа любве³³. Господь просвещение и³⁴ в веку хранитель. Аминь³⁵.

3. **Послание к¹ царю ²или³ князю².** Благородному⁴, боголюбивому⁵, ⁶и Богом почтенному, и Богом возлюбленному⁶, самодержавному, и превысокому, и⁷ благоверному⁸ государю⁹ ми¹⁰ царю¹¹ или государю¹² ми князю имярек¹¹, метание царству¹³ или господству. Аще и многими¹⁴ грехы¹⁵ обложен есмь¹⁶, обаче молю ¹⁷господа Бога¹⁷ и ¹⁸того пречистую¹⁸ Матерь о многолетьи, и¹⁹ животе²⁰, и²¹ здравии²² святого царства ²³или великого²³ ти²⁴ господства²⁵. И²⁶ о сем воспоминаем²⁷ царству ²⁸ти или²⁸ господству ти²⁹. Конець. Всеблагый ³⁰Бог в благых³⁰ да умножит³¹ // (л. 383 об.) лета летом святому³² ти царству³³ и³⁴ великому³⁵ ти³⁶ господству³⁷ ³⁸и с твоею благоверною великою княгинею и с благородными ти чады³⁸.

4. **Послание к¹ властелину².** Благородному, и Богом почтенному, и Богом възлюбленому³, украшеному в⁴ добродетелех христианства⁵ имярек ⁶молебник Божий господства ти оньсица имярек^{7,6} метание⁸. Молю иже в Троици славимаго Бога⁹ и того всенепорочную Матерь, яко да пребывает господство ти в милости Божии и¹⁰ господина царя или господина князя¹¹, тако¹² и¹³ с жителницею¹⁴ господства ти и с благородными¹⁵ чады¹⁶. Конець¹⁷. // (л. 384) ¹⁸Всеблагый Бог в благых да уможить¹⁸ лета летом господства¹⁹ ти. Аминь.

5. **Послание ¹властелина калогером¹.** Иже в велицей чести и благодати пресвятаго Духа живущему, всечестному, и достойнопочтенному², и преукрашенному, в иноцех же³ преподобному⁴ старцу кир⁵ имярек⁶, ⁷грешный онсица⁷ смиреннометание⁸ честному образу твоя⁹ святости. Многим си¹⁰ недостойнством¹¹ и отягченою леностию съдръжим¹², дерзаа¹³, молю всещедрого и благаго бога ¹⁴Исуса Христа¹⁴ и того пречистую Матерь, о еже целу быти¹⁵, и здраву¹⁶, исполнь¹⁷ дний благых твоему преподобию, яко да по да // (л. 384 об.) нней ти благодати простирати к нам, нищим, ¹⁸от добродетелей¹⁸ ¹⁹слово Божие¹⁹, яко же ²⁰лепо есть²⁰ и достойно²¹. Аз же, аще и²² в мнозе²³ унынии, ²⁴и лености²⁴, и слабости духовной, но и еще ²⁵временную²⁶ жизнь²⁷ Богу благоволящу²⁸ проходя, в мнозе²⁹ же³⁰ ми сущи³¹ еже ³²в гресех³² печали³³ закоснех³⁴. Многовжеленное ми желание³⁵ и³⁶ нескудно³⁷ известити си³⁸ о святых ти³⁹, где и ⁴⁰како еси⁴⁰, поне же⁴¹, отнели же сподоби⁴² мя Бог познати ⁴³святых ти⁴³, любовную память нескудно⁴⁴ имам к святых ти, аще⁴⁵ отнудь недостаточен есмь. Конець. И⁴⁶ Бог смирения, и любви, ⁴⁷и благодати⁴⁷ да⁴⁸ не лишитъ мя святых ти⁴⁹ молитв. Аминь.

6. Послание ¹к старцу великому¹. // (л. 385) Преподобному, и всечестному, и² наипаче добродетелию украшенному, мне же всяко възжеленному отцю, и господину, и³ старцу кир имярек, смиренометание⁴ с любовным порадованием честному образу твоея святости от чада святыни ти онсица имярек⁵. Аз же, аще и в мнозе унынии, и нерадении, и слабости духовней, но и⁶ еще временную сию жизнь Богу благоволящу проходя, в мнозе же⁷ сущи⁸ в гресех печали закоснех благодарение⁹ възблагодать послати твоей святости, поне¹⁰ же обретох любви знамение в освященной твоей души ¹¹еже к нашей худости¹¹. Но¹² аще и закоснех, молю тя, презри, по // (л. 385 об.) не же не¹³ нерадением бысть, но скудости ума и временным недостижеством. Прочее же молю твою ¹⁴красную старость¹⁴ и ¹⁵иже нам вжеленный твой образ неуклонен быти¹⁵ еже к моей худости посещением и молитвою твоею¹⁶ благою. Конець. Всеблагый Бог¹⁷ да сътворит твоя молитвы действены яже¹⁸ о нас. Аминь¹⁹.

7. Послание к брату. Всечестному и духовне изрядному господину и брату¹ кир имярек оньсица, метание творя² твоей святыни с духовным и обычным порадованием, молю всех творца ³бога Иисуса Христа и пречистую Богородицю³, аще и недостаточен есмь на се⁴, обрести святыню твою⁵ моего смирения / / (л. 386) писанию⁶ по обоему здравствующа. И аз покровом⁷ и милосердием Господним ⁸и пречистыя Богородица⁸ и молитвою твоею⁹ жив есмь телесне. ¹⁰Аще же есмы телом разны, но духом вкупе¹⁰. Конець. Господь молитвами святых отец помощник и покровитель купно тебе и мне да будет. Аминь¹¹.

8. Послание ¹о съпротивном¹. Научен есмь от Христа не бояться от убивающих тело², душу же не могущих убить, аще³ взятием имени претять⁴. Наг изыдох из чрева⁵ матере моея, наг⁶ и⁷ отиду тамо⁸. Ничто же ⁹несмь внесл⁹ в мир сей¹⁰, яве не изнести могу¹¹. Аще¹² ты не възмеш, и¹³ смерть пришедши¹⁴ възметь¹⁵ от мене. Аще бо мя ты не убиеш и сих мя лишиши // (л. 386 об.) , естственный закон нашедь¹⁶, принесеть смерть. Отсюду¹⁷ вся оставив, ¹⁸пойду тамо¹⁸. Да убо не боюся¹⁹ от естственных находящих, но²⁰ отвне²¹, яже от злаго ми пребывают²² изволениа²³, вечную муку ходатайствуют²⁴.

КОМПИЛЯЦИИ ИЗ ОБРАЗЦОВ ПОСЛАНИЙ
«НЕОЗАГЛАВЛЕННОГО ПИСЬМОВНИКА»

1. Единственный список — С145.

(л. 433 об.) **Послание к архиепископом.** Иже божественною благодатью известованому, ис чрева матерня освященному в достояние апостольскаго жребиа, Богом врученному ти таланту, о нем потя духовными трубы, но еже проповедати Божие евангелие, наставнику и учителю, во еже // (л. 434) благовестити нищим о добродетелей спасение и пленником еже о Бозе освобождение, яко да сугубы сподобишися от него спасителнаго гласа: «Благый рабе верный». И, освященная главо, прещедраго и милостиваго моля Бога, яко же под тобою врученное ти стадо възможеши упасти и извести на пажити в пребывание благых овецъ, иде же глас его слышится и познает, яко же и сподобилъся еси благодатью Христа его и исповеданием святаго Духа. Иже по сем, святейшему архиепископу богоспасенаго града и всея вселенныя, от Бога поданнаго ти нас порождения в церковное оправдание, малейший и смиренный владычества ти сын и епископ Божиа церкви и града в благодарении припадаю святости владычества ти. Конецъ. Всеблагый иже Бог еже в благых сътворит молитвы святости владычества // (л. 434 об.) действены еже о нас. Аминь.

2. Единственный список — С5.

(л. 171 об.) **Послание от ученика к старцу о прощении.** Преподобному, и честному, и духовне изрядному, и смиренномудрому, к наченшему Божиим путем ходити, и совершившему святых отецъ заповеди, и к законоведающему, и святаа писаниа прочитающему добре, и ищущему царства небеснаго со всеми любящими Бога, и избранному от божественна благодати и одаянием святаго Духа, во еже быти нам наставнику, и учителю, реку же, старцю, и пастырю, священноиноку имярек, во еже проповедати нам евангелие Божие, во еже и благовестити нищим от добродетели спасение и пленником еже от бесов свожение... *
... свлеяв (!) и не смея, вприношу твоему благоразумному священству смиренное метание до лица земнаго страхом и любовию, яко же подобает и достоин образу твоей святости... **

3. Единственный список — А4.

(л. 46 об.) Второцарствующаго государства великаго и апостольскаго сопрестолника, иже по божестеней благодати обладающему, из чрева матерня

* Далее сходства с письмовником нет.

** Далее сходства с письмовником нет.

освященному, и избранному духа силы благодатию в достояние, во еже быти наставнику, паstryю же и учителю преславному Богом спасаемых градов великого Новагорода и Пскова. И не точию в своей христоробивей пастве, но и всюду должен еси произносным слова разумом проповедати евангелие Божие и славестити нищим от добродетелей спасение и еже от бесов свобожделение, зане щедротам и человеколюбием Божиим явственно в достоинстве апостольскаго жребия еси благовестник и в доброты торжества всеосвященныя купля во дворех дому Бога, насто... * о боговрученном ти таланте, еже о нем спотрудитися духовными по..., яко да до но (!) том сугубствено сподобишися сладчайшаго и божественнаго // (л. 47) ону услышати глас: «Благий мой верный рабе, в малем бысть верен, над многи ты поставлю, вниди в радость Господа своего». Тем же, верховный святителю... .. ово смея ово не смея, но обаче елика о Бозе вера сердцу и уму моему, тако вседушною си любовию собрався, яко... .. вода морская в мысли желаниа сердца моего, от яже ми веры... .. к твоему благообразному владычеству, раб твой имярек, яко же подобает и достоин образу святыни твоя, сиречь до лица земнаго. И прошу паки помощи отдания сему, да мя простить и ни же зазреть о сем твое преосвященное любомудрие... **

«Посланием начало»

Основной список — О51.

Разночтения — С1, С9, Б1, F2, Q5, С7, Щ46, А1, Н4.

Нумерации образцов посланий нет в списках.

(л. 604) 1. **Посланием начало**¹, егда хочещи кому послати: к вельможам или ко властным людям², — кому ся ни есть имярек³. Благочестивому, и христоробивому, и Богом почтенному, и Богом възлюбленному, от благоизбранна⁴ корени рожшемуся, и в закон⁵ от благодати воспитан бысть, в велицей чести живущему, по божественной благодети⁶ облагодаяющему⁷, многая премножества поборнику, и заступнику истиннаго православия, господину нашему⁸, не токмо⁹ господину, но и государю¹⁰ служебник твой имярек челом биет. Слышши¹¹ твое государское здравие, и яз, государь¹², премногою радостию радуюся и душею веселюся. Благодаряще¹³ благаго и¹³ всемилостиваго Бога о твоем государском здравии. А коли, государь, мне не лучится наборзе про твое государское¹⁴ здра-

* Многоочия здесь и далее обозначают, что текст в этих местах стерся или поврежден (отдельные слова).

** Далее сходства с письмовником нет.

вие слышити¹⁵, аз же¹⁶, государь¹⁷, аки корабль в волнах морских нужно бе¹⁸, но¹⁹ стражу бес кормника о твоем²⁰ государьском здравии.

2. ² **Иное¹ послание за вину², избрано от святых книг³.** Иже по божественной благодати обладающему, из чрева материя освященному⁴, избранному от божественныя благодати, всечестному святителю, ⁵ и избранному⁵ учителю, и⁶ пастырю, и⁷ истинному, и многому в премудрости, и множайшему ⁸ в смирении, доброму⁸ в наказании, и⁹ изящному в утешении, высокому в разуме, наипаче¹⁰ посетителю, ¹¹ и покровителю¹¹, и заступнику словесным овцам Христова¹² стада, их же ради Христос бог наш свою¹³ божественую кровь пролия, ¹⁴ государю священноначалному¹⁵ устройением господа нашего Исуса Христа, ¹⁶ сына Божия¹⁶, иже о святем Дусе Божиею милостию и святым собором избранному, и святейшему¹⁴ государю имярек, ¹⁷ смиренному архиепископу града имярек¹⁸, и многих градов¹⁷ правителю, и учителю православныя веры Христовы¹⁹ имярек челом биет. А сказывают²⁰ ми, господине, что по моим грехом гневаешися, господине²¹, на меня²². А ²³ яз, господине, до собя вины ныне не вем никаковы. Ино, господине, сам почитаешь²⁴ божественое писание, яко что²⁵ гнев люто есть зело и заклято святыми отци. Помниши ли, господине, как Яков, брат Господень²⁶, претит в своем послании²⁷ и речет: «Братиа моя възлюбленная, не прикасайтесь к²⁸ нечистоте, воздержите себе от гнева, яко всяк гнев раздражает сердце человеку, и погубляет корень благодати, и далече от собя отгоняет Дух святой. Гнев геону²⁹ огня будущаго възгнещает³⁰ и царства небеснаго лишает». Да попаметуй, господине, ³¹ прежнее речение³¹, что есмя³² говорили³³ живучи: было ³⁴ ваше жалование³⁴, и любовь крепкая, и дружба, коли есмя³⁵ жили в добре, а нынече³⁶, государи³⁷ мои, в беде суца³⁸ гнушаетея мене. Поне же, господине³⁹, ⁴⁰ апостол Павел⁴⁰ о⁴¹ таких дерзаа глаголеть: «Братиа, крепци⁴² будете разумом и тверди мудростию, не лститесь о суетах * человеческих, разумеите, яко Господь⁴³ владеет животом и смертию». К тому же и царь Давыд, господине⁴⁴, послушествует⁴⁵ и ⁴⁶ глаголеть⁴⁷: «С вечера плачь⁴⁸, заутра радость». ⁴⁹ Ин апостол глаголеть⁴⁹: «Господь богатит и убожит⁵⁰, Господь высит и смиряет». Возможе, господине, Бог ⁵¹ богата сотворити⁵¹ во убожестве и с нищими посадити. А нищаго возможе Бог⁵² богата сотворити, и ⁵³ взяти его⁵⁴ от гноища, и престол славы и царствия насладити⁵⁵. ⁵⁶ Видите, господа мои, и не прелщайтесь⁵⁶, яко все⁵⁷ есмь в руце Божии. А вы, ⁵⁸ господа мои⁵⁸, гнушаетея мною в беде суца. Воистинну Приточник глаголеть о человецех сих: «О прелестнии людие, доколе лститесь! Егда видите друга своего в славе живуца, тогда прилепляетея ему, и сладко⁵⁹ послушаете его, и главы своя полагаете за славные други». Аз же вам реку: негодно⁶⁰ есть, братиа, копати среди моря

* о суетах — написано дважды, затем зачеркнуто.

кладязя⁶¹, яко и тако множество воды имеет. Но подобно есть копати кладяз на земли безводный, тако да⁶² напоятся⁶³ людие. Тако и вы, господа⁶⁴ мои⁶⁵, помажьте главу мою⁶⁶ маслом словес⁶⁷ разума вашего и печалования⁶⁷. Да аще укрепится сердце мое во мне о вашей помощи, встав⁶⁸, восхваляю бога моего Иисуса Христа и вашу⁶⁹ дружественную помощь⁶⁹. Не⁷⁰ будета⁷¹, господа мои, сладкоглаголиви⁷² языком, но сердцем любите мя и помозите⁷³ мя⁷⁴. Воистинну Пчела глаголеть: «Всякая конская хитрость познавается на рати, а⁷⁵ друг у беды». Александр, царь макидонский, ⁷⁶своему философу рече⁷⁶: «Друг лстивый имеет на языци яд змеа⁷⁷ аспиден, ⁷⁸а добрый друг, яко град камен^{79, 78}».

3. ^{1, 2}**Послание от святого писания**². Иже от благаго ⁴избраннаго³ корени рожшемуся⁴, и⁵ в законе⁶ // (л. 604 об.) от⁷ благодати воспитанному, ⁸в велицей чести живущему, по божественной благодати обладающему, многая преможе-ства⁸ поборнику, и заступнику истиннаго⁹ православия, от¹⁰ благаго¹¹ корени добрые¹² отрасли, ¹³приятелю нашему великородному¹³, Богом почтенному, и Богом возлюбленному, ¹⁴Бог тя, господине, почтил¹⁴ паче ¹⁵всех человек и красоту твою учинил, ¹⁶аки солнечным¹⁶ лучем сияеши, тихому в славе, и¹⁷ мудрому в наказании, и в законе¹⁵ скороразумному, борзопамятливу¹⁸, ¹⁹множайшему и славнейшему в смирении велицем, и²⁰ господину моему¹⁹, доброму и ласковому²¹ до мене^{22, 23}сердечное, господине, челобитие²⁴, ангельское верное слово покорное, имярек челом биет. Не часто тя, господине, выдаю, а часто тя, ²⁵господина своего²⁵ споминаю^{26, 23}. А ²⁷коли, господине, твое здравие услышу, и яз^{28, 27} тогда сердцем радуюся и душею веселюся и ²⁹молю милостиваго Бога, чтобы тебе даровал Бог великое здравие на многа³⁰ лета. Да послал есми³¹, господине, к тебе малые поминки, а великое челобитие. Мню тебя³², своего³³ господина³⁴, аки крин селный посреди терния, процвел еси и благоуханныя мудрости исполнил³⁵ еси. А о том вельми скорблю, что ко мне не отпишешь, как на тебя милость Спасова приходит, как еси одержим^{36 37}честию и³⁷ любовию государскою. И ты, господине, ускори писанием до нашей нищеты и худости, чтобы есми, господине, не³⁸ скорбил о твоём многлетнем здравии. А коли, господине, не лучится мне наборзе про твое здравие слышити, аз же, господине, аки корабль в волнах морьских, нужно³⁹ бедно стражу без кормника^{1, 29}. Златоуст рече⁴⁰: «С мудрым другом дръжа дружбу, мудр будет⁴¹, а з безумным ⁴²посреди, ⁴³и он⁴² ⁴⁴злая обрящет^{43, 44}. Не ищи себе друга такова, иже вся реченная тобою хвалит, аще ⁴⁵бо ты скверно глаголал что или кое зло, а он тебя хвалит⁴⁵. То суть не друзи, но душам губители. ⁴⁶То суть ^{46 47}добрые друзи⁴⁷, иже⁴⁸ не⁴⁹ вся реченная тобою ся⁵⁰ хвалит⁵¹, но⁵² тщится истинною и правым судом отвещати⁵³ тебе». Златоуст рече: «Безчестие любии, аки чашу пельни, приими е; аще ⁵⁴пространно ти есть, но на прогнание греховному духу. Иже грех сладостию внидет, то

горестию да проженет⁵⁵». Иван⁵⁶ Дамаскин рече: «Зрю тя, гробе, и⁵⁷ ужасаюся твоего видения, сердечную каплющую⁵⁸ слезу проливаю, долг общедателный во ум приимаю⁵⁹. Увы, улы, горе, горе, ох, ох, смерть, смерть! Кто⁶⁰ может избежати тя⁶⁰? Аще небеса, человеце, и облаки достигнеши, аще и земная преидеши конца⁶¹ и вся конца⁶¹ места, аще и еллинския борзости претечеши, а древа гробу трилакотного не можеши избежати⁶². Иван Дамаскин рече: «Аще бы ведала душа моя суету мира сего, взошла бых на гору високу, и узрела бы гроб свой, воздохнула бы⁶³, и рекла: приими мя⁶⁴, гробе, яко мати сына своего, гроб ми есть дом превечный, черви ми есть гости прелюбовнии, персть ми⁶⁵ есть жизнь нетленная *». Воздохнув, душе⁶⁶, прослезися и моли Бога **, яко да избавит тя геоны⁶⁷ реки огненны без вреда. Тем ти⁶⁸ Божия сила способствуй моему сиротству ***, еже преити геону реку огненую без вреда. Ох, ох, горе, о люте! Век мой скончается, а страшный престол⁶⁹ готовится, а душа⁷⁰ нудит мя⁷⁰ от тела изыти, и не вем, камо хощет итти⁷¹, и боюся, егда яко⁷² восхитят мрачные ефиопи». Златоуст^{54, 73} рече⁷⁴: «Со всеми ся люби, а⁷⁵ со всеми дружи, а⁷⁶ всех ся береги, а⁷⁷ не всем тайны своеа поведай. Многажды же⁷⁸ друг твой пременится, враг тебе⁷⁹ бывает». ⁸⁰Златоуст рече: «Горе тебе, душе моя, чюжих грехов испытница еси, а своя си⁸¹ грехи покрываеши великиа ради злобы». ⁸²Златоуст рече⁸²: «Мала искра пожжет много, а едино дело добро множество грехов погубит». ⁸³Златоуст рече^{83, 80}: «Мнози друзи дружатся со мною и многа брашна различная⁸⁴ ядят у меня, а при напасти яко врази обретаются на мене, тако же помагаючи подразити нози мои. Очима бо плачют, а сердцем смеются. Тако же не ими⁸⁵ другу веры⁸⁶, не надейся на него, — враг твой⁸⁷ бывает». ⁸⁸Царь Соломон рече: «Аще кто богат, гордость воспримет; аще ли кто убог, помышляет на татбу или на разбой»⁸⁸. ⁸⁹Соломон рече⁸⁹: «Богат муж везде славен есть, и на чюжей земли друзи ему есть. А убогий и⁹⁰ в своих незнаем бывает». ⁹¹Соломон рече⁹¹: «Богат муж възглаголет, — все⁹² молчат, а⁹³ слово его⁹⁴ до облак вознесут. А убогий муж⁹⁵ възглаголет, и⁹⁶ все⁹⁷ на него кликнут⁹⁸. Коего⁹⁹ риза светла, того и речь честна». ¹⁰⁰Соломон рече¹⁰⁰: «Яко же бо // (л. 605) древо при пути, мнози посекают его и во огонь вметають, тако и убогий человек всеми людми обиден». ¹⁰¹Соломон рече: «Всяк человек хитрит и мудрит. Яко же олово во огни гинет, тако и убогий человек всеми людми обиден». Соломон рече: «Всяк человек хитрит и мудрит. Яко же олово во огни гинет, тако и человек убогий многи¹⁰² беды приемлет». Соломон рече¹⁰¹: ¹⁰³«Никто не может соли зобати и в печали смыслити»¹⁰³. ¹⁰⁴Соломон рече¹⁰⁴: ¹⁰⁵«Всяк человек хитрит и

* Слово сильно затерто.

** Слово сильно затерто.

*** Слово сильно затерто.

мудрит о чюжей беды¹⁰⁶, а своей беды¹⁰⁷ не может ни¹⁰⁸ смыслити¹⁰⁵, ¹⁰⁹ни здумати». ¹¹⁰Соломон рече¹¹⁰: «Злато огнем искушается, а человек напастьми и многими бедами». ¹¹¹Соломон рече: «Пшеница много мучима чист хлеб являет, а человек в печали обретает¹¹² ум свершен»¹¹¹. ¹¹³Соломон рече^{113, 109}: ¹¹⁴«Хорь¹¹⁵ казнит¹¹⁶ ризы, а печал человека. Печалну человеку ¹¹⁷кости засышут^{118, 117, 114}. ¹¹⁹Аще кто в печали человека призрит, как студеною водою напоить в знойный день». ¹²⁰Соломон рече¹²⁰: «Птица радуется весне, а младенец матери»¹¹⁹.

4. Послание от святых книг¹. Господину честнейшому, и пречестнейшому, Христову рабу, доброй отрастли, тихому в речи, и красному в беседе, преизящному в божественных дохматех, смиренному, и почтенному от Бога, и прославленному от человек. Рассмотрех тя, господине, не внешними очима, но внутренними². Уподобился еси, господине, пчелиному трудолюбию и любостроению. Яко же бо оны, по полем летающе, от³ всякия травы и от всякого цвета събирають⁴ прекраснаа⁵ и полезная, тако и ты, ⁶господине мой авва⁵, сладостию божественных словес услаждаеши душу, от всех подобная, ⁷и ⁸спасеная⁷, и полезная⁸ собираеши⁶: от них⁹ же бо целомудриа¹⁰ и ¹¹цветы совокупляеши¹², от инех правду, от других же мудрости¹³, а¹⁴ от инех храбрость, а¹⁵ от других же милость и к ближним человеколюбие, а¹⁶ от инех кротость и тишину, а от других терпение, а¹⁷ от инех любовь нелицемерную, — и еже просто рещи, от всех вся на спасение души прилежна суть, яко бо цветы, собираеши и в скровищех сердца полагаеши, их же бо паче меда и сота сладкия добродетели насыщаешися. Яко же бо драгая приволока многими и различными шолки испещрена, неизреченную красоту являет, тако ¹⁸и ты¹⁸, господине мой имярек, многими словесы книжными и премудростию честен и славен являешися.

5. ¹Сие послание на Диоскора и на Евтиха, и при них же бе содомственный он² грех в Константине граде и во окрестных его местех. Христову и³ божественному писанию рачителю, богословии божественной изрядному проповеднику, всякою сладостию словесною украшену, и всяким цветом разумным растворену¹, вседержителем созданному, и⁴ божественною благодатию ⁵святаго Духа⁵ осеняему, паче же Богом почтенному ⁶имярек, роженному от благаго корени и доброплодной ветве⁶, воистину Бог в тебе пребывает, а ты в Бозе, божественной⁷ богословии⁸, и любве и⁹ смирении высочайшему¹⁰, и в¹¹ великом¹² чину своего дородства¹³ ¹⁴превелика разумом и¹⁴ исполнена¹⁵ ¹⁶плодов многих добрых¹⁶ паче сверстник¹⁷ своих, ¹⁸истинная ветвь¹⁸ родитель¹⁹ своих, в роженных на земли еще младу сущу, в²⁰ свершеной²¹ премудрости своему отчеству наследие, Богом ти направляему и наказуемо, благу и велеумну совету, и к²² Божии любви ревнителю²³, и к царьскому совету и ко²⁴ государьскому приательству желателю, во избранных превышшу, возлюбленному моему ²⁵господину, и не

токмо господину моему²⁵, но и государю возлюблешему, доброму в научении и наказании²⁶, памятна, и пребывающу²⁷ о Христе в любви Божии, честному, и благородному имярек менший и²⁸ нарекованный тобою слушка, первой в грешницах и последний во исповедании, иже недостоин есмь ни в коем деле блазе, молебник величества твоего имярек метание творит до лица земли²⁹. Разсмотрех тя, господине, не внешними очима, но внутренними. Уподобился еси, господине, пчелиному трудолюбию и любостроению. Яко же бо оны, по полям летающе, от всякия травы, и от всякие сладости, и от всякого цвета собирают прекрасная и полезная, тако и ты, господине авва, сладостию божественных словес услаждаеши наша душа малосмысленная, от всех, кир, подобная собираеши и спасеная: от инех бо целомудриа цветы совокупаеши, а от инех правду³⁰, от других же мудрость, а от инех храбрость, от других же милость // (л. 605 об.) и к ближним человеколюбие, от инех кротость, и тишину, и любовь нелицемерную, — и еже просто реши, от всех вся, яже на спасение души прилежна суть³¹, яко цветы, собираеши и в скровищех сердца своего полагаеши, их же бо³² паче меда и сота сладкия добродетели насыщаешися. Яко же бо драгая приволока многими и различными шолки испещрена, неизреченную красоту являет, тако и ты, господине имярек, многими словесы книжными и премудростию честен и славен являешися. Слышел есм о тебе от многих человек, что хочещи исплнити апостольское слово, яко же апостол глаголетъ: «Луче есть женитися, нежели раждизатися». То тебе, моему господину, исполать, что хочещи браку причаститися³³, а содомьский грех оставляеши. Поне же, господине, пишет в божественном писании о том злом греси содомьском тако: «Горе будет привлекающим грехи своя, яко ужем долгом и яко игом стягнутом. Горе глаголющим³⁴ доброе зло, а злое добро, полагающим³⁵ свет во тму, а тму в свет, помышляющим горкое сладко, а сладкое горко³⁶». Горе мудру о себе. И не сама ли совесть осуждает их, и не от своих ли уст обличишася. Доброе хулят женитву а злое хвалят³⁷ прелюбодейние, содомьский грех. И тмою зовет³⁸ жену, а светом зовет детину³⁹. И горко помышляет жена, а сладко прелюбодейние зовет, грех. Яко же и преже изъявися о сем гресе содомьском во граде Халкидонском при благочестивом цари Маркиане. Во второе лето царства его бысть четвертый собор. Бяху шедшеся святии отци числом⁴⁰ 600 и 30. Бяху же старийшины собору Леонт папа Римский, Анатолий патриарх Константина града, Увеналий патриах Иерусальмский,⁴¹ Максим Антиохийский⁴¹, Анастасий митрополит Селунский и Стефан Ефеский, — на Диоскора и на Евтиха, иже анхимандрит Константина града. И в то же время во граде и во окрестных странах изъявися беззаконие содомьское, яко же^{41a} блуд творяще с мужескими полы. Царь же повеление таково⁴² испусти, иже всем, обретшимся в таковой вине, повеле их⁴³ срамно и люте истязати. Многим повеле у срамных уд концы отсецати, а инем

повеле трости поостривати и влагати в срамные уды во истицание водное. И тако, страмотующе, их позороваху. Тако же⁴⁴ и иным на тръгу нагим посмеяном быти. Тем же и от вельможь мнозии обретошася в таковой вине и от архиерей множество. И тако водими, позорующе, и зле умроша. И бывшу страху велику на многих. Прочии же умудришася и престаша от того греха злаго содомьскаго. И тако уставися сей преественый грех. И ты, господине, сие прочет, да и многих научи не творити таковаго греха. Поне же, господине, Бог создал тако человека и жену от начала миру. Несть убо человек согрешил, иже женится. Слыши, господине, апостола Павла глаголюща. Сущее⁴⁵: «Луче бо есть жениться⁴⁶ и посягати, нежели разжигатися». Толк: рече, аще кто похотию мучительство или много, рече, потръпит нужду рожжения, да изменится, и женится, и посягнет, да некогда совратится. Сущее⁴⁷: «Честна женитва о всех и ложе несквернено». Толк: Аще убо не всей⁴⁸ части честен, во иной⁴⁸ же ни, но всяко по всему, брак всеми образы честен и нескверен. Сущее: «А любодеем и прелюбодеем судит Бог». Толк: всяко бо аще женитва повелеват и достойна есть и безгрешна, похоть угашающи⁴⁹. Ох, кый есть любодеем и прелюбодеем и блудником ответ в день Страшный! До зде писанию конецъ. Прочитай писание се на всяко время. А о сем, господине имярек, да не прогневается твоя держава на наше смирение, еже убо дерзних писати сиа словеса к твоему величеству от нашего убожества. Смея и⁵⁰ не смея писах. Но помянух слово Софрония архиепископа Иерусальмскаго, поне же убо «тайна царева добро есть таити, а дела Божиа проповедати ясно». А второе поминая Иванны⁵¹ Дамаскина: «На страх не⁵² дерзнув, ино не мощно к величеству от убожества писати». И яз страх преобидел и дръзних писание се послати. Аминь.

б. Иное послание от божественых книг. Еже о Христе возлюбленному, и в благочестии // (л. 606) воспитанному, и в велицей чести живущему, и по божественной благодати обладающему, поборнику и заступнику истиннаго православиа и благовериа, христоименитому, благородному, и благоверному, боголюбивому, и¹ христолюбивому, Богом украшенному,² и Богом превознесенному^{3,2}, Богом мудрому⁴,⁵ и целомудрому⁵,⁶ и нелицемерному⁶, и Богом почтенному, Бог⁷ тя, господине, почел паче всех человек, а разум ти Господь дал своим произволением, а красоту твою, господине, Христос учинил ангельским чином, аки солнечный луч сияющи, господину моему честнаго, и славнаго, и великаго роду имярек, яз, господине, худый человек, грубый, скудоумный, а своим малоумием, и недостаточным⁸ званием же и дела нарицаемый⁹ многогрешный дерзнул¹⁰ есми, господине, к твоему¹¹ честному и великому отчеству и государству писати таковое послание, имярек метание творю до лица земли. Съгрешил есми, господине, паче Содомы и Гоморы, и листа древняго¹², и песка

морского, и капли дождевные. Богу есми, господине, съгрешил, а пред тобою есми, господине, проступил. Ино, господине, вем тя самого разсудна, и разумна, и тиха, и кротка, и сладка в речех. А мудр еси, господине¹³, и божественому писанию, а святых отец жития прочитаеши. Возри, господине, в толковое евангелие. ¹⁴И глаголеть, господине, толковое евангелие¹⁴: «Милостивый человек уподобися¹⁵ милостивому¹⁶ Богу, а немилостивый человек уподобился¹⁷ немилостивому бесу». А ты, господине, аще и нынешнее время добре исправиши, то и будущего чай. А давай труды юности своеа, да на старость покоит тя. А добрая б¹⁸ дела, господине, трудом снискаются и болезнию исправляются. А приходящая вам со благодарением терпите и в терпении вашем стяжите душа ваша. А ты, господине мой, имей терпение Иевле, а целомудрие¹⁹ Иосифовле, а разум Данилов, а покаяние Давыдово, и нищелюбие Авраамле, а мудрость Соломоню, а милость и любовь господа нашего Иисуса Христа. Великий Иван²⁰ Богослов глаголеть: «Аще кто речет: Бога люблю, а брата своего ненавижу, — то ложь есть. Преже брата люби, то и Бога возлюбиши. Брат есть всегда пред тобою, и²¹ Бога нигде²² же²³ видиши». А в евангелии, господине, писано о сем: «Познаете²⁴, яко мои ученицы есте, аще любовь имате межю собою». А яз тя, господине, вем благоутробна быти ко всем человеком. А к себе тя, господине, вем паче всех человек благоутробна и любовна быти. Да чтобы еси, господин мой, мене пожаловал, без вести не держал о своем здравии. ²⁵А яз, господине, слышив твое здравие, о том сердечно радуюся²⁶ и хвалу милосердному Богу воздаю²⁵. А яз, господине, здесь до ся мест милосердием Божиим живу. Да чтобы еси, господине, о поминках на меня не подивил. Я послал есми, господине, к тебе сердечную любовь, а верное слово²⁷, а поминки легкие, а великое челобитие. А о чем²⁸, господине, учну бити челом, и ты бы, господин мой, мене пожаловал, в том не избранил и не ослушался. А ведь, господине, помниши святое евангелие, еже глаголеть: «Просящему дается, а толкущему отверзается, а приходящего ко мне не иждену вон». А о том бы еси, господин мой, меня до смерти не отгонил. А послал есми, господине, к тебе едемскаго саду овощь, а горнего Иерусальма словеса. А сими, господине, словесы могуща тя уврачевати и оживити ²⁹и бесмертна сътворити²⁹. А, въкратце, есмя, господине, сладок, а в речи есмя, господине, крепок, а своему есми, господине, слову государь³⁰. Мир тебе о Христе. Аминь³¹.

«Азбучный письменник»

Основной список — Q14.

Разночтения — У87, С148, Щ46, Н4, Б3, F1, Q19, С15, Т2, К1, У6, Р1, Р9, Т8, Ш4, 34, О9, О58, Щ43, М1, У84, Б5, П1, А5.

Нумерации образцов посланий нет в списках.

Сказание начартанья епистолия, предисловия и посланья ко всякому человеку.

(л. 188) 1. **Сице¹ писати² святителю³.** А⁴ писание⁵ глаголет⁶: апостольских⁷ преданий⁸ хранителю⁹, и¹⁰ божественных¹¹ дохмат^{* 12} рачителю¹³, и¹⁴ церквам¹⁵ Божиим¹⁶ достойному¹⁷ предстателю¹⁸, священноотцу¹⁹ и²⁰ воеводе²¹ духовному²², и²³ учителю²⁴ Христова²⁵ стада²⁶ словеснаго²⁷, корения²⁸ греховнаго²⁹ от³⁰ сердца³¹ искоренителю³², государю³³ моему³⁴ имярек³⁵. И³⁶ сие³⁷ же³⁸ ко³⁹ отцу⁴⁰ духовному⁴¹.

2. **А¹ сие² ко³ старцу⁴.** Ангельскаго⁵ жития⁶ ревнителю⁷, и⁸ царства⁹ горняго¹⁰ желателю¹¹, широкаго¹² и¹³ пространнаго¹⁴ пути¹⁵ уклонителю¹⁶, уским¹⁷ путем¹⁸ ходити¹⁹ изволшему²⁰, во²¹ преподобии²² сияющу²³, государю²⁴ великому²⁵ старцу²⁶ имярек²⁷.

3. **К¹ святителю².** Апостольстей³ церкви⁴ столпу⁵ и⁶ предстателю⁷, великого⁸ света⁹ яснозрительных¹⁰ херувим¹¹ блистателю¹², светлейшему¹³ отцу¹⁴ и¹⁵ учителю¹⁶, во¹⁷ святей¹⁸ Божией¹⁹ церкви²⁰ светло²¹ сияеши²² и²³ молитву²⁴ о²⁵ всех²⁶ и²⁷ за²⁸ вся²⁹ приносиши³⁰ великому³¹ государю³² преосвященному³³ архиепископу³⁴ кир³⁵ имярек³⁶.

4. **К¹ священнику².** Благаго³, и⁴ преблагаго⁵, пребезначалнаго⁶, и⁷ в⁸ Троицы⁹ славимаго¹⁰ Бога¹¹ достойному¹² служителю¹³, от¹⁴ людских¹⁵ согрешений¹⁶ жертвы¹⁷ приносителю¹⁸, божественному¹⁹, и²⁰ преизящному²¹, и²² воеводе²³ духовному²⁴, // (л. 188 об.) и²⁵ наказателю²⁶ Христова²⁷ стада²⁸ словеснаго²⁹, государю³⁰ моему³¹ священному³² ерею³³ имярек³⁴.

5. **К¹ святителю².** Безначалнаго³ царя⁴ священному⁵ предстателю⁶, великому⁷ пастырю⁸ стада⁹ Христова¹⁰ словесных¹¹ овец¹², православному¹³ святителю¹⁴, столпу¹⁵ церковному¹⁶, земному¹⁷ серафиму¹⁸, носящему¹⁹ великий²⁰ образ²¹ господя²² нашего²³ Иисуса²⁴ Христа²⁵, святителским²⁶ саном²⁷ украшаемому²⁸, великому²⁹ государю³⁰ преосвященному³¹ кир³² имярек³³.

* *Переделано из дохмы.*

6. **В¹ монастырь² девичь³**. Божественная⁴, и⁵ Богом⁶ снабденная⁷, и⁸ небесоподобная⁹, и¹⁰ равноангельная¹¹, великия¹², и¹³ пресловущия¹⁴ лавры¹⁵, о¹⁶ Христе¹⁷ собранным¹⁸ честных¹⁹ дев²⁰ пребыванья²¹ государыни²² моей²³ великой²⁴ старицы²⁵ имярек²⁶.

7. **К¹ воеводе² в³ полк⁴**. Великою⁵ и⁶ превысочайшею⁷ и⁸ Богом⁹ дарованною¹⁰ честию¹¹ почтенному¹², в¹³ полцех¹⁴ и¹⁵ в¹⁶ воинстве¹⁷ храбрости¹⁸ добре¹⁹ искусну²⁰, стратигу²¹ крепкому²², и²³ воеводе²⁴ почтенному²⁵, на²⁶ враги²⁷ победителю²⁸, государю²⁹ великому³⁰ имярек³¹.

8. **В¹ лавру²**. Во³ многословущую⁴ и⁵ везде⁶ именитую⁷, богостроенную⁸ ко⁹ спасению¹⁰ ищущим¹¹ и¹² желающим¹³ неизглаголанная¹⁴ радости¹⁵ горняго¹⁶ Иерусалима¹⁷, иде¹⁸ же¹⁹ желают²⁰ ангели²¹ приникнути²², в²³ пречестную²⁴ и²⁵ великую²⁶ лавру²⁷ — пиши²⁸ храм²⁹ — государю³⁰ игумену³¹ имярек³².

9. **К¹ другу² в³ полк⁴**. Великия⁵, и⁶ нелицемерная⁷, добродетельная⁸, и⁹ крепкия¹⁰ любве¹¹, крепкому¹² в¹³ разуме¹⁴, и¹⁵ смысленному¹⁶ в¹⁷ деле¹⁸, и¹⁹ в²⁰ воинстве²¹ вруженному²² суть²³ изрядному²⁴, лю // (л. 189) бителному²⁵ моему²⁶ другу²⁷, и²⁸ тайнам²⁹ хранителю³⁰, государю³¹ моему³² имярек³³.

10. **К¹ святителю²**. Господня³ престола⁴ со⁵ страхом⁶ предстоятелю⁷, пастырю⁸ великому⁹, святилинику¹⁰ церковному¹¹, отцу¹² блаженному¹³, учителю¹⁴ святых¹⁵, соборных¹⁶, и¹⁷ равноапостольных¹⁸, и¹⁹ небесоподобных²⁰, и²¹ пророки²² дозримых²³ церкви²⁴, верху²⁵ преизящному²⁶, государю²⁷ преосвященному²⁸ кир²⁹ имярек³⁰.

11. **В¹ полк² другу³**. Государьскаго⁴ благоименства⁵ тезоименитому⁶, и⁷ непобедимым⁸, Христовым⁹ крепким¹⁰ скипетром¹¹ ограждаему¹², за¹³ православную¹⁴ веру¹⁵ христианскую¹⁶ на¹⁷ враги¹⁸ крепкостоятелю¹⁹, воину²⁰ храброму²¹, и²² оружнику²³ изрядному²⁴ другу²⁵ сердечному²⁶, государю²⁷ моему²⁸ имярек²⁹.

12. **К¹ старцу² в³ монастырь⁴**. Горняго⁵ Иерусалима⁶ желателю⁷, и⁸ ангельских⁹ сил¹⁰ безплотных¹¹ ревнителю¹², широкаго¹³ же¹⁴, и¹⁵ пространнаго¹⁶, прелестнаго * ¹⁷, и¹⁸ суетнаго¹⁹ мира²⁰ уклонителю²¹, уским²² и²³ прискорбным²⁴ путем²⁵ по²⁶ Господню²⁷ словеси²⁸ ходити²⁹ желателю³⁰ имярек³¹.

13. **К¹ святителю²**. Добродетельному³ тщанию⁴, столпу⁵ непоколебимому⁶, великоименитому⁷ святителству⁸, верху⁹ превысочайшему¹⁰, по¹¹ святем¹² Дусе¹³

* Слово добавлено на поле.

поборателю¹⁴, пастырю¹⁵ и¹⁶ учителю¹⁷ Христова¹⁸ стада¹⁹ словесных²⁰ овец²¹, апостолских²² преданий²³ ревнителю²⁴, отцу²⁵, пастырю²⁶, и²⁷ учителю²⁸, государю²⁹ святителю³⁰ великому³¹ кир³² имярек³³.

14. Книжному¹ другу² писати³. Добролиственному⁴ и⁵ многоплодовитому⁶ дре // (л. 189 об.) ву⁷ драгия⁸ отрасли⁹, ветви¹⁰ позлащенные¹¹, посреди¹² винограда¹³ Христова¹⁴ цветущу¹⁵, и¹⁶ многим¹⁷ плод¹⁸ подаваеши¹⁹, и²⁰ всех²¹ плодовым²² и²³ медоточивым²⁴ овощем²⁵ негиблющим²⁶ пища²⁷ насыщаеши²⁸, государю²⁹ моему³⁰ другу³¹ сердечному³², любви³³ нелицемерныя³⁴ имярек³⁵.

15. К¹ другу² же³. Драгаго⁴ камыка⁵ измарагда⁶, дражайшая⁷ драгия⁸, истинныя⁹ и¹⁰ нелицемерныя¹¹ любви¹² рачителю¹³, тиху¹⁴ и¹⁵ благоуветливу¹⁶ слову¹⁷ ласкосердому¹⁸, образу¹⁹ прекрасному²⁰, и²¹ возлюбленному²² привету²³, сердечному²⁴ другу²⁵, государю²⁶ моему²⁷ имярек²⁸.

16. К¹ священнику². Евангелскаго³ и⁴ божественнаго⁵ учения⁶ преизящному⁷ учителю⁸, и⁹ престола¹⁰ страшнаго¹¹ царя¹² достойному¹³ служителю¹⁴, корения¹⁵ же¹⁶ греховнаго¹⁷ от¹⁸ сердца¹⁹ искоренителю²⁰, священному²¹ отцу²² и²³ воеводе²⁴ духовному²⁵ имярек²⁶.

17. К¹ святителю². Еже³ от⁴ Бога⁵ достойному⁶, и⁷ святителским⁸ честным⁹ саном¹⁰ почтенному¹¹, и¹² Богом¹³ украшенному¹⁴, и¹⁵ Богом¹⁶ направляемому¹⁷, духовному¹⁸ пастырю¹⁹, и²⁰ христианскаго²¹ рода²² истинному²³ учителю²⁴, государю²⁵ митрополиту²⁶ кир²⁷ имярек²⁸.

18. К¹ подначальному² старцу³. Евангилских⁴ словес⁵ послушателю⁶, Христов⁷ крест⁸ взем⁹, и¹⁰ усердно¹¹ ходити¹² по¹³ стопам¹⁴ его¹⁵ изволшему¹⁶, пути¹⁷ же¹⁸ пространнаго¹⁹ уклонителю²⁰, жестокаго²¹ и²² скорбнаго²³ пути²⁴ ходити²⁵ желателю²⁶, в²⁷ преподобии²⁸ сияющу²⁹, и³⁰ в³¹ послушании³² // (л. 190) пребывающу³³, государю³⁴ великому³⁵ старцу³⁶ имярек³⁷.

19. К¹ святителю². Живому³ Богу⁴ тщателю⁵, и⁶ достойному⁷ служителю⁸, и⁹ молитвы¹⁰ ему¹¹ о¹² люцких¹³ согрешении¹⁴ приносителю¹⁵, всех¹⁶ живущих¹⁷ во¹⁸ гресех¹⁹ ко²⁰ спасению²¹ приводителю²², разорителю²³ же²⁴ всех²⁵ плевел²⁶ и²⁷ ересей²⁸, в²⁹ словесех³⁰ же³¹ и³² в³³ повестех³⁴ спасителю³⁵ всеизрядному³⁶, и³⁷ во³⁸ всех³⁹ благих⁴⁰ делех⁴¹ совершенному⁴², отцем⁴³ отцу⁴⁴, господину⁴⁵ великому⁴⁶ кир⁴⁷ имярек⁴⁸.

20. К¹ ыноку². Желателю³ царства⁴ горняго⁵, и⁶ Христову⁷ евангилскому⁸ слову⁹ послушателю¹⁰, и¹¹ светлаго¹² ангилскаго¹³ жития¹⁴ ревнителю¹⁵, в¹⁶ посте¹⁷ и¹⁸ в¹⁹ преподобии²⁰ сияющу²¹, великому²² старцу²³ ограды²⁴ Богом²⁵ насажденныя²⁶, государю²⁷ моему²⁸ имярек²⁹.

21. **К¹ мещанину²**. Живущему³ в⁴ тишине⁵ и⁶ во⁷ благоденстве⁸, и⁹ во¹⁰ всех¹¹ благих¹² добродетелех¹³ цветущему¹⁴, паче¹⁵ же¹⁶ и¹⁷ в¹⁸ православии¹⁹ истинных²⁰ православных²¹ христианских²² веры²³ сияющую²⁴, господину²⁵ моему²⁶ имярек²⁷.

22. **К¹ воеводе² в³ полк⁴**. Зелному⁵ и⁶ непреклонному⁷ на⁸ враги⁹ крепкому¹⁰ стоятелю¹¹, и¹² в¹³ различных¹⁴ битвах¹⁵ помощью¹⁶ ангела¹⁷ Господня¹⁸ прославльшему¹⁹, великому²⁰ и²¹ началнейшему²² стратигу²³, и²⁴ воеводе²⁵ превознесенному²⁶, и²⁷ в²⁸ победе²⁹ преславному³⁰, государю³¹ имярек³².

23. **К¹ другу² в³ полк⁴**. Зело⁵ пребыстраго⁶ орла⁷ высокопариваго⁸ летания⁹ храбростию¹⁰ своего¹¹ и¹² оружием¹³ достигаеши¹⁴, мученическия¹⁵ святыя¹⁶ крови¹⁷ ревнителю¹⁸, за¹⁹ православную²⁰ истинную²¹ христиа // (л. 190 об.) нскую²² веру²³ в²⁴ различных²⁵ битвах²⁶ различными²⁷ язвами²⁸ учащенному²⁹ государю³⁰ моему³¹ имярек³².

24. **К¹ другу² же³ просто⁴**. Златыя⁵ отрасли⁶, ветви⁷ позлащенные⁸, грезну⁹ зрелому¹⁰, древу¹¹ многолиственному¹², посреди¹³ винограда¹⁴ Христова¹⁵ цветущему¹⁶, и¹⁷ всех¹⁸ храбростию¹⁹ удивльшему²⁰, государю²¹ моему²² другу²³ сердечному²⁴ имярек²⁵.

25. **К¹ старцу² ко³ авве⁴**. Иже⁵ от⁶ вседержителных⁷ и⁸ крепкия⁹ десницы¹⁰ содержаему¹¹, и¹² честными¹³ седины¹⁴ преукрашенному¹⁵, иноческаго¹⁶ жития¹⁷ подражателю¹⁸, и¹⁹ неизглаголаннаго²⁰ оного²¹ веселия²² желателю²³, иже²⁴ в²⁵ преподобии²⁶ сияющую²⁷, государю²⁸ великому²⁹ старцу³⁰ имярек³¹.

26. **К¹ брату² родному³**. Иже⁴ от⁵ единыя⁶ государыни⁷ матер⁸ нашея⁹ рожденнаго¹⁰, и¹¹ от¹² единыя¹³ утробы¹⁴ произшедшаго¹⁵, от¹⁶ небытия¹⁷ в¹⁸ бытие¹⁹ сотворшаго²⁰, и²¹ от²² тмы²³ во²⁴ свет²⁵ приведшаго²⁶, брату²⁷ едиnorodному²⁸, нелицемерному²⁹, государю³⁰ моему³¹ брату³².

27. **К¹ старцу² младу³**. Иже⁴ плоть⁵ свою⁶ Христа⁷ ради⁸ изнурившему⁹ и¹⁰ тело¹¹ свое¹² жестоким¹³ житием¹⁴ обуздателю¹⁵, и¹⁶ неизглаголаннаго¹⁷ и¹⁸ прекраснаго¹⁹ райскаго²⁰ веселия²¹ желателю²², и²³ безплотна²⁴ ангелска²⁵ жития²⁶ ревнителю²⁷, в²⁸ преподобии²⁹ сияющую³⁰, государю³¹ моему³² великому³³ старцу³⁴ имярек³⁵.

28. **К¹ святителю²**. Крепкому³ стоятелю⁴ веры⁵ христианския⁶, по⁷ святем⁸ Дусе⁹ непреклонно¹⁰ побарателю¹¹, и¹² божественных¹³ дохмат *¹⁴ рачителю¹⁵, злых¹⁶ ересей¹⁷ разорителю¹⁸, душ¹⁹ и²⁰ телес²¹ // (л. 191) наших²² очистителю²³,

* Переделано из дохамат.

пастырю²⁴, и²⁵ учителю²⁶, отцем²⁷ отцу²⁸, святыя²⁹, соборныя³⁰ и³¹ апостольския³² церкви³³ правителю³⁴, великому³⁵ святителю³⁶ имярек³⁷.

29. **К¹ мастеру²**. Крепкоумному³ смыслу⁴ и⁵ непоколебимому⁶ разуму⁷, художеством⁸ от⁹ Бога¹⁰ почтенному¹¹, риторского *¹² и¹³ философского¹⁴ высоколюбомудрия¹⁵ до¹⁶ конца¹⁷ извыкшему¹⁸ государю¹⁹ моему²⁰ имярек²¹.

30. **К¹ старцу² во³ обитель⁴**. Краснаго⁵ и⁶ превысочайшаго⁷ града⁸ Иерусалима⁹ желателю¹⁰, любозрительный¹¹ огонь¹² ангилскаго¹³ жития¹⁴ ревнителю¹⁵, постнику¹⁶ твердому¹⁷, житию¹⁸ жесточайшему¹⁹, во²⁰ преподобии²¹ сияющу²², государю²³ великому²⁴ старцу²⁵ имярек²⁶.

31. **К¹ другу²**. Любителному³ моему⁴ разуму⁵, и⁶ смыслу⁷ высокопаривому⁸, древу⁹ плодовитому¹⁰, ветви¹¹ позлащенные¹², лицу¹³ цветущему¹⁴, взору¹⁵ прекрасному¹⁶, камыку¹⁷ драгоценному¹⁸, листовию¹⁹ многоплодному²⁰, древу²¹ сердечному²², государю²³ моему²⁴ имярек²⁵.

32. **К¹ сестре²**. Люблениа³ же⁴ ради⁵ человеческого⁶ от⁷ небытия⁸ в⁹ бытие¹⁰ сотворшаго¹¹, и¹² от¹³ тмы¹⁴ во¹⁵ свет¹⁶ приведшаго¹⁷, и¹⁸ от¹⁹ единокровных²⁰ государыни²¹ матери²² наша²³ рожденная²⁴, от²⁵ единых²⁶ утробы²⁷ ея²⁸ прошедшая²⁹, сестры³⁰ моя³¹ единокровная³², ластовицы³³ благообразная³⁴, государыни³⁵ моей³⁶ сестре³⁷ имярек³⁸.

33. **К¹ другу²**. Любителю³ моему⁴ и⁵ благодателю⁶, сладостныя⁷ гортани⁸, сладостнаго⁹ и¹⁰ медоточ // (л. 191 об.) наго¹¹ словесе¹², по¹³ образу¹⁴ Божию¹⁵ и¹⁶ по¹⁷ подобию¹⁸ созданнаго¹⁹, благообразнаго²⁰ видения²¹, добродетелнаго²² нрава²³, паче²⁴ же²⁵ во²⁶ благочестии²⁷ сияюща²⁸, другу²⁹ моему³⁰ государю³¹ имярек³².

34. **Ко¹ отцу² родителю³**. Милостию⁴ к⁵ нищелюбию⁶ красящюся⁷, и⁸ ко⁹ всем¹⁰ добродетелно¹¹ сияющу¹², молитвою¹³ своею¹⁴ к¹⁵ Богу¹⁶ добре¹⁷ превозходиши¹⁸, и¹⁹ милость²⁰ свою²¹ к²² моему²³ художнику²⁴ простираеши²⁵, от²⁶ юности²⁷ моему²⁸ питателю²⁹, и³⁰ разуму³¹ и³² смыслу³³ учителю³⁴, отцу³⁵ моему³⁶ единокровному³⁷, государю³⁸ имярек³⁹.

35. **К¹ матери²**. Матери³ моя⁴ и⁵ государыни⁶ родительницы⁷ предобрыя⁸, горлицы⁹ пустынная¹⁰, вдовства¹¹ смиреннаго¹², заклепанная¹³ голубицы¹⁴, питательницы¹⁵ моя¹⁶ возлюбленная¹⁷, ластовицы¹⁸ благообразная¹⁹, государыни²⁰ моей²¹ матери²² имярек²³.

36. **К¹ матери² же³**. Молитвою⁴ своею⁵, яко⁶ древо⁷ посреде⁸ винограда⁹, Богом¹⁰ насажденнаго¹¹, прозябшая¹², честными¹³ своими¹⁴ дланми¹⁵ мене¹⁶ воз-

* Далее зачеркнуто высоко.

доившая¹⁷, чая¹⁸ покоя¹⁹ животу²⁰ своему²¹, государыни²² моей²³ матушке²⁴ имярек²⁵.

37. **К¹ митрополиту²**. Непрестанному³ ходатаю⁴, верху⁵ превысочайшему⁶, столпу⁷ непоколебимому⁸, в⁹ православии¹⁰ сияющую¹¹, пастырю¹² и¹³ учителю¹⁴ богоизбранного¹⁵ стада¹⁶ словесных¹⁷ овец¹⁸, рачителю¹⁹ божественного²⁰ и²¹ сладостного²² писания²³, отцем²⁴ отцу²⁵, и²⁶ правителю²⁷ // (л. 192) Христове²⁸ невесте²⁹ святых³⁰ Божия³¹ церкви³², государю³³ великому³⁴ святителю³⁵, кир³⁶ отцу³⁷ и³⁸ митрополиту³⁹ имярек⁴⁰.

38. **К¹ воину²**. Орлу³ высокопаривому⁴, разуму⁵ остроумному⁶, воину⁷ добродородному⁸, в⁹ храбрости¹⁰ почтенному¹¹, во¹² оружии¹³ преизящному¹⁴, в¹⁵ победе¹⁶ преславному¹⁷, другу¹⁸ сердечному¹⁹, государю²⁰ моему²¹ имярек²².

39. **К¹ святителю²**. О³ возлюбленному⁴ богоукрашенному⁵ престолу⁶ Божию⁷ предстателю⁸, честным⁹ саном¹⁰ почтенному¹¹, благоизрядному¹², и¹³ Богом¹⁴ направляемому¹⁵, духовному¹⁶ престателю¹⁷, архиерею¹⁸ великому¹⁹, священноепископу²⁰ имярек²¹.

40. **В¹ монастырь² строителю³**. О⁴ Христе⁵ собранным⁶, иноческаго⁷ пребывания⁸, евангилскаго⁹ гласа¹⁰ ревнителю¹¹, пространнаго¹² пути¹³ уклонителю¹⁴, молитвою¹⁵ своею¹⁶, аки¹⁷ копием¹⁸, диявола¹⁹ побеждаеши²⁰, пустынножителю²¹, иноческаго²² жития²³ собирателю²⁴, государю²⁵ моему²⁶ великому²⁷ старцу²⁸ имярек²⁹.

41. **Святителю¹**. Пречестному² величеству³, и⁴ великоименитому⁵ святительству⁶, верху⁷ превысочайшему⁸, столпу⁹ непоколебимому¹⁰, иже¹¹ во¹² православной¹³ вере¹⁴ стоящу¹⁵, и¹⁶ по¹⁷ святем¹⁸ Дусе¹⁹ поборающе²⁰, пастырю²¹ и²² учителю²³ богоизбранного²⁴ стада²⁵ словесных²⁶ овец²⁷, обличителю²⁸ лютых²⁹ еретик³⁰, разорителю³¹ злых³² ересей³³, чистителю³⁴ душ³⁵ и³⁶ телес³⁷ человеческих³⁸ // (л. 192 об.), столпу³⁹ церковному⁴⁰, отцем⁴¹ отцу⁴², государю⁴³ великому⁴⁴ святителю⁴⁵ имярек⁴⁶.

42. **Другу¹**. Преждебывшему² моему³ приятелю⁴, и⁵ сердечному⁶ благодетелю⁷, истинным⁸ тайнам⁹ хранителю¹⁰, ныне¹¹ же¹² грех¹³ ради¹⁴ моих¹⁵ супротивно¹⁶ обретесь¹⁷ моим¹⁸ неразумием¹⁹ и²⁰ несмысленным²¹ малодушьем²² неподобный²³ во²⁴ приятельстве²⁵ и²⁶ недостойный²⁷ в²⁸ дружбе²⁹, государю³⁰ моему³¹ имярек³².

* Переправлено из оstromу.

** Переделано из священному епископу.

*** Далее зачеркнуто наших.

43. **Недругу**¹. Преждебывшему² общему³ нашему⁴ приятелю⁵ и⁶ сердечному⁷ благодателю⁸, ныне⁹ же¹⁰ грех¹¹ ради¹² наших¹³ супротивных¹⁴ обретется¹⁵, разумевай¹⁶, совесть¹⁷ свою¹⁸ прокаженну¹⁹ имеши²⁰, такова²¹ же²², яко²³ же²⁴ и²⁵ ты²⁶, ни²⁷ в²⁸ безбожных²⁹ языцех³⁰ не³¹ обретается³², государю³³ моему³⁴ другу³⁵ имярек³⁶.

44. **От матери к сыну**⁴. Рожденному⁵ от⁶ утробы⁷ моея⁸, и⁹ многогрешныма¹⁰ рукама¹¹ моима¹² воспитанному¹³, и¹⁴ во¹⁵ благоденьствии¹⁶, яко¹⁷ древо¹⁸ посреди¹⁹ винограда²⁰, возрастившему²¹, сыну²² моему²³ едиnorodному²⁴ имярек²⁵.

45. **Протопопу**¹. Рачителю²дохматом³ божественным⁴, и⁵ ревнителю⁶ изряднаго⁷ божественнаго⁸ писания⁹, авраамскою¹⁰ честной¹¹ сединою¹² преукрашенъму¹³, священноотцу¹⁴ и¹⁵ учителю¹⁶, служителю¹⁷ чесных¹⁸ и¹⁹ великия²⁰ соборныя²¹ церкви²², и²³ яко²⁴ же²⁵ солнце²⁶ на²⁷ востоце²⁸, во²⁹ вселенную³⁰ сияюще³¹, и³² священновеликому³³, господину³⁴ протопопу³⁵ имярек³⁶.

46. **В монастырь**² // (л. 193) **просто**³. Равноангелную⁴, и⁵ небеси⁶ подобною⁷, Богом⁸ устроенную⁹, и¹⁰ святую¹¹, великую¹² обитель¹³, радостному¹⁴, и¹⁵ непреклонному¹⁶, горняго¹⁷ Иерусалима¹⁸ желателю¹⁹, посреде²⁰ винограда²¹ Богом²² насажденнаго²³ живущему²⁴, во²⁵ преподобии²⁶ сияющую²⁷, государю²⁸ моему²⁹ великому³⁰ старцу³¹ имярек³².

47. **К святителю**². Святителским³ и⁴ Богом⁵ украшенным⁶ саном⁷ почтенному⁸, великому⁹ пастырю¹⁰, светилнику¹¹ церковному¹², солнцу¹³ светлейшему¹⁴, отцу¹⁵ блаженному¹⁶, святыя¹⁷ соборныя¹⁸ церкви¹⁹ учителю²⁰, светло²¹ сияющую²², небеснаго²³ разуму²⁴ просвещением²⁵ озарительнаго²⁶ великого²⁷ света²⁸ яснозрительных²⁹ херувим³⁰ блистая³¹, архиерею³² великому³³, государю³⁴ преосвященному³⁵ митрополиту³⁶ имярек³⁷.

48. **Другу с лаею**³. Столпу⁴ повапленному⁵, тмы⁶ темныя⁷ чаду⁸ помраченному⁹, племяни¹⁰ ханаоническому¹¹, семени¹² халдейскому¹³, телу¹⁴ позлащенному¹⁵, ефиопу¹⁶ прегордому¹⁷, роду¹⁸ ханаонского¹⁹, Хамова²⁰ прирочения²¹, прелести²² помраченныя²³, другу²⁴ моему²⁵ имярек²⁶.

49. **Священноиноку**¹. Твердому² адаманту³, духовному⁴ оружнику⁵, церковному⁶ достоинслужителю⁷, целомудренному⁸ же⁹ и¹⁰ благому¹¹ целителю¹², и¹³ корения¹⁴ греховнаго¹⁵ от¹⁶ сердца¹⁷ искоренителю¹⁸, Христу¹⁹ угодителю²⁰, и²¹ христослужителю²², священноиноку²³ имярек²⁴.

* Далее зачеркнуто священных священному.

** Зачеркнуто ханаонскому.

50. Другу¹ в² полк³. // (л. 193 об.) Трисоставным⁴ светом⁵ просвященному⁶, источнику⁷ приснотекущему⁸, другу⁹ милосердому¹⁰, советнику¹¹ крепкому¹², разуму¹³ непоколебимому¹⁴, в¹⁵ бедах¹⁶ и¹⁷ в¹⁸ напастех¹⁹ помощнику²⁰, в²¹ храбрости²² превознесенному²³, и²⁴ в²⁵ победе²⁶ преславному²⁷, государю²⁸ моему²⁹ другу³⁰ сердечному³¹ имярек³².

51. К¹ старцу². Твердому³ постнику⁴, и⁵ крепкому⁶ служителю⁷, жестокому⁸ пребыванию⁹, и¹⁰ ангелскаго¹¹ жития¹² ревнителю¹³, целомудрия¹⁴ хранителю¹⁵, от¹⁶ мирския¹⁷ суеты¹⁸ уклонителю¹⁹, посреде²⁰ инок²¹ пребывателя²², во²³ преподобии²⁴ сияюще²⁵, государю²⁶ моему²⁷ великому²⁸ старцу²⁹ имярек³⁰.

52. К¹ другу². Утверженному³ в⁴ мудрости⁵, и⁶ превосходящему⁷ в⁸ разуме⁹, и¹⁰ в¹¹ дружбе¹² непреклонному¹³, и¹⁴ крепким¹⁵ тайнам¹⁶ крепкому¹⁷ хранителю¹⁸, паче¹⁹ же²⁰ и²¹ в²² православии²³ сияюще²⁴, другу²⁵ сердечному²⁶, государю²⁷ моему²⁸ имярек²⁹.

53. К¹ другу² книжному³. Украшаему⁴ и⁵ наказанному⁶ божественными⁷ учениями⁸, яко⁹ древу¹⁰ при¹¹ исходящих¹² водных¹³, насажденному¹⁴, книжному¹⁵ писанию¹⁶ учителю¹⁷, плоду¹⁸ зрелому¹⁹ воздаятелю²⁰, листовию²¹ зеленому²², на²³ дело²⁴ благовонное²⁵ производителю²⁶, другу²⁷ сердечному²⁸, государю²⁹ моему³⁰ имярек³¹.

54. Непостоянну¹ другу² с³ посмехом⁴. Уму⁵ высокопаривому⁶, кровы⁷ насобных⁸ проходителю⁹, воздух¹⁰ же¹¹ и¹² облаки¹³ мыслию¹⁴ пробивателю¹⁵, солнце¹⁶ и¹⁷ месяц¹⁸ и¹⁹ вся²⁰ зве // (л. 194) зды²¹ умом²² и²³ мыслию²⁴ переходителю²⁵, и²⁶ во²⁷ вся²⁸ земныя²⁹ конца³⁰ парителю³¹, разуму³² непостоянному³³, другу³⁴ моему³⁵ сердечному³⁶ имярек³⁷.

55. Ко¹ учителю² гордому³. Фарисейским⁴ величанием⁵ возносителю⁶, и⁷ фараонскую⁸ злобою⁹ отягченному¹⁰, учения¹¹ же¹² любозрителнаго¹³ уклонителю¹⁴, ненаученным¹⁵ своим¹⁶ кичением¹⁷ философиши¹⁸, и¹⁹ мудрствуеши²⁰, и²¹ мятешися²², и²³ плевелы²⁴ своя²⁵ в²⁶ мир²⁷ всевателю²⁸, господину²⁹ моему³⁰ имярек³¹.

56. В¹ полк² другу³. Христовою⁴ благодатию⁵ преосвященному⁶, истинному⁷ над⁸ враги⁹ победителю¹⁰, в¹¹ различных¹² битвах¹³ частыми¹⁴ ранами¹⁵ учащенному¹⁶, паче¹⁷ же¹⁸ и¹⁹ в²⁰ православии²¹ сияюще²², за²³ святыя²⁴ церкви²⁵ душу²⁶ свою²⁷ полагателю²⁸, государю²⁹ моему³⁰ имярек³¹.

57. Ко¹ учителю². Философу³ премудрому⁴, и⁵ дияскалу⁶ преизящному⁷, божественных⁸ дохмат⁹ рачителю¹⁰, язовиту¹¹ пресветлому¹², яснозрителнаго¹³ учения¹⁴ насладителю¹⁵, от¹⁶ невежества¹⁷ в¹⁸ разум¹⁹ всех²⁰ приводиши²¹ и²² уче-

ние²³ свое²⁴ предоброе²⁵ всем²⁶ простираеши²⁷, великому²⁸ лагофету²⁹ и³⁰ учителю³¹, государю³² моему³³ имярек³⁴.

58. **К¹ другу² же³**. Христоугодителному⁴, и⁵ христослужителному⁶, великому⁷ советнику⁸ моему⁹, и¹⁰ крепким¹¹ тайнам¹² хранителю¹³, и¹⁴ другу¹⁵ сердечному¹⁶, благообразному¹⁷, тиху¹⁸, и¹⁹ кротку²⁰, паче²¹ же²² и²³ в²⁴ дружелюбии²⁵ сияющу²⁶, // (л. 194 об.) государю²⁷ моему²⁸ имярек²⁹.

59. **К¹ другу² же³**. Христовым⁴ скифетром⁵ сокровищу⁶ неистошаему⁷, ходатаю⁸ твердому⁹, душу¹⁰ свою¹¹ за¹² друга¹³ своего¹⁴ полагателю¹⁵, другу¹⁶ сердечному¹⁷, возрасту¹⁸ благообразному¹⁹, сосуду²⁰ избранному²¹, паче²² же²³ в²⁴ православии²⁵ сияющу²⁶, государю²⁷ моему²⁸ имярек²⁹.

60. **К¹ царьскому² полатнику³**. От⁴ благаго⁵ и⁶ великаго⁷ Бога⁸ почтенному⁹, и¹⁰ от¹¹ царя¹² превознесенному¹³, царьскому¹⁴ предстоятелю¹⁵, и¹⁶ его¹⁷ пресветлых¹⁸ царских¹⁹ очей²⁰ насладителю²¹, храброму²² воину²³, и²⁴ оружнику²⁵ преизящному²⁶, государю²⁷ моему²⁸ имярек²⁹.

61. **От¹ вдовы² сыну³**. От⁴ пустынных⁵ горлица⁶ вдовства⁷ смиренного⁸, заклепанный⁹ голубица¹⁰, от¹¹ смутных¹² утробы¹³, от¹⁴ матери¹⁵ едиnorodных¹⁶, от¹⁷ теснаго¹⁸ ума¹⁹, языка²⁰ недоуметелна²¹, сыну²² моему²³ имярек²⁴.

62. **К¹ воину²**. От³ херувимскаго⁴ и⁵ страшнаго⁶ царя⁷ царствующаго⁸ Христа⁹ почтенному¹⁰, крепкому¹¹ воину¹², и¹³ оруженосцу¹⁴ изрядному¹⁵, взору¹⁶ благообразному¹⁷, другу¹⁸ сердечному¹⁹, в²⁰ победе²¹ преславному²², государю²³ моему²⁴ имярек²⁵.

63. **Царьскому¹ постелнику²**. Царских³ позлащенных⁴ и⁵ превысачайших⁶ полат⁷ жителю⁸, и⁹ его¹⁰ пресветлых¹¹ царских¹² очей¹³ насладителю¹⁴, корене¹⁵ превысачайшу¹⁶, драгия¹⁷ ветви¹⁸ позлащенные¹⁹, государю²⁰ моему²¹ имярек²².

64. **Казначею¹ царьскому²**. Царьскаго³ сокровища⁴ збирате // (л. 195) лю⁵, и⁶ велехвалнаго⁷ Бога⁸ богатетства⁹ хранителю¹⁰, и¹¹ всея¹² царския¹³ казны¹⁴ здержателю¹⁵, благому¹⁶ корене¹⁷, ветви¹⁸ позлащенные¹⁹, паче²⁰ же²¹ во²² православии²³ живущему²⁴, государю²⁵ моему²⁶ имярек²⁷.

65. **К¹ воеводе² в³ полк⁴**. Царскою⁵ превысачайшею⁶ частию⁷ почтенному⁸, на⁹ враги¹⁰ крепкому¹¹ оружнику¹², воеводе¹³ преславному¹⁴, и¹⁵ в¹⁶ победе¹⁷ превознесенному¹⁸, паче¹⁹ же²⁰ и²¹ в²² православии²³ живущему²⁴, государю²⁵ моему²⁶ имярек²⁷.

* Далее зачеркнуто воину.

** Далее зачеркнуто другу сердечному.

66. **Святителю**¹. Чеснейшаго² столпа³, церковнаго⁴ верха⁵ превысочайшаго⁶, дохмат⁷ божественных⁸ рачителя⁹, отцем¹⁰ отца¹¹, и¹² правителя¹³ кафолическия¹⁴ великия¹⁵ церкви¹⁶, иже¹⁷ на¹⁸ востоце¹⁹, яко²⁰ солнце²¹, сияет²² на²³ всю²⁴ вселенную²⁵, архиерею²⁶ великому²⁷, господину²⁸ кир²⁹ имярек³⁰.

67. **К¹ другу² в³ полк⁴**. Честнаго⁵ корене⁶, благия⁷ отрасли⁸, ветви⁹ позлащенныя¹⁰, в¹¹ воинстве¹² превознесенному¹³, в¹⁴ победе¹⁵ преславному¹⁶, в¹⁷ разуме¹⁸ преизящному¹⁹, в²⁰ дружелюбии²¹ сияющу²², государю²³ моему²⁴ другу²⁵ сердечному²⁶ имярек²⁷.

68. **Священноиноку**¹. Чюднаго² и³ всесилнаго⁴ и⁵ великого⁶ Бога⁷ достойнослужителю⁸, ангилскаго⁹ жития¹⁰ подражателю¹¹, по¹² всеночных¹³ молитвах¹⁴ стоятелю¹⁵, и¹⁶ целомудренному¹⁷ целителю¹⁸, корения¹⁹ же²⁰ греховнаго²¹ от²² сердца²³ искоренителю²⁴, в²⁵ преподобии²⁶ сияющу²⁷, государю²⁸ моему²⁹ священноиноку³⁰ имярек³¹.

69. **К¹ старцу**². Широкаго³ и⁴ пространна // (л. 195 об.) го⁵ пути⁶ уклонителю⁷, от⁸ прелести⁹ мирския¹⁰ отбегшему¹¹, уским¹² путем¹³ ходити¹⁴ желателю¹⁵, ангельскаго¹⁶ жития¹⁷ ревнителю¹⁸, твердому¹⁹ адаманту²⁰, столпу²¹ непоколебимому²², во²³ преподобии²⁴ сияющу²⁵, государю²⁶ моему²⁷ великому²⁸ старцу²⁹ имярек³⁰.

70. **К¹ святителю**². Шатателныя³ и⁴ богомерския⁵ ереси⁶ попирачителю⁷, злых⁸ еретик⁹ обличителю¹⁰, твердому¹¹ адаманту¹², и¹³ крепкому¹⁴ на¹⁵ враги¹⁶ стоятелю¹⁷, неуклонному¹⁸ в¹⁹ вере²⁰ поборнику²¹, великому²² святителю²³, столпу²⁴ церковному²⁵, господину²⁶ имярек²⁷ митрополиту²⁸.

71. **К¹ святителю**². Щедраго³ и⁴ великаго⁵ Бога⁶ призывателю⁷, и⁸ его⁹ непостижимым¹⁰ милосердием¹¹ почтенному¹², страшнаго¹³ престола¹⁴ Божия¹⁵ достойнослужителю¹⁶, и¹⁷ от¹⁸ всех¹⁹ и²⁰ за²¹ вся²² трисвятую²³ песнь²⁴ приносителю²⁵, великому²⁶ государю²⁷, преосвященному²⁸ архиепископу²⁹ имярек³⁰.

72. **К¹ другу**². Обрете³ в⁴ разуме⁵, и⁶ в⁷ смысле⁸ непоколебимому⁹, остроумием¹⁰ бо¹¹ своим¹² любомудренным¹³ украшаему¹⁴, посреде¹⁵ Богом¹⁶ насажденнаго¹⁷ винограда¹⁸ Христова¹⁹ рода²⁰ человеческого²¹ жителю²², государю²³ моему²⁴ другу²⁵ сердечному²⁶, совету²⁷ неизреченному²⁸ имярек²⁹.

73. **Мужу¹ от² жены³**. О⁴ славоточному⁵ моему⁶, милосердному⁷, любожелателному⁸, Богом⁹ дарованному¹⁰ закону¹¹, по¹² заповеди¹³ святых¹⁴ отец¹⁵ и¹⁶ апостол¹⁷ восприимшему¹⁸, государю¹⁹ моему²⁰ имярек²¹.

НЕКОТОРЫЕ ОБРАЗЦЫ ПОСЛАНИЙ «АЗБУЧНОГО ПИСЬМОВНИКА»,
ОТСУТСТВУЮЩИЕ В ОСНОВНОМ СПИСКЕ Q14

1. *Основной список* — У87.

Разночтения — Н4, С15, Т2, Р9, 34, О58, Щ43, У84, Б5.

(л. 8) **К¹ мудрому² человеку³**. Философского⁴ высокого⁵ учения⁶ всех⁷ в⁸ разуме⁹ удивляеши¹⁰, риторского¹¹ же¹² любомудрия¹³ до¹⁴ конца¹⁵ извыкшему¹⁶, преизящного¹⁷ и¹⁸ божественного¹⁹ учения²⁰ рачителю²¹, диаскалу²² премудрому²³, логофету²⁴ преизящному²⁵, государю²⁶ моему²⁷ имярек²⁸.

2. *Основной список* — У87.

Разночтения — С15, Р9.

(л. 9) **Ко¹ иерею²**. Щедрого³, и⁴ человеколюбивого⁵, великого⁶ Бога⁷ достойнослужителю⁸, и⁹ его¹⁰ всещедрым¹¹ милосердием¹² почтенному¹³, душ¹⁴ и¹⁵ телес¹⁶ человеческих¹⁷ чистителю¹⁸, и¹⁹ корения²⁰ греховного²¹ от²² сердца²³ искоренителю²⁴, государю²⁵ священноерею²⁶ имярек²⁷.

3. *Единственный список* — Н4.

(л. 125) **Ко отроку**. Нелицемерному совету, юному леты, и многолетному в разуме, яко ж огнем, сердце мое пополяеши, и образом прекрасным составы моя сумняеши, и веселым же возрением и медоточными и лепыми глаголы душу мою возвеселяеши, государю моему другу имярек.

4. *Единственный список* — Н4.

(л. 125) **Ко отроковицы**. Непрестанному любве, привету нелицемерному, отроковицы прекрасныя, чистоты прелепныя, улыбанию и смеху полезному, взору веселому, гласу медоточному, государыне моей отроковице номилшия (!) именем.

5. *Основной список* — Н4.

Разночтения — Р9, 34, О9, О58, Щ43.

(л. 125 об.) **От¹ жены² к³ мужу⁴**. Обретенному⁵ сокровищу⁶, веселию⁷ моему⁸ худоумию⁹, по¹⁰ закону¹¹ Божию¹² и¹³ по¹⁴ преданию¹⁵ апостолску¹⁶ со¹⁷ мною¹⁸ живущему¹⁹, любителю²⁰ моему²¹ сердечному²², далнеоколному²³ розтоятелю²⁴, государю²⁵ моему²⁶ имярек²⁷.

6. Основной список — Н4.

Разночтения — Р9, 34, О9, О58, У84.

(л. 126 об.) **От¹ жены² к³ мужу⁴**. О⁵ сладостному⁶ моему⁷ милосердному⁸ сердечному⁹ другу¹⁰, любовь¹¹ твоя¹² снедает¹³ утробу¹⁴ мою¹⁵, совету¹⁶ моему¹⁷ и¹⁸ благодателю¹⁹, со²⁰ мною²¹ бо²² закон²³ Божий²⁴ по²⁵ апостолу²⁶ восприимшему²⁷, и²⁸ от²⁹ твоей³⁰ добродетели³¹ велми³² сердцем³³ уязвляюся³⁴, болю³⁵ утробю³⁶, государю³⁷ моему³⁸ имярек³⁹.

7. Основной список — Н4.

Разночтения — С15, К1, Р9, О9.

(л. 130 об.) **Ко¹ отроковице²**. Сладостныя³ гортани⁴, словеси⁵ медоточнаго⁶, красоты⁷ безмерныя⁸, привету⁹ нелицемерному¹⁰, чистоты¹¹ прелепныя¹², улыбанию¹³ во¹⁴ смеянии¹⁵ и¹⁶ полезному¹⁷, взору¹⁸ веселому¹⁹, паче²⁰ же²¹ и²² в²³ православии²⁴ живожня (!)²⁵, государыне²⁶ моей²⁷ имярек²⁸.

8. Основной список — С15 (ср. Q14, послание № 8).

Разночтения — К1.

(л. 117 об.) **Посланейцо¹**. Пречестныя², и³ великия⁴, и⁵ многословущия⁶, и⁷ вездеимянитыя⁸ обители⁹, Богом¹⁰ устроенныя¹¹ ко¹² спасению¹³ ползы¹⁴ ради¹⁵ душевныя¹⁶ ищущим¹⁷ и¹⁸ желающим¹⁹ видети²⁰ неизреченныя²¹ славы²² горняго²³ Иерусалима²⁴, иде²⁵ же²⁶ желают²⁷ ангели²⁸ приникнути²⁹ зрети³⁰ неизглаголанныя³¹ радости³², дому³³ пречистыя³⁴ Богородицы³⁵ честнаго³⁶ и³⁷ славнаго³⁸ ея³⁹ имярек⁴⁰ и⁴¹ лавры⁴² преподобнаго⁴³ и⁴⁴ богоноснаго⁴⁵ отца⁴⁶ нашего⁴⁷ имярек⁴⁸, государю⁴⁹ великому⁵⁰ имярек⁵¹ многогрешный⁵² чернец⁵³ или⁵⁴ мирский⁵⁵ человек⁵⁶ имярек⁵⁷ Бога⁵⁸ молит⁵⁹ и⁶⁰ челом⁶¹ бьет⁶². Отпиши⁶³ ко⁶⁴ мне⁶⁵, государь⁶⁶ мой⁶⁷, как⁶⁸ тебя⁶⁹ Бог⁷⁰ милует⁷¹, а⁷² про⁷³ мое⁷⁴ убожество⁷⁵ спросиши⁷⁶, и⁷⁷ всемилостивый⁷⁸ Бог⁷⁹ ради⁸⁰ щедрот⁸¹ своих⁸², и⁸³ предстательством⁸⁴ владычицы⁸⁵ нашея⁸⁶ Богородицы⁸⁷, и⁸⁸ молитв⁸⁹ ради⁹⁰ преподобнаго⁹¹ отца⁹² нашего⁹³ имярек⁹⁴ чудотворца⁹⁵ еще⁹⁶ терпит⁹⁷ моему⁹⁸ окаянству⁹⁹, телесне¹⁰⁰ жив¹⁰¹, а¹⁰² в¹⁰³ душевне¹⁰⁴ толки¹⁰⁵ создавый¹⁰⁶ Господь¹⁰⁷ весть¹⁰⁸, по¹⁰⁹ неизреченным¹¹⁰ судбам¹¹¹ своим¹¹² своих¹¹³ си¹¹⁴ творит¹¹⁵, яко¹¹⁶ же¹¹⁷ волит¹¹⁸ его¹¹⁹ благодать¹²⁰.

9. Основной список — С15.

Разночтения — Р9.

(л. 135) **К¹ воеводе²**. Щастливому³ во⁴ бранех⁵, и⁶ в⁷ храбрости⁸ почтенному⁹, и¹⁰ в¹¹ победе¹² преславному¹³, стратигу¹⁴ крепкому¹⁵, и¹⁶ воеводе¹⁷ изрядному¹⁸, паче¹⁹ же²⁰ и²¹ в²² православии²³ живущему²⁴, государю²⁵ моему²⁶ имярек²⁷.

10. Единственный список — У84.

(л. 408) **Ко иконописцу.** Острохудожному превысочайшаго дела и благо-разсуднейшему недоуменных начертателю, изряднейшему знаменателю, и писателю мимошедшаго и настоящего и присносущнаго действия, и истиннейшему выобразателю первообразному чесных и святых икон, государю моему живописцу и благоусердному другу имярек.

11. Единственный список — У84.

(л. 411) **Х крылашанице иноке.** Яко некой поистинне златокованной трубе Христове, и благозвещающей гусли райстей, благогласней птице, и добропевной цевнице духовней, душевленному веселию, и благоискусней старице, и церковной певнице имярек.

12. Единственный список — У84.

(л. 412 об.) **От мужа к жене.** От иже сопряжняго ти законом, и от любезнейшаго его нрава удаленнейшаго расстоянием путным, ближнейшаго же со узом любовным имярек, жене моей возлюбленной имярек с чады моими мир и благодать Божия.

13. Единственный список — У84.

(л. 413) **К невесте ко отроковице.** Юнице добронравней, и союзнице любителне, ненасыщаеми зрением, и незабытным мыслию, светловозжением лучи, и сердечней любителней свещи, цвету красному и доброличному, ясному чюдному нраву, и добро возрасту составу, госпоже моей невесте, прекрасной отроковице имярек.

Послания литературного характера из письмовников

Послание-похвала Василию III

Единственный список — Q5.

(л. 101) И ону бы явился таков, яко же ты в благочестивых естество прародителех твоих сын Святославль, внук Игорев Владимир. Той убо крести Рускую землю святым крещением, и оттоле процвете православие. Есть бо по всем морем и островем грозная твоя и крестная херугви, их же бояца латынстии языци: литва, ляхи, немци, — и всяко бесерменское племя. Тии бо исчезают по темным нырищам дикаго и глубокаго поля. Еще бо грозы твоя боятца и не кочуют силные орды на Рускую крайну, на твою вотчину государеву, царь мудрый, Божий слуга, княз великий Василей Иванович всея Руси. Ты еси мудрая держава, искони бе самодержавный государь ты еси!

Послание-похвала Ивану Грозному

Единственный список — А4.

(л. 43 об.) Кто убо, по пророку, во святых божественных светлость п...де* и предвари, яко же ты, о христелюбивый и высокостольнейший царю! Благочестив, благоверен, вседержитель славы, в прародителех своих поколея (!) царьской ясности, яко же сын Святославль, внук Игорев, славнодержавный Владимир равноапостольный, свидетель во Христа и бога нашего благоверием показая, нашему спасению вина, иже убо иногда, яко Иван креститель, Июдею галелейскаго древле языка на крещение грядущу прият. Тако и сий Владимир, нарицаемый Василей, новый Иван креститель бысть: словяны же, и поляны, кривичи же, и плесковичи, и всю великую Русию, племя Афетова, сына Ноева, богословия си утробою и действием святого крещения породил. Оттуду бы и донине, чрез многая лета и времена, по приятием святых учений, яко же и днесь в твое христолубивое царство, верное православие всюду разширяемо цветет яко же и по суху, и по морю, и по островом, и по всем градовом, и по улисом по данней ти благодати. Повеле Бог всем странам твоим строением питатися и от твоего благоразумия всякая требовати потребности о устроении святых Божиих церквей, и о народнем пребывании, и о избавлении языческаго нашествия. Да не точию вящшее миру правило, но и малы нецы суть страстныя жалости в твои царьския слухи внушающесея кояждо своим страстем разрешение получаху.

* *Неразборчиво.*

Отрывок о Смутном времени

Единственный список — местный письмовник РНБ, О.XV.2.

(л. 17 об.) Слышах бо в нынешняя времена, каково бысть поколебание и разорение Российскаго государства многим градом и в них живущим православным людем и какова им бысть велия беда, и теснота, и гонение, иже нам и детем насилование и безчестие, яко даже неслыханно и от родов и в летописцех мало обретающася, яко же днесь збыться по всей великой Росии, како содеяшася. Кто не восплачет, тако слышах и паки видех! Грех ради наших пленуеми и пожигаеми, и церкви божия разоряеми, образы Божии поругаеми, и утварь, злато, и серебро, и камене господное, и бисеры драгие отъимаеми, тако же и святыи иконы безчестуеми, и раки святые златые и серебряные разсе // (л. 18) каеми. И мню, о преподобный отче, яз грешных, яко во многих местех болезнено от сердца стенающе, восплакашася, тако рекоша: «Где днесь красота церковная, и образ Божий, и святых икон образы честные, и драгие, и злати, и сребрении, тако же и сосуди церковныя, и ризы многоценные, и где красни гласи камбальныи, и где хлеб животный, слово Божие, и книги церковные и апостольские, и святых отец наказание и учение?» — Все в разхищении бысть. Христьяне же православнии посецаеми туне, и кровь, яко вода, проливаема повсюду ото поганых безбожнъя литвы, паче же и от своих посецаеми, и разоряеми, и поругаеми. И таковое в человецех // (л. 18 об.) неистовое дерзновение и мерзостное на земли творение содеяшася, яко и поругание древнее содомское исполняюще, злии человецы злое дело соделовающе, иноцы же от святых обителей и ото обещаний своих отбегоша, яко шурове отлетеша, мирстии же человецы в дальних странах крыющася, своих же и детей не знающе, тако же и матери своих чад лишаеми, плачущася, и чада — матерей своих тако же плачущася, инии же мнози пленени быша, и в поганския руки впадоша, и от православныя веры в чюждую в поганскую веру заведены быша...

Послание сына «от наготы гневнаго»

Единственный список — С15.

(л. 120 об.) Присному моему пречестному отцу, приведшему душу мою ко общему Творцу, государю моему, паче же и благоприятелю моему спастися и радоватися. Бьет челом сын твой, Богом даной, а дурак давной. Смилуйся, государь, для ипостаснаго троическаго Божества и для Христова от Девы рождества и для своея праведныя души глаголы моя внуши. Где моя грубость, покажи свою милость. Пожалуй меня, беднаго и от наготы гневнаго, одень мою спинку, вели дати свитку. Воистинно, государь, хожу гол, что бурой вол. Свитченко у меня одно, и то не бывало с плечь давно. И я, государь, храню свой

обет и за то хошу быти одет. Смилуйся, государь, прикажи вьскоре размыт мое горе и угаси рыдание слезное, да в царствии небеснем обрящещи пристанище полезное. Ведая бо, государь, толикую твою мощь, надеюся не отъйти от тебя тощъ. Здрав буди, толко меня не забуди.

Послание заключенному

Единственный список — С15.

(л. 155) Господину онсице челом бью. Дивлюсь убо твоему многосудителному уму. По нему же неславная и нелепослышная достойнодвство учинил еси, его же несмысленнии младенцы стыдятся действовать. И в чяс, в он же помыслил еси в путное шествие, и в то время приступила к тебе дуристъ и ударила тебе в бок, — и то тебе вечной зарок. И потом пришел к тебе бес, и завел тебя в лес, и там положил на тебя свою узду, и въехал на тебе в тюрьму. Поистинне от неких некая притчя реченна бысть: не давай бешену черньцу молока, да не залетит за оболока. И тебе убо вместо млека дали меду. И ты убо презрел мед и восхотел еси в тюрме леду. И ныне спасения ради своего тамо пребываеши, и не веси, камо помышляеши. Аще и мысль твоя // (л. 155 об.) высокопарителнейша, но твердейша ея четверугольные стены преподобное твое тело огражают. Тамо жителство имей и неисходително пребывай, дондеже воздаси последним. Кондрат.

«Послание к звавшим, а самим себя дома не оказавшим»

Единственный список — сборник виршевых посланий ГИМ, собрание Барсова, 470.

(л. 26) Пожаловал ты, государь, вчера нас к себе примолвил,
а з домашними своими ся не смолвил.

Мы к тебе пришли,
да тебя дома не нашли.

Ноги загрязнили,
а реченнаго тобою не получили.

Круг слободы обошли,
да и по домам ся разошли.

Гостей ты к себе звал,
а сам себя и дома не сказал.

Двор твой едва нашли,
а на двор не за великим не пошли,

// (л. 26 об.) потому что ворота затворены
да сверх тово великим древом завалены.

Спаси Бог тебе и на том, что у ворот твоих постояли

да на избные окна посмотрели.
С чем к двору твоему пришли,
с тем и по домам ся розошли.
Пришли было и званы,
да благо домой пошли не драны.
А после и сами ся дивили,
что благо здорово сходили.
Молим, государь, Бога,
чтоб тебе воздал за наш протор толика ж блага.
Елика ты воздал нам,
толико бы Бог воздал вам.
Нам было хотелося испить не для пьянства,
да у тебя к нам не стало духовного братства.
Тем бы мы тебя не испроторили,
// (л. 27) чтоб по чарке вина выпили.
Когда тебе показался убыток,
А Бог бы тебе воздал со сторицею прибыток.
Мы к тебе не называлися,
еще было и отбивалися.
И ты нам велми притужал,
а как мы пришли, и ты ся и дома не сказал.
Лише труд сотворил нашим ногам,
наипаче же и сапогам.
Толко бы мы то ведали,
и мы б лутчи дома обедали,
а к тебе не ходили
и у ворот твоих не стояли.
Впервые было у тебя сошлося,
да и того не збылося.
Хороши твои хвасты,
стол бы у тебя были хлебы квасны.
// (л. 27 об.) Был ты нам добродейца,
а вчера нам стал пуще всякого лиходейца.
Неведомо, как тебя похвалить
или чем у тебя применить.
А за твою добродетель
буди ты многолетен.
А за твое лгание
подай нам Бог молчание.

Хотели было говорить,
да жаль тово, чтоб тебя не осоромотить.
И вперед нам твоего жалованье не забыть,
а тебе б сорому своего не избыть.

Разночтения

«Неоаглавленный письмовник»

II РЕДАКЦИЯ

1. Единственный список — С144.

¹Благих в аналогичных выражениях С144Q3.

2. Единственный список — С144.

¹славимаго в аналогичных выражениях С144Q3. ²господства ти в аналогичных выражениях С144Q3.

3. Разночтения — Q3.

¹Нет. ²патриарху или митрополиту. ³⁻³Нет. ⁴Нет. ⁵многому ⁶премудрости ⁷⁻⁷Нет. ⁸⁻⁸наипаче же посетителю, и покровителю, и заступнику словесным овцам ⁹⁻⁹Нет. ¹⁰их же ¹¹Нет. ¹²достойно пролия и ¹³⁻¹³господину ми святому патриарху кир ¹⁴земнаго ¹⁵⁻¹⁵Зде пиши, елико ти требе о многих вещех, а се конец. ¹⁶⁻¹⁶благий господь Бог, и пречистая Богородица, и великие чудотворцы да сподобять мя, грешнаго, святых ¹⁷Нет. ¹⁸твоих ¹⁹⁻¹⁹прощение грехов

4. Единственный список — С144.

¹Испр.; имену С144.

5. Единственный список — С144.

¹Испр.; иноце С144. ²⁻²Доб.; нет С144. ³Испр.; бладати С144.

6. Единственный список — С144.

¹Испр.; и всякому С144. ²Испр.; пощениемь С144.

III РЕДАКЦИЯ

1. Разночтения — У1, М7, Т3. Разночтения А5 не даются, так как полностью совпадают с Т3. Отдельно см. С5, А4, С145 (компиляции).

¹⁻¹Послание к святителю: митрополиту, епископу У1М7; Послание святителю Т3. ²Испр.; так У1М7Т3; божествей Q15. ³облагодаяющему У1М7. Доб. и

У1М7Т3. ⁴ *Испр.*; так У1М7Т3; рева Q15. ⁵⁻⁵ вышняго промысла Т3. Доб. и У1. ⁶ Преславнаго У1Т3; прекраснаго М7. ⁷ спасаемаго Т3. ⁸ Доб. того У1М7. ⁹ Доб. в У1М7. ¹⁰ Нет Т3. ¹¹⁻¹¹ о добродетели и М7. ¹² Доб. во Т3. ¹³ иже У1М7. ¹⁴ Т3 на этом обрывается. ¹⁵ гласа оного У1. ¹⁶⁻¹⁶ рабе добрый У1; добрый рабе М7. ¹⁷ глава У1М7. Доб. и М7. ¹⁸ *Испр.*; так У1М7; преже драгаго Q15. ¹⁹ Нет У1М7. ²⁰ благодатное М7. ²¹ Доб. е У1. ²²⁻²² *Испр.*; так М7; пребыванье благых овцах У1; пребывании благых овцах Q15. ²³⁻²³ *Испр.*; так У1М7; слышит и познавает Q15. ²⁴ Доб. и У1М7. ²⁵⁻²⁵ пастыря начальник М7. ²⁶⁻²⁶ того места У1. ²⁷ Доб., ср. ниже С5А4. ²⁸ Доб. благоразумному У1М7. ²⁹ смиренное метание У1М7. ³⁰ иже У1; нет М7. ³¹ тебя М7. ³² помощи М7. ³³ благодаренье У1; благодарения М7. ³⁴⁻³⁴ Нет М7. ³⁵ зазор У1М7. ³⁶ иже У1. ³⁷ Нет У1. ³⁸ владычества У1М7. ³⁹ иже У1; нет М7.

2. Разночтения — У1, М7, Т6. Отдельно см. А4, С145 (компиляции).

¹ Нет М7. ²⁻² благодатию известованному У1М7Т6. ³ *Испр.*; так У1М7Т6; настояния Q15. ⁴ врученному У1М7Т6. ⁵⁻⁵ духовными постыся труды У1; духовными пастыся труды М7; повстыся духовными труды и Т6. ⁶ Нет У1М7Т6. ⁷⁻⁷ и от того сугубьстве У1; о того сугубьственне М7; от того сугубьства Т6. ⁸ Доб. услышати сладкаго и Т6. ⁹⁻⁹ оного спасителнаго У1М7; спасителнаго оного Т6. ¹⁰ и еже М7. ¹¹ благоспасаемаго М7; Богом спасаемаго Т6. ¹² Доб. имярек М7. ¹³⁻¹³ Доб. святейшему архиепископу У1. На этом У7 обрывается. Нет Т6. ¹⁴⁻¹⁴ Богом врученному У1; от Бога врученнаго Т6. ¹⁵ Нет Т6. ¹⁶ Нет У1Т6. ¹⁷ Нет Т6. ¹⁸⁻¹⁸ ти владычества У1; величества Т6. ¹⁹ Нет У1Т6. ²⁰ Божия У1. ²¹ *Испр.*; так Т6; нет У1; град Q15. ²² благодарение У1. ²³⁻²³ ти святаго владычества У1. ²⁴ Нет Т6. ²⁵ Нет У1Т6. ²⁶ свершенья У1. ²⁷ Нет У1. ²⁸ Доб. бо У1Т6. ²⁹ Нет У1. ³⁰ нас У1Т6. ³¹⁻³¹ всечасне У1; всечестне и Т6. ³² Доб. и Т6. ³³ Доб. конец Т6. ³⁴ Нет У1Т6. ³⁵ Нет У1.

3. Разночтения — У1, С145, Т6.

¹ Нет Т6. ²⁻² Нет С145. ³ Доб. ко У1. ⁴ благочестивому С145Т6. ⁵ христоролюбивому С145. ⁶⁻⁶ Нет У1С145Т6. ⁷ Нет У1Т6. ⁸ Доб. и благородному Т6. ⁹ господину У1С145Т6. ¹⁰ Нет С145. Доб. святому У1С145Т6. ¹¹⁻¹¹ Нет С145; или князю Т6. ¹² господину У1. ¹³ Доб. ти С145. ¹⁴⁻¹⁴ аще и многих С145; аще убо и многими Т6. ¹⁵ *Испр.*; так У1Т6; грех С145; аще убо и многими Т6. ¹⁵ *Испр.*; так У1Т6; грех С145; гре Q15. ¹⁶ Нет С145. ¹⁷ Бога и господя С145; нет Т6. ¹⁸⁻¹⁸ пречистую его Т6. ¹⁹ Нет У1Т6. ²⁰ живота Т6. ²¹ о Т6. ²² Доб. и Т6. ²³⁻²³ великого или С145; и великаго Т6. ²⁴ Нет У1С145. ²⁵ государства Т6. ²⁶ Нет Т6. ²⁷ Доб.; так У1Т6; нет Q15; воспоминаю С145. ²⁸⁻²⁸ Доб.; так С145Т6; ти У1. ²⁹ Нет С145Т6. ³⁰⁻³⁰ в благых бо У1; Бог во многих С145; Бог благиих Т6. ³¹ Доб. ти С145Т6.

³² святого *С145*. ³³ царства *С145*. ³⁴ или *С145*. ³⁵ *Нет С145*. ³⁶ *Нет У1С145Т6*. ³⁷ господства. Аминь *С145*; государству. Аминь *Т6*. ³⁸⁻³⁸ *Нет У1С145Т6*.

4. Разночтения — У1, С145, Т6.

¹ *Нет Т6*. ² властелем *С145*. ³ *Доб.* и *У1С145Т6*. ⁴ *Нет Т6*. ⁵ *Доб.* господину *Т6*. ⁶⁻⁶ *Нет Т6*. ⁷⁻⁷ *Нет С145*. ⁸ *Доб.* творю *С145*. ⁹ *Доб.*; так *У1С145*; *нет Q15Т6*. ¹⁰ *Нет С145Т6*. ¹¹ *Нет Т6*. ¹² яко *С145*. ¹³ *Нет С145*. ¹⁴ жителницу *У1*. ¹⁵ благодаренными *С145*; благородство *Т6*. *Доб.* ти *У1*; твое и *Т6*. ¹⁶ чада. О сем вспоминаю господство ти *Т6*. ¹⁷ *Нет У1*. ¹⁸⁻¹⁸ всеблагий Бог да умножит в благих *С145*; всеблагий во благих Бог да умножит ти *Т6*. ¹⁹ господству *Т6*.

5. Разночтения — У1, С145, Т6.

¹⁻¹ Властеля калугером *У1*; к власти калугером *С145*; ко священноинику *Т6*. ² достойному почтенному *Т6*. ³ иже *Т6*. ⁴ преподобнейшу *У1*; преподобнейшему *С145Т6*. *Доб.* господину *С145*. ⁵ и отцу *С145*; господину *Т6*. ⁶ *Нет У1*. ⁷⁻⁷ оисица(!) грешный *У1*; грешный онсий(!) имярек *Т6*. ⁸ смиренное метание *У1*; смиренное метание до лица земнаго *С145*. ⁹ твоему *Т6*. ¹⁰ *Нет У1С145Т6*. ¹¹ *Испр.*; так *У1С145Т6*; недоиньством *Q15*. ¹² *Доб* но *Т6*. ¹³ дръзая *У1С145Т6*. *Доб.* и *С145Т6*. ¹⁴⁻¹⁴ *Нет У1С145Т6*. ¹⁵ *Нет Т6*. ¹⁶ *Доб.* и *Т6*. ¹⁷ исполнити *С145*. ¹⁸⁻¹⁸ от добродетели *У1*; о добродетели *Т6*. ¹⁹⁻¹⁹ слова Божия *Т6*. ²⁰⁻²⁰ есть лепо *Т6*. ²¹ достоить *У1*; душевно *С145*. ²² *Нет У1*. ²³ мнозех *С145*. ²⁴⁻²⁴ *Нет У1С145Т6*. ²⁵⁻²⁵ но еще *С145*; ино еще *Т6*. ²⁶ *Доб.* сию *У1С145*. ²⁷ *Доб.* сию *Т6*. ²⁸ благодарящу *Т6*. ²⁹ мнозем *С145*. ³⁰ *Нет С145*. ³¹ суще *С145*. ³²⁻³² по гресех *У1*; о гресех *С145Т6*; по гресех *исправление на поле С145*. ³³ *Доб.* и *Т6*. ³⁴ *Доб.* и *Т6*. ³⁵ хотение *С145*. ³⁶ *Нет Т6*. ³⁷ неискудное *У1*; нескудное *С145*; неоскудное *Т6*. ³⁸ *Нет Т6*. ³⁹ *Нет Т6*. ⁴⁰⁻⁴⁰ как есть *С145*. ⁴¹ *Нет С145*. ⁴² *Доб.* и *С145*. ⁴³⁻⁴³ преподобьствие твое и *С145*. ⁴⁴ неискудну *У1*; неоскудну *С145*. ⁴⁵ *Доб.* и *У1Т6*. ⁴⁶ *Нет Т6*. ⁴⁷⁻⁴⁷ *Нет У1С145Т6*. ⁴⁸ *Доб.*; так *У1С145Т6*. ⁴⁹ твоих *С145*.

6. Разночтения — У1.

¹⁻¹ велику старцу ² *Нет*. ³ ми ⁴ смиренное метание ⁵ *Нет*. ⁶ *Нет*. ⁷ *Доб.* ми ⁸ сущу ⁹ благодареньем ¹⁰ воне ¹¹⁻¹¹ *Нет*. ¹² да ¹³ *Нет*. ¹⁴⁻¹⁴ прекрасную честность ¹⁵⁻¹⁵ *Нет*. ¹⁶ *Нет*. ¹⁷ *Доб.* во благих ¹⁸ иже ¹⁹ *Доб.* Конец.

7. Разночтения — С145.

¹ *Доб.* моему ² творю ³⁻³ Христа ⁴ сего ⁵ *Нет*. ⁶ описание ⁷ под кровом ⁸⁻⁸ *Нет*. ⁹ *Доб.* святою ¹⁰⁻¹⁰ *Нет*. ¹¹ *Нет*.

8. Разночтения — C145, C5.

¹⁻¹ к супротивному C145; о съпротивному(!) C5. ² Доб. а C145. ³ Доб. ми C5. ⁴ Нет C145C5. ⁵ Испр.; так C145C5; рева Q15. ⁶ Доб. убо C145. ⁷ Нет C5. ⁸ там C145. ⁹⁻⁹ внесл есми C145. ¹⁰ Нет C145C5. ¹¹ Доб. ничто же C145; доб. что C5. ¹² Доб. убо C145. ¹³ Нет C5. ¹⁴ Доб. ми C145. ¹⁵ Доб. я C5. ¹⁶ пришед C145. ¹⁷ и отиду C145. ¹⁸⁻¹⁸ Нет C145C5. ¹⁹ убоюся C145. ²⁰ на C145. ²¹ онех C145C5. ²² пребают (!) C145; прибывают C5. ²³ Доб. и в C145; и C5. ²⁴ придут. Конеч. Аминь C145; подающе C5. Далее в C5 приписка другим почерком: К сему припиши ответ Великаго Василия, еже вещь Медосту епарху.

«Посланием начало»

1. Разночтения — C1, C9, B1, F2, Q5, Щ46, A1.

¹⁻¹ Переставлены F2. Послание Щ46A1. ² Нет Щ46A1. ³ Нет Щ46A1. ⁴ благоизбраннаго Щ46A1. ⁵ законе C9. ⁶ благодати C9B1F2Q5Щ46A1. ⁷ обладающе-му C1B1F2Q5Щ46A1. ⁸ Доб. и Щ46. ⁹ Доб. реку A1. ¹⁰ Доб. имярек B1F2. ¹¹ Слышав B1F2Q5Щ46A1. ¹² Нет Щ46. ¹³⁻¹³ Нет F2. ¹⁴ Нет Щ46A1. ¹⁵ слышати B1F2Щ46A1; слышети Q5. Доб. и F2. ¹⁶ Нет F2. ¹⁷ Нет Щ46. ¹⁸ Доб. носим Q5Щ46A1. ¹⁹ Нет F2. ²⁰ Доб. пекыйся Q5Щ46A1.

2. Разночтения — C1, C9, B1, F2, Q5, Щ46, A1, H4.

¹ ино Щ46. ²⁻² Нет H4. ³⁻³ Нет Щ46A1H4. ⁴ Доб. и H4. ⁵⁻⁵ Нет Q5Щ46A1; и H4. ⁶ Нет H4. ⁷ Нет B1F2Q5Щ46A1H4. ⁸⁻⁸ Нет H4. ⁹ Нет F2H4. ¹⁰ но и паче A1H4. ¹¹⁻¹¹ Нет Q5Щ46A1H4. ¹² Христовам (!) H4. ¹³ своею (!) H4. ¹⁴⁻¹⁴ Нет H4. ¹⁵ священноначалнику A1. ¹⁶⁻¹⁶ Нет Щ46A1. ¹⁷⁻¹⁷ Нет H4. ¹⁸ Нет F2. ¹⁹ На этом H4 обрывается. ²⁰ сказывается Щ46. ²¹ Нет C9B1F2Щ46A1. ²² мене B1. ²³ и Q5Щ46A1. ²⁴ почитаеши Q5Щ46A1. ²⁵ Нет Щ46; что яко A1. ²⁶ Божий F2. ²⁷ писании A1. ²⁸ Нет F2. ²⁹ геоны F2. ³⁰ возвещает Щ46A1. ³¹⁻³¹ прежеречения Q5Щ46A1. ³² есми Q5Щ46A1. Доб. господине C9. ³³ говорил A1. ³⁴⁻³⁴ Переставлены C1B1F2Q5Щ46A1. ³⁵ есми F2. ³⁶ ныне F2Щ46A1. ³⁷ господа Щ46. ³⁸ сушаго A1. ³⁹ Доб. и F2. ⁴⁰⁻⁴⁰ Переставлены C9. ⁴¹ и A1. ⁴² крепки F2. ⁴³ Бог F2. ⁴⁴ Нет F2Щ46A1. ⁴⁵ послушествуя F2. ⁴⁶ Нет F2Щ46A1. ⁴⁷ глаголя Щ46A1. ⁴⁸ Нет Щ46. Доб. а F2; доб. и A1. ⁴⁹⁻⁴⁹ Нет Щ46A1. ⁵⁰ убожит Q5Щ46A1. ⁵¹⁻⁵¹ богатаго творити F2. Доб. и Q5. ⁵² Нет Щ46A1. ⁵³ Нет Щ46A1. ⁵⁴ Нет Щ46A1. ⁵⁵ наследити B1F2Щ46A1. Доб. ему Щ46A1. ⁵⁶⁻⁵⁶ Видишь господине Щ46A1. ⁵⁷ вси B1Щ46A1. ⁵⁸⁻⁵⁸ господине Щ46A1. ⁵⁹ сладки F2. ⁶⁰ неугодно Щ46A1. ⁶¹ кладяз Q5Щ46A1. ⁶² Нет F2. ⁶³ напаяются B1F2. ⁶⁴ господине Щ46A1. ⁶⁵ Нет A1. ⁶⁶ свою B1A1. ⁶⁷⁻⁶⁷ вашего разума Щ46A1. ⁶⁸ возстав F2Щ46A1.

⁶⁹ дружбу F2. ⁷⁰ Да не F2. ⁷¹ будите Щ46A1. ⁷² сладкоглаголива F2. ⁷³ помогайте F2. ⁷⁴ ми B1F2Q5Щ46A1. ⁷⁵ Нем F2. ⁷⁶⁻⁷⁶ рече своему философу B1F2; философу своему рече Q5Щ46A1. ⁷⁷ змия F2. ⁷⁸⁻⁷⁸ Нем Щ46A1. ⁷⁹ каменен F2.

3. Разночтения — C1, C9, B1, F2, Q5, Щ46, A1.

¹ Нем Щ46. ²⁻² Нем A1. ³ избранна Q5. ⁴⁻⁴ корени избранному и рождьшемуся во благочестии A1. ⁵ Нем C1. ⁶ закон C1. ⁷ божественныя A1. ⁸⁻⁸ Нем A1. ⁹ Доб. христианскаго A1. ¹⁰ Нем A1. ¹¹ блага A1. ¹² доброй A1. ¹³⁻¹³ Нем A1. ¹⁴⁻¹⁴ Нем A1. ¹⁵⁻¹⁵ сверстник своих, в духовных добродетелех сияющему(!), во смирении велицей(!) и во отческом наказании живущему, яко крин благоухания мудрости расцветушу A1. ¹⁶⁻¹⁶ паче солнечных лучь F2. ¹⁷ Нем F2. ¹⁸ борзопамятливому F2A1. ¹⁹⁻¹⁹ Нем A1. ²⁰ Нем Q5. ²¹ сладкоглаголивому F2. ²² Доб. имярек B1F2. ²³⁻²³ мне же всяко вожделенному имярек, многогрешный в человецех и недостойный раб Христу-богу имярек челом бую. Пожалуй, государь, не держи нас без вести о своем житье, како тебя господь Бог хранит и како одержим честию и любовию государською A1. ²⁴ Доб. и F2. ²⁵⁻²⁵ господине F2. ²⁶ воспоминаю F2; поминаю Q5. ²⁷⁻²⁷ а я, господине, когда услышу про твое здравие A1. ²⁸ Доб. господине C9. ²⁹⁻²⁹ да сохранит тя господь Бог в крове крылу своею от всех сетей сатанинских, и да утвердит тя в надежи жизни вечныя, и наставит тя на путь, ведущий к вышнему Иерусалиму, иде же тихий покой и радость неизглаголанна о Христе Иусе госпде нашем. И аще что неугодно явится пред очима твоима от сих начертанных писмен, и ты Господа ради на себе пренеси. А мы, грешни, великому господину много челом бьем A1. *Далее разночтения по другому, соседнему образу послания в A1.* ³⁰ многие F2. ³¹ есть F2. ³² бо ты C9. ³³ Нем F2. ³⁴ господине F2. ³⁵ исполнен F2. ³⁶ обдержим F2. ³⁷⁻³⁷ чистою C9. ³⁸ Доб.; так F2Q5; нет O51C1C9B1. ³⁹ Доб. и Q5. ⁴⁰ Нем A1. ⁴¹ будеши F2. ⁴²⁻⁴² Нем Щ46A1. ⁴³⁻⁴³ зла и он обрящется B1. ⁴⁴⁻⁴⁴ обрящется F2. ⁴⁵⁻⁴⁵ что скверно или зло кое глаголавша Щ46A1. ⁴⁶⁻⁴⁶ Нем Щ46A1. ⁴⁷⁻⁴⁷ добрые друзии F2; друзи добры Q5; добрый друг Щ46A1. ⁴⁸ Нем A1. ⁴⁹ Нем Щ46. ⁵⁰ Нем B1F2A1. ⁵¹ Доб. аще бо ты скверно глаголал что или кое зло F2. ⁵² Доб. он F2. ⁵³ отвещевати F2. ⁵⁴⁻⁵⁴ Нем Щ46A1. ⁵⁵ проженется C9. ⁵⁶ Иоанн F2. ⁵⁷ Нем F2. ⁵⁸ каплющу Q5. ⁵⁹ приемлю F2. ⁶⁰⁻⁶⁰ ты может избежати Q5. ⁶¹ концы F2. Доб. и B1F2. ⁶² убежати F2. ⁶³ бых Q5. ⁶⁴ Нем F2. ⁶⁵ мне Q5. ⁶⁶ Нем F2. ⁶⁷ Нем F2. ⁶⁸ ты C9. ⁶⁹ суд F2. ⁷⁰⁻⁷⁰ нудится F2. ⁷¹ изыти F2. ⁷¹ Нем Q5. ⁷³⁻⁷³ Нем F2. ⁷⁴ и паки рече Щ46A1. ⁷⁵ и Щ46. ⁷⁶ Доб. от Щ46A1. ⁷⁷ и A1. ⁷⁸ бо Щ46A1. ⁷⁹ ти Щ46A1. ⁸⁰⁻⁸⁰ Нем Щ46A1. ⁸¹ Нем F2. ⁸²⁻⁸² Нем F2. ⁸³⁻⁸³ Нем F2. ⁸⁴ различна Q5. ⁸⁵ име C1. ⁸⁶ веру F2. ⁸⁷ ти Щ46A1. ⁸⁸⁻⁸⁸ Нем Щ46A1. ⁸⁹⁻⁸⁹ Нем F2; Саломан Щ46A1. ⁹⁰ Нем C1Q5Щ46. ⁹¹⁻⁹¹ Нем F2Q5Щ46A1. ⁹² вси B1F2. ⁹³ и F2. ⁹⁴ Нем A1. ⁹⁵ Нем F2. ⁹⁶ Нем Щ46A1. ⁹⁷ вси B1F2. ⁹⁸ *Испр.; так C9B1F2Q5Щ46A1; кник-*

нут *О51*; крикнуть *С1*.⁹⁹ которого *Щ46А1*.¹⁰⁰⁻¹⁰⁰ *Нет F2*. *Доб.* и *Щ46А1*.¹⁰¹⁻¹⁰¹ *Нет F2Щ46А1*.¹⁰² многими *Q5*.¹⁰³⁻¹⁰³ *Нет F2*.¹⁰⁴⁻¹⁰⁴ *Нет Щ46А1*.¹⁰⁵⁻¹⁰⁵ *Следует после 114-114 Щ46А1*.¹⁰⁶ беде *С9Б1F2Q5Щ46А1*.¹⁰⁷ беде *F2*; *нет Щ46А1*.¹⁰⁸ *Нет Щ46А1*.¹⁰⁹⁻¹⁰⁹ *Нет Щ46А1*.¹¹⁰⁻¹¹⁰ *Нет F2*.¹¹¹⁻¹¹¹ *Нет Q5Щ46А1*.¹¹² являет *Б1*; *нет F2*.¹¹³⁻¹¹³ *Нет F2*.¹¹⁴⁻¹¹⁴ *Следует перед 105-105 Щ46А1*¹¹⁵⁻¹¹⁶ моль снедает *Щ46А1*.¹¹⁷⁻¹¹⁷ *Переставлены Щ46А1*.¹¹⁸ разсышут *Q5*.¹¹⁹⁻¹¹⁹ *Нет Щ46А1*.¹²⁰⁻¹²⁰ *Нет F2*.

4. Разночтения — *С1, С9, Б1, F2, Q5, Щ46, А1*.

¹⁻¹ *Нет Щ46А1*.² внутреннима *F2*.³ *Нет Q5*.⁴ събирающе *Q5Щ46А1*.⁵⁻⁵ *Нет С1*.⁶⁻⁶ *Нет Щ46*.⁷⁻⁷ *Нет С1*.⁸⁻⁸ полезная и спасеная *Q5Щ46*; полезная спасеная *А1*.⁹ *нех А1*.¹⁰ цветы мудрия *А1*.¹¹ *Нет А1*.¹² собираеши *А1*.¹³ мудрость *F2*.¹⁴ *Нет А1*.¹⁵ *Нет Щ46А1*.¹⁶ и *Щ46А1*.¹⁷ и *Щ46А1*.¹⁸ *Нет Q5*.

5. Разночтения — *С1, С9, Б1, F2, Q5, С7, Щ46*.

¹⁻¹ *Нет Q5С7Щ46*.² *Нет С1*.³ *Нет С1*.⁴ иже *Q5С7Щ46*.⁵⁻⁵ *Нет Q5С7Щ46*.⁶⁻⁶ *Нет Q5С7Щ46*.⁷ божожественных *Щ46*.⁸ *Доб.* изрядному проповеднику *Q5С7Щ46*.⁹ *Доб.* в *Q5С7Щ46*.¹⁰ высочайше пребывающему *Q5С7Щ46*.¹¹ *Нет Q5С7*.¹² великому *Q5*.¹³ добродоства *С1*.¹⁴⁻¹⁴ превеликаго разума Божиим милосердием *Q5С7Щ46*.¹⁵ исполнену *Щ46*.¹⁶⁻¹⁶ *Нет Q5С7Щ46*.¹⁷ скверстник(!) *F2*.¹⁸⁻¹⁸ истинной ветви *Щ46*.¹⁹ родителей *Q5С7Щ46*.²⁰ *Нет Q5С7Щ46*.²¹ *Доб.* же *Щ46*.²² *Нет Q5С7Щ46*.²³ *На этом Q5С7Щ46 обрываются*.²⁴ *Нет F2*.²⁵⁻²⁵ *Нет С1*.²⁶ *Доб.* и *С1С9Б1*.²⁷ пребывающе *С9*.²⁸ *Нет С1Б1F2*.²⁹ земнаго *Б1F2*.³⁰ *Испр.; так С1С9Б1F2*; *нех О51*.³¹ *сущи F2*.³² *Нет F2*.³³ причетатися *Б1F2*.³⁴ глаголющему *Б1*.³⁵ полагающему *F2*.³⁶ горкое *С1*.³⁷ *Испр.; так Б1F2*; хулят(!) *О51С1С9*.³⁸ зовут *С9*.³⁹ тину(!) *F2*.⁴⁰ *Нет С9*.⁴¹⁻⁴¹ *Нет С9Б1F2*.^{41a} *Нет F2*.⁴² *такое F2*.⁴³ *Нет С9*.⁴⁴ *Нет F2*.⁴⁵ *еще F2*.⁴⁶ мучителство(!) *Б1*.⁴⁷ *еще суще F2*.⁴⁸⁻⁴⁸ *частичен воино С1*.⁴⁹ *угаждаючи С1*.⁵⁰ *сия Б1*.⁵¹ *Иоанна Б1F2*.⁵² *Нет С1*.

6. Разночтения — *С1, С9, Б1, F2*.

¹ *Нет С9*.²⁻² *Нет С9*.³ *вознесенному F2*.⁴ *мудру F2*.⁵⁻⁵ *Нет С9*.⁶⁻⁶ *Нет С1*.⁷ *Богом F2*.⁸ *недостаточный F2*.⁹ *Доб.* *имярек Б1F2*.¹⁰ *дерзнух F2*.¹¹ *Доб.* же *С9*.¹² *древянаго Б1*; *древяна F2*.¹³ *Далее в Б1 листов не хватает, послание обрывается*.¹⁴⁻¹⁴ *Нет F2*.¹⁵ *уподобивыйся F2*.¹⁶ *немиловитому С1*.¹⁷ *уподоби С1*.¹⁸ *бы С1*; *бо С9F2*; *в О51 эта буква над строкой*.¹⁹ *Доб.* иже *F2*.²⁰ *Иоан F2*.²¹ *а F2*.²² *си где F2*.²³ *Нет F2*.²⁴ *Познаю вы F2*.²⁵⁻²⁵ *Нет С1*.²⁶ *радуося F2*.²⁷⁻²⁷ *Нет С1*.²⁸ *Нет С1*; *земь(!) F2*.²⁹⁻²⁹ *Нет С1*.³⁰ *господарь С1*.³¹ *Арип, рекше аминь С1*.

«Азбучный письмовник»

Заглавие. Разночтения. Сказание и начертание епистолием, предисловием и посланием ко всякому человеку. Епистолием сице писати У87; *нет С148Щ46*; Азбука епистолная Н4. Сказание начертанию епистолиям, предисловие и послание ко всякому человеку Б3; *нет F1Q19C15*; Алфавит Илариона, инока заточеннаго. Надписание епистолиям, яко всякому в предисловие по азбобе человеку послати Т2; Сказание и чертание епистолиям, предисловие и послание ко всякому человеку К1; *нет У6*; Послание како подобает писати ко святителем, и иноком, священником, и к воеводам, и ко всякому человеку Р1; *нет Р9*; Сказание и начертания епистолиям от божественных писаний своим любезнейшим братьям или сродником, тако же и ко всякому человеку Т8Щ4; Епистолия и предисловие и начертание, како писати грамотки ко всякому чину 34; *нет О9О58*; Сказание и начертание, яко всем человеком послание и епистолием предисловие, рекше к святителю и ко всякому чину священническому и ко всякому человеческому возърасту Щ43; *нет М1*; Сказания и начертания ко всем человеком посланиям и епистолиям предисловия, рекше ко светителем и ко всякому чину человеческому, и возрасту, и сану имать У84; *нет Б5П1А5*.

В У84, Б5, Р1 не каждое послание имеет свое заглавие. Одно заглавие объединяет несколько образцов посланий, следующих не по алфавиту первого слова образа, а по адресатам: “послания к святителю”, “послания к воину” и т. д.

1. Разночтения — У87, С148, Н4, Б3, С15, Т2, К1, У6, 34, О9, О58, Щ43, М1, У84, Б5, А5.

¹⁻³ Ко отцу духовному С148О9О58У84Б5А5; Ко святителю Н4С15Т2К1У6; Епистолия писати ко святителю. Епистолия ко отцу духовному сице писати Щ43; *нет М1*. ⁴⁻⁶ писание сице глаголет по азбуце У87; послание сице глаголет, сотворено по алфавиту Б3; *нет С148Н4С15Т2К1У634О9О58Щ43М1У84Б5А5*. ⁷ истинных апостольских О9У84Б5; истинных евангельских и апостольских О58. ⁸ предания О58. Доб. и Щ43. ¹⁰ *Нет У87*. ¹²дохман А5. ¹⁴к А5. ¹⁵⁻¹⁶церкви Божии С148Н4Б3С15Т2К1У634О9О58Щ43М1У84Б5А5. ¹⁷достоиню М1. ¹⁸предстоятелю С148Н4Б334О9О58М1. ¹⁹священному отцу Н4В3С15Т2К134О9О58Щ43У84Б5А5; *нет М1*. ²⁰⁻²²духовному М1; духовному воеводе Б5. Доб. святей и апостольстей церкви достойному служителю Т2. ²³ *Нет Н4Т2М1А5*. ²⁴⁻²⁷ *Нет Т2*. ²⁵ *Нет У87*. ²⁶⁻²⁷словеснаго стада У84Б5. ²⁷словесных овец Б334О9О58. ²⁸корени О9О58У84Б5. Доб. же С148Б3С15Щ43А5. ²⁸⁻²⁹и греховнаго корения Т2. ³⁰отца(!) Т2; *нет М1*. ³¹сердец С148; *нет Щ43М1*. ³²искоренителя Щ43. ³⁴ *Нет Щ43М1У84Б5*. Доб. священноиерею 34О9О58Щ43У84Б5; доб. священному

иерею А5. ³⁵ Нет К1; имяреку О58. ³⁶⁻⁴¹ Нет С148Н4Б3С15Т2К1У634О9О58 Щ43М1У84Б5А5. ³⁸ преложи У87. К остальным словам нет разночтений (далее это примечание подразумевается к каждому посланию).

2. Разночтения — У87, С148, Н4, Б3, С15, Т2, К1, Р9, Т8, Ш4, Щ43, М1, У84, Б5.

¹⁻² Нет С148Н4Б3С15Т2К1М1; Послание Р9Т8Ш4; Епистолия в монастырь Щ43; В монастырь У84Б5. ³ Доб. отцу духовному и Н4; нет Б3. ⁴ иноку С148Т2; нет Б3; иноку отцу духовному С15; отцу духовному К1; старцем М1. Доб. в монастырь Т8Ш4; доб. а в епистолии пишет Щ43; доб. острожелателному У84Б5. ⁵ апостольскаго С148. ⁷ Нет С15; ревнителя Щ43. ⁸ Нет Р9. ⁸⁻¹⁶ Переставлены местами 12-16, затем 8-11 С15К1. ⁹ царствия Б3У84Б5; нет Т2; царство Щ43. ⁹⁻¹⁰ его божественнаго пути Т2. ¹⁰ небеснаго У87. Доб. же С148Н4Б3С15Т2К1Т8М1У84. ¹⁴ суетнаго С15К1. ¹⁵ жития Т2. ¹⁶ отметателю С15К1; клонителю У84. Доб. и Т2. ¹⁷ Доб. и тесным С148; доб. же Щ43У84Б5. ¹⁸ Нет У87. Доб. паче М1. ¹⁸⁻¹⁹ Переставлены Т8. ²⁰ изволившему Т2К1Р9У84Б5. Доб. и Т2; доб. уклонителю К1; доб. паче же и Щ43У84; доб. но и паче же М1; доб. паче же Б5. ²³ сияюща У87; сияюще Н4; живущему Щ43М1У84Б5. Доб. и ко мне милость, яко реку, проливающу С15; доб. и ко мне милость свою, яко руку(!), проливающу Т2. ²⁴ Доб. моему Н4Б3Т2; доб. а ко мне милость, яко реку, проливающу К1; доб. и Щ43. ²⁴⁻²⁶ Переставлены 25-26, затем 24 Т2. ²⁴⁻²⁷ Нет С148. ²⁷ Нет Б3М1.

3. Разночтения — У87, Н4, С15, Т2, У6, Р1, Щ43, М1, У84, А5.

¹⁻² О системе заглавий Р1У84 см. выше примечания к заглавию письмовника. Епистолия к святителю. А в епистоли пишет Щ43; Предисловие святителское М1; К архиепископу А5. ³ Доб. Божии У84. ⁵⁻⁶ Нет Щ43М1. ⁵⁻¹³ высокопрестленному и изьярдному настоятелю, служителю Божию за люди У84. ⁷ престоителю Н4М1. ⁸ Доб. же С15У6. ⁹ престола Н4. ¹⁰ Испр.; так У87Н4Т2У6 Щ43А5; ясноблестательных С15Р1М1; яко зрительных Q14. ¹² зрителю М1. ¹³ святейшему У87Н4С15У6Щ43М1У84А5. Доб. государю С15У6Р1. ¹³⁻¹⁴ Переставлены У84; нет Т2. ¹⁵⁻¹⁶ Нет Т2У84. ¹⁷ Нет Т2М1У84. ¹⁸ Нет У84. ¹⁹⁻²⁰ Божии церкви Н4С15Т2У6Щ43М1А5; нет У84. ²² сиятелю С15Т2У6Р1Щ43; стоящему М1; сиятелному У84. ²³ Нет М1. ²³⁻³⁰ учителю, кормнику благоверия, источнику полезному, иже жаждущая душа напоая, присно врачу духовному, и кормилу умному У84. ²⁴ молитвы к Богу Т2; молитва Щ43. ²⁵ за У87; от Н4. ²⁷⁻²⁹ Нет У87. ³⁰ приносителю Н4С15Т2У6; просителю Р1; приносящему М1. ³¹ Нет С15У6М1. ³² Доб. или государю А5. ³²⁻³³ Нет У87Т2М1. ³⁴ святителю Т2; митрополиту или

архиепискому *М1*. Доб. Варьсунофию, архимариту, митрополиту, игумену *Р1*.
³⁵ *Нет У87Н4С15Т2У6Р1Щ43М1У84*. ³⁶ *Нет Р1М1*.

4. Разночтения — *У87, С148, Н4, F1, С15, Т2, У6, Р9, Т8, Ш4, 34, О58, Щ43, М1, У84, А5*.

¹ *Нет У87*; Епистолия *Щ43*; Епистолий ко *У84*. ² попу *М1*; святителю *У84*. Доб. писати *С148*; доб. послание *Т8Ш4*; доб. сице *Щ43*; доб. рядовому *А5*. ³ *Нет 34О58*. ⁴ *Нет 34О58А5*. ⁵ *Нет 34О58*. Доб. человеколюбиваго и *У87*; доб. и человеколюбиваго *С148Н4С15Р9Щ43М1*; доб. и *Т2*; доб. человеколюбиваго *У6*; доб. и человеколюбиваго и *Т8Ш4*; доб. милостиваго и человеколюбиваго *34О58*; доб. и всесилнаго, всещедраго, и всемилостиваго, и человеколюбиваго *А5*. ⁶ пребезначьнаго *Н4*; *нет F134О58Щ43М1У84*. ⁷ *Нет С15У6Р9 Ш434О58Щ43М1У84*. ⁸ *Нет Щ43М1*. ⁹ Троице *С148Т2*; *нет Щ43М1*. ¹⁰ славим *Н4*; сиятелнаго *34О58У84*; *нет Щ43М1*. Доб. господа *Т2*. ¹¹ *Нет Н4*. Доб. нашего *34О58*; доб. нашего милостию *У84*. ¹² достойно *С15*. Доб. и всеизрядному *У84*. ¹³ *Нет С15*. Доб. и *С148Н4F1С15Т2У6О58*. ¹³⁻³³ настоятелю, и светителским честным саном почтенному, Богом украшаемому, духовному пастырю, и христианского множественнаго народа истиннейшему учителю, и от греховных уз разрешителю, духовному правилу, и чистому зеркалу кающимся, великому святителю, государю преосвященному *У84*. ¹⁴ о *У87С148F1С15Т2У6Р9Ш434О58Щ43М1*; в *Т8*. ¹⁶ согрешених *У87С148F1С15Т2Р9Т8Ш434О58Щ43М1А5*. ¹⁷ жертву *У87С148С15У6Т8Ш434О58*. Доб. и моления *34О58*; доб. и *Щ43*. ¹⁷⁻¹⁸ жертвоприносителю *Т2М1*. Доб. и *34Щ43М1*. ¹⁹ божественных *М1*; божественнаго *А5*. Доб. отцу *Т2*; доб. рачителю *34О58Щ43*; доб. догмат рачителю *М1*; доб. предания неблазненному рачителю *А5*. ²⁰⁻²¹ *Нет 34О58М1*. Доб. и благоразсудителю *А5*. ²² *Нет С148С15Т2У6М1*. ²³ *Нет У6М1*. Доб. и *Т2*. ²⁴ *Нет У6М1*; церковному *Р9*. ²⁵ *Нет Т2У6М1*. ²⁶ учителю *С15Т2У634О58Щ43*. ²⁷ *Нет М1*. ²⁸ *Нет М1*; стад *А5*. ²⁹ словенскаго *Н4F1*; *нет У6М1*; словесных *34О58*; словесному *А5*. Доб. овец, корени греховнаго, воеде(!) церковному, наставнику христианом на истинный путь *О58*; доб. еще раз овец, корени греховнаго от сердца потребителю, воеводе церковному, и наставнику христианскому на истинный путь *О58*. ³⁰ *Нет Т2*; господину *А5*. ³¹ *Нет У87Т2У6Р9А5*. ³²⁻³³ священноиерею *У87С148С15Т2У6Р9Т8Ш434Щ43М1А5*. ³⁴ имяреку *О58*; *нет М1*.

5. Разночтения — *У87, С148, Н4, С15, Т2, К1₁, К2₂* (в *К1* образец послания переписан дважды), *У6, Р1, 34, О9, Щ43, М1, У84, А5*.

¹⁻² Тому же *Р1*; К патриарху *34О9*; Епистолия ко святителю *Щ43*. О системе заглавий *У84* см. выше. К митрополиту писати *А5*. ³⁻⁵ апостольские церкви стол-

пу и $K1_1$; Господня престола со страхом священному и изрядному У84. ⁶ предстоителю У87С148Н434О9М1А5. Доб. и 34О9. ⁷ Нет М1. ⁷⁻¹² Переставлены 9-12, затем 7-8 Т2. ⁸ Нет М1. Доб. и учителю Т234О9Щ43У84. ⁹⁻¹⁰ Переставлены У87С15Т2К1₁У9Р134О9Щ43М1А5. ⁹⁻¹¹ Переставлены 10, 11, 9 У84. ¹¹ словесна С14; словеснаго К1₁Щ43М1У84. ¹² Нет С15К1₁Щ43М1У84. ¹³ православно Н4; преславному С15К1₁У6Р134О9Щ43М1У84; пресветлому Т2; православию К1₂. ¹⁴ святилику У8734О9Щ43; светилнику С148Н4С15Т2К1₁У6Р1М1У84А5; светилника К1₂. Доб. и Т2У84. ¹⁵ Нет У87. ¹⁶ Доб. и Т2У84. ¹⁷ земнаго 34О9. ¹⁷⁻¹⁸ Переставлены Т2. ¹⁸ серафима 34О9. ¹⁹ носяще С15К1₁У6; носящи 34О9. ²⁰ Нет К1₁М1. ²¹ Доб. великаго архиерея С15Т2К1₁У6Р134О9Щ43М1У84. ²²⁻²⁴ Нет Т2. ²⁵ Доб. Бога нашего Т2. ²⁶ Доб. честным С15К1₁Р1. ²⁶⁻²⁸ Нет Т2; дивну всечестну святителю 34; и дивну всечестну святителю О9. ²⁸ украшенному У87С148Н4С15К1₁К1₂У6Р1Щ43М1У84А5. ³⁰ господину 34О9; нет Н4Т2У84. Доб. или господину А5. ³¹ святителю Н4Т2; святейшему 34О9. ³² Нет Н4Т2Щ43М1У84; ким(!) К1₁К1₂. ³³ Нет Р1. Доб. архиепископу московскому и всеа России и всех северных стран патриарху 34О9; доб. митрополиту казанскому и свияжскому, а к новгородскому — Великому Новагород и Великих Лук А5.

6. Разночтения — У87, Н4, С15, Т2, У6, Р9, Т8, О9, О58, Щ43, М1, У84, А5.

¹ Епистолия в Щ43; К ынокине М1. ¹⁻³ Ко игуменье О9; К старице У84. девичей Т8; нет О58М1. Доб. к старице Т8У84; доб. к сестрице О58; доб. о старице Щ43; доб. ко игуменнии, или к келарю, или к рядовой старицы А5. ⁷ снабдимья Н4С15Т2У6Т8Щ43М1У84; снабдивья О9; снабденная А5. ⁸ Нет С15Т2У6О9О58М1. ⁹ Богом подобныя Р9; небес подобная Т8; нет М1; непособныя У84. ⁹⁻¹¹ Переставлены 11, затем 10, 9 С15У6Т8О9О58. ¹¹ равноангилския Н4О9О58У84А5; равноангельная Т8. ¹² Нет С15Т2У6Т8О9. ¹²⁻¹⁴ Переставлены 14, затем 13, 12 О58. ¹³ Нет С15У6Т8О9М1. ¹⁴ пречестныя Щ43М1У84. Доб. святыя С15Т2У6О58; доб. и святыя Т8; доб. святыя и великия и пречестны О9; доб. честные А5. ¹⁵ обители имярек Щ43М1У84. Доб. имярек храму или просто пиши А5. ¹⁷ Доб. лик У6. ¹⁸ собранных Т2У6Р9У84. ¹⁹ черных Т8. ²⁰ пребывание У6Т8Щ43А5; пребывании О58. Доб. Богом насажденная ограда А5. ²² государыне Н4Т2У6Р9Т8О58М1А5. ²³ Нет У6Т8А5. Доб. и У87; доб. игуменье или келарю А5. ²⁴ Нет Т2; великие Т8. Доб. преподобные Т8. ²⁵ старице Н4С15У6Р9О9О58М1У84; нет Т2. ²⁶ Нет М1.

7. Разночтения — У87, С148, Н4, Ф1, С15, Т2, У6, Р9, Щ43.

¹ Епистолий к Ф1; Епистолия к Щ43. ³⁻⁴ Нет Н4. ⁶ Нет Т2. ⁷ превысочайшему У87. ⁸ Нет С15Т2. ¹⁰ дарованному У87; данною Щ43. ¹² Доб. и Т2; доб. и

изрядному на враги победительно государю имярек У6. ¹⁴Доб. храброму С15Т2У6; доб. твердому и на битвах храброму А5. ¹⁷Испр.; так У87Ф1С15Т2У6Р9; воистве(!) Q14; воинстей С148; воинской Н4. ¹⁷¹⁹ победе преславному и во всяких делах Щ43. ¹⁸⁻¹⁹Нет С15Т2У6. ²⁰искусному У87С148Н4С15Т2У6Щ43. Доб. имярек У87. ²¹⁻³¹Нет У87. ²⁵храброму С148; изрядному и Т2. Доб. изрядному С15. ²⁷неверныя У6. ²⁸превознесенному Щ43. ³⁰Испр.; так Н4Щ43; велико Q14; моему С148Ф1С15Т2Р9. ³¹Нет С148Ф1; воеводе именем Н4.

8. Разночтения — У87, Н4, Т2, У6, Р9, Т8, 34₁, 34₂ (образец послания в 34 переписан дважды), О9, Щ43, М1, У84, Б5, А5. Отдельно, так как отсутствует в Q14, см. далее № 8 в С15, К1.

¹⁻² В монастырь У87; Ко архимандриту 34₁О9; Ко игумену 34₂Щ43; Ко архимаритом и к игуменом М1; Послание в монастырь ко архимариту или ко игумену А5. Доб. писати У6Т8; доб. или в киновию ко игумену и ко всем У84Б5. ³ израильтского, сииреч умозрительного к Богу, паче же и небесоподражательно-го пребывания, во У84; израилческого, сииречь умозрительнаго к Богу, паче иже небесоподражательного пребывания, во Б5. ⁴славную М1. ⁶Нет М1. ⁷именитому Н4Щ43; преименитую М1. Доб. и У6Т834,34₂О9У84Б5. ⁸ Богом строенную Н4У6Р934,34₂О9Щ43Б5А5; нет Т2; Богом устроенную М1. ⁹⁻¹⁰Нет Т2. ¹¹ идущим У87; идущему 34₁34₂О9; и сущим У84. ¹³желателю 34₁34₂О9. Доб. и Щ43. ¹⁴ неотизглаголанная У84. Доб. и Т2. ¹⁶вышняго 34О9. ¹⁹Нет Т8. ²⁰Нет Р9; жалуют Щ43; жelaет У84. ²¹⁻²²Переставлены Т8. ²²приникнути Н4. Доб. хотяще Р9. ²³Нет Т234. ²⁴Нет Т2; всечестную 34; пречастую Щ43. Доб. и святую Н4У6Т8Щ43У84Б5А5. ²⁵⁻²⁶Нет Т2Б5. Доб. и святую 34₁34₂О9. ²⁷Нет Т2; обитель У84Б5. Доб. или обитель М1. ²⁸⁻²⁹Нет Т234,34₂О9М1; имярек У6Т8Щ43 У84Б5; храм А5. Доб. ти Т2. ³⁰Нет Б5А5; отцу 34; архимариту или М1; доб. моему Т8. ³¹Нет Т2Т8Б5А5; архимандриту 34О9. ³²именем Н4; нет Б5. Доб. о Христе з братьею У84.

9. Разночтения — У87, Н4, С15, Т2, Р9, Т8, Щ43, М1, У84.

¹ Епистолия в Щ43. ¹⁻⁴Переставлены 3-4, затем 1-2 Н4; То же М1. ⁵⁻⁷рачителю нелицемерному и У84. ⁶Нет Щ43. ⁸Доб. же С15Т2Т8. ¹⁰изрядных С15Т2; неизреченных Т8. Доб. рачителю и Т2; доб. хранителю У84. ¹²непоколебимому М1; крепкоумному У84. ¹²⁻¹⁴Переставлены 13, 14, затем 12 Н4Т2. ¹²⁻¹⁸воину У84. ¹⁶смышленному Н4Т2Р9М1. ¹⁸делех Т2. ²¹полцех Щ43М1У84. ²²оруженосцу Н4С15Т2М1; вооруженному Р9; оружнему Т8; хоругвеносцу Щ43У84. ²³Нет Н4С15Т2Т8Щ43М1У84. ²⁴храброму С15Т2; и храброму и Т8. ²⁵Нет Т2.

²⁶ Нет Н4С15Т2Т8Щ43М1У84. ²⁷ Нет Т2. ²⁸ Нет Т2М1У84. Доб. истинным М1. ²⁹⁻³⁰ Нет Т2У84. ³² Нет С15Щ43. ³³ Нет М1.

10. Разночтения — У87, Н4, С15, К1, Р1, Щ43, У84, Б5.

¹⁻² К священнику К1; Тому же Р1; нет Щ43. О системе заглавий У84Б5 см. выше. Доб. люботщательному У84Б5. ³ горняго К1. ⁸⁻⁹ Переставлены У84Б5. Доб. и Б5. ¹⁰ светилнику У87С15Р1У84Б5. ¹⁰⁻¹¹ Нет Н4; переставлены С15. ¹¹ царскому Щ43. ¹²⁻¹⁴ арихерею великому С15Р1. ¹³ божественному Щ43. Доб. и У87; доб. и верху преизящному У84Б5 (см. 25-26). ¹⁷ Нет С15. ¹⁸ равноапостольския С15. ¹⁹ Нет У87Н4Р1Щ43У84Б5; на К1. ¹⁹⁻²⁴ церкви превысочайшими пресветло круг солнца небесного С15; превысочайшему пророки пресве... Р1 (в Р1 послание на этом обрывается). ²⁰ Нет У87; небеси подобныя К1. ²³ возримыя К1; прозримыя У84Б5. Доб. кафелическа У84. ²⁴ Доб. кафолическая Б5. ²⁵⁻²⁶ великому арихерею У84Б5. ²⁹ Нет С15Щ43; ким(!) К1.

11. Разночтения — Н4, F1, С15, Т2, К1, Р9, Щ43, У84.

¹⁻³ Переставлено 3, 1, 2 F1С15Т2К1Р9Щ43. О системе заглавий У84 см. выше. ² Доб. к Н4F1С15Т2К1; доб. епистолия к Щ43. ³ Доб. сице Щ43. ⁴⁻⁶ огражденному и помилованному вседержителю государем Богом У84. ⁵ благоименитства Н4; благоименительства F1; тезоименства С15; тезоименства(!) Т2. ⁶ благоименителю С15; нет Т2. ⁷ Нет Т2Р9. ⁸ непобедимому F1; непобедимым(!) Щ43; непобедивым У84. ⁸⁻¹⁰ Переставлены 10, 8, затем 9 Т2. ¹⁰ Нет С15Щ43У84. Доб. и Т2. ¹⁰⁻¹¹ Переставлены F1. ¹² ограждаемому Н4; огражденному и Т2; осеняемому У84. ¹⁴ правоверную С15. ¹⁵⁻¹⁶ Переставлены С15К1Щ43У84. ¹⁶ Христову F1; нет Т2. ¹⁷⁻¹⁸ Нет Щ43У84. ¹⁹ крепкому С15Т2Р9Щ43У84. ¹⁹ стяжателю F1. Доб. и целомудренному пребывателю У84. ²⁰ Нет К1. ²³ оруженосцу Н4С15Т2К1Р9Щ43У84. ²⁵ Нет F1Т2. ²⁶ Нет F1Т2У84. Доб. и У84. ²⁸ Доб. другу F1.

12. Разночтения — У87, С148, Щ46, Н4, С15, Т2, К1, Р9, Т8, Щ43, М1, А5.

¹ Доб. соборному М1. ¹⁻⁴ Переставлены 3-4, затем 1-2 Щ43. ² Троице и Н4; иноку Т2. Доб. соборному Щ43. ³⁻⁴ Нет С148Щ46Т2М1. Доб. писати С148Щ46; доб. честнейшему и рядовому брату, а не ко священноиноку А5. ⁶ мира М1. Доб. неизреченного света А5. ⁷ жителю М1. ⁸ Нет К1Р9Т8М1. ⁹ ангельскаго Т2; ангел Т8. ¹⁰ жития Т2; нет Т8. ¹⁰⁻¹¹ Переставлены С148Щ46С15. ¹³ Нет Т2М1. ¹⁴ Нет У87Т2Т8Щ43М1. ¹⁵⁻¹⁶ Нет Т2М1. Доб. преславного У87; доб. пути С148Щ46; доб. же Н4; доб. и К1. ¹⁷ Нет Т2Т8Щ43М1. ¹⁸ Нет Т8М1. ¹⁹ суднаго Р9; нет Т8. Доб. жития и Т2; доб. и скоротекушаго М1. ²⁰ миру С148. ²¹ Доб. и Т2. ²² Нет

Щ46. ²³ Нет Щ46Н4Т2. ²⁴ Нет Щ46Т2. ²⁵ Нет Щ46. ²⁶⁻²⁸ Нет Т2Щ43М1. ²⁹ ходителю С15К1. ³⁰ Нет С15К1. Доб. государю моему великому старцу У87; доб. государю великому старцу С148Щ46Н4С15К1Р9Т8Щ43М1; доб. государю Т2; доб. государю или господину великому старцу А5. ³¹ Нет С148М1.

13. Разночтения — У87, С148, Н4, С15, К1, Р1, Щ43, М1, У84.

¹ Епистолия ко Щ43. ¹⁻² Тому же Р1; нет М1. О системе заглавий У84 см. выше. ² Доб. же С148. ³ остропаримому и превозходителному У84. ⁴ тщательно У84. ⁶ Доб. и Р1У84. ⁷ великому имянитому Щ43. ¹⁰ Доб. и У84. ¹² святе У87; благоверии У84. ¹³ сем(!) Н4; нет У84. Доб. крепкому У84. ¹⁴ побараюшу С148; побора отцу(!) Н4; побарающему С15Р1; поборнику К1. ¹⁵⁻¹⁷ Нет М1. ¹⁸ словеснаго Р1. ¹⁸⁻¹⁹ Переставлены Н4; нет С15. ²⁰ Нет С15; словеснаго К1; Христовых Р1. ²¹ Нет С15. Доб. и У84. ²² Нет С15. Доб. и святым отец У84. ²³ Нет С15; преданиих М1. Доб. зело У84. ²⁴ Нет С15. Доб. отцем У87С148Н4К1Р1Щ43М1У84. ²⁵ Нет С15. ²⁶⁻²⁸ Нет С15Р1У84. ²⁶⁻³³ Пишу, государь, к тебе спроста, надеясь, на твое ко мне благоутробие и щедростьтво, яко милостиву ти сушу и любезну еже ко мне, нищему. Умилисердися, государь, не затвори двери благоутробия твоего от мене С148.

³⁰⁻³¹ Переставлены С15Р1; священноепископу Р1М1У84. ³² Нет К1М1. ³³ Нет М1.

14. Разночтения — У87, Н4, С15, Т2, К1, Р9, Т8, Щ43, М1, У84, А5.

¹⁻³ Х книжнему другу Н4; К другу грамотее С15; К грамотею Т2; Ближнему другу К1; Ко другу грамотею Т8; Епистолия к другу книжному Щ43; Книгочию М1. О системе заглавий У84 см. выше. Доб. или к матеру(!) мудру и учителну А5. ⁴ доблественному С15; доблестному Т2; добродетелному К1; добролиственныя Р9; добролественному Т8. ⁴⁻⁷ Нет Щ43М1. Переставлены 8-11, затем 4-7 Н4А5. Апостолских и пророческих божественных дохмат и протчих доброподражательному и сладкословесному рачителю и по божественных заповедех ревнителю У84. ⁵ Нет Т8. ⁸ другая Щ43. ¹¹ злащенныя Т8. Доб. а Р9; доб. древу добролиствянному винограду продовитому(!) Щ43. ¹²⁻¹⁴ постреде(!) человеческого рода Щ43; винограду плодовиному посреде человеческого рода М1; винограду плодовиному У84. Доб. и различными прекрасными цветы А5. ¹⁵ цветущему У87С15Т2К1Т8А5; живущему Щ43; насажденному М1. ¹⁶ Нет С15К1Щ43М1. ¹⁷ Нет С15; многий Т2; многими К1. ¹⁸ Нет С15К1; плодом Т8М1; то А5. ¹⁹ Нет С15Т8; подаваюшу Т2; подающему Щ43У84; цъветущему и напояющему М1. ²⁰ Нет Щ43Т1У84. ²¹ всем С15Т2К1Т8; нет М1. Доб. человек А5. ²² благоплодным У87Н4С15Т2К1Т8Щ43У84А5; многоплодных Р9; бо-

гоплодным *М1*. ²³⁻²⁸ *Переставлены 25-28, затем 23-24 Н4А5*. ²⁵ овощием *У84*. *Доб.* подающе *Т8*. ²⁶ негибнущая *С15*; негиблющаго *Щ43У84*; негиблющих *М1*. ²⁷ пищи *Т2К1*; брашна *Щ43У84*; брашен *М1*. ²⁸ насыщающу *Т2*; насыщающа *Т8*; сещателю *Щ43*; *нет М1*; насыщателю *У84*. *Доб.* серьдца моего стражу нелицемерному своя ради любви *М1*; *доб.* слаткослышателным напоением предоброму веселителю благохвалному *У84*. ²⁹⁻³⁰ *Нет Щ43*. ³¹ *Нет Т2К1*. ³² *Нет Т2М1У84*. ³³ *Нет Т2К1М1У84*. ³⁴ нелицемерному *У87Т8*; *нет Т2К1М1*; нелицемирныя *А5*. *Доб.* государю *Щ43*. ³⁵ именем *Н4*; имяреку *Р9*; *нет Т8М1*.

15. Разночтения — У87, Н4, С15, Т2, К1, Р9, Щ43, М1, А5.

¹ Епистолия у *Щ43*. ¹⁻² То *М1*. ³ жа *Н4*; просто *Т2Щ43*; ко всякому чину *А5*. ⁶ измарагды *У87*. ⁷ дражайшее *Н4С15Т2К1*; дражайшия *Р9*; дъражайших *М1*; дражайшаго *А5*. ⁸ *Нет Т2Щ43*; сего *М1*; драгая *А5*. *Доб.* и *С15*. ⁹ *Нет А5*. ¹⁰ *Нет У87М1А5*. ¹¹ *Нет У87М1*; нелицемирныя *А5*. ¹⁴ *Нет А5*. ¹⁶ богоуветливу *У87*. ¹⁸ ласкосердному *Р9*; ласкосерду *М1*. *Доб.* и *Т2*. ²⁰ *Доб.* взору веселому *Щ43М1*; *доб.* умилному взору *А5*. ²²⁻²³ *Переставлены С15Т2К1*. ²⁴⁻²⁵ *Переставлены С15К1*; *нет Т2М1*. ²⁸ имярек *Р9*; *нет М1*.

16. Разночтения — У87, Н4, С15, Т2, К1, Р9, Щ43, У84, Б5.

¹ Епистолия к *Щ43*. ³ евангилских словес *Н4*; евангельским словесем *С15Т2К1*. ⁴ *Нет Т2Б5*. ⁶ учителя *К1Щ43*. ⁸ учению *У87*. *Доб.* и великаго корабля правителю *Т2*. ⁹ *Доб.* у *Н4Т2Щ43*. ¹¹⁻¹² *Переставлены У84*. ¹³ *Нет Т2*. ¹⁴ предстоятелю *Т2*; сложителю *Щ43*. *Доб.* и *С15*. ¹⁵⁻²⁵ *Нет Т2*; непреложному хранителю заповедей Христовых, и помощнику удобну носящим греховное бремя, крепкому столпу во православней вере, и горе несодолеваеме вражними наветы *У84*; непреложному хранителю заповедей Христовых, и помощнику удобно носящим греховное бремя, крепкому столпу в православной вере, горко одолеваем вражними наветы *Б5*. ¹⁶ *Нет У87С15К1Щ43*. ²³ *Нет Щ43*. ²⁵ *Доб.* государю моему *У87С15К1*; *доб.* государю *Н4Р9*; *доб.* великому пастырю и учителю, государю моему *Т2*; *доб.* государю священноiereу *Щ43У84Б5*. ²⁶ именем *Н4*; имяреку *Р9*.

17. Разночтения — У87, Н4, С148, С15, К1, У6, 34, О9.

² митрополиту *34О9*. ³ иже *У87С148*. ⁷ *Нет С15К1У634О9*. ⁸ святителеским *Н4*. ⁹ великим *Н4*; *нет С15*. ⁹⁻¹⁰ *Переставлены К1*. ¹¹ чином *34*. ¹¹ *Нет С15У634О9*. ¹² *Нет Н4С148С15К1У634О9*. ¹³⁻¹⁴ благоукрашаему *К1*. ¹⁴ украшаему *С148*; преукрашенному *34О9*. ¹⁵⁻¹⁷ великаго корабля правителю *С15*. *Доб.* великаго корабля правителю *У634О9*. ¹⁸ *Нет С15У634О9*. *Доб.* и *С15О9*. ¹⁹ *Доб.* изрядному *С15У634О9*. ²⁰ *Нет С15У634О9*. ²² стада *С15*. ²³ истиннаго *Н4К1*. ²⁴ *Доб.* и

человеческих душ и телес к Богу приводителю У87; и человеческих душ и телес чистителю Н4С148. ²⁵Доб. преосвященному З4; доб. великому О9. ²⁶Нет С148С15. ²⁷Нет С15У634О9; ким(!) К1. ²⁸Доб. града З4.

18. Разночтения — У87, Н4, С15, Т2, К1, Р9, У84, Б5.

²⁻³Переставлены С15К1У84Б5; иноку Т2. Доб. тихому Б5. ⁴Испр.; так во всех остальных списках; евангических Q14. ⁶Доб. и С15Т2К1. ⁷⁻⁹Нет У84Б5. ⁹взвешенному Р9. ¹⁰Нет У87К1. ¹²ходителю У87. ¹²⁻¹⁵Переставлены 13-15, затем 12 Т2У84Б5. ¹⁴ступам У84. ¹⁵Нет Р9. ¹⁶изволившему К1Р9У84. ¹⁷⁻³⁰духовней же, паче и несоглажаеме скрижали, и законному живописалу в души своей, паче же У84; духовней же, паче и негражаемой скрыжали, законному живописалу в души своей, паче же Б5. ¹⁸Нет К1. ²⁰Доб. и от родителю отшедшему С15К1; и от родителей отшедшему Т2. ²¹Испр.; так во всех остальных списках; жестокакого(!) Q14. Доб. же Т2. ²³прискорьбнаго Н4. ²⁵Нет Т2. ²⁷Нет Т2. ²⁸преподобнии(!) Н4; нет Т2. ²⁹сияюща У87Н4; нет Т2. ³⁰⁻³³Нет Н4Т2. ³⁷имяреку Р9.

19. Разночтения — Н4, F1, С15, Т2, К1, У6, Р1, Р9, У84.

¹⁻²К митрополиту F1; нет Р1У84. ³милостиваго и человеколюбиваго, в Троицы сиятельнаго У84. Доб. и Р9. ⁴Богом Р9; Бога нашего У84. ⁵тщательно Н4С15Т2К1Р1; тщате F1; тщательному К1; нет У84. ⁶Нет С15Р1У84. ⁷достойно Т2У6Р9. ⁸Нет С5. ¹⁰молитву С15У6Р1Р9; молитв Т2; жертвы и моления У84. ¹⁰⁻¹⁴Переставлены 12-14; затем 10 У84. ¹¹Нет С15Т2Р1У84. ¹²от Н4. ¹²⁻¹³отеческих К1. ¹⁴согрешениях F1С15Т2К1Р1Р9У84. Доб. и жертву Р1; доб. жертвы Р9. ¹⁵жертвоприносителю С15. Доб. и Т2. ¹⁶⁻⁴⁷и жественъному(!) рачителю, и воеводе духовному, и учителю Христова стада словесных овец ерею У84. ²¹спасенному пути Н4С15Т2К1У6Р1Р9. ²²проводителю Р1. Доб. и злых еретик обличителю Н4С15Т2У6Р1; доб. и злых ересей обличителю К1; доб. обличителю ересем Р9. ²³⁻²⁶Переставлены 26, затем 23 Р1. ²⁴Нет Т2К1Р9. ²⁵Нет Т2. Доб. неизрядных Р9. ²⁶Доб. их Т2. ²⁷⁻²⁸Нет Т2Р9. ²⁹⁻³¹Нет С15Т2У6Р1Р9. ³²Нет Т2У6Р9. ³³Нет Т2. ³⁴Нет Т2; повестях К1; новестех(!) Р1. ³⁵списателю Р4С15К1У6; нет Т2; сказателю Р9. ³⁶всеизящному F1; нет Т2. ⁴¹детелех F1. ⁴²совершенно F1; сверстому(!) К1; совершителю Р1. ⁴⁵Нет С15Т2К1Р1; государю У6. ⁴⁶Нет Т2К1. Доб. святителю Н4С15У6Р1; доб. и учителю К1; доб. государю святителю Р9. ⁴⁷Нет F1С15У6Р1Р9; ким(!) К1.

20. Разночтения — У87, Н4, С15, У6, Р9, Т8, У84, Б5.

¹В монастырь С15У6. ²старцу У87Н4Р9Т8; соборному старцу У84Б5. Доб. искателю и У84Б5. ³Доб. небеснаго У84Б5. ⁴царствия Т8. Доб. и У84.

⁵ Иерусалима У87. ⁶ игу(!) С15; нет У84. ⁷⁻⁹ Переставлены 9, 7, 8 У6Р9Т8. ⁸ Испр.; так в остальных списках; евангискому(!) Q14; нет С15. ⁹ Нет С15. ¹¹⁻¹⁵ и вся яже в мире возненавидевшу, Христа еже единого любителю, и в премирная умне в ыну восходителю, паче же У84; и вся яже в мире возненавидевшу, Христа же единого любителю, и в премирная умне в ыну восходителю, паче же Б5. ¹⁴ Испр., так У87Н4С15У6Р9Т8; жия Q14. ¹⁶ Нет Р9; о Б5. ¹⁷⁻¹⁸ Нет Р9. ²²⁻²³ Нет У6Т8. ²²⁻²⁶ Переставлены 25-26, 34, затем 22-23 У84Б5. ²⁴⁻²⁶ Нет С15; переставлены 25-26, затем 24 Т8. ²⁸ Доб. великому старцу У6Т8Б5.

21. Разночтения — У87, С148, Щ46, Н4, С15, Т2, К1, У6, Р9, 34, О9, О58, У84.

¹ Послание к С148Щ46. ² посадцкому человеку К134О9О58; мирянину У6; купцу У84. Доб. ревнителю по Бозе, и божественных преданий хранителю, и У84. ³⁻⁸ Переставлены 4-8, затем 3 У84. ⁸ благоденствию У87С148Щ46Н4С15Т2К1У6Р934О9О58У84. ¹¹ всей Н4С15Т2У634О9О58; всем К1. ¹² благой Н4Т2У6О9; благия С15К1; нет 34. ¹²⁻¹³ благодобродетели О58. ¹³ добродетели Н4С15Т2К1У634О9. ¹⁴ цветуще Т2. Доб. купцу, смиренному дому У84. ¹⁵ наипаче Р9; нет 34О9О58. ¹⁶ Нет 34О9О58. ¹⁷ Нет У87С148Щ46Н4К1У6Р934О9О58. ¹⁸ Нет 34О9О58. ¹⁹ Нет 34О9О58; православной У84. ²⁰ истинны и Т2; нет У84. ²¹ Нет С148Щ46Н4С15Т2К1У6Р9У84. ²² Нет У84. ²³ вере У84. ²⁴ сияющему Т2; насыщающийся 34; насыщающемуся О9; насыщающими О58. ²⁵ государю С15Т2К1У634О9О58; нет У84. ²⁶ Нет У84. ²⁷ именем Н4; нет К1У84; имяреку О58. Доб. челом бьет У6.

22. Разночтения — У87, Н4, С15, Т2, У6, Р9, Щ43, У84.

¹ Епистолия к Щ43; начальному У84. ³⁻⁴ Нет У84. Доб. имуще сиче Щ43; доб. благоумному и У84. ⁵ земному Щ43. ⁹ Доб. и Т2. ¹⁰⁻¹¹ крепкостоятельному У84. ¹² Нет Щ43; иже У84. ¹³⁻²⁶ Переставлены 16-18, 13-15, 26, затем 20-25 У84. Доб. противных, яко класы, пожинающе, и полки вражии, яко снопие, побежающе, и оружию тех, яко огню хврастие, подлагающе, высокославному храборнику, и преславнейшему победоносцу У84. ¹⁹ преславльшему У87; прославльшему Т2У6; прославшему Щ43; нет У84. ²⁰ Нет Т2. Доб. боярину У87Н4; доб. боярину С15У6Р9Щ43У84. ²⁰⁻²² храброму воину и Т2. ²⁴ Нет С15Т2У6. ²⁵ Нет Т2. ²⁶ зело превознесенну У84. Доб. и крепкому стоятелю У87. ²⁷ Нет У87С15Т2Р9У84. ²⁸⁻²⁹ Нет У84. ³⁰ Нет Т2У84. ³¹ Доб. моему Т2Р9Щ43.

23. Разночтения — Н4, С15, Т2, У6, Р9, З4, О9, О58.

⁵ зло(!) Н4. ⁵⁻¹³ Переставлены 10-13, затем 5-9 Н4. ⁶ пребыстрей О9. ⁷ Доб. и Т2. ⁸ высокопаримаго Н4; высокопарнаго С15Т2О58. ⁹ летанию Р9; летанием О9. ¹⁰ Доб. бо Т2. ¹⁰⁻¹¹ Переставлены З4О9О58. ¹¹ Нет С15; ревнуосердною своею З4О9; ревнуосердному своею О58. ¹³ ружем З4. Доб. преславно враги Т2. ¹⁴ Нет Р9; достигающе З4О9О58. ¹⁵ Доб. же Т2У6Р9О9; доб. же и З4О58. ¹⁸ Доб. и Т2О9О58. ²⁰ Доб. и Н4; доб. же Т2У6Р9. ²¹ Нет С15Т2У6Р9З4О9О58. ²³ Доб. неложному стоятелю С15Т2У6Р9. ²⁶ литвах(!) О58. Доб. помощью ангеля Господня прославльшему и С15; доб. похвалному и Р9. ²⁷ Испр.; различными Q14; частыми С15Т2Р9. ²⁸ язвы У6З4О9О58. ³¹ Нет Т2. Доб. другу О9. ³² имяреку О58.

24. Разночтения — Н4, F1, С15, Т2, У6, Р9, З4, О9, О58, М1, У84, Б5.

¹⁻² Брату названому F1; Тому М1. Доб. и приятелю З4О9О58. ³ Нет F1Т2У6З4О9О58У84Б5. ⁴ Нет F1С15У6З4О9О58М1. Доб. едемского винограда благоуханию, и духовному обонянию У84Б5. ⁵ златому О58. ⁶ Доб. и Т2О9. ⁸ Доб. и О9. ⁹ грезду З4О9; грезду О58. ⁹⁻¹⁰ Переставлены. Доб. и белому крину удалному У84Б5. ¹² многолиственну М1. Доб. иже У84Б5. ¹⁴ Нет Б5. ¹⁵ Доб. Богом насажденнаго рода человеческого М1; доб. Богом насажденнаго рода человека У84Б5. ¹⁶ Доб. многолюбительному Б5. ¹⁷⁻¹⁸ Нет Т2М1У84Б5. ¹⁹ мудростию С15У6Р9; нет Т2М1У84Б5; мудростию своею О9О58. ²⁰ Нет Т2О58М1У84Б5. ²¹⁻²³ Переставлены 23, затем 21-22 У84Б5. ²² Нет У6. Доб. многолюбительному У84. ²³ Нет С15Т2М1. Доб. и брату названому F1; доб. и приятелю З4; доб. и приятелю и заочному добродеею О9О58. ²⁴ Нет F1С15Т2З4О9О58М1У84Б5. ²⁵ имяреку О58; нет М1.

25. Разночтения — У87, Н4, С15, Т2, У6, Р9, М1, У84, Б5.

¹⁻⁴ Ко иному иноку Т2; К древнему мниху У6; нет М1. ³ Нет У87. ³⁻⁴ древнему С15У84Б5. Доб. древнему Р9. ⁸ Нет С15У6Р9. ¹⁰ десница Божия Т2; десница У6. ¹¹ содержаемому Н4; содержащему Т2М1; здержаему Р9. ¹²⁻¹⁸ и тело свое жестоким житием изнузившему Т2. ¹⁴ сединами У87Н4С15У6М1У84Б5. ¹⁵ украшенному У87С15У6Р9. ¹⁹⁻²⁰ Нет С15У6Р9М1. Доб. и прекраснаго Т2. ²¹ иного Н4; нет С15У6Р9М1; райскаго Т2. ²²⁻²³ Нет С15У6Р9. ²⁴ Нет С15У6Р9; и М1У84Б5. ²⁴⁻²⁸ и безплотнаго ангельскаго жития ревнителю Т2. ²⁷ сияюща У87Н4; сияющему М1. Доб. иже вне смиренну, внутрь же светлу; иже вне плоды цветущу, внутрь же благодатию Христовою сияющу; иже вне человеку, внутрь же ангелу Божию и сожителю безплотным У84Б5. ²⁸ Доб. моему Н4. ³¹ Нет М1.

26. Разночтения — У87, Н4, F1, C15, T2, K1, У6, P9, T8, Ш4, 34, O9, O58, Щ43, У84.

¹ Епистолия к Щ43. ³ по плоти C15T2K1P9T8Ш4Щ43. ⁴ еже T8. ⁴⁻¹¹ Нет У84. ⁵ и от C15T2K1T834O9O58. ⁵⁻¹⁵ Переставлены 12-15, затем 5-11 C15T2K1P9T834O9O58. ⁵⁻²⁶ Переставлены 16-26, затем 5-15 Щ43. ⁶ единокродная У87Н4С15К1У6Т834О9О58Щ43; единокродны Ш4. ⁷ Нет T2. ⁷⁻⁸ Переставлены У87. ⁸⁻⁹ Переставлены C15K134O9O58. ⁹ нашей Н4P9O58. ¹⁰ рожденному F1У6; рожденною C15K1T8Ш4; рожденну T2; рождышагося 34O58; розшаго O9. ¹¹ Нет C15T2K1T8Ш434O9O58. ¹² Нет Ш4. ¹³ единокродная ея Н4; единокродная T834O9O58. ¹⁴ Нет Ш4. ¹⁵ произошедшаго Н4; произшедшему F1P9; произветшаго C15K1; произошедшему T2; нет Ш4; рожденному У84. Доб. и Н4Т2У6-Р934O9O58. ¹⁶⁻²⁸ и честнейшему единокровному сроднику и У84. ¹⁸ Нет Щ43. ¹⁹ бытия P4; бытию T8; нет Щ43. ²⁰ сотворшему F1; нет T2; сотворившуся У6; приведшаго T8Ш4. ²¹ Нет C15K1P9. ²¹⁻²⁶ Нет 34O9O58. ²⁶ проведшаго Н4; прешедшему F1; произшедшему T2; пришедшаго K1; приведшему P9; сотворшаго T8Ш4. Доб. и Щ43. ²⁸ Нет T2. ²⁹ Нет T2; свету P9T9Ш4. Доб. и сокровенным сердцем тайнам хранителю 34; и сокровенным сердцем тайну хранителю O9; и сокрушенным сердцем и тайнам хранителю O58. ²⁹⁻³⁰ Переставлены У84. ³⁰ Нет T2O9O58. Доб. крепким тайнам крепкому хранителю C15K1P9; доб. крепким тайнам крепкому хранителю и на неприятных супостат крепкому оружнику У6; доб. крепким тайнам и крепкому хранителю T8Ш4. ³² Нет У6. ³³ Нет У87С 15Т2К1У6; братцу Ш4. Доб. имярек У87Н4С15К1У6Т8Ш434O9Щ43У84; имярек O58. Оторван конец в F1.

27. Разночтения — У87, Н4, C15, У6, P9, M1, У84, Б5.

¹⁻³ Ко мниху иному C15; Ко юному мниху У6P9; Младу M1; К смиренному иноку или к поснику У84Б5. ⁴ юзнику самоволному, не веригами, но изволением У84; юзнику самоволному, иже не веригами, но изволением Б5. ⁵⁻⁸ Переставлены 7-8, затем 5-6 У84Б5. ⁶ Нет C15. ⁹ обуздавшему C15У6P9. ¹² своим Н4. Доб. неизглаголаннаго(!) У87. ¹⁵ обуздавшему Н4M1У84Б5; изнузившему У6P9. ¹⁶ Нет У87С15У6P9У84Б5. ¹⁷ Нет У87. ¹⁸ Нет У6M1У84Б5. ¹⁹ Нет У6M1. ²⁰ Нет У87. ²³ Нет Б5. ²⁴⁻²⁵ Переставлены У87Н4У6P9M1У84; нет Б5. ²⁵ Нет C15. ²⁶⁻²⁷ Нет Б5. ²⁷ Доб. и M1; доб. смиренному и непоколебимому Христову рабу, и высокопарней пьтице, еже и мысленными и детелными крылы к небеси паряще и к Богу умне возводящуся У84Б5. ²⁸⁻³⁰ Нет У84Б5. ³⁰ сияюща У87Н4; сияющему M1. ³² Нет C15У6P9M1У84Б5. ³⁵ именем P4; нет M1.

28. Разночтения — Н4, С15, Т2, У6, Р9, У84.

¹⁻² О системе заглавий У84 см. выше. ³⁻⁴ крепко стоятелю С15Т2У6Р9; ревностному и крепкостоятелному У84. ⁵ вере С15; в вере Т2. ⁵⁻⁶ в Христове вере и христианскому хранителю У84. ⁶ христианстей С15Т2У6Р9. ⁷ о У84. ⁹ Духе Н4. ¹⁰ непреклонному С15У6У84; нет Р9. ¹¹ побарающему Т2Р9. Доб. за истинную веру У84. ¹² Нет Н4С15Т2У6Р9. ¹³⁻¹⁵ Нет С15Т2У6Р9. ¹⁶ Нет Т2. ¹⁷ еретик обличителю и еретических плевел У84. ¹⁸ Нет Т2. Доб. страстотерпцу крепкому, исповеднику(!) новому, латинские прелести обличителю С15У6Р9; доб. крепкому страстотерпцу, и новому исповеднику, и латынския прелести обличителю Т2. ¹⁹⁻²¹ Нет Т2У84. ²² Доб.; так С15У6Р9; в Q14 слово обрезано при переплете; темных Н4; нет Т2У84. ²³⁻²⁵ Нет Т2У84. ²⁶ Нет У84. Доб. крайнему великому святителю С15У6Р9; доб. крайнему и великому святителю, пастырю премудрому Т2. ²⁷⁻²⁸ Нет С15Т2У6У84. ²⁹ Нет С15У6Р9; святей Божии Т2. ²⁹⁻³⁴ Переставлены 34, затем 29, 33 Т2. ³⁰ Нет С15Т2У6Р9. ³¹ Нет С15Т2У6Р9У84. ³² Нет Т2. Доб. великия Р9. ³⁴ Доб. отцу отцем С15; доб. отцем отцу государю У6; доб. и духовному свету паче солнца У84. ³⁶ государю Т2. Доб. кир Н4; доб. и отцу отцем У84.

29. Разночтения — У87, Н4, F1, Q19, С15, Т2, У6, 34, O58, M1, У84, А5.

¹⁻² Нет M1. ¹ учителю F1O58У84; маистру Q19; дидаскалу С15Т2Р9. Доб. написати Q19; доб. и учителю 34; доб. писати А5. ³ крепкому У87O58M1; мудрому У84. ⁴ в разуме M1; в расужениях У84. ⁵ Нет M1A5. ⁷ разумом С15У6; в разуме Т2Р9У84; в мысли M1. Доб. и Т2У6; доб. многому же в слове и пространному паче в мыслех У84; доб. и художиню моему преизящному учителю А5. ⁸ Испр.; так в остальных списках; художеством Q14; художествы Т2; нет M1A5. ¹² Нет Т2M1У84. ¹³ Нет У87С15M1У84. ¹⁴ Нет С15; божественного и M1; и божественного У84. ¹⁵ любомудрия У87Q19С15Т2У6Р9O58; высокога любомудрия Н4У84А5. ¹⁶⁻¹⁷ зело У84. ¹⁸ навыхшему O58. Доб. апостольского житиа Q19; доб. и мене на путь правый наставльшему M1. ¹⁹⁻²⁰ господину маистру Q19; учителю моему и благодетелю У84. ²⁰ Нет Т2. ²¹ имяреку O58; нет M1.

30. Разночтения — У87, Н4, С15, Т2, У6, Р9, Т8.

² постнику С15Т2У6Р9Т8. ³⁻⁴ Нет С15Т2У6Р9Т8. ⁵ крайнего С15Т2У6Р9Т8. ⁷ высочайшаго Т8. ¹⁰ Доб. и Т2. ¹¹ возрителных У87С15; любозрителных Н4Т2Р9Т8. Доб. и С15Т2У6Р9; доб. сил и Т8. ¹² о господине Н4; огнелучных С15Т2У6Р9Т8. ¹³⁻¹⁴ ангельских сил С15Т2У6Р9Т8. ¹⁵ Нет С15. Доб. и Р9. ¹⁶⁻¹⁷ Пе-

реставлены *C15T2У6P9T8*. Доб. и твердому алмазному *T2*; доб. и *У6P9T8*.¹⁸ пребыванию *C15T2У6P9T8*.¹⁸⁻¹⁹ Переставлены *T2*.¹⁹ жестокому *T2*.²⁰⁻²² Нет *T2*.²² сияюща *H4*; сияющему *У6*.²⁴⁻²⁵ моему *T2*.

31. Разночтения — У87, H4, C15, K1, У6, P9, M1.

² просту *M1*. Доб. писати *C15*.³ любителю *M1*.⁵ в разуме *M1*.⁷ мысли *M1*.⁸ высокопарному *У87*; высокопаримому *H4*.⁹⁻¹² Нет *M1*.¹² позлащенному *K1*.¹³ в лице прекрасному *M1*.¹⁵ Доб. цвета *C15K1У6P9*.¹⁶ прекраснаго *C15K1У6P9*; пресветлому *M1*.¹⁹ листвия *У87*; листию *H4*.²⁰ доброплодному *M1*.²³⁻²⁴ Нет *P9*.²⁵ Нет *M1*.

32. Разночтения — У87, H4, F1, C15, T2, K1, У6, P9, Ш4, 34, O9, O58, Щ43, M1, У84.

¹ К брату родному *F1*; Епистолия к *Щ43*. Доб. родной *M1*.² Доб. по плоти *T2P9*; доб. родной *У634O9O58У84*; доб. единокровныя *Щ43*.³ любвения *K1*; любвения *O58*.⁴ Нет *F1C15T2K134M1У84*.⁶⁻²⁹ его же возлюби нас Бог, и себе по нас даст, и изведе нас из чрева матерня *M1*.⁶ Доб. Господь *У6*; доб. и *O58*.⁹ Нет *O58*.¹⁰ бытия *H4*; нет *O58*.¹¹ произшедшей *T2*; сотворив *У6*; сотворшия *34O9*; создавшаго *Щ43У84*.¹² Нет *C15T2K1У6P9Щ43*.¹³ Нет *T2*.¹⁴ Нет *T1*; мет(!) *O58*. Доб. во тьмы(!) *Ш4*.¹⁵ Нет *T2*; всеприведшаго *У84*.¹⁶ Нет *T2У84*; спет(!) *O58*.¹⁷ Нет *T2У84*; пришедшаго *K1Щ43*; привед *У6*; пришедшия *Ш434O9O58*.¹⁸ Нет *У87T2P9Ш4*.¹⁹ Нет *T2O58*.²⁰ Нет *T2*.²¹ Нет *C15T2K1P9Ш4*.²² Нет *T2P9*.²²⁻²³ Переставлены *У87У634O9O58*.²³ нашей *H4*; нет *C15T2K1P9*.²⁴ розженныя(!) *H4*; и рожденья *C15*; рождения *У84*; нет *У6P9*. Доб. и *H4F1T2K1Ш4O9O58У84*.²⁵ Нет *P9*.²⁶ единокровныя *У87O9O58*; нет *P9У84*.²⁷⁻²⁸ Переставлены *У6Ш4*.²⁸ Нет *У87C15T2K1P934O9O58*.²⁹ произшедшия *H4У634O9O58Щ43У84*; проишедшия *F1*; произведшия *C15K1*; нет *T2*; изшедшия *P9*; произшедшаго *Ш4*.³⁰ Нет *C15T2K1У6P9Ш434O9O58*; сродницы *У84*.³¹ моей *H4*; нет *C15T2K1У6P9Ш434O9O58У84*.³² Нет *C15T2K1У6P9Ш434O9O58*; единокровней *У84*. Доб. горлицы единоутробныя *C15K1У6P9Ш4*; доб. горлице единоутробной *T2*; доб. горлицы единоусобныя *34*; доб. горлице единоусобные *O9*; доб. горлице единоусобне *O58*; доб. голубице возлюбленной, горлице душевней *M1*.³³ Нет *O58M1*.³⁴ златообразных *C15K1У6Ш434O9*; нет *O58M1*. Доб. сестре единокровне *У84*.³⁶ сестрице *F1K1У6P9Ш434O9O58*; нет *T2У84*.³⁸ именем *H4*; нет *M1*.

33. Разночтения — H4, C15, m2, У6, P9, M1, У84.

² брату названому *M1*; брату Богом даному *У84*. Доб. же *C15У6P9*; иже от Бога благодарованному *У84*.³ *Испр.*; любителю (!) *Q14*.⁶⁻⁸ благодетелю и уте-

шителному насладителю сладочные беседы У84. ⁹Нет С15Т2У6Р9М1У84. ¹⁰Нет Н4С15Т2У6Р9М1У84. ¹¹⁻¹²Переставлены С15Т2Р9М1У84; словес медоточных М1. ¹⁴⁻¹⁵Переставлены У84. Доб. созданному Т2У6. ¹⁶⁻¹⁸Нет М1У84. Доб.; так У84; в Q14 слово отрезано при переплете; созданному Н4С15Р9М1; нет Т2У6. ²⁰⁻²³благообразному нраву С15Р9; нраву благообразному Т2; благо разумному нраву У6; видения благообразнаго, нрава добродетельна М1; переставлены 23, 22 У84. ²⁴⁻³⁰ и смыслу высокопарному, яко древу плодовицу, камыку драгоценному Т2. ²⁵Доб. и С15М1. ²⁷православии М1. ²⁸сияюще Н4С15Р9; сияющему У6; живущему М1У84. ²⁹Нет М1; брату Богом даному У84. ³⁰⁻³¹Переставлены М1У84. Доб. моему Т2.

34. Разночтения — У87, Н4, С15, Т2, К1, У6, Р9, Т8₁, Т8₂, Ш4₁, Ш4₂ (образец послания в этих списках переписан дважды), У84, Б5, А5.

¹Нет У87; послание Т8₁Т8₂Ш4₁. ²Доб. писати У6; доб. своему А5. ³по плоти Т2У84; родному У6Р9; своему Т8₁Т8₂Ш4₁; единому Ш4₂; своему по плоти У84Б5. ⁴милостынею У87; милостием К1. ⁵Нет С15К1; и Т2Т8₁Ш4₁У84Б5. ⁶нищелюбием С15Т2К1Т8₁Ш4₁У84Б5. Доб. попремногу У84Б5. ⁷кросьщая Н4. ⁸⁻⁹и Н4; и во Р9; яко У84. ¹¹добродетелем К1. ¹²сияющею У87А5; сияюще У6Б5. Доб. и Т2Т8₂. ¹³молитву С15К1; милостию Т8₁. Доб. же У84Б5. ¹⁴свою С15К1. ¹⁵Нет К1. ¹⁵⁻¹⁷Переставлены 17, затем 15-16 С15Т2У6Р9Т8₁Т8₂Ш4₁Ш4₂. ¹⁶Господу А5. ¹⁷Нет У87. ¹⁷⁻¹⁸яко кадилу являющеюся У84Б5. ¹⁸Испр.; так У87Н4 Т8₁А5; превозводиши(!) Q14; превозводящему С15К1; превосходящему Т2У6Р9Т8₂Ш4₂; восходиши Ш4₁. ²⁰⁻²¹милостию своею Т2Р9. ²²Нет Т8₁. ²⁴художеству Ш4₁. Доб. в ыну У84Б5. ²⁵простирающею С15Т2К1У6Р9Т8₁Ш4₂У84Б5. Доб. по Божию закону истинному моему родителю А5. ²⁸моя С15Т2К1У6Р9Т8₁Т8₂Ш4₁Ш4₂. ²⁹писателю Н4. Доб. и в наказании доброразумия У84; доб. и в наказании добр Б5. ³⁰Нет Н4Б5. ³¹Нет У84. ³²Нет Ш4₂. ³³Доб. мне Т2. ³⁴Испр.; учителю(!) Q14. Доб. и наказателю Т2; доб. государю У6; доб. и кормилцу Р9. ³⁵Нет Т2Р9Т8₁Ш4₁А5. ³⁵⁻³⁶Переставлены У6. ³⁶⁻³⁷Нет Т2Т8₁Ш4₁А5. ³⁸Нет У6. Доб. моему Т2Р9Ш4₂; доб. моему батюшку Т8₁Ш4₁А5. ³⁹именем Н4; нет Т8₁Ш4₁.

35. Разночтения — У87, Н4, С15, Т2, К1, У6, Р9, Т8, Ш4₁, Ш4₂ (образец послания в Ш4 переписан дважды), Б5, У84.

¹Послание Т8Ш4₁. Доб. вдовой С15К1У6Р9Ш4₂; доб. вдове Т2. ²Доб. вдове Т8Ш4₁; доб. вдовой Б5; доб. вдовой от сына У84. ³⁻⁷матери, милостию своею и добродетелию к моему художеству простирающей и доблестями сияющей Т2; родные государыни моей матушке родительницы Ш4₂; великоименитой госуда-

рыне моей молитвеннице и благодной родителнице У84; великоименитой государыне моей матерницы и благодной родителницы Б5. ⁵ Нет У87Н4С1 5К1У6Р9. ⁸ Доб. виталницы У84; доб. питателницы Б5. ⁹ голубицы У87. ⁹⁻¹⁰ Переставлены У6Р9Ш4₂У84Б5. ¹⁰ Нет С15. Доб. голубице Т2. ¹¹⁻¹² вдовству смиренному У84Б5. ¹³⁻¹⁴ родительнице Т2. ¹⁵⁻¹⁶ Переставлены Т2. ¹⁷⁻¹⁹ Нет Т2У84. ²² матушке С15К1У6Р9Т8Ш4₁Ш4₂У84; нет Т2.

36. Разночтения — Н4, С15, Т2, К1, У6, Р9, Ш4, 34, О9, О58, Б5, А5.

¹ От Б5. ³ Нет С15Т2К1У6Р9Ш434О9О58Б5А5. Доб. по плоти Т2; доб. замужной К1; доб. родной У6Ш434О9О58; доб. сыну Б5; доб. своей родителней писати А5. ⁴⁻⁵ щедрого и великого Бога милостию и благодатию Б5. ⁵ Нет У6. Доб. к Богу Т2; доб. добре к Богу превосходиши 34О9О58. ⁶⁻⁷ яко поистинне одушевленному древеси Б5. ⁸⁻¹¹ Переставлены 8, 10, 11, затем 9 Б5. ⁹ Доб. Христава 34О9О58Б5. ¹⁰⁻¹¹ богонасажденного К1. ¹¹ насажденное Т2Ш4; насажденная О58; насаждена А5. ¹² прозябши С15К1У6; просящей(!) Т2; прозябшия 34О9; прозябшии О58; живущему Б5. Доб. и Т2; доб. ветви и Ш4; доб. же 34О9; доб. яже О58; доб. ото утробы моя рожденному и Б5. ¹³ честныма С15Т2К1У6Р9Ш434О9; смиренныма Б5. ¹⁴ своима С15Т2К1У6Р9Ш434О9; нет Б5. ¹⁵ дланма С15Т2К1У6Р9Ш434О9Б5. Доб. носившия и сосцы своими С15К1; доб. носившей и сосцама своима Т2Р9; доб. носившия У6Ш4; доб. носившая и сосцама своими 34О9; доб. и сосцы Б5. ¹⁶ мяня Н4; нет С15Т2К1У6Ш434О9О58Б5. ¹⁷ Нет У6Ш4; воспойваго Р9; воскормивша 34; воскормившая О9О58; воздоенну Б5; воздидившия(!) А5. Доб. и всякую тяготу мене ради претерпевшия Н4С15Т2К1У6Р934О9; доб. и всяку тяготу мене ради претерпевшаго Ш4; доб. и всякую тяготу О58; доб. и всякую тяготу тебе ради терпевшая Б5; доб. и всякую тяготу мене ради грешнаго претерпевшия А5. ¹⁸ ждуще С15К1У6Р934О9; ждущей Т2. Доб. от мене 34; доб. от меня О9. ¹⁸⁻²⁵ естественне и благородне государыне моей многомилостивой матушке о госпде Бозе радоватися. Здравствуй, государыни моя матушка имярек, на множество лет. Писавы сынишко твой имярек рабский челом бью О58. ¹⁹ поскоя(!) Ш4. ²¹ моему Б5. Доб. и крепкаго жезла старости своей У6. Доб. естественней и благородней моей радительнице, паче же и необложне моей молитвеннице за мя ко Творцу нашему, ходимей и светлосиятелней свечи, от нея же леторосли отростиша 34. ²²⁻²⁵ сыну моему едиnorodному имярек мир и благословение Б5. ²³ Доб. многомилостивой 34; доб. милостивой О9. ²⁴ Нет Т2. ²⁵ Нет У6.

37. Разночтения — У87, Н4, С15, Т2, Р9, У84.

¹⁻² Ко святителю Т2. О системе заглавий У84 см. выше. ³ ангелоподобному и непрестанному У84. ⁴ ходатая Н4. Доб. к Богу и У84. ⁷⁻³⁴ пути царствию и вождю ко кресту, и заблуждышим хриstopодражательному наставнику, венцу светлосиянну чадом, и покойному утишию обуреваемым, благозрителному свету ослепленьным, зрению невидим и в путь правый, и руководителю искусну У84. ⁸⁻¹² и великоименитому святительству и солнцу церковному Т2. ¹¹ сияюща Н4. ¹⁴ Доб. от Н4. ¹⁵ благоизбраннаго У87С15; богоизбранному Т2; Богом избраннаго Р9. Доб. Христова У87. ¹⁷ словеснаго Т2. ¹⁸ Нет Т2. ¹⁹ рачителя У87; нет Т2. ²⁰⁻²⁶ Нет Т2. ²⁷⁻²⁸ Доб., так в остальных списках; отрезано при переплете Q14; нет Т2. ²⁹⁻³² Нет Т2. ³²⁻⁴⁰ Отрезано при переплете С15. ³⁴⁻⁴⁰ моему Т2; великому пастырю, и отцем отцу, государю святителю преосвященному имярек У84. ³⁵ старцу У87.

38. Разночтения — С15, Р9, А5.

² Доб. в полк А5. ⁵ Доб. пространнаго пути уклонителю Р9. ⁶ великому и смыслу премудрому А5. ⁸ предоброму С15Р9; изрядному А5. ¹⁰ Доб. презиящному, в полце от воин А5. ¹²⁻¹³ оруженосцу А5. ¹⁴ изрядному С15Р9; преукрашенному А5. Доб. в битвах силному С15Р9. ¹⁸⁻¹⁹ и во православии живущему А5.

39. Разночтения — С15, Р9, О9.

² епископу О9. ⁴ Доб. и Р9О9. ⁵ Богом украшенному С15Р9О9. ⁶⁻⁷ престола Божия С15. ⁸ стоятелю С15; предстоятелю Р9О9. Доб. и О9. ¹¹ Доб. и О9. ¹² богоизрядному С15. ¹⁵ направляемому Р9. ¹⁷ предстоятелю С15О9; настоятелю Р9. ²⁰ священному епископу С15О9.

40. Разночтения — С15, Р9, 34, О9, О58, А5.

¹⁻² Нет 34О9О58. Доб. к С15Р934О9А5. ¹⁻³ Переставлены 3, затем 1-2 Р9. ³ игумену О9; старцу О58. ⁶ собранном С15. ¹¹ Доб. иконому премудрому С15. ¹² Нет Р9. ¹³ Нет Р9; жития 34О9О58. ¹⁴ Нет Р9. Доб. и Р9. ²¹ пустынному жителю С15. ²²⁻²⁴ Нет С15Р934О9О58. ²⁶ Доб. или господину А5. ²⁷ Испр.; так в остальных списках; велико Q14; нет С15. ²⁸ Нет С15. ²⁹ имяреку О58.

41. Разночтения — Н4, С15, Р9, Щ43, М1, Б5.

¹ К святителю Н4С15Р9; Епистолия к святителю Щ43; нет М1Б5. ²⁻³ остропарному и превозходителному тщателю Б5. ⁴ Нет Н4. ⁴⁻¹⁰ Переставлены

9-10, затем 4-8 Н4. ⁵ верхоименитому Н4. ⁶ святителю А5. ¹¹ Нет Б5. ¹² по Б5. ¹³ православии и С15Р9. ¹³⁻¹⁴ благоверии Б5. ¹⁵ тающу С15; сияюще Р9; нет Щ4ЗБ5. ¹⁶⁻¹⁷ Нет С15Р9Б5. ¹⁸⁻²⁰ святей Троицы поборающему Н4; нет С15Р9; святей Троицы порающе(!) Щ4З; святей Троицы поборателю М1; крепкому поборателю Б5. ²⁴ благообразного С15; Христова Б5. ²⁸⁻³³ Переставлены 29, 30, 28, 32, 33, 31 Щ4ЗМ1. ²⁸⁻⁴⁰ и по апостольских святых отец преданий зело ревнителю Б5. ²⁹ злых С15Р9; нечестивых М1. ³¹ Доб. же Н4. ³² лютых С15. ³³ плевел Н4. ³⁴⁻³⁸ Переставлены 35-38, затем 34 М1. ³⁹ солнцу С15Р9. ³⁹⁻⁴⁰ церковному предстоятелю Щ4ЗМ1. ⁴³⁻⁴⁴ Доб.; так Н4С15Р9Щ4З; отрезано при переплете Q14; великому М1; государю священному Б5. ⁴⁵ Нет С15; епископу Б5. Доб. кир Щ4ЗБ5; доб. преосвященному М1. ⁴⁶ именем Н4; нет М1.

42. Разночтения — У87, Н4, С15, Р9, Ш4, Щ4З, М1, У84.

¹ К другу У87; К другу с покорством Н4; К другу же писати С15; К другу непостоянному Р9; Епистолия к другу со уничижением Щ4З; Со уничижением М1; К другу со уничижением У84. ² бывшему Ш4; пребывшему У84. Доб. ближнему Н5Щ4ЗУ84. ³ Нет Ш4. ⁴⁻⁷ сердечному доброприятелю С15. ⁵ Нет Ш4Щ4З. Доб. другу Ш4. ⁶ Доб. и Ш4. ⁷ Доб. и Н4; доб. бывшим Ш4. ¹¹⁻¹³ Нет Щ4З. ¹⁵ наших Ш4. ¹⁶ супротивен С15М1; противно Щ4З. Доб. нам Ш4. ¹⁸ Нет Р9. ¹⁹ нерадением Р9 ²¹ несмышленным Н4Щ4ЗУ84. ²² Нет Щ4З. Доб. и М1; доб. имярек У84. ²³ неподобная У87; неподобным Н4М1; нет Щ4З; недостойный У84. ²³⁻³² Переставлены 30-32, затем 23-29 У84. ²⁴⁻²⁶ Нет Щ4З. ²⁷ недостойным Н4; нет Щ4З; неподобным У84. ²⁹ дружелюбии С15Р9Щ4ЗМ1У84. Доб. имярек Ш4. ³⁰⁻³¹ Нет У84. ³² именем Н4; нет М1.

43. Разночтения — Н4, С15, Т2, К1, Р9, Щ4З, М1, У84.

¹ К недругу Н4; К другу з бранью С15Т2К1; Другу непостоянному Р9; Епистолия к другу с лаею Щ4З; С лаею нехранящему тайны М1; К другу ж с лаею У84. ² пребывшему Щ4З. ³ Испр.; общему Q14; нет Т2М1. ⁴ моему Т2М1. ⁵ приятельству Н4. ⁶ Нет Т2. ⁷⁻⁸ истинным тайнам хранителю Т2; люболаскательному соузнику У84. Доб. на поле истинным тайнам хранителю Р9. ¹⁴ супротивным Н4У84; супротивен С15Т2К1М1; супротивно Р9; конец слова отрезан Щ4З. ¹⁶ разумевай С15; нет Т2У84; разума К1; разумевай Щ4З; разумов М1. ¹⁷ Нет Т2; советы К1. ¹⁸ Нет С15Т2К1; бо У84. ¹⁹ Нет Т2; прокаженному К1; прокаженную Р9Щ4З. ²⁰ Нет Т2; имущу У84. ²¹ Нет Т2У84; тако М1. ²² Нет Т2М1У84. ²³ Нет Т2; якова М1. ²⁴ Нет Т2. ²⁵ Нет Н4С15Т2К1Р9Щ4ЗМ1У84. ²⁶ Нет Н4Т2Щ4ЗМ1У84. ²⁷ Нет С15К1М1; и Т2. ²⁸ Нет М1. Доб. в У84. ²⁹⁻³⁰ Нет М1. Доб. таков Т2. ³¹ Нет М1. ³² Испр.; так в остальных списках; обретаются Q14;

обретеса *Н4*. *Доб.* и болши сего не писах ти, поне же горестию объята бысть душа моя *М1*. ³⁵ *Нет С15Т2К1Р9М1У84*. ³⁶ *Нет М1*.

44. Разночтения — *У87, Н4, Р9, Т9, Ш4, З4, О9, О58, Щ43, Б5, А5*.

¹ Послание от *Т8Ш4*. ¹⁻⁴ Епистолие к сыну от матери сице *Щ43*. ³ *Нет Б5*. *Доб.* щедрога и великого Бога милостию и благодатию, яко поистинне одушевленному древеси посреде Богом наслажденнаго(!) винограда Христова живущему *Б5*. ⁵⁻⁸ *Переставлены 6-8, затем 5 Б5*. ¹⁰ многогрешными *У87О58*; смиренныма *Б5*. ¹¹ руками *О58*; дланма *Б5*. ¹² моими *О58*. *Доб.* от юности твоея *А5*. ¹²⁻²¹ и сосцы воздоенну, всякую тяготу тебе ради терпевшая, чая покоя животу моему *Б5*. ¹⁶ благоденстве *Р9*; благоденство *Щ43*. ¹⁷ *Нет 34О58*. ¹⁸ древу *У87Т8Ш4А5*; *нет 34О58*. ²⁰ *Доб.* Христова *34О9О58Щ43*; *доб.* Богом насажденнаго *А5*. ²¹ возрасташему *Н4Т8Ш4*. *Доб.* мене же посреди иноплеменных оставшему *Щ43*. ²⁴ от меня рожденному *34О9*; от мене рожденному *О58*; благородному *А5*. ²⁵ имяреку *Р9*; *нет Ш4*; *доб.* благословение *34О9О58*; *доб.* мир и благословение *Б5*.

45. Разночтения — *У87, Н4, С15, Т2, Р9, Р9₂* (в *Р9* образец послания переписан дважды), *З4, Щ43, М1, У84, Б5, А5*.

¹ К протопопу *Н4С15Т234М1У84Б5А5*; Епистолия писати к протопопу *Щ43*. *Доб.* евангелских *У84Б5*. ²⁻⁴ *Переставлены 3-4, затем 2 У84Б5*. ³⁻⁴ божественных дохмат *У87С15Т2Р9₂З4М1*; дохмат божествех(!) *Щ43*; дохмат божественных *А5*. ⁵ *Нет С15Т2Р9₁Р9₂А5*. ⁶⁻⁹ *Переставлены 7-9, затем 6 С15Т2Р9₂*. ⁷ изрядному *Т234Б5*; *нет Р9₁*; изрядных *М1*; изрядну *У84*. ⁸ божественному *Р9₁З4*; божествех(!) *Щ43*; божественных *М1*. ⁹ учения *Т2*; писанию *Р9₁З4*; писаний *М1*. ¹⁰ *Испр.*; аврааскою(!) *Q14*. *Доб.* и *А5*. ¹¹ честию *У87С15*; *нет Т2Р9₂З4*. *Доб.* и *С15*. ¹² сединами *С15*. ¹³ украшенному *У87С15Т2Р9₂*; почтенному *М1*. *Доб.* в священнх *Н4А5*; *доб.* священнх *Р9₁Щ43М1*; *доб.* во освященнх *Р9₂*; *доб.* освященный *З4*; *доб.* и яко крепку камени к малодушию *У84*; *доб.* яко крепку камени и малодушию *Б5*. ¹⁴ священному отцу *У87С15Т2Р9₁Р9₂З4Щ43М1А5*; отцу *У84Б5*. ¹⁶ *Доб.* и *Р9₂У84Б5*. ¹⁷ *Нет Т234*. ¹⁸⁻¹⁹ *Нет С15Т2Р9₂З4Щ43У84Б5А5*. *Доб.* кафолическия *С15Т2Р9₂З4Щ43М1А5*. ²⁰ *Доб.* святые *М1*; *доб.* кафелическия *У84*. ²¹ *Нет С15Т2Р9₂З4Щ43М1У84Б5А5*. ²² *Доб.* кафолическия *Б5*. ²³ иже *С15Т2Р9₂З4Щ43М1У84Б5А5*. ²⁴⁻³¹ *Переставлены 27-28, 24-26, 31, затем 29-30 З4Щ43М1А5; переставлены 29-30, 24-26, затем 31 У84Б5*. ²⁴ *Нет С15Т2Р9₂*; аки *З4*. ²⁵ *Нет С15Т2Р9₂З4Щ43М1У84Б5А5*. ²⁶ *Нет С15Т2Р9₂*. ²⁷ о *М1*; *нет У84Б5*. ²⁸ востока *М1*; *нет У84Б5*. *Доб.* лежащая и *С15Т2Р9₂*; *доб.* и до запада *М1*. ²⁹ на *У87С15Т2Р9₂З4Щ43М1А5*. *Доб.* всю *У87Н4С15Т2Р9₁Р9₂З4Щ43М1А5*. ³⁰ вселенней *У84Б5*. ³¹ сияюще *У87С15Р9₂*; сияющей *Т2*; сияет

P9,34Щ43M1Y84B5; сияя *A5*. Доб. верно же приходящих к ней освещает *M1*.
³² Нет *H4C15T2P9,P9,34Щ43M1Y84B5A5*. ³³ священному великому *У87P9,*; священнопротопопу *C15*; нет *T2P9,34Щ43M1Y84B5A5*. ³⁴ Нет *C15P9,*; государю *T2P9,34Щ43M1Y84B5*. ³⁵ Нет *C15T2*; священнопротопопу *P9,34Щ43M1Y84B5A5*. ³⁶ именем *H4*; нет *Щ43M1A5*.

46. Разночтения — У87, Н4, С15, Т2, Р9, Т8, Щ43, М1, У84, Б5, А5.

¹ Ко старцу в *T8*; Епистолия в *Щ43*; нет *M1*. ² лавру *T2*; нет *M1*. ³ простой *У87*; нет *C15P9T8*; игумену *T2*; келарю или казначею *Щ43M1*; х келарю или х казначею *У84B5*; писати к простому старцу чесну *A5*. ⁴ равноангелскую *H4T2*; равноангелному *P9*; равноапостолную *T8Щ43*. ⁵⁻⁹ честию почтённому *M1*. ⁶⁻⁷ небеси подобную *У87H4*; небесоподобную *C15Щ43У84B5A5*; небесь подобную *T2*; небесоподобному *P9*; преподобную *T8*. Доб. Богом снабденную и *У87*; Богом снабденную *H4*; Богом снабдимую и *C15Щ43У84B5*; и Богом снабдимую и *T2*; Богом снабденному и Богом украшенному *P9*; и Богом снабденную и *A5*. ⁸⁻⁹ богостроенную *T2*. ⁹ устроенному *P9*; строенную *T8Щ43У84B5*. Доб. в пречестную *У87C15T2P9У84B5A5*; доб. в пречестное *Щ43*. ¹⁰ Нет *У87P9У84*. ¹¹ Нет *C15T2*; пресвятую *Щ43*. Доб. и *У87H4P9У84A5*. ¹² Нет *C15T8*. ¹³ Испр.; обитетель(!) *Q14*; лавру *A5*. Доб. имярек *У84B5*. ¹⁴ правящему *M1*. ¹⁵ Доб. нелицемерному вкупе же и *C15T2P9T8*. ¹⁷⁻²⁰ Нет *T2*. Доб. же *C15P9T8У84B5*. ²¹ На этом *Щ43* обрывается; нет *T2*; доб. Христова *C15M1*. ²¹⁻²³ Переставлены 22-23, затем 21 *У84B5*. ²² Нет *C15T2*. ²³ Испр.; нажденнаго(!) *Q19*. Нет *C15T2*; насажъденному *M1*. ²⁴ Нет *T2*; живущаго *A5*. Доб. и *M1*; доб. паче же и *У84B5*. ²⁵⁻²⁶ Нет *C15T2*. ²⁷ сияюща *H4*; нет *T2*; сияюще *P9*; сияющему *T8M1*. ²⁸ Доб. и господину *A5*. ²⁹ Нет *У87T2*. ³⁰⁻³¹ Нет *T2P9*. Доб. келарю *У84B5*. ³² Нет *B5*. Доб. или казначею *У84B5*.

47. Разночтения — Н4, С15, Р9, У84.

¹⁻² О системе заглавий *У84* см. выше. Доб. иже *У84*. ⁴ Нет *C15P9*. ⁵⁻⁶ Нет *P9*; благоукрашенным *У84*. ⁷ Доб. Богом *P9*. ¹⁰ Доб. и *У84*. ¹¹ святителнику *H4*; солнцу *C15P9*. ¹³ светилнику *C15P9*. ¹³⁻¹⁴ Переставлены *C15P9*. ¹⁴ светейшаму *H4*; светлому *C15*; всесветлому *P9*. Доб. и *У84*. ¹⁶ преблаженному *C15P9*. ¹⁸ Доб. и апостолския *H4C15P9*; доб. апостолския *У84*. ²¹ светлу *P9*. ²² сияюще *P9*. ²⁴ разума *C15P9У84*. Доб. и *H4*. ²⁶ озарителю *H4*. ²⁷ Нет *P9*. ³⁰ Доб. подобьсиятельному *У84*. ³¹ блистателю *C15P9У84*. ³⁶ имяреку *P9*. ³⁶⁻³⁷ Переставлены *P9*.

48. Разночтения — Н4, С15, Т2, К1, Р9.

¹ К другу *Н4С15Т2Р9*. ³ смехом *Н4*; бранью *Р9*. ¹¹ вонюцкому *Н4*; гавао-ницкому *С15Т2К1Р9*. ¹² *Нет Р9*. ¹³ хамскому *Т2*. ¹⁸ *Нет Т2К1Р9*. ¹⁹ хванаонского *К1*. ²¹ преложения(!) *К1*. ²⁴⁻²⁵ *Нет Т8*. *Доб.* господину *С15*; *доб.* государю *Т2К1*.

49. Разночтения — У87, Н4, С15, Т2, Р9, М1, У84, Б5.

¹ К священноиноку *Н4С15М1*; Священному иноку *Т2*. *О системе заглавий У84Б5 см. выше.* *Доб.* хриstopодражательному подвижнику и *У84*; *доб.* хриstopодражательному подвижнику *Б5*. ³ *Доб.* и *Т2*. ⁵ *Нет Т2*. *Доб.* и *У84Б5*. ⁶ *Нет Т2*. ⁶⁻⁷ достойному служителю *С15Р9*; служителю *Т2*; церковнодостойному служителю *Б5*. ⁹ жу(!) *У87*; мужу(!) *Н4*; *нет Т2Р9У84Б5*. ¹⁰ *Нет У84Б5*. *Доб.* малоумным *М1*. ¹² *Доб.* душевному *У84Б5*. ¹³ ис *У87*; *нет С15Р9М1*. ¹³⁻²³ твердому постнику, и крепкому жителю, и от мирския суеты уклонителю, и в преподобии сияющу священному отцу *Т2*. ¹⁴ *Нет М1*. *Доб.* же *Н4С15Р9*. ¹⁵ духовнаго *Р9*; *нет М1*. ¹⁶⁻¹⁷ *Нет Р9М1*. ¹⁸ исполнителю *Р9*; *нет М1*. ¹⁹⁻²⁰ хриstopодражательному *У87Н4М1*; хриstopодражательному *С15*; Христову ходителю *Р9*; *нет У84Б5*. ²¹⁻²² благоревнителнейшему по Бозе *У84*; благовременителнейшему по Бозе *Б5*. ²³ *Доб.* государю *У84Б5*. ²⁴ имяреку *Р9*.

50. Разночтения — Н4, С15, Р9, М1.

¹ К другу *Н4С15Р9М1*. ⁴ трисятелным *М1*. ⁵ *Нет С15*. ⁷ *Доб.*; *так во всех остальных списках; отрезано при переплете Q14*. ¹⁰ сердечному *С15*; мудрому *М1*. ¹¹ совету *С15Р9*. ¹³ в разуме *С15Р9*. ¹⁵⁻¹⁶ *Нет М1*. ²¹⁻²² *Нет Р9*. ²³ *Нет Р9*; почтенному *М1*. ²⁸⁻²⁹ *Нет Н4*. ³⁰ *Нет С15М1*. ³¹ *Нет С15Р9М1*. ³² именем *Н4*; *нет М1*.

51. Разночтения — У87, Н4, С15, Р9, 34, О58.

¹ В монастырь к *О58*. *Доб.* соборному *34О58*. ³ *Доб.* адаманту и *34О58*. ⁴ *Доб.* нелицемерному *34О58*. ⁵ *Нет 34О58*. ⁶ крепку *34*. ⁶⁻¹⁰ *Переставлены 8-10, 7, затем 6 34О58*. ⁷ жителю *Н4С15Р934О58*. ⁹ пребывателю *34О58*. ¹¹ ангелскому *С1534О58*. ¹² житию *С1534*; жителю *О58*. ¹³ *Нет О58*. *Доб.* и *34О58*. ¹⁴ *Нет С15*. *Доб.* же своего *Р9*. ¹⁵ *Нет С15*. ¹⁶⁻²⁵ иже достигающе смирением вышняго, и оскудением богатая, удалением паки мира к Богу приближением *34*; иже достигающе смирением вышняго, и оскудением богатя(!), удалением паки мира к Богу приближением *О58*. ²² пребывателю *С15Р9*. ²⁵ сияюща *У87*; сияюще *Р9*. ²⁶ *Нет Р934*. ²⁷ *Испр.*; мое (!) *Q14*; *нет У87Р9*. ³⁰ имяреку *Р9О58*.

52. Разночтения — Н4, С15, Р9.

³ Доб. просто С15Р9. ¹⁰ Нет Р9. ¹⁷⁻¹⁸ хранителю крепку С15. ²¹ Нет С15Р9. ²³ Доб. живущему и в дружелюбии С15Р9. ²⁵⁻²⁸ Переставлены 27-28, затем 25-26 С15Р9. ²⁹ именем Н4.

53. Разночтения — У87, Н4, С15, Т2, К1, Р9, Т8_р, Т8₂ (образец послания в Т8 переписан дважды), Ш4, У84.

¹ Нет Т8, Т8₂, Ш4. ² Нет Т2Р9Т8₂Ш4. Доб. х Н4. ²⁻³ Переставлены К1. ³ ближнему У87К1; грамотее С15Т8₂; грамотею Т2; грамотейцу Р9; нет Т8₁Ш4. ⁴ украшенному Н4Р9; украшаемому Т2Т8₁Т8₂Ш4; люботщательному в мудрости У84. ⁶ наказанному Н4; наказаемому Т2Р9Т8₁Т8₂Ш4. ⁷ божественному К1Т8₁Ш4. ⁸ учению Т8₁Ш4. Доб. и К1. ⁹ Доб. многоплодному У84. ¹⁰ древо У87Н4К1; нет Т2; древесю У84. ¹¹⁻¹² преизходящих У87Н4С15Т8₂Ш4. ¹¹⁻¹³ Нет Т2; посреди винограда К1. ¹² исходящих Р9Т8₁. ¹³ вод С15Т8₁Т8₂Ш4. ¹⁴ Нет Т2. ¹⁴⁻²⁸ богодухновенней скрижали, и многособирателне пчеле, медоточнаго различнаго света божественнаго писания, или яко некоему благомудрому купцу, иже добрая собирающе, непотребная же отметающу У84. ¹⁵ Нет Т2. ¹⁶ Нет Т2; учению К1. Доб. и Т8₁Ш4; доб. учению Т8₂; доб. и зачеркнуто учению Ш4. ¹⁷ Нет Т2. ¹⁸⁻¹⁹ плода зрелаго С15Р9Т8₂; нет Т2; плодозрелому Ш4. ²⁰ воздателю С15К1Т8₂; нет Т2. ²¹ лествицю У87Т8₂; нет Т2. ²² зелному С15; нет Т2; земному Р9. Доб. и Т2. ²⁵ благое Т2Т8₁Т8₂; затерто Ш4. ²⁶ произволителю У87Т8₁Т8₂Ш4. Доб. государю Ш4. ²⁷⁻²⁸ Нет Т2. Далее в Ш4 совершенно иной текст. ²⁹⁻³⁰ Нет Т8₂. Доб. другу Т8₁. ³¹ Нет К1Т8₁У84. Далее в Т8₁ совершенно иной текст.

54. Разночтения — У87, Н4, С15, Т2, К1, Р9, Щ43, У84.

¹ Непостоянному У87Т2Р9Щ43У84; К непостоянному Н4. ¹⁻² Переставлены С15Т2К1Р9Щ43У84. ² К другу С15Т2К1Р9У84; Епистолия к другу Щ43. Доб. же С15К1. ³⁻⁴ Нет С15Т2К1Р9Щ43У84. Доб. широкопространному У84. ⁵ Доб. и У84. ⁶ высокопаримому Н4; высокопариму Щ43. ⁷ крови У87; чтьсь(!) К1; нет У84. ⁸ насаянны Т2; насонья(!) Щ43; нет У84. ⁹ мыслию У84. ¹⁰ воздуху У87Щ43; воздухи У84. ¹² ко К1. ¹³ облак С15Т2Р9Щ43; нет К1. ¹⁴ благомыслию К1; мысленному Щ43; мысленно У84. ¹⁵ проводителю У87К1; пробавителю Н4; нет Щ43; обтицающу пред собою близ, яко непотребная призирающу У84. ¹⁶ Доб. же Т2. ¹⁸ месяцю Р9. ²⁰ Нет С15Т2К1. ²¹ Доб. и зефир С15Т2К1Щ43У84; доб. зефер(!) Р9. ²³⁻²⁴ Нет Т2. Доб. и во вся К1. ²⁵ проходителю У87Н4; превосходителю С15Т2Р9; преводителю К1; проходящу и паки к себе обращающу У84. ²⁶⁻²⁸ Нет К1У84. ²⁹ Нет Т2. ²⁹⁻³⁰ Переставлены С15. ³⁰ кон-

цы *К1*. ³¹ *Нет К1У84*. ³²⁻³³ умне зрящу, о ближних же ничего же рядящу, и мыслию, яко колом, водящуся *У84*. ³²⁻³⁶ *Переставлены 34-36, затем 32-33 Щ43*. ³³ *Доб. государю С15Т2К1У84; доб. государю моему Щ43*. ³⁴ *Нет Т2У84*. ³⁴⁻³⁵ *Переставлены С15К1*. ³⁶ *Нет С15Т2Р9У84*. ³⁷ *Нет К1*.

55. Разночтения — *У87, Н4, С15, Т2, К1, Р9, 34, О9, О58, Щ43, М1, У84, Б5*.

¹ *Нет С15К1Р9*; Епистолия к *Щ43*. ² *Нет С15Т2К1Р9М1*; другу *34О9О58*; человеку *Щ43У84Б5*. ³ *Доб. писати Р9; доб. и спесивому 34О9*; *доб. спесивому О58; доб. истиннейшаго любомудренаго смиренномудъря далече уклоняющуся У84Б5*. ⁴ *Доб. же У84Б5*. ⁵ кичением *У87*. ⁶ *Испр.*; возносителю(!) *Q14*; износителю *О58*; вознесенному *Щ43М1Б5*; вознесенну *У84*. ⁷ *Нет О58*. ¹⁰ отягченну *У84*. ¹¹ *Нет Р9*. ¹¹⁻¹³ *Переставлены 13, затем 11 С15Т2К134О9О58*. ¹¹⁻²² гордостью, паче яко ветром, душу надымающу, и здоровое учение презирающе, и, яко листвию, колеблющуся *У84*; гордостью, паче яко ветром, душу свою надымающе и, яко листвию, колеблющуся *Б5*. ¹² *Нет С15Т2К1Р934О9О58*. ¹³ любомудраго *Щ43М1*. ¹⁴ уклоняющуся *М1*. *Доб. и 34О9О58Щ43М1*. ¹⁵ неначальным *О9*; наученною *Щ43М1*. *Доб. бо Т2; доб. же Щ43*. ¹⁶ *Нет Щ43М1*. ¹⁷ учением *У8734О9О58*; кичением *Н4*; злобою *Щ43М1*. ²⁰ мудрствуя *Т2*. ²¹ *Нет Т2*. ²² матежная(!) *Т2*. ²³ *Нет К1*. *Доб. гордым своим безумьем Т2*. ²⁴ безумие *С15К1Р934О9*; безумия *О58*. ²⁵ своея *С15К1Р934О9*; *нет Т2О58У84Б5*; своя *М1*. ²⁶⁻²⁷ *Нет О58У84Б5*. ²⁸ воевателю *У87*; всеваеши *Н4С15Т2К1Р9О9Щ43М1*; вметаеши *34*; восстувеши(!) всеваеши *О58*; всевающу *У84Б5*. ²⁹ государю *У87Т2К1Щ43М1У84Б5*; другу *34О9О58*. ³⁰ *Нет С15К1Р9У84Б5*. ³¹ *Нет М1*. *Доб. Конец 34*.

56. Разночтения — *Н4, С15, Т2, Р9, Щ43*.

¹⁻³ *Переставлены 3, затем 1-2 С15Т2Р9Щ43*. ² полки *Щ43*. ³ к другу *С15Т2*; епистолия писати к другу *Щ43*. ⁴ *Доб. любовию паче же и С15Т2К1*. ⁵ благодателю *Щ43*. ⁶ *Доб. и Н4С15*. ⁷ крепкому *С15Р9*; *нет Т2*. ⁸ на *С15Т2Р9Щ43*. ⁹ *Доб. крепкому Т2*. ¹⁰ *Доб. и храброму Т2*. ¹¹⁻¹⁶ *Нет Т2*. *Доб. победоносцу изрядному Щ43*. ¹⁷⁻¹⁸ *Нет Т2Щ43*. ¹⁹ *Нет С15Т2Щ43*. ²⁰⁻²¹ *Нет Т2Щ43*. ²² живущему *С15*; *нет Т2Щ43*; сияющу *Р9*. *Доб. и во ополчении пребывающу, другу сердечному, победителю земскому иже С15; доб. и во ополчениих пребывающу, другу сердешному, победителю земскому иже Р9; доб. иже Т2*. ²⁴⁻²⁵ друга *С15Т2Щ43*; други *Р9*. ²⁷ *Нет С15Р9Щ43*. ²⁸ полагаеши *С15Т2Р9*. *Доб. ходатаю твердому, сосуду избранному Т2; доб. паче же и во православии житилю, другу сердечному Щ43*. ³¹ именем *Н4*; имяреку *Р9*.

57. Разночтения — У87, Н4, С15, Т2, Р9, Щ43, У84, А5.

¹ Епистолия к Щ43. ¹⁻² О системе заглавий У84 см. выше. ³ философу С15Т2Р9. Доб. сице писати Щ43; доб. писать А5. ³ Испр.; фисофу(!) Q14. Доб. высокоразумному У84. ³⁻¹⁰ Переставлены 8-10, затем 4, 3, 6-7 У84. ⁴ премудрейшему У84. ⁵ Нет С15Т2Р9У84. ⁶⁻⁷ Нет Т2. Доб. и У84. ⁸⁻¹⁰ Нет Т2. Доб. и У84. ¹¹ яговиту(!) У87. ¹² изрядному Щ43У84. ¹³ яснозрителна У84. ¹⁷ невежствия С15Т2; вежства А5. ¹⁸ Нет Т2. ¹⁹ Нет Т2. Доб. истинный Р9. ²⁰ тех Р9; нет Щ43. ²⁰⁻²⁷ яко от шуих на десное и от тмы на свет мсному наставнику и решителю недоведению У84. ²¹ приводителю Щ43А5. ²² Нет У87Р9. Доб. превозлюбленное С15Р9. ²³ учения Н4Щ43; нет Т2. ²³⁻²⁵ Переставлены 25, 24, затем 23 А5. ²⁴ Нет С15Т2Р9Щ43А5. ²⁵ Нет С15Т2Р9; предобраго Щ43. Доб. со усердием независтно Т2. ²⁶ Доб. со усердием независтно С15Р9. ²⁷ простирателю Щ43. Доб. и мудростию всех удивляеши Т2. ²⁹ лософету(!) У87; логовету преизящному А5. ³⁰ Нет А5. ³³ Нет С15. ³⁴ именем Н4.

58. Разночтения — У87, Н4, С15, Р9, Щ43, М1.

¹ Епистолия же Щ43. ² другом М1. ³ жа Н4; писати сице Щ43; верну М1. ⁶ храброслужителному Р9. ⁸ совету С15Р9Щ43М1. ⁹ Нет С15Р9Щ43М1. ¹⁰ Нет У87Щ43. ¹¹ Нет У87. ¹² Нет У87. Доб. крепкому Щ43. ¹³ Нет У87. Доб. и кротку во нравех М1. ¹⁴ Нет У87С15Р9Щ43. ¹⁵ Нет У87С15Р9Щ43М1. ¹⁶ Нет У87С15Р9Щ43М1. ¹⁷ Нет У87; и благообразному С15Щ43; сиречь благообразному Р9. ¹⁷⁻²⁰ Переставлены 18-20, затем 17 С15Р9Щ43. ¹⁸⁻²² Нет У87; в лепоте лица своего М1. ²³ Нет У87Н4Щ43. ²⁴ Нет У87. ²⁵ Нет У87; дружелюбии Н4. ²⁶ Нет У87; сияющему Н4М1; сиящи (!) Щ43. ²⁸ Доб. другу У87; доб. другу сердешному Щ43. ²⁹ Нет М1.

59. Разночтения — У87, Н4, С15, Р9, Щ43.

¹ Нет Р9; Епистолия к Щ43. ³ Испр.; жю(!) Q14; просто сице писати Щ43. ⁵ Доб. ограждаему У87С15Р9Щ43; доб. ограждаемому Н4. ⁷ неистоощаемому Н4; неистошиму С15Р9; неистошному Щ43. ⁸ ходателю Щ43. ⁹ тверду С15. Доб. и Щ43. ¹¹ Нет Щ43. ¹⁴ Нет У87Р9Щ43. ¹⁵ полагаеши С15Р9. ¹⁶⁻¹⁷ Нет Щ43. ²⁰⁻²¹ Нет С15. Доб. другу сердечному Щ43. ²³ Доб. и С15. ²⁶ сияющему Н4. ²⁸ Нет Щ43. ²⁹ именем Н4.

60. Разночтения — У87, Н4, С15, Т2, К1, Р9, Щ43, М1, У84, Б5, А5.

¹ Епистолия к Щ43. ³ посланнику У87А5; постельнику Т2. ⁴⁻²¹ Переставлены 14-21, затем 4-13 У84Б5. ⁴ Доб. господина М1. ⁵⁻⁶ Нет М1У84Б5. ⁷ Нет У87М

1У84Б5. ¹¹Доб. великого государя А5. ¹²государя У84. Доб. честию Н4; доб. и великого князя имярек всеа Руси А5. ¹³Доб. и его Т2; доб. его Р9. ¹⁴Нет А5. Доб. лицу Т2. ¹⁴⁻¹⁶доброизрядному царского величества предстоятелю и пребывателю в ыну при У84Б5. ¹⁵Нет А5. ¹⁶⁻²³Переставлены 22-23, затем 16-21 Щ43. ¹⁷⁻¹⁸Нет Щ43; светлых ево Б5. ¹⁸⁻¹⁹Переставлены Т2А5. ¹⁹Нет Р9М1У84Б5. ²⁰очесех У84; очех Б5. ²¹Нет У84Б5. ²²⁻²⁴Нет Т2. ²⁵оруженосцу С15К1Р9М1; нет Т2. ²⁶изрядному С15К1Р9; нет Т2; преизрядному М1. Доб. паче же в царския светлости живущему Щ43; доб. обаче же близ царской светлости живущему М1; доб. паче же ходатайством своим и милостию сияющу У84; доб. паче же ходатайством и милостию сияющу Б5. ²⁸Нет У87Н4Т2М1У84. ²⁹Нет М1. Доб. от устыные(!) горлицы вдовства смиренного, заклепанные голубицы, от матери единокровные утробы К1. (Ср. последующий образец послания).

61. Разночтения — У87, Н4, С15, К1, Р9, Щ43, А5.

¹⁻³Нет К1; Епистолия к сыну от матери вдовья Щ43. ²Доб. к У87Н4С15 Р9А5. ⁵устыные(!) К1. ⁶голубица У87. ⁸Доб. от У87. ⁹заклепя Щ43; заклепашная А5. ¹⁰Испр.; так во всех остальных списках; гобица(!) Q14. ¹¹⁻¹⁶Переставлены 14-16, затем 11, 13, 12 С15; переставлены 14-16, затем 13, далее текст обрывается К1; переставлены 14-16, затем 11-13 Р9. ¹²⁻²¹Переставлены 13, 12, 17-21, затем 14-16 Щ43. ¹³Доб. моя Щ43. ¹⁴Доб. пречесныя твоя А5. ¹⁵Доб. и от А5. ¹⁶Доб. твоя родительницы А5. ¹⁸снаго(!) У87; стонанного С15. ¹⁹Доб. от С15; доб. и А5. ²¹недоуметелнаго У87С15Р9; недоумителнаго Н4А5. ²⁴именем Н4.

62. Разночтения — У87, Н4, С15, Р9, Щ43, А5.

¹Нет Р9; писати к А5. ¹⁻²Епистолия к другу в полк сице писати Щ43. ²Доб. послание Р9. ⁵Нет У87С15. ⁸царьствующа Н4Р9. Доб. и Н4; доб. и от Р9. ¹⁰Доб. и А5. ¹¹храброму Щ43. ¹⁴оруженцу А5. ¹⁵Нет А5. ¹⁶⁻¹⁷Нет С15. ¹⁸Отсюда и до конца текст иной — из послания №56 А5. ¹⁹нелицемерному Щ43. ²²почтенному во православии жвущему(!) Щ43.

63. Разночтения — У87, Н4, С15, Р9, М1, У84, Б5, А5.

¹К царскому Н4С15М1Б5А5. ²престолнику Р9. Доб. от иже У84; доб. о иже Б5; доб. великого государя царя и великого князя имярек всеа Руси и его А5. ⁴⁻⁶Переставлены 6, затем 4 М1. ⁵Нет У87М1А5. ⁷очесная Б5. ⁸Испр.; житителю(!) Q14. ⁹⁻¹¹Нет Б5. ¹²Нет М1Б5. ¹³Нет Б5. Доб. зрителю С15. ¹⁴насадителю С15; нет Б5. ¹⁵скороне(!) Н4. ¹⁶превысочайшему У87Р9М1А5; превы-

сочающе *Н4*; благо и возразшему древу благоцветущему и процветши *С15*; высочайшему *М1У84Б5*. *Доб.* и благочестивой отрасли и благоцветущей *А5*. ¹⁷ *благия С15*. ¹⁷⁻¹⁹ и благоумному древесю сада Божия *У84*; и благоумному древесю суда(!) Божия *Б5*. ¹⁸⁻¹⁹ *Переставлены А5*. ¹⁹ *позлащенному Р9*. ²¹ *Нет М1У84Б5*. ²² *Нет М1*.

64. Разночтения — У87, Н4, С15, Т2, Р9, М1, Б5, А5.

¹⁻² *К царскому казначею Т2М1*; *Спослание царскому казначею А5*. ² *Нет Р9*. *Доб.* великаго и во благочестии сиятелнаго государя царя и великаго князя имярек всеа Русии его *А5*. ³⁻¹⁰ *царских позлащенных превысочайших палат жителю Т2*. ³⁻¹⁵ *Переставлены 7-9, 3-6, затем 12-15, 10-11 Б5*. ⁵ *Испр.*; *збирате(!) Q14*; *собирателю Б5*. ⁷ *всехвалнаго У87А5*. ⁸ *Нет У87Н4С15Р9М1Б5*. ¹⁰ *Доб.* во светлости царстей цветущему(!) *Б5*. ¹¹ *Доб.* его *Т2*. ¹² *всего М1*; его *Б5*. ¹³ *царскаго М1*. *Доб.* великия *У87Н4С15А5*; *доб.* неизчетнаго *М1*. ¹⁴ *собрания М1*. *Доб.* благоумному *М1*. ¹⁵ *держателю С15М1*; *содержителю Т2*; *нет Б5*. ¹⁶⁻¹⁸ *Нет Т2М1Б5*. ¹⁹ *позлащены С15*; *нет Т2М1Б5*. ²⁰⁻²¹ *Нет Т2М1Б5*. *Доб.* и *С15Р9*; *доб.* при царской светлости живущему и *М1*. ²²⁻²³ *Нет Т2*. ²⁴ *сияющему Н4М1*; *живущу С15*; *нет Т2*; *сияюще Б5*. ²⁶ *Нет Т2М1*. ²⁷ *именем Н4*; *нет М1*.

65. Разночтения — Н4, С15, Р9, М1, А5.

⁴ *Доб.* послание *А5*. ⁵ *великою и А5*. *Доб.* хоругвию и *С15*; *доб.* и *Р9*. ⁶ *Доб.* преславною церковью *А5*. ⁷ *честию Н4С15Р9М1А5*. ⁸ *Доб.* и *М1*. ⁹ *сопротивныя А5*. ¹² *Доб.* во ополчених *М1*. ¹⁸ *Доб.* победныя знамя имущему на враги *М1*. ¹⁹⁻²⁰ *Нет С15Р9М1*. ²¹⁻²⁴ *Нет М1*. ²⁶⁻²⁷ *Нет М1*.

66. Разночтения — Н4, С15, Р9, У84.

¹ *К святителю Н4С15Р9*. *О системе заглавий У84 см. выше*. ²⁻⁵ *твердоразумнейшему и У84*. ⁵ *верху Р9*. ⁶ *превысочайшему У84*. ⁷⁻⁸ *Переставлены У84*. ⁷ *мат(!) У84*. ⁹ *рачителю С15Р9У84*. ¹⁰ *Нет У84*. ¹¹ *отцу С15Р9У84*. ¹² *Нет У84*. ¹³ *правителю С15Р9У84*. ¹⁴⁻¹⁵ *и непоколебимому, и Богом поставленному, одушевленному столпу святых Божия У84*. ¹⁸⁻¹⁹ *Нет У84*. ¹⁹ *восток Р9*. ²² *Доб.* и *Р9*. ²²⁻²⁵ *Переставлены 23-25, затем 22 У84*. ²³ *во У84*. ²⁴ *вся С15*; *нет У84*. ²⁵ *вселения У84*. ²⁸ *государю С15Р9У84*. *Доб.* моему *С15*.

67. Разночтения — Н4, Р9.

¹³ *Доб.* и *Н4*. ¹⁹ *Доб.* и *Р9*. ²¹ *дружелюбии Н4*. ²⁵⁻²⁵ *Нет Н4*.

68. Разночтения — Н4, С15, Т2, Р9, У84, Б5, А5.

¹ К священноиноку Н4С15Т2У84Б5; Старцу священноиноку А5. ² милостивого У84Б5. ⁴ всехвальнаго Т2. ⁸ достойному служителю Н4Т2У84Б5А5. Доб. и Т2У84Б5. ¹¹ Доб. и У84Б5. ¹² во С15Р9У84Б5. ¹³ Нет Т2. ¹⁴ Нет С15Т2Р9. ¹⁵ Нет Т2. ¹⁶ Нет С15Т2. ¹⁷ целомудрому А5. ¹⁷⁻²⁷ Нет Т2; молитвою своею, яко копием, диявола побежающа, имуща шлем спасения, и брони правды, и мужество на противнаго телесное сокрушение У84Б5. ¹⁸ Доб. болящих греховною злобою А5. ²⁸⁻²⁹ Нет Т2. Доб. великому старцу или господину А5. ³⁰ Доб. великому старцу Т2.

69. Разночтения — У87, Н4, Р9, С15.

⁷ Доб. и Н4. ⁸ Нет У87Н4. ⁹ Доб. от С15. ¹¹ убегошаму(!) Н4. ¹² Нет Р9. Доб. и прискорбным У87Н4. ¹³ Доб. и прискорбным С15. ¹⁵ изволившему Р9. ¹⁶ апостолского У87. Доб. и безплотного Р9С15. ²¹⁻²² Переставлены У87. ²⁸⁻²⁹ Нет С15.

70. Разночтения — С15, Т2, У84.

¹⁻² О системе заглавий У84 см. выше. Доб. евангильскаго високаго учения преизящному ревнителю У84. ³ Нет У84. ⁴⁻⁵ Нет Т2. ⁸⁻¹⁰ иже словесным мечем злых еретик, яко некая терния от пшеницы, скореневающу и далече отревающу и, яко прахи, тех развевающу, духовной секире, и остробыстрому копию, и скорой быстрой стреле Христове У84. ¹¹⁻¹² Нет Т2. ¹³ Нет С15Т2. ¹⁴⁻¹⁶ Нет Т2У84. ¹⁷ Нет Т2. ¹⁸ и непреклонному Т2; неуклонному и У84. ²¹ Христове поборателю, у страшнаго престола Божия предстоятелю Т2. ²² храброму У84. ²³ пастырь бо добрый душу свою полагая за одца(!) У84. ²⁴ Нет Т2. ²⁵ непоколебимому С15; нет Т2. Доб. и трубе боголепней великому У84. ²⁶ государю С15Т2У84. Доб. преосвещенному У84. ²⁷ Нет Т2. ²⁸ Нет С16Т2У84.

71. Разночтения — У87, С15, Т2, Р9, 34, О9, М1, У84.

¹⁻² Нет М1. О системе заглавий У84 см. выше. ² иерею Т2; архиепископу 34О9. ³⁻⁴ люботщательнейшему У84. ⁶ Доб. достойному служителю и его пресвятое имя Т2. ⁸ Нет Т2. ¹⁰ непостижимым С15М1. ¹² Доб. и 34О9. Доб. и святительства саном превознесенному, духовным соплетением везати и решити власть имущему У84. ¹²⁻³⁰ и человеческих душ и телес чистителю, священному отцу, и воеводе духовному, священноиерею Т2. ¹⁶ Испр.; так У87Р9М1; достоислужителю(!) Q14; достойному служителю С1534О9У84. ¹⁸ о У87С15Р934О9М1У84. ²⁰ Нет У87. ²¹ о 34. ²⁵ Доб. умней сладости паче меда и сота и пресладкому паки

напоителю духовну У84. ²⁶ Нет 3409. ²⁷ господину Р9. ²⁸⁻²⁹ архимариту или игумену М1. ²⁹ Нет С15. ³⁰ Нет М1.

72. Разночтения — Н4, С15, Т2, К1, Р9, М1.

¹⁻² Обрезано при переплете С15; К другу просто Т2; К мудрому человеку философу К1; Другу просто Р9; То же М1. ³ обретенному Н4С15Т2Р9М1. ³⁻⁵ Переставлены 4-5, затем 3 С15Р9. ⁴ о в С15. ⁵ разум К1. ⁷ Нет К1. ⁸ мыслех Т2; смысл К1; мысли Р9М1. ⁹ Испр.; непоколепимому(!) Q14; непоколебиму С15. ¹⁰ устройением К1. ¹¹ Нет Т2; же М1. ¹² Нет Т2. ¹³ любомудрым Н4Т2К1Р9М1. ¹⁴ украшенному Н4Т2. ¹⁵ Нет Т2. ¹⁵⁻¹⁷ Переставлены 17, 16, затем 15 М1. ¹⁶⁻¹⁷ богонасажденного С15; нет Т2Р9. ¹⁸⁻¹⁹ Нет Т2. ²⁰⁻²² Нет Т2; совету неизменному М1. ²² Испр.; житетелю(!) Q14; желателю С15. ²³⁻²⁴ Нет Т2. ²⁵⁻²⁶ Нет Т2К1М1. ²⁷ Нет С15Т2К1Р9М1. ²⁸ нелицемерному Н4; нет С15Т2К1Р9М1. Доб. государю Т2. ²⁹ Нет К1М1; имярек Р9.

73. Разночтения — F1.

¹⁻⁷ От жены к мужу. Щедрому, и милостивому, камени драгому, и счастливая гортани моя, милому, сердечному ²⁰ Доб. кормилцу.

Отсутствующие в Q14

1. ¹ Епистолия к Щ43. ²⁻³ учителю С15Т2; философу Р9Щ43У84Б5. ⁴ филанонского С15Т2. ⁵ Нет Т2. ⁵⁻⁶ высокоучения О58. ⁷⁻⁹ Переставлены 8-9, затем 7 С15Т2Р9. ¹⁰ удивляюще Т2; удивляющему У84. ¹¹ риторския С15Т2; литорская Щ43Б5; нет У84. ¹² Нет О58У84. ¹³ Нет У84. ¹⁴⁻¹⁵ Нет У84; изящне Б5. ¹⁶ навывкнувшему 34; навывкшему О58Б5; нет У84. ¹⁷ Нет Т2; превыспреннего У84Б5. ¹⁸ Нет Т2Р9У84Б5. ¹⁹⁻²⁰ Нет Т2. ²¹ учителю Н4; нет Т2. Доб. и вышеестественного благословия многотщателному навывкателю У84; доб. и вышеестественного богословия многотщателному навывкателю Б5. ²² Нет 34058. ²³ премудру Б5. Доб. и Н434058Б5. ²⁴ логовиту(!) Щ43. ²⁵ изрядному Щ43Б5; презрядному У84. ²⁷ Нет Т2. Доб. милостивому добродее и добротворцу заочному(!) 34. ²⁸ Нет 34; имярек О58. К остальным словам нет разночтений.

2. ² священноерею С15. ⁵ Нет С15Р9. ⁸ достойному служителю С15. ⁹ Нет С15. ²¹ Нет Р9. ²²⁻²³ Нет С15Р9. ²⁴ отводителю С15. К остальным словам нет разночтений.

5. ¹⁻⁴ От мужа к жене 3409058; Епистолия от любовницы к любовнику Щ43. ⁵ обретателному 34058; обретателскому О9. ⁹ Нет 3409058; ходоумию Щ43. ¹⁶ святых апостол Р93409058; апостолскому Щ43. ¹⁷⁻¹⁸ Нет Р9Щ43. ¹⁷⁻²⁷ и по благословению отца нашего духовнаго жене моей имярек поклон 34; и по благословению отца нашего духовнаго, священноиерея имярек жене моей имярек поклон О9058. *К остальным словам нет разночтений.*

6. ¹⁻⁴ Переставлены 3-4, затем 1-2 Р9. ⁵ Нет Р9У84. ⁶ возлюбленному У84. ⁷ Нет 3409; и У84. ⁹ Нет 3409058. ¹⁰⁻¹⁵ Нет У84. ¹⁶ свету Р934. ¹⁵ и неизреченней же ко мне милости медоточнейшему моему собеседнику У84. ¹⁹ благодетелю О9058; и свету благодателному ми супружнику иже У84. *Доб.* государю моему кормильцу 34; *доб.* государю моему свету, нелицемерному привету и О9; *доб.* государю моему свету, нелицемерному совету и О58. ²⁰⁻²² Нет Р93409058У84. ²⁵⁻²⁶ Нет 3409058У84. ²⁷ восприимцу 3409058. ²⁸⁻³⁰ о твое же Р9; *нет* 3409058У84. ³¹⁻³⁴ Нет 3409058У84. *Доб.* и Р9. ²⁵⁻²⁶ Нет 3409058У84. ³⁷⁻³⁸ Нет 3409058. ³⁹ имяреку О58. *Доб.* женишка твоя имярек 34. *К остальным словам нет разночтений.*

7. ¹⁻² От любве С15К1; К любовнице Р9; От любовника к любовнице О9. ⁵ сласти Р9; словесем О9. ⁶⁻⁸ медоточным красоте безмерной О9. ¹¹ Нет О9. ¹² превозжденные С15; производителныя К1; прелепяя Р9; и О9. ¹⁴⁻¹⁶ и смеху С15К1Р9О9. ¹⁸⁻¹⁹ Нет С15К1. ²⁵ сияющуся С15К1; живущия Р9; сияющей ластовице моей златообразной О9. ²⁶⁻²⁷ Нет С15К1Р9. *К остальным словам нет разночтений.*

8. ² пречистыя ²⁷ желаю ⁶⁷ Нет. ⁶⁹ Испр.; тобга(!) С15; *нет* К1. ⁷¹ Испр.; *так* К1; мимует(!) С15. ⁸⁹ милости ⁹⁶ Нет. ¹⁰³ Нет. ¹⁰⁵⁻¹⁰⁶ толко создавы ¹¹⁵ творити ¹¹⁸ воли ¹²⁰ благо дает. *К остальным словам нет разночтений.*

9. ¹⁸ преславному ²¹ Нет. *К остальным словам нет разночтений.*

1964 г. *

* Тексты письмовников не публиковались.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР И СТЕММЫ СПИСКОВ ПИСЬМОВНИКОВ

Правила описания

В настоящее время (1964 г.) мне известно 172 рукописи, где содержатся списки русских и славянских письмовников (сербских, болгарских, украинских, русско-молдавских). Все рукописи мною непосредственно просмотрены (кроме известных лишь по печатным описаниям). Из них 16 относятся к XVI в., самые ранние списки датируются началом — первой половиной XVI в. (ГИМ. Синод. 562 и 791, РГАДА. Оболенск. 51а, РНБ. Софийск. 1444, РНБ. Q.XVII.15 и РГБ. Ундольск. 1302).

Письмовники обнаружены в следующих российских собраниях (в предлагаемом обзоре названия собраний указываются в сокращении).

Хранилища Москвы. ГИМ: собрания Е. В. Барсова, И. А. Вахрамеева, И. Е. Забелина, Музейное, Синодальное, А. С. Уварова, Чудова монастыря, П. И. Щукина. РГАДА: собрания Ф. Ф. Мазурина, М. А. Оболенского, рукописного отдела библиотеки Московского государственного архива бывш. Министерства иностранных дел. РГБ: собрания И. Д. Беляева, Т. Ф. Большакова, В. И. Григоровича, Костромской областной научной библиотеки, Музейное, Общества истории древностей российских, Рукописного отдела, Н. П. Румянцева, Н. С. Тихонравова, Троице-Сергиева монастыря, В. М. Ундольского, П. П. Шибанова.

Хранилища Санкт-Петербурга. БАН: собрания Архангельского Древлехранилища, Архангельской духовной семинарии, Археографической комиссии, Воронцовых, Н. К. Никольского, Основное, Ф. М. Плюшкина, Северное, Текущих поступлений. ИРЛИ: собрание В. Н. Перетца. РГИА СПб.: собрание Синодальное. РНБ: собрания Археологического общества, П. Д. Богданова, П. П. Вяземского, Н. Я. Колобова, Н. М. Михайловского, Общества любителей древней письменности, Основное, М. П. Погодина, Санкт-Петербургской духовной академии, Софийское, А. А. Титова, П. Н. Тиханова, Ф. А. Толстого, Эрмитажное. СПбГУ: рукопись Кафедры русского языка.

Хранилища других городов. Собрание Кировской областной библиотеки. Собрание Одесской научной библиотеки. Собрание Псковского областного краеведческого музея. Собрание Тверского областного архива. Собрание Тверского педагогического института.

Ниже дается обзор списков следующих письмовников: 1) «Неозаглавленного письмовника», 2) «Посланием начало», 3) «Азбучного письмовника», 4) местных письмовников XVI—XVII вв., 5) сборников виршевых посланий XVII в., 6) «Каким образом писать и х кому письма», 7) разных иных письмов-

ников XVIII—XIX вв., 8) письмовников, перечисляемых только по печатным описаниям российских и украинских хранилищ, 9) некоторых русских и славянских письмовников в европейских хранилищах.

Наиболее подробно обозреваются списки первых пяти разделов. Списки каждого письмовника в целом перечисляются по степени их близости к протографу: по редакциям или видам. Порядок перечисления списков внутри редакции или вида следующий: первым указывается основной список, затем по степени близости к протографу перечисляются списки по группам и списки одиночные, не образующие групп. Однако при перечислении групп и одиночных списков и при перечислении списков внутри группы нередко бывает трудно определить, какой из них превосходит остальные в близости к протографу. В таких случаях учитываются дополнительные признаки формального характера: 1) старшинство списка; 2) полноценность списка (неполноценными считаются те, что содержат лишь отрывки из посланий письмовника или только их отражение в других текстах; 3) компилятивность списка.

Каждый список письмовника описывается следующим образом: 1) шифр рукописи, содержащей письмовник; 2) ее название и время составления; 3) формат; 4) количество листов; 5) почерк (большинство рукописей написано скорописью, поэтому специально указывается лишь почерк полууставный); 5) водяные знаки (указываются в том случае, если они не упомянуты в печатном описании рукописи или если рукопись не описана); 6) место письмовника в рукописи; 7) статьи явно местного характера в окружении письмовника (если такие есть); 8) особенности состава данного списка письмовника.

Списки письмовников XVIII—XIX вв. перечисляются в хронологическом порядке или по собраниям и описываются кратко: шифр, название и время рукописи, место письмовника в ней.

«Неозаглавленный письмовник»

Известно 12 рукописей XVI—XVII вв., содержащих образцы посланий «Неозаглавленного письмовника». Списки I редакции не дошли.

СПИСКИ II РЕДАКЦИИ

1. РНБ. Софийск. 1444. Сборник XV—XVI вв. 4°. 472 л. Полуустав. Письмовник на л. 447 об.—459 об.¹ Рукопись первой половины XVI в. На л. 452—459 об. к «Неозаглавленному письмовнику» добавлены три образца посланий — от чернца к господину, от старца к господину, к вкладчику.

¹ Полное описание сборника см.: *Абрамович Д. И.* Софийская библиотека. СПб., 1910. Вып. 3: Сборники. С. 159—173. Сборник описан с пропусками.

2. РНБ. СПб. Дух. Ак. 270, том 1, тетрадь 1. 4°. 100 л. Полуустав. Сборная рукопись. Тетрадь 1 — XVII в. (второй половины)². Водяные знаки — шут с 5 и 7 бубенцами. Письмовник — на л. 36—43.

3. РНБ. Q.XVII.305. Сборник XVII в. (конца). 4°. 754 л. Водяные знаки — небольшой рог с перевязью, герб Амстердама с большой короной, шут с 7 бубенцами. Письмовник — на л. 275—277 об. В составе сборника — статьи о продолжительности дня на Вологде в Кириллове и Ферапонтове монастыре, «Сказание о Соловецком монастыре», повести о начале Печерского Псковского монастыря, послание митрополита Фотия псковскому духовенству, «Сказание о начале Софии новгородской», «Повесть о новгородском белом клубуке» и др.³

СПИСКИ Ш РЕДАКЦИИ

4. РНБ. Q.XVII.15. Сборник XVI в. (первой половины). 4°. 539 л. Полуустав. Письмовник — на л. 381—388 об., написан другим почерком, чем окружение. Сборник составлен в Иосифо-Волоколамском монастыре⁴.

5. РГБ. Ундольск. 1302. Сборник XVI в. (первой половины). 4°. 192 л.⁵ Полуустав. Водяные знаки — «три горы» (типа Брике, №№ 11943—11944; Лихачев, №№ 2708—2709)⁶. Письмовник — на л. 50—52.

6. РГБ. Музейн. 7066 (30). XIX в. 4°. 2 л. Список письмовника, сделанный писателем П. Мельниковым-Печерским, который предпослал письмовнику следующее предисловие: «Форма старинных писем. В городе Семенове (Нижегород. губернии) у мещанина Ерыкалова в конце декабря прошлого 1841 г. я

² Полное описание рукописи см.: *Родосский А.* Описание 232-х рукописей, принадлежащих С.-Петербургской Духовной Академии и составляющих ее первое по времени собрание. СПб., 1894. С. 248—249. Статьи 1-ой тетради имеют обозначение глав, в том числе письмовник — главы 49—53.

³ Полное описание см.: Инвентарный каталог Основного собрания рукописной книги рукописного отдела РНБ (ОСРК РО РНБ).

⁴ Описание см.: Послания Иосифа Волоцкого / Изд. подгот. А. А. Зимин и Я. С. Лурье. М.; Л., 1959. С. 133—134.

⁵ Неполное описание см.: *Викторов А.* Очерк собрания рукописей В. М. Ундольского в полном составе // Славяно-русские рукописи В. М. Ундольского, описанные самим составителем и бывшим владельцем собрания с № 1-го по 579-ый. М., 1870. С. 43.

⁶ Палеографические альбомы, использованные в обзоре: *Лихачев Н. П.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Т. 1—3; *Тромонин К. Я.* Изъяснения знаков, видимых в писчей бумаге. М., 1844; *Briquet C. M.* Les filigranes: Dictionnaire historique des marques du papier des leur apparition vers 1288 jusqu'en 1600. Genève, 1907. Т. 1—5; *Churchill W. A.* Waterworks in paper in Holland, England, France etc. in the XVII and XVIII centuries and their interconnection. Amsterdam, 1935. *Labarre E. J.* Monumenta chartae papyraceae historiam illustrantia. Hilversum (Holland), 1950—1957. Т. 1—6.

нашел три весьма любопытные старописьменные книги: Апостол начала XVI века, писанный на бумаге, Устав церковней службе иже во Иеросалиме и пр. — времен царя Бориса Федоровича и Сборник XVI столетия in 4°, в котором кроме сочинений и переводов Иоанна Екзарха Болгарского находится много других любопытных вещей. Оставив до особой статьи описание как этих, так и других отысканных недавно мною старинных книг, я теперь имею честь представить вниманию просвещенных читателей этого журнала формы посланий, употреблявшихся у наших предков. Оне помещены в этом сборнике, о котором сейчас сказал я. 1842 года. Генваря 2. Семенов. Павел Мельников».

7. РНБ. Софийск. 1454. Сборник XVI в. (конца). 4°. 566 л.⁷ Письмовник — на л. 433 об.—435 об., 441 об.—443. В составе сборника — статья об игуменах Сергиева монастыря.

8. БАН. Текущ. 613. Сборная рукопись XVII в. (середины). 4°. 254 л.⁸ По листам сборника скрепа XVII в. церковного причетника Белозерского уезда Судского стана Хилецкой волости. Письмовник — на л. 270—293 об. и состоит из четырех частей: 1) л. 270—277 об. Образцы посланий-проповедей; 2) л. 277 об.—280. «Неозаглавленный письмовник»; 3) л. 280—285. Образцы посланий, составленные неким Иваном: «Послание от холопа к государю», «Послание грешнаго Иванна...» и др.; 4) л. 285—293 об. Образцы посланий-акафистов, «блажен» и пр.

9. ГИМ. Синод. 562. Сборник XVI в. (начала — первой трети). 4°.⁹ Полуустав и скоропись. Отрывки из «Неозаглавленного письмовника» (из образцов посланий к митрополиту и к старцу) находятся на л. 171 об.—172, 174 об. и 187—187 об. в составе иных образцов — в «Послании ученика к старцу о прощении» и в «Послании к старейшему, рассуждение о печали от инока имярек». «Послание ученика к старцу о прощении» написано неким Симоном старцу Троице-Сергиева монастыря до 1492 г.: «зрю на будущау осмаго века» (л. 172). Образец послания к врагу переписан другим почерком на л. 15 об. в части сборника, относящегося уже к 1510—1530-м годам.

10. РНБ. СПб. Дух. Ак. 430, см. обзор списков местных письмовников, № 2.

11. РГБ. Тихонрав. 380, см. обзор списков местных письмовников, № 6.

12. БАН. Арханг. Древл. 527, см. обзор списков местных письмовников, № 15.

⁷ Описание см.: *Абрамович Д. И.* Указ. соч. С. 220—228; см. еще: *Летопись занятий Археологической комиссии.* СПб., 1863. Вып. 3. Отд. III. С. 29—43.

⁸ См. инвентарную опись собрания текущих поступлений Рукописного отдела БАН.

⁹ Обзор сборника см.: *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV веков. М., 1951. Ч. 2. С. 20—23; *Казакова Н. А., Лурье Я. С.* Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI в. М.; Л., 1955. С. 230—239.

«Посланием начало»

Известно 10 рукописей XVI—XVII вв. с посланиями этого письмовника и 1 список XVI в., дошедший лишь в печатных извлечениях.

СПИСКИ I ВИДА (МИНЕЙНЫЕ)

1. РГАДА. Оболенск. № 51а. «Великие минеи четьи» (Софийские). XVI в. (первой половины). 2°. 637 л. Полуустав. Письмовник — под 31 августа на л. 604—606.

2. ГИМ. Синод. 997. «Великие минеи четьи» (Успенские). XVI в. (середины). 2° (двойной). 1569 л.¹ Полуустав. Письмовник — под 31 августа на л. 1482 об.—1486.

3. ГИМ. Синод. 183. «Великие минеи четьи» (Царские). XVI в. (середины), 2° (двойной). 820 л. Полуустав. Письмовник — под 31 августа на л. 706—711.

4. ГИМ. Барс. 181. Сборник XVII в. (первой половины), восходит к «Великим минеям четьим» за август². 4°. Водяные знаки — неопределенный предмет, который указан Лихачевым в т. 1, с. CLXXIV (и еще № 3204), гербовый щит (приблизительно Брике, №№ 1981—1989). Письмовник — на л. 84—91 об.

5. РНБ. F.XVII.23. Сборная рукопись, лицевая. XVII в. (конца). 2°. 492 л.³ Полуустав и скоропись. Водяные знаки — шут с 7 бубенцами, искаженный герб Амстердама с буквами «ROCH». С л. 492 начинается формулярник под заглавием: «Различны послания святителей и преподобных отец. Глава 17». Письмовник — на л. 497—502 неряшливой скорописью, еще один образец — на л. 533 об.

СПИСКИ II ВИДА (ФОРМУЛЯРНЫЕ)

6. РНБ. Q.XVII.50. Сборник XVI в. (второй половины). 4°. 377 л.⁴ Полуустав. Письмовник — на л. 181—187 об., еще образцовые послания на л. 9 об., 14, 49—50 об., 89—91, 196 об., 340 об., 376—377. Сборник написан в Иосифо-Волоколамском монастыре.

7. ГИМ. Синод. 791. Сборник 1543 г. 4°. 186 л.⁵ Полуустав. Образцовые послания — на л. 10 об., 11, 54 об.—56 об. Сборник написан в Иосифо-Волоколамском монастыре.

¹ Описание см.: *Иосиф*. Подробное оглавление Великих Четиих Миней всероссийского митрополита Макария (по списку ГИМ. Син. 997). М., 1892. Стб. 478—479; см. также: *Послания Иосифа Волоцкого*. С. 115.

² См. инвентарную опись собрания Барсова в РО ГИМ.

³ См. инвентарный каталог ОСРК РО РНБ.

⁴ Описание см.: *Послания Иосифа Волоцкого*. С. 109—113.

⁵ Описание см.: Там же. С. 107—109.

8. ГИМ. Щук. 468. Сборник XVII в. (первой половины). 8°. 254 л.⁶ Образцовые послания — на л. 1—1 об., 2 об.—3, 37 об.—40, 115 об.—117, 122 об.—127 об. Сборник волоколамской традиции.

9. БАН. 16.17.29. Сборник XVII в. (первой половины). 4°. 268 л.⁷ Образцовые послания — на л. 150 об., 180 об.—182 об., 226 об.—227, 246, 252—257, 266—267. Сборник волоколамской традиции.

10. БАН. Никольск. 45, см. обзор списков «Азбучного письмовника», № 5.

11. Недошедший волоколамский список XVI в. Одно из образцовых посланий издано по нему в «Древней Российской Вивлиофике»⁸. В описании волоколамских рукописей Иосифа⁹ такой список не указан. У П. М. Строева же¹⁰ указывается волоколамский сборник в 4° № 407, XVI в., 95 л., содержащий «Посланием начало, егда хочешь к кому послати: к велможам или ко властным людям, — кому ся ни есть» и сходный по составу с формулярными сборниками. Однако П. Строев в этом сборнике не указывает данного образца (этот образец обычно находится в формулярных сборниках перед письмовником). Кроме того, Н. Новиков напечатал в XIV т. «Вивлиофики», по-видимому, статьи из разных волоколамских сборников.

Образцовое послание, напечатанное у Н. Новикова, очень близко к тексту в РНБ. Q. XVII. 50. Оно передает и испорченные места этого списка. Но в печатном тексте прибавляются новые искажения из-за неверного прочтения рукописи. Вспоминается замечание, сделанное П. Строевым при описании сборника № 407: «Сею рукописью пользовался Новиков при издании в XIV части Древней Российской Вивлиофики граммат и других бумаг библиотеки монастыря Иосифова. Жаль, что сии акты против своих подлинников напечатаны неверно и с немалыми в некоторых пропусках». Поэтому данные отрывки в разночтениях не учитываются.

⁶ Описание см.: Там же. С. 119—120.

⁷ Описание см.: Там же. С. 118—119.

⁸ Новиков Н. Древняя Российская Вивлиофика. 2-е изд. М., 1790. Ч. 14. С. 210—213 («Грамматы и другие бумаги, найденные в библиотеке Иосифова монастыря»).

⁹ Иосиф, иеромонах. Опись рукописей, перенесенных из библиотеки Иосифова монастыря в библиотеку Московской Духовной Академии. М., 1882.

¹⁰ Строев П. Описание рукописей монастырей Волоколамского, Новый-Иерусалим, Саввина-Сторожевского и Пафнутиева-Боровского. СПб., 1891. С. 182. л. 533 об.

**«Азбучный письмовник»
(«Сказание и начертание епистолиям»)**

Известно 33 рукописи, содержащих образцовые послания этого письмовника, 26 из них XVII в. Списки XVIII—XIX вв. перечисляются отдельной группой.

СПИСКИ I ВИДА

1. РНБ. Q.XVII.149. Сборная рукопись XVI в. (конца) — XVII в. (первой половины). 4°. 210 л.¹ Письмовник — на л. 188—195 об. в рукописи начала XVII в. На чистых листах рукописи после письмовника следуют заметки о пожарах в Москве, смерти патриархов Филарета и Иоасафа, в конце сборника также следуют заметки о смерти разных московских лиц 1626—1641 гг.

2. РГБ. Ундольск. 876. Сборник XVII в. (первой половины). 4°. ² Письмовник — на л. 1—9 об.

3. РНБ. Софийск. 1480. Сборник XVI в. (конца) — XVII в. (начала). 4°. 171 л.³ Водяные знаки — кувшинчик с двумя ручками, буквами «GB» и полумесяцем, кувшинчик с двумя ручками и тремя стеблями трилистника. Письмовник — на л. 118 об., 119, 125 об.—126 об., 128 об., 132 об.—133, 134 об.—137, 150—155. Образец послания к «человеку Божию» переписан дважды в середине и в конце одной и той же тетради, на л. 132—132 об. и 136 об.—137.

4. ГИМ. Шук. 468, см. обзор списков «Посланием начало», № 8.

5. БАН. Никольск. 45. Сборная рукопись XVII в. (начала). 8°. 262 л.⁴ Водяные знаки — кувшинчик с буквами «IS», «OH» (?) и др. неясными, крепостные ворота с двумя башнями. Письмовник — на л. 111—140, в том числе на л. 139 об.—140 одно послание из письмовника «Посланием начало».

6. РГБ. Большак. 38. Сборная рукопись XVII в. (последней четверти). 4°. 387 л.⁵ Письмовник — на л. 14—15 с водяным знаком — цветком или розеткой с 5 лепестками. Перед письмовником выписка из печатного «Синописа» (Киев, 1674 г.). После письмовника — «Повесть о Псковском Печерском монастыре»,

¹ Полное описание сборника см.: Отчет имп. Публичной библиотеки за 1876 год. СПб., 1878. С. 206—208; Орлов А. С. Домострой по Коншинскому списку и подобным. М., 1908. С. 8—41.

² См.: Викторов А. Очерк собрания рукописей В. М. Ундольского в полном составе // Славяно-русские рукописи В. М. Ундольского... М., 1870. С. 28—29. Сборник полностью не описан.

³ Полное описание сборника см.: Абрамович Д. И. Софийская библиотека. СПб., 1910. Вып. 3. С. 333—335. В описании есть мелкие неточности.

⁴ Полное описание рукописи см.: Конусов А. П., Покровская В. Ф. Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Л., 1951. Т. 4, вып. 1. С. 129—131.

⁵ Полное описание рукописи см.: Георгиевский Г. П. Рукописи Т. Ф. Большакова. Пгр., 1915. С. 29—32.

«Повесть о явлении Богородицы у веси Воронач у Пскова», «Иоанн Дамаскин», подписанный тихвинским дьячком; список «Сказания» Кирилла Иерусалимского, печатанного в Вильне в 1596 г. и др.

7. РНБ. Ф. III. 126 125. Два столбца 1680-х годов. Водяные знаки — шут с 5 бубенцами и буквами «ГВА». Помета 7199 г. ноября 22. Столбец Ф. III. 125 является продолжением столбца Ф. III. 126. Изречения и письмовник.

8. РНБ. Q. XVII. 192. Сборная рукопись XVII в. (конца) — XVIII в. (начала). 4°. 461 л.⁶ Образцовое послание на л. 93 об. В начале сборной рукописи заметки о московских пожарах в конце XVII в.

СПИСКИ II ВИДА

9. РНБ. Софийск. 1546⁷. Сборник XVII в. (первой четверти). 4°. Водяные знаки — кувшинчик с одной ручкой и полумесяцем и буквами РВО, ДЮ (?) и др. неясными. Л. 54 об.—54 а. об. — пустые. Затем под общим заглавием «Послания» следуют на л. 55—70 послания, где упоминаются «пресвитеры» Салустий, Феофил, Доментиян, а также «брат Кирьяк» и Тривин Маркиян. Л. 70 об.—73 — послание Дмитрия Старого новгородскому архиепископу Геннадию о трегубной аллилуйе. Письмовник — на л. 74—159, делится на пять частей: 1) л. 74—120 об. — образцовые послания, некоторые из которых не утратили конкретику, исходят из Псковского Печерского монастыря или адресуются в Московский Чудов монастырь; 2) л. 121—134 — «Азбучный письмовник»; 3) л. 131 об.—139 — образцовые послания в Кириллов монастырь, автор одного из посланий — «Федько прозовью Томилко Кириллова Пирожникова»; 4) л. 139—154 об. — другим почерком «от любомудрец хотящим любезным двоестрочная послания составлять», наборы отдельных эпистолярных фраз по алфавиту⁸; 5) л. 155—159 — опять другим почерком три образцовых послания. Л. 159 об. — пустой. Л. 160—226 об. — послание Иосифа Волоцкого о Касьяне и послания Ивана Грозного.

10. РГБ. Троицк. 297 (1262). Канонник XVII в. (начала). 8°. 166 л.⁹ Письмовник — на л. 157 об.—166.

⁶ Полное описание сборника см.: Отчет имп. Публичной библиотеки за 1889 год. СПб., 1893. С. 128—137.

⁷ Приношу благодарность Д. С. Лихачеву, указавшему мне этот интересный сборник (не описанный).

⁸ Ср. те же «двоестрочная послания» в рукописях: БАН. Яцимир. 86 (13.6.9), л. 21—32 об. (конца XVII в.); БАН. Арханг. Древл. 527, л. 182—194.

⁹ Описание см.: *Иларий, Арсений*. Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры. М., 1878. Ч. 2. С. 75. Письмовник из этой рукописи напечатан, см.: *Смирнов С. К.* «Алфавит Илариона инока заточенного, надписание епистолиям яко всякому в предисловие по азбоче человеку послати» // *Временник Московского Общества истории и древностей российских*. М., 1851. Кн. 10. Отд. III. С. 23—28.

11. Тверь. Библиотека Педагогического института 1 (29). Конволют XVII в. 4°. ¹⁰ Письмовник XVII в. (середины) — на л. 5 об.—11. В составе рукописи послание-донос митрополиту казанскому и свияжскому Симону.

12. ГИМ. Увар. 616. Сборная рукопись XVII в. 4°. 158 л. ¹¹ Письмовник — на л. 64—70, рукопись XVII в. (первой трети), водяной знак — кувшинчик с разлапистой короной и полумесяцем, с одной ручкой и буквами PDB (Тромонин, № 668).

13. РГБ. Рукоп. отдел. 101. Сборник служебный XVII в. (второй половины). 4°. 300 л. Водяные знаки — шут с 5 и 7 бубенцами (Черчилль, № 345). В конце сборника — «Многолетие» архимандриту Корнилиева монастыря Варсонофию, есть также запись о принадлежности сборника этому монастырю.

14. РГАДА. Рукоп. отдел б-ки МГАМИД. 914 (1480). Письмовник XVII в. (конца). 4°. 80 л. Водяные знаки — шут с 5 и 7 бубенцами и буквами «PI» и «YBEAVEORT» (Тромонин, № 1282; Лихачев, № 3542, 3543; Клепиков, № 1105).

15. РГБ Троицк. 808 (1008). Сборник XVII в. (середины). 4°. 295 л. ¹² Водяные знаки — кувшинчик с разлапистой короной и полумесяцем, с одной ручкой и буквами PPT под полумесяцем, (типа греческого «Po»). Письмовник на л. 265—295. В начале сборника — запись дьякона Дмитровского Борисоглебского монастыря.

16. РГБ. Шибан. 431.3. Письмовник XVII вв. (конца) — XVIII в. (начала). 8°. 19 л. Водяной знак — шут с 7 бубенцами ¹³.

17. ГИМ. Забел. 456. Сборник XVII в. (конца). 4°. Водяной знак — щит и два ангелочка по бокам (?). Письмовник — на л. 206—210 об.

18. РНБ. ОЛДП. Q.96 б. (1045). Столбец XVII в. (конца) с довольно большим письмовником ¹⁴. Водяной знак — искаженный герб Амстердама. В записи того же времени упоминается «полк генерала Адама Андреевича Фаншен бека».

¹⁰ Описание см.: *Голубев И. Ф.* Семь рукописных книг XVI—XVIII вв. из собрания Калининского педагогического института им. М. И. Калинина // ТОДРЛ. Т. 17. С. 604—605.

¹¹ Полное описание рукописи см.: *Леонид.* Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А. С. Уварова. М., 1894. Ч. 4. С. 155—157 (№ 1833). Ср. ГИМ. Увар. 616, л. 69—70, «Послание печального человека» и РГБ. Троицк. 809 (1874), л. 2—19, «Послание печальным человеком», XVII в.

¹² Полное описание сборника см.: *Иларий, Арсений.* Указ. соч. Ч. 2. С. 259—260. Описание письмовника см. в кн.: *Русская демократическая сатира XVII века / Изд. подгот. В. П. Адрианова-Перетц.* М.; Л., 1954. С. 197.

¹³ См.: *Записки Отдела рукописей РГБ.* М., 1955. Вып. 17. С. 58; *Голубев И. Ф.* Новый список «Послания дворительного недругу» // ТОДРЛ. Т. 18. С. 326.

¹⁴ Описание и часть текста напечатаны в кн.: *Лопарев Х.* Описание рукописей имп. Общества любителей древней письменности. СПб., 1893. Ч. 2. С. 144—146.

19. Одесса. Научная библиотека. 582 а. Столбец XVII в., азбука с письмовником¹⁵.

СПИСКИ КОМПИЛЯТИВНОГО ВИДА

20. ГИМ. Щук. 433. Сборник 1653 г. 4°. 158 л.¹⁶ Письмовник — на л. 126—135 об. В составе сборника — «Житие и служба Артемию Веркольскому».

21. РГБ. Музейн. 1842 (327). Сборник записей дьяка тобольского архиерейского дома Семена Хломова за 1635—37 гг. 8°. 33 л.¹⁷ Письмовник — на л. 18—31 об. В сборнике также записи подьячего ростовского митрополичьего дома С. Хломова о поездке из Москвы в Тобольск.

22. ГИМ. Увар. 848. Сборник XVII в. (второй четверти). 4°. 480 л.¹⁸ Водяные знаки — кувшинчик с сердцем и буквами «IDP», с цветком на стебле и буквами «BC». (Тромонин, №№ 461, 464, 470, 919, 1321; Брике, №№ 12871, 12904). Письмовник — на л. 366 об.—413.

23. РГБ. Беляев. 56. (Муз. 1566). Сборник XVII в. (конца). 4°. 330 л.¹⁹ Водяные знаки — двуглавый орел с короной и знаком на груди. Письмовник — на л. 183—189, другим почерком, чем окружение. В конце сборника — статьи о преставлении Германа Соловецкого и явлении мощей Василия и Иоанна Пертоминских. В начале сборника — запись 1699 г. подьячего Троице-Сергиева монастыря.

24. РНБ. Погод. 1606. Сборная рукопись XVII в. 4°. 342 л.²⁰ Образец послания — на л. 249 об.—250 в рукописи XVII в. (первой половины), водяной знак — лилия в щите под короной. Л. 250 об. — пустой.

25. БАН. Арханг. Древл. 527, см. обзор списков местных письмовников, № 15.

26. ГИМ. Увар. 609. Сборная рукопись XVII в. 4°. 237 л.²¹ Водяной знак на этом листе — рог изобилия (?). Письмовник должен был находиться на л. 51—58, ибо, по оглавлению, в сборнике здесь «Послание ко святителю, или

¹⁵ См.: *Копыленко М. М., Рапопорт М. В.* Славяно-русские рукописи Одесской государственной научной библиотеки им. А. М. Горького // ТОДРЛ. Т. 16. С. 549.

¹⁶ Полное описание сборника см.: *Яцимирский А. И.* Опись старинных славянских и русских рукописей собрания П. И. Щукина. М., 1879. Вып. 2. С. 177—179.

¹⁷ Музейное собрание рукописей / Под ред. И. М. Кудрявцева. М., 1961. Т. 1. С. 315.

¹⁸ Полное описание сборника см.: *Леонид.* Указ. соч. Ч. 4. С. 272 (№ 1894).

¹⁹ Полное описание сборника см.: *Викторов А.* Собрание рукописей И. Д. Беляева. М., 1881. С. 54—58.

²⁰ Полное описание рукописи см.: *Бычков А. Ф.* Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников имп. Публичной библиотеки. СПб., 1882. Ч. 1. С. 336—348.

²¹ Полное описание сборника см.: *Леонид.* Указ. соч. Ч. 4. С. 166—168 (№ 1841).

к воеводе, или в монастырь, или ко отцу и к матери, и ко иным ближним приятелем» (ср. «Азбучный письмовник»). Но л. 51—58 — чистые.

СПИСКИ «АЗБУЧНОГО ПИСЬМОВНИКА» XVIII—XIX вв.²²

27. РГБ. Ундольск. 1072. Сборная рукопись 1705 г. (см. запись на л. 106). Письмовник без начала и конца — на л. 112—117 об.

28. БАН. 16.16.23. «Полное предисловие, как грамотка отписать кому соизволиш по нижеописанному предложению». 1740 г. Л. 1—13.

29. РНБ. Эрмитажн. 22. Сборник XVIII в. (второй четверти). Водяные знаки — герб Амстердама и буквы «NB» с сердечком между ними. Письмовник — на л. 101—112 об.²³

30. РНБ. Q.XVII.77. Сборник XVIII в. (второй трети). Водяные знаки — четыре якоря крестом, герб Амстердама, лигатура «МК». Письмовник — на л. 163 об.—167 об.²⁴

31. СПбГУ. Кафедра русского языка²⁵. Сборник XVIII в. (середины). 4°. 17 лл. Без переплета. Водяной знак — лигатура «РФГТ». Письмовник — на л. 15 об.—17 об.

32. ГИМ. Вахрам. 1044. Сборная рукопись XVIII—XIX вв.²⁶ Письмовник — на л. 228—233 об. в рукописи XVIII в. (водяной знак — четыре неразборчивых буквы, две из них «ФС...»).

33. РНБ. F.XVII.53. Сборная рукопись 1810—1840-х годов, старообрядческая (выговская?)²⁷. Письмовник — на л. 28, являющемся отрывком столбца.

²² Поздние списки, продолжающие традицию «Азбучного письмовника» (компилятивного вида), отличаются от письмовника «Каким образом писать и х кому письма» (см. далее) большим количеством традиционных образцов, отсутствием послания к генерал-адмиралу и иным окружением. Разница между поздними списками «Азбучного» и письмовником «Каким образом писать и х кому письма» не резкая. Перечисление — по хронологии списков.

²³ Этот список письмовника напечатан, см.: *Летопись занятий Археографической комиссии*. СПб., 1862. Вып. 1. Отдел 2. С. 34—40. Описание сборника см.: *Альици Д. Н., Шаном Е. Г.* Каталог русских рукописей Эрмитажного собрания. Л., 1960. С. 364—365.

²⁴ Этот список письмовника напечатан (кроме последнего послания), см.: *Летопись занятий Ахеографической комиссии*. Вып. 1. С. 40—44.

²⁵ Приношу благодарность Н. Н. Розову, любезно указавшему мне этот список.

²⁶ Описание рукописи см.: *Титов А. А.* Рукописи славянские и русские, принадлежащие... И. А. Вахрамееву. М., 1906. Вып. 5. С. 126—127.

²⁷ Описание рукописи см.: *Бычков И. А.* Каталог собрания славяно-русских рукописей П. Д. Богданова. СПб., 1893. Вып. 2. С. 234—237.

«Каким образом писать и х кому письма»²⁸

Переработка «Азбучного письмовника» в Петровское время. Известно 28 списков XVIII—XIX вв.

1. БАН. 45.12.108. (Сев. 652). Сборник XVIII в. (первой четверти)²⁹. Письмовник — на л. 3—5.
2. БАН. Археогр. ком. 33 (161). Сборник XVIII в. (середины). Письмовник — на л. 8—10.
3. БАН. 38.7.28. (Плюшк. 269). Сборник XVIII в. (третьей четверти). Письмовник — на л. 7—8.
4. ГИМ. Барс. 2280. Сборник XVIII в. Письмовник — на л. 5—8.
5. ГИМ. Барс. 2317. Сборник XVIII в. Письмовник — на л. 4—6 об.
6. ГИМ. Барс. 2320. Сборник XVIII в. Письмовник — на л. 4—5 об.
7. ГИМ. Барс. Доп. 2743. Сборник XVIII в. Письмовник — на л. 5—8.
8. ГИМ. Забел. 2.Г. Сборник XVIII в. (первой половины). Письмовник — на л. 6—8 об.
9. ГИМ. Забел. 385. Сборник XVIII в. (середины). Письмовник — на л. 6—9 об.
10. ГИМ. Музейн. 1666. Сборник XVIII в. Письмовник — на л. 5—8.
11. ГИМ. Музейн. 1686. Сборник XVIII в. Письмовник — на л. 15—17.
12. ГИМ. Увар. 626. Сборник XVIII в. (начала 1760-х годов)³⁰. Письмовник — на л. 170—175 об. входит в конец сборника со своим обычным окружением.
13. ГИМ. Увар. 780. Сборник XVIII в. (начала)³¹. Письмовник — на л. 6 об, 8—9.
14. ГИМ. Увар. 794. Столбец XVIII в. (начала) с письмовником³².

²⁸ Перечень списков (неполный) дается по хранилищам, внутри ГИМ — и по собраниям, так как большая часть списков относится в первой половине — середине XVIII в., а внутри РГБ и РНБ — по хронологии. Состав сборников, где есть этот письмовник, обычно постоянный: «Азбука», «Пописи и склады», письмовник, «Беседа трех святителей», немецко-русский словарь и «Арифметика». Обычно в описаниях такие сборнички называют «Азбукой». В сборнике РГБ. Румянц. 365 письмовник «Каким образом писать...» значится только в оглавлении, но отсутствует далее, на л. 136 (ср.: *Востоков А.* Описание русских и славянских рукописей Румянцовского музея. СПб., 1842. С. 530).

²⁹ Описание сборника см.: *Срезневский В. И.* Описание рукописей и книг, собранных для имп. Академии наук в Олонецком крае. СПб., 1913. С. 215.

³⁰ Описание сборника см.: *Леонид.* Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А. С. Уварова. М., 1894. Ч. 4. С. 335—336 (№ 1950).

³¹ Описание сборника см.: *Леонид.* Указ. соч. Ч. 4. С. 502—503 (№ 2102).

³² Описание см.: *Леонид.* Указ. соч. Ч. 4. С. 501—502 (№ 2100).

- 15. ГИМ. Щук. 156.** Сборник XVIII в.³³ Письмовник — на л. 6—8.
- 16. ГИМ. Щук. 157.** Сборник XVIII в.³⁴ Письмовник — на л. 11—14.
- 17. РГАДА. Рукоп. отдел б-ки МГАМИД. 913/1479.** Сборник XVIII в. Письмовник — на л. 5—8.
- 18. РГБ. Музейн. 6671.** Столбец XVIII в. (первой четверти) с письмовником.
- 19. РГБ. Беляев. 52 (1561).** Сборник XVIII в. (первой половины)³⁵. Письмовник — на л. 6—8.
- 20. РГБ. Шибан. 294. (Музейн. 6294).** Сборник XVIII в. (середины). Письмовник — на л. 9—11 об.
- 21. РГБ. ОИДР. 381.** Сборник 1768 г.³⁶ Письмовник — на л. 6 об.—8.
- 22. РГБ. Музейн. 777. (Амфилохий. 72).** Сборник XVIII в. Письмовник — на л. 4—5 об.
- 23. РГБ. Рукоп. отдел. 475.** Сборник XVIII в. (конца) — XIX в. (начала). Письмовник — на л. 1—4 об.
- 24. РГБ. Музейн. 6978.** Сборник XIX в. (начала). Письмовник — на л. 3, 5, 10.
- 25. РНБ. F.XVII.1.** Столбец лицевой XVIII в. (середины 1750-х годов) с письмовником.
- 26. РНБ. F.III.103. (Буслаев. 84).** Сборник 1760-х годов³⁷. Письмовник — на л. 5—7.
- 27. РНБ. Q.XVII.278.** Сборник XVIII в. (конца)³⁸. Письмовник — на л. 1—3 об.
- 28. РНБ. Тихан. 657.** Сборник 1860—1870-х годов. Письмовник — на л. 90—94. Здесь сведено три письмовника: первый, на л. 90—91, тяготеет к «Азбучному»; второй, на л. 91 об. — «Каким образом писать...»; третий, на л. 92—94, опять из «Азбучного». Окружение письмовника иное, чем обычно (преимущественно календарные и гадательные материалы и «Сон Богородицы»).

³³ Описание см.: *Яцимирский А. И.* Опись старинных славянских и русских рукописей собрания П. И. Щукина. М., 1896. Вып. 1. С. 248—249.

³⁴ Описание см.: *Яцимирский А. И.* Указ. соч. Вып. 1. С. 249.

³⁵ Описание см.: *Викторов А.* Собрание рукописей И. Д. Беляева. М., 1881. С. 37.

³⁶ Описание см.: *Соколов Е. И.* Библиотека имп. Общества истории и древностей российских. М., 1904. Вып. 1. С. 162—163.

³⁷ Описание см.: *Бычков И. А.* Каталог собрания рукописей Ф. И. Буслаева... СПб., 1897. С. 254—256.

³⁸ Описание см.: Отчет имп. Публичной библиотеки за 1912 г. Пгр., 1917. С. 108.

Местные письмовники

Известно 15 рукописей XVI—XVII вв. Сборники виршевых посланий, а также рукописи и столбцы с одиночными эпистолярными образцами только условно можно называть письмовниками. Перечисляются по хронологии списков.

1. РНБ. Q.XVII.64. Сборник XVI в. (середины). 4°. 357 л.¹ Образцы четырех посланий — на л. 335—336 об. Сборник волоколамской традиции (ср. сборник посланий середины XVI в. в РГАДА. Мазурин. 1054, л. 161—162 об.²).

2. РНБ. СПб. Дух. Акад. 430. Сборная рукопись XVI—XVII вв. 4°. 179 л.³ Рукопись XVI в. (второй половины) содержит новгородско-псковский эпистолярный сборничек на л. 35—54. Водяные знаки — рука с фестончиком и короной, корона с буквой «Р» (?), сфера с лилией, рука со сферой (?), перчатка с шестиконечной звездочкой. Письмовник — на л. 35 об.—42, 46 об.—47 об. (последний образец послания на л. 53 об. написан скорописью первой половины XVII в. и не окончен). На л. 46 об.—47 об. образцовое послание из «Неозаглавленного письмовника», который использован также в посланиях на л. 40 об.—42.

3. РНБ. Q.XVII.67. Сборник XVII в. (начала). 4°. 234 л. мельчайшей скорописью⁴. Письмовник «Послания различна» — на л. 211—216. Письмовнику предшествует летописчик за 1557—1592 гг. на л. 210—210 об. Судя по сохранившимся реалиям в образцах посланий, письмовник был составлен из эпистолярных материалов 1591—1605 гг. кирилло-белозерского происхождения, но есть сходство и с «Азбучным письмовником» (ср. образец послания от сына-монаха к родителям-мирянам на л. 213—213 об. и в Софийск. 1546, л. 82—82 об.). Л. 216 об. пустой.

4. РНБ. О.XV.2. Сборник XVII в. (первой четверти). 8°. 386 л.⁵ Водяной знак — кувшинчик с буквами «РО», одной ручкой и полумесяцем. Письмовник на л. 1—76 об., вологодско-пермского происхождения, делится на три неравные части: 1) л. 1—28 об. — образцы посланий к духовным лицам, начиная с патриарха; 2) л. 28 об.—71 — образцы посланий к мирским лицам; 3) л. 71—

¹ Полное описание сборника см.: Послания Иосифа Волоцкого / Изд. подгот. А. А. Зимин и Я. С. Лурье. М.; Л., 1959.

² См.: Там же. С. 114.

³ Полное описание сборника см.: *Родосский А.* Описание 232-х рукописей, принадлежащих С.-Петербургской Духовной Академии... СПб., 1894. С. 389—392. Об одном из посланий в этом письмовнике см.: *Зимин А. А.* Общественно-политические взгляды Федора Карпова // ТОДРЛ. Т. 12. С. 170—172.

⁴ См. инвентарный каталог ОСПК РО РНБ.

⁵ Описание сборника см. в инвентарном каталоге ОСПК РО РНБ.

76 об. — разные образцы, начиная с послания архиепископу вологодскому и великопермскому. Много советов, как писать, — целое руководство.

5. РГБ. Румянц. 326. Столбец 1643 г. с прописями и образцами посланий, написан в Вологде⁶.

6. РГБ. Тихонрав. 380. Сборная рукопись XVI—XVII вв. 8°. 207 л.⁷ Рукопись XVII в. (первой половины). Водяные знаки — крепостные ворота с буквами «НВ»; перчатка, виноград; кувшинчик с разлапистой короной, крестом, полумесяцем, одной ручкой и буквами «УВ», с полумесяцем над буквами; очень большая лилия в щите; кувшинчик с буквами «ВРР». Образцовые послания середины 1630-х — первой половины 1640-х годов московского происхождения; виршевые — на л. 102—103 об.; прозаические — на л. 124—136 об. Один образец послания, на л. 131, восходит к «Неозаглавленному письмовнику». В конце письмовника образцы сходны с РНБ. Q.XVII.64, л. 335—336 об.

7. РНБ. Ф.П.124. Столбец с прописями и образцами посланий. Написан в июне 1664 г. служилым человеком в Сургуте.

8. РНБ. Тит. 1121. Сборник XVII в. (последней трети). 4°. 779 л. Образцовое послание 1669 г. — на л. 303—304⁸. Следующие л. 305—308 пустые.

9. ГИМ. Забел. 436. Сборник XVII в. (второй половины). 4°.⁹ Водяной знак под письмовником — две колонны с перевязью, в ней буквы «GD», над ней виноградная кисть (типа Тромонин, № 1136). Образцовые послания — на л. 455—473 об.

10. БАН. 4.7.25. (Воронц. 4). Сборная рукопись XVII в. (второй половины). 4°. 427 л.¹⁰ Образцы писем, обращений и титулов — на л. 369—379 в рукописи конца XVII в. украинского происхождения. Скоропись украинская.

11. РГБ. Григор. № 57 (Муз. 1739). Столбец XVII в. (конца) с прописями и образцом послания из Москвы¹¹.

12. ГИМ. Барс. 470. Сборник XVII в. 4°.¹² Водяной знак — шут с 7 бубенцами. Письмовник из виршевых посланий — на л. 19—29 об., в их числе послания Петра Самсонова, Михаила Татищева и др.

⁶ Полное описание см.: *Востоков А.* Описание русских и славянских рукописей Румянцовского музеума. СПб., 1842. С. 162—163.

⁷ Краткое описание см.: *Георгиевский Г.* Собрание Н. С. Тихонравова. М., 1913. С. 70.

⁸ Об этом послании и сборнике см.: *Лихачев Д. С.* Любовное письмо XVII века // Учен. зап. ЛГПИ. Л., 1948. Т. 67. С. 38—39.

⁹ Описание см. в инвентарной описи собрания Забелина Рукописного отдела ГИМ.

¹⁰ Полное описание рукописи см.: Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. М.; Л., 1959. Т. 3, вып. 1. С. 151—155.

¹¹ Описание см.: *Викторов А.* Собрание рукописей В. И. Григоровича. М., 1879. С. 44.

¹² Описание сборника см. в инвентарной описи собрания Барсова Рукописного отдела ГИМ.

13. ГИМ. Чудов. 359-57. Сборник XVII в. (конца) — XVIII в. (начала). 4°. 15 л.¹³ Письмовник — на л. 9 об.—15. В трех перечисленных сборниках №№ 9, 12, 13 есть сходные виршевые послания.

14. ГИМ. Увар. 7. Сборник XVII в. (второй половины). 1°. 634 л.¹⁴ Образец послания архимандриту Иосифу — на л. 632—632 об. Судя по записям конца XVII в., рукопись находилась у архимандрита Иосифа в Краснослободском Предтечевом монастыре, затем в Спасо-Преображенском Ярославском монастыре.

15. БАН. Арханг. Древл. 527. Сборная рукопись XVII в. (конца) — XVIII в. (начала). 8°. 196 л. Водяные знаки — шут с 5 и 7 бубенцами, щит с лилией и буквами (ср. Лабар., № 1810, 1817). Все это большой составной формулярник и письмовник «Предисловия многообразная и послания...»: 1) л. 1—139 — первая часть, составленная в Антониево-Сийском монастыре; 2) л. 140—196 — вторая часть, нижегородского происхождения.

¹³ Описание сборника см.: *Лопарев А.* Описание рукописи Московского Чудова монастыря № 57—359 // ЧОИДР. 1886. Кн. 3. Отдел 5. С. 1—20. Часть текстов издана.

¹⁴ Полное описание сборника см.: *Леонид.* Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А. С. Уварова. М., 1894. Ч. 4. С. 34—37 (№ 1347). Эта же рукопись описана им еще раз под № 1368 (Увар. 8). С. 56—60.

Дополнительные сведения

РАЗНЫЕ ИНЫЕ ПИСЬМОВНИКИ XVIII—XIX вв.¹

1. РНБ. Погод. 1773. Сборник XVII в. (конца) — XVIII в. (начало)². Образец послания в стихах — на л. 475 и сл. (буквенн. пагинации). Ему предшествуют пробы пера.

2. РГБ. Тихонрав. 411. Сборник XVIII в. (самого начала)³. Образцовые послания — на л. 157—174, 179—205. Частью виршами.

3. БАН. 45.10.9. Сборник XVII в. (начала)⁴. Образцы посланий — на л. 1—5.

4. ГИМ. Барс. 471. Сборник XVIII в. (начала). Образцовые послания в стихах — на л. 1—55 об.

5. ГИМ. Барс. 1861. Список XVIII в. (начала?) с печатного письмовника «Приклады, како пишутся комплементы...».

6. ГИМ. Щук. 160. Азбука-пропись XVIII в. (начала) с образцом письма к приятелю⁵.

7. РНБ. Михайловск. Q.537. Сборник XVIII в. «Инструкции розные до панов и до боярина» — на л. 24—36 об. Украинский письмовник, писанный украинской скорописью⁶.

8. ГИМ. Барс. 2288. Азбуковник 1725 г. Образцовые послания в стихах — на л. 37—48 об.

9. БАН. 21.8.5. (Сев. 644). Риторика XVIII в. (первой четверти)⁷. «Образех епистолии» — на л. 209—217.

10. БАН. 26.3.45. Сборник XVIII в. (первой четверти). Отрывок письмовника (нумерованные фразы) — на л. 1—2.

¹ Дается лишь неполный перечень рукописей XVIII—XIX вв., где обнаружены письмовники, отдельные образцы посланий и наставления к сочинению писем. Не указываются сборники, содержащие образцовое старообрядческое «Послание к зятю имярек и дочери имярек». Перечисление — по хронологии списков.

² Описание сборника см.: *Симони П. К.* Повесть о Горе и Злочастии, как Горе-Злочастие довело молодца во иноческий чин. СПб., 1903.

³ Описание сборника см.: *Георгиевский Г.* Собрание Н. С. Тихонравова. С. 76.

⁴ Описание сборника см.: *Конусов А. П., Покровская В. Ф.* Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. М.; Л., 1951. Т. 4, вып. 1. С. 207.

⁵ Описание см.: *Яцимирский А. И.* Опись старинных славянских и русских рукописей собрания П. И. Щукина. М., 1896. Вып. 1. С. 251.

⁶ Приношу благодарность Н. Н. Розову, любезно указавшему мне этот письмовник.

⁷ Описание см.: *Срезневский В. И.* Описание рукописей и книг, собранных для имп. Академии наук в Олонецком крае. СПб., 1913. С. 207.

11. БАН. Арханг. Сем. 210. Сборник XVIII в. (первой четверти). Письмовник — на л. 47—89 об. Повторяет первую половину и одну из последних статей местного письмовника БАН. Арханг. Древл. 527.

12. РНБ. Вяземск. 0.82. Список 1740 г. «Приклады, како пишутся комплементы...». Писан в Астрахани⁸.

13. Киров. Областная библиотека. 52(38). «Азбуковник» XVIII в. (первой половины). В его составе наставление, как сочинять письма⁹.

14. РНБ. О.XVII.207. Украинский письмовник XVIII в. (середины), 126 л.¹⁰

15. РНБ. Q.XV.15. (Богдан.45). «От приветственных некои писаний и виршей сие изнесенно...». Сборник XVIII в. (середины) посланий и образцов, частью старообрядческих¹¹.

16. РНБ. Вяземск. 0.24. Сборник XVIII в. (середины)¹². Послания к безымянным лицам — на л. 1—20. Вероятно, формулярный список посланий какого-то лица из Украины.

17. РГБ. Костромск. 247. Сборник учебный 1768 г.¹³ «Наставление, как писать и сочинять всякие письма...» — на л. 24—36.

18. РНБ. О.XVII.200. Сборная рукопись XVIII в. (второй половины) — XIX в. (начала)¹⁴. «Наука о писании различными родами к различным лицам писем» — на л. 227—231 об. (в рукописи последней трети XVIII в.).

19. ГИМ. Вахрам. 576. Сборник 1770-х годов. «Партикулярные письма» — на л. 8—14.

20. БАН. 31.5.20. Сборник конца 1770-х годов. Образцовые послания, частично из печатного «Письмовника» 1774 г. — на л. 93 об., 135, 158, 167 об. — 194, 269.

21. РНБ. О.XVII.86. Сборник конца 1770-х годов. «Наставление как сочинять и писать всякия письма...» — на л. 30—138, список 1775 г. с печатного издания Московского университета 1769 г.

22. РНБ. Колоб. 413. Сборник второй половины 1780-х годов. В его составе «Строки начальныя эпистолием на двоестрочие по алфавиту».

⁸ Описание см.: Описание рукописей князя П. П. Вяземского. СПб., 1902. С. 564.

⁹ См.: Кудрявцев И. М., Шлихтер Б. А., Шапов Я. Н. Археографические поездки Отдела рукописей ГБЛ в 1953—56 гг. // Археографический ежегодник за 1957 г. М., 1958. С. 288.

¹⁰ Описание см.: Отчет имп. Публичной библиотеки за 1893 год. СПб., 1896. С. 103.

¹¹ Описание см.: Бычков И. А. Каталог собрания славянорусских рукописей П. Д. Богданова. СПб., 1893. Вып. 2. С. 118.

¹² Описание см.: Описание рукописей князя П. П. Вяземского. С. 188—190.

¹³ См.: Записки Отдела рукописей РГБ. М., 1952. Вып. 14. С. 99.

¹⁴ Описание см.: Бычков И. А. Указ. соч. Вып. 2. С. 155.

23. РНБ. F.XVII.98. Сборник XVIII в. (конца) — XIX в. (начала)¹⁵. Два образца писем 1794 г. — на л. 262 об.

24. Тверь. Областной архив. 1158. Сборник 1795—99 гг.¹⁶ Содержит образцы писем.

25. РГБ. ОИДР. 437. Письмовник XVIII в. (конца). 20 л.¹⁷

26. ГИМ. Музейн. 3332. Большой письмовник XVIII в. (конца).

27. ГИМ. Забел. 320(659). Сборник XVIII в. В его составе письмовник, список с печатного.

28. РНБ. О.XVII.189. Сборник XVIII в.¹⁸ «От художества своего партикулярные письма писать» — на л. 44—46 об. (письма сына к родителям и матери к сыну).

29. РГИА. СПб. Синод. 1671. Сборник XVIII в.¹⁹ Образец письма сына к родителям — на л. 37 об.—60.

30. Псков. Областной краеведческий музей. 212. Сборник XVIII в.²⁰ В его составе письмовник.

31. ГИМ. Музейн. 1465. Сборник 1800 г. В его составе письмовник «Письма разных сочинителей».

32. РНБ. О.XVII.53. Сборная рукопись XIX в. (самого начала)²¹. «Форма грамотки писать» — на л. 104—112.

33. ГИМ. Музейн. 866. Сборник 1809 г. Письмовник — на л. 23—57.

34. РГАДА. Мазур. 336. Письмовник начала 1810-х годов.

35. БАН. 45.8.181. Сборник XIX в. (начала)²². Образцы письма к родителям и др. — на л. 6 об.—7, 22.

36. РНБ. О.I.1420. Сборник XVIII в. (конца) — XIX в. (начала)²³. Три образца посланий о беспоповщине — на л. 226—231 об.

¹⁵ Описание см.: Отчет имп. Публичной библиотеки за 1904 год. СПб., 1911. С. 102.

¹⁶ См.: *Голубев И. Ф.* Коллекция рукописей государственного архива Калининской области. Калинин, 1960. С. 52.

¹⁷ Описание см.: *Соколов Е. И.* Библиотека имп. Общества истории и древностей российских. М., 1904. Вып. 2. С. 249. Тут же примечание описателя: «Как видно из русской библиографии, “Правила о писании разного рода писем”, “Письмовники” появились только в конце XVIII в.».

¹⁸ Описание см.: Отчет имп. Публичной библиотеки за 1889 г. СПб., 1893. С. 23.

¹⁹ Описание см.: Описание рукописей, хранящихся в архиве св. правительствующего Синода. Т. 2, вып. 1. С. 459—460.

²⁰ См.: *Мальшев В. И.* Собрание рукописей Псковского областного краеведческого музея // ТОДРЛ. Т. 11. С. 476—477.

²¹ Описание см.: *Бычков И. А.* Указ. соч. Вып. 2. С. 310.

²² Описание см.: *Конусов А. П., Покровская В. Ф.* Указ. соч. С. 458.

²³ Описание см.: Отчет имп. Публичной библиотеки за 1906 год. СПб., 1913. С. 125.

37. ИРЛИ. 555.0.312.П. Сборник XIX в. (первой половины). Образцы писем (на основе писем Г. А. Потемкина).

38. ГИМ. Забел. 579. Сборник XIX в. (начала). Образцы писем — на л. 3 об.—10.

39. БАН. 23.6.17. (Колоб. 165). Сборник XIX в. В его составе «Правила о письмах», список из печатной «Риторики» 1790 г.

40. ГИМ. Музейн. 1358. Сборник XIX в. В его составе образцовые письма от сына к отцу и к «подружью».

ПИСЬМОВНИКИ, ПЕРЕЧИСЛЯЕМЫЕ ТОЛЬКО ПО ПЕЧАТНЫМ ОПИСАНИЯМ
РОССИЙСКИХ И УКРАИНСКИХ ХРАНИЛИЩ
(по алфавиту описателей)

Россия

1. Архангельская Семинария. 50. Псалтырь следованная XV в. (конца) — XVI в. (начала) с «Посланиями многообразными» — письмовником¹.

2. Антониев Сийский монастырь. 192 (1864). Сборник XVII в. с образцами писем².

3. Антониев Сийский монастырь. 225 (203). Сборник XVII в. (первой половины) с письмовником³.

4. Флорищева пустынь. 131 (102). Сборник XVIII в. (первой четверти) с образцами писем⁴.

5. Флорищева пустынь. 153 (148). Сборник XVII в. с письмовником, по-видимому, «Азбучным»⁵.

6. Археогр. Ком. Столбец с письмовником⁶. Судя по напечатанному тексту, это «Азбучный письмовник» в списке XVIII в.

7. Казань. Духовная Академия. «Афанасьевский сборник» XVII в. (конца)⁷. Судя по двум его напечатанным посланиям, он входит в группу местных

¹ *Викторов А. Е.* Описи рукописных собраний в книгохранилищах северной России. СПб., 1890. С. 11—12.

² Там же. С. 99.

³ Там же. С. 107.

⁴ Там же. С. 258.

⁵ Там же. С. 271.

⁶ *Летопись занятий Археографической комиссии.* СПб., 1861. Вып. 1. С. 34—49.

⁷ См.: *Петров А. Н.* Об Афанасьевском сборнике... СПб., 1896. Приложение IV. С. 82. Два послания из письмовника этого сборника напечатаны, см.: *Мордовцев Д.* О русских школьных книгах XVII в. // ЧОИДР, 1861. Кн. 4. Отд. 1. С. 71—78.

письмовников (одно из этих посланий — к царю — есть и в списке ГИМ. Барс. 470, л. 23—26, см. обзор списков местных письмовников, № 12).

8. РНБ. Археол. об-во. 69. Книга ростовского архиерейского дома XVIII в. (начала). 2°. 83 л.⁸ Письмовник начинается с л. 59 или 60. В библиотеке эта рукопись отсутствует.

9. РНБ. Археол. об-во. 118. Столбец 1670 г. с образцом послания⁹. В библиотеке этой рукописи нет.

10. Тверской музей. 302/416 (4469). Сборник XVIII в. (первой половины). 2°, 12 л.¹⁰ «Каким образом писать и к кому письма» — на л. 5—7, окружение письмовника обычное.

11. Иосифо-Волоколамский монастырь. 407. Сборник XVI в. с «Посланием начало, егда хочешь к некоему послати»¹¹.

УКРАИНА

1. Письмовник Б. Д. Гринченко 1712 г.¹²

2. Киево-Печерская лавра. 366 (220). Сборник XVII в. (конца). 2°. 309 л.¹³ «Сказание и чертание епистолиям, предисловие и послание ко всякому человеку» — на л. 5—11.

3. Львов. Музей Ставропигийского института. 135 (119). Сборник XVII в. Украинской и польской скорописью. Образцы стихотворных обращений в письмах и речах на л. 581—597¹⁴.

⁸ Описание см.: *Прозоровский Д.* Опись древних рукописей, хранящихся в Музее имп. Русского археологического общества. СПб., 1879. С. 97—99.

⁹ Описание см.: *Прозоровский Д.* Указ. соч. С. 134—135.

¹⁰ Описание см.: *Сперанский М. Н.* Описание рукописей Тверского музея. Тверь, 1903. Вып. 2. С. 96—97.

¹¹ *Строев П.* Описание рукописей монастырей Волоколамского... СПб., 1891. С. 182.

¹² См.: *Гринченко Б. Д.* Старинный малорусский письмовник «Книга глаголемая листовня». Чернигов, 1901.

¹³ Описание см.: *Петров Н.* Описание рукописных собраний, находящихся в городе Киеве. М., 1897. Вып. 2. С. 117—118.

¹⁴ *Свенцицкий И. С.* Опись музея Ставропигийского института во Львове. Львов, 1908. С. 41.

НЕКОТОРЫЕ СЛАВЯНСКИЕ И РУССКИЕ ПИСЬМОВНИКИ
В ЕВРОПЕЙСКИХ ХРАНИЛИЩАХ
(по устаревшим печатным описаниям)

1. Австрия. Вена. Придворная библиотека. 154 (132). Сборник XVIII в. украинской скорописью с выписками из письмовника ¹.
2. Болгария. София. Народная библиотека. 354 (619). Сборник XVIII—XIX вв. церковно-славянский ². Образцы писем — на л. 71 об.—78, 95 а.
3. Там же. 365 (617). Письмовник 1783 г. церковно-славянский ³.
4. Там же. 366 (437). Письмовник зографский 1784 г., церковно-славянский и болгарский ⁴.
5. Там же. 703 (194). Сборник XIX в. ⁵ Титулы и обращения к разным лицам в письмах — на л. 14.
6. Там же. 760 (127). Евангелско тълкуване 1756 г. ⁶ Образцы писем — на л. 229—231.
7. Там же. 783 (241). Письмовник XIX в. ⁷
8. Там же. 784 (170). Письмовник 1821 г. ⁸
9. Там же. 785 (453). Письмовник XIX в. ⁹
10. Там же. 796 (105). Сборник XIX в. с отрывком письмовника 1827 г. ¹⁰
11. Румыния. Бухарест. Академия. 13. Четвероевангелие 1643 г. с образцовым посланием валашскому воеводе ¹¹.
12. Румыния. Бухарест. Национальный музей древностей. 58 (1198). Псалтырь с воследованием XVI в. (конца). «Предисловия посланием, глаголемаа положения» — на л. 259—260 ¹². Текст посланий сходен с образцами «Неозаглавленного письмовника».

¹ Яцимирский А. И. Описание южнославянских и русских заграничных библиотек. Т. 1. // СОРЯС. Пгр., 1921. Т. 98. С. 252.

² Цонев Б. Опись на рукописите и старопечатните книги на Народната библиотека в София. София, 1910. Т. 1. С. 384—385.

³ Там же. С. 410.

⁴ Там же. С. 410—411.

⁵ Цонев Б. Указ. соч. София, 1903. Т. 2. С. 329.

⁶ Там же. С. 423.

⁷ Там же. С. 480.

⁸ Там же. С. 480.

⁹ Там же. С. 481.

¹⁰ Там же. С. 485.

¹¹ Напечатано: Яцимирский А. И. Славянские и русские рукописи румынских библиотек. СПб., 1905. С. 106—107.

¹² Напечатаны: Яцимирский А. И. Славянские и русские тексты румынских библиотек. С. 360—362; Яцимирский А. И. Мелкие тексты и заметки по старинной славянской и русской литературе. СПб., 1899—1902. Вып. 1—40. С. 89—91.

13. Румыния. Библиотека. Нямецкого монастыря. 16(60). Апостол XVII в. (начала). Образцы посланий в конце рукописи сходны с образцами «Неозаглавленного письмовника»¹³.

14. Румыния. Частное собрание Феофила Гепецкого. Сборник XVII в. (начала) с образцами писем, тяготеющими к «Неозаглавленному письмовнику»¹⁴.

15. Сербия. Белград. Народная библиотека. 198 (I. 221). Сборник 1787 г. русской редакции с образцом одного письма — на л. 74 об.¹⁵

16. Там же. 565 (I.103). Сборник 1731 г. украинской редакции с образцами писем, «ораций» и т. п. — на л. 39а¹⁶.

17. Сербия. Библиотека Сербского ученого общества. Сборник XVII в. (второй половины) с письмовником, некоторые послания которого сходны с образцами «Азбучного письмовника»¹⁷.

18. Словения. Любляна. Лицейская библиотека. 23(32). Сборник сербский 1601 г. с образцами посланий на л. 126—131¹⁸.

19. Чехия. Прага, бывш. Музей Королевства Чешского. 81 (IX.F.14). Сборник XIX в. (начала) с «Книгой письмовник» (список печатного издания 1788 г.)¹⁹.

1964 г.²⁰

¹³ Напечатаны: *Яцимирский А. И.* Славянские рукописи Нямецкого монастыря в Молдавии // Древности: Труды славянской комиссии имп. Московского Археологического общества. М., 1898. Т. 2. С. 18—20; *Яцимирский А. И.* Мелкие тексты... С. 142—147.

¹⁴ Часть образцов напечатана, см.: *Яцимирский А. И.* Мелкие тексты... С. 28—32, 73—78.

¹⁵ *Матић С.* Опис рукописа Народне библиотеке. Београд, 1952. С. 142.

¹⁶ *Матић С.* Указ. соч. С. 222.

¹⁷ Некоторые образцы напечатаны: *Новаковић С.* Прилози к исторји српске книжевности. III // Гласник српског ученог друштва. Београд, 1869. Кнь. 8, свеска 25. С. 19—63.

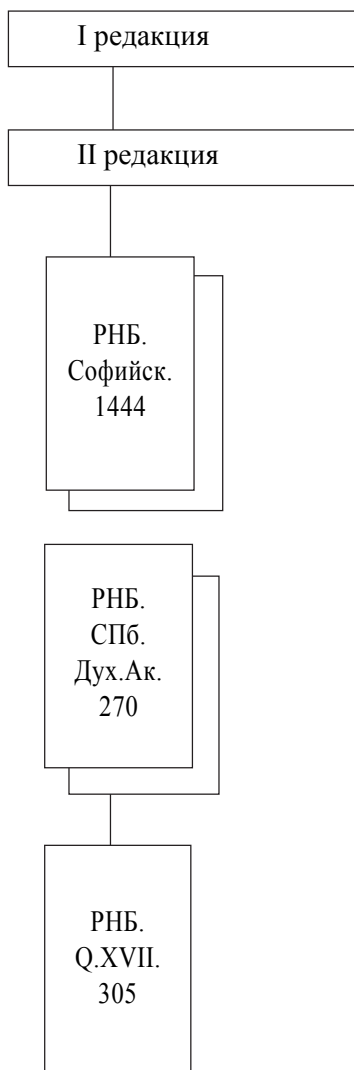
¹⁸ *Яцимирский А. И.* Описание славянских и русских заграничных библиотек. С. 904—907. Кстати, укажу сербский письмовник XVI в. (первой половины), хранящийся в Москве, — РГБ, Григор. 52 (Музейн. 1734). 2°. 15 л. Описание см.: *Викторов А.* Собрание рукописей В. И. Григоровича. М., 1879. С. 39—40.

¹⁹ *Яцимирский А. И.* Описание славянских и русских заграничных библиотек. С. 836.

²⁰ Обзор не публиковался. Позднее мною был обнаружен письмовник, возможно, местный, в сборнике конца XVII в. РГБ, Ундольск. 1079, л. 161—194.

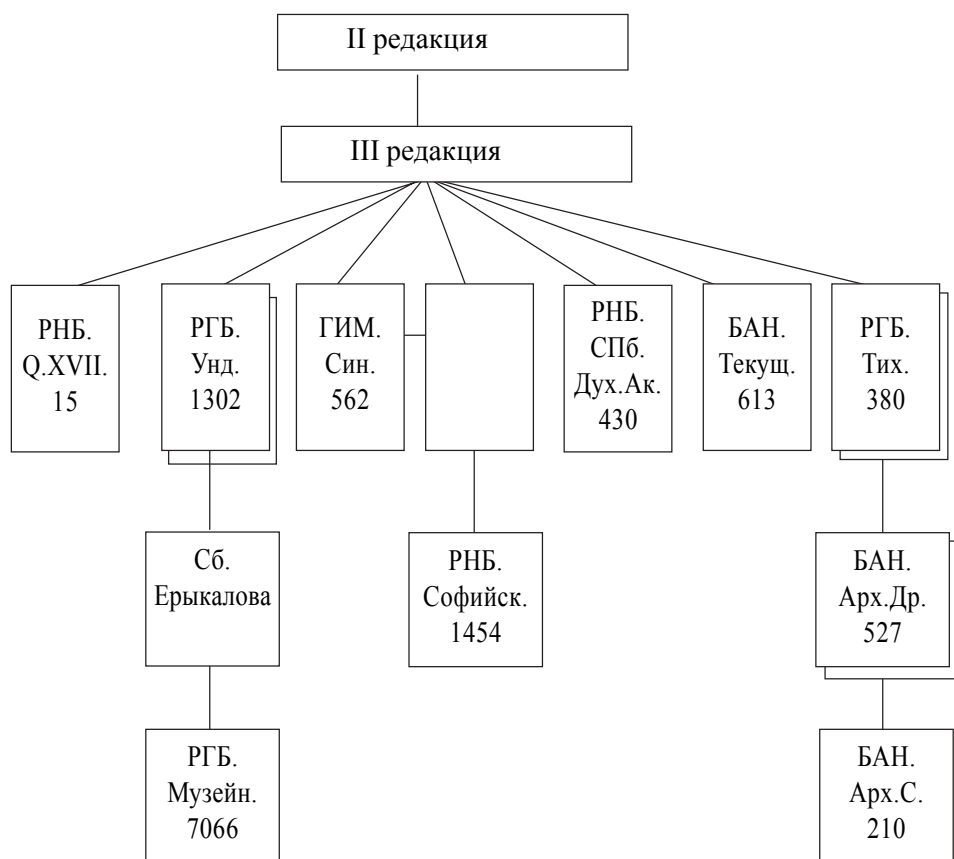
Стемма списков «Неозаглавленного письмовника» *

ЧЕРТЕЖ 1. ВТОРАЯ РЕДАКЦИЯ

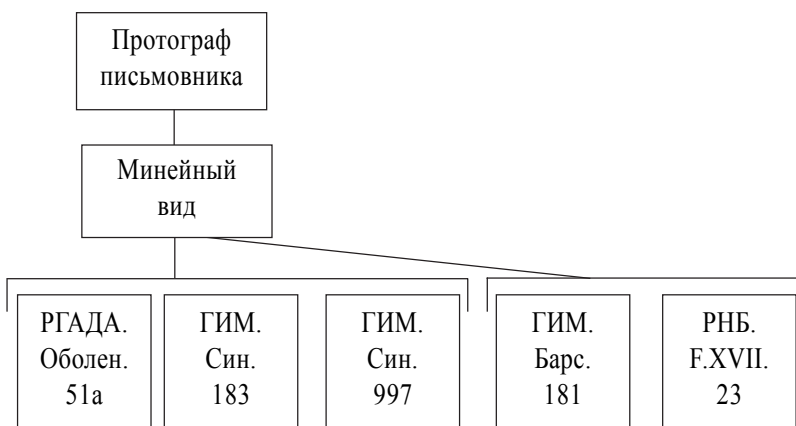
* Подробный анализ соотношения списков письмовников см. в машинописном тексте моей кандидатской диссертации «Русские письмовники XV—XVII веков. (К вопросу о русской эпистолярной культуре)». Л., 1963.

ЧЕРТЕЖ 2. ТРЕТЬЯ РЕДАКЦИЯ

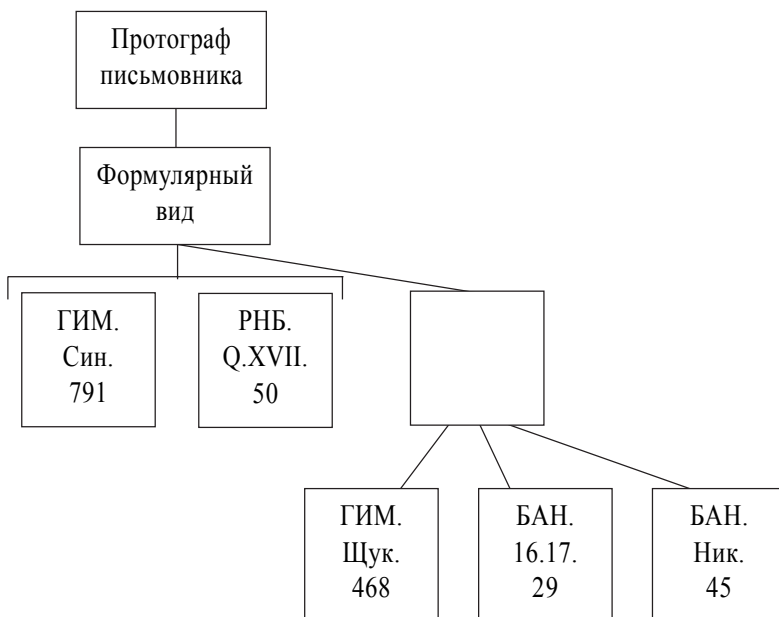

Стемма списков письмовника «Посланием начало»

ЧЕРТЕЖ 3. МИНЕЙНЫЙ ВИД

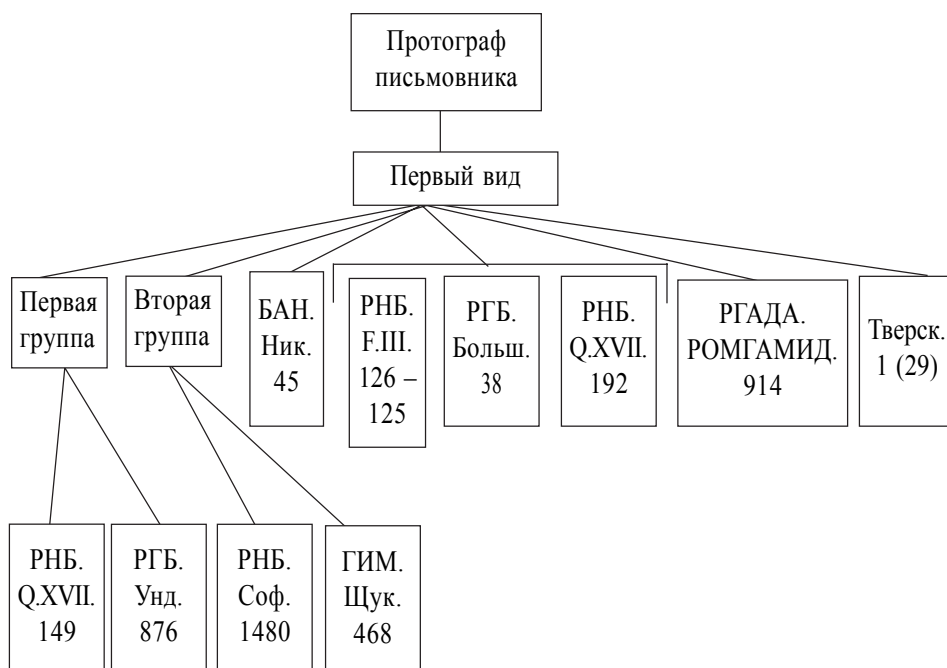

ЧЕРТЕЖ 4. ФОРМУЛЯРНЫЙ ВИД

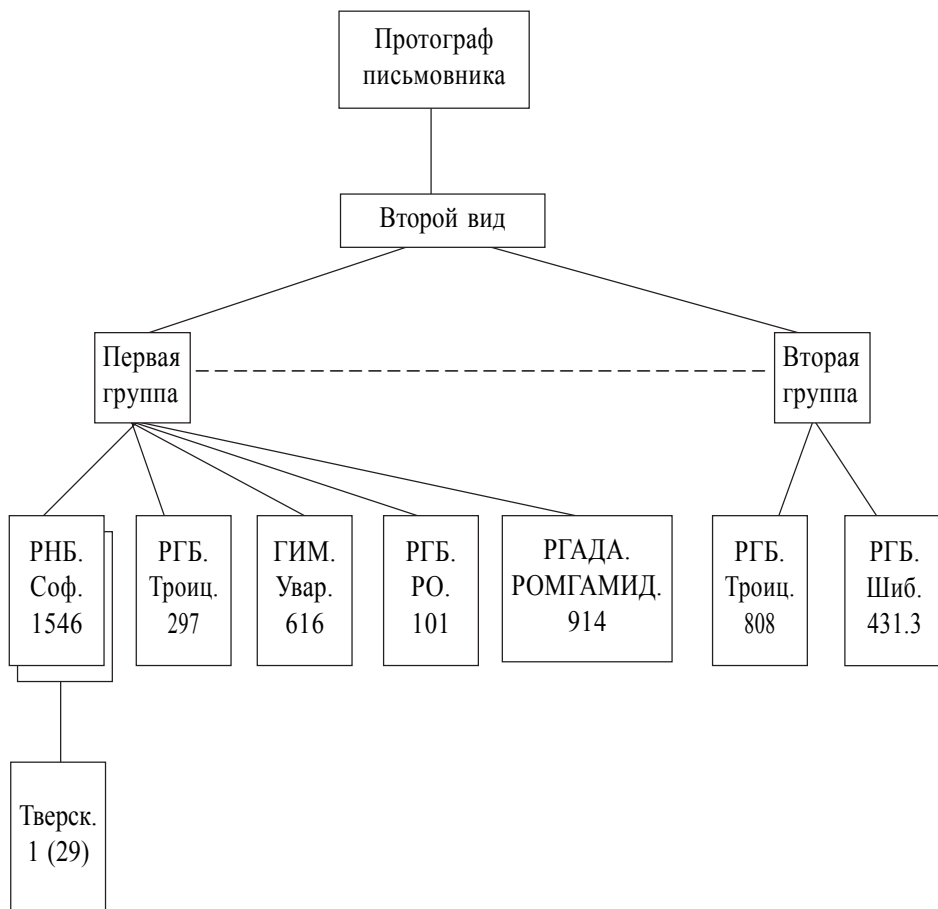

Стемма списков «Азбучного письмовника»

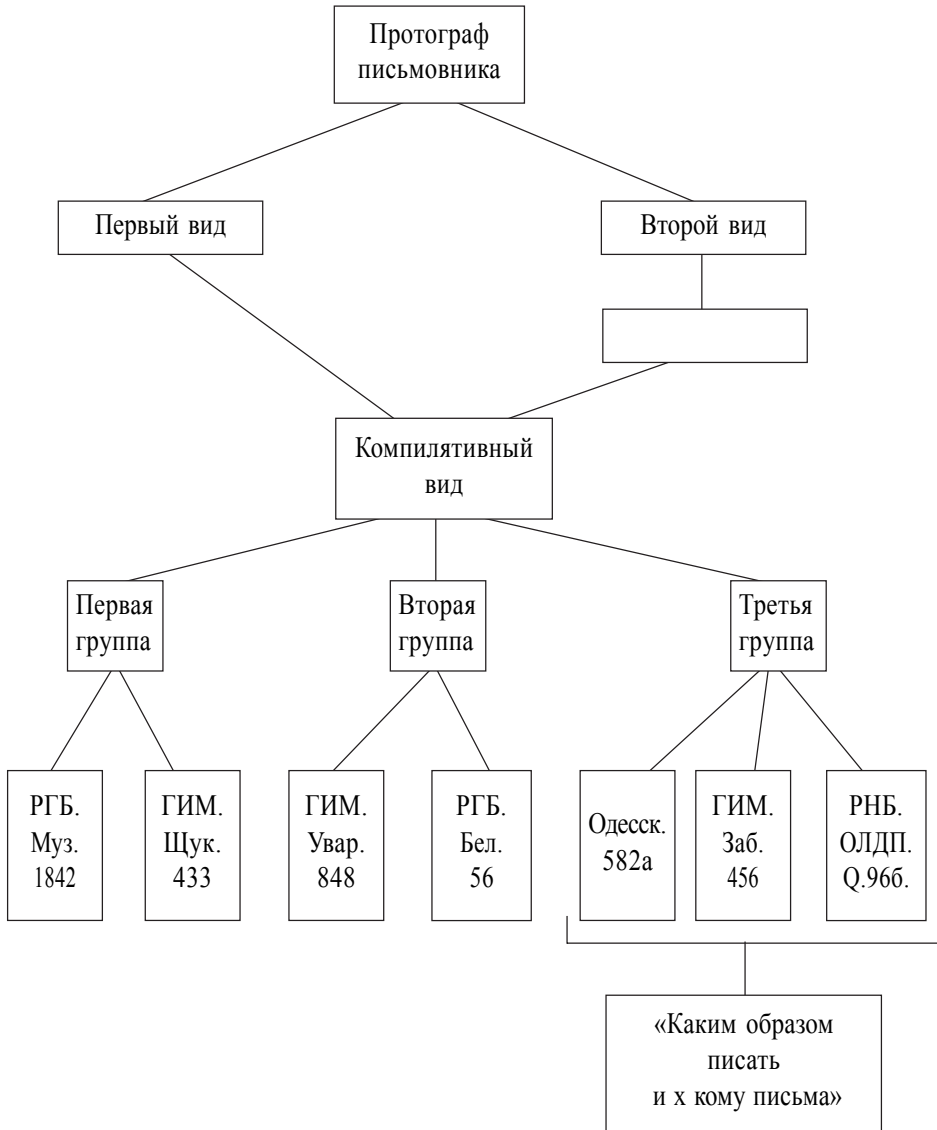
ЧЕРТЕЖ 5. ПЕРВЫЙ ВИД

ЧЕРТЕЖ 6. ВТОРОЙ ВИД

ЧЕРТЕЖ 7. КОМПИЛЯТИВНЫЙ ВИД

ПРИЛОЖЕНИЯ К РАЗДЕЛУ О СТАРОПЕЧАТНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

СОДЕРЖАНИЕ

Приложение 3. Новонайденный экземпляр печатного виленского «Апостола» 1591 г.	670
Приложение 4. Описание литературного состава русских старопечатных сборников XVII в. (подготовила А. Г. Мирзоян)	676
Правила описания	676
«Грамматика» Мелетия Смотрицкого (М., 1648)	677
«Жезл правления» Симеона Полоцкого (М., 1667)	678
«История о Варлааме и Иоасафе» Иоанна Дамаскина (М., 1681)	679
«Кириллова книга» (М., 1644)	680
Последование молебного пения и поучение патриарха Иоакима (М., 1677)	682
«Потребник иноческий» (М., 1639)	682
«Потребник мирской» (М., 1639)	687
«Православное исповедание веры» Петра Могилы (М., 1696)	689
«Рай мысленный» (Ивер, 1658—1659)	689
Сборник переводов Арсения Грека (М., 1660)	690
Сборник переводов Епифания Славинецкого (М., 1665)	691
Сборник 10 поучений (М., 1643)	696
Сборник 71 слова (М., 1647)	696
Сборник слов о поклонении иконам (М., 1642)	701
«Скрижаль» (М., 1655—1656)	702
«Слово на Никиту Пустосвята» патриарха Иоакима (М., 1682)	704
Служба, житие и слово на Иоанна Воина (М., 1695)	705
Службы, житие и чудеса Николая Мирликийского (М., 1640)	705
Службы, житие и чудеса Николая Мирликийского (М., 1643)	706
Службы, житие и чудеса Сергия и Никона Радонежских (М., 1646)	709
«Собрание краткия науки о артикулах веры» (М., 1649)	709
«Тестамент» Василия Льву Философу (М., 1680)	710
«Увет духовный» Афанасия Холмогорского (М., 1682)	711
Чины присяг (М., 1654)	711

ПРИЛОЖЕНИЕ 3. НОВОНАЙДЕННЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР ПЕЧАТНОГО ВИЛЕНСКОГО «АПОСТОЛА» 1591 г.

В составе малоизвестного собрания редких книг Библиотеки ИМЛИ нами был обнаружен экземпляр «Апостола», изданного в Вильне, в типографии Мамоничей, в 1591 г. Экземпляр, не учтенный в науке, ибо до последнего времени он почему-то числился как московский Апостол 1648 г.

Известно, что виленский «Апостол» 1591 г. представляет собой копию «Апостолов» Ивана Федорова: текст — с львовского «Апостола» 1574 г., фронтиспис — с московского «Апостола» 1564 г. «Апостол» 1591 г. затем переиздавался в Вильне дважды — в 1592 г. и вскоре после 1595 г.¹ Налицо любопытный, пожалуй, даже уникальный факт из истории русско-украинско-белорусского книгопечатания: пять очень близких, восходящих друг к другу кирилловских изданий «Апостола» XVI в.

Прежде чем заниматься комментированием данного феномена, необходимо четко различать сами издания. Ведь существование похожих «Апостолов» создает возможность неверной атрибуции, особенно в тех частых случаях, когда экземпляры дефектны, например, без начала и конца. Так, в РГАДА все три экземпляра виленского «Апостола» ошибочно определены как издания 1591 г. На самом же деле мы установили, что это издания 1592 и после 1595 гг. «Апостола» 1591 г. в РГАДА нет.

В настоящее время на основе сведений из различных книгохранилищ сотрудниками РГБ создается сводный каталог книг кирилловской печати. Ошибки в определении изданий могут надолго исказить общую картину.

В предлагаемом сообщении мы систематизируем некоторые внетекстовые, находимые без специальных альбомов индивидуальные признаки каждого из указанных пяти изданий «Апостола», а затем описываем экземпляр Библиотеки ИМЛИ.

Индивидуальные признаки московского «Апостола» 1564 г. следующие.

1. Изображение на фронтисписе (л. 2 об.): евангелист Лука не пишет, задумался, перо в чернильнице, вокруг головы нимб из лучей; в прочих же «Апостолах» Лука пишет, держа перо, а его голова в кругу².

¹ Об изданиях виленского «Апостола» и их последовательности см.: *Зернова А. Г.* Типография Мамоничей в Вильне (XVII в.) // Книга. М., 1959. Сб. 1. С. 197 и след. Описание «Апостолов» 1591, 1592 и после 1595 гг. см.: *Лукьяненко В. И.* Каталог белорусских изданий кирилловского шрифта XVI—XVII вв. Л., 1973. Вып. 1. С. 79—83, 89—92, 120—124 (ротапринт).

² Об остальных различиях фронтисписов «Апостолов» 1564 г. и 1591, 1592, после 1595 гг. см.: *Сидоров А. А.* Древнерусская книжная гравюра. М., 1951. С. 113.

2. Концовка имеется только на л. 81; в прочих же «Апостолах» концовки есть и на многих других листах.

3. Пагинация листов: на л. 105, 117 и 205 стоят неверные обозначения соответственно 106, 120 и 204; в прочих же «Апостолах» нет ошибок в пагинации именно этих листов.

4. Знаки над пагинацией листов: над обозначением л. 1 стоят два знака — титло и оксия (~'); в прочих же «Апостолах» — только титло. При пагинации в «Апостоле» 1564 г. оксия больше нигде не встречается; в прочих же «Апостолах» оксия обязательно ставится над двух- и трехзначной пагинацией листов.

Индивидуальные признаки львовского «Апостола» 1574 г. следующие.

1. Изображение на фронтисписе (л. 2 об.): евангелист Лука сидит, заложив ногу за ногу; в прочих же «Апостолах» у Луки обе ноги опущены.

2. Пагинация листов полностью правильная; в прочих же «Апостолах» при пагинации допускаются различные ошибки и пропуски.

3. Сигнатура тетрадей: на л. нумерованн. 1, 2, 7—10 (второго счета) тетрадная сигнатура косыми линиями (I, II, III и т. д. до шести линий); в прочих же «Апостолах» такой сигнатуры нет.

Индивидуальные признаки виленского «Апостола» 1591 г. следующие.

1. Пагинация листов: обозначение л. 67 размазано, почти не видно, на л. 209 стоит неверное обозначение 220; в прочих же «Апостолах» нет таких нарушений в пагинации листов.

2. Знаки над пагинацией листов: нет титла над обозначением л. 9; в прочих же «Апостолах» титло здесь есть (о пагинации в «Апостоле» после 1595 г. см. ниже).

3. Сигнатура тетрадей: на л. 258 напечатана сигнатура ЮЮ; в «Апостолах» же 1564 и 1574 гг. сигнатура тетрадей вообще не употребляется, а в «Апостолах» 1592 и после 1595 гг. здесь напечатана сигнатура ЮВ.

4. Употребляются предречия; в прочих же «Апостолах» предречий нет.

5. Укажем также на интересную ошибку в наборе текста. На л. 5, строка 12 сверху — не оттиснулась буква в слове: “буде ь”; в прочих же «Апостолах» здесь оттиск полный: “будеть”. Опечатки на л. 212, строка черная 6 сверху: “ситвори” (вместо: “сотвори”); 12 сверху: “верю” (вместо: “верою”).

Индивидуальные признаки виленского «Апостола» 1592 г. следующие.

1. Пагинация листов: не напечатана пагинация на л. 215 и 256; в прочих же «Апостолах» пагинация здесь есть (об «Апостоле» после 1595 г. см. ниже).

2. Знаки над пагинацией листов: над обозначением л. 202 стоят два титла; в «Апостолах» же 1564 г. здесь стоит одно титло; а в «Апостолах» 1574 и 1591 гг. — титло и оксия. Над обозначением л. 239 напечатана не оксия, а вария ('); в «Апостоле» же 1564 г. ни варии, ни оксии нет, а в «Апостоле» 1574 и 1591 гг. здесь оксия.

3. Знаки над сигнатурами тетрадей: на л. 37 над сигатурой БЕ нет знаков; в «Апостолах» же 1564 и 1574 гг. сигнатур нет, а в «Апостолах» 1591 и после 1595 гг. над сигатурой БЕ стоит соответственно покрытие (^) или титло. На л. 258 над сигатурой ЮВ напечатано покрытие; в «Апостоле» же 1591 г. здесь сигнатура ЮЮ, а в «Апостоле» после 1595 г. сигнатура ЮВ под титлом.

Индивидуальные признаки виленского «Апостола» после 1595 г. следующие.

1. Изображение на фронтисписе: над Лукой, на верхней заштрихованной перекладине, слева, имеется дефект — белое пятно; в прочих же «Апостолах» его нет (в «Апостоле» 1592 г. пятно маленькое, почти незаметное)³.

2. Пагинация листов отсутствует полностью; в прочих же «Апостолах» листы нумерованы, и счет начинается после 16 или 17 нумерованных листов.

3. Сигнатура тетрадей: на л. 53 (нумерованном в «Апостоле» после 1595 г.) напечатано неверное обозначение ДЕ; в «Апостолах» же 1591 и 1592 гг. на этом листе ошибки нет, стоит ЗЕ.

4. Знаки над сигнатурами тетрадей: начиная с л. 10 и до л. 253 (нумерованных в «Апостоле» после 1595 г.) над двухбуквенными сигнатурами стоят титла; в «Апостолах» же 1564 и 1574 гг. сигнатур нет, а в «Апостолах» 1591 и 1592 гг. на тех же листах над сигнатурами стоят покрытия. На л. 117 (нумерованном) над сигатурой ПЕ нет знаков; в «Апостолах» же 1591 и 1592 гг. на этом листе над сигатурой ПЕ — покрытие. На л. 258 (нумерованном) над сигатурой ЮВ напечатано титло; в «Апостоле» же 1591 г. здесь сигнатура ЮЮ, а в «Апостоле» 1592 г. — сигнатура ЮВ под покрытием.

Думается, что перечисленных признаков практически достаточно для быстрого и уверенного различения даже дефектных экземпляров «Апостолов» 1564, 1574, 1591, 1592 и после 1595 гг. (если они не очень сильно обрезаны).

Перейдем теперь к описанию новонайденного экземпляра виленского «Апостола» 1591 г. В крупнейших хранилищах Москвы и Ленинграда имеется не более 15 экземпляров «Апостола» 1591 г. (РГБ — 3, ГИМ — 2, ГПИБ — 1, БАН — 2, РНБ — 4)⁴. Напомним для сравнения, что, например, экземпляров львовского «Апостола» 1574 г. в тех же хранилищах насчитывается в два раза больше.

В экземпляре виленского «Апостола» 1591 г. Библиотеки ИМЛИ (инвентарный № 137040), как и в большинстве прочих известных экземпляров, утеряны начало и конец: нет л. нумерованн. 1—3 (первого счета) с гербом Т. Скумины, «Епикграммой» на герб Т. Скумины и посвящением Л. И. Мамонича Т. Ску-

³ О нарушении штрихов на фронтисписе «Апостола» после 1595 г. см.: *Зернова А. С.* Типография Мамоничей в Вильно. С. 202.

⁴ О количестве экземпляров «Апостола» 1591 г. в ленинградских хранилищах мне любезно сообщили М. В. Рождественская и А. Х. Горфункель.

мине; нет л. 259 с окончанием «Месяцеслова» и после л. 259 нет л. нумерованн. последнего с издательским послесловием.

Бумага в виленских «Апостолах» еще не описывалась, хотя по ней можно получить представление о самом процессе издания книг. В рассматриваемом экземпляре «Апостола» 1591 г. использована бумага шести сортов:

1) с гербом «Остоя» двух разновидностей, 2) с гербом «Элита», 3) со знаком «Колосья» двух разновидностей, 4) с гербом «Любич» двух разновидностей, 5) с гербом «Абданк» и 6) с гербом «Гоздава»⁵.

Почти 40 % экземпляра напечатаны на бумаге № 1, причем целиком из нее составлены тетради преимущественно в начале книги: тетради 1—2, 5—8 и еще 21—22 (л. нумерованн. 1—14, л. 17—48, 145—160).

Почти 30 % экземпляра напечатаны на бумаге № 2, причем целиком из нее составлена тетрадь 3 (л. 1—8).

На бумаге № 3 напечатано 38 л., из нее почти полностью составлены тетради 9—10, 20, 30 и полностью тетрадь 15 (л. 97—104).

На бумаге № 4 напечатано 44 л., из нее почти полностью составлена тетрадь 16 (л. 105—106, 108—109, 111—112); но обычно эта бумага рассеяна по разным тетрадям (в тетрадях 11, 13, 14, 17—19, 26, 27, 29, 30, 34).

На бумаге № 5 напечатано всего лишь 6 л. в составе тетрадей 12 и 25 (л. 74—75, 78—79, 177, 184).

На бумаге № 6 напечатано 10 л. в конце книги: часть тетради 31 и вся тетрадь 33 (л. 228—229, 241—248).

Начиная с тетради 9 и до конца книги все тетради (кроме тетрадей 21, 22 и 33) составлены обычно из двух сортов бумаги, чаще всего из № 1 и № 2 или из № 2 и № 4. Последние же тетради 25, 27, 29, 31 (л. 177 и сл.) состоят даже из трех сортов бумаги, с разнообразными добавлениями к № 1 и № 2 листов бумаги других номеров.

Сопоставление с бумагой других экземпляров «Апостола» 1591 г. позволит узнать, действительно ли у печатников не хватило бумаги и сколько станков работало в то время в типографии Мамониной.

Скажем об истории новообнаруженного экземпляра «Апостола» 1591 г., выделив два интересных момента. В 1650 г. этот экземпляр уже находился в Новгородской области, о чем свидетельствует запись: «Лета 7041-го книга Апостола Бежецкой пятины, Белозерской половны, Новъгороцкого уезду, Троицкого и Архангелского погоста, Устрецкого стану, Устрецкие волости домо-

⁵ Похожие филигранные знаки 1570—1590-х годов см.: *Лауцявичюс Э.* Бумага в Литве в XV—XVIII вв. Вильнюс, 1967. № 2530—2533 и 2542—2546; 1551; 3737 и 3735; 2702, 2685, 2710, 2713; 1029—1046; 2063.

вая Троицы живоначалной, и покрова пречистые Богородицы, и Махаила архангела, и Николы чудотворца церковная. А хто книгу возмет, а не отдаст к тем церквам, не буди милость Божия на нем от ныне и до века. А подписал сию книгу церковной дьячек Лазорко Мокеев лета 7158-го году марта в 24 день» (л. нумерованн. 13, 14, л. 1—81).

По-видимому, тот же дьячок пробовал перо на обороте фронтисписа, где среди росчерков можно разобрать: «Сей Апостол... троицькаго... у Троици... живоначалныя пресвятыя...» (л. 2).

О распространении книг «литовской» печати на Руси в первой половине XVII в. известно в самых общих чертах; Мамоничи рассчитывали на сбыт своих изданий и на московском рынке⁶. Русские записи первой половины XVII в. на изданиях Мамоничей не редкость; например, в РНБ на одном из экземпляров виленского «Апостола» 1592 г. есть русская запись 1648 г.⁷ Экземпляр виленского «Апостола» Библиотеки ИМЛИ добавляет еще один факт такого рода; все они нуждаются в систематизации.

Последующая история рассматриваемого экземпляра недостаточно определена. Вероятно, в XVII в. какой-то читатель сделал многочисленные пометки на полях книги — отсылки на содержание других библейских книг и выписки исправленных им слов. В XVII—XVIII вв. книга была обрезана и грубо реставрирована: добавлен рукописный л. 259, списанный с какого-то иного издания «Апостола», сделан кожаный переплет, типа троице-сергиевского, с цветком в центре, на корешке появилась наклейка с названием книги. В XVIII—XIX вв. книгу марали небрежными рисунками, а на обороте нижней доски переплета записали заговор на прогнание бесов.

Однако второй интересный момент в истории данного экземпляра «Апостола» 1591 г. — это то, что он в конце концов и, видимо, не случайно попал в библиотеку крупного литературоведа В. А. Десницкого, который, по сообщению П. Н. Беркова, собирал между прочим и старопечатные книги XVI—XVIII вв., цена старинные гравюры и переплеты; в числе русских старопечатных изданий у В. А. Десницкого были, например, «Грамматика» Мелетия Смотрицкого (М., 1648) и печатные акты Петровского времени (1707, 1724). Привлекали ученого и иллюминированные рукописи, русские и латинские; в его коллекции

⁶ На Руси XVII в. «своей высшей точки литовский импорт достиг во второй четверти столетия» (Сапунов Б. В. Из истории международных книжных связей Московской Руси XVI—XVII веков // Книга. М., 1971. Сб. 22. С. 126). О проникновении книг «литовской» печати на Русь см. также: История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 141; Зернова А. С. Типография Мамоничей в Вильне. С. 169, 303.

⁷ Запись опубликована: Лукьяненко В. И. Каталог белорусских изданий кирилловского шрифта XVI—XVII вв. Вып. 1. С. 91.

имелись, например, лицевые «Лествица» XV в. и «Круг миротворный» XVII в. По списку «Рафлей» начала XVIII в. В. А. Десницкий подготовил даже работу «Рафли. Памятник древнерусской гадательной литературы»⁸.

Правда, сам В. А. Десницкий точно не знал, какой именно «Апостол» находился в его распоряжении, ибо когда в 1938 г. продал его с 90 другими книгами в Библиотеку ИМЛИ (об этом факте П. Н. Берков не упоминает), то в инвентарную книгу данный экземпляр был записан предположительно как львовский «Апостол» с неизвестным годом издания⁹. Интересы В. А. Десницкого к древнерусским литературным памятникам заслуживают специального внимания.

Вот те вопросы, которые ставит перед нами обнаружение нового экземпляра виленского «Апостола» 1591 г.

1983 г.

⁸ О «древнерусских» интересах В. А. Десницкого см.: *Берков П. Н.* Профессор Василий Алексеевич Десницкий. (К 70-летию со дня рождения) // Вестник ЛГУ. 1948. № 2. С. 254—255; *Малышев В. И.* Заметки о рукописных собраниях Ленинграда, Черновиц, Риги, Двинска и других городов // ТОДРЛ. Т. 7. С. 459—460; *Заборова Р. Б.* Обзор собрания рукописей В. А. Десницкого, хранящихся в ленинградской Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина // Учен. зап. ЛГПИ. 1958. Т. 170. С. 321—322, 324—325; *Берков П. Н.*: 1) Русские книголюбы: Очерки. М.; Л., 1967. С. 127—129; 2) История русского библиофильства: (1917—1967). М., 1971. С. 178. В неописанной коллекции рукописей В. А. Десницкого, поступившей в РГБ, преобладают иллюминированные рукописи; с ее составом меня познакомила Л. В. Тиганова. См. также: *Десницкий В. А.* Статьи и исследования. Л., 1979.

⁹ Библиотека ИМЛИ. Инвентарная книга, № 29, л. 67 об.—68. Запись 29 сентября 1938 г. Благодарю сотрудницу библиотеки Е. Д. Лебедеву за указание этого документа.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4. ОПИСАНИЕ ЛИТЕРАТУРНОГО СОСТАВА РУССКИХ СТАРОПЕЧАТНЫХ СБОРНИКОВ XVII В.

(ПОДГОТОВИЛА А. Г. МИРЗОЯН)

Правила описания

В данном описании учитываются лишь те издания, которые, независимо от их названий, интересны для историков литературы тем, что фактически являются недостаточно известными по составу сборниками различных сочинений. Не описываются же, напротив, издания, содержащие заявленное в заглавии только одно сочинение. Поэтому в данном описании не упоминается, например, «Книга о вере» Нафанаила, хотя это и толстая книга.

Описываются лишь те сборники, в которых преобладают, или хотя бы занимают заметное место произведения, предназначавшиеся для чтения. Напротив, не описываются сборники церковнослужебные, юридические, военнo-уставные с относительно малой долей четьих текстов. Поэтому в данном описании не упоминаются, например, «Служебники», хотя в них можно указать любопытные в бытовом отношении четьи материалы. Не упоминаются и «Триоди постные», хотя они в конце обычно содержат «Житие Марии Египетской» Софрония Александрийского.

Описываются только нетрадиционные, неканонические сборники разных анонимных сочинений и произведений разных авторов, содержащие подчас неожиданные памятники. В том числе описываются не совсем традиционные в русском книгопечатании «Потребник иноческий» и «Потребник мирской», а также «Чины присяг». Напротив, не описываются сборники, так сказать, постоянного, традиционного, сравнительно хорошо известного состава, например «Апостол», «Библия», «Евангелие», «Прóлог», «Псалтырь» и пр., хотя в частности состав этих изданий в течение XVI—XVII вв. менялся. Не описываются сборники сочинений одного автора, например, собрания произведений Ефрема Сирина, Иоанна Златоуста, Иоанна Лествичника, Феофилакта Болгарского, Симеона Полоцкого. Поэтому не упоминается в данном описании и «Маргарит» Иоанна Златоуста, хотя в конце сборника слов этого автора добавлены «Житие Иоанна Златоуста» Георгия Александрийского и слово о пренесении мощей Златоуста. Кроме того, не описываются нами «Азбуки» и «Буквари» из-за преобладающей мелкости четьих текстов в их составе, хотя здесь помещается целиком «Сказание, како состави святый Кирил Философ азбуку по языку словеньску и книги преведе от греческих на словенский язык».

Наконец, в данном описании учитываются не все издания каждого сборника, а только первое издание и новые редакции в переизданиях. Поэтому опи-

сывается, например, первое издание «Служб, жития и чудес Николы Мирликийского» 1640 г. и новая редакция сборника в издании 1643 г. Напротив, не описываются простые переиздания.

В итоге, для описания нами выбрано 24 старопечатных сборника 1639—1696 гг.

Далее. Состав каждого сборника указывается не полностью. Не учитываются: 1) церковнослужебные тексты, включая молитвы, «чины», «правила» и пр.; 2) справочные тексты, включая оглавления и различные перечни, не содержащие никаких оценок; 3) отрывки из Ветхого и Нового заветов; 4) мелкие четьи тексты объемом менее половины страницы в 2° или одной страницы в 4°, а также стихи объемом меньше четырех строк.

Сочинения, имеющие главы или части, как правило, поглавно не расписываются. Но в некоторых случаях главы или части сочинения все-таки указываются: если главы или части сочинения самостоятельно бытовали в рукописной традиции в качестве отдельных произведений, как, например, чудеса Николы; если главы или части сочинения принадлежат разным авторам или относятся к разным литературным жанрам, как, например, предисловие к «Великим минеям четьим» митрополита Макария в «Увете духовном» Афанасия Холмогорского; если главы или части сочинения содержат интересные исторические сведения, как, например, глава о Мамаевом побоище в «Житии Сергия Радонежского».

Каждый текст описывается в следующем порядке: название сочинения, нередко с использованием подлинного заглавия и с указанием, когда это возможно, автора, адресата и даты; начальные строки всего сочинения в целом, но без предваряющего афоризма, стиха, номера главы или зачала; раскрытие акростиха, если таковой имеется; листы или страницы, занимаемые сочинением в старопечатном сборнике. Двумя и более тире обозначаются главы, части и более мелкие разделы сочинений. Сокращения: Загл. — Заглавие, Нач. — начало, нн. — нумерованный. Тексты XVII в. передаются по общепринятой в литературоведческих изданиях упрощенной орфографии, а надстрочный знак ´ (паерок) передается как «ъ».

Сборники описываются в алфавитном порядке их названий.

«Грамматика» Мелетия Смотрицкого (М., 1648)

Предисловие к «Грамматике». Загл.: «С Богом починаем. Зде в предисловие вписахом к люботрудне тцтатися хотящим к разуму учения грамматическаго...». Нач.: «Сам убо господь рече, спаситель наш и Бог, яко Иоанн евангелист свидетельствует: “Испытайте писания...”». Л. 1—44.

«О разуме». Нач.: «Ничто же разума есть честнейше, ибо разум свет есть души словесныя...». Л. 18 об.—19 об.

Из первого слова Максима Грека на «хулящих учение». Без загл. Нач.: «Понеже убо рече неции, не вем, что ся им случивше, еретика мене, неповинна чело века, называти не страшатся...». Л. 19 об.—21.

Из десятого слова Максима Грека «еже на Афродитиана персянина». Нач.: «Аще же не по всему согласуют с богодухновенными писании, яже от неких писуемая книги...». Л. 21—22 об.

Из одиннадцатого слова Максима Грека. Нач.: «Бог, иже всех содетель и господь, свидетель вам, благовернейшим, от мене, недостойнаго инока Максима...». Л. 22 об.—25 об.

Из двенадцатого слова Максима Грека «о книжном исправлении». Нач.: «Свидетеля вам, господам моим, предълагаю на душу и совесть мою...». Л. 25 об.—33 об.

Из предисловия Силуяна, ученика Максима Грека, к переводу «Евангелия от Матфея». Без загл. Нач.: «И да помышляет, яко и из человек несъмь грек и оттуда, но здешния персти и русин...». Л. 33 об.—34 об.

Стихотворные «Похвальная словеса сея блаженныя и святыя книги Грамматики, да не не рекутся, яко бы от лица ея быти реченным». Нач.: «Чтущаго мя, яко бы рече, почту и любящаго возлюблю, а уничижающаго не поношу и притекающаго ко мне не отжену...». Л. 40—44.

«Грамматика». Нач.: «Что есть грамматика...». Л. 45—346 об.

Ответы Максима Грека некоему, вопросившему «о грамматикии, и риторикии, и философии». Нач.: «Понеже убо яко подобающему коснувшумися неким мановением...». Л. 347—360.

Истолкование имен. Загл.: «Сословие имен по аз веди святых сущих в святцах, с толковании словенска языка». Нач.: «Аввакум — борец силныи...». Л. 361—373.

Грамматический разбор стиха «Апостол святыи Фома молит милостиваго Бога...». Без загл. Нач.: «Рода мужескаго, числа единственнаго...». Л. 373 об.—385 об.

Послесловие к «Грамматике». Без загл. Нач.: «Сиец вся божественнаго писания речения и слова и внешних беседовании словеса...». Л. 386.

Послесловие к изданию. Без загл. Нач.: «Весилныи, и непостижимый, пресущественныи Бог наш, славимый в трех лицах, иже созда всю тварь видимую и невидимую... той же и ныне благоволив просвети сердечнии очи... Алексеию Михайловичю всея Руси самодержьцу произвести типографским художеством сию книгу глаголемую Грамматику...». Л. 387—388 об.

«Жезл правления» Симеона Полоцкого (М., 1667)

Загл.: «Жезл правления на правительство мысленнаго стада православно-российския церкви; утвержения во утвержение колеблющихся во вере; наказа-

ния в наказание непокоривых овец; казнения на поражение жестоковых и хищных волков, на стадо Христово нападающих; сооруженный от всего освященного собора...».

Послание патриарха Иоасафа и всего собора к царю Алексею Михайловичу. Загл.: «Благочестивейшему, тишайшему, самодержавнейшему великому государю царю...». Нач.: «Истинну духом истинны наставляемый царь во прощех написа...». Л. нн. 2—3.

Стихотворное предисловие к изданию. Без загл. Нач.: «Слава Отцу и Сыну и Духу святому...». Акrostих: «Симеон Полоцкий трудился». Л. нн. 4.

Предисловие к изданию. Загл.: «Предисловие». Нач.: «Пастырей всех и всего стада словеснаго архипастырь Бог и господь глаголай...». Л. 1—16.

Предисловие к первой части. Загл.: «К благочестивому читателю». Нач.: «Естество естествующее вся премудростию создавшее тако устрои всю тварь...». Л. 16—18.

«Возобличения» на челобитную Никиты Пустосвята. Загл.: «Часть первая». Нач.: «И аз богомолец твой (глаголет к православному царю)...». Л. 19—88.

Предисловие ко второй части. Загл.: «Часть вторая Жезла правления. Предисловие». Нач.: «Равный борец и подобный Никите хулитель, ратуяй на церковь, есть Лазарь поп...». Л. 89—89 об.

«Возобличения» на челобитную Лазаря. Без загл. Нач.: «Нецыи архиереи и иереи оставиша апостольское учение...». Л. 89 об.—151 об.

«История, или Повесть» Иоанна Дамаскина о пустынножителе Варлааме и индийском царевиче Иоасафе (М., 1681)

Предисловие к изданию. Без загл. Нач.: «Во славу святых троицы — Отца и Сына и святого Духа, повелением благочестивейшаго великаго государя нашего царя и великаго князя Феодора Алексеевича...». Л. тит.

Стихотворное предисловие Симеона Полоцкого к изданию. Загл.: «Предисловие к читателю». Нач.: «Благо есть книги святых читати и полезная от них собирати..». Л. 1—2.

Симеона Полоцкого «Стиси краесогласнии в похвалу преподобнаго отца нашего Иоасафа царя индийскаго». Нач.: «Приидите, вернии людие, внушите. Дивная имам рещи, умилно судите...». Л. 1—4 второго счета.

«Повесть о Варлааме и Иоасафе». Нач.: «Елицы духом Божиим водятся, сии суть сынове Божии...». Л. 1—213 об. третьего счета.

Симеона Полоцкого стихотворная «Молитва святого Иоасафа, в пустыню входяща». Нач.: «Боже отче всемогущий, Боже сыне присносуущий...». Л. 214—215 об.

«Кириллова книга» (М., 1644)

Первое стихотворное предисловие к изданию. Без загл. Нач.: «Предисловие и сказание в кратце о добрей сей и блаженной книзе, яко бы о некотором драгоценном низе...». Л. 6—6 об.

Второе стихотворное предисловие к изданию. Загл.: «Предваршему же убо по сих написанию по краегранесию имуще сложение сицево люботрудне чтущым книгу сию». Нач.: «Государским повелением сия предобрая книга на них, злодеев, учинена, от многих божественных писаний, аки мечь, изострена...». Акrostих: «Господарев царев работник и вам божественни гизиконаистпннм(!) рачителем и любителем о Бозе радоватися, а врагом б креста Хринтова(!) и развратником нншея(!) православная(!) вер(!) скорбети и дечаоватии(!)». Л. 7—14.

Третье предисловие к изданию. Без загл. Нач.: «Ведомо же буди всякому православному и о сем, яко убо многая воспретительная в сей акrostихиде...». Л. 14—15.

Четвертое предисловие к изданию. Без загл. Нач.: «Посем начинается сия блаженная книга чести, аки камень драгоцен...». Л. 15.

«Книги ложныя, их же не подобает чести и держати православным христианом, суть же сии». Нач.: «Составлении мирьстии псалмы, еже есть сия: “Грядите вси вернии”; и другое: “Грядите”; и: “Кресту твоему водружшуся на земли”...». Л. 4—5 второго счета.

«Книги еретическия, их же не подобает чести православным». Нач.: «Мартолой, рекше астролог, астрономия, землемерие. Чаровник, в ней же суть дванадесять о прометных лиц звериных и птичиих...». Л. 5—7.

«И сия книги отреченныя». Нач.: «О Китоврасе басни и кощуны. Авгарево послание, что человецы невегласи неразумнии на себе носят...». Л. 7 об.—8 об.

«Сказание» Кирилла Иерусалимского о восьмом веке, Страшном суде и антихристе. Нач.: «О двою Христову пришествию и о знаменах ею Кирил святыи в первой главе сказует...». Л. 1—82 третьего счета.

«Избрание от многих святых отец писании» о Троице, «о человечестве сына Божия» и пр. «и на богомерзъских латин и на прочих еретик обличительная словеса». Нач.: «Многа убо суть видим такова создания Божия, о них же мало знаем, ни рещи умеем...». Л. 83—557 об.

«Глава 25. О римском отпадении, како отступиша от православныя веры и от святыя церкви». Нач.: «При царе Константине и при матере его Ирине бысть и в Риме папа Андреан...». Л. 226—232 об.

«Глава 26. О латынских ересех». Нач.: «Прииде от папы Григория кардинал Иван Азимит и с ним латыньстии учителя...». Л. 233—241 об.

«Глава 35. О пременении дней и праздников». Нач.: «Не непотребно мною и о нынешнем дерзопреступлении латинском воспомянути...». Л. 308 об.—355 об.

«Глава 36. Слово Максима Грека “на латинов”». Нач.: «Меда глаголют врачевствию сынове с естествоною сладостию своею...». Л. 357—412 об.

Глава 37. «Указание» Мелетия Александрийского, «яко Дух святыи от единого Отца исхождение имать». Нач.: «Иже во святых отца нашего Григория архиепископа солуньскаго новаго Богослова еже во изложении православныя веры...». Л. 413—431 об.

Глава 38. Послание Мелетия Александрийского 1594 г. марта 8. Нач.: «Славнейшему и пресветлому, благочестивому же и православному государю и князю острозьскому Василию... Скорбь нам творят немалую различности жития сего...». Л. 431 об.—435 об.

Глава 39. Послание Мелетия. Без даты. Нач.: «Добро воистину и благочестивне рече Василии Великий в первом еже на Евномия...». Л. 436—450 об.

Глава 40. Послание Мелетия 1596 г. августа 30. Нач.: «Всеславному и велелепному, благочестивому же и православному государю и владыце острозьскому и воеводе киевскому всесветлому князю Василию... Се есть еже глагола Спас наш, братие, предъвозвещая волны будущих бед...». Л. 451—467.

Глава 41. Послание Мелетия 1597 г. июля 23. Нач.: «Благочестивым и православным росиом, иже во всем высочайшем начале державнаго королевства польскаго живущым... Мужие росийстии, благочестия воспитание, православна заступницы...». Л. 467—481 об.

Глава 42. Послание Мелетия 1597 г. августа 4. Нач.: «Гедиону боголюбнейшему епископу львовьскому и с епископы, со благочестивыми священники и светлыми князи... Смирение наше молит и благословляет всех вас: овых убо яко пастыри добрыя...». Л. 482—489.

Глава 43. Послание Мелетия 1597 г. апреля 4. Нач.: «Пресветлому и благочестивому князю Василию, государю и властелю острозьскому, воеводе киевскому, старосте володимерскому... Смирение наше желает вам все еже благо и спасително получитьи...». Л. 489 об.—491 об.

Глава 44. Послание Мелетия 1597 г. августа 24. Нач.: «Православным и благочестивым братствам, иже в России обретающимся... Смирение наше молит и благословляет всех вас, о Дусе святе моля...». Л. 492—494.

Глава 45. Послание острожского князя Константина 1595 г. июля 24. Нач.: «Всем благочестивым христоименитым людем, единыя правыя веры сопричастником... Понеже от преименитых благочестивых своих родителей...». Л. 494—500 об.

Глава 46. Послание «от святых Афонских горы скитствующих». Без даты. Нач.: «Благочестивому князю Василию, поборнику церкви соборных православных... Дойде к нам глас плачевный и толико съкорьбный...». Л. 501—505 об.

Глава 47. Учительное послание Фотия Константинопольского болгарскому князю Михаилу о семи соборах «и какову подобает быти князю». Без даты. Нач.: «Иныя убо благодати, пресветлейшии и возлюбленнии наш сыне, малы и привременны...». Л. 506—548 об.

Без обозначения главы. «Изъложение въкратце» Анастасия Антиохийского и Кирилла Александрийского в вопросах и ответах о вере. Нач.: «Вопрос. Коя веры еси...». Л. 549—552.

Первое послесловие к изданию. Загл.: «Описание сея предобрья книги, како по царьскому велению напечатана бысть». Нач.: «Всесильный убо и всемогии Бог, иже вся премудростию своею сострояет...». Л. 558—561.

Второе послесловие к изданию. Без загл. Нач.: «Но убо, о богособранная чета православия, молим вы трудившиися книги сея...». Л. 561 об.

Последование молебного пения и поучение «во время нахождения супостатов» (М., 1677)

Предисловие к изданию. Без загл. Нач.: «Во славу святых единосущных, животворящих и неразделимых троицы — Отца и Сына и святого Духа, повелением благочестивейшаго великаго государя нашего царя и великаго князя Феодора Алексиевича...». Л. нн. 1—1 об.

Почтение патриарха Иоакима, «возбуждающее люди до молитвы и поста во время нахождения супостатов». Нач.: «Благодать и мир Бога отца вседержителя и едиnorodнаго его сына... Меча бойтеся, — глаголет Бог к нам...». Л. 1—22 об. второго счета.

«Потребник иноческий» (М., 1639)

Предисловие к изданию. Без загл. Нач.: «В сем Потребнике иноческом не напечатано освящение церкви, понеже прежде сего печатаны потребники трижды...». Л. 102.

«Оглашение малаго образа, еже есть мантия». Нач.: «Блюди, брате, какова обетования даеши владыце Христу...». Л. 10—11 об. второго счета.

Образец поучения священника постригающемуся. Нач.: «Всецедрыи убо Бог и многомилостивыи...». Л. 11 об.—12.

Образец «наказания игумена ко старцу». Нач.: «Се предаю ти, отче имярек, брата сего имярек от святого евангелия...». Л. 22 об.—23.

Образец ответной речи старца к игумену. Нач.: «Превыше наша мера дело сие, честныи отче...». Л. 23.

«Оглашение» великого образа. Нач.: «Блюди, чадо, какова обетования даеши владыце Христу...». Л. 32 об.—35.

Образец поучения священника постригающемся. Нач.: «Прещедрыи Бог и многомилостивыи...». Л. 35—35 об.

Слово Василия Великого «о постничестве, како подобает украшену быти иноку». Нач.: «Достоит иноку прежде всех нестяжательно житие имети...». Л. 50—52.

Послесловие издателей к чину великого образа. Без загл. Нач.: «О сем же убо zde испытавшe от переводов различных...». Л. 53₂—53₄.

«Оглашение» священника постригающейсe. Нач.: «Блюди, сестро, какова обетования даеши владыце Христу...». Л. 64—66 об.

Образец поучения священника постригающейсe. Нач.: «Прещедрыи Бог и многомилостивыи...». Л. 66 об.—67.

Слово Григория Нисского о исповедающихся. Нач.: «Сие подобает явственно исповедати вся своя согрешения, отнеле же родися...». Л. 127—129 об.

Образец поучения священника исповедающемся. Нач.: «Да аще, чадо, волю Божию сотвориши...». Л. 134 об.—136.

Образец речи священника к кающимся инокам. Нач.: «Господине брате и сыну, не преступил ли еси своего иноческаго обещания...». Л. 138—139 об.

Образец исповедальной речи иноков к священнику. Нач.: «Исповедаюся аз многогрешныи имярек...». Л. 139 об.—142 об.

Образец речи священника к кающимся инокиням. Нач.: «Повеждь ми, госпоже, сестро и дщи имярек, не преступила ли еси своего иноческаго обещания...». Л. 142 об.—144.

Образец исповедальной речи инокинь к священнику. Нач.: «Исповедаюся аз многогрешная имярек...». Л. 144—146 об.

Образец речи священника к кающимся священникам. Нач.: «Како, брате, и господине, и отче, паче же и чадо имярек, не порочен ли еси...». Л. 146 об.—148 об.

Образец исповедальной речи игуменов к священнику. Нач.: «Согреших, господине отче, пред Богом и пред тобою...». Л. 148 об.—152 об.

Образец дополнительной исповедальной речи мирских иереев и дьяконов к священнику. Нач.: «Согреших, отче, от юности моя и доньне...». Л. 153—153 об.

Почение священника исповедающимся «о ползе душевней». Нач.: «Чадо, не буди ти тяжко кающуся...». Л. 161 об.—163.

Вопрос и ответ Анастасия о кающихся. Нач.: «Аще кто завещает себе на добро дело с клятвою соделати то...». Л. 163—163 об.

«Поучение священником, и священноиноком, и дияконом». Нач.: «Отче, и сыну, и брате, и господине, помыслим, на какову высоту жития возвани быхом...». Л. 166—168 об.

Образец исповедальной речи больного к священнику. Нач.: «Исповедаюся аз многогрешный...». Л. 171 об.—172 об.

«От божественных писани и от святых правил собрание», или «Соборное изложение» патриарха Филарета «о крещении латынь и о их ересех» 1620 г. декабря 16. Л. 213—327.

Предисловие к «Соборному изложению». Нач.: «Единого и истинного Бога нашего, иже прежде всех и надо всеми и во всех...». Л. 213—220.

«Глава 1. Ересь римская, иже приша от мелхиседекия...» Нач.: «Сии изверженнии и проклятии мелхиседекия...». Л. 220 об.—221 об.

«Глава 2. Римская же ересь, иже приша от Мантана еретика». Нач.: «Мантан убо еретик име две блудницы...». Л. 221 об.—227.

«Глава 3. Римская же ересь, иже приша от евномиян». Нач.: «Евномияне убо вместо крещения на главы своя возливают воду до пояса...». Л. 227 об.—228 об.

«Глава 4. Римская же ересь, иже приша от ариан...» Нач.: «Ариане убо ученицы Ариевы, иже от Понта...». Л. 228 об.—229.

«Глава 5. Римская же ересь, иже приша от месалиян и василиян». Нач.: «Месалияне убо и василияне последуют Оригенову мудрованию...». Л. 229 об.—233.

«Глава 6. Римская же ересь». Нач.: «Мудръствуют и действуют не по апостольскому и святых отец преданию...». Л. 233—238.

«О новом коленьдаре». Нач.: «По седми же тысящех лет в царство государя царя и великаго князя Ивана Васильевича...». Л. 235.

«Из епистолии на римляны от седьмаго собора на латыню о опресноцех...» Нач.: «Ведыи буди, яко пресноцы ветхия...». Л. 235 об.—236 об.

«О папе Формосе». Нач.: «В лето Льва царя Премудраго, сына Василиева Македонянина, бысть папа в Риме Формос проклятыи...». Л. 236 об.—238.

«Глава 7. Указание от правил обличительно на ереси латыньския Иоанна митрополита русскаго ко архиепископу римскому о опресноцех». Нач.: «Да о тех же убо ересех во изьявлении своем свидетелствует и Тимофей...». Л. 238—238 об.

«Глава 8. О фрязах и о прочих латынях...» Нач.: «Папа римский и елико же западныя страны христиане...». Л. 238 об.—242.

«Глава 9. Указ, како изыскивати и о самех белорусцев, иже приходящих от польскаго и от литовскаго государства...» 1620 г. декабря 16. Нач.: «Божиего милостию аз, смиренныи Филарет патриарх московский и всея Руси...». Л. 242—246 об.

Образец речи «иже от латынь приходящих» к священнику. Нач.: «Аз имярек, иже от латыньския веры, днесь прихожду ко истинному православному християньския непорочныя веры закону...». Л. 250—260.

Образец дополнительной речи лютеран к священнику. Нач.: «Отрицаюся и проклинаю всякое еретическое предание и списание их окаяннаго Вифлака и Яна Гуса...». Л. 260—264.

Образец утешительного поучения священника «ко оглашенным». Нач.: «Се конец вашего оглашения, предста избавления вашего время...». Л. 278 об.—279 об.

Образец ответной речи «оглашенных» к священнику. Нач.: «И совокупляюся Христови...». Л. 280—280 об.

Образец второго поучения священника «ко оглашенным». Нач.: «Се отрестеся диявола и сочетаетеся Христови...». Л. 281—282.

Образец поучения священника «ново просвещенному». Нач.: «Яко да его же приял еси от святыя купели...». Л. 295 об.—296 об.

Образец речи «от срацын обращающихся» к священнику. Нач.: «Аз имярек, иже от саракин, днесь прихожду к вере християньскои не от некия нужды или беды...». Л. 299—302 об.

Образец дополнительной речи «от черкас приходящих» к священнику. Нач.: «Отрицаюся всех черкасских самозаконных обычаев...». Л. 302 об.—305.

Образец речи евреев, «к христианстей вере приходящих». Нач.: «Отричуся всех жидовских обычаев и начинаний...». Л. 306—307.

Образец второй речи тех же. Нач.: «Аз имярек, иже от жидов, днесь прихожу к вере христианстей не от некия беды или нужда...». Л. 307 об.—312 об.

Образец речи «проклинати ересь от яковитян». Нач.: «Аз имярек от гнусныя ияковитян и ханцыцарьския ереси к непорочней правоверных всею дшею приступаю вере...». Л. 322—324 об.

«Подобаеть же убо нам и о сем ведати». Нач.: «Яже у нас в велицей Росии воокруг страны наша земля великия Росии живущии языцы...». Л. 327₂—327₃.

«От собрания преподобнаго отца Иосифа Волоцкаго о иноческом чину, како бысть» — компиляция 11-го слова «Просветителя». Нач.: «Слышахом поругание от живущих стран, воокруг живущих земли наша, возле предел великия Росии...». Л. 328—360.

Послание Илариона Великого «к некоему брату, просившу у него, и наказание ко отрестшимся мира...». Нач.: «К старейшему ми брату и Христову рабу убогии аз инок и последний в братстве Иларион... Вем убо, яко послал ми еси таково слово...». Л. 361—387 об.

Образец новогодней речи святителя к царю. Нач.: «А государь боговенчанныи и благочестивыи и христолюбивыи царь и великий князь имярек... В нынешнии в настоящии день праздника...». Л. 405—406 об.

«Номоканон, сиречь Законоправилник». Л. 1—92 об. третьего счета.

Первое предисловие к «Номоканону». Нач.: «Преосвященным архиепископом и митрополитом, боголюбезным епископом... о всем всегда достоин хранити...». Л. 1.

Второе предисловие к «Номоканону». Нач.: «В лепоту убо судихом в книгу Номоканона сего сотворити предословие...». Л. 2—4 об.

Третье предисловие к «Номоканону». Нач.: «Приемляи помышления человеческая должен есть в писании наказан быти...». Л. 5—6.

«О чаровании». Нач.: «Чаровницы сии суть, иже негли давидьския псалмы поюще...». Л. 16 об.—17.

«О отравках». Нач.: «Отрава же есть, еже напоеными смертоносными устройти нечто снадно...». Л. 17—17 об.

«О волхвовании». Нач.: «Волхвы убо суть, иже негли благотворныя бесы призывают...». Л. 17 об.—20 об.

Из «Жития Андрея Уродивого». Нач.: «Впрошен быв бес от треблаженнаго Андрея Христа ради уродиваго: “Откуда веси и предъглаголеши некая...”». Л. 21—21 об.

Слово 6 из «Отечника». Нач.: «Брат, борим блудом, иде к старцу и моляшея ему...». Л. 21 об.—22.

«От постных словес Великаго Василия». Нач.: «Аще подобает что в братстве свое имети, сие сопротивно есть...». Л. 33.

«Нравоучение» 18 Иоанна Златоуста на послание апостола Павла к ефесям. Нач.: «Услышите, молю вси, елицы хотите туне ненавидими быти...». Л. 41 об.—42.

«Нравоучение» 30 Иоанна Златоуста на послание апостола Павла к евреям. Нач.: «Аще увидиши друга блудяща...». Л. 42 об.

Из послания Никона к Сиклистию. Нач.: «Веждь убо, отче мой, яко божественная писания с божественными канонами определяют...». Л. 63—63₂.

«Симеона Солунскаго». Нач.: «Всяк отлученыи, или безсловесне яко же сему мнится или законне...». Л. 63₂—64 об.

Повесть о поучении Иоанна Милостивого попам. Нач.: «И се паки некто иерей от церкви Иоанна Милостиваго начат служити вечерню без стихаря...». Л. 69—70.

Поучение «о устройнии трапезы» и повесть из «Патерика». Нач.: «Не приноси брашна во уста своя, о иноче, прежде даже не пожреш...». Л. 78 об.—79.

Поучение о посте с добавлением высказываний Афанасия Великого и Никифора патриарха. Нач.: «Смотри зде опасно, что святых апостол правило глаголет...». Л. 80—81.

«От Валсамона и от Зонарева толкование» о церковном пении. Нач.: «Божия церкви домове молитвам глаголются...». Л. 86 об.—87 об.

Образец речи священника к духовнику. Нач.: «Священная добре уставивши богопроповедницы апостоли...». Л. 89—89 об.

Послесловие к «Номоканону». Нач.: «А еже написаны в начале Номоканона сего в предъсловии святии отцы: преподобный отец Иоанн Зонар...». Л. 90.

Первое послесловие к изданию. Загл.: «Описание, еже есть объявление книги сея Потребника». Нач.: «Благоволением Бога отца вседержителя и споспешением едиnorodного его сына... просветися смысл и очеса сердечная... царю и великому князю Михаилу Федоровичу...». Л. 16—18 четвертого счета.

Второе послесловие к изданию. Без загл. Нач.: «Молим же вы, о христойменитии, всякаго чина отец и братию...». Л. 18 об.

«Потребник мирской» (М., 1639)

Образец поучения священника венчающимся, «како лепо жити християном с женами своими». Нач.: «Послушайте, чада, да скажу вам, что есть тайна християнская...». Л. 143—144 об.

Почтение Иоанна Златоуста к женам, «како достоин с мужами своими жити». Нач.: «Услышите жены заповеди господня и научитесь в молчании повиноватися своим мужем...». Л. 151—152.

«Соборный свиток о законных и о беззаконных брацех» Сисиния Константинопольского 997 г. февраля 21. Нач.: «Три пределы суть о возбраненных брацех...». Л. 154—158 об.

Слово Григория Нисского о исповедающихся. Нач.: «Сице подобает явственно исповедати вся своя согрешения...». Л. 159—162 об.

Образец речи священника к исповедающемуся. Без загл. Нач.: «Добре прииде, чадо, каятися грехов своих...». Л. 167 об.—173 об.

Образец дополнительной речи священника к женатым и вдовцам. Нач.: «Первая ли у тебе жена или другая...». Л. 173 об.—174.

Образец дополнительной речи священника к «приказным людем и властелем». Нач.: «Государю крест целовав, не изменил ли еси в чем...». Л. 174—175.

Образец исповедальной речи мирянина к священнику. Нач.: «Исповедаюся аз многогрешныи имярек...». Л. 175—181.

Образец дополнительной исповедальной речи вельмож, князей, судей, приказных людей к священнику. Нач.: «Согреших, егда во время рати идыи на брань...». Л. 181 об.—182 об.

Образец исповедальной речи детей к священнику. Нач.: «Исповедаюся аз многогрешныи госпуду Богу вседержителю...». Л. 182 об.—183 об.

Образец речи священника к девицам и женам. Нач.: «Госпоже сестро и дщи, повеждь ми изначала отнеле же родилася еси...». Л. 183 об.—187.

Образец речи священника к замужним и вдовам. Нач.: «Первыи ли у тебе муж или другой...». Л. 185—186.

Образец исповедальной речи жен к священнику. Нач.: «Исповедаюся аз многогрешная имярек...». Л. 187—192 об.

Образец речи священника к священникам. Нач.: «Како, брате и господине и отче, паче же и чадо имярек, не порочен ли еси...». Л. 193—195.

Образец исповедальной речи игуменов к священнику. Нач.: «Согреших, господине отче, пред Богом и пред тобою...». Л. 195—200.

Образец поучения священника кающемуся «о ползе душевной». Нач.: «Чадо, не буди ти тяжко каюшуся...». Л. 208 об.—209 об.

Вопрос и ответ Анастасия о кающихся. Нач.: «Аще кто завещает себе на добро дело с клятвою соделати то...». Л. 209 об.—210.

Образец поучения священника «детем духовным». Нач.: «Се, сыну, заповедаю ти аз грешныи прежде всего...». Л. 213—215.

Образец поучения священника священникам и дьяконам. Нач.: «Отче, и сыне, и брате, и господине, помыслим, на какову высоту жития возвани быхом...». Л. 215—218 об.

Образец «исповедания вкратце». Нач.: «Исповедаюся аз многогрешныи господу Богу вседержителю...». Л. 266 об.—267 об.

«От божественных писани и от святых правил собрание», или «Соборное изложение» патриарха Филарета «о крещении латынь и о их ересех» 1620 г. декабря 16. Нач.: «Единого и истинного Бога нашего, иже прежде всех и надо всеми и во всех...». Л. 398—512.

«Подобает же убо нам и о сем ведати». Нач.: «Яже у нас в велицей Росии воокруг страны наша земля великия Росии живущии языцы...». Л. 513—514.

«Номоканон». Нач.: «Преосвященным архиепископом и митрополитом, боголюбезным епископом... о всем всегда достоин хранити...». Л. 1—90 об. второго счета.

«Заповедь благочестиваго царя Мануйла Комнина греческаго на обидящих святых церкви». Нач.: «Царь же сей Мануил Комнин тако узаконив и писания подав нерушима. Прихождаху же мнози от строитель...». Л. 98—100.

«О том же благочестиваго царя Устинияна». Нач.: «От свитка новья заповеди великия паче инех иже в человецех. Два еста дара Божия...». Л. 100—100 об.

«О том же святого и равноапостольнаго великаго князя Владимира Киевскаго и всея Русии». Нач.: «Тамо бо в его цесарском завещании и законоположении написано в духовной его грамоте. Еже рассмотрив греческий Номоканон и обрете в нем написано...». Л. 100 об.—102.

Первое послесловие к изданию. Загл.: «Описание, еже есть объявление книги сея Потребника». Нач.: «Благоволением Бога отца вседержителя и споспешением едиnorodного его сына... просветися смысл и очеса сердечная... царю и великому князю Михаилу Феодоровичю...». Л. 1—3 третьего счета.

Второе послесловие к изданию. Без загл. Нач.: «Молим же вы, о христойменити, всякаго чина отец и братию...». Л. 3 об.

«Православное исповедание веры» Петра Могилы (М., 1696)

Предисловие патриарха Адриана к изданию. Нач.: «Ниже бы всема потребователно было в нетления ризу безсмертну одеяну естеству человеку...». Л. 3—7 об.

Грамота Нектария Иерусалимского 1662 г. ноября 20. Нач.: «Не убо чрезделно, читателю любезнейший, сию книгу прочти...». Л. 11—13.

Грамота Парфения Константинопольского и синода 1643 г. марта 11. Нач.: «Мерность наша и с сущим при себе священным архиереев синодом и клиром прочетше посланую нам от сущия церкви в Малой России книгу...». Л. 14—14 об.

«Православное исповедание веры кафолическия и апостолския церкви восточныя». Нач.: «Человек христианин православный и кафолический что долженствует хранити...». С. 1—180.

Из третьего слова Иоанна Дамаскина об иконах. Нач.: «Рцем первое, что есть икона. Второе, чесо ради бысть икона...». Л. 181—190 об.

«Изложение веры по откровению» Григория Неокесарийскаго. Нач.: «Един Бог отец слова живаго мудрости ипостасныя и мощи и характера...». Л. 191.

«Како же откровение святому Григорию о сем бысть, жития его писатель святой Григорий Нисский повествует сице». Нач.: «Начало убо жизни сицево, понеже всякое наказание внешняя философии прешед...». Л. 191 об.—194 об.

«Рай мысленный, в нем же различныя цветы...» (Иверский монастырь, 1658—1659)

Стихи на герб патриарха Никона. Без загл. Нач.: «Егда печать сию вернии сматраем...». Л. тит. об.

«Предословие ко благочестивому читателю» Филофея. Нач.: «Дом пресвятыя пречистыя и преблагословенныя владычицы наша Богородицы и присно девы Марии Иверския и портантиси честныя иконы строение великаго господина святейшаго Никона...». Л. нн. 1—2.

«Сказание о святей горе Афонстей» Стефана Святогорца. Нач.: «Подобен возлюбленне и вожделенне зело иже блаженных путь в законе Господне ходящих добродетельных муж стезе их ревнующе...». Л. 1—34.

«О священной обители Иверской и честней иконе портаитской. Чудо 21». Нач.: «В лета благочестивейшаго и присно памятнаго царя Конъстянтина процвете вера наша...». Л. 35—48.

«Слово благополезно» патриарха Никона о создании Иверского монастыря и о пренесении мощей Иакова Боровицкого. Нач.: «Великая от вещей великих требуют и повестей и светлая дела светлаго и сказания требуют...». Л. 49 об.—73.

Похвальное слово о чудесах иконы Богородицы в Иверском монастыре. Нач.: «Приидем днесь, вернии, на боговидный всего мира позор, да усмотрим ныне не в зеркале и гаданиих...». Л. 73 об.—77 об.

Слово о явлении мощей Иакова Боровицкого. Нач.: «Прежде век непостижимым мановением Божиим предустановленное падшаго рода человека спасение...». Л. 1—30.

Сборник переводов Арсения Грека (М., 1660)

Предисловие к изданию. Без загл. Нач.: «Анфологион, сиестъ Цветословие страдалчества и мучения святых великомученицы Екатерины, и святого великомученика Феодора Стратилата...». Л. 1 об.—2.

«Мучение» девы Екатерины, «ново проведено от греческаго языка во славенский». Нач.: «С надежду весненаго въхода нищий земледельец труда отнюд ниже пота помышляет...». С. 1—57.

«Мучение» Феодора Стратилата, «ново преведено от греческаго языка во славенский». Нач.: «Ино несть сладчайшее во блазей души благочестиваго человека, благословеннии христиане...». С. 58—94.

«Житие Алексея человека Божия». Нач.: «Се достиже время воздержания, возлюблении, поприще отверзется...». С. нн. 1, с. 1—37 второго счета.

Вопросы и ответы Иустина Философа «о безтелесном и о Бозе и о воскресении мертвых». Нач.: «Откуда явленно аще есть нечто безтелесное...». С. 38—81.

«Изложение главизн поучительных» Агапита диакона царю Иустиниану. Нач.: «Чести всякия превышше имеяй достоинство царю, почитаеши паче всех...». С. 82—114.

«Четверострочия святого Григория Богослова, преведена от еллиногреческаго языка в славенский монахом Арсением Греком на общую ползу». Нач.: «Сущее. Деяние ли предъпочитал бы еси или зрение...». С. 115—168.

Высказывание Григория Богослова «о исповедании». Нач.: «Не медли исповедати свой грех...». С. 169.

Ответ Григория Богослова Филагрию. Нач.: «Филагрию вопросившу о здравии Богослова. Он же отвеща: “Вопрошаеши мя, како живем...”». Л. нн. 1—1 об.

Высказывание Григория Богослова «еже о Кесарии, брате его». Нач.: «Жду архангельского гласа последнюю трубу...». Л. нн. 1 об.

«Главизны» Нила о молитве. Нач.: «Иже хочет благовонный фимиам устроити...». С. 170—178.

«Главы поучительныя», или «притчи» Нила. Нач.: «Начало спасению есть себе самага зазрение...». С. 179—209.

«Главизны» Максима к Елпидию попу «о любви». Нач.: «Любовь убо есть залог души благ...». С. 210—367.

«Стоглав» Геннадия Константинопольского «о вере, еже убо православную веру имети основание добрых дел есть». Нач.: «Веруй во Отца, и Сына, и святаго Духа — троицу неразделну...». С. 368—394.

Беседа Василия Великого о лихоимстве. Нач.: «Сугуб есть вид искушений или убо скорби мучат сердца...». С. 395—421.

Слово Иоанна Златоуста «о еже обаче всеу мятется всяк человек живой». Нач.: «Понуждает недро глубинное рыболовца, егда мрежу въверг...». С. 422—439.

«О молитве святаго Иоанна Златоустаго». Нач.: «Яко же бо телу свет солнце, тако души молитва...». С. 440—441.

Стихотворная молитва Димитрия Кантакузина к Богородице. Нач.: «Всех царя и Бога мати благая...». С. 441—459.

О грехах и добродетелях. Без загл. Нач.: «Зде являем делателно седмь смертныя грехи...». С. 460—477.

«Главы, преведеныя от книги нарицаемья Рай о деянии и житии преподобных отец Нилом иноком, нецыи же глаголют Ионою Геометром, списаны быти ироелеиаци». Нач.: «Яко безсмертна есть читающим полза...». Л. нн. 1—18 об. второго счета.

Сборник переводов Епифания Славинецкого (М., 1665)

Первое предисловие к изданию. Без загл. Нач.: «Во славу человеколюбца единого триипостаснаго Бога, отца и сына и святаго духа, сии богодухновенныя книги великих пастырей церковных...». Л. тит.

Второе предисловие к изданию. Без загл. Нач.: «Ныне же благоволением и помощью Бога отца вседержителя и споспешением едиnorodнаго его сына господа нашего...». Л. тит.—тит. об.

Третье предисловие к изданию. Без загл. Нач.: «А свидетелствованы сия святыя и богодухновенныя книги во типографии...». Л. тит. об.

«Житие Григория Богослова» Григория пресвитера. Нач.: «Созывает убо нас, о мужие, Григорий Великий, иже богословия тезоименитый...». Л. 1—10 об.

Стихи о Григории Богослове. Без загл. Нач.: «Григорий свирилствует богословием духа глубины...». Л. 11 об.

«Иже во святых отца нашего Григория Назианзина Богослова ответное в Понт бегства ради и паки возшествия отгуду по пресвитера хиротонии, в нем же кий священства обет и какову быти подобает епископу, слово 1». Нач.: «Победихся и победу исповедую...». Л. 1—15 второго счета.

«К призвавшим в начале и не срящшим, но еже быти пресвитеру, слово 2». Нач.: «Како косненни на наше слово, о любимици и братие...». Л. 15—16.

«На Иулиана царя обличительное первое, слово 3». Нач.: «Услышите сия вси языцы...». Л. 16—34.

«На Иулиана царя обличительное второе, слово 4». Нач.: «Сия убо моих словес первое тризна скончася и совершися...». Л. 34 об.—41 об.

«Ответное на самыя по възшествии бегства, слово 5». Нач.: «Ничто же крепшее старости...». Л. 42—42 об.

«Григория Назианзина Богослова на Григория епископа Нисскаго, Великаго Василиа брата наставит на хиротонию, слово 6». Нач.: «Любимича верна не есть измена...». Л. 42 об.—43 об.

«Ответное на своего отца Григория, присушу ему Василию, егда епископ хиротонисася Сасимск, слово 7». Нач.: «Паки на мя помазание и дух...». Л. 44—45.

«На отца своего, егда попусти ему пещися назианскою церковию, слово 8». Нач.: «Уста моя отверзох и привлекох дух...». Л. 45—46.

«На словеса и на сравнителя Иулиана, слово 9». Нач.: «Кое мучительство, им же из любве присно мучимся...». Л. 46 об.—49.

«На Кесариа своего брата нагробное, присушым еще родителем, слово 10». Нач.: «Мните мя негли, о любимичи и братие и отцеве...». Л. 49—54.

«На сестру свою Горгонию нагробное, слово 11». Нач.: «Сестру похваляя, своим почюждуся...». Л. 54—58.

«Мирное первое о единении монашествующих по молчании, при присутствии отца своего, слово 12». Нач.: «Решит мой язык усердие...». Л. 58—62 об.

«Мирное 2 на сошествие, еже по крамоле сотворихом единославнии, слово 13». Нач.: «Тепла ревность, кроток дух...». Л. 62 об.—65.

«Мирное 3, глаголанное в Константинограде на бывшее людем любопрение о епископех неких, разнесшихся к друг другу, слово 14». Нач.: «Мир любезный сладко и вещь и имя...». Л. 65—68.

«На отца, молчаща язвы ради града, слово 15». Нач.: «Что решите, чин похваляемый...». Л. 68 об.—72 об.

«Григория Назианзина Богослова о нищелюбии, слово 16». Нач.: «Мужие, братие и соубози нищи бо вси...». Л. 73—81 об.

«К гражданствующим в Нанзианзе ужасающимся и началнику гневающемуся, слово 17». Нач.: «Чревом моим, чревом моим болю...». Л. 82—84 об.

«На святого священномученика Киприана слово, из села по едином памяти дни възшедшу, слово 18». Нач.: «Мало Киприан убеже нас от тщеты...». Л. 84 об.—88.

«На своего отца, в нем же и на Нонну мать утешительное, речесе же при присутствии Василия, на него же и предъначалие творит слова, слово 19». Нач.: «Человече божий и верный рабе...». Л. 88 об.—96 об.

«На Василиа, епископа Кесарии каппадокийския, надгробное, слово 20». Нач.: «Имяше убо многи нам подьлоги словес...». Л. 96 об.—112 об.

«На великаго Афанасиа архиепископа александрийскаго, слово 21». Нач.: «Афанасиа похваляя, добродетель похвалю...». Л. 112 об.—119.

«Григориа Назианзина Богослова на Маккавеи, слово 22». Нач.: «Что же Маккавеи, сих бо настоящее торжество не у многих...». Л. 119—122.

«На Ирона любомудреца, от изгнания възшедшаго, слово 23». Нач.: «Любомудреца похвалю и, аще труждаюся телесем...». Л. 122—126.

«На из Египта пришедшыя, слово 24». Нач.: «Сущыя от Египта провещаю...». Л. 126—128.

«Ко арианом и на себе самаго, слово 25». Нач.: «Где когда суть убожество нам поносяще...». Л. 128 об.—131 об.

«О вразглаголаниих благочинии и яко не всякаго человека ниже всякаго време о Бозе разглаголстовати, слово 26». Нач.: «Понеже соидостесе усердно и многочеловеческое торжество...». Л. 131 об.—137 об.

«На себе самаго и ко глаголющим пожелавати его седалища Константия града, слово 27». Нач.: «Аз чюждуся, что когда есть...». Л. 138—140.

«На себе самаго, из села възшедшаго по бывших по Максиму, слово 28». Нач.: «Желах вас, о чяда, и възжелахся...». Л. 140—143 об.

«О догмате, сиречь о богословии слово 1 и о поставлении епископ, глава 29». Нач.: «Егда вижду нынешнее языкоболение...». Л. 144—146.

«На хиротонию доарийскаго беседа, изданная Евлалиа епископа, слово 30». Нач.: «Приимите наше слово, братие...». Л. 146—146 об.

«На реченное евангелиа, егда сконча Иисус словеса сия и прочая, слово 31». Нач.: «Рыбари предизбрав Иисус и сам мрежествует...». Л. 146 об.—150 об.

«Соборное на 150 епископов присутствие, слово 32». Нач.: «Како вам наша, о любезнии пастырие...». Л. 150 об.—155 об.

«На евномианы предразглаголение, слово 33». Нач.: «Ко во слове художным слово и да от писания начну...». Л. 156—157 об.

«О богословии слово второе, глава 34». Нач.: «Понеже возочистихом словом Богослова...». Л. 157 об.—164 об.

«О сыне слово первое, глава 35». Нач.: «Яже убо рекл бы кто, приседая...». Л. 164 об.—169.

«О сыне слово 2, глава 36». Нач.: «Понеже тебе убо из мыслей извития и плетения довольно растрясохом...». Л. 169—173 об.

«О святом Дусе, слово 37». Нач.: «Убо о сыне слово таково и тако пробеже...». Л. 173 об.—179.

«На богоявления, или рождество Спасово, слово 38». Нач.: «Христос раждается, прославите...». Л. 179 об.—182 об.

«На святых светых появлениях, слово 39». Нач.: «Паки Иисус мой и паки тайна...». Л. 182 об.—186.

«На святое крещение, слово 40». Нач.: «Вчера светлый светов день торжествоваше...». Л. 186 об.—196 об.

«Иже во святых отца нашего Григория архиепископа константинопольскаго Богослова слово 1 на пасху и медление, глава 41». Нач.: «Воскресения день и начало десно...». Л. 196 об.—197 об.

«На святую пасху слово 2, глава 42». Нач.: «На стражи моей стану...». Л. 197 об.—202 об.

«На новую неделю и на весну и на мученика Маманта, слово 43». Нач.: «Обновлением чтится ветхий закон...». Л. 202 об.—205 об.

«На святую пятидесятницу, слово 44». Нач.: «О празднике мала возлюбому мудрствуем...». Л. 205 об.—208 об.

«К Евагрию монаху о божестве, слово 45». Нач.: «Зело же чуждуся и велими удивляюся трезвости...». Л. 209—210.

«Ко Нектарию епископу Константина града, слово 46». Нач.: «Мнится на сухую жизнь оставити...». Л. 210—210 об.

«Знаменание на Езекиила, слово 47». Нач.: «Непщует человека быти словесное...». Л. 211.

«На Аполинария ко Клидонию пресвитеру послание 1, слово 48». Нач.: «Честнейшему и боголюбезнейшему брату и сопресвитеру Клидонию Григорий во Господе радоватися. Хошем уведати, кое новосечение при церкви...». Л. 211 об.—213 об.

«На Аполинария ко Клидонию послание 2, слово 49». Нач.: «Понеже мнози пришедше ко твоему благоговению...». Л. 214—215.

«Метафрасис на Екклесиаста, глава 50». Нач.: «Сия же глаголет Соломон Давыда царя и пророка сын...». Л. 215—220.

Стихи о Василии Великом. Без загл. Нач.: «Василий воистинну великий столп церковный...». Л. 221 об.

«Шестоднев» Василия Великого.

«Беседа 1. В начале сотвори Бог небо и землю». Нач.: «Лепотствующее начало о мира составлении имущу повествовати...». Л. 1—4 об. третьего счета.

«Беседа 2 о еже не видима бе земля и неустроена». Нач.: «Малым утренне в закосневше глаголом...». Л. 4 об.—7 об.

«Беседа 3 о образе бытия». Нач.: «Перваго дне дела, паче же единого...». Л. 8—11 об.

«Беседа 4 о собрании вод». Нач.: «Суть нецыи градове многоразными позорми чудотворении...». Л. 12—14 об.

«Беседа 5 о ращении земли». Нач.: «И рече Бог: “Да прорастит земля...”». Л. 14 об.—18 об.

«Беседа 6 о бытии светил». Нач.: «Борбников зрителю причастится неко-ему подобаше...». Л. 18 об.—24.

«Беседа 7 о плежных». Нач.: «И рече Бог: “Да изведут воды плежная...”». Л. 24—27.

«Беседа 8 о птицах и водных». Нач.: «И рече Бог: “Да изведет земля душу живущую...”». Л. 27—30 об.

«Беседа 9 о земных». Нач.: «Како вам утренняя словес трапеза появися...». Л. 31—34.

«Беседа 10 о устроении человека». Нач.: «Древняго долга отдаение исполнющ гряди...». Л. 34 об.—39.

«Беседа 11 о человека устроении». Нач.: «Мудрый убо Соломон не во уветливых мудрости словесех...». Л. 39—43.

«Во святых отца нашего Афанасия архиепископа александрскаго ко епископом египетским и ливийским послание окружное на арианы первое». Нач.: «Вся убо елика Господь наш...». Л. 1—8 четвертого счета.

«Во святых отца нашего Афанасия архиепископа александрийскаго на арианы слово 2». Нач.: «Ереси убо елики на истинну примыслившыя...». Л. 8 об.—27 об.

«Во святых отца нашего Афанасия архиепископа александрийскаго на арианы слово 3». Нач.: «Аз убо мнех ариенеиства лицемеры...». Л. 27 об.—51 об.

«Во святых отца нашего Афанасия архиепископа александрийскаго на арианы слово 4». Нач.: «Ариоманити, яко мню, усудивше...». Л. 51 об.—70.

«Блаженнаго Иоанна Дамаскина издание опасное православныя веры, яко непостижно божество и яко не подобает искати и испытovati не преданных нам от святых пророков и апостолов и евангелистов». Нач.: «Бога никто же виде когда...». Л. 1—10 пятого счета.

«Книга вторая о веце». Нач.: «Той веки сотвори сый прежде век...». Л. 11—35.

«Книга 3 о божественном строении и тщательстве к нам и нашем спасении». Нач.: «Сим убо прилогом злоначалника демона прелстившася...». Л. 26—41.

«Книга 4 о сущих по востании». Нач.: «По востании же из мертвых вся убо страсти отложи...». Л. 42—58.

Сборник 10 поучений (М., 1643)¹

Почтение патриарха Иосифа «архиереом и священноиноком и мирским иереом и всему священному чину». Нач.: «Слышите убо, сынове и братие о Господе нашего смирения...». Л. 1—15 об.

«Почтение христоролюбивым князем и судиям и всем православным христианом». Нач.: «Всем человеком сущым во благочестии христианьскаго рода правоверныя веры в блазе образе...». Л. 16—25 об.

«Слово Сирахово на немилостивыя судии и князи, иже неправдою судят». Нач.: «Слышите, судии и князи, разумеите, внушите, держащии власть...». Л. 25 об.—26 об.

«Слово о гордости». Нач.: «Величаешия силою и властию, то кая есть сила, повеждь ми, или власть...». Л. 26 об.—27.

«Слово о судиях и о властелех, емлющих мзду и неправду судящих». Нач.: «Слышите, судии земли всяя, сице глаголет Господь...». Л. 27 об.—28.

«Слово Аввакума пророка на обидящыя и насильствующыя». Нач.: «Видите, обидливи, смотрите и чюдитесь чюдеси...». Л. 28—28 об.

«Слово святаго Василия о судиях и о властелех». Нач.: «Святыи великии Константин рече власть держащым...». Л. 29—38.

Слово Иоанна Златоуста о милостыни, «како подобает от праваго труда творити милостыню, а не от лихоимьства». Нач.: «Рече Господь: “Сотворите себе други от мамоны неправеднаго, да примут вы...”». Л. 38 об.—40 об.

«Посем еще паки рцем к чистителем иереом христианскаго народа». Нач.: «Слышите убо еще, сынове и братие, о Господе нашего смирения...». Л. 40 об.—45 об.

«Правило святых апостол и святых отец вселеньских учителей». Нач.: «Заповедаем же иереом и всем ведящым книги, егда убо хотят исповедатися...». Л. 45 об.—48.

Сборник 71 слова (М., 1647)

Загл.: «Книга глаголемая Соборник, юже о Бозе починаем от недели мытаря и фарисея до недели всех святых».

Слово Иоанна Златоуста о мытаре и фарисее. Нач.: «Видящии травник издалеча мечетную видят красоту цветия...». Л. 1—5 об.

Слово Кирилла Александрийского «от евангельскаго указания евангелиста Луки». Нач.: «Яко же в чювственных садах различнии плоди суть...». Л. 6—7 об.

¹ Сборник описал и определил дату его выхода А. А. Булычев на основании следующего документального свидетельства: «В нынешнем во 151-ом году августа в 9 день начаты печатать книги Патриашее поучение в 3 страны. А в заводе 1200 книг. А из дела те книги вышли нынешнего 151 году августа в 24 день» (РГАДА, ф. 1182, опись 1, № 34, л. 70 об.).

Толкование Григория Двоеслова евангельской притчи о блудном сыне. Нач.: «Возлюбленнии, послушайте самого Христа, о покаянии глаголюща притчю...». Л. 7 об.—9 об.

Слово Иоанна Златоуста «в неделю о блудном сыне». Нач.: «Присно убо Божие человеколюбие проповедати должни есмы...». Л. 9 об.—17 об.

Слово Иоанна Златоуста «еже о умерших не скорбети». Нач.: «Принесем в день сей прежде древних дней спешнее слово...». Л. 18—30.

Слово Иоанна Дамаскина «о иже в вере усопших, яко о них бываемыя службы и благотворения пользует их». Нач.: «Яже от снедей чистая и сладкая предлагаема множицею...». Л. 30 об.—45.

Слово Григория Богослова «о нищелюбии». Нач.: «Мужие и братие и собозии, нищии бо вси...». Л. 45 об.—108.

Слово Кирилла Александрийского «о исходе души от тела и о втором пришествии». Нач.: «Боюся смерти, яко горка ми есть...» Л. 108 об.—119 об.

Слово Ипполита Римского «о скончании мира и о антихристе и о втором пришествии господи нашего Иисуса Христа». Нач.: «Понеже убо блаженнии пророцы очи нам быша...». Л. 120—140.

Слово Палладия мниха «о втором пришествии Христе и о Страшном суде и о будущей муце и о умилении души». Нач.: «Ныне исповеждься, душе, и ныне умилися...». Л. 140 об.—158.

Беседа Василия Великого «о благодарении в понедельник сырный». Нач.: «Слышасте ли глаголы апостола, их же к солуняном глаголет...». Л. 158—167.

Слово Василия Великого «о еже внимай себе». Нач.: «Слова потребу дал есть нам создавый нас Бог...». Л. 167—176 об.

Слово Василия Великого «о утверждении мира и совершении духовнем». Нач.: «Приидете ко мне вси труждающиися и обременении...». Л. 176 об.—187 об.

Слово Василия Великого о посте. Нач.: «Молите, молитесь, люди моя...». Л. 188—194 об.

Слово Иоанна Златоуста «от евангельских святых указании». Нач.: «Убоимся убо могущаго и душу и тело погубити...». Л. 195—202 об.

Слово Анастасия Синайского о шестом псалме. Нач.: «Подобающее начало прилежнаго покаяния обдержити...». Л. 203—216 об.

Слово Василия Великого о посте. Нач.: «Вострубим, рече, на нов месяц трубою...». Л. 217—226 об.

Похвала Анастасия Синайского «о отшедших отцех». Нач.: «Что се день, возлюбленнии, со тщанием, купно же и достойно собрахомся...». Л. 227—231 об.

Похвальное слово Григория мниха «древле в посте просиявшим преподобным отцем». Нач.: «Хотящу ми к похвале отец язык подвигнути...» Л. 232—256.

Слово Григория Богослова «о отце молчаще язвы ради града». Нач.: «Что разоряете чин похваляемый...». Л. 256—291 об.

«Мучение» Феодора Тирона. Нач.: «Максимиан и Диоклитиан, незаконная царя, посласта по своему царьству...». Л. 291 об.—295 об.

«Исповедание» Нектария Константинопольского о памяти Феодору Тирону. Нач.: «Яко много множество благостыни твоя, Господи...». Л. 295 об.—301.

«Епистолия» Григория Двоеслова к царю Льву об иконах. Нач.: «Грамоты вашего богохранимаго царства и о Христе братии прияхом от Августолия...». Л. 301—307.

«Епистолия» Григория Двоеслова к царю Льву об иконах. Нач.: «Грамоты вашего царства и о Христе братии прияхом от Руфина...». Л. 307—313 об.

Слово Германа Константинопольского о кресте, иконах «и на еретики». Нач.: «Понеже убо мнози от иже безумие и безъсловесне еретичествующих...» Л. 313 об.—321 об.

Слово Иоанна Дамаскина об иконах и «на вся иконоборцы». Нач.: «Понеже убо мнози начаша съчиневати повесть...». Л. 322—338.

«Сказание известно» о чудесах иконы Богородицы, «яже и римляныни нарицатися обыкши». Нач.: «Вся убо летом и елика под летом по роде и роде бываемая...». Л. 338 об.—359.

Из книги Иоанна Дамаскина «Небеса». «О поклонянии на восток и о кланяющихся на восток». Нач.: «Ни просто, ни без разсмотрения и разсуждения, ни без ума на восток поклоняемся...». Л. 359 об.—360.

«Многосложный свиток» патриархов к греческому царю Феофилу об иконах. Нач.: «Еже от высочайшия десницы Божия всемогущия вышняго царя царем... Понеже убо пресущественны и пребожественны и пребезначалны Божии отечь устав...». Л. 360 об.—392.

Слово Иоанна Златоуста о покаянии и о Авеле, пророке Данииле, царе Ахаве и пр. Нач.: «Видесте ли во ону неделю борение и победу...». Л. 392 об.—398 об.

Слово Иосифа Фессалоникийского на поклонение креста. Нач.: «Креста предлежит днесь торжество...». Л. 399—403.

Слово Феодора Студийского на поклонение креста. Нач.: «Радости день и веселия, яко знамение радости предъста...». Л. 403—406 об.

Слово Иоанна Златоуста о покаянии, «в нем же воспомяну и вся страсти человеческия». Нач.: «Присно убо поминати Бога добро и зело благо...». Л. 407—436 об.

Слово Кирилла Туровского «о души человечестей и телеси». Нач.: «Добро убо, братие, и зело полезно, еже разумети нам божественных писании учение...». Л. 436 об.—447 об.

Слово Иоанна Златоуста «как с разумом искати спасения». Нач.: «Приимем, братие, от хранилищи сея некое чювьство пользы духовныя...». Л. 448—452.

Иоанна Златоуста «повесть душеполезна в чину притчи о дворе и о змии и что есть житие сие настоящее всякого человека». Нач.: «Вся убо, возлюбленнии, яже во времена архиереи же и пастыри...». Л. 452 об.—460.

Слово Тимофея Иерусалимского «о востании еже от мертвых четверодневнаго Лазаря». Нач.: «Вечерю ныне днесь предълагает многоценную Лазарь...». Л. 461—465 об.

Похвала Иоанна Златоуста «о четверодневном Лазари». Нач.: «Христова воскресения се предтчет светозарное торжество...». Л. 465 об.—467 об.

Слово Кирилла Александрийского «во святую неделю цветоносную». Нач.: «Царьский днесь вернии приход празднующе...». Л. 467 об.—476.

Слово Тита Всторского о просвещении Лазаря. Нач.: «Яко же неизмеримая глубина точит без зависти источники вод...». Л. 476 об.—483.

Слово Кирилла Туровского «от сказания евангельскаго». Нач.: «Велика и ветха сокровища, дивно и радостно откровение...». Л. 483—486.

Слово Иоанна Златоуста «в неделю цветоносную». Нач.: «От чудес на боольша чудеса Господня приидем, братие...». Л. 486 об.—489 об.

Слово Иоанна Златоуста об иссохшей смоковнице. Нач.: «Яко же убо видя дуб цветущ или источник силне текуць...». Л. 490—493 об.

Слово «о смокви, и о жене блудницы, и беседе ея лестней, о змии». Без автора. Нач.: «Прииде к смокви Господь, си смоквь образ приношаше широкаго и пространнаго пути...». Л. 493 об.—495.

Слово Иоанна Златоуста «о реченем: “Отче, аще мощно, чаша си да преидет от мене”». Нач.: «При всем уподобишася церковнии учителя матери чадолюбивей...». Л. 495 об.—501 об.

Слово Иоанна Златоуста о собрании евреев на Христа. Нач.: «Уподобишася церковнии кормници детем, иже млеко по вся дни пищу себе съсуть...». Л. 501 об.—504 об.

Слово Иоанна Златоуста «о десяти девах, и о милостыни, и о покаянии, и о молитве». Нач.: «Весте ли убо, откуда нам речь начася исперва или где оставися...». Л. 504 об.—514 об.

Слово Евсевия Самосадского о сошествии Иоанна Предтечи во ад. Нач.: «Возлюбленнии, добро есть рещи, каково есть благовещение Предтечи во аде...». Л. 514 об.—523 об.

Слово Иоанна Златоуста о зависти. Нач.: «Елико вас Илиини ученицы есте, иже убогия трапезы вдовичи не похули...». Л. 523 об.—528 об.

Слово Ефрема Сирина о блуднице. Нач.: «Мнозем святым, сущим достойно похваляющим...». Л. 528 об.—536 об.

Слово Иоанна Златоуста о покаянии и умилении, «в нем же повесть о Араве-блуднице». Нач.: «Всегда ублаженны апостол, божественны небесныи приемля язык...». Л. 537—550 об.

Слово Иоанна Златоуста о предательстве Иуды «и еже не поминати зла». Нач.: «Мала нужда днесь к вашей любви совещаи...». Л. 551—561.

Слово Иоанна Златоуста «егда умы Христос нозе учеником своим на вечери». Нач.: «Милость Божию и человеколюбие проповедает вся тварь...». Л. 561—564 об.

Слово Иоанна Златоуста «о кресте и о отвержении Петрове». Нач.: «Потребно есть в сие время долг Иовов воздати...». Л. 564 об.—569 об.

Слово Георгия Никомидийского «о еже стояху при кресте Иисусове матери его и сестра матери его». Нач.: «Высочайшее нам востекая слово горе бывшия трубы шум к себе всю созывает тварь...». Л. 569 об.—586 об.

Слово Иоанна Златоуста о распятии Христовом и похвала кресту. Нач.: «Прииди днесь, о блаженныи Павле, риторская оставив лестная словеса...». Л. 587—593 об.

Слово Иоанна Златоуста «о страсти Христове и о положении во гроб». Нач.: «На утрия, еже есть по пятце, собращася архиерее и фарисее...». Л. 593 об.—598.

Слово Иоанна Златоуста «во святую и великую субботу». Нач.: «Велика убо тварь небо...». Л. 598 об.—601 об.

Слово Епифания Кипрского о погребении тела Иисуса Христа. Нач.: «Что се днесь безмолвие многое на земли...». Л. 602—615 об.

Слово Григория Богослова на пасху «и на опоздание». Нач.: «Воскресения день и начало десно...». Л. 616—631.

Слово Григория Богослова на пасху. Нач.: «На стражи моей стану, — рече чудный Аввакум...». Л. 631—737.

Слово Григория Богослова о весне, о мученике Мамонте и о обновлении. Нач.: «Поновления чтатися ветхий закон и добру имеющ...». Л. 737—766.

Слово Кирилла Туровского о снятии тела Христова со креста и о мироносицах и похвала Иосифу. Нач.: «Праздник от праздника честнейшии приспел есть...». Л. 766 об.—774.

Слово Иоанна Златоуста «о расслабленом и еже не судити на лица». Нач.: «Яко же светел месяц ночью тму обеляя иже по земли ходящим...». Л. 774 об.—780.

Слово Иоанна Златоуста «о жене самаряныни». Нач.: «Днесь владыка Христос, податель благодати, благодатныи творец...». Л. 780—783 об.

Слово Иоанна Златоуста об исцелении слепца Христом. Нач.: «Многа и различна суть святых книг учения...». Л. 784—800.

Слово Иоанна Златоуста на вознесение Христа. Нач.: «Светлое ми сие церковное позорище не смех бо человеком творит суетен...». Л. 800—802 об.

Слово Кирилла Туровского «о воскресении всероднаго Адама из ада». Нач.: «Прииди убо ныне, духом священнии пророче Захарие...». Л. 803—807.

Слово Кирилла Туровского на собор 380 отцов и похвала отцам никейского собора. Нач.: «Яко же ритори и витии, рекше летописци и песнотворци приклянут своя слухи в бывшия преже между царей рати и ополчения...». Л. 807—813.

Слово Григория Богослова «на святую пятидесятницу». Нач.: «О празднице мало да любопремудствуем...». Л. 813 об.—863 об.

Похвала Иоанна Златоуста всем святым. Нач.: «Радуйся, раи, и ты, едеме, веселися...». Л. 864—874 об.

Послесловие к изданию. Загл.: «Описание сея глаголемыя книги Соборника». Нач.: «Понеже благии и премилостивый Бог наш не восхоте благодости своей в молчании быти...». Л. 875—881 об.

Сборник слов о поклонении иконам (М., 1642)

Загл.: «Книга слова избранныя святых отец о поклонении и о чести святых икон».

Глава 1. Слово греческого царя Константина Порфирогенита, «повесть от различных собрана историй» об изображении Христа на льняной ткани и перенесении «нерукотвореннаго образа» из Едеса в Константинополь. Нач.: «Не убо един сам непостижим бе, соприсносущныи отцу Бог-слово...». Л. 1—38.

Глава 2. Первая «епистолия» Григория Двоеслова к царю Льву Исаврянину об иконах. Нач.: «Грамоты вашего богохранимаго царьства и о Христе братии прияхом от Августолия...». Л. 38 об.—52.

Глава 3. Вторая «епистолия» Григория Двоеслова к царю Льву об иконах. Нач.: «Грамоты вашего царства и о Христе братии прияхом от Руфина...». Л. 52 об.—67.

Глава 4. Слово Германа Константинопольского о кресте, иконах и «на еретики». Нач.: «Понеже убо мнози о иже безумне и безъсловесне еретичествующих...». Л. 67 об.—86.

Глава 5. Слово Иоанна Дамаскина к царю Константину Копрониму о поклонении иконам и «на вся иконоборцы». Нач.: «Понеже убо мнози начаяша съчиневати повесть по блаженнаго апостола Луки...». Л. 87—124.

Глава 6. Слово 41 Иоанна Дамаскина о поклонении иконам. Нач.: «Иже убо зазирают нас, кланяющимся нам и чтущим...». Л. 124 об.—133.

Глава 7. Слово 40 Иоанна Дамаскина о поклонении мощам. Нач.: «Почитати святых достойно есть...». Л. 133 об.—140 об.

Глава 8. «Сказание еже о чести и поклонянии святых икон, избрано от многих божественных писаний» Нач.: «Мнози глаголют иконоборцы в своих писаниих...». Л. 141—155 об.

Глава 9. «Многосложный свиток» патриархов к греческому царю Теофилу о поклонении иконам. Нач.: «Еже от высочайшия десницы Божия всемогущия вышняго царя царем... Понеже убо пресущественни и пребожественни и пребезначални Божии отець устав...». Л. 156—231.

Глава 10. «Сказание известно» о чудесах иконы Богородицы, «яже и римляныни нарицатися обыкши». Нач.: «Вся убо летом и елика под летом по роде и роде бываемая...». Л. 232—280 об.

Глава 11. Из книги «Небеса» Иоанна Дамаскина о поклонении на восток. Нач.: «Не просто, ни без разсмотрения и разсуждения, ни без ума на восток поклоняемься...». Л. 281—283.

Глава 12. Обличительное слово Зиновия Отенского «на ересь новых развратников православныя христианския веры Лютора, глаголю, и Калвина и на Феодосия чернца рекомаго Косого». Нач.: «Глаголют еретицы: “Посему ложни учителя русьстии епископы и попы...”». Л. 1—164 об. второго счета.

Первое послесловие к изданию. Без загл. Нач.: «Благоволением Бога отца вседержителя и съспешением сопрестолнаго единароднаго сына его...». Л. 165—168.

Второе послесловие к изданию. Без загл. Нач.: «Слава иже в троице славимому Богу нашему, о нем же всяко благое дело начало приемлет...». Л. 169—169 об.

«Скрижаль» (М., 1655—1656)

«Предисловие к читателю» 1655 г. октября. Нач.: «Чин благолепый, пресущественным манием Божиим в небесном священноначалии благоучиненный...». С. 1—18 второго счета.

«Слово отвещателно к читателем книги сея, толкования святыя литургии и прочих церковных таинств великаго государя святейшаго Никона архиепископа московскаго и всея Великия, и Малыя, и Белья России патриарха...» 1656 г. июня 2. Нач.: «Зазираху иногда нашему смирению, мне, Никону патриарху, приходящии к нам в царствующий град Москву потреб своих ради святыя восточныя церкви святейшии вселенстии патриарси...». Л. 1—21.

«Скрижаль». С. 1—773 третьего счета.

«Предзрение главизное на едину куюждо бываемых скрижалей и таинств в божественном священнодействии собранное от Иоанна иерея Нафанаила. Глава 1». Нач.: «Мнози христиане приходят в церковь с великим желанием и благоговением...». С. 1—22 третьего счета.

«Никифора Ксанфопула толкование в честнейшую к священномонаху и еклисиарху господину Неофиту от Одигитрии. Глава 107». Нач.: «Ни же дерзновение твое могу похвалити, ни же дерзость мою приемлю...». С. 604—682 третьего счета.

Послание Паисия Константинопольского патриарху Никону «о неких нужнейших винах церковных». Нач.: «Преблаженнейшему и благочестивейшему патриарху московскому, Великия же и Малыя России и многих епархий сущих по земли и по морю всея северныя страны господину Никону... Многое благодарение дахом и даем на всяк день Богу, отнеле же прияхом грамоты преблаженства твоего...». С. 639—755 четвертого счета.

Вопрос патриарха Никона к Макарию Антиохийскому «о еже како персты десници имети, ими же вообразати на лице образ креста». Нач.: «Понеже убо избра нас святыи Дух и освати его благодать в служение и строение таин его...». Л. нн. 1—3 об.

Ответ Макария Антиохийского патриарху Никону. Нач.: «Предание прияхом с начала веры от святых апостолов...». Л. нн. 3 об.—5 об.

О соборе «о крестном изображении». Нач.: «Сея же ради епистолии восточныя церкви константинопольскаго фрону архиепископа Паисии...». Л. нн. 6—7 об.

«Дамаскина, монаха, иподиакона и студита, слово в поклонение честнаго и животворящаго креста». Нач.: «Уподобляется днешний святыи день, благословении христиане...». С. 756—789.

«О еже коими персты десныя руки изображати крест». Нач.: «Елика убо вещь велицей чести припрягается...». С. 790—817.

«Николаа священнаго малакса протопопа наиплийскаго о знаменовании соединяемых перстов...» Нач.: «Правость указателнаго перста и косвенство средняго...». Л. нн. 1—2 второго счета.

Сказание Максима Грека «о еже како подобает известно и твердо блюсти символ, сиречь исповедание православныя веры». Нач.: «Другу возлюбленному Максим монах радоватися во Господе. О нем же спросился еси со мною...». С. 818—829.

Заключение издателей к сочинению Максима Грека и предисловие издателей к сочинению Зиновия Отенского. Без загл. Нач.: «И о сем убо довольно есть в научение наше слово сие премудраго Максима... А яко в греческом символе писано древле и ныне...». С. 829.

«От книги монаха Зиновиа, бывша ученика премудраго Максима Грека, яже написана во обличение ереси Феодосия Косого, иже бысть в лето 7060. Глава 51». Нач.: «Вопроси мя Захария клирик, глаголя: “В символе ови глаголют...”». С. 830—832.

«Того же от 46-го слова». Нач.: «Святой седмый вселенский собор заклал непроста всяку книгу не писати...». С. 832—839.

Свидетельства «о еже како опасно хранити подобает образ веры». Без загл. Нач.: «К сему же долженствуется употребити во свидетелство известное...». С. 839—868.

«Соборное деяние» 1654 г. Нач.: «Благочестиваго и боговенчаннаго великаго государя царя и великаго князя Алексея Михайловича...». С. 1—59 пятого счета, л. 1—3 об. второго счета.

«Возглашение» патриарха Никона царю Алексею Михайловичу и всему собору. Нач.: «Ничто же ино богоугодное есть...». С. 3—8.

«Соборное деяние, еже бысть в Константинополи» 1593 г. Нач.: «Святому и священному великому собору во имя господа Бога и спаса нашего Христа собравшуся во храме...». С. 9—44.

Вопросы и ответы Афанасия Александрийского Антиоху «о множайших и нужных вопросах, в божественных писаниях недоумеваемых». Нач.: «Веро-ваше и крестившеся в Троицу единосущную...». С. 1—232 шестого счета.

Вопросы и ответы Афанасия Александрийского, толкования евангельских притч. Нач.: «Идите во преднюю весь и обрящете человека, в скудели воду носяща...». С. 1—144 седьмого счета.

Вопросы и ответы Афанасия Александрийского «о Божестве и о воплощении сына Божия». Нач.: «Бог есть существо умное, невидимое и несказанное...». С. 146—195.

Гавриила Филладельфийского «сочинение о святых тайнах». Нач.: «Великая суть благоденствия и дары великаго Бога и отца...». С. 1—200 восьмого счета.

Послесловие к изданию. Без загл. Нач.: «Богу в Троице славимому, Отцу и Сыну и святому Духу честь, слава и поклонение, дававшему начати, творити же и совершити книги сия, преложенныя ново с греческаго диалекта на славенский...». Л. нн. 1—1 об. третьего счета.

«Слово на Никиту Пустосвята» патриарха Иоакима (Пространная редакция. М., 1682)²

Нач.: «Понеже вседержавный всех сущих тварей владыка Иисус Христос...». Л. 1—30.

Покаянное послание Никиты собору 1667 г. Без загл. Нач.: «Аз, окаянный и многогрешный Никита, прежде бывый иерей соборныя церкви Суждаля града...». Л. 8 об.—12.

² В краткой редакции «Слова на Никиту» 1682 г. нет покаянного послания, разрешительной грамоты, челобитной вселенским патриархам.

Разрешительная грамота собора Никите 1668 г. ноября 15. Без загл. Нач.: «175-го ноемврия в 15 день всесвященный собор россиянии архиереи ... собравшеся слушахом...». Л. 12 об.—20.

Челобитная Никиты вселенским патриархам и собору. Без загл. Нач.: «Государю святейшему кир Паисию папе Александрии и судии вселенскому...». Л. 20—22 об.

Челобитная Никиты патриарху Иоакиму 1681 г. Без загл. Нач.: «Великому господину святейшему Иоакиму патриарху...». Л. 23—24.

Служба, житие и слово на Иоанна Воина (М., 1695)

«Слово о житии и чудесех святого мученика Иоанна Стратилата и Воина...» Нач.: «Егда царь израилев Соломон свыше богодарованную премудростию в чудесных деланиях всетворца нашего Бога поучавашеся...». Л. 35—62 об.

«Слово на святого Иоанна Стратилата. Едино же есть на потребу». Нач.: «Слова самого господя нашего Иисуса Христа от евангелиста Луки глава 10. Многия потребности в препровождение жития нашего в мире сем имама...». Л. 63—68.

«Стихи изъясвительнии службосоделования». Нач.: «Хвалити Бога о всем подобает...». Акростих: «Худ Карион Истомин ВССИВ». Л. 68 об.

Службы, житие и чудеса Николы Мирликийского (М., 1640)

«Житие и жизнь и отчасти чудес сказание» Николы Мирликийского. Нач.: «Мудра некая вещь живописец рука и могущи уподобитися истинне...». Л. 1—153 второго счета.

«Отселе чудеса святого Николы, яже по преставлении его бывшая в различная времена. Чудо святого Николы о Петре воеводе, его же ис темницы избави от срацын и приведе в Рим». Нач.: «Се паки дивно чудо поведаю вам, братие...». Л. 51 об.—60 об.

«Чудо святого Николы о муже, утопшем в море». Нач.: «Ни же по кончине забывая паству...». Л. 60 об.—65 об.

«Чудо святого Николы о неповинном отроце в татьбе». Нач.: «Ино чудо хочу вы сказати ныне, любимая братия и отцы...». Л. 65 об.—73 об.

«Чудо святого Николы, сотворившееся во граде Киеве» «о утопшем детище». Нач.: «Воистину должны есмы глаголы господня творити...». Л. 73 об.—80 об.

«Чудо святого Николы о половъчине, сотворшееся во граде Киеве». Нач.: «Во граде Киеве некто бяше человек целомудрен и смыслен...». Л. 80 об.—91.

«Чудо святого Николы о срацынине, его же избави ис темницы святым Георгием...» Нач.: «В Кипръстем острове пришедше от Крита ратнии воевати...». Л. 91—94 об.

«Чюдо святого отца Николы о Димитрии, его же избави изо дна моря». Нач.: «Человек некий живыи в Конъстантине граде...». Л. 94 об.—98.

«Чюдо святого Николы о Симеоне». Нач.: «Послушайте, чяда моя, молю вы, да вы повем...». Л. 98 об.—100 об.

«Чюдо святого Николы о Василии сыне Агрикове». Нач.: «Агрик некто именем живыи во стране антиохийстей...». Л. 101—111 об.

«Чюдо святого Николы о юноше Николе же именем». Нач.: «Ино чюдо поведати хошу вам...». Л. 111—114 об.

«Чюдо святого Николы о некоем иереи именем Христофоре». Нач.: «Аз вам, братие, не умолчу и сего...». Л. 114 об.—117 об.

«Чюдо святого Николы о ковре». Нач.: «Понеже убо слышахом святого Духа пророком глаголюща...». Л. 118—125 об.

«Чюдо новейшее святого Николы о царе Стефане сербском, иже в Дачянех, како дарова ему очи иже на длане. Списано Григорием, мнихом и презвитером, игуменом бывшим тоя же обители». Нач.: «Беяше и се великаго и славнейшаго сербскаго языка...». Л. 126—134 об.

«Ино чюдо святого Николы о том же царе Стефане». Нач.: «Что еже отсюду пятое лето тогова пребывания тамо уже совершишяся...». Л. 134 об.—149 об.

«Чюдо святого чудотворца Николы о обнищавшем монастыре, его же обогати златом». Нач.: «Бе некий человек богат зело и милостив к нищим...». Л. 150—153.

Похвальное слово на память Николы Мирликийского. Нач.: «Се наста, братие, светлое празднество предивнаго отца нашего чудотворца Николы...». Л. 153—162.

Слово на пренесение мощей Николы Мирликийского. Нач.: «Присно убо должни есмы, братие, праздники Божия духовно праздновати...». Л. 163—171 об.

Похвальное слово на пренесение мощей Николы Мирликийского. Нач.: «Да се ведуще, братие, всякия злобы оставляйтеся...». Л. 171 об.—175 об.

Послесловие к изданию. Без загл. Нач.: «Иже неизреченною мудростию в троице славимыи Бог утверди небеса и в них солнце...». Л. 176—177 об.

Службы, житие и чудеса Николы Мирликийского (М., 1643)

«Сказание въкратце, предисловие о чудесех иже во святых отца нашего Николы Мир ликийских чудотворца». Нач.: «Дивнаго сего и многочислеснаго святого архиерея Божия, великаго святителя и славнаго иже во святых отца нашего и чудотворца Николы о рождении и о воспитании...». Л. 65—66 об.

«Житие и жизнь и отчасти сказание о чудесех» Николы Мирликийского. Нач.: «Мудра убо некая вещь бывает живописующих рукою, ею же образа начертание истинны...». Л. 64₂—66₂, 67—

«Сказание о трех девицах». Нач.: «Отселе убо лепо есть еже и по части сказати добродетели святого...». Л. 73—79.

«О шествии святого отца Николы еже в Палестину». Нач.: «Некогда лучи-ся святому отцу Николе изыти в Палестину...». Л. 79 об.—84.

«О поставлении во епископство святого отца Николы». Нач.: «Попремно-гу убо иже вышний промысл устраяи вся...». Л. 84 об.—89.

«О велицем же отце Николе, како темницу прият и многа зла претерпе от христоненавистных мучителей». Нач.: «Преспевающе убо в словеси и прочая речем еже о велицем его преподобии...». Л. 89 об.—92 об.

«О разорении храма Артемиды богини еллинския». Нач.: «Бяху же тогда и еще идольская требища многа...». Л. 92 об.—94.

«О хождении на I вселенский собор святого отца Николы». Нач.: «Тогда убо Коньстантину первому благочестивому царю уже римскую власть правящу...». Л. 94—95 об.

«О гладе, бывшем в стране ликийстей». Нач.: «Некогда убо ликийскую страну гладу немалу обдержашу...». Л. 96—96 об.

«Сказание о трех мужех, како святыи Никола избавил их от напрасныя смерти». Нач.: «Некогда убо мятежь възста в велицей Фригии...». Л. 97—101 об.

«Чюдо святого Николы о трех воеводах, како их от смерти избави». Нач.: «Послании же воеводы, иже с ним на позор приидоша...». Л. 101 об.—111 об.

«Чюдо святого отца нашего Николы, како избави корабль от потопа». Нач.: «Некогда убо корабленицы от Египта шествие сотворяюще...». Л. 112—115.

«О преставлении святого Николы чудотворца». Нач.: «И тако святыи Божии угодник великии архиереи Николае поживе...». Л. 115—116 об.

«О погребении святого отца Николы и о чюдеси его, како корабль избави от бесовьскаго умышления». Нач.: «Соберитесь отцы и просветите церковь, притецйте священницы...». Л. 116 об.—122.

«Похвала иже во святых отцу нашему в чюдесех великому Николе, архи-епископу мирскому, чудотворцу». Нач.: «Кто тя возможет от человек земных похвалити по достоянию...». Л. 122—130.

«Сказание повести еже о пренесении честных мощей» Николы Мирли-кийского. Нач.: «Присно убо в памяти имети Бога добро и зело благо и празд-ники Божия в чести творити...». Л. 130—140.

«Похвала на пренесение честных мощей» Николы Мирликийского. Нач.: «Во истину убо едина добродетель достойна есть всякому похвалению и при-сному ублажению...». Л. 140—144 об.

«Повесть о чюдеси святого отца Николы, яже о Агрикове сыне Василии». Нач.: «Не мноу праведно, ни же достойно и се умолчати, еже о чюдеси святого

и преподобнаго отца нашего Николы. Бяше бо некий мужь именем Агрик, добродетелна и благоговейна жительства...». Л. 144 об.—151.

«Чюдо о Христофоре попе, како святыи Николае избавил от посещения меча». Нач.: «В древних убо временех аравитянин бысть иерей некий...». Л. 151—153 об.

«Чюдо о некоем срацынине, его же святыи Николае ис темницы исхити». Нач.: «Чюдно убо показуется слово проповеди, еже от некоего мужа боголюбива слышах. Бе убо при мори, рече, еллинеск град...». Л. 153 об.—158 об.

«Чюдо о трех иконах святого отца Николы». Нач.: «Праведно убо мно и се изъглаголати, еже бысть в царство благочестиваго царя Леонтия...». Л. 159—165.

«Чюдо о Петре, некоем военачалнице, его святыи Никола ис темницы избави». Нач.: «Многажды убо нам и скорби к лучшей жизни бывают...». Л. 165 об.—171 об.

«Чюдо о некоем мужи Димитрии, его же святыи Николае избави от потопления». Нач.: «Добро есть божественное писание всем проповедати верным...». Л. 172—174 об.

«Чюдо о некоем детищи утопшем, его святыи Никола жива сохрани». Нач.: «Кто убо слышав и не подивится великим и толико многим чудесем святого отца Николы...». Л. 175—179 об.

«Чюдо о Стефане царе сербьском, како ему святыи Никола по ослеплении очи на длани показа». Нач.: «От корене убо блага многоплодна же и ветвь разумнаго удобрения процвете...». Л. 180—187 об.

«Чюдо о том же царе Стефане, како святыи Никола первый свет ему дарова». Нач.: «Мало умолчавше zde о блаженнем Стефане и паки проповедь великаго страдалца изъяснити потщимся...». Л. 188—201 об.

«Чюдо святого Николы о муже, утопшем в море». Нач.: «Ни же по кончине забывая паству...». Л. 201 об.—206 об.

«Чюдо святого Николы о неповиннем отроце в татьбе». Нач.: «Ино чюдо хошу вы сказати ныне, любимая братия и отцы...». Л. 206 об.—214 об.

«Чюдо святого Николы о половчине, сотворшееся во граде Киеве». Нач.: «Во граде Киеве некто бяше человек целомудрен и смыслен...». Л. 214 об.—225.

«Чюдо святого Николы о Симеоне». Нач.: «Послушайте, чяда моя, молю вы, да вы повем...». Л. 225—227.

«Чюдо святого Николы о юноше Николе же именем». Нач.: «Ино чюдо поведати хошу вам...». Л. 227 об.—230.

«Чюдо святого Николы о ковре». Нач.: «Понеже убо слышахом святого Духа пророком глаголюща...». Л. 230 об.—238.

«Чюдо святого чудотворца Николы о обнищавшем монастыре, его же обогати златом». Нач.: «Бе некий человек богат зело и милостив к нищим...». Л. 238 об.—241 об.

Послесловие к изданию. Без загл. Нач.: «Иже неизреченною мудростию в троице славимый Бог утверди небеса и в них солнце...». Л. 242—243 об.

Службы, жития и чудеса Сергия и Никона Радонежских (М., 1646)

«Сказание о житии и о чудесех преподобнаго и богоноснаго отца нашего игумена радонежскаго чудотворца. Списано бысть от премудрейшаго Епифания». Нач.: «Слава Богу о всем и всяческих ради...». Л. 1—175, нн. 1—2.

Послание Филофея Константинопольского Сергию Радонежскому. Нач.: «Милостию Божию архиепископ Константин града... Слышахом убо еже по Бозе житие твое добродетельно...». Л. 73—73 об.

«Глава 22. О победе еже на Мамае и о монастыре еже на Дубенке». Нач.: «Бысть убо Богу попушающу за грехи наша, еже слышано бысть, яко ординьский князь Мамай въздвиже силу велику...». Л. 86—88.

«Глава 85. Чюдо о жене, сотворшей пелену в лета 7153-е (1645 г.) июня в 6 день». Нач.: «Во дни благочестиваго государя царя и великаго князя Михаила Феодоровича...». Л. 158—159.

«Глава 86. Слово похвално преподобному отцу нашему Сергию. Сотворено бысть учеником его священноиноком Епифанием». Нач.: «Тайну цареву добро есть хранити, а дела Божия проповедати преславно есть...». Л. 159 об.—164 об.

Дополнительное чудо, напечатанное по повелению патриарха Иосифа. Загл.: «Чюдо о явившейся воде тоя же обители у церкви пресвятыя Богородицы». Нач.: «В лето 7152-го обители живоначальные Троицы и преподобнаго чудотворца Сергия у каменные церкви...». Л. нн. 1—2.

«Житие и подвизи преподобнаго отца нашего игумена Никона, ученика блаженнаго Сергия чудотворца». Нач.: «Кто убо исповедати возможет многая и великая Божия дарования...». Л. 176—192.

Первое послесловие к изданию. Без загл. Нач.: «Всемогущая и животворящая святая Троица и единосущная неодолима держава и неразделимое царство...». Л. нн. 1—1 об. второго счета.

Второе послесловие к изданию. Без загл. Нач.: «Прочее убо всех и повсюду православных молит наше неможение и нищета ума нашего...». Л. нн. 2.

«Собрание краткия науки о артикулах веры» (М., 1649)

Предисловие к изданию. Нач.: «Сиречь о догматех или о преданиях веры православно кафолическия христианския. Артикул бо по словенску предание или собрание толкуется...». Л. 1—1 об.

«Символ, рекше исповедание» Афанасия Александрийского. Нач.: «Иже хочет спастися, прежде всех подобает ему держати кафолическую веру...». Л. 2—4.

«Изложение въкратце о вере и вопросы и ответы о богословии» Анастасия Антиохийского и Кирилла Александрийского. Нач.: «Вопрос. Коя веры еси...». Л. 4 об.—6.

«Изложение о вере въкратце вопрошати и отвещевати всякому христианину православному» Максима. Нач.: «Вопрос. Колико естеств исповедуеши...». Л. 6 об.—8 об.

«Книга Катихисис, рекше учение о вере и о нужнейших винах, пристоящих к ней». Нач.: «Вопрос. Много ли есть вещей, потребных на спасение...». Л. 1—64 второго счета.

«Другая часть о надежи». Нач.: «Вопрос. Что есть надежда...». Л. 41—52 об.

«Третия часть о любви к Богу и ближнему». Нач.: «Вопрос. Кая наука есть третьей части...». Л. 53—64.

«Стоглав» Геннадия Константинопольского «о вере, еже убо православную веру имети основание добрых дел есть». Нач.: «Веруй во Отца и Сына и свягаго Духа...». Л. 65—77 об.

«Тестамент» греческого царя Василия к своему воцарившемуся сыну Льву Философу (М., 1680)³

Предисловие к изданию. Без загл. Нач.: «Тестамент, или Завет Василиа царя греческаго к сыну его Лву Философу повелением благочестивейшаго великаго государя нашего царя и великаго князя Феодора Алексиевича...». Л. тит.—тит. об.

Стихотворное «Увещание к читателю» Симеона Полоцкого. Нач.: «Всякий родитель, ему же от Бога милость явленна с небесна чертога...». Л. 1—4.

Предисловие к переводу «Тестамент». Нач.: «Тестамент... в лето от рожества Христова осмьсотное осмьдесят шестое...». Л. 5—10 об.

«Тестамент». Нач.: «Живополезная некая вещь и поспешнейша не токмо царем, но и невеждам наказание...». Л. 1—85 об. второго счета.

Послесловие из украинского издания «Тестамент» 1638 г. Загл.: «Типографом избранное». Нач.: «Сей царь Василий Македонянин бе премудр сый...». Л. 86—91 об.

³ «Тестамент», изданный в Москве в 1661—1663 гг., не имеет предисловия к изданию и «Увещения к читателю».

«Увет духовный» Афанасия Холмогорского (М., 1682)

Первое предисловие к изданию. Без загл. Нач.: «Во славу святых, единосущных, животворящих и неразделимых Троицы—Отца, и Сына, и святого Духа; повелением благочестивейших великих государей царей...». Л. тит. об.

Второе предисловие к изданию. Без загл. Нач.: «Молно убо вы аз, узник о Господе, достойно ходити званию...». Л. тит. об.—нн. 2 об.

«Возглашение увещательное всему российскому народу» патриарха Иоакима. Нач.: «Всем людем Божиим православным христианом во всем российском государстве всякаго чина и возраста...». Л. 1—83 об.

«Возглашение» патриарха Никона к царю Алексею Михайловичу и собору 1654 г. Без загл. Нач.: «Ничто же ино богоугодне есть, яко же во святых присно и божественных Божиих заповедех поучатися...». Л. 21—25.

Грамота Паисия Константинопольского к царю Алексею Михайловичу 1655 г. Без загл. Нач.: «О нем же писасте нам, даем ответ о всех...». Л. 28—31.

Полемика с раскольничьей челобитной. Без загл. Нач.: «При сем нашея мерности увещании да увестъ всяк христианин блядивое расколников челобитье...». Л. 84—246 об.

«О сложении перстов десныя руки». Без загл. Нач.: «Посем, благовернии людие, услышите Бога вседержителя особый промысл его к нам...». Л. 247—257 об.

Полемика с книгами раскольников. Без загл. Нач.: «А еже они расколники с собою книги носили и людей прелщали, яко бы написано праведно, у них же ныне взята книга Соборник писаная...». Л. 253—272.

Послание Максима Грека митрополиту Даниилу. Нач.: «О преслушании же сем отвещаю истинною преподобству твоему...». Л. 255—256.

Предисловие к «Великим минеям четым» митрополита Макария. Нач.: «В лета 7061 месяца ноемвриа в христоролюбивое царство святейшаго царя и государя и великаго князя Иоанна Василиевича...». Л. 266—270.

Чины присяг (М., 1654)

Образец присяги царю. Загл.: «Свиток уверения и обещания». Нач.: «Се аз имярек обещаваюся государю своему царю и великому князю Алексею Михайловичю всея Руси... служити...». Л. 8 об.—13.

Образец речи священника к присягающим. Нач.: «Се, чада, Христос невидимо зде предстоит, блюдите, како обещаваетесь...». Л. 13—15 об.

Образец, поучения священника присягающим. Нач.: «Сия убо слышаще, братие, последуем Господним заповедем усердно и благими нравы украсим себе...». Л. 16 об.—18 об.

Образец речи священника к клянущимся во время тяжбы. Нач.: «Се, чада, Христос невидимо zde предстоит, блюдите, како клятвою себе свидетельствуете...». Л. 10 об., 9₂—10₂ третьего счета.

Образец клятвы. Нач.: «Аз имярек пред господем Богом моим по святым его пречистым словесем еже ей-ей известуюся неложне...». Л. 11—11 об.

Образец поучения священника клянущимся. Нач.: «Сия убо слышаще, братие, последуем Господним заповедем усердно и нравы благими украсим себе...». Л. 11 об.—13.

Образец присяги служить «у государевых дел». Загл.: «Свиток верный». Нач.: «Се аз имярек обещаюся пред сим святым страшным евангелием государю царю и великому князю Алексию Михайловичю всея Руси в том, что быти имярек у его государева дела у денежнаго...». Л. 8—8 об. четвертого счета.

Образец речи священника «к хотящим быти у государева дела». Нач.: «Се Христос невидимо zde предстоит, блюди, како обещаваешися...». Л. 9—10.

Образец поучения священника присягающим. Нач.: «Сия убо слышаще, братие, последуем Господним заповедем усердно и нравы благими украсим себе...». Л. 10 об.—12 об.

ПРИЛОЖЕНИЕ К РАЗДЕЛУ О ДРАМАТУРГИИ

ПРИЛОЖЕНИЕ 5. НЕИЗВЕСТНАЯ ЧЕЛОБИТНАЯ И.-Г. ГРЕГОРИ ¹

Документ дополняет серию уже изданных документов по истории раннего русского театра (см.: Богоявленский С. К. Московский театр при царях Алексее и Петре. М., 1914) и раскрывает, как не очень-то охотно расплачивались «за комидейное строенье» с его организатором Иоганном-Готфридом Грегори. За постановку первой пьесы русского театра — «Артаксерксово действо» — ему, по указу царя от 21 января 1673 г., должны были выдать «сорок соболей во сто рублей да пару в 8 рублей» (см.: Артаксерксово действо — первая пьеса русского театра XVII в. / Изд. подгот. И. М. Кудрявцев. М.; Л., 1957. С. 20); но не выдали, на что И.-Г. Грегори вынужден был пожаловаться через год, в феврале 1674 г. или позже, в челобитной, публикуемой ниже. В июле 1674 г. согласились выполнить указ, но частями — сначала выдать «сорок соболей в семдесят рублей», которые И.-Г. Грегори, наконец, получил не ранее сентября 1674 г., но не позднее 16 февраля 1675 г., когда он скончался в возрасте 43 лет.

Тексты печатаются по «Книге Посольского приказа», содержащей записи о поступивших и отпущенных драгоценностях, тканях и других предметах в 1672—1676 гг. — РГБ, собрание Музейное, № 8424. Челобитная не датирована, но ей непосредственно предшествует документ за февраль 7182 (1674) г.

Челобитная И.-Г. Грегори (список)

(л. 113 об.) Царю-госадарю (!) и великому князю Алексею Михайловичу, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцу, бьет челом иноземец, немецкой пастор, магистр Яганко Готфрид. По твоему, великого государя, указу велено мне, иноземцу, за мои комединые труды дать твое, великого государя, жалованя ис Сибирского приказу соболями на сто рублей. И в Сибирском, государь, приказе в соболях отказывают, а я волочюсь за тем многое время.

Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержец, пожалуй меня, иноземца, вели, государь, мне то число выдать ис своей государевы казны, ис Посолского приказу, чтоб мне в большой волоките твоего государева жалованья не отбыть. Царь-государь, смилуйся.

На сей челобитной помета дьяка Ивана Евстафьева такова: // *(л. 114)* 182-го июля в 9 день. По указу великого государя дать ему его, великого государя, жало-

¹ Документы указал мне И. М. Кудрявцев.

ваня за ево труды сорок соболей в семдесят рублей ис Посолского приказу, — тот, что взят у боярина, у князь Юрья Алексеевича Долгоруково за греческие отласы; а досталные тритцать рублей — из Аптеки. А прежняя память, что послана о соболях в Сибирской приказ, взять назад, чтоб вдвое дачи не было.

По сей помете под челобитною в соболях росписка немецким письмо (!).

А о досталных денгах в новую Аптеку послана память июля в 7 день за приписью дьяка Василья Бобынина.

«Опись товаром» за 7184 г.

(л. 38 об.) В том же году бархат с репьями искроен на покровцы великого государя к походу троецкого обезду, и отданы покровцы в Кюнюшенной (!) приказ с роспискою.

А бархат же виницейской по золотной земле и отлас золотной отосланы в Сибирской приказ с ыными остаточными товары.

А сорок соболей в семдесят рублей по помете на челобитной дьяка Ивана Евстафева отданы иноземцу Ягану Готфриту за комидейное строенье, с роспискою. Пометы о том и росписки в сем столпу ниже сего ².

А после того приему иные покупные товары по тому ж писаны в сем столпу ³.

² То есть на л. 113 об.—114 этой же рукописи.

³ Доб. иным почерком XVII в. Ся приписка Борисова рука Михайлова.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией Академии наук. СПб., 1836. Т. 1—3; 1837. Т. 4.
- АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией. СПб., 1841. Т. 1—2.
- АЮЗР — Акты Юго-Западной России. СПб., 1861. Т. 3.
- БАН — Библиотека Академии наук в Санкт-Петербурге.
- ВМЧ — Великие минеи четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием. СПб., 1868. Сентябрь, дни 1—13; 1869. Сентябрь, дни 14—24; 1883. Сентябрь, дни 25—30; М., 1917. Ноябрь, дни 23—25; 1901. Декабрь, дни 1—5; 1912. Апрель, дни 8—21.
- ГИМ — Государственный исторический музей в Москве.
- ДАИ — Дополнения к Актам историческим... СПб., 1846. Т. 1—2; 1848. Т. 3.
- ЖМНП — журнал Министерства народного просвещения.
- ИМЛИ — Институт мировой литературы Российской академии наук в Москве.
- ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук.
- ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук в Санкт-Петербурге.
- ЛГПИ — Ленинградский государственный педагогический институт.
- ЛГУ — Ленинградский государственный университет.
- МГУ — Московский государственный университет.
- Пам. СРЛ — Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Г. Кушелевым-Безбородко. СПб., 1862. Вып. 3—4.
- ПЛДР — Памятники литературы Древней Руси. М., 1978. Т. 1: XI — начало XII века; 1980. Т. 2: XII век; 1981. Т. 3: XIII век; 1981. Т. 4: XIV — середина XV века; 1982. Т. 5: Вторая половина XV века; 1985. Т. 7: Середина XVI века; 1986. Т. 8: Вторая половина XVI века.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. М., 1997. Т. 1 / Изд. подгот. под ред. Е. Ф. Карского; 1962. Т. 2 / Изд. подгот. А. А. Шахматов; СПб., 1851. Т. 5; 1853. Т. 6; 1859. Т. 8 / Изд. подгот. А. Ф. Бычков; 1904. Т. 13, ч. 1 / Изд. подгот. С. Ф. Платонов; 1906. Т. 13, ч. 2 / Изд. подгот. С. Ф. Платонов; 1903. Т. 19 / Изд. подгот. Г. З. Кунцевич; 1908. Т. 21, ч. 1 / Изд. подгот. П. Г. Васенко; СПб., 1913. Т. 21, ч. 2 / Изд. подгот. П. Г. Васенко; 1911. Т. 22, ч. 1 / Изд. подгот. С. П. Розанов; М., 1965. Т. 29. / Изд. подгот. М. Е. Бычков и А. А. Зимин.
- РГАДА — Российский государственный архив древних актов в Москве.
- РГБ — Российская государственная библиотека в Москве.

- РИБ — Российская историческая библиотека. СПб., 1875. Т. 2; 1878. Т. 4; 1908. Т. 6, ч. 1; 1909. Т. 13; 1903. Т. 19; 1906. Т. 24; 1913. Т. 29; 1914. Т. 31 / Изд. подгот. С. Ф. Платонов и Г. З. Кунцевич; Л., 1927. Т. 39 / Изд. подгот. Я. Л. Барсков и П. С. Смирнов.
- РНБ — Российская национальная библиотека в Санкт-Петербурге.
- РРД — Ранняя русская драматургия (XVII — первая половина XVIII в.). М., 1972. Т. 1: Первые пьесы русского театра; 1972. Т. 2: Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в.; 1974. Т. 3: Пьесы школьных театров Москвы; 1975. Т. 4: Пьесы столичных и провинциальных театров первой половины XVIII в.; 1976. Т. 5: Пьесы любительских театров.
- СГГД — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1822. Ч. 3.
- СОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук.
- ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы ИРЛИ. М.; Л., 1934. Т. 1; 1935. Т. 2; 1940. Т. 4; 1948. Т. 6; 1949. Т. 7; 1951. Т. 8; 1953. Т. 9; 1954. Т. 10; 1955. Т. 11; 1956. Т. 12; 1957. Т. 13; 1958. Т. 14; 1958. Т. 15; 1960. Т. 16; 1961. Т. 17; 1962. Т. 18; 1963. Т. 19; 1964. Т. 20; 1965. Т. 21; Л., 1969. Т. 24; 1970. Т. 25; 1971. Т. 26; 1972. Т. 27; 1974. Т. 28; 1974. Т. 29; 1976. Т. 30; 1976. Т. 31; 1977. Т. 32; 1979. Т. 34; 1980. Т. 35; 1981. Т. 36; 1983. Т. 37; 1985. Т. 38; 1985. Т. 39; 1990. Т. 43.
- ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских¹.

¹ Сокращения в обозначении рукописей указаны в Приложении 2; сокращения в описании старопечатных книг указаны в Приложении 4.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ*

Учитываются только прямо, по имени или фамилии, называемые авторы произведений, документов и исследований, а также переводчики, редакторы, писцы и ученые-издатели. Авторы до начала XVIII в. чаще всего указываются по именам, а с начала XVIII в. — по фамилиям или кличкам. В необходимых случаях делаются отсылки. Лица с совпадающими именами различаются пояснениями.

Не учитываются создатели библейских книг; исторические лица (в том числе собиратели рукописей), упоминаемые не как авторы; литературные персонажи и адресаты посланий.

А

- Аарон Воскресенский 382
Абрамович Д. И. 84, 103, 123, 136, 152, 300, 641, 643, 646
Аввакум 83, 91, 92, 374—380, 382, 384, 387, 388, 397—400, 402, 419, 430, 438, 439, 464, 467, 485, 508, 511, 512, 521, 542, 547, 549—551, 555, 559, 678
Авраамий Палицын 84, 90, 91, 294, 369, 465, 550, 554
Агапит 690
Аграфений 167, 511
Адриан 689
Адрианова-Перетц В. П. 128, 131, 133, 144, 178, 226, 259, 326, 388, 408, 428, 439, 498, 514—517, 520, 557, 648
Азарьин С., см. Симон Азарьин
Айналов Д. В. 103
Аким Недовесков 381
Александр Печерский 321
- Алексеева О. Б. 367
Алексей Михайлович 320, 374, 384—386, 449, 678, 704, 711—713
Алексей Романчуков 185, 218, 370
Альшиц Д. Н. 306, 650
Амартол, см. Георгий Амартол
Амфилохий 117, 122
Анастасий Антиохийский 682, 683, 710
Анастасий Синайский 697
Ангелов Б. Ст. 97
Андреева Г. А. 485
Андрей Белобоцкий 439
Андрей Кесарийский 122
Андрей Критский 84, 88, 145
Андрей Курбский 216, 410, 515, 518, 519, 550
Андрей Рублев 501
Андроник Невежа 293, 295
Аникст А. А. 403
Антиох Черноризец 116, 117

* Указатель составила Е. В. Зуевская.

Антоний Новгородский 167
 Антоний Подольский 547
 Антоний Радивиловский 404
 Антонова В. И. 369
 Аристипп 420
 Аристотель 278, 329, 420
 Арсений 647, 648
 Арсений Грек 321, 690
 Арсений Суханов 321
 Артемий Троице-Сергиевский 308, 410
 Артемон Матвеев 512
 Асафов К. М. 219
 Афанасий, митрополит 283
 Афанасий Александрийский 695, 704, 710
 Афанасий Благовещенский 242
 Афанасий Великий 686
 Афанасий Никитин 349, 501, 514, 515, 517, 518, 520
 Афанасий, епископ саратовский 434
 Афанасий Холмогорский 383, 550, 677, 711
 Афанасьев З., см. Захар Афанасьев
 Ашхаруа А. Г. 92

Б

Бабкин Д. С. 329
 Бакланова Н. А. 219, 269
 Баранович Л., см. Лазарь Баранович
 Барсков Я. Л. 485
 Барсов Е. В. 201, 511, 640
 Бас И. 282—284
 Бахтин М. М. 92
 Бахтурина Р. В. 98
 Бегунов Ю. К. 142, 149, 156, 159, 170—172, 317, 318
 Белобоцкий А., см. Андрей Белобоцкий

Белоброва О. А. 295, 391, 550
 Белокуров С. А. 318
 Бенешевич В. Н. 124
 Берков П. Н. 278, 498, 538, 674, 675
 Бернадский В. Н. 190, 191, 194, 196
 Бессонов П. 484
 Блок Г. П. 469, 475, 485
 Бобров А. Г. 128, 130
 Богдан Лыков 328
 Богданов А. П. 550
 Богоявленский С. К. 451, 495, 713
 Бодянский О. М. 100, 106, 124, 140, 153
 Божидар Вукович 283, 284, 286, 288, 303, 304
 Борис Михайлов 714
 Боян 125, 138, 139, 268, 540, 542, 543
 Брайловский С. Н. 485
 Брокгауз Ф. А. 183
 Бубнов Н. Д. 316, 317
 Бударагин В. П. 236, 255
 Будилович А. С. 463
 Будовниц И. У. 184, 185
 Бужинский Г., см. Гавриил Бужинский
 Буйносов Ю., см. Юрий Буйносов
 Буланин Д. М. 248
 Булахов М. Г. 191
 Булаховский Л. А. 135
 Булычев А. А. 696
 Бунин И. А. 437
 Бурцев В. Ф. 325, 337, 393
 Буслаев П. 451, 452, 454—456, 459
 Буслаев Ф. И. 10, 131, 315, 316, 495, 652
 Буш В. В. 434, 436
 Быкова Т. А. 477
 Былинин В. К. 281, 484
 Бычков А. Ф. 15, 42, 84, 105, 128, 143, 162, 222, 649

Бычков И. А. 650, 652, 657, 658
 Бычков М. Е. 715

В

Ванеева Е. И. 253, 484
 Варлаам 300
 Варфоломей Соловецкий 380
 Васенко П. Г. 715
 Василий, иконописец 350
 Василий, царь греческ. 710
 Василий-Варлаам 250, 251
 Василий Великий 683, 686, 691, 694, 697
 Василий Кондаков 401, 402
 Василий Новгородский 180, 189
 Вассиан Рыло 185, 192, 193, 253, 254, 466, 484, 506, 507, 509
 Вельфлин Г. 403
 Веселовский Алексей Н. 427, 490
 Викторов А. Е. 436, 642, 646, 649, 652, 654, 659, 662
 Вилинский С. Г. 123
 Виноградов В. В. 89, 92, 408, 542, 559
 Виноградов Н. Н. 450
 Виноградова В. Л. 128, 135
 Винокур Г. О. 138
 Вишенский И., см. Иван Вишенский
 Виппер Ю. Б. 366, 403
 Владимир Киевский 689
 Владимир Мономах 58, 102, 105, 108, 109, 116, 120, 122, 125, 138, 142, 146—156, 163, 170, 233, 501
 Владимиров П. В. 277, 283, 303, 492
 Владимировас Л. И. 276, 281
 Волкова Т. Ф. 255, 341
 Волчков С. 483
 Вомперский В. П. 470
 Воскресенский А., см. Аарон Воскресенский

Воскресенский Г. 461, 463
 Востоков А. Х. 209, 266, 298, 326, 329, 651, 654
 Всеволодский-Гернгросс В. Н. 427, 495, 496, 498
 Вукович Б., см. Божидар Вукович
 Выготский Л. С. 560

Г

Гавриил Бужинский 477, 478, 481, 485
 Гавриил Филадельфийский 704
 Гаврила Дорофеев 509
 Голохвастов Д. П. 215
 Голятовский И., см. Иоанникий Голятовский
 Гачев Г. Д. 218, 405
 Гей Н. К. 89
 Геннадий Константинопольский 691, 710
 Геннадий Новгородский 196, 300, 647
 Георгиевский Г. П. 450, 491, 646, 654, 655
 Георгий Александрийский 327, 676
 Георгий Амартол 43, 71, 116, 123, 131, 133, 134, 137, 140, 144, 471, 486
 Георгий Никомидийский 700
 Герасим Фирсов 380, 429
 Герасимов Д., см. Дмитрий Герасимов
 Герберштейн С. 218
 Герман Константинопольский 698, 701
 Герман Тулупов 325, 326, 334—336
 Гиббенет Н. 378, 379, 381, 382
 Гизель И., см. Иннокентий Гизель
 Гладкова О. В. 10
 Говердовский В. И. 92

Голенищев-Кутузов И. Н. 210, 218, 520
 Голохвастов Д. П. 184
 Голубев И. Ф. 213, 648, 658
 Голубинский Е. Е. 181, 184, 193, 202, 203
 Голубцов А. 335, 385
 Гольщенко В. С. 98, 121, 483
 Городинская Р. Б. 485
 Горский А. А. 130, 142, 170
 Горский А. В. 118, 201, 298—300, 302, 304, 327, 336, 415
 Гребенюк В. П. 10, 431, 450
 Грегори И.-Г. 431—433, 512, 713
 Греков Б. Д. 193, 514
 Григорий Антиохийский 84, 90
 Григорий Богослов 690—693, 697, 698, 700, 701
 Григорий Двоеслов 697, 698, 701
 Григорий Колчицкий 509
 Григорий Мних 697
 Григорий Неокесарийский 689
 Григорий Нисский 683, 687, 689
 Григорий Пресвитер 691
 Гринченко Б. Д. 218, 660
 Грушевский М. С. 210, 217
 Гуданский И., см. Иван Гуданский
 Гудзий Н. К. 377, 490
 Гуминский В. М. 10
 Гуревич М. М. 477

Д

Даль В. И. 209, 484
 Дамаскин (Семенов-Руднев Д.) 310
 Даниил, игумен 116, 119, 120, 151, 154, 167—169, 503
 Даниил, митрополит 205, 711
 Даниил Заточник 153, 192, 213—215, 408, 472, 484, 503, 521

Данилов К., см. Кирша Данилов
 Данилов С. С. 427
 Данилова И. Е. 368
 Дарашкевич В. 278, 280
 Демин А. С. 55, 165, 172, 264, 406, 431, 439, 450, 451, 483, 484
 Демкова Н. С. 261, 263, 388, 511, 520, 550
 Демьянов В. Г. 70, 83, 95, 98, 105, 121, 145, 483, 486
 Державин Г. Р. 83, 91
 Державин К. 428
 Державина О. А. 84, 294, 431, 450, 511, 516
 Десницкий В. А. 674, 675
 Димитрий Кантакузин 691
 Димитрий Ростовский 472, 477, 481, 482, 485
 Диомид Яковлев 434—436
 Дионисий Ареопagit 321
 Дионисий Троице-Сергиевский 384
 Дмитревский А. 193
 Дмитревский И. А. 489
 Дмитриев Л. А. 84, 125, 128, 143, 167, 170, 172—176, 222, 235, 236, 255, 258, 261, 263, 264, 268, 300, 302, 484, 485, 517, 519, 551
 Дмитриева Р. П. 84, 141, 172, 174, 175, 250—252, 255, 257, 261—263, 267, 299, 555, 571
 Дмитрий Герасимов 299
 Дмитрий Старый 647
 Довгалевский М., см. Митрофан Довгалевский
 Долгова С. Р. 311
 Долгово П., см. Петр Долгово
 Долгорукова Н. Б. 451, 453
 Дорощев Г., см. Гаврила Дорощев
 Досифей Соловецкий 219

Досифей Топорков 227, 299, 300
 Достоевский Ф. М. 503
 Дробленкова Н. Ф. 361
 Дубенский Д. 130
 Дубровина В. Ф. 98, 121, 483
 Дылевский Н. М. 520
 Дышиневич В. Н. 276, 280, 281
 Дьяконов М. 191

Е

Евгений, митрополит 415, 489
 Евсевий Панфил 117
 Евсевий Самосадский 699
 Евфимий Чудовский 321, 416
 Эзоп, см. Эзоп
 Елеонская А. С. 84, 336, 413
 Емельян Московитин 368
 Емельянов Л. И. 367
 Епифаний, расколоучитель 388
 Епифаний Кипрский 145, 700
 Епифаний Премудрый 501, 502
 Епифаний Славинецкий 390, 546, 549, 691
 Еремин И. П. 49, 54, 55, 105, 119—121, 124, 125, 388, 402, 451, 485, 516
 Ермолай-Еразм 251, 264, 357
 Есипов С., см. Савва Есипов
 Ефрем, агиограф русский 84
 Ефрем Переяславский 125
 Ефрем Сирий 115, 116, 274, 321, 676, 699
 Ефремов В. А. 485
 Ефрон И. А. 183
 Ефросин 172—176, 218, 261

Ж

Жмакин В. И. 485

Жуковская Л. П. 69, 104, 115, 118, 550
 Жуковский В. А. 540

З

Забелин И. Е. 434, 640
 Заболоцкий Н. А. 540
 Заборова Р. В. 675
 Зарубин Н. Н. 214
 Захар Афанасьев 321
 Зверинский В. В. 436
 Зёрнова А. С. 314, 335, 415, 670, 672, 674
 Зимин А. А. 184, 203, 210, 214, 216, 217, 235, 288, 301, 312, 313, 642, 653
 Зиновий Отенский 338, 702, 703
 Злобин М., см. Михаил Злобин

И

Иван Васютинский 509
 Иван Вишенский 410, 516
 Иван Грозный 118, 184, 209, 214—217, 284, 286, 288—290, 302, 307, 308, 312—314, 341, 344, 346, 348, 410, 515—519
 Иван Гуданский 509
 Иван Катырев-Ростовский 385, 549
 Иван Наседка 294, 318, 384
 Иван Невежа 293, 295
 Иван Неронов 376, 377, 380—382
 Иван Пересветов 184, 203, 214, 288, 306, 312, 349, 357, 410, 503
 Иван Селезнев 318
 Иван Тимофеев 511, 515—517, 546
 Иван Федоров 264, 281—284, 289, 292—297, 299, 301, 303—311, 550, 670
 Иванов И. 193
 Иванов Ф., см. Федор Иванов

- Иванова Ж. Н. 416
 Иванова Кл. 97
 Иванчин-Писарев Н. 436
 Игольнишников П., см. Потап Игольнишников
 Исихия 212
 Иконников В. С. 205
 Иларий 647, 648
 Иларион, инок 611
 Иларион, митрополит 74—78, 123, 135, 136, 528, 611
 Иларион Великий 118, 685
 Илья Грек 317
 Иннокентий Гизель 395, 404, 410
 Иоаким, патриарх 292, 323, 415, 416, 682, 704, 711
 Иоаким Александро-Невский 318
 Иоанн Дамаскин 117, 119, 145, 212, 430, 679, 689, 695, 697, 698, 701—703
 Иоанн Златоуст 84, 88, 97, 99, 100, 102, 105, 106, 108, 113, 117, 119, 121, 153, 213, 323, 327, 469, 472, 481, 676, 686, 687, 691, 696—702
 Иоанн Лествичник 116, 676
 Иоанн Малала 116, 119, 122
 Иоанн Милютин 322
 Иоанн Экзарх 100, 106, 108, 109, 116, 140, 153, 643
 Иоанникий Галятовский 395, 404, 410
 Иоасаф, патриарх 181, 203, 646, 679
 Иона Геометр 691
 Иосиф, иеромонах 298, 645
 Иосиф, патриарх 644, 696, 709
 Иосиф, старец 321
 Иосиф Волоцкий 187, 214, 322, 644, 647, 685
 Иосиф Киевский 290
 Иосиф Фесалоникийский 698
 Иосиф Флавий 116, 118, 133, 134, 140, 144, 151, 159, 553
 Ипатий Потей 410
 Ипполит 119, 120, 122, 697
 Исаевич Я. Д. 327
 Исисхий 125
 Истомин К., см. Карион Истомин
 Истрин В. М. 67, 71, 119, 122—124, 131, 140, 144, 486, 492, 561
 Итигина Л. А. 392, 450, 460
 Иустин Философ 419, 690
- К**
- Каган-Тарковская М. Д. 172, 550
 Казакова Н. А. 181, 189, 202, 219, 305, 312, 555, 642
 Калайдович К. Ф. 122
 Каменева Т. Н. 310
 Кантемир А. 437, 449, 451, 452, 455, 457, 461, 466, 467, 485
 Карамзин Н. М. 312
 Каратаев И. П. 303, 304
 Карион Истомин 437, 481, 485
 Карнеев А. Д. 486
 Карпов А. 329
 Карпов Ф., см. Федор Карпов
 Карский Е. Ф. 715
 Касаткина Е. А. 449
 Катырев-Ростовский, см. Иван Катырев-Ростовский
 Кафенгауз Б. Б. 483
 Кимеева Е. Н. 205
 Кинан Э. 347, 353, 519
 Киреевский П. В. 484
 Кирилл Александрийский 682, 696, 697, 699, 710
 Кирилл Иерусалимский 116, 647, 680
 Кирилл Скифопольский 120

Кирилл Транквилион 264
Кирилл Туровский 105, 112, 116,
119—121, 124, 125, 464, 472, 476,
485, 698—701
Кириллин В. М. 10
Кирша Данилов 521
Киселев Н. П. 316
Клавдиан 479
Кланицаи Т. 403
Клепиков С. А. 434
Клибанов А. И. 186, 196, 312
Климент Охридский 97, 98
Климент Смолятич 123
Клосс Б. М. 227, 235, 305
Ключевский В. О. 187, 191, 301, 326,
350, 384, 402
Князевская О. А. 70, 83, 95, 105, 145,
486
Ковальская Е. М. 89
Ковтун Л. С. 306
Кодов Хр. 97
Козма Индикоплов 116, 122
Козма Пресвитер 317
Колесов В. В. 124, 168, 248, 254, 484
Коломнятин П., см. Прохор Колом-
нятин
Колосова Е. В. 84, 294
Колчицкий Г., см. Григорий Колчиц-
кий
Коляда Г. И. 310
Комаров И. А. 130
Кондаков В., см. Василий Кондаков
Кондрат 603
Конон У. М. 277, 280
Конрад Н. И. 532
Константин Болгарский 116
Константин Манассия 233
Константин Мокисийский 317
Константин Острожский 681

Константин Порфирогенит 701
Конусов А. П. 646, 656, 658
Копанев А. И. 302
Копыленко М. М. 649
Корецкий В. И. 511
Коршунов А. Ф. 277, 278
Костюхина Л. М. 219
Кочин Г. Е. 209
Крабов М., см. Михаил Крабов
Крайский П. 470
Крикманн А. 406
Криничная Н. А. 367
Крупп А. А. 313
Крылов И. А. 491
Кубасов С., см. Сергей Кубасов
Куделин А. Б. 10
Кудрявцев И. М. 185, 193, 219, 498,
505—513, 517, 548, 555, 649, 657,
713
Кузьмина В. Д. 450, 498, 511
Кукушкина М. В. 302, 310
Кунцевич Г. З. 255
Курбский А., см. Андрей Курбский
Кусков В. В. 83, 483
Кучкин В. А. 237, 322, 323
Кушелев-Безбородко Г. 715

Л

Лабынцев Ю. А. 314, 416
Лаврецкий С., см. Семен Лаврецкий
Лавров П. А. 101
Лазарь, расколоучитель 388, 679
Лазарь Баранович 395, 404, 410
Лафонтен 479
Лауцявичюс Э. 673
Лебедева Е. Д. 675
Лебедева И. Н. 145, 484, 513
Левина С. А. 253

Леонид 103, 119, 125, 184, 215, 329,
648, 649, 651, 655

Леонтий Магницкий 463, 470, 483

Леонтьев А. А. 84

Лепко И. В. 191

Летранж Л. 483

Лисовая-Исаченко Т. А. 17

Лихачев Д. С. 10, 11, 27, 30, 54, 55,
66, 69, 83, 84, 95, 99, 100, 106, 107,
109, 118, 120, 125, 127, 128, 131,
137, 138, 143, 144, 148, 149, 153,
155, 159, 160, 164, 167, 172, 178,
194, 215, 218, 258, 264, 268, 288,
295, 306, 307, 313, 315, 342, 343,
347, 353, 370, 371, 403, 404, 408,
438, 439, 442, 462, 484, 485, 493,
501, 502, 514—518, 522—533,
536, 539—542, 550, 554, 555,
557—559, 571, 644, 647, 654

Лихачев Н. П. 642

Лихачева О. П. 486, 517

Лихтман З. Т. 438, 450

Лозанова А. Н. 367

Ломоносов М. В. 83, 90, 91, 449, 463,
464—485

Лопарев А. 370, 655

Лопарев Х. 142, 156, 170, 429, 648

Лосев А. Ф. 99

Лотман Ю. М. 130, 404

Лукияненко В. И. 434, 670, 674

Лундберг Е. 403

Лурия А. Р. 560

Лурье Я. С. 118, 128—130, 162, 172,
178, 181, 186, 187, 190, 194, 196,
202, 214, 218, 289, 305, 307, 314,
484, 486, 516—518, 520, 555, 558,
642, 643, 653

Лыков Б., см. Богдан Лыков

Люстров М. Ю. 10

Ляпон М. В. 70, 83, 95, 105, 145, 486

М

Магницкий Л., см. Леонтий Магницкий

Майков Л. Н. 406, 413

Макарий, митрополит 103, 179, 182,
184, 201, 214, 262, 264, 283, 286,
288, 290, 291, 300, 301, 305, 306,
334, 550, 553, 644, 711

Макарий Антиохийский 703

Макарий (Булгаков) 181, 182, 192,
203

Макеева В. Н. 485

Максим 710

Максим Грек 202, 205, 215, 234, 283,
285, 290, 300, 301, 305—307, 312,
389, 471, 472, 485, 547, 678, 681,
703, 711

Малеин А. 310

Мальшев В. И. 84, 219, 350, 511, 658,
675

Манассия, см. Константин Манассия

Мансветов И. 318, 321

Мансикка В. П. 165

Мануил Комнин 156, 688

Марелло Т. В. 10

Мартемьянов Ш., см. Шестачко Мартемьянов

Марциал 474, 475, 486

Матвеев А., см. Артемон Матвеев

Матвеев В. А. 131, 135, 144

Матич С. 662

Матхаузорова С. 413

Медведев С., см. Сильвестр Медведев

Мелетий Александрийский 681

Мелетий Смотрицкий 435, 463, 472,
483, 674, 677

- Мельников-Печерский П. И. 213, 642, 643
Мельц М. Я. 484
Меркатор 327
Мефодий Патарский 68, 69
Мещерский Н. А. 118, 133, 140, 144, 159, 372
Милюков П. 428
Милютин И., см. Иоанн Милютин
Мирзоян А. Г. 310, 676
Миронова Т. Л. 69
Митрофан 370
Митрофан Довгалеvский 491
Митрофан Коломенский 235
Митрофанова В. В. 483, 484
Михаил Злобин 185
Михаил Крабов 325—327
Михаил Рогов 318
Михаил Салтыков 368
Михаил Татищев 654
Михайлов Б., см. Борис Михайлов
Мнева Н. Е. 369
Моисеева Г. Н. 83, 186, 196, 210, 266, 300, 366, 438, 450, 451, 463
Моисей, дьякон 382
Моисей Выдубицкий 155
Мокульский С. 461
Молдавский Д. М. 484, 516
Мордовцев Д. 216, 434—436, 659
Морозов А. А. 83, 366, 402, 403, 461, 463
Морозов П. О. 428, 485, 491, 498
Мотольская Д. К. 475
Мурьянов М. Ф. 132
Мыльников А. С. 219
- Н**
- Назаревский А. А. 368
Нальерский К. Е. 192
Наседка И., см. Иван Наседка
Насонов А. Н. 62, 176, 220, 224, 226, 256, 260
Нафанаил 676, 702
Невоструев К. И. 117—120, 122, 201, 298—300, 302, 304, 327, 336, 415
Недовесков А., см. Аким Недовесков
Нектарий Иерусалимский 689
Нектарий Константинопольский 698
Немировский Е. Л. 278, 280, 282, 284, 296, 297, 307, 311, 314
Неплюев И. И. 450, 453
Неронов И., см. Иван Неронов
Нестор 79—82, 84, 90, 97—99, 102—105, 112, 116, 120, 123, 140, 299, 561
Нестор-Искандер 241, 256, 260, 547
Неупокоева И. Г. 402, 405
Нефедов Г. Ф. 98, 121, 483
Никита Пустосвят 388, 679, 704, 705
Никитин А. Л. 130, 137, 138, 149
Никифор, патриарх 686
Никифор Киевский 122
Никифор Ксанфопул 703
Никифор Савин 368
Никифор Тарасиев 293
Николаева М. В. 450, 451
Николаевский П. Ф. 318
Николай Намплийский 703
Николай Спафарий 388, 391, 547
Никольский Н. К. 123, 211, 429, 482, 493, 640
Никон, летописец 561
Никон, патриарх 295, 318, 373, 378, 379, 381, 398, 399, 689, 686, 690, 702—704, 711
Никон Чергоногец 117, 124
Нил 691
Нил Курлятев 306

Новакович С. 284, 662
 Новиков Н. И. 214, 489, 645
 Новосадский И. В. 310
 Норов А. С. 119, 511

О

Овчаренко А. И. 552
 Орел В. Э. 131
 Орлов А. С. 90, 178, 182, 256, 260,
 270, 283—286, 289, 314, 350, 353,
 354, 486, 493, 504, 646
 Офрем, писец 118
 Охотникова В. И. 84, 222, 350

П

Павлова Г. Е. 485
 Падучева Е. В. 407
 Паисий Константинопольский 703,
 711
 Палиевский П. В. 106
 Палицын А., см. Авраамий Палицын
 Палладий Еленопольский 71
 Палладий Мних 697
 Панченко А. М. 281, 338, 413, 417,
 420, 422, 438, 439, 483, 486, 549,
 558
 Парфений Константинопольский
 689, 698
 Пауткин А. А. 130
 Пахомий Серб 185, 187, 193
 Пекарский П. П. 324, 484, 490
 Переверзев В. Ф. 500—504
 Пересветов И., см. Иван Пересветов
 Перетц В. Н. 128, 131, 133, 136, 315,
 320, 324, 427, 428, 451, 459, 489,
 491—499, 640
 Пермьяков Г. Л. 406, 407
 Петр Долгово 512
 Петр Могила 689

Петр Мстиславец 283, 297
 Петр Самсонов 654
 Петр Скарга 410
 Петров А. Н. 436, 659
 Петров Н. И. 316, 317, 321, 324, 660
 Петровский Н. М. 491
 Петровский Ф. 486
 Петухов Е. В. 317, 485
 Пиккио Р. 534—537
 Пимен 167, 183
 Пинский Л. 403
 Пиотухович М. 278
 Платон 329, 420
 Платонов С. Ф. 368
 Плигузов А. И. 190
 Плюханова М. Б. 342, 347, 349
 Погорелов В. 117, 120
 Поздеев А. В. 484
 Покотилова О. 463
 Покровская В. Ф. 302, 646, 656, 658
 Покровский Н. Н. 242
 Поливий 145
 Поликарпов Ф., см. Федор Поликар-
 пов
 Помяловский И. 120
 Пономарев А. И. 316
 Понырко Н. В. 172, 486, 550
 Попов Андрей 192, 193, 328, 385
 Попов В. Е. 415
 Попов Н. 461
 Порфирьев И. Я. 267
 Посошков И. Т. 483
 Поссевин А. 310
 Потап Игольнишников 400
 Потebня А. А. 85, 89
 Потей И., см. Ипатий Потей
 Преображенский А. Г. 209
 Прозоровский Д. И. 660
 Прокопий Чирин 368, 369

Прокопович Ф., см. Феофан Прокопович

Прокофьев Н. И. 511

Протасьева Т. Н. 118, 219, 292, 300

Прохор Коломнятин 433—437

Прохоров Г. М. 151, 169, 555

Прошин Г. Г. 312

Пуфендорф С. 450

Пушкарев Л. Н. 408, 550

Пушкин А. С. 84, 91

Р

Радивиловский А. см. Антоний Радивиловский

Радищев А. Н. 437

Рапопорт М. В. 649

Резанов В. И. 427, 428, 493, 496, 497

Ржига В. Ф. 210, 217, 517

Робинсон А. Н. 137, 213, 340, 504, 514, 520, 550, 558

Ровинский Д. А. 388

Рогов М., см. Михаил Рогов

Родосский А. 415, 642, 653

Рождественская М. В. 125, 172, 267, 672

Розанов С. П. 232, 484

Розов Н. Н. 101, 118, 123, 219, 434, 517, 650, 656

Романов Б. А. 514

Романчуков А., см. Алексей Романчуков

Ромодановская Е. К. 385, 450

Рублев А., см. Андрей Рублев

Румянцев В. Е. 282, 283, 285, 306, 511

Рыбаков Б. А. 408

Рыдзевская Е. А. 23

Рыков Ю. Д. 216, 517, 555

С

Савва 318

Савва Есипов 339

Савва Крутицкий 300

Савватий Тейша 218, 318, 338, 322, 370

Савранский И. Л. 84

Сазонова Л. И. 483

Сакулин П. Н. 493

Салмина М. А. 233, 385, 485

Салтыков М., см. Михаил Салтыков

Самарин Р. М. 403

Самсонов П., см. Петр Самсонов

Сапунов Б. В. 118, 283, 310, 311, 674

Сарафанова Н. С. 430

Сахаров И. П. 415

Свенцицкий И. С. 660

Свидерская М. И. 404

Северьянов С. Н. 102, 120, 121

Седельников А. Д. 227

Селезнев И., см. Иван Селезнев

Семен Лаврецкий 509

Семен Хломов 649

Семен Шаховской 200, 212, 213, 547, 549

Серапион Елезаровский 350

Сергеев В. Н. 402

Сергей Кубасов 549

Сергий 196, 316—318, 320, 321, 323, 324

Серебрянский Н. И. 165, 255, 316

Сидоров А. А. 670

Сигал Н. А. 404

Сизов Е. С. 313

Силуян 678

Сильвестр Благовещенский 184, 205, 215, 248, 283

Сильвестр Медведев 549

Симеон Полоцкий 369, 388—400, 402, 403, 406, 408—425, 428, 431, 436—439, 450, 458, 463, 465, 467, 469, 475, 477, 478, 485, 486, 515, 516, 545, 547, 550, 554, 676, 678, 679, 710
 Симеон Солунский 686
 Симон 181, 203
 Симон Азарьин 384, 547
 Симон Ушаков 397
 Симони П. К. 484, 656
 Синицына Н. В. 312
 Сисиний Константинопольский 687
 Скорина Ф., см. Франциск Скорина
 Скрипиль М. О. 269, 316, 386
 Скрынников Р. Г. 305, 312
 Славинецкий Е., см. Епифаний Славинецкий
 Сменцовский М. Н. 416
 Смирнов И. И. 202
 Смирнов П. С. 716
 Смирнов С. 647
 Смотрицкий М., см. Мелетий Смотрицкий
 Соболевский А. И. 37, 192, 439, 492
 Соколов Е. И. 652, 658
 Соколов М. И. 491
 Соколова В. К. 367
 Соколова Л. В. 550
 Соколова Н. В. 485
 Соловьев П. И. 193
 Соловьев С. Н. 191
 Солодкин Я. Г. 368, 550
 Солосин И. И. 463
 Сопиков В. С. 415
 Сотникова М. П. 289
 Софинов П. Г. 214
 Софоний Рязанец 262, 264
 Софроний Александрийский 676

Софронова Л. А. 10, 403
 Спафарий Н., см. Николай Спафарий
 Сперанский М. Н. 168, 316, 317, 402, 660
 Срезневский В. И. 651, 656
 Срезневский И. И. 96, 103, 121, 124, 130, 191, 198, 209, 468, 471, 482
 Стенник Ю. В. 463
 Стефан Новгородец 168, 169
 Стефан Святогорец 689
 Стефан Яворский 465—468, 471—473, 477, 478, 480—483, 486
 Строев П. М. 183, 214, 282, 315, 415, 645, 660
 Субботин Н. И. 287, 382, 430
 Сумароков А. П. 438, 443—449, 466, 467, 469, 477, 481, 486
 Сумникова Т. А. 74, 136
 Суханов А., см. Арсений Суханов
 Сухомлинов М. И. 489
 Сыроечковский В. Е. 209
 Сычев И. А. 339

Т

Табаков О. П. 540, 541
 Тарасиев Н., см. Никифор Тарасиев
 Тарасов Б. Н. 10
 Тарковский Р. Б. 483
 Татарский И. А. 415
 Татищев В. Н. 451, 456, 457
 Татищев М., см. Михаил Татищев
 Тверковкина Е. Л. 470
 Творогов О. В. 17, 61, 84, 98, 102, 111, 128, 227, 257, 258, 261, 263, 275, 288, 364, 408, 484, 517
 Теве А. 310
 Тиганова Л. В. 339, 675
 Тимофеев И., см. Иван Тимофеев
 Тимофеев Л. И. 451

Тимофей Иерусалимский 699
Тит Всторский 699
Титов А. А. 650
Титов Л. П. 386
Тихомиров М. Н. 192, 219, 282, 284,
286, 386, 517, 519
Тихон 508
Тихон Макариевский 437
Тихонравов Н. С. 68, 70, 438, 450,
451, 489—493, 495, 496, 498, 640,
654, 655
Толстой Н. И. 32
Топорков Д., см. Досифей Топорков
ТрEDIAKовский В. К. 449, 451, 452,
454, 455, 467, 469, 470, 477, 486
Тромонин К. Я. 642
Трофимов Ф., см. Федор Трофимов
Тулупов Г., см. Герман Тулупов
Турилов А. А. 190
Тушин Г. 219

У

Ундольский В. М. 315, 415, 640, 646
Уорт Д. 320
Устиниан 689

Ф

Фалес 420
Фасмер М. 96
Федор Иванов 430
Федор Карпов 185, 205, 210, 213, 215,
217, 234, 653
Федор Поликарпов 466, 483
Федор Трофимов 381
Федор Шакловитый 549
Федоров В. И. 10
Федоров И. см. Иван Федоров
Федот 265—270, 328
Федько Томилко 647

Феодорит Киррский 117
Феодорит Студийский 322, 698
Феодосий Новгородский 184, 202,
203
Феофан Иерусалимский 382, 383
Феофан Прокопович 451—453, 455,
456, 459, 461, 467, 471, 485
Феофилакт Болгарский 676
Феофилакт Лопатинский 477
Фет Е. А. 317, 324
Филарет, патриарх 183, 382, 383, 646,
688
Филипповский Г. Ю. 485
Филофей 689
Филофей, монах 205, 215
Филофей Константинопольский 709
Фирсов Г., см. Герасим Фирсов
Флетчер Дж. 314
Фома 472
Фотий, митрополит 642
Фотий Константинопольский 682
Франциск Скорина 276—283, 303
Фрейданк Д. 107

Х

Хломов С., см. Семен Хломов
Хмыров М. Д. 434

Ц

Царанков Л. А. 278
Цонев Б. 661

Ч

Чемерицкий В. А. 278
Черепнин Л. В. 190, 191, 194, 643
Черкасский М. А. 407
Чернов И. А. 404, 405
Чернышев В. И. 484, 515
Чечулин Н. Д. 311

Чижевский Д. 403
 Чирин П., см. Прокопий Чирин
 Чистович И. А. 486
 Чуркина Л. А. 255

Ш

Шайкин А. А. 15
 Шамбинаго С. К.
 Шаповалова Г. 484
 Шапот Е. Г. 650
 Шахматов А. А. 25, 31, 34, 43, 56, 130,
 262, 532, 558
 Шаховской С. И., см. Семен Шахов-
 ской
 Шеламанова Н. Б. 115, 116
 Шестачко Мартемьянов 318
 Шкляревский И. 540
 Шлихтер Б. А. 657
 Шляпкин И. А. 491, 496
 Шолохов М. А. 438
 Шорина М. Н. 89
 Штелин Я. 489
 Шуйский А., см. Андрей Шуйский
 Шумилов В. Н. 269

Щ

Щапов Я. Н. 657
 Щеглова С. А. 460, 498
 Щеголева Л. И. 131, 135
 Щепкина М. В. 292
 Щерба Л. В. 542
 Щербацкий Т. 461

Э

Эзоп 465, 466, 468, 470, 482, 483
 Экземплярский А. В. 191

Ю

Юрий Буйносов 379

Я

Яблонский В. 185, 187, 194
 Яков 481, 484
 Яковлев Д., см. Диомид Яковлев
 Янин В. Л. 195
 Яцимирский А. И. 192, 649, 652, 656,
 661, 662
 Briquet C. M. 642
 Churchill W. A. 642
 Dölger F. 192
 Krumbacher K. 192
 Labarre E. J. 642
 Schneider A. M. 192
 Winniczuk L. 218

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ*

Учитываются прямо или косвенно названные, конкретные, реально дошедшие, самостоятельно существовавшие произведения (но не мелкие их отрывки), документы (если указаны их авторы или интересна тема), рукописные книги (из российских хранилищ), старопечатные издания, изобразительные памятники. Названия в указателе унифицированы и не всегда совпадают с употребленными в данной книге, ибо приводятся в сокращенном виде, в том числе **без приложений и определений перед личными именами**. Поэтому, например, надо искать в указателе «Слово о Лазаре», хотя оно называется «Слово о четверодневном Лазаре» и пр. Прилагательные ставятся перед существительными, если не иным бывает порядок слов в авторских названиях и в устойчивой традиции наименования памятников. При расположении названий произведений по алфавиту не принимаются во внимание пунктуационные знаки в составе названий — кавычки, запятые, скобки. Под обобщенными рубриками, без раскрытия содержания, в указателе перечисляются авторские грамоты, послания, «слова», челобитные, а также рукописи.

А

- «Азбука» 393, 651
- «Азбука» (М., 1634) 337
- «Азбуковник» 182, 306, 336, 435, 647, 656, 657
- «Азбучный патерик» 123, 333
- «Азбучный письмовник» 178, 179, 182, 184, 186, 188, 215, 370—372, 571, 588, 598, 611, 640, 645—647, 650—653, 659, 662
- «Акт о Калеандре и Неонилде» 438, 442, 443, 450, 451, 453—456, 459
- «Акт о Кире и Тамире» 450, 451, 459
- «Александрия» 67, 70, 71, 116, 140, 408, 515, 517, 520, 554, 555, 561
- «Алфавит», см. «Азбуковник»
- «Алфавитный патерик» 121, 122
- «Анфитрион» 450, 458
- «Анфологион» (М., 1660) 321, 690
- Апокалипсис 121, 477
- «Апокалипсис» с толкованиями Андрея Кесарийского 122
- Апокриф о Енохе 70
- «Апостол» 116, 123

* Указатель составила Е. В. Зуевская.

- «Апостол» (Вильно, 1591) 670—675
 «Апостол» (Вильно, 1592) 670—674
 «Апостол» (Вильно, после 1595) 670—673
 «Апостол» (Львов, 1574) 285, 294, 296, 297, 307, 308, 670—672
 «Апостол» (М., 1564) 264, 281, 283—296, 299, 301, 303—305, 307—309, 311, 670—672
 «Апостола Паула» 103
 «Апофегмата» 420
 «Арифметика» 651
 «Арифметика» Леонтия Магницкого (М., 1703) 463, 470, 483
 «Артаксерксово действо» 431—433, 443, 448—450, 457, 458, 505, 506, 508—510, 512, 713
 «Артистона» А. П. Сумарокова 438, 443—449
 «Архангельское евангелие» 69, 70
 «Афанасьевский сборник» 436, 659

Б

- «Беседа» Василия Великого о лихоимстве 691, 697
 «Беседа трех святителей» 651
 Библия 35, 466, 469, 676
 «Библия» Геннадия 281
 «Библия» (М., 1663) 388, 393, 394, 483
 «Библия» (Острог, 1581) 105, 294, 550
 «Библия» Франциска Скорины (Прага, 1517—1519) 276—280
 «Богословие» Иоанна Дамаскина 117
 «Богословское учение...» Феофана Прокоповича (М., 1785) 456
 «Богословца от словес» 118
 «Большая челобитная» Ивана Пересветова 503
 «Букварь» Кариона Истомина 437
 «Букварь языка словенска» (М., 1679) 388, 391, 437
 Былина о Вавиле-скоморохе 306, 312

В

- «Валаамская беседа» 186, 196
 «Великие Минеи Четьи» 103, 179, 181, 182, 201, 203, 214, 264, 286, 301, 334, 466, 472, 481, 483, 501, 550, 553, 644, 677, 711
 «Великое Зерцало» 509, 554
 «Венчание на царство Мануила» 507

- «Вертоград многоцветный» Симеона Полоцкого 388, 394, 396, 398, 414, 420—425
Вестовое письмо подьячего об Украине 381
«Вечеря душевная» Симеона Полоцкого (М., 1683) 397, 398, 406, 414—418, 485
«Владими́ро-Суздальская летопись» 140
«Властотворный образ...» Митрофана Довгалевского 491
«Возглашение...» Иоакима 711
«Возглашение» Никона 704, 711
Вопрос, «что есть маммонна неправедный» 98
Вопросы и ответы Афанасия Александрийского 683, 704
Вопросы и ответы Иустина Философа 690
«Восколебалося море» 467
«Воскресенская летопись» 253
«Временник» Ивана Тимофеева 511, 515—517
«Выголексинский сборник» 98, 123

Г

- «Гаерская свадьба» 459
«Галицко-Волынская летопись» 159, 160
«Галичское евангелие» 122
«Гистория о Дикаронии» 450, 452—454
«Гистория об Александре», см. «Повесть об Александре»
«Главизны» Максима к Елпидию 691
«Главизны» Нила о молитве 691
«Главы поучительныя» Нила 691
«Голубиная книга» 547
«Грамматика» 338, 678
«Грамматика» Мелетия Смотрицкого (М., 1648) 435, 463, 472, 483, 674, 677
Грамоты
— Афанасия Холмогорского 383
— Нектария Иерусалимского 689
— Паисия Константинопольского 711
— Парфения Константинопольского 689
— Феофана Иерусалимского 382, 383
«Грациан, придворный человек» (СПб., 1742) 450
«Грешных спасение» 439

Д

- «Двинская летопись» 386
«Действие в персонах о короле гишпанском» 450, 458
«Действие о Фониалде и Фелдегмере» 450, 452, 454
«Действо о Праскевии» 450
Деловая память 1578 г. 311
«Деяния» Виленского собора 290
«Диалектика» 329, 338
«Домострой» 182, 218, 254
«Домострой» Кариона Истомина 437
«Драгья смеяныя» 450, 458
Драма, см. Пьеса
«Древняя российская вивлиофика» (М., 1788—1790) 214, 645

Е

- «Египетский патерик» 120
«Езоповы басни...» (СПб., 1747) 483
«Есиповская летопись» 339
«Ефремовская кормчая» 118

Ж

- «Жалобная комедия об Адаме и Еве» 431
«Жатва торжественная» Стефана Яворского 472
«Жезл правления» Симеона Полоцкого 388, 389, 392, 393, 395—397, 407—414, 417—419, 421, 550, 678
«Житие» Аввакума 92, 377, 388, 397—400, 511, 521, 542, 549, 551
«Житие Авраамия Смоленского» Ефрема 83, 88, 477, 483
«Житие Александра Невского» 156, 159, 161—165, 171, 172, 222, 301, 500, 537, 553
«Житие Алексея человека Божия» 321, 690
«Житие Андрея Юродивого» 686
«Житие Артемия Веркольского» 649
«Житие Варлаама и Иоасафа» Иоанна Дамаскина 119
«Житие Варлаама Хутынского» 302
«Житие Василиска» 103
«Житие Василия и Капитона» 120
«Житие Василия Нового» 123
«Житие Вита» 83, 88, 101

- «Житие Германа Соловецкого» 383
«Житие Григория Богослова» Григория Нисского 691
«Житие Дионисия Троице-Сергиева» Симона Азарьина 384
«Житие Дмитрия Ивановича», см. «Слово о житии...»
«Житие Евфимия Новгородского» 468, 483
«Житие Екатерины» 690
«Житие Еразма» 83, 88
«Житие Зосимы и Савватия Соловецких» 300
«Житие Иоанна Богослова» 116
«Житие Иоанна Воина» 705
«Житие Иоанна Златоуста» Георгия Александрийского 327, 676
«Житие Иоанна и Логгина Яренгских» 383
«Житие Иоанна Милостивого» 468
«Житие Иова» 83, 88, 102
«Житие Ионы Новгородского» 187, 301
«Житие Иосифа Волоцкого» Саввы Крутицкого 300
«Житие Иринии Мегидской» 72—74, 102
«Житие Кирилла Белозерского» Пахомия Сербя 187
«Житие Константина Философа» 101
«Житие Леонтия Ростовского» 481, 485, 500
«Житие Макария Римского» 468, 471, 485
«Житие Марии Египетской» Софрония Александрийского 676
«Житие Мефодия Моравского» 70, 469
«Житие Михаила Клопского», см. «Повесть о житии Михаила Клопского»
«Житие Михаила Малеина» 336
«Житие наше пара» Симеона Полоцкого 438
«Житие Николая Мирликийского» 103, 105, 114, 116, 119, 125, 321, 327, 706
«Житие Николы Чудотворца», см. «Службы, житие и чудеса Николы Чудотворца»
«Житие Никона Радонежского» 709
«Житие Нифонта Новгородского» Василия-Варлаама 250—252
«Житие Саввы Звенигородского» 300
«Житие Саввы Освященного» Кирилла Скифопольского 116, 120, 121, 123
«Житие Сергия Радонежского» Епифания Премудрого 187, 501, 502, 677
«Житие Софрония Врачанского» 520
«Житие Стефана Пермского» Епифания Премудрого 500
«Житие Февронии» 83, 87, 88, 90, 101, 466
«Житие Феодора, Константина...» 120
«Житие Феодора Едесского» 399
«Житие Феодора Стратилата» 690

- «Житие Феодора Студита» 103, 123
 «Житие Феодора Тирона» 698
 «Житие Феодосии» 83, 91, 152
 «Житие Феодосия Печерского» Нестора 79, 81, 82, 97—99, 102, 104, 105, 112, 116, 117, 120, 121, 140, 500
 «Житие Христофора» 83, 88, 100, 152

З

- «Задонщина» 130, 141, 171—176, 239, 255, 257—264, 266—268, 270—275, 514, 519, 521, 528, 547, 555
 Записка Аввакума о Пашкове 375—378, 380, 382, 384
 Записка Аввакума о пустозерских узниках 376, 508, 511
 Записка Акима Недовескова о начале мора 381
 Записка Иннокентия о Пафнутии Боровском 471, 484
 Записка о польском походе Алексея Михайловича 385
 Записка приказного человека о стрелецком бунте 386
 «Записки» Ивана Неплюева 450, 453
 Запись об избрании Иоасафа в митрополиты 203
 «Зде пришед молитву сотворяй» 373
 «Зерцало богословии» Кирилла Транквиллиона 264
 «Златое иго супружества» 481, 483
 «Златоструй» Иоанна Златоуста 115, 116
 «Златоструй с Торжественником» 121
 «Златоуст» 123, 298
 «Злобное примирение» М. В. Ломоносова 479
 «Зографское евангелие» 104
 «Зряй, человек, сию главу» 394
 «Зрелище жития человеческого» 507

И

- «Иерусалимский патерик» 333
 «Изборник» 1073 г. 105, 108, 117, 120, 121, 123, 124
 «Изборник» 1076 г. 117, 469, 470, 483
 «Извещение чудесе...» (М., 1677) 388, 389, 392, 393
 «Изложение вкратце» Анастасия Антиохийского и Кирилла Александрийского 682, 710
 «Изложение главизн поучительных» Агапита Иустиниану 690
 «Измарагд» 554
 «Иноческий потребник» (М., 1639) 338, 676, 682

- «Инструкции разные до панов...» 656
«Иоанн Предтеча в пустыне», икона 369
«Иоасафовская летопись» 302
«Ипатьевская летопись» 149, 154—156, 160, 162, 524
«Истинная политика знатных...» (СПб., 1737) 450, 456
«Историческое описание одного театрального действия...» 450, 456
«История» Авраамия Палицына, см. «Сказание» Авраамия Палицына
«История Иудейской войны» Иосифа Флавия 116, 133, 134, 140, 144, 151, 159, 553
«История о Варлааме и Иоасафе» 392, 393, 437, 679
«История о Давиде и Соломоне» 453
«История о Казанском царстве», см. «Казанская история»
«История о Париже и Вене» 450, 452, 455
«Иудифь» 277, 279, 450, 457

К

- «К Пахомию» М. В. Ломоносова 478
«Казанская история» 90—91, 209, 255—264, 300, 305, 306, 341—344, 347—349, 353, 366, 500, 553
«Казанский летописец», см. «Казанская история»
«Каким образом писать и к кому письма» 179, 640, 651, 652, 668
Канон Борису и Глебу 542
«Канонник» (М., 1636) 337
«Киево-Печерский патерик» 333, 553
«Киевская летопись» 130, 140, 159—163, 175, 176
«Кириллова книга» (М., 1644) 388, 390, 393, 680
«Ключ разумения» (Киев, 1659) 395
«Книга бесед» Аввакума 377, 467
Книга бесед и переводов Симеона Полоцкого 545
«Книга глаголемая Листовня» 218
«Книга» Илариона Великого 118
«Книга» Ипполита, см. «Слово об антихристе»
«Книга Катихасис» 710
«Книга» Козмы Индикоплова, см. «Космография»
«Книга, нарицаемая Рай» Нила или Ионы Геометра 691
«Книга о вере» Нафанаила 676
«Книга о исхождении святого Духа» Симеона Полоцкого 406, 414
«Книга о сивиллах» Николая Спафария 388, 391
«Книга о скудости и богатстве» И. Т. Посошкова 470, 483

- «Книга толкований» Аввакума 399
 «Книга Паломник» Антония Новгородского 167
 «Книга письмовник» 662
 «Книга приветствы» Симеона Полоцкого 406
 «Книга пророков» 116
 «Книги» Иоанна Дамаскина (М., 1665) 695
 «Коло в мире превращает» 394
 «Комарик к мухе убирался» 467
 «Комедия о Фарсоне» 453
 «Комедия об Индрике и Меленде» 450—453
 «Комидия притчи о блуднем сыне» Симеона Полоцкого 406, 422, 423, 425, 431, 450, 458
 «Кормчая» 124
 «Космография» Козмы Индикоплова 116, 122
 «Космография» Мартина Бельского 329
 «Краткое руководство к красноречию» М. В. Ломоносова 475, 481, 482
 «Крины сельные» 436
 «Круг миротворный» 675

Л

- «Лаврентьевская летопись» 143, 149, 150, 154, 156, 162—164
 «Лексикон трязычный» Федора Поликарпова (М., 1704) 466, 483
 «Лествица» 675
 «Лествица подвижничества» 394
 «Летописец начала царства» 286, 287, 289, 290, 291, 302, 303, 306
 «Летописная повесть» о Куликовской битве 237, 238, 519
 «Лимонарь», см. «Синайский патерик»
 «Лимонарь, сиречь Цветник» (Киев, 1628) 333
 «Лицевой летописный свод» 306
 «Логика» 338, 339
 Любовное письмо Митрофана 370

М

- «Маргарит» 676
 «Маргарит» (М., 1641) 327
 «Маргарит» (Острог, 1595) 327
 «Месна правдивый» (Киев, 1669) 395
 «Меч духовный» (Киев, 1666) 395
 «Минеи четьи», см. «Четьи минеи»

- «Мир с Богом человеку» (Киев, 1669) 395
«Мировулия Тассалина причты...» 456
«Мирской потребник» (М., 1639) 676, 687
«Многосложный свиток» 698, 702
«Многоцветный вертоград», см. «Вертоград...»
«Моление Даниила Заточника» 153, 192, 213, 214, 408, 472, 478, 484, 503, 521
«Молитва» Илариона 136
Молитва Димитрия Кантакузина к Богородице 691
«Молитвослов» (Венеция, 1520) 283, 284, 303, 304
«Московско-Академическая летопись» 128
«Московский летописец» 511
«Мучение», см. «Житие»
«Мызгирь» 467

Н

- «На великом добре не погибают ли» 370
«Надпись на оказание высочайшей милости...» М. В. Ломоносова 474
«Наставление, как писать... письма» 657
«Наука о писании... писем» 657
«Небеса» Иоанна Дамаскина 698, 702
Немецко-русский словарь 651
«Неозаглавленный письмовник» 175, 179—183, 185, 187—200, 203, 571, 574, 576, 579, 605, 640, 641, 643, 653, 654, 661—663
«Никита-воин», икона 369
«Никоновская летопись» 286, 288, 289, 305
«Новая повесть о православном Российском царстве» 361—368
«Новгородская Карамзинская летопись» 128, 130
«Новгородская первая летопись» 129, 130, 176
«Новгородская Хронографическая летопись» 130
«Номоканон» 686, 688

О

- «О меду» 102
«О Навходоносоре-царе» Симеона Полоцкого 406, 422, 423, 431
«О побоище, иже на Дону» 519
«О позорищных играх» 451, 456
«О пользе театральных действий» 451, 456
«О премудрей Июдифе» 461
«О рахманех» Палладия Еленопольского 71

- «О Сарпиде, дуксе ассирийском» 451, 453, 454, 457, 493, 496
 «О священной обители Ивирской» 690
 «О сложении перстов» 711
 «О сотворении мира» Аввакума 465
 «О Франталпее, короле эфирском» 451, 458
 «Обед душевный» Симеона Полоцкого (М., 1681) 388, 389, 392—395, 397, 398, 414, 417, 419, 485
 «Образ победонося...» Исаакия Хмарного 460
 Образцы посланий «грешного Иванны» 200
 «Общая минея» (М., 1635) 337
 «Общая минея» (М., 1637) 333, 338
 «Осмогласник» (Цетинье, 1494) 284
 «От любомудрец хотящим... послания составлять» 647
 «От приветственных неких писаний...» 657
 «От художества своего... письма писать» 658
 «Ответы Максима Грека “о грамматикии...”» 678
 «Откровение» Мефодия Патарского, см. «Слово о царствии язык...»
 Отписка Юрия Буиносова 379

П

- «Пандекты» Антиоха Черноризца 115, 117, 124, 465
 «Пандекты» Никона Черногорца 117, 124
 «Паренесис» Ефрема Сирина 115, 116, 274
 «Партикулярные письма» 657
 «Пентатеугум» Андрея Белобочского 439
 «Первые основания металлургии» М. В. Ломоносова 476
 Перевод Евангелия от Матфея, с предисловием Силуяна 678
 Песня об убийстве Димитрия 367
 «Петр Великий» М. В. Ломоносова 480
 «Писание о преставлении и о погребении Михаила Скопина-Шуйского» 363, 364, 367
 «Письма разных сочинителей» 658
 Письмо Аввакума Ивану Неронову 377
 Письмо Владимира Мономаха Олегу Святославовичу 530
 Письмо Ермолая Фалалею, соч. Н. И. Новикова 214
 Письмо Ивана Неронова Стефану Вонифатьеву 380
 «Письмо к г. В. ...» М. В. Ломоносова 475
 Письмо Михаила Салтыкова 368
 Письмо Тарасия редактору, соч. Н. И. Новикова 214

- «Плач Великой княгини по мужу» 255, 261
- «Повесть Волота Волотовича» см. «Голубиная книга»
- «Повесть временных лет» Нестора 15, 41, 43, 55, 56, 61, 66, 83, 87, 88, 90, 91, 98, 102, 104, 116, 120, 122, 125, 143, 146, 148, 150, 151, 154, 160, 176, 222, 249, 261, 336, 470, 484, 514, 515, 529, 530, 562—564
- «Повесть, известно сказуема на память Димитрия» Семена Шаховского 212, 213
- «Повесть, како восхити...» 367
- «Повесть книги сея» Ивана Катырева-Ростовского или Семена Шаховского 385, 549
- «Повесть о Авраамии» Ефрема 84
- «Повесть о Басарге», см. «Повесть о Дмитриии Басарге»
- «Повесть о бражнике» 371, 553
- «Повесть о Вавилонском царстве», см. «Слово о Вавилоне»
- «Повесть о Варлааме и Иоасафе» Иоанна Дамаскина 145, 392, 472, 484, 679
- «Повесть о взятии Царьграда турками» Нестора-Искандера 241, 256, 260, 271, 341, 547
- «Повесть о внезапной кончине Михаила Федоровича» 335
- «Повесть о Горе-Злочастии» 371, 500, 528, 548, 656
- «Повесть о Григории папе римском» 271
- «Повесть о Давиде и Соломоне» 270, 272—274, 547
- «Повесть о двенадцати снах Мамера» 274
- «Повесть о Дмитриии», см. «Повесть известно сказуема на память Димитрия»
- «Повесть о Дмитриии Басарге и о сыне его Борзосмысле» 271, 467, 484, 548
- «Повесть о Довмонте» 84, 91, 222
- «Повесть о Дракуле» 234, 270, 349
- «Повесть о Епифане Кипрском» Поливия 145
- «Повесть о житии Михаила Клопского» 300
- «Повесть о зачале Москвы», см. «Повесть о начале Москвы»
- «Повесть о Мелюзине» 507
- «Повесть о начале Москвы» 385
- «Повесть о начале Псковского Печерского монастыря» 189, 642
- «Повесть о новгородском белом клобуке» 299, 642
- «Повесть о Петре и Февронии» 251, 252, 264, 503, 537
- «Повесть о поплнении Тройском» 84, 91
- «Повесть о поучении Иоанна Милостивого попам» 686
- «Повесть о прихождении Стефана Батория на град Псков» 84, 91, 349—354, 356, 357
- «Повесть о разорении Рязани Батыем» 84, 88, 144, 155, 261, 264, 343, 514, 557

- «Повесть о разуме человеческом» 357
«Повесть о Савве Грудцыне» 269, 500, 501, 503, 553
«Повесть» о сватовстве Вальдемара к Ирине Михайловне 385
«Повесть о скончании живота...», см. «Повесть о Епифане Кипрском»
«Повесть о Соломоне и Давиде», см. «Повесть о Давиде»
«Повесть о Тверском Отроче монастыре» 84, 88, 528, 548
«Повесть о Темир-Аксаке» 273
«Повесть о Франце-Имензолеусе» 451, 459
«Повесть о шляхетском сыне» 451, 459
«Повесть о явлении Богородицы у веси Воронач» 647
«Повесть об Азовском взятии» 274, 340, 500, 547, 548
«Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков» 182, 364, 386, 500, 514, 547, 548
«Повесть об Акире Премудром» 272
«Повесть об Александре-кавалере» 438, 450, 459
«Повесть об осаде Пскова Стефаном Баторием», см. «Повесть о прихождении...»
«Повесть об Оттоне» 438
«Повесть об убиении Андрея Боголюбского» 105, 111, 112
«Повесть об Улиянии Осорьиной» 369, 500
«Полис» Кариона Истомина 437
«Полное собрание всех сочинений...» А. П. Сумарокова (М., 1787) 486
«Пописи и склады» 651
«Послания различна» 653
«Послание Даниила Заточника» см. «Моление»
«Послание дворительное недругу» 216, 370, 648
«Послание дворянина дворянину» 216, 370
Послание-донос Симону Казанскому 648
Послание заключенному, юмористическое 603
«Послание к звавшим» 373, 603
Послание неизвестного эмигранта Макарию 182, 184, 210
Послание-похвала Василию III 601
Послание-похвала Ивану Грозному 209, 210, 302, 601
«Послание сына, от наготы гневнаго» 602
«Посланием начало» 178, 179, 181, 184, 186—188, 201—203, 208, 213—216, 571, 580, 608, 640, 644—646
Послания
— Аввакума 378
— Андрея Курбского 216, 410
— Антиоха Черноризца 116, 117

-
- Артемия 308, 410
 - афонских монахов 682
 - Василия Новгородского 180, 189
 - Вассиана Рыло 185, 193, 253, 466, 484, 506, 507, 509
 - Григория Двоеслова 698, 701
 - Дмитрия Старого 647
 - Зиновия Отенского 702
 - Ивана Неронова 381
 - Илариона Великого 118, 685
 - Иоакима 682
 - Иоанна Лествичника 116
 - Иоасафа 679
 - Иосифа Волоцкого 644, 647, 653
 - Иосифа Киевского 290
 - Ипатия Потя 410
 - Константина Острожского 681
 - Максима Грека 202, 290, 711
 - Мелетия Александрийского 681
 - Никиты Пустосвята 704
 - Никифора Киевского 121, 122
 - Никифора Ксанфопула 703
 - острожского клирика 410, 411
 - Паисия Константинопольского 703
 - Савватия 370
 - Сильвестра Благовещенского 184, 203, 215
 - Симона 643
 - Федора Карпова 205, 213
 - Феодосия Новгородского 182, 184, 195, 202, 203
 - Филофея Константинопольского 312, 709
 - Фотия 642
 - Фотия Константинопольского 682
 - Якова 481, 484
- «Последование молебного пения» (М., 1677) 682
- «Постная триодь» (М., 1677) 310, 676
- «Поучение» Владимира Мономаха 102, 105, 108, 109, 116, 120, 138, 501, 530
- Поучение «еже убо правоверну веру имети» 98
- Поучение Иоакима (М., 1677) 292, 682
- Поучение Иоанна Златоуста к женам 687
- Поучение Иосифа «всему священному чину» 696

- «Поучение к людям о вере» 120
«Поучение на апостола или на мученика» Климента Охридского 97
«Поучение на память Димитрия Солунского» Димитрия Ростовского 472
«Поучение о благоговейном стоянии...» (М., 1674) 406, 415—419
«Поучение от персов...» Симеона Полоцкого 415, 416
«Поучение учителя ко учеником» 437
Похвала Василию III 208
«Православное исповедание веры» Петра Могилы (М., 1696) 689
«Предисловие к Царьственной книге» Савватия 338
«Предисловия многоразлична» 481, 484, 655
«Прение» Авраамия с «властями» 430
«Прение верного инока с отступником» 430
«Прение Григория Амиритского с Ерваном» 338
«Прение с Афанасием Иконийским» Федора Иванова 430
«Приклады, како пишутся комлементы...» 657
«Примечании» к Санкт-Петербургским ведомостям (СПб., 1733, 1738, 1739)
450, 451
«Принц Пикель-Гяринг» 451, 458
«Присылание» Антиоха Черноризца, см. Послания
«Притча о старом муже» 547
«Прóлог» 116, 122, 298, 315—321, 334—336, 550, 551, 554, 676
«Прóлог» (М., 1641) 318—320, 322, 324, 325, 329—335
«Прóлог» (М., 1642—1643) 316, 318—320, 322, 324, 336, 340
«Прóлог» (М., 1659—1660) 318, 321, 322, 324
«Прóлог» (М., 1661) 318, 323, 324
«Прóлог» (М., 1675—1677) 316, 318, 323
«Прóлог» (М., 1685) 318, 323
«Прóлог» (М., 1689) 318, 323
«Прóлог» (М., 1696) 318, 323
«Прóлог» (1702) 318, 324
«Прóлог» (1718) 318, 484
«Прóлог» (1723) 324
«Прóлог» (1817) 316
«Просветитель» Иосифа Волоцкого 685
«Псалтырь» 266, 269, 277—279, 676
«Псалтырь» в переводе Максима Грека 306
«Псалтырь» (М., 1568) 293, 294, 309
«Псалтырь» (М., 1577) 309, 310, 314
«Псалтырь» (Цетинье, 1495) 303

- «Псалтырь рифмотворная», см. «Рифмотворная псалтырь»
«Псалтырь с толкованием» 115, 116, 298, 300
«Псковская первая летопись» 224—226
«Псковская вторая летопись» 62, 175, 220, 222—226
«Пустозерский сборник» 388
«Пчела» 40, 100, 104, 151, 184, 481, 484
Пьеса о воцарении Кира 482, 484
Пьеса о Петре Златых Ключей 454
Пьеса о царице и львице 460

Р

- «Разговор о пользе наук» В. Н. Татищева 451, 456, 457
«Различны послания святителей...» 644
«Разсуждение о книзе соломоновой» Феофана Прокоповича (М., 1774) 456
«Рай мысленный» (Ивер, 1658—1659) 393, 689
Рассказ о смерти Пафнутия Боровского, см. Записка Иннокентия
«Рассуждение о безбожии» Феофана Прокоповича (М., 1774) 451
«Рафли» 675
Речь Феофана Прокоповича о смерти Петра 451
«Римские деяния» 546
Рисунок Василия Кондакова 401, 402
«Риторика» 329, 659
«Риторика» Порфирия Крайского 470
«Рифмологион» Симеона Полоцкого 388, 396—398, 414, 422, 554
«Рифмотворная псалтырь» Симеона Полоцкого 388, 390, 393, 394, 396, 397, 399, 463, 464
«Роспись» Федора Трофимова о Никоне 381
Рукописи БАН
— 4.7.25 (Воронц. 4) 654
— 16.16.23 650
— 16.17.29 572, 645, 665
— 19.2.8 370
— 21.8.5 (Сев. 644) 656
— 23.6.17 (Колоб. 165) 659
— 26.3.45 656
— 31.5.20 657
— 32.2.22 267
— 33.15.137 434
— 38.7.28 (Плюшк. 269) 651

- 45.8.181 658
- 45.10.9 656
- 45.12.108 651
- 45.12.237 547
- собрание Архангельского Древлехранилища № 193 302
 - № 527 199, 213, 572, 643, 647, 649, 655, 657, 664
- собрание Архангельской семинарии № 210 657, 664
- собрание Археографической комиссии № 33 (161) 651
- собрание Никольского № 1 121, 122
 - № 45 211, 572, 645, 646, 665, 666
- собрание Текущих поступлений № 613 199, 213, 572, 664

Рукописи ГИМ

- собрание Барсова № 181 572, 643, 665
 - № 470 370, 373, 654
 - № 471 656
 - № 1861 656
 - № 2280 651
 - № 2288 656
 - № 2317 651
 - № 2320 651
 - Доп. № 2743 651
- собрание Вахрамеева № 576 657
 - № 1044 650
- собрание Воскресенское № 30 117
- собрание Забелина № 2.Г 651
 - № 320 (659) 658
 - № 385 651
 - № 436 213, 373, 654
 - № 456 572, 648, 668
 - № 579 659
- собрание Музейское № 866 658
 - № 1009 190
 - № 1358 659
 - № 1465 658
 - № 1666 651
 - № 1686 651
 - № 3332 658
- собрание Синодальное № 58 327, 336, 338
 - № 126 327

- № 127 327
- № 183 572, 643, 665
- № 202 298
- № 204 437
- № 210 299
- № 216 300
- № 229 406
- № 241 320
- № 248 318
- № 275 298
- № 288 406
- № 289 406
- № 321 300
- № 326 298, 300
- № 331 298, 304
- № 562 180, 181, 190, 199, 572, 643, 664
- № 657 415
- № 660 545
- № 722 299
- № 755 299
- № 790 267
- № 791 572, 644, 665
- № 837 299
- № 838 299
- № 933 329
- № 951 302
- № 997 298, 572, 643, 644, 665
- собрание Уварова № 7 655
 - № 609 649
 - № 616 572, 648, 667
 - № 626 651
 - № 780 651
 - № 794 651
 - № 848 211, 216, 572, 649, 668
 - № 1363 (16) 337
- собрание Чудовское № 359—57 370, 655
- собрание Щукина № 156 652
 - № 157 652
 - № 160 656

- № 433 572, 649, 668
- № 468 572, 645, 646, 665, 666

Рукописи ИРЛИ

- 552.0.312. 659

Рукописи РГАДА

- собрание Мазурина № 336 658
 - № 1054 653
- собрание Оболенского № 51а 201, 213, 215, 572, 644, 665
- собрание рукописного отдела МГАМИД № 913 (1479) 652
 - № 914 (1480) 211, 372, 572, 648, 666, 667
- фонд 1182, опись 1, № 34 696

Рукописи РГБ

- собрание Амфилохия № 16 298
 - № 72 (777) 652
- собрание Андропова № 2 339
- собрание Беляева № 52 (1561) 652
 - № 56 (1566) 572, 649, 668
- собрание Большакова № 27 298
 - № 38 572, 646, 666
 - № 58 456
 - № 182 298
 - № 385 437
- собрание Вологодское № 19 298
- собрание Григоровича № 52 (1734) 178, 662
 - № 57 (1739) 654
- собрание Иосифо-Волоколамского монастыря № 8 298
 - № 462 298
 - № 534 298
 - № 629 298
- собрание Московской духовной академии Фунд. № 58 121—123
 - № 199 329, 336
- собрание Музейное № 417 333
 - № 1832 123
 - № 1842 (327) 572, 649, 668
 - № 3271 511
 - № 3757 298
 - № 4720 298
 - № 6456 298
 - № 6671 652

- № 6978 652
- № 7066 (30) 213, 571, 572, 642, 664
- № 7751 265, 328, 337
- № 8424 512, 713
- собрание Общества истории и древностей российских № 381 652
 - № 437 658
- собрание Разумовского № 16 219
- собрание Рогожского кладбища № 32 298
 - № 128 298
- собрание Рукописного отдела № 101 572, 648, 667
 - № 405 299
 - № 475 652
- собрание Румянцева № 2 329
 - № 118 298
 - № 125 298
 - № 182 298
 - № 209 298
 - № 227 388
 - № 274 298
 - № 280 456
 - № 326 654
 - № 331 298
 - № 365 651
 - № 369 326, 327
 - № 411 388
 - № 454 266
- собрание Тихонравова № 380 182, 184, 185, 188, 199, 213, 370, 373, 572, 643, 654, 664
 - № 411 656
- собрание Троице-Сергиево № 9 119, 123
 - № 12 117, 125
 - № 70 120
 - № 79 298
 - № 90 298
 - № 297 (1262) 647, 667
 - № 466 298, 299
 - № 568 298
 - № 665 335
 - № 702 333

- № 727 334
- № 808 (1008) 372, 648, 667
- собрание Ундольского № 632 270, 271, 521, 547
 - № 719 299
 - № 876 572, 646, 666
 - № 1072 371, 650
 - № 1079 219, 662
 - № 1302 642, 664
 - № 1842 572
- собрание Шибанова № 294 (6294) 652
 - № 431.3 372, 572, 648, 667

Рукописи РНБ

- О.I.1420 658
- О.XV.2 182, 183, 210, 653
- О.XVII.53 658
- О.XVII. 86 657
- О.XVII.189 658
- О.XVII.200 657
- О.XVII.207 657
- Q.III.6 434
- Q.XV.15 (Богдан. 45) 657, 664
- Q.XVII.7 549
- Q.XVII.15 199, 572, 642
- Q.XVII.33 339
- Q.XVII.50 208, 213, 572, 643, 645, 665
- Q.XVII.64 653, 654
- Q.XVII.67 182—184, 188, 211, 653
- Q.XVII.77 650
- Q.XVII.149 182, 216, 572, 646, 666
- Q.XVII.192 572, 647, 666
- Q.XVII.278 652
- Q.XVII.305 572, 642, 663
- F.III.103 (Буслаев 84) 652
- F.III.124 182, 183, 654
- F.III.126—125 572, 647, 666
- F.XIV.73 434
- F.XVII.1 652
- F.XVII.23 572, 644, 665
- F.XVII.53 652

- F.XVII.98 658
- собрание Вяземского 0.24 657
- 0.82 657
- собрание Колобова № 413 657
- собрание Михайловского № 521 434
- Q.537 656
- собрание Общества любителей древней письменности Q.966 (1045) 572, 648, 668
- собрание Погодина № 58
 - № 1403 385
 - № 1606 572, 649
 - № 1773 656
- собрание Санкт-Петербургской духовной академии № 270 199, 572, 642, 663
 - № 430 182, 209, 217, 572, 643, 653, 664
- собрание Соловецкое № 182 383, 384
- собрание Софийское № 45 298
 - № 76 300
 - № 1255 298
 - № 1327 298
 - № 1444 186, 198, 572, 641, 663
 - № 1454 199, 643, 664
 - № 1480 572, 646, 666
 - № 1503 292
 - № 1546 211, 215, 371, 372, 572, 647, 667
- собрание Титова № 112 370
 - № 1121 654
 - № 1435 213
- собрание Тиханова № 657 652
- собрание Эрмитажное № 22 650

Рукопись

- Владимирского историко-художественного музея № 5636/396 294, 295
- Кировской областной библиотеки № 52 (38) 657
- Костромской областной научной библиотеки № 247 657
- Псковского областного краеведческого музея № 212 658
- Российского гос. исторического архива СПб., собрание Синода № 1671 658

- Тверского областного архива № 1158 658
 — Фундаментальной библиотеки общественных наук В. 107.
 Ред. ВХ. 513 218

С

- «Самуила Пуфендорфа о должности человека...» (СПб., 1726) 450, 451
 «Сатира» Антиоха Кантемира, вторая 452
 Сборник 10 поучений (М., 1643) 696
 Сборник записей Семена Хломова 649
 Сборник Кириши Данилова 521
 Сборник Михаила Крабова 325, 326
 Сборник переводов Арсения Грека (М., 1660) 321, 690
 Сборник переводов Епифания Славинецкого (М., 1665) 390, 691
 Сборник пословиц 1741 г. 466
 Сборник 71 слова (М., 1647) 696
 Сборник слов о поклонении иконам (М., 1642) 701
 Сборник сочинений Симеона Полоцкого 485
 «Свобождение Ливонии» 84, 88
 «Своеручные записки» Н. Б. Долгорукой 451, 453
 «Святцы» (М., 1639) 325, 337
 «Семь смертных грехов» 394
 «Сильвестровский сборник» 103
 «Символы и эмблемата» (Амстердам, 1705) 482, 484
 «Синайский патерик» 333
 «Синаксарь» Ильи Грека 317
 «Синописис» Иннокентия Гизеля (Киев, 1674) 646
 «Сказание» Авраамия Палицына 84, 90, 91, 294, 369, 465, 550, 554
 «Сказание известно о воображении книг...» 292
 «Сказание известно» о поставлении Филарета 382, 383
 «Сказание известно» о чудесах иконы Богородицы «Римляныни» 698
 «Сказание, како состави Кирил Философ азбуку...» 337, 676
 «Сказание» Кирилла Иерусалимского о восьмом веке 647, 680
 «Сказание начертанию епистолиям», см. «Азбучный письмовник»
 «Сказание о битве новгородцев с суздальцами» 222
 «Сказание о Борисе и Глебе» 83—114, 116, 123, 139, 261, 363, 364
 «Сказание о Вавилонском царстве» 273
 «Сказание о горе Афаонстей» Стефана Святогорца 689
 «Сказание о Куре и Лисице» 428
 «Сказание о Леонтии Ростовском», см. «Житие Леонтия Ростовского»

- «Сказание о Мамаевом побоище» 84, 90, 91, 173—176, 235—241, 255—264, 519
- «Сказание о начале Софии новгородской» 180, 189, 642
- «Сказание о птицах небесных» 549
- «Сказание» о смерти Левтасара 402
- «Сказание о Соловецком монастыре» 642
- «Сказание о составлении Псалтыри Давидом» 266—269
- «Сказание о сотворении Адама» 553
- «Сказание о черноризчтстве чину» Кирилла Туровского 105, 112
- «Сказание о чуде Варлаама Хутынского» Пахомия Серба 185, 193
- «Сказание об иконе Тихвинской Богоматери» 189, 323
- «Сказание об Индийском царстве» 548, 555
- «Сказание чудес Бориса и Глеба» 84, 87, 88, 105
- «Скитский патерик» 333
- «Скрижаль» (М., 1655—1656) 409, 702
- «Слова»
- Анастасия Синайского 697
 - Андрея Критского 84, 88, 145
 - Афанасия Александрийского 693, 695
 - Георгия Никомидийского 700
 - Германа Константинопольского 698, 701
 - Григория 323
 - Григория Антиохийского 84, 90
 - Григория Богослова 692, 697, 698, 700, 701
 - Григория Двоеслова 697
 - Григория Мниха 697
 - Григория Нисского 683, 687
 - Евсевия Самосадского 699
 - Епифания Кипрского 700
 - Ефрема Сирина 321, 699
 - Иакова Боровицкого 690
 - Илариона, см. «Слово о Законе и Благодати»
 - Иоакима 323
 - Иоанна Дамаскина 145, 212, 689, 697, 698, 701, 703
 - Иоанна Златоуста 84, 88, 97, 99, 100, 102, 105, 106, 108, 113, 117, 121, 125, 153, 323, 327, 469, 472, 691, 696—701
 - Иосифа Фесалоникийского 698
 - Ипполита Римского 117, 119, 122, 697
 - Кирилла Александрийского 696, 697, 699

- Кирилла Туровского 116, 121, 472, 698, 699—701
- Климента Охридского 98
- Константина Порфирогенита 701
- Максима Грека 202, 285, 306, 307, 472, 678, 681
- Моисея Выдубицкого 155
- Нектария Константинопольского 698
- Никона 690, 702
- Палладия Мниха 697
- Стефана Яворского 472, 473
- Тимофея Иерусалимского 699
- Тита Всторского 699
- Феодора Студийского 322, 698
- «Слова и речи» Феодана Прокоповича (СПб., 1761, 1765) 451
- «Слово избранно на латыню» 193
- «Слово» Мефодия Патарского, см. «Слово о царствии язык...»
- «Слово на Иоанна Воина» 705
- «Слово на Никиту Пустосвята» Иоакима (М., 1682) 704
- «Слово на пренесение мощей Николы Мирликийского» 706
- «Слово на тридневное воскресение Христа» 102
- «Слово на усекновение главы Иоанна Предтечи» 323
- «Слово некоего калугера о чтении книг» 117, 121
- «Слово о Вавилоне» 548
- «Слово о двою пустынноику» 322
- «Слово о еже не имети злобы» 323
- «Слово о житии Дмитрия Ивановича» 260, 472, 485, 500
- «Слово о Законе и Благодати» Иллариона 74—78, 101, 123, 135, 136, 528
- «Слово о Лазаревом воскресении» 125, 266—269
- «Слово о непокоряющихся монасех» 323
- «Слово о погибели Русской земли» 142—156, 159, 170—173, 176, 501
- «Слово о полку Игореве» 55, 84, 90, 91, 116, 125—144, 148, 149, 152—156, 172, 173, 255—270, 275, 299, 306, 467, 485, 500, 514, 522—527, 529, 530, 537—543, 553
- «Слово о трех мнисех», см. «Житие Макария Римского»
- «Слово о царствии язык...» Мефодия Патарского 68, 69
- «Слово об антихристе» Ипполита 120, 122
- «Слово» об убийстве Михаила 402
- «Слово объемля сложение книг...» 117
- «Слово от книг Исисхия» 125
- «Слово похвальное Кириллу и Мефодию» 106, 112

- «Слово похвальное на память Николы Мирликийского» 706
«Слово похвальное на пренесение мощей Бориса и Глеба» 84, 85
«Слово похвальное на пренесение мощей Николы Мирликийского» 706, 707
«Слово похвальное о чудесах иконы Богородицы Иверской» 690
«Слово похвальное» Фомы 472
Служба, житие и слово на Иоанна Воина (М., 1695) 705
«Служба кабаку» 388, 400, 401
«Службы, житие и чудеса Николы Чудотворца» (М., 1640) 326, 677, 705
«Службы, житие и чудеса Николы Чудотворца» (М., 1643) 105, 326, 677, 706
«Службы, житие и чудеса Сергия и Никона Радонежских» (М., 1646) 709
«Служебная минея» 332, 464, 469
«Служебная минея» (М., 1636) 333
«Служебная минея» (М., 1692) 484
«Служебник» (Венеция, 1519) 284
«Собирался комарик жениться» 467
«Собор в... Вильни...» (Львов, ок. 1614)
«Соборник» (Венеция, 1538) 304
«Соборное изложение» 1620 г. 338, 684, 689
«Собрание краткия науки о артикулях веры» (М., 1649) 709
«Собрание разных поучительных слов» Димитрия Ростовского (М., 1786) 485
«Собрание 4291 древних российских пословиц» (М., 1770) 484
«Созерцание краткое» Кариона Истомина и Сильвестра Медведева 549
«Сон Богородицы» 652
«Сословие имен по аз веди святых...» 678
«Софийская первая летопись» 84, 90, 177
«Софийская вторая летопись» 84, 91, 176, 177, 250
«Сочинение о святых тайнах» Гавриила Филадельфийского 704
«Сочинения и переводы...» В. К. Третьяковского (СПб., 1752) 486
«Старик скупой» 451, 458
Статейный список Алексея Михайловича о смерти Иосифа 385
«Статир» Потапа Игольнишникова 388, 400
«Степенная книга» 242—245, 247—248, 250—253, 264, 286, 290, 303, 306, 322, 341
«Стефанит и Ихнилат» 234, 470, 482, 486, 515, 517, 520
«Стихи на туясок» М. В. Ломоносова 463—471, 473—476, 478, 479, 483
«Стихи, научающие добронравию...» 455
«Стихи, сочиненные на дороге в Петергоф...» М. В. Ломоносова 478
Стихотворения Тихона Макариевского 437
«Стишной пролог» 334, 335

- «Стоглав» 283, 284, 287, 288, 290, 311
«Стоглав» Геннадия Константинопольского 691, 710
«Страшное изображение...» 511
«Строки начальные эпистолием...» 657
«Стукнуло-грянуло в лесе» 467
«Судные списки Максима Грека» 305
«Супрасльская рукопись» 116, 120, 121
«Сципио Африкан» 438, 440, 441, 451, 458

Т

- «Тамира и Селим» М. В. Ломоносова 480
«Таракан дрова рубил» 467
«Темир-Аксаково действо» 431
«Тестамент» Василия Льву Философу 710
«Тетрадь науки татарского языка» 549
«Титулярник» 507, 512
«Толкование на Псалтырь» Феодорита Киррского 116
«Толковая Книга пророков» 123
«Толковая псалтырь» 300
«Толковое евангелие» 184
«Толковый апостол» 116
«Толстовская псалтырь» 116
«Торжественник» 471, 486
«Трефологион» (М., 1637) 333, 335, 337
«Трефологион» (М., 1638) 292, 326, 337
«Три дня бани не топила» 467
«Троицкий сборник» 117
«Троянская история» 84, 91

У

- «Увет духовный» Афанасия Холмогорского (М., 1682) 550, 677, 711
«Ужасная измена...» 491
«Указание» Мелетия Александрийского о святом Духе 681
«Уложение Алексея Михайловича» (М., 1649) 320
«Умиленно зрение» 394
«Умозрительство душевное...» П. Буслаева (СПб., 1734) 451, 452, 454, 459
«Успенский сборник» 72, 73, 79, 83, 84, 117, 341, 466, 469, 471, 486
Устав Владимира Святого 302

- «Утвержденная грамота» об избрании Бориса Годунова 367, 368
«Учительное евангелие» Константина Болгарского 116

Ф

- «Физиолог» 481, 486

Х

- «Хождение» Агрефения 167, 507, 511
«Хождение» Александра 167
«Хождение» Афанасия Никитина 349, 514, 515, 517, 518, 520
«Хождение» Даниила 116, 119, 120, 151, 153, 154, 168, 169, 500, 503
«Хождение» Пимена 167
«Хождение» Стефана Новгородца 167, 168
«Хождение» Трифона Коробейникова 182
«Хрисмологион» Николая Спафария 507, 509
«Христианская топография», см. «Космография»
«Хроника» Георгия Амартола 43, 44, 71, 72, 116, 123, 131, 133—135, 137, 139, 140, 144, 471, 486
«Хроника» Иоанна Малалы 116, 119, 122
«Хроника» Константина Манассии 233
«Хронограф» 47, 260, 299, 336, 338—340, 353—555
«Хронограф» 1512 г. 139, 215, 227, 229—234, 243, 264, 347, 466, 486
«Хронограф» 1636 г. 185, 328, 370
«Хронограф» 1641 г. 264—267, 269, 270, 328
«Хронограф» 1679 г. 385

Ц

- «Царския вопросы...», см. «Стоглав»
«Царственная книга» 289, 305
«Цвет добродетели» 456
«Цветная триодь» (М., 1591) 293, 294, 309
«Цветная триодь» (М., 1604) 293, 294

Ч

- «Часовник» (М., 1565) 294, 308—310, 314
«Часовник» (М., 1577—1580) 310
«Часослов» (М., 1683) 437
Челобитные

- Аарона 382
- Аввакума 374—378, 380, 382, 384
- Андрея Шуйского 182, 184
- Варфоломея Соловецкого 380
- Войска донского 336
- Ивана Неронова 376, 382
- Ивана Пересветова, см. «Большая челобитная»
- Иоганна-Готфрида Грегори 713
- Лазаря 679
- ленских служилых людей 379
- Моисея 382
- Никиты Пустосвята 388, 679, 705
- Никона 378, 379
- псковского житничного ключника 182, 183
- Савватия 322
- старосты московской суконной сотни 380
- «Четвероевангелие» (Белград, 1552) 284
- «Четверострочия» Георгия Богослова 690
- «Четьи минеи» 116, 179, 484
- «Четьи минеи» Германа Тулупова 325, 326, 336
- «Четьи минеи» Димитрия Ростовского 324
- «Четьи минеи» Иоанна Милютинина 322
- «Чиновник» Иоакима 416
- Чины присяг (М., 1654) 676, 711
- «Чтение о Борисе и Глебе» Нестора 84, 88, 90, 103, 107, 110, 123, 152, 299
- «Чудовская псалтырь» 116, 117, 120

Ш

- «Шестоднев» 104, 336, 338
- «Шестоднев» (М., 1625) 328
- «Шестоднев» Василия Великого (М., 1665) 694
- «Шестоднев» Иоанна Экзарха 100, 106, 108, 109, 116, 124, 140, 153
- «Школьное благочиние» Прохора Коломнятина 433—437
- «Шутовская комедия» 451, 459

Э

- Элегия Стефана Яворского 478, 483
- Эпиграмма Марциала 474, 486

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА
Опыт типологии с XI по середину XVIII века
от Илариона до Ломоносова

Издатель А. Кошелев

Художественное оформление переплета
С. Жигалкина и Ю. Саевича

Корректор Т. В. Марелло

Подписано в печать 18.07.2003. Формат 70×100¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 61,275. Заказ №

Издательство «Языки славянской культуры».
ЛР № 02745 от 04.10.2000.
Тел.: 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153).
E-mail: lrc-kozlov@mtu-net.ru
Каталог в ИНТЕРНЕТ
<http://www.lrc-mik.narod.ru>

*

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел.: (095) 247-17-57, Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Зубовский б-р, 17, стр. 3, к. 6.
(Метро «Парк Культуры», в здании изд-ва «Прогресс».)

Foreign customers may order this publication
by E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru
or by fax: (095) 246-20-20 (for ab. M153).